

**ЕВГЕНИЙ
СПИЦЫН**

**СОВЕТСКАЯ
ДЕРЖАВА**

ПОЛИТБЮРО И СЕКРЕТАРИАТ ЦК

1945-1985 ГОДЫ

Введение

Моя новая книга, которую вы держите в своих руках, стала своеобразным итогом многолетней работы с массивом архивных источников, мемуарной и исторической литературы. В процессе этой работы возникла идея написать несколько книг по истории Советской державы, отражающих самый значительный период её развития в 1945-1985 годах. Именно в это 40-летие Советский Союз стал общепризнанной сверхдержавой, в значительной мере определявшей сам ход мировой истории и движение к подлинному прогрессу. Данная книга продолжает начатый четыре года назад цикл книг «Советская держава», главными героями которой станут люди, обременённые высшей властью, — члены Политбюро (Президиума) и Секретариата ЦК ВКП(б) — КПСС, на плечи которых легло принятие всех мало-мальски значимых и важных решений по ключевым вопросам «большой политики». Безусловно, решение многих вопросов проистекало из жарких споров и неизбежно порождало острую борьбу и «групповщину» на Олимпе высшей власти, что придавало особую «пикантность» изучению этой темы. Надеюсь, что моя новая книга будет интересна и полезна не только всем любителям истории, но прежде всего моим уважаемым коллегам — студентам исторических факультетов, учителям истории и преподавателям вузов. Тем более что на сегодняшний день такого обобщающего труда ещё не выходило, и он, как мне кажется, станет серьёзным подспорьем в изучении подлинной истории нашей страны этого славного периода.

Сталинское Политбюро в 1945-1953 годах: люди и власть

1. Состав Политбюро ЦК ВКП(б) накануне окончания войны

К концу войны в состав Политбюро ЦК ВКП(б) входило девять полноправных членов — Иосиф Виссарионович Сталин, Вячеслав Михайлович Молотов, Климент Ефремович Ворошилов, Михаил Иванович Калинин, Лазарь Моисеевич Каганович, Андрей Александрович Жданов, Андрей Андреевич Андреев, Анастас Иванович Микоян и Никита Сергеевич Хрущёв — и четыре кандидата в члены — Лаврентий Павлович Берия, Георгий Максимилианович Маленков, Николай Алексеевич Вознесенский и Николай Михайлович Шверник. Политический вес и влияние каждого из этих членов высшего политического руководства страны был далеко не одинаков и во многом, но отнюдь не всегда (особенно после февраля 1951 года) определялся лично И. В. Сталиным, который ещё в конце войны стал обладателем непререкаемого авторитета в партии и государстве.

Напомню, что сам Иосиф Виссарионович Сталин (Джугашвили) (1878/1879-1953)¹, чей партийный стаж исчислялся с 1898 года, на момент окончания войны занимал сразу пять ключевых партийно-государственных постов. Во-первых, с апреля 1922 года он являлся Генеральным секретарём ЦК ВКП(б), и, хотя во всех редакциях партийного устава этот пост де-юре отсутствовал, все прекрасно понимали, кто является реальным вождём партии большевиков. Кстати, вероятно, именно поэтому, начиная с июня 1930 года, сразу после окончания XVI партийного съезда, все бумаги И. В. Сталин стал подписывать просто как секретарь ЦК, без указания слова «генеральный», ибо в этом уже не было никакой надобности². Во-вторых, он был старейшим и бессменным членом Политбюро, войдя в его самый первый состав ещё в марте 1919 года, наряду с В. И. Лениным, Л. Д. Троцким, Л. Б. Каменевым и Н. Н. Крестинским. В-третьих, в начале мая 1941 года И. В. Сталин занял ключевой государственный пост председателя Совета Народных Комиссаров СССР, то есть руководителя союзного правительства. В-четвёртых, с 30 июня 1941 года, сразу после начала войны и до её окончания, то есть до 3 сентября 1945 года, он возглавлял высший внеконституционный орган — Государственный Комитет обороны (ГКО), который де-факто сконцентрировал в своих руках всю полноту высшей партийно-государственной власти в стране. Наконец, в-пятых, со второй половины июля 1941 года И. В. Сталин стал Верховным главнокомандующим, председателем Ставки ВГК и наркомом обороны СССР.

Из всей когорты сталинских соратников длительностью пребывания в составе Политбюро ЦК ВКП(б) могли похвастаться три самых умудрённых «политических аксакала», знакомых с И. В. Сталиным не один десяток лет: В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов и М. И. Калинин.

Самым старшим по возрасту был Михаил Иванович Калинин (1875-1946), который в ноябре 1945 года готовился встретить свой 70-летний юбилей. Это был старый большевик, питерский пролетарий-путиловец, выходец из среды старообрядцев Тверской губернии, чей партийный стаж тоже исчислялся с 1898 года. В руководящий партийный орган — ЦК РСДРП(б) — он был впервые кооптирован

ещё в начале января 1912 года на VI Всероссийской конференции большевиков сначала в статусе кандидата, а затем, с июля 1913 года, и его полноправного члена, оставаясь в этом статусе вплоть до своей смерти в июле 1946-го, то есть ровно 33 года. Именно тогда произошло его первое знакомство с И. В. Сталиным, правда, вероятнее всего, особо близких отношений между ними так и не сложилось, хотя их первые рабочие контакты по подполью начались именно тогда. После прихода большевиков к власти М. И. Калинин занимал ряд ответственных постов, в том числе руководителя Петроградской городской думы. А через две недели после смерти первого председателя ВЦИК РСФСР Я. М. Свердлова, в конце марта 1919 года, он был избран на этот пост и вплоть до марта 1946 года оставался официальным или юридическим главой Советского государства, поочередно возглавляя Всероссийский ЦИК (РСФСР) (1919-1938), Всесоюзный ЦИК (СССР) (1922-1938) и Президиум Верховного Совета СССР (1938-1946), по праву заслужив своё знаменитое прозвище всероссийского, а затем и всесоюзного «старосты». Причём, по одним источникам, инициатором его избрания на этот пост был В. И. Ленин, а по другим — Л. Д. Троцкий³. Одновременно он входил и в состав двух высших партийных органов, созданных на VIII партийном съезде: Оргбюро ЦК (1919-1925) и Политбюро ЦК (1919-1946). Причём при жизни В. И. Ленина он был кандидатом в члены Политбюро, а затем с начала января 1926 года на организационном Пленуме ЦК, созванном по итогам работы XIV партсъезда, он вошёл в число полноправных членов Политбюро и оставался им почти до самой своей смерти, то есть до 3 июня 1946 года.

Вторым по возрасту в составе Политбюро ЦК был Климент Ефремович Ворошилов (1881-1969), такой же выходец из пролетарской старообрядческой среды, но уже более южной Екатеринославской губернии, чей партийный стаж исчислялся с 1903 года. До революции он дважды становился делегатом IV и V съездов РСДРП, проходивших в Стокгольме и Лондоне в 1906-1907 годах, и, по его же словам⁴, именно тогда, впервые оказавшись в Петербурге для дальнейшего проезда в шведскую столицу, он впервые познакомился с И. В. Сталиным и сразу подружился с ним. Во многом это и определит его стремительное восхождение в высшие эшелоны власти сразу после окончания Гражданской войны. Уже в марте 1921 года по итогам работы X съезда РКП(б) он был избран членом ЦК, каковым бессменно оставался вплоть до октября 1961 года, а затем и позже — в 1966-1969 годах. Тогда же, весной 1921 года, он становится командующим Северо-Кавказским военным округом, а спустя три года, в мае 1924-го, с подачи И. В. Сталина его уже переводят на ключевой пост командующего Московским военным округом. Конечно, такой перевод в Москву был вовсе не случайным, ибо Коба и Клим как старые партийные товарищи, чья дружба ещё крепче закалилась в горниле Гражданской войны, особенно на Царицынском фронте, были идейными и давними антагонистами «оракула революции». Поэтому уже в конце января 1925 года после отставки Л. Д. Троцкого К. Е. Ворошилов назначается на пост первого заместителя наркома по военным и морским делам и председателя Реввоенсовета (РВС) СССР. А спустя десять месяцев, в ноябре 1925-го, после трагического ухода из жизни наркома М. В. Фрунзе, он становится главой Наркомата по военным и морским делам и председателем РВС. Затем в начале января 1926 года, также как М. И. Калинин и В. М. Молотов, правда минуя «кандидатский предбанник», он сразу становится полноправным членом Политбюро ЦК ВКП(б) и сохранит этот высокий партийный статус дольше, чем кто-либо из высших советских вождей, вплоть до июля 1960 года. Между тем в ключевой

должности главы военного ведомства страны, которая с июня 1934-го будет называться «нарком обороны», «первый красный офицер» и первый советский маршал пробудет до начала мая 1940 года, когда по итогам советско-финской войны И. В. Сталин будет вынужден произвести ряд важных кадровых перестановок в Наркомате обороны СССР. Тогда же, в мае 1940 года, он будет назначен председателем Комитета обороны и заместителем председателя Совета Народных Комиссаров СССР. В годы Великой Отечественной войны маршал К. Е. Ворошилов занимал различные посты в военно-государственной иерархии страны, в том числе члена ГКО (1941-1944), члена Бюро и заместителя председателя СНК СССР (1941-1945). В последней своей должности он и встретил окончание войны. Долгие годы Климент Ефремович был не только старейшим, ближайшим и надёжным соратником вождя, но и многолетним личным другом. Однако это вовсе не означало, что между ними не было никаких трений и даже серьёзных разногласий. Напротив, вопреки расхожим домыслам о том, что безвольный и глуповатый нарком был простой игрушкой в руках коварного вождя⁵, между наркомом и генсеком время от времени искрило и до войны, и особенно в начальный её период, что затем приобретёт характер всё больше и больше нарастающей отчуждённости.

Следующим по возрасту и старшинству пребывания в составе Политбюро ЦК шёл такой же давний и близкий соратник вождя — Вячеслав Михайлович Молотов (Скрябин) (1890-1986), который, как и два других старейших члена высшего партийного ареопага, был уроженцем известного староверческого анклава Вятской губернии. Летом 1906 года в юном возрасте он вступил в ряды РСДРП(б), а уже осенью 1912-го, после отбытия административной ссылки в Вологодской губернии, стал работать ответственным секретарём в новой большевистской газете «Правда», где, по свидетельству целого ряда осведомлённых авторов (Ф. И. Чуев, В. А. Никонов, А. В. Островский⁶), лично познакомился с И. В. Сталиным. Вторично они встретились вскоре после революции, в марте 1917 года, когда будущий вождь сменил младшего коллегу на посту редактора «Правды» и одного из руководителей Русского бюро ЦК РСДРП(б). Но именно в те дни между ними завязалось настоящее партийное товарищество, постепенно переросшее и в личную дружбу. В начале апреля 1920 года по итогам работы IX партийного съезда В. М. Молотов был избран кандидатом в члены ЦК, а уже в марте 1921-го по окончании работы X съезда РКП(б) он не только стал полноправным членом ЦК, но также был избран кандидатом в члены Политбюро, членом Оргбюро и назначен ответственным секретарём ЦК. В последнем своём статусе он и стал лично готовить всю повестку дня для заседаний Политбюро ЦК, выполнять прямые ленинские поручения и координировать ряд вопросов партийного строительства, в том числе ключевые кадровые назначения. Правда, уже в апреле 1922 года на XI съезде, после довольно резкой критики работы прежнего Секретариата ЦК, В. М. Молотов был понижен в своём статусе до второго секретаря ЦК, и новым главой центрального партаппарата стал И. В. Сталин, избранный Генеральным секретарём ЦК. Однако это обстоятельство никоим образом не испортило их личных отношений. Более того, на протяжении всех последующих лет своей работы в Секретариате ЦК (1922— 1930) прежде всего В. М. Молотов, по сути, стал правой рукой генсека на всех крутых виражах истории, в том числе в период острейшей внутрипартийной борьбы с троцкистами, зиновьевцами и бухаринцами. Именно поэтому уже в январе 1926 года по итогам работы XIV съезда ВКП(б) он также был повышен в своём статусе до полноправного члена Политбюро

ЦК, а затем в декабре 1930-го, после полного разгрома «правых уклонистов» и отставки А. И. Рыкова с поста главы союзного правительства, именно В. М. Молотов был назначен новым председателем Совета Народных Комиссаров СССР, каковым и оставался десять с половиной лет, вплоть до мая 1941 года, когда этот ключевой пост в партийно-государственной иерархии занял сам И. В. Сталин. Кроме того, об особом отношении вождя к своему давнему товарищу очень красноречиво говорил и тот показательный факт, что в период самых судьбоносных и острых сражений на дипломатическом фронте именно глава союзного правительства в начале мая 1939 года возглавил Наркомат иностранных дел СССР. В годы войны В. М. Молотов, который по всем важным вопросам имел собственное мнение и частенько спорил с самим вождём, не только сохранил посты заместителя (а с августа 1942 года — первого заместителя) председателя СНК СССР и руководителя дипломатического ведомства страны, но также стал одним из членов и заместителем (до середины мая 1944 года — единственным) главы Государственного Комитета обороны, каковым и оставался вплоть до 3 сентября 1945 года, то есть до ликвидации этого органа отдельным Указом Президиума Верховного Совета СССР.

Четвёртым по возрасту и старшинству пребывания в Политбюро шёл Лазарь Моисеевич Каганович (1893-1991), уроженец Киевской губернии, чей партийный стаж исчислялся с 1911 года. После прихода большевиков к власти он не очень долго проработал в Петрограде и в Москве, где имел первые рабочие контакты с И. В. Сталиным, поскольку, будучи членом ВЦИК, избранным в январе 1918 года на III Всероссийском съезде Советов, вошёл в состав Всероссийской комиссии по организации РККА. Затем, сразу после окончания Гражданской войны, он недолго поработал инструктором ВЦСПС, а уже в начале апреля 1922 года, как вспоминал сам Л. М. Каганович, он получил от В. В. Куйбышева, ставшего после XI съезда партии одним из трёх секретарей ЦК, предложение перейти на работу в ЦК⁷. В июне того же года Л. М. Каганович был назначен главой Организационно-инструкторского отдела ЦК РКП(б) и стал одним из ближайших и верных соратников И. В. Сталина, в том числе в реализации его гениальной задумки по созданию новой системы партийно-государственной номенклатуры. Затем, уже на XII партийном съезде в апреле 1923 года его избирают кандидатом в члены ЦК, а начиная с мая 1924-го он становится бессменным членом ЦК и одновременно избирается в состав Секретариата и Оргбюро ЦК. Однако буквально через год, после отставки Э. И. Квирина, по рекомендации И. В. Сталина Л. М. Каганович уезжает в Харьков на должность Генерального секретаря ЦК КП(б)У, где с вождями украинских сепаратистов, в частности П. П. Лубченко, А. Я. Шумским, Н. А. Скрынником, А. А. Хвyleй и другими «боротьбистами», стал одним из авторов совместного Постановления ВУЦИК и СНК УССР «О мерах срочного проведения полной украинизации советского аппарата», принятого 30 апреля 1925 года. Правда, этот курс, очень активно проводившийся в жизнь «сплошь и рядом некоммунистической интеллигенцией», тут же принял «характер борьбы за отчуждённость украинской культуры и украинской общественности от культуры и общественности общесоветской, характер борьбы против "Москвы" вообще, против русских вообще», что было с немалой тревогой встречено в Москве, в частности самим И. В. Сталиным, который в конце апреля 1926 года прямо написал об этом в своём знаменитом письме «Тов. Кагановичу и другим членам ПБ ЦК КП(б)У»⁸.

Между тем, ещё будучи главой Украинской парторганизации, в июле 1926 года, в самый разгар борьбы уже с объединенной троцкистско-зиновьевской оппозицией на Пленуме ЦК, он становится кандидатом в члены Политбюро, а спустя ровно два года на очередном Пленуме ЦК его одновременно избирают членом Оргбюро (1928-1946) и Секретариата ЦК (1928-1939). При этом в 1930-1935 годах параллельно с основной работой в аппарате ЦК ему пришлось исполнять обязанности Первого секретаря Московского обкома и горкома партии, где под его крылом выросли будущие коллеги по Политбюро — Никита Хрущёв и Николай Булганин. Наконец, в июле 1930 года, по итогам работы XVI партийного съезда Л. М. Каганович становится полноправным членом Политбюро, а в декабре того же года, после перехода В. М. Молотова на работу главой союзного правительства, он де-факто становится и вторым секретарём ЦК. Правда, с июля 1935-го ближайший сталинский соратник всё больше начинает концентрировать главное внимание на конкретной хозяйственной работе, возглавляя целый ряд важных союзных наркоматов, в том числе путей сообщения, тяжёлой, топливной и нефтяной промышленности. В годы войны, оставаясь заместителем главы СНК СССР (1938-1944), он становится членом ГКО (1942-1945) и в этом качестве курирует всю работу железнодорожного и водного транспорта, военных перевозок и другие важные вопросы. Вместе с тем, несмотря на давние и близкие рабочие контакты с вождём, Л. М. Каганович так и не стал его личным другом и, в отличие от В. М. Молотова и К. Е. Ворошилова, всегда «держал дистанцию» и не переходил незримую грань, отделявшую И. В. Сталина от большинства его коллег по Политбюро.

Далее по продолжительности пребывания в Политбюро ЦК шёл Андрей Андреевич Андреев (1895-1971), уроженец Смоленской губернии, который в юношеском возрасте переехал на работу в Москву, где получил начальное образование на Пречистенских рабочих курсах. Затем в 1914-м он перебрался в Петербург и стал работать на Путиловском заводе, где в том же году вступил в ряды РСДРП(б). В годы Гражданской войны А. А. Андреев был одним из лидеров ВЦСПС и в этом качестве на IX съезде партии в апреле 1920 года был избран членом ЦК. Правда, буквально через год за активную поддержку троцкистской и бухаринской платформ во время знаменитой «Профсоюзной дискуссии» он лишился членства в ЦК, но уже в апреле 1922 года по итогам работы XI партсъезда вновь был избран в состав ЦК и оставался его членом вплоть до октября 1961 года. За годы своей партийно-государственной карьеры в период острой внутрипартийной борьбы А. А. Андреев занимал немало ответственных постов, в том числе члена Оргбюро (1922-1928), секретаря ЦК (1924-1925) и кандидата в члены Политбюро (1926—1930). А в годы первых пятилеток и во время войны он вошёл в число верных сталинских соратников, будучи, как и сам И. В. Сталин, членом сразу трёх руководящих партийных органов: Политбюро (1932-1952), Секретариата (1935-1946) и Оргбюро ЦК (1939-1946). Конечно, А. А. Андреев не принадлежал к числу близких сталинских друзей и выдающихся руководителей, но, безусловно, вождь ценил организаторский талант своего соратника и частенько поручал ему выполнение особо деликатных и важных заданий. Хотя при этом он не забывал и его троцкистское прошлое и использовал это «пятно» в его политической биографии.

Ещё одним политическим аксакалом в ближайшем сталинском окружении был уроженец Тифлисской губернии Анастас Иванович Микоян (1895-1978), который, как и И. В. Сталин, закончил Духовную семинарию, а затем поступил на учёбу в одну из

местных Духовных академий. Тогда же в 1915 года он вступил в ряды РСДРП(б) и принял самое активное участие в Гражданской войне на территории Кавказа. Затем он перебрался на партийную работу в Нижний Новгород, который в первые послевоенные годы стал настоящей кузницей партийных кадров, и уже в апреле 1922 года на XI съезде РКП(б) он был избран кандидатом в члены ЦК, а ровно через год на XII партийном съезде стал членом ЦК и оставался им более полувека, вплоть до февраля 1976 года. Тогда же, в апреле 1922-го, И. В. Сталин, «положивший глаз» на А. И. Микояна за два месяца до съезда⁹, добился его назначения в Ростов-на-Дону на важный пост Первого секретаря Юго-Восточного (Северо-Кавказского) крайкома РКП(б), где он проработал до середины августа 1926 года. Однако в разгар острейшей борьбы с объединённой оппозицией его срочно переводят в Москву и после отставки Л. Б. Каменева назначают главой объединённого Наркомата внутренней и внешней торговли СССР. Тогда же, в июле 1926 года, с подачи И. В. Сталина Пленум ЦК избрал А. И. Микояна кандидатом в члены Политбюро, и лишь спустя много лет, в феврале 1955-го, он наконец-то стал полноправным членом Политбюро и в таком партийном статусе оставался более 30 лет. В годы первых пятилеток и в период войны А. И. Микоян поочерёдно занимал посты наркома снабжения (1930-1934), пищевой промышленности (1934-1938) и внешней и внутренней торговли (1938-1949), а в июле 1937 года был назначен заместителем председателя СНК СССР. Кроме того, в период войны он стал членом ГКО и его Оперативного бюро (1942-1945), где курировал вопросы снабжения РККА, ВМФ и оборонного комплекса страны. Отношения с И. В. Сталиным на протяжении всех этих лет носили довольно уважительный характер, но никогда не отличались особой теплотой и близостью, хотя вождь ценил его огромную работоспособность и большой и успешный управленческий опыт на разных участках важной партийно-государственной работы.

Следующим по старшинству членом Политбюро ЦК был ещё один уроженец Екатеринославской губернии — Андрей Александрович Жданов (1896-1948), — который, правда, в отличие от К. Е. Ворошилова, был выходцем из среды никонианского духовенства, чья матушка, как позднее шутили его друзья, «состояла в родстве чуть ли не со всем Священным синодом»¹⁰, а его отец был профессором богословия и имел чин статского советника. Однако, несмотря на это обстоятельство, как вспоминал сам А. А. Жданов, именно «под влиянием революционных взглядов отца», водившего тесную «дружбу с социалистами и толстовцами», он увлёкся чтением марксистской литературы и в конце 1915 года вступил в ряды РСДРП(б)¹¹. Ещё во время Гражданской войны, в апреле 1920 года, молодой коммунист стал делегатом IX партийного съезда, а на VIII Всероссийском съезде Советов был избран членом ВЦИК, где впервые лично познакомился с И. В. Сталиным. Вероятно, будущий генсек уже тогда оценил его организаторский талант и отличную от многих молодых партийцев теоретическую подкованность — и вскоре начинается успешная карьера А. А. Жданова по руководящей партийной линии. Уже в конце августа 1924 года он становится Первым секретарём Нижегородского губкома (затем Горьковского крайкома) партии, а в декабре 1925 года на XIV съезде ВКП(б) его избирают кандидатом в члены ЦК. Как уверяют ждановские биографы, с сентября 1926 года «рабочие контакты Жданова и Сталина становятся более частыми», и хотя личной «дружбы ещё не было, но товарищеская симпатия уже явно присутствовала»¹². Затем в июле 1930 года на XVI партийном съезде он становится бессменным членом ЦК, а в феврале 1934 года уже прочно входит в число самых верных сталинских соратников:

на организационном Пленуме ЦК, сформированном по итогам XVII партсъезда, А. А. Жданов становится бессменным членом Оргбюро и Секретариата ЦК и переезжает на работу в Москву, где входит в число наиболее доверенных сотрудников вождя. Правда, в декабре того года после убийства С. М. Кирова А. А. Жданов на целых десять лет перебирается в северную столицу на ключевой пост Первого секретаря Ленинградского обкома партии. Спустя два месяца, в феврале 1935 года, он становится кандидатом в члены Политбюро, а в марте 1939-го, после завершения работы XVIII съезда ВКП(б), его избирают бессменным членом Политбюро и назначают начальником Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), что де-факто повысило его партийный статус до уровня второго секретаря ЦК. В годы войны как бессменный первый член Военного совета Ленинградского фронта генерал-полковник А. А. Жданов почти неотлучно пребывал в блокадном Ленинграде. Но через год после снятия блокады, в январе 1945-го, он окончательно переезжает в Москву, где уже полностью сосредотачивается на многоплановой работе в Политбюро и Секретариате ЦК.

Последним полноправным членом сталинского Политбюро на момент окончания войны был Никита Сергеевич Хрущёв (1894-1971), вступивший в РСДРП(б) позже всех остальных — только летом 1918 года. Поэтому его партийная карьера на первых порах не очень задалась. Но осенью 1929 года, будучи заведующим Орготдела Киевского окружкома КП(б)У, при протекции Л. М. Кагановича он переехал в Москву и стал слушателем Промышленной академии, где его однокурсницей оказалась супруга вождя Надежда Сергеевна Аллилуева, которая являлась парторгом его академической группы. По свидетельству Н. С. Хрущёва¹³, именно она и поведала И. В. Сталину о своём старшем товарище, который в конце 1930 года и дал команду Л. М. Кагановичу взять «Хрущёва на работу в МК». После этого карьера Н. С. Хрущёва стала расти как на дрожжах: в 1931-1932 годах под его чутким руководством он возглавлял работу двух столичных партийных райкомов: Бауманского, а затем Краснопресненского, — а в 1932-1935 годах исполнял обязанности второго секретаря Московского горкома, а затем и Московского обкома ВКП(б). Именно в этом качестве на XVII партийном съезде в феврале 1934 года его впервые избирают членом ЦК, а уже в июле 1935-го он становится Первым секретарём Московского обкома партии и работает на этом посту до конца января 1938 года. В том же январе 1938-го Н. С. Хрущёв стал кандидатом в члены Политбюро и сразу был переведён на Украину на должности Первого секретаря ЦК КП(б)У Киевского горкома и обкома партии, став, по сути, безраздельным хозяином этой ключевой союзной республики. В марте 1939 года по итогам работы XVIII съезда на организационном Пленуме ЦК он был избран полноправным членом Политбюро и в таком качестве встретил начало Великой Отечественной войны. В годы войны, оставаясь на посту Первого секретаря ЦК КП(б)У, он поочерёдно занимал посты члена Военного совета Юго-Западного, Сталинградского, Юго-Восточного, Южного, Воронежского и 1-го Украинского фронтов. Однако в разгар Корсунь-Шевченковской операции генерал-лейтенант Н. С. Хрущёв был отозван с фронта и в начале февраля 1944 года, оставаясь главой всей украинской парторганизации, назначен председателем Совета Народных Комиссаров УССР.

Среди кандидатов в члены Политбюро ЦК старейшим по возрасту был уроженец Петербурга, выходец из среды псковских старообрядцев Николай Михайлович Шверник (1888-1970), который вступил в ряды РСДРП(б) ещё в годы Первой русской

революции в 1905 году. После окончания Гражданской войны он стал работать в профсоюзных органах, и сугубо «номенклатурная» партийная карьера Н. М. Шверника началась лишь в феврале 1924 года, когда по рекомендации И. В. Сталина он был назначен наркомом РКИ и избран членом Президиума ЦКК РКП(б). Чуть позже, в период острейшей борьбы с зиновьевской и объединённой оппозицией (1925-1926), он был послан в северную столицу, где в качестве одного из секретарей Ленинградского губкома и Северо-Западного бюро ВКП(б) железной рукой выкорчёвывал «зиновьевскую заразу». Тогда же в декабре 1925 года на XIV партсъезде его впервые избирают членом ЦК, каковым он оставался до конца своих дней. Затем в 1926-1927 годах он возвращается в Москву, где в течение всего одного года работает секретарём ЦК и членом Оргбюро. Но вскоре он вновь уезжает из столицы, теперь уже в Свердловск, где до самого конца января 1929 года возглавляет объединённый Уральский обком ВКП(б), показывая себя преданным сторонником сталинского курса на индустриализацию страны. Вскоре после возвращения в Москву и разгрома «правых уклонистов» в середине мая 1930 года он был избран Первым секретарём Всесоюзного Центрального Совета профессиональных союзов (ВЦСПС), каковым и оставался до марта 1944 года. Кроме того, в июле 1930-го, после окончания XVI съезда, его избирают членом Оргбюро ЦК, а по итогам работы XVIII партсъезда в марте 1941 года он становится и кандидатом в члены Политбюро. В период войны Н. М. Шверник также занимал посты председателя Совета по эвакуации при СНК СССР, члена Бюро СНК СССР и главы Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков. Наконец в начале февраля 1944 года он был назначен первым заместителем Председателя Президиума Верховного Совета СССР, по сути замещая тяжело больного «всесоюзного старосту» в качестве юридического главы Советского государства. А через месяц он стал и председателем Президиума Верховного Совета РСФСР.

Следующим по возрасту шёл уроженец Кутаисской губернии Лаврентий Павлович Берия (1899-1953), вступивший в ряды РСДРП(б) сразу после Февральской революции в марте 1917 года. В период Гражданской войны молодой коммунист находился на подпольной (чекистской) работе в Баку и Тифлисе, а затем в течение многих лет работал на ответственных должностях в ВЧК — ОГПУ в крайне сложном и беспокойном Кавказском регионе, в том числе в качестве главы ОГПУ Грузинской ССР и Закавказской Федерации (1926-1931). Как уверяют ряд авторов (А. И. Колпакиди, Е. А. Прудникова¹⁴), к этому времени относится и личное знакомство Л. П. Берии с И. В. Сталиным, который сразу оценил масштаб своего соплеменника и земляка. Уже в ноябре 1931 года он становится Первым секретарём ЦК Компартии Грузии и вторым секретарём Закавказского крайкома, а буквально через год возглавляет весь Закавказский крайком партии. В феврале 1934 года на XVII съезде ВКП(б) его избирают членом ЦК, а спустя четыре года, в августе 1938-го, по личному указанию И. В. Сталина срочно переводят в Москву на работу в НКВД СССР, где в декабре того же года он сменяет «кровавого карлика» Н. И. Ежова на посту наркома и проводит первую (т.н. «бериевскую») реабилитацию жертв «секретарских репрессий». В марте 1939 года по итогам работы XVIII партсъезда он становится кандидатом в члены Политбюро ЦК, а в период войны входит в ближний круг самых доверенных соратников вождя, став одновременно членом (1941-1945), заместителем председателя (1944-1945) и председателем Оперативного бюро (1944-1945)

Государственного Комитета Обороны (ГКО), членом Бюро и заместителем председателя СНК СССР (1941-1945).

Предпоследним по возрасту, но отнюдь не по влиянию в высшем партийно-государственном руководстве шёл Георгий Максимилианович Маленков (1901/02—1988)¹⁵, который рано потерял отца и воспитывался в доме своего деда по матери Георгия Шемякина, оренбургского казака, сохранявшего в доме верность старообрядческим устоям своих предков. В годы Гражданской войны, находясь на политической работе в РККА, в апреле 1920 года он вступил в ряды РКП(б) и в том же году женился на Валерии Алексеевне Голубцовой, родственные связи которой с самим Г. М. Кржижановским, по всей видимости, поспособствовали быстрой партийной карьере её мужа. Уже осенью 1921 года одновременно с учёбой в Московском Высшем техническом училище он начал работать рядовым сотрудником Орготдела ЦК РКП(б), а уже в конце 1925 года стал его техническим секретарём. Затем в ноябре 1927 года на исходе острой борьбы с объединённой оппозицией он становится техническим секретарём Политбюро и впервые знакомится с И. В. Сталиным, который быстро оценил разносторонние способности молодого коммуниста. В 1930 году его переводят на самостоятельный участок работы в Московский обком партии, где под чутким руководством Л. М. Кагановича он возглавляет Агитационно-массовый отдел и набирается политического опыта. А сразу после завершения работы XVII партийного съезда, в феврале 1934 года, его назначают на пост заместителя главы Отдела руководящих партийных органов ЦК, который ровно через год возглавит новоиспечённый секретарь ЦК ВКП(б) Н. И. Ежов. Именно тогда в период тотальной проверки и замены партийных документов Г. М. Маленков создаёт уникальную картотеку всей партийно-государственной номенклатуры, которая сделала его незаменимым и близким помощником вождя по подбору и расстановке кадров в центре и на местах. Уже в феврале 1936 года он становится главой этого ключевого отдела ЦК, а в марте 1939-го по итогам работы XVIII партсъезда стремительно врывается в узкий слой высших советских вождей, став одновременно членом ЦК, Оргбюро и Секретариата ЦК и начальником ключевого Управления кадров в аппарате ЦК. Наконец, в феврале 1941 года его избирают кандидатом в члены Политбюро и вскоре назначают членом Бюро СНК СССР. В годы войны Георгий Максимилианович лишь укрепил своё положение в ближнем круге вождя, занимая должности члена ГКО (1941-1945), его Оперативного бюро (1942-1945), руководителя Комитета при СНК СССР по восстановлению народного хозяйства в районах, освобождённых от фашистской оккупации (1943-1945), и заместителя председателя СНК СССР (1944-1946).

Наконец, последним сталинским соратником по Политбюро буквально накануне войны стал самый молодой по возрасту уроженец Тульской губернии Николай Алексеевич Вознесенский (1903-1950), вступивший в ряды РКП(б) летом 1919 года. После окончания Гражданской войны он работал по партийной линии в Донбассе, а летом 1928 года уехал на учёбу в Москву, где, отучившись на экономическом факультете Института Красной профессуры, остался там же на преподавательской работе и пошёл по научной стезе, вскоре защитив докторскую диссертацию по экономике. Одновременно в 1932 году он возглавил одну из структур Наркомата РКИ, а через два года стал членом вновь образованной Комиссии советского контроля при СНК СССР, где проработал до марта 1939 года. Наряду с этим, в марте 1935-го он уехал в северную столицу, где в системе Ленинградского горисполкома возглавил

плановый комитет, а через два года вернулся в Москву и сразу был назначен заместителем председателя Госплана СССР. Всего через два месяца, в январе 1938 года, по предложению А. А. Жданова¹⁶, Н. А. Вознесенский возглавил этот ключевой орган союзного правительства, а уже в марте-апреле 1939 года был избран членом ЦК и занял должность заместителя председателя СНК СССР. Наконец, в феврале 1941 года, по итогам работы XVIII партийной конференции его избрали кандидатом в члены Политбюро и резко повысили в статусе до первого заместителя главы Совета Народных Комиссаров СССР и заместителя председателя Комитета обороны при СНК СССР. В годы войны, оставаясь на этих ответственных постах, он вновь возглавил Госплан СССР (1942-1948) и одновременно стал членом ГКО (1942-1945), его Оперативного бюро (1944-1945), а также заместителем председателя Бюро СНК СССР (1944-1945).

¹ Ещё в период горбачёвской перестройки возникла дискуссия относительно уточнения даты рождения И.В. Сталина. Ряд исследователей ставят под сомнение официальную дату его рождения — 9 (21) декабря 1879 года и, ссылаясь на ряд архивных источников, в том числе его же заполненную от руки анкету делегата IX партийного съезда, утверждают, что он появился на свет 6 (18) декабря 1878 года. Китаев И., Мошков Л., Чернев А. Когда родился И.В. Сталин // Известия ЦК КПСС. 1990. № 11.

² Кирилина А. А. Неизвестный Киров : мифы и реальность. М., 2001.

³ Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Опыт автобиографии. М., 1991; Жирнов Е.Н. Лакеем я был самым плохим // Коммерсантъ Власть. 29.05.2006.

⁴ Ворошилов К.Е. Рассказы о жизни. Кн. 1. М., 1968; Акшинский В.С. Климент Ефремович Ворошилов. Биографический очерк. М., 1974.

⁵ Медведев Р.А. Они окружали Сталина. М., 2006.

⁶ Чуев Ф.И. Сто сорок бесед с Молотовым. М., 1991; Островский А.В. Кто стоял за спиной Сталина? М., 2004; Никонов В.А. Молотов: молодость. М., 2005.

⁷ Каганович Л.М. Памятные записки. М., 1996.

⁸ Сталин И.В. Полное собрание сочинений. Том 8. М., 1947.

⁹ Микоян А.И. Так было. Размышление о минувшем. М., 1999. Как вспоминал А. И. Микоян, впервые он познакомился с И. В. Сталиным в феврале 1922 года, когда в своём рабочем кабинете от имени В. И. Ленина передал ему «просьбу» отправиться в Ново-Николаевск (Новосибирск) для переговоров с М. М. Лашевичем и подготовки выборов делегатов на XI съезд РКП(б).

¹⁰ Волынец А.Н. Жданов. М., 2013.

¹¹ РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 2. Д. 2. Л. 15 об.

¹² Демидов В.И., Кутузов В.А. Андрей Александрович Жданов в Нижнем Новгороде // Век XX: историография, источниковедение, региональная история России. Нижний Новгород, 2004; Волынец А.Н. Жданов. М., 2013.

¹³ Хрущёв Н.С. Время. Люди. Власть. Кн. 1. М., 1999.

¹⁴ Колпакиди А.И. Энциклопедия секретных служб России. М., 2003. Прудникова Е.А. Берия. Последний рыцарь Сталина. М., 2014.

¹⁵ Георгий Маленков: фотографии, документы и «новая» дата рождения // Оренбургская политика. 19.10.2016. На основе архивных документов была уточнена

прежняя дата рождения Г.М. Маленкова — 26 декабря 1901 (8 января 1902) года. Теперь официальной датой его рождения значится 23 ноября (6 декабря) 1901 года.

¹⁶ Микоян А.И. Так было. М., 1999; Волынец А.Н. Жданов. М., 2013.

2. Расклад сил и группировок в верхних эшелонах власти в 1945-1947 годах

В начале сентября 1945 года в связи с окончанием Второй мировой войны в высших эшелонах власти произошло два важных события: во-первых, был упразднён высший внеконституционный орган страны — Государственный Комитет Обороны, обладавший колоссальными полномочиями в годы войны, которые в значительной степени были теперь переданы Совету Народных Комиссаров СССР во главе с И. В. Сталиным и отчасти, но по большей части чисто формально Президиуму Верховного Совета СССР, который уже лишь формально продолжал возглавлять М. И. Калинин; во-вторых, по решению Политбюро ЦК ВКП(б) бывший ГКО, а вернее его Оперативное бюро, де-факто переименовали в Оперативное бюро СНК СССР по вопросам работы промышленных наркоматов и железнодорожного транспорта. Плюс к этому сохранили и прежнее Бюро СНК СССР, которое по аналогии также называли Оперативным бюро СНК, но уже по вопросам работы наркоматов обороны, военно-морского флота, сельского хозяйства, продовольствия, торговли, финансов, здравоохранения, образования и культуры. Обоим Оперативным бюро вменялось в обязанность готовить и представлять на утверждение председателя СНК СССР, то есть лично И. В. Сталина, все «проекты решений по народнохозяйственному плану (квартальному и годовому), по планам материально-технического снабжения», принимать «оперативные меры по обеспечению выполнения установленных Совнаркомом планов», а также осуществлять «оперативный контроль за выполнением соответствующих решений СНК», принимать от его имени «обязательные для соответствующих наркоматов и ведомств решения по вопросам оперативного руководства деятельностью наркоматов и ведомств»¹⁷. В состав первого Оперативного бюро вошли Л. П. Берия (председатель), Г. М. Маленков (заместитель председателя), Н. А. Вознесенский, А. И. Микоян, Л. М. Каганович и А. Н. Косыгин. А в состав второго — В. М. Молотов (председатель), Н. А. Вознесенский (заместитель председателя), А. И. Микоян, А. А. Андреев, Н. А. Булганин и Н. М. Шверник. Иными словами, вся реальная власть осталась у того же, только несколько расширенного ГКО. Небезынтересно и то, что включённые в высший эшелон власти Н. А. Булганин и А. Н. Косыгин на тот момент ещё не являлись не только членами, но даже кандидатами в члены Политбюро.

Как предположили ряд историков (Ю. Н. Жуков, А. А. Данилов¹⁸), принимая данное решение, высшее кремлёвское руководство пока (временно), по сути, отказалось от реформирования самого союзного правительства, всего лишь перераспределив и уточнив свои обязанности на время первого за многие годы отпуска вождя. Между тем стало очевидно и то, что внутри самого Политбюро ЦК сформировалась правящая «пятёрка» в составе И. В. Сталина, В. М. Молотова, Л. П. Берии, Г. М. Маленкова и Н. А. Вознесенского, которая и стала играть ключевую роль в определении внутри- и внешнеполитического курса страны.

Судя по истории болезни И. В. Сталина и мемуарам ряда его родственников по линии жены¹⁹, в начале октября у вождя произошёл первый инсульт, и 9 октября 1945 года по решению Политбюро он уехал в отпуск на Кавказ, в результате чего почти на два с половиной месяца частично выпал из активной государственной работы. Только

в середине декабря того же года он вернулся в Москву, где фактическую власть осуществляла «четвёрка» во главе с его первым заместителем по союзному правительству Вячеславом Михайловичем Молотовым. По нескольким сохранившимся письмам вождя, адресованным «триумvirату» в составе Л. П. Берии, Г. М. Маленкова и А. И. Микояна²⁰, стало совершенно очевидным, что дряхлеющий вождь был крайне раздражён поведением В. М. Молотова в отношениях с бывшими союзниками и прямо обвинил его в том, что он «не очень дорожит интересами государства и нашего правительства» и своим поведением пытается «добиться популярности среди некоторых иностранных кругов». Более того, в одном из своих посланий И. В. Сталин дал прямо понять, что не верит «в добросовестность ряда близких к нему людей», прежде всего его супруги и старого партийного работника Полины Семёновны Жемчужиной, которая числилась негласным куратором Еврейского антифашистского комитета (ЕАК). Таким образом, впервые после окончания войны И. В. Сталин поставил под сомнение авторитет одного из самых близких и верных своих соратников, который в глазах всего советского народа уже давно оценивался как прямой его преемник и продолжатель дела вождя.

В самом конце 1945 года состоялось первое за уходящий год протокольное, то есть реальное, не подменяемое «опросом», заседание Политбюро, которое, по сути, сохранило в неприкосновенности существующую конструкцию всей высшей власти. Попытка восстановить прежний еженедельный порядок его заседаний по четвергам, принятый ещё при В. И. Ленине и сохранявшийся вплоть до начала войны, так и не увенчалась успехом. Хотя формально именно на этом заседании было принято решение о возобновлении регулярных заседаний Политбюро, которые должны были проходить «каждые две недели, по вторникам, в 8-9 часов вечера»²¹. Однако в реальности следующие протокольные заседания Политбюро прошли лишь 15 января и 26 февраля 1946 года. При этом вся партийная власть, по сути, сосредоточилась в руках созданной на том же заседании Внешнеполитической комиссии Политбюро ЦК, или «шестёрки», в составе И. В. Сталина, В. М. Молотова, Г. М. Маленкова, Л. П. Берии, А. А. Жданова и А. И. Микояна. Причём, как считают А. Н. Волынец, О. В. Хлевнюк и Й. Горлицкий²², возвращение А. А. Жданова в ближайшее окружение вождя де-факто означало возвращение к довоенному балансу сил, усилению конкуренции в Политбюро, прежде всего между так называемыми «ленинградцами» и тандемом Л. П. Берия — Г. М. Маленков.

Между тем уже в середине марта 1946 года на организационном Пленуме ЦК, который, по мнению ряда авторов (М. В. Зеленов²³), по своим решениям сыграл роль партийного съезда, были сделаны крупные перестановки во всём высшем партийном руководстве: 1) во-первых, полноправными членами Политбюро стали Л. П. Берия и Г. М. Маленков; 2) во-вторых, кандидатами в члены Политбюро были избраны Н. А. Булганин и А. Н. Косыгин; 3) в-третьих, с должности многолетнего секретаря ЦК был отставлен член Политбюро А. А. Андреев, и в обновлённый состав Секретариата ЦК вошли И. В. Сталин, А. А. Жданов, Г. М. Маленков, А. А. Кузнецов и Г. М. Попов; 4) в-четвёртых, внутри аппарата ЦК ВКП(б) окончательно упразднились отраслевые отделы, в том числе все «промышленные», сельскохозяйственный и транспортный, и сохранялись только четыре структуры: Управление кадров (А. А. Кузнецов), Управление агитации и пропаганды (Г. Ф. Александров) и два укрупнённых Отдела — Организационно-инструкционный (М. А. Шамберг) и Внешней политики (по связям с зарубежными компартиями) (М. А. Суслов); 6) в-шестых, фактическое

руководство всей оперативной работой Оргбюро и Секретариата ЦК возлагалось на А. А. Кузнецова, который, по сути, стал вторым секретарём ЦК. Однако следует сказать, что профессор М. В. Зеленев в данном случае не совсем прав в своей оценке этого Пленума ЦК, поскольку на нём были решены лишь персональные вопросы по составу двух высших партийных органов. А аппаратные вопросы были решены уже кулуарно на протокольном заседании Политбюро, которое состоялось только через месяц, 13 апреля 1946 года.

Кроме того, на том же Пленуме ЦК было принято решение вернуть прежнее наименование всех народных комиссариатов — «министерство», а Совет Народных Комиссаров СССР именовать отныне Советом Министров СССР. Как пояснил сам И. В. Сталин, это было целесообразно, поскольку «период неустоявшегося строя» и «гражданской войны» прошёл, наш общественный строй выдержал испытание войной, «вошёл в быт и стал плотью и кровью» нашего народа, и «народ поймёт хорошо» данное решение²⁴.

Сразу после окончания работы Пленума ЦК состоялась первая сессия Верховного Совета СССР II созыва, на которой: 1) Совет Народных Комиссаров был преобразован в Совет Министров СССР, главой которого был утверждён И. В. Сталин; 2) его заместителями по Совету Министров были назначены В. М. Молотов, Л. П. Берия, К. Е. Ворошилов, Н. А. Вознесенский, А. И. Микоян, А. А. Андреев и А. Н. Косыгин; 3) секретным Постановлением самого СМ СССР было образовано единое Бюро Совета Министров СССР во главе с Л. П. Берией и двумя его заместителями — Н. А. Вознесенским и А. Н. Косыгиным ; и, наконец, 4) новым председателем Президиума Верховного Совета СССР был утверждён Н. М. Шверник, а многолетний «всесоюзный староста» М. И. Калинин, занимавший этот пост почти 27 лет, с почётом был отправлен в отставку, сохранив при этом своё членство и в Политбюро, и в Президиуме ВС СССР.

Давая пояснения по последнему решению, И. В. Сталин ещё на Пленуме ЦК заявил его участникам, что «тов. Калинин» сам подал «заявление в ЦК» о своей отставке, так как «очень плохо стал видеть, даже написать не может», и «это ему страшно мешает» в работе²⁵. Однако, возможно, реальные причины были совсем иными. Во-первых, не вполне понятно, почему именно тогда М. И. Калинин направил на имя И. В. Сталина крайне странное покаянное письмо, в котором поведал ему, что «на первом году после смерти Владимира Ильича Ленина» после одного «из заседаний Политбюро», где «произошёл очередной конфликт с Троцким..., Бухарин пригласил меня к себе на квартиру посмотреть на его охотничий зверинец», и во время экскурсии по этому зверинцу «он как бы вскользь спросил меня, а как бы я отнёсся к руководству без Сталина. Я ответил, что я не мыслю такое руководство и для меня всякая комбинация без т. Сталина неприемлема... Я и тогда понимал, что был зондаж, но я не придавал ему значения, думая, что Бухарин просто хочет знать моё настроение. Теперь я думаю, он исполнял поручение какой-то группы». Но «со дня смерти Ленина я твёрдо свою политику и поведение персонифицировал в лице т. Сталина»²⁶. И, во-вторых, сама отставка М. И. Калинина, конечно, была вызвана не болезнью его глаз, а резким ухудшением всего здоровья из-за термальной (т. е. последней) стадии рака толстого кишечника, который был диагностирован весной того же года после возвращения его из Крыма. Именно эта болезнь и свела М. И. Калинина в могилу 3 июня 1946 года.

Между тем, как считают ряд авторов (Ю. Н. Жуков²⁷), все произведённые перестановки зримо говорили о том, что: 1) Л. П. Берия стал фактическим главой союзного правительства, поскольку в дополнение к его основным должностям заместителя главы Совета Министров СССР и руководителя Атомного проекта ему поручили «наблюдение за работой министерств внутренних дел, госбезопасности и государственного контроля». Более того, столь огромные полномочия сделали «лубянского маршала» вторым человеком в государстве, дав ему возможность официально контролировать деятельность всего аппарата власти в стране, решая порою судьбы тех, кто находился с ним на «одном управленческом уровне»; 2) В. М. Молотов утратил прежние позиции второго человека в партии и государстве; 3) Г. М. Маленков, потеряв ключевую должность начальника Управления кадров ЦК, перестал де-факто быть вторым секретарём ЦК, и отныне в его обязанности входили лишь «вопросы руководства работой ЦК компартий союзных республик, подготовка вопросов к Оргбюро ЦК и председательствование на его заседаниях»; 4) сам же И. В. Сталин, якобы уже тогда озабоченный проблемой будущего преемника, сделал ставку на самого молодого члена высшего партийного руководства Алексея Кузнецова, который с должности Первого секретаря Ленинградского обкома и горкома партии был переведён в Москву на должность члена Оргбюро и нового секретаря ЦК вместо умершего в мае 1945 года Александра Сергеевича Щербакова, считавшегося «человеком» А. А. Жданова.

Хотя следует сказать, что другие авторы совсем иначе трактуют данные решения Пленума ЦК. Так, профессора О. В. Хлевнюк и Й. Горлицкий²⁸ утверждают, что именно на этом Пленуме Г. М. Маленков очень ненадолго, но де-факто стал вторым секретарём ЦК. А профессор Р. Г. Пихоя²⁹, напротив, полагает, что, уравнив позиции А. А. Жданова и Г. М. Маленкова, которые наряду с И. В. Сталиным стали членами сразу трёх высших парторганов — Политбюро, Оргбюро и Секретариата ЦК, — «вождь всех времён и народов» предоставил им право показать свои бойцовские качества в борьбе за ключевой пост второго секретаря ЦК. Надо сказать, что это противоборство двух ближайших сталинских соратников возникло уже давно. Так, известный ждановский биограф А. Н. Волынец писал, что взаимная неприязнь между ними возникла ещё летом 1926 года, когда Г. М. Маленков как инспектор Орготдела ЦК во время рабочей поездки в Нижний Новгород необъективно и критически оценил работу А. А. Жданова в должности Первого секретаря Нижегородского губкома партии. Именно эта «взаимная неприязнь станет одной из причин подковёрной борьбы группировок Жданова и Маленкова в послевоенном будущем»³⁰.

Между тем, как установили ряд историков³¹, уже в начале апреля 1946 года все секретари ЦК во главе с Г. М. Маленковым направили вождю проект Постановления об организации работы центрального аппарата ЦК, согласно которому именно Г. М. Маленков должен был возглавить два руководящих органа всего партаппарата — Секретариат и Оргбюро ЦК. Однако И. В. Сталин неожиданно отверг этот проект, и, следуя его прямым указаниям, все секретари ЦК подготовили новый проект, который и был одобрен на четвёртом (с начала года) протокольном заседании Политбюро 13 апреля 1946 года³². Как уже было сказано выше, в соответствии с этим Постановлением Г. М. Маленков сохранил за собой лишь руководство Оргбюро ЦК, а контроль за работой всего Секретариата ЦК и Управление кадров ЦК ВКП(б), которое являлось его давней «вотчиной», теперь перешло в руки нового сталинского выдвиженца А. А. Кузнецова. А. А. Жданову удалось восстановить свою довоенную

роль, поскольку ему возвратили руководство Управлением пропаганды ЦК ВКП(б) и работой всех партийных и советских организаций в области пропаганды и агитации. Хотя, в отличие от того же А. А. Кузнецова, его не назначили главой данного Управления и оставили этот пост за Г. Ф. Александровым, который занимал его с начала сентября 1940 года. Единственный из четырёх секретарей, не получивший никаких определённых обязанностей по работе в ЦК, стал Георгий Михайлович Попов, который, будучи выдвиженцем А. С. Щербакова, оставаясь главой Исполкома Моссовета, в июне 1945 года возглавил и Московский обком ВКП(б).

Кроме того, тогда же в апреле 1946 года Организационно-инструкторский отдел ЦК вместо его многолетнего главы Михаила Абрамовича Шамберга ненадолго возглавил бывший первый секретарь Челябинского обкома и новый член Оргбюро ЦК Николай Семёнович Патоличев. Такая рокировка, конечно, стала явным ударом по позициям Г. М. Маленкова, поскольку, как справедливо подметил профессор М. В. Зеленов, М. А. Шамберг был не только давнишним помощником и даже наставником Г. М. Маленкова, но и его свояком, так как его сын В. М. Шамберг был женат на дочери его «шефа» В. Г. Маленковой.

Тем временем уже в самом начале мая 1946 года стало довольно быстро раскручиваться так называемое «Дело авиаторов», невольными инициаторами которого ещё летом 1945 года стали сын вождя, тогдашний командир 286-й авиадивизии полковник авиации Василий Иосифович Сталин и заместитель министра авиапромышленности, видный авиаконструктор генерал-полковник авиации Александр Сергеевич Яковлев, направившие вождю два письма о плачевном состоянии военной авиации и высокой аварийности ряда серийных самолётов, в частности Як-9. В результате этой «интрижки» в самом конце декабря 1945 года нарком авиационной промышленности генерал-полковник А. И. Шахурин, давно конфликтовавший с А. С. Яковлевым, решением Политбюро был снят со своего поста и заменён генерал-лейтенантом М. В. Хруничевым³³. А в январе И. В. Сталин поручил «размотать» «Дело авиаторов» главе СМЕРШ генерал-полковнику В. С. Абакумову. И уже в конце февраля 1946 года он дал чёткую команду «снять немедленно с работы заведующих отделами самолётостроения и моторостроения Управления кадров ЦК А. В. Будникова и Г. М. Григорьяна, поскольку они лично «несут ответственность за неустройство в Наркомате авиации»³⁴. Тогда же, в конце февраля, вышло закрытое Постановление СНК СССР «О работе Наркомата авиационной промышленности», где было прямо заявлено, что «Наркомавиапром допустил серьёзное отставание в развитии новой авиационной техники..., особенно в деле создания реактивной техники»³⁵. Наконец, в апреле 1946 года, когда был собран нужный материал, в том числе во время допросов бывшего главкома ВВС Дальневосточного Военного округа маршала авиации С. А. Худякова (А. А. Ханферянца), арестованного ещё в середине декабря прошлого года, были арестованы и другие фигуранты этого дела. Под каток следствия попали бывший нарком генерал-полковник авиации А. И. Шахурин, главком ВВС главный маршал авиации А. А. Новиков, член Военного Совета ВВС генерал-полковник авиации Н. С. Шиманов, начальник НИИ ВВС генерал-полковник авиационно-технической службы А. К. Репин и ряд других ответственных персон, которых в начале мая Военная коллегия Верховного Суда СССР под председательством генерал-полковника юстиции В. В. Ульриха осудила к различным срокам (от 2 до 7 лет) заключения.

Между тем ещё до суда И. В. Сталин, получив от В. С. Абакумова протоколы с признаниями А. И. Шахурина, А. А. Новикова и Н. С. Шиманова о том, что их куратор Г. М. Маленков, зная о беспорядках в авиации, не сигнализировал о них в ЦК ВКП(б), провёл через Политбюро решение о его выводе из Секретариата ЦК, мотивируя эту отставку тем, что именно он «как шеф над авиационной промышленностью и по приёмке самолётов — над военно-воздушными силами, морально отвечает за те безобразия, которые вскрыты в работе этих ведомств»³⁶.

Тогда же, в начале мая 1946 года, Политбюро приняло ещё одно важное решение: без каких-либо видимых причин с поста министра госбезопасности СССР был смещён давний соратник Л. П. Берии генерал армии В. Н. Меркулов, и его преемником на этом посту стал глава СМЕРШа генерал-полковник В. С. Абакумов, который подчинялся напрямую И. В. Сталину, всё ещё сохранявшему за собой пост главы военного ведомства страны. По мнению одних учёных (Ю. Н. Жуков³⁷), это назначение серьёзно ослабило позиции Л. П. Берии и, напротив, дало существенные преимущества новому начальнику Управления кадров ЦК А. А. Кузнецову, который по должности курировал весь силовой блок союзного правительства. По сути дела, речь шла о создании нового тандема молодых сталинских выдвиженцев. Однако решающего назначения на вакантный пост председательствующего на Оргбюро ЦК так и не последовало, и по этой причине А. А. Кузнецов не смог де-факто стать вторым секретарём ЦК ВКП(б). Следствием этой «пикантной» ситуации стал рост личного соперничества между ним и А. А. Ждановым, которые теперь в равной степени стали претендовать на роль второго человека в партии. Между тем другие авторы, в частности профессора О. В. Хлевнюк и Й. Горлицкий³⁸, отрицают данный «умозрительный» конструкт своего давнего оппонента и утверждают, что именно тогда общее руководство всем аппаратом ЦК, Оргбюро и Секретариатом ЦК перешло в руки А. А. Жданова, который де-факто вернул себе временно утерянный пост второго секретаря ЦК. Более того, А. Н. Волынец, ссылаясь на мемуары генерала П. А. Судоплатова, уверяет, что именно А. А. Жданов, в отличие от «промолчавших» В. М. Молотова и Л. П. Берии, «горячо поддержал» сталинское предложение о назначении В. С. Абакумова новым главой МГБ, у которого тут же установились «самые тесные дружеские отношения» с А. А. Кузнецовым³⁹.

Между тем тень «Авиационного дела» вскоре пала на главкома сухопутных войск, заместителя министра Вооружённых сил СССР маршала Советского Союза Г. К. Жукова, на которого главный маршал авиации А. А. Новиков дал признательные показания о подготовке им военного переворота. Чуть позже, уже в ходе детального расследования знаменитого «Трофейного дела» в 1946-1948 годах, были арестованы ряд генералов, в том числе Группы Советских войск в Германии, особо близких к самому Г. К. Жукову: генерал-лейтенанты К. Ф. Телегин, В. Г. Терентьев и В. В. Крюков, — которые вполне правомерно были обвинены в нецелевой растрате армейских фондов и вывозе с оккупированных территорий огромного количества дорогостоящей старинной мебели, сотен картин кисти видных европейских живописцев, гобеленов, столового серебра и драгоценностей.

Уже в начале июня 1946 года состоялся разбор «дела Жукова» на заседании Высшего Военного Совета, в котором приняли участие все члены Политбюро и высший генералитет страны. Обвинения против главкома сухопутных войск поддержали ряд членов Политбюро, в том числе В. М. Молотов, Г. М. Маленков и А. А. Жданов, и особо активно начальник Главного Управления кадров и заместитель

главы военного ведомства страны генерал-полковник Ф. И. Голиков. Однако целый ряд видных советских полководцев, в том числе маршалы Советского Союза Александр Михайлович Василевский, Константин Константинович Рокоссовский, Иван Степанович Конев, Василий Данилович Соколовский и особенно маршал бронетанковых войск Павел Семёнович Рыбалко, отметив личные недостатки и тяжёлый характер маршала Г. К. Жукова, а также крупные ошибки в его работе, твёрдо заявили, что он является настоящим советским патриотом и не может быть организатором мифического «военного заговора». Тем не менее по итогам заседания маршал Г. К. Жуков, вполне правомерно обвинённый в потере личной скромности, моральном разложении, а также непомерных амбициях, был снят со своих высоких постов и назначен с явно показательным понижением командующим Одесским военным округом.

Однако на этом злословия опального маршала не закончились. Напротив, вскоре Министерство госбезопасности СССР стало расследовать новые дела, связанные с работой Г. К. Жукова и его окружения в Германии. Многие авторы (Б. В. Соколов, В. О. Дайнес, С. Ю. Рыбас, В. Г. Краснов, А. А. Самсонов⁴⁰) традиционно говорят о том, что за организацией «Трофейного дела» лично стоял давний жуковский недоброжелатель генерал-полковник В. С. Абакумов, который, выполняя сталинское поручение, буквально «носом рыл землю», добывая компромат на Г. К. Жукова. Однако их оппоненты (Р. Г. Пихоя⁴¹) полагают, что вся организационная работа по этому делу проводилась под непосредственным руководством новоиспечённого секретаря ЦК, куратора МГБ А. А. Кузнецова и председателя Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) М. Ф. Шкирятова. При этом, как считал сам Г. К. Жуков, против него «орудовал» Н. А. Булганин, который ещё в начале марта 1946 года занял пост первого заместителя министра Вооружённых сил СССР⁴².

Следует сказать, что вопрос о реальной подоплёке «Трофейного дела» давно стал предметом очень острых дискуссий в современной историографии. Ряд историков (А. В. Пыжиков, А. А. Данилов, А. Н. Волынец⁴³) пытаются связать гонения на Г. К. Жукова и его «генеральскую команду» с общей борьбой за власть, в частности с ударом по позициям Г. М. Маленкова, который в годы войны был наиболее близок к опальным маршалам. Другие авторы (Р. Г. Пихоя, А. И. Вдовин⁴⁴) полагают, что опала Г. К. Жукова была связана с горячим желанием вождя поставить на место зарвавшийся генералитет, который, пребывая в ореоле спасителей Отечества, мог составить реальную угрозу его единовластию. Неслучайно ещё 9 февраля 1946 года в своей знаменитой речи перед избирателями в Верховный Совет СССР И. В. Сталин прямо заявил: «Говорят, что победителей не судят, что их не следует критиковать, не следует проверять. Это неверно. Победителей можно и нужно судить, можно и нужно критиковать и проверять. Это полезно не только для дела, но и для самих победителей, меньше будет зазнайства, больше будет скромности». Наконец, ещё одна группа авторов (Ю. Н. Жуков, Б. В. Соколов, А. А. Самсонов⁴⁵) утверждает, что опала Г. К. Жукова носила вполне оправданный характер и имела своей главной целью «воспитательное воздействие» на не в меру амбициозного маршала, который возомнил себя единственным спасителем всего Отечества и стал банальным барахольщиком, вывезя с территории поверженной Германии огромное количество дорогой мебели, ковров, картин, мехов, столового серебра и другого трофейного имущества.

Как уже говорилось выше, в мае 1946 года в связи с «Делом авиаторов» опросом членов ЦК Г. М. Маленков был выведен из состава Секретариата ЦК и заменён членом Оргбюро и главой Организационно-инструкторского отдела ЦК Николаем Семёновичем Патоличевым — прямой креатурой А. А. Жданова, с которым он был знаком ещё со времён своей нижегородской комсомольской юности⁴⁶. Однако главное состояло всё же не этом, а в том, что Н. С. Патоличев, будучи с начала января 1942 года Первым секретарём Челябинского обкома ВКП(б), сыграл выдающуюся роль в создании и работе легендарного «Танкограда», за что в годы войны был удостоен трёх орденов Ленина. При этом надо сказать, что причины столь неожиданного ослабления позиций Г. М. Маленкова остаются до сих пор невыясненными. Более того, существует чисто умозрительное представление М. Я. Геллера, А. М. Некрича и других⁴⁷, что именно тогда он был якобы переведён на работу в далёкий Ташкент. Однако, как считают многие историки (Р. Г. Пихоя, Ю. Н. Жуков⁴⁸), эти представления не находят подтверждения в архивах, в том числе в его персональном фонде РГАСПИ (Ф. 83. Оп. 1). Более того, в личных бумагах Г. М. Маленкова, хранящихся в фондах Секретариата и Политбюро ЦК, нет никаких упоминаний о его командировке в Узбекистан, хотя неясностей о месте его реального пребывания в указанный период остаётся предостаточно. При этом есть косвенные данные, в частности характер рассылки документов Совмина СССР и ЦК ВКП(б), позволяющие утверждать, что с мая по октябрь 1946 года Г. М. Маленкова действительно не было в Москве, куда он вернулся только спустя пять месяцев, поскольку уже 5 октября 1946 года начал работать его личный секретариат в Совете Министров СССР. При этом существует версия, что именно в эти месяцы Г. М. Маленков непосредственно занимался организацией всей работы Спецкомитета № 2 по реактивному вооружению, который был создан специальным Постановлением Совета Министров СССР от 13 мая 1946 года № 1017-419сс⁴⁹. Причём, судя по оригиналу источника, фамилию Г. М. Маленкова как руководителя Спецкомитета синим карандашом вписал лично И. В. Сталин, поскольку фамилии всех остальных его членов, в том числе Д. Ф. Устинова, И. Г. Зубовича, Н. Д. Яковлева, И. А. Серова, А. И. Берга и других, были уже напечатаны на машинке.

Тем временем 8 июля 1946 года по инициативе А. А. Жданова принимается ещё одно Постановление ЦК «О росте партии и мерах по усилению партийно-организационной и партийно-политической работы с вновь вступившими в ВКП(б)», которое предусматривало проведение обязательных экзаменов по проверке теоретических знаний всех без исключения членов партии. Конечно, А. А. Жданов, памятуя сталинские слова о том, что партия давно «превратилась в хор псаломщиков и отряд аллилуйщиков», был глубоко убеждён, что «без теоретической подготовки партработник ничто»⁵⁰, а посему придавал этому вопросу крайне важное значение.

Между тем в начале августа 1946 года произошла новая перегруппировка сил в верхних эшелонах власти, связанная с тем, что: 1) новым заместителем председателя Совета Министров СССР, членом его Бюро и заместителем руководителя Оперативного Бюро Совмина СССР, главой которого являлся Л. П. Берия, был утверждён глава Спецкомитета по ракетной технике Г. М. Маленков, который вновь укрепил свои позиции в ближайшем сталинском окружении, правда, уже не в традиционной роли партийного «бонзы», а в статусе государственного управленца, лично отвечавшего за деятельность ряда министерств, в том числе вооружений, электропромышленности, промышленности, средств связи и т.д.; 2) руководство всей

работой Оргбюро и Секретариата ЦК было возвращено А. А. Жданову, который вновь, как и до войны, стал де-факто вторым лицом в партийной иерархии и вместе со И. В. Сталиным опять стал подписывать все совместные Постановления СМ СССР и ЦК ВКП(б)⁵¹.

Тогда же отдельным Постановлением Политбюро на основании «Записки» А. А. Жданова был определён и новый статус, а также уточнены функции Оргбюро и Секретариата ЦК. В соответствии с этим документом Оргбюро ЦК было названо «директивным органом ЦК ВКП(б) по партийной и партийно-организационной работе», а Секретариат был уже определён как «постоянно действующий рабочий орган ЦК», главными задачами которого являются: 1) подготовка вопросов, подлежащих рассмотрению Оргбюро ЦК; 2) проверка исполнения всех решений Политбюро и Оргбюро ЦК; 3) организация через соответствующие управления и отделы исполнения решений ЦК; 4) наконец, распределение руководящих партийных, советских и хозяйственных кадров. Хорошо известно, что этими вопросами Секретариат ЦК занимался и раньше, поэтому гораздо более важным было то, что этим же Постановлением был впервые резко понижен его статус, поскольку здесь было указано, что: 1) «Секретариат ЦК не имеет регулярных заседаний и собирается по мере необходимости» и 2) «Секретариат ЦК не имеет своего плана работы, а руководствуется планом работы Оргбюро и решениями Политбюро». Кроме того, тем же Постановлением Организационно-инструкторский отдел был преобразован в Управление по проверке партийных органов, главой которого стал Н. С. Патоличев.

Таким образом, по мнению ряда историков (М. В. Зеленов⁵²), руководство отделами ЦК формально и — самое главное — уже реально переместилось из Секретариата в Оргбюро ЦК. Правда, историки до сих пор спорят, кто же возглавил этот орган. Так, сам М. В. Зеленов считает, что главой Оргбюро ЦК стал Г. М. Маленков, а его коллеги Ю. Н. Жуков и В. А. Кутузов⁵³ утверждают, что им стал А. А. Жданов. Думается, что вторая точка зрения гораздо ближе к истине, поскольку, как уже отмечалось выше, именно с этого момента все совместные Постановления СМ СССР и ЦК ВКП(б) вновь стали подписывать И. В. Сталин и А. А. Жданов. Первый — как председатель Совета Министров СССР, а второй — как секретарь ЦК ВКП(б).

Кстати, последнее обстоятельство, на которое вполне справедливо обратили внимание ряд историков (Ю. Н. Жуков, В. А. Кутузов, М. В. Зеленов⁵⁴), ставит под веское сомнение утвердившееся в горбачёвское и постсоветское время представление большинства их коллег (Ю. С. Аксёнов, Р. Г. Пихоя, А. И. Вдовин, А. В. Пыжиков, А. А. Данилов, Г. В. Костырченко, А. Н. Волынец⁵⁵) о наличии некоей особо сплочённой «ленинградской группы» в составе А. А. Жданова, Н. А. Вознесенского, А. А. Кузнецова и А. Н. Косыгина, которая якобы единым фронтом противостояла группировке Л. П. Берии — Г. М. Маленкова.

В связи с этим обстоятельством нелишним будет напомнить об известном Постановлении Оргбюро ЦК «О журналах "Звезда" и "Ленинград"» от 14 августа 1946 года, о котором более подробно мы писали в своей книге «Осень патриарха»⁵⁶. Хорошо известно, что в послесталинской историографии выход данного Постановления всегда связывали с крайностями «сталинского культа», зримо проявившегося в «завинчивании гаек на фронтах культурного строительства». Причём авторами этого документа, по той же устоявшейся традиции, называли И. В. Сталина и А. А. Жданова. Но в период пресловутой горбачёвской перестройки в исторической литературе сложилось устойчивое представление, что выход данного

Постановления был связан не с проблемами «литературного творчества», а исключительно с борьбой за власть внутри Политбюро ЦК. При этом до сих пор среди историков продолжается дискуссия о том, кто стал инициатором этого документа, против кого он был направлен и какова была конечная цель этой политической интриги. В настоящий момент значительная часть авторов сходятся во мнении, что главным объектом этой атаки стал именно А. А. Жданов, которого любым способом пытались убрать с поста второго секретаря ЦК, а значит, и потенциального наследника вождя. При этом В. В. Кожин, В. А. Кутузов, Д. Л. Бабиченко, Г. В. Костырченко, Д. Байрау и А. Н. Волынец уверяют, что этим персонажем был Г. М. Маленков⁵⁷. А их оппоненты (Ю. Н. Жуков) утверждают, что инициатором документа стал А. А. Кузнецов⁵⁸. При этом представители первого лагеря приводят не очень убедительные аргументы, в частности пару критических реплик Г. М. Маленкова в адрес Ленинградского горкома партии на известном заседании Оргбюро ЦК, а представители другого лагеря ссылаются на документы, в том числе переписку А. А. Кузнецова с начальником Ленинградского управления МГБ генерал-лейтенантом П. Н. Кубаткиным, который подготовил и направил своему бывшему соратнику, ставшему теперь секретарём ЦК и начальником Управления кадров, справку о «Серапионовых братьях», явившуюся отправной точкой появления этого Постановления.

Между тем в октябре 1946 года решением Политбюро были существенно расширены права руководящей «шестёрки», созданной ещё в декабре 1945 года, и новым членом «семёрки», как она стала официально именоваться, стал председатель Госплана Н. А. Вознесенский. Как установил Ю. Н. Жуков, именно с этого момента де-факто прекратились официальные (протокольные) заседания Политбюро ЦК, которые за последующие семь лет собирались только дважды — в декабре 1947 и в июле 1949 года. Причём, как полагает тот же Ю. Н. Жуков, первейшую роль в этой «семёрке» стали играть Л. П. Берия, Н. А. Вознесенский, реально руководившие работой союзного правительства, и А. А. Жданов, возглавлявший весь центральный партаппарат. Более того, Л. П. Берия и Н. А. Вознесенский, возглавлявшие Бюро Совмина СССР, а также А. А. Жданов как второй секретарь ЦК, естественно, стремились закрепить своё нынешнее положение. С этой целью ещё в начале января 1947 года они настояли на решении Политбюро о созыве в конце 1947 — начале 1948 года XIX съезда ВКП(б), а уже в конце февраля 1947-го о предстоящем партийном форуме узнали и все остальные члены ЦК, приглашённые в Москву на новый партийный Пленум. Сообщение по этому вопросу делал лично А. А. Жданов, огласивший членам ЦК предстоящую повестку съезда, в том числе принятие на нём Третьей партийной программы и нового партийного устава, а также назвавший тех сотрудников центрального партаппарата, кому поручалась подготовка всех этих документов⁵⁹. Среди главных разработчиков были названы сам Андрей Александрович Жданов и якобы его прямая креатура, начальник Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Георгий Фёдорович Александров. Хотя, как установили ряд современных авторов (Г. С. Батыгин, И. Ф. Девятко), уже после отставки Г. Ф. Александрова (по итогам так называемой «философской дискуссии») непосредственно проект Третьей программы готовили другие аппаратчики, а именно новый начальник Отдела пропаганды и агитации ЦК Дмитрий Трофимович Шепилов и два руководителя журнала «Большевик» Пётр Николаевич Федосеев и Марк Борисович Митин⁶⁰.

Между тем тогда же, в феврале 1947 года, но ещё до Пленума ЦК, произошёл так называемый «дворцовый мини-переворот», авторами которого, вероятнее всего, стали два аутсайдера «семёрки» — В. М. Молотов и Г. М. Маленков. Как считает тот же Ю. Н. Жуков, именно их усилиями было состряпано совместное Постановление Совмина СССР и ЦК ВКП(б) «Об организации работы Совета Министров СССР», в соответствии с которым был кардинально изменён весь состав Бюро СМ СССР. Новым руководителем этого Бюро стал И. В. Сталин, его первым замом — В. М. Молотов, а «рядовыми» членами — все остальные заместители председателя Совета Министров СССР и руководители восьми отраслевых Бюро: Л. П. Берия, Г. М. Маленков, А. И. Микоян, К. Е. Ворошилов, Н. А. Вознесенский, Л. М. Каганович, А. Н. Косыгин и М. З. Сабуров, а также А. А. Андреев, не получивший под своё начало какого-либо бюро. Таким образом, вновь произошло серьёзное укрепление позиций В. М. Молотова и Г. М. Маленкова в верхних эшелонах власти.

Тогда же, в феврале 1947 года, началась и новая кампания против высшей военной верхушки, связанная, вероятно всего, с тем, что И. В. Сталин, готовя себе замену на посту министра Вооружённых сил, вновь решил поставить на место самых известных и авторитетных полководцев прошедшей войны. Сначала жертвой этой кампании стал главком Военно-Морского флота СССР адмирал флота Николай Герасимович Кузнецов, который из-за разногласий с вождём по программе развития ВМФ был снят с должностей главкома и заместителя министра Вооружённых сил СССР и отправлен в «ссылку» в Ленинград, где возглавил Управление военно-морских учебных заведений. Вместе с тем, по мнению самого Н. Г. Кузнецова и ряда известных историков (Ю. А. Никифоров⁶¹), причины его опалы были «многолики», в частности: 1) острые разногласия с руководством двух Министерств — судостроительной промышленности и транспортного машиностроения — А. А. Гореглядом, В. А. Малышевым и И. И. Носенко, — которые жёстко выступали за дальнейшее строительство тяжёлых крейсеров в противовес строительству авианосцев; 2) острый конфликт с самим И. В. Сталиным и начальником Главного штаба ВМФ адмиралом флота И. С. Исаковым по поводу раздела Балтийского флота на Юго-Балтийский флот (4-й ВМФ) и Северно-Балтийский флот (8-й ВМФ), которые, соответственно, возглавили адмиралы Г. И. Левченко и В. Ф. Трибуц; 3) и, наконец, интриги генерала армии Н. А. Булганина, который, по словам самого Н. Г. Кузнецова, сознательно «раздул кадило» этого конфликта как раз накануне своего назначения на пост министра Вооружённых сил СССР.

Ещё раньше, в январе 1947 года, «за длинные языки» было арестовано всё бывшее руководство Приволжского военного округа: генерал-полковник В. Н. Гордов, генерал-лейтенант Г. И. Кулик и генерал-майор Ф. Т. Рыбальченко, которые через три года будут расстреляны за покушение на измену Родине, создание антисоветской контрреволюционной организации и подготовку теракта против советских вождей. А в том же феврале 1947-го вновь настал черёд уже опального маршала Г. К. Жукова, который на февральском Пленуме ЦК был выведен из состава членов этого высшего партийного ареопага⁶². Надо сказать, что в исторической литературе либерального толка (Р. Г. Пихоя, Г. В. Коростыченко, О. В. Хлевнюк, С. С. Близниченко, С. Е. Лазарев⁶³) уже давно сложилась ярко выраженная тенденция представлять буквально всех репрессированных маршалов, генералов и адмиралов невинными жертвами сталинского террора, однако непредвзятый анализ архивных документов красноречиво говорит о том, что ряд «обиженных» генералов не только вели пьяные

крамольные беседы за обеденным столом, нецензурно оскорбляли И. В. Сталина и ряд других членов высшего руководства страны, но и реально вынашивали планы военного переворота.

Кстати, известный ждановский биограф А. Н. Волынец привёл в своей книге очень любопытный пассаж из записной книжки А. А. Жданова, сделанный им накануне февральского Пленума: «Посмотреть список членов и кандидатов ЦК... вывести Маленкова, Жукова»⁶⁴. На взгляд самого А. Н. Волынца, «без сомнения, такие намерения в отношении Маленкова не были только личной инициативой» А. А. Жданова. Но, вероятно, в последний момент И. В. Сталин «счёл нецелесообразным убирать единственного конкурента Жданова в ЦК. В итоге Маленков остался в составе Центрального комитета и, более того, опять начал набирать вес и влияние».

Между тем в самом начале марта 1947 года ещё одним заместителем председателя Совета Министров СССР и членом его Бюро был назначен генерал армии Николай Александрович Булганин, который тогда же сменил И. В. Сталина на посту министра Вооружённых сил СССР. А уже через полгода для престижа, по инициативе самого вождя, он был уравнен в армейских погонах со своими заместителями, в частности с А. М. Василевским, В. Д. Соколовским и И. С. Коневым, и также удостоен маршальского звания. Кроме того, по мнению ряда историков (Ю. Н. Жуков⁶⁵), есть все основания полагать, что одновременно Н. А. Булганин стал и полноправным членом правящей «семёрки», которая теперь стала именоваться «восьмёркой». Тогда же из состава Бюро СМ СССР был выведен и Л. М. Каганович, который уехал в Киев, где временно сменил в должности Первого секретаря ЦК КП(б)У Н. С. Хрущёва, сохранившего за собой пост председателя Совета Министров УССР, занятый им ещё в феврале 1944 года.

Надо сказать, что в обыденном сознании за маршалом Н. А. Булганиным прочно закрепилась «слава» не очень далёкого и пьющего человека, которого больше влекли всякого рода амуры с «девицами из варьете», чем ежедневная тяжёлая работа. Однако это, конечно, не так. Н. А. Булганин давно попал в поле зрения вождя и с подачи Л. М. Кагановича ещё в феврале 1931 года возглавил Моссовет. Затем в июле 1937-го он становится председателем СНК РСФСР, а через пару месяцев и полноправным членом ЦК. А уже в 1938 году он занимает целый ряд ответственных постов, в том числе заместителя председателя СНК СССР и главы Правления Госбанка СССР, каковым остается всю войну. Во многом ему принадлежит выдающаяся роль в том, что советская финансовая система лучше всех воюющих стран перенесла тяготы этого лихолетья. Кроме того, во время самой войны, будучи сугубо штатским управленцем, он неплохо справлялся с ролью члена Военного совета Западного, 2-го Прибалтийского и 1-го Белорусского фронтов, за что в ноябре 1944 года был удостоен воинского звания генерала армии, введен в состав ГКО и назначен заместителем самого И. В. Сталина по Наркомату обороны СССР.

Тогда же, в конце февраля — начале марте 1947 года, началось массированное наступление на позиции второго секретаря ЦК А. А. Жданова. Одни историки (Р. Г. Пихоя, А. В. Пыжиков, А. А. Данилов⁶⁶) утверждают, что новой атакой на лидера «ленинградской группировки» руководили лично Г. М. Маленков и Л. П. Берия. Однако их оппоненты (Ю. Н. Жуков⁶⁷) твёрдо убеждены, что ею руководили не только Г. М. Маленков, но также В. М. Молотов и А. А. Кузнецов, пытавшийся вернуть себе прежнее расположение вождя и покончить со своим бывшим шефом,

отношения с которым резко пошатнулись вскоре после снятия ленинградской блокады.

Надо сказать, что вопрос об отношениях А. А. Жданова и А. А. Кузнецова уже давно является предметом острой дискуссии. Так, А. Н. Волынец уверяет, что их отношения, особенно с момента назначения А. А. Кузнецова в сентябре 1937 года вторым секретарём Ленинградского обкома, носили не только деловой, но и самый тёплый дружеский характер и сохранялись до последних дней жизни А. А. Жданова. Что сам А. А. Жданов очень активно продвигал своего «главного помощника по политическим вопросам», а также всячески патронировал всем членам своей команды, особенно П. С. Попкову и Я. Ф. Капустину. Более того, как свидетельствует А. И. Микоян, все члены ждановской команды «Искренне хорошо относились друг к другу, любили друг друга, как настоящие друзья»⁶⁸. Однако целый ряд их оппонентов не разделяют столь радужную оценку этой «дружбы». Например, В. А. Кутузов и В. А. Кузнецов утверждают, что отношения между главными ленинградскими вождями резко испортились ещё в самом начале войны и основной причиной их конфликта стало рукописное письмо И. В. Сталина А. А. Кузнецову, которое в начале блокады ему привёз тогдашний глава НКГБ СССР В. Н. Меркулов. Само это письмо до сих пор не найдено, но его текст, в частности сталинский пассаж о том, что «Алексей, вся надежда на тебя. Родина тебя не забудет», частенько используется в разного рода публикациях⁶⁹. Однако, как нам представляется, более доказательной является позиция Ю. Н. Жукова, который, опираясь на архивные источники, в том числе политическую возню вокруг известного Постановления ЦК «О журналах "Звезда" и "Ленинград"», заявил, что этот конфликт возник, а затем стал стремительно разрастаться накануне окончания войны по вине именно А. А. Кузнецова.

Конечно, сам И. В. Сталин, знавший о серьёзной болезни своего верного и близкого партийного товарища и личного друга, уже очень давно страдавшего сердечно-сосудистой недостаточностью, хорошо понимал, что А. А. Жданову необходимо готовить адекватную замену в аппарате ЦК. Поэтому следующим шагом по нейтрализации второго человека в партии стало отстранение от работы в центральном партаппарате ряда его прямых выдвиженцев, в том числе нового секретаря ЦК Н. С. Патоличева, его заместителя по Управлению по проверке парторганов ЦК С. Д. Игнатьева и двух заместителей начальника УПА М. Т. Иовчука и К. С. Кузакова. Причём первых трёх даже удалили из Москвы: Н. С. Патоличев отъехал в Киев на пост секретаря ЦК КП(б)У по сельскому хозяйству, а С. Д. Игнатьев и М. Т. Иовчук — в Минск секретарями ЦК КП(б) Белоруссии по сельскому хозяйству и пропаганде. Туда же, но уже на пост Первого секретаря белорусского ЦК был направлен инспектор УПА Н. И. Гусаров.

Затем в конце мая 1947 года «опросом» членов ЦК руководитель Отдела внешней политики ЦК ВКП(б) Михаил Андреевич Суслов был утверждён сразу в двух новых должностях — при сохранении прежнего поста — секретаря ЦК и начальника Управления по проверке партийных органов, который до него возглавлял Н. С. Патоличев. Политическая звезда Михаила Андреевича взошла ещё до войны, когда этот дипломированный экономист, успевший в конце 1920-х — 1930-х годах поработать в МГУ, Промакадемии, ЦКК ВКП(б), Наркомате РКИ и Комиссии советского контроля при СНК СССР, в конце февраля 1939 года возглавил Ставропольский крайком ВКП(б) и стал членом ЦРК. Во время обороны Кавказа, уже будучи членом ЦК, он стал начальником краевого Штаба партизанского движения, а

затем и членом Военного Совета Закавказского и Северо-Кавказского фронтов. Затем уже в ноябре 1944 года по протекции Г. М. Маленкова он был назначен главой Бюро ЦК ВКП(б) по Литовской ССР с чрезвычайными полномочиями, где проявил явные способности по ликвидации последствий войны и организации борьбы с «лесными братьями». Эти заслуги М. А. Суслова были вскоре отмечены в Москве, в том числе И. В. Сталиным, и уже весной 1946 года он становится членом Оргбюро и главой Отдела внешней политики ЦК.

Наконец в сентябре 1947 года произошло ещё три очень примечательных события. Во-первых, по итогам известной «философской дискуссии», вокруг которой за последние десятилетия нагромождено немало антисталинских мифов⁷⁰, своих постов лишились начальник Управления пропаганды и агитации ЦК Г. Ф. Александров и его первый заместитель П. Н. Федосеев. Надо сказать, что в мемуарной и исторической литературе существуют разные оценки этого события. Так, Ю. Н. Жуков уверяет, что эта акция стала прямым ударом по позициям А. А. Жданова⁷¹. Однако ряд его оппонентов (Д. Т. Шепилов, О. А. Глотова, А. Н. Волынец⁷²) полагают, что опала «катедер-коммуниста» (то есть «коммуниста от профессорской кафедры») Г. А. Александрова и ряда его «мальчиков» стала «мстью» А. А. Жданова и А. А. Кузнецова своему главному конкуренту Г. М. Маленкову, в том числе за прошлогоднюю кампанию вокруг журналов «Звезда» и «Ленинград». Более того, в глазах самого А. А. Жданова вся эта маленковская команда, «окопавшаяся на идеологическом фронте и монополизировавшая всё в своих руках», уже давно представляла собой «не революционеров и марксистов», а мелкобуржуазных интеллигентов. И в этой связи удар по ней соединил политические убеждения А. А. Жданова с его личным интересом.

Во-вторых, новым главой УПА был назначен секретарь ЦК М. А. Суслов, сохранивший за собою должность заведующего Отделом внешней политики ЦК, а его первым заместителем стал Дмитрий Трофимович Шепилов. Гораздо позднее, вспоминая это назначение, он привёл слова А. А. Жданова, сказанные им на Старой площади в здании ЦК: «Есть такие соображения... назначить вас пока заместителем начальника Управления пропаганды и агитации ЦК. Начальником предполагается оформить М. А. Суслова, но он будет отвлечён другими делами, так что фактически вам придётся вести всё дело. Уберите с идеологического фронта всю эту мелкую буржуазию, привлечите свежих людей из обкомов, из армейских политработников, и дело пойдёт наверняка».

В-третьих, сам И. В. Сталин вновь возвысил А. А. Кузнецова, передав ему как секретарю ЦК курирование МГБ и введя в состав руководящей «восьмёрки», ставшей теперь «девяткой». Одновременно были упразднены две Комиссии ЦК ВКП(б) по подготовке нового проекта Конституции СССР и новой партийной программы, председателем которых был А. А. Жданов. Кроме того, на неопределённое время было отложено и проведение XIX съезда партии, который в нарушение партийного устава не собирался уже восемь лет. В итоге, как считает тот же Ю. Н. Жуков, А. А. Жданов оказался в положении «генерала без армии», утратив былую возможность влиять на подготовку и принятие важных решений. Хотя формально он всё ещё оставался вторым секретарём ЦК, председательствующим на всех заседаниях Секретариата и Оргбюро ЦК. При этом реальные властные полномочия по линии ЦК теперь де-факто перешли к М. А. Суслову. Аналогичное положение второго лица, но уже по государственной линии тогда же занял В. М. Молотов, который стал главой

ещё одного нового разведоргана — Комитета информации при Министерстве иностранных дел СССР.

Между тем, по информации ряда авторов (М. В. Зеленов⁷³), в середине декабря 1947 года в аппарате В. М. Молотова активно стали обсуждаться варианты реформы прохождения службы в органах государственной власти и управления, а именно — восстановления дореволюционной системы чинов и персональных званий. С этой целью был даже подготовлен отдельный проект Указа Президиума Верховного Совета СССР о введении персональных званий: младший советник, советник, старший советник, государственный советник и действительный государственный советник. Однако в таком радикальном варианте эта реформа так и не была проведена, хотя отдельные её элементы были реализованы почти через год, в начале ноября 1948 года, совместным Постановлением Политбюро и Секретариата ЦК, которое приравнивало все должностные оклады и денежное довольствие сотрудников аппаратов Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б).

Наконец, в том же декабре 1947 года в Москву из Киева на прежнюю свою должность заместителя председателя Совета Министров СССР вернулся Л. М. Каганович, назначенный вскоре председателем Госснаба СССР, а Н. С. Хрущёв вновь стал Первым секретарём ЦК КП(б)У, уступив место главы Совета Министров Украинской ССР Демьяну Сергеевичу Коротченко.

¹⁷ Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945—1953. М., 2002.

¹⁸ Жуков Ю.Н. Сталин: тайны власти. М., 2005; Жуков Ю.Н. Борьба за власть в руководстве СССР в 1945-1952 годах // Вопросы истории. 1995, № 1; Данилов А.А. Высшие органы власти СССР в первые послевоенные годы // Историческая наука на рубеже веков. М., 2001.

¹⁹ РГАСПИ Ф. 17. Оп. 3. Д. 2182. Л. 11; Аллилуев В.Ф. Хроника одной семьи. М., 1995; Жуков Ю.Н. Сталин: тайны власти. М., 2005.

²⁰ Жуков Ю.Н. Сталин: тайны власти. М., 2005; Жуков Ю.Н. Борьба за власть в руководстве СССР в 1945-1952 годах // Вопросы истории. 1995. № 1; Хлевнюк О.В., Горлицкий Й. Холодный мир. Сталин и завершение сталинской диктатуры. М., 2011; Хлевнюк О.В. Сталин: жизнь одного вождя. М., 2015; Данилов А.А., Пыжиков А.В. Рождение сверхдержавы. 1945-1953 гг. М., 2002.

²¹ Жуков Ю.Н. Борьба за власть в руководстве СССР в 1945-1952 годах // Вопросы истории. 1995. № 1; Жуков Ю.Н. Сталин: тайны власти. М., 2005.

²² Волынец А.Н. Жданов. М., 2013; Хлевнюк О.В., Горлицкий Й. Холодный мир. Сталин и завершение сталинской диктатуры. М., 2011.

²³ Зеленов М.В. Перестройка аппарата ЦК ВКП(б) в 1946 г., июле 1948 и октябре 1952 г.: структура, кадры и функции (источники для изучения) // Новейшая история России. 2011. № 1.

²⁴ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 2. Д. 1127. Л. 82.

²⁵ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 2. Д. 1127. Л. 82.

²⁶ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 753. Л. 25-28.

²⁷ Жуков Ю.Н. Борьба за власть в руководстве СССР в 1945-1952 годах // Вопросы истории. 1995. № 1; Жуков Ю.Н. Сталин: тайны власти. М., 2005.

²⁸ Хлевнюк О.В., Горлицкий Й. Холодный мир. Сталин и завершение сталинской диктатуры. М., 2011.

- ²⁹ Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти, 1945-1991. М., 2000.
- ³⁰ Волынец А.Н. Жданов. М., 2013.
- ³¹ Жуков Ю.Н. Борьба за власть в руководстве СССР в 1945-1952 годах // Вопросы истории. 1995. № 1; Жуков Ю.Н. Сталин: тайны власти. М., 2005; Хлевнюк О.В., Горлицкий Й. Холодный мир. Сталин и завершение сталинской диктатуры. М., 2011; Зеленов М.В. Перестройка аппарата ЦК ВКП(б) в 1946 г. ... // Новейшая история России. 2011. № 1.
- ³² ГАРФ, Ф. 5446. Оп. 1. Д. 275. Л. 35, 121-122.
- ³³ Звягинцев В.Е. Трибунал для героев. М., 2005; Костырченко Г.В. История авиационного дела 1946 года // Страницы истории Минавиапрома СССР. М., 2011.
- ³⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1056. Л. 24.
- ³⁵ Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920-1950-е годы. М., 1996; Костырченко Г.В. История авиационного дела 1946 года // Страницы истории Минавиапрома СССР. М., 2011.
- ³⁶ Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945-1953. М., 2002.
- ³⁷ Жуков Ю.Н. Борьба за власть в руководстве СССР в 1945-1952 годах // Вопросы истории. 1995. № 1; Жуков Ю.Н. Сталин: тайны власти. М., 2005.
- ³⁸ Хлевнюк О.В., Горлицкий Й. Холодный мир. Сталин и завершение сталинской диктатуры. М., 2011.
- ³⁹ Судоплатов П.А. Спецоперации Лубянка и Кремль: 1930—1950 годы. М., 1997; Волынец А.Н. Жданов. М., 2013.
- ⁴⁰ Соколов Б.В. Неизвестный Жуков: портрет без ретуши в зеркале эпохи. М., 2000; Дайнес В.О. Жуков: биография отдельного лица. М., 2010; Рыбас С.Ю. Сталин. М., 2015; Краснов В.Г. Жуков. Маршал великой империи. Лавры и тернии полководца. М., 2005; Самсонов А.А. Генеральское дело // Военное обозрение. Июнь 2016.
- ⁴¹ Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти, 1945-1991. М., 1998.
- ⁴² Петров Н.В. Иван Серов — председатель КГБ. М., 2021.
- ⁴³ Данилов А.А., Пыжиков А.В. Рождение сверхдержавы. 1945-1953 гг. М., 2002; Волынец А.Н. Жданов. М., 2013.
- ⁴⁴ Вдовин А.И. История СССР от Ленина до Горбачёва. М., 2014; Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти, 1945-1991. М., 1998.
- ⁴⁵ Жуков Ю.Н. Сталин: тайны власти. М., 2005; Соколов Б.В. Неизвестный Жуков. М., 2000; Самсонов А.А. Генеральское дело // Военное обозрение, июнь 2016.
- ⁴⁶ Патоличев Н.С. Испытание на зрелость. М., 1977; Волынец А.Н. Жданов. М., 2013.
- ⁴⁷ Геллер М.Я., Некрич А.М. История России 1917-1995. Т. 2. Утопия у власти, 1945-1985. М., 1996.
- ⁴⁸ Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти 1945-1991. М., 1998; Жуков Ю.Н. Сталин: тайны власти. М., 2005.
- ⁴⁹ ГАРФ Ф. Р-5446. Оп. Зас. Д. 23. Л. 216-224.
- ⁵⁰ Записные книжки А. А. Жданова. РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 3. Д. 179. Л. 10; Проект программы ВКП(б). РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 476. Л. 190; Жданов Ю.А. Взгляд в прошлое. Воспоминания очевидца. Ростов н/Д., 2004.
- ⁵¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 2188. Л. 96-98.
- ⁵² Зеленов М.В. Перестройка аппарата ЦК ВКП(б) в 1946 г. ... // Новейшая история России. 2011. № 1.
- ⁵³ Жуков Ю.Н. Сталин: тайны власти. М., 2005; Кутузов В.А. Так называемое

«Ленинградское дело» // Вопросы истории КПСС. 1989. № 3; Кутузов В.А. Загадочная смерть А. А. Жданова // Новейшая история России. 2013. № 1.

⁵⁴ Жуков Ю.Н. Сталин: тайны власти. М., 2005; Кутузов В.А. Так называемое «Ленинградское дело» // Вопросы истории КПСС. 1989. № 3; Кутузов В.А. «Ленинградское дело»: мифы и реалии // Судьбы людей. «Ленинградское дело». СПб., 2009; Кутузов В.А. Загадочная смерть А. А. Жданова // Новейшая история России. 2013. № 1; Зеленев М.В. Перестройка аппарата ЦК ВКП(б) в 1946 г. ... // Новейшая история России. 2011. № 1.

⁵⁵ Аксёнов Ю.С. Апогей сталинизма: послевоенная пирамида власти // Вопросы истории КПСС. 1990. № 11; Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти, 1945-1991. М., 1998; Пыжиков А.В. Ленинградская группа: путь к власти (1946-1949) // Свободная мысль. 2001. № 3; Данилов А.А. Сталинское Политбюро в послевоенные годы // Политические партии: страницы истории. М., 2000; Данилов А.А. И. В. Сталин в 1945-1953 гг.: новые источники и попытки осмысления // Историография сталинизма. М., 2007; Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. М., 2001; Волынец А.Н. Жданов. М., 2013; Вдовин А.И. История СССР от Ленина до Горбачёва. М., 2014.

⁵⁶ Спицын Е.Ю. Осень патриарха. М., 2018.

⁵⁷ Кожинов В.В. Россия. Век XX (1939-1964). Опыт беспристрастного исследования. М., 1999; Кутузов В.А. А.А. Жданов и постановление ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград» // Новая и новейшая история. 2001. № 1; Бабиченко Д.Л. Жданов, Маленков и дело ленинградских журналов // Вопросы литературы. 1993; Костырченко Г.В. В плену у красного фараона. Политические преследования евреев в последнее сталинское десятилетие. М., 1994; Байрау Д. Интеллигенция и власть: советский опыт // Отечественная история. 1994. № 2; Волынец А.Н. Жданов. М., 2013.

⁵⁸ Жуков Ю.Н. Борьба за власть в руководстве СССР в 1945-1952 годах // Вопросы истории. 1995. № 1; Жуков Ю.Н. Сталин: тайны власти. М., 2005.

⁵⁹ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 14. Л. 21; Жуков Ю.Н. Борьба за власть в руководстве СССР в 1945-1952 годах // Вопросы истории. 1995. № 1; Жуков Ю.Н. Сталин: тайны власти. М., 2005; Волынец А.Н. Жданов. М., 2013.

⁶⁰ Батыгин Г.С., Девятко И.Ф. Дело академика Г.Ф. Александрова. Эпизоды 40-х годов // Человек. 1993. № 1.

⁶¹ Никифоров Ю.А. Кузнецов Николай Герасимович // Сто великих полководцев. М., 2015.

⁶² РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 1-2.

⁶³ Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти, 1945-1991. М., 1998; Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина. М., 2001; Хлевнюк О.В. Сталин: жизнь одного вождя. М., 2015; Близниченко С.С., Лазарев С.Е. Борьба с «космополитами» в военно-морских академиях (1947-1953 гг.) // Известия Тульского ГУ. 2012. № 3.

⁶⁴ Записные книжки А. А. Жданова. РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 3. Д. 179. Л. 29.

⁶⁵ Жуков Ю.Н. Сталин: тайны власти. М., 2005.

⁶⁶ Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти, 1945-1991. М., 1998; Пыжиков А.В. Ленинградская группа: путь к власти (1946-1949) // Свободная мысль, 2001. № 3; Данилов А.А. Сталинское Политбюро в послевоенные годы // Политические партии: страницы истории. М., 2000; Данилов А.А. И. В. Сталин в 1945-1953 гг.: новые источники и попытки осмысления // Историография сталинизма. М., 2007; Данилов

А.А., Пыжиков А.В. Рождение сверхдержавы. 1945-1953 гг. М., 2002.

⁶⁷ Жуков Ю.Н. Сталин: тайны власти. М., 2005.

⁶⁸ Волынец А.Н. Жданов. М., 2013; Микоян А.И. Так было. М., 1999.

⁶⁹ Кутузов В.А. А.А. Жданов или А.А. Кузнецов? К вопросу о лидерстве в блокированном Ленинграде // Новейшая история России. 2012. № 1; Кузнецов В.А. Сталин назвал моего отца своим преемником, и это был смертный приговор // Комсомольская правда, 01.10.2016.

⁷⁰ Спицын Е.Ю. Осень патриарха. М., 2018; Волынец А.Н. Жданов. М., 2013; Батыгин Г.С., Девятко И.Ф. Дело академика Г.Ф. Александрова. Эпизоды 40-х годов // Человек. 1993. № 1; Батыгин Г.С. Манёвры на философском фронте: эпизоды 40-х годов // Человек. 1993. № 2; Есаков В.Д. К истории философской дискуссии 1947 года // Вопросы философии. 1993. № 3; Плимак Е.Г. «Надо основательно прочистить мозги»: (К 50-летию философской дискуссии 1947 г.) // Вопросы философии. 1997. № 7.

⁷¹ Жуков Ю.Н. Борьба за власть в руководстве СССР в 1945-1952 годах // Вопросы истории. 1995. № 1; Жуков Ю.Н. Сталин: тайны власти. М., 2005.

⁷² Шепилов Д.Т. Непримкнувший. М., 2001; Глотова О.А. Андрей Александрович Жданов: Идеологическая деятельность в 1920-1940-е годы. Дисс. канд. ист. наук. М., 2005; Волынец А.Н. Жданов. М., 2013.

⁷³ Зеленов М.В. Перестройка аппарата ЦК ВКП(б) в 1946 г. ... // Новейшая история России. 2011. № 1.

3. Расклад сил и группировок в верхних эшелонах власти в 1948-1952 годах

Наступивший новый год был ознаменован новым всплеском гонений против высших армейских чинов. Сначала (по итогам расследования «Трофейного дела») их жертвой вновь стал маршал Г. К. Жуков, которого в январе 1948 года перевели из Одессы в Свердловск на менее значимый пост командующего Уральским военным округом. Затем в феврале 1948 года жертвами «армейских чисток» стали ряд бывших руководителей ВМФ, в частности уже опальный адмирал флота Н. Г. Кузнецов, которого теперь понизили уже до звания контр-адмирала и перевели служить на Дальний Восток, заместителем к маршалу Р. Я. Малиновскому по ВМС, а также адмиралы Л. М. Галлер, В. А. Алафузов и Г. А. Степанов, которых осудили к разным срокам заключения за их давние «военные грешки», в том числе за передачу англо-американским союзникам во время войны ряда секретных материалов и чертежей по различным видам вооружений и морских карт⁷⁴.

Тогда же, в феврале, а затем в марте 1948 года последовали новые важные перестановки в узком руководстве страны. Во-первых, министр Вооружённых сил СССР маршал Н. А. Булганин стал полноправным членом Политбюро ЦК; во-вторых, министр иностранных дел СССР В. М. Молотов был вновь снят с должности первого заместителя председателя Совета Министров СССР, и руководство Бюро СМ СССР было поочерёдно возложено на Л. П. Берия, Г. М. Маленкова и Н. А. Вознесенского, и, в-третьих, новым членом Политбюро стал заместитель председателя Совета Министров СССР Алексей Николаевич Косыгин, который одновременно (но только до декабря 1948 года) был назначен министром финансов СССР. Как считают многие исследователи, своей головокружительной карьерой А. Н. Косыгин был обязан прежде всего А. А. Жданову⁷⁵, по протекции которого уже в июле 1938 года он становится заведующим промышленно-транспортным отделом Ленинградского обкома, а всего через три месяца — главой Ленинградского горисполкома. В самом начале января 1939-го его переводят в Москву и назначают наркомом текстильной промышленности СССР, а на XVIII партсъезде по предложению А. А. Жданова избирают и в состав ЦК. С этого момента круг его полномочий и аппаратный вес только росли, и в результате после войны как заместитель председателя Совета Министров СССР и член его Бюро он прочно входит в узкую когорту ближайших сталинских соратников.

Между тем в июле 1948 года решением Политбюро ЦК была проведена очередная реорганизация центрального партаппарата, начатая И. В. Сталиным, В. М. Молотовым и А. А. Ждановым ещё в марте 1939 года, когда после XVIII съезда ВКП(б) начался процесс мягкого отстранения партийной бюрократии от оперативных рычагов власти и передачи властных полномочий союзному правительству. Эта перестройка властной вертикали, которая знаменовала собой мягкий поэтапный переход от прежнего производственно-отраслевого к функциональному принципу построения партаппарата и завершённая в апреле 1946 года, теперь же, по мнению ряда историков (Ю. Н. Жуков, В. М. Зеленов, А. В. Пыжиков⁷⁶), по сути, была отменена. Решением Политбюро ЦК в центральном партаппарате вместо прежних Управлений вновь создавались производственно-отраслевые отделы, руководство

которыми было возложено на четырёх секретарей ЦК: А. А. Жданова, М. А. Сулова и А. А. Кузнецова, в целом сохранивших контроль над всеми своими отделами, и Г. М. Маленкова, который из Совета Министров СССР вновь вернулся в свою «вотчину» и занял пост секретаря ЦК. Одновременно новым секретарём ЦК стал его очередной протеже генерал-лейтенант Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко, который в период войны возглавлял Центральный штаб партизанского движения, а затем с февраля 1944 года не только вернулся к руководству ЦК Компартии Белоруссии, но и одновременно стал главой Совета Министров Белорусской ССР. Надо сказать, что это был его второй «заход» в центральный партаппарат, поскольку в 1937-1938 годах он уже работал там инструктором, а затем и заместителем заведующего Отделом руководящих партийных органов ЦК. Однако в июне 1938-го по решению Политбюро, которое ему лично озвучил А. А. Андреев, он уехал в Минск на пост Первого секретаря республиканского ЦК. Теперь же он вошёл в ранг высших руководителей страны, а новым главой Белорусской парторганизации по его же рекомендации стал бывший Первый секретарь Молотовского обкома Николай Иванович Гусаров, с которым он успел поработать ещё до войны в том самом Отделе руководящих парторганов ЦК.

Кстати, по информации целого ряда историков (О. В. Хлевнюк, В. А. Кутузов, М. В. Зеленов, А. В. Сушков⁷⁷), данный проект очередной реформы аппарата ЦК готовил именно А. А. Жданов, который в своей «Пояснительной записке» не только резко атаковал А. А. Кузнецова и выступал за разделение крайне громоздкого Управления кадров ЦК ВКП(б) на целый ряд кадровоотраслевых отделов, но и предлагал изменить функции и состав секретарей ЦК, увеличив численность последних до 12 человек, каждый из которых должен был теперь курировать подбор и расстановку кадров в отдельной сфере государственного управления. Однако последнее (видимо, слишком радикальное) предложение А. А. Жданова не было учтено его коллегами по Политбюро, и новую реформу аппарата ЦК провели в урезанном варианте. Между тем, как верно подметили те же В. А. Кутузов, М. В. Зеленов и К. А. Болдовский⁷⁸, данный проект, обнаруженный в бывшем Центральном партийном архиве, вновь ставит под сомнение устоявшееся представление о существовании некой «ленинградской группировки» во главе с А. А. Ждановым и массовой «кадровой экспансии» ленинградских аппаратчиков и секретарей в высшие эшелоны власти страны. Хотя последняя задача действительно ставилась, но вовсе не А. А. Ждановым, а А. А. Кузнецовым.

При этом следует сказать, что тот же профессор В. А. Кутузов в одной из своих публикаций «А. А. Жданов и Постановление ЦК ВКП(б) о журналах "Звезда" и "Ленинград"» дословно писал, что неслучайно в закрытом письме Политбюро членам и кандидатам в члены ЦК ВКП(б) "Об антипартийной враждебной группе Кузнецова, Попкова, Родионова, Капустина, Соловьёва и др." прямо отмечалась «политическая ответственность, которая ложится на Жданова А. А. за враждебную деятельность ленинградской «верхушки», ибо совершенно непонятно, «как мог А. А. Жданов не разглядеть враждебного лица А. А. Кузнецова, П. С. Попкова, Я. Ф. Капустина, Н. В. Соловьёва и других, которых он настойчиво выдвигал»⁷⁹.

В результате проведённой реорганизации всего центрального партаппарата: 1) упразднённое Управление пропаганды и агитации ЦК стало одноимённым Отделом ЦК, который возглавил генерал-майор Д. Т. Шепилов при прежнем его кураторстве со стороны А. А. Жданова; 2) бывшее Управление по проверке партийных органов ЦК

было преобразовано в Отдел партийных, профсоюзных и комсомольских органов, главой которого был назначен второй секретарь МК ВКП(б) Б. Н. Черноусов. Кстати, именно данный Отдел, контролировавший не только все без исключения министерства и ведомства страны, но и весь партийный аппарат, стал курировать Г. М. Маленков; 3) наконец, Управление кадров, которое на протяжении многих лет оставалось неприкосновенным, впервые поделили на семь отделов, распределённых между тремя секретарями ЦК. Важнейший из них — Административный отдел, который возглавил Е. Е. Андреев, — непосредственно занимавшийся подбором и расстановкой всех руководящих кадров в Министерствах вооружённых сил, госбезопасности, внутренних дел и юстиции, включая всю судебную систему и прокуратуру, А. А. Кузнецов пока что удержал за собой, однако все остальные «кадровые» Отделы ЦК — машиностроения (В. М. Чураев), тяжёлой (С. Б. Задонченко) и лёгкой (Н. М. Пегов) промышленности, сельскохозяйственный (А. И. Козлов), транспортный (Т. А. Чумаченко) и планово-финансово-торговый (С. В. Сазонов) — были «по-братски» распределены между Г. М. Маленковым, А. А. Кузнецовым и П. К. Пономаренко. Перемены не коснулись лишь Отдела внешней политики ЦК, изменилось только его название — отныне он стал называться Отделом внешнеполитических сношений, — но его заведующим остался тот же Михаил Андреевич Сулов, который, как и другой секретарь ЦК — Георгий Михайлович Попов, — бывший одновременно Первым секретарём МК ВКП(б), не получил никаких дополнительных обязанностей по Секретариату ЦК.

По мнению ряда авторов (Ю. Н. Жуков), такой расклад сил в центральном партаппарате, всё ещё оставлявший А. А. Кузнецову невеликий шанс сохранить своё положение в «девятке», на самом деле оказался призрачным⁸⁰. Хотя именно тогда резко пошатнулось здоровье А. А. Жданова, который в один из июльских дней по дороге в кремлёвский кабинет вождя потерял сознание в своём служебном автомобиле. Серьёзные проблемы со здоровьем начались у А. А. Жданова ещё в сентябре 1941 года, когда немцы взяли Шлиссельбург и замкнули кольцо блокады Ленинграда. Тогда у него случился первый инфаркт, который он перенёс на ногах, поскольку «как министр всех министерств» северной столицы не мог в столь критические дни позволить себе роскошь отлёживаться в постели.

Уже 5 июля 1948 года на стол И. В. Сталину легло заключение консилиума кремлёвских эскулапов — академиков А. М. Гринштейна и В. Н. Виноградова, профессора П. И. Егорова и личного ждановского врача Г. И. Майорова, где было указано, что «за последнее время в состоянии здоровья тов. Жданова А. А. наступило значительное ухудшение — усилились явления сердечной недостаточности настолько, что уже при обычных движениях возникает одышка. Сердце значительно расширено... и в связи с ослаблением сердечной деятельности упало кровяное давление». В этой связи врачи потребовали для него два месяца отпуска: — на лечение в условиях строгого постельного режима, другой — для реабилитации и отдыха. Внимательнее ознакомившись с этим заключением врачей, И. В. Сталин красным карандашом вывел слово «за» и расписался на нём. А на следующий день в решении Политбюро появился такой пункт: «Разрешить т. Жданову А. А. отпуск с 10 июля на 2 месяца, согласно заключению врачей»⁸¹.

Вечером 10 июля «узкий круг» собрался в кабинете И. В. Сталина и принял Постановление «О реорганизации аппарата ЦК ВКП(б)», согласно которому на Г. М. Маленкова временно возлагались все полномочия второго секретаря ЦК, которые

через пару месяцев станут постоянными. А поздним вечером 12 июля А. А. Жданов в последний раз появился в сталинском кабинете в Кремле и утром следующего дня отбыл на правительственную дачу на Валдай. Первые 10 дней его здоровье шло на поправку. Но вечером 23 июля 1948 года во время телефонного разговора с Д. Т. Шепиловым у А. А. Жданова произошёл тяжёлый сердечный приступ, однако симптомов инфаркта на кардиограмме не обнаружили. Уже в середине августа врачи сняли строгий постельный режим, а на 9 сентября даже запланировали обсудить вопрос о возвращении своего пациента в Москву. Более того, тогда же по поручению Политбюро на Валдай приехал Н. А. Вознесенский⁸². Однако в ночь на 28 августа после ряда новых телефонных разговоров с Москвой А. А. Жданова вновь сразил сердечный приступ. И утром на Валдай экстренно прилетели академики В. Н. Виноградов, В. Х. Василенко, профессор П. И. Егоров и заведующий кардиологическим кабинетом кремлёвской больницы Л. Ф. Тимашук. Именно она диагностировала инфаркт миокарда у второго человека в партии. Однако остальные врачи выступили против этого диагноза, заявив, что у больного «функциональное расстройство на почве гипертонической болезни». 29 августа у А. А. Жданова повторился аналогичный приступ, однако по указанию В. Н. Виноградова и П. И. Егорова на сей раз Л. Ф. Тимашук не только было запрещено проводить новую ЭКГ, но и «вторично в категорической форме было предложено переделать заключение, не указывая на инфаркт миокарда», о чём она сразу поставила в известность начальника ждановской охраны майора А. М. Белова, а через него и генерал-лейтенанта Н. С. Власика, который с апреля 1946 года возглавлял уже Главное управление охраны МГБ СССР⁸³. Наконец, 31 августа, сразу после обеда, у А. А. Жданова случился третий сердечный приступ, который и свёл его в могилу.

Существует версия, что это трагическое событие не вызвало особых эмоций у И. В. Сталина, поскольку к тому времени его отношение к А. А. Жданову резко изменилось в худшую сторону⁸⁴. Однако многие сталинские соратники, в частности А. И. Микоян, Н. С. Хрущёв и В. М. Молотов, в один голос говорят о том, что вождь «питал какую-то слабость к Жданову», «относится к нему очень внимательно», «больше всех ценил» и «просто великолепно к Жданову относился»⁸⁵. Неслучайно А. А. Жданов, как до этого М. И. Калинин, был удостоен чести быть погребённым не в Кремлёвской стене, а в земле у её подножья, за Мавзолеем В. И. Ленина.

Безусловно, уход А. А. Жданова вызвал новый виток борьбы внутри «узкого руководства» за роль возможного преемника И. В. Сталина. Традиционный взгляд на данную проблему, широко представленный в работах большинства современных авторов (В. А. Кутузов, В. И. Демидов, Р. Г. Пихоя, Ю. В. Аксёнов, Е. Ю. Зубкова, А. В. Пыжиков, А. А. Данилов, Г. В. Костырченко, О. В. Хлевнюк, Й. Горлицкий, А. З. Ваксер, А. Н. Волынец, С. Ю. Рыбас, А. А. Амосова и др.⁸⁶), состоит в том, что эта острая схватка за власть была борьбой «ленинградской» и «бериевско-маленковской» группировок в правящей элите. При этом ряд авторов (В. Д. Кузнечевский⁸⁷) в категорической форме утверждают, что эта острая борьба была инспирирована лично И. В. Сталиным и очень коварно и умело направлялась самим вождём с целью разгрома «русской партии» внутри ВКП(б), которую якобы олицетворяли «ленинградцы». Однако их оппоненты (Ю. Н. Жуков, М. В. Зеленев⁸⁸) более обоснованно говорят о том, что вся эта борьба гораздо больше походила на личное соперничество Г. М. Маленкова и А. А. Кузнецова, который после смерти А. А. Жданова любыми средствами пытался вернуть себе прежнее расположение вождя и

ключевую роль второго человека в партии, который по традиции вёл заседания Секретариата ЦК.

В конце концов победу в этой острейшей борьбе одержал Г. М. Маленков, с подачи которого уже в январе 1949 года А. А. Кузнецов был освобождён от должности секретаря ЦК и утверждён секретарём только что созданного Дальневосточного бюро ЦК ВКП(б). Правда, сам А. А. Кузнецов не торопился покидать Москву и исполнять решение Секретариата ЦК. Более того, он стал «бомбить» вождя личными посланиями с разного рода кляузами, клятвами и просьбами. Поэтому 15 февраля 1949 года вышло Постановление Политбюро ЦК «Об антипартийных действиях члена ЦК ВКП(б) т. Кузнецова А. А., кандидатов в члены ЦК ВКП(б) тт. Родионова М. И. и Попкова П. С.»⁸⁹, которое стало прелюдией знаменитого «Ленинградского дела».

А уже через неделю в Ленинград прибыл новый партийный вожак — Василий Михайлович Андрианов, — который в годы войны, возглавляя Свердловский обком и горком ВКП(б), за успешное руководство военно-промышленным комплексом всего региона был удостоен четырёх орденов Ленина. В марте 1946 года он был переведён в Москву на руководящую работу в цековский аппарат, где стал членом Оргбюро ЦК, а уже через полгода был назначен сразу заместителем начальника Управления по проверке партийных органов ЦК и председателя Совета по делам колхозов при Совете Министров СССР. За ним быстро закрепилась слава очень жёсткого руководителя, человека с крутым нравом, который терпеть не мог расхлябанности, кумовства и прочих «управленческих» пороков. Считается, что В. М. Андрианов был маленковской креатурой, однако его биограф А. В. Сушков уверяет, что его деловые качества были хорошо известны И. В. Сталину и вполне возможно, что новый «хозяин Смольного» был выбран именно им⁹⁰.

Вскоре в северную столицу прибыл ещё один сталинский назначенец — Фрол Романович Козлов — выпускник Ленинградского политеха, который в годы войны, будучи вторым секретарём Ижевского горкома, сыграл выдающуюся роль в обеспечении фронта стрелковым оружием. Как пишет тот же доцент А. В. Сушков, эта ответственная работа в Ижевске потребовала от него «не только чёткости, оперативности и компетентности в принятии решений, но и наложила серьёзный отпечаток на личность, характер, стиль и методы его руководства, сформировала жёсткого руководителя сталинского типа»⁹¹. В середине мая 1944 года Секретариат ЦК по подсказке Г. М. Маленкова принял решение о переводе Ф. Р. Козлова на работу в Москву, в Управление кадров ЦК, где он проработал без малого три года на постах ответственного организатора, а затем инспектора ЦК. А уже в марте 1947-го он уезжает на пост второго секретаря Куйбышевского обкома, где становится куратором всего промышленного, в том числе военного, комплекса области. Затем в середине сентября 1949 года Ф. Р. Козлов был утверждён инспектором ЦК ВКП(б), но буквально через две недели уехал в Ленинград, где в самом конце ноября по предложению В. М. Андрианова был избран вторым секретарём Ленинградского горкома. Именно в этой должности он застал «решение ЦК о разграничении постов первого секретаря обкома и первого секретаря горкома» и в середине января 1950 года с подачи того же В. М. Андрианова стал главой Ленинградского горкома партии.

Между тем предыстория отставки А. А. Кузнецова и появления упомянутого Постановления ЦК была такова: осенью 1947 года глава Совета Министров РСФСР Михаил Иванович Родионов и Первый секретарь Ленинградского обкома и горкома

Пётр Сергеевич Попков, опираясь на покровительство Н. А. Вознесенского и А. А. Кузнецова, в значительно большей степени, чем это допускал сам И. В. Сталин, стали активно разыгрывать карту «русского патриотизма». В частности, П. С. Попков предлагал создать внутри ВКП(б) отдельную Российскую коммунистическую партию (большевиков) (РКП(б)), объявить Ленинград столицей РСФСР и перевести туда Совет Министров РСФСР, а М. И. Родионов в своём письме на имя И. В. Сталина попросил его «рассмотреть вопрос о создании Бюро ЦК ВКП(б) по РСФСР», которое, по его мнению, «необходимо для предварительного рассмотрения вопросов РСФСР, вносимых в ЦК ВКП(б) и союзное Правительство»⁹². Стареющий вождь, хорошо помнивший «зиновьевскую фронду» 1920-х годов, сразу расценил это предложение как стремление обособить Ленинград и его парторганизацию от ЦК, создать внутри ВКП(б) фактическое двоевластие и лично разъяснял П. С. Попкову на заседании Политбюро, «куда это ведёт, и что это значит», о чём в присутствии Г. М. Маленкова он и поведал лично на объединённом Пленуме ленинградских обкома и горкома в феврале 1949 года, то есть задолго до того, как чекисты принялись «выбивать» из него нужные показания⁹³. При этом ссылки ряда авторов (А. Н. Волинец, В. Д. Кузнецевский), как и ряда мемуаристов (Н. С. Хрущёв, А. И. Микоян) на то, что у А. А. Жданова и всех его выдвиженцев из числа «нижегородцев» и «ленинградцев» было налицо «ярко выраженное русофильство», а у Н. А. Вознесенского даже «великодержавный шовинизм редкой степени» не очень согласуются с реальными фактами. Тем более что новые руководители Ленинградской парторганизации Ф. Р. Козлов и В. М. Андрианов и по месту своего рождения (в Рязанской и Калужской губерниях), и по опыту своей работы исключительно в российских весях и городах были не меньшими «русофилами», чем их предшественники.

При этом, безусловно, история с организацией и проведением в январе 1949 года в северной столице Всероссийской оптовой ярмарки, инициированной руководством российского правительства и ленинградской парторганизации, по мнению целого ряда историков (Ю. Н. Жуков, Ю. В. Емельянов, А. И. Вдовин, В. Д. Кузнецевский, Д. Л. Бранденбергер⁹⁴), стала лишь удобным поводом для расправы с «русофильской партией» внутри ВКП(б) и демонстрации жёсткого и показательного урока всем потенциальным «сепаратистам», пожелавшим разыграть очередную национальную карту. Куда более серьёзным проступком была фальсификация результатов тайного голосования на X Ленинградской областной и VIII Ленинградской городской объединённой партконференции, состоявшейся в декабре 1948 года. Об этом «инциденте» стало известно из анонимного письма в ЦК ВКП(б), где было указано, что во многих бюллетенях были вычеркнуты фамилии П. С. Попова, Г. Ф. Бадаева, Я. Ф. Капустина и ряда других партийных «бонз» Ленинграда. Тем не менее председатель счётной комиссии А. Я. Тихонов объявил на конференции об их единогласном избрании в состав руководящих органов. К содержанию данного письма в Москве отнеслись более чем серьёзно и поручили расследование этого «инцидента» лично Г. М. Маленкову.

Как справедливо указал доцент А. В. Сушков, система тайного голосования по выборам всех партийных комитетов, инициированная И. В. Сталиным ещё на февральско-мартовском Пленуме ЦК 1937 года, стала для него важнейшим индикатором эффективности работы всех региональных руководителей. И нетрудно догадаться, как вождь воспринял информацию о том, что его систему тайного голосования показательно и нагло сфальсифицировали. Неслучайно именно эта

фальсификация, а вовсе не пьянство или безмерные растраты партийных и государственных средств, получила очень жёсткую оценку в докладе нового Первого секретаря Ленинградского горкома Ф. Р. Козлова на IX Ленинградской партконференции в январе 1950 года⁹⁵.

Когда в феврале 1949 года Г. М. Маленков во главе группы ответственных сотрудников аппарата ЦК прибыл для разбирательства этого дела в северную столицу, то на объединённом Пленуме Ленинградской парторганизации он во всей своей красе убедился в тотальном разложении местной партийной верхушки и их бывшего «шефа» А. А. Кузнецова, которого почти все выступающие характеризовали как «человека исключительно властолюбивого, своенравного, не терпящего возражений», перед которым «все преклонялись», поскольку, как выразился секретарь Ленинградского обкома Г. Г. Воротов, «это царь и бог Ленинграда». Понятно, что подобные нелюбезные оценки А. А. Кузнецова поставили крест на планах направить его на руководящую работу цеховского масштаба — секретарём Дальневосточного бюро ЦК ВКП(б). И решениями Политбюро от 7 марта 1949 года он был выведен из состава членов Оргбюро ЦК ВКП(б) и утверждён слушателем Военно-политической академии имени В. И. Ленина⁹⁶.

Между тем тогда же, в первой половине марта 1949 года, последовали новые «потрясения» в «узком руководстве», поскольку: 1) решением Политбюро ЦК со своих постов министров иностранных дел и внешней торговли СССР были неожиданно отставлены В. М. Молотов и А. И. Микоян, места которых заняли А. Я. Вышинский и М. А. Меньшиков; 2) Н. А. Вознесенский за обман советского правительства, фальсификацию данных статистики и утерю особо секретных документов был выведен из состава Политбюро и снят с постов члена Бюро, заместителя председателя Совета Министров СССР и председателя Госплана СССР и заменён прямой креатурой Г. М. Маленкова — Максимом Захаровичем Сабуровым, который с марта 1941 года трудился зампредом главы Госплана СССР, а с февраля 1947-го работал уже заместителем председателя Совета Министров СССР и главой Бюро СМ СССР по машиностроению.

Надо сказать, что, по мнению многих историков (Р. Г. Пихоя, О. В. Хлевнюк, Й. Горлицкий, А. И. Вдовин⁹⁷), период с марта по сентябрь 1949 года также был отмечен целым рядом других важных событий на «политическом фронте», в частности: 1) укреплением аппаратных позиций Н. А. Булганина, который в марте 1949 года, формально уступив место министру Вооружённых сил СССР начальнику Генерального штаба маршалу А. М. Василевскому, оставаясь заместителем, а затем (с апреля 1950 года) оказавшись и единственным первым заместителем председателя Совета Министров СССР, стал фактическим куратором всего военно-промышленного комплекса страны и почти всех силовых министерств и ведомств, за исключением двух Спецкомитетов — по атомной проблеме и реактивной технике, — которые остались за Л. П. Берией и Г. М. Маленковым; 2) очередным и резким усилением позиций самих Г. М. Маленкова и Л. П. Берии, которые в начале сентября 1949 года де-факто возглавили преобразованный из прежнего Бюро Президиум Совета Министров СССР. При этом, как заявили те же Й. Горлицкий и О. В. Хлевнюк, именно Н. А. Булганин мог быть полезен И. В. Сталину как реальный противовес тандему Л. П. Берия — Г. М. Маленков, а демонстративное выдвижение Н. А. Булганина на первые роли в союзном правительстве стало последним актом построения нового баланса сил между ближайшими соратниками вождя после

устранения от власти «ленинградцев». Однако ряд их оппонентов, прежде всего Ю. Н. Жуков, считают, что реальная обстановка в верхних эшелонах власти была не столь однозначной, как это представляется его коллегам, с которыми уже не первый год ведётся острая дискуссия.

Тем временем 20 сентября 1949 года министр финансов СССР Арсений Григорьевич Зверев направил Г. М. Маленкову служебную записку «О грубых нарушениях финансовой дисциплины быв. руководящими работниками исполкома Ленинградского городского совета депутатов трудящихся»⁹⁸, которая по его указанию была направлена для ознакомления всем остальным секретарям ЦК, заместителю председателя Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) Матвею Фёдоровичу Шкирятову и министру госбезопасности СССР Виктору Семёновичу Абакумову. В этой записке содержался богатый список прегрешений всего ленинградского руководства, самым «невинным» из которых было прямое нарушение Постановления СНК СССР от 2 января 1945 года «О запрещении расходования средств на устройство банкетов». Как установили сотрудники Минфина СССР, только в 1946-1949 годах проведение коллективных «пьянок» обошлось казне в 296 316 рублей, из которых 104610 рублей было потрачено на спиртные напитки. Также за счёт государственных средств оплачивались квартиры, дачи, домашние телефоны и даже папиросы высшего руководства Ленинграда и Ленобласти. Чуть позже все эти сведения были подтверждены группой московских инспекторов, которую возглавили ответственный контролёр КПК В. Синельщиков и главный госконтролёр Министерства госконтроля СССР П. Разуваев, о чём они сообщили своим непосредственным начальникам — заместителю председателя КПК при ЦК ВКП(б) М. Ф. Шкирятову и министру госконтроля СССР Л. З. Мехлису.

Однако самым вопиющим оказалось то, что, по данным органов МГБ СССР, первые лица Ленинграда, включая самого А. А. Кузнецова, были теснейшим образом связаны с развитой коррупционной сетью, опутавшей весь город. В ходе агентурнооперативной разработки преступной группы «Скорпионы» во главе с матёрым аферистом Н. А. Карнаковым сотрудники отдела по борьбе с бандитизмом установили, что её нити ведут в Смольный. Однако дальнейшая работа по этим связям была оборвана самим начальником управления МГБ по Ленинградской области генерал-лейтенантом П. Н. Кубаткиным, который был не только тесно связан с коррупционерами, но и находился в приятельских отношениях с А. А. Кузнецовым. Поэтому, уже будучи в Москве, в феврале 1946 года именно А. А. Кузнецов, ознакомившись с информацией о ходе операции «Скорпионы», дал команду прекратить дальнейшее расследование данного дела и от греха подальше «сослал» П. Н. Курбаткина начальником Управления МГБ по Горьковской области⁹⁹. Тем не менее по указанию В. С. Абакумова новый начальник Ленинградского УМГБ генерал-лейтенант Д. Г. Родионов продолжил работу по «Делу Скорпионов», поскольку, как уверяет профессор Б. А. Старков, лично И. В. Сталина очень заинтересовали связи П. С. Попкова, Я. Ф. Капустина, П. Г. Лазутина «и других высокопоставленных чиновников», а также самого Н. А. Вознесенского с представителями оргпреступности.

Между тем вскоре начался новый виток «репрессий» против так называемой «ленинградской группировки», и уже 12 октября 1949 года на свет появляется проект закрытого письма Политбюро ЦК «Об антипартийной враждебной группе Кузнецова, Попкова, Родионова, Капустина, Соловьёва и др.»¹⁰⁰, который дал старт аресту более

200 человек, в том числе Н. А. Вознесенского, А. А. Кузнецова, П. С. Попкова, Я. Ф. Капустина, М. И. Родионова, П. Г. Лазутина, И. М. Турко и других «ленинградцев».

Традиционная, однако, как нам кажется, не вполне обоснованная точка зрения (Р. Г. Пихоя, А. В. Пыжиков, А. А. Данилов, О. В. Хлевнюк, Й. Горлицкий, А. И. Вдовин¹⁰¹), которую советские, а затем российские историки «позаимствовали» из работы небезызвестного англо-американского историка Р. Конквеста¹⁰², состоит в том, что за кровавой расправой над «ленинградцами» стояли Л. П. Берия и Г. М. Маленков. Однако их оппоненты (Ю. Н. Жуков¹⁰³), опираясь на анализ архивных документов, полагают, что, вероятнее всего, инициатором этого громкого «политического» процесса стал секретарь ЦК М. А. Суслов, который именно таким способом рассчитывал серьёзно укрепить свои позиции в высшем партруководстве. Как бы то ни было, но в самом начале октября 1950 года «Ленинградское дело» завершилось очень суровым судебным приговором для многих его фигурантов и скорым расстрелом всех их «вождей»: А. А. Кузнецова, Н. А. Вознесенского, П. С. Попкова, М. И. Родионова, Я. Ф. Капустина и ряда других. Причём, вопреки бесконечным стенаниям и «плачам скорби» доморощенных антисталинистов и новоявленных монархистов (В. Д. Кузнечевский¹⁰⁴), ни о каком массовом «отстреле» «этнически русских ленинградцев» десятками тысяч человек речи вообще не шло. «Кровавый» сталинский режим осудил чуть больше 200 «ленинградцев», из которых к высшей мере социальной защиты приговорил 23 представителей центральной и региональной партийно-государственной бюрократии.

Более того, уже давно как в советской, так и в современной историографии, в том числе в работах Ю. С. Аксёнова, Р. А. Медведева, Р. Г. Пихои, А. И. Вдовина, А. А. Данилова, В. П. Попова, В. Д. Кузнечевского¹⁰⁵, утвердилось довольно умозрительное, но устоявшееся представление, что гибель «ленинградской группировки» была обусловлена отнюдь не тем, что их противники оказались более искусными и опытными политическими интриганами и игроками. В более широком плане проигрыш этой группы, или воображаемой «русской партии» внутри ЦК ВКП(б), означал крупное поражение того «либерального» направления в руководстве страны, которое было ориентировано на иное решение острейших политических, экономических и социальных проблем, в частности резкое смещение приоритетов хозяйственного развития страны в сторону отраслей группы «Б», подготовку новой Конституции СССР и новой Третьей программы ВКП(б). Одновременно поражение этой группировки стало победой того «реакционного направления» в политическом руководстве страны, которое было кровно связано с ВПК и делало ставку на его всемерное развитие как главный инструмент в сражениях на фронтах холодной, а затем и реальной войны и достижение мирового господства под мнимым знаменем мирового коммунизма. Однако, на взгляд ряда их оппонентов (Ю. Н. Жуков, Ю. В. Емельянов¹⁰⁶), эта умозрительная конструкция не подтверждается анализом архивных документов, и, вероятнее всего, члены «ленинградской группировки» стали жертвами собственных непомерных амбиций и неудачной игры в «русский патриотизм». Как говорилось в упомянутом выше закрытом письме Политбюро ЦК ВКП(б), «окружив себя политически сомнительными и морально разложившимися людьми, Кузнецов, Попков, Капустин, Соловьёв уже перед войной представляли из себя обособившуюся враждебную группу, стремившуюся рассадить угодные им кадры на руководящие посты в Ленинграде... После перехода А. Кузнецова на работу секретаря ЦК ВКП(б)... опираясь на расставленные ими свои кадры, группа

Кузнецова вынашивала замыслы овладения руководящими постами в партии и государстве. Во вражеской группе Кузнецова неоднократно обсуждался и готовился вопрос о необходимости создания РКП(б) и ЦК РКП(б), о намерении привести А. А. Кузнецова на пост первого секретаря ЦК РКП(б)... и о переносе столицы РСФСР из Москвы в Ленинград».

Более того, отнюдь не Н. А. Вознесенский, А. А. Кузнецов или М. И. Родионов, а именно Г. М. Маленков и ряд его выдвиженцев внутри центрального аппарата ЦК и Совета Министров СССР, прежде всего глава Госплана М. З. Сабуров, были сторонниками смягчения внутри- и внешнеполитического курса страны, что со всей очевидностью проявилось и в его докладе на XIX съезде ВКП(б), и сразу после смерти И. В. Сталина, когда он возглавил Совет Министров СССР и приступил к реализации собственной программы реформ.

Наконец, попытка многих современных авторов (Р. Г. Пихоя, А. В. Пыжиков, А. А. Данилов, Г. В. Костырченко, А. И. Вдовин¹⁰⁷) вслед за Р. Конквестом «слепить» на базе ленинградского землячества мифическую «ленинградскую группировку» трудно согласуется с тем обстоятельством, что один из самых видных выходцев из Ленинграда, кандидат в члены, а затем и полноправный член Политбюро ЦК и заместитель председателя Совета Министров СССР Алексей Николаевич Косыгин сохранял твёрдые позиции в высших эшелонах власти почти 30 лет и не стал жертвой «Ленинградского дела». Более того, как явствует из публичной покаянной речи П. С. Попкова, сам А. А. Кузнецов очень высокомерно относился к своему «земляку» и в одном из разговоров со своим сменщиком на посту главы Ленинграда и Ленобласти дословно сказал ему: «Плеть я хотел с высокого дерева на Косыгина»¹⁰⁸. То же самое касается и ряда других «ленинградцев», которые, по уверению А.Н.Волынца, оказались в Москве по протекции А. А. Жданова: заместителя военного министра и главкома ПВО маршала Советского Союза Леонида Александровича Говорова и начальника ГлавПУРа генерал-полковника Иосифа Васильевича Шикина, который уже в марте 1950 года перешёл на работу инспектором ЦК в Отдел партийных, профсоюзных и комсомольских органов. Не выдерживает критики и попытка ряда авторов, в частности того же В. Д. Кузнецевского, представить жертвой «ленинградской трагедии» Первого секретаря МК и МГК ВКП(б) и секретаря ЦК Георгия Михайловича Попова, которого он чохом причислил к «русской партии». Дело в том, что, потеряв эти высокие посты в декабре 1949 года, он тем не менее остался в номенклатурной обойме и вплоть до самого конца декабря 1951 года поочерёдно занимал посты министров городского строительства и сельскохозяйственного машиностроения СССР.

Между тем, пересмотрев свои прежние позиции, новый взгляд на данную проблему (правда, под очень необычным ракурсом) демонстрирует известный российский историк профессор А. В. Пыжиков, автор известной монографии «Корни сталинского большевизма», который прямо говорит об абсурдности традиционного взгляда на «ленинградскую группировку» как на некую «русскую партию» внутри ВКП(б)¹⁰⁹. По его весьма оригинальному взгляду, схватка между «ленинградцами» и «маленковцами» носила чисто «конфессиональный характер», поскольку костяк первой группировки составляла не пролетарская, а главным образом «церковно-интеллигентская» по своему происхождению «никонианская партия» А. А. Жданова, Н. А. Вознесенского, А. А. Кузнецова, П. С. Попкова, М. И. Родионова и других номенклатурных персон, а костяк другой, сугубо «пролетарской» (по своим истокам)

группировки составляла «староверческая партия» во главе с Г. М. Маленковым, в состав которой тогда входили легендарные «сталинские наркомы»: А. П. Завенягин, М. Г. Первухин, А. Г. Зверев, В. А. Малышев, Д. Ф. Устинов, И. А. Бенедиктов, И. Г. Кабанов и ряд других советских управленцев высшего совминовского звена. Причём давнее противоборство двух ветвей русского православия в условиях существования советской власти, естественно, уже воспроизводилось вне традиционного религиозного контекста и в иной, сугубо идеологической проекции.

Вместе с тем, как утверждает профессор О. В. Хлевнюк, анализ архивных документов не подтверждает наличие «принципиальных и программных разногласий между ближайшими сталинскими соратниками». По его мнению, все члены высшего руководства страны в равной степени боролись за влияние на И. В. Сталина, за личную благосклонность «хозяина» и старались скорее очернить друг друга в его глазах, чем отстаивать свои принципиальные позиции, решения или инициативы. В этой подковёрной борьбе всегда существовали строго определённые «правила игры»: конкуренты имели право направлять вождю любой компромат друг на друга, но все решения об использовании этих материалов, о прощении и наказании, а также о возможной мере наказания мог принимать только сам вождь. Это касалось и содержания самого компромата: его ближайшие соратники могли спокойно обвинять друг друга в превышении должностных полномочий, в преступной халатности, в служебном подлоге и прочих тяжких грехах. Однако все политические оценки, в том числе самые грозные обвинения во «вредительстве», в «шпионаже» и иных преступных деяниях, могли исходить только от самого «хозяина»¹¹⁰. Но подобные оценки, столь распространённые в современной либеральной историографии и публицистике, грешат пустым фантазёрством, озлобленным антисоветизмом и совершенно справедливо отвергаются многими их оппонентами.

Понятно, что жаркие страсти вокруг «Ленинградского дела» ещё долго не улягутся, что зримо видно из анализа многочисленных работ, прежде всего видных представителей ленинградской исторической школы: Т. В. Лешуковой, В. А. Кутузова, А. З. Ваксера и других, — где представлена богатая историография по данной проблематике¹¹¹. Между тем надо понимать и то обстоятельство, что само «Ленинградское дело» выросло не только из двух вышеупомянутых «ленинградских историй», но и из подзабытого «Дела Госплана», который после войны, по сути, превратился в аналог «малого» Совета Министров СССР. Как считают целый ряд историков (Ю. Н. Жуков, О. В. Хлевнюк, Й. Горлицкий, В. Д. Кузнецевский¹¹²), «Дело Госплана» стало постепенно раскручиваться с известной «Записки» заместителя председателя Госснаба СССР Михаила Трофимовича Помазнева, который, адресуя её лично И. В. Сталину, прямо указал, что руководство Госплана СССР проигнорировало указание вождя о корректировке плановых показателей на первый и второй кварталы 1949 года и, по сути, обмануло его. По мнению О. В. Хлевнюка и Й. Горлицкого, нельзя исключить того, что эта инициатива М. Т. Помазнева была составной частью решительной атаки Л. П. Берии (главным образом его), а также Г. М. Маленкова на Н. А. Вознесенского. Во всяком случае, вскоре автор этой «Записки» был назначен на влиятельный пост Управляющего делами Совета Министров СССР, с которого слетел сразу после ареста (или ликвидации) Л. П. Берии в июне 1953 года.

Когда И. В. Сталин узнал об этом вопиющем факте, а также о том, что именно в Госплане СССР ещё в годы войны была налажена целая сеть по продаже за рубеж особо важных и секретных документов, он дал прямое указание создать Комиссию во

главе с Уполномоченным ЦК по кадрам в самом Госплане СССР Евгением Ермиловичем Андреевым для проверки этой информации. В конце августа 1949 года по результатам своей работы «Комиссия» Е. Е. Андреева, который, кстати, до этого возглавлял ключевой Административный отдел ЦК, направила на имя двух секретарей ЦК — Г. М. Маленкова и П. К. Пономаренко — записку «О пропаже секретных документов в Госплане СССР», в кото

рой констатировала, что за последние пять лет, в 1944-1948 годах, из Госплана СССР бесследно исчезли 236 секретных и совершенно секретных документов, в том числе «Инструкция по ведению секретной и совершенно секретной переписки работниками Госплана» (№ 3132) и Справки «О расчётах нефтеперевозок на 1945 г.» (№ 128), «О советско-иностранных предприятиях за границей» (№ 675), «О развитии добычи марганцевой руды» (№ 2663), «Отчётные данные о производстве свинца, кобальта и рафинированной меди» (№ 3026), «Об организации производства локационных станций» (№ 4103), «О дефицитах по важнейшим материальным балансам, в том числе: по цветным металлам, авиационному бензину и маслам» (№ 6505) и многие другие¹¹³. Вряд ли Н. А. Вознесенский как глава Госплана не знал обо всех этих вопиющих фактах, хотя в своей покаянной записке на имя вождя от 1 сентября 1949 года он писал именно об этом¹¹⁴. Понятно, что его «самонадеянность и самомнение», на которые он ссылаясь в данной записке, никоим образом не снимали с него личной ответственности за его подчинённых, в том числе за его заместителя А. В. Купцова, который ведал работой Секретного отдела в Госплане. Поэтому уже 11 сентября 1949 года Политбюро ЦК принимает Постановление «О многочисленных фактах пропажи секретных документов в Госплане СССР», в котором были утверждены предложения Комиссии партийного контроля об исключении Н. А. Вознесенского из состава ЦК и предании его «как основного виновника этих нарушений» уголовному суду¹¹⁵. Так что попытки разного рода антисталинистов (как либералов, так и неомонархистов) представить Н. А. Вознесенского, А. А. Кузнецова и Ко как ярчайший пример беспочвенной «сталинской тирании» просто не выдерживают критики. Такой же критики не выдерживает и другой чисто умозрительный конструкт того же О. В. Хлевнюка о том, что общее «Дело Госплана», как и частное «Дело Вознесенского» ярко продемонстрировало, что «единственный рычаг экономического управления и роста» всей сталинской тоталитарной системы — это жёсткое административно-репрессивное давление на руководителей всех уровней. Таким образом, «Дело Госплана» якобы должно было напомнить руководителям всех министерств и ведомств страны, что именно Госплан СССР не только координирует, но и контролирует деятельность всех правительственных структур, что именно он отстаивает «общегосударственные интересы» в борьбе с «ведомственным эгоизмом» и что «беспринципное» сращивание госплановских структур с подконтрольными им органами в самом Совмине СССР представляет собой «серьёзную угрозу всему государственному управлению». И в этом смысле, как утверждает сам О. В. Хлевнюк, «Дело Госплана» не сводилось только к «Делу Вознесенского», а оно, в свою очередь, не являлось каким-то придатком к «Ленинградскому делу». Напротив, все эти дела самым тесным образом были сплетены между собой и «гармонично» дополняли друг друга.

Между тем жизнь шла своим чередом и перестановки в верхнем эшелоне власти были продолжены. Уже в середине июня 1949 года после очередной «опалы» В. М. Молотов неожиданно вернулся к своим прежним обязанностям куратора внешней

политики, поскольку именно он, а не А. Я. Вышинский, стал вновь вносить в Политбюро все предложения по работе Внешнеполитической комиссии ЦК и Министерства иностранных дел и отвечать за их работу. Чуть позже ряд прежних позиций, напротив, утратил Г. М. Маленков, поскольку ему пришлось поступиться единоличным контролем над идеологией и поделиться властью в этой важной сфере с М. А. Сусловым, который вместо Д. Т. Шепилова вторично возглавил Отдел пропаганды и агитации ЦК и был назначен главным редактором газеты «Правда». Затем подверглась коррекции и прежняя роль Г. М. Маленкова в Бюро Совета Министров СССР, поскольку после отставки Н. А. Вознесенского другие члены «семёрки» посчитали её крайне чрезмерной. В результате уже в начале сентября 1949 года Политбюро принимает решение об очередной реорганизации Совета Министров СССР, согласно которому Бюро СМ СССР было несколько расширено и переименовано в Президиум. Причём, что примечательно, этим же решением поочерёдное руководство его заседаниями было возложено «на заместителей Председателя Совмина СССР тт. Берия, Булганина, Маленкова, Кагановича и Сабурова». В обновлённой команде сталинских заместителей, как считает Ю. Н. Жуков, Л. М. Каганович, получивший после возвращения из Киева пост председателя Госснаба СССР, был призван не столько действовать, сколько олицетворять преемственность, представляя вместо В. М. Молотова старейших соратников вождя¹¹⁶. А вот новому главе Госплана СССР М. З. Сабурову, который был прямой креатурой Г. М. Маленкова, предстояло действительно пахать, тем более что он сохранил за собой и прежнюю, довольно ответственную должность председателя Бюро Совета Министров СССР по машиностроению.

Тем временем в конце октября 1949 года И. В. Сталин получил письмо за подписью трёх московских инженеров, в котором Первый секретарь МК и МГК и секретарь ЦК ВКП(б) Г. М. Попов не только обвинялся «в бездушном отношении к людям, их заботам и нуждам», но и в том, что его «одолевают мысли в будущем стать лидером нашей партии и народа»¹¹⁷. И. В. Сталин тут же отреагировал на это письмо и сразу направил на имя Г. М. Маленкова своё послание, где предложил назначить комиссию Политбюро для проверки работы Г. М. Попова, а также прямо указал на «два совершенно ясных для меня серьёзных факта в жизни московской организации, вскрывающих глубоко отрицательные стороны работы тов. Попова». Речь шла о том, что, во-первых, «в практике московского партийного руководства не только заглушается, но преследуется самокритика» и, во-вторых, что партийное руководство Москвы «в своей работе сплошь и рядом подменяет министров, правительство, ЦК ВКП(б), давая прямые указания предприятиям и министрам, а тех министров, которые не согласны с такой подменой, тов. Попов шельмует и избивает на собраниях», разрушая «партийную и государственную дисциплину»¹¹⁸. О том, что Г. М. Попов действительно конфликтовал с союзными министрами, в частности с Д. Ф. Устиновым, со всей очевидностью показала И. В. Быстрова в своей известной монографии о военно-промышленном комплексе СССР¹¹⁹.

В начале ноября 1949 года Комиссия Политбюро в составе Г. М. Маленкова, Л. М. Кагановича, Л. П. Берии и М. А. Суслова составила проект Постановления о снятии Г. М. Попова со всех его высоких должностей, и в начале декабря этот вопрос был решён. Новым руководителем всей Московской парторганизации и секретарём ЦК был назначен Н. С. Хрущёв, которого в Киеве сменил второй секретарь ЦК КП(б)У Леонид Георгиевич Мельников. Как считают целый ряд историков, за

приближением Н. С. Хрущёва к властному Олимпу стоял лично Г. М. Маленков, якобы продолживший чистку Секретариата ЦК от ждановских кадров. Однако вряд ли в данном случае уместно связывать эту «рокировку» с «Ленинградским делом», как это делает В. Д. Кузнецевский, так как опальный Г. М. Попов пересел в кресло союзного министра, а не угодил на плаху. Другие же историки, ссылаясь на мемуары Н. С. Хрущёва, уверяют, что вождь лично вызвал его в Москву и объявил ему о новом месте работы. Они же полагают, что истинной целью такого назначения стало создание противовеса тандему Маленкова — Берии, который неимоверно усилился в тот период¹²⁰.

Между тем очередной состав «узкого руководства» продержался у власти всего семь месяцев, поскольку, по мнению Ю. Н. Жукова, успешное испытание атомной бомбы и переход от научно-конструкторских и опытных разработок к плановому производству ядерного оружия дали возможность «изменить нарушенный ещё в конце войны традиционный баланс сил, восстановив прежнее преимущество сталинских наркомов». Первым отчасти вернул себе утраченное положение Анастас Иванович Микоян, получивший в конце января 1950 года пост председателя Бюро СМ СССР по торговле и пищевой промышленности. Затем в середине февраля того же года Бюро СМ СССР по транспорту и связи возглавил Вячеслав Михайлович Молотов, что позволило ему вновь участвовать в решении важных экономических вопросов. А в конце февраля 1950 года Министерство Вооружённых сил СССР было в очередной раз разделено на два общесоюзных ведомства: Военное министерство СССР, главой которого был переназначен маршал А. М. Василевский, и Военно-Морское министерство, которое возглавил бывший главком ВМФ адмирал И. С. Юмашев. Наконец, в апреле 1950 года руководящая «семёрка» образовала узкое Бюро Президиума Совета Министров СССР в составе И. В. Сталина, его первого заместителя маршала Н. А. Булганина и пяти «рядовых» заместителей в лице маршала Л. П. Берии, Г. М. Маленкова, Л. М. Кагановича, В. М. Молотова и А. И. Микояна. Причём этим же решением Политбюро ЦК было установлено, что «председательствование на заседаниях Бюро Президиума Совета Министров СССР в случае отсутствия тов. Сталина осуществлять первому заместителю Председателя Совета Министров СССР тов. Булганину Н.А.»¹²¹.

Как считают ряд историков (Ю. Н. Жуков, М. В. Зеленов¹²²), откровенное указание на то, что данное решение исходило лично от И. В. Сталина, являлось неслучайным. Новая реорганизация Совета Министров СССР стала открытым вмешательством вождя в острую борьбу за его «наследство». Во всех иных случаях он действовал как бы закулисно, но спустя всего неделю, в середине апреля 1950 года, сама же «семёрка» согласилась с настойчивым желанием Г. М. Маленкова вновь вернуться в Бюро Президиума Совмина СССР, ибо он не пожелал довольствоваться положением второго лица в партии, и приняла ещё одно важное решение: «ввести в состав членов Бюро Президиума Совета Министров СССР тов. Маленкова Г. М.». Вероятно, его возвращение в руководящий состав союзного правительства было связано с тем, что он, как ему тогда казалось, смог найти в лице Н. С. Хрущёва надёжного союзника, которому смог теперь доверить текущие дела в Секретариате и Оргбюро ЦК. Тем более что именно в мае — июне 1950 года он окончательно закрепил свои руководящие позиции во всём центральном партаппарате, назначив главами ключевых отделов ЦК своих прямых ставленников: генерал-лейтенанта В. Е. Макарова — в Администра

тивный отдел, генерал-лейтенанта Г. П. Громова — в Отдел партийных, профсоюзных и комсомольских органов, В. И. Алексеева — в Отдел тяжёлой промышленности, И. Д. Сербина — в Отдел машиностроения и Н. Н. Шаталина — в Планово-финансово-торговый отдел. При этом, как считают О. В. Хлевнюк и Й. Горлицкий, для консолидации всего состава «коллективного руководства» важное значение приобрели заседания двух правительственных органов: Президиума и Бюро Президиума Совета Министров СССР, — а также то, что с сентября 1950 года персональные составы «восьмёрки» Политбюро ЦК и Бюро Президиума Совмина СССР полностью совпали. Отныне в оба органа входили И. В. Сталин, Н. А. Булганин, Л. П. Берия, Г. М. Маленков, В. М. Молотов, Л. М. Каганович, А. И. Микоян и Н. С. Хрущёв, который не был членом союзного правительства. Причём характерной чертой работы Бюро ПСМ было то, что оно, в отличие от Политбюро, собиралось часто и регулярно: в 1950-1951 годах по 38 раз, а в 1952 году — аж 43 раза, — а также то, что в его заседаниях никогда, даже будучи в Москве, не принимал участия сам И. В. Сталин¹²³.

Наконец, в середине февраля 1951 года произошёл ещё ряд немаловажных событий, которые коренным образом изменили всю конфигурацию власти. Во-первых, опросом «узкого руководства» маршалу Н. А. Булганину вернули прежнее положение руководителя всего ВПК, отобранное у него с началом Корейской войны, а в структуре Совета Министров создали соответствующее Бюро по военно-промышленным и военным вопросам, которое должно было курировать работу министерств авиапромышленности, вооружения, военно-морского флота и вооружённых сил СССР. Во-вторых, было установлено, что отныне поочерёдное председательствование на заседаниях Президиума, как и Бюро Президиума Совета Министров СССР, рассмотрение и решение всех текущих вопросов было возложено на трёх сталинских замов — Н. А. Булганина, Л. П. Берия и Г. М. Маленкова. В-третьих, было решено, что все постановления и распоряжения Совета Министров СССР, принятые этим «триумвиратом», будут оформляться за подписью И. В. Сталина¹²⁴.

Последнее решение «узкого руководства» до сих пор остаётся загадкой для самих историков. В частности, тот же Ю. Н. Жуков¹²⁵ предположил, что речь может идти: 1) либо о добровольной передаче И. В. Сталиным своих огромных властных полномочий этому «триумвирату»; 2) либо о реальном отстранении тяжелобольного вождя, перенёсшего уже как минимум два инсульта, от всех реальных рычагов власти. В любом случае как по документальным данным («Журнал посетителей кремлёвского кабинета И. В. Сталина»¹²⁶), так и по свидетельствам ряда членов высшего руководства, в том числе Н. С. Хрущёва, А. И. Микояна, К. Е. Ворошилова, Л. М. Кагановича и А. Н. Поскрёбышева, за два года до своей смерти И. В. Сталин де-факто отошёл от дел. Он уже практически не появлялся в своём рабочем кабинете в Кремле и время от времени проводил неофициальные встречи с руководящим «триумвиратом» и другими членами Политбюро на Ближней даче в Кунцево.

Между тем уже в начале марта 1951 года серьёзно пошатнулось кресло под Н. С. Хрущёвым, который, возмнив себя чуть ли не единственным знатоком всего аграрного хозяйства страны, 4 марта произнёс доклад «О строительстве и благоустройстве колхозов», который был опубликован на страницах трёх центральных газет — «Правды», «Московской правды» и «Социалистического земледелия». В этом докладе он выступил с идеями ликвидации и «сселения мелких

деревень» в крупные колхозные посёлки и сёла, создания проектов и строительства типовых «агрогородов», а также существенного сокращения приусадебных земель колхозников до 10-15 соток. Однако на следующий день этот новоявленный «аграрий», который, по меткому замечанию И. В. Сталина, страдал «манией вечных реорганизаций», получил от вождя крепкую взбучку, а Г. М. Маленков — поручение подготовить проект закрытого письма по данному вопросу. В итоге уже 6 марта Н. С. Хрущёв послал вождю покаянное послание, в котором попросил его «помочь мне исправить допущенную мною грубую ошибку и тем самым, насколько это возможно, уменьшить ущерб, который я нанёс партии своим неправильным выступлением»¹²⁷.

Первоначально И. В. Сталин проигнорировал эти унижительные просьбы и, по свидетельству В. М. Молотова и Д. Т. Шепилова, дал поручение «покрепче дать Хрущёву»¹²⁸. Подготовка этого документа велась под руководством Г. М. Маленкова в Сельскохозяйственном отделе ЦК, главой которого был его ставленник А. И. Козлов. Исходный «тон бумаги был резким и политически заострённым», однако после того, как проект закрытого Письма ЦК «О задачах колхозного строительства в связи с укрупнением мелких колхозов» был отправлен на утверждение вождю, он лично вычеркнул оттуда целый абзац, содержащий развёрнутую критику хрущёвской статьи, и вписал такую фразу: «Следует отметить, что аналогичные ошибки допущены также в известной статье т. Хрущёва "О строительстве и благоустройстве в колхозах", который признал полностью ошибочность своей статьи»¹²⁹. Как позднее уверял сам А. И. Козлов, это было сделано потому, что «товарищ Хрущёв имел объяснение с товарищем Сталиным», который и дал команду смягчить тон данного письма и прекратить критику руководителя Московской парторганизации.

В смягчённом варианте закрытое Письмо ЦК ВКП(б) «О задачах колхозного строительства в связи с укрупнением мелких колхозов» было утверждено Политбюро 2 апреля 1951 года и затем разослано всем парторганизациям, в том числе первичным. В этом развёрнутом документе было прямо указано, что: 1) необходимо «покончить с неправильным, потребительским подходом к вопросам колхозного строительства и повести работу на успешное решение главной задачи в колхозном строительстве — на дальнейшее повышение урожайности сельскохозяйственных культур, всемерное развитие общественного животноводства и повышение его продуктивности»; 2) «капитальные вложения необходимо направлять в первую очередь на развитие общественного хозяйства — строительство животноводческих помещений, сооружение оросительных и осушительных каналов..., насаждение полезащитных лесных полос, строительство хозяйственных построек, колхозных электростанций...»; 3) необходимо «покончить с неправильной установкой на то, что наиболее важным в колхозном строительстве является будто бы сселение мелких деревень в единые "колхозные посёлки", колхозные города и "агрогорода"..., задачи бытового устройства в колхозах, жилищного строительства в деревне... имеют, несомненно, важное значение, но являются всё же производными, подчинёнными, а не главными. Забвение или умаление главных, производственных задач может повести всю нашу практическую работу в деревне по неправильному пути, затруднить дальнейший подъём колхозов и причинить тем самым серьёзный вред колхозному строю»; 4) «надо решительно пресекать попытки сокращения размера приусадебного участка колхозного двора и вынесения части приусадебного участка за пределы населённого пункта как недопустимые и вредные»; 5) «работу по укрупнению мелких колхозов

надо проводить без форсирования и торопливости, ни в коем случае не превращать её в кампанию, строго соблюдая принцип добровольности в этом деле»¹³⁰.

Между тем усиление позиций «триумvirата» вскоре выразилось в падении лично преданного И. В. Сталину руководителя Министерства госбезопасности СССР генерал-полковника В. С. Абакумова, который 14 июля 1951 года был неожиданно арестован и в начале августа заменён ближайшим соратником Г. М. Маленкова по аппарату ЦК Семёном Денисовичем Игнатьевым. Тогда же было принято Постановление ЦК ВКП(б) «О неблагоприятном положении в Министерстве государственной безопасности СССР»¹³¹, и вскоре началась стремительная раскрутка так называемого «Дела чекистов», за которым тоже, вероятнее всего, стоял Г. М. Маленков. Хотя следует признать, что вопрос об этом деле, в том числе о его инициаторе, подлинных причинах и истоках, до сих пор вызывает немало споров как в научной среде, так и в публицистике, что видно из анализа работ Ю. Н. Жукова, Л. М. Млечина, О. В. Хлевнюка, Й. Горлицкого, Е. А. Прудниковой, К. А. Стоярова, О. В. Смыслова и других авторов¹³². Но об этом, как и «Мингрельском деле», более подробно мы поговорим чуть ниже.

Из других событий того лета особого внимания заслуживает обновление руководства ряда силовых министерств. Так, в конце июля 1951 года опальный вице-адмирал Н. Г. Кузнецов, буквально за месяц до этого повышенный в своём воинском звании, сменил на посту министра Военно-Морского флота СССР адмирала И. С. Юмашева, а в состав правительственной делегации в Польшу, которую возглавил В. М. Молотов, был неожиданно включён и командующий Уральским военным округом маршал Г. К. Жуков. Что стояло за всеми этими событиями не вполне ясно до сих пор, однако один из лучших современных знатоков той эпохи Ю. Н. Жуков предположил, что их можно рассматривать как свидетельство дальнейшей изоляции вождя и реабилитации тех крупных полководцев, на которых он вряд ли мог бы положиться в возможной борьбе за власть, в том числе с правящим «триумvirатом»¹³³. В контексте этих событий произошло ещё одно очень любопытное событие: именно в этот период прекратилось дальнейшее издание Собрания сочинений И. В. Сталина — из запланированных ранее 16 томов было опубликовано только 13.

Вторая половина 1951 года не была отмечена особо громкими событиями на «политическом фронте», однако под его конец Политбюро приняло важное решение о созыве осенью 1952 года очередного XIX съезда партии. Причём утверждённый этим решением порядок подготовки съезда предопределил главное: кто именно будет формировать все партийные делегации с мест и новые центральные органы партии, прежде всего персональный состав ЦК. Выступление с Отчётным докладом было поручено Г. М. Маленкову, доклад «О директивах по V пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР» должен был делать М. З. Сабуров, а отдельный доклад «Об изменениях в уставе ВКП(б)» — Н. С. Хрущёв.

Новый 1952 год начался с очередных перестановок в высшем руководстве Вооружённых сил. Уже в феврале в результате раскрутки «Артиллерийского дела» были арестованы заместитель военного министра маршал артиллерии Николай Дмитриевич Яковлев, начальник ГАУ ВМ СССР генерал-полковник артиллерии Иван Иванович Волкотрубенко и заместитель министра вооружений Илларион Аветович Мирзаханов. Новым заместителем военного министра по вооружениям был утверждён генерал-полковник артиллерии Митрофан Иванович Неделин, начальником Главного артиллерийского управления стал генерал-полковник

артиллерии Сергей Сергеевич Варенцов, а командующим артиллерией был назначен генерал-полковник артиллерии Василий Иванович Казаков.

Затем в мае 1952 года ещё более радикальные перетряски затронули МИД СССР: первый заместитель министра Андрей Андреевич Громыко был неожиданно направлен послом в Лондон, постоянный представитель СССР в Совбезе ООН Яков Алексеевич Малик и советский посол в Берлине Георгий Максимович Пушкин, напротив, вернулись в Москву и были назначены заместителями министра; ещё один заместитель министра Валериан Александрович Зорин получил пост постоянного представителя СССР в Совбезе ООН, Александра Семёновича Панюшкина отозвали из Вашингтона, отправив послом в Пекин, а Георгий Николаевич Зарубин из Лондона был переведён на аналогичную посольскую должность в Вашингтон. Всё это, как уверяет тот же Ю. Н. Жуков, означало грядущую в ближайшем будущем смену двух союзных министров — Александра Михайловича Василевского и Андрея Януарьевича Вышинского.

Между тем тогда же, в мае 1952 года, произошло ещё два важных события. Во-первых, стараниями близкого к Г. М. Маленкову министра госбезопасности СССР С. Д. Игнатьева был снят с должности начальник Главного управления охраны МГБ СССР, а затем и арестован многолетний глава личной охраны вождя генерал-лейтенант Николай Сидорович Власик и, во-вторых, ГУО МГБ СССР было реорганизовано в Управление охраны МГБ СССР, которое лично возглавил С. Д. Игнатьев, хотя фактическое руководство охраной всех высших должностных лиц, в том числе самого И. В. Сталина, стали осуществлять его заместитель по министерству генерал-лейтенант Василий Степанович Рясной и два заместителя начальника УО МГБ СССР полковники Николай Петрович Новик и Павел Николаевич Максименко.

Наконец, в том же июле 1952-го Г. М. Маленков совместно с Н. С. Хрущёвым и М. З. Сабуровым в соответствии с решением Политбюро сконцентрировали в своих руках всю подготовительную работу по созыву XIX съезда ВКП(б), который должен был узаконить его лидирующую роль в партии и государстве.

5-14 октября 1952 года состоялась работа XIX съезда ВКП(б), на котором с Отчётным докладом ЦК выступил не сильно постаревший вождь, а второй секретарь ЦК Г. М. Маленков, что убедило многих, в том числе в партийной номенклатуре и в среде государственных управленцев, кто станет наиболее реальным преемником И. В. Сталина в исторической перспективе. Кроме того, на этом съезде по докладу главы Госплана СССР М. З. Сабурова были приняты «Директивы V-го пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР на 1951-1955 гг.», предполагавшие почти равномерные темпы развития отраслей группы «А» (то есть производства средств производства) и группы «Б» (то есть производства средств потребления) соответственно на 13 и 11 %; и по докладу Н. С. Хрущёва был принят новый партийный устав и изменено как название самой партии, которая теперь стала называться не ВКП(б), а КПСС — Коммунистическая партия Советского Союза, так и её руководящих органов, в частности Политбюро ЦК. Причём, как справедливо подметил В. М. Зеленев, важнейшим положением нового устава стала реформа партаппарата, так как в нём: а) были по-новому определены задачи Секретариата ЦК («ЦК организует для руководства текущей работой, главным образом по организации и проверке исполнения решений партии и подбору кадров — Секретариат»), и б)

«сняты все ограничения по его организации. Отныне Секретариат ЦК мог, не нарушая партийного устава, менять и количество отделов, и их задачи»¹³⁴.

Хорошо известно, что в последний день работы съезда на его утреннем пленарном заседании выступил сам И. В. Сталин. Его короткая и, казалась бы, сугубо приветственная речь содержала в себе ряд очень важных установок, адресованных прежде всего мировому коммунистическому и рабочему движению. Суть этих сталинских установок была выражена предельно чётко и лаконично: 1) в условиях заметного роста реакционности всей буржуазии необходимо резко активизировать тактику «единого фронта» всех рабочих и коммунистических партий в борьбе с ней; 2) в условиях «холодной войны», развязанной ведущими империалистическими державами во главе с США, одной из главных задач мирового коммунистического и рабочего движения является «борьба за мир во всём мире» и разоблачение агрессивной политики империалистов; и 3) в условиях нового этапа буржуазной глобализации (то есть пропаганды и ползучей реализации идей мондиализма, в том числе через Бреттон-Вудскую финансовую систему) знамя национальной независимости и государственного суверенитета, ныне выброшенное за борт реакционной буржуазией, «продающей за доллары», должны поднять коммунистические и рабочие партии, ибо «больше некому его поднять».

По традиции в последний день работы съезда состоялся организационный Пленум вновь избранного состава ЦК, на котором произошли кардинальные перемены в организации и в персональном составе высшей партийной власти:

— В соответствии с новым партийным уставом были ликвидированы Оргбюро и Политбюро ЦК и создан новый высший орган партии — Президиум ЦК КПСС, который по факту должен был стать расширенным аналогом старого Политбюро ЦК.

— В состав этого Президиума ЦК было избрано беспрецедентное количество представителей партийно-государственной номенклатуры — 25 членов и 11 кандидатов в члены. При этом наряду со старыми членами и кандидатами в члены Политбюро ЦК, входившими в его состав ещё с начала — середины 1920-х годов, то есть И. В. Сталиным, В. М. Молотовым, К. Е. Ворошиловым и другими политическими аксаками, его членами стали как относительно молодые работники партийно-государственного аппарата республиканского и областного (краевого) уровня — Семён Денисович Игнатъев, Леонид Ильич Брежнев, Леонид Георгиевич Мельников, Демьян Сергеевич Коротченко, Николай Александрович Михайлов, Аверкий Борисович Аристов, Николай Михайлович Пегов, Василий Васильевич Кузнецов, Николай Григорьевич Игнатов и другие, — так и авторитетные руководители из числа легендарных «сталинских наркомов» и крупных управленцев — Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко, Вячеслав Александрович Малышев, Иван Фёдорович Тевосян, Иван Григорьевич Кабанов и другие.

— Внутри самого Президиума ЦК было создано не предусмотренное новым партийным уставом Бюро Президиума ЦК, в котором, по мнению многих историков (Р. Г. Пихоя, Ю. Н. Жуков, Ю. В. Емельянов, А. И. Вдовин¹³⁵), по сути, было узаконено новое «узкое руководство» страны — так называемая «девятка» в составе И. В. Сталина, Г. М. Маленкова, Л. П. Бери, Н. А. Булганина, Н. С. Хрущёва, К. Е. Ворошилова, Л. М. Кагановича, М. Г. Первухина и М. З. Сабурова. Причём, как установил профессор Р. Г. Пихоя, кандидатуры К. Е. Ворошилова и М. Г. Первухина появились в списке членов этого Бюро в самый последний момент, накануне закрытия партийного съезда¹³⁶. При этом нетрудно заметить, что в состав «узкого

руководства», которое, по сути, стало точной копией старого Политбюро ЦК, впервые не вошли В. М. Молотов, А. И. Микоян и А. А. Андреев. Последний сталинский соратник, входивший в составе Политбюро ровно 20 лет, сам попросился на покой по причине своей полной глухоты, а двое других опять оказались в опале, правда, на сей раз куда более серьёзной и опасной, чем прежде.

— В состав нового Секретариата ЦК было избрано 10 членов, среди которых главную роль по-прежнему играли старые секретари ЦК, то есть И. В. Сталин, Г. М. Маленков, Н. С. Хрущёв, М. А. Суслов и П. К. Пономаренко. Причём надо подчеркнуть, что сам И. В. Сталин, как и раньше, де-юре не был утверждён в должности Генерального секретаря ЦК, поскольку эта должность опять не была прописана в новом партийном уставе. Новыми секретарями ЦК, которых профессор М. В. Зеленов¹³⁷ именует «непосредственными руководителями всего аппарата ЦК КПСС», стали бывшие первые секретари: Челябинского обкома А. Б. Аристов, который отныне за Г. М. Маленкова стал осуществлять контроль за всеми региональными парторганизациями, ЦК КП(б) Молдавии Л. И. Брежнев, которому был поручен подбор кадров в силовых ведомствах, Краснодарского крайкома Н. Г. Игнатов и ЦК ВЛКСМ Н. А. Михайлов, которые вместо М. А. Суслова стали курировать ряд его отделов, в том числе Отдел пропаганды и агитации, а также глава Отдела партийных, профсоюзных и комсомольских кадров Н. М. Пегов, который стал курировать распределение всех кадров по всем партийным и государственным органам. При этом ведение заседаний Секретариата ЦК было возложено уже не только на Г. М. Маленкова, но также на М. А. Суслова и Н. М. Пегова. По мнению того же М. В. Зеленова, можно было бы предположить, что все эти назначения говорили о понижении роли Г. М. Маленкова в аппарате ЦК, если бы не тот факт, что Постановление «О распределении обязанностей между секретарями ЦК» по указанию самого И. В. Сталина готовил именно Г. М. Маленков.

По ряду мемуарно-дневниковых источников (Л. Н. Ефремов, К. М. Симонов¹³⁸) известно, что на этом Пленуме ЦК И. В. Сталин выступил с большой и довольно резкой речью, которая произвела на всех присутствовавших эффект разорвавшейся бомбы. Во-первых, ввиду своего возраста и состояния здоровья он попросил членов ЦК о своей отставке со всех занимаемых им постов, что с подачи Г. М. Маленкова, который вёл это заседание, в самой категорической форме было немедленно отвергнуто всеми участниками Пленума. Во-вторых, объясняя новым членам ЦК недавние отставки В. М. Молотова, А. И. Микояна, Л. М. Кагановича и К. Е. Ворошилова, И. В. Сталин заявил, что «работа министра — это мужицкая работа», которая «требует больших сил, конкретных знаний и здоровья». В-третьих, поясняя столь существенное расширение персонального состава ЦК, вождь прямо заявил, что на смену «нам старикам» должны прийти свежие силы, «в чьи руки мы вручим эстафету нашего великого дела». А для этого нужно вырастить и воспитать «на практических делах и в повседневной работе» политического, государственного деятеля, для чего потребуется «не менее десяти, а то и все пятнадцать лет». Наконец, в-четвёртых, он разразился беспрецедентно жёсткой критикой и даже руганью в адрес двух старейших членов высшего партийного руководства — В. М. Молотова и А. И. Микояна, которые, будучи избранными в состав Президиума ЦК, впервые не вошли в состав руководящей «девятки» — Бюро Президиума ЦК.

Надо сказать, что столь беспрецедентное расширение состава Президиума и Секретариата ЦК, произошедшее на данном Пленуме, до сих пор остаётся одной из

трудноразрешимых загадок истории. Одни авторы (Р. А. Медведев, Д. А. Волкогонов¹³⁹) предполагают, что И. В. Сталин таким «иезуитским способом» готовил новый грандиозный политический процесс над рядом старейших членов Политбюро, в частности над В. М. Молотовым, А. И. Микояном, К. Е. Ворошиловым и, возможно, Л. П. Берией, и стремился таким своеобразным образом закамуфлировать неизбежные и очень скорые перестановки в верхних эшелонах власти. Другие авторы (Р. Г. Пихоя¹⁴⁰) уверяют, что обновлённые высшие партийные органы должны были стать своеобразным инкубатором для выращивания новых руководящих кадров. Наконец, третья группа авторов (Ю. Н. Жуков, В. М. Зеленев, О. В. Хлевнюк, Й. Горлицкий¹⁴¹) полагает, что большинство новых членов высшего партруководства, многих из которых И. В. Сталин просто никогда не видел в глаза и не знал об их существовании, были прямыми креатурами Г. М. Маленкова, который, как известно, курировал ключевой Отдел партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК и лично подбирал все кандидатуры в состав этих руководящих структур.

Между тем уже в начале ноября 1952 года окончательно определилась ведущая роль Г. М. Маленкова и Л. П. Берии в верхних эшелонах власти, так как по решению «девятки» в случае отсутствия или болезни И. В. Сталина именно Г. М. Маленков стал председательствующим на заседаниях Президиума ЦК, а Л. П. Берия — на заседаниях Президиума Совета Министров СССР. В связи с последним обстоятельством довольно неожиданно, но пока бездоказательно выглядят попытки ряда современных авторов (Ю. В. Емельянов, Н. А. Добрюха, В. М. Зимяннин, А. И. Лукьянов¹⁴²), ссылаясь в том числе на интервью и мемуары ряда видных партийных и государственных деятелей, в частности секретаря ЦК КПСС М. В. Зимянина и многолетнего министра сельского хозяйства СССР И. А. Бенедиктова¹⁴³, представить дело таким образом, что уже в декабре 1952 года И. В. Сталин якобы распорядился ознакомить всех членов «узкого руководства» с его проектом Постановления ЦК о назначении новоиспечённого члена Президиума и Секретариата ЦК и министра заготовок СССР генерал-лейтенанта П. К. Пономаренко новым председателем Совета Министров СССР. По утверждению указанных авторов, уже к началу января 1953 года проект этого документа был завизирован всеми членами нового, но уже существенно расширенного состава Президиума, за исключением самых главных «партийных аксакалов» — Л. П. Берии, Г. М. Маленкова, Н. С. Хрущёва и Н. А. Булганина. Однако, как верно указал Ю. Н. Жуков, подобного документа в архивах до сих пор не обнаружено. Более того, по его мнению, в тогдашних политических реалиях появление такого документа было просто невозможно по определению.

⁷⁴ Звягинцев В.Е. Трибунал для героев. М., 2005; Близниченко С.С., Лазарев С.Е. Борьба с «космополитами» в военно-морских академиях (1947-1953 гг.) // Известия Тульского ГУ. 2012. № 3.

⁷⁵ Андриянов В.И. Косыгин. М., 2003; Волынец А.Н. Жданов. М., 2013.

⁷⁶ Жуков Ю.Н. Борьба за власть в руководстве СССР в 1945-1952 годах // Вопросы истории. 1995. № 1; Жуков Ю.Н. Сталин: тайны власти. М., 2005; Пыжиков А.В. Конфигурация и функционирование власти в СССР. 1945-1953 гг. М., 1999; Зеленев М.В. Перестройка аппарата ЦК ВКП(б) в 1946 г. ... // Новейшая история России. 2011. № 1.

⁷⁷ Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет министров СССР. 1945-1953. М., 2002; Кутузов

В.А. Загадочная смерть А.А. Жданова // Новейшая история России. 2013. № 1; Зеленов М.В. Перестройка аппарата ЦК ВКП(б) в 1946 г. ... // Новейшая история России. 2011. № 1. Сушков А.В. «Ленинградское дело»: генеральная чистка «колыбели революции». Екатеринбург, 2018.

⁷⁸ Кутузов В.А. Загадочная смерть А.А. Жданова // Новейшая история России, 2013. № 1; Зеленов М.В. Перестройка аппарата ЦК ВКП(б) в 1946 г. ... // Новейшая история России. 2011. № 1; Болдовский К.А. К вопросу об экспансии ленинградских кадров в 1946-1948 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2010. Сер. 2. Вып. 3.

⁷⁹ Кутузов В.А. А.А. Жданов и постановление ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград» // Новейшая история России. 2011. № 1.

⁸⁰ Жуков Ю.Н. Борьба за власть в руководстве СССР в 1945-1952 годах // Вопросы истории. 1995. № 1; Жуков Ю.Н. Сталин: тайны власти. М., 2005.

⁸¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1513.Л. 52; Волынец А.Н. Жданов. М., 2013.

⁸² Глотова О.А. Андрей Александрович Жданов: Идеологическая деятельность в 1920-1940-е годы. Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 2004; Волынец А.Н. Жданов. М., 2013; Кутузов В.А. Загадочная смерть А. А. Жданова // Новейшая история России, 2013. № 1.

⁸³ Малкин В., Лыкова Л. «Цель была спасти жизнь больного» // Источник. 1997. № 1; Кутузов В.А. Загадочная смерть А.А. Жданова // Новейшая история России. 2013. № 1; Волынец А.Н. Жданов. М., 2013.

⁸⁴ Кутузов В.А. Загадочная смерть А.А. Жданова // Новейшая история России. 2013. № 1.

⁸⁵ Микоян А.И. Так было. М., 1999; Хрущёв Н.С. Время. Люди. Власть. Кн. 3. М., 1999; Чуев Ф.И. Сто сорок бесед с Молотовым. М., 1991.

⁸⁶ Кутузов В.А. Так называемое «Ленинградское дело» // Вопросы истории КПСС. 1989. № 3; Демидов В.И., Кутузов В.А. Л., 1990; Аксёнов Ю.С. Апогей сталинизма: послевоенная пирамида власти // Вопросы истории КПСС. 1990. № 11; Зубкова Е.Ю. Кадровая политика и чистки в КПСС (1949-1953) // Свободная мысль. 1999. № 4; Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти, 1945-1991. М., 2000; Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина. М., 2001; Пыжиков А.В. Ленинградская группа: путь к власти (1946-1949) // Свободная мысль, 2001. № 3; Данилов А.А. Сталинское Политбюро в послевоенные годы // Политические партии: страницы истории. М., 2000; Данилов А.А. И.В. Сталин в 1945-1953 гг.: новые источники и попытки осмысления // Историография сталинизма. М., 2007; Хлевнюк О.В., Горлицкий Й. Холодный мир. Сталин и завершение сталинской диктатуры. М., 2011; Ваксер А.З. «Ленинградское дело». Итоги изучения и новые аспекты. СПб., 2012; Волынец А.Н. Жданов. М., 2013; Рыбас С.Ю. Московские против питерских: «Ленинградское дело» Сталина. М., 2013; Рыбас С.Ю. Сталин. М., 2015. Амосова А.А. Преданный забвению: политическая биография Петра Попкова. 1937-1950. СПб., 2014.

⁸⁷ Кузнечевский В.Д. Ленинградское дело: наивная попытка создать этнически чистое русское правительство была утоплена в крови. М., 2013.

⁸⁸ Жуков Ю.Н. Борьба за власть в руководстве СССР в 1945-1952 годах // Вопросы истории. 1995. № 1; Жуков Ю.Н. Сталин: тайны власти. М., 2005; Зеленов М.В. Аппарат ЦК ВКП(б) - КПСС в 1939-1948 гг.: общая характеристика // Актуальные проблемы отечественной истории и современной модернизации России. Нижний Новгород, 2010; Зеленов М.В. Перестройка аппарата ЦК ВКП(б) в 1946 г. ... // Новейшая история России. 2011. № 1.

⁸⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 2204. Л. 29.

⁹⁰ Сушков А.В. Руководители города Свердловска. Ек., 2007; Сушков А.В. «Ленинградское дело»: генеральная чистка «колыбели революции». Ек., 2018.

⁹¹ Сушков А.В. Ф.Р. Козлов: от чернорабочего до инспектора ЦК ВКП(б) // Веси. 2015. № 9; Сушков А.В. «Ленинградское дело»: генеральная чистка «колыбели революции». Ек., 2018.

⁹² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 569. Л. 68.

⁹³ Сушков А.В. «Ленинградское дело»: генеральная чистка «колыбели революции». Ек., 2018.

⁹⁴ Жуков Ю.Н. Сталин: тайны власти. М., 2005; Емельянов Ю.В. Сталин: на вершине власти. М., 2002; Вдовин А.И. История СССР от Ленина до Горбачёва. М., 2014; Кузнечевский В.Д. Ленинградское дело. М., 2013; Бранденбергер Д. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931-1956 гг.). СПб., 2009.

⁹⁵ Сушков А.В. «Ленинградское дело»: генеральная чистка «колыбели революции». Ек., 2018.

⁹⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1075. Л. 9; Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945-1953. М., 2002.

⁹⁷ Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти, 1945-1991. М., 1998; Хлевнюк О.В., Горлицкий Й. Холодный мир. Сталин и завершение сталинской диктатуры. М., 2011; Вдовин А.И. История СССР от Ленина до Горбачёва. М., 2014.

⁹⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 553. Л. 87-88.

⁹⁹ Иванов В.А. «Скорпионы»: коррупция в послевоенном Ленинграде (операция органов госбезопасности по ликвидации организованной группы преступников в январе 1946 года) // Политический сыск в России: история и современность. СПб., 1997; Старков Б.А. Борьба с коррупцией и политические процессы в Ленинграде во второй половине 40-х гг. // Политика, общество, человек. СПб., 2008; Сушков А.В. «Ленинградское дело»: генеральная чистка «колыбели революции». Ек., 2018.

¹⁰⁰ Сушков А.В. «Ленинградское дело»: генеральная чистка «колыбели революции». Ек., 2018.

¹⁰¹ Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти, 1945-1991. М., 1998; Пыжиков А.В. Ленинградская группа: путь к власти (1946-1949) // Свободная мысль, 2001. № 3; Данилов А. А. Сталинское Политбюро в послевоенные годы // Политические партии: страницы истории. М., 2000; Хлевнюк О.В., Горлицкий Й. Холодный мир. Сталин и завершение сталинской диктатуры. М., 2011; Вдовин А.И. История СССР от Ленина до Горбачёва. М., 2014.

¹⁰² Conquest R. Power and Policy in the USSR: The Struggle for Stalin's Succession, 1945-1960. N.Y., 1967.

¹⁰³ Жуков Ю.Н. Сталин: тайны власти. М., 2005.

¹⁰⁴ Кузнечевский В.Д. Ленинградское дело. М., 2013.

¹⁰⁵ Аксёнов Ю.С. Апогей сталинизма: послевоенная пирамида власти // Вопросы истории КПСС. 1990. № 11; Медведев Р.А. Ближний круг Сталина: соратники вождя. М., 2005; Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти, 1945-1991. М., 1998; Вдовин А.И. История СССР от Ленина до Горбачёва. М., 2014; Данилов А.А. Сталинское Политбюро в послевоенные годы // Политические партии: страницы истории. М., 2000; Попов В.П. Экономическая политика советского государства. 1946-1953 гг.

Тамбов, 2000; Кузнецhevский В.Д. Ленинградское дело. М., 2013.

¹⁰⁶ Жуков Ю.Н. Сталин: тайны власти. М., 2005; Емельянов Ю.В. Сталин: на вершине власти. М., 2002.

¹⁰⁷ Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти 1945-1991. М., 1998; Пыжиков А.В. Ленинградская группа: путь к власти (1946-1949) // Свободная мысль, 2001. № 3; Данилов А.А. Сталинское Политбюро в послевоенные годы // Политические партии: страницы истории. М., 2000; Данилов А.А., Пыжиков А.В. Рождение сверхдержавы. 1945-1953 гг. М., 2002; Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина. М., 2001; Мартиросян А.Б. Сталин после войны. 1945-1953 годы. М., 2007; Вдовин А.И. История СССР от Ленина до Горбачёва. М., 2014.

¹⁰⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 28. Д. 10. Л. 65.

¹⁰⁹ Пыжиков А.В. Корни сталинского большевизма. М., 2016.

¹¹⁰ Хлевнюк О.В., Горлицкий Й. Холодный мир. Сталин и завершение сталинской диктатуры. М., 2011; Хлевнюк О.В. Сталин: жизнь одного вождя. М., 2015.

¹¹¹ Лешукова Т.В. Историография «Ленинградского дела» // Исторический опыт русского народа и современность. СПб., 1994; Кутузов В.А. Дискуссионные и малоизученные вопросы «Ленинградского дела» // Актуальные проблемы историографии и исторической науки. СПб., 2004; Ваксер А.З. «Ленинградское дело». Итоги изучения и новые аспекты. СПб., 2012.

¹¹² Жуков Ю.Н. Сталин: тайны власти. М., 2005; Жуков Ю.Н. Борьба за власть в руководстве СССР в 1945-1952 годах // Вопросы истории. 1995. № 1; Хлевнюк О.В. Советская экономическая политика на рубеже 1940-1950-х годов и «дело Госплана» // Отечественная история. 2001. № 3; Хлевнюк О.В., Горлицкий Й. Холодный мир. Сталин и завершение сталинской диктатуры. М., 2011.

¹¹³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 135. Д. 16. Л. 83-89.

¹¹⁴ АП РФ. Ф. 3. Оп. 54. Д. 26. Л. 78-91.

¹¹⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1078. Л. 20, 166-169.

¹¹⁶ Жуков Ю.Н. Сталин: тайны власти. М., 2005; Жуков Ю.Н. Борьба за власть в руководстве СССР в 1945-1952 годах // Вопросы истории. 1995. № 1.

¹¹⁷ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 762. Л. 36-39.

¹¹⁸ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. И. Д. 762. Л. 30-31.

¹¹⁹ Быстрова И.В. Военно-промышленный комплекс СССР в годы холодной войны. Вторая половина 40-х — начало 60-х годов. М., 2000.

¹²⁰ Хрущёв Н.С. Время. Люди. Власть. Кн. 1. М., 1999; Хлевнюк О.В., Горлицкий Й. Холодный мир. Сталин и завершение сталинской диктатуры. М., 2011.

¹²¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 2214. Л. 6-7, 14, 32.

¹²² Жуков Ю.Н. Сталин: тайны власти. М., 2005; Жуков Ю.Н. Борьба за власть в руководстве СССР в 1945-1952 годах // Вопросы истории. 1995. № 1; Зеленев М.В. Перестройка аппарата ЦК ВКП(б) в 1946 г. ... // Новейшая история России. 2011. № 1.

¹²³ Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет министров СССР. 1945-1953 гг. М., 2002; Хлевнюк О.В., Горлицкий Й. Холодный мир. Сталин и завершение сталинской диктатуры. М., 2011.

¹²⁴ РГАСПИ Ф. 17. Оп. 3. Д. 2225. Л. 10; Ф. 17. Оп. 163. Д. 1577. Л. 23; Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет министров СССР. 1945-1953 гг. М., 2002.

¹²⁵ Жуков Ю.Н. Сталин: тайны власти. М., 2005; Жуков Ю.Н. Борьба за власть в руководстве СССР в 1945-1952 годах. // Вопросы истории. 1995. № 1.

- ¹²⁶ Чернобаев А.А. На приёме у Сталина: тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924-1953 гг.). М., 2008.
- ¹²⁷ АП РФ. Ф. 3. Оп. 30. Д. 159. Л. 76; Попов В.П. Отечественные архивы. 1994. №1.
- ¹²⁸ Чуев Ф.И. Сто сорок бесед с Молотовым. М., 1991; Шепилов Д.Т. Непримкнувший. М., 2001.
- ¹²⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1581. Л. 13.
- ¹³⁰ Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет министров СССР. 1945-1953 гг. М., 2002.
- ¹³¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 216. Л. 2-7.
- ¹³² Жуков Ю.Н. Сталин: тайны власти. М., 2005; Жуков Ю.Н. Борьба за власть в руководстве СССР в 1945-1952 годах // Вопросы истории. 1995. № 1; Хлевнюк О.В., Горлицкий Й. Холодный мир. Сталин и завершение сталинской диктатуры. М., 2011; Млечин Л.М. КГБ. Председатели органов безопасности. М., 2008; Прудникова Е.А. 1953 год. Смертельные игры. М., 2011; Столяров К.А. Палачи и жертвы. М., 1997; Смыслов О.В. Генерал Абакумов. Палач или жертва? М., 2012.
- ¹³³ Жуков Ю.Н. Сталин: тайны власти. М., 2005; Жуков Ю.Н. Борьба за власть в руководстве СССР в 1945-1952 годах // Вопросы истории. 1995. № 1.
- ¹³⁴ Зеленев М.В. Перестройка аппарата ЦК ВКП(б) в 1946 г. ... // Новейшая история России. 2011. № 1.
- ¹³⁵ Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти, 1945-1991. М., 1998; Жуков Ю.Н. Сталин: тайны власти. М., 2008; Жуков Ю.Н. Борьба за власть в руководстве СССР в 1945-1952 годах. // Вопросы истории. 1995. № 1; Емельянов Ю.В. Сталин: на вершине власти. М., 2002; Вдовин А.И. История СССР от Ленина до Горбачёва. М., 2014.
- ¹³⁶ Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти, 1945-1991. М., 1998.
- ¹³⁷ Зеленев М.В. Перестройка аппарата ЦК ВКП(б) в 1946 г. ... // Новейшая история России. 2011. № 1.
- ¹³⁸ Симонов К.М. Глазами человека моего поколения: размышления о И.В. Сталине. М., 1989; Ефремов Л.Н. Дорогами борьбы и труда. Ставрополь, 1998.
- ¹³⁹ Медведев Р.А. О Сталине и сталинизме. М., 1990; Волкогонов Д.А. Триумф и трагедия. Политический портрет И.В. Сталина. М., 1989.
- ¹⁴⁰ Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти, 1945-1991. М., 1998; Пихоя Р.Г. СССР. История Великой Империи: под знаком Сталина. СПб., 2009.
- ¹⁴¹ Жуков Ю.Н. Сталин: тайны власти. М., 2005; Жуков Ю.Н. Борьба за власть в руководстве СССР в 1945-1952 годах // Вопросы истории. 1995. № 1; Зеленев М.В. Перестройка аппарата ЦК ВКП(б) в 1946 г. ... // Новейшая история России. 2011. № 1; Хлевнюк О.В., Горлицкий Й. Холодный мир. Сталин и завершение сталинской диктатуры. М., 2011.
- ¹⁴² Емельянов Ю.В. Он мог стать преемником Сталина // Столетие. Март 2013; Добрюха Н.А. Как убивали Сталина. М., 2007; Зимянин В.М. Из поколения победителей // Аргументы недели. 2014. № 44(436); Лукьянов А.И. Возвращение Сталина // Промышленные ведомости. 2004. № 9-10 (86-87).
- ¹⁴³ Бенедиктов И.А. О Сталине и Хрущёве // Молодая гвардия. 1989. № 4.

4. В преддверии скорой развязки

Как считают целый ряд историков (А. В. Пыжиков, О. В. Хлевнюк, Й. Горлицкий¹⁴⁴), события, предшествовавшие смерти И. В. Сталина и обострению борьбы за власть у одра умирающего вождя начались задолго до событий февраля — марта 1953 года. Как ни странно, но старт этим событиям дало дело опального главы МГБ генерал-полковника В. С. Абакумова, арестованного ещё в июле 1951 года.

Как известно, поводом для этого ареста послужил донос на имя И. В. Сталина от начальника Следственной части по особо важным делам МГБ СССР подполковника Михаила Дмитриевича Рюмина, который, попав почти в безвыходное положение из-за своего нерадения по делу профессора Я. Г. Этингера, решил перейти в наступление и спасти себя от неминуемой опалы, а может быть и худшего исхода — ареста и даже гибели. Дело в том, что ещё в начале ноября 1950 года многолетний профессор-консультант Лечебно-санитарного управления Кремля кардиолог Яков Гиляриевич Этингер был арестован по так называемому первому «Делу врачей», «ставивших своей целью путём вредительского лечения сократить жизнь активным деятелям СССР», в том числе Первому секретарю Московского обкома и секретарю ЦК ВКП(б) тов. А. С. Щербакову, который, как известно, скончался от острого инфаркта в мае 1945 года.

Но в начале марта 1951 года, так и не дав никаких признательных показаний, профессор Я. Г. Этингер также скончался от острого сердечного приступа, что безнадежно застопорило весь ход всего этого дела. Получив за это нагоняй от В. С. Абакумова, М.Д. Рюмин решил действовать на опережение и подал в ЦК ВКП(б) заявление на собственного шефа, позднее поведав о мотивах своего поступка уже во время следствия против него самого следующим образом: «Обдумывая создавшееся положение, я пришёл к выводу, что дело Этингера может послужить для меня удобным и убедительным поводом для того, чтобы, с одной стороны, выступить в роли разоблачителя Абакумова и уйти таким образом от ответственности за совершённые мной преступления, а с другой — застраховать себя на будущее от каких-либо более серьёзных неприятностей, чем объявление мне выговора за то, что я не зафиксировал показаний Этингера о его преступных высказываниях и связях».

Как считают многие историки и публицисты (Р. Г. Пихоя, О. В. Хлевнюк, Й. Горлицкий, Н. В. Петров, Г. В. Костырченко, М. Пэрриш¹⁴⁵), это заявление М. Д. Рюмина, датированное 2 июня 1951 года, совпало с горячим желанием самого И. В. Сталина устроить серьёзную кадровую чистку в МГБ СССР, так как в нём содержался целый ряд серьёзных обвинений против В. С. Абакумова, в частности то, что именно он «погасил» чрезвычайно «перспективное» дело арестованного Я. Г. Этингера, который мог дать ценные показания о «врачах-вредителях», не дал ход делу о «молодёжной еврейской организации», которая готовила покушения на советских вождей, скрыл от ЦК важную информацию о серьёзных недостатках в работе советской контрразведки на территории Германии и, наконец, «грубо нарушал установленные партией и правительством правила ведения следствия». Причём одни записные антисталинисты типа Р. Г. Пихои и Г. В. Костырченко говорят, что столь скорый арест В. С. Абакумова и его «подельников» зримо говорил о том, «что страна стояла накануне новой волны массового террора», а другие, не менее известные хулители вождя типа О. В. Хлевнюка ставят под сомнение этот тезис своих

единомышленников и коллег. При этом оппоненты и тех, и других либерал-авторов, в частности Ю. Н. Жуков¹⁴⁶, утверждают, что версия о том, что за делом В. С. Абакумова стоял лично И. В. Сталин, не соответствует действительности, поскольку первым «охоту» на главу МГБ начал Г. М. Маленков, который уже 3 июля 1950 года имел на руках «Закрытое письмо» ЦК ВКП(б) «О неблагоприятном положении в Министерстве государственной безопасности», где содержалось прямое указание руководителям рескомов, крайкомов, обкомов и горкомов партии «навести большевистский порядок» в органах МГБ и «повысить партийность в работе чекистов».

Думается, что последняя версия больше соответствует действительности, тем более что сами Н. В. Петров и О. В. Хлевнюк¹⁴⁷ обратили особое внимание на то обстоятельство, что генерал-полковник В. С. Абакумов в своё время имел самые тесные контакты со своим непосредственным куратором — начальником Управления кадров ЦК ВКП(б), секретарём ЦК А. А. Кузнецовым, — и ещё в марте 1948 года они оба получили нагоняй за организацию «суда чести над двумя чекистами» без согласования с Политбюро. Более того, те же К. А. Столяров, О. В. Хлевнюк, Й. Горлицкий и Г. В. Костырченко¹⁴⁸ почему-то сами утверждают, что ход этому доносу дали Г. М. Маленков и его личный помощник Н. Д. Суханов. Но при этом как заговорённые все они дружно продолжают твердить о том, что во всём виноват только И. В. Сталин.

5 июля 1951 года Политбюро, рассмотрев рюминское заявление, приняло решение: «поручить комиссии в составе т.т. Маленкова (председатель), Берия, Шкирятова и Игнатьева проверить факты, изложенные в заявлении Рюмина, и доложить о результатах Политбюро ЦК ВКП(б). Срок работы комиссии 3-4 дня»¹⁴⁹. При этом, судя по известному «Журналу посетителей кремлёвского кабинета И.В. Сталина», не дожидаясь выводов этой Комиссии, в ночь на 6 июля в присутствии четвёрки — В. М. Молотова, Г. М. Маленкова, Л. П. Берии и Н. А. Булганина — вождь устроил очную ставку В. С. Абакумова и М. Д. Рюмина. По итогам этой ставки в третьем часу ночи в сталинский кабинет был уже приглашён заместитель министра госбезопасности генерал-лейтенант Сергей Иванович Огольцов, который сходу был назначен и. о. главы МГБ СССР и пробыл в этой должности чуть больше месяца, до начала августа 1951 года. Причём в тот же день в МГБ СССР был назначен и его прямой куратор — представитель ЦК ВКП(б) Семён Денисович Игнатьев, занявший всего восемь месяцев назад важный в центральном партийном аппарате пост заведующего Отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК ВКП(б).

Между тем опальный В. С. Абакумов написал на имя вождя объяснительную записку, в которой разъяснил все обстоятельства по делу Я. Г. Этингера, отмёл все рюминские обвинения и заверил И. В. Сталина в личной преданности ему. Тем не менее через несколько дней Политбюро ЦК приняло специальное Постановление «О неблагоприятном положении в МГБ», в котором в адрес В. С. Абакумова добавились ещё пара новых обвинений, в частности в «обмане партии» и в «затягивании следственных дел». А уже 8 июля опальный министр побывал на допросе у и. о. Генпрокурора СССР К. А. Мокичева, а 12 июля он был арестован и помещён в Лефортовскую (особую) тюрьму МГБ СССР. На следующий день была арестована и вся верхушка Следственной части по особо важным делам МГБ СССР, в частности её начальник генерал-майор А. Г. Леонов и два его заместителя полковники М. Т.

Лихачёв и Л. Л. Шварцман. Позднее были также арестованы начальник 2-го Управления МГБ полковник Ф. Г. Шубняков, его заместитель генерал-лейтенант Л. Ф. Райхман, управделами МГБ генерал-майор М. К. Кочегаров, начальник Секретариата МГБ полковник И. А. Чернов, его заместитель полковник Я. М. Броверман и второй заместитель начальника Следственной части по ОВД МГБ полковник В. И. Комаров.

Судя по «Журналу посещения кремлёвского кабинета И. В. Сталина», вскоре после этих событий, в конце июля 1951 года, в присутствии Л. П. Берии и Г. М. Маленкова вождь провёл важную встречу с новым руководством МГБ СССР, в ходе которой дал прямые указания С. Д. Игнатьеву, С. И. Огольцову, С. А. Гоглидзе, Н. Н. Селивановскому, Е. П. Питовранову и министру МГБ УССР Н. К. Ковальчуку о серьёзной перестройке всей агентурнооперативной работы министерства и предложил сократить его агентурную сеть почти на 70% и полностью ликвидировать институт осведомителей.

Между тем, как уверяет Н. В. Петров, изначально И. В. Сталин предполагал назначить новым главой союзного МГБ генерал-лейтенанта С. И. Огольцова, но в начале августа 1951 года тот направил вождю личное письмо, в котором сообщил, что тяжело болен и по заключению врачей ему прописан постельный режим¹⁵⁰. Более того, он предложил назначить врио главы МГБ СССР другого заместителя министра — генерал-майора Евгения Петровича Питовранова — и на него «возложить участие в допросах по делу Абакумова». Однако накануне своего отъезда в отпуск на Кавказ, 9 августа 1951 года, И. В. Сталин по подсказке Г. М. Маленкова назначил новым министром МГБ СССР Семёна Денисовича Игнатьева, оставив за ним и ключевой пост заведующего Отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК ВКП(б). При этом новым заместителем министра по кадрам был назначен бывший главный кадровик ЦК КП(б)У, первый секретарь Одесского обкома партии генерал-майор Алексей Алексеевич Епишев. А следствие по делу В. С. Абакумова было передано Генпрокуратуре СССР, где его куратором стал заместитель генпрокурора К. А. Мокичев.

Тем временем сам М. Д. Рюмин, получивший «за рвение и бдительность на службе» должность и. о. начальника Следственной части по особо важным делам МГБ и звание полковника, решил не останавливаться на достигнутом и направил И. В. Сталину и Г. М. Маленкову новую порцию разоблачений на весь руководящий состав МГБ. В результате, вопреки робкому протесту самого С. Д. Игнатьева, Постановлением Совета Министров СССР М. Д. Рюмин был утверждён заместителем министра и членом Коллегии МГБ СССР, а также начальником Следственной части по особо важным делам. Вскоре он же стал инициатором новой волны арестов в центральном аппарате МГБ, жертвами которой уже в начале ноября 1951 года стали все отставленные незадолго до этого заместители министра, в том числе генералы Е. П. Питовранов, А. С. Блинов, Н. Н. Селивановский и Н. А. Королёв, которые многие годы находились под «враждебным влиянием» В. С. Абакумова и Ко.

А тем временем тогда же, в ноябре, шарахнула новая «бомба». На сей раз после разговора И. В. Сталина с министром госбезопасности Грузинской ССР генерал-лейтенантом Николаем Максимовичем Рухадзе, который состоялся в Цхалтубо ещё в конце сентября, Политбюро ЦК 9 ноября 1951 года приняло Постановление «О взяточничестве в Грузии и об антипартийной группе т. Барамия М. И.»¹⁵¹. Как считают ряд историков (Н. В. Петров, О. В. Хлевнюк, Й. Горлицкий, В. М. Соловейчик¹⁵²), несомненно, текст этого Постановления был продиктован знатоком

местной специфики, то есть самим И. В. Сталиным, однако никаких серьёзных доказательств своего «научного открытия» они так и не приводят. Более того, тот же Н. В. Петров акцентирует внимание на том, что в тексте данного Постановления речь шла не только об «укоренившейся коррупции», которую прикрывает «группа лиц», состоящая из «мингрельских националистов», о самом «мингрельском национализме», который крайне опасен своей неуёмной жаждой бесконтрольной власти и угрозой распада Грузинской ССР на ряд «провинциальных княжеств», но также о связях части руководства Грузии с грузинской белой эмиграцией, опекаемой американской разведкой. Причём в качестве главного агента иностранных спецслужб была названа известная парижская группа Ноя Жордания и Евгения Гегечкори — двух ключевых фигур бывшего правительства меньшевистской Грузии, — которая «обслуживает шпионской информацией американскую разведку, получая за это доллары». По версии самого Н. В. Петрова, упоминание Евгения Петровича Гегечкори, родного дяди (а вовсе не брата) Нино Теймуразовны Гегечкори — жены самого Лаврентия Павловича Берии, — было прямым выпадом против ближайшего сталинского соратника. Однако надо иметь в виду, что, во-первых, именно И. В. Сталин ещё весной 1948 года инициировал возвращение на малую родину ряда грузинских меньшевиков из «французской ссылки», во-вторых, как верно подметил Ю. Н. Жуков, о возможных связях группы М. И. Барамии с антисоветской грузинской эмиграцией пока упоминалось лишь «теоретически» и, в-третьих, куда важнее, как считает В. М. Соловейчик, была возможная связь руководства Грузинской ССР не с белой эмиграцией, а с двумя известными и очень влиятельными еврейскими кланами: кланом Мирилашвили из мингрельского села Кулаши и кланом Крихели из Тбилиси. И хотя в этом Постановлении ничего пока не говорилось об арестах, они вскоре, конечно, последовали. Первым делом были арестованы второй секретарь ЦК КП(б) Грузии Михаил Иванович Барамия и министр юстиции Авксентий Нарикиевич Рапава, который до этого в течение целых пяти лет занимал должность министра госбезопасности Грузинской ССР.

Вскоре Политбюро вновь разбирало «грузинский вопрос», но на сей раз в куда более «масштабном варианте». Для отчёта о выполнении Постановления Политбюро ЦК ВКП(б) в Москву был вызван весь состав Бюро ЦК КП(б) Грузии. На заседании 27 марта 1952 года, на котором председательствовал Г. М. Маленков, в присутствии И. В. Сталина, В. М. Молотова, Л. М. Кагановича, Л. П. Берии и С. Д. Игнатьева было принято новое Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «Положение дел в Компартии Грузии», где прямо указывалось, что «дело с исправлением ошибок и недостатков в работе ЦК КП(б) Грузии идёт медленно, со скрипом, неудовлетворительно, и в партийных организациях и среди беспартийных... имеет место недовольство медлительностью в действиях ЦК КП(б) Грузии по борьбе за ликвидацию последствий вражеской деятельности группы Барамии». Более того, «в ходе следствия выяснилось», что эта группа «намеревалась захватить власть в Компартии Грузии и подготовить ликвидацию Советской власти в Грузии». Поэтому этим же Постановлением Политбюро ЦК, которое, по информации Ю. Н. Жукова¹⁵³, готовили новый глава Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) Матвей Фёдорович Шкирятов и новый глава Отдела партийных, профсоюзных и комсомольских органов Николай Михайлович Пегов, с должности Первого секретаря ЦК КП(б) Грузии был снят Кандид Нестерович Чарквиани, обвинённый в «политической слепоте» и «медлительности» в борьбе с «последствиями вражеской деятельности группы

Барамия», и на его место назначен давний бериевский антагонист, первый секретарь Кутаисского обкома партии Акакий Иванович Мгеладзе. Причём, что любопытно, для проведения этого Постановления в жизнь в Грузию был направлен сам Л. П. Берия, который вынужден был инициировать новую волну арестов по «Мингрельскому делу», в том числе своих прямых выдвиженцев — многолетнего министра внутренних дел генерал-лейтенанта Григория Теофиловича Каранадзе, его заместителя генерал-майора Константина Павловича Бзиава, прокурора Грузии Владимира Яковлевича Шонии и других влиятельных персон.

В связи с этим обстоятельством неизбежно возникает законный вопрос, каковы же были конечные цели всего «Мингрельского дела», в том числе по отношению к «главному мингрелу» — Лаврентию Павловичу Берии. Одни авторы (Н. В. Петров¹⁵⁴) полагают, что, по всей вероятности, в задачу самого И. В. Сталина не входило уничтожение Л. П. Берии и смысл всего этого дела заключался, прежде всего, в борьбе против клановости в самом грузинском руководстве и возможности «держать в руках» Л. П. Берия, время от времени напоминая ему о том, «кто в доме хозяин». Другие же историки (О. В. Хлевнюк, Й. Горлицкий, Т. Бловелт¹⁵⁵), в целом соглашаясь с подобной трактовкой этого дела, утверждают, что главной целью И. В. Сталина, организовавшего «Мингрельское дело», было «не наращивание массовых репрессий..., а устранение от власти и уничтожение лишь одного клана грузинских чиновников, связанных с Л. П. Берией. Конечно, это дело, как и все другие сталинские акции такого рода, было многофункциональным» и одним из важных элементов этого дела стала «борьба против центробежных тенденций в партийном аппарате». Более того, эта группа авторов утверждает, что «характер атак против членов Политбюро в 1951-1952 годах», а именно против Л. П. Берии, Н. А. Булганина и Н. С. Хрущёва, лишний раз говорил о том, что И. В. Сталина вполне устраивал «сложившийся в его окружении баланс сил, и он опасался его нарушить. Запугивая своих соратников, он не считал более необходимым доводить дело не только до физической расправы, но и до должностных перестановок». Одновременно все эти кампании говорили и о том, что основным орудием политического контроля для самого И. В. Сталина «оставались органы госбезопасности, руководство которыми он ни на минуту не выпускал из своих рук». Третья группа авторов (В. М. Соловейчик¹⁵⁶) утверждает, что это дело было куда более серьёзным и могло окончиться не только падением Л. П. Берии с вершин государственной власти, но и его реальным уничтожением, поскольку под каток «Мингрельского дела» попали люди из его ближайшего окружения, в частности Вардо Максимелишвили, Давид Матарадзе и Илья Тавадзе. Наконец, ещё одни авторы (Ю. Н. Жуков¹⁵⁷) считают, что за организацией «Мингрельского дела» реально стоял Г. М. Маленков, который таким образом устранял последнего серьёзного конкурента в борьбе за высшую власть, а И. В. Сталин, в тот период уже давно отошедший от какой-либо реальной работы и полностью потерявший всякий интерес к любым вопросам, предоставил своим соратникам полную свободу действий в борьбе за его наследство и верховную власть в стране.

О том, что само «Мингрельское дело» своим остриём было направлено против Л. П. Берии, говорит и тот любопытный, но общеизвестный факт, что именно «лубянский маршал» стал инициатором пересмотра Постановления ЦК «О взяточничестве в Грузии и об антипартийной группе т. Барамия М. И.», направив через месяц после смерти И. В. Сталина соответствующую «Записку» в Президиум

ЦК. А уже 10 апреля 1953 года этот высший орган партии принял очередное Постановление ЦК КПСС «О фальсификации дела о мингрельской националистической группе»¹⁵⁸, которое сразу же единогласно утвердили Г. М. Маленков, Л. П. Берия, В. М. Молотов, Н. А. Булганин, К. Е. Ворошилов, Н. С. Хрущёв, Л. М. Каганович, А. И. Микоян и М. Г. Первухин.

Однако до упомянутого решения ещё было далеко, а посему Л. Б. Берия стал искать любую возможность заблокировать дальнейшее расследование этого дела. И, надо сказать, ему это удалось, причём не без помощи самого генерала Н. М. Рухадзе, который вскоре совершил роковую ошибку. Не сумев вовремя остановиться, он стал выбивать у арестованных «мингрельцев» признательные показания на самого А. И. Мгеладзе и, получив все нужные «признания», тут же отправил их в Москву. Однако уже в начале июня 1952 года ЦК ВКП(б) послал в Тбилиси грозную шифрограмму со строгим указанием генералу Н. М. Рухадзе «не допускать впредь подобных поступков». Более того, в направленном послании было прямо сказано, что «ЦК ВКП(б) считает, что т. Рухадзе стал на неправильный и непартийный путь, привлекая арестованных в качестве свидетелей против партийных руководителей Грузии. Кроме того, следует признать, что т. Рухадзе не имеет права обходить ЦК КП(б) Грузии и правительство Грузии, без ведома которых он послал в ЦК ВКП(б) материалы против них, поскольку Министерство госбезопасности Грузии, как союзно-республиканское министерство, подчинено не только центру, но и правительству Грузии и ЦК КП(б) Грузии»¹⁵⁹.

Естественно, Л. П. Берия сразу воспользовался ситуацией, и Н. М. Рухадзе был снят со своего поста, а затем арестован вместе со своим «подельником» заместителем министра генерал-майором М. К. Тавдишвили. Как утверждают ряд авторов (К. В. Столяров, Н. В. Петров¹⁶⁰), изначально новым министром республиканской госбезопасности хотели назначить ближайшего бериевского соратника генерал-полковника Сергея Арсеньевича Гоглидзе, однако затем остановились на другой кандидатуре — генерал-майора Александра Ивановича Кочлавашвили, который также был человеком «бериевского круга».

Тем временем в начале 1952 года Политбюро ЦК приняло решение передать следствие по делу В. С. Абакумова и его группы из Генеральной прокуратуры в МГБ СССР. Приём дела был поручен начальнику Следственной части по особо важным делам полковнику М. Д. Рюмину. При этом тем же решением министру С. Д. Игнатьеву было предписано «представить соображения о коренном улучшении следствия» в МГБ СССР и установить, что отныне срок ведения следствия по наиболее важным делам составляет не более 3 месяцев, а по всем остальным делам — не более 1 месяца. Тогда же решением Политбюро заместитель главы МГБ и начальник 2-го Главного управления (контрразведка) генерал-лейтенант Лаврентий Фомич Цанава, пробывший в этой должности чуть более 3 месяцев, был отправлен на пенсию, и на его место назначен генерал-лейтенант Василий Степанович Рясной. Надо сказать, что ряд советологов (А. Байшман, М. Бернштам¹⁶¹), связали скорую отставку Л. Ф. Цанавы с возможным арестом самого Л. П. Берии. Однако эта версия не очень согласуется с целым рядом фактов, в том числе с тем, что уже в начале апреля 1953 года именно Л. П. Берия инициировал арест Л. Ф. Цанавы по делу об убийстве С. М. Михоэлса.

Между тем серьёзная чистка всего МГБ СССР шла своим чередом и вскоре коснулась Главного управления охраны, которое долгие годы возглавлял генерал-

лейтенант Николай Сидорович Власик. В широком общественном сознании существует расхожее представление, что именно этот человек всегда возглавлял личную охрану И. В. Сталина, однако это не совсем так. Дело в том, что с декабря 1946 года, после очередной реорганизации ряда отделов и подразделений, занимавшихся охраной высших должностных лиц, в рамках МГБ СССР было создано Главное управление охраны, начальником которого и был назначен генерал-лейтенант Н. С. Власик, возглавлявший до этого 6-е Управление НКГБ — МГБ СССР. В рамках самого ГУО МГБ существовало девять структурных подразделений, два из которых — Управление охраны № 1 и Управление охраны № 2 — занимались непосредственной охраной всех высших должностных лиц. При этом Управление охраны № 1, занимавшееся исключительно охраной И. В. Сталина, с июня 1949 года возглавлял полковник А. М. Раков, а Управление охраны № 2, которое отвечало за охрану всех других членов Политбюро и секретарей ЦК, с апреля 1950 года де-факто возглавлял генерал-майор Н. А. Розанов. Так что генерал Н. С. Власик уже давно не являлся «тенью» вождя и встречался с ним довольно редко.

Тем не менее в конце апреля 1952 года он совершенно неожиданно был снят со своей высокой должности, переведён служить в систему МВД СССР и тут же выслан из Москвы на Урал. А вскоре стала очевидна и причина столь «неожиданной» опалы некогда всесильного «охранника» вождя, поскольку уже 19 мая 1952 года было принято Постановление ЦК ВКП(б) «О сокращении расходов по Управлению охраны», в котором всё руководство ГУО прямо обвинялось в преступном расточительстве и «антигосударственной практике в расходовании средств»¹⁶². Причём под гораздо большую «раздачу» попал не сам генерал Н. С. Власик, а его первый заместитель полковник В. С. Лынько, арестованный в том же мае 1952 года. Кроме того, согласно этому документу, ГУО МГБ СССР потеряло статус Главного управления и стало Управлением охраны (УО МГБ), а его главой был временно назначен министр МГБ СССР С. Д. Игнатьев. При этом Управления охраны № 1 и № 2 были ликвидированы, и отныне личную охрану всех советских вождей, в том числе И. В. Сталина, возглавил генерал-лейтенант Василий Степанович Ряской. А затем в самом конце июля 1952-го начальником личной охраны вождя стал заместитель главы УО МГБ СССР полковник Николай Петрович Новик, а главой личной охраны всех остальных кремлёвских небожителей стал другой заместитель главы УО МГБ СССР — подполковник Павел Николаевич Максименко.

Между тем в конце октября 1952 года, через пару недель после окончания XIX партсъезда, С. Д. Игнатьев направил И. В. Сталину служебную записку, в которой сообщил, что результаты проведённой работы подтвердили факт преступного лечения кремлёвских вождей. В данном случае речь шла о старой докладной записке кардиолога Лечебно-санитарного управления Кремля Лидии Фёдоровны Тимашук, которая ещё в августе 1948 года в своих письмах на имя генерала Н. С. Власика, в ведомстве которого находилось ЛСУК, а затем на имя тогдашнего секретаря ЦК А. А. Кузнецова проинформировала их о том, что руководство ЛСУК, в частности его начальник П. И. Егоров, лечащий врач вождя В. Н. Виноградов, главный терапевт ЛСУК В. Х. Василенко и личный ждановский врач Г. И. Майоров заставили её переписать первоначальный диагноз тов. А. А. Жданова, который через три дня после снятой кардиограммы скончался от острого инфаркта. Как утверждают ряд историков (Н. В. Петров, Г. В. Костырченко, Ж. А. Медведев, С. Монтефиоре¹⁶³), получив это письмо, сам И. В. Сталин лично дал санкцию на немедленный арест главных «врачей-

убийц», в первой партии которых оказались академики Пётр Иванович Егоров и Владимир Никитич Виноградов, а также ряд ведущих профессоров: Борис Борисович Коган, Александр Исидорович Фельдман, Владимир Харитонович Василенко и другие медицинские светила. Тогда же новым руководителем ЛСУК был назначен начальник Медико-санитарного отдела ХОЗУ МГБ СССР генерал-майор Иван Иванович Куперин, которого, по версии А. В. Пыжикова¹⁶⁴, назначили по протекции Л. П. Берии, а по версии Ю. Н. Жукова¹⁶⁵ — по предложению Г. М. Маленкова и М. Ф. Шкирятова.

Затем в начале ноября 1952 года И. В. Сталин и Г. М. Маленков провели в Кремле рабочую встречу с С. Д. Игнатьевым и тремя его заместителями — В. С. Рясным, С. А. Гоглидзе и М. Д. Рюминым, — которым было дано поручение подготовить предложения по реорганизации разведки и контрразведки. По итогам этой встречи вскоре была создана Комиссия под руководством Г. М. Маленкова, которая уже через две недели подготовила проект создания Главного разведывательного управления МГБ СССР. Однако буквально за неделю до этого события, 13 ноября 1952 года, довольно неожиданно вышло Постановление Совета Министров СССР о снятии М. Д. Рюмина с его высоких должностей за то, что именно он оказался «не способен выполнить» указаний советского правительства по расследованию двух самых важных дел — «Дела Абакумова» и «Дела врачей», которые «всё ещё остаются нераскрытыми до конца»¹⁶⁶.

Судя по «Журналу посещений кремлёвского кабинета И. В. Сталина», в тот же день в присутствии «четвёрки» в составе Г. М. Маленкова, Л. П. Берии, Н. А. Булганина и Н. С. Хрущёва вождь вновь встретился с С. Д. Игнатьевым, С. А. Гоглидзе, С. И. Огольцовым, В. С. Рясным и Е. П. Питоврановым и, судя по всему, дал прямые указания по дальнейшему ведению следствия по этим делам. По крайней мере, через пару дней С. Д. Игнатьев направил И. В. Сталину служебную записку, в которой проинформировал его, что: 1) В. С. Абакумов переведён из Лефортовской в Бутырскую тюрьму МВД, 2) к арестованным П. И. Егорову, В. Н. Виноградову и В. Х. Василенко уже «применены меры физического воздействия», «подобраны и использованы в деле два работника, могущие выполнять специальные задания в отношении особо важных и особо опасных преступников» и 3) Н. С. Власик вызван в Москву для того, чтобы расспросить его о бывшем начальнике ЛСУК П. И. Егорове и «преступном отношении врачей к лечению руководящих работников»¹⁶⁷.

Возможно, все эти события прямо сказались на здоровье С. Д. Игнатьева, который 15 ноября неожиданно захворал, и, судя по архивным документам, отныне все исходящие бумаги наверх стали подписывать С. А. Гоглидзе и С. И. Огольцов, которые 20 ноября решением Бюро Президиума ЦК ВКП(б) были повышены до ранга первых заместителей министра МГБ СССР. Кроме того, тогда же генерал-полковник С. А. Гоглидзе был назначен куратором Следственной части по особо важным делам, которую теперь на положении врио возглавил полковник К. А. Соколов.

В самом конце ноября 1952 года С. А. Гоглидзе подготовил для И. В. Сталина докладную записку «О положении дел в МГБ», в которой среди прочих вещей указал, что следствие по «делу врачей» велось крайне медленно и «до сих пор ни агентурным, ни следственным путём не вскрыто, чья злодейская рука направляла террористическую деятельность Егорова, Виноградова и других». Однако тем не менее собранными «доказательствами и признаниями арестованных установлено, что в ЛСУК» действительно «действовала террористическая группа врачей» и группа

«еврейских националистов», стремившихся «сократить жизни руководителей партии и правительства». А уже на следующий день состоялось заседание Президиума ЦК, на котором рассматривались вопросы «О вредительстве в лечебном деле» и «Информация о положении дел в МГБ СССР», по которым в начале декабря 1952 года Комиссия во главе с Г. М. Маленковым подготовила необходимые резолюции, в том числе и о том, что первые секретари рескомов, крайкомов и обкомов партии «обязаны интересоваться агентурной работой» и знать «список всех агентов».

Как утверждают ряд историков (О. В. Хлевнюк, Й. Горлицкий¹⁶⁸), уже в начале декабря 1952 года на заседании Президиума ЦК, в котором приняли участие 32 из 36 его членов, И. В. Сталин впервые вывел информацию о «Деле врачей» за рамки ближнего круга. А следующим шагом стала «раскрутка» этого дела до уровня массовой кампании, которая была поручена четырём главным работникам идеологического фронта: М. А. Суслову, Н. А. Михайлову, Д. И. Чеснокову и Д. Т. Шепилову, — которые сразу после XIX партсъезда заняли особое место во всех средствах массовой информации. М. А. Суслов, будучи уже опытным секретарём ЦК, должен был курировать всю эту кампанию, а Н. А. Михайлов как новый секретарь ЦК и новый заведующий Отделом пропаганды и агитации, Д. И. Чесноков, ставший главой нового Отдела по философским и юридическим наукам и высшим учебным заведениям, и Д. Т. Шепилов как новый главный редактор «Правды» должны были претворять всю эту важную информационную кампанию в жизнь. Причём заметим, что первые трое одновременно были и полноправными членами Президиума ЦК, то есть уже вошли в число новых партийных вождей.

Между тем на рубеже 1952-1953 годов начались аресты прежних сотрудников Главного управления охраны МГБ СССР, в частности генерала Н. С. Власика и бывшего начальника оперативного отдела ГУО полковника В. И. Масленикова, которые «преступно относились к сигналам о неправильном лечении руководителей партии и правительства». Одновременно в Следственной части по ОВД МГБ СССР был подготовлен проект обвинительного заключения по делу В. С. Абакумова, который «неожиданно» выздоровевший С. Д. Игнатьев направил И. В. Сталину и Г. М. Маленкову в середине февраля 1953 года. В этом Спецдонесении № 237¹⁶⁹ был окончательно очерчен круг всех обвиняемых по «вражеской группе бывших сотрудников госбезопасности» в количестве 10 персон: генерал-полковник В. С. Абакумов, генерал-лейтенант Л. Ф. Райхман, генерал-майор А. Г. Леонов и полковники М. Т. Лихачёв, В. И. Комаров, И. А. Чернова, Л. Л. Шварцман, Я. М. Броверман, А. Я. Свердлов и А. М. Палкин, — которых глава МГБ СССР предложил судить Военной Коллегии Верховного Суда СССР и приговорить к расстрелу. По архивным данным ряд историков (Р. Г. Пихоя, Н. В. Петров¹⁷⁰), смогли установить, что И. В. Сталин подверг серьёзной правке проект этого обвинительного заключения. Причём общая направленность сталинской редакции свелась к тому, что именно генерал В. С. Абакумов и его подельники несут персональную ответственность за игнорирование прямого «указания ЦК о расследовании связей с иностранной разведкой врага народа Кузнецова». То есть, иными словами, именно они погасили шпионскую составляющую всего «Ленинградского дела», по которому в сентябре 1950 года были осуждены А. А. Кузнецов, М. И. Родионов, П. С. Попков, Н. А. Вознесенский и другие «ленинградцы». А это лишний раз подтверждает правоту тех историков, в частности того же Ю. Н. Жукова¹⁷¹, которые давно говорят о том, что «абакумовское дело» было инспирировано Г. М. Маленковым и Ко.

Тем временем 13 января 1953 года во всех центральных газетах было опубликовано сообщение ТАСС «Об аресте врачей-вредителей», а в газете «Правда» ещё помещена и разгромная редакционная статья «Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей», в которых сообщалось, что «органами государственной безопасности была раскрыта террористическая группа врачей, ставивших своей целью путём вредительского лечения сократить жизнь» вождям советского государства. «Следствием установлено, что участники террористической группы, используя своё положение врачей и злоупотребляя доверием больных, преднамеренно, злодейски подрывали их здоровье, ставили им неправильные диагнозы, а затем губили больных неправильным лечением. Прикрываясь высоким и благородным званием врача, эти изверги и убийцы растоптали священное знамя науки. Жертвами этой «банды человекообразных зверей» пали товарищи А. А. Жданов и А. С. Щербаков. Сами «преступники признались, что они, воспользовавшись болезнью тов. А. А. Жданова, неправильно диагностировали его заболевание, скрыв имеющийся у него инфаркт миокарда, назначили противопоказанный этому тяжёлому заболеванию режим» и тем самым умертвили его. Следствием установлено, что «преступники также сократили жизнь тов. А. С. Щербакова, неправильно применяли при его лечении сильнодействующие лекарственные средства, установили пагубный для него режим и довели его таким путём до смерти». «Врачи-преступники старались в первую очередь подорвать здоровье советских руководящих военных кадров, вывести их из строя и ослабить оборону страны. Они старались вывести из строя маршала Василевского А. М., маршала Говорова Л. А., маршала Конева И. С., генерала армии Штеменко С. М., адмирала Левченко Г. И. и других, однако арест расстроил их злодейские планы», и им «не удалось добиться своей цели». Установлено, что «все эти врачи-убийцы, ставшие извергами человеческого рода, растоптавшие священное знамя науки и осквернившие честь деятелей науки, состояли в наёмных агентах у иностранной разведки. Большинство членов данной террористической группы (Вовси М. С., Коган Б. Б., Фельдман А. И., Гринштейн А. М., Этингер Я. Г. и другие) «были завербованы филиалом американской разведки — шпионской сионистской организацией "Джойнт"», чьё грязное лицо, «прикрывающее свою подлую деятельность под маской благотворительности, полностью разоблачено». А все «другие участники террористической группы (Виноградов В. Н., Коган М. Б., Егоров П. И.) оказались давнишними агентами английской разведки».

Как явствует из архивных документов, эти материалы за четыре дня до публикации обсуждались на заседании Бюро Президиума ЦК с участием Г. М. Маленкова, Л. П. Берии, Н. А. Булганина, Н. С. Хрущёва, К. Е. Ворошилова, А. И. Микояна, Л. М. Кагановича, М. Г. Первухина, М. З. Сабурова, председателя КПК М. Ф. Шкирятова, главного редактора «Правды» Д. Т. Шепилова и двух первых заместителей главы МГБ генералов С. И. Огольцова и С. А. Гоглидзе. То есть И. В. Сталина на этом заседании Бюро не было, однако тем не менее все записные антисталинисты (Н. В. Петров, А. А. Фурсенко, Г. В. Костырченко) уверяют, что данное решение не могло быть принято без его согласия¹⁷². Более того, ряд приверженцев этой версии (Р. Г. Пихоя, О. В. Хлевнюк, Й. Горлицкий¹⁷³) утверждают, что сам И. В. Сталин не только надиктовал весь текст этого «Сообщения ТАСС», но и отредактировал передовицу газеты «Правда», написанную Д. Т. Шепиловым. Однако это лишь предположение, и вполне возможно, что решение о публикации данных

материалов как раз и было принято в пику самому И. В. Сталину, который мог и не желать публичности нового процесса, как и в случае с «Ленинградским делом».

Между тем, как считают многие историки, все эти события следует считать якобы прологом нового террора в форме довоенных публичных процессов, поскольку, во-первых, И. В. Сталин впервые после войны, как и в 1937 году, не уехал в ежегодный отпуск на Кавказ, а остался в Москве и, во-вторых, в «Правде» была опубликована юбилейная статья, посвящённая программному докладу И. В. Сталина на февральско-мартовском 1937 года Пленуме ЦК «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников». Но при этом целый ряд авторов (А. А. Фурсенко, Р. Г. Пихоя, А. В. Пыжиков, В. Г. Костырченко¹⁷⁴) уверяют, что, вероятно, И. В. Сталин готовил какой-то громкий политический процесс наподобие процессов 1936-1938 годов, жертвами которого вполне могли стать давние сталинские соратники, прежде всего В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов, Л. М. Каганович и А. И. Микоян. Хотя другие авторы (Н. В. Петров, О. В. Хлевнюк¹⁷⁵) полагают, что, «никаких планов действительно массовых арестов» у И. В. Сталина не существовало и «скорее можно говорить о новой линии «рационализации» террора в «ином, модифицированном виде, с целенаправленными ударами по определённым слоям и национальным группам», о чём в том числе свидетельствует и «общее сокращение (почти в 3 раза) арестов», проведённых МГБ СССР в 1952 году.

При этом в зарубежной и отечественной историографии (В. П. Наумов, Д. Брент, Ф. Лясс¹⁷⁶) уже довольно давно гуляет ходячая версия о том, что, дескать, «Дело врачей» должно было стать некой отправной точкой начала массовой депортации советских евреев в восточные регионы страны. Якобы по указанию И. В. Сталина была создана целая Комиссия по депортации евреев, которую возглавил секретарь ЦК М. А. Суслов, а заведующий Отделом философских и правовых наук профессор Д. А. Чесноков чуть ли уже не написал специальную брошюру с обоснованием депортации евреев, напечатанную миллионным тиражом, которую со дня на день должны начать распространять по всей стране. Однако многие, даже известные либеральные авторы (Ж. А. Медведев, Г. В. Костырченко, О. В. Хлевнюк¹⁷⁷), не отрицая антисемитской сущности «Дела врачей», ставят под сомнение существование планов депортации евреев и говорят о том, что утверждения их коллег не подтверждаются никакими доступными архивными документами. Вместе с тем ряд их единомышленников, в частности профессор Б. С. Клейн¹⁷⁸, высказали версию о том, что И. В. Сталин якобы рассчитывал использовать новую «антисемитскую кампанию» как важное орудие давления на западных «партнёров», прежде всего США, где давно и прочно окопалась богатая и очень влиятельная группировка еврейских промышленников и банкиров, которая могла оказывать нужное давление на американскую администрацию.

Между тем зимой 1952 года произошли ещё два знаковых события. Во-первых, неожиданным образом окончательно развеялись тучи, сгустившиеся над Л. П. Берией, поскольку следственные органы стали массово фиксировать «обеляющие» показания на «лубянского маршала». Более того, в конце января 1953-го решением Бюро Президиума ЦК он был назначен руководителем «тройки» по наблюдению за «специальными работами», в состав которой, помимо него самого, вошли Г. М. Маленков и Н. А. Булганин. А это означало, что отныне именно в его руках сосредоточилось руководство всем советским военно-промышленным комплексом, а не только атомным проектом. Во-вторых, с должности многолетнего секретаря Политбюро (Бюро Президиума и Президиума) ЦК, заведующего Особым сектором

ЦК и заведующим личной сталинской канцелярией был снят генерал-майор Александр Николаевич Поскрёбышев, занимавший эти должности с середины 1920-х годов. Как позднее, в июле 1953 года, утверждал А. Н. Поскрёбышев в своём письме в Президиум ЦК, одной из вероятных причин его неожиданной опалы стали показания арестованного генерала Н. С. Власика, но, так ли это было на самом деле, сейчас трудно установить.

Также не совсем понятно, кто стал преемником генерала А. Н. Поскрёбышева в Кремле. По одной версии (Р. Г. Пихоя¹⁷⁹), им стал маленковский помощник Дмитрий Николаевич Суханов, по другой, куда более правдоподобной, версии (А. Г. Авторханов, Ю. Н. Жуков, А. А. Фурсенко¹⁸⁰), эти ключевые должности занял другой маленковский выдвиженец — инспектор ЦК КПСС Владимир Никифорович Малин, который в 1954 году возглавит Общий отдел ЦК и будет им руководить вплоть до 1965 года, и, наконец, по третьей, абсолютно голословной, версии (С. Т. Брезкун (Кремлёв), Л. В. Максименков¹⁸¹), новым главой личного сталинского секретариата стал Владимир Наумович Чернуха, который после смерти вождя вплоть до своей кончины в 1965 году, более десяти лет, будет заместителем заведующего Общим отделом ЦК.

¹⁴⁴ Данилов А.А., Пыжиков А.В. Рождение сверхдержавы. 1945-1953 гг. М., 2002; Хлевнюк О.В., Горлицкий Й. Холодный мир. Сталин и завершение сталинской диктатуры. М., 2011.

¹⁴⁵ Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти, 1945-1991. М., 1998; Хлевнюк О.В. Сталин и органы государственной безопасности в послевоенный период // *Cahiers du Monde russe*. 2001. № 42/2-4; Петров Н.В. По сценарию Сталина. Роль органов НКВД — МГБ СССР в советизации стран Центральной и Восточной Европы. 1945-1953 гг. М., 2011; Петров Н.В. Палачи. Они выполняли заказы Сталина. М., 2011; Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина. М., 2001; Parrish M. *The Lesser Terror: Soviet State Security, 1939-1953*. London, 1996.

¹⁴⁶ Жуков Ю.Н. Сталин: тайны власти. М., 2005.

¹⁴⁷ Петров Н.В. Палачи. Они выполняли заказы Сталина. М., 2011 ; Хлевнюк О.В. Сталин и органы государственной безопасности в послевоенный период // *Cahiers du Monde russe*. 2001. № 42/2-3-4.

¹⁴⁸ Столяров К.А. Палачи и жертвы. М., 1998; Хлевнюк О.В., Горлицкий Й. Холодный мир. Сталин и завершение сталинской диктатуры. М., 2011 ; Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина. М., 2001.

¹⁴⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 2224. Л. 85, 92, Д. 2225. Л. 16.

¹⁵⁰ Петров Н.В. По сценарию Сталина. М., 2011.

¹⁵¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1091. Л. 72-75.

¹⁵² Петров Н.В. По сценарию Сталина. М., 2011; Хлевнюк О.В., Горлицкий Й. Холодный мир. Сталин и завершение сталинской диктатуры. М., 2011; Соловейчик В.М. «Мегрельское дело» — последний бой товарища Сталина // *Sensus novus*. 12.03.2013.

¹⁵³ Жуков Ю.Н. Сталин: тайны власти. М., 2005.

¹⁵⁴ Петров Н.В. По сценарию Сталина. М., 2011.

¹⁵⁵ Хлевнюк О.В., Горлицкий Й. Холодный мир. Сталин и завершение сталинской

диктатуры. М., 2011; Blauvelt T. Abkhazia: Patronage and Power in the Stalin Era // Nationalities Papers. 2007. № 35 (2).

¹⁵⁶ Соловейчик В.М. «Мегрельское дело» — последний бой товарища Сталина // Sensus novus. 12.03.2013.

¹⁵⁷ Жуков Ю.Н. Сталин: тайны власти. М., 2005.

¹⁵⁸ АП РФ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 83. Л. 140-143.

¹⁵⁹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 135. Л. 89.

¹⁶⁰ Столяров К.А. Палачи и жертвы. М., 1998; Петров Н.В. По сценарию Сталина. М., 2011.

¹⁶¹ Beichman A., Bernstam M. Andropov. New Challenge to the West. New York, 1983.

¹⁶² АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 10. Л. 141-143.

¹⁶³ Петров Н.В. По сценарию Сталина. М., 2011; Петров Н.В. Палачи. Они выполняли заказы Сталина. М., 2011; Костырченко Г.В. Сталин против «космополитов». Власть и еврейская интеллигенция в СССР. М., 2009; Медведев Ж.А. Сталин и еврейская проблема: Новый анализ. М., 2003; Монтефиоре С. Сталин: Двор Красного монарха. М., 2005.

¹⁶⁴ Данилов А.А., Пыжиков А.В. Рождение сверхдержавы. 1945-1953 гг. М., 2002.

¹⁶⁵ Жуков Ю.Н. Сталин: тайны власти. М., 2005.

¹⁶⁶ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 10. Л. 159.

¹⁶⁷ Петров Н.В. По сценарию Сталина. М., 2011; Костырченко Г.В. Сталин против «космополитов». М., 2009.

¹⁶⁸ Хлевнюк О.В., Горлицкий Й. Холодный мир. Сталин и завершение сталинской диктатуры. М., 2011.

¹⁶⁹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 222. Л. 203-243.

¹⁷⁰ Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти, 1945-1991. М., 1998; Петров Н.В. По сценарию Сталина. М., 2011; Петров Н.В. Палачи. Они выполняли заказы Сталина. М., 2011.

¹⁷¹ Жуков Ю.Н. Сталин: тайны власти. М., 2005.

¹⁷² Костырченко Г.В. В плену у красного фараона. М., 1994; Фурсенко А.А. Конец эры Сталина // Звезда. 1999. № 12; Петров Н.В. Палачи. Они выполняли заказы Сталина. М., 2011.

¹⁷³ Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти, 1945-1991. М., 1998; Хлевнюк О.В., Горлицкий Й. Холодный мир. Сталин и завершение сталинской диктатуры. М., 2011.

¹⁷⁴ Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти, 1945-1991. М., 1998; Данилов А.А., Пыжиков А.В. Рождение сверхдержавы. 1945-1953 гг. М., 2002; Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина. М., 2003.

¹⁷⁵ Петров Н.В. По сценарию Сталина. М., 2011; Петров Н.В. Палачи. Они выполняли заказы Сталина. М., 2011; Хлевнюк О.В. Сталин: жизнь одного вождя. М., 2015.

¹⁷⁶ Брент Д., Наумов В. Последнее дело Сталина. Заговор против еврейских врачей, 1948-1953. М., 2004; Лясс Ф. Последний политический процесс Сталина, или несостоявшийся юдоцид. Москва — Иерусалим, 2007.

¹⁷⁷ Медведев Ж.А. Сталин и еврейская проблема: Новый анализ. М., 2003; Костырченко Г.В. Прощание с мифом сталинской эпохи // Лехаим. 2002. № 9; Костырченко Г.В. Сталин против «космополитов». М., 2009; Хлевнюк О.В. Сталин: жизнь одного вождя. М., 2015.

¹⁷⁸ Клейн Б.С. Политика США и «дело врачей» // Вопросы истории. 2006. № 6.

¹⁷⁹ Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти, 1945-1991. М., 1998.

¹⁸⁰ Авторханов А.Г. Загадка смерти Сталина: заговор Берия. Frankfurt-Main, 1986; Фурсенко А.А. Конец эры Сталина // Звезда. 1999. № 12; Жуков Ю.Н. Сталин: тайны власти. М., 2005.

¹⁸¹ Кремлёв С. Зачем убили Сталина? Преступление века. М., 2010; Максименков Л.В. Документов о последних двух неделях Сталина просто нет... // Огонёк. Март 2016.

5. Последние дни земной жизни вождя и передел власти

Как установили ряд историков (Ю. Н. Жуков, О. В. Хлевнюк, Й. Горлицкий¹⁸²), с конца осени 1952 года И. В. Сталин, перенёсший к тому времени уже три инсульта, практически полностью отошёл от дел. Он всё больше ощущал тяготы собственного возраста и упадок сил и потому практически все свои огромные полномочия и функции по ЦК партии и правительству полностью переложил на ближний круг нескольких своих соратников. Уже 10 ноября 1952 года Бюро Президиума ЦК официально постановило¹⁸³: в случае отсутствия тов. И. В. Сталина «председательствование на заседаниях Бюро Президиума и Президиума ЦК КПСС» поочерёдно возложить на товарищей Г. М. Маленкова, Н. С. Хрущёва и Н. А. Булганина и поручить им «рассмотрение и решение всех текущих вопросов». Таким образом, эта «тройка» получила все права оперативного руководства центральным партийным аппаратом, где уже по факту верховодили проверенные маленковские кадры. Затем 17 ноября 1952 года на очередном заседании Бюро Президиума ЦК было принято ещё одно решение¹⁸⁴, что три секретаря ЦК, а именно Г. М. Маленков, М. А. Суслов и Н. М. Пегов, будут попеременно руководить заседаниями Секретариата ЦК, что прямо рушит ходячую версию ряда зарубежных советологов (Р. Конквест¹⁸⁵) о том, что якобы в последние месяцы жизни вождя на руководящие посты в центральный партаппарат назначались только «тёмные лошадки».

Одной из таких «лошадок» он именует нового главу ключевого Отдела партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК Аверкия Борисовича Аристова, не имевшего реальных связей с другими партийными вождями, что давало им возможность менее болезненно провести новую «большую чистку» в высшем руководстве страны. Вместе с тем О. В. Хлевнюк и Й. Горлицкий¹⁸⁶, которые выступили с критикой Р. Конквеста, также ошибаются, говоря о том, что после XIX съезда Отдел партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК ВКП(б) возглавил Николай Михайлович Пегов. Он действительно возглавлял этот отдел в феврале — октябре 1952 года, но с конца октября его сменил бывший первый секретарь Челябинского обкома Аверкий Борисович Аристов, который, как и его предшественник, стал полноправным членом Президиума ЦК.

Тогда же, 10 ноября 1952 года, Бюро Президиума ЦК приняло решение, что в случае отсутствия тов. И. В. Сталина поочерёдное председательствование в Бюро Президиума и Президиуме Совета Министров СССР будут вести Л. П. Берия, М. З. Сабуров и М. Г. Первухин¹⁸⁷. Таким образом, в руководстве союзного правительства создавался аналогичный порядок, что и в ЦК КПСС. Однако, как считают Й. Горлицкий и О. В. Хлевнюк, в отличие от партийной «тройки», члены которой являли собой «примерно равнозначные фигуры, ситуация в правительственной "тройке" отличалась неустойчивостью», так как маршал Л. П. Берия, будучи самой «заслуженной влиятельной фигурой» в этой «тройке», а также обладая огромными амбициями, явно претендовал на первые роли и, по свидетельству тогдашнего управляющего делами Совета Министров СССР Михаила Трофимовича Помазнева, по сути, «игнорировал своих сопредседателей, самостоятельно определял повестку дня, активно влиял на принятие решений и т.д.». Судя по всему, именно Г. М. Маленков, Л. П. Берия, Н. А. Булганин и Н. С. Хрущёв вместе с самим И. В.

Сталиным и составили ту последнюю руководящую «пятёрку», где вождь «всех времён и народов» стал уже «уходящей натурой».

Судя по «Журналу посещений кремлёвского кабинета И. В. Сталина», после наступления нового 1953 года вождь побывал в своём рабочем кабинете всего девять раз: пять раз в январе и четыре раза в феврале. Январские встречи, вероятнее всего, были посвящены двум основным проблемам: отношениям с Китаем и вопросам создания ракетной техники, — поскольку в кабинете вождя в этот месяц побывали не только Г. М. Маленков, Л. П. Берия, Н. А. Булганин и Н. С. Хрущёв, но также заместитель председателя КПК и секретарь ЦК КПК Лю Шаоци, военный министр маршал А. М. Василевский, военно-морской министр вице-адмирал Н. Г. Кузнецов, министр авиационной промышленности генерал-лейтенант М. В. Хруничев, два руководителя проекта «Беркут» — глава Третьего главного управления при СМ СССР генерал-лейтенант В. М. Рябиков, его первый заместитель генерал-лейтенант А. Н. Щукин, — а также три главных конструктора — генерал-майор П. Н. Куксенко, генерал-майор А. И. Микоян и профессор М. И. Гуревич. Три февральские встречи тоже касались военных и международных проблем, поскольку опять-таки в присутствии руководящей «четвёрки» И. В. Сталин встретился с индийским и аргентинским послами Кумаром Меноном и Леопольдом Браво, министром иностранных дел А. Я. Вышинским, его первым заместителем Я. А. Маликом, а также руководящим составом Военного и Военно-Морского министерств — маршалами Советского Союза А. М. Василевским и В. Д. Соколовским, адмиралом Н. Г. Кузнецовым — и руководством ВВС — маршалами авиации К. А. Вершининым и П. Ф. Жигаревым и генерал-лейтенантом П. Ф. Батицким. И лишь одна 15-минутная встреча прошла поздним вечером 17 февраля в узком составе с участием Л. П. Берии, Г. М. Маленкова и Н. А. Булганина¹⁸⁸.

К большому сожалению, многие современные авторы события последних дней жизни вождя до сих пор реконструируют путём сопоставления ряда довольно сомнительных источников мемуарного характера типа «личных воспоминаний» двух сотрудников сталинской охраны (т.н. «прикреплённых») — подполковника М. Г. Старостина и майора А. Т. Рыбина, — якобы записанные Д. А. Волкогоновым и Э. С. Радзинским для своих известных антисталинских фальшивок¹⁸⁹. Кроме того, целый ряд авторов, например О. В. Хлевнюк и Й. Горлицкий, по-прежнему считают, что «наиболее важным» из подобного рода источников «остаются мемуары Хрущёва, активного члена руководящей группы», дежурившей у одра умирающего вождя. Однако де-факто подобного рода литература больше запутывает проблему, нежели даёт возможность как-то разобраться в ней. Поэтому мы оставим за скобками все эти мемуары и постараемся опираться только на реальные источники.

С большой долей вероятности можно предположить, что 27 февраля 1953 года И. В. Сталин посетил Большой театр, где в очередной раз смотрел балет «Лебединое озеро», а затем дал указание новому секретарю В. Н. Малину сообщить Г. М. Маленкову, что он ждёт руководящую «четвёрку» у себя на Ближней даче вечером 28 февраля. Естественно, в назначенный час Л. П. Берия, Г. М. Маленков, Н. А. Булганин и Н. С. Хрущёв прибыли на сталинскую дачу в Кунцево, где пробыли несколько часов, до поздней ночи или раннего утра 1 марта 1953 года. Увы, более точное время определить не представляется возможным, поскольку все мемуаристы безбожно фантазируют кто во что горазд. О чём говорили на сталинской даче — тоже покрыто плотной завесой тайны, хотя Н. С. Хрущёв упорно пытается доказать, что последний

сталинский ужин носил сугубо развлекательный и дружеский характер, все много пили, веселились, а «И. В. Сталин даже упился и был пьян»¹⁹⁰. Однако все люди, хорошо знавшие вождя, в один голос говорят, что он пил исключительно сухое лёгкое вино грузинского розлива и, в отличие от того же Н. С. Хрущёва, не употреблял крепких горячительных напитков, а уж тем более никогда не «напивался до чёртиков».

На следующий день, 1 марта 1953 года, И. В. Сталин по непонятной причине в привычный час не вызвал личную службу и «прикреплённые» вождя, среди которых были полковники И. В. Хрусталёв и П. В. Лозгачёв и подполковники В. М. Туков и М. Г. Старостин, обеспокоились этим странным обстоятельством, однако побоялись без разрешения хозяина войти в сталинский кабинет, опасаясь нагоняя от вождя. Только ближе к ночи охрана всё-таки решилась побеспокоить вождя, поскольку нашёлся благовидный предлог — привезли правительственную почту. Войдя в его кабинет, они обнаружили И. В. Сталина лежащим на полу неподалёку от рабочего стола в абсолютно беспомощном состоянии. Естественно, охранники тут же перенесли его на диван и укрыли пледом, а затем бросились звонить своему непосредственному начальству — министру госбезопасности С. Д. Игнатьеву, который якобы переадресовал их к высшему руководству страны. Первым смогли «разыскать» Г. М. Маленкова, который уже лично позвонил Л. П. Берии, Н. А. Булганину и Н. С. Хрущёву, и только после этого руководящая «четвёрка» приняла решение собраться на даче вождя, чтобы оценить ситуацию на месте...

Надо сказать, что в настоящее время появилось немалое количество разного рода литературы, в которой излагаются совершенно разные версии смерти И. В. Сталина, а также разные даты начала его смертельной болезни. Например, известный российский историк профессор А. В. Пыжиков¹⁹¹, ссылаясь на «Журнал посетителей кремлёвского кабинета» вождя, утверждает, что ещё утром 2 марта 1953 года И. В. Сталин провёл рабочую встречу с секретарём ЦК М. А. Сусловым, председателем КПК М. Ф. Шкирятовым и членом Бюро Совета Министров СССР М. Г. Первухиным. Однако дело в том, что в этом важном историческом источнике в этот день зафиксированы только два заседания: утреннее — в 10.40-11.00 и вечернее — в 20.25-21.25. Естественно, фамилии И. В. Сталина там нет, так как она никогда не упоминалась в этом «Журнале». Но совершенно очевидно и то, что на сей раз все упомянутые лица собрались в сталинском рабочем кабинете без его хозяина. В общей сложности на этих заседаниях присутствовали пятнадцать человек: Л. П. Берия, Н. А. Булганин, К. Е. Ворошилов, Л. М. Каганович, Г. М. Маленков, А. И. Микоян, В. М. Молотов, М. Г. Первухин, М. З. Сабуров, Н. С. Хрущёв, председатель Президиума ВС СССР Н. М. Шверник, глава КПК при ЦК М. Ф. Шкирятов, новый министр здравоохранения СССР А. Ф. Третьяков, новый начальник ЛСУК генерал-майор И. И. Куперин и инструктор Отдела партийных органов ЦК КПСС по РСФСР А. С. Толкачёв. Хотя по поводу последней персоны у историков есть расхождения. В частности, О. В. Хлевнюк и Й. Горлицкий¹⁹², в пику мнению Р. Г. Пихои¹⁹³, утверждают, что на самом деле в «Журнале посещений» его фамилия была указана ошибочно, её просто перепутали с фамилией врача-невропатолога Р. А. Ткачёва.

На утреннем заседании рассматривался всего один вопрос: «Заключение врачебного консилиума об имевшем место 2 марта у товарища Сталина И. В. кровоизлиянии в мозг и тяжёлом состоянии в связи с этим его здоровья», а на вечернем в продолжение утреннего также всего один вопрос: «О состоянии здоровья

товарища Сталина И. В. на вечер 2 марта». Никаких иных вопросов не рассматривали. При этом совершенно очевидно, что ряд членов «узкого руководства», прежде всего Г. М. Маленков, Л. П. Берия, Н. А. Булганин и Н. С. Хрущёв, ещё до первого приезда в кремлёвский кабинет вождя тогда же, утром 2 марта, приняли два важных решения: 1) вызвать на сталинскую дачу ведущих медицинских светил и 2) установить на сталинской даче дежурство ряда членов Президиума ЦК, а вернее членов старого Политбюро, входивших в ближний сталинский круг. Вероятно, последним обстоятельством и было вызвано то, что на утреннем заседании в сталинском кремлёвском кабинете отсутствовал маршал Н. А. Булганин, а на вечернем — Н. С. Хрущёв, которые попеременно дежурили на сталинской даче при умирающем вожде.

По информации историков (А. В. Пыжиков, Ю. Н. Жуков¹⁹⁴), работавших в архиве, в личном фонде И. В. Сталина, который теперь хранится в РГАСПИ, имеются две истории болезни вождя: д. 1482 (25 марта 1921-14 апреля 1952) и д. 1483 (31 августа 1944-9 ноября 1953), а также д. 1484 (4 марта — 4 апреля 1953) с различными советами по лечению вождя и жалобами на его неверный ход, в том числе от трёх врачей — А. А. Никонова, Ф. Н. Евлахова и Е. Е. Филипповой. Во всех этих документах, которые были доступны для историков, налицо многочисленные подчистки, исправления, нехватка ряда листов, изменённая нумерация страниц и другие «непонятности». Кроме того, по информации Ю. Н. Жукова, в Центральном архиве ФСБ имеется ещё одна, засекреченная, история болезни вождя, которая до сих пор недоступна для историков. Но именно в этой «истории» содержится вся информация о сталинских инсультах послевоенного периода. Естественно, все эти обстоятельства породили немало всевозможных версий смерти И. В. Сталина. Так, по подсчётам ряда авторов (Ж. А. Медведев, Р. А. Медведев¹⁹⁵), в современной историографии имеется не менее десяти разных версий политического заговора против И. В. Сталина, а различные (в том числе просто фантастические) версии о его убийстве можно найти чуть ли не в половине биографий вождя, изданных как на Западе, так и у нас, включая Британскую энциклопедию. Особо показательна в этом отношении предельно лживая, с огромным числом элементарных фактических ошибок книжонка афериста Н. А. Добрюхи «Как убивали Сталина», в которой этот тип насочинял целую «войсковую операцию» по устранению вождя, организованную Л. П. Берией, с шизофреническим названием «Гамлет».

В последнее время самой ходячей стала версия либо преднамеренного, либо опосредованного (путём неоказания своевременной и квалифицированной медицинской помощи) убийства И. В. Сталина, за которым стояли либо сам Л. П. Берия (А. Г. Авторханов, Д. А. Волкогонов, Э. С. Радзинский, В. П. Наумов, Дж. Брент, Д. В. Кобба¹⁹⁶), либо Н. С. Хрущёв (Ю. И. Мухин, С. Т. Кремлёв, И. И. Чигирин¹⁹⁷), либо С. Д. Игнатьев (Е. А. Прудникова, И. И. Чигирин¹⁹⁸), либо Н. А. Булганин (С. С. Миронин¹⁹⁹). Конечно, все эти версии нуждаются в дальнейшем изучении, но, как считают ряд профессиональных историков (А. В. Пыжиков, Д. В. Кобба²⁰⁰), некоторые симптомы внезапной сталинской болезни, в частности постоянные скачки температуры, выходящая за рёбра печень и кровавая желудочная рвота, дают все основания предполагать, что И. В. Сталин, по всей вероятности, был реально отравлен неустановленным органическим (алкалоидным) ядом. Кроме того, ряд авторов, в частности Ю. И. Мухин, ставят под сомнение и официальную дату смерти вождя — 5 марта 1953 года — и утверждают, что он скончался на три дня

раньше официально объявленной даты, то есть 2 марта. Просто к моменту неожиданной смерти вождя его ближайшие соратники ещё не поделили власть, поэтому вынуждены были разыграть «спектакль» с публикацией в центральной печати бюллетеней о состоянии его здоровья, одновременно прививая всему советскому народу устойчивое представление о скором и неизбежном уходе вождя.

По мнению целого ряда авторов (Р. Г. Пихоя, Ю. Н. Жуков, Ю. В. Емельянов, О. В. Хлевнюк, Й. Горлицкий²⁰¹), при тщательном сопоставлении и анализе всех известных свидетельств тяжёлой болезни и смерти И. В. Сталина и при отсутствии ряда важных и реальных исторических источников, в том числе ещё одной медицинской карты вождя из архива ФСБ, до сих пор недоступной для исследователей, можно с уверенностью констатировать следующее:

1) Тяжелейший геморрагический инсульт у И. В. Сталина произошёл не в ночь на 2 марта 1953 года на его московской квартире, как об этом говорилось в официальном правительственном сообщении, а сутками ранее — 1 марта 1953 года на Ближней даче вождя в подмосковном Кунцево. Точное время очередного и последнего инсульта установить пока не удалось, но, вероятнее всего, он произошёл в первой половине дня. Члены руководящей «четвёрки» — Г. М. Маленков, Л. П. Берия, Н. А. Булганин и Н. С. Хрущёв, — которые накануне ужинали у вождя, первый раз прибыли на сталинскую дачу только поздним вечером 1 марта или даже ночью 2 марта 1953 года, однако довольно быстро покинули её, не дав никаких конкретных указаний личной охране вождя и его многолетней личной службе, в частности Матрёне Ивановне Бутусовой и Варваре Васильевне Истоминой²⁰². Вторично члены «четвёрки», а также К. Е. Ворошилов и Л. М. Каганович прибыли на сталинскую дачу утром 2 марта примерно в 9.00, и уже оттуда все вместе проследовали в кремлёвский кабинет вождя, где состоялось их первое заседание, зафиксированное в том самом «Журнале посещений» в 10.40-11.00 часов утра. При этом на сталинской даче в качестве дежурного у постели умирающего вождя был оставлен маршал Н. А. Булганин.

2) По вине руководящей «четвёрки» (возможно, и других заинтересованных лиц, в частности С. Д. Игнатьева) первая медицинская помощь И. В. Сталину была оказана только спустя длительное время, не менее 12 часов с момента возникновения инсульта, когда 2 марта 1953 года около 9 часов утра вместе с шестью членами Бюро Президиума ЦК на сталинскую дачу прибыли академики А. Л. Мясников, П. Е. Лукомский, Е. М. Тареев и другие медицинские светила, которые диагностировали у И. В. Сталина тяжёлый геморрагический инсульт с обширным кровоизлиянием в мозг.

3) Вопреки ходячей версии Н. С. Хрущёва²⁰³, которую позднее частично поддержала С. И. Аллилуева²⁰⁴, ещё утром 3 марта 1953 года, когда всем стало совершенно очевидно, что смерть И. В. Сталина является лишь вопросом времени, в аппарате Г. М. Маленкова уже было подготовлено официальное правительственное сообщение (так называемый первый «Информационный бюллетень») о тяжёлой болезни вождя и созвано Бюро Президиума ЦК КПСС, на котором состоялось предварительное распределение властных полномочий среди ближайших сталинских соратников. При этом, как уверяет Ю. Н. Жуков, именно на этом заседании был изменён сам состав правящего «триумvirата», куда, наряду с Г. М. Маленковым и Л. П. Берией, вместо Н. А. Булганина вошёл В. М. Молотов, который в представлении многих советских людей оставался самым реальным наследником вождя и обладал

наибольшим авторитетом в партии и стране. Хотя окончательного соглашения о переделе высшей власти на этом заседании не произошло, было очевидно, что именно Г. М. Маленков, в пику Л. П. Берии, инициировал эту «кадровую рокировку», поскольку всё ещё не был готов взять всю полноту высшей власти в свои руки и компенсировал влияние «Лубянского маршала» фигурой старейшего члена Президиума ЦК, который был давно «на ножах» с ним. Кроме того, включение В. М. Молотова в состав этого «триумvirата» потребовало расширения «узкого руководства» с 3 до 5 человек: Г. М. Маленкова, Л. П. Берии, В. М. Молотова, Н. А. Булганина и Л. М. Кагановича. Аналогичной оценки относительно фигуры В. М. Молотова, возвращённого на политический Олимп, придерживаются и ряд других авторов, в частности В. П. Наумов, А. В. Пыжиков, О. В. Хлевнюк и Й. Горлицкий²⁰⁵. Кроме того, не надо забывать, что во время похорон вождя на Красной площади 9 марта 1953 года слово для выступления на траурном митинге было предоставлено всего 3 членам нового руководства: Г. М. Маленкову, Л. П. Берии и В. М. Молотову, и такие «мелочи» в большой политике всегда имели очень знаковое, о многом говорящее значение. Таким образом, обстоятельства рушат традиционную версию многих зарубежных советологов и доморощенных псевдоисториков (А. Г. Авторханова, Н. Над, Р. А. Медведев, Р. К. Баландин²⁰⁶) о том, что ещё при жизни И. В. Сталина именно Г. М. Маленков, Л. П. Берия, Н. А. Булганин и Н. С. Хрущёв совершили некий «политический переворот», распределив между собою, в обход всех остальных членов Президиума ЦК, основную власть в стране, отстранив от власти всех других наследников вождя. В тот же день из аппарата ЦК всем членам и кандидатам в члены ЦК был разослан срочный вызов немедленно прибыть в Москву для участия в работе Пленума ЦК без указания какой-либо предварительной повестки дня.

4) Только утром 4 марта состоялось решающее заседание Бюро Президиума ЦК, на котором были приняты следующие решения:

а) Бюро Президиума ЦК и Президиум ЦК были объединены в один уставной орган — Президиум ЦК, а количество его полноправных членов резко сокращено с 25 до 11 человек, то есть будущего «коллективного руководства», естественно без вскоре умершего вождя. Отныне полноправными членами Президиума ЦК остались только сам И. В. Сталин, Г. М. Маленков, Л. П. Берия, В. М. Молотов, Н. А. Булганин, Н. С. Хрущёв, К. Е. Ворошилов, Л. М. Каганович, А. И. Микоян, М. Г. Первухин и М. З. Сабуров. Как справедливо подчеркнули те же О. В. Хлевнюк и Й. Горлицкий, вопреки устоявшимся взглядам, формально это решение никоим образом не нарушало новый партийный устав, принятый на XIX съезде, поскольку в нём ничего не говорилось о Бюро Президиума ЦК, который был создан как аналог старого Политбюро по решению И. В. Сталина и Г. М. Маленкова.

б) Бюро Президиума и Президиум Совета Министров СССР также были объединены в один орган — Президиум Совета Министров СССР в составе нового председателя Совета Министров СССР Георгия Максимилиановича Маленкова и четырёх его первых заместителей: Лаврентия Павловича Берии, Вячеслава Михайловича Молотова, Николая Александровича Булганина и Лазаря Моисеевича Кагановича. Причём перечень всех первых заместителей был вполне сознательно утверждён не в алфавитном порядке, а по степени их места, аппаратного веса и политической значимости в новой конфигурации власти. Кроме того, данный перечень прямо указывал на то, кто в случае болезни или отсутствия премьера будет

вести заседания правительства и подписывать все его постановления и распоряжения. Причём остальные пять членов старого Бюро, а именно А. И. Микоян, М. З. Сабуров, М. Г. Первухин, А. Н. Косыгин и В. А. Малышев, не вошли в обновлённый состав Президиума Совета Министров СССР. При этом, как утверждают целый ряд историков (Р. Г. Пихоя, А. В. Пыжиков, Д. В. Кобба Ю. В. Аксютин²⁰⁷), тогда же, 4 марта, Л. П. Берия подготовил и согласовал с Г. М. Маленковым рабочую «Записку», в которой заранее были оговорены все важнейшие решения и распределены остальные ключевые государственные и партийные посты, которые были утверждены на следующий день в Кремле с участием всех членов ЦК КПСС. Причём, как утверждает тот же Ю. В. Аксютин, окончательный список всех членов нового Президиума ЦК и Совета Министров СССР Г. М. Маленков лично диктовал заведующему своим секретариатом А. М. Петраковскому, а затем собственноручно внёс в него все последние правки.

5) Вечером 5 марта, примерно за час до официальной кончины И. В. Сталина, состоялось совместное заседание Пленума ЦК КПСС, Совета Министров СССР и Президиума Верховного Совета СССР, на котором присутствовал 231 человек: 118 членов и 102 кандидата в члены ЦК, глава Центральной ревизионной комиссии и 11 не членов ЦК, в том числе 8 союзных министров и 3 члена Президиума Верховного Совета СССР. Именно в таком составе после информации министра здравоохранения А. Ф. Третьякова и всего двух выступлений: сначала — Л. П. Берии, а затем — Г. М. Маленкова — были де-юре утверждены все принятые накануне решения членами нового Президиума ЦК КПСС. Хотя тот же Р. Г. Пихоя считает, что никакого совместного заседания трёх руководящих органов не было и в помине, что всё произошедшее на этом заседании стало грубейшим нарушением партийного устава и радикальным пересмотром всех ключевых решений, принятых на XIX партийном съезде и организационном Пленуме ЦК в октябре 1952 года. А посему именно поэтому все эти решения и были чисто формально оформлены как совместное решение трёх высших партийно-государственных органов. Однако вместе с тем надо понимать и то, что, во-первых, де-факто в состав ЦК входили почти все союзные министры и руководство Верховного Совета СССР, во-вторых, общей практикой советской политической системы было то, что все ключевые кадровые вопросы всегда предварительно утверждались именно на Пленумах ЦК и только затем выносились на рассмотрение высших законодательных органов — вначале Всесоюзного Съезда советов и ВЦИК, а позднее Верховного Совета СССР и его Президиума, в-третьих, в тогдашних политических реалиях не было никакой необходимости соблюдать сугубо формальную законность и проводить три отдельных заседания членов ЦК КПСС. Именно поэтому на этом заседании были приняты и другие важные решения:

а) На базе Министерства госбезопасности и Министерства внутренних дел, как и в довоенный период, создавалось единое Министерство внутренних дел СССР, которое возглавил маршал Советского Союза Лаврентий Павлович Берия, а его первыми заместителями были утверждены генерал-полковники Богдан Захарович Кобулов и Сергей Никифорович Круглов. Хорошо известно, что предложение о назначении Л. П. Берии на пост главы объединённого МВД СССР внёс глава правительства Г. М. Маленков, однако сами обстоятельства принятия этого решения вызвали полемику в литературе. Традиционная точка зрения, представленная в работах большинства историков, состоит в том, что это была личная инициатива

«лубянского маршала», который на новом посту получил мощный инструмент в борьбе за единоличную власть и реализацию своего проекта «реформ». Однако ряд мемуаристов и публицистов (С. Л. Берия, Б. В. Соколов²⁰⁸) высказали экзотическую версию, что Л. П. Берия с большой неохотой согласился вернуться в МВД, рассчитывая посадить в расстрельное кресло министра С. А. Гоглидзе или В. С. Рясного, и его пришлось чуть ли не упрашивать, в том числе лично Н. С. Хрущёву, занять этот пост. Хотя в самих хрущёвских мемуарах как раз содержится традиционная версия этого события²⁰⁹. Наконец, необходимо подчеркнуть другой немаловажный факт, на который обычно не очень обращают внимание многие историки: ещё одним первым заместителем главы МВД СССР был переназначен генерал-полковник Иван Александрович Серов, занимавший эту должность с февраля 1947 года. А как известно, ещё с довоенных времён, в бытность главой НКВД УССР, И. А. Серов особо сблизился с Н. С. Хрущёвым, а в годы войны и с маршалом Г. К. Жуковым, в бытность того командующим 1-м Белорусским фронтом, а затем и главой Советской военной администрации в Германии, у которого он был заместителем и уполномоченным НКВД СССР.

б) На базе Военного и Военно-Морского министерств также создавалось единое Министерство обороны СССР, руководителем которого был назначен маршал Советского Союза Николай Александрович Булганин, а его первыми заместителями — ещё два маршала Советского Союза: Александр Михайлович Василевский и Георгий Константинович Жуков.

в) Министерство иностранных дел СССР вторично возглавил Вячеслав Михайлович Молотов, первыми заместителями которого были утверждены Андрей Януарьевич Вышинский и Яков Александрович Малик.

г) Наиболее важные отраслевые ведомства, которые были существенно укрупнены — Министерство внутренней и внешней торговли, Министерство машиностроения, Министерство транспортного и тяжёлого машиностроения и Министерство электростанций и электропромышленности СССР, — возглавили многоопытные и проверенные сталинские управленцы: Анастас Иванович Микоян, Максим Захарович Сабуров, Вячеслав Александрович Малышев и Михаил Георгиевич Первухин. При этом двое первых сохранили прежний статус заместителей председателя Совета Министров СССР, а вторые потеряли его. Кроме того, вместо М. З. Сабурова новым председателем Госплана СССР был назначен его первый заместитель Григорий Петрович Косяченко.

д) В развитие реформы Президиума ЦК было принято решение сократить количество кандидатов в члены этого высшего партийного ареопага с 11 до 4. Причём все прежние кандидаты в члены были «выведены за штат», а новые набраны из числа трёх прежних полноправных членов Президиума ЦК: председателя Президиума Верховного Совета СССР Николая Михайловича Шверника, заместителя председателя Совета Министров СССР Пантелеймона Кондратьевича Пономаренко и Первого секретаря ЦК КП Украины Леонида Георгиевича Мельникова, а также давнего бериевского соратника, Первого секретаря ЦК КП Азербайджана Джафара Аббасовича Багирова, ранее вообще не входившего в состав Президиума ЦК.

е) Состав Секретариата ЦК был сокращён с прежних 11 до 6 человек: Г. М. Маленкова, Н. С. Хрущёва, М. А. Суслова, С. Д. Игнатьева, П. Н. Поспелова и Н. Н. Шаталина, — что, по мнению ряда авторитетных историков (Ю. Н. Жуков²¹⁰), красноречиво говорило о важной аппаратной победе Г. М. Маленкова, поскольку

Семён Денисович Игнатъев, Пётр Николаевич Поспелов и Николай Николаевич Шаталин были прямыми его креатурами и проводниками его взглядов. Вместе с тем Н. С. Хрущёв, будучи наряду с Г. М. Маленковым членом нового состава Президиума ЦК, априори становился вторым секретарём ЦК, поскольку все остальные члены Секретариата ЦК остались за бортом. Хотя надо сказать, что формально прежние секретари ЦК — П. К. Пономаренко, Н. М. Пегов, Л. И. Брежнев и Н. Г. Игнатов — были отставлены от должности уже 5 марта, а двое — А. Б. Аристов и Н. А. Михайлов — только 14 марта, на очередном Пленуме ЦК. Кстати, на этом же Пленуме ЦК с поста секретаря ЦК уйдёт и Г. М. Маленков, уже укрепившийся на посту председателя Совета Министров СССР, и единственным секретарём ЦК и одновременно членом Президиума ЦК останется Н. С. Хрущёв, что даст ему отличные стартовые возможности для дальнейшей борьбы за власть, в том числе с Г. М. Маленковым.

ж) На пост нового председателя Президиума Верховного Совета СССР был рекомендован маршал Советского Союза Климент Ефремович Ворошилов, а прежний, чисто номинальный глава советского государства Н. М. Шверник был перемещён на прежний пост председателя ВЦСПС, который он занимал в 1930-1944 годах.

Таким образом, ещё при жизни И. В. Сталина в верхних эшелонах власти произошла серьёзная рокировка сил, которая, по мнению многих современных историков (Р. Г. Пихоя, Ю. Н. Жуков, А. В. Пыжиков, Е. Ю. Зубкова, В. П. Наумов²¹¹): 1) положила начало новому периоду в политической жизни страны, который в позднесоветской и современной историографии принято называть эпохой коллективного руководства; 2) резко укрепила позиции двух самых влиятельных членов «узкого руководства» — Г. М. Маленкова и Л. П. Берии; 3) возвратила на политический Олимп практически отстранённых от реальной власти членов старой сталинской гвардии — В. М. Молотова, К. Е. Ворошилова, А. И. Микояна и Л. М. Кагановича.

Между тем профессор Р. Г. Пихоя акцентирует внимание на том факте, что тогда же, 5 марта 1953 года, на совместном заседании Пленума ЦК, Совета Министров СССР и Президиума Верховного Совета СССР Г. М. Маленков в своём выступлении проинформировал всех собравшихся членов и кандидатов в члены ЦК, что Бюро Президиума ЦК «поручило тт. Маленкову, Берия и Хрущёву принять меры к тому, чтобы документы и бумаги товарища Сталина, как действующие, так и архивные, были приведены в должный порядок». По его мнению, этот контроль над личным сталинским архивом, как в своё время аналогичный контроль «триумвирата» в составе И. В. Сталина, Г. Е. Зиновьева и Л. Б. Каменева над личным ленинским архивом, стал немаловажным рычагом влияния на всех потенциальных политических противников и конкурентов. Таким образом, Г. М. Маленков, Л. П. Берия и Н. С. Хрущёв «неявно объявлялись главными политическими лидерами в коллективном руководстве» и, якобы по свидетельству ряда членов Президиума ЦК, первые месяцы после смерти вождя всегда «группировались, чтобы навязать своё мнение в Президиуме ЦК». Хотя это умозаключение не вполне разделяют целый ряд его коллег, в частности В. П. Наумов, А. В. Пыжиков и Ю. Н. Жуков, которые вполне резонно полагают, что аппаратные позиции Н. С. Хрущёва в те мартовские дни были на порядок ниже позиций Г. М. Маленкова, Л. П. Берии и даже В. М. Молотова.

Как явствует из официальных документов, совместное заседание высших партийно-государственных органов продолжалось примерно 40 минут и завершилось в 20.40, а уже через час с небольшим — в 21.50 — лечащие врачи, находившиеся у одра умирающего вождя, констатировали смерть Иосифа Виссарионовича Сталина. Получив эту информацию, в 22.25 в кремлёвском кабинете почившего вождя собрались его старые соратники — Г. М. Маленков, Л. П. Берия, В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов, Л. М. Каганович и Н. С. Хрущёв, к которым несколько позже присоединились Н.А. Булганин и А. И. Микоян. На этом совещании, которое закончилось только ранним утром 6 марта 1953 года, была образована Правительственная комиссия по организации похорон И. В. Сталина в составе семи человек: Н. С. Хрущёва, ставшего председателем Комиссии, Л. М. Кагановича, Н. М. Шверника, А. М. Василевского, Н. М. Пегова, П. А. Артемьева и М. А. Яснова.

Всю эту ночь вплоть до раннего утра в осиротевший сталинский кабинет попеременно вызывались М. А. Суслов, С. Д. Игнатьев, А. М. Василевский, П. Н. Поспелов, Н. М. Пегов, Д. Т. Шепилов, В. Г. Григорян и другие ответственные работники, которым предстояло заниматься всеми конкретными вопросами организации сталинских похорон. Непосредственная их организация, а также поддержание правопорядка в столице были возложены на четырех человек: первого заместителя министра обороны маршала А. М. Василевского, командующего войсками Московского военного округа генерал-полковника П. А. Артемьева, коменданта Московского Кремля генерал-лейтенанта Н. К. Спиридонова и заместителя министра государственной безопасности генерал-лейтенанта В. С. Рясного.

Последующие три дня в Колонном зале Дома Союзов СССР проходила церемония прощания с вождём, участниками которой стали сотни тысяч советских людей и десятки государственных и партийных делегаций многих стран мира. В почётном карауле у гроба усопшего вождя, помимо его близких соратников и других руководителей партии и советского государства, стояли Клемент Готвальд, Болеслав Берут, Матьяш Ракоши, Вылко Червенков, Георге Георгиу-Деж, Вальтер Ульбрихт, Отто Гротеволь, Урхо Калевви Кекконен, Пальмиро Тольятти, Жак Дюкло, Долорес Ибаррури, Гарри Поллит, Чжоу Эньлай, Юмжагийн Цэдэнбал и другие лидеры зарубежных государств и крупнейших рабочих и коммунистических партий. А утром 9 марта 1953 года на Красной площади состоялась торжественная церемония погребения саркофага с забальзамированным телом вождя в Мавзолее В. И. Ленина — И. В. Сталина, на которой поочерёдно выступили три члена нового правящего «триумvirата»: Г. М. Маленков, Л. П. Берия и В. М. Молотов. Причём, как верно подметил Ю. Н. Жуков, это были не только прощальные и ритуальные речи. В выступлениях Л. П. Берии и Г. М. Маленкова были чётко озвучены две разные программы дальнейшего развития страны в постсталинскую эпоху. После сталинских похорон вечером того же дня состоялись традиционные поминки, после окончания которых восемь самых давних сталинских соратников — Г. М. Маленков, Л. П. Берия, В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов, Н. А. Булганин, Н. С. Хрущёв, Л. М. Каганович и А. И. Микоян — в последний раз собрались в его кремлёвском кабинете, где пробыли с 2.30 до 3.10 часов ночи уже нового дня — 10 марта 1953 года²¹².

¹⁸² Жуков Ю.Н. Сталин: тайны власти. М., 2005; Хлевнюк О.В., Горлицкий Й.

Холодный мир. Сталин и завершение сталинской диктатуры. М., 2011.

¹⁸³ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 10. Д. 2, Л. 16-17; Оп. 8. Д. 2. Л. 6.

¹⁸⁴ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 10. Д. 3. Л. 16; Оп. 8. Д. 3. Л. 105.

¹⁸⁵ Conquest R. Power and Policy in the USSR: The Study of Soviet Dynasties. London, 1961.

¹⁸⁶ Хлевнюк О.В., Горлицкий Й. Холодный мир. Сталин и завершение сталинской диктатуры. М., 2011.

¹⁸⁷ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 10. Д. 2. Л. 16; Оп. 8. Д. 2. Л. 5-6.

¹⁸⁸ На приёме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924-1953 гг.). М., 2008.

¹⁸⁹ Волкогонов Д.А. Триумф и трагедия. Политический портрет И.В. Сталина. Кн. 2. М., 1989; Радзинский Э.С. Сталин. М., 1997.

¹⁹⁰ Хрущёв Н.С. Время. Люди. Власть. Кн. 3. М., 1999.

¹⁹¹ Данилов А.А., Пыжиков А.В. Рождение сверхдержавы. 1945-1953 гг. М., 2002.

¹⁹² Хлевнюк О.В., Горлицкий Й. Холодный мир. Сталин и завершение сталинской диктатуры. М., 2011.

¹⁹³ Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти, 1945-1991. М., 1998.

¹⁹⁴ Данилов А.А., Пыжиков А.В. Рождение сверхдержавы. 1945-1953 гг. М., 2002; Жуков Ю.Н. Сталин: тайны власти. М., 2005.

¹⁹⁵ Медведев Ж.А. Медведев Р.А. Неизвестный Сталин. М., 2007.

¹⁹⁶ Авторханов А.Г. Загадка смерти Сталина: заговор Берия. Frankfurt-Main, 1986; Волкогонов Д.А. Триумф и трагедия. Политический портрет И.В. Сталина. Кн. 2. М., 1989; Радзинский Э.С. Сталин. М., 1997; Брент Д., Наумов В.П. Последнее дело Сталина. Заговор против еврейских врачей, 1948-1953. М., 2004; Кобба Д.В. Берия: за что его не любят... М., 2013.

¹⁹⁷ Мухин Ю.И. Убийство Сталина и Берия. М., 2002; Кремлёв С. Зачем убили Сталина? Преступление века. М., 2010; Чигирин И.И. Сталин. Болезни и смерть. Документы. М., 2016.

¹⁹⁸ Прудникова Е.А. Сталин. Второе убийство. М., 2003; Чигирин И.И. Сталин. Болезни и смерть. Документы. М., 2016.

¹⁹⁹ Миронин С.С. Как отравили Сталина. Судебно-медицинская экспертиза. М., 2010.

²⁰⁰ Данилов А.А., Пыжиков А.В. Рождение сверхдержавы. 1945-1953 гг. М., 2002; Кобба Д.В. Берия: за что его не любят... М., 2013.

²⁰¹ Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти, 1945-1991. М., 1998; Жуков Ю.Н. Сталин: тайны власти. М., 2005; Емельянов Ю.В. Сталин на вершине власти. М., 2007; Хлевнюк О.В., Горлицкий Й. Холодный мир. Сталин и завершение сталинской диктатуры. М., 2011.

²⁰² Жилиев В.И., Кайкова О.К. Биографические сведения некоторых сотрудников подразделения охраны и обслуживающего персонала И.В. Сталина // Жизнь в тени вождей. Исторический вестник. Т. 5 (152).

²⁰³ Хрущёв Н.С. Время. Люди. Власть. Кн. 3. М., 1999.

²⁰⁴ Аллилуева С. 20 писем к другу. М., 1990.

²⁰⁵ Наумов В.П. Борьба Н.С. Хрущёва за единоличную власть // Новая и новейшая история. 1996. № 2; Данилов А.А., Пыжиков А.В. Рождение сверхдержавы. 1945-1953 гг. М., 2002; Хлевнюк О.В., Горлицкий Й. Холодный мир. Сталин и завершение сталинской диктатуры. М., 2011.

²⁰⁶ Авторханов А.Г. Загадка смерти Сталина: заговор Берия. Frankfurt-Main, 1986; Над Н. Как убивали Сталина. М., 2007; Медведев Р.А. Н.С. Хрущёв. Политическая биография. М., 1989; Баландин Р.К. Маленков. Третий вождь Страны Советов. М., 2007.

²⁰⁷ Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти, 1945-1991. М., 1998; Данилов А.А., Пыжиков А.В. Рождение сверхдержавы. 1945-1953 гг. М., 2002; Кобба Д.В. Государственная деятельность Л.П. Берия, 1939-1953 гг. М., 2002; Аксютин Ю.В. Хрущёвская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953-1964 гг. М., 2010.

²⁰⁸ Берия С.Л. Мой отец — Лаврентия Берия. М., 1994; Соколов Б.В. Берия: Судьба всемогущего наркома. М., 2008.

²⁰⁹ Хрущёв Н.С. Время. Люди. Власть. Кн. 3. М., 1999.

²¹⁰ Жуков Ю.Н. Сталин: тайны власти. М., 2005.

²¹¹ Наумов В.П. Борьба Н.С. Хрущёва за единоличную власть // Новая и новейшая история. 1996. № 2; Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти, 1945-1991. М., 1998; Жуков Ю.Н. Сталин: тайны власти. М., 2005; Данилов А.А., Пыжиков А.В. Рождение сверхдержавы. 1945-1953 гг. М., 2002; Зубкова Е.Ю. Маленков и Хрущёв: личный фактор в политике послесталинского руководства // Отечественная история. 1995. № 4.

²¹² На приёме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924-1953 гг.). М., 2008.

Хрущёвский Президиум ЦК в 1953-1964 годах: люди и власть

1. Первый раунд борьбы за власть в первой половине 1953 года

Новая конструкция власти, созданная в мартовские дни 1953 года, которая вскоре получит известное название «коллективное руководство», оказалась довольно зыбкой. Как считают многие историки (Р. Г. Пихоя, Ю. В. Аксютин, А. В. Пыжиков, Е. Ю. Зубкова¹), эта видимая «коллективность» зиждилась не на общности политических устремлений и целей, а на совершенно иных основах: шаткости достигнутых договорённостей, разнородности взглядов и интересов в руководстве страны и явных притязаниях ряда его членов на единоличное лидерство в партийно-государственном аппарате. Большинство историков разумно полагают, что в те мартовские дни самыми реальными претендентами на единоличную власть оказались Лаврентий Павлович Берия и Георгий Максимилианович Маленков. Но при этом ряд из них (Ю. Н. Жуков²) утверждают, что позиции нового главы союзного правительства были изначально гораздо сильнее, нежели у его «оппонента». Реальное отсутствие времени на то, чтобы сговориться против Г. М. Маленкова и принять ответные шаги, позволило ему получить немалые преференции и сосредоточить в своих руках реальный контроль над всем партийно-государственным аппаратом страны. Как новый председатель Совета Министров СССР, ведущий заседания союзного правительства и его Президиума, он непосредственно влиял на формирование всех основ внутренней и внешней политики страны, ставя на обсуждение или, напротив, снимая как «неподготовленные» любые вопросы и проекты решений. Как фактический ведущий заседаний Президиума ЦК он определял даты их проведения и всю повестку дня. Как секретарь ЦК ВКП(б) Г. М. Маленков продолжал направлять работу всего центрального партийного аппарата и мог оказывать прямое воздействие как на характер решений самого Секретариата ЦК, так и на те вопросы, которые выносились на утверждение и обсуждение в Президиум ЦК. И, наконец, как глава союзного правительства он наблюдал за работой Советов Министров всех союзных республик.

Как считает тот же Ю. Н. Жуков, маршал Л. П. Берия, который как первый заместитель председателя Совета Министров СССР стал де-факто вторым лицом в государстве, значительно уступал Г. М. Маленкову по своим реальным возможностям и положению в системе власти. Вместе с тем он всё же сумел получить немалую власть. Прежде всего он возвратил себе два важнейших силовых ведомства — министерства госбезопасности и внутренних дел, — которые слились в мощное объединённое МВД СССР. Кроме того, «лубянский маршал» сохранил за собой реальный контроль за работой наиважнейших и самых засекреченных учреждений страны: двух главных управлений при Совете Министров СССР — Первого Главного управления (по атомно-ядерной программе) и Второго Главного управления (по ракетостроению). А такое положение вещей автоматически ставило в зависимость от Л. П. Берии и всё военное ведомство страны, в руководстве которого было немало его недругов. И, наконец, у него сохранялись прямые связи с ведущими промышленными

министерствами, обязанными выполнять особые заказы для ПГУ и ВГУ вне всякой очереди, даже в нарушение утверждённых пятилетних или годовых планов развития народного хозяйства страны.

Третий член коллективного руководства, первый заместитель председателя Совета Министров СССР Вячеслав Михайлович Молотов, как известно, получил в свои руки только посты министра иностранных дел СССР и главы Комитета информации, т.е. внешнеполитической разведки. Достаточно ограниченные полномочия достались и другому члену «узкого руководства» — первому заместителю председателя Совета Министров СССР маршалу Николаю Александровичу Булганину, который вновь вернулся в кресло главы уже объединённого Министерства обороны СССР. Эта видимая «ущербность» их позиций внутри правящей пятёрки была ярко обозначена и чисто внешне. Дело в том, что они вынужденно приняли в качестве своих первых заместителей тех персон, которых вряд ли сами выбрали в качестве верных и ближайших «соратников» и «помощников»: В. М. Молотов — Якова Александровича Малика и Андрея Януарьевича Вышинского, а Н. А. Булганин — Александра Михайловича Василевского и Георгия Константиновича Жукова. И дело было не только в личных трениях указанных выше персон, но и в том, что 1949-1953 годах двое из них — А. М. Василевский и А. Я. Вышинский — сами возглавляли эти ведомства: первый — Военное министерство, а второй — Министерство иностранных дел СССР. Но меньше всех властных полномочий досталось ещё одному первому заместителю председателя Совета Министров СССР — Лазарю Моисеевичу Кагановичу — единственному члену правящей «пятёрки», не получившему никакого министерского портфеля. Хотя вплоть до октября 1952 года он почти пять лет возглавлял ключевое экономическое ведомство страны — Госнаб СССР.

Как уже писалось, кадровые перестановки, отражавшие новую расстановку сил, провели и в Секретариате ЦК. Леонид Ильич Брежнев вновь был призван на армейскую службу и в прежнем звании генерал-лейтенанта назначен с явным понижением (если не сказать унижением) на должность заместителя начальника Главного политического управления Министерства обороны СССР, которым в то время ещё оставался генерал-полковник Ф. Ф. Кузнецов. Николай Михайлович Пегов, который на тот момент даже не был депутатом Верховного Совета СССР, был назначен секретарём Президиума Верховного Совета СССР, т.е. вторым человеком в высшем органе государственной власти СССР, где стал правой рукой нового «президента» страны маршала К. Е. Ворошилова. Николай Григорьевич Игнатов был направлен в Ленинград, где вскоре его избрали первым секретарём горкома и вторым секретарём обкома партии, который всё ещё возглавлял давний маленковский ставленник Василий Михайлович Андрианов. Наконец, мнимый «сталинский преемник» Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко был назначен с таким же явным понижением главой Министерства культуры СССР. Правда, при этом он пока остался на посту заместителя председателя Совета Министров СССР, а также временно сохранил своё членство в Президиуме ЦК.

Вместо перечисленных персон, как считают ряд историков (Ю. Н. Жуков, М. А. Даниленко³), в состав обновлённого Секретариата ЦК ввели прямых ставленников Г. М. Маленкова, являвшихся проводниками его взглядов и его политического курса. Семёну Денисовичу Игнатьеву, утратившему должность главы МГБ СССР, как новому секретарю ЦК доверили теперь курировать ряд ключевых отделов в аппарате

ЦК, прежде всего Отдел административных органов, который традиционно «опекал» Министерства обороны, внутренних дел, юстиции, Генеральную прокуратуру СССР и Верховный суд СССР. Петру Николаевичу Поспелову, который заменил Н. А. Михайлова в роли главного партийного идеолога, доверили кураторство сразу над шестью отделами ЦК: пропаганды и агитации, науки и вузов, школ, художественной литературы и искусства, философских и правовых наук, экономических и исторических наук. Наконец, Николай Николаевич Шаталин как ещё один новоиспечённый секретарь ЦК сохранил за собой важнейший пост заведующего Отделом по руководству делом подбора и распределения кадров во всех партийных, общественных и государственных органах.

Как уже упоминалось, формально был поднят и статус Никиты Сергеевича Хрущёва, которого переместили с поста Первого секретаря Московского обкома партии, в то время стоявшего над одноимённым горкомом партии, и «признали необходимым», чтобы он полностью «сосредоточился на работе в Центральном Комитете». Де-факто Н. С. Хрущёв стал вторым секретарём ЦК, однако при столь серьёзно изменённом составе Секретариата ЦК, в окружении новых коллег, которые неизбежно согласовывали все важнейшие решения лично с Г. М. Маленковым, он уже потерял реальную возможность проявлять какую-либо самостоятельность и вынужденно занялся лишь оргвопросами.

По мнению ряда современных авторов (Ю. Н. Жуков⁴), в конце первой мартовской декады должна была наступить долгожданная развязка, т.е. решающее столкновение в борьбе за власть с пересмотром многих прежних договорённостей о разделе полномочий. Это столкновение произошло ещё до сталинских похорон. Уже 8 марта 1953 года из Пекина в Москву был отозван опытный кадровый чекист и бывший резидент советской разведки Александр Семёнович Панюшкин, которого в должности советского посла должен был сменить Василий Васильевич Кузнецов, «уступивший» пост главы советских профсоюзов бывшему «президенту» страны Н. М. Швернику. Затем 10 марта прошёл Пленум Бюро Московского обкома, на котором вместо Н. С. Хрущёва новым Первым секретарём был избран Николай Александрович Михайлов. А уже на следующий день на заседании Президиума Совета Министров СССР были ликвидированы три отраслевых Бюро: по химии и электростанциям во главе с М. Г. Первухиным, по машиностроению и электропромышленности, которое возглавлял В. А. Малышев, и по пищевой промышленности, главой которого был А. И. Микоян. И, наконец, 12 марта Пленум ВЦСПС избрал своим главой Николая Михайловича Шверника, вернувшегося в «родные пенаты» после семилетней «ссылки» в Президиум Верховного Совета СССР. Однако уже 13 марта процесс оговорённых ранее кадровых перемещений неожиданно прервался...

14 марта 1953 года состоялся очередной Пленум ЦК, скорый созыв которого всегда вызывал массу вопросов у историков. Но совершенно очевидно, что он был связан с новым переделом власти внутри «коллективного руководства»⁵. Как известно, именно на этом Пленуме ЦК произошло резкое урезание немалых властных полномочий Г. М. Маленкова. Как считают ряд историков (В. П. Наумов⁶), инициатором данного решения стал сам глава союзного правительства, который после «некоторого колебания» передал контроль над аппаратом ЦК в руки Н. С. Хрущёва, надеясь на доверительные отношения с ним и имея убеждённость в том, что, в отличие от Л. П. Берии и В. М. Молотова, тот не вступит в борьбу за лидерство в

«узком руководстве». Другие авторы (Р. К. Баландин⁷) голословно утверждают, что якобы Г. М. Маленков силой обстоятельств был поставлен перед сложным выбором, какую должность сохранить за собой, и после долгого раздумья вынужденно отказался от поста секретаря ЦК. Ещё одна группа авторов (Р. Г. Пихоя, Е. А. Прудникова⁸) настаивает на том, что данное решение стало лишь свидетельством горячего желания всего высшего руководства страны раз и навсегда разделить две ветви власти — партийную и государственную. Наконец, наиболее авторитетные знатоки сталинской эпохи (Ю. Н. Жуков⁹) утверждают, что все указанные версии носят чисто умозрительный характер, поскольку буквально накануне Пленума 6 старожилы Президиума ЦК, в частности Л. П. Берия, В. М. Молотов, Н. А. Булганин, Н. С. Хрущёв, Л. М. Каганович и А. И. Микоян, по предложению «лубянского маршала» заранее сговорились о разделе власти и прекращении прежней «порочной практики» совмещения в одних руках высших партийно-государственных постов. В соответствии с принятым решением председатель Совета Министров СССР Г. М. Маленков с личного согласия был освобождён от должности секретаря ЦК, что реально означало серьёзное укрепление властных позиций ряда других членов «коллективного руководства», прежде всего Н. С. Хрущёва, который теперь стал единственным членом Президиума ЦК, оставшимся в составе обновлённого Секретариата ЦК. При этом в самом решении Президиума ЦК было чётко зафиксировано, что Г. М. Маленков ведёт заседания Президиума ЦК, а Н. С. Хрущёв — заседания Секретариата ЦК¹⁰, в результате чего, по мнению Ю. Н. Жукова, он де-факто становился Первым секретарём ЦК и уже обретал реальную власть. При этом, по утверждению А. Г. Маленкова, на том же Пленуме ЦК было принято решение о создании Канцелярии Президиума ЦК, назначении её главой помощника премьера Дмитрия Николаевича Суханова и о подчинении этой структуры напрямую Г. М. Маленкову¹¹.

Вместе с тем не трудно понять, что сам Н. С. Хрущёв в окружении других секретарей ЦК — многоопытного М. А. Суслова и маленковских клевретов С. Д. Игнатьева, П. Н. Поспелова и Н. Н. Шаталина — вряд ли мог рассчитывать на полный и безоговорочный контроль над всем центральным партийным аппаратом. Кроме того, явно в пику Н. С. Хрущёву на этом же Пленуме ЦК с постов секретарей ЦК были отставлены два маленковских антагониста — Николай Александрович Михайлов и Аверкий Борисович Аристов. Первый был одновременно снят и с должности заведующего Отделом пропаганды и агитации ЦК и отправлен на секретарство в Московский обком партии. А второй, поочерёдно прошедший суровую школу секретарской работы аж в четырёх обкомах партии — Свердловском, Кемеровском, Красноярском и Челябинском, — вскоре лишился ключевого поста заведующего Отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов и был отправлен с явным понижением главой Хабаровского крайисполкома. Также не следует забывать ещё два важных обстоятельства. Во-первых, несмотря на сталинскую реформу 1946 года, в ходе которой аппарат ЦК вынужденно уступил своё первенство аппарату Совета Министров СССР, партийная номенклатура по-прежнему играла ключевую роль в подборе и расстановке всех мало-мальски значимых кадров в центре и на местах. И, во-вторых, вывод Г. М. Маленкова из состава Секретариата ЦК стал не только крупным аппаратным поражением главы союзного правительства, но и личной пощёчиной новому лидеру страны. Дело в том, что Г. М. Маленков был плоть от плоти центрального партаппарата, где он не только начинал свою блестящую

партийно-государственную карьеру в далёком 1925 году¹², но и без малого 12 лет, с двухлетним перерывом, был секретарём ЦК в 1939-1946 и 1948-1953 годах.

Между тем, как считает Ю. Н. Жуков, по итогам Пленума Г. М. Маленков не только потерял, но и приобрёл определённые политические выгоды, так как:

— во-первых, решение о разделении властей позволило ему получить согласие Пленума ЦК на расширение прав союзных министров, что освобождало их от излишней опеки со стороны Отделов ЦК, а значит, и самого Н. С. Хрущёва;

— во-вторых, бесспорной победой главы правительства стало решение о коренной переработке прежнего проекта государственного бюджета, который традиционно предусматривал непомерные расходы на военно-промышленный комплекс страны.

Как уже было сказано, по оценкам многих современных авторов (Р. Г. Пихоя, Ю. Н. Жуков, Т. А. Сивохина, Е. Ю. Зубкова, А. В. Пыжиков, Ю. В. Аксютин, Р. Я. Евзеров, М. Р. Зезина, А. П. Куропаткин¹³), в процессе раздела власти возникла её новая конструкция, получившая в современной историографии известное название «коллективное руководство». Хотя ряд их оппонентов, в частности В. П. Наумов¹⁴, не разделяют данной точки зрения и утверждают, что в созданной И. В. Сталиным партийно-государственной системе, «которая могла функционировать только при наличии одного единственного вождя», все разговоры о «коллективном руководстве» были мифом и идеологическим прикрытием бескомпромиссной борьбы за власть». Чисто формально в состав этого руководства входили все члены обновлённого Президиума ЦК КПСС: Г. М. Маленков, Л. П. Берия, В. М. Молотов, Н. А. Булганин, К. Е. Ворошилов, А. И. Микоян, Л. М. Каганович, М. Г. Первухин и М. З. Сабуров. Но реальный расклад сил был несколько иным.

1) Наиболее сильные позиции в новом руководстве занимали председатель Совета Министров СССР Г. М. Маленков, который вёл заседания Президиума ЦК, а также первый заместитель председателя Совета Министров СССР и министр внутренних дел СССР маршал Л. П. Берия, который по сути получил полный контроль над всеми карательными органами и спецслужбами страны, включая госбезопасность. Причём, как справедливо заметили ряд авторов (В. П. Наумов, Б. В. Соколов, Д. В. Кобба¹⁵), если раньше единоличный и очень жёсткий контроль за деятельностью всех спецслужб осуществлял лично И. В. Сталин, то теперь эта роль перешла к самому Л. П. Берии, потенциально претендовавшему на роль одного из лидеров «узкого руководства». В связи с этим обстоятельством следует напомнить, что, по свидетельству Управделами Совета Министров СССР М. Т. Помазнева и двух начальников бериевского секретариата в МВД СССР генерал-лейтенанта С. С. Мамулова и полковника Б. А. Людвигова¹⁶, начиная с середины марта 1953 года Л. П. Берия не только перестал согласовывать с отделами и даже Секретариатом ЦК назначение всех руководителей региональных УВД, но аналогичным образом вёл себя и при назначении и освобождении всех ответственных работников в курируемых им аппаратах Совета Министров СССР и Спецкомитетов по атомному проекту и ракетной технике, которые всегда были исключительной номенклатурой Секретариата и отчасти Президиума ЦК. Более того, именно он дал прямое указание всем главам республиканских МВД и региональных УВД собирать компромат на всех партийных и советских работников республиканского, краевого и областного уровня.

2) Достаточно сильные позиции в новом руководстве занимали первый заместитель председателя Совета Министров СССР и министр иностранных дел

СССР В. М. Молотов, который продолжал оставаться самой популярной фигурой в стране, первый заместитель председателя Совета Министров СССР и министр обороны СССР маршал Н. А. Булганин, возглавлявший теперь всю армию и военно-морской флот, и секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущёв, ставший фактическим руководителем всей текущей работы Секретариата ЦК, который по традиции являлся главной «рабочей лошадкой» всего партийного аппарата.

3) Третий эшелон власти составляли 4 заместителя председателя Совета Министров СССР: первый заместитель Л. М. Каганович и три «рядовых» заместителя — А. И. Микоян, М. Г. Первухин и М. З. Сабуров, курировавшие важнейшие отрасли советской экономики, которые реальным политическим весом практически не обладали. Такой же сугубо номинальной фигурой был и новый глава Президиума Верховного Совета СССР маршал К. Е. Ворошилов, который, став официальным, но формальным главой советского государства, свой реальный политический потенциал уже давно исчерпал. Тем не менее именно эта группировка в Президиуме ЦК могла оказать серьёзное влияние на общую расстановку сил в случае очередного витка борьбы за власть в «коллективном руководстве», поскольку именно тогда было восстановлено проведение еженедельных заседаний этого высшего партийного органа и вместо установленного ранее принципа согласования решений так называемым «опросом» возвращён принцип прямого голосования. Таким образом, в ходе закулисных махинаций к середине марта 1953 года рычаги власти были сконцентрированы в руках нового «узкого руководства». По мнению одних авторов (Ю. Н. Жуков, Б. В. Соколов¹⁷), это была руководящая «четвёрка» в составе Л. П. Берии, Г. М. Маленкова, В. М. Молотова и Н. С. Хрущёва.

А по мнению их оппонентов (Р. Г. Пихоя, В. П. Наумов, Р. А. Медведев, Ю. В. Аксютин, А. В. Пыжиков, Р. Я. Евзеров, Е. Ю. Зубкова¹⁸), это был «триумвират» в лице Г. М. Маленкова, Л. П. Берии и Н. С. Хрущёва. Причём Р. А. Медведев утверждает, что это был так называемый «первый триумвират», на смену которому в конце июня 1953 года придёт некий «второй триумвират» в составе Г. М. Маленкова, Н. С. Хрущёва и Н. А. Булганина. Однако этот искусственный конструкт не нашёл поддержки у других историков. Наконец, г-н Л. М. Млечин на соседних страницах своего очередного опуса «Смерть Сталина: вождь и его соратники»¹⁹ умудрился одновременно соорудить «квадригу», а затем в мгновение ока «разнуздать» В. М. Молотова и обратить её в «триумвират».

Как бы то ни было, но совершенно очевидно, что рано или поздно новое «узкое руководство» вынуждено будет сформулировать предельно чёткое отношение к личности усопшего вождя, его роли в строительстве социализма и места в большевистском пантеоне строителей советского государства. Надо сказать, что в зарубежной и отечественной историографии и публицистике (Н. А. Барсуков, Ю. В. Аксютин, Р. А. Медведев, А. В. Пыжиков, Ю. Н. Жуков, Л. М. Млечин, Д. А. Ванюков, Р. Такер²⁰) довольно давно сложилось стойкое представление, что сразу после смерти И. В. Сталина новое руководство страны взяло курс на «мягкую десталинизацию», и уже утром 10 марта 1953 года на внеочередном заседании Президиума ЦК с участием двух «идеологических» секретарей ЦК — М. А. Суслова и П. Н. Пospelова — Г. М. Маленков, жёстко отчитывая главного редактора «Правды» генерал-майора Д. Т. Шепилова за «ошибочное» освещение сталинских похорон, прямо заявил о «необходимости прекратить политику культа личности» и впредь согласовывать все подобного рода политические публикации с аппаратом ЦК.

Более того, вечером того же дня к секретарю ЦК П. Н. Пospelову были срочно вызваны главные редакторы «Известий» К. А. Губин, «Комсомольской правды» Д. П. Горюнов, «Красной звезды» В. П. Московский, «Литературной газеты» К. М. Симонов и ряда других центральных изданий, которым были даны соответствующие указания на сей счёт.

Вместе с тем следует сказать, что целый ряд историков (Е. Ю. Зубкова, А. П. Куропаткин, А. П. Артюков²¹) полагают, что данная оценка их коллег не вполне корректна, поскольку этот шаг никоим образом не был связан с осуждением культа личности самого И. В. Сталина. Данный маленковский пассаж был во многом продиктован невозможностью новых лидеров страны в условиях «коллективного руководства» спроецировать «сталинский культ» на кого-то из конкретных членов «узкого руководства», и прежде всего на самого Г. М. Маленкова. В качестве прямого доказательства этой точки зрения можно сослаться на проект доклада Г. М. Маленкова «О культе личности» на одном из апрельских заседаний Президиума ЦК, где недопустимость и порочность «культа личности» была подкреплена авторитетом и прямой цитатой самого И. В. Сталина, который «решительно осуждал немарксистское, эсеровское понимание роли личности в истории»²². Кстати, именно в этом, так и не произнесённом докладе, впервые было чётко заявлено о необходимости «коллективности и монолитности руководства» как «важнейшего условия нашего дальнейшего движения вперёд» и «укрепления экономической и оборонной мощи нашего государства».

Более того, вопреки давно бытующему мнению (Н. А. Барсуков, М. Р. Зезина, Т. А. Сивохина, Ю. В. Аксютин, О. В. Волобуев, О. Л. Лейбович²³) о том, что, дескать, на июльском Пленуме ЦК 1953 года «впервые прозвучала открытая критика личности И. В. Сталина», «были заданы параметры этой критики» и поставлен под сомнение «авторитет И. В. Сталина как теоретика марксизма-ленинизма», вопрос о «культе личности» был опять-таки поставлен сугубо в теоретической плоскости, и никаких покушений на авторитет усопшего вождя и его критику совершенно не просматривалось.

Вместе с тем, как установили те же А. П. Куропаткин и М. Р. Зезина, вопреки решению Президиума ЦК, именно Н. С. Хрущёв, назначенный ответственным за публикацию всех материалов, так или иначе связанных с именем И. В. Сталина, первым начал яростную борьбу именно со «сталинским культом». В частности, 20 марта 1953 года он устроил самый настоящий разнос главному редактору «Литературной газеты», кандидату в члены ЦК Константину Михайловичу Симонову за публикацию статьи «Священный долг советских писателей», в которой говорилось, что «самой важной и высокой задачей всей советской литературы» является запечатление «образа величайшего гения всех времён и народов — бессмертного Сталина». Более того, по мнению Ю. Н. Жукова²⁴, не менее ярким доказательством начатой «десталинизации» стало полное игнорирование Президиумом ЦК записки Первого секретаря ЦК ВЛКСМ Александра Николаевича Шелепина с предложением переименовать ВЛКСМ в Ленинско-сталинский комсомол (ВЛСКСМ), а «Комсомольскую правду» — в «Сталинскую смену». Вместе с тем вопрос о том, кто же стал инициатором первого или раннего этапа десталинизации, до сих пор остаётся открытым. Например, Н. А. Барсуков²⁵ уверен, что эта инициатива целиком принадлежала Г. М. Маленкову, а Ю. В. Аксютин²⁶, напротив, полагает, что всё советское руководство мыслило себя абсолютно несовместимым с культом личности

и посчитало для себя обязательным «прекратить политику культа личности» уже с 20 марта 1953 года.

На фоне всех этих событий необычайно бурную активность развил маршал Л. П. Берия. Традиционно в научной, популярной и даже учебной литературе, в частности в новейших работах известных российских историков профессоров А. В. Пыжикова и А. И. Вдовина²⁷, первым и самым ярким доказательством особой бериевской активности называют почти одномоментную и необычайно быструю смену более 80 руководителей всех республиканских министерств, а также глав УМВД автономных республик, краёв и областей РСФСР, которая произошла 16 или 19 марта 1953 года. Не избежал этой досадной ошибки и автор этих строк²⁸. Однако на проверку оказалось, что эта вполне расхожая информация не вполне соответствует действительности.

Что касается союзных республик, то здесь реальная смена власти произошла только в Украинской, Узбекской и Грузинской ССР. В первом случае на смену многолетнему главе НКВД — МВД УССР, бывшему начальнику Украинского штаба партизанского движения генерал-лейтенанту Т. А. Строкачу, срочно направленному во Львов начальником областного УМВД, пришёл генерал-лейтенант П. Я. Мешик, работавший до этого более 7 лет заместителем генерал-полковника Б. Л. Ванникова в Первом ГУ Спецкомитета по атомному проекту, отвечая за кадры и режим секретности. Во втором случае на смену генерал-майору Ю. Б. Бабаджанову пришёл кадровый чекист генерал-майор А. П. Бызов. Что касается Грузинской ССР, то здесь всего за месяц «случилась» настоящая кадровая чехарда: первоначально министром был назначен генерал-майор А. И. Кочвалашвили, которого всего через пять дней сменил генерал-майор В. А. Какучая, а его в свою очередь через три недели сменил генерал-лейтенант В. Г. Деканозов. Во всех же остальных республиках (кроме РСФСР, где своё республиканское МВД будет создано только в феврале 1955 года) произошло обычное «техническое» переназначение министров, связанное со слиянием старых МГБ и МВД в единое МВД СССР. Причём, что любопытно (и в то же время объяснимо), за исключением Казахской ССР, где главой МВД остался генерал-майор В. В. Губин, занимавший этот пост с середины февраля 1951 года, в министерские кресла остальных 11 республиканских МВД сели главы упразднённых МГБ: в Белорусской ССР генерал-майор М. И. Баскаков, в Литовской ССР генерал-майор П. П. Кондаков, в Латвийской ССР генерал-лейтенант Н. К. Ковальчук, в Эстонской ССР полковник В. И. Москаленко, в Карело-Финской ССР полковник Н. П. Гусев, в Молдавской ССР генерал-майор И. Л. Мордовец, в Азербайджанской ССР генерал-майор С. П. Емельянов, в Армянской ССР генерал-майор Г. Я. Мартиросов, в Киргизской ССР полковник А. В. Терещенко, в Таджикской ССР полковник Д. К. Вишневский и в Туркменской ССР полковник В. Т. Васькин. Аналогичная картина за редким исключением наблюдалась и во всех региональных УМВД, в том числе в Москве и Московской области, где главами УМВД были переназначены генерал-лейтенант Г. В. Соколовский и полковник П. П. Макарьев. Правда, в Ленинградской области новым главой УМВД стал бывший замминистра внутренних дел генерал-лейтенант Н. К. Богданов²⁹.

Между тем многие историки упускают из виду действительно очень важные факты, которые явствуют из показаний ряда свидетелей по «бериевскому делу», в частности генерал-лейтенанта Т. А. Строкача и двух начальников его личного секретариата — генерал-лейтенанта С. С. Мамулова и полковника Б. А. Людвигова³⁰.

Суть их показаний состояла в следующем: 1) практически все ключевые назначения в центральном аппарате МВД и в региональных УМВД прошли без традиционного (пусть даже формального) согласования с соответствующими Отделами и Секретариатом ЦК, а также с неприкрытым пренебрежением мнением первых секретарей обкомов партии, в частности Ленинградского (В. М. Андрианов) и Челябинского (Н. В. Лаптева); 2) главы всех республиканских МВД и региональных УМВД, получив от Л. П. Берии и его команды соответствующие установки, стали не только слишком вольно вести себя по отношению ко всем партийным секретарям, но и собирать на них компромат; 3) аналогичным образом глава МВД игнорировал и Управление делами Совета Министров СССР при подборе и расстановке кадров в свой личный аппарат в союзном правительстве и в курируемых им подразделениях.

Одновременно 13 и 18 марта 1953 года с целью ускоренного рассмотрения следственных дел, находившихся в производстве ряда управлений и отделов МВД СССР, Л. П. Берия своими приказами по министерству создал несколько следственных групп по самым громким и знаковым делам — «врачей-убийц», «чекистов», «мингрельских взяточников», «артиллеристов» и «авиаторов» — и поручил трём своим заместителям — генерал-полковникам С. Н. Круглову, Б. З. Кобулову и С. А. Гоглидзе, — а также начальнику следственной части по особо важным делам генерал-лейтенанту Л. Е. Влодзимирскому организовать тщательную проверку всех указанных дел в двухнедельный срок и лично ему представить свои заключения по этим проверкам³¹.

Тогда же Л. П. Берия инициировал «структурную» реформу МВД СССР и «пробил» два Постановления Совета Министров СССР - № 832-370сс и № 934-400сс от 18 и 28 марта 1953 года, в соответствии с которыми Главное управление исправительно-трудовых лагерей и колоний (ГУЛАГ), которое возглавлял генерал-лейтенант И. И. Долгих, было выведено из системы МВД СССР и передано в ведение Первого Главного управления при СМ СССР (Б. Л. Ванников) и Министерства юстиции СССР (К. П. Горшенин). При этом в состав ПГУ, а вернее ряда отраслевых министерств (угольной, химической, лесной, металлургической промышленности, цветной металлургии, путей сообщения и других) вошли 18 гигантских хозяйственно-производственных управлений старого ГУЛАГа, в том числе Главпромстрой (А. Н. Комаровский), Главжелездорстрой (А. А. Смольянинов), Главспеццветмет (Ф. П. Харитонов), Главгорметпром (Н.А. Добровольский), Главспецнефтестрой (В. А. Барабанов), Главлеспром (М. М. Тимофеев), Главгидрострой (Я. Д. Рапопорт), Дальстрой (И. Л. Митраков) и другие, а в состав Минюста СССР были переданы Главное управление исправительно-трудовых лагерей колоний и специальный отдел детских колоний³².

Понятно, что такая бурная активность «лубянского маршала», причём в обход ЦК и Управделами Совета Министров СССР, сразу вызвала крайнюю настороженность у большинства его коллег по Президиуму ЦК, прежде всего Г. М. Маленкова, В. М. Молотова и Н. С. Хрущёва, которые прекрасно сознавали реальные возможности узурпации власти с его стороны. Поэтому можно предположить, что уже в конце марта 1953 года начинаются первые брожения относительно активности главы МВД. Однако сам Л. П. Берия уже вошёл в раж и через неделю, 26 марта 1953 года, направил на имя Г. М. Маленкова для рассмотрения на Президиуме ЦК «Записку» с предложением о проведении широкомасштабной амнистии и об изменении уголовного законодательства³³. В этом документе отмечалось следующее:

«1. В настоящее время в исправительно-трудовых лагерях, тюрьмах и колониях содержится более 2 526 000 заключённых, из которых: осуждённых на срок до 5 лет — 590 000, от 5 до 10 лет — 121 600, от 10 до 20 лет — 573 000 и свыше 20 лет — 188 000 человек.

2. Из общего числа заключённых количество особо опасных государственных преступников (шпионов, диверсантов, террористов, троцкистов, эсеров, националистов и др.), содержащихся в особых лагерях МВД СССР, составляет чуть более 221 000 человек.

3. Содержание большого числа заключённых, осуждённых за преступления, не представляющие серьёзной опасности для общества, в том числе женщин, подростков, престарелых и больных людей, не вызывается государственной необходимостью. Тем более что среди заключённых на срок до 5 лет значительное число осуждённых за преступления, которые в большинстве своём были совершены впервые и не повлекли за собой тяжких последствий (самовольный уход с работы, должностные и хозяйственные преступления, мелкие кражи, хулиганство, мелкая спекуляция и др.).

4. В ИТЛ также имеется 30 000 заключённых, осуждённых на срок от 5 до 10 лет за должностные, хозяйственные и воинские преступления, в числе которых председатели и бригадиры колхозов, инженеры, руководители предприятий и другие.

5. Среди заключённых отбывают наказание почти 439 000 женщин, в том числе беременных и имеющих при себе детей в возрасте до двух лет, 238 000 пожилых людей и чуть более 31 000 несовершеннолетних, подавляющее большинство которых отбывают наказание за мелкие кражи и хулиганство. Кроме того, около 198 000 заключённых, находящихся в лагерях, страдают тяжёлым неизлечимым недугом и являются полностью нетрудоспособными».

Учитывая всё изложенное, МВД СССР (Л. П. Берия), Министерство юстиции СССР (К. П. Горшенин) и Генеральный прокурор СССР (Г. Н. Сафонов) срочно подготовили проект Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии», который уже 27 марта 1953 года был рассмотрен и единогласно одобрен всеми членами Президиума ЦК. В тот же день председатель и секретарь Президиума Верховного Совета СССР маршал К. Е. Ворошилов и Н. М. Пегов подписали соответствующий Указ, по которому: 1) освобождению из мест заключения подлежали более 1 203 000 заключённых, в том числе все осуждённые на срок не более 5 лет, все (независимо от срока заключения) женщины, пожилые мужчины, несовершеннолетние и тяжелобольные; 2) от угрозы применения наказания и привлечения к уголовной ответственности освобождались более 400 000 человек, в отношении которых прекращалось следствие и закрывались уголовные дела; 3) ровно наполовину сокращался срок отбытия наказания для всех осуждённых на 5 лет лишения свободы; 4) в отношении указанных лиц снималась судимость и поражение в избирательных правах и, наконец, 5) амнистия не распространялась на всех осуждённых на срок свыше 5 лет за контрреволюционные преступления, бандитизм, крупные хищения социалистической собственности и умышленное убийство.

Отдельным пунктом этого указа Министерству юстиции СССР поручалось в месячный срок внести в Совет Министров СССР предложения по изменению всего уголовного законодательства, заменив уголовную ответственность на административную и дисциплинарную за ряд хозяйственных, должностных, бытовых и прочих неопасных преступлений.

Забегая вперёд, скажем, что эта «бериевская» амнистия, которую в народе обозвали «ворошиловской», была реализована не в полной мере. Во-первых, из-за резко обострившейся криминогенной обстановки уже 2 июля 1953 года Президиум ЦК одобрил проект Указа Президиума Верховного Совета СССР «О неприменении амнистии к лицам, осуждённым за разбой, воров-рецидивистам и злостным хулиганам», согласно которому все бывшие зэки, попавшие под мартовскую амнистию, продолжавшие вести «паразитический образ жизни и не занимавшиеся общественно-полезным трудом», были вновь отправлены в лагеря. Во-вторых, на начало августа 1953 года из мест лишения свободы вышли 1 032 000 человек.

Надо сказать, что в современной литературе существуют абсолютно разные оценки мартовской амнистии. Например, Е. А. Прудникова³⁴ полагает, что она была предпринята для простой «разгрузки лагерей» и «смягчения прежней репрессивной политики» властей. Однако довольно популярна всё-таки иная версия (Р. Г. Пихоя, А. В. Сухомлинов, Д. В. Кобба³⁵), которая гласит о том, что Л. П. Берия вполне сознательно инициировал столь широкую амнистию, чтобы резко обострить криминогенную обстановку в стране и, опираясь на мощный военно-полицейский ресурс МВД, узурпировать всю власть и одним махом покончить с «коллективным руководством». Эта версия вполне имеет право на жизнь, тем более что именно об этом говорил и Г. М. Маленков на июльском Пленуме ЦК 1953 года. При этом А. В. Сухомлинов утверждает, что изначально Л. П. Берия планировал куда более широкой проект амнистии, но он не был принят Президиумом ЦК.

Наконец, в первой половине апреля 1953 года Л. П. Берия буквально завалил Президиум ЦК своими записками на имя Г. М. Маленкова: «О реабилитации лиц, привлечённых по так называемому делу о врачах-вредителях», «О привлечении к уголовной ответственности лиц, виновных в убийстве С. М. Михоэлса и В. И. Голубова», «О неправильном ведении дела о так называемой мингрельской националистической группе», «О реабилитации Н. Д. Яковлева, И. И. Волкотрубенко, И. А. Мирзаханова и других» и т.д.³⁶ По итогам рассмотрения этих записок весь состав Президиума ЦК единогласно принял два Постановления о полной реабилитации и об освобождении из-под стражи врачей и членов их семей в количестве 37 человек (В. Н. Виноградов, П. И. Егоров, М. С. Вовси, Я. Г. Этингер, Б. Б. Коган и др.), а также ответственных партийных и советских работников Грузинской ССР тоже в количестве 37 человек (М. И. Барамия, А. И. Мирцхулава, Г. Т. Каранадзе, И. С. Зоделава, А. Н. Рапава, П. А. Шария, В. Я. Шония и др.)³⁷

Кроме того, по решению, принятому в самом МВД СССР, одновременно было прекращено уголовное дело в отношении всех персон, привлечённых к ответственности по Постановлению Совета Министров СССР № 5444-2370 от 31 декабря 1951 года «О недостатках 57-мм автоматических зенитных пушек С-60»: бывших заместителя министра Вооружённых сил СССР маршала артиллерии Н. Д. Яковлева, начальника ГАУ генерал-полковника артиллерии И. И. Волкотрубенко и заместителя министра вооружений генерал-майора И. А. Мирзаханова. Чуть позже, в самом конце мая 1953 года, Л. П. Берия выступил с аналогичной инициативой реабилитировать всех невинно осуждённых по «сфабрикованному» бывшим руководством МГБ СССР «Делу авиаторов», т.е. бывших наркома авиационной промышленности СССР генерал-полковника инженерно-авиационной службы А. И. Шахурина, главкома ВВС главного маршала авиации А. А. Новикова, члена ВС ВВС генерал-полковника авиации Н. С. Шиманова, заместителя главкома ВВС генерал-

полковника авиационнотехнической службы А. К. Репина и др.³⁸ Наконец, в том же мае 1953 года опять-таки по инициативе Л. П. Берии был реабилитирован бывший нарком обороной, а затем авиационной промышленности СССР Михаил Моисеевич Каганович, который застрелился в самом начале войны³⁹.

В нынешней литературе (В. П. Наумов, Б. В. Соколов, Ю. И. Мухин, Д. В. Кобба⁴⁰) можно встретить немало совершенно разных оценок тех побудительных мотивов, которыми руководствовался Л. П. Берия в этот период. Во многом эти оценки носят либо предположительный, либо чисто умозрительный характер. В сухом остатке с большой долей вероятности можно констатировать только то, что: 1) Л. П. Берия буквально навязывал собственную волю всему составу Президиума ЦК и всячески пытался выделить свою личную роль в принятии всех решений, что отчётливо видно из текстов ряда Постановлений Президиума ЦК, в которых прямо говорилось об их рассылке «всем членам ЦК КПСС, первым секретарям ЦК Компартии союзных республик, крайкомов и обкомов КПСС» вместе с «письмами тов. Берия Л. П.»; 2) реабилитация видных представителей высшего генералитета и ВПК в лице А. А. Новикова, Н. Д. Яковлева, И. И. Волкотрубенко, А. И. Шахурина, М. М. Кагановича и других была явным реверансом в адрес Г. М. Маленкова, который, как известно, лично пострадал от «Авиационного дела», лишившись в 1946 году поста секретаря ЦК, Л. М. Кагановича, которого он «одарил» посмертной реабилитацией его старшего брата, а также, возможно, маршалов Н. А. Булганина, Г. К. Жукова, А. М. Василевского, В. Д. Соколовского, Л. А. Говорова и других представителей высшего генералитета и ВПК в лице легендарных «сталинских наркомов» В. А. Малышева, Б. Л. Ванникова, Д. Ф. Устинова, М. В. Хруничева и ряда других, которых Л. П. Берия продолжал опекать как глава Спецкомитета по атомному проекту⁴¹.

Причём, что любопытно, такая гиперактивность Л. П. Берии, по мнению ряда историков (В. П. Наумов⁴²), первоначально вызвала резкое неприятие всех членов Президиума ЦК и стала предметом специального обсуждения на одном из его заседаний 5 апреля 1953 года. Результатом этой «дискуссии» стала редакционная статья в газете «Правда», где отмечалась особая роль самого ЦК в разоблачении преступных деяний бывших сотрудников МГБ СССР. Однако спустя всего несколько дней костяк Президиума ЦК — Г. М. Маленков, В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов, Н. С. Хрущёв, Л. М. Каганович, Н. А. Булганин и А. И. Микоян — принял новое Постановление «О мероприятиях, проводимых Министерством внутренних дел», в котором одобрил «проводимые тов. Берия Л. П. меры по вскрытию преступных действий, совершённых на протяжении ряда лет в бывшем Министерстве госбезопасности СССР»⁴³.

Вместе с тем пересмотр громких уголовных дел дал Л. П. Берии довольно мощный козырь для укрепления своих и без того сильных позиций в «узком руководстве», поскольку за многими уголовными делами маячила фигура бывшего министра госбезопасности СССР и новоиспечённого секретаря ЦК Семёна Денисовича Игнатьева, который был довольно хорошо известен как прямая креатура Г. М. Маленкова. Именно «лубянский маршал» инициировал включение в Постановление Президиума ЦК от 3 апреля 1953 года двух пунктов, серьёзно подрывавших позиции главы правительства в Секретариате ЦК: «1. Предложить б[ывшему]. Министру государственной безопасности СССР т. Игнатьеву С. Д. представить в Президиум ЦК КПСС объяснение о допущенных Министерством

государственной безопасности грубейших извращениях советских законов и фальсификации следственных материалов.

2. Ввиду допущения т. Игнатьевым С. Д. серьёзных ошибок в руководстве быв[шим]. Министерством государственной безопасности СССР признать невозможным оставление его на посту секретаря ЦК КПСС»⁴⁴.

Уже 5 апреля 1953 года, не дожидаясь созыва Пленума ЦК, по результатам опроса всех его членов С. Д. Игнатьев был освобождён от обязанностей секретаря ЦК, а 28 апреля вообще выведен из состава ЦК. Кроме того, по предложению Л. П. Берии, которое поддержали все члены Президиума ЦК, Комитету партийного контроля (М. Ф. Шкирятов) было поручено рассмотреть вопрос о его партийной ответственности. Правда, последнее решение так и не было исполнено, поскольку после краха Л. П. Берии на июльском Пленуме ЦК С. Д. Игнатьев будет восстановлен в прежнем статусе члена ЦК.

Между тем главные фигуранты так называемого «Дела чекистов», которое было заведено ещё в июле 1951 года, бывшие глава МГБ генерал-полковник В. С. Абакумов, начальник Следственной части по особо важным делам МГБ генерал-майор А. Г. Леонов, два его заместителя полковники В. И. Комаров и М. Т. Лихачёв, а также руководители личного секретариата руководителя МГБ полковники И. А. Чернов и Я. М. Броверман остались в заключении. Более того, на основании записки Л. П. Берии были арестованы бывшие первый замглавы МГБ СССР генерал-лейтенант С. И. Огольцов и глава МГБ Белорусской ССР генерал-лейтенант Л. Ф. Цанава, которых привлекли к ответственности за организацию убийства С. М. Михоэлса и В. И. Голубова⁴⁵. И одновременно был арестован бывший заместитель главы МГБ, начальник Следственной части по особо важным делам полковник М. Д. Рюмин — главный фигурант нового уголовного дела по фальсификации «Дела врачей».

В этой ситуации ряд других членов Президиума ЦК также стали «выходить из спячки» и проявлять повышенную активность. Как уже упоминалось выше, председатель Совета Министров СССР Г. М. Маленков предложил коллегам по Президиуму ЦК созвать в апреле 1953 года новый внеочередной Пленум ЦК

и обсудить на нём проблему «культа личности». Причём, внося это предложение на их обсуждение, он заранее подготовил проекты своего предельно краткого, буквально тезисного выступления, а также Постановления Пленума ЦК по данному вопросу. Как уже отмечалось ранее, ряд историков (А. П. Куропаткин, А. П. Артюков⁴⁶) высказали мнение, что в данных проектах премьера особый акцент был сделан не столько на личности усопшего вождя, сколько на непременном сохранении и укреплении марксистско-ленинских принципов «коллективного руководства». Однако их оппоненты (Ю. Н. Жуков⁴⁷) утверждают, что уже изначально речь шла об осуждении именно «сталинского культа», но из-за негативной реакции ряда членов Президиума ЦК в первоначальные проекты были не только внесены необходимые поправки, но даже дана ссылка на известную сталинскую цитату об «эсеровском» происхождении концепции «культа личности».

Как предположил сам Ю. Н. Жуков, среди сторонников премьера «наверняка находились» М. Г. Первухин, М. З. Сабуров, П. Н. Поспелов и Н. Н. Шаталин, а среди противников — все (или почти все) остальные члены высшего руководства страны, в частности Л. П. Берия, В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов, Н. С. Хрущёв, Н. А. Булганин, Л. М. Каганович, А. И. Микоян и М. А. Сулов. Кроме того, тот же Ю. Н.

Жуков, а также Р. Г. Пихоя⁴⁸ предположили, что все эти инициативы Г. М. Маленкова во многом носили превентивный характер, поскольку бурная деятельность Л. П. Берии по пересмотру громких уголовных дел могла рикошетом ударить именно по нему. Но, как известно, «мягкая десталинизация» была отвергнута «узким руководством» страны, и очередной Пленум ЦК так и не состоялся, хотя само имя И. В. Сталина с тех самых дней практически полностью исчезло со страниц партийных газет и журналов.

Тем временем 11 апреля 1953 года во исполнение решения мартовского Пленума ЦК вышло Постановление Совета Министров СССР «О расширении прав министерств СССР». Правда, оно касалось далеко не всех министерств, а только тех, которые непосредственно руководили важнейшими отраслями тяжёлой и оборонной промышленности, строительством и транспортом, т.е. персонально знаменитых «сталинских наркомов» — М. Г. Первухина, М. З. Сабурова, В. А. Малышева, И. Ф. Тевосяна, Д. Ф. Устинова и ряда других. Именно они освобождались от необходимости согласовывать или утверждать значительный круг различных вопросов на самом верху, т.е. в Президиуме Совета Министров СССР у Л. П. Берии, В. М. Молотова, Н. А. Булганина и Л. М. Кагановича, а также в аппарате ЦК у Н. С. Хрущёва.

Между тем сам Никита Сергеевич Хрущёв, получивший реальный контроль над аппаратом ЦК и пока сохранявший, как считают ряд историков (В. П. Наумов, Ю. Н. Жуков⁴⁹), видимый нейтралитет в разгоревшейся борьбе за лидерство и единоличную власть, стал очень осторожно, не вызывая особых подозрений у Г. М. Маленкова и Л. П. Берии, перестраивать ключевые структуры аппарата ЦК и рассаживать проверенных товарищей в руководство этими структурами. Во-первых, он сразу же пошёл навстречу М. А. Суслову, который предложил преобразовать прежнюю Комиссию по связям с зарубежными компартиями в аналогичный Отдел ЦК. Во-вторых, через Секретариат ЦК он провёл решение о слиянии четырёх отделов в объединённый Отдел науки и культуры, который возглавил его давний приятель по Украине, бывший секретарь Харьковского обкома, а затем директор Института экономики АН УССР Алексей Матвеевич Румянцев. В-третьих, с его подачи ключевой Отдел пропаганды и агитации ЦК возглавил Владимир Семёнович Кружков. И, наконец, в-четвёртых, во главе объединённого Отдела административных и планово-финансовых органов ЦК встал Афанасий Лукьянович Дедов, давно слывшийся креатурой Г. М. Маленкова и Н. Н. Шаталина.

Однако, по мнению того же Ю. Н. Жукова, уже к середине апреля 1953 года от хрущёвского нейтралитета не осталось и следа, и он однозначно встал на сторону Л. П. Берии, очень опасаясь того, что расследование «Дела Абакумова» неизбежно выявит его крайне неблагоприятную роль в деле коллективизации западных областей УССР, а также в борьбе с УПА и бандеровским подпольем в 1944-1949 годах. Видимыми шагами данной политической переориентации Н. С. Хрущёва стали: 1) ликвидация Отдела ЦК по подбору и расстановке кадров, главой которого был секретарь ЦК Н. Н. Шаталин; 2) назначение новым главой Отдела партийных, профсоюзных и комсомольских органов — второго по значимости отдела в ЦК — Евгения Ивановича Громова и установление личного контроля над этой структурой и, наконец, 3) отставка В. Г. Григорьяна, «сосланного» на малозначительный пост в МИД СССР, и назначение новым главой Отдела по связям с зарубежными компартиями М. А. Суслова.

Причём надо заметить, что ряд историков (А. М. Филитов⁵⁰) считают, что последнее решение стало своеобразным компромиссом между Л. П. Берией и В. М. Молотовым. Дело в том, что в последние годы правления И. В. Сталина основные нити управления внешней политикой страны незримо, но всё более активно стали перетекать из Министерства иностранных дел СССР, которое тогда возглавлял Андрей Януарьевич Вышинский, во Внешнеполитическую комиссию ЦК, главой которой был Ваган Григорьевич Григорьян, слывший человеком Л. П. Берии. В недрах этой комиссии методы обычной дипломатии начали играть всё больше вспомогательную роль, постепенно уступая место «конспиративной» работе с разными (как реальными, так и потенциальными) союзниками во враждебном буржуазном лагере, в том числе через различные международные организации (типа Всемирного совета мира) и форумы (вроде Международного экономического совещания). Теперь же ситуация вернулась в обычное русло, и данное решение относительно В. Г. Григорьяна, ставшего теперь членом Коллегии МИД СССР, устроило обоих «силовых» министров, для которых он стал чем-то вроде «офицера связи по особым поручениям».

Немаловажным фактором быстрого сближения Н. С. Хрущёва с Л. П. Берией стали и другие инициативы «Лубянского маршала». Среди таких инициатив многие историки (В. П. Наумов, Ю. Н. Жуков, Р. Г. Пихоя, М. Г. Жиленков, Д. В. Кобба⁵¹) особо отмечают пересмотр основ национальной политики в ряде союзных республик, где продолжалась упорная и кровопролитная борьба с антисоветским националистическим подпольем. Как известно, незадолго до начала Великой Отечественной войны в состав СССР вошли Литва, Латвия, Эстония, Западные Белоруссия и Украина, Бессарабия и Северная Буковина, где по вполне понятным причинам начался процесс ускоренной советизация. Естественно, довольно твёрдая политика Москвы вызвала ответную реакцию определённой части коренного населения, которая в годы войны составила костяк антисоветских вооружённых нацформирований, воевавших на стороне нацистской Германии. После окончания войны все недобитые формирования коллаборантов перешли на подпольное положение и продолжили борьбу с советской властью, которая стала предельно жёстко подавлять все очаги их сопротивления. Однако, несмотря на очевидные успехи, подавить все эти очаги полностью не удавалось, что серьёзно осложняло политическую ситуацию, особенно в Литве, Латвии и на Западной Украине, где продолжали активно бесчинствовать и зверствовать оуновцы (главным образом бандеровцы) и «лесные братья».

Именно эти обстоятельства стали зримым поводом для очередных новаций Л.П.Берии, который 8 и 16 мая 1953 года направил в Президиум ЦК на имя Г. М. Маленкова и В. М. Молотова две подробные записки: «О недостатках в работе бывших органов МГБ Литовской ССР по борьбе с националистическим подпольем в Литве» и «Об итогах борьбы с украинским националистическим подпольем в западных областях УССР»⁵². Содержание этих записок, в которых, как считают Ю. Н. Жуков и отчасти Б. В. Соколов⁵³, Л. П. Берия и его «подельники» Н. С. Хрущёв и Е. И. Громов намеренно сгустили краски, носило довольно критический характер как в отношении силовых структур, так и особенно партийно-государственных органов. Главный вывод этих записок состоял в следующем: 1) одними силовыми акциями побороть антисоветское подполье не удастся, поскольку оно будет постоянно

пополняться местной молодёжью; 2) необходимо срочно изменить саму политику коллективизации и ослабить налоговое бремя колхозников и единоличников;

3) важно не просто пойти на замирение с тамошним крестьянством и творческой интеллигенцией, но активно выдвигать «коренные» кадры на руководящие посты в партийных, советских и хозяйственных органах и т.д.

26 мая 1953 года эти записки были рассмотрены на заседании Президиума ЦК, в котором участвовали только половина его членов: Г. М. Маленков, Л. П. Берия, Н. С. Хрущёв, Л. М. Каганович и А. И. Микоян. Хотя для обсуждения первой записки на это заседание были приглашены Первый секретарь ЦК КП Литвы и глава Совмина Литовской ССР А. Ю. Снечук и М. А. Гедвилас, а для обсуждения второй — Первый секретарь ЦК КП Украины Л. Г. Мельников, председатель Совета Министров УССР Д. С. Коротченко, второй секретарь ЦК КПУ А. И. Кириченко, председатель Верховного Совета УССР А. Е. Корнейчук и заместитель председателя Совета Министров УССР Л. Р. Корниец. В тот же день по итогам состоявшегося обсуждения были приняты два заранее написанных в Секретариате ЦК КПСС довольно жёстких и конкретных Постановления Президиума ЦК: «О политическом и хозяйственном состоянии Западных областей Украинской ССР» и «О положении в Литовской ССР»⁵⁴.

Установочная часть первого Постановления, состоящая из 15 пунктов, гласила: 1) признать неудовлетворительным руководство ЦК КПУ и Совета Министров УССР западными областями республики; 2) обязать ЦК КПУ и руководство Львовского, Дрогобычского, Тернопольского, Станиславского, Волынского, Ровенского, Закарпатского, Измаильского и Черновицкого обкомов партии решительно покончить с извращениями ленинско-сталинской национальной политики, с порочной практикой выдвижения на руководящую партийную и советскую работу в западных областях работников из других областей УССР и других республик СССР, изжить огульное недоверие к западноукраинским кадрам, бережно относиться к местной интеллигенции и выдвигать лучших её представителей на руководящие посты в учебных, научных и культурных заведениях; 3) обеспечить наличие в руководящем составе ЦК КПУ и Совете Министров УССР работников из западных украинцев; 4) провести снижение норм по государственным поставкам сельскохозяйственной продукции и обязательным денежным платежам для всех типов крестьянских, прежде всего коллективных, хозяйств; 5) добиться ликвидации буржуазно-националистического подполья, но при проведении необходимых карательных мер не допускать перегибов, вызывающих справедливое недовольство широких слоёв населения и т.д.

В той же части были сделаны и вполне конкретные оргвыводы, которые на первый взгляд выглядели более чем странно. Во-первых, с должности Первого секретаря ЦК КПУ был снят Леонид Григорьевич Мельников, сменивший на этом посту Н. С. Хрущёва ещё в декабре 1949 года, при котором именно он, как известно, занимал должность второго секретаря ЦК КП(б)У. Кроме того, было принято решение вывести его и из состава кандидатов в члены Президиума ЦК и «отозвать в распоряжение ЦК». Во-вторых, новым Первым секретарём ЦК КПУ был «рекомендован» Алексей Илларионович Кириченко, который с того же декабря 1949 года был вторым секретарём ЦК КП(б)У. Обычно эту странную ротацию объясняют тем, что, дескать, первый был русским, а второй — украинцем. Но это объяснение просто смехотворно, так как Л. Г. Мельников был уроженцем Черниговской губернии

и более десяти лет проработал в Украинской ССР, в том числе почти пять лет секретарём Сталинского обкома КП(б)У. Кроме того, тот же А. И. Кириченко был не менее повинен в той политике ЦК КПУ, которая в первом пункте данного Постановления была признана «неудовлетворительной». А посему реальная подоплёка всей этой рокировки была очевидна многим, если не всем: за ней стоял не столько Л. П. Берия, сколько Н. С. Хрущёв. Именно с ним А. И. Кириченко очень плотно работал более семи лет: сначала заведующим сектором кадров и заведующим Промышленным отделом ЦК КП(б)У (1938-1941), позднее секретарём ЦК КП(б)У по промышленности (1941-1944) и членом Военного совета Юго-Западного и Донского фронтов (1941-1943) и, наконец, секретарём ЦК КП(б)У по кадрам (1944-1945).

Аналогичный характер носило и второе Постановление Президиума ЦК, в котором «работа ЦК КП Литвы и Совета Министров Литовской ССР по укреплению советской власти» была признана «неудовлетворительной». Хотя в данном Постановлении было несколько важных отличий. Во-первых, было указано на то, что «основной ошибкой» республиканского руководства стало фактическое перепоручение важного дела «ликвидации буржуазнонационалистического подполья органам государственной безопасности», которые в основном свели всё «дело к массовым репрессиям и чекистско-войсковым операциям». Однако эти операции не приносят должного эффекта, поскольку до сих пор не обезглавлено антисоветское подполье, не пойманы главари подпольных центров и не пресечены их активные мероприятия против советской власти. Во-вторых, было указано на то, что «главной задачей Литовской парторганизации на ближайший период» является «подготовка, выращивание и широкое выдвижение литовских кадров во все звенья партийного, советского и хозяйственного руководства». Более того, было прямо указано на необходимость отмены порочной «практики назначения заместителями председателя Совета Министров Литовской ССР и выдвижения вторыми секретарями районных и городских комитетов партии, а также заместителями председателей исполкомов Советов... работников не из литовских национальных кадров», а всех освобождённых «номенклатурных работников, не знающих литовского языка, отозвать в распоряжение ЦК». В-третьих, было жёстко указано отменить ведение всего «делопроизводства во всех партийных, государственных и общественных организациях Литовской ССР на нелитовском языке, обеспечив для районов с польским населением ведение местного делопроизводства на польском языке», а заседания Совмина, Бюро и пленумов ЦК КП Литвы, а также городских и районных комитетов партии и исполкомов Советов депутатов трудящихся проводить на литовском языке». При этом, как ни странно, в отличие от Украинской ССР, каких-либо кадровых решений в отношении высших республиканских руководителей принято не было. Первый секретарь ЦК КП Литвы Антанас Юозович Снечкус оставался на своей должности ещё более 20 лет, вплоть до своей кончины в январе 1974 года. А глава правительства Мечисловас Александрович Гедвилас был отправлен в отставку только в середине февраля 1956 года, прямо в день открытия XX съезда КПСС.

Чуть позже, 12 июня 1953 года, было принято аналогичное Постановление «О положении в Белорусской ССР», которое, кстати, обсуждали и одобрили всего пять членов Президиума ЦК: руководящая четвёрка в лице Л. П. Берии, Г. М. Маленкова, В. М. Молотова и Н. С. Хрущёва, а также К. Е. Ворошилов⁵⁵. Данное Постановление Президиума ЦК, в отличие от первых двух, носило куда менее острый характер,

поскольку руководство Белорусской ССР было обвинено только в двух главных прегрешениях: 1) в неудовлетворительной работе «с выдвижением белорусских кадров (особенно из западных областей — *Е. С.*) на работу в центральные, областные, городские и районные партийные и советские органы» и 2) в «серьёзных недостатках в деле колхозного строительства». Но тем не менее и в данном случае было принято важное кадровое решение: «1) освободить т. Патоличева Н.С. от обязанностей первого секретаря ЦК КП Белоруссии, отозвав его в распоряжение ЦК КПСС» и «2) рекомендовать первым секретарём ЦК КП Белоруссии т. Зимянина М. В., члена ЦК КПСС, быв[шего]. второго секретаря ЦК КП Белоруссии, освободив его от работы в Министерстве иностранных дел СССР».

Однако, как известно, в отличие от Украинской ССР, кадровая рокировка в Минске так и не состоялась, но её подоплёка буквально через месяц стала известна всем членам Президиума ЦК. Дело в том, что после ареста Л. П. Берии 15 июля 1953 года Михаил Васильевич Зимянин, занявший всего месяц назад должность заведующего IV Европейским отделом МИД СССР, направил по поручению Н. С. Хрущёва письмо на его имя, в котором подробно описал все обстоятельства и содержание своих (двух телефонных и одного приватного) разговоров с поверженным главой МВД СССР⁵⁶. Из этого письма прямо следовало, что лично Л. П. Берия стал инициатором снятия «русского» Н. С. Патоличева, который, по его мнению, был «плохим руководителем» и «пустым человеком», и назначения на освобождавшийся пост «белоруса» М. В. Зимянина. Именно он, опираясь на белорусских чекистов и нового главу республиканского МВД полковника М. Ф. Дечко, и должен был в срочном порядке «поправить ситуацию в республике». Как вспоминал тогдашний первый секретарь Минского горкома ВЛКСМ Б. П. Павлёнок, М. В. Зимянин, которого хорошо знали и уважали в Белоруссии, прибыл в Минск за пару дней до Пленума ЦК в полной убеждённости, что всё «пройдёт как по нотам». Но на самом Пленуме «все карты спутал» первый секретарь Витебского горкома Иван Евтеевич Поляков, «предложивший вопрос об освобождении Патоличева снять с повестки дня, а решение ЦК КПСС считать ошибочным». Почти все члены белорусского ЦК поддержали это выступление и стали с тревогой ждать ответной реакции Москвы. Но её не последовало, поскольку буквально через пару дней был арестован сам Л. П. Берия⁵⁷.

Вечером того же дня тем же составом членов Президиума ЦК было принято аналогичное Постановление «О положении в Латвийской ССР», которое уже готовилось лично Н. С. Хрущёвым. Правда, как и в случае с Литовской ССР, обошлось без крупных кадровых решений: Первый секретарь ЦК КП Латвии Ян Эдуардович Калнберзинь и председатель Совета Министров Латвийской ССР Вилис Тенисович Лацис, занявшие свои руководящие посты ещё летом 1940 года, сохранили их до конца ноября 1959 года. Правда, ещё в конце мая 1953 года, в период подготовки данного Постановления, Л. П. Берия сменил главу республиканского МВД и вместо «украинца» Н. К. Ковальчука назначил новым министром «латыша» И. Д. Зуяна. Кстати, тогда же в недрах аппарата ЦК началась подготовка ещё двух аналогичных Постановлений Президиума ЦК — по Эстонской и Молдавской ССР⁵⁸, однако, как известно, они так и остались на бумаге из-за скорого ареста Л. П. Берии.

Причём надо сказать, что все утверждённые Постановления, направленные сразу в республиканские ЦК, также «сопровождались» записками Л. П. Берии, который, особо настаивая на этом, явно желал подчеркнуть свою личную роль в их подготовке

и принятии. Между тем, как явствуют источники⁵⁹, лично Г. М. Маленков отговаривал его от столь опрометчивого шага, который чуть позже уже низложенный «лубянский маршал» сам назвал «глупостью и политическим недомыслием».

Параллельно с решением национального вопроса Л. П. Берия стал проявлять повышенную активность и в своей традиционной и любимой «вотчине» — в Спецкомитетах по атомному проекту и ракетной технике. Как считают ряд историков (Ю. Н. Жуков, Д. В. Кобба⁶⁰), именно «лубянский маршал» без санкции ЦК отдал личное распоряжение на проведение испытаний новейших образцов военной техники. В частности, речь шла об испытании на полигоне Капустин Яр модифицированной крылатой ракеты 10Х, созданной в ОКБ-51 под руководством В. Н. Челомея по проектам комплексов ПВО «Комета» и «Беркут», и об испытании на Семипалатинском полигоне водородной бомбы «Слойка» (РДС-6с), над созданием которой ещё с весны 1950 года в КБ-11 (Арзамас-16) активно работала целая группа физиков-ядерщиков, в том числе Ю. Б. Харитон, И. Е. Тамм, Я. Б. Зельдович, А. Д. Сахаров, Ю. А. Романов и ряд других специалистов. Однако их оппоненты (Б. В. Соколов⁶¹) полагают, что эти обвинения, содержащиеся в выступлении Г. М. Маленкова на июльском Пленуме ЦК, не соответствуют действительности. Так, вопрос о времени испытания водородной бомбы решался руководящей «четвёркой» Президиума ЦК, что было оформлено рядом правительственных Постановлений. А что же касается Первого спецкомитета, то он изначально не подчинялся ни ЦК, ни Совету Министров СССР и замыкался только на усопшего вождя, которому Л. П. Берия лично докладывал о ходе всех работ по созданию атомной и водородной бомб.

По мнению большинства историков (Р. Г. Пихоя, В. П. Наумов, Б. В. Соколов, Ю. В. Аксютин, Д. В. Кобба⁶²), все эти бериевские инициативы, особенно в «национальном вопросе», вызвали резко негативную реакцию других членов Президиума ЦК, которые сразу сплотились в единый «антибериевский блок». Однако их оппоненты (Ю. Н. Жуков⁶³) утверждают, что эти решения лишь вскрыли «старый гнойник» и привели к образованию внутри Президиума ЦК двух откровенно враждебных группировок, готовых на самые решительные действия: Г. М. Маленков, М. Г. Первухин, М. З. Сабуров — с одной стороны, Л. П. Берия, В. М. Молотов, Н. С. Хрущёв, Н. А. Булганин — с другой стороны. Остальные же полноправные члены Президиума ЦК — Л. М. Каганович, А. И. Микоян и К. Е. Ворошилов — заняли выжидательную позицию, но, без сомнения, были готовы примкнуть к любой победившей группировке.

По мнению Ю. Н. Жукова, буквально в ближайшие несколько дней должно было состояться очередное заседание Президиума ЦК, на котором Л. П. Берия или другой член руководящей «четвёрки» выдвинул бы целый пакет обвинений против Г. М. Маленкова за тяжёлое положение дел в Прибалтике, Белоруссии и на Украине, за активное участие в послевоенных «политических репрессиях», ревизию основ марксизма-ленинизма и других тяжких грехах. Эти «обвинения» были бы поддержаны большинством членов Президиума ЦК, что неизбежно привело бы к отставке Г. М. Маленкова со всех его постов, прежде всего главы Совета Министров СССР. Но в дело опять вмешался его величество случай: события в ГДР...

¹ Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти, 1945-1991. М., 1998; Аксютин Ю.В. Хрущёвская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953-1964 гг. М., 2010;

Данилов А.А., Пыжиков А.В. Рождение сверхдержавы. 1945-1953 гг. М., 2002; Зубкова Е.Ю. Маленков и Хрущёв: личный фактор в политике послесталинского руководства // Отечественная история. 1995. № 4.

² Жуков Ю.Н. Борьба за власть в партийно-государственных верхах СССР весной 1953 г. // Вопросы истории. 1996. № 5-6; Жуков Ю.Н. Сталин: тайны власти. М., 2005.

³ Жуков Ю.Н. Борьба за власть в партийно-государственных верхах СССР весной 1953 г. // Вопросы истории. 1996. № 5-6; Жуков Ю.Н. Сталин: тайны власти. М., 2005; Даниленко М.А. Г. М. Маленков в борьбе за власть в 1953-1957 гг. // Эволюция российской государственности: прошлое и современность. Ставрополь, 2004; Даниленко М.А. Партийногосударственная деятельность Г. М. Маленкова (1939-1957). М., 2005.

⁴ Жуков Ю.Н. Борьба за власть в партийно-государственных верхах СССР весной 1953 г. // Вопросы истории. 1996. № 5-6; Жуков Ю.Н. Сталин: тайны власти. М., 2005.

⁵ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1, Д. 23-24.

⁶ Наумов В.П. Борьба Н.С. Хрущёва за единоличную власть // Новая и новейшая история. 1996. № 2.

⁷ Баландин Р.К. Маленков. Третий вождь Страны Советов. М., 2007.

⁸ Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти, 1945-1991. М., 1998; Прудникова Е.А. 1953. Роковой год советской истории. М., 2008; Прудникова Е.А. 1953 год. Смертельные игры. М., 2011.

⁹ Жуков Ю.Н. Борьба за власть в партийно-государственных верхах СССР весной 1953 г. // Вопросы истории. 1996. № 5-6; Жуков Ю.Н. Сталин: тайны власти. М., 2005.

¹⁰ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 25. Л. 2.

¹¹ Маленков А.Г. О моём отце Георгии Маленкове. М., 2007.

¹² Николаевский Б.И. К биографии Маленкова и истории компартии СССР // Тайные страницы истории. М., 1995.

¹³ Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти, 1945-1991. М., 1998; Жуков Ю.Н. Борьба за власть в партийно-государственных верхах СССР весной 1953 г. // Вопросы истории. 1996. № 5-6; Жуков Ю.Н. Сталин: тайны власти. М., 2005; Сивохина Т.А. От сталинской диктатуры к «коллективному руководству». М., 1993; Зубкова Е.Ю. Общество и реформы (1945-1964). М., 1993; Зубкова Е.Ю. Маленков и Хрущёв... // Отечественная история. 1995. № 4; Данилов А.А., Пыжиков А.В. Рождение сверхдержавы, 1945-1953 гг. М., 2002; Аксютин Ю.В. Пятый премьер, или Почему Маленков не удержал бремя власти // Родина. 1994. № 5; Аксютин Ю.В. Пятый советский премьер // Россия XXI. 1999; Аксютин Ю.В. Хрущёвская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953-1964 гг. М., 2010; Евзеров Р.Я. Год 1953. Руководство СССР после смерти И.В. Сталина // Преподавание истории в школе. 2002. № 9; Зезина М.Р., Куропаткин А.П. Новые направления в идеологической пропаганде СССР после смерти И.В. Сталина // Известия СНЦ РАН, т. 13, № 3. 2011.

¹⁴ Наумов В.П. Был ли заговор Берии? Новые документы о событиях 1953 г. // Новая и новейшая история. 1998. № 5.

¹⁵ Наумов В.П. Борьба Н.С. Хрущёва за единоличную власть // Новая и новейшая история. 1996. № 2; Соколов Б.В. Берия: Судьба всемогущего наркома. М., 2008; Кобба Д.В. Берия. За что его не любят... М., 2013.

¹⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 463-484.

¹⁷ Жуков Ю.Н. Борьба за власть в партийно-государственных верхах СССР весной

1953 г. // Вопросы истории. 1996. №5-6; Жуков Ю.Н. Сталин: тайны власти. М., 2005; Соколов Б.В. Берия: Судьба всесильного наркома. М., 2008.

¹⁸ Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти, 1945-1991. М., 1998; Наумов В.П. Был ли заговор Берии? Новые документы о событиях 1953 г. // Новая и новейшая история. 1998. № 5; Медведев Р.А. Н.С. Хрущёв. Политическая биография. М., 1989; Аксютин Ю.В. Пятый премьер, или Почему Маленков не удержал бремя власти // Родина. 1994. № 5; Аксютин Ю.В. Пятый советский премьер // Россия XXL М., 1999; Аксютин Ю.В. Хрущёвская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953-1964 гг. М., 2010; Евзеров Р.Я. Год 1953. Руководство СССР после смерти И.В. Сталина // Преподавание истории в школе. 2002. № 9; Данилов А.А., Пыжиков А.В. Рождение сверхдержавы. 1945-1953 гг. М., 2002; № 9; Зубкова Е.Ю. Маленков и Хрущёв... // Отечественная история. 1995. № 4.

¹⁹ Млечин Л.М. Смерть Сталина: вождь и его соратники. М., 2003.

²⁰ Барсуков Н.А. На пути к XX съезду КПСС. Трудная правда о культе личности // XX съезд КПСС и его исторические реалии. М., 1991; Аксютин Ю.В. Хрущёвская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953-1964 гг. М., 2010; Медведев Р.А. Они окружали Сталина. М., 1990; Пыжиков А.В. Проблемы культа личности в годы хрущёвской оттепели // Вопросы истории. 2003. № 4; Жуков Ю.Н. Сталин: тайны власти. М., 2005; Млечин Л.М. Смерть Сталина: Вождь и его соратники. М., 2003; Ванюков Д.А. Хрущёвская оттепель. М., 2007; Tucker R. The Soviet Political Mind. London, 1972.

²¹ Зубкова Е.Ю. Общество и реформы (1945-1964). М., 1993; Куропаткин А.П. Новые направления в идеологической пропаганде СССР после смерти И.В. Сталина // Известия СНЦ РАН, т. 13, № 3. 2011; Артюков А.П. Процесс «мягкой» десталинизации в СССР в 1953-1956 гг. // Известия СНЦ РАН, т. 17, № 3. 2015.

²² РГАСПИ. Ф. 83. Оп. 1. Д. 3. Л. 26-28.

²³ Барсуков Н.А. На пути к XX съезду КПСС. Трудная правда о культе личности // XX съезд КПСС и его исторические реалии. М., 1991; Зезина М.Р. Шоковая терапия: от 1953-го к 1956 году // Отечественная история. 1995. № 2; Сивохина Т.А., Зезина М.Р. От сталинской диктатуры к «коллективному руководству». М., 1993; Аксютин Ю.В., Волобуев О.В. XX съезд КПСС: новации и догмы. М., 1991; Лейбович О.Л. Реформа и модернизация в 1953-1964 гг. Пермь, 1993.

²⁴ Жуков Ю.Н. Сталин: тайны власти. М., 2005.

²⁵ Барсуков Н.А. На пути к XX съезду КПСС... // XX съезд КПСС и его исторические реалии. М., 1991.

²⁶ Аксютин Ю.В. Хрущёвская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953-1964 гг. М., 2010.

²⁷ Пыжиков А.В. Хрущёвская «оттепель» 1953-1964. М., 2002; Вдовин А.И. СССР. История великой державы (1922-1991 гг.). М., 2018.

²⁸ Спицын Е.Ю. Россия — Советский Союз. 1946-1991 гг. Полный курс истории России. Книга IV. М., 2018.

²⁹ Петров Н.В. Кто руководил органами госбезопасности. 1941-1954: Справочник. М., 2010; Жуков Ю.Н. Сталин: тайны власти. М., 2005.

³⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 463. Л. 180-184; Ф. 17. Оп. 171. Д. 464. Л. 19-31.

³¹ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 1337. Л. 1-2; Ф. 9401. Оп. 2. Д. 1337. Л. 20.

³² Смирнов М.Б. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923-1960.

Справочник. М., 1998.

³³ АП РФ. Ф. 3. Оп. 52. Д. 100. Л. 7-9.

³⁴ Прудникова Е.А. Берия. Последний рыцарь Сталина. М., 2005.

³⁵ Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти, 1945-1991. М., 1998; Сухомлинов А.В. Кто вы, Лаврентий Берия? Неизвестные страницы уголовного дела. М., 2004; Кобба Д.В. Государственная деятельность Л. П. Берия, 1939-1953 гг. Автореферат дисс. канд. ист. наук. М., 2002; Кобба Д.В. Берия: за что его не любят. М., 2013.

³⁶ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 423. Л. 5-7; Ф. 3. Оп. 58. Д. 536. Л. 103-107; Ф. 3. Оп. 61. Д. 83. Л. 144-157; Ф. 3. Оп. 58. Д. 318. Л. 152-153.

³⁷ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 423. Л. 1-4; Ф. 3. Оп. 61. Д. 83. Л. 140-143.

³⁸ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 313. Л. 153-156.

³⁹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 439. Л. 2.

⁴⁰ Наумов В.П. Был ли заговор Берии? Новые документы о событиях 1953 г. // Новая и новейшая история. 1998. № 5; Соколов Б.В. Берия: Судьба всемогущего наркома. М., 2008; Мухин Ю.И. Убийство Сталина и Берия. М., 2002; Кобба Д.В. Берия: за что его не любят. М., 2013.

⁴¹ Ю.И. Мухин в своей напечатанной книге «Убийство Сталина и Берия» (М., 2002) заявил о том, что бериевская записка о реабилитации М. М. Кагановича является фальшивкой, сработанной А. Н. Яковлевым и Ко, поскольку никак нельзя было реабилитировать человека, в отношении которого не было заведено уголовное дело и который, естественно, не был осуждён по суду. Безусловно, резон в этом умозаключении есть, но, возможно, бериевское предложение «о реабилитации» стало просто результатом юридической неграмотности самого Л. П. Берии и сотрудников его аппарата, готовивших эту записку.

⁴² Наумов В.П. Был ли заговор Берии? Новые документы о событиях 1953 г. // Новая и новейшая история. 1998. № 5.

⁴³ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 11. Л. 16.

⁴⁴ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 423. Л. 1-4.

⁴⁵ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 536. Л. 103-107.

Е.А. Прудникова в целом ряде своих работ также утверждает, что эта бериевская записка, в которой организатором убийства С. М. Михоэлса и В. И. Голубова назывался И. В. Сталин, является фальсификатом.

⁴⁶ Куропаткин А.П. Новые направления в идеологической пропаганде СССР после смерти И. В. Сталина // Известия СНЦ РАН, т. 13. № 3. 2011; Артюков А.П. Процесс «мягкой» десталинизации в СССР в 1953-1956 гг. // Известия СНЦ РАН, т. 17. № 3. 2015.

⁴⁷ Жуков Ю.Н. Сталин: тайны власти. М., 2005.

⁴⁸ РГАНИ. Ф. 4. Оп. 9. Д. 384. Л. 27; Д. 386. Л. 15-16; Д. 387. Л. 54; Жуков Ю.Н. Сталин: тайны власти. М., 2005; Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти, 1945-1991. М., 1998.

⁴⁹ Наумов В.П. Был ли заговор Берии? Новые документы о событиях 1953 г. // Новая и новейшая история. 1998. № 5; Жуков Ю.Н. Борьба за власть в партийно-государственных верхах СССР весной 1953 г. // Вопросы истории. 1996. № 5-6; Жуков Ю.Н. Сталин: тайны власти. М., 2005.

⁵⁰ Филитов А.М. СССР и ГДР: год 1953-й // Вопросы истории. 2000. № 7.

⁵¹ Наумов В.П. Был ли заговор Берии? Новые документы о событиях 1953 г. // Новая и новейшая история. 1998. № 5; Жуков Ю.Н. Борьба за власть в партийно-государственных верхах СССР весной 1953 г. // Вопросы истории. 1996. № 5-6; Жуков Ю.Н. Сталин: тайны власти. М., 2005; Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти, 1945-1991. М., 1998; Кобба Д.В. Берия: за что его не любят. М., 2013; Жиленков М. Политическая борьба после смерти Сталина. Свержение Берии // Суть времени. 2015. № 143-144.

⁵² РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 897. Л. 143-150.

⁵³ Жуков Ю.Н. Сталин: тайны власти. М., 2005; Соколов Б.В. Берия: Судьба всесильного наркома. М., 2008.

⁵⁴ АП РФ. Ф. 3, Оп. 61. Д. 846. Л. 135-140; Ф. 3. Оп. 61. Д. 207. Л. 15-19.

⁵⁵ АПРФ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 51. Л. 124.

⁵⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 481. Л. 27-30.

⁵⁷ Павленок Б.В. Кино: легенды и быль. Воспоминания. Размышления. М., 2004.

⁵⁸ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 6. Л. 20-29; Оп. 15. Д. 445. Л. 46, 267-277; Д. 443. Л. 29-59.

⁵⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 463. Л. 164-172.

⁶⁰ Жуков Ю.Н. Сталин: тайны власти. М., 2005; Кобба Д.В. Берия: за что его не любят. М., 2013.

⁶¹ Соколов Б.В. Берия: Судьба всесильного наркома. М., 2008.

⁶² Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти, 1945-1991. М., 1998; Наумов В.П. Был ли заговор Берии? Новые документы о событиях 1953 г. // Новая и новейшая история. 1998. № 5; Соколов Б.В. Берия: Судьба всесильного наркома. М., 2008; Аксютин Ю.В. Пятый премьер, или Почему Маленков не удержал бремя власти // Родина. 1994. № 5; Аксютин Ю.В. Пятый советский премьер // Россия XXI. 1999; Аксютин Ю.В. Хрущёвская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953-1964 гг. М., 2010; Кобба Д.В. Берия: за что его не любят. М., 2013.

⁶³ Жуков Ю.Н. Борьба за власть в партийно-государственных верхах СССР весной 1953 г. // Вопросы истории. 1996. № 5-6; Жуков Ю.Н. Сталин: тайны власти. М., 2005.

2. Июньский кризис в ГДР и падение Л. П. Берии

Хорошо известно, что внешнеполитические вопросы уже не первый месяц были в центре внимания всех членов «коллективного руководства». Причём страсти по разным проблемам международных отношений, многие из которых инициировал тот же Л. П. Берия, кипели не менее бурно и горячо, чем по внутренним. В центре внимания этих споров были югославская, германская, корейская и целый ряд других проблем, о которых более подробно мы писали в наших книгах «Осень патриарха» и «Хрущёвская слякоть». А в этой части книги скажем лишь о том, что ещё весной 1953 года внутри Президиума ЦК зримо обозначился раскол по вопросам оценки ситуации в ГДР.

Надо сказать, что тогдашним событиям в ГДР посвящено немало научных исследований (А. М. Филитов, Ф. И. Новик, А. А. Фурсенко, Н. Н. Платошкин, Б. Л. Хавкин, К. Остерман⁶⁴), хотя далеко не все они отличаются строгой научной объективностью, а многие из них очень сильно страдают пещерным и вполне традиционным антисоветизмом, столь характерным для нынешней российской историографии. Между тем в целом ряде последних публикаций, в частности в известной монографии профессора Н. Н. Платошкина, довольно подробно, с опорой на источники изложена не только история самих июньских событий в ГДР, с которыми традиционно связывают падение Л. П. Берии, но и их предыстория. Довольно подробно об этих событиях в историографическом и фактическом ключе мы поведали в своей работе «Хрущёвская слякоть», опубликованной в 2019 году⁶⁵. Поэтому на страницах этой книги нет особой нужды «повторять пройденное». Здесь мы лишь напомним о том, что сразу после смерти И. В. Сталина в Президиуме ЦК разгорелись нешуточные страсти по поводу кризисных событий в ГДР и ключевых проблем строительства социализма на этом самом западном форпосте Советского Союза. Большая часть членов высшего советского руководства, прежде всего В. М. Молотов, Н. С. Хрущёв, Н. А. Булганин, А. И. Микоян и М. А. Суслов не только поддерживали реализацию решений II Партконференции СЕПГ «о строительстве основ социализма на немецкой земле», но и высказали полную поддержку лидеру СЕПГ Вальтеру Ульбрихту. Однако Л. П. Берия в пику этим настроениям в своей записке «О положении в ГДР» от 6 мая 1953 года в категорической форме выступил против этих «авантюрных планов» и, как ни странно, был поддержан Г. М. Маленковым⁶⁶. Это противостояние, как считает значительная часть авторов, и стало немаловажным поводом для кардинального решения вопроса с «лубянским маршалом».

Надо сказать, что в отечественной историографии июньские события 1953 года уже довольно давно ассоциируются с крахом Л. П. Берии, поскольку целый ряд историков полагают, что именно отсутствие «лубянского маршала» в Москве сыграло решающую роль в победе антибериевской коалиции. Хотя одни сторонники этой версии (Ю. Н. Жуков, Е. А. Прудникова⁶⁷), не называя конкретных дней его пребывания в Берлине, полагают, что он отсутствовал в Москве только три дня (вероятнее всего, 22-25 июня), другие (Б. В. Соколов, М. Г. Жиленков⁶⁸) утверждают, что он находился в германской столице чуть ли не целую неделю, т.е. 18-25 июня 1953 года, и, наконец, третьи (Ю. В. Аксютин, С. Я. Лавренев, И. М. Попов⁶⁹) вообще не называют каких-либо конкретных сроков его пребывания в столице ГДР. Но их

оппоненты, прежде всего профессор А. М. Филитов⁷⁰, вполне определённо говорят, что документальные и мемуарные источники не подтверждают эту расхожую точку зрения.

Как известно, дальнейшие события борьбы за власть в верхних эшелонах власти до сих пор окутаны плотной завесой тайны. Существует несколько версий тогдашних событий. Однако сразу оговоримся, что ни одна из них не подтверждена документально и все они, как совершенно справедливо указала Ю. А. Абрамова⁷¹, носят сугубо гипотетический характер, так как основаны только на мемуарах (либо интервью) целого ряда активных участников тех событий, в том числе Н. С. Хрущёва, В. М. Молотова, А. И. Микояна, Г. К. Жукова, Д. Н. Суханова, К. С. Москаленко и П. С. Батицкого⁷².

Во-первых, до сих пор не совсем ясно, кто всё-таки стоял во главе этого «заговора». Большинство авторов (Р. А. Медведев, Р. Г. Пихоя, А. В. Пыжиков, Л. М. Млечин, Е. А. Прудникова⁷³) целиком и полностью разделяют версию Н. С. Хрущёва, подробно изложенную в его мемуарах, что, дескать, именно он был главным инициатором подготовки и реализации всего «антибериевского заговора». По этой давно и широко растиражированной версии, именно он в ходе закулисных интриг и тайных договорённостей с рядом ключевых фигур «коллективного руководства» страны, прежде всего с Г. М. Маленковым, В. М. Молотовым, Л. М. Кагановичем, Н. А. Булганиным и К. Е. Ворошиловым, заручившись их поддержкой, лично руководил арестом Л. П. Берии то ли на заседании Президиума ЦК, то ли на заседании Президиума Совета Министров СССР. Сам же этот арест при содействии нескольких старших офицеров МВО лично произвели маршал Г. К. Жуков и генерал-полковники К. С. Москаленко, П. Ф. Батицкий и М. И. Неделин, которых на своей машине в Кремль привёз сам министр обороны СССР маршал Н. А. Булганин.

Другие авторы (Ю. Н. Жуков, М. Г. Жиленков⁷⁴) выдвинули версию, что главным инициатором ареста Л. П. Берии был именно Г. М. Маленков, который, опираясь на поддержку В. М. Молотова, Г. К. Жукова и верных ему генералов И. А. Серова, С. Н. Круглова и К. С. Москаленко, по сути, заставил Н. С. Хрущёва, Н. А. Булганина и А. И. Микояна поддержать его на заседании Президиума ЦК и проголосовать за арест Л. П. Берии. Третья группа авторов (В. П. Наумов, Б. В. Соколов, Ю. А. Абрамова⁷⁵), говоря о том, что логика самих событий, заставлявшая предположить первейшую роль Н. С. Хрущёва в организации «антибериевского заговора», не исключают и того, что «обоим вождям», т.е. Н. С. Хрущёву и Г. М. Маленкову, одновременно могла прийти идея избавиться от «опасного соперника» и сильного администратора, способного очень быстро и легко подавить их влияние и авторитет во всём партийногосударственном аппарате страны. При этом Ю. А. Абрамова говорит о том, что «выяснить истинного организатора ареста Л. П. Берии не представляется возможным, поскольку даже Н. С. Хрущёву во время своего триумфа над "антипартийной группой" в июне 1957 года так и не удалось аргументированно доказать своё первенство в этом вопросе». Наконец, ещё ряд авторов (А. Г. Авторханов⁷⁶) утверждают, что изначально весь «антибериевский заговор» пёлся тремя очень искусными в дворцовых интригах «пекарями»: Г. М. Маленковым, Н. С. Хрущёвым и Н. А. Булганиным.

Между тем новые архивные документы, впервые введённые в научный оборот В. П. Наумовым и Р. Г. Пихоей⁷⁷, позволяют пролить свет на целый ряд важных обстоятельств свержения Л. П. Берии с властного Олимпа. Во-первых, вполне

возможно, что самой последней каплей, переполнившей чашу терпения Г. М. Маленкова, Н. С. Хрущёва и Ко, стало настойчивое требование Л. П. Берии арестовать бывшего министра госбезопасности С. Д. Игнатьева, хорошо осведомлённого о тайной подоплёке самых громких уголовных дел последних двух лет ушедшей сталинской эпохи⁷⁸. Во-вторых, по разным версиям, сам «антибериевский заговор» вступил в решающую фазу между 12 и 15 июня 1953 года, когда на заседании Президиума ЦК обсуждались новые записки Л. П. Берии: «О положении в Белорусской ССР» и «Об ограничении прав Особого Совещания при МВД СССР». В-третьих, в первоначальных планах главных «заговорщиков», прежде всего Г. М. Маленкова, карательные меры против всесильного хозяина Лубянки носили довольно «гуманный характер». Судя по черновику маленковского выступления на Президиуме ЦК⁷⁹, на одном из ближайших его заседаний предполагалось осуществить целый ряд мер:

— во-первых, снять Л. П. Берия с постов первого заместителя председателя Совета Министров СССР и главы МВД СССР и назначить его министром нефтяной промышленности СССР. Причём вопрос о его членстве в составе Президиума ЦК в этом документе не упоминался, однако, безусловно, должен был быть поставлен на повестку дня и решён на ближайшем Пленуме ЦК;

— во-вторых, назначить новым министром МВД СССР генерал-полковника Сергея Никифоровича Круглова, который, как известно, уже возглавлял это ведомство в 1945-1953 годах, до его объединения с МГБ СССР;

— в-третьих, поставить МВД СССР «на службу партии и правительству» и взять его органы под полный контроль ЦК, поскольку они занимают особое «место в системе государственного аппарата» и здесь «имеется наибольшая возможность злоупотребить властью»;

— в-четвёртых, поставить под особый контроль ЦК «органы прослушивания» (Отдел «С»), а Управление охраны (9-е Управление) вообще вывести из системы МВД СССР и напрямую переподчинить ЦК;

— в-пятых, преобразовать Первый Спецкомитет при Совете Министров СССР (по атомной проблеме) в союзное министерство и назначить главой данного ведомства либо члена Президиума ЦК министра машиностроения Максима Захаровича Сабурова, либо бывшего министра авиационной промышленности Михаила Васильевича Хруничева⁸⁰;

— и, наконец, в-шестых, предполагалось окончательно решить вопрос о том, кто всё-таки должен подписывать все Постановления Президиума ЦК «по крупным вопросам»: либо секретарь ЦК (Н. С. Хрущёв), либо председатель Совета Министров СССР (Г. М. Маленков), который до сих пор вёл заседания Президиума ЦК и скреплял своей подписью все эти документы.

Таким образом, можно предположить, что в первоначальном варианте сам Г. М. Маленков выступал за «гуманный вариант» расправы над Л. П. Берией. Но затем ситуация резко изменилась. В качестве возможной причины такой «смены настроений» можно назвать очередную записку главы МВД на имя Г. М. Маленкова «О ходе следствия по делу М. Д. Рюмина»⁸¹, которую тот направил главе советского правительства 25 июня 1953 года, т.е. буквально за день до своего падения. В этой записке, к которой, кстати, был приложен и протокол допроса самого М. Д. Рюмина, содержался целый ряд обвинений не только в адрес бывшего главы Следственной части по особо важным делам МГБ СССР, но и его шефа и «покровителя» С. Д.

Игнатьева. Хозяин Лубянки прямо обвинял бывшего министра МГБ и отставного секретаря ЦК в грубом нарушении соцзаконности и фабрикации громких уголовных дел, в том числе «Дела врачей», «Дела о мингрелонационалистической группе» и «Дела о "шпионском центре" в Еврейском антифашистском комитете». Кроме того, в этой же записке упоминалось и небезызвестное «Ленинградское дело». Таким образом, Лаврентий Павлович явно перешёл «красную линию», что уже прямо и смертельно грозило самому Г. М. Маленкову, который, как известно, был причастен и к «Ленинградскому делу», и к карьере своего давнего протеже С. Д. Игнатьева. И в данном случае было уже не до сантиментов, Л. П. Берия надо было срочно убирать.

Анализируя воспоминания партийных и военных деятелей, Ю. А. Абрамова⁸² высказала предположение, что для ареста Л. П. Берия были созданы сразу две «группы захвата». Одна из них, в состав которой входили командующий Московским округом ПВО генерал-полковник К. С. Москаленко, его первый заместитель генерал-лейтенант П. Ф. Батицкий, начальник штаба округа генерал-майор А. И. Баксов, начальник политуправления округа полковник И. Г. Зуб и офицер для особых поручений подполковник В. И. Юферов, была сформирована самим Н. С. Хрущёвым. А вторая группа, созданная Н. А. Булганиным по «просьбе» Г. М. Маленкова, состояла из первого заместителя министра обороны маршала Г. К. Жукова, командующего артиллерией генерал-полковника М. И. Неделина, заместителя командующего бронетанковыми и механизированными войсками генерал-лейтенанта А. Л. Гетмана и ряда других генералов и офицеров.

Всем, кто интересуется историей тех лет, хорошо известно, что событиям 26 июня 1953 года, поставившим «жирный крест» на карьере хозяина Лубянки, посвящено много литературы. Полагаю, что на страницах этой книги не стоит повторяться и вновь подробно разбирать все версии тогдашних событий. Однако основные точки зрения следует всё же упомянуть.

Традиционную, или официальную, версию тех событий, которая полностью и целиком базируется на мемуарах и интервью Н. С. Хрущёва, В. М. Молотова, А. И. Микояна, Г. К. Жукова, К. С. Москаленко и ряда других участников тех событий, разделяют многие историки и публицисты, в том числе В. П. Наумов, Р. Г. Пихоя, Ю. Н. Жуков, Р. А. Медведев, Л. М. Млечин, А. В. Сухомлинов и др.⁸³ Суть этой версии (с разными нюансами, коих полным-полно) такова: утром 26 июня 1953 года⁸⁴ в Кремль то ли на заседании Президиума ЦК, то ли на заседании Президиума Совета Министров СССР после бурного «обмена мнениями» и жёстких обвинительных речей в адрес Л. П. Берии по сигналу то ли Н. С. Хрущёва, то ли Г. М. Маленкова из кабинета маленковского помощника Д. Н. Суханова в кабинет его шефа вошли несколько вооружённых личным табельным оружием армейских генералов и офицеров⁸⁵ во главе с первым заместителем министра обороны СССР маршалом Г. К. Жуковым, которые и произвели арест «Лубянского маршала». Днём или вечером того же дня арестованный Л. П. Берия был тайно вывезен из Кремля и помещён на одну из армейских гауптвахт⁸⁶, где содержался вплоть до исполнения смертного приговора 20 декабря 1953 года.

Ряд авторов (А. В. Сухомлинов, М. Г. Жиленков⁸⁷) утверждают, что в тот же день за подписью маршала К. Е. Ворошилова и Н. М. Пегова был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР «О преступных антигосударственных действиях Л. П. Берия», в котором говорилось, что «Верховный Совет СССР, рассмотрев сообщение Совета Министров СССР по этому вопросу», постановил: 1) «снять Л. П. Берия с

поста первого заместителя председателя Совета Министров СССР и с поста министра внутренних дел СССР, лишив его всех присвоенных ему званий и наград» и 2) «дело о преступных действиях Л. П. Берия передать на рассмотрение Верховного суда СССР». Однако это не так. Судя по архивным документам⁸⁸, этот указ, формально датированный 26 июня 1953 года, на самом деле был «сработан» гораздо позже и направлен К. Е. Ворошиловым на рассмотрение Г. М. Маленкова и Н. С. Хрущёва только 15 июля 1953 года, т.е. задним числом.

Между тем уже на следующий день, 27 июня, «победители» срочно приняли секретное Постановление Президиума ЦК о созыве 2 июля 1953 года Пленума ЦК и за подписью Н. С. Хрущёва всем членам и кандидатам в члены ЦК, а также членам ЦРК разослали письмо с предложением «обязательно прибыть» для участия в его работе, не указав конкретной повестки дня⁸⁹. Причём, что интересно, тогдашний Генпрокурор СССР Григорий Николаевич Сафонов категорически отказался подписать постановление об аресте Л. П. Берии, ибо он как депутат Верховного Совета СССР обладал депутатским иммунитетом. В итоге уже 29 июня 1953 года несговорчивый Генпрокурор тут же слетел со своего высокого поста и был заменён куда более сговорчивой хрущёвской креатурой — прокурором Украинской ССР Романом Андреевичем Руденко, который задним числом подписал все нужные бумаги и документы. Причём следует особо подчеркнуть, что только через месяц, 29 июля 1953 года, вышло абсолютно незаконное Постановление Президиума ЦК «О лишении Л. П. Берия депутатских полномочий»⁹⁰, поскольку решение этого вопроса являлось исключительной прерогативой самого Верховного Совета СССР.

В тот же день, 29 июня 1953 года, было принято ещё одно Постановление Президиума ЦК КПСС «Об организации следствия по делу о преступных антипартийных и антигосударственных действиях Берия»⁹¹, состоявшее всего из двух пунктов: «1. Ведение следствия по делу Берия поручить Генеральному прокурору СССР» и «2. Обязать тов. Руденко в суточный срок подобрать соответствующий следственный аппарат, доложив о его персональном составе Президиуму ЦК КПСС, и немедленно приступить, с учётом данных на заседании Президиума ЦК указаний, к выявлению и расследованию фактов враждебной антипартийной и антигосударственной деятельности Берия через его окружение (Кобулов Б., Кобулов А., Мешик, Саркисов, Гоглидзе, Шария и др.)...». Т. е., как справедливо отметили ряд авторов (А. В. Сухомлинов, М. Г. Жиленков⁹²), фактически речь шла о том, что новый Генпрокурор должен был подогнать всё следствие по «делу Берии» под прямые установки партийных вождей.

Тем временем, по официальной версии, уже 28 июня и 1 июля 1953 года Л. П. Берия направил в ЦК на имя Г. М. Маленкова два письма. В первом письме⁹³, напомнив о совместной работе со всеми членами Президиума ЦК, он признал правильность «большой критики» в свой адрес и принятого в отношении него решение ЦК и поимённо попросил прощения у всех членов Президиума ЦК за те «возможные конфликты», которые неизбежно возникали «за пятнадцать лет большой и напряжённой совместной работы». Кроме того, он попросил не «оставить без внимания» его семью: «жену, старуху-мать и сына Серго». Но, не получив ответа на своё первое послание, он написал второе, куда более обширное и особо «жалостливое» письмо⁹⁴. В этом послании, подробно вспоминая свою многолетнюю работу в составе высших партийных и государственных органов в довоенный, военный и послевоенный периоды и признавая все свои ошибки, «недопустимые

грубости и наглости», «вольность и развязность», вносившие «нервозность и излишнюю резкость» в работу всего Политбюро, а затем и Президиума ЦК, Л. П. Берия в персональном плане повинился перед Г. М. Маленковым (главным адресатом этого письма), В. М. Молотовым, К. Е. Ворошиловым, Н. С. Хрущёвым, Н. А. Булганиным, Л. М. Кагановичем и А. И. Микояном. В опосредованной форме он принёс свои извинения и двум самым молодым членам Президиума ЦК — М. З. Сабурову и М. Г. Первухину. Но, как и следовало ожидать, ответа на новое письмо он также не получил, поэтому уже 2 июня 1953 года посылает третье и последнее письмо уже на имя всех членов Президиума ЦК⁹⁵, в котором от полного отчаяния пишет следующие строки: «Дорогие товарищи, со мной хотят расправиться без суда и следствия ..., без единого допроса. Умоляю вас всех, чтобы этого не допустили, прошу немедленного вмешательства, иначе будет поздно... Ещё раз умоляю вас всех, особенно тт., работавших с т. Лениным и т. Сталиным, обогащённых большим опытом и умудрённых в разрешении сложных дел т-щей Молотова, Ворошилова, Кагановича и Микояна... Т. Маленкова и т. Хрущёва прошу не упорствовать... Ещё и ещё раз умоляю вас вмешаться и невинного своего старого друга не губить».

В тот же день, 2 июля 1953 года было принято Постановление Президиума ЦК «О дате открытия и повестке дня Пленума ЦК КПСС», в котором было сказано о том, что: 1) работа Пленума ЦК начнётся в тот же день, в 8 часов вечера, 2) откроет заседание секретарь ЦК Н. С. Хрущёв, и 3) основными вопросами, вынесенными на обсуждение Пленума ЦК, станут доклад Г. М. Маленкова «О преступных антипартийных и антигосударственных действиях Берия», доклад К. Е. Ворошилова «О созыве очередной Сессии Верховного Совета СССР» и организационные вопросы, по которым выступит Н. С. Хрущёв⁹⁶.

Сам Пленум ЦК продолжался целых шесть дней, т. е. до 7 июля 1953 года включительно. Его стенограмма давно опубликована и подвергнута анализу (правда, далеко не всегда объективному и беспристрастному) в целом ряде современных работ⁹⁷, поэтому подробно останавливаться на этом вопросе не имеет смысла. Скажем только то, что по итогам его работы было принято Постановление ЦК «О преступных антипартийных и антигосударственных действиях Берия»⁹⁸, текст которого, во-первых, довольно существенно отличался от первоначального проекта этого Постановления, датированного 4 июля 1953 года⁹⁹, и, во-вторых, впервые содержал открытую критику «сталинского культа» в официальном партийном документе.

На том же Пленуме ЦК был решён и ряд организационных вопросов. Во-первых, в статусе члена ЦК был восстановлен опальный Семён Денисович Игнатъев, который, правда, пока остался не у дел, поскольку проходил лечение после перенесённого инфаркта. Лишь в середине декабря 1953 года ему нашли новое место работы и отослали из Москвы в хорошо знакомую ему Уфу на прежний пост первого секретаря Башкирского обкома партии, в каковом он пребывал ещё в 1943-1946 годах¹⁰⁰. Во-вторых, из кандидатов в члены ЦК был переведён первый заместитель министра обороны маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков¹⁰¹.

Что касается уголовного дела в отношении Л. П. Берии, которое, кстати, до сих пор остаётся во многом засекреченным, то оно было заведено лишь 30 июня 1953 года, а само Постановление Генпрокуратуры СССР о его аресте было подписано и того позже — только 3 июля 1953 года. При этом, что довольно любопытно, сама процедура регистрации арестованного Л. П. Берии, которую проводил следователь по

важнейшим делам Генпрокуратуры СССР государственный советник юстиции 3-го класса П. К. Цареградский, была проведена с грубейшим нарушением закона, поскольку в бериевской анкете полностью отсутствуют отпечатки его пальцев, его фотографии в профиль и анфас и т. д. Более того, как отмечал полковник юстиции А. В. Сухомлинов¹⁰², который как бывший военный прокурор входил в состав комиссии по реабилитации Л. П. Берии и его «подельников» и детально знакомился со всеми 39 томами его следственного дела, период нахождения «лубянского маршала» в бункере штаба Московского военного округа 27 июня — 23 декабря 1953 года нигде не описан, и посему о его пребывании в этом бункере можно судить только по воспоминаниям очевидцев и материалам самого уголовного дела.

В самом уголовном деле содержатся 24 протокола (главным образом копии протоколов) допросов Л. П. Берии, которые проводились с 8 июля по 17 ноября 1953 года самим генпрокурором Р. А. Руденко и тем же советником юстиции 3-го класса П. К. Цареградским. Но, как верно отметили многие исследователи, в частности тот же А. В. Сухомлинов, 90% листов бериевского уголовного дела являются не подлинниками, а машинописными копиями, которые заверены майором административной службы Главной военной прокуратуры Н. А. Юрьевой, без оригинальных подписей следователей и самого Л. П. Берии.

Вскоре по «делу Берии» были арестованы и ряд его ближайших соратников, в том числе министр Госконтроля СССР генерал армии Всеволод Николаевич Меркулов, первый заместитель министра внутренних дел СССР генерал-полковник Богдан Захарович Кобулов, начальник Следственного управления МВД СССР генерал-лейтенант Лев Емельянович Влодзимирский, начальник 3-го Управления МВД СССР генерал-полковник Сергей Арсеньевич Гоглидзе, министр внутренних дел УССР генерал-лейтенант Павел Яковлевич Мешик и министр внутренних дел ГССР генерал-лейтенант Владимир Георгиевич Деканозов.

Между тем 15 сентября 1953 года генпрокурор Р. А. Руденко направил на имя Г. М. Маленкова предложения о порядке рассмотрения дела Л. П. Берии¹⁰³, в которых «в связи с окончанием следствия по делу Берия Л. П.» и с учётом того, что «большинство материалов дела составляет государственную тайну», предложил: 1) рассмотреть это дело в закрытом заседании Верховного суда СССР, поскольку подобная процедура рассмотрения дел о террористической деятельности предусмотрена Законом от 1 декабря 1934 года, принятым ЦИК СССР в день убийства Сергея Мироновича Кирова; 2) слушать данное дело без участия сторон, т. е. прокурора и адвоката, и 3) поручить рассмотрение этого дела Специальному судебному присутствию Верховного суда СССР в составе трёх судей: председательствующего — председателя Верховного суда СССР А. А. Волина, первого заместителя председателя Верховного суда СССР Е. Л. Зейдина и председателя Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР Н. К. Морозова. А спустя всего два дня, 17 сентября 1953 года, на основании этих предложений Президиум ЦК принял решение поручить генпрокурору Р. А. Руденко и секретарю ЦК М. А. Сулову доработать с учётом всех правок, принятых на заседании Президиума ЦК, сам проект обвинительного заключения по «делу Берии»¹⁰⁴.

По завершении этой работы 10 декабря 1953 года Президиум ЦК утвердил проект обвинительного приговора, представленный Генеральным прокурором СССР, и постановил разослать его «для ознакомления членам и кандидатам в члены ЦК

КПСС, а также первым секретарям обкомов, крайкомов и ЦК компартий союзных республик». Этим же Постановлением Президиум ЦК¹⁰⁵ утвердил окончательный текст Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об образовании Специального судебного присутствия Верховного суда СССР для рассмотрения дела по обвинению Берия Л. П. и других», в соответствии с которым «для рассмотрения уголовного дела Берия Лаврентия Павловича, обвиняемого по статьям 58-1 «б», 58-8, 58-13, 58-11 УК РСФСР, Меркулова Всеволода Николаевича, Кобулова Богдана Захарьевича, Гоглидзе Сергея Арсеньевича, Влодзимирского Льва Емельяновича, Мешика Павла Яковлевича и Деканозова Владимира Георгиевича, обвиняемых по статьям 58-1 «б», 58-8, 58-11 УК РСФСР», было образовано Специальное судебное присутствие Верховного суда СССР. Председателем этого присутствия был назначен командующий Прикарпатским военным округом маршал Советского Союза Иван Степанович Конев, а его членами — кандидат в члены Президиума ЦК КПСС председатель ВЦСПС Николай Михайлович Шверник, первый зампредседателя Верховного Суда СССР генерал-лейтенант юстиции Евлампий Лаврович Зейдин, командующий Московским военным округом генерал армии Кирилл Семёнович Москаленко, первый секретарь Московского обкома КПСС Николай Александрович Михайлов, председатель Московского городского суда Леонид Абрамович Громов, первый заместитель министра внутренних дел СССР Константин Фёдорович Лунёв и председатель Совета профсоюзов Грузинской ССР Митрофан Ионович Кучава.

Суд над Л. П. Берией и его подельниками проходил 18-23 декабря 1953 года в штабе Московского военного округа, в бункере которого, по официальной версии, находился только Л. П. Берия. Все остальные его подельники, т.е. В. Н. Меркулов, Б. З. Кобулов, Л. Е. Влодзимирский, С. А. Гоглидзе, П. Я. Мешик и В. Г. Деканозов, содержались в Бутырской тюрьме, откуда каждый день их привозили в штаб МВО. В ходе самого судебного заседания велись лишь допросы обвиняемых, которым давалась возможность задать друг другу уточняющие вопросы, поскольку очных ставок во время самого следствия между ними не проводилось. 23 декабря 1953 года все обвиняемые были признаны виновными по предъявленным статьям и приговорены к высшей мере социальной защиты — расстрелу, без права кассации вынесенного приговора.

По официальной версии, вечером того же дня вынесенный приговор был приведён в исполнение. В. Н. Меркулова, Б. З. Кобулова, Л. Е. Влодзимирского, С. А. Гоглидзе, П. Я. Мешика и В. Г. Деканозова расстреляли в 21.20 в самой Бутырской тюрьме, а Л. П. Берию — на полтора часа раньше, в 19.50, в бункере штаба Московского военного округа. Причём, судя по «Акту о приведении в исполнение приговора Специального судебного присутствия Верховного суда СССР в отношении Л. П. Берия»¹⁰⁶, исполнителем этого приговора стал комендант ССП генерал-полковник П. Ф. Батицкий, а сам расстрел происходил в присутствии генпрокурора Р. А. Руденко и генерала армии К. С. Москаленко, которые и подписали данный акт. Правда, в этом документе по непонятным причинам отсутствует подпись врача, который в соответствии со всеми существующими процедурами должен был констатировать смерть Л. П. Берии, что, конечно, вызывает массу вполне законных вопросов. Что касается акта о расстреле шести «подельников» Л. П. Берии, то имя их палача (или палачей) не названо и лишь указано, что при их расстреле присутствовали первый замминистра внутренних дел СССР К. Ф. Лунёв, заместитель главного военного прокурора генерал-майор юстиции Д. И. Китаев и трое высоких

армейских чинов : генерал-полковник А. Л. Гетман, генерал-лейтенант А. И. Баксов и генерал-майор А. Ф. Сопильник, которые и подписали этот акт¹⁰⁷. При этом подпись врача в этом документе была в наличии, однако его фамилия не была указана, и по росписи врача установить её не удалось из-за неразборчивости почерка.

Надо сказать, что следственное дело Л. П. Берии и его поделщиков в полном объёме до сих пор не издано. Правда, в 2012 году под редакцией О. Б. Мозохина и В. Н. Хаустова вышли два, по сути дела, идентичных сборника — «Политбюро и дело Берия» и «Дело Берия. Приговор обжалованию не подлежит», — которые были составлены в основном из копий документов, хранящихся в РГАСПИ. Однако даже по объёму, не говоря уже о содержании, назвать эти сборники полноценными и всеобъемлющими невозможно, поскольку следственное дело Л. П. Берии состояло из 39 томов и 10 объёмных пакетов приложений, которые просто невозможно уместить в два даже очень объёмных тома.

Именно многолетняя секретность, а затем и публикация машинописных копий, а не подлинников документов и стали основной причиной появления абсолютно иной версии политического краха Л. П. Берии и его смерти. Впервые об убийстве Л. П. Берии написал небезызвестный коллаборант А. Г. Авторханов¹⁰⁸. А затем эту версию активно раскрутил единственный сын «лубянского маршала» Серго Лаврентьевич Берия, который в 1994 году опубликовал свою скандальную книгу «Мой отец — Лаврентий Берия»¹⁰⁹. Именно в этой книге он впервые заявил, что 26 июня 1953 года его отец Лаврентий Павлович Берия был застрелен в своём особняке на улице Качалова (Малой Никитской), дом 28/1, во время попытки его ареста или спланированной ликвидации. Вскоре эту версию активно поддерживали разные фолк-историки, в том числе Ю. И. Мухин и Е. А. Прудникова¹¹⁰, которые стали всячески доказывать, что никакого ареста, а тем более суда над Л. П. Берией не было и все документы следственного дела носят откровенно подложный характер. Существует также «промежуточная» версия профессора-филолога Б. В. Соколова¹¹¹, который утверждает, что Л. П. Берия действительно был арестован, посажен в бункер МВО, где его действительно допрашивали несколько раз в течение одного месяца, с 23 июля по 26 августа 1953 года. Однако затем все допросы почему-то прекратились, и он был расстрелян вскоре после проведения последнего допроса, в августе или сентябре 1953 года, а на декабрьском суде в штабе МВО присутствовал его двойник.

И последнее. Хорошо известно, что долгие годы, вплоть до начала 1990-х годов, изучение личности и деяний Лаврентия Павловича Берии находилось под негласным запретом, поскольку в официальной советской пропаганде ещё с 1950-х годов, благодаря Н. С. Хрущёву и его клеветам, за этим человеком закрепилась стойкая репутация вселенского злодея и отпетого палача, одного из самых кровавых сатрапов сталинской эпохи. Гораздо позднее, уже при М. С. Горбачёве и Б. Н. Ельцине, стараниями тех же партийных бонз, прежде всего А. Н. Яковлева и гнилой либералинтеллигенции, с гордостью именующей себя сомнительным титулом «шестидесятники» (А. В. Антонов-Овсеенко, Р. А. Медведев, Б. В. Соколов, Н. В. Петров, О. В. Хлевнюк, Л. М. Млечин¹¹²), этот демонизированный образ Л. П. Берии был окрашен ещё более кровавыми и зловещими красками, и в результате в общественном сознании сложился крайне негативный образ этого человека.

Однако, по справедливому мнению их оппонентов (Р. Г. Пихоя, Ю. Н. Жуков, Д. В. Кобба¹¹³), все эти эмоциональные оценки весьма далеки от истины. Конечно, Л. П. Берия, как и все тогдашние члены политического руководства страны, был отчасти

повинен в политических репрессиях сталинской эпохи (небезызвестной «ежовщине»), но в гораздо меньшей степени, чем, например, тот же Н. С. Хрущёв. Именно на совести этого «реформатора» и разоблачителя «культа личности», столь превозносимого нашей продажной интеллигенцией, гораздо больше невинных убиенных душ в Москве и на Украине, где в годы «ежовщины» этот деятель возглавлял партийные организации и истерично требовал от ЦК беспощадного разоблачения «врагов народа» и предельно сурового наказания для них.

Между тем в последнее время документально установлено, что с подачи И. В. Сталина именно Л. П. Берия, наряду с Г. М. Маленковым и А. А. Ждановым, стал инициатором прекращения политических репрессий в самом конце 1938 года, сам маховик которых при активном участии Н. И. Ежова был раскручен региональными партийными вождями типа Н. С. Хрущёва, И. М. Варейкиса, Р. И. Эйхе и других¹¹⁴. Кроме того, благодаря работам целого ряда авторов (Н. С. Симонов, В. С. Губарев, Д. В. Кобба, Д. Холловей¹¹⁵), очевидным стал огромный личный вклад Л. П. Берии как куратора всех разведслужб военных наркоматов и руководителя Оперативного бюро Государственного комитета обороны в победу над фашизмом в годы войны и как главы Специального комитета в создание ракетно-ядерного щита нашей страны, который не могут отрицать даже самые крикливые и злобные его клеветники.

Что касается общей оценки личности Л. П. Берии как потенциального лидера страны, то в последнее время появилась целая когорта авторов (Ю. И. Мухин, Е. А. Прудникова, С. Т. Кремлёв¹¹⁶), которые, являясь его откровенными апологетами, пытаются представить поверженного маршала выдающимся государственным деятелем, у которого была собственная программа реформ, носившая вполне либеральный характер. Однако другие авторы, прежде всего профессиональные историки (Р. Г. Пихоя, Д. В. Кобба¹¹⁷), которые, опираясь на богатый архивный материал, детально изучали многогранную деятельность Л. П. Берии, утверждают, что он действительно был очень толковым и сильным администратором и, выполняя самые ответственные поручения партии и правительства, не провалил ни одного поручения, данного ему И. В. Сталиным или Политбюро ЦК. Вместе с тем вряд ли Л. П. Берия был выдающимся государственным деятелем и крупным политиком, поскольку довольно слабо разбирался в глобальных вопросах внешней и внутренней политики, а многие проекты его реформ, в частности в национальном вопросе или во внешней политике, имели ощутимый привкус авантюризма.

⁶⁴ Филитов А.М. СССР ГДР: год 1953-й // Вопросы истории. 2000. № 7; Филитов А.М. «Новый курс». Германский вопрос в советской политике, 1953 год // Россия и Германия. Вып. 2. М., 2001; Новик Ф.И. Советская политика в отношении ГДР до и после 17 июня 1953 года (по документам Архива внешней политики Российской Федерации) // Россия и Германия. Вып. 2. М., 2001; Фурсенко А.А. Россия и международные кризисы. Середина XX века. М., 2006; Платошкин Н.Н. Жаркое лето 1953 г. в Германии. М., 2004; Хавкин Б.Л. Берлинское жаркое лето 1953 года // Новая и новейшая история. 2004. № 2; Остерман К. США и события 17 июня 1953 года в ГДР // Вопросы истории. 1999. № 11-12.

⁶⁵ Спицын Е.Ю. Хрущёвская слякоть. Советская держава в 1953-1964 годах. М., 2019.

⁶⁶ Бейли Дж., Кондрашёв С.А., Мерфи Д. Поле битвы — Берлин. М., 2002.

⁶⁷ Жуков Ю.Н. Борьба за власть в партийно-государственных верхах СССР весной

1953 г. // Вопросы истории. 1996. № 5-6; Жуков Ю.Н. Сталин: тайны власти. М., 2005; Прудникова Е.А. 1953 год. Смертельные игры. М., 2011.

⁶⁸ Соколов Б.В. Берия: Судьба всеильного наркома. М., 2008; Жиленков М. Политическая борьба после смерти Сталина. Свержение Берии // Суть времени. 2015, № 143-144.

⁶⁹ Аксютин Ю.В. Хрущёвская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953-1964 гг. М., 2010; Лавренов С.Я., Попов И.М. Советский Союз в локальных войнах и конфликтах. М., 2003.

⁷⁰ Филитов А.М. СССР и ГДР: год 1953-й // Вопросы истории. 2000. № 7.

⁷¹ Абрамова Ю.А. Внутриполитическая борьба в высшем партийном руководстве СССР летом 1953 года // Вестник МГИУ. Серия «Гуманитарные науки». № 2. М., 2002.

⁷² Некрасов В.Ф (отв. ред.) Берия: конец карьеры. М., 1991; Хрущёв Н.С. Время. Люди. Власть. Кн. 3. М., 1999; Микоян А.И. Так было. М., 1999; Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. М., 1991; Суханов Д.Н., Безыменский Л. Сталин пошевелил пальцами... // Новое время. 1991. № 48; Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 2. М., 2015; Кочуков А. Берия, встать! Вы арестованы! // Красная звезда. 26.06.2003.

⁷³ Медведев Р.А. Н.С. Хрущёв. Политическая биография. М., 1989; Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти, 1945-1991. М., 1998; Пыжиков А.В. Хрущёвская «оттепель» 1953-1964. М., 2002; Млечин Л.М. Смерть Сталина: Вождь и его соратники. М., 2003; Прудникова Е.А. 1953 год. Смертельные игры. М., 2011.

⁷⁴ Жуков Ю.Н. Сталин: тайны власти. М., 2005; Жиленков М.А. Политическая борьба после смерти Сталина. Свержение Берии // Суть времени. 2015, № 143-144.

⁷⁵ Наумов В.П. Был ли заговор Берии? Новые документы о событиях 1953 г. // Новая и новейшая история. 1998. № 5; Соколов Б.В. Берия: Судьба всеильного наркома. М., 2008; Абрамова Ю.А. Внутриполитическая борьба в высшем партийном руководстве СССР летом 1953 года // Вестник МГИУ. № 2. М., 2002.

⁷⁶ Авторханов А.Г. Загадка смерти Сталина. Заговор Берия. М., 1992.

⁷⁷ Наумов В.П. Был ли заговор Берии? Новые документы о событиях 1953 г. // Новая и новейшая история. 1998. № 5; Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти, 1945-1991. М., 1998.

⁷⁸ Профессор В. П. Наумов также утверждает, что ещё одной видимой причиной особой активности противников Л. П. Берии стал арест бывшего заместителя главы МГБ СССР, начальника Следственной части по особо важным делам полковника М. Д. Рюмина. Однако вряд ли это соответствует действительности, поскольку тот был арестован значительно раньше, ещё 17 марта 1953 года. Вместе с тем, как считают Ю. Н. Жуков и М. А. Жиленков, показания самого М. Д. Рюмина на С. Д. Игнатьева и Ко вполне могли ускорить реализацию «заговора» против Л. П. Берии.

⁷⁹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 463. Л. 135-137.

⁸⁰ Этот Спецкомитет был ликвидирован решением Президиума ЦК от 26 июня 1953 года, а уже 9 июля 1953 года Постановлением Совета Министров СССР № 1704-669сс на его базе образовано Министерство среднего машиностроения СССР, первым руководителем которого назначен генерал-полковник В. А. Малышев. Полунин В.В. Становление центральных органов управления атомной промышленностью СССР (1945-1953 гг.) // Журнал РГГУ. 2007, № 2 (16).

⁸¹ АПРФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 223. Л. 110-113.

⁸² Абрамова Ю.А. Внутриполитическая борьба в высшем партийном руководстве СССР летом 1953 года // Вестник МГИУ. № 2. М., 2002.

⁸³ Наумов В.П. Был ли заговор Берии? Новые документы о событиях 1953 г. // Новая и новейшая история. 1998. № 5; Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти, 1945-1991. М., 1998; Жуков Ю.Н. Сталин: тайны власти. М., 2005. Медведев Р.А. Они окружали Сталина. М., 2006; Млечин Л.М. Смерть Сталина: Вождь и его соратники. М., 2003; Сухомлинов А.В. Кто вы, Лаврентий Берия? М., 2004.

⁸⁴ А. В. Сухомлинов в своей книге «Кто вы, Лаврентий Берия? Неизвестные страницы уголовного дела» высказал предположение, что день ареста Л. П. Берии был выбран вовсе не случайно. Дело в том, что именно в этот день начались командно-штабные учения Московского военного округа в Калинин (ныне Тверь), на которых присутствовал и сам командующий МВО генерал-полковник П. А. Артемьев, бывший близким соратником Л. П. Берии по НКВД. Там же, в Твери, находились командир 2-й гв. стрелковой (Таманской) дивизии генерал-майор Ф. Ф. Бочков и командир 4-й гв. танковой (Кантемировской) дивизии генерал-майор Н. М. Филиппенко, части и соединения которых 26 июня 1953 года по приказу Н. А. Булганина и Г. К. Жукова были введены в Москву. Вместе с тем другие авторы, в частности Ю. А. Абрамова в своей статье «Внутриполитическая борьба в высшем партийном руководстве СССР летом 1953 года», утверждают, что маршал Н. А. Булганин действительно направил генерала П. А. Артемьева на военные учения, но не под Тверь, а под Смоленск и временно назначил на его место генерал-полковника К. С. Москаленко.

⁸⁵ Вопрос о том, кто же конкретно принимал участие в аресте Л. П. Берии, до сих пор является спорным. Так, по свидетельству маршала К. С. Москаленко, по приказу Н. С. Хрущёва и Н.А. Булганина для проведения этой акции, помимо него самого, в Кремль прибыли маршал Г. К. Жуков и генералы С. С. Шатилов, М. И. Неделин, А. Л. Гетман, А. М. Пронин и Л. И. Брежнев.

⁸⁶ Кто, когда и куда вывозил арестованного Л. П. Берия, тоже не вполне ясно. По одной версии, под охраной генерал-полковника К. С. Москаленко, генерал-майора А. И. Баксова и полковников В. И. Юрьева, В. Ю. Юферова и И. Г. Зуба вечером того же дня он был отвезён в Лефортово, в штаб Московского района ПВО, которым командовал сам К. С. Москаленко. По другой версии, в сопровождении министра обороны СССР маршала Н. А. Булганина и коменданта Московского Кремля генерал-лейтенанта Н. К. Спиридонова Л. П. Берия днём был вывезен на булганинской машине на московскую гарнизонную гауптвахту в Алёшинские казармы, а затем помещён на гауптвахту при штабе МВО.

⁸⁷ Сухомлинов А.В. Кто вы, Лаврентий Берия? М., 2004; Жиленков М. Политическая борьба после смерти Сталина. Свержение Берии // Суть времени. 2015. № 143-144.

⁸⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 464. Л. 107-108.

⁸⁹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 76. Д. 23. Л. 11-12.

⁹⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 465. Л. 96.

⁹¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 463. Л. 138.

⁹² Сухомлинов А.В. Кто вы, Лаврентий Берия? М., 2004; Жиленков М. Политическая борьба после смерти Сталина. Свержение Берии // Суть времени. 2015. № 143-144.

⁹³ АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 463. Л. 163.

⁹⁴ АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 463, Л. 173-174.

⁹⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 463. Л. 173-174.

⁹⁶ АП РФ. Ф. 3. Оп. 76. Д. 23. Л. 13.

⁹⁷ Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы / Под ред. А.Н. Яковлева. М., 1999; Политбюро и дело Берия. Сборник документов / Под ред. О.Б. Мозохина. М., 2012; Наумов В.П. Был ли заговор Берии? Новые документы о событиях 1953 г. // Новая и новейшая история. 1998. № 5; Сухомлинов А.В. Кто вы, Лаврентий Берия? М., 2004; Жиленков М. Политическая борьба после смерти Сталина. Свержение Берии // Суть времени. 2015. № 143-144.

⁹⁸ АП РФ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 198. Л. 10-14.

⁹⁹ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 28. Л. 25-37.

¹⁰⁰ Султанбеков Б.Ф. Семён Игнатъев: Свет и тени биографии сталинского министра. Казань, 2012.

¹⁰¹ С. С. Войтиков в своей работе «Центральный Комитет. Высшее партийное руководство от Ленина и Плеханова до Хрущёва 1890-1964 гг.» утверждает, что одновременно с Г. К. Жуковым в полноправные члены ЦК был переведён и маршал И. С. Конев. Однако это не так: он был избран членом ЦК ещё в октябре 1952 года на XIX партийном съезде.

¹⁰² Сухомлинов А.В. Кто вы, Лаврентий Берия? М., 2004.

¹⁰³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 468. Л. 127-129.

¹⁰⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 468. Л. 29-30.

¹⁰⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 473. Л. 1-7.

¹⁰⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 473. Л. 232.

¹⁰⁷ Сухомлинов А.В. Кто вы, Лаврентий Берия? М., 2004; Мухин Ю.И. Убийство Сталина и Берия. М., 2002; Мухин Ю.И. Убийцы Сталина. Главная тайна XX века. М., 2009.

¹⁰⁸ Авторханов А.Г. Загадка смерти Сталина. Заговор Берия. М., 1992.

¹⁰⁹ Берия С.Л. Мой отец — Лаврентий Берия. М., 1994.

¹¹⁰ Мухин Ю.И. Убийство Сталина и Берия. М., 2002; Мухин Ю.И. Убийцы Сталина. Главная тайна XX века. М., 2009; Прудникова Е.А. 1953 год. Смертельные игры. М., 2011.

¹¹¹ Соколов Б.В. Берия. Судьба всесильного наркома. М., 2003.

¹¹² Антонов-Овсеенко А.В. Берия. М., 1999; Медведев Р.А. Они окружали Сталина. М., 2006; Соколов Б.В. Берия. Судьба всесильного наркома. М., 2003; Петров Н.В. Палачи. Они выполняли заказы Сталина. М., 2011; Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010; Млечин Л.М. Смерть Сталина: Вождь и его соратники. М., 2003.

¹¹³ Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти, 1945-1991. М., 1998; Жуков Ю.Н. Сталин: тайны власти. М., 2005; Кобба Д.В. Государственная деятельность Л. П. Берия, 1939-1953 гг. Автореферат дисс. канд. ист. наук. М., 2002; Кобба Д.В. Берия: за что его не любят. М., 2013.

¹¹⁴ Жуков Ю.Н. Иной Сталин. 1933-1937 годы. М., 2017; Дугин А.Н. Тайны архивов НКВД СССР: 1937-1938. Взгляд изнутри. М., 2020.

¹¹⁵ Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920-1950-е годы. М., 1996; Губарев В.С. Белый архипелаг Сталина. Документальное повествование о создании ядерной бомбы, основанное на рассекреченных материалах «Атомного проекта СССР». М., 2004; Кобба Д.В. Берия: за что его не любят. М., 2013; Холловой Д. Атомоход Лаврентий Берия. М., 2011.

¹¹⁶ Мухин Ю.И. Убийство Сталина и Берия. М., 2002; Мухин Ю.И. Убийцы Сталина. Главная тайна XX века. М., 2009; Прудникова Е.А. 1953 год. Смертельные игры. М., 2011. Кремлёв С. Берия. Лучший менеджер XX века. М., 2008.

¹¹⁷ Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти, 1945-1991. М., 1998; Кобба Д.В. Берия: за что его не любят. М., 2013.

3. Новый виток политической борьбы во второй половине 1953 года

Как считают ряд историков (Ю. Н. Жуков, М. А. Даниленко, М. Г. Жиленков¹¹⁸), устранение Л. П. Берии с политического Олимпа и укрепление своих позиций во властной вертикали позволили Г. М. Маленкову пойти ва-банк и приступить к реализации своей экономической программы, первые контуры которой он обозначил ещё на сталинских похоронах 9 марта 1953 года.

Хотя те же авторы уверяют, что буквально через неделю после завершения траурных мероприятий на очередном Пленуме ЦК, на котором, как известно, Г. М. Маленков был выведен из состава Секретариата ЦК, ему уже удалось не просто отсрочить традиционное обсуждение государственного бюджета на текущий хозяйственный год, но и, урезонив немалые аппетиты двух главных силовиков — маршалов Л. П. Берии и Н. А. Булганина, — добиться от членов ЦК одобрения его планов по существенному сокращению огромных военных расходов, составлявших только по официальным данным почти четверть всего бюджета страны¹¹⁹.

Между тем второй человек в руководстве страны тоже не дремал и уже 21 марта 1953 года направил в Президиум Совета Министров СССР записку «Об изменении строительной программы 1953 года»¹²⁰, в которой предложил прекратить или полностью ликвидировать строительство 22 крупнейших промышленных объектов (заводов, каналов, гидроузлов, портов, верфей, автомобильных и железных дорог), не вызванных «неотложными нуждами народного хозяйства», общая сметная стоимость которых, кстати, составляла очень внушительную сумму — 49,2 млрд. рублей, из которых почти 3,5 млрд. рублей были включены в план капитальных работ на 1953 год. На основании этой бериевской записки 25 и 27 марта 1953 года Совет Министров СССР принял два Постановления: «Об изменении строительной программы на 1953 год» и «О прекращении строительства гидротехнических сооружений, оросительных и осушительных систем, не вызываемых в ближайшие годы интересами развития сельского хозяйства», — в соответствии с которыми были приостановлены работы по реализации самых масштабных и дорогостоящих проектов последних семи лет сталинской эпохи, в частности Трансполярной Красноярско-Енисейской и Кольской магистралей, Сахалинского тоннеля под Татарским проливом, Кировского химического завода, Араличевского и Черногорского заводов искусственного жидкого топлива, Волго-Балтийского водного пути, Главного Туркменского канала и других важных объектов, на строительство которых уже было затрачено почти 6,3 млрд. рублей¹²¹.

Причём руководителям всех министерств, причастным к строительству этих объектов, в частности Б. П. Бещеву (министр путей сообщения), И. П. Тевосяну (министр металлургической промышленности), М. Г. Первухину (министр электростанций и электропромышленности), А. И. Козлову (министр сельского хозяйства и заготовок), З. А. Шашкову (министр морского и речного флота), С. М. Тихомирову (министр химической промышленности) и Н. К. Байбакову (министр нефтяной промышленности) было предписано: 1) «в двухнедельный срок разработать и представить в Совет Министров СССР мероприятия по проведению консервации или ликвидации указанных... строителей и сметы расходов» на эти цели и 2)

принять меры к полной сохранности незаконченных строительных объектов, привести их в годное для консервации состояние и обеспечить использование... подсобных предприятий, оборудования и материалов для других хозяйственных целей».

Кроме того, председателю Госплана СССР Г. П. Косяченко было поручено «внести необходимые изменения в планы... соответствующих министерств» и снять все «фонды на металл, топливо, строительные материалы, оборудование и другие фонды», выделенные для этих объектов, а первому заместителю министра обороны СССР маршалу А. М. Василевскому — расформировать все дорожные военно-строительные части и прекратить комплектование ещё двух дорожно-строительных дивизий, созданных на основании Постановлений Совета Министров СССР № 3865-1767сс от 8 октября 1951 года и № 273-126-с от 30 января 1953 года.

Наконец, 11 апреля 1953 года при рассмотрении на заседании Президиума ЦК очередного доклада министра финансов «О государственном бюджете» на текущий хозяйственный год Арсений Григорьевич Зверев получил прямое указание от Г. М. Маленкова срочно изменить сам принцип финансирования экономики и перенаправить довольно значительную часть средств с тяжёлой и оборонной промышленности на сельское хозяйство, пищевую и лёгкую промышленность¹²². Причём ряд проницательных авторов (А. В. Пыжиков¹²³) давно подметили тот любопытный факт, что аналогичные «нэповские» идеи, впервые прозвучавшие в известной речи И. В. Сталина 9 февраля 1946 года, не только очень активно продвигались так называемой «ленинградской группировкой», прежде всего тогдашним членом Политбюро ЦК и главой Госплана СССР Н. А. Вознесенским, но и получили своё реальное воплощение в целом ряде Постановлений Совета Министров СССР, подписанных вождём: «О развёртывании кооперативной торговли в городах и посёлках продовольствием и промышленными товарами и об увеличении производства продовольствия и товаров широкого потребления кооперативными предприятиями» (9 ноября 1946 года), «О мероприятиях по ускорению подъёма государственной лёгкой промышленности, производящей предметы широкого потребления» (23 декабря 1946 года), «О мероприятиях по расширению торговли потребительской кооперации в городах и рабочих посёлках» (21 июля 1948 года), «О мероприятиях по улучшению торговли» (20 ноября 1948 года) и других.

Пока Министерство финансов СССР под руководством самого А. Г. Зверева усиленно корпело над масштабной корректировкой уже давно свёрстанного бюджета, в высших эшелонах власти не утихали страсти «мадридского двора», которые в итоге привели к краху Л. П. Берии, точку в политической карьере которого поставил внеочередной июльский Пленум ЦК 1953 года. Между тем, как утверждают ряд историков (Ю. В. Аксютин¹²⁴), в том же июле 1953 года в порядке подготовки к новому Пленуму ЦК, на котором собирались обсудить состояние сельского хозяйства страны, решением Президиума ЦК была создана новая Комиссия в составе шести членов: «первейшего» секретаря ЦК Н. С. Хрущёва, назначенного председателем этой Комиссии, двух заместителей главы союзного правительства М. З. Сабурова и А. И. Микояна, министра финансов А. Г. Зверева, министра сельского хозяйства и заготовок А. И. Козлова и председателя Совета Министров РСФСР А. М. Пузанова.

А менее чем через месяц, 4 августа, на совместном заседании Президиума ЦК и Президиума Совета Министров СССР были одобрены проекты всех пяти совместных Постановлений, представленных Н. С. Хрущёвым своим коллегам по «коллективному

руководству». В данных Постановлениях: 1) предлагалось существенно снизить нормы обязательных государственных поставок всей животноводческой продукции личными хозяйствами колхозников, рабочих и служащих; 2) предусмотреть меры, направленные на увеличение производства и заготовок картофеля и овощей в колхозах и совхозах, на механизацию работ по возделыванию и уборке этих агрокультур и на увеличение производства пропашных тракторов и других сельхозмашин; 3) принять конкретные меры по улучшению работы машинно-тракторных станций (МТС), агрономической и зоотехнической помощи колхозам, укреплению председательского корпуса и обеспечению аграрного комплекса достаточным объёмом минеральных удобрений.

При этом по подсказке Н. С. Хрущёва члены «коллективного руководства» страны приняли решение разослать утверждённые проекты Постановлений всем членам и кандидатам в члены ЦК, министрам и руководителям ведомств, секретарям обкомов и председателям облисполкомов, «имея в виду, что на созываемом в августе 1953 года Пленуме ЦК КПСС будут обсуждаться вопросы о мерах дальнейшего развития сельского хозяйства страны». Кроме того, в связи с тем что на предстоящую сессию Верховного Совета СССР в Москву съедутся руководящие работники со всех республик, краёв и областей, было «признано необходимым провести с ними совещание по вопросам сельского хозяйства страны»¹²⁵.

Между тем, судя по докладу «О государственном бюджете СССР на 1953 год», с которым министр финансов СССР А. Г. Зверев выступил 5 августа 1953 года на открывшейся сессии Верховного Совета СССР, ещё до всех указанных инноваций уже были приняты ряд важных решений, связанных с облегчением налогового бремени и со снижением норм обязательных поставок различной сельхозпродукции в государственные фонды. Так, ещё с 1 июля 1953 года: в 2 раза снижен обязательный сельхозналог со всех личных приусадебных хозяйств, за счёт которых жили многие колхозники и немалое число горожан; существенно снижены нормы обязательных поставок по молоку (на 55 %), по мясу (на 35 %), шерсти (на 48 %), овощам и картофелю (на 28 %) и значительно повышены закупочные цены на данную продукцию; полностью освобождены от поставок продукции животноводства все сельские учителя, медики, агрономы, зоотехники и инвалиды; повышены заготовительные цены на плановую продукцию по мясу, молоку, шерсти, овощам и картофелю и подняты закупочные цены на аналогичную сверхплановую продукцию и т. д.

Между тем, по мнению ряда историков (Р. А. Медведев, Ю. В. Аксютин¹²⁶), уже в ходе самой сессии Верховного Совета СССР Г. М. Маленков предложил своим коллегам по Президиуму ЦК предоставить ему слово для произнесения программного доклада по ключевым экономическим вопросам. Как считают те же авторы, эта просьба «несколько встревожила» многих членов высшего руководства страны, однако, «не решившись поднимать новую бучу», они всё же дали добро на предложение премьера, и 8 августа 1953 года Г. М. Маленков выступил с докладом «О неотложных задачах в области промышленности и сельского хозяйства и мерах по дальнейшему улучшению материального благосостояния народа»¹²⁷.

Основной посыл маленковского доклада состоял в следующем: 1) не умаляя роли тяжёлой индустрии, производящей средства производства, необходимо срочно выровнять темпы роста группы отраслей «А» с группой отраслей «Б» и «всемерно форсировать развитие лёгкой промышленности», с тем чтобы резко увеличить

производство предметов потребления, обеспечив тем самым «более быстрое повышение материального и культурного уровня» жизни советского народа; 2) при этом крайне важно не просто обеспечить «крутой подъём производства предметов потребления», но и существенно повысить «добротность» и «внешнюю отделку» всей выпускаемой продукции; 3) для успешной реализации этих важных целей и задач необходимо значительно повысить финансирование всех отраслей лёгкой и пищевой промышленности, а также сельского хозяйства, чтобы «в течение двух-трёх лет резко повысить обеспеченность населения продовольственными и промышленными товарами, то есть мясом, рыбой, маслом, сахаром, кондитерскими изделиями, тканями, одеждой, обувью, посудой и мебелью»; 4) для обеспечения столь крутого роста отраслей группы «Б» «следует прежде всего позаботиться о сельском хозяйстве», и с этой целью Совет Министров СССР и ЦК КПСС уже приняли целый ряд конкретных мер.

Как уже говорилось, ещё до выступления Г. М. Маленкова, в первый день работы сессии Верховного Совета СССР, многолетний министр финансов А. Г. Зверев представил народным избранникам страны новый государственный бюджет, основные параметры которого выглядели следующим образом: из общей суммы расходной части бюджета в размере 530,5 млрд. рублей около 83 млрд. направлялись в тяжёлую и оборонную промышленность, более 70 млрд. — в лёгкую (в том числе текстильную) промышленность, 40 млрд. — в сельское хозяйство, 110 млрд. — на содержание всех силовых структур, что, кстати, было в два раза меньше, чем в прошлом финансовом году, и 130 млрд. рублей — на развитие образования, медицины, науки, культуры и социальной сферы, что, напротив, было значительно выше вложений прошлых лет.

Обосновывая столь радикальное изменение ключевых статей госбюджета, Г. М. Маленков, ставший главным инициатором этого решения, впервые прямо заявил, что с 1925 года, т. е. с окончания восстановительного периода, производство средств производства увеличилось в 55 раз, а производство средств потребления — только в 12 раз. А поскольку в настоящее время главной и насущной задачей партии и правительства является максимально быстрое и существенное повышение жизненного уровня народа и обеспечение советских людей качественными и дешёвыми товарами, то эту важную задачу предполагалось решить не только за счёт столь крупного перераспределения бюджетных средств, но и за счёт существенного пересмотра политики партии в аграрном вопросе. В частности, в своём докладе Г. М. Маленков предложил: а) существенно повысить заготовительные цены на мясо, молоко, шерсть, картофель и другую сельхозпродукцию; б) снизить существующие нормы обязательных поставок с приусадебных хозяйств колхозников и сельской интеллигенции; в) установить единый (существенно сниженный, в среднем в два раза) сельхозналог для всех категорий крестьянских хозяйств, независимо от доходов единоличников и колхозников; г) списать все недоимки по прежним налоговым платежам и прекратить порочную практику ликвидации личных приусадебных хозяйств колхозников.

Между тем следует особо подчеркнуть, что эти предложения премьера вовсе не были его импровизацией. Как установили ряд историков (Е. Ю. Зубкова¹²⁸), данные новации уже, по сути, содержались в более ранних документах. Во-первых, в проекте докладной записки «О налоговой политике в деревне», подготовленной в марте 1953 года в аппарате министра финансов А. Г. Зверева. А во-вторых, в аналогичной

докладной записке «О недостатках в сельском хозяйстве и мерах по улучшению дел в колхозах и совхозах», которая была направлена министром сельского хозяйства и заготовок А. И. Козловым на имя Г. М. Маленкова в середине июля 1953 года. Именно эти записки и стали той фактологической и аналитической базой, которая поначалу и легла в основу августовской речи Г. М. Маленкова на сессии Верховного Совета СССР, а затем и доклада Н. С. Хрущёва на Пленуме ЦК в сентябре 1953 года.

Хорошо известно, что августовский доклад премьера, опубликованный во всех центральных, республиканских, краевых, областных и даже районных газетах, вызвал огромный резонанс во всём советском обществе, особенно в деревне. Г. М. Маленков в мгновение ока превратился чуть ли не в самую популярную фигуру среди всех руководителей страны. Более того, даже американская разведка, обратив особое внимание «на необычность и смелость новаций», заявленных в этом докладе, сделала поспешный вывод о том, что в ближайшее время «никто не сможет угрожать доминирующим позициям Маленкова»¹²⁹. Однако, как считают ряд историков (Ю. В. Аксютин¹³⁰), ЦРУ очень сильно «заблуждалось», поскольку именно в августе 1953 года в Президиуме ЦК появились «новые трещины», так как маленковский курс «встретил очень сильное противодействие у его коллег по "коллективному руководству", которое чем дальше, тем более возрастало».

Вместе с тем профессор Ю. В. Аксютин сам отчасти запутался в собственных построениях, поскольку в той же работе, правда чуть ниже, он пишет о том, что видимый конфликт внутри Президиума ЦК возник уже в июле 1953 года, о чём, кстати, говорят и мемуаристы, и его историки-коллеги, в частности профессор Е. Ю. Зубкова¹³¹. Так, по известному свидетельству тогдашнего руководителя Канцелярии Президиума ЦК и личного помощника премьера Дмитрия Николаевича Суханова, первоначально Пленум ЦК по аграрным вопросам намечалось провести в августе 1953 года. С основным докладом на этом Пленуме ЦК должен был выступать сам Г. М. Маленков, поэтому именно он в июле 1953 года на одном из заседаний Президиума ЦК и представил основные положения своего доклада членам «коллективного руководства». Однако тогда они вызвали резкие возражения со стороны большинства членов высшего партийного ареопага, в частности Н. С. Хрущёва и В. М. Молотова. Поэтому Пленум ЦК по данному вопросу был перенесён на сентябрь 1953 года, а основным докладчиком на этом Пленуме ЦК был назначен не глава союзного правительства, а секретарь ЦК Н. С. Хрущёв.

Между тем сам Г. М. Маленков, которого целый ряд авторов (Р. А. Медведев, Р. Г. Пихоя, Ю. В. Аксютин, Д. Боффа¹³²), до сих пор считают человеком «без лица» и «собственного стиля», умело обыграл Н. С. Хрущёва и Ко и всё-таки выступил с собственным докладом на августовской сессии Верховного Совета СССР, о чём мы говорили выше. Именно это обстоятельство Н. С. Хрущёв и припомнил опальному премьеру, правда значительно позже, в конце июня 1957 года, когда с трибуны Пленума ЦК громогласно вещал о том, что именно Г. М. Маленков «очень ловко использовал» наработки «группы товарищей», в том числе министров А. Г. Зверева и И. А. Бенедиктова, и преподнёс их партии и народу как «личный дар» и «личный манифест»¹³³.

Поэтому вовсе не случайно, что уже 10 августа 1953 года, т. е. буквально на следующий день после завершения сессии союзного парламента, лично Н. С. Хрущёв, опираясь на своих сторонников в Президиуме ЦК, выступил на закрытом совещании в аппарате ЦК перед депутатами Верховного Совета, представлявшими

две внушительные силы и его главную опору внутри самой партии: секретарский корпус республиканского, краевого, областного и районного уровней, а также руководителей крупнейших колхозов и совхозов страны. Давая развёрнутые пояснения к маленковскому докладу и всячески желая заручиться твёрдой поддержкой своих слушателей, он обрушился с резкой критикой положения дел в сельском хозяйстве, куратором которого ещё при жизни И. В. Сталина как раз и был Г. М. Маленков, возглавлявший с февраля 1947 года отраслевое Бюро Совета Министров СССР по сельскому хозяйству. Так, касаясь чрезмерных ставок прежнего сельхозналога, только что отменённого на прошедшей сессии Верховного Совета СССР, он открыто заявил, что стремление правительства «получить больше доходов в бюджет привело к нехорошим результатам», поскольку, например, общее поголовье крупного рогатого скота в личных подсобных хозяйствах колхозников и рабочих совхозов сократилось на 3,5 млн. голов, а денежные поступления от прежнего налога в 1948-1951 годах уменьшились почти на 1,5 млрд. рублей¹³⁴. Были произнесены и другие выпады в адрес Г. М. Маленкова, которые с «большим пониманием», благосклонно и дружно были приняты секретарским корпусом страны.

Между тем, по информации ряда историков (Ю. Н. Жуков, М. А. Даниленко¹³⁵), сразу после окончания сессии Верховного Совета член Президиума ЦК и председатель Госплана СССР Максим Захарович Сабуров, который был давним и одним из самых близких соратников премьера, в кратчайшие сроки согласовал с тремя легендарными «сталинскими наркомками» — Вячеславом Александровичем Малышевым, Дмитрием Фёдоровичем Устиновым и Иваном Исидоровичем Носенко, возглавлявшими министерства среднего машиностроения, оборонной промышленности и транспортного и тяжёлого машиностроения, — вопросы производства на предприятиях их министерств различных товаров народного потребления, в том числе часов, холодильников, пылесосов, телевизоров, радиоприёмников, мотоциклов и другой крайне востребованной и дефицитной продукции.

Понятно, что все эти события подвигли Н. С. Хрущёва «выйти из окопов» и взять своеобразный реванш уже на следующем Пленуме ЦК, состоявшемся в начале сентября 1953 года. Как известно, выполняя решение Президиума ЦК, именно на этом форуме высшей партийной элиты он не только выступил с очередным докладом, в котором, по сути, повторил все основные положения речи Г. М. Маленкова, но и серьёзно укрепил собственное положение внутри руководящего ядра. Более того, целый ряд известных авторов (Е. Ю. Зубкова, А. В. Пыжиков, Ю. В. Емельянов¹³⁶) вполне справедливо пишут о том, что если августовская речь премьера во многом носила программный характер, то хрущёвский доклад лишь конкретизировал её основные положения, причём только в той части, которая напрямую касалась аграрного вопроса, в частности серьёзного увеличения капитальных вложений в сельхозпроизводство и его техническое оснащение, значительного (в разы) повышения закупочных цен на мясо, молоко, картофель, овощи и другую сельхозпродукцию, а также на сдаваемое сверх плана зерно, списания всех долгов по старым платежам и т. д. Кроме того, в этом докладе Н. С. Хрущёв сделал особый упор на необходимость обязательного повышения образовательного уровня и профподготовки всего руководящего звена машинотракторных станций, совхозов и колхозов страны, ускоренную механизацию трудоёмких процессов производства, расширение посевов чумизы и кукурузы, которые дадут возможность быстро и резко

поднять всё зерновое и животноводческое хозяйство страны, и т. д. Причём, как считает тот же Ю. В. Емельянов, серьёзный недостаток всего хрущёвского доклада состоял в том, что он так и не сумел выделить главные задачи по развитию сельского хозяйства страны. Здесь не было ничего похожего на знаменитые «шесть исторических условий товарища Сталина»¹³⁷, которые двадцать лет назад вызвали неподдельный восторг самого Н. С. Хрущёва. Несмотря на обилие самых разных предложений, в том числе по применению квадратно-гнездового способа сева или обмолота льна в фабрично-заводских цехах, он так и не сумел определить, в чём суть качественно новой политики партии в деревне. По сути «новые меры», о которых говорил Н. С. Хрущёв, свелись к разовым финансовым поблажкам и очередным партийным лозунгам.

Причём многие историки подметили и то обстоятельство, что сам по себе хрущёвский доклад представлял собой довольно «примечательный случай», поскольку Пленум ЦК не инициировал, а всего лишь подтверждал те решения, которые уже были приняты до него на сессии Верховного Совета СССР. Но больше подобного «казуса» уже никогда не повторится: очень скоро высшая партноменклатура во главе с Н. С. Хрущёвым полностью возьмёт инициативу в собственные руки, что найдёт зримое воплощение даже на формальном уровне, поскольку уже, с 1955 года все совместные партийно-государственные решения будут оформляться только как Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР, а не наоборот, как было всю послевоенную сталинскую эпоху.

Кстати, о том, что Н. С. Хрущёв уже перешёл в открытую атаку на премьера, зримо говорил такой показательный факт: буквально за день до открытия Пленума ЦК, 1 сентября 1953 года, с поста министра сельского хозяйства и заготовок СССР был снят давний соратник премьера Алексей Иванович Козлов, который был перемещён на менее престижную должность главы вновь образованного Министерства совхозов СССР. А надо напомнить, что именно А. И. Козлов, который ещё при жизни вождя последние пять лет возглавлял Сельхозотдел ЦК, по прямому указанию Г. М. Маленкова в марте 1951 года лично готовил проект закрытого письма ЦК ВКП(б) «О задачах колхозного строительства в связи с укрупнением мелких колхозов», ставшего прямым и очень жёстким ответом на известную хрущёвскую авантюру с созданием «агрогородов», что реально грозило Н. С. Хрущёву крахом всей его карьеры¹³⁸. Конечно, тот не забыл такого унижения и страха, поэтому не случайно его сын, С. Н. Хрущёв, в одной из своих книг прямо написал, что «отец никогда не испытывал приязни к Козлову и в группу работавших над докладом лиц его не включил»¹³⁹. В тот же день новым министром сельского хозяйства и заготовок был назначен Иван Александрович Бенедиктов, которого срочно отозвали из Дели с поста советского посла и вернули в прежнее министерское кресло, которое он уже занимал в 1947-1953 годах. Кстати, новым советским послом в Дели был направлен бывший министр внешней торговли СССР Михаил Алексеевич Меньшиков, который затем будет послом в США (1958-1962), а закончит свою дипломатическую карьеру во времена Л. И. Брежнева на посту министра иностранных дел РСФСР (1962-1968).

Между тем, как считают ряд историков (Ю. В. Аксютин¹⁴⁰), в хрущёвском докладе, помимо вполне конкретных практических мер, были затронуты и «теоретические» вопросы. Так, касаясь проблем колхозной собственности, Н. С. Хрущёв выступил в роли очередного критика последней сталинской работы «Экономические проблемы социализма в СССР», опубликованной в октябре 1952

года¹⁴¹. Как известно, именно в данной теоретической работе усопший вождь впервые заявил, что колхозная собственность уже начинает «тормозить развитие производительных сил» и главная задача состоит «в постепенном, но неуклонном превращении колхозной собственности в общенародную». Именно это сталинское положение и было подвергнуто остракизму, причём не только в самом хрущёвском докладе. Аналогичный антисталинский пассаж был также закреплён и в Постановлении Пленума ЦК «О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства СССР», где было прямо указано, что «артельная форма колхозов является единственно верной формой коллективного хозяйства на весь период социализма». Вместе с тем вряд ли следует воспринимать всерьёз пустые заявления известных антисталинистов (Ю. П. Денисов, Ю. В. Аксютин¹⁴²), что, дескать, этот пассаж означал некую «реабилитацию колхозной формы собственности» и даже снятие «нависшей над ней угрозы полного уничтожения». Более того, как справедливо заметил Ю. В. Емельянов, новоявленный партийный вождь неоднократно ссылался в своём докладе не только на В. И. Ленина, но и на самого И. В. Сталина, говоря, в частности, о том, что именно «товарищ Сталин указывал, что краеугольным камнем артельной формы хозяйства является принцип правильного сочетания общественных и личных интересов колхозников»¹⁴³.

Кстати, в самом Постановлении Пленума ЦК «О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства СССР», который был одобрен Президиумом ЦК ещё 2 сентября 1953 года, было полным-полно всякой несуразицы. Например, как явствует из архивных документов, именно Комиссия Пленума ЦК, работавшая над окончательной редакцией этого Постановления, собственноручно внесла в него следующий абзац, который не нуждается в особом комментарии: «Теперь, когда в нашей стране создана мощная технически оснащённая тяжёлая индустрия и значительно окрепли колхозы, имеются все условия для того, чтобы на этой базе обеспечить крутой подъём всех отраслей сельского хозяйства и в течение ближайших лет резко повысить обеспеченность всего населения нашей страны продовольственными товарами и вместе с тем обеспечить всей массе колхозного крестьянства более высокий уровень материального благосостояния»¹⁴⁴.

Хорошо известно, что на этом Пленуме ЦК Н. С. Хрущёв был избран Первым секретарём ЦК КПСС. Надо сказать, что в широком общественном сознании, да и в среде самих историков давно существует вполне устойчивый миф, что Иосиф Виссарионович Сталин ушёл из жизни, будучи не только главой Совета Министров СССР, но и Генеральным секретарём ЦК КПСС — на должности, которую он занял с подачи самого В. И. Ленина ещё в апреле 1922 года на организационном Пленуме ЦК, прошедшем по окончании XI съезда РКП(б). Однако это совсем не так. Во-первых, надо иметь в виду, что ни одна из трёх новых редакций партийного Устава, принимавшихся на XIV (декабрь 1925 года), XVII (февраль 1934 года) и XIX (октябрь 1952 года) партийных съездах, даже не упоминала о должности Генерального или Первого секретаря ЦК¹⁴⁵. Однако главное состояло даже не в этом. Как установили ряд авторов (А. А. Кирилина, Ю. Н. Жуков¹⁴⁶), после окончания XVI партсъезда, т. е. с середины июля 1930 года, И. В. Сталин стал подписывать все бумаги, в том числе совместные Постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР, как обычный секретарь ЦК. Т. е., иными словами, он больше абсолютно не нуждался даже в сугубо формальном выделении своей должности, ибо само его имя уже стало выше любых, даже самых высоких должностей. В ситуации с Н. С. Хрущёвым всё было в точности наоборот:

он критически зависел от названия той новой должности, которую теперь занимал, поэтому, даже грубо нарушая партийный устав, он пошёл на этот шаг, который сулил ему победу в борьбе за единоличную власть.

Надо сказать, что вопрос о том, как произошло избрание Н. С. Хрущёва на пост Первого секретаря ЦК, до сих пор так и не прояснён. Чисто формально, судя по стенограмме этого Пленума ЦК¹⁴⁷, в самом конце его работы лично Г. М. Маленков, который председательствовал на вечернем заседании, уже за рамками исчерпанной повестки дня неожиданно предложил всем членам ЦК «утвердить первым секретарём Центрального Комитета товарища Хрущёва» и, поставив этот вопрос на открытое голосование простым поднятием рук, сразу получил «желаемый» результат. Но всё дело в том, что, ставя данный вопрос на голосование, он сослался на «одно предложение Президиума ЦК», которого по факту не было. Судя по известным мемуарам Л. М. Кагановича¹⁴⁸, на которые ссылаются многие историки и публицисты (Ю. В. Аксютин, Ю. В. Емельянов, Р. К. Баландин, Л. М. Млечин¹⁴⁹), решение об учреждении внеуставного поста Первого секретаря ЦК и избрания Н. С. Хрущёва на этот пост было принято совершенно спонтанно, без какого-либо обсуждения на Президиуме ЦК, а уж тем более его «коллективного представления». Кто был инициатором этого решения, догадаться, конечно, не трудно, поскольку в самом начале работы Пленума ЦК с «пожеланием» поставить данный вопрос на голосование к Г. М. Маленкову обратился не кто иной, как министр обороны маршал Н. А. Булганин, который, как известно, ещё с 1930-х годов слыл давним соратником и даже личным другом Н. С. Хрущёва. Причём, судя по всему, это предложение было поставлено им в ультимативной форме, поскольку глава военного ведомства страны прямо заявил премьеру, что если тот не поставит данный вопрос на голосование, то он лично выступит с этим предложением перед членами ЦК. Поэтому Г. М. Маленков, посчитавший, что Н. А. Булганин «действует не в одиночку», решил не противиться воле своих коллег по Президиуму ЦК и выступить с этим предложением.

При этом известный знаток сталинской эпохи Ю. Н. Жуков, расценив само избрание Н. С. Хрущёва как крупное поражение его визави, высказал мнение, что оно, по сути, было неизбежно, поскольку в середине августа 1953 года за счёт партийных средств, подконтрольных Н. С. Хрущёву, он не только вернул всем ответственным сотрудникам аппарата ЦК пресловутые «конверты», но и выплатил им неустойку за последние три месяца¹⁵⁰.

Как считает подавляющее большинство нынешних историков (Р. Г. Пихоя, Ю. В. Аксютин, А. В. Пыжиков, Ю. Н. Жуков, Е. Ю. Зубкова, Р. К. Баландин¹⁵¹), именно избрание Н. С. Хрущёва Первым секретарём ЦК не только разрушило всю конструкцию «коллективного руководства», официально утверждённую сразу после смерти И. В. Сталина на мартовском Пленуме ЦК, но и дало старт коренному переделу власти от государственных структур, прежде всего Совета Министров СССР, к партийному аппарату и «секретарскому корпусу» на местах. Иными словами, та политическая реформа, которая совершенно сознательно была инициирована и проведена И. В. Сталиным, А. А. Ждановым и Г. М. Маленковым на двух Пленумах ЦК — в феврале 1941 года, а затем в марте 1946-го, — де-факто стала «корректироваться» в сторону прежней довоенной модели, где именно партийный аппарат и Секретариат ЦК играли ключевую роль в управлении страной. Конечно, до полного слома данной модели было ещё довольно далеко, но первый шаг в этом направлении был сделан именно тогда. Более того, тот же Ю. Н. Жуков полагает, что

избрание Н. С. Хрущёва новым партийным вождём привело к победе наиболее консервативных кругов, возвращению неограниченных прав Секретариату ЦК и изменению баланса сил в «узком руководстве», поскольку роль главного партийного идеолога отныне перешла от Петра Николаевича Пospelова к Михаилу Андреевичу Суслову, которую тот сохранил вплоть до своей смерти в январе 1982 года¹⁵². Более того, как утверждают ряд мемуаристов и историков (С. Н. Хрущёв, С. С. Войтиков¹⁵³), именно тогда Н. С. Хрущёв при формальном «лидерстве» премьера стал уже определять всю повестку дня заседаний Президиума ЦК и, по сути, предрешать все его решения.

Между тем, по мнению целого ряда историков (Р. Г. Пихоя, Ю. В. Аксютин, О. Л. Лейбович, С. Г. Москаленко¹⁵⁴), новая аграрная политика изначально представляла собой некий компромисс между двумя основными подходами к решению главных проблем сельского хозяйства страны. Первый из них, якобы связанный с допуском отдельных элементов «семейного капитализма», с очень большой долей условности можно назвать нэповским, хотя, конечно, он рассматривался как «уступка обстоятельствам» и «временное отступление» от движения к полной и окончательной победе социализма. Правда, сами авторы этой «концепции» разошлись во мнении о том, кто же всё-таки был главным выразителем этого подхода внутри Президиума ЦК. Например, профессора Р. Г. Пихоя и О. Л. Лейбович считали таковым Г. М. Маленкова, а их оппонент профессор Ю. В. Аксютин уверял, что доступные архивные документы, прежде всего стенограммы ряда Пленумов ЦК, «заставляют категорически возразить против данного утверждения». При этом сам профессор Ю. В. Аксютин так и не назвал имя главного «лоббиста» первого подхода, что довольно странно, ибо тогда в Президиуме ЦК «первым либералом» был именно Г. М. Маленков, а также, возможно, А. И. Микоян. Всё же остальные члены высшего руководства страны, особенно Н. С. Хрущёв, В. М. Молотов, Л. М. Каганович и Н. А. Булганин, уж точно никогда не были замечены в либеральных воззрениях и «нэповских поползновениях».

Содержание второго подхода, главным «лоббистом» которого, по мнению этих историков, выступал прежде всего Н. С. Хрущёв, состояло в следующем: сельское хозяйство страны остро нуждается в новых технологиях, новой технике и новых кадрах. Именно синтез этих трёх «новаций» в рамках социалистической системы хозяйствования и должен был обеспечить его реальный и непрерывный прогресс. А поскольку данный подход в целом соответствовал «сталинской традиции» строительства социализма на базе крупного машинного производства и полного обобществления собственности, то фактически предполагалось довести до логического конца всё то, что начал усопший вождь: превратить все совхозы и колхозы страны в фабрики по производству сельхозпродукции, используя опыт технической реконструкции промышленного производства. Со временем именно этот подход становился всё более преобладающим и в конце концов полностью поглотил первый. Причём в рамки этого «индустриального подхода» вписывался и новый курс на освоение целинных и залежных земель, который Н. С. Хрущёв инициирует буквально через полгода.

Хотя, как считает тот же профессор Ю. В. Аксютин, несмотря на то что «второе ("хрущёвское") издание индустриализации сельского хозяйства» не только по замыслу, но и по методам реализации очень напоминало сталинскую модель, полного тождества между ними не было. Теперь она проводилась за счёт государственных

инвестиций, о чём вполне зримо говорила докладная записка первого заместителя министра финансов СССР Василия Фёдоровича Гарбузова на имя Г. М. Маленкова и Н. С. Хрущёва, направленная им в марте 1954 года. В этой записке он предложил внести поправки в баланс денежных доходов и расходов населения, а также в бюджет страны, поскольку только в текущем году он потеряет в своей доходной части порядка 6,7 млрд. рублей за счёт снижения обязательных поставок и увеличения закупок зерна, а также 3,5 млрд. рублей в результате сокращения сельхозналога со всех типов крестьянских хозяйств¹⁵⁵.

Между тем, как считают ряд историков (Ю. В. Емельянов¹⁵⁶), уже в начале ноября 1953 года на расширенном совещании в ЦК, посвящённом кадровым вопросам, Н. С. Хрущёв получил очередной козырь в борьбе за единоличную власть. Во время выступления Г. М. Маленкова, который неожиданно для всех обрушился с резкой критикой на партийный аппарат, обвинил его в коррупции, моральном разложении и «перерождении», Н. С. Хрущёв, уловив настроение зала, «деликатно» поправил премьера и прямо заявил, что «аппарат — это наша опора», чем сорвал восторженные аплодисменты буквально всего зала, пребывавшего в минутном оцепенении после речи премьера. Однако многие историки ставят под сомнение сам факт такого инцидента, о котором впервые поведал известный фантазёр Ф. М. Бурлацкий, а затем и сын премьер-министра А. Г. Маленков¹⁵⁷, которые уж точно не могли присутствовать на данном совещании в здании ЦК. Вместе с тем рождение самой этой фантазии вполне объяснимо, поскольку уже к осени 1953 года у Г. М. Маленкова действительно резко обострился конфликт со всей партийной номенклатурой, особенно с секретарским корпусом на местах.

Тем временем внутри самого Совета Министров СССР была проведена новая реорганизация ряда министерств. В частности, в конце ноября 1953 года было разукрупнено Министерство сельского хозяйства и заготовок СССР, на базе которого были созданы два министерства — сельского хозяйства и заготовок. Руководителем первого был переназначен Иван Александрович Бенедиктов, а главой второго стал Леонид Романович Корниец. Причём оба новых назначенца считались креатурами Н. С. Хрущёва: И. А. Бенедиктов как крупный специалист по сельскому хозяйству, возглавлявший с довоенных времён наркоматы земледелия РСФСР и СССР, а затем и само Министерство сельского хозяйства СССР (1947-1953), и Л. Р. Корниец как очень опытный хозяйственник, который также с довоенных времён возглавлял СНК УССР (1939-1944), а затем более девяти лет работал сначала «рядовым», а позднее и первым заместителем председателя Совета Министров УССР (1944-1953).

Вскоре произошёл ещё ряд примечательных событий. Во-первых, 7 декабря 1953 года Совет Министров СССР утвердил, как выразился Ю. Н. Жуков¹⁵⁸, довольно «странное» Постановление, которое гласило, что «для обеспечения лучшей организации проверки исполнения решения правительства и для подготовки проектов решений по важнейшим вопросам сельского хозяйства»: 1) образовать при Совете Министров СССР отраслевое Бюро по сельскому хозяйству и заготовкам и 2) назначить главой этого Бюро тов. Н. С. Хрущёва и ввести его в состав Президиума Совета Министров СССР. По факту данное решение не просто делало Н. С. Хрущёва заместителем председателя союзного правительства. Именно с этого момента не только де-факто, но и де-юре он стал единственным членом Президиума ЦК, который, вопреки известному решению мартовского Пленума ЦК, вновь занял два руководящих поста — в партии и в правительстве. Однако с какой целью был

предпринят этот шаг, до сих пор не очень ясно. Сам Ю. Н. Жуков выдвинул предположение, что автором этой хитроумной интриги стал лично Г. М. Маленков, который именно таким своеобразным образом хотел подставить Н. С. Хрущёва и сделать его «козлом отпущения» за неизбежные провалы новой аграрной политики, одобренной сентябрьским Пленумом ЦК. Однако если это так, то Г. М. Маленков, конечно, просчитался, поскольку де-факто данное решение как раз серьёзно ущемляло полномочия самого премьера.

Во-вторых, 25 декабря 1953 года вышло очередное Постановление Совета Министров СССР, в соответствии с которым была воссоздана старая, т. е. сталинская, структура союзного правительства и воссозданы отраслевые Бюро по металлургии и угольной промышленности, машиностроению, транспорту и связи, энергетике, химической и лесной промышленности и товарам широкого потребления, которые соответственно возглавили Иван Фёдорович Тевосян, Вячеслав Александрович Малышев, Лазарь Моисеевич Каганович, Михаил Георгиевич Первухин и Алексей Николаевич Косыгин¹⁵⁹. Причём, как считает тот же Ю. Н. Жуков, это решение стало очередной победой консервативного крыла Президиума ЦК (Н. С. Хрущёв, В. М. Молотов, Н. А. Булганин), которое вполне сознательно сужало полномочия премьера.

Между тем на имя Н. С. Хрущёва были направлены две докладные записки, которые, по мнению многих российских историков (И. В. Русинов, И. Е. Зеленин, С. Г. Москаленко, В. А. Шестаков, С. Н. Андреенков, В. Н. Томили¹⁶⁰), стали своеобразной «научной базой» будущей целинной эпопеи. Первая записка — «Об увеличении производства зерна за счёт распахки новых земель» от 30 ноября 1953 года — принадлежала перу первого заместителя председателя Совета Министров РСФСР и министру сельского хозяйства РСФСР Павлу Павловичу Лобанову. А автором второй записки с очень длинным названием «Об увеличении производства зерна в колхозах путём распахки перелогов, залежей, целинных земель, малопродуктивных лугов и пастбищ под расширение посевных площадей зерновых культур», датированной 4 декабря 1953 года, был уже министр сельского хозяйства СССР Иван Александрович Бенедиктов¹⁶¹. О самих записках, а также о довольно острой борьбе вокруг нового аграрного курса мы поговорим чуть позже. А в данном случае лишь констатируем тот факт, что 22 января 1954 года сам Н. С. Хрущёв направил в Президиум ЦК собственную записку «Пути решения зерновой проблемы», которая повторяла все основные положения записки И. А. Бенедиктова и ряда других аналогичных записок, посланных тогда же на его имя Т. Д. Лысенко, С. Ф. Демидовым, А. И. Козловым и Л. Р. Корнийцем¹⁶².

Как считают ряд историков (Ю. Н. Жуков¹⁶³), под напором консерваторов уже 25 января 1954 года Президиум ЦК принял два крайне важных документа, оформленных как Постановления ЦК КПСС. Первое Постановление ЦК «О серьёзных недостатках в работе партийного и государственного аппарата»¹⁶⁴, по сути, отменяло прежнее Постановление Совета Министров СССР «О расширении прав министерств СССР», принятое с подачи Г. М. Маленкова в апреле 1953 года. В результате этого во всех союзных министерствах был резко сокращён центральный аппарат, что автоматически расширило права и полномочия всех республиканских Совминов и ЦК. Второе же Постановление ЦК «О подъёме целинных и залежных земель как основного средства резкого увеличения сбора зерновых»¹⁶⁵ де-факто поставило жирный крест на всех решениях сентябрьского Пленума ЦК и стало отправной точной подготовки нового Пленума ЦК, который пройдёт в феврале — марте 1954

года и даст старт печально знаменитой «целинной эпопее». Но об этой странице хрущёвской эпохи мы более подробно поговорим несколько позже, поскольку параллельно с «зерновой проблемой» Н. С. Хрущёв буквально ринулся решать «крымскую проблему», которой на самом деле не существовало.

¹¹⁸ Жуков Ю.Н. Сталин: тайны власти. М., 2005; Даниленко М.А. Экономическая программа Г.М. Маленкова и политическая борьба вокруг её реализации // Научные труды МПГУ. Серия: социально-исторические науки. М., 2004; Жиленков М.Г. Политическая борьба после смерти Сталина. Свержение Берии // Суть времени. 2015. № 143-144.

¹¹⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 12. Л. 36-51, 107-129.

¹²⁰ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 416. Л. 14-16.

¹²¹ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 416. Л. 17-19; Пиманов А.С. История строительства железной дороги «Чум — Салехард — Игарка» (1947-1955). Тюмень, 1998; Кокурин А.И., Моруков Ю. Н. Тоннель под Татарским проливом: неосуществлённый проект. 1950-1952 гг. // Исторический архив. 2001. № 6; Жолдасов А. На руинах великой стройки. История Главного туркменского канала // Центр. Азия. 03.02.2003.

¹²² Жуков Ю.Н. Сталин: тайны власти. М., 2005.

¹²³ Пыжиков А.В. Хрущёвская «оттепель», 1953-1964. М., 2002.

¹²⁴ Аксютин Ю.В. Хрущёвская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953-1964 гг. М., 2010.

¹²⁵ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 47. Л. 1-2.

¹²⁶ Медведев Р.А. Они окружали Сталина. М., 2006; Аксютин Ю.В. Хрущёвская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953-1964 гг. М., 2010.

¹²⁷ Речь тов. Г. М. Маленкова // Коммунист. 1953. № 4.

¹²⁸ Зубкова Е.Ю. Маленков и Хрущёв... // Отечественная история. 1995. № 4. Следует сказать, что тот же Ю. В. Аксютин, говорит, правда вскользь, что с инициативой сокращения налогов, взимавшихся с колхозного крестьянства, и разработки целостной системы мер по подъёму сельского хозяйства, в том числе за счёт материальных стимулов, первым выступил не кто иной, как маршал Л. П. Берия.

¹²⁹ Коваленко Ю. Американская разведка недооценила Хрущёва // Известия. 11 ноября 1993.

¹³⁰ Аксютин Ю.В. Хрущёвская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953-1964 гг. М., 2010.

¹³¹ Суханов Д.Н., Безыменский Л.А. Сталин пошевелил пальцами... // Новое время. 1991. № 48; Зубкова Е.Ю. Маленков и Хрущёв... // Отечественная история. 1995. № 4.

¹³² Медведев Р.А. Они окружали Сталина. М., 2006; Пихоя Р.Г. О внутривнутриполитической борьбе в советском руководстве 1945-1958 гг. // Новая и новейшая история. 1995. № 6; Аксютин Ю.В. Хрущёвская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953-1964 гг. М., 2010. Боффа Д. История Советского Союза. Т. 2. М., 1990.

¹³³ Молотов, Маленков, Каганович. 1957. Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1998.

¹³⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 165. Д. 131. Л. 5-6.

¹³⁵ Жуков Ю.Н. Сталин: тайны власти. М., 2005; Даниленко М.А. Партийная и государственная деятельность Г. М. Маленкова (1939-1957 гг.). М., 2005.

¹³⁶ Зубкова Е.Ю. Маленков и Хрущёв... // Отечественная история. 1995. № 4; Пыжиков А.В. Хрущёвская «оттепель», 1953-1964. М., 2002; Емельянов Ю.В. Хрущёв. От пастуха до секретаря ЦК. М., 2012.

¹³⁷ «Шесть условий товарища Сталина» — это название брошюры, в которой была опубликована речь И. В. Сталина «Новая обстановка — новые задачи хозяйственного строительства», произнесённая им 23 июня 1931 года на совещании в ЦК ВКП(б) с участием ответственных работников предприятий и организаций ВСНХ СССР и Наркомата снабжения СССР, где были почти все члены Политбюро: В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов, Л. М. Каганович, Г. К. Орджоникидзе, М. И. Калинин, В. В. Куйбышев, А. И. Микоян, А. А. Андреев и Н. М. Шверник. Суть этих условий состояла в следующем: 1) грамотно и организованно набирать рабочую силу; 2) правильно организовать заработную плату, улучшить бытовые условия рабочих; 3) улучшить организацию труда; 4) уделять больше внимания технической интеллигенции, в том числе беспартийной; 5) больше привлекать к работе инженерно-технические кадры старой школы; 6) внедрять и укреплять хозрасчёт.

¹³⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1581. Л. 13; Чуев Ф.И. Сто сорок бесед с Молотовым. М., 1991; Шепилов Д.Т. Непримкнувший. М., 2001; Хлевнюк О.В., Горлицкий Й. Холодный мир. Сталин и завершение сталинской диктатуры. М., 2011; Спицын Е.Ю. Осень патриарха. Советская держава в 1945-1953 годах. М., 2018.

¹³⁹ Хрущёв С.Н. Никита Хрущёв. Реформатор. М., 2010.

¹⁴⁰ Аксютин Ю.В. Хрущёвская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953-1964 гг. М., 2010.

¹⁴¹ Впервые публичная критика последней сталинской работы прозвучала ещё на июльском Пленуме ЦК 1953 года из уст самого Г.М. Маленкова, который подверг отрицанию «известное предложение тов. Сталина о продуктообмене», выдвинутое им «без достаточного анализа и экономического обоснования», которое «может стать препятствием на пути решения важнейшей ещё на многие годы задачи всемерного развития товарооборота».

¹⁴² Денисов Ю.П. Аграрная политика Н. Хрущёва: итоги и уроки // Общественные уроки и современность. 1996. № 1; Аксютин Ю.В. Хрущёвская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953-1964 гг. М., 2010.

¹⁴³ Емельянов Ю.В. Хрущёв. От пастуха до секретаря ЦК. М., 2012.

¹⁴⁴ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 47. Л. 148 об.

¹⁴⁵ Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1935). Ч. II. 1925-1935. М., 1936; КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 6. М., 1985.

¹⁴⁶ Кирилина А.А. Неизвестный Киров: мифы и реальность. М., 2001; Жуков Ю.Н. Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933-1937 гг. М., 2003.

¹⁴⁷ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 51. Л. 50; Жуков Ю.Н. Сталин: тайны власти. М., 2005.

¹⁴⁸ Каганович Л.М. Памятные записки. М., 2003.

¹⁴⁹ Аксютин Ю.В. Хрущёвская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953-1964 гг. М., 2010; Емельянов Ю.В. Хрущёв. От пастуха до секретаря ЦК. М., 2012; Баландин Р.К. Маленков. Третий вождь Страны Советов. М., 2007; Млечин Л.М. Смерть Сталина: вождь и его соратники. М., 2003.

¹⁵⁰ Жуков Ю.Н. Сталин: тайны власти. М., 2005; РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Л. 11. Л. 73.

Надо сказать, что система «конвертов» для партийно-государственной номенклатуры,

созданная ещё в 1920-х годах, неоднократно претерпевала изменения. Последний раз такие изменения произошли в конце мая — первой половине июня 1953 года, когда по инициативе Г. М. Маленкова вышли секретные Постановления Совета Министров СССР по данному вопросу. Итогом этой «реформы» стало резкое увеличение «конвертного» довольствия ответственным работникам Совета Министров СССР, союзных министерств и ведомств, а также руководящему составу всех областных, краевых, городских и районных исполкомов. При этом аналогичные «конверты» для сотрудников партийных аппаратов всех уровней и правительственной бюрократии союзных республик были, напротив, либо резко урезаны, либо даже отменены.

¹⁵¹ Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти, 1945-1991. Новосибирск, 2000; Аксютин Ю.В. Хрущёвская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953-1964 гг. М., 2010; Пыжиков А.В. Хрущёвская «оттепель», 1953-1964. М., 2002; Жуков Ю.Н. Сталин: тайны власти. М., 2005; Зубкова Е.Ю. Общество и реформы (1945-1964). М., 1993; Баландин Р.К. Маленков. Третий вождь Страны Советов. М., 2007.

¹⁵² Жуков Ю.Н. Сталин: тайны власти. М., 2005.

¹⁵³ Хрущёв С.Н. Никита Хрущёв. Реформатор. М., 2010; Войтиков С.С. Центральный Комитет. Высшее партийное руководство от Ленина и Плеханова до Хрущёва, 1890-1964 гг. М., 2019.

¹⁵⁴ Пихоя Р.Г. О внутривластной борьбе в советском руководстве 1945-1958 гг. // Новая и новейшая история. 1995. № 6; Аксютин Ю.В. Хрущёвская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953—1964 гг. М., 2010; Лейбович О. Реформа и модернизация в 1953-1964 гг. Пермь, 1993; Москаленко С.Г. Эволюция аграрной концепции Н.С. Хрущёва (1953-1964). Автореферат дисс. канд. ист. наук. Ростов н/Д., 1992.

¹⁵⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 56. Л. 1-5.

¹⁵⁶ Емельянов Ю.В. Хрущёв. От пастуха до секретаря ЦК. М., 2012.

¹⁵⁷ Бурлацкий Ф.М. После Сталина. Заметки о политической оттепели // Новый мир. № 10. 1988; Маленков А.Г. О моём отце Георгии Маленкове. М., 2007.

¹⁵⁸ Жуков Ю.Н. Сталин: тайны власти. М., 2005.

¹⁵⁹ Жуков Ю.Н. Сталин: тайны власти. М., 2005.

В феврале 1954 года будет создано ещё одно отраслевое Бюро по торговле, которое возглавит А. И. Микоян.

¹⁶⁰ Русинов И.В. Аграрная политика КПСС в 50-е — первой половине 60-х гг.: опыт и уроки // Вопросы истории КПСС. 1988. № 9; Зеленин И.Е. Целинная эпопея: разработка, принятие и осуществление первой хрущёвской сверхпрограммы (сентябрь 1953 — начало 1960-х гг.) // Отечественная история. 1998. № 4; Зеленин И.Е. Аграрная политика Н.С. Хрущёва и сельское хозяйство. М., 2001; Москаленко С.Г. Эволюция аграрной концепции Н. С. Хрущёва (1953-1964). Автореферат диссертации канд. ист. наук. Ростов н/Д., 1992; Шестаков В.А. Аграрная политика Н. С. Хрущёва: преемственность и новации // Отечественная история. 2006. № 6; Андреев С.Н. «Целинный проект» 1954 года: предпосылки, разработка и реализация в Сибири // Исторический ежегодник. Новосибирск, 2007; Томилин В.Н. Кампания по освоению целинных и залежных земель в 1954-1959 гг. // Вопросы истории. 2009. № 9.

¹⁶¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 24. Д. 538. Л. 7-22.

¹⁶² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 64. Л. 1-2; Ф. 5. Оп. 45. Д. 1. Л. 1-74.

¹⁶³ Жуков Ю.Н. Сталин: тайны власти. М., 2005.

¹⁶⁴ Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам. М., 1958.

¹⁶⁵ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 63. Л. 1.

4. Крым: роковое решение Н. С. Хрущёва

а) Предыстория крымского вопроса

Всего через полгода после окончания Гражданской войны, 29 апреля 1921 года, тогдашний глава Наркомата по делам национальностей И. В. Сталин направил членам Политбюро и ответсекретарю ЦК В. М. Молотову записку, в которой предложил «путём телефонного опроса членов Политбюро» принять «решение о необходимости выделения Крымского полуострова в Крымскую автономную республику»¹⁶⁶. 10 мая СНК РСФСР принял протокольное Постановление «О создании автономной области в Крыму»¹⁶⁷, а 18 октября 1921 года совместным Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР за подписью В. И. Ленина, М. И. Калинина и А. С. Енукидзе на части территорий Таврической губернии в географических границах Крымского полуострова была создана «Автономная Крымская Социалистическая Советская Республика как составная часть РСФСР», в рамках которой были сохранены семь ранее существовавших округов, т. е. Джанкойский, Евпаторийский, Керченский, Севастопольский, Симферопольский, Феодосийский и Ялтинский. Причём в этом же Постановлении было также указано, что вопрос о северных границах Крымской автономии подлежит отдельному рассмотрению специальной Комиссией в составе представителей НКВД РСФСР, УССР и Автономной Крымской ССР, а также Наркомнаца РСФСР и решение данной Комиссии будет утверждено ВЦИК, а не ЦИК УССР. Спустя три недели, 10 ноября 1921 года, была принята и первая Конституция Автономной Крымской ССР, базой для которой стали основные принципы и положения тогдашней Конституции РСФСР, принятой в июле 1918 года. Позднее, 5 мая 1929 года, была принята новая Конституция республики, в соответствии с которой её название было изменено: теперь она стала называться Крымская Автономная Советская Социалистическая Республика.

Понятно, что Крымская АССР, как и все другие союзные и автономные республики в составе СССР, была многонациональным образованием, однако тогда коренными народами республики считались только два этноса: караимы и крымские татары. Между тем уже в первой половине 1920-х годов в высших партийных инстанциях стала активно продвигаться идея создания еврейской автономии в Крыму, о целесообразности создания которой, как утверждают ряд авторов (Г. Аронсон, А. Кюхенбекер¹⁶⁸), говорил и сам В. И. Ленин, когда в ноябре 1918 года в составе Наркомнаца РСФСР был образован Еврейский комиссариат, занимавшийся в том числе и поиском свободных территорий для расселения и социализации трудящихся евреев, для которых была снята черта оседлости, существовавшая в Российской империи с 1791 года.

Уже в декабре 1923 года по решению Политбюро ЦК РКП(б), которое очень активно пролоббировали Лев Давыдович Троцкий, Лев Борисович Каменев, Николай Иванович Бухарин и Георгий Васильевич Чичерин, для рассмотрения данного вопроса была создана специальная Комиссия во главе с заместителем председателя СНК СССР Александром Дмитриевичем Цюрупой. Более того, в августе 1924 года для организации еврейского переселения в Крым отдельным Постановлением Президиума ЦИК при Президиуме Совета национальностей ЦИК был образован

Государственный Комитет по земельному устройству трудящихся евреев (КОМЗЕТ), во главе которого встал Пётр Гермогенович Смидович. Затем в декабре 1924 года был создан Общественный комитет по земельному устройству трудящихся евреев (ОЗЕТ), который возглавил Юрий Залманович Ларин (Лурье), вплотную занявшийся «мобилизацией» всей международной общественности в поддержку землеустроительных проектов этого комитета.

Не менее активным сторонником идеи еврейской колонизации Крыма и Приазовья был и бывший меньшевик, директор русского отдела американской организации «Джойнт» Иосиф Борисович Розен, который с июля 1924 года одновременно возглавил «Агро-Джойнт». Именно с этой структурой и стали довольно активно сотрудничать ряд видных сионистов, а ныне новоявленных большевиков, в частности бывший заместитель главы Наркомнаца РСФСР Григорий Исаакович Бройдо и заведующий Всероссийской сельхозвыставкой Абрам Григорьевич Брагин, который в том же 1924 году в соавторстве с Михаилом Ефимовичем Кольцовым (Фридляндом) опубликовал известную книгу «Судьба еврейских масс в СССР». Кстати, реальным хозяином самого «Джойнта» был небезызвестный Феликс Варбург, который, будучи сыном главы фамильного банка Моисея Варбурга, ещё в юном возрасте покинул Германию и переехал в США, где вскоре женился на Фриде Шифф, дочери президента Kuhn, Loeb & Co Джейкоба Шиффа — одного из спонсоров Февральского дворцового переворота, тесно связанного с банкирским домом Ротшильдов. Поэтому совершенно не случайно, что его старший брат Пауль Варбург, свойственник того же Джейкоба Шиффа, был одним из инициаторов известной сходки ведущих американских банкиров на острове Джекил, на которой была выработана вся концепция будущей Федеральной резервной системы США, основанной в декабре 1913 года. Более того, в 1916 году дочь Феликса Варбурга, Карола, вышла замуж за Вальтера Натана Ротшильда, который был главой еврейской сионистской общины в США.

В 1924 году между «Джойнтом» и СНК СССР был подписан договор о создании корпорации «Агро-Джойнт» (American Jewish Joint Agricultural Corporation), которая взялась за аграризацию советских евреев, в то время как государство через КОМЗЕТ безвозмездно предоставляло переселенцам земли в Крыму и на Украине, налоговые и другие льготы. Причём, помимо ОЗЕТа, для содействия проекту и его финансового обеспечения в 1928 году «Джойнт» создал акционерное «Американское общество по устройству еврейских ферм» (The American Society for Jewish Farm Settlements in Russia), во главе которого встали его основные инвесторы Дж. Розенберг и Дж. Розенвальд. Тем временем Комитет Ю. З. Ларина выдвинул проект еврейской колонизации северного и северо-восточного Крыма — самой необжитой и неблагоприятной для развития сельского хозяйства территории полуострова, где под еврейское переселение было отведено 350 тысяч га в Евпаторийском и Джанкойском районах Крымской республики. Позднее, в 1930 году, на этой территории был создан и Фрайдорфский еврейский национальный район площадью 240 тысяч га.

Между тем, как установили ряд историков (Г. В. Костырченко, М. Г. Агапов, Г. Аронсон, А. Кюхенбекер¹⁶⁹), далеко не все руководители страны были в восторге от деятельности КОМЗЕТа и идеи «крымского проекта». Помимо И. В. Сталина и В. М. Молотова, против него очень активно выступали Первый секретарь ЦК КП(б)У Э. И. Квиринг, нарком земледелия РСФСР А. П. Смирнов, нарком юстиции УССР Н. А. Скрыпник и председатель ЦИК Крымской АССР В. Ибраимов. Именно поэтому уже

весной 1927 года сталинское руководство стало искать иные способы решения «еврейского вопроса», и в марте 1928 года Президиум ЦИК СССР за подписью М. И. Калинина принял Постановление «О закреплении за КОМЗЕТОМ для нужд сплошного заселения трудящимися евреями свободных земель в приамурской полосе Дальневосточного края», аккуратно на границе с тогдашним гоминдановским Китаем, на севере которого кишмя кишели недобитые белогвардейцы и белоказаки¹⁷⁰.

Кстати, сам М. И. Калинин, как и П. Г. Смидович, в отличие от Ю. З. Ларина, сразу поддержали эту идею. Более того, «всесоюзный староста» стал главным куратором всего «дальневосточного проекта», который, по замыслам его создателей, должен был увенчаться созданием полноценной еврейской государственности в виде Еврейской Автономной ССР. Именно поэтому уже в августе 1930 года ЦИК РСФСР опять же за подписью М. И. Калинина принял Постановление «Об образовании в составе Дальневосточного края Биро-Биджанского национального района». А в мае 1934 года на базе этого района новым Постановлением, но уже ЦИК СССР, будет образована Автономная Еврейская национальная область, которая так и не будет преобразована в Еврейскую АССР.

В результате Крымская АССР в составе РСФСР осталась в том же правовом статусе, что и прежде. Однако сразу после окончания войны ситуация резко изменилась. Уже 25 июня 1945 года председатель и секретарь Президиума Верховного Совета РСФСР И. А. Власов и П. В. Бахмуrow подписали Указ «О преобразовании Крымской АССР в Крымскую область в составе РСФСР» и направили соответствующее представление в Президиум Верховного Совета СССР, который за подписью М. И. Калинина и А. Ф. Горкина 30 июня 1945 года издал аналогичный указ. Причём, как явствует из архивных документов¹⁷¹, данное решение принимали всего шесть человек: И. В. Сталин, А. А. Жданов, М. И. Калинин, Г. М. Маленков, Н. М. Шверник и А. Ф. Горкин.

Существует расхожее представление, что ликвидация Крымской автономии возродила прежние идеи о создании в Крыму еврейской автономии, которую стали активно продвигать лидеры Еврейского антифашистского комитета (ЕАК) Соломон Михоэлс, Ицик Фефер и Шахно Эпштейн. Однако это не совсем так. Как утверждают ряд историков и мемуаристов (Г. В. Костырченко, П. А. Судоплатов¹⁷²), в практическом плане вопрос о создании еврейской автономии в Крыму возник летом 1943 года при подготовке пропагандистской и деловой поездки С. М. Михоэлса и И. С. Фефера в США. Предполагалось, что сионистские круги США, с которыми советские визитёры через посольскую резидентуру должны были установить прочный рабочий контакт, воспримут идею «крымского проекта» с большим энтузиазмом и раскошелятся на его реализацию, тем более что лидеры ЕАК имели санкцию от В. М. Молотова на ведение переговоров с сионистами о материальной поддержке еврейского переселения в Крым после его освобождения от нацистов. Вместе с тем их оппоненты, в частности Ж. А. Медведев¹⁷³, говорят о том, что вряд ли глава советского НКВД мог дать какую-либо санкцию на какие-либо переговоры, ибо «подобные вопросы могли серьёзно обсуждаться и решаться лишь одним органом власти — Государственным Комитетом Обороны», но «никаких документов о том, что ГКО рассматривал этот вопрос в любой форме, не существует».

Между тем уже в январе 1944 года И. С. Фефер и Ш. Б. Эпштейн, которые были штатными сотрудниками НКВД¹⁷⁴, составили проект докладной «Записки о Крыме» на имя И. В. Сталина, текст которой был направлен для ознакомления заместителю

наркома иностранных дел С. А. Лозовскому и главе ЕАК С. М. Михоэлсу. Причём, как уверяют П. А. Судоплатов и Ж. А. Медведев, И. С. Фефер не раз обсуждал «крымский проект» с самим Л. П. Берией, который одобрял эту работу.

15 февраля 1944 года «Записка о Крыме» была передана главе сталинской канцелярии генералу А. Н. Поскрёбышеву, однако руководители ЕАК не были уверены, что их документ попадёт на стол к вождю. Поэтому через неделю точно такую же «Записку о Крыме» они адресовали В. М. Молотову и через С. А. Лозовского передали её Полине Семёновне Жемчужиной. Получив от супруги данную «Записку», В. М. Молотов не только прочитал её, но и тут же направил для ознакомления Г. М. Маленкову, А. И. Микояну, А. С. Щербакову и Н. А. Вознесенскому. Судя по пометкам, с ней ознакомился только кандидат в члены Политбюро и секретарь ЦК Александр Сергеевич Щербаков. Хотя не исключено, что то же самое сделали и все другие адресаты, в том числе и И. В. Сталин. Если говорить о содержании самой записки, то вся её суть была изложена в самом конце этого документа: «1) создать на территории Крыма Еврейскую Советскую Социалистическую республику и 2) заблаговременно, до освобождения Крыма, назначить правительственную Комиссию с целью разработки этого вопроса»¹⁷⁵.

Совершенно очевидно, что предложение вождей ЕАК о создании в Крыму не просто автономной, а целой союзной советской республики выходило за все разумные рамки, поэтому известный литератор А. М. Борщаговский выдвинул версию, что «Записка о Крыме» была «заговором чекистов» и лично Л. П. Берии «не только против ЕАК и мирового еврейства», но прежде всего лично против В. М. Молотова¹⁷⁶. Более того, он также говорит о том, что «есть основания предположить, что переадресовка этой записки В. М. Молотову» могла быть как «сталинской затеей», так и подлой интригой Г. М. Маленкова или даже А. А. Жданова, которые завидовали В. М. Молотову, «давно и прочно ставшему второй фигурой после И. В. Сталина». Как бы то ни было, но эта «Записка о Крыме» была отправлена в архив, и больше к ней никто не возвращался.

Последним нормативным актом, прямо связанным с Крымской областью, стал Указ Президиума Верховного Совета РСФСР № 761/2 от 29 октября 1948 года за подписью И. А. Власова и П. В. Бахмурова, в соответствии с которым город Севастополь был выделен в самостоятельный административный центр РСФСР со своим бюджетом и отнесён к категории городов республиканского подчинения, что приравнивало его по статусу как к самой Крымской области, так и ко всем другим административно-территориальным единицам РСФСР¹⁷⁷. Причём разного рода конспирологи связывали выход этого указа с летней поездкой И. В. Сталина в Крым, где он поддался «просьбам» военных моряков передать всё управление символом «русской славы» именно им.

б) «Крымская эпопея» Н.С. Хрущёва

Новый этап в истории Крымской области наступил в начале 1954 года, когда новоявленный Первый секретарь ЦК Н. С. Хрущёв на заседании Президиума ЦК выступил с инициативой передать эту область из состава РСФСР в состав УССР. Вопрос о том, почему именно Н. С. Хрущёв инициировал передачу Крымской области в состав УССР, до сих пор до конца не прояснён. Например, бывший

ельцинский министр М. Н. Полторанин, автор нашедшей книги «Власть в тротильном эквиваленте»¹⁷⁸, утверждал, что эта акция готовилась ещё при жизни И. В. Сталина, который таким своеобразным образом пытался де-юре дезавуировать все «нэповские» обязательства СНК РСФСР 1921-1922 годов перед владельцами земельных паёв-векселей на крымскую землю, среди которых были многие представители американской политической элиты и тамошней еврейской общины, в том числе Г. Гувер, Ф. Рузвельт, Э. Рузвельт, Л. Маршалл и другие. Сын бывшего лидера страны С. Н. Хрущёв и украинские историки Ю. И. Шаповал и П.В.Вольвач¹⁷⁹ всячески убеждают, что передача Крыма в состав СССР была вызвана сугубо экономическими мотивами. При этом сам С. Н. Хрущёв утверждает, что основной причиной стало возведение Каховской ГЭС и строительство Северо-Крымского оросительного канала, а «самостійні вчѐные» особо напирают на тот факт, что главным побудительным мотивом стало то, что само руководство РСФСР «очень плохо справлялось с восстановлением крымской экономики», которая буквально лежала в руинах. Хотя совершенно очевидно, что, во-первых, последний «аргумент», мягко говоря, не вполне корректен¹⁸⁰, а во-вторых, в условиях единого народно-хозяйственного комплекса страны этот «аргумент» не выдерживает никакой серьёзной критики. Наконец, известный знаток хрущёвской эпохи профессор А. В. Пыжиков и профессор Гарвардского университета М. Крамер¹⁸¹ вполне резонно полагают, что вся «крымская эпопея» была связана прежде всего с тем, что на новом витке острой борьбы за единоличную власть Н. С. Хрущёв, который более десятка лет возглавлял Украинскую ССР, очень рассчитывал получить мощную поддержку со стороны довольно быстро набиравшей силу украинской партноменклатуры, которая тогда резко увеличила своё представительство и в ЦК КПСС, и в Совете Министров СССР. Неслучайно сама передача Крыма в состав Украинской ССР идеологически была привязана к празднованию 300-летнего юбилея знаменитой Переяславской Рады, на которой, по тогдашней терминологии, произошло «историческое воссоединение Украины с Россией».

Кроме того, многие историки, политики и публицисты не исключают и мотива «покаяния» Н. С. Хрущёва за «политические репрессии» на Украине, которые он лично инициировал в свою бытность Первым секретарём ЦК КП(б)У¹⁸².

Между тем в настоящее время целый ряд авторов, в основном либерального пошиба (С. Н. Хрущёв, Р. А. Медведев, А. А. Богомолов, Ю. И. Шаповал¹⁸³), всячески пытаются «реабилитировать» Н. С. Хрущёва и снять с него вину за «крымскую эпопею», представив дело таким образом, что данное решение было одобрено и принято всем составом «коллективного руководства». Но реальные факты говорят о том, что именно Н. С. Хрущёв стал инициатором этого процесса. Достаточно сказать, что уже 16 января 1954 года именно он добился отставки Первого секретаря Крымского обкома Павла Ивановича Титова, который ещё в ноябре 1953 года в крайне резкой форме возражал против передачи Крымской области в состав СССР, и назначения на этот пост активного сторонника своей затеи — второго секретаря Крымского обкома Дмитрия Степановича Полянского¹⁸⁴.

Надо сказать, что фигура П. И. Титова, недавно обретшего известность, стала всё больше привлекать внимание историков и публицистов. Например, ряд авторов (В. А. Панов, А. А. Чикин¹⁸⁵) утверждают, что П. И. Титов, который в начале августа 1949 года возглавил Крымский обком ВКП(б), был давним сторонником «русификации» Крыма. Так, ещё в октябре 1952 года, будучи делегатом XIX съезда партии, он

обратился с личным письмом к И. В. Сталину с необычным предложением вернуть Крымской области прежнее название — «Таврическая». По словам самого П. И. Титова, в январе 1953 года он получил ответ от вождя, посчитавшего его предложение «интересным и, может быть, правильным», которое можно «обсудить и решить». Однако после смерти И. В. Сталина этот проект, который тогда поддержал и секретарь Президиума Верховного Совета РСФСР Павел Васильевич Бахмутов, приказал долго жить.

Между тем уже в середине ноября 1953 года после поездки Н. С. Хрущёва в Крым в его голове родился совершенно иной проект — передачи Крымской области в состав УССР, — который он даже успел обсудить в Киеве с новым руководством УССР во главе с Первым секретарём ЦК КПУ А. И. Кириченко. Понятно, что П. И. Титов, как и ряд других секретарей Крымского обкома, не только всячески сопротивлялся этому проекту, но и искал возможный выход из данной ситуации. Понимая, что судьба Крыма уже де-факто предрешена, он предложил компромиссный вариант: создать в восточной части полуострова отдельную Керченскую область в составе РСФСР, с включением в её состав Керченского пролива и Таманского района Краснодарского края. Но всё было тщетно...

Уже 25 января 1954 года под председательством главы Совета Министров СССР Г. М. Маленкова состоялось заседание Президиума ЦК, на котором согласно протоколу № 49¹⁸⁶ присутствовали «члены Президиума ЦК тт. Хрущёв Н. С., Ворошилов К. Е., Булганин Н. А., Каганович Л. М., Микоян А. Л., Сабуров М. З., Первухин М. Г. Кандидаты в члены Президиума ЦК тт. Шверник Н. М., Пономаренко П. К. Секретари ЦК КПСС тт. Суслов М. А., Пospelов П. Н., Шаталин Н. Н.». Из этого списка следуют два очевидных факта: во-первых, на этом заседании отсутствовал один из ключевых членов высшего руководства — первый заместитель председателя Совета Министров СССР и министр иностранных дел СССР В. М. Молотов — и, во-вторых, упоминание Н. С. Хрущёва первым в списке членов Президиума ЦК де-факто ставило его вровень с самим Г. М. Маленковым, который всё ещё считался неформальным лидером страны.

Под номером XL этого протокола, озаглавленного «О передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР», значились всего два пункта: «1) утвердить с поправками, принятыми на заседании, прилагаемый проект Указа Президиума Верховного Совета СССР о передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР; и 2) признать целесообразным провести специальное заседание Президиума Верховного Совета СССР, на котором рассмотреть совместное представление Президиумов Верховных Советов РСФСР и УССР о передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР».

Анализ этого протокола ставит перед историками целый ряд неразрешимых вопросов. Во-первых, почему данный протокол подписал не Г. М. Маленков, который по решению Президиума ЦК вёл его заседания и подписывал все его решения и протоколы, а Н. С. Хрущёв? Во-вторых, кто, когда, а главное — кому дал указание готовить проект данного Указа ПВС СССР по этому вопросу? В-третьих, кто конкретно готовил данный указ? И, наконец, в-четвёртых, кто из членов «коллективного руководства», помимо самого Н. С. Хрущёва, принимал участие в обсуждении этого вопроса до заседания Президиума ЦК? Пока что убедительных ответов на сей счёт нет и всё до сих пор остаётся на уровне предположений¹⁸⁷.

Между тем 5 февраля 1954 года под руководством «президента» РСФСР Михаила Петровича Тарасова состоялось заседание Президиума Верховного Совета РСФСР, на котором, согласно протоколу № 41¹⁸⁸, присутствовали «заместители Председателя Президиума Верховного Совета РСФСР: тт. Андреева З. А., Данилова А. П., Селюкин М. О., Цыремпилов Д. Д., Щербаков П. В. Секретарь Президиума Верховного Совета РСФСР т. Зимин И. Н., члены Президиума Верховного Совета РСФСР: тт. Бузина П. С., Ладанов П. Ф., Пантиков П. Л., Пупшова К. Л., Соколов А. Г., Степанова К. В., Цветкова В. С., Яснов М. А. Министр юстиции РСФСР т. Рубичев А. Т. Председатель Верховного Суда РСФСР т. Зитюков С. Л. Прокурор РСФСР т. Баранов П. В. Заместитель Председателя исполнительного комитета Крымского областного Совета депутатов трудящихся т. Пономаренко Т. М. и Председатель исполнительного комитета Севастопольского городского Совета депутатов трудящихся т. Сосницкий С. В.». По итогам данного заседания было принято решение «О передаче Крымской области из состава РСФСР в состав Украинской ССР», в котором прямо говорилось, что, «учитывая общность экономики, территориальную близость и тесные хозяйственные и культурные связи между Крымской областью и Украинской ССР, Президиум Верховного Совета РСФСР постановляет: передать Крымскую область из состава РСФСР в состав Украинской ССР. Настоящее Постановление внести на утверждение Президиума Верховного Совета СССР».

Напомню, что, согласно статье 31 Конституции РСФСР 1937 года в редакции от 5 апреля 1941 года, Верховный Совет РСФСР избирал на первой сессии очередного созыва Президиум Верховного Совета РСФСР в составе своего председателя, 16 его заместителей (по числу автономных республик РСФСР), секретаря Президиума и 20 членов Президиума. Таким образом, списочная численность членов Президиума Верховного Совета РСФСР составляла 38 членов. Однако, как следует из протокола № 41, на заседании 5 февраля 1954 года присутствовали только 15 членов Президиума ВС РСФСР, которые по совершенно очевидной причине не обладали правом принятия каких-либо решений ввиду элементарного отсутствия кворума. Поэтому данное решение с самого начала было незаконным и не имело никакой юридической силы.

Между тем в тот же день за подписью председателя и управделами Совета Министров РСФСР А. М. Пузанова и И. В. Груздева уже вышло Постановление Совета Министров РСФСР № 156 «О передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР»¹⁸⁹, в котором также говорилось о том, что с учётом «территориального тяготения Крымской области к Украинской ССР, общности экономики и тесных хозяйственных и культурных связей между Крымской областью и Украинской ССР, Совет Министров РСФСР постановляет: считать целесообразным передать Крымскую область из состава РСФСР в состав УССР. Просить Президиум Верховного Совета РСФСР рассмотреть вопрос о передаче Крымской области в состав УССР и войти в Президиум Верховного Совета СССР с соответствующим постановлением». Понятно, что «аргументы» о «территориальном тяготении», «общности экономики» и «тесных хозяйственных и культурных связях» Крыма именно с УССР просто смехотворны и неубедительны. Но важно даже не это, а тот факт, что данное Постановление также являлось грубейшим нарушением действующей Конституции РСФСР, поскольку Совет Министров РСФСР мог только исполнять нормативно-правовые акты, которые приняты Президиумом Верховного Совета РСФСР, а не «просить» его о принятии каких-либо актов.

Но дело было уже сделано, и через неделю, 13 февраля 1954 года, в Киеве под руководством нового председателя Президиума Верховного Совета СССР Демьяна Сергеевича Коротченко состоялось аналогичное заседание республиканского ПВС, на котором было принято Постановление Президиума Верховного Совета СССР «О представлении Президиума Верховного Совета РСФСР по вопросу передачи Крымской области в состав СССР»¹⁹⁰, в нём также говорилось, что, «обсудив представление Президиума Верховного Совета Российской СФСР по вопросу передачи Крымской области из состава РСФСР в состав Украинской ССР, внесённое на рассмотрение Президиума Верховного Совета СССР, Президиум Верховного Совета Украинской ССР, со своей стороны, считает, что передача Крыма Украинской ССР, учитывая общность их экономики, территориальную близость и тесные хозяйственные и культурные связи, вполне целесообразна и является свидетельством безграничного доверия великого русского народа украинскому народу. Соответственно представлению Президиума Верховного Совета Российской СФСР Президиум Верховного Совета Украинской ССР постановляет: просить Президиум Верховного Совета Союза ССР передать Крымскую область из состава Российской СФСР в состав Украинской ССР». При этом до сих пор остаётся неясным законность данного решения, поскольку нет информации о том, сколько из 19 членов Президиума ВС СССР принимали участие в этом заседании и кто из них голосовал за данное Постановление, поскольку в российских госархивах нет ни протокола этого заседания, ни даже его копии.

Тем не менее 15 февраля 1954 года председатель и секретарь Президиума Верховного Совета СССР Д. С. Коротченко и В. Е. Нижник направили на имя председателя Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилова письмо о том, что «Президиум Верховного Совета Украинской ССР 13 февраля 1954 года принял Постановление по вопросу передачи Крымской области из состава Российской СФСР в состав Украинской ССР и вносит его на утверждение Президиума Верховного Совета СССР». При этом заметим, что никакого совместного представления Президиумов Верховных Советов РСФСР и СССР на имя К. Е. Ворошилова послано не было, что также шло вразрез с решением Президиума ЦК КПСС от 25 января 1954 года.

Тем не менее 19 февраля 1954 года маршал К. Е. Ворошилов созвал заседание Президиума Верховного Совета СССР для решения этого вопроса. Согласно статье 48 действующей Конституции СССР 1936 года в редакции от 8 августа 1953 года, в состав Президиума Верховного Совета СССР на то время входили председатель Президиума Верховного Совета СССР, 16 его заместителей — по одному от каждой союзной республики, — секретарь и 15 членов, т. е. 33 человека, а не 27, как утверждается в многочисленных печатных публикациях и на просторах Интернета¹⁹¹. Между тем, согласно протоколу № 35 от 19 февраля 1954 года¹⁹², на данном заседании ПВС СССР, помимо его главы маршала К. Е. Ворошилова, присутствовали секретарь ПВС Н. М. Пегов и его заместитель А. Ф. Горкин, 9 заместителей председателя ПВС (М. П. Тарасов, М. С. Гречуха, Ш. Рашидов, Т. Кулатов, Н. Додхудоев, Ф. Г. Бровко, М. П. Папьян, А. Сарыев и О. В. Куусинен) и 12 членов ПВС (А. А. Андреев, М. Д. Багиров, С. М. Будённый, С. А. Вагапов, А. Д. Даниялов, Я. Э. Калнберзин, З. А. Лебедева, З. И. Муратов, М. А. Суслов, З. Т. Фёдорова, Н. С. Хрущёв и Н. М. Шверник).

Казалось бы, кворум был налицо, поскольку присутствовали 23 члена ПВС СССР, а не 13, как это утверждается в стенограмме заседания Президиума ВС СССР, опубликованной в «Ведомостях Верховного Совета СССР» в мае 1954 года¹⁹³, многочисленных печатных публикациях и в Интернете. Однако этот протокол вызывает целый ряд вполне законных вопросов. Во-первых, почему в качестве заместителя ПВС СССР был указан Фёдор Григорьевич Бровко? Понятно, что, будучи 10 лет главой ПВС Молдавской ССР, по должности он стал одним из заместителей главы ПВС СССР. Однако ещё в марте 1951 года он был снят с этого поста и автоматически выпал из состава заместителей ПВС СССР. Но совершенно странным образом за прошедшие три года этот вопрос так и не был решён на сессии ВС СССР. Во-вторых, вполне понятно, что в качестве заместителя ПВС СССР был указан Михаил Сергеевич Гречуха, так как он только в середине января 1954 года был назначен первым заместителем председателя Совета Министров УССР и уступил свою прежнюю должность новому главе ПВС УССР Демьяну Сергеевичу Коротченко, который в этом качестве также был указан в данном протоколе заседания ПВС СССР. Но в данном случае этот вопрос носил чисто технический характер, до ближайшей сессии Верховного Совета СССР, которая пройдёт в апреле 1954 года. Однако совершенно непонятно, почему исключительно в качестве председателя ПВС Латвийской ССР был указан Карл Мартынович Озолинь, который занимал свою должность с марта 1952 года. Ведь по должности, как и другие главы союзных ПВС, он автоматически должен был стать заместителем главы ПВС СССР.

Между тем, как явствует из новых архивных документов¹⁹⁴, заседание Президиума Верховного Совета СССР, которое продолжалось всего 20 минут, было подготовлено ещё 1 февраля 1954 года Н. С. Хрущёвым, М. А. Сусловым и Н. М. Пеговым. Именно по их сценарию на этом заседании выступили только 6 человек, а именно: член Президиума ЦК, председатель ПВС СССР маршал К. Е. Ворошилов, председатель ПВС РСФСР М. П. Тарасов, председатель ПВС УССР Д. С. Коротченко, кандидат в члены Президиума ЦК и глава ВЦСПС Н. М. Шверник, председатель ПВС Узбекской ССР Ш. Р. Рашидов и его коллега, председатель ПВС Карело-Финской ССР О. В. Куусинен. После завершения всех выступлений секретарь Президиума Н. М. Пегов зачитал короткий текст Постановления об утверждении проекта Указа Президиума Верховного Совета СССР «О передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР», за который единогласно проголосовали все участники заседания.

Между тем напомним, что, согласно статье 18 Конституции СССР, территория союзной республики не могла быть изменена без согласия её высших органов. Формально такие согласия были оформлены со стороны обеих республик в виде Постановлений Президиумов ВС РСФСР и УССР. Однако в статье 33 Конституции РСФСР, содержащей полный перечень прав и полномочий Президиума Верховного Совета РСФСР, отсутствовало право какого-либо изменения границ РСФСР. Более того, изменение территории всех союзных республик не входило даже в полномочия самого Президиума Верховного Совета СССР, поскольку, согласно статьям 14 и 31 Конституции СССР, этот вопрос находился только в ведении самого Верховного Совета СССР, а не его Президиума. Таким образом, грубо нарушив нормы союзной Конституции, явно превысив свои конституционные полномочия и презрев саму процедуру решения данного вопроса, Президиум Верховного Совета СССР принял заведомо незаконное решение.

Тем не менее 26 апреля 1954 года Верховный Совет СССР, приняв на своей весенней сессии закон «О передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР», де-юре утвердил указ Президиума ВС и внёс соответствующие изменения в статьи 22 и 23 Конституции СССР. А затем 2 июня 1954 года Верховный Совет РСФСР единогласно принял закон «О внесении изменений и дополнений в статью 14 Конституции РСФСР», в соответствии с которым Крымская область была исключена из состава РСФСР. Наконец, спустя две недели, 17 июня 1954 года, в статью 18 Конституции УССР был внесён пункт о включении Крымской области в состав Украинской ССР.

Что касается Севастополя, то относительно него никаких решений принято не было, и в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета РСФСР № 761/2 от 29 октября 1948 года он продолжал оставаться «самостоятельным административно-хозяйственным центром со своим особым бюджетом» и по-прежнему относился к категории городов республиканского подчинения в составе РСФСР.

¹⁶⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 140 Л. 5.

¹⁶⁷ РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 421 Л. 7.

¹⁶⁸ Аронсон Г. Еврейский вопрос в эпоху Сталина. Книга о русском еврействе: 1917-1967. Иерусалим, 2002; Kuchenbecker A. Sionismus ohne Sion. Birobidzan: Idee und Geschichte eines jüdischen Staates in Sowjetisch-Fernost. Berlin, 2002.

¹⁶⁹ Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина. М., 2003; Агапов М.Г. А.Г. Брагин и проекты еврейского национального строительства в СССР // Вопросы истории. 2013. № 2; Аронсон Г. Еврейский вопрос в эпоху Сталина. Книга о русском еврействе: 1917-1967. Иерусалим, 2002; Kuchenbecker A. Sionismus ohne Sion. Birobidzan: Idee und Geschichte eines jüdischen Staates in Sowjetisch-Fernost. Berlin, 2002.

¹⁷⁰ Романова В.В. Власть и евреи на Дальнем Востоке: история взаимоотношений. Красноярск, 2001.

¹⁷¹ ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 4. Д. 349. Л. 206.

¹⁷² Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина. М., 2003; Судоплатов П.А. Разведка и Кремль: Записки нежелательного свидетеля. М., 1996.

¹⁷³ Медведев Ж.А. Сталин и еврейская проблема. Новый анализ. М., 2003.

¹⁷⁴ Судоплатов П.А. Разведка и Кремль: Записки нежелательного свидетеля. М., 1996. Медведев Ж.А. Сталин и еврейская проблема. Новый анализ. М., 2003.

¹⁷⁵ Из секретных архивов ЦК КПСС. Лакомый полуостров. Записка о Крыме // Родина. 1991. № 11-12.

¹⁷⁶ Борщаговский А.М. Обвиняется кровь. М., 1994.

¹⁷⁷ ГА РФ Ф. А-385. Оп. 17. Д. 977. Л. 1.

¹⁷⁸ Полторанин М.Н. Власть в тротиловом эквиваленте. М., 2010.

¹⁷⁹ Хрущёв С.Н. Никита Хрущёв. Реформатор. М., 2010; Шаповал Ю.І. Україна 20-50-х років: сторінки ненаписаної історії. Киев, 1993; Шаповал Ю.І. Україна ХХ століття: Особи та події в контексті важкої історії. Киев, 2001; Вольвач П.В. Крым: путь в Украину. Симферополь, 2006.

¹⁸⁰ Санин Г.А. Крым. Страницы истории. М., 2015.

¹⁸¹ Пыжиков А.В. Славянский разлом. Украинско-польское иго в России. М., 2017; Kramer M. The Transfer of Crimea from Soviet Russia to Soviet Ukraine, 1954 // Wilson

Center, Cold War History International Project. 19.03.2014.

¹⁸² Емельянов Ю.В. Разгадка 1937 года. М., 2013. Таубмэн У. Хрущёв. М., 2008.

¹⁸³ Хрущёв С.Н. Никита Хрущёв. Реформатор. М., 2010; Медведев, Р.А. Никита Хрущёв: Отец или отчим советской «оттепели»? М., 2006; Богомолов А.А. Кто на самом деле отдавал Крым Украине? // Совершенно секретно. 25.04.2014; Шаповал Ю.І. Україна 20-50-х років: сторінки ненаписаної історії. Киев, 1993; Шаповал Ю.І. Україна ХХ століття: Особи та події в контексті важкої історії. Киев, 2001.

¹⁸⁴ Мясников Г.В. Страницы из дневника М., 2008.

Хорошо известно, что при Н.С. Хрущёве Д.С. Полянский сделает головокружительную карьеру и буквально за несколько лет станет кандидатом в члены и членом Президиума ЦК, председателем Совета Министров РСФСР, а затем и заместителем председателя Совета Министров СССР.

¹⁸⁵ Панов В., Чичкин А. Как Крым Украине отдали // Столетие. 24.01.2014.

¹⁸⁶ АПРФ. Ф. 3. Оп. 10. Д. 65. Л. 14-6.

¹⁸⁷ Судя по архивным документам (ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 85. Д. 93. Л. 1-3), в курсе вопроса точно был М. А. Сулов, который направлял Н. С. Хрущёву предварительные материалы по данному вопросу на согласование.

¹⁸⁸ ГА РФ. Ф. А-385. Оп. 13. Д. 492. Л. 1-2.

¹⁸⁹ ГА РФ. Ф. 259. Оп. 1. Д. 645. Л. 159.

¹⁹⁰ ГА РФ. Ф. Р-7528. Оп. 85. Д. 94. Л. 9.

¹⁹¹ ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 57. Д. 963. Л. 1-10.

По непонятной причине в стенограмме заседания Президиума Верховного Совета СССР указано, что он состоит из 27 членов, из которых присутствовали только 13, а от остальных отсутствующих 14 членов были получены «письма с объяснениями». Но тогда получается, что изначально заседание ПВС СССР 19 февраля 1954 года и все его решения были незаконны из-за отсутствия кворума.

¹⁹² ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 57. Д. 963. Л. 1-2.

¹⁹³ Ведомости Верховного Совета СССР. 12 мая 1954, № 10.

¹⁹⁴ ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 85. Д. 93. Л. 1-3.

5. Новый виток борьбы за власть и поражение Г. М. Маленкова

Параллельно с решением «крымского вопроса» Н. С. Хрущёв активизировался и на «целинном фронте». Как установили ряд историков (И. Е. Зеленин, С. Н. Андреев¹⁹⁵), уже на сентябрьском Пленуме ЦК он поставил вопрос о расширении площади посева зерновых культур за счёт распахки целинных и залежных земель в восточных регионах страны. И несмотря на вполне разумную критику со стороны В. М. Молотова и других членов Президиума ЦК, он вновь озвучил эти планы 9 сентября 1953 года на встрече с делегацией Казахской ССР. Однако первый и второй секретари ЦК Компартии Казахстана Ж. Ш. Шаяхметов и И. И. Афонев выступили против этой затеи и заявили Н. С. Хрущёву, что распахка залежных и целинных земель в Казахской ССР не позволит решить зерновую проблему в стране, но зато приведёт к разрушению традиционного пастбищного скотоводства. Сомнения в целесообразности освоения этих земель высказали и целый ряд руководителей обкомов, в том числе Сталинградского, Куйбышевского, Саратовского и Чкаловского — И. Т. Гришин, М. Т. Ефремов, Г. А. Борков и П. Н. Корчагин.

Зато эта идея пришлась по душе руководителям Алтайского края, Омской и Новосибирской областей Н. И. Беляеву, И. К. Лебедеву и И. Д. Яковлеву, которые в ноябре 1953 года направили на имя Н. С. Хрущёва записки о возможности использования земельных богатств Западной Сибири для быстрого решения зерновой проблемы страны. Одновременно аналогичные записки в поддержку «целинной программы» направили министры сельского хозяйства СССР и РСФСР И. А. Бенедиктов и П. П. Лобанов, министр совхозов СССР А. И. Козлов, министр заготовок СССР Л. Р. Корниец, зампред Госплана СССР С. Ф. Демидов и президент ВАСХНИЛ академик Т. Д. Лысенко. Как уже писалось выше, все эти записки Н. С. Хрущёв приложил к своему собственному фолианту «Пути решения зерновой проблемы», который 22 января 1954 года он и направил в Президиум ЦК.

25 января 1954 года на заседании Президиума ЦК состоялось обсуждение этой записки, где Н. С. Хрущёв с цифрами на руках пытался убедить своих коллег в правильности выбранного курса¹⁹⁶. Во-первых, никак не объясняя причин этого явления, ставшего прямым результатом политики нового руководства страны, он заявил, что заготовки зерна в 1953 году резко сократились и упали до уровня 1948 года (т. е. примерно с 2100 до 1850 млн. пудов). Во-вторых, из-за этого падения пришлось «залезать» в резервный фонд страны и изымать для внутренних нужд 69 млн. пудов зерна. В-третьих, для решения зерновой проблемы за ближайшие два года необходимо освоить 13 млн. гектаров «новых земель», что позволит при сохранении средней урожайности 10-11 центнеров зерна с 1 га дополнительно получить 800-900 млн. пудов, из которых товарное зерно составит около 500-600 млн. пудов. По мнению Н. С. Хрущёва, подобное увеличение товарного зерна будет невероятно «выгодным мероприятием для государства», так как позволит увеличить доходную часть бюджета в 1955-1956 годах на 17-18 млрд. рублей при «капитальных затратах» на освоение самой целины всего в 5,5-6 млрд. рублей.

Несмотря на столь радужную картину, ряд членов Президиума ЦК, прежде всего В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов и отчасти Г. М. Маленков, высказались против этой

затеи, мотивируя свою позицию необходимостью направить основные средства на восстановление сельского хозяйства европейской части страны, где с начала 1949 года полным ходом шла реализация «Сталинского плана преобразования природы», уже давшего первые положительные плоды. Однако большинство членов «коллективного руководства» всё же поддержали Н. С. Хрущёва и приняли Постановление Президиума ЦК «Об обеспечении зерном страны и подъёме целинных земель»¹⁹⁷.

Между тем, как считают ряд историков (Ю. В. Емельянов¹⁹⁸), даже после этого решения Н. С. Хрущёв всё ещё «ощущал неуверенность в своём проекте», поэтому послал на целину своего многолетнего помощника по вопросам сельского хозяйства Андрея Степановича Шевченко, который убедил патрона в правильности избранного курса. Возможно, это обстоятельство и позволило Н. С. Хрущёву тут же перейти к активным действиям, и уже 6 февраля 1954 года по его прямому указанию в Алма-Ате состоялся IX Пленум ЦК Компартии Казахстана, на котором был решён крайне важный организационный вопрос: взбунтовавшиеся Ж. Ш. Шаяхметов и И. И. Афионов были сняты со своих постов и направлены первыми секретарями Южно-Казахстанского и Павлодарского обкомов партии, а новыми руководителями республики стали два посланца Москвы. Должность Первого секретаря ЦК КП Казахстана занял Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко, снятый с поста министра культуры СССР, а пост второго секретаря — Леонид Ильич Брежнев, который тогда прозябал на заштатной должности заместителя начальника Главного Политуправления Министерства обороны СССР. Причём следует отметить, что для кандидата в члены Президиума ЦК и министра культуры СССР П. К. Пономаренко отъезд в Алма-Ату, по сути, стал политической ссылкой и закатом всей его партийно-государственной карьеры, а для Л. И. Брежнева этот отъезд, напротив, оказался «счастливым билетом» на вершины политического Олимпа и новым стартом его блестящей политической карьеры, венцом которой станут должности Генерального секретаря ЦК КПСС и председателя Президиума Верховного Совета СССР¹⁹⁹.

23 февраля 1954 года начал свою работу очередной Пленум ЦК, целиком посвящённый вопросам сельского хозяйства. В центре его недельной работы был доклад Первого секретаря ЦК «О дальнейшем увеличении зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель»²⁰⁰, по итогам обсуждения которого 2 марта все члены ЦК приняли одноимённое Постановление. А чуть позднее, 27 марта, было утверждено и официальное Постановление Совета Министров СССР и ЦК КПСС «Об увеличении производства зерна в 1954-1955 гг. за счёт освоения целинных и залежных земель», которое широко опубликуют в открытой печати. А вскоре Н. С. Хрущёв в сопровождении целой команды помощников и пропагандистов посетил Казахстан, где вместе с П. К. Пономаренко и Л. И. Брежневым провёл немало встреч с партхозактивом республики и первыми целинниками.

Как полагают многие историки (Ю. Н. Жуков, Ю. В. Емельянов, И. Е. Зеленин, В. А. Шестаков, С. Н. Андреев²⁰¹), именно этот партийный Пленум стал, по сути, поворотным пунктом в судьбе нового политико-экономического курса, провозглашённого Г. М. Маленковым всего полгода назад. Именно на нём с подачи Н. С. Хрущёва был сделан акцент на экстенсивных методах подъёма сельского хозяйства страны и взят старый курс на решение важной зерновой проблемы не за счёт интенсификации всего аграрного производства, а за счёт расширения посевных площадей, столь характерный ещё для царской России.

Позднее высшее руководство страны будет регулярно возвращаться к разным аспектам освоения целинных земель. Достаточно сказать, что только в 1954 году будет принято полтора десятка разных Постановлений Президиума ЦК, Совета Министров СССР и ЦК КПСС, в том числе «О дальнейшем развитии совхозов Министерства совхозов СССР и повышении их рентабельности» (27.03.1954), «О плане отбора и направления механизаторских кадров и других квалифицированных рабочих и специалистов из числа комсомольцев и молодёжи, изъявивших желание поехать на работу в районы освоения земель» (30.03.1954), «О мерах по дальнейшему освоению целинных и залежных земель» (18.06.1954), «Об улучшении торговли, общественного питания, медицинского и культурно-бытового обслуживания рабочих и служащих МТС и совхозов в районах освоения целинных и залежных земель» (07.08.1954), «О дальнейшем освоении целинных и залежных земель для увеличения производства зерна» (13.08.1954), «О въезде в СССР в районы освоения целинных и залежных земель советских граждан, постоянно проживающих в Болгарии» (27.08.1954), «Об оказании помощи Министерству совхозов СССР по строительству новых совхозов в районах освоения целинных и залежных земель» (10.09.1954); «О въезде в СССР в районы освоения целинных и залежных земель советских граждан, постоянно проживающих в Венгрии и Чехословакии» (21.10.1954), «О постройке зернохранилищ в районах освоения целинных и залежных земель» (24.10.1954), «Об обеспечении дальнейшего освоения целинных и залежных земель для увеличения производства зерна» (25.11.1954) и «О мерах дальнейшего освоения целинных и залежных земель для увеличения производства зерна» (25.12.1954)²⁰².

Одновременно Н. С. Хрущёв принялся за новую перестройку ряда силовых органов страны. Как известно, ещё 25 января 1954 года вышло Постановление ЦК КПСС «О серьёзных недостатках в работе партийного и государственного аппарата»²⁰³, в котором ставилась первейшая задача в кратчайшие сроки изжить бациллы бюрократизма, упростить управленческий аппарат и резко сократить его штатную численность. Естественно, одним из первых на данное Постановление отреагировал глава союзного МВД генерал-полковник Сергей Никифорович Круглов, который уже 4 февраля направил в Президиум ЦК подробную записку на сей счёт. Помимо конкретных предложений о резком сокращении управленческого аппарата в центре и на местах и значительного (на 20 %) урезания штатной численности управлений и отделов, в этой записке прямо говорилось и о том, что «существующее организационное построение Министерства внутренних дел СССР и его органов громоздко и не в состоянии обеспечить должного уровня агентурно-оперативной работы в свете задач, поставленных перед советской разведкой Центральным Комитетом партии и Советским правительством». А посему «в целях создания необходимых условий для улучшения разведывательной и контрразведывательной работы» целесообразно «выделить из Министерства внутренних дел СССР оперативно-чекистские управления и отделы и на их базе создать Комитет по делам государственной безопасности при Совете Министров СССР»²⁰⁴.

8 февраля 1954 года эта записка была рассмотрена на заседании Президиума ЦК, который принял короткое Постановление, состоящее из трёх конкретных пунктов: «1) Принять в принципе проект Постановления ЦК о выделении из МВД СССР органов государственной безопасности и об образовании Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР; 2) Утвердить министром внутренних дел СССР тов. Круглова С. Н.; 3) Утвердить председателем Комитета государственной

безопасности при Совете Министров СССР тов. Серова И. А. и первым заместителем председателя Комитета тов. Лунёва К. Ф.»²⁰⁵. Кроме того, на том же заседании с целью доработки данного проекта была создана рабочая Комиссия во главе с двумя секретарями ЦК — М. А. Сусловым и Н. Н. Шаталиным. А уже 13 марта 1954 года за подписью К. Е. Ворошилова и Н. М. Пегова вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об образовании Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР».

Как считают ряд учёных, в том числе историки спецслужб (А. И. Кокурин, Н. В. Петров, Л. М. Млечин, О. М. Хлобустов²⁰⁶), создание КГБ СССР стало крупной аппаратной победой Н. С. Хрущёва. Во-первых, КГБ был создан не как отдельный орган государственного управления, каковым являлись МГБ или МВД СССР, а всего лишь в статусе Комитета при Совете Министров СССР. Подобное «понижение» статуса КГБ в иерархии органов государственного управления, безусловно, было связано с горячим стремлением партийно-государственной номенклатуры и прежде всего самого Н. С. Хрущёва лишить органы госбезопасности прежней власти, влияния и самостоятельности, целиком подчинив их деятельность ЦК и его аппарату. Неслучайно в самом Постановлении ЦК предельно чётко была поставлена главная задача для новой спецслужбы страны: «в кратчайший срок ликвидировать все последствия вражеской деятельности Берия в органах государственной безопасности и добиться превращения органов госбезопасности в острое оружие нашей партии, направленное против настоящих врагов нашего социалистического государства, а не против честных людей»²⁰⁷. Более того, в июне 1954 года, выступая на Всесоюзном совещании руководящих работников органов КГБ, Н. С. Хрущёв прямо обязал чекистские органы «постоянно держать связь с партийными организациями, советоваться с ними и докладывать им о своей работе». А уже в июле по итогам совещания генерал-полковник И. А. Серов издал приказ «О задачах органов государственной безопасности», с которым были ознакомлены все первые секретари ЦК компартий союзных республик, крайкомов и обкомов партии²⁰⁸.

При этом надо отметить, что, невзирая на «принижённый» статус КГБ, его председатель назначался на эту должность не внутренним нормативным актом Совета Министров СССР, как это было принято при назначении глав других ведомств при Совете Министров СССР, а указом Президиума Верховного Совета СССР, как это оформлялось при назначении союзных министров и глав государственных комитетов.

Во-вторых, руководителями союзного КГБ были назначены два давних и верных хрущёвских клеврета. Генерал-полковник Иван Александрович Серов был знаком с Н. С. Хрущёвым ещё с довоенных времён, когда в сентябре 1939 года был назначен наркомом внутренних дел Украинской ССР. Правда, спустя полтора года он вернулся в Москву и до назначения на пост председателя КГБ более семи лет занимал должность первого заместителя главы МВД СССР. Что касается Константина Фёдоровича Лунёва, который также перешёл на работу в КГБ с должности первого заместителя министра внутренних дел СССР, то его знакомство и совместная работа с Н. С. Хрущёвым пришлось на послевоенное время, когда в 1949-1953 годах, в бытность последнего Первым секретарём Московского обкома партии, он занимал довольно важный пост заведующего Административным отделом МК КПСС.

А уже 18 марта 1954 года приказом И. А. Серова были назначены его четыре заместителя — И. Т. Савченко, П. И. Григорьев, В. А. Лукшин и П. И. Ивашутин — и определена структура центрального аппарата КГБ СССР, костяк которого составили

Первое Главное управление (разведка), которое возглавил кадровый разведчик генерал-майор Александр Семёнович Панюшкин; Второе Главное управление (контрразведка), главой которого стал кадровый чекист генерал-лейтенант Павел Васильевич Федотов; Третье Главное управление (военная контрразведка), руководителем которого был назначен кадровый армейский политработник генерал-лейтенант Дмитрий Сергеевич Леонов; Четвёртое управление (секретно-политическое для борьбы с антисоветским подпольем), которое возглавил кадровый чекист генерал-лейтенант Фёдор Петрович Харитонов; Пятое управление (контрразведка на особо важных объектах), во главе которого встал тоже кадровый чекист генерал-лейтенант Пётр Иванович Ивашутин; Шестое управление (контрразведка на транспорте), начальником которого стал кадровый партработник полковник Михаил Иванович Егоров; Седьмое управление (наружное наблюдение), которое возглавил кадровый чекист генерал-майор Георгий Прокопьевич Добрынин; Восьмое Главное управление (шифровально-дешифровальное), главой которого был назначен кадровый партийный работник генерал-майор Василий Андреевич Лукшин; Девятое управление (охрана высших руководителей партии и правительства), начальником которого стал кадровый партийный работник, проработавший несколько лет в хрущёвском МГК партии генерал-майор Владимир Иванович Устинов, и Десятое управление (Комендатура Московского Кремля), главой которого был переназначен бывший командир армейского корпуса генерал-лейтенант Андрей Яковлевич Веденин.

Одновременно Н. С. Хрущёв инициировал новый погром бериевских кадров, жертвами которого стали многие кадровые чекисты, обладавшие огромным опытом работы. Если во второй половине 1953 года, в период первой чистки, из органов были изгнаны, а затем частично арестованы генерал-лейтенанты П. А. Судоплатов и Б. П. Обручников, генерал-майоры Н. И. Эйтингон, А. Ф. Ручкин, С. Ф. Емельянов и другие старшие офицеры, то на сей раз чистка уже коснулась бывших руководителей МГБ и ПГУ, многих из которых не только уволили из органов, но ещё лишили генеральских званий и боевых наград, в том числе генерал-лейтенантов Н. С. Сазыкина, А. С. Блинова и И. И. Врадия, генерал-майоров С. Е. Белолипецкого и Г. Б. Овакимяна и других. Более того, опасаясь возможного ареста, 16 апреля 1954 года застрелился выдающийся советский полководец, который в годы войны командовал войсками Северо-Кавказского и 3-го Прибалтийского фронтов и нескольких общевойсковых армий, заместитель руководителя МВД СССР по войскам генерал армии Иван Иванович Масленников.

Как считают многие историки, тогда же, в марте 1954 года, Г. М. Маленков серьёзно ослабил свои позиции внутри Президиума ЦК и допустил явную оплошность, которая в конечном счёте стоила ему высшего государственного поста. 12 марта 1954 года накануне выборов в Верховный Совет СССР 4-го созыва на собрании избирателей Ленинградского округа Москвы он выступил с речью, в которой дословно заявил о том, что «советское правительство стоит за дальнейшее ослабление международной напряжённости, за прочный и длительный мир, решительно выступает против политики холодной войны, ибо эта политика есть политика подготовки новой мировой бойни, которая при современных средствах войны означает гибель мировой цивилизации»²⁰⁹. Именно этот пассаж маленковской речи был встречен гневной отповедью со стороны почти всех членов Президиума ЦК, прежде всего В. М. Молотова, Н. А. Булганина и Н. С. Хрущёва. Главу правительства

тут же обвинили в том, что подобное заявление не способствует активной борьбе против «преступных замыслов империалистов и может породить у советских людей чувство апатии и безысходности». Более того, в одном из своих выступлений Н. С. Хрущёв громогласно заявил, что если империалисты предпримут попытку развязать новую мировую войну, то она уже станет могилой не только для отдельных буржуазных держав, а для всего мирового капитализма.

Поэтому 26 апреля 1954 года на первой сессии нового Верховного Совета СССР Г. М. Маленков резко поменял свою риторику и в новом докладе заявил, что «если... агрессивные круги (США — *Е.С.*), уповая на атомное оружие, решились бы на безумие и захотели испытать силу и мощь Советского Союза, то можно не сомневаться, что агрессор будет подавлен тем же оружием, и что подобная авантюра неизбежно приведёт к развалу капиталистической общественной системы. Ведь именно об этом наглядно свидетельствуют уроки истории, связанные с первой и второй мировыми войнами, из которых капитализм вышел со значительным сокращением сферы своего господства»²¹⁰.

Между тем почти никто из нынешних историков не подметил два довольно любопытных факта, прозвучавших в речах главы советского правительства. Во-первых, за долгие месяцы фактического «умолчания» он впервые назвал И. В. Сталина «великим продолжателем дела Ленина», под непосредственным руководством которого «на протяжении многих лет наша партия упорно и последовательно проводила политику индустриализации страны». И во-вторых, он особо акцентировал внимание на том, что «наша партия открыто высказала свои взгляды по такому важному вопросу, как коллективность в руководстве», и именно это «бесспорно... является необходимой гарантией правильного и успешного решения стоящих перед нами жизненно важных задач, правильного и успешного решения коренных вопросов, затрагивающих судьбы советского народа»²¹¹.

Вместе с тем, как считают ряд историков (Ю. Н. Жуков²¹²), на этой же сессии Верховного Совета СССР был окончательно похоронен «новый курс» Г. М. Маленкова, о чём вполне красноречиво говорил утверждённый союзный бюджет на текущий хозяйственный год. Из 563 млрд. рублей расходной части бюджета на тяжёлую промышленность выделялось почти 80 млрд. рублей, на сельское хозяйство — 62 млрд., а на лёгкую промышленность и торговлю — чуть больше 14 млрд. рублей. При этом расходы на все силовые структуры вновь резко возросли — более чем в два раза — и составили около 252 млрд. рублей. В поддержку «нового курса» Н. С. Хрущёва, приоритетом которого вновь стало развитие тяжёлой индустрии, выступили многие депутаты и руководители союзного правительства, в том числе такие члены Президиумов ЦК и Совета Министров СССР, как Л. М. Каганович, М. Г. Первухин и А. И. Микоян, Первый секретарь ЦК Компартии Эстонии Й. Г. Кэбин, министры угольной и лесной промышленности А. Ф. Засядько и Г. М. Орлов и другие персоны.

Тем временем 3 мая 1954 года Президиум ЦК принял Постановление «О Ленинградском деле»²¹³, в котором обязал Генерального прокурора СССР Р. А. Руденко «в связи с вновь открывшимися обстоятельствами опротестовать приговор Военной коллегии Верховного Суда СССР по делу Кузнецова, Попкова, Вознесенского и других на предмет его отмены и прекращения этого дела» и поручил КГБ СССР и Прокуратуре СССР «вменить в вину Абакумову и его сообщникам совершённое ими преступление — фальсификацию дела и учинённую ими расправу в

отношении Кузнецова, Попкова, Вознесенского и других». По традиционному мнению большинства историков (Р. А. Медведев, К. А. Столяров, Л. М. Млечин²¹⁴), это Постановление было прежде всего по Г. М. Маленкову, поскольку он был непосредственно причастен к фабрикации «Ленинградского дела». Хотя нам уже приходилось писать выше, что главные фигуранты этого дела, прежде всего А. А. Кузнецов и Н. А. Вознесенский, вовсе не были «невинными овечками», как их представляют все упёртые «русские патриоты» и антисталинисты всех мастей. Более того, об истинных «заслугах» и настоящих «подвигах» ленинградских вождей ещё в 2011 году довольно обстоятельно поведал кандидат исторических наук Е. А. Ключев, защитивший тогда интересную диссертацию «"Чёрный рынок" в послевоенном Ленинграде: 1945-1953 гг.»²¹⁵ Чуть позднее эта тема нашла своё продолжение в работах А. В. Сушкова, который сначала в журнале «Свободная мысль» опубликовал очень интересную статью «"Ленинградское дело": привилегированная жизнь "ленинградских вождей" в первые послевоенные годы», а затем и отдельную монографию под характерным названием «"Ленинградское дело": генеральная чистка "колыбели революции"»²¹⁶. А посему ходячий термин «фабрикация» по отношению к «Ленинградскому делу», давно и некритически перетёкший из «хрущёвских разоблачений» в работы многих историков и публицистов, совершенно несостоятелен. Более того, сам Н. С. Хрущёв ещё 7 мая 1954 года, выступая на собрании актива Ленинградской парторганизации с разъяснением «Постановления ЦК КПСС по "Ленинградскому делу"», явно с неохотой был вынужден публично признать, что «тов. Кузнецов и другие допускали разные излишества, в том числе "выпивки", "расходование средств государственных не по назначению", "бахвальство" и "зазнайство"», а «очень многие члены Политбюро не уважали Вознесенского за то, что он был хвастлив, груб, к подчинённым людям относился по-хамски»²¹⁷.

Понятно, что эти Постановления, сначала Президиума, а затем и самого ЦК, резко ускорили следствие по делу В. С. Абакумова, которое было заведено ещё при жизни И. В. Сталина, в первой половине июля 1951 года, когда Политбюро ЦК приняло закрытое письмо ЦК ВКП(б) «О неблагоприятном положении в Министерстве государственной безопасности СССР»²¹⁸. На основании этого письма вместе с бывшим главой МГБ СССР тут же были арестованы начальник Следственной части по особо важным делам МГБ СССР полковник А. Г. Леонов, три его заместителя — полковники В. И. Комаров, М. Т. Лихачёв и Л. А. Шварцман, — а также два руководителя абакумовского секретариата — полковники И. А. Чернов и Я. М. Броверман. Чуть позже, в октябре — ноябре 1951 года, были также арестованы замначальника Первого Главного управления МГБ СССР генерал-лейтенант М. И. Белкин, замначальника Второго Главного управления МГБ СССР генерал-лейтенант Л. Ф. Райхман, замначальника Бюро № 1 генерал-майор Н. И. Эйтингон, начальники двух отделов «Д» и «Р» полковники А. М. Палкин и В. М. Блиндерман, глава спецлаборатории Отдела оперативной техники полковник Г. М. Майрановский и замначальника отдела «К» подполковник А. Я. Свердлов.

В сентябре 1952 года в ходе допросов Л. А. Шварцмана были получены очень важные показания на Н. С. Хрущёва и Л. М. Кагановича, а также на министра госконтроля СССР В. Н. Меркулова, замглавы СКК в Германии Б. З. Кобулова и замглавы МВД СССР С. С. Мамулова. Но самыми важными стали признания Л. А. Шварцмана о том, что именно он готовил теракты против Г. М. Маленкова и об этом доподлинно знали сам В. С. Абакумов, Л. Ф. Райхман, Н. И. Эйтингон, А. М. Палкин

и ряд других сотрудников МГБ и Прокуратуры СССР. Причём показания оказались настолько важными, что само это дело впредь стали именовать «Делом Абакумова — Шварцмана».

До конца 1953 года следствие по данному делу шло ни шатко ни валко, однако после ликвидации Л. П. Берии и его подельников это дело оказалось в центре внимания КГБ и Прокуратуры СССР, руководители которых буквально рыли носом землю, чтобы максимально ускорить новый судебный процесс над сотрудниками спецслужб. Причём ряд исследователей (К. А. Столяров²¹⁹) отмечают не только особую поспешность в проведении закрытого судебного процесса в Ленинграде в декабре 1954 года, но и особую ретивость в исполнении смертного приговора в отношении прежде всего генерала В. С. Абакумова, который был расстрелян буквально через час после его оглашения. Более того, сам К. А. Столяров прямо говорит о том, что генерал-полковник В. С. Абакумов «был одним из немногих, кто знал обо всех злодеяниях власть имущих, в том числе и Хрущёва». И именно поэтому глава КГБ СССР генерал-полковник И. А. Серов «торопил всё следствие и пытался форсировать события», а его покровитель Н. С. Хрущёв «стремился как можно быстрее разделаться» с В. С. Абакумовым и его подельниками.

Между тем ещё до окончания этого дела, 14 октября 1954 года, ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли очередное совместное Постановление «О существенных недостатках в структуре министерств и ведомств СССР и мерах по улучшению работы государственного аппарата». Констатируя тот факт, что с начала 1954 года в 46 министерствах и ведомствах страны упразднены 200 управлений и отделов, более 4 тысяч «мелких структурных подразделений», около 900 снабженческих организаций, уволены более 450 тысяч сотрудников различных аппаратов и т. д., Постановление нацеливало руководителей всех управленческих структур союзного масштаба ещё активнее вести работу по устранению «излишеств в штатах», изжить волокиту, разбухшую отчётность и до 1 февраля 1955 года представить в ЦК и Совет Министров СССР отчёт о проделанной работе²²⁰. Причём, что очень любопытно, в названии данного Постановления впервые за долгие годы ЦК КПСС был указан «поперёд» Совета Министров СССР, первой уже стояла не подпись Г. М. Маленкова, а подпись Н. С. Хрущёва, и речи об «оптимизации» партийного аппарата в этом документе вообще не шло.

Между тем, по информации ряда историков (Ю. В. Аксютин, А. В. Пыжиков²²¹), уже с ноября 1954 года все документы Совета Министров СССР стали оформляться за подписью маршала Н. А. Булганина, занимавшего должность первого заместителя главы союзного правительства, а сам Г. М. Маленков был де-факто отстранён от ведения заседаний Президиума ЦК, на которых стал председательствовать Н. С. Хрущёв. А окончательный удар по позициям главы правительства был нанесён в декабре 1954 года, когда состоялся судебный процесс над В. С. Абакумовым и его «подельниками», которых в том числе обвинили в фабрикации «Ленинградского дела», ведь за ней стоял не кто иной, как Г. М. Маленков²²².

А тем временем 31 декабря 1954 года главный редактор газеты «Правда» Дмитрий Трофимович Шепилов, которого профессор Ю. В. Аксютин слишком поспешно возвёл в ранг секретаря ЦК КПСС²²³, направил в Президиум ЦК записку, в которой заявил о наличии среди части экономистов, преподавателей вузов и партпропагандистов «глубоко ошибочных и политически вредных взглядов по вопросам развития социалистической экономики». 15 января 1955 года эта записка

была одобрена Президиумом ЦК, который принял решение разослать её всем членам и кандидатам в члены ЦК, «усилив в ней критику и осуждение позиций Г. М. Маленкова» в отношении приоритетного развития отраслей лёгкой, текстильной и пищевой промышленности. А уже 24 января в газете «Правда» была опубликована статья Д. Т. Шепилова «Генеральная линия партии и вульгаризаторы марксизма», в которой без упоминания имени самого Г. М. Маленкова в более жёсткой форме воспроизводилась его же записка с резкой критикой «ошибочных» и «вредных» взглядов на социалистическую экономику, исходивших из приоритетного развития отраслей группы «Б», т. е. производства средств потребления.

Уже на следующий день, 25 января 1955 года, начал свою работу очередной Пленум ЦК, на котором с докладом «Об увеличении производства в стране продуктов животноводства» выступил Н. С. Хрущёв. Однако было совершенно очевидно, что в центре внимания членов ЦК будут совершенно иные вопросы. И эти прогнозы вскоре оправдались. После обсуждения хрущёвского доклада начался «второй акт Марлезонского балета», где в центре всеобщего внимания оказался Г. М. Маленков. До недавнего времени «дискуссия» на этом Пленуме ЦК была «тайной за семью печатями». Первая отрывочная информация стала появляться только в годы пресловутой горбачёвской перестройки. Однако уже в 1999 году вышла монография профессоров Ю. В. Аксютин и А. В. Пыжикова, в которой довольно подробно были изложены все перипетии «проработки» Г. М. Маленкова на этом Пленуме ЦК²²⁴.

29 и 31 января 1955 года, во время Пленума ЦК, состоялись два заседания Президиума ЦК, на которых был рассмотрен вопрос о снятии Г. М. Маленкова с поста руководителя правительства. Обсудив проект Постановления и приняв его «с поправками» В. М. Молотова и «дополнением» Л. М. Кагановича, члены высшего партийного ареопага приняли решение поручить им, а также двум секретарям ЦК — М. А. Суслову и П. Н. Поспелову — «отредактировать данный проект Постановления» для его вынесения на рассмотрение Пленума ЦК и поручить Н. С. Хрущёву «выступить от Президиума ЦК КПСС с докладом на Пленуме ЦК КПСС о тов. Маленкове»²²⁵. Конкретная вина Г. М. Маленкова, стоившая ему премьерского кресла, состояла из нескольких пунктов, которые были публично озвучены в хрущёвском докладе на Пленуме ЦК.

Прежде всего, как это ни странно, речь шла о том, что Г. М. Маленков, не обладая необходимыми знаниями и опытом хозяйственной и советской работы в центре и на местах, «плохо организует работу Совета Министров СССР, не обеспечивает серьёзной и своевременной подготовки вопросов к заседаниям» и при рассмотрении большинства вопросов «проявляет нерешительность, не занимает определённой позиции», и именно данное обстоятельство «крайне отрицательно» сказывается на работе всего союзного правительства²²⁶. Другой, гораздо более крупный недостаток, вменённый советскому премьеру, состоял в том, что «товарищ Маленков не проявил себя также достаточно политически зрелым и твёрдым большевистским руководителем». Прямым доказательством такого поведения стала его речь на V-й сессии Верховного Совета СССР, которая по своей направленности с большими и «экономически малообоснованными обещаниями» напоминала «парламентскую декларацию, рассчитанную на соискание дешёвой популярности, чем ответственное выступление главы Советского правительства». Более того, в этой речи были налицо «теоретически неправильные и политически вредные» постулаты, в том числе о темпах развития тяжёлой и лёгкой индустрии. «Ухватившись за это

выступление тов. Маленкова, некоторые горе-экономисты стали развивать явно антимарксистские, антиленинские, правооппортунистические взгляды по коренным вопросам развития советской экономики, требуя преимущества темпов развития лёгкой индустрии», являвшихся «отрыжкой враждебных ленинизму взглядов» А. И. Рыкова, Н. И. Бухарина и других правых уклонистов²²⁷.

Таковыми же «теоретически ошибочными» и «политически вредными» были названы и утверждения Г. М. Маленкова о возможности гибели всей мировой цивилизации в случае, если империалисты развяжут очередную мировую войну. В докладе Н. С. Хрущёва было прямо заявлено, что «распространение подобных взглядов не только не способствует мобилизации общественного мнения на активную борьбу против преступных замыслов империалистов», но, напротив, способно породить настроения «безнадёжности усилий народов сорвать» эти планы, что как раз и выгодно самим поджигателям войны, «рассчитывающим запугать народы "атомным" шантажом»²²⁸.

Однако самым тяжким грехом Г. М. Маленкова были названы его особо близкие отношения с «авантюристом и предателем» Л. П. Берией, а также личная моральная ответственность за позорное «Ленинградское дело» и «Дело артиллеристов». Припомнили ему и то, что во время кончины И. В. Сталина «вместо того, чтобы действовать в полном контакте с другими руководящими деятелями партии и правительства», он «обособился» вместе с Л. П. Берией и «подготовил предложения о составе правительства и «реорганизации» всех министерств, что «облегчило» тому возможность «пролезть на пост министра внутренних дел с далеко идущими целями», грозившими «величайшей опасностью для нашего Советского государства». Кроме того, «являясь безвольным орудием» в руках этого провокатора, Г. М. Маленков бездумно поддержал ряд его авантюрных предложений и по ряду внешнеполитических вопросов, в том числе «о нашей политике в Германии» и «отказа от курса на строительство социализма в ГДР»²²⁹.

Наконец, на Г. М. Маленкова была возложена политическая ответственность и за «серьёзное отставание» сельского хозяйства, поскольку в течение многих лет именно он руководил этой отраслью советской экономики. Однако, «не обладая необходимыми знаниями и опытом», он, по существу, «не пытался всерьёз разбираться в коренных вопросах сельского хозяйства, слепо доверял таким очковтирателям, как бывший заведующий Отделом сельского хозяйства ЦК товарищ Козлов». Кстати, забегаю несколько вперёд, следует сказать, что решением Пленума ЦК «за плохую работу» и «за вред, нанесённый им» в бытность заведующим Сельхозотделом ЦК, Алексей Иванович Козлов был выведен из состава кандидатов в члены ЦК, снят с должности министра совхозов СССР и «сослан» в Северо-Казахстанскую область на пост директора Чистовского зерносовхоза. Так «дорогой Никита Сергеевич» подло отомстил ближайшему соратнику премьера, который в марте 1951 года по поручению Г. М. Маленкова лично готовил проект закрытого письма ЦК ВКП(б) «О задачах колхозного строительства в связи с укрупнением мелких колхозов», ставшего прямым и крайне жёстким ответом на известную хрущёвскую авантюру создания «агрогородов», что реально грозило будущему Первому секретарю ЦК крахом всей его политической карьеры.

После столь показательно-разгромного доклада слово предоставили самому Г. М. Маленкову, который выступил на Пленуме ЦК дважды²³⁰. Понятно, что обе эти речи носили покаянный характер. В первом выступлении он признал свою вину: плохое

руководство не только сельским хозяйством, но и работой всего Секретариата ЦК, который он возглавлял последние пять лет сталинского правления. Во втором же выступлении, признав такие же «грубые просчёты» во внешнеполитических вопросах, он прямо заявил, что его позиция по ГДР, как и по «ядерной войне», оказалась «политически» вредной, «политически» опасной и неправильной. Наконец, он сообщил всем членам ЦК, что ещё на Президиуме ЦК, где обсуждался его персональный вопрос, он целиком и полностью согласился как с оценкой всех своих «ошибок и недостатков», так и с предложением освободить его с поста председателя Совета Министров СССР.

В последний день своей работы, 31 января 1955 года, Пленум ЦК рассмотрел «организационный вопрос о тов. Маленкове Г. М.» и единогласно одобрил проект Постановления Пленума ЦК, который гласил, что, «заслушав доклад тов. Хрущёва Н. С. о председателе Совета Министров СССР тов. Маленкове Г. М. и полностью одобряя предложение Президиума ЦК по этому вопросу, Пленум ЦК КПСС считает, что тов. Маленков не обеспечивает надлежащего выполнения обязанностей председателя Совета Министров СССР». А посему Пленум ЦК КПСС «постановил освободить т. Маленкова Г. М. от обязанностей председателя Совета Министров СССР» и «требует от т. Маленкова, чтобы он извлёк все уроки из допущенных им тяжёлых политических ошибок и по-большевистски проявил себя на новой работе, которая ему будет поручена Центральным комитетом партии»²³¹.

После этого решения вопрос о снятии Г. М. Маленкова уже приобрёл сугубо технический характер. Через три дня открылась очередная сессия Верховного Совета СССР, а уже 8 февраля 1955 года давний хрущёвский подручный, председатель Мособлисполкома Александр Петрович Волков, руководивший совместным заседанием обеих палат Верховного Совета СССР, сообщил союзным депутатам, что на его имя поступило заявление Г. М. Маленкова с просьбой освободить его с поста председателя Совета Министров СССР «по деловым соображениям», и эта «просьба» была тут же удовлетворена. А после перерыва слово для выступления взял сам Н. С. Хрущёв, который предложил назначить новым главой советского правительства Николая Александровича Булганина, что, естественно, сразу было утверждено. Наконец, 9 февраля был утверждён и обновлённый состав всего Совета Министров СССР, в котором Г. М. Маленков, сохранивший членство в Президиуме ЦК, был назначен на пост министра электростанций, а освободившийся пост министра обороны СССР занял маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков.

Причём, как пишут С. С. Войтиков и Ю. Н. Жуков²³², всего за день до этого решения, 7 февраля, на заседании Президиума ЦК сам маршал Г. К. Жуков, не особо рвавшийся на этот хлопотный пост, предложил назначить новым главой военного ведомства маршала А. М. Василевского, который уже руководил им в 1949- 1953 годах. Однако он отказался, заявив, что «у т. Жукова опыт больше». Поэтому тот «смирился» с этим назначением и, помимо этого поста, заполучил ещё две должности. Дело в том, что на том же заседании Президиума ЦК было принято решение воссоздать два хорошо забытых органа: 1) Совет Обороны СССР как постоянно действующий орган, курирующий вопросы обороны и строительства Вооружённых сил, и 2) Военный Совет как совещательный орган при Совете Обороны. В состав Совета Обороны вошли 7 человек, в том числе Н. С. Хрущёв (глава), Н. А. Булганин, К. Е. Ворошилов, Л. М. Каганович, В. М. Молотов, Г. К. Жуков и А. М. Василевский. А в состав Военного Совета вошли 35 маршалов,

адмиралов и генералов: А. М. Василевский, И. С. Конев, В. Д. Соколовский, Р. Я. Малиновский, С. К. Тимошенко, К. С. Москаленко, Л. А. Говоров, К. А. Мерецков, А. И. Ерёменко, В. И. Чуйков, А. И. Антонов, И. Х. Баграмян, С. С. Бирюзов, А. В. Горбатов, А. А. Гречко, Ф. Ф. Кузнецов, В. В. Курасов, А. А. Лучинский, М. С. Малинин, Н. Д. Яковлев, М. И. Неделин, М. В. Захаров, И. Е. Петров, А. С. Желтов, П. П. Полубояров, К. А. Вершинин, П. Ф. Жигарев, Н. Г. Кузнецов, А. Г. Головкин, С. Г. Горшков, В. И. Виноградов, Н. Е. Басистый, Ю. А. Пантелеев и А. Т. Чабаненко. Председателем этого Совета стал маршал Г. К. Жуков, а ответственным секретарём — генерал-полковник Н. О. Павловский²³³.

Наконец, 28 февраля 1955 года для «подпорки» нового премьера, который слабо разбирался во многих сферах экономики и особенно в аграрном вопросе, был серьёзно обновлён весь прежний корпус заместителей главы союзного правительства: к существующим двум первым заместителям В. М. Молотову и Л. М. Кагановичу добавились ещё трое — Анастас Иванович Микоян, Михаил Георгиевич Первухин и Максим Захарович Сабуров, — а «рядовыми» замами премьера, наряду с А. Н. Косыгиным, В. А. Малышевым и И. Ф. Тевосяном, были назначены такие «управленческие зубры», как Авраамий Павлович Завенягин, Михаил Васильевич Хруничев, Владимир Алексеевич Кучеренко и Павел Павлович Лобанов. Кстати, как утверждает С. С. Вой- тиков²³⁴, изначально намечалось назначить одним из «рядовых» замов и Г. М. Маленкова, однако затем от этой идеи отказались. Хотя сам опальный премьер просил направить его «в ЦК, на партийную работу».

Как считают ряд историков и публицистов, принятые решения фактически означали, что в стране произошёл «ползучий дворцовый переворот», был окончательно отвергнут маленковский экономический курс и при сохранении видимых принципов «коллективного руководства» реальным лидером страны стал Н. С. Хрущёв, который вернул партийному аппарату значительную часть былой мощи и влияния. Что же касается личности Г. М. Маленкова и его, по сути, инфантильного поведения в тот период, то здесь, как всегда, существуют полярные оценки и мнения. Одни авторы (Р. А. Медведев, Л. М. Млечин²³⁵) считают его полным политическим ничтожеством, совершенно неспособным к серьёзной и самостоятельной работе. Другие авторы (А. В. Пыжиков²³⁶) полагают, что, обладая огромным аппаратным опытом и неплохо зная кадры, Г. М. Маленков никогда не работал на самостоятельных руководящих постах, не обладал ярко выраженными лидерскими качествами и в остро критические моменты проявлял странную безвольность и неспособность отстаивать свою позицию. Наконец, их многочисленные оппоненты (Р. Г. Пихоя, Ю. Н. Жуков, Р. К. Баландин, А. Г. Маленков²³⁷), напротив, вовсе не отказывают опальному премьеру в государственном уме, богатом управленческом опыте и признают наличие собственной программы реформ, которую, к сожалению, не удалось реализовать.

Между тем после столь важной победы над своим соперником Н. С. Хрущёв продолжил собирать новый компромат на Г. М. Маленкова, о чём красноречиво говорит ряд архивных документов²³⁸. В частности, речь идёт о черновике докладной записки бывшего маленковского свояка и заведующего Организационноинструкторским отделом ЦК Михаила Абрамовича Шамберга на имя Николая Михайловича Шверника, где он информировал главу КПК о тесных связях Г. М. Маленкова с бывшим главой НКВД Н. И. Ежовым, которого он всячески поддерживал и поощрял в деле «избиения партийных кадров».

Параллельно с атакой на опального премьера Н. С. Хрущёв задумал реформу союзного Госплана — важнейшего органа в правительстве страны, «глава которого выполнял функцию "честного" администратора, сигнализирующего наверх о реальном положении дел в советской экономике»²³⁹. Но дело даже не в этом. А в том, что глава Госплана СССР по факту был вторым человеком в союзном правительстве, который, как правило, всегда входил в состав Политбюро, а затем и Президиума ЦК. И в тот момент этот важнейший пост без малого шесть лет занимал давний маленковский выдвиженец и соратник Максим Захарович Сабуров. Во многом именно поэтому, как считают ряд историков (В. Л. Некрасов, Е. А. Зубкова²⁴⁰), реформа Госплана СССР стала «первой институциональной реформой Хрущёва в период его становления в качестве ключевой фигуры коллективного руководства» и «неразрывно была связана с процессом его утверждения как единоличного лидера и реформатора страны».

Судя по архивным документам²⁴¹, процесс реформы Госплана затянулся на четыре месяца и прошёл в четыре этапа. 5 февраля 1955 года председатель Госплана СССР М. З. Сабуров направил в Президиум ЦК свою записку «О перестройке работы Госплана СССР и мерах по улучшению государственного планирования». Затем 14 марта её обсудили и одобрили на Президиуме ЦК и для доработки данного вопроса создали рабочую Комиссию, в состав которой вошли председатель Совета Министров СССР Н. А. Булганин, три его первых заместителя — Л. М. Каганович, М. З. Сабуров и М. Г. Первухин, — три «рядовых» заместителя — А. Н. Косыгин, В. А. Малышев и И. Ф. Тевосян — и руководящие работники Госплана во главе с Г.П. Косяченко. Все они лояльно отнеслись к очередной хрущёвской реформе, чего нельзя было сказать о В. М. Молотове, К. Е. Ворошилове и Г. М. Маленкове, которые именно по этой причине и не были включены в состав этой Комиссии.

28 марта 1955 года в Президиум ЦК был представлен первоначальный вариант проекта совместного Постановления по данному вопросу, который обсуждался в течение двух месяцев. И только 25 мая Президиум Верховного Совета СССР издал Указ «О реорганизации Государственного планового комитета Совета Министров СССР», а 4 июня уже вышло Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О перестройке работы Госплана СССР и мерах по улучшению государственного планирования». В результате этой «реформы» на базе упразднённого Госплана СССР при Совете Министров СССР были созданы два новых органа — Государственная комиссия по перспективному планированию, или новый Госплан СССР, которую возглавил многолетний министр нефтяной промышленности Николай Константинович Байбаков, и Экономическая комиссия по текущему планированию, или Госэкономкомиссия СССР, главой которой был назначен Максим Захарович Сабуров. Надо сказать, что многие историки (И. А. Гладков, В. А. Шестаков, А. Ноув²⁴²) крайне негативно оценивали проведённую реформу, однако, как справедливо подметили В. Л. Некрасов и Е. Ю. Зубкова, для Н. С. Хрущёва эта реформа имела прежде всего политический характер, и в этом смысле она стала его личной и очень важной аппаратной победой над всеми наиболее ретивыми оппонентами.

Тем временем 28 апреля 1955 года Президиум ЦК принимает Постановление о создании Комиссии для рассмотрения документов из личного архива И. В. Сталина, в состав которой были включены Н. С. Хрущёв (председатель), Н. А. Булганин, В. М. Молотов, Г. М. Маленков, Л. М. Каганович, М. А. Суслов и П. Н. Поспелов. Однако, как установил С. С. Войтиков²⁴³, данное решение «стало пустой тратой бумаги»,

поскольку «за два с лишним года по вине её председателя» эта Комиссия «так и не была собрана». Зато, как уверяют целый ряд мемуаристов и историков, в том числе В. Е. Семичастный, М. С. Докучаев, В. М. Фалин и А. Н. Дугин²⁴⁴, ещё раньше по указанию Н. С. Хрущёва глава КГБ генерал армии И. А. Серов создал специальную группу из 200 сотрудников своего ведомства («архивистов в сапогах»), которые не только серьёзно подчистили ряд архивов от компромата на Н. С. Хрущёва, но и озаботились «созданием документального фальсификата», что, по мнению С. С. Войтикова, ставит всех историков, изучающих советскую эпоху, перед «необходимостью решения сложных источниковедческих задач»²⁴⁵.

По мнению многих специалистов, следующей важной аппаратной победой Н. С. Хрущёва в борьбе за утверждение своего окончательного лидерства стал прошедший 4-12 июля 1955 года очередной Пленум ЦК, на котором: 1) в состав Президиума ЦК были введены два его верных соратника — секретарь ЦК по идеологии Михаил Андреевич Суслов и Первый секретарь ЦК КПУ Алексей Илларионович Кириченко; 2) новыми секретарями ЦК стали главный редактор газеты «Правда» Дмитрий Трофимович Шепилов и первые секретари Хабаровского и Алтайского крайкомов партии Аверкий Борисович Аристов и Николай Ильич Беляев, которые активно поддерживали целинскую авантюру Н. С. Хрущёва. Таким образом, как справедливо утверждают целый ряд историков (Р. Г. Пихоя, Ю. Н. Жуков, Ю. В. Емельянов²⁴⁶), из всех возможных вариантов реформ, существовавших в то время у Л. П. Берии, Г. М. Маленкова и Н. С. Хрущёва проектов трансформации сталинской системы в конечном счёте был выбран самый худший вариант, который был совершенно не продуман, во многом спонтанен, а главное — предельно консервативен по своей сути.

Между тем профессор В. П. Попов в своей работе «Большая ничья. СССР от Победы до распада», опубликованной в 2005 году, пишет о том, что события тех лет наглядно показали, что все «советские руководители рассматривали проведение реформ как ещё один весьма специфический способ борьбы за власть. Интересы дела не являлись определяющим мотивом их политической линии», поскольку «главной мотивировкой было только расширение пределов личной власти». Поэтому в случае какой-либо угрозы потери этой власти все лидеры или «откладывали практическую реализацию назревших вопросов до лучших времён», или просто «принимали наиболее консервативный вариант реформ». Историческое противоречие, которое не сумел разрешить ни один советский лидер, включая и Н. С. Хрущёва, заключалось в том, что проводить реформы «приходилось руками того аппарата», который рассматривал их «как угрозу собственной власти и стабильности своего положения, а потому всячески им противился на деле, одобряя только на словах». Даже И. В. Сталин вынужден был считаться с подобной «аппаратной особенностью советской системы управления», искоренить которую он не смог никакими чистками и даже репрессиями²⁴⁷. Кстати, на этом же июльском Пленуме ЦК «досталось на орехи» и самому В. М. Молотову, который, наряду с Н. С. Хрущёвым, острее всех критиковал отставного премьера. Правда, в данном случае речь шла об особой позиции министра иностранных дел по австрийскому и особенно по югославскому вопросам.

После окончания Пленума всё внимание высшего советского руководства было сосредоточено на международных вопросах, в том числе подготовки и проведения Женевского совещания глав правительств четырёх держав — СССР, США, Великобритании и Франции, — которое состоялось 18-23 июля 1955 года. После его завершения и отчётного доклада Н.А. Булганина об этом совещании на 3-й сессии

Верховного Совета СССР, прошедшей 4-5 августа 1955 года, весь состав Президиума и Секретариата ЦК отбыл из Москвы на черноморские госдачи в Крым и на Северный Кавказ. Наступило временное политическое затишье. Однако уже в сентябре начался новый раунд борьбы за власть, в котором не последнюю роль сыграл один довольно любопытный документ, до недавних пор практически никак не фигурировавший ни в информационном пространстве, ни в трудах историков. А между тем в свете последних событий на Украине этот документ более чем актуален. Речь идёт об Указе Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.», который был подписан маршалом К. Е. Ворошиловым и Н.М. Пеговым 17 сентября 1955 года²⁴⁸.

Этот Указ настолько показателен, что мы почти полностью процитируем его: «Учитывая прекращение состояния войны между Советским Союзом и Германией и руководствуясь принципом гуманности», Президиум высшего государственного органа страны «посчитал возможным применить амнистию в отношении тех советских граждан, которые в период Великой Отечественной войны... по малодушию или неосознанности оказались вовлечёнными в сотрудничество с оккупантами.

В целях предоставления этим гражданам возможности вернуться к честной трудовой жизни и стать полезными членами социалистического общества Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

1) Освободить из мест заключения и от других мер наказания лиц, осуждённых на срок до 10 лет лишения свободы включительно за совершённые в период Великой Отечественной войны... пособничество врагу и другие преступления, предусмотренные ст. 58-1, 58-3, 58-4, 58-6, 58-10, 58-12 Уголовного кодекса РСФСР и соответствующими статьями уголовных кодексов других союзных республик.

2) Сократить наполовину назначенное судом наказание осуждённым на срок свыше 10 лет за преступления, перечисленные в ст. 1 настоящего Указа.

3) Освободить из мест заключения независимо от срока наказания лиц, осуждённых за службу в немецкой армии, полиции и специальных немецких формированиях. Освободить от дальнейшего отбывания наказания лиц, направленных за такие преступления в ссылку и высылку.

4) Не применять амнистии к карателям, осуждённым за убийства и истязания советских граждан. Прекратить производством все следственные дела и дела, не рассмотренные судами о преступлениях, совершённых в период Великой Отечественной войны..., предусмотренных ст. 58-1, 58-3, 58-4, 58-6, 58-10, 58-12 Уголовного кодекса РСФСР и соответствующими статьями уголовных кодексов других союзных республик, за исключением дел о лицах, указанных в ст. 4 настоящего Указа.

5) Снять судимость и поражение в правах с граждан, освобождённых от наказания на основании настоящего Указа. Снять судимость и поражение в правах с лиц, ранее судимых и отбывших наказание за преступления, перечисленные в ст. 1 настоящего Указа.

6) Освободить от ответственности советских граждан, находящихся за границей, которые в период Великой Отечественной войны... сдались в плен врагу или служили в немецкой армии, полиции и специальных немецких формированиях.

7) Освободить от ответственности и тех ныне находящихся за границей советских граждан, которые занимали во время войны руководящие должности в

созданных оккупантами органах полиции, жандармерии и пропаганды, в том числе и вовлечённых в антисоветские организации в послевоенный период, если они искупили свою вину последующей патриотической деятельностью в пользу Родины или явились с повинной.

В соответствии с действующим законодательством рассматривать как смягчающее вину обстоятельство явку с повинной находящихся за границей советских граждан, совершивших в период Великой Отечественной войны... тяжкие преступления против Советского государства. Установить, что в этих случаях наказание, назначенное судом, не должно превышать пяти лет ссылки.

8) Поручить Совету Министров СССР принять меры к облегчению въезда в СССР советским гражданам, находящимся за границей, а также членам их семей, независимо от гражданства, и их трудоустройству в Советском Союзе»²⁴⁹.

Возникает законный вопрос: кто стал инициатором данного Указа? Из всех тогдашних лидеров страны с подобным предложением мог выступить только Н. С. Хрущёв, ставший неформальным лидером страны. А раз так, то нужно понять мотивы этой инициативы. На наш взгляд, таковыми мотивами, а вернее причинами, могли стать три важных обстоятельства. Во-первых, совершенно очевидно, что этот документ касался прежде всего бандеровцев и украинских коллаборантов, служивших в армейских частях вермахта и СС, полицейских формированиях на оккупированной территории и т. д. Именно они составляли значительную часть осуждённых за измену Родине и отбывали наказание в различных тюрьмах, колониях и лагерях. Более того, как показывают последние исследования (В. А. Козлов²⁵⁰), уже к началу 1950-х годов украинские националисты в борьбе с другими лагерными группировками не только «навели порядок» в ГУЛАГе, поставив себя в положение привилегированной касты, но и стояли за организацией всех бунтов, вспыхнувших в Воркутинских и Норильских лагерях вскоре после смерти И. В. Сталина. Во-вторых, Н. С. Хрущёв сознавал всю шаткость своего положения на вершине власти, и ему было критически важно вновь сделать реверанс в сторону «украинских товарищей», заметно усиливших своё влияние и представительство в центральном и республиканском партийном, государственном и хозяйственном аппаратах. И, в-третьих, вполне возможно, что сама эта идея пришла Н. С. Хрущёву через его вторую супругу Нину Петровну Кухарчук, которая, по свидетельству многих очевидцев, имела колоссальное влияние на мужа, бывшего в быту банальным подкаблучником. В связи с последним обстоятельством следует особо сказать несколько слов о самой Н. П. Кухарчук, которая в широком общественном сознании предстаёт некой полуграмотной крестьянкой, никогда не лезшей в «большую политику» и далёкой от государственных забот своего супруга. Однако это далеко не так.

Нина Петровна Кухарчук была уроженкой Холмской губернии и, несмотря на своё якобы «подлое» происхождение, получила прекрасное образование сначала в Люблинской гимназии, а затем в Холмском женском училище, где прилично выучила не только украинский, но также польский и французский языки, к коим впоследствии добавился и английский. Окончив обучение уже в Одессе, в январе 1920 года, будучи одним из лидеров местной подпольной комсомольской организации, она вступила в РКП(б). А в феврале 1920 года, когда по решению Москвы при ЦК КП(б)У было создано Галицкое бюро, Н. П. Кухарчук вошла в его состав, где плотно работала с М. Л. Бараном, О. И. Букшованым, О. Микиткой и другими «самостийниками»,

служившими в Легионе украинских сечевых стрельцов и украинской Галицкой армии.

В начале июня 1920 года её уже направили на Польский фронт в войска М. Н. Тухачевского для агитационной работы среди пленных польских солдат и офицеров. А после окончания войны она была направлена на подпольную работу в Компартию Восточной Галиции (будущую КПЗУ), где возглавила два отдела ЦК — по работе с женщинами и образованию. Однако уже в 1922 году Н. П. Кухарчук была отозвана в Москву, но по дороге в столицу, проезжая через Юзовку, она тяжело заболела тифом и попала под личную опеку Серафимы Ильиничны Гопнер — старой большевички, возглавлявшей в ту пору целых два агитпропа Екатеринославского и Донецкого губкомов партии. Именно она и познакомила её с Н. С. Хрущёвым, который, будучи студентом и секретарём парткома Донецкого горного техникума, был её «подопечным» по партийной работе.

По свидетельству ряда домочадцев и многих очевидцев, с самого начала супружеской жизни Нина Петровна, отличавшаяся очень сильным и властным характером, стала лепить из Никиты Сергеевича «щирого українця». Именно тогда, в середине 1920-х годов, в период первой «украинизации», он стал всё чаще и чаще ходить в украинской вышиванке, которую любил носить до конца своих дней, частенько употреблять украинские слова, пословицы и поговорки, петь украинские песни, пить горилку с салом и т.д. Не изменил он этим традициям и в Москве, куда первый раз приехал в 1929 году, став студентом Всесоюзной промышленной академии...

Кстати, вероятнее всего, украинизация Н. С. Хрущёва началась значительно раньше его женитьбы, ещё в детские годы. Косвенным доказательством этого могут служить два довольно любопытных факта, приведённые в книгах Н. А. Зеньковича и У. Таубмана²⁵¹. В первой книге содержится версия, что настоящим отцом Н. С. Хрущёва был Александр Гасвицкий, у которого его матушка Ксения Ивановна была прислугой. Правда, Н. А. Зенькович ошибочно называет его поляком, хотя на самом деле выходцем из Речи Посполитой был его дальний предок Иван Гасвицкий. Однако ещё в 1668 году, сразу после окончания знаменитой Русско-польской войны (1654-1667), он перешёл на русскую службу, повёрстан в «служилые люди по отечеству» и пожалован царём Алексеем Михайловичем поместьем в Курском уезде. Значительно позднее один из его прямых потомков, Пётр Алексеевич Гасвицкий, стал даже предводителем курского дворянства и состоял в личной переписке с самим Г. Р. Державиным²⁵². Во второй же книге приводятся свидетельства того, что мать Н. С. Хрущёва Ксения (Аксинья) Ивановна питала особую любовь к народным украинским песням и частенько «кричала», т. е. пела, их даже в Москве и Куйбышеве, где все последние годы жила в семье своего сына.

Между тем, согласно официальной справке МВД СССР, направленной в ЦК КПСС в августе 1956 года, по итогам этой амнистии из заключения и ссылки только на территорию Западной Украины вернулись более 20 тысяч активных оуновцев и бандеровцев, из которых не менее 7 тысяч осели во Львове²⁵³; ещё больше, порядка 50 тысяч коллаборантов, вернулись из-за границы, значительная их часть также обосновалась в городах и весях Украинской ССР, причём не только в Галиции, но и в Харьковской, Днепропетровской и Херсонской областях. Более того, амнистия бандеровцев проводилась и позже. Самым показательным примером может служить амнистия Василя Кука, который ещё летом 1950 года стал преемником Р. С. Шухевича

на постах главы ОУН(б) и УПА на «украинских землях». Отбыв в заключении всего шесть лет, в 1960 году он не только вернулся в Киев, но и преспокойно занялся научной работой в Центральном государственном историческом архиве и Институте истории Академии наук УССР. Причём почти вся партийно-государственная верхушка Украинской ССР считала за некую честь тайно посещать сего «діяча українського визвольного руху», включая Первого секретаря ЦК КПУ Петра Ефимовича Шелеста. Кстати, именно при П. Е. Шелесте, который даже не скрывал своего «украинства», в аппарат ЦК КПУ и Совет Министров УССР буквально хлынул мощный поток работников из западноукраинских областей, в том числе будущий первый президент «незалежной» Леонид Макарович Кравчук, который в 1970 году стал завсектором Агитпропа ЦК КПУ.

Так что завет одного из главарей Львовского краевого провода ОУН Василя Заставного оказался пророческим: «Период борьбы с пистолетом и автоматом закончился. Настал другой период — период борьбы за молодёжь, период вrastания в советскую власть с целью её перерождения под большевистскими лозунгами... Наша цель — проникать на всевозможные посты, как можно больше быть в руководстве промышленностью, транспортом, образованием, в руководстве молодёжью, прививать молодёжи всё национальное...»²⁵⁴

.

¹⁹⁵ Зеленин И.Е. Целинная эпопея: разработка, принятие и осуществление первой хрущёвской «сверхпрограммы» (сентябрь 1953 — начало 1960-х гг.) // Отечественная история. 1998. № 4; Зеленин И.Е. Аграрная политика Н.С. Хрущёва и сельское хозяйство. М., 2001; Андреенков С.Н. «Целинный проект» 1954 года... // Исторический ежегодник. Н., 2007.

¹⁹⁶ РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 247. Л. 1-8.

¹⁹⁷ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 10. Д. 65. Л. 1.

¹⁹⁸ Емельянов Ю.В. Хрущёв. От пастуха до секретаря ЦК. М., 2012.

¹⁹⁹ Многолетний Первый секретарь ЦК Компартии Казахстана Д.А. Кунаев в своих мемуарах «О моём времени» (1992), ссылаясь на самого П. К. Пономаренко, подтвердил подозрения многих историков, что у него был давний конфликт с Н. С. Хрущёвым, возникший ещё в 1939 году, когда они возглавляли парторганизации Белоруссии и Украины.

²⁰⁰ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 78. Л. 1-21.

²⁰¹ Жуков Ю.Н. Сталин: тайны власти. М., 2005; Емельянов Ю.В. Хрущёв. От пастуха до секретаря ЦК. М., 2012; Зеленин И.Е. Аграрная политика Н.С. Хрущёва и сельское хозяйство. М., 2001; Шестаков В.А. Аграрная политика Н.С. Хрущёва: преемственность и новации // Отечественная история. 2006. № 6; Андреенков С.Н. «Целинный проект» 1954 года... // Исторический ежегодник. Н., 2007.

²⁰² РГАНИ. Ф. 3. Оп. 10. Д. 71. Л. 6; Ф. 3. Оп. 10. Д. 85. Л. 2; Ф. 3. Оп. 10. Д. 91. Л. 10; Ф. 3. Оп. 10. Д. 92. Л. 2; Ф. 3. Оп. 10. Д. 94. Л. 2; Ф. 3. Оп. 10. Д. 97. Л. 60-61; Ф. 3. Оп. 10. Д. 98. Л. 4; Ф. 3. Оп. 10. Д. 108. Л. 3; Ф. 3. Оп. 10. Д. 100. Л. 4; Ф. 3. Оп. 10. Д. 115. Л. 1-2; Ф. 3. Оп. 10. Д. 121. Л. 17.

²⁰³ РГАНИ Ф. 3. Оп. 10. Д. 65. Л. 2-3.

- ²⁰⁴ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 441. Л. 458-464.
- ²⁰⁵ АП РФ. Ф. 3. Оп. 10. Д. 65. Л. 5-6.
- ²⁰⁶ Кокурин А.И., Петров Н.В. Лубянка: Органы ВЧК — ОГПУ — НКВД — НКГБ — МГБ — МВД — КГБ. 1917-1991. Справочник. М., 2003; Млечин Л.М. КГБ. Председатели органов безопасности. М., 2008; Хлобустов О.М. КГБ СССР. 1954-1991 гг. Тайны гибели Великой державы. М., 2015.
- ²⁰⁷ Хлобустов О.М. КГБ СССР. 1954-1991 гг. Тайны гибели Великой державы. М., 2015.
- ²⁰⁸ Пожаров А.И. КГБ и партия (1954-1964 гг.) // Отечественная история, 1999, №4.
- ²⁰⁹ Маленков Г.М. Речь на собрании избирателей Ленинградского округа Москвы 12 марта 1954 года. М., 1954.
- ²¹⁰ Маленков Г.М. Речь на первой сессии Верховного Совета СССР четвёртого созыва 26 апреля 1954 г. М., 1954.
- ²¹¹ Справедливости ради следует сказать, что Ю. Н. Жуков в своей известной работе «Сталин: тайны власти» дословно написал, что «4 февраля 1954 г. Суслов добился от Хрущёва согласия дать указание всем газетам и журналам страны опубликовать 5 марта передовые статьи, посвятив их первой годовщине со дня смерти» И. В. Сталина, показав его «как великого продолжателя дела В. И. Ленина».
- ²¹² Жуков Ю.Н. Сталин: тайны власти. М., 2005.
- ²¹³ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 10. Д. 108. Л. 113; Д. 81. Л. 31-32.
- ²¹⁴ Медведев Р.А. Они окружали Сталина. М., 2006; Столяров К.А. Палачи и жертвы. М., 1997; Млечин Л.М. Смерть Сталина: вождь и его соратники. М., 2003.
- ²¹⁵ Ключев Е.А. «Чёрный рынок» в послевоенном Ленинграде: 1945-1953 гг. Автореферат дисс. канд. ист. наук. СПб., 2011.
- ²¹⁶ Сушков А.В. «Ленинградское дело»: привилегированная жизнь «ленинградских вождей» в первые послевоенные годы // Свободная мысль. № 4. 2018; Сушков А.В. «Ленинградское дело»: генеральная чистка «колыбели революции». Ек., 2018.
- ²¹⁷ АП РФ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 398. Л. 63-114.
- ²¹⁸ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 216. Л. 2-7.
- ²¹⁹ Столяров К.А. Палачи и жертвы. М., 1997.
- ²²⁰ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т.6. М., 1974.
- ²²¹ Аксютин Ю.В., Пыжиков А.В. Постсталинское общество: проблема лидерства и трансформации власти. М., 1999.
- ²²² Целый ряд историков, в частности С. С. Войтиков в работе «Центральный Комитет. Высшее партийное руководство от Ленина и Плеханова до Хрущёва, 1890-1964 гг.», утверждает, что первый серьёзный «звонок» для Г. М. Маленкова прозвучал ещё в октябре 1954 года, когда его не включили в состав партийно-правительственной делегации на празднование пятилетия образования КНР. Официальным главой советской делегации в Пекин, в состав которой вошли Н. А. Булганин, А. И. Микоян, Н. М. Шверник, Д. Т. Шепилов, Е. А. Фурцева и другие, был назначен Н. С. Хрущёв.
- ²²³ Аксютин Ю.В. Хрущёвская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953-1964 гг. М., 2010.
- ²²⁴ Аксютин Ю.В., Пыжиков А.В. Постсталинское общество: проблема лидерства и трансформации власти. М., 1999.
- ²²⁵ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 116. Л. 25-31.

- ²²⁶ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 127. Л. 9.
- ²²⁷ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 127. Л. 10.
- ²²⁸ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 127. Л. 11-12.
- ²²⁹ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 127. Л. 13-14.
- ²³⁰ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 127. Л. 51-53, 63-66.
- ²³¹ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 127. Л. 9; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 476. Л. 134-138.
- ²³² Жуков Ю.Н. Сталин: тайны власти. М., 2005; Войтиков С.С. Центральный Комитет... М., 2019.
- ²³³ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 10. Д. 126. Л. 2-3.
- 15 мая 1956 года Г.К. Жуков направил в ЦК КПСС докладную записку с предложением о ликвидации Военного Совета, мотивируя это тем, что его состав практически полностью дублирует состав коллегии Министерства обороны СССР.
- ²³⁴ Войтиков С.С. Центральный Комитет. М., 2019.
- ²³⁵ Медведев Р.А. Они окружали Сталина. М., 2006; Млечин Л.М. Смерть Сталина: вождь и его соратники. М., 2003.
- ²³⁶ Пыжиков А.В. Хрущёвская «оттепель», 1953-1964. М., 2002.
- ²³⁷ Пихоя Р.Г. О внутривластной борьбе в советском руководстве 1945-1958 гг. // Новая и новейшая история. 1995. № 6; Жуков Ю.Н. Сталин: тайны власти. М., 2005; Баландин Р.К. Маленков. Третий вождь Страны Советов. М., 2007; Маленков А.Г. О моём отце Георгии Маленкове. М., 2007.
- ²³⁸ ЦГА Москвы. Ф. Л-166. Оп. 1. Д. 90. Л. 1; Войтиков С.С. Центральный Комитет. Высшее партийное руководство от Ленина и Плеханова до Хрущёва, 1890-1964 гг. М., 2019.
- ²³⁹ Хлевнюк О.В., Горлицкий Й. Холодный мир. Сталин и завершение сталинской диктатуры. М., 2011.
- ²⁴⁰ Некрасов В.Л. Реформа Госплана СССР 1955 г.: разработка новой модели планирования экономики // Вестник ТомГУ, 2012. № 368; Zubkova E. The Rivalry with Malenkov // Nikita Khrushchev. New Haven, 2000.
- ²⁴¹ ГА РФ. Ф. Р 5446. Оп. 89. Д. 25.
- ²⁴² Гладков И.А. История социалистической экономики СССР. Т. 6. М., 1980; Шестаков В.А. Социально-экономическая политика Советского государства в 50-е — середине 60-х годов. М., 2006. Nove A. An Economic History of the USSR (1917-1991). N.Y., 1992.
- ²⁴³ Войтиков С.С. Центральный Комитет. М., 2019.
- ²⁴⁴ Барсуков Н.А. Беседа с А.Н. Шелепиным и В.Е. Семичастным // Неизвестная Россия. XX век. М., 1992; Докучаев М.С. Москва. Кремль. Охрана. М., 1995; Фалин В.М. Без скидок на обстоятельства. Политические воспоминания. М., 1999; Дугин А.Н. Шифротелеграмма И. В. Сталина от 10 января 1939 года (истраниковедческий анализ) // Вопросы истории. 2017. № 1.
- ²⁴⁵ Войтиков С.С. Центральный Комитет. М., 2019.
- ²⁴⁶ Пихоя Р.Г. О внутривластной борьбе в советском руководстве 1945-1958 гг. // Новая и новейшая история. 1995. № 6; Жуков Ю.Н. Сталин: тайны власти. М., 2005; Емельянов Ю.В. Хрущёв. От пастуха до секретаря ЦК. М., 2012.
- ²⁴⁷ Попов В.П. Большая ничья. СССР от Победы до распада. М., 2005.
- ²⁴⁸ Ведомости Верховного Совета СССР. 1955. № 17.
- ²⁴⁹ Ещё в конце 1954 года И. А. Серов с подачи Н. С. Хрущёва направил в ЦК записку

с предложением амнистии тех советских граждан, кто сотрудничал с оккупантами в период войны. Необходимость этой амнистии он объяснял в основном тем, что за рубежом находятся до 500 тысяч «невозвращенцев», которые в случае возникновения военного конфликта СССР и США могут стать оружием в руках главного военного противника. Поэтому в целях «разложения антисоветской эмиграции» и привлечения бывших соотечественников предлагалось объявить амнистию даже тем (власовцам, бандеровцам и т. д.), кто во время войны служил в армейских и полицейских частях Третьего рейха и участвовал в военных действиях. Все эти предложения после их доработки Комиссией ЦК в составе М. А. Суслова, К. П. Горшенина, С. Н. Круглова, К. Ф. Лунёва, В. А. Болдырева и А. Ф. Горкина были узаконены очередным Указом Президиума Верховного Совета СССР и Постановлением Совета Министров СССР «О порядке репатриации советских граждан, находящихся за границей, и их трудоустройстве в СССР» (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 300. Л. 60-66).

²⁵⁰ Козлов В.А. Социум в неволе: конфликтная самоорганизация лагерного сообщества и кризис управления ГУЛАГом (конец 1920-х — начало 1950-х гг.) // Общественные науки и современность. 2004. № 5-6.

²⁵¹ Зенькович Н.А. СССР. Самые знаменитые побегі. М., 2002; Таубмэн У. Хрущёв. М., 2008.

²⁵² Державин Гавриил Романович. Сочинения. Под ред. Я. Грота. Том 6. 1871.

²⁵³ Чичкин А.А. Анатомия краха СССР. Кто, когда и как разрушил великую державу. М., 2012.

²⁵⁴ Пыжиков А.В. Хрущёвская «оттепель», 1953-1964. М., 2002.

6. Подготовка к XX съезду КПСС и история создания секретного доклада Н. С. Хрущёва (1955-1956)

Сразу после возвращения из отпуска Н. С. Хрущёв начал непосредственную подготовку к проведению очередного партийного съезда, который по его задумке должен был окончательно похоронить «коллективное руководство» и утвердить его единоличное лидерство в стране. Поэтому совершенно не случайно, что главным фоном этой подготовки стал скороспелый пересмотр многих уголовных дел, напрямую связанных с «политическими репрессиями» сталинской эпохи.

Поэтому ещё в конце марта 1954 года на основании записки руководителей Генпрокуратуры, МВД, КГБ и Минюста СССР Р. А. Руденко, С. Н. Круглова, И. А. Серова и К. П. Горшенина²⁵⁵, направленной на имя Г. М. Маленкова и Н. С. Хрущёва, Президиум ЦК тут же санкционировал создание Центральной и местных комиссий «по пересмотру дел осуждённых за "контрреволюционные преступления", содержащихся в лагерях, колониях, тюрьмах и находящихся в ссылке на поселении». Центральную Комиссию, в состав которой вошли 15 представителей всех силовых ведомств, включая их руководителей, возглавил генпрокурор Роман Андреевич Руденко, а во главе республиканских, краевых и областных комиссий встали местные прокуроры.

Причём по предложению Р. А. Руденко «в целях быстрее завершения работы по реабилитации незаконно осуждённых лиц» был изменён прежний порядок пересмотра дел. Если раньше все дела на осуждённых внесудебными органами, в частности Особым Совещанием при НКВД — МГБ — МВД, Коллегией ОГПУ и тройками НКВД — УНКВД, пересматривались в Верховном Суде СССР по протесту Генпрокурора СССР, то теперь эта прерогатива была передана в руки Центральной и местных комиссий, поскольку, по мнению Генпрокурора СССР, прежний «порядок пересмотра дел, несомненно, усложнит эту работу и удлинит сроки её окончания». Более того, по предложению Р. А. Руденко было принято решение, что все Постановления данных комиссий по рассмотренным делам следует считать окончательными, не подлежащими отмене или новому пересмотру.

Как только Центральная Комиссия приступила к работе, то, словно из рога изобилия, в ЦК КПСС полетела груда всевозможных записок об амнистии или о реабилитации лидеров и министров профашистских режимов прибалтийских государств, в том числе К. Я. Пятса, А. К. Меркиса, В. Н. Мунтерса, И. П. Балодиса и И. К. Урбшиса²⁵⁶, бывших членов и кандидатов в члены Политбюро ЦК ВКП(б) Я. Э. Рудзутака, В. Я. Чубаря и П. П. Постышева²⁵⁷, бывших Первого секретаря ЦК ВЛКСМ А. В. Косарева и секретаря ЦИК СССР И. А. Акулова, бывших союзных наркомов Н. Н. Демченко, А. Л. Гилинского, Н. В. Крыленко, К. В. Уханова, Н. И. Пахомова, А. Д. Брускина, Г. Н. Каминского, М. Ф. Болдырева и других²⁵⁸, бывших заместителей наркома обороны начальника Главпура РККА Я. Б. Гамарника и главкома ВВС П. В. Рычагова, его зама С. А. Худякова²⁵⁹ и других. Казалось бы, после принятого решения реабилитация и амнистия всех указанных лиц являлась прямой прерогативой Центральной Комиссии, решения которой совершенно не нуждались в каком-то одобрении. Однако 4 мая 1954 года Президиум ЦК в своём Постановлении²⁶⁰ не только прямо обязал Центральную Комиссию «регулярно

докладывать ЦК КПСС о своей работе по пересмотру дел на лиц, осуждённых за контрреволюционные преступления», но и создал ещё одну Комиссию в составе секретаря ЦК Н. Н. Шаталина, заведующего Административным отделом ЦК А. Л. Дедова и генпрокурора Р. А. Руденко, которой вменил в обязанность «систематически наблюдать за ходом выполнения настоящего решения ЦК КПСС и по мере надобности докладывать ЦК» о ходе этой работы. Поэтому и сам Р. А. Руденко, и его первый заместитель П. В. Баранов упорно направляли все записки в Президиум ЦК, члены которого, прежде остальных Н. С. Хрущёв, украшали их своими положительными резолюциями.

По данным самого МВД СССР, на момент начала реабилитации, т. е. на 1 июня 1954 года, в 65 исправительно-трудовых лагерях и 798 исправительно-трудовых колониях содержалось 1 360 303 осуждённых, из которых 448 344 заключённых отбывали наказание «за контрреволюционные преступления»²⁶¹ и автоматом зачислялись всей доморощенной царебно-либеральной тусовкой в статус невинных «политзаключённых». Хотя среди этих «бедолаг», осуждённых в том числе по ст. 58-1, 58-3, 58-4, 58-6, 58-10, 58-12 Уголовного кодекса РСФСР и аналогичным статьями УК других союзных республик, значительную часть составляли оуновцы, власовцы, лесные братья и прочий уголовный сброд, которым с очень большой натяжкой можно присвоить статус безвинных жертв «сталинских репрессий» и «политзаключённых».

Между тем в марте — апреле 1955 года генеральный прокурор Р. А. Руденко и его заместитель, начальник Отдела по спецделам Д. Е. Салин направили в ЦК две докладные записки, из которых следует, что за прошедший с июня 1954 года период: 1) Отделом по спецделам Генпрокуратуры было рассмотрено «13 084 дела на лиц, осуждённых за контрреволюционные преступления» и внесено в суды «7727 протестов об отмене или изменении прежних судебных приговоров»; 2) Центральной, республиканскими, краевыми и областными комиссиями рассмотрены дела в отношении 237 412 лиц, осуждённых за «контрреволюционные преступления», из которых реабилитированы только 8973 (3,76%) осуждённых, амнистированы 21 797 человек, сокращён срок наказания в отношении 76 344 осуждённых и отказано в пересмотре дел 125 202 осуждённым. Причём, что особо любопытно, наибольшее количество рассмотренных дел пришлось не на самую крупную и населённую республику — РСФСР, — а на УССР, которую с января 1938 года возглавлял Н. С. Хрущёв. Так, согласно той же записке Р. А. Руденко, Украинской республиканской комиссией были рассмотрены дела в отношении 93 223 осуждённых, из которых были реабилитированы всего 848 (0,91 %) человек, тогда как такой же Российской республиканской комиссией были рассмотрены дела в отношении 76 038 осуждённых, из которых реабилитации подлежали 4508 (5,94%) осуждённых²⁶². Таким образом, выходит, что именно Н. С. Хрущёв в период пика так называемых «сталинских репрессий» наиболее усердствовал в разоблачении «врагов народа».

Тем не менее по мере приближения созыва съезда лично Н. С. Хрущёв всё настойчивее и настойчивее стал требовать от остальных членов Президиума ЦК публично осудить все «преступления и извращения» сталинской эпохи, принять согласованное решение и представить высшему партийному форуму доклад по данному вопросу. Однако вплоть до начала нового года хрущёвская активность в этом направлении не приносила нужные плоды. В частности, 5 ноября 1955 года на заседании Президиума ЦК, в повестке дня которого отдельным пунктом значился вопрос «О 21 декабря», Н. С. Хрущёв, активно поддержанный Д. Т. Шепиловым и М.

Г. Первухиным, смог лишь умерить пыл Л. М. Кагановича и К. Е. Ворошилова, предложивших провести традиционное торжественное заседание, посвящённое дню рождения И. В. Сталина. В ходе состоявшейся «дискуссии», в которой по разным обстоятельствам не смогли принять участие В. М. Молотов и Г. М. Маленков, было принято Постановление Президиума ЦК «О мероприятиях в связи с днём рождения И. В. Сталина», в котором было признано необходимым «осветить его жизнь опубликованием статей в печати и в передачах по радио», а также приурочить к этому дню «присуждение Международных Сталинских премий»²⁶³.

Надо сказать, что в исторической науке до сих пор нет единства взглядов на то, когда Н. С. Хрущёв впервые поставил перед членами высшего советского руководства вопрос о подготовке своего доклада с осуждением «сталинского культа» на партийном съезде. В своих мемуарах он и А. И. Микоян утверждали, что горячая дискуссия по этому вопросу разгорелась только в кулуарах самого съезда, т. е. в середине февраля 1956 года²⁶⁴, и долгое время именно этот миф господствовал во всей отечественной историографии. Однако после открытия ряда партийных архивов появились и другие точки зрения. Так, профессор Н. А. Барсуков, частично поддержав Н. С. Хрущёва и А. И. Микояна, дословно заявил, что «предложение о проведении закрытого заседания съезда и выступлении на нём Н. С. Хрущёва с докладом "О культе личности и его последствиях" было выдвинуто Президиумом ЦК только 13 февраля 1956 года, буквально перед самым заседанием Пленума ЦК, который, собственно, и утвердил данное решение»²⁶⁵. Однако сам доклад «о культе личности», в отличие от Отчётного доклада ЦК, не был представлен ни Президиуму, ни Пленуму ЦК, что, по мнению ряда историков (Р. Г. Пихоя, В. П. Попов²⁶⁶), являлось грубым нарушением всех партийных традиций, поскольку высший партийный ареопаг утвердил доклад, «текста которого в это время вообще не существовало» и который ещё «предстояло написать».

Правда, при этом Н. А. Барсуков поддержал Н. С. Хрущёва в той позиции, что разногласия и споры по докладу в ходе самого съезда действительно имели место быть, но «предмет их был несколько иным». Сам же хрущёвский доклад, видимо, из-за спешки был написан от руки карандашом на основе доклада П. Н. Поспелова «либо вечером 13, либо в ночь с 13 на 14 февраля 1956 года». Два других известных автора — В. П. Наумов и Р. А. Медведев — утверждают, что вопрос о докладе был поднят Н. С. Хрущёвым ещё в конце октября 1955 года в его записке, направленной в Президиум ЦК²⁶⁷. Правда, до января 1956 года речь шла не об отдельном докладе, а лишь о том, что вопрос о «культе личности» будет освещён в самом начале работы XX съезда в Отчётном докладе ЦК, с которым выступит именно Н. С. Хрущёв. Наконец, ещё одна группа авторов (Р. Г. Пихоя, Ю. В. Аксютин, О. В. Волобуев, А. В. Пыжиков²⁶⁸) говорит о том, что впервые вопрос о публичном осуждении сталинского культа был рассмотрен на заседании Президиума ЦК только 31 декабря 1955 года, где состоялась очень острая дискуссия о довоенных политических репрессиях. Именно на этом заседании Президиума ЦК в повестку дня был официально включён отдельный пункт «Вопросы, связанные с реабилитацией», по итогам обсуждения которого было принято решение о роспуске старой Комиссии по пересмотру дел и о создании новой Комиссии по реабилитации в составе двух секретарей ЦК П. Н. Поспелова (председатель) и А. Б. Аристова, кандидата в члены Президиума ЦК, председателя ВЦСПС Н. М. Шверника и заместителя председателя Комитета партийного контроля при ЦК КПСС П. К. Комарова, которой было поручено детально

изучить «причины возникновения массовых политических репрессий» в довоенный период, в частности в отношении многих членов ЦК, избранных в его состав на XVII съезде ВКП(б) в феврале 1934 года²⁶⁹.

Причём, ссылаясь на воспоминания А. И. Микояна, профессора В. П. Наумов и Ю. В. Аксютин²⁷⁰ уверяют, что саму идею создания подобной Комиссии Н. С. Хрущёву подсказал именно он во время их приватной беседы, в ходе которой подробно рассказал ему о содержании справки, подготовленной по его просьбе Л. С. Шаумяном о судьбе репрессированных членов ЦК, избранных на XVII съезде ВКП(б). По мнению самого А. И. Микояна, «ввиду важности вопроса» в состав этой Комиссии должны были войти члены Президиума ЦК. Однако Н. С. Хрущёв, согласившись с этим предложением, сразу заявил, что, во-первых, «не следует в эту комиссию входить членам Политбюро, близко работавшим со Сталиным». А во-вторых, все члены Президиума ЦК слишком перегружены работой, поэтому им будет «трудно практически разобраться во всём». Ввиду этих обстоятельств он предложил поставить во главе новой Комиссии П. Н. Пospelова, и А. И. Микоян был вынужден с этим согласиться, правда оговорившись, что «доверять ему всецело нельзя, ибо он был и остаётся просталински настроенным» человеком.

Между тем, как утверждает тот же Ю. В. Аксютин, уже 23 января 1956 года на открытии новой сессии Верховного Совета РСФСР, где присутствовали все члены Президиума ЦК, «с новой силой» разгорелись споры, вызванные тем, что Н. С. Хрущёв предложил использовать материалы поспеловской Комиссии в Отчётном докладе ЦК, который уже готовился к предстоящему партийному съезду. Вероятно, он так и не смог убедить своих коллег в правильности этого шага, поскольку в новом проекте его доклада, датированном 25 января 1956 года, «нет ещё даже намёка на вопрос о культе личности»²⁷¹.

Однако Н. С. Хрущёв вовсе не собирался поднимать лапки кверху, и уже 30 января по его предложению Президиум ЦК (при довольно робком возражении лишь маршала К. Е. Ворошилова) принял беспрецедентное Постановление «О создании партийных комиссий по пересмотру дел осуждённых, отбывающих наказание в лагерях», и поручил рабочей группе в составе А. И. Микояна, А. Б. Аристова, А. И. Кириченко, Н. П. Дудорова и Р. А. Руденко «разработать порядок работы» этих комиссий²⁷². В соответствии с принятым решением члены комиссий (или «тройки») были «командированы в лагеря» и от имени Президиума Верховного Совета СССР наделены правом «рассмотрения дел лиц, отбывающих наказание за преступления политического характера и должностные преступления, и решения на месте вопроса об их освобождении»²⁷³.

Наконец, уже на следующий день, 31 января 1956 года, Н. С. Хрущёв лично инициировал отставку министра внутренних дел СССР генерал-полковника С. Н. Круглова, который долгие годы был заместителем Л. П. Берии, а затем и руководил этим министерством более 10 лет. Опального министра временно «сослали» на должность заместителя министра строительства электростанций, а новым главой МВД СССР стал давний и близкий хрущёвский соратник по Московскому горкому, который с декабря 1954 года пребывал в должности заведующего Отделом строительства ЦК, — Николай Павлович Дудоров.

Между тем 1 февраля 1956 года состоялось очередное заседание Президиума ЦК, в ходе которого де-факто впервые был поставлен вопрос «о возможности рассмотрения на XX съезде партии вопроса о культе личности Сталина»²⁷⁴.

Существует устоявшееся представление, что в ходе состоявшейся дискуссии чётко обозначились две группировки внутри Президиума ЦК по данному вопросу. Дескать, члены первой группировки в составе трёх его старейших членов — В. М. Молотова, К. Е. Ворошилова и Л. М. Кагановича — крайне резко выступили против отдельного доклада, смакования темы репрессий и всячески пытались настоять на том, чтобы в Отчётном докладе ЦК была подчёркнута особая роль И. В. Сталина как «великого продолжателя дела Ленина», ставшего во главе строительства социализма в СССР. Их же оппоненты, среди которых особой активностью отличались сам Н. С. Хрущёв, Н. А. Булганин, М. А. Суслов и А. И. Микоян, напротив, сразу выступили за подготовку отдельного доклада, который должен был поведать партии «жуткие вещи» и «горькую правду» о страшных сталинских репрессиях. Однако это не совсем так. Во-первых, судя по протокольной записи этого заседания²⁷⁵, среди трёх старейших членов высшего партийного ареопага однозначную позицию защиты усопшего вождя занял только В. М. Молотов. Во-вторых, активную поддержку Н. С. Хрущёву, заявившему, что «не марксист» И. В. Сталин «уничтожил партию» и стёр «всё святое, что есть в человеке», оказали и другие члены высшего руководства, в том числе М. З. Сабуров, А. Б. Аристов, М. Г. Первухин и даже Г. М. Маленков. В-третьих, в практической плоскости вопрос о подготовке отдельного доклада, по сути дела, не обсуждался, и пока что речь шла сугубо о содержательной стороне дела, о необходимости, как заявил Н. С. Хрущёв, «усилить обстрел культа личности». Кстати, именно поэтому на этом заседании было принято отдельное Постановление поручить Комиссии П. Н. Пospelова, И. А. Серову и Р. А. Руденко «проверить дело Тухачевского» и «письмо Бенеша (Сталину) по поводу группы Тухачевского (Якира)». Причём именно на этом заседании в своём маниакальном желании представить только И. В. Сталина единственным организатором «кровавых репрессий» в стране Н. С. Хрущёв договорился до того, что «Ягода, наверное, чистый человек» и «Ежов, наверное, не виноват, честный человек»²⁷⁶. Между тем, как подметил профессор А. В. Пыжиков, уже 3 февраля 1956 года имя И. В. Сталина впервые исчезло из «официального партийного лексикона»²⁷⁷. Именно в этот день во всех центральных газетах было опубликовано вполне традиционное Приветствие ЦК КПСС и Совета Министров СССР старейшему члену партии, главе советского государства маршалу К. Е. Ворошилову по случаю его 75-летия, в котором он был назван только «верным учеником великого Ленина», но уже не «соратником великого Сталина», имя которого впервые вообще не было упомянуто ни в каком виде.

9 февраля 1956 года состоялось очередное заседание Президиума ЦК, в центре внимания которого оказался подробнейший доклад П. Н. Пospelова о работе возглавляемой им Комиссии «по установлению причин массовых репрессий против членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), избранных на XVII съезде партии»²⁷⁸. Во-первых, в этом докладе довольно фривольно (и позднее это будет убедительно показано в работах многих современных историков, в том числе в фундаментальном исследовании В. Н. Земскова²⁷⁹) утверждалось, что на пике политических репрессий в 1937-1938 годах по политическим мотивам было арестовано 1 548 366 человек, из которых 681 692 осуждённых расстреляны. Во-вторых, в этом же докладе, помимо разного рода сентенций о «преступных приказах НКВД», об «искусственном создании антисоветских организаций блоков и центров», о «грубейшем нарушении законности в процессе следствия» и полном «судебном произволе Военной коллегии Верховного Суда СССР», содержалась также информация о «сфабрикованных делах»

в отношении видных членов партии, в том числе С. В. Косиора, П. П. Постышева, В. Я. Чубаря, Я. Э. Рудзутака, Е. Г. Евдокимова, Р. И. Эйхе, И. С. Уншлихта, К. Я. Баумана и ряда других, т. е. как раз тех лиц, которые, наряду с самим Н. С. Хрущёвым, были в числе главных провокаторов, идейных вдохновителей и организаторов тех самых политических репрессий, которые в народе совершенно справедливо окрестят «ежовщиной».

Следует сказать, что уже довольно давно существует ходячее представление о том, что обсуждение этого доклада вызвало резкую поляризацию мнений в среде высшего советского руководства²⁸⁰. Якобы три старейших члена советского руководства — В. М. Молотов, Л. М. Каганович и К. Е. Ворошилов — резко выступили против самого хрущёвского доклада и развенчания культа личности И. В. Сталина, вполне разумно полагая, что этот доклад неизбежно нанесёт непоправимый вред авторитету партии и советского государства, а также самим членам Президиума ЦК, многие из которых были многолетними соратниками усопшего вождя. Однако Н. С. Хрущёв, опираясь на активную поддержку со стороны Н. А. Булганина, А. И. Микояна, М. А. Суслова и даже Г. М. Маленкова, сумел протащить нужное ему решение. Вместе с тем, судя по рабочей протокольной записи этого заседания²⁸¹ и последним публикациям ряда историков (Н. А. Барсуков, В. П. Попов²⁸²), это не совсем так. Во-первых, три старейших члена высшего партийного ареопага в принципе не выступали против включения в Отчётный доклад ЦК раздела о политических репрессиях и развенчания «сталинского курса». Они лишь выступали против подготовки отдельного доклада, способного «развязать стихию», и предлагали в Отчётном докладе ЦК «хладнокровно» и «правдиво», без эмоций подойти к оценке сталинских деяний, в равной степени упомянув всё плохое и хорошее в его многолетней и плодотворной работе. Во-вторых, наряду с упомянутыми выше членами Президиума ЦК, особо активную поддержку Н. С. Хрущёву оказала новая когорта высших руководителей страны, прежде всего М. Г. Первухин, М. З. Сабуров, А. Б. Аристов и Д. Т. Шепилов, которые острее других выступали с откровенно «антисталинских позиций», крайне грубо нападая на старейших сталинских соратников. Кроме того, в их поддержку выступили и другие члены высшего руководства, в частности Н. М. Шверник, П. К. Пономаренко, А. И. Кириченко и Н. И. Беляев. В-третьих, всего за каких-то пять дней до открытия съезда сам Н. С. Хрущёв до конца не понимал, какие дальнейшие шаги надо предпринять в развенчании «сталинского культа». Неслучайно, подводя итоги состоявшейся дискуссии, он лапидарно резюмировал лишь то, что надо «не бояться, не быть обывателями, не смаковать», но «развенчать до конца роль личности», «на съезде доклад поставить», но «кто будет делать доклад — обдумать», а также «может быть, на Пленуме ЦК старого состава сказать, что хотим поставить такой-то вопрос».

Судя по всему, в начале заседания всё ещё не исключалась возможность того, что на закрытом заседании съезда антисталинский доклад будет делать председатель Комиссии секретарь ЦК П. Н. Поспелов, уже загодя готовивший сам текст этого доклада, черновой вариант которого под названием «О культе личности Сталина и его последствиях» сохранился в его личном фонде²⁸³. Более того, ряд авторов (С. А. Микоян, З. Л. Серебрякова²⁸⁴) утверждают, что в качестве возможного докладчика сам Н. С. Хрущёв предложил кандидатуру А. В. Снегова (И. И. Фаликсона) — амнистированного «политического» зека, только что назначенного главой Политотдела ГУЛАГа, который незадолго до этого заседания направил ему приватное

письмо с описанием всех «ужасов» сталинской репрессивной машины. Однако эта кандидатура вызвала крайне нервную реакцию со стороны Л. М. Кагановича и по его настоянию тут же была отклонена.

Только в самом конце заседания ситуация как-то разрешилась и, судя по личным записям заведующего Общим отделом ЦК Владимира Никифоровича Малина, единогласно (!!!) были приняты два Постановления Президиума ЦК: «Об ознакомлении делегатов XX съезда партии с неопубликованными документами В. И. Ленина»²⁸⁵, в частности двумя его «антисталинскими» статьями — «Письмом к съезду» и «К вопросу о национальностях или об "автономизации"»²⁸⁶, — и «О проведении закрытого заседания XX съезда партии и утверждении докладчиком Н. С. Хрущёва»²⁸⁷. Накануне открытия съезда, 13 февраля 1956 года, все эти решения были утверждены на последнем Пленуме ЦК старого созыва, где Н. С. Хрущёв проинформировал членов ЦК, что его второй доклад от имени ЦК, а не его Президиума будет произнесён уже после выборов нового состава ЦК и ЦРК²⁸⁸. Кстати, как считают многие историки, именно это обстоятельство и позволило преодолеть «последний бастион» и сломить сопротивление В. М. Молотова и Ко, которые резонно опасались, что при ином раскладе при голосовании нового состава ЦК они с треском вылетят из руководящего партийного ядра, а значит, и из Президиума ЦК.

Подготовка хрущёвского доклада закончилась уже в ходе работы самого съезда. Судя по архивным документам, первоначальный текст этого доклада, подготовленный двумя секретарями ЦК П. Н. Поспеловым и А. Б. Аристовым, был направлен Н. С. Хрущёву 18 февраля²⁸⁹, но по каким-то причинам он не устроил его. И уже на следующий день Н. С. Хрущёв надиктовал текст нового доклада стенографистке М. И. Захаровой²⁹⁰. Именно этот текст в течение двух последующих суток он и редактировал вместе с ещё одним секретарём ЦК — Д. Т. Шепиловым, — который, по его же личному признанию²⁹¹, помог осветить два вопроса — «международный и военный». Кроме того, как полагает профессор Н. А. Барсуков, в редактировании последней версии этого доклада принимали участие глава КГБ Иван Александрович Серов и два хрущёвских помощника — Григорий Трофимович Шуйский и Владимир Семёнович Лебедев²⁹².

23 февраля именно этот проект хрущёвского доклада был направлен членам и кандидатам в члены Президиума ЦК и секретарям ЦК, которые внесли в него ряд несущественных поправок. И в таком виде (объёмом 82 машинописных листа) он был произнесён на закрытом заседании XX съезда 25 февраля 1956 года.

²⁵⁵ АП РФ. Ф. 3. Оп. 57. Д. 109. Л. 10-15.

²⁵⁶ АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 439. Л. 122-124.

До вхождения Прибалтийских государств в состав СССР К. Я. Пятс был президентом Эстонии, А. К. Меркис — премьер-министром Латвии, В. Н. Мунтерс и И. К. Урбшис — министрами иностранных дел Латвии и Литвы, а И. П. Балодис — военным министром Латвии.

²⁵⁷ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 359. Л. 116-119; Ф. 3. Оп. 8. Д. 283. Л. 154-156; АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 440. Л. 135-138.

²⁵⁸ АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 439. Л. 135-140; Ф. 3. Оп. 24. Д. 440. Л. 15-16, 34-35, 83-84; 117-118, 200-203; Д. 441. Л. 6-9; Л. 33-34; РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 206. Л. 90-91; Д. 211.

Л. 132-133.

²⁵⁹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 281. Л. 25-27; АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 439. Л. 131-133; оп. 58. Д. 313. Л. 167-169.

²⁶⁰ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 10. Д. 79. Л. 2, 12-14.

²⁶¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 169. Л. 50-66.

²⁶² АП РФ. Ф. 3. Оп. 57. Д. 109. Л. 39; оп. 24. Д. 440. Л. 73-82.

²⁶³ Аксютин Ю.В. Хрущёвская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953-1964 гг. М., 2010.

²⁶⁴ Хрущёв Н.С. Время. Люди. Власть. Кн. 3. М., 1999; Микоян А.И. Так было. М., 1999.

²⁶⁵ Барсуков Н.А. XX съезд в ретроспективе Хрущёва // Отечественная история, 1996. № 6; Барсуков Н.А. Как создавался «закрытый доклад» Хрущёва // Литературная газета. 1996, 21 февраля. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 384. Л. 3.

²⁶⁶ Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти, 1945-1991. М., 1998; Попов В.П. Большая ничья. СССР от Победы до распада. М., 2005.

²⁶⁷ Наумов В.П. Борьба Н.С. Хрущёва за единоличную власть. Доклад Хрущёва на XX съезде КПСС // Новая и новейшая история. 1996. № 2; Наумов В.П. К истории секретного доклада Н.С. Хрущёва на XX съезде КПСС // Новая и новейшая история. 1996. № 4; Медведев Р.А., Наумов В.П. XX съезд: тайна закрытого заседания // Вечерний клуб. 1996. 26 февраля.

²⁶⁸ Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти, 1945-1991. М., 1998; Аксютин Ю.В., Волобуев О.В. XX съезд КПСС: новации и догмы. М., 1991; Аксютин Ю.В., Пыжиков А.В. О подготовке закрытого доклада Н.С. Хрущёва XX съезду КПСС в свете новых документов // Новая и новейшая история. 2002. № 2.

²⁶⁹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 388. Л. 33-34.

²⁷⁰ Наумов В.П. К истории секретного доклада Н.С. Хрущёва на XX съезде КПСС // Новая и новейшая история. 1996. № 4; Аксютин Ю.В. Хрущёвская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953—1964 гг. М., 2010.

²⁷¹ РГАНИ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 4. Л. 46-119.

²⁷² РГАНИ. Ф. 3. Оп. 10. Д. 218. Л. 17-18.

²⁷³ Партийные комиссии были наделены указанными полномочиями по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1956 г. «О рассмотрении дел на лиц, отбывающих наказание за политические, должностные и хозяйственные преступления».

²⁷⁴ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 389. Л. 52-54; Ф. 3. Оп. 10. Д. 220. Л. 2.

²⁷⁵ На это обстоятельство справедливо обратил внимание и С.С. Войтиков в исследовании «Центральный Комитет. Высшее партийное руководство от Ленина и Плеханова до Хрущёва, 1890-1964 гг.» М., 2019.

²⁷⁶ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 389. Л. 52-54.

²⁷⁷ Пыжиков А.В. Хрущёвская «оттепель», 1953-1964. М., 2002.

²⁷⁸ АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 489. Л. 23-91.

²⁷⁹ Земсков В.Н. Сталин и народ. Почему не было восстания. М., 2014.

²⁸⁰ Наумов В.П. К истории секретного доклада Н.С. Хрущёва на XX съезде КПСС // Новая и новейшая история. 1996. № 4; Артизов А.Н. Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. М., 2000; Войтиков С.С. Центральный Комитет... М., 2019.

²⁸¹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 389. Л. 58-62.

²⁸² Барсуков Н.А. Записка Пospelова и доклад Хрущёва // XX съезд. Материалы конференции к 40-летию XX съезда КПСС. М., 1996; Попов В.П. Большая ничья. СССР от Победы до распада. М., 2005.

²⁸³ РГАСПИ. Ф. 629. Оп. 1. Д. 54. Л. 73-112.

²⁸⁴ Микоян С.А. Алексей Снегов в борьбе за «десталинизацию» // Вопросы истории. 2006. № 4; Серебрякова З.Л. Оттепель, заморозки, оттепель... // XX съезд. Материалы конференции к 40-летию XX съезда КПСС. М., 1996.

²⁸⁵ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 10. Д. 223. Л. 25.

²⁸⁶ В настоящее время целый ряд историков (В. А. Сахаров, Ю. Н. Жуков, В. П. Иванов, В. К. Ермаков) высказывают веские сомнения в том, что автором этих работ был сам В. И. Ленин, допуская, что в качестве таковых могли выступить либо Н. К. Крупская, либо Л. Д. Троцкий, либо кто-то другой из его ближнего окружения. Наиболее подробно весь комплекс проблем освещён в фундаментальной монографии В. А. Сахарова «"Политическое завещание" В. И. Ленина: реальность истории и мифы политики». М., 2003.

²⁸⁷ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 10. Д. 225. Л. 2.

²⁸⁸ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 183. Л. 2-5.

²⁸⁹ АП РФ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 169. Л. 2-28.

²⁹⁰ АП РФ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 169. Л. 29-63.

²⁹¹ Шепилов Д.Т. Непримкнувший. М., 2001.

²⁹² Барсуков Н.А. Беседа с А. Н. Шелепиным и В. Е. Семичастным // Известная Россия. XX век. М., 1992; Барсуков Н.А. Записка Пospelова и доклад Хрущёва // XX съезд. Материалы конференции к 40-летию XX съезда КПСС. М., 1996; Войтиков С.С. Центральный Комитет... М., 2019.

7. XX съезд КПСС и его основные решения (1956)

14 февраля 1956 года начал свою работу XX съезд КПСС, в работе которого приняли участие 1430 делегатов с решающим и совещательным голосом. В официальной повестке дня съезда значились три основных вопроса: Отчётный доклад ЦК Первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущёва, доклад о «Директивах по VI пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1956-1960 гг.» председателя Совета Министров СССР Н. А. Булганина и выборы нового состава ЦК и ЦРК. Второй же, закрытый, доклад ЦК «О культе личности и о преодолении его последствий» в официальной повестке партийного съезда не значился. Однако то, что этот доклад готовится и будет произнесён в конце работы съезда, знали почти все члены и кандидаты в члены ЦК и ЦРК, которых проинформировали об этом на последнем Пленуме ЦК старого состава. Более того, по информации Ю. В. Аксютин²⁹³, ряд особо ретивых членов ЦК, в частности замглавы Мингосконтроля СССР В. М. Андрианов и командующий войсками Северо-Кавказского военного округа маршал А. И. Ерёменко, «верноподданно предложили» Н. С. Хрущёву свои услуги в разоблачении сталинского культа, направив ему личные записки по этому вопросу. В первой записке речь шла о «ленинградских делах», а во второй — о «решениях Сталина по оперативно-организационным вопросам» обороны Сталинграда от «войск Манштейна», которые «едва не привели к его падению».

Сам Отчётный доклад ЦК, с которым Н. С. Хрущёв выступил в первый день работы съезда, готовился до последнего дня несколькими рабочими группами, три из которых возглавляли М. А. Суслов, А. Б. Аристов и Б. Н. Пономарёв. Но по каким-то причинам он вновь остался недоволен этим вариантом доклада, и его последнюю редактуру Н. С. Хрущёв уже делал со своим тогдашним протеже, секретарём ЦК Д. Т. Шепиловым.

За последние тридцать лет вышло огромное количество разного рода работ, посвящённых как самому XX съезду, так и обоим хрущёвским докладам, с которыми он выступил в первый и последний дни его работы. Именно это обстоятельство избавляет нас от необходимости подробно говорить на эту тему. Вместе с тем всё же следует напомнить ряд важных положений обоих докладов и их оценки в исторической литературе.

Что касается Отчётного доклада ЦК, то, по мнению большинства историков, он содержал три главные «теоретические» новации. Во-первых, впервые на официальном уровне было признано и закреплено существование различных форм и темпов строительства социализма с учётом национальной специфики и исторического опыта народов и государств, вступивших на этот тернистый путь. Ссылаясь на ленинскую работу «О карикатуре на марксизм и "об империалистическом экономизме"», где вождь мирового пролетариата прямо писал о том, что «все нации придут к социализму... но все придут не совсем одинаково», Н. С. Хрущёв заявил, что на современном этапе, когда социализм «вышел за рамки одной страны» и стал мировой системой, «революционный переход к социализму не обязательно связан с Гражданской войной», ибо это зависит «не столько от пролетариата, сколько от степени сопротивления... и применения насилия самим классом эксплуататоров». В связи с этим важным фактом возникает реальная возможность использовать парламентский путь перехода к социализму, но с непременным и решающим

условием, что он будет проходить под руководством коммунистов при их самой решительной борьбе с реформизмом и оппортунизмом. Вместе с тем Н. С. Хрущёв особо подчеркнул, что, в какой бы форме ни совершался этот переход — «мирной или немирной», — «он возможен лишь путём социалистической революции и установления диктатуры пролетариата в различных её формах».

Во-вторых, опять-таки впервые на официальном уровне, ссылаясь на самого В. И. Ленина, был закамуфлирован, но довольно существенно скорректирован его знаменитый тезис «о неизбежности войн при империализме», выдвинутый им в теоретической работе «Империализм как высшая стадия капитализма», и вновь подтверждён прежний курс на мирное сосуществование государств с различным общественным строем. Обосно

вывая очередной «теоретический шедевр», Н. С. Хрущёв заявил, что, несмотря на то что «реакционные силы капитала, представляющие интересы буржуазных монополий, будут и впредь стремиться к военным авантюрам и агрессии», фатальной неизбежности новой мировой войны нет. Поскольку именно теперь, когда «возник и превратился в могучую силу мировой лагерь социализма», а «движение сторонников мира» стало мощным фактором жизни самих буржуазных государств, даже несмотря «на сохранение экономической основы для возникновения войн», появились «не только моральные, но и материальные ресурсы, способные предотвратить любую войну, «дать сокрушительный отпор агрессорам» и «сорвать все их авантюристические планы».

Однако надо сказать, что в последнее время подобная вполне традиционная оценка начального раздела Отчётного доклада ЦК поставлена под веское и справедливое сомнение целым рядом историков, в частности Ю. Н. Жуковым и А. В. Пыжиковым, которые прямо говорят, что «на XX съезде, грубо говоря, была совершена подмена», а лозунг «о мирном существовании», выражавший давние чаяния советских людей», был выдвинут «для его же, по сути дела, обмана»²⁹⁴. По их твёрдому мнению, доктрина «мирного сосуществования» стала утверждаться в советской внешней политике задолго до XX партсъезда. Оценить всю бессмысленность холодной войны вынудила Корейская война, и в результате всего через семь месяцев после её начала и Москва, и Вашингтон осознали, что победу даже в таком довольно локальном военном конфликте может принести лишь применение ядерного оружия. Поэтому, не сговариваясь, руководство СССР и США было вынуждено «отказаться от столь высокой платы за весьма призрачный успех» и стало делать первые, пока ещё очень робкие, шаги к примирению. Зримым проявлением подобных шагов стали два события апреля 1951 года: выступление постоянного представителя СССР при ООН Якова Александровича Малика с призывом начать мирные переговоры и отстранение от должности главкома ооновских войск генерала армии Дугласа Макартура, предложившего нанести атомный удар по китайским войскам, воевавшим на стороне Пхеньяна. Затем последовали и ряд других шагов. В частности, в начале апреля 1952 года, буквально накануне открытия в Москве Международного экономического совещания, газета «Правда» опубликовала «Ответ товарища Сталина на вопросы группы редакторов американских газет», в котором он дословно заявил о том, что «мирное сосуществование капитализма и коммунизма вполне возможно при наличии обоюдного желания сотрудничать, при готовности исполнять взятые на себя

обязательства, при соблюдении принципа равенства и невмешательства во внутренние дела других государств»²⁹⁵.

Надо подчеркнуть, что после смерти И. В. Сталина сам тезис «о мирном сосуществовании» активно стали использовать в своих докладах и речах многие советские руководители, в том числе Г. М. Маленков, В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов и Н. А. Булганин, и во многом благодаря ему Москва наконец-то смогла положить конец Корейской войне, восстановить дипломатические отношения с Югославией, возобновить работу СМВД, что дало возможность провести Женевскую встречу лидеров четырёх великих держав и, наконец, ликвидировать ещё один серьёзный военный конфликт — в Индокитае.

Однако, как верно подметил Ю. Н. Жуков, обо всём этом ни в докладе самого Н. С. Хрущёва, ни в речах партийных делегатов не было сказано ни слова. И не только потому, что ровно год назад за «проведение политики мирного сосуществования и уступки империализму» со своего премьерского поста с треском слетел сам Г. М. Маленков. Умолчание потребовалось по иной причине: прежде всего для сокрытия «уже свершившегося де-факто поворота внешнеполитического курса Москвы», который был озвучен на июльском Пленуме ЦК в выступлении М. А. Суслова, заявившего о новой доктрине национальной безопасности, суть которой состояла в переходе к «глобальной стратегии и к расширению числа союзников за счёт нейтральных государств». Именно по этой причине о столь «деликатной» проблеме и заговорили столь же открыто на XX съезде партии. Признав саму возможность Третьей мировой войны, сначала лично Н. С. Хрущёв, а затем В. М. Молотов, Н. А. Булганин, А. И. Микоян, М. А. Суслов и Г. К. Жуков в своих речах прямо заговорили о необходимости усиленно готовиться к отражению любой военной угрозы со стороны потенциального агрессора и не допустить повторения трагедии 1941 года. Понятно, что о колоссальных затратах на создание новейших видов вооружений, развитие ракетной техники и производство атомных бомб никто из них не говорил, но в «Директивах по VI пятилетнему плану» огромные военные расходы были умело скрыты в тех разделах, которые прямо относились к группе отраслей «А».

В-третьих, довольно продолжительное время в исторической литературе господствовало мнение, что основной новацией доклада о «Директивах по VI пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1956-1960 годы», с которыми выступал глава советского правительства маршал Н. А. Булганин, стал крайне амбициозный, но совершенно невыполнимый лозунг «догнать и перегнать развитые капиталистические страны по производству основных видов продукции на душу населения». Однако это не совсем так. Как считают ряд историков (Ю. Н. Жуков, А. В. Пыжиков²⁹⁶), главным содержанием этого доклада стало то, что именно он поставил жирную и окончательную точку в вопросе о соотношении двух основных отраслей народного хозяйства страны — группы «А» и группы «Б». Де-факто эта давняя и острая дискуссия завершилась еще в феврале 1955 года на известной сессии Верховного Совета СССР, где многие союзные депутаты, прежде всего сам Н. А. Булганин, заявили о «непоколебимости линии на приоритетное развитие тяжёлой индустрии», которая «славно послужила делу построения социализма и укрепления независимости нашей Родины». Но именно на съезде не столько сам премьер, сколько М. А. Суслов и Н. С. Хрущёв резко пригвоздили «мудрецов», которые «начали противопоставлять лёгкую промышленность тяжёлой индустрии, уверяя, что приоритетное развитие тяжёлой индустрии необходимо было лишь

на ранних ступенях советской экономики. Понятно, что партия дала должный отпор попыткам умалить результаты, достигнутые в социалистическом строительстве, а также поправила всех прожектёров и фантазёров, которые, оторвавшись от реальной действительности, вносили вредную путаницу в коренные вопросы развития социалистической экономики».

Столь же серьёзными и долгоиграющими по своим крайне негативным последствиям оказались и две другие важные проблемы, поднятые в Отчётном докладе ЦК: ликвидация товарного дефицита и жилищное строительство в стране. И сам Н. С. Хрущёв, и Н. А. Булганин, подробно останавливаясь на всех этих вопросах, вынуждены были признать остройшую нехватку целого ряда товаров ширпотреба и острый жилищный кризис в стране. Однако, как уверяет Ю. Н. Жуков, именно они фактически и свели саму проблему ликвидации товарно-жилищного дефицита к судьбам сельского хозяйства, сельское хозяйство — к зерновому вопросу, а зерновой вопрос — к подъёму целинных и залежных земель, считая, что именно этот подход разрешит все проблемы в стране. Собственно, в таком подходе ничего принципиально нового не было. Желание восстановить приоритет в развитии группы отраслей «А», свернуть конверсию военного производства и рассматривать подъём целинных земель как панацею решения всех проблем обозначились гораздо раньше, ещё в апреле 1954 года, когда на сессии Верховного Совета СССР был отвергнут маленковский экономический курс, что неизбежно вело к консервации прежней модели советской экономики и увеличению расходов на оборону страны.

Наконец, как считают те же А. В. Пыжиков и Ю. Н. Жуков, которых в последнее время поддержали целый ряд историков, в том числе и автор этих строк, при всей важности экономических и внешнеполитических проблем куда более значимой проблемой, определившей жизнь советского государства вплоть до гибели СССР, следует признать иную. А именно ту, которая «стала главным содержанием третьего раздела Отчётного доклада» Н. С. Хрущёва и была затем поддержана в речах многих делегатов съезда, прежде всего в выступлениях М. А. Суслова и Д. Т. Шепилова. Речь идёт о том, что именно в этом разделе Первый секретарь ЦК произнёс сакраментальный пассаж о необходимости и впредь «всемерно повышать... роль партии как руководящей и направляющей силы советского народа во всей государственной, общественной и культурной жизни страны». По сути, эта формула подвела итог длительного, зачастую переходившего в ожесточённую борьбу поиска места и роли партии в новых исторических и политических условиях, сложившихся ещё до войны.

Следует напомнить, что сама эта проблема впервые обозначилась ещё на XVIII партсъезде, когда, собственно, и началась первая реформа структуры центрального партийного аппарата. Тогда были ликвидированы все, кроме сельхозотдела, отраслевые отделы ЦК, а сам его аппарат де-факто отстранён от руководства экономикой страны. Затем 4-6 мая 1941 года данная реформа получила новый импульс. Именно тогда должность главы Совета Народных Комиссаров СССР занял сам И. В. Сталин, а Политбюро ЦК ВКП(б) приняло Постановление «Об усилении работы советских центральных и местных органов», где прямо говорилось, что это назначение было принято в «целях полной координации работы советских и партийных организаций и безусловного обеспечения единства в их руководящей работе, а также для того, чтобы ещё больше поднять авторитет советских органов в современной напряжённой международной обстановке, требующей всемерного

усиления работы советских органов в деле обороны страны»²⁹⁷. Однако в связи с начавшейся войной эту политическую реформу пришлось приостановить.

Новая попытка реформировать партийный аппарат была предпринята уже во время войны. Сначала 6 августа 1943 года решением Секретариата ЦК были упразднены должности всех отраслевых секретарей рескомов, крайкомов и обкомов партии. А затем 24 января 1944 года, накануне созыва единственного за все годы войны Пленума ЦК, В. М. Молотов, Г. М. Маленков и Н. С. Хрущёв направили И. В. Сталину совместный проект Постановления Политбюро ЦК «Об улучшении государственных органов на местах», в котором откровенно говорилось о том, что «наши местные партийные органы в значительной степени взяли на себя оперативную работу по управлению хозяйственными учреждениями, что неизменно ведёт к смешению функций партийных и государственных органов, к подмене и обезличиванию государственных органов, подрыву их ответственности, к усилению бюрократизма». В качестве первоочередных организационных мер авторы этого проекта предложили: 1) «полностью сосредоточить оперативное управление хозяйственным и культурным строительством в одном месте — в государственных органах»; 2) освободить партийные органы от «несвойственных им административно-хозяйственных функций» и 3) упразднить во всех обкомах, крайкомах и ЦК союзных компартий «должности заместителей секретарей по отдельным отраслям, а также соответствующие отделы». И. В. Сталин одобрил данный проект, который также поддержал А. А. Андреев. Но на заседании Политбюро ЦК большинством голосов он был отвергнут.

Напомню, что после войны реформа партаппарата была продолжена, но, как и до войны, не доведена до конца. Как известно, в марте 1946 года состоялся организационный Пленум ЦК, который, по мнению М. В. Зеленова, по своим решениям был сродни партийному съезду. По итогам этого Пленума 13 апреля Политбюро ЦК приняло решение об упразднении всех отраслевых отделов центрального партаппарата и сохранении только двух Управлений — кадров (А. А. Кузнецов) и агитации и пропаганды (А. А. Жданов) — и двух Отделов — Внешней политики (по работе с зарубежными компартиями) (М. А. Суслов) и Организационно-инструкционного (М. А. Шамберг). Однако реорганизовать региональные парторганы не удалось. В результате этого усилился порочный параллелизм в работе советских и партийных органов, а также обострилась ситуация в самом партаппарате, поскольку разрушилась единая конструкция его центрального и региональных органов. Всё это говорило о неустойчивом равновесии сил сторонников и противников политической реформы. Однако такое положение вещей сохранялось не очень долго. Уже в июле 1948 года по решению Политбюро ЦК была проведена очередная коренная реорганизация партийных органов, в результате которой в центральном аппарате ЦК вместо трёх прежних Управлений воссоздавались все производственно-отраслевые отделы, руководство которыми было возложено на четырёх секретарей ЦК: А. А. Жданова, М. А. Сулова, Г. М. Маленкова и А. А. Кузнецова²⁹⁸.

После смерти И.В. Сталина, когда во главе союзного правительства встал Г. М. Маленков, бывший рьяным сторонником ограничения прав и полномочий партийного аппарата, вновь возникла реальная угроза потери им абсолютной и бесконтрольной власти. Уже 26 мая и 13 июня 1953 года эта угроза стала реальностью, когда в соответствии со строго секретными Постановлениями Совета Министров СССР вся верхушка партфункционеров лишилась главной своей привилегии — так называемых

«конвертов»²⁹⁹. По реальной зарплате их поставили на порядок, а то и два ниже всех тех, кто прежде соответствовал им в должностной иерархии, т. е. союзных и республиканских министров и председателей исполкомов всех уровней. Однако на сей раз ответная реакция партаппарата последовала незамедлительно, и уже в августе 1953 года за счёт партийной кассы Н. С. Хрущёв не только восстановил «конверты», но также увеличил их размер и выплатил всю «неустойку» за три летних месяца. Кстати, это обстоятельство и позволило ему столь быстро и легко избраться Первым секретарём ЦК без какой-либо мотивировки воссоздания этого поста и на безальтернативной основе.

Но самым решающим шагом к возвращению партаппарата к полноценной власти стала отставка Г. М. Маленкова с поста главы союзного правительства. А дальше всё стало лишь вопросом времени и техники. И этот «звёздный час» пришёлся на XX съезд, когда на официальном уровне было закреплено особое положение партаппарата как практически единственной и реальной властной структуры, а самой партии — как «руководящей и направляющей силы» всего советского общества. Неслучайно в решениях XX съезда было осуждено «нелепое противопоставление партийно-политической и хозяйственной деятельности», а в партийный Устав внесён ряд изменений, в том числе об увеличении числа секретарей ЦК. Именно в этом, как считают А. В. Пыжиков и Ю. Н. Жуков, и кроется истинный смысл XX съезда. А необходимость скрыть всю эту «перетряску власти», а также отход от политики разрядки и возврат к милитаризации советской экономики и вынудили Н. С. Хрущёва и Ко отвлечь делегатов съезда от реальных событий и сосредоточить их внимание «на кровавом прошлом» путём зачитания закрытого доклада «О культе личности и его последствиях».

Как известно, в самих прениях по докладам Н. С. Хрущёва и Н. А. Булганина выступили 85 делегатов съезда, и почти каждый из них, ссылаясь на ленинские принципы, говорил о «коллективном руководстве» и крайней важности его сохранения. Однако вопрос о «культе личности» (в «теоретическом» аспекте) прозвучал всего в нескольких выступлениях, в частности В. М. Молотова, Г. М. Маленкова, А. И. Микояна, Л. М. Кагановича, М. А. Суслова, А. Б. Аристова, А. Д. Даниялова и А. М. Панкратовой. Непосредственно же «культу личности» усопшего вождя, причём без упоминания его имени, уделили внимание только М. А. Суслов и особенно А. И. Микоян, речь которого отличалась наибольшей антисталинской направленностью, поскольку именно он впервые поставил под сомнение теоретические взгляды И. В. Сталина, раскритиковав две его самые известные работы — напрямую «Краткий курс истории ВКП(б)» и опосредованно «Экономические проблемы социализма в СССР».

По мнению ряда историков (А. В. Пыжиков³⁰⁰), микояновский «наезд» на сталинское теоретическое наследие был вовсе не случаен. Дело в том, что все хрущёвские новации, в том числе в партийно-государственном строительстве, в аграрной сфере и на международной арене, никоим образом не вписывались в «сталинские теоретические каноны». В силу этих причин сохранение имени И. В. Сталина в пантеоне классиков марксизма-ленинизма создавало лично для Н. С. Хрущёва реальную угрозу того, что с помощью тогдашних теоретических воззрений бывшие сталинские соратники, сохранявшие своё влияние и вес в Президиуме ЦК и в Президиуме Совета Министров СССР, могли без особых усилий доказать теоретическую ущербность любой хрущёвской инновации. Неслучайно позднее сам

А. И. Микоян особо отмечал, что «идейное значение XX съезда» формировалось путём «пересмотра определённых идеологических установок».

Кстати сказать, идейные разногласия между Н. С. Хрущёвым и ближайшими сталинскими соратниками обозначились ещё за год до XX съезда. В этой связи очень показательным является его спор с В. М. Молотовым, который в феврале 1955 года на сессии Верховного Совета СССР в своём докладе заявил о том, что в СССР построены лишь «основы социалистического общества». Понятно, что это мнение старейшего члена партии об уровне общественного развития, достигнутого в ходе строительства социализма в СССР, не могло не вызвать протеста со стороны Н. С. Хрущёва и его идеологических клеветников, которые тут же пригвоздили главу советского внешнеполитического ведомства к «позорному столбу ревизионистов». По заявлению тогдашнего молотовского помощника, а позднее известного советского дипломата О. А. Трояновского³⁰¹, этот вопрос даже обсуждался на заседании Президиума ЦК, после чего В. М. Молотов был вынужден направить в главный партийный орган — журнал «Коммунист» — личное послание, в котором признал свою формулировку «теоретически ошибочной и политически вредной»³⁰². К этому вопросу Н. С. Хрущёв посчитал нужным вернуться и в своём Отчётном докладе ЦК, дословно заявив, что «в выступлениях отдельных работников допускались ошибочные формулировки вроде того, что у нас пока созданы лишь основы... то есть фундамент социализма». Однако хорошо известно, что ещё «к моменту принятия новой Конституции СССР... социалистическая система победила и упрочилась во всех отраслях народного хозяйства страны. А это означает, что уже тогда социалистическое общество в нашей стране было в основном построено и с тех пор оно развивается на прочной базе социалистических производственных отношений».

В последний день официальной работы съезда по традиции прошли выборы в Центральный Комитет и Центральную ревизионную комиссию КПСС. В состав ЦК были избраны 133 члена и 122 кандидата в члены, а в Центральную ревизионную комиссию, которую вновь возглавил Пётр Георгиевич Москатов,— 63 члена. Через день, 27 февраля, состоялся организационный Пленум ЦК, на котором были избраны обновлённые руководящие органы партии. Как и ожидалось, персональный и количественный состав полноправных членов Президиума ЦК совершенно не изменился, и туда опять вошли Н. С. Хрущёв, Н. А. Булганин, В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов, Г. М. Маленков, А. И. Микоян, Л. М. Каганович, М. З. Сабуров, М. Г. Первухин, М. А. Сулов и А. И. Кириченко. А вот состав кандидатов в члены Президиума ЦК был существенно обновлён. Помимо много лет занимавшего пост председателя ВЦСПС Н. М. Шверника и пребывавшего в таком качестве в составах Политбюро, а затем и Президиума ЦК ещё с довоенных времён, новыми кандидатами в члены стали ещё пять человек: министр обороны СССР маршал Г. К. Жуков, три секретаря ЦК КПСС — Л. И. Брежнев, Д. Т. Шепилов и Е. А. Фурцева, сохранившая свою прежнюю должность Первого секретаря МГК, — а также Первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана Н. А. Мухитдинов. И, наконец, в новый состав Секретариата ЦК вошли Первый секретарь ЦК Н. С. Хрущёв, де-факто второй секретарь ЦК М. А. Сулов и шесть отраслевых секретарей ЦК — А. Б. Аристов, Н. И. Беляев, Л. И. Брежнев, П. Н. Поспелов, Д. Т. Шепилов и Е. А. Фурцева. Кроме того, новым председателем Комитета партийного контроля при ЦК КПСС был назначен Николай Михайлович Шверник, сменивший на этом посту и. о. председателя П. Т. Комарова, «гревшего» это кресло после смерти М. Ф. Шкирятова более двух лет. Сам Н. С.

Хрущёв объяснил это назначение тем, что «тов. Шверник по своему физическому состоянию» не может далее исполнять обязанности главы ВЦСПС, которым теперь стал второй секретарь Московского обкома В. В. Гришин. Причём, как утверждает блестящий знаток хрущёвской эпохи А. В. Сушков³⁰³, в итоге состав двух высших партийных органов серьёзно пополнился явными ставленниками Первого секретаря ЦК, которые «своим выдвижением... были обязаны только Н. С. Хрущёву»: А. Б. Аристов, Н. И. Беляев, Д. Т. Шепилов, Л. И. Брежнев, Е. А. Фурцева, Н. А. Мухитдинов и Н. М. Шверник.

Немаловажным новшеством на этом Пленуме стало принятие отдельного Постановления ЦК о создании ещё одного руководящего партийного органа — Бюро ЦК КПСС по РСФСР. Как известно, в отличие от всех других союзных республик, самая крупная из них не имела своей Коммунистической партии. Все её крайкомы, обкомы, горкомы и райкомы структурно входили в состав самой КПСС. Это была вполне осознанная политика В. И. Ленина и особенно И. В. Сталина, прекрасно сознававших, что создание в рамках РКП(б) — ВКП(б) — КПСС отдельной Компартии РСФСР чревато неизбежным двоевластием, которое рано или поздно изнутри разорвёт саму партию, а значит, и страну. Поэтому И. В. Сталин всегда столь жёстко реагировал на любые попытки поиграть в российский «патриотизм» и «сепаратизм». Однако теперь в рамках нового курса на расширение прав союзных республик, заявленного на XX съезде партии, было принято решение прибегнуть к некоему компромиссному варианту и создать данное Бюро ЦК КПСС. На этом Пленуме ЦК в состав данной структуры вошли десять человек: Первый секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущёв, по должности ставший его председателем, секретарь ЦК Н. И. Беляев, который стал заместителем председателя, заведующий Сельскохозяйственным отделом ЦК КПСС по РСФСР В. П. Мыларщиков, заведующий Отделом партийных органов ЦК КПСС по РСФСР В. М. Чураев, председатель и первый заместитель председателя Совета Министров РСФСР М. А. Яснов и А. М. Пузанов, а также первые секретари четырёх крупнейших обкомов партии — Московского, Ленинградского, Горьковского и Свердловского: И. В. Капитонов, Ф. Р. Козлов, Н. Г. Игнатов и А. П. Кириленко.

Надо сказать, что в современной исторической науке существуют разные подходы в оценке деятельности этого Бюро и его положения во всей властной вертикали. Так, профессор А. В. Пыжиков³⁰⁴ был особо убеждён, что данное Бюро выступало только в качестве некой «промежуточной ступени» и всегда занимало «недостаточно высокое положение среди партийногосударственных структур». Оно занималось главным образом идеологией и хозяйственными вопросами, в его работе «представители высших эшелонов власти участвовали эпизодически», а «в полном составе оно собиралось не более двух-трёх раз в год». Более того, «его председатель Н. С. Хрущёв за все восемь лет всего один раз присутствовал на его заседании — 27 марта 1962 года, — где выступил с докладом «О перестройке управления сельского хозяйства в областях, краях, автономных республиках РСФСР»³⁰⁵. Хотя его оппонент доцент А. В. Сушков, напротив, считает, что этот орган имел довольно высокий статус в высших эшелонах власти, поскольку сам Н. С. Хрущёв установил «обязательное вхождение в состав Президиума ЦК КПСС заместителя, а затем первого заместителя председателя Бюро ЦК КПСС по РСФСР и председателя Совета Министров РСФСР, что стало очередным шагом к созданию более самостоятельного, эффективного и действенного руководства

Российской Федерацией». И действительно, если взглянуть на персональный состав всех заместителей председателя Бюро, а также глав российского правительства, то многие из них — Н. И. Беляев, А. Б. Аристов, Ф. Р. Козлов, А. П. Кириленко, Д. С. Полянский и Г. И. Воронов — занимали не последнее место в высшем руководстве страны.

Только после выборов обновлённого состава ЦК и исчерпания официальной повестки дня 25 февраля состоялось последнее закрытое заседание съезда, на котором с секретным докладом «О культе личности и его последствиях» выступил Н. С. Хрущёв. Вопреки установленной традиции, в президиум съезда вошли только члены Президиума ЦК, и во избежание любых случайностей ведущим этого утреннего заседания стал председатель правительства маршал Н. А. Булганин, который и предоставил слово для произнесения нового доклада Первому секретарю ЦК.

До сих пор существует расхожее представление, навязанное А. Н. Яковлевым и Ко, что хрущёвский доклад стал полной неожиданностью для подавляющего большинства делегатов XX съезда и был выслушан ими в гробовой тишине. Однако это не так. Как уже говорилось выше, в той или иной степени о «культе личности» в ходе прений по Отчётному докладу ЦК говорили ряд партийных вождей, в том числе В. М. Молотов, Г. М. Маленков, М. А. Суслов и А. И. Микоян, которые исподволь готовили делегатов съезда к этому докладу Н. С. Хрущёва. Знали об этом докладе и многие другие делегаты съезда, в частности члены и кандидаты в члены ЦК и члены ЦРК, т. е. как минимум более трёх сотен человек. Тем не менее большинство делегатов съезда действительно не знали об этом докладе, и на многих из них он произвёл шоковое впечатление. Жаль только то, что многие из них так и не узнали, что Первый секретарь ЦК им нагло и безбожно лгал...

Официальный текст этого доклада был впервые опубликован в нашей стране только в 1989 году в партийно-историческом журнале «Известия ЦК КПСС»³⁰⁶. Затем в 2002 году данный доклад уже был издан со всеми известными редакциями и вариантами текста, которые давно «вдоль и поперёк» изучены в исторической литературе. Между тем, как совершенно справедливо заметил профессор Р. Г. Пихоя, что читал, а что вещал делегатам партийного съезда Н. С. Хрущёв, «достоверно неизвестно», ибо установить степень соответствия печатного текста хрущёвского доклада его реальному выступлению «не представляется возможным»³⁰⁷.

В связи с этим обстоятельством мы не будем утомлять уважаемого читателя перечислением всех лживых хрущёвских перлов, которые уже давным-давно разоблачены многими историками и публицистами, в том числе известным российским журналистом Д. Ю. Лысковым и американским исследователем Г. Ферром³⁰⁸, и лишь кратко упомянем о части из них.

Во-первых, предварив основную часть доклада подборкой нескольких цитат из работ К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина, в которых они сурово осуждали «всякое проявление культа личности», Н. С. Хрущёв впервые публично заявил о существовании совершенно чуждого марксизму-ленинизму культа личности И. В. Сталина, который в последние годы его жизни приобрёл чудовищные размеры и извращённые формы. Само возникновение сталинского культа он связал исключительно с «отрицательными качествами» усопшего вождя, в частности его грубостью, капризностью и нетерпимостью, о чём сначала «своевременно подметил» В. И. Ленин в своём «Письме к съезду», а чуть позже Н. К. Крупская в личном письме Л. Б. Каменеву и опять же В. И. Ленин в таком же личном письме И. В. Сталину³⁰⁹.

Во-вторых, И. В. Сталин, безусловно, сыграл «свою положительную роль» в праведной борьбе против троцкистов, зиновьевцев, бухаринцев, буржуазных националистов и «других врагов ленинизма». Однако «даже в самый разгар ожесточённой идейной борьбы к ним не применялись крайние репрессивные меры» и «борьба велась на идейной основе». Но уже «через несколько лет», когда в «основном» был построен социализм, ликвидированы эксплуататорские классы, когда коренным образом изменилась социальная структура советского общества и резко сократилась социальная база для враждебных партий, политических течений и групп», а «все идейные противники партии были политически давно уже разгромлены, против них начались репрессии». Затем кровавый каток политических репрессий, теоретическое обоснование которым на февральско-мартовском 1937 года Пленуме ЦК дал сам И. В. Сталин в своём докладе «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников», прошёлся по «многим честным коммунистам», которые «вынесли на своих плечах Гражданскую войну, первые, самые трудные годы индустриализации и коллективизации, которые активно боролись против троцкистов и правых, за ленинскую линию партии». А в качестве самого вопиющего примера подобных репрессий против «честных коммунистов» Н. С. Хрущёв назвал уничтожение 98 из 139 членов и кандидатов в члены ЦК, избранных на XVII съезде партии в феврале 1934 года. По сути дела, лично И. В. Сталин и два самых кровавых руководителя НКВД Н. И. Ежов и Л. П. Берия несут прямую персональную ответственность за все массовые политические репрессии и фальсификацию всех следственных дел, в ходе которых погибли сотни тысяч невинных жертв, в том числе видные партийные и государственные деятели, в том числе Р. И. Эйхе, П. П. Постышев, В. Я. Чубарь, В. И. Межлаук, Я. К. Рудзутак, С. В. Косиор, М. Л. Рухимович, Г. Н. Каминский, И. Д. Кабаков, А. В. Косарев и многие другие руководители страны и настоящие партийцы. Более того, в свете открывшихся беззаконий очень подозрительно выглядит не только сама гибель С. М. Кирова, но и следствие по этому делу, поскольку именно убийство этого влиятельного члена Политбюро, секретаря ЦК и Первого секретаря Ленинградской парторганизации непосредственно послужило предлогом для начала массовых политических репрессий в стране.

В-третьих, лично И. В. Сталин несёт прямую персональную ответственность за неготовность страны к войне, недоверие к многочисленным разведанным с точной датой нападения нацистской Германии на Советский Союз, полную отстранённость от дел и неспособность управлять страной в первые, самые тяжёлые дни войны, катастрофическое развитие ситуации на фронте летом 1941 года, за катастрофу под Харьковом в мае 1942 года и т. д. Наконец, лично И. В. Сталин несёт такую же прямую вину за фальсификацию «Ленинградского дела», «Дела врачей» и «Мингрельского дела», гнусную травлю и фактическое отстранение от работы В. М. Молотова, К. Е. Ворошилова, А. И. Микояна и А. А. Андреева, подготовку их возможного уничтожения и прочие преступные деяния и помыслы. После окончания хрущёвского доклада, который никак не стенографировался, маршал Н. А. Булганин, проводивший это заседание, предложил прений по докладу не открывать и никаких вопросов не задавать. В результате делегаты съезда единогласно приняли два довольно коротких Постановления: «О культе личности и его последствиях» и «О рассылке текста доклада партийным организациям без опубликования его в открытой печати»³¹⁰.

Сразу после завершения работы съезда текст этого доклада был подвергнут стилистической и редакторской правке. В частности, там были даны ссылки на работы К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина, а также другие цитируемые источники, уточнены даты принятия ряда партийных документов, включены ряд отступлений докладчика от заранее подготовленного текста и отмечена «реакция» делегатов на те или иные хрущёвские перлы

в форме подобного рода фраз: «бурные аплодисменты», «движение в зале» и «шум возмущения в зале». А 1 марта 1956 года глава Общего отдела ЦК Владимир Никифорович Малин направил данный текст доклада с личной запиской Н. С. Хрущёва всем членам и кандидатам в члены Президиума и Секретариата ЦК. И лишь после «изучения» этих материалов, 5 марта, Президиум ЦК принял лапидарное Постановление «Об ознакомлении с докладом тов. Хрущёва Н. С. "О культе личности и его последствиях" на XX съезде КПСС», состоящее всего из двух пунктов: «1) Предложить обкомам, крайкомам и ЦК компартий союзных республик ознакомить с докладом тов. Хрущёва Н. С. "О культе личности и его последствиях" на XX съезде КПСС всех коммунистов и комсомольцев, а также беспартийный актив рабочих, служащих и колхозников» и «2) Доклад тов. Хрущёва разослать партийным организациям с грифом "не для печати", сняв с брошюры гриф "строго секретно"»³¹¹.

Причём, что любопытно, главам зарубежных компартий, приехавшим в качестве гостей на XX партсъезд в Москву, но не присутствовавшим на его закрытом заседании, текст хрущёвского доклада и Постановление съезда через Отдел ЦК по связям с иностранными компартиями, т. е. Б. Н. Пономарёва, был передан ещё 27 февраля 1956 года. Судя по архивным документам, в список самых доверенных адресатов вошли Первый секретарь ЦК ПОРП Болеслав Берут, Первый секретарь ЦК Компартии Чехословакии Антонин Новотный, Первый секретарь Венгерской партии трудящихся Матиас Ракоши, Первый секретарь ЦК Румынской рабочей партии Георге Георгиу-Деж, председатель Совета Министров Болгарии Вилко Червенков, Первый секретарь ЦК Албанской партии труда Энвер Хожда, Генеральный секретарь Французской компартии Морис Торез, Генеральный секретарь Итальянской компартии Пальмиро Тольятти, член Политбюро и секретарь ЦК Компартии Китая Чжу Дэ, зампредседателя ЦК Трудовой партии Кореи Цой Ен Ген, Первый секретарь ЦК Монгольской народно-революционной партии Дашийн Дамба и Генеральный секретарь Партии трудящихся Вьетнама Чыонг Тинь³¹².

В самом Советском Союзе публично «культ личности» был впервые прочно связан с именем усопшего вождя лишь 28 марта 1956 года, когда в «Правде» была опубликована редакционная статья «Почему культ личности чужд духу марксизма-ленинизма». Тем не менее содержание хрущёвского доклада стало известно задолго до этой публикации, о чём свидетельствуют массовые акции протеста в ряде грузинских городов, в том числе в Гори и Тбилиси. 4-9 марта 1956 года здесь прошли массовые антиправительственные манифестации и митинги с требованием немедленной отставки Н. С. Хрущёва, Н. А. Булганина и А. И. Микояна, формирования нового правительства, вхождения А. И. Мгеладзе и В. П. Мжаванадзе в состав Президиума ЦК, избрания В. И. Сталина в состав ЦК и т.д. Первоначально власти Грузии во главе с Первым секретарём ЦК Василием Павловичем Мжаванадзе поддерживали протестантов. Однако, когда ситуация вышла из-под контроля, в дело вступили подразделения местной милиции и армейские части Закавказского военного округа, введённые в город по приказу генерала армии И. И. Федюнинского. Они

разогнали демонстрантов с применением огнестрельного оружия, однако, кто конкретно отдал приказ о его применении, до сих пор установить не удалось. Хотя доподлинно известно, что наведением порядка в городе непосредственно руководили начальник Тбилисского гарнизона генерал-майор В. Ф. Гладков и военный комендант города Тбилиси подполковник А. И. Макушев³¹³. По разным оценкам, в ходе беспорядков погибло от 22 до 800 человек и было задержано и привлечено к административной и уголовной ответственности от 200 до 375 человек³¹⁴.

В современной исторической, публицистической и мемуарной литературе уже давно дискутируются две основные проблемы, связанные с хрущёвским докладом на XX съезде КПСС: 1) каковы были побудительные мотивы этого доклада и 2) каковы были его политические последствия. По первой проблеме существуют целый ряд оригинальных точек зрения. Одна группа авторов, прежде всего «шестидесятники» хрущёвского и горбачёвского «призывов» (А. Н. Яковлев, Ф. М. Бурлацкий, В. П. Наумов, Р. А. Медведев³¹⁵), уверяют, что главным побудительным мотивом подготовки и публичного зачитания секретного доклада, ставшего «общественным землетрясением», стало жгучее желание Н. С. Хрущёва придать всеобщей гласности кровавые преступные деяния сталинской эпохи, очистить партию от извращений ленинского курса и его наследия и тем самым придать новое дыхание социализму. Другая группа авторов (А. Н. Артизов, Н. А. Барсуков, Ю. В. Аксютин³¹⁶) утверждает, что Н. С. Хрущёв, А. И. Микоян и другие члены Президиума ЦК, наиболее активно выступавшие за публичное осуждение «сталинского культа», исходили из двух главных побудительных мотивов. Во-первых, чисто субъективной боязни того, что инициативу в этом важном вопросе проявит кто-либо другой и в этой ситуации им самим как ближайшим сталинским соратникам придётся реально отвечать за кровавый террор и нести персональную ответственность за все свои преступные деяния. И, во-вторых, сугубо объективным осознанием того, что прежними «сталинскими методами» они вряд ли смогут удержать страну в прежнем повиновении и сохранить существующий режим в условиях множества острых проблем в экономике и социальной сфере. Причём, как ни странно, в качестве одного из главных аргументов «объективного характера» тот же А. Н. Артизов называет крупные восстания уголовников в Нориллаге, Воркутлаге, Вятлаге, Степлаге, Унжлаге, Карлаге и ряде других «островов архипелага ГУЛАГ», которые якобы могли стать «детонатором больших социальных потрясений в стране». Ещё одна группа вполне известных авторов (С. Г. Кара-Мурза, А. В. Пыжиков, Ю. Н. Жуков, В. П. Попов, Н. А. Барсуков³¹⁷) при всей очевидной разности своих оценок хрущёвской «оттепели» вполне резонно полагают, что главными побудительными мотивами Н. С. Хрущёва стали банальная борьба за власть и его давнишнее и горячее желание полностью нейтрализовать всех реальных и потенциальных оппонентов для достижения важнейшей политической цели: установления нового режима личной власти и реализации масштабной программы своих «реформ». При этом профессор В. П. Попов совершенно прав, говоря о том, что, став Первым секретарём ЦК, сам Н. С. Хрущёв прекрасно сознавал, что «действительным лидером страны он станет лишь в том случае, если его политика будет отвечать коренным интересам правящего слоя — советской бюрократии». Таким коренным интересом, объединявшим все слои правящей номенклатуры, являлось её давнее желание сделать невозможными постоянные «сталинские чистки» в отношении «руководящих кадров». И именно закрытый хрущёвский доклад, а затем и одноимённое Постановление ЦК решали

данную проблему самым наилучшим и надёжным способом — политическим осуждением не только «сталинских чисток», но и нарушения «социалистической законности».

Подобной точки зрения отчасти придерживаются и целый ряд известных зарубежных авторов, в том числе Г. Ферр, Р. Киран³¹⁸, которые полагают, что, иницируя данный доклад, Н. С. Хрущёв всячески хотел отвлечь внимание от своей личной роли в довоенных политических репрессиях, покончить с ближайшими, давними и верными сталинскими соратниками, радикально сменить политический курс и свернуть те демократические реформы, которые инициировал И. В. Сталин. Наконец, существует и такая крайне экзотическая версия (М. С. Докучаев, Ю. И. Мухин, В. Н. Удилов³¹⁹), гласящая о том, что публичное осуждение и унижение И. В. Сталина стало личной мстью Н. С. Хрущёва усопшему вождю, который в годы войны так и не спас от расстрела его старшего сына, военного лётчика Леонида Хрущёва. Якобы в начале 1943 года он сдался фашистам в плен, но затем был выкраден оттуда и доставлен для расправы в Москву.

По второй проблеме также существует целый ряд различных точек зрения, среди которых наиболее известны две. Все «шестидесятники» и их идейные наследники, патологические ненавистники всей советской истории и особенно сталинской эпохи (А. Н. Яковлев, Г. Х. Попов, Ф. М. Бурлацкий, С. Н. Хрущёв, Р. А. Медведев, Л. М. Млечин, У. Таубман³²⁰), буквально с придыханием и нескрываемым восторгом твердили и твердят о том, что именно хрущёвский доклад, который они высокопарно именуют «актом личного человеческого мужества», положил начало знаменитой «оттепели», массовой реабилитации невинных жертв политических репрессий, очищению партии и советского общества «от идеологии и практики государственного террора» и наконец-то нанёс чуть ли не самый сокрушительный и смертельный удар по «кровавому сталинизму» и «казарменному социализму». Их же идейные оппоненты, в том числе С. Г. Кара-Мурза, И. В. Пыхалов, И. Ю. Денисов и Г. Ферр³²¹, всегда негативно оценивали этот доклад и правомерно утверждали, что именно он: 1) нанёс очень мощный удар по авторитету КПСС и всего советского государства и породил морально-политический раскол в советском обществе; 2) положил начало системному идейному кризису и привёл к серьёзному расколу во всём мировом лагере социализма и международном коммунистическом и рабочем движении, от которого не удалось избавиться до сих пор; 3) стал блестящим козырем в руках антисоветчиков всех мастей и тех враждебных политических сил и в нашей стране, и за рубежом, которые всегда вели и до сих пор ведут глобальную психологическую войну не только против нашей страны, но и против самих идей коммунизма; 4) дал первый и самый мощный импульс к системному кризису, а затем и гибели Советского Союза, который завершили хрущёвские наследники во времена преступной «горбачёвской перестройки».

Между тем после окончания съезда, 6 и 19 марта 1956 года, под жёстким напором Н. С. Хрущёва Президиум ЦК принимает два Постановления, которые грубейшим образом нарушали социалистическую законность, о которой так настойчиво «пёкся» Первый секретарь ЦК: «О посмертной реабилитации незаконно осуждённых членов ЦК ВКП(б) и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), избранных на XVII съезде партии»³²² и «О рассмотрении дел на лиц, отбывающих наказание за политические, должностные и хозяйственные преступления»³²³. По поводу первого Постановления особых разногласий не возникло. А вот второе Постановление

вызвало резкую поляризацию мнений, так как именно там предельно цинично говорилось о том, что поскольку «пересмотр дел на указанных лиц в обычном порядке, через судебные органы, требует значительного времени», то «в целях быстрого освобождения указанных лиц из мест лишения свободы ЦК КПСС постановляет: образовать комиссии Президиума Верховного Совета СССР для проверки в местах лишения свободы обоснованности осуждения каждого лица, обвинённого в совершении преступления политического характера, а также рассмотрения вопроса о целесообразности содержания в заключении лиц, которые хотя и совершили политические или должностные и хозяйственные преступления, но не представляют государственной и общественной опасности». Причём всю эту работу данные комиссии должны были завершить до 1 октября 1956 года, а для контроля за их работой была создана очередная Центральная комиссия в составе восьми членов: А. Б. Аристов (председатель), Н. М. Пегов, Н. П. Дудоров, И. А. Серов, Р. А. Руденко, К. П. Горшенин, В. В. Золотухин и З. А. Болдырев³²⁴.

²⁹³ Аксютин Ю.В. Новые документы бывшего архива ЦК // XX съезд. Материалы конференции к 40-летию XX съезда КПСС. М., 1996.

²⁹⁴ Жуков Ю.Н. Крутой поворот... назад // XX съезд. Материалы конференции к 40-летию XX съезда КПСС. М., 1996; Пыжиков А.В. Хрущёвская «оттепель», 1953-1964. М., 2002; Пыжиков А.В. Холодная война. 1945-1963 гг. Историческая ретроспектива // Отечественная история. 2006, №4.

²⁹⁵ Правда. 1952. 2 апреля.

²⁹⁶ Жуков Ю.Н. Крутой поворот... назад // XX съезд. Материалы конференции к 40-летию XX съезда КПСС. М., 1996; Жуков Ю.Н. XX Съезд КПСС: расставание с мифом // Крайности истории и крайности историков. М., 1997; Жуков Ю.Н. Политическое наследие Сталина и его преодоление // 50 лет без Сталина: наследие сталинизма и его влияние на историю второй половины XX века. М., 2005; Пыжиков А.В. Хрущёвская «оттепель», 1953-1964. М., 2002.

²⁹⁷ РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1а. Л. 1,3,4.

²⁹⁸ Жуков Ю.Н. Борьба за власть в руководстве СССР в 1945-1952 годах // Вопросы истории. 1995. № 1; Жуков Ю.Н. Сталин: тайны власти. М., 2005; Пыжиков А.В. Конфигурация и функционирование власти в СССР. 1945-1953 гг. М., 1999; Зеленев М.В. Перестройка аппарата ЦК ВКП(б) в 1946 г. ... // Новейшая история России. 2011. № 1; Спицын Е.Ю. Осень патриарха. Советская держава в 1945-1953 годах. М., 2018.

²⁹⁹ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 26. Д. 46. Л. 53-56.

³⁰⁰ Пыжиков А.В. Оттепель: идеологические новации и проекты (1953-64 гг.). М., 1998; Пыжиков А.В. Хрущёвская «оттепель», 1953-1964. М., 2002.

³⁰¹ Трояновский О.А. Через годы и расстояния. М., 1997.

³⁰² Коммунист. 1955. № 14.

³⁰³ Сушков А.В. Структура и персональный состав Президиума ЦК КПСС в 1957-1964 гг. Автореферат дисс. канд. ист. наук. Ек., 2003; Сушков А.В. Президиум ЦК КПСС в 1957-1964 гг.: личности и власть. Ек., 2009.

³⁰⁴ Пыжиков А.В. Хрущёвская «оттепель», 1953-1964. М., 2002.

³⁰⁵ РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 13. Д. 132. Л. 2-14.

³⁰⁶ Известия ЦК КПСС. 1989. № 3.

³⁰⁷ Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти, 1945-1991. М., 1998.

³⁰⁸ Лысков Д.Ю. «Сталинские репрессии». Великая ложь XX века. М., 2009; Ферр Г.

Антисталинская подлость. М., 2007. Надо сказать, что эта работа Г. Ферра, вызвавшая неподдельный интерес в нашей стране, послужила причиной появления целого ряда критических публикаций, в том числе профессора Р. Кирана, выступившего в 2011 году со статьёй «Хрущёв лгал, но где же истина?». В результате завязалась острая дискуссия, в ходе которой Г. Ферр в том же году опубликовал свой «Ответ Роджеру Кирану».

³⁰⁹ Как уже было сказано, авторство ленинских писем, на которые ссылался и которые цитировал Н. С. Хрущёв, давно вызывает законные сомнения у историков. Наиболее подробно и аргументированно все эти сомнения разбирает профессор В. А. Сахаров в своей фундаментальной монографии «"Политическое завещание" В. И. Ленина: реальность истории и мифы политики». М., 2003.

³¹⁰ РГАНИ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 17. Л. 91.

³¹¹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 14. Д. 4. Л. 66.

³¹² РГАНИ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 18. Л. 187. По непонятной причине в списке адресатов не оказалось Первого секретаря ЦК СЕПГ Вальтера Ульбрихта.

³¹³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 140. Л. 53.

³¹⁴ Козлов В.А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущёве и Брежнев. М., 2009; Пыхалов И.В., Денисов И.А. СССР без Сталина: Путь к катастрофе. М., 2009; Лурье Л., Малярова И. 1956 год. Середина века. СПб., 2007; Гулиа Н. Грузинский амаркорд // Огонёк. № 52. 1999; Шавлидзе З. Сталин как мечта // Грузинский клуб. 01.2014; Колодин К. Они сражались за Сталина // Известия. 09.03.2011.

³¹⁵ Яковлев А.Н. Омут памяти. М., 2001; Яковлев А.Н. Сумерки. М., 2005; Бурлацкий Ф.М. Никита Хрущёв и его советники. М., 2002; Наумов В.П. Борьба Н.С. Хрущёва за единоличную власть. Доклад Хрущёва на XX съезде КПСС // Новая и новейшая история. 1996. № 2; Медведев Р.А. Никита Хрущёв: отец или отчим советской «оттепели»? М., 2006.

³¹⁶ Артизов А.Н. Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. М., 2000; Барсуков Н.А. XX съезд в ретроспективе Хрущёва // Отечественная история, 1996. № 6; Аксютин Ю.В. Новое о XX съезде КПСС // Отечественная история. 1998. № 2; Аксютин Ю.В. Хрущёвская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953-1964 гг. М., 2010.

³¹⁷ Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация: от Великой Победы до наших дней. М., 2002; Пыжиков А.В. Хрущёвская «оттепель», 1953-1964. М., 2002; Жуков Ю.Н. Крутой поворот... назад // XX съезд. Материалы конференции к 40-летию XX съезда КПСС. М., 1996; Жуков Ю.Н. XX Съезд КПСС: расставание с мифом // Крайности истории и крайности историков. М., 1997; Попов В.П. Большая ничья. СССР от Победы до распада. М., 2005; Барсуков Н.А. XX съезд в ретроспективе Хрущёва // Отечественная история, 1996. № 6.

³¹⁸ Ферр Г. Антисталинская подлость. М., 2007; Киран Р. Хрущёв лгал, но где же истина? // Прорыв. 11.2011.

³¹⁹ Докучаев М.С. Москва. Кремль. Охрана. М., 1995; Мухин Ю.И. Убийство Сталина и Берия. М., 2002; Удилов В.Н. Теракты и диверсии в СССР. Стопроцентная раскрываемость. М., 2011.

³²⁰ Яковлев А.Н. Омут памяти. М., 2001; Попов Г.Х. Теория и практика социализма в XX веке. М., 2006; Бурлацкий Ф.М. Никита Хрущёв и его советники. М., 2002; Хрущёв С.Н. Никита Хрущёв. Реформатор. Трилогия об отце. М., 2010; Медведев Р.А. Никита Хрущёв: отец или отчим советской «оттепели»? М., 2006; Млечин Л.М. КГБ.

Председатели органов безопасности. М., 2006; Таубмэн У. Хрущёв. М., 2008.

³²¹ Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация: от Великой Победы до наших дней. М., 2002; Пыхалов И.В., Денисов И.А. СССР без Сталина: путь к катастрофе. М., 2009; Ферр Г. Антисталинская подлость. М., 2007.

³²² РГАНИ. Ф. 3. Оп. 14. Д. 4. Л. 8.

³²³ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 14. Д. 11. Л. 13-16, 62-66.

³²⁴ 15 октября 1956 года А. Б. Аристов доложил Н. С. Хрущёву, что к установленному сроку были рассмотрены дела в отношении 176 325 заключённых, из которых 100 139 были освобождены, а 42 016 заключённым были уменьшены сроки наказания. Причём из числа осуждённых за политические преступления на свободу вышли 50 944 зеков.

8. Новый раунд борьбы в Президиуме ЦК и крах системы «коллективного руководства» в 1956-1958 годах

Тем не менее, как считают ряд историков (И. В. Пыхалов, И. Ю. Денисов³²⁵), кровавые «тбилисские события» стали первым «отрезвляющим душем» для Н. С. Хрущёва и несколько умили его антисталинский пыл. А вскоре последовал и второй «отрезвляющий душ», когда в том же марте 1956 года в главном печатном органе ЦК КПК «Жэньминь жибао» была опубликована редакционная статья «Об историческом опыте диктатуры пролетариата», написанная по итогам обсуждения этого вопроса на расширенном заседании Политбюро ЦК КПК. В этой статье прямо говорилось, что хрущёвская критика И. В. Сталина и неуклюжая попытка «обелить» саму партию, которая, дескать, никогда не ошибается, шибко пахнет троцкизмом, осуждавшимся ещё на XIII съезде РКП(б)³²⁶. А посему нужно не только «надлежащим образом изучать» теоретическое наследие И. В. Сталина, особенно в той части, где он активно выступал в защиту ленинизма и обобщал богатый опыт строительства социализма в СССР, но и признать его «великим марксистом-ленинцем» и не пытаться свести всю его кипучую и плодотворную деятельность к череде сплошных ошибок и просчётов.

Тем временем 13 апреля 1956 года было принято очередное Постановление Президиума ЦК «Об изучении материалов открытых судебных процессов по делу Бухарина, Рыкова, Зиновьева, Тухачевского и др.»³²⁷, в соответствии с которым создавалась очередная партийная Комиссия, но уже в существенно ином составе, куда вошли три ближайших и старейших сталинских соратника: В. М. Молотов (председатель), К. Е. Ворошилов, Л. М. Каганович, М. А. Суслов, Н. М. Шверник, А. Б. Аристов, П. Н. Поспелов, Е. А. Фурцева и Р. А. Руденко. И поэтому совершенно немудрено, что на всех заседаниях этой Комиссии, как свидетельствовал А. Б. Аристов³²⁸, «споры шли самые острые», ибо позиция Молотова и Кагановича была совершенно определённой и твёрдой. С самого первого заседания «они говорили о том, что процессы эти правильные, что они были в интересах партии» и, по мнению Н. С. Хрущёва, именно В. М. Молотов «сделал всё, чтобы не допустить серьёзного разбирательства этих дел»³²⁹. Поэтому, когда в декабре 1956 года Комиссия представила в ЦК свои «выводы по рассмотренным материалам», то там было прямо указано, что, несмотря на «массовые репрессии по государственной линии», ставшие «результатом злоупотребления властью со стороны И. В. Сталина, а также пробравшихся в органы НКВД карьеристов и провокаторов..., оснований для пересмотра дел в отношении Бухарина, Рыкова, Зиновьева, Каменева не имеется», ибо «они на протяжении многих лет возглавляли антисоветскую борьбу, направленную против строительства социализма в СССР»³³⁰.

Совершенно очевидно, что в подобной ситуации Н. С. Хрущёв вынужден был сделать какой-то ответный ход, и вскоре его предпринял. По информации ряда историков (Р. Г. Пихоя, Н. А. Барсуков³³¹), он намеревался уже в начале — середине июня 1956 года инициировать созыв очередного Пленума ЦК, полностью посвятив его новому «обстрелу культа личности» и актуальным вопросам идеологической работы. Причём, как уверяет профессор Р. Г. Пихоя, в качестве главного «миномётчика» должен был выступить лично маршал Г. К. Жуков, а основной доклад,

по мнению профессора Н. А. Барсукова, должен был делать новый хрущёвский выдвиженец секретарь ЦК Д. Т. Шепилов. Но, как бы то ни было, во второй половине мая 1956 года они оба направили в Президиум и Секретариат ЦК проекты своих докладов и сопроводительные записки к ним с просьбой «ознакомиться и дать свои замечания».

Доклад Г. К. Жукова «Состояние и задачи военно-идеологической работы»³³², датированный 19 мая 1956 года, был направлен только трём членам высшего руководства: Н. С. Хрущёву, Н. А. Булганину и Д. Т. Шепилову. До недавнего времени о его существовании знали только ряд профессиональных историков. Но весной 2019 года о нём узнали многие читатели «Российской газеты», сначала из интервью главы Федерального архивного агентства А. Н. Артизова, а затем из публикации самого этого доклада на её страницах. Надо сказать, что этот доклад, обнародованный на волне очередной антисталинской истерии, стали всячески пиарить, говоря о том, что он якобы содержит просто убийственные факты сталинской тирании и самодурства. Однако на поверку оказалось, что гора родила мышь. Ничего сенсационного в докладе не обнаружилось, и он буквально пестрел хорошо известными ещё с хрущёвско-горбачёвских времён предельно лживыми байками и набившими оскомину штампами.

Заявив в начале своего доклада, что «главным недостатком во всей военно-идеологической работе» до сего дня является «засилие культа личности», Г. К. Жуков призвал ни в коем случае не «свёртывать работу по ликвидации его последствий» и до конца выполнить те решения, «которые единодушно были приняты XX съездом партии». Затем, указав на то, что «особенно широкое распространение культ личности приобрёл в вопросах, связанных с Великой Отечественной войной», прославленный маршал стал совершенно голословно, лживо и даже беспардонно, без приведения каких-либо реальных фактов и доказательств обвинять И. В. Сталина во всех смертных грехах. По мнению Г. К. Жукова, именно он был виноват: 1) в полной неготовности страны к войне; 2) в «хвастливых заявлениях» о несокрушимой мощи РККА, скором и могучем ответном ударе, что, дескать, «притупило бдительность советского народа и стало одной из решающих причин крупных военных поражений и огромных жертв в начальный период войны»; 3) «в отсутствии у Генштаба законченных и утверждённых правительством оперативного и мобилизационного планов», а у оборонных и промышленных наркоматов и их предприятий «конкретных мобилизационных заданий»; 4) в «разгроме руководящих военных кадров» в годы репрессий и, как следствие, «особенно плохой подготовке командующих фронтами и армиями»; 5) в том, что «слабые стороны в подготовке нашей страны и армии к войне, выявленные в ходе советско-финляндской войны и событий на Дальнем Востоке, не только не устранялись, но по-серьёзному даже и не обсуждались ни в ЦК, ни в Совнаркоме»; 6) в том, что «никакой внезапности нападения гитлеровских войск не было» и эта «внезапность была придумана Сталиным, чтобы оправдать свои просчёты в подготовке страны к обороне»; 7) в том, что «с первых минут возникновения войны в Верховном руководстве страной в лице Сталина проявилась полная растерянность в управлении обороной страны, использовав которую, противник прочно захватил инициативу в свои руки и диктовал свою волю на всех стратегических направлениях»; 8) в том, что исключительно «по вине Сталина наши войска в западной приграничной зоне» не были «приведены в полную боевую готовность» и, «не будучи развёрнутыми в правильных оперативных построениях,

фактически дрались отдельными соединениями и отдельными группировками»; 9) в том, что с самого начала Генеральный штаб и Наркомат обороны были полностью «дезорганизованы Сталиным и лишены его доверия», а «всю вину за наши неудачи в начальный период войны он постарался возложить на личный состав Вооружённых Сил», для чего им «был организован судебный процесс над командованием Западного фронта», по приговору которого были немедленно расстреляны «командующий войсками Павлов, начальник штаба Климовских, начальник связи Григорьев и ряд других генералов»; 10) в том, что «Сталин принуждал представителей Ставки ВГК и командующих фронтами без всякой необходимости проводить наспех организованные операции, без достаточного материального и технического их обеспечения, что приводило к чрезмерно большим потерям», в том числе на Северо-Западном, Западном, Воронежском и других фронтах, что более чем зримо говорит о его «полководческих качествах» и сталинском «военном гении» и т. д.

Второй же доклад Д. Т. Шепилова «Решения XX съезда Коммунистической партии Советского Союза и задачи улучшения идеологической работы»³³³, датированный 23 мая 1956 года, был послан уже всем членам Президиума и Секретариата ЦК. Об этом докладе до недавнего времени тоже никто толком ничего не знал. Правда, ряд историков (Н. А. Барсуков³³⁴) писали о том, что «этот двухсотстраничный доклад, в котором затрагивались теоретические, политические и прочие вопросы, видимо, где-то в президентском архиве сохранился», ибо, «во всяком случае, есть люди, которые видели и держали в руках этот доклад». Но теперь вопрос о его существовании снят с повестки дня и с ним можно ознакомиться не только в РГАНИ и в различных публикациях источников, но даже на просторах Интернета. Причём, как оказалось, по объёму этот доклад был немного больше Жуковского и состоял не из 200, а всего из 40 листов.

Как это ни покажется странным, но в самом начале доклада был сделан реверанс в адрес И. В. Сталина и заявлено, что он был «великим пролетарским революционером», который внёс «крупный вклад в дело социалистической революции, в дело индустриализации и коллективизации, в дело победы социализма в нашей стране». Более того, «по его теоретическим трудам, как и по работам классиков научного коммунизма», т. е. К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина, «учились и будут учиться» новые поколения людей. Но вместе с тем партия «решительно выступает против культа личности Сталина, ибо этот культ личности, то есть обожествление личности, неизбежно привело к тем отрицательным явлениям, на которые указывал XX съезд партии».

Среди таких отрицательных явлений была и «монополия в теории одного лица», которая «не могла не причинить ущерба и теоретической работе, и нашей практической деятельности». Речь, в частности, идёт о целом ряде совершенно ошибочных сталинских теоретических установок, а именно: 1) о его известном тезисе про «обострение классовой борьбы по мере продвижения к социализму», провозглашённом в его докладе «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников» в марте 1937 года на Пленуме ЦК; 2) о его теории «активной обороны», отражённой в его же работе «О Великой Отечественной войне Советского Союза», где дело рисовалось таким образом, «будто бы потеря огромных и жизненно важных территорий страны, допуск вражеских полчищ к самым подступам Москвы явились чуть ли не преднамеренным замыслом сталинского полководческого гения»; 3) о том, что в последней своей работе

«Экономические проблемы социализма в СССР» И. В. Сталин выдвинул абсолютно ошибочное положение, что «групповая колхозная собственность и товарное обращение уже теперь начинают тормозить мощное развитие наших производительных сил, так как создают препятствия для полного охвата всего народного хозяйства, особенно сельского хозяйства, государственным планированием». И в этой ситуации для ликвидации данного противоречия «необходимо превратить колхозную собственность в общенародную, а товарооборот — в прямой продуктообмен» и т. д.

Далее, перейдя к оценке истории самой партии и всего советского общества, Д. Т. Шепилов, признав «немалые достоинства» сталинского «Краткого курса истории ВКП(б)», заявил о том, что здесь «сильно сказался субъективистский подход к освещению исторических событий» и была «явно принижена роль Ленина» как вождя всего мирового пролетариата и отца-основателя нашего государства. Особо это касалось периода подготовки и проведения Великой Октябрьской революции, Гражданской войны, образования СССР и т. д. Более того, «в угоду культу личности» и «вопреки историческим фактам» стала буквально насаждаться «концепция двух центров формирования и развития нашей партии: общероссийского — во главе с Лениным и закавказского — во главе со Сталиным». Также вопреки историческим фактам и «совершенно определённым ленинским указаниям, что большевизм существует как течение политической мысли и как политическая партия с 1903 года», был выдвинут ошибочный тезис, будто «начало большевистской партии было положено не II съездом партии, а лишь Пражской партийной конференцией в 1912 году», и т. д.

Наконец, последняя и довольно внушительная часть шепиловского доклада была посвящена вопросам «дальнейшего развития советской демократии», «проведения ленинской национальной политики», насущных и неотложных задач идеологической работы, укрепления социалистической законности и актуальным проблемам и задачам развития советской литературы и искусства.

Однако оба этих доклада так и остались на бумаге, поскольку намечавшийся Пленум ЦК не состоялся. Почему он был отменён, до сих пор не вполне ясно. Кто-то (Н. А. Барсуков, А. В. Пыжиков³³⁵) полагает, что данная инициатива исходила лично от Н. С. Хрущёва, испугавшегося нового витка антисталинской кампании и очередного обострения конфликта в «узком руководстве» партии, кто-то (Ю. В. Аксютин³³⁶) утверждает, что этот Пленум ЦК был отменён под давлением старых сталинских соратников, а кто-то (Р. Г. Пихоя³³⁷) говорит о том, что идея созыва этого Пленума была похоронена по настоянию давних жуковских оппонентов — маршала Н. А. Булганина и генерала Д. Т. Шепилова, а возможно, и самого Н. С. Хрущёва, побоявшихся дать мощный козырь в руки крайне амбициозного и решительного «маршала Победы», давно страдавшего «наполеоновскими комплексами».

Тем временем 28 мая 1956 года состоялось заседание Президиума ЦК, на котором Н. С. Хрущёв возобновил атаку на Вячеслава Михайловича Молотова, с которым он уже давно конфликтовал по ключевым внешнеполитическим вопросам, особенно австрийскому и югославскому. Именно по этой причине, как считают ряд историков (Ю. В. Аксютин³³⁸), ещё с мая 1955 года Первый секретарь стал активно и настойчиво «ограничивать его влияние на выработку и принятие всех решений по основным внешнеполитическим вопросам» и «укреплять дипломатический корпус членами ЦК». Среди этих членов ЦК, бывших старыми и кадровыми

партработниками, оказались и новые советские послы в Польше, Чехословакии и Румынии: Первый секретарь ЦК Компартии Казахстана Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко и первые секретари Сталинградского и Одесского обкомов партии Иван Тимофеевич Гришин и Алексей Алексеевич Епишев. Теперь же Н. С. Хрущёв решил добить давнего оппонента и именно с этой целью созвал это заседание Президиума ЦК. Как установил историк С. С. Войтиков³³⁹, очередную атаку на главу советского внешнеполитического ведомства, начатую Первым секретарём ЦК, сразу и очень активно поддерживали многие члены высшего руководства, прежде всего Н. А. Булганин и М. З. Сабуров, которые прямо обвинили В. М. Молотова в том, что под его руководством «МИД не шёл в ногу с ЦК». В результате 1 июня 1956 года он был снят со своей должности, и теперь, оставшись только в ранге первого заместителя главы Совета Министров СССР, В. М. Молотов де-факто стал «министром без портфеля». А новым главой МИД СССР был назначен Дмитрий Трофимович Шепилов, который одновременно, вплоть до конца декабря 1956 года, оставался и секретарём ЦК.

Между тем Н. С. Хрущёв, попав в очень щекотливое положение, продолжил лихорадочно искать возможные пути нового «обстрела культа личности», но уже в иных, менее резких интонациях и выражениях, поскольку не только в верхах, но и во всей партии начались «разброд и шатания». Неслучайно ещё 5 апреля 1956 года ЦК обратился к членам партии со специальным письмом, осуждающим «недозволенную критику сталинского культа», а в центральном органе ЦК — газете «Правда» — уже через день появилась редакционная статья, провозгласившая борьбу против «демагогов и гнилых элементов, которые под видом критики культа личности критикуют линию партии».

К тому времени в самом аппарате ЦК, очень внимательно ознакомившись с многочисленными сводками спецслужб о настроениях в советском обществе³⁴⁰, наконец-то осознали, что рамки дозволенного в критике сталинского культа оказались крайне размытыми. Нужно было срочно дать предельно жёсткие и чёткие указания во все партийные организации страны о том, что можно, а чего категорически нельзя делать в критике усопшего вождя и его деяний. И такой партийный документ вскоре появился. 30 июня 1956 года ЦК КПСС принимает, а затем широко публикует печально знаменитое Постановление «О преодолении культа личности и его последствий», которое носило куда более осторожный и выдержанный характер, чем разнузданный по форме и крайне лживый по содержанию доклад Н. С. Хрущёва на XX партийном съезде³⁴¹.

Думается, что особо подробно останавливаться на этом документе не имеет никакого смысла. Он широко известен и буквально напичкан разного рода клише, заклинаниями и штампами типа тех, что «решения исторического XX съезда встретили полное одобрение и горячую поддержку всей нашей партии, всего советского народа, братских коммунистических и рабочих партий, трудящихся великого содружества социалистических стран и миллионов людей в буржуазных и колониальных странах», а «в стане врагов рабочего класса» они, напротив, «породили тревогу и озлобление», что именно этот съезд, «знаменующий собой новый этап в творческом развитии марксизма-ленинизма», вооружил всю партию и весь советский народ «величественным планом дальнейшей борьбы за построение коммунизма», открыл новые и реальные перспективы «для объединённых действий всех партий рабочего класса за предотвращение угрозы новой войны» и т. д.

Затем, заявив, что «уже более трёх лет наша партия ведёт последовательную борьбу против культа личности И. В. Сталина и настойчиво преодолевает его вредные последствия», было указано, что «в борьбе против культа личности партия руководствуется известными положениями марксизма-ленинизма о роли народных масс, партии и отдельных личностей в истории» и о полном неприятии культа личности любого политического лидера, «как бы велики ни были его заслуги». Далее утверждалось, что, «выдвигая сам вопрос о борьбе с культом личности», Центральный Комитет исходит из того, что этот культ противоречит всей «природе социалистического строя» и превратился «в тормоз на пути развития советской демократии и продвижения советского общества к коммунизму». Причём само возникновение феномена культа личности было объявлено не только прямым следствием «борьбы отживших эксплуататорских классов с политикой советской власти, наличием острой фракционной борьбы внутри самой партии и сложностью международной обстановки», но рядом чисто «субъективных факторов, связанных с личными качествами» И. В. Сталина, на отрицательный характер которых указывал ещё В. И. Ленин. Именно эти «обстоятельства вынужденно привели к ограничению внутрипартийной демократии, к чрезмерной бдительности и централизации управления». Поэтому в данном Постановлении особый упор был сделан на то, что сталинский культ никоим образом «не изменил саму природу социализма» и все его негативные явления успешно преодолены благодаря решительной позиции «ленинского ядра» в высшем партийно-государственном руководстве страны.

Тем временем 16 июля 1956 года Президиум ЦК рассмотрел ещё один проект секретного Письма ЦК КПСС «Об итогах обсуждения решений XX съезда»³⁴², которое по его поручению готовила очередная партийная Комиссия во главе с новым секретарём ЦК Леонидом Ильичом Брежневым. Это секретное письмо, в котором уже присутствовала информация «о репрессивных мерах» в отношении отдельных коммунистов и даже роспуске одной из партийных организаций АН СССР за «неправильное обсуждение решений XX съезда», должно было окончательно пресечь «идеологический разброд» и вновь дать совершенно чёткие установки о допустимых рамках критики сталинского культа, чтобы она не переросла в «критику социалистических ценностей». После некоторой доработки данное письмо было одобрено Президиумом ЦК и направлено во все партийные организации страны.

Между тем, как считают ряд историков (Р. Г. Пихоя, Р. А. Медведев, Н. Верт, А. Паповян, Е. Паповян³⁴³), политические события уходящего года оказались неутешительными для Н. С. Хрущёва. Уже поздней осенью 1956 года, особенно после кровавых венгерских событий, его позиции в высших эшелонах власти сильно ослабли. Зримым доказательством этого явления стала «политическая реабилитация» его главного оппонента, самого жёсткого и последовательного критика хрущёвского курса В. М. Молотова, который 21 ноября был назначен министром госконтроля СССР, что позволило ему непосредственно влиять на работу всех правительственных учреждений, включая и силовой блок Совета Министров СССР.

Кроме того, под влиянием продолжавшейся антисталинской кампании стала обостряться ситуация и в самом советском обществе. Дальнейшее обсуждение Постановления ЦК «О преодолении культа личности и его последствий» всё больше стало выходить за очерченные рамки, особенно в среде творческой интеллигенции, что, конечно, не могло не тревожить всё высшее руководство страны. Дело дошло до того, что не только беспартийный классик советской литературы Константин

Георгиевич Паустовский, но даже такие верные «солдаты партии», как член Центральной ревизионной комиссии и секретарь Правления Союза писателей СССР, известный советский писатель, драматург и поэт Константин Михайлович Симонов, а также знаменитая ленинградская поэтесса Ольга Фёдоровна Берггольц, скатились до прямых «антисоветских вылазок». В ряде своих публичных выступлений они не только осудили некоторые партийные Постановления по вопросам искусства и литературы, но даже выступили с призывом ослабить партийный контроль за художественным и идейным творчеством «инженеров человеческих душ»³⁴⁴.

В результате 14 декабря 1956 года на Президиуме ЦК был обсуждён проект очередного, уже третьего по счёту, закрытого Письма ЦК КПСС ко всем парторганизациям страны с очень характерным заголовком: «Об усилении работы партийных организаций по пресечению вылазок антисоветских, враждебных элементов», — которое готовила старая Комиссия Президиума ЦК в составе Л. И. Брежнева (глава), Г. К. Маленкова, А. Б. Аристова, Н. И. Беляева, И. А. Серова и Р. А. Руденко. После детального обсуждения проекта данного письма, реальными авторами которого были главы КГБ и Генпрокуратуры СССР, он был одобрен всеми членами Президиума ЦК и с отредактированным названием «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских, враждебных элементов»³⁴⁵ 19 декабря разослан во все рескомы, крайкомы, обкомы, горкомы и райкомы партии для обсуждения во всех первичных парторганизациях. Однако, судя по первым отчётам, в том числе главы Отдела партийных органов ЦК КПСС по РСФСР Н. И. Беляева и Первого секретаря Ленинградского обкома партии Ф. Р. Козлова, полученным в ЦК уже в феврале 1957 года, процесс «разброда и шатаний» в партии по-прежнему не был преодолён.

Между тем под самый занавес уходящего года состоялся очередной Пленум ЦК, целиком посвящённый «вопросам улучшения руководства народным хозяйством» страны³⁴⁶. Как и планировалось, 20 декабря 1956 года, в первый день работы Пленума, с основным докладом выступил председатель Совета Министров СССР Н. А. Булганин, который прямо заявил, что, «во-первых, надо решительно покончить с крупными пороками в области государственного планирования, серьёзно тормозящими выполнение программ хозяйственного строительства страны», и, «во-вторых, необходимо настойчиво осуществлять меры по устранению чрезмерной централизации в управлении народным хозяйством, которое в значительной мере сковывает инициативу местных органов и хозяйственных руководителей в решении повседневно возникающих вопросов», а также «неуклонно проводить в жизнь курс на всемерное повышение роли союзных республик в управлении хозяйством» и «значительно расширить права министров, начальников главных управлений министерств и руководителей предприятий, повысив их ответственность за порученное дело». Обозначив эти важные проблемы, Н. А. Булганин дальше заявил о том, что «первым и главным является вопрос о перестройке работы Госэкономкомиссии СССР». Напомнив членам ЦК, что «в целях улучшения государственного планирования» в начале мая 1955 года старый Госплан был разделён на два органа — Государственную комиссию по перспективному планированию народного хозяйства (Госплан СССР), главой которой был назначен бывший министр нефтяной промышленности СССР Н. К. Байбаков, и Государственную экономическую комиссию по текущему планированию (Госэкономкомиссия СССР), которую возглавил глава старого Госплана СССР М. З.

Сабуров³⁴⁷, — он заявил, что, хотя это и «дало известные положительные результаты», сама «эта реформа окончательно задачи не решила..., радикального улучшения в работе наших центральных плановых органов не произошло» и «особенно это относится к Госэкономкомиссии, о которой можно сказать, что в ряде случаев она просто плывёт по течению».

Как считают ряд историков (В. Н. Горлов³⁴⁸), судя по булганинскому докладу, «Н. С. Хрущёв пытался провести свой план ликвидации отраслевых министерств уже на этом Пленуме ЦК, но у него ничего не получилось»³⁴⁹. Оппозиция в самом Президиуме ЦК в лице В. М. Молотова, Г. М. Маленкова, Л. М. Кагановича, М. Г. Первухина и особенно М. З. Сабурова с таким упорством сопротивлялась очередной хозяйственной реформе, что Первому секретарю ЦК удалось протащить всего лишь компромиссное решение о «частичной децентрализации» при сохранении всех союзных министерств и частичном расширении ряда полномочий «местных министерств».

При этом прошлогодняя майская реформа Госплана, инициированная самим Н. С. Хрущёвым, которую целый ряд историков (В. А. Шестаков, А. Ноув³⁵⁰) оценивают крайне негативно, на этом Пленуме ЦК была по факту обращена против её инициатора. Госэкономкомиссия СССР превратилась в очередного экономического монстра, так как на неё были возложены все распорядительные функции оперативного управления и решения всех текущих хозяйственных вопросов, а две комиссии Президиума Совета Министров СССР — по текущим делам и по вопросам производства товаров народного потребления — были ликвидированы. Правда, по итогам этого Пленума ЦК М. З. Сабуров, который, по словам премьера, конечно, «виноват, но не во всём», был снят с этой должности, и новым главой Госэкономкомиссии СССР был назначен М. Г. Первухин, а его первым заместителем стал А. Н. Косыгин. Кроме того, в последний день работы Пленума, 24 декабря 1956 года, был решён и ещё один важный организационный вопрос: министра иностранных дел Д. Т. Шепилова вывели из состава Секретариата ЦК, распределив его рабочие обязанности между тремя другими секретарями ЦК — М. А. Сусловым, П. Н. Поспеловым и Е.А. Фурцевой.

Тем временем резкое усиление просталинских настроений как внутри самой партии, так и в советском обществе настолько напугали самого Н. С. Хрущёва, что уже 17 января 1957 года на приёме в китайском посольстве он произнёс речь, в которой назвал И. В. Сталина «примером для настоящих коммунистов» и, высоко оценив его вклад в борьбу за построение социализма в СССР, прямо заявил, что «ошибки и недостатки» усопшего вождя были вызваны не только особенностями сталинского характера, но и «остротой и непримиримостью классовой борьбы», что стало «личной трагедией» для самого И. В. Сталина³⁵¹. Эта речь Н. С. Хрущёва, опубликованная 19 января на страницах газеты «Правда», сразу дала козыри в руки просталинской группировке внутри Президиума ЦК, которая с самого начала предупреждала всех членов высшего руководства страны, что критика сталинского культа станет детонатором нежелательных и крайне опасных процессов внутри страны и за рубежом.

Как полагают ряд историков (Р. Г. Пихоя, А. В. Пыжиков, А. И. Вдовин³⁵²), не только проблемы в экономике, но и эта ситуация подвигли Н. С. Хрущёва к очередной атаке на своих оппонентов. И уже 28 января 1957 года в развитие решений декабрьского Пленума на Президиуме ЦК была обсуждена его новая записка

«Некоторые соображения об улучшении организации руководства промышленности и строительства»³⁵³, которую было решено разослать всем членам и кандидатам в члены ЦК и ЦРК, всем секретарям ЦК компартии союзных республик, крайкомов и обкомов партии, союзным министрам и всем руководителям отделов ЦК. Тогда же было принято решение о создании ещё одной Комиссии для разработки конкретных мероприятий, изложенных в этой записке. По свидетельству самого Н. С. Хрущёва, в состав Комиссии вошла «большая часть членов Президиума и секретарей ЦК, секретари обкомов, крайкомов и ЦК компартий союзных республик», и «под моим руководством этот вопрос к Пленуму ЦК готовила большая группа товарищей», в том числе секретари ЦК А. Б. Аристов и Л. И. Брежнев, председатель Госплана СССР Н. К. Байбаков, первый заместитель председателя Госэкономкомиссии СССР А. Н. Косыгин, министр финансов СССР А. Г. Зверев, заведующие ключевыми отраслевыми Отделами тяжёлой промышленности и машиностроения ЦК КПСС А. П. Рудаков и И. И. Кузьмин, начальник ЦСУ СССР В. Н. Старовский и главный редактор газеты «Правда» П. А. Сатюков³⁵⁴.

Основная суть этой хрущёвской записки состояла в предложении коренным образом перестроить существующий порядок управления промышленным производством страны, а именно: ликвидировать большую часть отраслевых министерств, отменить ведомственное подчинение почти всех промышленных предприятий, отдать их в ведение регионов и создать в рамках нескольких краёв и областей региональные советы народного хозяйства, или совнархозы. Полагалось, что такая реорганизация промышленности существенно увеличит рост производства, повысит производительность труда, качество выпускаемой продукции, значительно сэкономит природные, трудовые и золотовалютные ресурсы, упростит логистику и межотраслевую кооперацию предприятий и т. д. При этом Н. С. Хрущёв не забыл и об идейной подоплёке своей затеи, а именно создании «общенародного государства», где «широкие трудящиеся массы» будут более активно вовлечены во все сферы управления, в том числе народным хозяйством страны, что ликвидирует излишнюю бюрократизацию и другие «ненормальные явления», мешавшие советскому обществу «прийти к коммунизму».

13—14 февраля 1957 года в Москве состоялся очередной Пленум ЦК, где Н. С. Хрущёв выступил с новым докладом «О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством», который, кстати, так и не был утверждён на Президиуме ЦК³⁵⁵. В прениях по докладу выступили 27 членов и кандидатов в члены ЦК, в том числе руководители республиканских правительств и союзных министерств. Причём, как явствует из стенограммы Пленума, характерной чертой почти всех выступлений стало единодушное одобрение всех положений хрущёвского доклада, в том числе ликвидации отраслевых министерств и создания региональных совнархозов. В результате, опираясь на подготовленное большинство рядовых членов ЦК, Н. С. Хрущёв де-факто аннулировал решения декабрьского Пленума и сумел протащить решение не только о ликвидации Госэкономкомиссии СССР, но и о подготовке членами Президиума ЦК обновлённого проекта по реорганизации плановых органов страны для предстоящей сессии Верховного Совета СССР, созыв которой намечался на начало мая 1957 года. Кстати, на том же Пленуме состав кандидатов в члены Президиума ЦК пополнил очередной хрущёвский выдвиженец, «восходящая звезда» советского политического

Олимпиа Фрол Романович Козлов, который ещё в конце ноября 1953 года сменил В. М. Андрианова на посту Первого секретаря Ленинградского обкома партии.

Кстати, как явствует из архивных документов³⁵⁶, Н. С. Хрущёв намеревался ещё год назад пойти на этот шаг, но не предпринял его исключительно по тактическим соображениям. Сам же В. М. Андрианов, которого всегда считали креатурой Г. М. Маленкова, впал в немилость к Первому секретарю и с явным понижением был назначен заместителем нового министра госконтроля СССР Василия Гавриловича Жаворонкова, который во время войны поочерёдно и достойно возглавлял Тульский и Куйбышевский обкомы ВКП(б), сыграв выдающуюся роль в обороне Тулы и обеспечении фронта оружием и военной техникой.

Между тем за месяц до намеченной сессии, 30 марта 1957 года, на страницах центральных газет были опубликованы тезисы подновлённого хрущёвского доклада, произнесённого на Пленуме ЦК. В этих тезисах Н. С. Хрущёв вновь подверг уничтожающей критике всю систему управления промышленным производством в масштабах страны, чрезмерно раздутые штаты центральных органов управления и огромный бумагопоток в столичных министерствах и ведомствах, а также отверг все идеи сохранения даже в трансформированном виде каких-либо отраслевых министерств. Кроме того, в этих тезисах было прямо сказано, что создание местных совнархозов будет проходить не на базе отдельных автономных республик, краёв и областей, а на базе укрупнённых административно-экономических районов.

В апреле эти тезисы были вынесены на «всенародное обсуждение» и, как ни странно, получили довольно большую поддержку со стороны общества, в том числе управленческой номенклатуры, которой они показались «проявлением здравого смысла», «почти революционным освобождением от тягостных оков столичной бюрократии» и источником значительной экономии средств и сил. Причём, что любопытно, вопрос о необходимости создания совнархозов почти не обсуждался. Обсуждались лишь вопросы масштабов этих совнархозов, их внутренней структуры, сферы их деятельности и т. д. Причём, если главы ряда крупных регионов, в частности первые секретари Хабаровского крайкома и Иркутского и Львовского обкомов партии А. П. Шитиков, Б. Н. Кобелев и М. К. Лазуренко, выступали за создание укрупнённых совнархозов в рамках нескольких регионов, то подавляющее большинство их коллег ратовали за создание «карманных» совнархозов исключительно в границах собственных «удельных княжеств».

Однако в верхних эшелонах власти продолжались бурные дискуссии на сей счёт. Например, на заседании Президиума ЦК, состоявшемся 26 апреля 1957 года, В. М. Молотов, Л. М. Каганович и Е. А. Фурцева в очередной раз говорили о поспешности принимаемых решений, а на заседании Комиссии по вопросу о реорганизации управления промышленностью и строительством, прошедшем через день, зампред Госэкономкомиссии А. Н. Косыгин, председатель Госплана Н. К. Байбаков, министр строительства СССР Н. А. Дыгай, министр нефтяной промышленности СССР М. А. Евсеенко, и. о. министра лесной промышленности СССР И. Е. Воронов и другие ораторы резко выступили против ликвидации отраслевых министерств и создания совнархозов. При этом Н. К. Байбаков в качестве возможной альтернативы предложил создать на местах укрупнённые территориальные управления промышленных министерств и ведомств, но это предложение не встретило поддержки у большинства его коллег³⁵⁷.

Однако, как справедливо отметили ряд спецов (С. Г. Коваленко, В. Н. Горлов³⁵⁸), позиция союзных министров уже мало интересовала Н. С. Хрущёва. Для него куда важнее была позиция секретарского корпуса страны, которая в итоге оказала самое серьёзное влияние на весь дальнейший ход событий и принятые решения. Не дожидаясь одобрения своих новых предложений «коллективным руководством», полностью игнорируя заключение руководителей союзного правительства и нарушая установленный порядок согласования решений на Президиуме ЦК, он сразу внёс данный вопрос на майскую сессию Верховного Совета СССР.

7 мая 1957 года, выступая в Верховном Совете СССР со своим очередным докладом, он уже пошёл на поводу у местных партийных бонз и в отличие от тезисов, предлагавших создание местных совнархозов на основе укрупнённых административно-экономических районов, предложил создать 105 районов и аналогичное число совнархозов, целиком совпадавших с административными границами автономных республик, краёв и областей. В ходе состоявшейся дискуссии по докладу Н. С. Хрущёва выступили 32 союзных депутата, активно поддержавших Первого секретаря ЦК. Среди них было немало «региональных баронов» и даже союзных министров, в том числе Первый секретарь ЦК КП Узбекистана Н. А. Мухитдинов, глава Совета Министров Украинской ССР Н. Т. Кальченко, председатель Президиума Верховного Совета Белорусской ССР В. И. Козлов, министры путей сообщения и угольной промышленности СССР Б. П. Бещев и А. Ф. Засядько, а также первые секретари Московского, Ленинградского и Башкирского обкомов партии И. В. Капитонов, Ф. Р. Козлов и З. Н. Нуриев. Против хрущёвской затеи выступили всего два союзных депутата, и вопреки расхожей версии³⁵⁹ ни В. М. Молотов, ни К. Е. Ворошилов, ни М. Г. Первухин, ни Н. К. Байбаков, ни А. Н. Косыгин вовсе не выступали на этой сессии. Более того, отмолчался даже глава союзного правительства маршал Н. А. Булганин, который по всей логике вещей должен был первым «лечь на амбразуру» и защитить Совет Министров СССР от полного разгрома. Как писал профессор В. Н. Горлов, «создавалось впечатление, что ни техническая бюрократия (министры), ни техническая интеллигенция и хозяйственники не поддерживали хрущёвской реформы. Ни один из присутствовавших на сессии Верховного Совета плановиков и крупных хозяйственников не принял участия в прениях. Лишённые возможности возражать вслух, они по меньшей мере отказывались активно поддерживать реформу. Те, кого касалась реформа в первую очередь, хранили полное молчание, что красноречивее любых слов. За реформу стояли только партаппаратчики», поскольку эта реформа «усиливала их влияние на местах»³⁶⁰.

После окончания прений 10 мая 1957 года союзные депутаты единогласно приняли два важных закона: «О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством» и «О внесении изменений и дополнений в текст Конституции СССР». В соответствии с принятыми документами были ликвидированы 25 союзных и союзно-республиканских министерств, которые руководили целыми промышленными и строительными отраслями. Под острый нож необузданного реформаторского зуда Первого секретаря угодили министерства чёрной и цветной металлургии, нефтяной, угольной, лесной, автомобильной, станкостроительной и инструментальной, электротехнической, бумажной и деревообрабатывающей промышленности, приборостроения и средств автоматизации, тяжёлого, общего, тракторного и сельскохозяйственного, строительного и дорожного машиностроения и ряд других. Ценой больших усилий,

под мощным давлением не только членов Президиума ЦК, но и военно-промышленного лобби удалось сохранить всего 12 союзных министерств: электростанций (Г. М. Маленков), путей сообщения (Б. П. Бещев), среднего машиностроения (М. Г. Первухин), судостроительной (А. М. Редькин), авиационной (П. В. Дементьев), оборонной (Д. Ф. Устинов), радиотехнической (В. Д. Калмыков) и химической (С. М. Тихомиров) промышленности, промышленности стройматериалов (Л. М. Каганович), транспортного строительства (Е. Ф. Кожевников), морского флота (В. Г. Бакаев) и внешней торговли (И. Г. Кабанов). И то уже в начале мая 1957 года, незадолго до опалы Л. М. Кагановича, будет упразднено «его» министерство, а спустя всего пять месяцев, 14 декабря 1957 года, будут ликвидированы большинство из оставшихся министерств, которые преобразуют в бесправные Госкомитеты при Совете Министров СССР.

Что касается самих совнархозов, то, как и предлагалось, было создано 105 региональных советов народного хозяйства, из которых 70 — на территории РСФСР, 11 — в Украинской ССР, 9 — в Казахской ССР, 4 — в Узбекской ССР, по одному — в остальных союзных республиках. Все совнархозы, в рамках которых были созданы отраслевые и функциональные управления и отделы, находились в прямом подчинении республиканских правительств, которые формировали их состав по рекомендации партийных органов. При этом, судя по архивным документам, основной костяк всех руководящих кадров был рекрутирован из числа бывших работников центральных и республиканских министерств, в том числе заместителей глав республиканских правительств, заместителей союзных министров, начальников главных управлений союзных министерств, республиканских министров и т. д.³⁶¹ Позднее, 26 сентября 1957 года, когда завершились первые организационные мероприятия, Совет Министров СССР выпустил Постановление «О Совете народного хозяйства экономического административного района», в котором чётко прописал все компетенции и полномочия этих органов.

Наконец 10 мая 1957 года Госэкономкомиссия, давно ставшая «костью в горле» у Н. С. Хрущёва, была преобразована в Государственный плановый комитет, который возглавил очередной хрущёвский выдвиженец и давний его приятель, глава Отдела машиностроения ЦК Иосиф Иосифович Кузьмин, ставший одновременно первым заместителем председателя Совета Министров СССР. Как считают целый ряд историков, Н. С. Хрущёв не рискнул доверить ключевой экономической пост крупному и авторитетному руководителю и посадил на это место преданного человека, который очень слабо разбирался и в экономической теории, и в хозяйственной работе. Старый Госплан СССР тоже был упразднён, а его руководитель Н. К. Байбаков с явным понижением был перемещён на пост главы Госплана РСФСР. Что касается М. Г. Первухина, то его тоже с показательным понижением отправили руководить легендарным Минсредмашем СССР, который ранее возглавляли два таких же знаменитых «сталинских наркома» — Вячеслав Александрович Малышев и Авраамий Павлович Завенягин, безвременно ушедших из жизни от непомерно тяжёлой и очень ответственной работы. Кстати, на этом посту М. Г. Первухин задержится недолго и после разгрома «антипартийной группы» в июле 1957 года уступит его своему заместителю, не менее легендарному управленцу Ефиму Павловичу Славскому, который будет возглавлять это министерство почти тридцать лет, вплоть до конца ноября 1986 года.

К слову сказать, ещё раньше, 19 апреля 1957 года, таким же схожим, чисто волонтаристским образом Н. С. Хрущёв добился принятия Постановления ЦК и Совета Министров СССР «О государственных займах, размещаемых по подписке среди трудящихся Советского Союза», в соответствии с которым государству на 20-25 лет было «предоставлено» право отсрочки выплат по старым государственным займам, выигрышным гособлигациям и процентов по ним.

Тем временем 21 мая 1957 года, находясь с рабочей поездкой в Ленинграде, Н. С. Хрущёв выступил на зональном совещании работников сельского хозяйства северо-западных регионов РСФСР и опять-таки без согласования с членами Президиума ЦК от имени ЦК КПСС и Совета Министров СССР поставил грандиозную задачу «догнать и перегнать Америку по производству мяса, масла и молока на душу населения в течение ближайших трёх лет». При этом он пообещал колхозному крестьянству в такие же предельно сжатые сроки отменить обязательные поставки государству с их личных подсобных хозяйств и оказать государственную поддержку развитию животноводческих хозяйств. Хотя всем остальным руководителям страны, даже самым активным сторонникам Н. С. Хрущёва, была совершенно очевидна вся абсурдность поставленной задачи, поскольку в те годы США производили порядка 16 млн. тонн мяса в год, а СССР — около 7,5 млн. тонн.

Понятно, что очередная волонтаристская выходка Первого секретаря ЦК вызвала взрыв возмущения его коллег по «узкому руководству», которые, как утверждает профессор Р. Г. Пихоя³⁶², ещё с 20 мая 1957 года «стали вести переговоры по поводу Н. С. Хрущёва». Первоначально в этих «посиделках» участвовали В. М. Молотов, Н. А. Булганин, Г. М. Маленков, М. Г. Первухин и Л. М. Каганович, к которым чуть позже присоединились К. Е. Ворошилов и М. З. Сабуров. Примерно 28-29 мая все они собрались на общее совещание и быстро договорились между собой по целому ряду ключевых вопросов: во-первых, упразднить пост Первого секретаря ЦК, который, кстати сказать, так и не был прописан в самом Уставе КПСС; во-вторых, оставить Н. С. Хрущёва в составе Президиума ЦК, но переместить его на должность министра сельского хозяйства СССР; в-третьих, секретаря ЦК М. А. Суслова вывести из состава Секретариата и назначить министром культуры СССР; в-четвёртых, главу КГБ СССР генерала армии И. А. Серова отправить в отставку и передать этот пост либо маршалу Н. А. Булганину, либо бывшему Первому секретарю ЦК КП Белоруссии Н. С. Патоличеву, который на тот момент занимал пост первого заместителя министра иностранных дел СССР; и, наконец, в-пятых, поднять политический статус министра обороны СССР маршала Г. К. Жукова путём его перевода из кандидатов в полноправные члены Президиума ЦК.

Сразу после согласования всех этих вопросов сначала В. М. Молотов, а затем Г. М. Маленков провели переговоры с Г. К. Жуковым и попытались склонить боевого маршала на свою сторону, однако так и не смогли добиться от него однозначной поддержки этих кадровых инициатив. Хотя, впрочем, как чуть позднее утверждал сам В. М. Молотов³⁶³, министр обороны был вроде бы не прочь упразднить пост Первого секретаря и заменить его постом «секретаря ЦК по общим вопросам». А значительно позже в одной из бесед с писателем Ф. А. Чуевым В. М. Молотов признался, что «в нашей группе не было единства и не было никакой программы, мы только договорились его снять, а сами не были готовы к тому, чтобы взять власть»³⁶⁴. Кстати, это свидетельство дало основание ряду историков (В. П. Попов³⁶⁵) заявить, что «отсутствие в стане консерваторов альтернативной политической программы

реформ» вынудило хрущёвских «оппонентов к бездействию и пустому критиканству». На наш взгляд, это мнение носит необъективный и пристрастный характер, поскольку, во-первых, реальная «политическая программа реформ», конечно, была, в частности у Г. М. Маленкова, о чём писали многие историки, в том числе Ю. Н. Жуков, А. В. Пыжиков и Р. Г. Пихоя. Во-вторых, очень трудно упрекнуть оппонентов Н. С. Хрущёва в полном «бездействии», так как июньские события 1957 года как раз свидетельствуют об обратном. И, в-третьих, также трудно обвинить их в каком-то «пустом критиканстве», особенно В. М. Молотова и Д. Т. Шепилова, что со всей очевидностью вытекает из анализа стенограммы Пленума ЦК, состоявшегося 22-29 июня 1957 года.

Между тем, что крайне странно, мало кто из нынешних историков усмотрел в назревавшем конфликте членов Президиума ЦК один очень важный аспект, на который справедливо обратили внимание известный знаток хрущёвской эпохи профессор А. В. Пыжиков, а затем и ряд его менее известных коллег, в частности В. Н. Горлов и А. В. Сушков³⁶⁶. Речь идёт о том, что в тогдашнем составе высшего партийного ареопага явно преобладали так называемые «технократы», а не «партийцы»: из одиннадцати его членов семь кремлёвских «небожителей» — Н. А. Булганин, В. М. Молотов, Г. М. Маленков, Л. М. Каганович, А. И. Микоян, М. З. Сабуров и М. Г. Первухин — входили в состав Президиума Совета Министров СССР, маршал К. Е. Ворошилов являлся пусть формальным, но всё же официальным главой советского государства, а Секретариат ЦК был представлен всего тремя персонами — самим Н. С. Хрущёвым, секретарём ЦК по идеологии М. А. Сусловым и Первым секретарём ЦК КПУ А. И. Кириченко. Понятно, что такая расстановка сил внутри Президиума ЦК никоим образом не давала Н. С. Хрущёву возможности прорваться к реальной единоличной власти. Поэтому «разгром» Совета Министров СССР и возвращение всех властных полномочий «секретарскому корпусу» страны и аппарату ЦК, т. е. фактический отказ от сталинской послевоенной политической реформы, стали для Н. С. Хрущёва главной политической задачей в данный период. Этот процесс, как справедливо указали А. В. Пыжиков, В. Н. Горлов и А. В. Сушков, а также Р. Г. Пихоя, В. Л. Некрасов и Е. Ю. Зубкова³⁶⁷, начался ещё в первой половине 1955 года, а затем вступил в свою решающую фазу в феврале — мае 1957 года во время силового пробивания «совнархозовской реформы». Теперь же наступил час икс, который должен был расставить все точки на і.

Согласно традиционной версии, во вторник 18 июня 1957 года по настоянию ряда членов Президиума ЦК было созвано его внеочередное заседание, на которое прибыли всего восемь членов высшего руководства. Но поскольку стенограмма этого заседания то ли изначально не велась, то ли просто не сохранилась, то судить об этом заседании мы можем только по отрывочным воспоминаниям либо ряда его участников, либо в пересказе ряда историков и публицистов³⁶⁸. Вероятнее всего, первоначально в кремлёвском кабинете маршала Н. А. Булганина утром было созвано заседание Президиума Совета Министров СССР, которое по предложению Г. М. Маленкова было сразу же «объявлено» заседанием Президиума ЦК. На этом заседании присутствовали Н. С. Хрущёв, Н. А. Булганин, В. М. Молотов, Г. М. Маленков, Л. М. Каганович, К. Е. Ворошилов и М. Г. Первухин, а отсутствовали два члена Президиума ЦК — М. А. Суслов и А. И. Кириченко. Что касается М. З. Сабурова и А. И. Микояна, то информация не совсем ясная. Например, Р. А. Медведев³⁶⁹ утверждает, что на этом заседании не было А. И. Микояна, а Р. Г. Пихоя и

Н. А. Зенькович³⁷⁰, сославшись на позднее выступление Н. С. Хрущёва, напротив, к числу отсутствующих отнесли М. З. Сабурова. Кроме того, по информации того же Р. Г. Пихои, на этом заседании отсутствовали трое из семи кандидатов в члены Президиума ЦК — Н. М. Шверник, Н. А. Мухитдинов и Ф. Р. Козлов, — а также трое из восьми секретарей ЦК — А. Б. Аристов, Н. И. Беляев и П. Н. Поспелов. Однако, судя по мемуарам Н. А. Мухитдинова, он не только присутствовал на этом заседании, но даже оставил очень ценные свидетельства о его ходе³⁷¹. Также не вполне понятна ситуация и с маршалом Г. К. Жуковым, который буквально накануне по указанию Н. А. Булганина выехал на военные учения в район Солнечногорска³⁷². В тот же день он вернулся в Москву, однако, вероятнее всего, на утреннее заседание Президиума ЦК сильно запоздал.

Используя это заседание, которое формально было созвано для согласования ряда выступлений членов Президиума ЦК на предстоящем праздновании 250-летия Ленинграда, «заговорщики» решили окончательно «закрыть вопрос по Хрущёву». В самом начале заседания, взяв слово по ведению, Г. М. Маленков предложил передать это право маршалу Н. А. Булганину, а затем подверг очень резкой критике всю работу Н. С. Хрущёва на посту Первого секретаря ЦК и предложил отрешить его от этой должности. Его сразу поддержали и другие члены высшего руководства, особенно В. М. Молотов и Л. М. Каганович. Стало очевидным, что большинство членов Президиума ЦК, обладавших правом решающего голоса, принадлежали к явным противникам Первого секретаря, поэтому чисто арифметически их голосов вполне хватало для принятия этого решения. Его можно было бы принять в течение считанных минут, тем более при наличии кворума. Однако маршал Н. А. Булганин почему-то повёл это заседание очень нерешительно и согласился перенести его на следующий день, с тем чтобы к «благородному собранию» смогли присоединиться и все остальные члены и кандидаты в члены Президиума и Секретариата ЦК.

Именно тогда у Н. С. Хрущёва и его сторонников появился призрачный шанс на успех, и они в полной мере воспользовались им. Вечером того же дня ряд сторонников Н. С. Хрущёва, в частности М. А. Суслов, Г. К. Жуков, Е. А. Фурцева и Н. А. Мухитдинов, были приглашены в его рабочий кабинет, где приняли решение ни в коем случае «не сдаваться», идти ва-банк и срочно собирать Пленум ЦК. При этом маршал Г. К. Жуков предложил ещё более решительный и апробированный ранее вариант решения данной проблемы — арестовать противников Н. С. Хрущёва точно так же, как в июне 1953 года был арестован Л. П. Берия. Его сразу поддержала Е. А. Фурцева. Однако столь радикальный вариант был с ходу отвергнут М. А. Сусловым, которого активно поддержал Н. С. Хрущёв. Позднее в хрущёвский кабинет заявился и глава КГБ генерал армии И. А. Серов, с которым, вероятно, решались уже сугубо «технические вопросы».

Утром 19 июня возобновилось заседание Президиума ЦК, на котором в поддержку Г. М. Маленкова, вновь выступившего с разгромной речью в адрес Н. С. Хрущёва, высказались большинство старых членов высшего партийного ареопага: В. М. Молотов, Н. А. Булганин, Л. М. Каганович, К. Е. Ворошилов, М. Г. Первухин и М. З. Сабуров. Причём давний хрущёвский соратник, по сути давший старт всей его карьере, Лазарь Моисеевич Каганович не только разнёс хрущёвский лозунг «догнать и перегнать Америку», но и первым предложил упразднить пост Первого секретаря ЦК. Казалось, дело было решено, но в защиту Первого секретаря «ринутись» три других члена Президиума ЦК — А. И. Микоян, М. А. Суслов и А. И. Кириченко. Их

поддержали и практически все кандидаты в члены Президиума ЦК, в том числе А. Б. Аристов, Ф. Р. Козлов, Е. А. Фурцева и внезапно заболевший Л. И. Брежнев, приславший коротенькое письмо в защиту Н. С. Хрущёва. Однако совершенно неожиданно, повторно взяв слово, в поддержку старейших членов высшего руководства страны выступил секретарь ЦК Д. Т. Шепилов, который считался прямой хрущёвской креатурой.

Как уже было сказано выше, голосов полноправных членов Президиума ЦК, наделённых правом не только выступать, но и принимать решения, вполне хватило бы, чтобы снять Н. С. Хрущёва с должности Первого секретаря ЦК и избрать на этот пост В. М. Молотова. Поэтому Н. А. Булганин поставил вопрос на голосование и получил искомое большинство в семь голосов. Сам Н. С. Хрущёв, естественно, не голосовал, как и три его сторонника, которые, правда, просто отмолчались. В результате было принято решение подготовить проект Постановления Президиума ЦК по данному вопросу и принять его утром следующего дня на новом заседании высшего партийного ареопага. Но совершенно неожиданно в развитие ситуации вмешалась большая группа членов ЦК, которые без приглашения явились на заседание Президиума и потребовали встречи с его членами для разъяснения возникшей ситуации. Каковы были численность и состав этой группы, непонятно до сих пор, хотя, как утверждает Н. А. Зенькович³⁷³, в бывшем архиве ЦК КПСС на излёте советской эпохи он обнаружил два очень любопытных документа, на которых не были указаны даты. Оба эти документа были озаглавлены совершенно одинаково: «В Президиум ЦК КПСС». Да и сами тексты этих писем, за исключением ряда стилистических моментов, были практически идентичны, «как будто писались одним автором», возможно заведующим Общим отделом ЦК В. Н. Малиным, который по поручению Н. С. Хрущёва и готовил предстоящий Пленум ЦК.

Текст этих документов был таков: «Нам, членам ЦК КПСС, стало известно, что Президиум ЦК непрерывно заседает. Нам также известно, что вами обсуждается вопрос о руководстве Центральным Комитетом и руководстве Секретариатом. Нельзя скрывать от членов Пленума такие важные для всей нашей партии вопросы. В связи с этим мы, члены ЦК КПСС, просим срочно созвать Пленум ЦК и вынести этот вопрос на обсуждение Пленума. Мы, члены ЦК, не можем стоять в стороне от вопросов руководства нашей партией».

Под первым письмом стояли подписи 48, а под вторым — 28 членов и кандидатов в члены ЦК. Если Н. А. Зеньковичу наконец-то удалось исполнить свою давнюю «студенческую мечту» и установить персональный состав этой «группы членов ЦК», пошедшей против воли «кремлёвских небожителей», то нам удалось установить, who is who в этой «группе». Итак, во-первых, оба письма были подписаны доминирующей группой «региональных партийных баронов»: первыми секретарями ЦК Компартии Белоруссии К. Т. Мазуровым, Приморского и Краснодарского крайкомов Т. Ф. Штыковым и Д. С. Полянским и Астраханского (И. П. Ганенко), Брянского (А. У. Петухов), Великолукского (И. П. Тур), Вологодского (И. С. Латунов), Воронежского (А. М. Школьников), Горно-Алтайского (Н. М. Киселёв), Горьковского (Н. Г. Игнатов), Ивановского (Ф. Е. Титов), Калужского (С. О. Постовалов), Калининского (Ф. С. Горячев), Калининградского (В. Е. Чернышёв), Карельского (Л. И. Лубенников), Кировского (А. П. Пчеляков), Куйбышевского (М. Т. Ефремов), Липецкого (К. П. Жуков), Молотовского (А. И. Струев), Московского (И. В. Капитонов), Новгородского (Т. И. Соколов), Новосибирского (Б. И. Дерюгин),

Орловского (В. С. Марков), Псковского (М. Я. Канунников), Рязанского (А. Н. Ларионов), Саратовского (Г. А. Денисов), Свердловского (А. П. Кириленко), Смоленского (П. И. Доронин), Сталинградского (И. К. Жегалин), Татарского (С. Д. Игнатьев), Томского (И. Т. Марченко), Тульского (А. И. Хворостухин), Ульяновского (И. П. Скулков) и Челябинского (Н. В. Лаптев) обкомов партии. Кроме того, эти письма подписали ряд высокопоставленных сотрудников аппарата ЦК: заведующий Отделом партийных органов ЦК КПСС по РСФСР В. М. Чураев и заведующий Сельскохозяйственным отделом ЦК по РСФСР В. П. Мыларщиков, а также два заместителя председателя КПК при ЦК КПСС П. Т. Комаров и И. П. Бойцов и член КПК П. Н. Алфёров. Таким образом, добрую половину всех подписантов составили 39 высокопоставленных представителей партийной номенклатуры.

Далее шла большая группа членов союзного правительства, в частности председатель Госплана СССР И. И. Кузьмин и три его заместителя В. П. Зотов, М. В. Хруничев и В. В. Мацкевич, министр иностранных дел А. А. Громыко, два его первых заместителя Н. С. Патоличев и В. В. Кузнецов, «рядовой» заместитель В. С. Семёнов и член коллегии МИД И. К. Замчевский, министр внутренних дел Н. П. Дудоров, министры оборонной, авиационной, химической и лесной промышленности Д. Ф. Устинов, П. В. Дементьев, С. М. Тихомиров и Г. М. Орлов и министры высшего образования и культуры В. П. Елютин и Н. А. Михайлов, а также два председателя Государственных комитетов по строительству и по вопросам труда и заработной платы В. А. Кучеренко и А. П. Волков. К этой же группе примыкали и три российских министра: заместители председателя Совета Министров РСФСР М. А. Яснов и Н. К. Байбаков и министр сельского хозяйства РСФСР И. А. Бенедиктов. Всего 21 человек.

Довольно внушительно выглядел и так называемый «силовой блок» подписантов, среди которых были Генеральный прокурор СССР Р. А. Руденко, председатель КГБ И. А. Серов, председатель Спецкомитета В. М. Рябиков, два первых заместителя министра обороны — начальник Генштаба ВС маршал В. Д. Соколовский и главком ОВС ОВД маршал И. С. Конев,— «рядовой» заместитель министра обороны и главком Сухопутных войск маршал Р. Я. Малиновский, а также командующий войсками Московского военного округа маршал К. С. Москаленко.

Отдельную группу подписантов составляли столичные начальники, в том числе председатели исполкомов Моссовета и Мособлсовета Н. И. Бобровников и Н. Ф. Игнатов и председатели Московского городского и областного СНХ К. Д. Петухов и А. И. Костоусов. Наконец, свои подписи поставили президент и вице-президент ВАСХНИЛ академики П. П. Лобанов и Д. Д. Брежнев, главный редактор журнала «Коммунист» А. М. Румянцев и Первый секретарь ЦК ВЛКСМ А. Н. Шелепин.

Анализируя этот перечень подписантов, можно сделать как минимум два важных вывода. Во-первых, ставка Н. С. Хрущёва на «секретарский корпус» страны полностью себя оправдала,

поскольку, защищая его, они защищали и свои сугубо шкурные интересы. И, во-вторых, важной опорой Н. С. Хрущёва в борьбе за единоличную власть стала не только украинская парторганизация, на чём вполне обоснованно настаивают целый ряд историков, в частности профессор А. В. Пыжиков³⁷⁴, но и российский корпус первых секретарей крайкомов и обкомов партии.

Кто конкретно из такой внушительной группы подписантов, составлявших почти треть всего состава ЦК, заявился в Кремль и потребовал встречи с членами Президиума ЦК, не совсем ясно. Также не вполне ясно и то, кто же вышел на

переговоры с этими 10 или 20 членами ЦК³⁷⁵, поскольку разные историки и мемуаристы называют имена Н. С. Хрущёва, К. Е. Ворошилова, Н. А. Булганина, А. И. Микояна и даже Н. М. Шверника. Вместе с тем хорошо известно, что в разговор, а затем и в перепалку с ними вступили И. С. Конев, Н. П. Дудоров, И. А. Серов, Н. Г. Игнатов и А. Н. Шелепин. Сначала разговор шёл явно на повышенных тонах, но затем страсти постепенно улеглись и группа «заговорщиков» дала «задний ход». Все историки особо отмечают, что во всей этой истории с экстренным созывом внеочередного Пленума ЦК чрезвычайно важную и активную роль сыграл высший генералитет, прежде всего маршалы Г. К. Жуков и И. С. Конев, а также генерал армии И. А. Серов. Именно их волей и усилиями военнотранспортная авиация перебросила в Москву практически всех участников Пленума ЦК. Уже к вечеру 21 июня в столице собрались 215 из 247 членов и кандидатов в члены ЦК и 51 из 62 членов ЦРК. Именно это обстоятельство и позволило уже днём 22 июня открыть работу внеочередного Пленума ЦК, продолжавшегося целую неделю, вплоть до 29 июня 1957 года.

По вполне понятным обстоятельствам в советской историографии изучение истории июньского Пленума ЦК находилось под тотальным запретом. Однако на излёте советской эпохи ситуация резко поменялась. Сначала свет увидели мемуары главных фигурантов тех событий: Н. С. Хрущёва, В. М. Молотова, Л. М. Кагановича, А. И. Микояна и других. А затем, как сор из рваного мешка, посыпались всевозможные публикации статей и даже целых книг, в которых с разной степенью фантазии и достоверности описывались события тех по праву судьбоносных дней. Наконец, в 1998 году под редакцией главного творца и идеолога горбачёвской перестройки г-на А. Н. Яковлева его личный фонд под звонким трендом «Демократия» опубликовал толстенный том стенограммы этого Пленума ЦК под броским заголовком «Молотов, Маленков, Каганович. 1957. Документы»³⁷⁶. Думаю, что по этой причине нет особой надобности детально пересказывать ход этого партийного форума, однако на ключевых моментах его работы всё же следует остановиться.

Итак, сразу после открытия дневного заседания председательствующий на нём Н. С. Хрущёв предоставил слово трём «забойным» ораторам: секретарю ЦК М. А. Суслову, министру обороны Г. К. Жукову и министру внутренних дел Н. П. Дудорову. Именно их выступления, особенно маршала Г. К. Жукова, с самого начала задали весь разнузданный тон работе Пленума ЦК. М. А. Суслов, выступавший первым, изложил участникам высокого собрания официальную версию всех последних событий, резко раскритиковал поведение и речи Г. М. Маленкова, В. М. Молотова, Л. М. Кагановича и «примкнувшего к ним» Д. Т. Шепилова, поведение М. З. Сабурова при появлении членов ЦК, а также впервые применил по отношению к хрущёвским оппонентам убойный термин «групповщина», который в ходе самого Пленума его же стараниями очень быстро трансформировался в куда более грозный политический ярлык — «антипартийная фракционная группа». Что касается выступлений Г. К. Жукова и Н. П. Дудорова, которые держали свои речи вслед за М. А. Сусловым, то они, заранее вооружившись «расстрельными списками», сконцентрировали всё внимание участников Пленума ЦК на личной ответственности В. М. Молотова, Л. М. Кагановича и Г. М. Маленкова за организацию массовых довоенных репрессий, в том числе «избиение лучших военных кадров» и фабрикацию «Дела Тухачевского», за послевоенный разгул политических репрессий и особенно фабрикацию

«Ленинградского дела» и «Дела Госплана», а также за многолетнюю дружбу с кровавым палачом Л. П. Берией и т. д.

Получив столь мощную и открытую поддержку со стороны трёх первых выступающих, Н. С. Хрущёв моментально перешёл в атаку и превратил все заседания Пленума ЦК в откровенное, а местами просто хулиганское избиение В. М. Молотова, Г. М. Маленкова, Л. М. Кагановича и других членов высшего партийного ареопага, которых по старой партийной традиции сразу обвинили в создании «антипартийной фракционной группировки». При этом все, даже очень робкие попытки, особенно со стороны В. М. Молотова и Д. Т. Шепилова, перевести весь этот непристойный, а временами откровенно базарно-хамский шабаш в серьёзный конструктивный разговор по существу и обсудить важные проблемы «коллективного руководства», хрущёвский экономический курс, управленческие реформы последних двух лет, крупные внешнеполитические инициативы и, наконец, порочный стиль и чисто волюнтаристские методы руководства и принятия решений лично Н. С. Хрущёвым ни к чему не привели.

Целую неделю в ходе всех 12 заседаний Пленума ЦК непрерывным потоком лилась грязь на хрущёвских оппонентов. Создаётся устойчивое впечатление, что сам Н. С. Хрущёв, бывший главным режиссёром-постановщиком всего этого спектакля, буквально купался в мутном потоке оскорблений, унижений, лжи и хамства, получая истинное наслаждение от всего происходящего в Свердловском зале Кремля.

В ходе работы Пленума ЦК, помимо членов «антипартийной группы» и её покаявшихся «приспешников», выступили или прислали свои выступления 85 членов и кандидатов в члены ЦК. Все они, среди которых были многие из тех, кто подписал вышеупомянутые письма «В Президиум ЦК КПСС», гневно, но с разной степенью культуры заклеили «позором и всякими нехорошими словами» всех членов фракционной «антипартийной группы». Увы, но к хору этих злобных критиканов добавились и вчерашние противники Н. С. Хрущёва: К. Е. Ворошилов, Н. А. Булганин, М. Г. Первухин и М. З. Сабуров, — которые постоянно каялись и «посыпали свои головы пеплом», заявляя о том, что «их попутал бес» и что всё произошедшее стало «хорошим уроком для них на всю жизнь». По сути дела, только два человека — В. М. Молотов и Д. Т. Шепилов, — не поддавшись всеобщему угару непристойного хамства, лизоблюдства и мракобесия и не признав абсолютно дурацкие обвинения в свой адрес, в том числе в создании «антипартийной группы», сохранили своё человеческое достоинство и лицо.

29 июня 1957 года Пленум ЦК единогласно, «при одном воздержавшемся — в лице т. Молотова» принял Постановление ЦК «Об антипартийной группе Маленкова Г. М., Кагановича Л. М., Молотова В. М.»³⁷⁷, состоящее всего из четырёх пунктов, два из которых носили закрытый характер, не предназначенный для печати. В первых двух (открытых) пунктах этого Постановления содержались следующие важные решения: «1) Осудить как не совместимую с ленинскими принципами нашей партии³⁷⁸ фракционную деятельность антипартийной группы Маленкова, Кагановича, Молотова и примкнувшего к ним Шепилова. 2) Вывести из состава членов Президиума ЦК и из состава ЦК тт. Маленкова, Кагановича и Молотова; снять с поста секретаря ЦК КПСС и вывести из состава кандидатов в члены Президиума ЦК и из состава членов ЦК т. Шепилова».

Понятно, что три старейших члена высшего руководства страны уже давно были костью в горле у Н. С. Хрущёва, поскольку при них он никогда не смог бы

реализовать свою вождленную мечту единолично лидерства в партии и государстве. А вот «примкнувший к ним Шепилов» стал жертвой банальной хрущёвской мести — тот не простил ему предательства в столь опасный и судьбоносный для него момент жизни. Третий пункт этого Постановления гласил: «3) Принимая во внимание, что тт. Булганин,

Первухин и Сабуров, проявившие политическую неустойчивость, выразившуюся в поддержке ими на определённом этапе антипартийной фракционной группы, в ходе Пленума ЦК осознали свои ошибки, осудили их и помогли Пленуму ЦК разоблачить фракционную деятельность группы, Пленум ЦК считает возможным ограничиться следующими мерами: объявить т. Булганину строгий выговор с предупреждением, перевести т. Первухина из членов Президиума ЦК в состав кандидатов в члены Президиума ЦК, вывести т. Сабурова из состава членов Президиума ЦК». Наконец, в четвёртом пункте Постановления «признавалась необходимость обратиться от имени Пленума ЦК КПСС с закрытым письмом к партийным организациям, ко всем членам и кандидатам в члены КПСС и утвердить текст» этого письма.

Это «Письмо ЦК КПСС к партийным организациям, ко всем членам и кандидатам в члены КПСС «Об антипартийной группе Маленкова Г. М., Кагановича Л. М., Молотова В. М.»³⁷⁹, которое носило более подробный характер, было также единогласно принято Пленумом ЦК и сразу разослано Общим отделом ЦК во все рескомы, крайкомы и обкомы партии. Причём, что любопытно, о главе советского государства маршале К. Е. Ворошилове в этих документах вообще ничего не говорилось, хотя ему не раз пришлось каяться на этом Пленуме ЦК и посыпать свою старую голову пеплом.

Что касается самой «антипартийной группы», то уже в августе 1957 года всех её членов сослали подальше от Москвы: В. М. Молотов уехал послом в монгольский Улан-Батор, Г. М. Маленков — в Казахстан, директорствовать на Усть-Каменогорской ГЭС, Л. М. Каганович — в Свердловск, управляющим трестом «Союзасбест», а Д. Т. Шепилов — во Фрунзе, на должность директора Института экономики Академии наук Киргизской ССР.

По мнению большинства авторов (Р. Г. Пихоя, А. И. Вдовин, Ю. В. Аксютин, А. В. Пыжиков, Ю. В. Емельянов, А. В. Сушков, С. С. Войтиков³⁸⁰), именно такой характер Постановления Пленума ЦК и аналогичного «Письма ЦК КПСС» во многом определялся исключительно тактическими соображениями и личным желанием Н. С. Хрущёва скрыть истинный масштаб возникшей оппозиции его политико-экономическому курсу и хамских методов работы внутри Президиума ЦК, поскольку вскоре все фигуранты этого «заговора», за исключением совершенно безобидного маршала К. Е. Ворошилова, давным-давно потерявшего какой-либо политический вес, окончательно лишатся всех своих высших партийно-государственных постов.

Естественно, на этом Пленуме был обновлён состав руководящих органов. Помимо самого Н. С. Хрущёва, К. Е. Ворошилова, Н. А. Булганина, М. А. Суслова, А. И. Кириченко и А. И. Микояна, полноправными членами Президиума ЦК стали самые активные сторонники Первого секретаря: во-первых, перешедшие из статуса кандидатов Н. М. Шверник, Г. К. Жуков, Л. И. Брежнев, Ф. Р. Козлов и Е. А. Фурцева и, во-вторых, разом миновавшие традиционный «кандидатский предбанник» три секретаря ЦК — А. Б. Аристов, Н. И. Беляев и О. В. Куусинен, также только что избранный в состав обновлённого Секретариата ЦК, и, что особо примечательно, первый секретарь Горьковского обкома Н. Г. Игнатов. Наконец сильно поредевший

состав кандидатов в члены Президиума ЦК, в котором временно остался один Н. А. Мухитдинов, пополнили секретарь ЦК П. Н. Поспелов, зампредседателя Совета Министров СССР М. Г. Первухин и А. Н. Косыгин, первые секретари ЦК Компартий Белоруссии, Латвии и Грузии К. Т. Мазуров, Я. Э. Калнберзин и В. П. Мжаванадзе, председатель Президиума Верховного Совета Украинской ССР Д. С. Коротченко и первый секретарь Свердловского обкома партии А. П. Кириленко. Причём, как верно подметил тот же А. В. Сушков, впервые за всю историю партии все секретари ЦК, за исключением П. Н. Поспелова, одновременно стали и полноправными членами Президиума ЦК³⁸¹. Кроме того, по его же мнению, вторым человеком во всей партийно-государственной иерархии стал Михаил Андреевич Суслов, который с июля 1955 стал вести все заседания Секретариата, а даже иногда и Президиума ЦК. Третью же позицию в секретарском корпусе прочно занял Николай Ильич Беляев, который, будучи активным сторонником «целинной эпопеи», отвечал за всё сельское хозяйство страны. Хотя, впрочем, уже в конце 1957 года позиции Н. И. Беляева стали резко ослабевать и новым хрущёвским фаворитом становится Аверкий Борисович Аристов, который на том же июньском Пленуме ЦК избирается замом Н. С. Хрущёва по Бюро ЦК КПСС по РСФСР.

Возникает вполне законный вопрос: почему Н. С. Хрущёв пошёл на столь беспрецедентное расширение руководящих органов ЦК и даже ввёл в состав Президиума ЦК КПСС двух «обкомовских» секретарей — Н. Г. Игнатова и Ф. Р. Козлова? Вряд ли это было только благодарностью за столь активную поддержку в борьбе с «антипартийной группой». Также вряд ли это можно объяснить «возрастанием руководящей роли партии в коммунистическом строительстве», «усилением политической роли центральных органов партии и укреплением принципов коллективизма в их работе», как утверждалось в советской историографии. Скорее всего, как справедливо указал А. В. Сушков, данное решение во многом диктовалось необходимостью последующего (а мы добавим: и не столь «заметного») вывода из Президиума ЦК всех оставшихся в его составе политических оппонентов Н. С. Хрущёва, прежде всего «паркетного маршала» Н. А. Булганина.

Надо сказать, что в отечественной историографии, особенно либерального толка (Р. А. Медведев, Ю. В. Аксютин, Р. Г. Пихоя, Е. Ю. Зубкова³⁸²), давно сложилось устоявшееся мнение, что разгром «антипартийной группировки» означал отстранение от власти откровенных реваншистов, выступавших за полную реабилитацию И. В. Сталина и его политического курса. Однако, как нам кажется, эта довольно примитивная и явно ангажированная трактовка тех событий мало согласуется с реальным положением вещей. Все члены «антипартийной группы», прежде всего Г. М. Маленков и Д. Т. Шепилов, всегда и довольно последовательно выступали за сохранение прежних принципов «коллективного руководства» и против создания нового «культа личности», в данном случае Н. С. Хрущёва, который по всем своим личным и политическим качествам уж точно никак не мог претендовать на сталинскую роль. Кроме того, они были принципиальными противниками его откровенно хамских методов и нервозно-крикливого стиля работы, которые очень часто доходили до личных оскорблений почти всех членов Президиума и Секретариата ЦК и других ответственных работников.

Кроме того, мы хотим обратить особое внимание ещё на два принципиально важных момента. Во-первых, в последнее время многие историки (Р. Г. Пихоя, А. В. Пыжиков, Ю. Н. Жуков, А. В. Сушков³⁸³) вполне справедливо заявили о том, что

«едва ли не самым главным результатом этого Пленума ЦК стала окончательная победа аппарата ЦК над государственными структурами», и именно с этого момента Секретариат ЦК и отраслевые отделы и сектора ЦК получили всю полноту реальной власти в стране, которую сохранили вплоть до излёта горбачёвской перестройки. Более того, как очень верно подметил профессор А. В. Пыжиков, начиная с июньского Пленума ЦК в Президиуме, а затем и в Политбюро ЦК стали явно преобладать партийные работники. Достаточно сказать, что из 15 членов обновлённого состава Президиума ЦК 11 членов — Н. С. Хрущёв, А. Б. Аристов, Н. И. Беляев, Л. И. Брежнев, Н. Г. Игнатов, А. И. Кириченко, Ф. Р. Козлов, О. В. Куусинен, М. А. Суслов, Е. А. Фурцева и Н. М. Шверник — представляли Секретариат ЦК и важнейшие региональные партийные структуры, а на первых ролях «секретарского корпуса» страны постепенно, но неуклонно и очень основательно стала укрепляться украинская партбюрократия, на которую и делал ставку сам Н. С. Хрущёв. Мы же добавим от себя, что совершенно аналогичная картина наблюдалась и среди кандидатов в члены Президиума ЦК, где 6 из 9 человек — П. Н. Поспелов, К. Т. Мазуров, Н. А. Мухитдинов, В. П. Мжаванадзе, Я. Э. Калнберзин и А. П. Кириленко — также являлись крупными партийными работниками.

Вскоре после окончания Пленума 4 июля Президиум ЦК по предложению Н. С. Хрущёва утвердил и новый состав Президиума Совета Министров СССР, куда вошли глава правительства Н. А. Булганин, три его заместителя — А. И. Микоян, А. Н. Косыгин и И. И. Кузьмин — и четыре «рядовых» члена — сам Н. С. Хрущёв, председатель Госкомитета по делам строительства В. А. Кучеренко, заместитель главы Госэкономкомиссии СССР М. В. Хруничев и заместитель председателя Госплана СССР, министр сельского хозяйства В. В. Мацкевич. Одновременно из состава Президиума вывели М. Г. Первухина и М. З. Сабурова, которых назначили руководить Госкомитетом по внешним экономическим связям в качестве председателя и его первого зама³⁸⁴. При этом, по словам А. В. Сушкова, в составе самого Совмина СССР не осталось теперь ни одного первого заместителя его главы, что лишний раз свидетельствовало о резком перемещении центра власти «из правительственных структур в партийные, а именно — в Секретариат ЦК КПСС». Хотя при этом А. И. Микоян де-факто был первым замом Н. А. Булганина, поскольку именно тогда был введён в состав Совета обороны СССР.

Совершенно очевидно, и об этом говорят многие историки (В. П. Наумов, М. С. Восленский, А. В. Пыжиков, В. Н. Шевелев, Е. Ю. Зубкова, Р. А. Медведев, Р. Г. Пихоя, А. В. Сушков³⁸⁵), что июньский Пленум ЦК стал своеобразным «политическим рубиконом» в истории «хрущёвской слякоти». Однако дальше наблюдаются значительные расхождения в оценке его истинных последствий. Так, В. П. Наумов и В. Н. Шевелев, как и большинство зарубежных советологов, утверждают, что в борьбе за лидерство в партии Н. С. Хрущёв одержал полную победу и «партия тоталитарного типа обрела своего единственного вождя», что «поражение антипартийной группировки окончательно расчистило ему путь к самовластному правлению» и в итоге он «обрёл безраздельную и никому не подконтрольную власть». Их же оппоненты — М. С. Восленский и А. В. Сушков — говорят о том, что, хотя Н. С. Хрущёв и одержал очень важную победу, он тем не менее так и не обрёл бесконтрольной единоличной власти и был критически зависим от разных «групп влияния», прежде всего в самом Президиуме ЦК. Вместе с тем, как полагает тот же А. В. Сушков, именно с этого момента вплоть до отставки Н. С. Хрущёва в высших

эшелонов власти довольно чётко просматривались: 1) преобладание в составах Президиума и Секретариата ЦК, а также Президиума Совета Министров СССР его прямых выдвиженцев и 2) существенное ослабление коллегиальности в деятельности Президиума ЦК с ярко выраженной властной дифференциацией среди его членов.

Между тем в конце августа 1957 года под шумок внутриэлитных разборок было ликвидировано и грозное Министерство госконтроля СССР — последняя «молотовская вотчина», — взамен которого была создана аморфная Комиссия советского контроля при Совете Министров СССР, которую возглавил первый секретарь упразднённого Каменского обкома Георгий Васильевич Енютин, немало лет проработавший в украинской парторганизации с Л. И. Брежневым и Н. С. Хрущёвым.

Следующей жертвой неуёмного стремления Н. С. Хрущёва к единоличной и бесконтрольной власти стал не менее амбициозный маршал Г. К. Жуков. Став полноправным членом Президиума ЦК, он оказался не просто главой самого мощного военного ведомства, но и крупной политической фигурой в высшем партийно-государственном руководстве страны. Вполне возможно, что сам Г. К. Жуков в условиях крайне шаткого положения маршала Н. А. Булганина на посту председателя Совета Министров СССР рассчитывал сесть на его место с учётом того обстоятельства, что именно он сыграл решающую роль на стороне Н. С. Хрущёва в июньских сражениях за власть. При этом его сугубо военная карьера не имела особого значения, поскольку его предшественники на посту руководителя военного ведомства страны — маршалы Н. А. Булганин и К. Е. Ворошилов — до сих пор занимали высшие государственные посты. Кроме того, перед глазами маршала Г. К. Жукова стоял и очень показательный пример его давнего боевого товарища и личного друга — бывшего Главкома союзными экспедиционными войсками в Западной Европе генерала армии Дуайта Эйзенхауэра, который ещё в январе 1952 года занял пост президента США. Кстати, последняя дружеская встреча между ними состоялась 20 июля 1955 года на официальном ужине во время работы Женевской конференции руководителей великих держав³⁸⁶.

Все эти обстоятельства, помноженные на известные колебания Г. К. Жукова во время его тайных переговоров с Г. М. Маленковым и В. М. Молотовым перед июньским Пленумом ЦК, когда он предложил «обсудить вопрос о замене поста Первого секретаря ЦК постом секретаря ЦК по общим вопросам», его особая активность на самом июньском Пленуме, где он потребовал привлечь не только к политической, но и к уголовной ответственности всех виновных в политических репрессиях, а также нарастающий конфликт с руководством ВПК, прежде всего М. В. Хруничевым и Д. Ф. Устиновым, по проблемам новых вооружений и стали главными причинами устранения маршала Г. К. Жукова с политической арены страны³⁸⁷. А удобным предлогом для этой расправы над амбициозным и решительным маршалом стали два хорошо известных обстоятельства: его очень жёсткое противостояние с начальником Главного Политического управления МО СССР генерал-полковником А. С. Желтовым и его прямые указания без согласования с ЦК о формировании бригад особого назначения, отданные им в начале октября 1957 года особо приближённым лицам: начальнику ГРУ Генштаба генерал-полковнику М. С. Штеменко и главе Центра особого назначения ГРУ генерал-лейтенанту Х. Д. Мамсурову.

3 октября 1957 года Г. К. Жуков вылетел в Севастополь и вечером того же дня на крейсере «Куйбышев» отбыл с официальным визитом в Тирану и Белград, где пробыл

без малого целый месяц, вплоть до 26 октября. Отъезд министра обороны оказался очень кстати, и Н. С. Хрущёв решил действовать. По его указанию раньше установленного срока были начаты учения войск Киевского военного округа, общее руководство которыми осуществлял замминистра обороны, главком Сухопутных войск маршал Р. Я. Малиновский. По давно заведённой традиции на эти военные учения прибыли практически все члены и кандидаты в члены Президиума ЦК, все заместители министра обороны, главкомы видов и родов войск, командующие всех военных округов, групп войск и флотов. Воспользовавшись этим обстоятельством, Н. С. Хрущёв поручил М. А. Суслову, Л. И. Брежневу, А. Б. Аристову и ряду других членов высшего руководства прозондировать почву и выяснить реальные настроения всего маршалитета и генералитета относительно возможной отставки маршала Г. К. Жукова с его поста. Получив информацию о том, что высший генералитет, уже порядком уставший от самодурства и грубостей маршала Г. К. Жукова, вовсе не прочь поддержать эту отставку, он окончательно принял решение готовить очередной организационный Пленум ЦК.

17 октября 1957 года прошло заседание Президиума ЦК³⁸⁸, на котором был заслушан доклад начальника Главпура генерал-полковника А. С. Желтова, в котором он, кстати, вполне справедливо³⁸⁹ обвинил министра обороны в том, что тот: 1) «принижает роль партийных органов», а Главпур постоянно «ограничивает в его деятельности», 2) неоднократно грозитя свести роль всех Военных советов видов и родов Вооружённых сил, военных округов, групп войск и армий к совещательным органам при командующих, 3) проявляет к нему личную неприязнь и запрещает без его разрешения выезжать в войска и т. д. Казалось бы, это сумбурное выступление, за которым, без сомнения, стоял лично Н. С. Хрущёв, не вызовет каких-либо серьёзных возражений. Однако не тут-то было. Совершенно неожиданно с критикой данного доклада выступили маршалы И. С. Конев и Р. Я. Малиновский, с которыми у Г. К. Жукова были давние и очень непростые отношения. Более того, с критикой А. С. Желтова выступил и «первый красный офицер» маршал К. Е. Ворошилов, который, правда, упрекнул и Г. К. Жукова в том, что он «взял совершенно неправильную линию». Однако последнее слово осталось всё же за Н. С. Хрущёвым, и по его указанию для «изучения доклада» была создана специальная Комиссия ЦК в составе М. А. Суслова (глава), Ф. Р. Козлова, А. П. Кириленко, Е. А. Фурцевой, Н. А. Мухитдинова, В. П. Мжаванадзе, Я. Э. Калнберзина, Р. Я. Малиновского, И. С. Конева и А. С. Желтова, которой было поручено «разработать проект Постановления ЦК об улучшении партийно-политической работы в Советской армии и флоте». 19 октября данный проект был одобрен, а 22-23 октября 1957 года во всех 14 военных округах прошли собрания армейских партийных активов, в которых приняли участие многие члены и кандидаты в члены Президиума ЦК. Так, А. И. Кириченко выступил на партактивах Киевского военного округа и Черноморского флота, А. И. Микоян — Северо-Кавказского и Одесского, Ф. Р. Козлов — Ленинградского, Н. И. Беляев — Приволжского, К. Т. Мазуров — Белорусского, Н. М. Шверник — Воронежского, Л. И. Брежнев — Дальневосточного, Я. Э. Калнберзин — Прибалтийского, Н. А. Мухитдинов — Туркестанского и В. П. Мжаванадзе — Закавказского округов³⁹⁰. Сам же Н. С. Хрущёв выступил на собрании объединённого партактива Министерства обороны СССР, Московского военного округа и Московского округа ПВО, где среди прочих прегрешений обвинил маршала Г. К. Жукова в том, что он хотел

ликвидировать Высший военный совет при Совете обороны СССР, «все вопросы которого решаются в ЦК»³⁹¹.

25 октября началась решающая стадия «заговора» против Г. К. Жукова. В этот день Президиум ЦК принял решение о проведении Пленума ЦК, утвердил основным докладчиком секретаря ЦК М. А. Суслова и поручил комиссии в составе Л. И. Брежнева, П. Н. Поспелова, И. С. Конева, Р. Я. Малиновского и А. С. Желтова «подготовить проект закрытого письма... к войнам доблестных Вооружённых сил Советского Союза».

26 октября 1957 года маршал Г. К. Жуков, который через начальника ГРУ генерал-полковника С. М. Штеменко был уже в курсе всех последних событий в Москве, вернулся из Тираны домой. О том, что далее произошло во Внуково, где находился правительственный аэропорт, не вполне ясно. Одни авторы (В. Г. Краснов, С. С. Войтиков³⁹²) утверждают, что вопреки официальному протоколу его встречал только маршал И. С. Конев, который сообщил ему, что, не заезжая домой, тот должен сразу проследовать в Кремль на заседание Президиума ЦК. А другие авторы (Б. В. Соколов³⁹³), ссылаясь на записку самого Г. К. Жукова, уверяют, что министра обороны встречал весь высший генералитет, а приглашение на заседание Президиума ЦК он получил от его технического секретаря, заместителя заведующего Общим отделом ЦК В. Н. Чернухи. На заседании Президиума ЦК Н. С. Хрущёв, обвинив Г. К. Жукова в подготовке вооружённого захвата власти³⁹⁴, заявил, что завтра его персональный вопрос будет рассмотрен на Пленуме ЦК. В ответ Г. К. Жуков полностью отнёс все чудовищные обвинения в свой адрес и попросил «назначить комиссию для расследования» всех предъявленных обвинений. Однако, конечно, никакой комиссии никто и не думал создавать, поскольку всё уже было предрешено, в том числе и новая кандидатура на пост министра обороны СССР. Напоследок, перед самым голосованием за Постановление Президиума ЦК по его персоне, Г. К. Жуков спросил у Н. С. Хрущёва, кто же будет назначен вместо него. Тот назвал имя маршала Р. Я. Малиновского, на что Г. К. Жуков парировал: «Я бы предложил Конева».

28-29 октября 1957 года состоялся Пленум ЦК, в официальной повестке дня которого значились два вопроса: «1) Об улучшении партийно-политической работы в Советской армии и флоте (докладчик М. А. Суслов) и 2) о Г. К. Жукове (докладчик Н. С. Хрущёв)»³⁹⁵. После доклада М. А. Суслова, обвинившего министра обороны в главном прегрешении, т. е. в том, что «он присваивает себе функции Центрального Комитета» и «игнорирует ЦК», начались прения, в которых приняли участие 27 ораторов, в том числе ряд членов и кандидатов в члены Президиума ЦК: Н. С. Хрущёв, А. И. Кириченко, О. В. Куусинен, А. И. Микоян, Л. И. Брежнев, Н. Г. Игнатов, Е. А. Фурцева и Э. Я. Калнберзин, Первый секретарь ЦК КП Азербайджана И. Д. Мустафаев, министр оборонной промышленности Д. Ф. Устинов, первые и «рядовые» заместители министра обороны маршалы Советского Союза В. Д. Соколовский, Р. Я. Малиновский, И. С. Конев, К. К. Рокоссовский и С. С. Бирюзов и адмирал флота С. Г. Горшков, командующие Белорусским, Киевским, Северо-Кавказским, Прикарпатским, Ленинградским и Туркестанским военными округами и Южной группой войск маршалы Советского Союза С. К. Тимошенко, В. И. Чуйков и А. И. Ерёменко, генералы армии П. И. Батов, М. В. Захаров, А. А. Лупинский и М. И. Казаков, а также начальник Главпура МО генерал-полковник А. С. Желтов и начальники Политуправлений Киевского ВО и Черноморского флота генерал-лейтенант Н. М. Александров и контр-адмирал Н. А. Торик. Естественно, в «прениях»

принял участие и маршал Г. К. Жуков, дважды выступавший на этом Пленуме ЦК — в самом начале и в самом конце. В конце работы Пленума с большим докладом выступил и сам Н. С. Хрущёв, который, подводя итоги обсуждения, ещё раз указал главную причину устранения строптивного министра обороны: в последнее время, став членом Президиума ЦК, «он по всем вопросам стал давать советы и наставления» и «хотел стать над партией»³⁹⁶.

По итогам состоявшихся «прений» было принято Постановление Пленума ЦК, в котором опальный маршал был конкретно обвинён:

1) В попытке вывода Вооружённых Сил СССР из-под контроля ЦК путём ликвидации Высшего Военного совета при Совете Обороны СССР, в опасных попытках ограничения функций Военных советов военных округов, групп войск, флотов и армий, в «бонапартистских замашках» и сознательном курсе, направленном на сокращение политических органов в армии и на флоте.

2) В стремлении сосредоточить в Министерстве обороны СССР необъятную диктаторскую власть и подчинить лично себе Пограничные войска КГБ СССР и Внутренние войска МВД СССР, а также в создании без санкции ЦК частей специального назначения и Тамбовской диверсионной школы.

3) В насаждении собственного «культа личности» в армии и на флоте, в беспредельной нескромности, тщеславии и непомерном преувеличении своей исключительной роли в Великой Отечественной войне и в разоблачении «антипартийной группировки».

4) В недопустимо жёстком стиле руководства войсками, в высокомерии, самодурстве и грубости по отношению ко всем своим подчинённым, включая высший генералитет страны, «поощрении подхалимов и угодников» и т. д.

В заключительной части этого Постановления содержалось три конкретных пункта: «1) Одобрить Постановление Президиума ЦК КПСС об освобождении т. Жукова Г. К. от обязанностей министра обороны СССР и о назначении министром обороны СССР члена ЦК КПСС т. Малиновского Р. Я. Поручить Секретариату ЦК КПСС предоставить т. Жукову другую работу; 2) Вывести т. Жукова Г. К. из состава членов Президиума ЦК КПСС и членов ЦК КПСС; 3) Поручить Президиуму ЦК КПСС направить Закрытое письмо ЦК КПСС ко всем партийным организациям Советской армии и флота, к партийным организациям предприятий, колхозов, совхозов и учреждений»³⁹⁷.

Кстати, генерал-полковник Сергей Матвеевич Штеменко вновь стал жертвой очередной, но теперь уже жуковской опалы. В начале ноября 1957 года он был снят с должности начальника ГРУ и заместителя начальника Генштаба по разведке и полгода «находился в распоряжении министра обороны СССР». Лишь в мае 1958 года его направили в Куйбышев на заштатную должность первого заместителя командующего Приволжским военным округом, что зримо рушит «антимифологическую» версию Л. М. Млечина, который заявил, что, дескать, наученный горьким опытом с Л. П. Берией, С. М. Штеменко не информировал Г. К. Жукова об октябрьских событиях в Москве³⁹⁸. Её, кстати, ещё больше рушит и известное выступление начальника Генерального штаба маршала В. Д. Соколовского на октябрьском Пленуме ЦК, который дословно заявил следующее: «Возьмите ярчайший пример со Штеменко. Всем известно, кто такой Штеменко, и вдруг такое назначение. Я знаю, что в аппарате ЦК долго этот вопрос не протаскивался, и всё-таки Жуков протаскивал Штеменко, чтобы иметь под руками надёжного и верного

человека». На это Н. С. Хрущёв тут же добавил: «Послушного ему человека»³⁹⁹. Так что господину Л. М. Млечину, прежде чем строить очередные ложные конструкции, не мешало бы для начала просто начать читать архивные документы...

Завершая разговор об очередной аппаратной победе Н. С. Хрущёва в борьбе за единоличную власть, следует сказать ещё о двух важных вещах. Во-первых, несмотря на прямое поручение Секретариату ЦК, маршалу Г. К. Жукову так и не была предоставлена «другая работа». В самом конце февраля 1958 года по поручению Президиума А. И. Кириченко, М. А. Суслов и Н. Г. Игнатов вызвали его в ЦК и «уговорили» написать заявление об отставке, что 28 февраля 1958 года было официально оформлено Постановлением Совета Министров СССР, в соответствии с которым ему установили «денежное содержание в сумме 5,5 тысяч рублей, оклад по воинскому званию и процентную надбавку за выслугу лет»; сохранили «медицинское обслуживание и лечение, оплату и содержание занимаемой квартиры»; и предоставили «легковую автомашину для личного пользования и дачу... с содержанием за счёт Министерства обороны СССР»⁴⁰⁰. И, во-вторых, новый министр обороны маршал Р. Я. Малиновский, в отличие от своего предшественника, так и не был введён в состав членов или кандидатов в члены Президиума ЦК, хотя занимал этот ключевой пост почти десять лет.

Надо сказать, что ряд историков (А. В. Сушков⁴⁰¹) уверяют, что именно после отставки «зарвавшегося бонапартиста» Н. С. Хрущёв намеренно «решил прекратить прежнюю практику введения в состав Политбюро — Президиума ЦК руководителей всех силовых ведомств (министров обороны, внутренних дел, руководителей органов госбезопасности), а также министра иностранных дел СССР, полагая, что в их руках будут сосредотачиваться слишком весомые властные полномочия, а над их деятельностью в Президиуме ЦК КПСС будут довлеть интересы возглавляемых ими ведомств». Однако это не так. Дело в том, что эта практика была де-факто прекращена ещё при жизни И. В. Сталина. Достаточно напомнить, что как раз при нём в состав Политбюро и Президиума ЦК не входили маршалы С. К. Тимошенко и А. М. Василевский, занимавшие пост главы военного ведомства в довоенный и послевоенный периоды, генерал армии В. Н. Меркулов, генерал-полковник В. С. Абакумов и штатский министр С. Д. Игнатьев, возглавлявшие Министерство госбезопасности СССР в 1943-1953 годах, глава Министерства внутренних дел СССР генерал-полковник С. Н. Круглов, занимавший этот пост в 1945-1956 годах, и, наконец, академик А. Я. Вышинский, руководивший Министерством иностранных дел СССР в 1949-1953 годах. Более того, эта практика долгое время сохранялась и при Л. И. Брежневe. Только в 1967 году кандидатом в члены Политбюро ЦК стал новый председатель КГБ СССР Ю. В. Андропов, и лишь в апреле 1973 года он, наряду с министрами обороны и иностранных дел маршалом А. А. Гречко и А.А. Громыко, стал полноправным членом Политбюро ЦК.

Кстати, ровно через месяц, 29 ноября, по решению Президиума ЦК Военный совет был преобразован в Главный военный совет при Совете обороны СССР, в состав которого были введены все члены и кандидаты в члены Президиума ЦК. По предложению маршала Н. А. Булганина Н. С. Хрущёв стал Верховным главнокомандующим, а его заместителем и председателем ГВС стал маршал Р. Я. Малиновский.

Казалось бы, расправа над маршалом Г. К. Жуковым должна была несколько умерить «властные аппетиты» Н. С. Хрущёва, но этого не произошло. Впереди

маячил главный приз — пост главы советского правительства, и уже в декабре 1957 года он начал новую «артподготовку» в борьбе за единоличную власть. Как считают многие историки (Р. Г. Пихоя, А. В. Пыжиков, А. В. Сушков⁴⁰²), к бывшей цитадели своих политических противников — Президиуму Совета Министров СССР — Н. С. Хрущёв продолжал относиться с подозрением и даже после разгрома «антипартийной группировки». Конечно, этот орган власти к июлю 1957 года был значительно ослаблен, поскольку в составе Президиума ЦК остались только три его члена: глава правительства Н. А. Булганин и два его заместителя — А. И. Микоян и А. Н. Косыгин, причём последний лишь на правах кандидата в члены. М. Г. Первухин к тому времени был уже снят с поста заместителя главы правительства, выведен из Президиума Совета Министров СССР и перемещён на пост председателя Госкомитета СССР по внешним экономическим связям. Отныне расклад сил в Президиуме ЦК во многом стал определяться распределением обязанностей и балансом властных полномочий в Секретариате ЦК, который стал уже реальным центром власти. Кроме того, Н. С. Хрущёв продолжил погром отраслевых промышленных министерств, и 14 декабря 1957 года министерства оборонной, авиационной, судостроительной и радиотехнической промышленности были преобразованы в Госкомитеты по оборонной технике (А. В. Домрачёв), по авиационной технике (П. В. Дементьев) по судостроению (Б. Е. Бутома) и по радиоэлектронике (В. Д. Калмыков). При этом глава Миноборонпрома СССР Дмитрий Фёдорович Устинов пошёл на повышение и был назначен председателем Военно-промышленной комиссии и зампредом Совета Министров СССР.

16-17 декабря 1957 года состоялся очередной Пленум ЦК, на котором были сделаны очередные важные назначения. Во-первых, в состав Секретариата ЦК вошли три новых члена — Алексей Илларионович Кириченко, Николай Григорьевич Игнатов и Нуритдин Акрамович Мухитдинов, — в результате чего «секретарский корпус» в составе Президиума ЦК вырос до 10 человек и занял в нём доминирующее положение. Во-вторых, Н. А. Мухитдинова, которого сам Н. С. Хрущёв назвал «нашим украшением» и «самым молодым среди старых и средних», перевели из состава кандидатов в полноправные члены Президиума ЦК⁴⁰³. В-третьих, на посты новых Первых секретарей ЦК Компартий Украины и Узбекистана были рекомендованы второй секретарь ЦК КПУ Николай Викторович Подгорный и глава Совета Министров Узбекской ССР Сабир Камалович Камалов.

Сразу после новогодних праздников, 3 января 1958 года, прошло заседание Президиума ЦК, где произошли важные перестановки внутри Секретариата ЦК, члены которого, помимо традиционных организационно-партийных и идеологических вопросов, получили полный контроль над всеми отраслями экономики страны, внутренней и внешней политикой государства, а также практически всеми ключевыми властными учреждениями. Как полагает А. В. Сушков, детально исследовавший данный вопрос в своей кандидатской диссертации⁴⁰⁴, именно тогда в «число наиболее влиятельных членов Президиума ЦК, составлявших ближайшее окружение Н. С. Хрущёва», вошли А. И. Кириченко, занявший официально воссозданный пост второго секретаря ЦК, упразднённый сразу после смерти И. В. Сталина, и М. А. Сулов, занявший «третью позицию в Секретариате ЦК». А. И. Кириченко как второй секретарь ЦК стал вести все заседания Секретариата ЦК — главной «рабочей лошадки» всей партийной вертикали — и формировать повестку дня работы не только Секретариата, но и Президиума ЦК,

М. А. Суслов же в отсутствие Н. С. Хрущёва — вести его заседания. Кроме того, он возглавил постоянную Комиссию ЦК КПСС по вопросам идеологии, культуры и международных партийных связей, в состав которой вошли четыре члена и кандидата в члены Президиума ЦК и секретари ЦК: Н. А. Мухитдинов, О. В. Куусинен, Е. А. Фурцева и П. Н. Поспелов, — что придало ей существенный вес во всей структуре высшего руководства страны.

Между тем, помимо участия в деятельности данной Комиссии, её члены получили и конкретные участки работы. Так, М. А. Суслов сохранил за собой кураторство над Международным отделом ЦК и работу с зарубежными компартиями, Н. А. Мухитдинову было поручено кураторство над республиками Средней Азии и Закавказья, а также работа с огромным Азиатско-африканским зарубежьем, Е. А. Фурцева сосредоточила своё внимание на вопросах культуры и искусства, а О. В. Куусинен и П. Н. Поспелов — на разработке теории научного коммунизма и стратегии и тактики революционного движения⁴⁰⁵.

Одновременно Н. И. Беляев, который сразу после июньского Пленума ЦК сосредоточил в своих руках значительные властные полномочия, теперь уже утерять прежнее расположение Н. С. Хрущёва, был отставлен с постов секретаря ЦК по сельскому хозяйству и зампреда Бюро ЦК КПСС по РСФСР и «сослан» в Алма-Ату на должность Первого секретаря ЦК КП Казахстана вместо Ивана Дмитриевича Яковлева, которого сначала переместили на должность второго секретаря республиканского ЦК, а затем, в январе 1958 года, и вовсе отправили Первым секретарём Ульяновского обкома.

Ключевые же посты, которые он занимал, Н. С. Хрущёв разделил между двумя секретарями ЦК: А. Б. Аристов был назначен зампредом Бюро ЦК по РСФСР, а Н. Г. Игнатов как новый секретарь ЦК стал курировать сельское хозяйство, — что существенно повысило их статус и влияние в высшем руководстве страны. Тогда же вновь упрочились и аппаратные позиции Л. И. Брежнева, который как секретарь ЦК стал курировать оборонную и тяжёлую промышленность и весь строительный комплекс страны. Одновременно его ввели в состав Совета обороны СССР и назначили главой Комиссии Президиума ЦК по военно-промышленным вопросам (Военной комиссии ЦК). Ещё один секретарь ЦК — Е. А. Фурцева (сам Н. С. Хрущёв назвал её «нашей женщиной», которая «оправдала наши надежды и доверие») — была освобождена от руководства МГК⁴⁰⁶, и ей поручили сосредоточить всё внимание на работе в Секретариате и Президиуме ЦК, где она стала курировать «социалку» и культуру. Однако она так и не смогла существенно укрепить личное влияние в высших эшелонах власти, поскольку главным идеологом страны оставался М. А. Суслов. Этот же фактор, как утверждает А. В. Сушков, объяснял и слабость позиций трёх других партийных идеологов — О. В. Куусинена, Н. А. Мухитдинова и П. Н. Поспелова.

Однако, как нам кажется, последнее утверждение А. В. Сушкова не вполне корректно, прежде всего в отношении Отто Вильгельмовича Куусинена, который, как известно, до избрания членом Президиума и Секретариата ЦК почти шестнадцать лет возглавлял Карело-Финскую ССР. О. В. Куусинен был не просто старейшим деятелем мировой социал-демократии, рабочего и коммунистического движения, при помощи которой Н. С. Хрущёв отчасти смог завуалировать опалу двух таких старейших членов партии, как В. М. Молотов и Л. М. Каганович. Он имел очень давние, тесные, а главное — неформальные связи с руководством большинства левых партий и

движений, прежде всего в крупных европейских странах, где социал-демократы имели большое влияние и были главами и членами национальных парламентов и правительств. И в этом смысле он стал настоящей находкой для Н. С. Хрущёва, который до конца его дней с особым пиететом относился к «старшему товарищу по партии», работавшему с самим В. И. Лениным и другими советскими вождями, давно вошедшими в легендарный пантеон героев Октября и Гражданской войны.

В том же январе 1958 года Н. С. Хрущёв окончательно решил и дальнейшую судьбу маршала Н. А. Булганина, аппаратные позиции которого были резко подорваны после июньского Пленума ЦК. Да и сам премьер, как вспоминают очевидцы, уже особо не горевший на работе, тяготился этой должностью и с трудом переносил хамские выпады Н. С. Хрущёва⁴⁰⁷. Однако долгое время сам Н. С. Хрущёв никак не мог найти ему адекватной замены, поскольку после разгрома «антипартийной группы» обычная «скамейка запасных» в союзном правительстве сильно поредела. На январь 1958 года в близких «подручных» у маршала Н. А. Булганина остались только четыре заместителя: два первых — А. И. Микоян и И. И. Кузьмин — и два «рядовых» — А. Н. Косыгин и Д. Ф. Устинов. Как уверяет А. В. Сушков⁴⁰⁸, первоначально на роль нового главы Совета Министров СССР рассматривалась кандидатура А. Н. Косыгина, который всегда замещал Н. А. Булганина во время его отсутствия или болезни. Однако большинство членов Президиума ЦК настаивали на том, чтобы этот важный пост занял сам Н. С. Хрущёв. Он якобы к этому не особо стремился, но в то же время не видел «готовой кандидатуры, подходившей для назначения на столь ответственный пост». Поэтому, как утверждает тот же А. В. Сушков, «сопротивление Н. С. Хрущёва было вялым и нерешительным, и членам Президиума ЦК удалось убедить его в необходимости замещения и этого поста». Однако, на наш взгляд, это не совсем так. Вероятнее всего, он с самого начала намеревался занять пост главы союзного правительства и ещё осенью 1957 года присмотрел подходящую кандидатуру на пост первого заместителя председателя Совета Министров СССР, который и станет рабочей лошадкой вместо него. Этой кандидатурой стал Фрол Романович Козлов, которого ещё в середине декабря 1957 года перевели из Ленинграда в Москву и вместо Михаила Алексеевича Яснова назначили на должность председателя Совета Министров РСФСР, с тем чтобы тот лучше пообтёрся в столичных коридорах власти и приобрёл новый управленческий опыт на союзно-республиканском уровне⁴⁰⁹. Кроме того, как утверждал тогдашний председатель Госплана РСФСР, а позднее многолетний косыгинский заместитель по Совмину СССР В. Н. Новиков, назначение А. Н. Косыгина не состоялось из-за его напряжённых отношений с тогдашним главой Госплана СССР И. И. Кузьминым, о чём было хорошо известно не только в центре, но и на местах⁴¹⁰.

В своё время лично Н. С. Хрущёв поспособствовал стремительной карьере И. И. Кузьмина, который, по словам Д. Т. Шепилова⁴¹¹, был «очень юрким и пробивным человеком, не обременённым высокими морально-этическими принципами». Легко «купившись» на его активную поддержку своей идеи «о реорганизации промышленности», Н. С. Хрущёв в самом начале мая 1957 года выдвинул нового протеже — главу Отдела машиностроения ЦК — на должность председателя союзного Госплана и первого заместителя председателя Совета Министров СССР. Но вскоре выяснилось, что шапка оказалась не по Сеньке, и через год И. И. Кузьмин

слетел на пост председателя Госнаучэкономсовета, а затем, в июне 1960 года, и вовсе уехал советским послом в Берн.

Между тем 21 февраля 1958 года как бы между прочим произошло не очень заметное, но совершенно беспрецедентное событие: советским послом в ГДР был назначен кандидат в члены Президиума ЦК М. Г. Первухин, который чуть больше полугода назад за участие в «антипартийной группировке» потерял статус полноправного члена Президиума ЦК и первого заместителя председателя Совета Министров СССР, заняв кресло главы Госкомитета по внешнеэкономическим связям. В общем-то, в самом этом перемещении не было ничего удивительного. Станным было то, что, будучи всего лишь послом, он вплоть до середины октября 1961 года, т. е. три с половиной года оставался в составе Президиума ЦК, являлся членом высшего советского руководства. Кстати, прежний посол в Берлине Георгий Максимович Пушкин, будучи кадровым дипломатом с большим и разносторонним опытом работы в Китае, Венгрии и ГДР, вернулся в Москву и был назначен на высокий пост заведующего Отделом информации ЦК. Это был новый сверхсекретный орган, созданный самим Н. С. Хрущёвым, которому прямо вменялись в обязанность подготовка к заседаниям Президиума ЦК «аналитических обзоров актуальной международной ситуации, а также анализ документов, вносившихся на заседание МИДом, Минобороны, КГБ и ГРУ». Однако уже в 1959 году, во время одного из обсуждений очередного обострения Берлинского кризиса, между Н. С. Хрущёвым и Г. М. Пушкиным произошла острая перепалка, и в результате этот Отдел был ликвидирован, а его глава «сослан» на менее значимый пост заместителя министра иностранных дел СССР. Чуть позже, в середине марта 1958 года, окончательно закатилась блестящая государственная карьера одного из лучших сталинских управленцев Максима Захаровича Сабурова, которого сняли с должности первухинского зама и направили в Сызрань директором тамошнего специализированного завода тяжёлого машиностроения.

26 марта 1958 года состоялся скоротечный Пленум ЦК⁴¹², а уже 28 марта на установочной сессии Верховного Совета СССР 5-го созыва все союзные избранники народа приняли отставку Н. А. Булганина и по предложению главы Президиума маршала К. Е. Ворошилова единогласно приняли Постановление «О назначении тов. Н. С. Хрущёва председателем Совета Министров СССР». Таким образом, ему понадобилось ровно пять лет «упорной борьбы и труда», чтобы окончательно сконцентрировать в своих руках безраздельную власть, бывшую у усопшего вождя, «культ» которого не давал ему покоя предыдущие и все последующие годы. Что касается Н. А. Булганина, то очередной опальный маршал, который после «публичной порки», организованной Н. С. Хрущёвым, временно сохранил членство в Президиуме ЦК, на той же сессии Верховного Совета был назначен председателем Правления Госбанка СССР. Правда, уже в середине июля было принято решение снять его и с этого поста и отправить на Кавказ на должность председателя СНХ Ставропольского экономического административного района. Узнав об этих планах, Н. А. Булганин направил в Президиум ЦК записку с просьбой «перевести его на пенсию по состоянию здоровья», поскольку только что перенёс тяжёлую хирургическую операцию по удалению желчного пузыря. К этой записке он приложил и личное послание к Н. С. Хрущёву, где, извинившись «за всё», попросил помочь ему. Однако оба этих послания буквально взбесили Первого секретаря, который усмотрел в них открытый «саботаж решения ЦК» и потребовал вызвать Н. А. Булганина на

Президиум ЦК. На этом заседании, которое состоялось 15 июля, Н. С. Хрущёв буквально сорвался с цепи и прилюдно унижал бывшего премьера такого рода пассажами: «Ведь ты ни одной бабы не пропускал, бывало, уцепишься в неё, как жеребец, а теперь, когда надо работать, ты больной»⁴¹³.

В августе 1958 года во исполнение решения Президиума ЦК Н. А. Булганин отбыл в Ставрополь, а уже в начале сентября на очередном Пленуме его вновь «публично высекут» и выведут из состава Президиума ЦК на том основании, что «он совершил тяжёлое преступление перед партией, активно участвуя в заговорщической деятельности антипартийной фракционной группировки..., не искупил вину перед партией..., по-прежнему проявляет политическую незрелость... и не выполняет обязанностей политического деятеля»⁴¹⁴. Наконец в конце ноября 1958 года Н. А. Булганин пережил последний и самый подлый удар от бывшего соратника и друга: Постановлением Президиума ЦК «сталинского бухгалтера» лишили маршальского звания, оставив ему лишь генерал-полковничьи погоны. И только через год, в феврале 1960 года, от него наконец-то отстали и он ушёл на заслуженный отдых, вернувшись в Москву.

Понятно, что, занимая с конца марта 1958 года одновременно три ключевых поста в высшем руководстве страны — Первого секретаря ЦК, председателя Совета Министров СССР и главы Бюро ЦК КПСС по РСФСР, — Н. С. Хрущёв просто физически не мог исполнять все свои обязанности в полной мере. Это привело к тому, что он стал вести лишь несколько важнейших, по его мнению, направлений во внутренней и внешней политике партии и государства. Вся же текущая «черновая» работа, в том числе координация работы всех партийно-государственных структур в Секретариате и аппарате ЦК, Совете Министров СССР и Бюро ЦК КПСС по РСФСР были возложены им на своих первых заместителей, роль которых в высшем руководстве резко возросла.

Например, в Президиуме Совета Министров СССР, костяк которого всегда составляли заместители главы союзного правительства, Н. С. Хрущёв произвёл ряд очень важных назначений и перестановок. Во-первых, его первыми замами стали Фрол Романович Козлов и Анастас Иванович Микоян, которые вошли в первую «четвёрку» влиятельнейших членов Президиума ЦК. Отныне вторую позицию в союзном правительстве занял Ф. Р. Козлов, возглавивший Комиссию Президиума Совета Министров СССР по текущим делам, которая должна была максимально разгрузить первое лицо по линии государственного управления. Именно эта Комиссия, которую по старинке называли «Малым Совнаркомом», реально осуществляла повседневное руководство союзным правительством, решала весь комплекс оперативных вопросов и принимала правительственные Постановления за подписью Ф. Р. Козлова, чья роль во всей властной вертикали, в том числе в самом Президиуме ЦК, возросла. Третью позицию в союзном правительстве занял А. И. Микоян, который по старинке продолжил курировать вопросы потребительского рынка, внутренней и внешней торговли и всей внешнеэкономической деятельности. Что касается постов остальных четырёх рядовых заместителей, то их заняли председатель Госплана СССР Иосиф Иосифович Кузьмин, лишившийся приставки «первый заместитель», и кураторы основных промышленных отраслей: Алексей Николаевич Косыгин, Дмитрий Фёдорович Устинов и Александр Фёдорович Засядько.

При этом, как считает А. В. Сушков, для контроля за наиболее влиятельными членами высшего руководства и предотвращения возможного возникновения какой-либо угрозы его положению Н. С. Хрущёв вполне сознательно создал внутри Президиума ЦК определённую систему «сдержек и противовесов»: во главе всех трёх структур, возглавлявшихся им лично, наряду с «основными», первыми, заместителями стали появляться и «вторые», которые не очень-то существенно отличались своими полномочиями от первых и заменяли их в случае необходимости. При этом, если первые замы являлись выдвиженцами Н. С. Хрущёва, недавно вошедшими в состав высшего руководства страны (А. И. Кириченко, А. Б. Аристов, Ф. Р. Козлов), то на третьих властных позициях находились, как правило, те руководители, которые были значительно старше и имели несравнимо более существенный опыт и стаж работы на руководящих постах, занимая их ещё при жизни И. В. Сталина (М. А. Суслов, А. И. Микоян, П. Н. Поспелов). Такая политика «мягкого» сочетания «старших» и «младших» одновременно отвечала проводимому Н. С. Хрущёвым курсу на «омоложение руководящих кадров и практической подготовки "молодых" для дальнейшей самостоятельной работы».

Тогда же, в конце марта 1958 года, новым главой Совета Министров РСФСР был назначен новый хрущёвский фаворит — первый секретарь Краснодарского крайкома Дмитрий Степанович Полянский, чья стремительная карьера началась с пресловутой «крымской эпопеи». А уже через три месяца, на очередном партийном Пленуме, прошедшем 17-18 июня 1958 года⁴¹⁵, он наряду с Первым секретарём ЦК КПУ Николаем Викторовичем Подгорным пополнил ряды кандидатов в члены Президиума ЦК, а вместе с тем и украинской группировки в высших эшелонах власти, где уже числились А. И. Кириченко, Л. И. Брежнев, А. П. Кириленко и Д. С. Коротченко.

В том же 1958 году были приняты ещё два важных кадровых решения. Во-первых, в апреле Президиум ЦК под грифом «особая папка» принял решение создать Военный научно-технический комитет по атомному, водородному и ракетному оружию при Совете обороны СССР, назначить его руководителем Н. С. Хрущёва, а первым замом — Л. И. Брежнева, который был введён в состав Совета обороны СССР. Во-вторых, на ноябрьском Пленуме ЦК из состава Секретариата ЦК выведен Н. И. Беляев, которому было предписано отныне сосредоточиться на работе Первого секретаря ЦК Компартии Казахстана⁴¹⁶.

Уходящий 1958 год был отмечен и ещё одной очень громкой и для многих совершенно неожиданной отставкой: 3 декабря 1958 года с поста председателя КГБ СССР был снят генерал армии Иван Александрович Серов, которого переместили с явным понижением на должность главы ГРУ и заместителя начальника Генерального штаба по разведке. Прежний его начальник генерал-полковник М. А. Шалин перешёл в Группу генеральных инспекторов, а новым председателем союзного КГБ стал новый хрущёвский выдвиженец — бывший всесоюзный комсомольский лидер Александр Николаевич Шелепин, который на данный момент занимал ключевой пост заведующего Отделом партийных органов ЦК КПСС. Таким образом, отныне Н. С. Хрущёв полностью поставил под партийный контроль ещё одну ключевую спецслужбу страны. Хотя это назначение состоялось только спустя три недели после отставки И. А. Серова, и первоначально и. о. главы КГБ был назначен его первый заместитель генерал-майор К. Ф. Лунёв. Это обстоятельство зримо говорило о спонтанности данного шага, поскольку ещё в конце ноября на предыдущем заседании Президиума ЦК Н. С. Хрущёв вслед за Н. Г. Игнатовым, А. Б. Аристовым и Е. А.

Фурцевой высоко и положительно оценил деловые и личные качества И. А. Серова. Однако уже через десять дней ситуация резко поменялась и при поддержке М. А. Сулова, А. И. Кириченко, А. И. Микояна, Ф. Р. Козлова и даже А. Б. Аристова он продал решение об отставке главы КГБ⁴¹⁷.

Надо сказать, довольно долгое время многие историки, в том числе и автор этих строк, считали, что отставка генерала И. А. Серова стала личным ударом и по самому Н. С. Хрущёву, с которым его связывали давние, ещё с довоенных времён, рабочие и даже дружеские отношения. Однако достоверно установить, почему же Н. С. Хрущёв всё-таки сдал своего старинного товарища и активного «подельника» на «съедение» партийным бонзам, так и не удавалось. Хотя было хорошо известно, что генерал И. А. Серов частенько конфликтовал с теми же А. И. Кириченко, Л. И. Брежневым и Н. А. Мухитдиновым. Ряд историков и мемуаристов⁴¹⁸ предлагали собственные варианты ответов на этот вопрос. Например, «старый лис» А. И. Микоян связывал отставку А. И. Серова с его довольно «странными шашнями» с новым секретарём ЦК Н. Г. Игнатовым, который, будучи «неисправимым интриганом с непомерными амбициями», рвался к реальной власти и стремился свести Н. С. Хрущёва «к положению английской королевы». Профессор В. П. Наумов полагал, что данная отставка, инициированная самим Н. С. Хрущёвым, стала следствием тесного общения И. А. Серова с опальным маршалом Г. К. Жуковым, с которым он дружил ещё с военных времён. Н. В. Петров высказал предположение, что эта отставка была вызвана личным конфликтом Н. С. Хрущёва и А. И. Серова, так как последний, проявляя «ведомственный патриотизм», всячески противился реформе КГБ и планам по существенному сокращению его аппарата. Наконец, Л. М. Млечин, ссылаясь на свой диалог с генералом армии Ф. Д. Бобковым, многие годы бывшим заместителем главы КГБ, заявил, что реальной причиной отставки И. А. Серова стал его давний конфликт с всесильным руководителем Отдела административных органов ЦК генерал-майором КГБ Н. Р. Мироновым.

Однако, как известно, ещё пять лет назад были опубликованы сенсационные дневниковые записи и мемуары генерала И. А. Серова под очень интригующим названием «Записки из чемодана», которые пролили свет на многие тёмные страницы советской истории, в том числе его отставку с поста председателя КГБ СССР⁴¹⁹. Несмотря на то что эта публикация вызвала целый ряд очень критических оценок, кое-что, конечно же, заслуживает нашего внимания, в том числе история его отставки. Из этого источника совершенно очевидными стали три важные вещи: во-первых, отношения Н. С. Хрущёва и И. А. Серова не носили столь близкого и доверительного характера, как это представлялось ранее; во-вторых, куда более близкие рабочие и личные контакты связывали генерала армии И. А. Серова с двумя такими же опальными отставниками — главой Совета Министров СССР маршалом Н. А. Булганиным и министром обороны СССР маршалом Г. К. Жуковым, — что также могло послужить одной из причин его перевода из КГБ в ГРУ; и, в-третьих, главная причина его отставки крылась в давних интригах двух его недоброжелателей, взошедших тогда на политический Олимп, — членов Президиума и Секретариата ЦК Алексея Илларионовича Кириченко и Леонида Ильича Брежнева, — а также их старого приятеля, соратника и земляка, главы Ленинградского УКГБ генерал-майора Николая Романовича Миронова, который, правда, только в начале июня 1959 года займёт ключевую должность заведующего Отделом административных органов ЦК КПСС, который курировал весь силовой блок правительства и местных исполкомов,

включая назначения на все мало-мальски значимые посты в самом КГБ, в Генпрокуратуре и Министерствах обороны и внутренних дел и т. д.

³²⁵ Пыхалов И.В., Денисов И.А. СССР без Сталина: путь к катастрофе. М., 2009.

³²⁶ В данном случае руководство КПК напомнило известную дискуссию на XIII съезде РКП(б) в мае 1924 года, когда И. В. Сталин, Г. Е. Зиновьев и Н. К. Крупская, ссылаясь на знаменитую ленинскую работу «Детская болезнь левизны в коммунизме», в пух и прах разбили тезис Л. Д. Троцкого о том, что, дескать, «партия в последнем счёте всегда права», заявив, что «не только отдельные люди», но и вся партия может ошибаться.

³²⁷ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 14. Д. 14. Л. 6.

³²⁸ Роговин В.З. Партия расстрелянных. М., 1997.

³²⁹ Хрущёв Н.С. Время. Люди. Власть. Кн. 3. М., 1999.

³³⁰ Барсуков Н.А. XX съезд в ретроспективе Хрущёва // Отечественная история, 1996. № 6; Серебрякова З.Л. Оттепель, заморозки, оттепель... // XX съезд. Материалы конференции к 40-летию XX съезда КПСС. М., 1996. Значительно позже в своих мемуарах Н. С. Хрущёв заметит, что в его «докладе на XX съезде партии ничего не было сказано об открытых процессах 30-х годов... Мы опять боялись договорить до конца, хотя не вызывало никаких сомнений, что эти люди невиновны, что они были жертвами произвола». Хотя под решением февральско-мартовского 1937 года Пленума ЦК стоит и подпись самого Н. С. Хрущёва.

³³¹ Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти, 1945-1991. М., 1998; Барсуков Н.А. Записка Поспелова и доклад Хрущёва // XX съезд. Материалы конференции к 40-летию XX съезда КПСС. М., 1996.

³³² РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 188. Л. 4-30.

³³³ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 188. Л. 32, 33, 40-47, 98-112, 139, 145-155.

⁴³³⁴ Барсуков Н.А. Записка Поспелова и доклад Хрущёва // XX съезд. Материалы конференции к 40-летию XX съезда КПСС. М., 1996.

³³⁵ Барсуков Н.А. Записка Поспелова и доклад Хрущёва // XX съезд. Материалы конференции к 40-летию XX съезда КПСС. М., 1996; Пыжиков А.В. Хрущёвская «оттепель», 1953-1964. М., 2002.

³³⁶ Аксютин Ю.В. Хрущёвская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953-1964 гг. М., 2010.

³³⁷ Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти, 1945-1991. М., 1998.

³³⁸ Аксютин Ю.В. Хрущёвская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953-1964 гг. М., 2010.

³³⁹ Войтиков С.С. Центральный Комитет. М., 2019.

³⁴⁰ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 141. Л. 14-15.

³⁴¹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 14. Д. 39. Л. 1, 30-34.

³⁴² РГАСПИ Ф. 556. Оп. 1. Д. 608. Л. 157-159; Наумов В.П. Доклад // Н.С. Хрущёв: Материалы научной конференции. М., 1994; Паповян Е., Паповян А. Участие Верховного Суда СССР в выработке репрессивной политики. 1957-1958 гг. // Корни травы. Сб. статей молодых историков. М., 1996. Профессор Р. Г. Пихоя в своей работе «Советский Союз: история власти, 1945-1991» почему-то датирует это письмо 16 июня 1956 года и, отталкиваясь от этого, создаёт ложную конструкцию о том, что, «по

всей вероятности, рассылка закрытого письма, содержащего трактовку итогов XX съезда, показалась недостаточной», и поэтому «подправить решения XX съезда» должно было Постановление ЦК от 30 июня 1956 года «О преодолении культа личности и его последствий».

³⁴³ Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти, 1945-1991. М., 1998; Медведев Р.А. Они окружали Сталина. М., 2006; Верт Н. История советского государства, 1900-1991. М., 1992; Паповян Е., Паповян А. Участие Верховного Суда СССР в выработке репрессивной политики. 1957-1958 гг. // Корни травы. Сб. статей молодых историков. М., 1996.

³⁴⁴ Данилов А.А. О границах «оттепели» и «преждевременности» реформ // XX съезд. Материалы конференции к 40-летию XX съезда КПСС. М., 1996; Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти, 1945-1991. М., 1998; Тюрин А.В. Ленинградское отделение Союза писателей СССР в годы Хрущёвских реформ (1953-1964 гг.). Автореферат дисс. канд. ист. наук. СПб., 2015.

³⁴⁵ РГАНИ. Ф. 89. Оп. 6. Д. 1. Л. 1-4.

³⁴⁶ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 189-208.

³⁴⁷ См. подробнее: Некрасов В.Л. Реформа Госплана СССР 1955 г.: разработка новой модели планирования экономики // Вестник ТомГУ. 2012. № 368.

³⁴⁸ Горлов В.Н. Н.С. Хрущёв и принятие решения о создании совнархозов // Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки». 2012. № 2.

³⁴⁹ Следует сказать, что ряд историков, в частности С. Г. Коваленко, утверждают, что начало этому процессу было положено значительно раньше. Ещё 1 марта 1956 года Н. А. Булганин подготовил предложения о реорганизации союзных министерств и внёс их на рассмотрение Президиума ЦК. А уже 30 марта того же 1956 года были приняты два Постановления ЦК: «О реорганизации министерств в связи с передачей предприятий ряда отраслей в ведение союзных республик» и «Об упразднении Министерства юстиции СССР». Однако предпринятые меры не изменили саму систему управления промышленным производством, которое так и осталось в руках союзных и союзно-республиканских министерств. (Коваленко С.Г. Реформы управления народным хозяйством СССР середины 1950-х — 1970-х годов // Вопросы истории. 2008. № 6).

³⁵⁰ Шестаков В.А. Социально-экономическая политика Советского государства в 50-е — середине 60-х годов. М., 2006. Nove A. An Economic History of the USSR (1917-1991). N.Y., 1992.

³⁵¹ Аналогичные оценки И. В. Сталина содержались и в других публичных выступлениях Н. С. Хрущёва. Так, профессор Ю. В. Емельянов в своей книге «Сталин перед судом пигмеев» (2008) привёл цитату из хрущёвского выступления в болгарском посольстве 18 февраля 1957 года, где он дословно сказал следующее: «Сталин, с которым мы работали, был выдающимся революционером. Идя по ленинскому пути, партия разгромила врагов социализма, сплотила весь наш народ и создала могучее социалистическое государство. Советский народ в тяжёлой борьбе разгромил гитлеровский фашизм и спас народы от угрозы фашистского порабощения. Эта великая победа была достигнута под руководством нашей партии и её Центрального Комитета, во главе которого стоял товарищ Сталин. Сталин преданно служил интересам рабочего класса, делу марксизма-ленинизма, и мы Сталина врагам не отдадим».

³⁵² Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти. 1945-1991. М., 1998; Пыжиков А.В.

Хрущёвская «оттепель» 1953-1964. М., 2002; Вдовин А.И. СССР. История великой державы (1922-1991 гг.). М., 2018.

³⁵³ Коваленко С.Г. Реформы управления народным хозяйством СССР середины 1950-х — 1970-х годов // Вопросы истории. 2008. № 6; Горлов В.Н. Н.С. Хрущёв и принятие решения о создании совнархозов // Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки». 2012. № 2.

³⁵⁴ Хрущёв Н.С. Время. Люди. Власть. Кн. 3. М., 1999; Горлов В.Н. Н.С. Хрущёв и принятие решения о создании совнархозов // Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки». 2012. № 2.

³⁵⁵ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 209-221.

³⁵⁶ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 187. Л. 36.

³⁵⁷ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 196. Л. 12, 97-98, 101; Горлов В.Н. Н.С. Хрущёв и принятие решения о создании совнархозов // Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки». 2012. № 2.

³⁵⁸ Коваленко С.Г. Реформы управления народным хозяйством СССР середины 1950-х — 1970-х годов // Вопросы истории. 2008. № 6; Горлов В.Н. Н.С. Хрущёв и принятие решения о создании совнархозов // Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки». 2012. № 2.

³⁵⁹ Гвишиани А.Д. Феномен Косыгина: записки внука. М., 2004.

³⁶⁰ Горлов В.Н. Н.С. Хрущёв и принятие решения о создании совнархозов // Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки». 2012. № 2.

³⁶¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 211, Л. 2-3; Веденеев Ю.А. Организационные реформы государственного управления промышленностью в СССР: историко-правовое исследование (1957-1987). М., 1990; Коваленко С.Г. Реформы управления народным хозяйством СССР середины 1950-х — 1970-х годов // Вопросы истории. 2008. № 6.

³⁶² Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти. 1945-1991. М., 1998.

³⁶³ Молотов, Маленков, Каганович. 1957. Стенограмма июньского Пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1998.

³⁶⁴ Чуев Ф.И. Сто сорок бесед с Молотовым. М., 1991.

³⁶⁵ Попов В.П. Большая ничья. СССР от Победы до распада. М., 2005.

³⁶⁶ Пыжиков А.В. Хрущёвская «оттепель», 1953-1964. М., 2002; Сушков А.В. Структура и персональный состав Президиума ЦК КПСС в 1957-1964 гг. Автореферат дисс. канд. ист. наук. Ек., 2003; Сушков А.В. Президиум ЦК КПСС в 1957-1964 гг.: личности и власть. Ек., 2009; Горлов В.Н. Н.С. Хрущёв и принятие решения о создании совнархозов // Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки». 2012. № 2.

³⁶⁷ Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти. 1945-1991. М., 1998; Некрасов В.Л. Реформа Госплана СССР 1955 г.: разработка новой модели планирования экономики // Вестник ТомГУ, 2012. № 368; Zubkova E. The Rivalry with Malenkov // Nikita Khrushchev. New Haven, 2000.

³⁶⁸ Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым М., 1991; Микоян А.И. Так было. М., 1999; Каганович Л.М. Памятные записки. М., 2003; Мухитдинов Н.А. Годы, проведённые в Кремле. Ташкент, 1994; Мухитдинов Н.А. Река времени: от Сталина до Горбачёва. М., 1995; Зенькович Н.А. Тайны ушедшего века: Лжесвидетельства. Фальсификации. Компромат. М., 2004.

³⁶⁹ Медведев Р.А. Никита Хрущёв: Отец или отчим советской «оттепели»? М., 2006.

³⁷⁰ Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти. 1945-1991. М., 1998.

³⁷¹ Мухитдинов Н.А. Годы, проведённые в Кремле. Ташкент, 1994; Мухитдинов Н.А. Река времени. М., 1995.

Что касается утверждений Р.Г. Пихои об отсутствовавших членах высшего руководства, то, вероятнее всего, не ссылаясь на выступление М. А. Суслова, он оперирует именно этой информацией.

³⁷² Молотов, Маленков, Каганович. 1957. Стенограмма июньского Пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1998; Войтиков С.С. Троцкий, Фрунзе, Жуков: из истории красного бонапартизма. М., 2019.

³⁷³ Зенькович Н.А. Тайны ушедшего века: Лжесвидетельства. Фальсификации. Компромат. М., 2004.

³⁷⁴ Пыжиков А.В. Украинско-польское иго в России. М., 2017.

³⁷⁵ Молотов, Маленков, Каганович. 1957. Стенограмма июньского Пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1998; Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти, 1945-1991. М., 1998; Зенькович Н.А. Тайны ушедшего века: Лжесвидетельства. Фальсификации. Компромат. М., 2004; Войтиков С.С. Центральный комитет... М., 2019.

³⁷⁶ Молотов, Маленков, Каганович. 1957. Стенограмма июньского Пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1998.

³⁷⁷ АП РФ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 209. Л. 21-29.

³⁷⁸ В данном случае в отношении «антипартийной группы» был применён последний, седьмой, пункт знаменитой партийной резолюции «О единстве партии», принятой по итогам профсоюзной дискуссии на X съезде РКП(б) в марте 1921 года. Данный пункт резолюции дословно звучал так: «Чтобы осуществить строгую дисциплину внутри партии и добиться наибольшего единства при устранении всякой фракционности, съезд даёт ЦК полномочие применять в случаях нарушения дисциплины или возрождения, или допущения фракционности все меры партийных взысканий вплоть до исключения из партии, а по отношению к членам ЦК перевод их в кандидаты и даже, как крайнюю меру, исключение из партии. Мера эта может быть применена лишь по постановлению 2/3 общего собрания членов ЦК, кандидатов в ЦК и членов ЦКК. (Пункт 7-й не подлежит опубликованию)». (РГАСПИ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 23. Л. 29-31.)

³⁷⁹ АП РФ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 209. Л. 30-37 об.

³⁸⁰ Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти, 1945-1991. М., 1998; Вдовин А.И. СССР. История великой державы (1922-1991 гг.). М., 2018; Аксютин Ю.В. Хрущёвская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953-1964 гг. М., 2010; Пыжиков А.В. Хрущёвская «оттепель», 1953-1964. М., 2002; Сушков А.В. Президиум ЦК КПСС в 1957-1964 гг.: личности и власть. Ек., 2009; Войтиков С.С. Центральный комитет. М., 2019.

³⁸¹ Сушков А.В. Структура и персональный состав Президиума ЦК КПСС в 1957-1964 гг. Автореферат диссертации канд. ист. наук. Ек., 2003.

³⁸² Медведев Р.А. Никита Хрущёв: отец или отчим советской «оттепели»? М., 2006; Аксютин Ю.В. Хрущёвская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953-1964 гг. М., 2010; Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти, 1945-1991. М., 1998; Зубкова Е.Ю. Общество и реформы (1945-1964). М., 1993; Зубкова Е.Ю. Опыт и уроки незавершённых поворотов 1956 и 1960 годов // Страницы истории советского общества. М., 1989.

³⁸³ Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти, 1945-1991. М., 1998; Жуков Ю.Н. Крутой поворот... назад // XX съезд. Материалы конференции к 40-летию XX съезда КПСС. М., 1996; Жуков Ю.Н. Политическое наследие Сталина и его преодоление // 50 лет без Сталина: наследие сталинизма и его влияние на историю второй половины XX века. М., 2005; Пыжиков А.В. Хрущёвская «оттепель», 1953-1964. М., 2002; Сушков А.В. Структура и персональный состав Президиума ЦК КПСС в 1957-1964 гг. Автореферат дисс. канд. ист. наук. Ек., 2003; Сушков А.В. Президиум ЦК КПСС в 1957-1964 гг.: личности и власть. Ек., 2009.

³⁸⁴ Постановления Совета Министров СССР за июль 1957 года.

³⁸⁵ Наумов В.П. Борьба Н.С. Хрущёва за единоличную власть // Новая и новейшая история. 1996. № 2; Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991; Пыжиков А.В. Политические преобразования в СССР (50-60-е годы). М., 1999; Пыжиков А.В. Хрущёвская «оттепель», 1953-1964. М., 2002; Шевелев В.Н. Н.С. Хрущёв. Ростов н/Д., 1999; Зубкова Е.Ю. Общество и реформы (1945-1964). М., 1993. Медведев Р.А. Никита Хрущёв: отец или отчим советской «оттепели»? М., 2006; Пихоя Р.Г. О внутриполитической борьбе в советском руководстве. 1945-1958 гг. // Новая и новейшая история. 1995. № 6; Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти, 1945-1991. М., 1998; Сушков А.В. Структура и персональный состав Президиума ЦК КПСС в 1957-1964 гг. Автореферат дисс. канд. ист. наук. Ек., 2003; Сушков А.В. Президиум ЦК КПСС в 1957-1964 гг.: личности и власть. Ек., 2009.

³⁸⁶ Кстати, в июле 1957 года президент Д. Эйзенхауэр сделал заявление относительно возможного обмена визитами министра обороны СССР Г. К. Жукова и министра обороны США Ч. Вильсона. В Москве сразу отреагировали на это событие, и в советское посольство в Вашингтон была срочно послана шифротелеграмма, в которой послу Г. Н. Зарубину была поставлена задача встретится с госсекретарём США Д. Ф. Даллесом или с кем-то из его замов и попросить дать «разъяснение по этому вопросу». В связи с этим обстоятельством ряд авторов (А.Н. Яковлев) заявляют, что подготовка смещения Г.К. Жукова началась уже в августе 1957 года (Яковлев А.Н. Сумерки. М., 2005).

³⁸⁷ Войтиков С.С. Троцкий, Фрунзе, Жуков: из истории красного бонапартизма. М., 2019.

³⁸⁸ Профессор Р.Г. Пихоя ошибочно датирует это заседание 19 октября 1957 года. (Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти, 1945-1991. М., 1998); Президиум ЦК КПСС. 1954-1964. Черновые протокольные записи заседаний, стенограммы, постановления. Т. 2. М., 2006; Георгий Жуков. Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 2001; Войтиков С.С. Троцкий, Фрунзе, Жуков: из истории красного бонапартизма. М., 2019.

³⁸⁹ Пыжиков А.В. Хрущёвская «оттепель», 1953-1964. М., 2002.

³⁹⁰ АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 28. Л. 2-13.

³⁹¹ 15 мая 1956 года Г. К. Жуков действительно направил в ЦК КПСС докладную записку с предложением о ликвидации Военного совета при Совете Обороны СССР, мотивируя это тем, что его состав практически полностью дублирует состав коллегии Министерства обороны СССР.

³⁹² Краснов В.Г. Неизвестный Жуков. М., 2000; Войтиков С.С. Троцкий, Фрунзе, Жуков: из истории красного бонапартизма. М., 2019.

³⁹³ Соколов Б.В. Неизвестный Жуков: портрет без ретуши в зеркале эпохи. М., 2000.

³⁹⁴ Кстати сказать, ещё 24 июля 1954 года тогдашний начальник ГРУ генерал-полковник М. А. Шалин направил на имя министра обороны СССР маршала Н. А. Булганина служебную записку, в которой проинформировал его, что 1 июля в советское посольство в Париже явился некий гражданин Мотар, который передал пакет с «провокационной запиской» на французском языке. В переводе текст этой записки звучал так: «Я вас информирую, что маршал Жуков ведёт переговоры с западными державами через посредничество одного французского секретного агента под именем Тальмар, имея в виду подготовить восстание в России и захватить власть. Маршал Жуков обязуется арестовать всех руководителей компартии, распустить партию и подписать союз, направленный против народов Азии». (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 62. Д. 53. Л. 3.) Получив эту информацию, Н. А. Булганин тут же переслал её наверх, но не главе правительства Г. М. Маленкову, а в Секретариат ЦК Н. С. Хрущёву.

³⁹⁵ Георгий Жуков. Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 2001.

³⁹⁶ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 272. Л. 35 об. - 44.

³⁹⁷ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 272. Л. 45.

³⁹⁸ Млечин Л.М. Председатели КГБ: рассекреченные судьбы. М., 1999.

³⁹⁹ Георгий Жуков. Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 2001.

⁴⁰⁰ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 14. Д. 186. Л. 14, 47.

⁴⁰¹ Сушков А.В. Президиум ЦК КПСС в 1957-1964 гг.: личности и власть. Ек., 2009.

⁴⁰² Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти, 1945-1991. М., 1998; Пыжиков А.В. Политические преобразования в СССР (50-60-е годы). М., 1999; Пыжиков А.В. Хрущёвская «оттепель», 1953-1964. М., 2002; Сушков А.В. Президиум ЦК КПСС в 1957-1964 гг.: личности и власть. Ек., 2009.

⁴⁰³ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 282. Л. 184-185.

⁴⁰⁴ Сушков А.В. Структура и персональный состав Президиума ЦК КПСС в 1957-1964 гг. Автореферат дисс. канд. ист. наук. Ек., 2003; Сушков А.В. Президиум ЦК КПСС в 1957-1964 гг.: личности и власть. Ек., 2009.

⁴⁰⁵ Президиум ЦК КПСС. 1954-1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Т. 1. М., 2015; Мухитдинов Н.А. Река времени. М., 1995.

⁴⁰⁶ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 282. Л. 185. Новым Первым секретарём МГК был назначен ещё один хрущёвский соратник по Московскому горкому генерал-майор В. И. Устинов, который с июля 1953 года возглавлял 9-е Управление (охрана высших должностных лиц) МВД, а затем КГБ СССР.

⁴⁰⁷ Смиртюков М.С. Булганин не смог больше переносить постоянных злобных выпадов Никиты // Коммерсантъ Власть. № 33. 2011.

⁴⁰⁸ Сушков А.В. Президиум ЦК КПСС в 1957-1964 гг.: личности и власть. Ек., 2009.

⁴⁰⁹ В самом конце декабря 1957 года вместо Ф. Р. Козлова новым первым секретарём Ленинградского обкома партии был избран первый секретарь Ленинградского горкома И. В. Спиридонов.

⁴¹⁰ Новиков В.Н. Как товарищи, единомышленники // Премьер известный и неизвестный: воспоминания о А. Н. Косыгине. М., 1997.

⁴¹¹ Шепилов Д.Т. Непримкнувший. М., 2001.

⁴¹² РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 299-303.

⁴¹³ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 331. Л. 90; Президиум ЦК КПСС. 1954-1964. Черновые

протокольные записи заседаний. Стенограммы. Т. 1. М., 2015.

⁴¹⁴ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 331. Л. 22-23.

⁴¹⁵ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 319-327; Президиум ЦК КПСС. 1954-1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Т. 1. М., 2015.

⁴¹⁶ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 337.

⁴¹⁷ Президиум ЦК КПСС. 1954-1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Т. 1. М., 2015; Сушков А.В. Президиум ЦК КПСС в 1957-1964 гг.: личности и власть. Ек., 2009.

⁴¹⁸ Микоян А.И. Так было. М., 1999; Наумов В.П. Борьба Н.С. Хрущёва за единоличную власть // Новая и новейшая история. 1996. № 2; Петров Н.В. Первый председатель КГБ Иван Серов. М., 2005; Млечин Л.М. Председатели КГБ: рассекреченные судьбы. М., 1999.

⁴¹⁹ Серов И.А. Записки из чемодана. М., 2016.

9. XXI съезд КПСС и новая расстановка сил в Президиуме и Секретариате ЦК в 1959-1961 годах

Как известно, 27 января — 5 февраля 1959 года состоялся внеочередной XXI съезд КПСС, созванный по инициативе Н. С. Хрущёва для рассмотрения и утверждения «Контрольных цифр развития народного хозяйства СССР на 1959-1965 годы». Сама идея этой семилетки возникла вовсе не спонтанно, хотя причины, породившие очередную хрущёвскую «загогулину», до сих пор остаются дискуссионными. Так, одни авторы (В. А. Шестаков, А. И. Вдовин⁴²⁰) утверждают, что главной причиной её появления стал переход от традиционной отраслевой к территориальной структуре управления народным хозяйством страны, что и потребовало столь кардинальных изменений всей системы государственного планирования. Другие авторы (Ю. В. Аксютин, Д. О. Чураков, Н. Верт⁴²¹), напротив, полагают, что переход к семилетке был вызван крайне неудачным ходом выполнения планов VI пятилетки и срывом практически всех её главных показателей. Наконец, ещё одна группа авторов (Г. И. Ханин⁴²²) утверждает, что, во-первых, причины отказа от выполнения планов VI пятилетки и замены её семилеткой до сих пор не вполне ясны; во-вторых, искать главную причину «в невыполнении заданий шестой пятилетки по ряду показателей» не очень продуктивно, поскольку «в этом отношении она не отличалась от предыдущих пятилеток»; в-третьих, предположительно, главная причина состояла в том, что было принято решение сделать гораздо «больший крен в развитии самых прогрессивных отраслей советской экономики, а также отраслей военно-промышленного комплекса», о чём красноречиво говорят контрольные цифры «Директив по семилетнему плану на 1959-1965 годы», утверждённых на этом партийном съезде.

Помимо главного решения, ради чего, собственно, и созывался сам съезд, на нём, в том же хрущёвском докладе, прозвучали и два важных «теоретических» постулата, которые партийная пропаганда тут же окрестила «творческим развитием идей марксизма-ленинизма». Первый постулат гласил, что создание мощной индустриальной базы внутри страны и образование мирового лагеря социализма зримо свидетельствуют не только о полной, но и об окончательной победе социализма в СССР, поскольку полностью исчезла угроза реставрации капитализма не только изнутри, но и извне. Второй же постулат, логически вытекавший из первого, гласил, что отныне главной исторической задачей всего советского народа и всех государственных и общественных институтов становится развёрнутое строительство коммунистического общества и его построение в ближайшие двадцать лет. Причём, как считают ряд историков (О. Л. Лейбович, Ю. В. Аксютин⁴²³), «прорыв в коммунистическое будущее», судя по всему, соответствовал не только хрущёвской убеждённости в явных преимуществах советского планового хозяйства над рыночным хозяйством буржуазных государств, но и личным амбициям Н. С. Хрущёва, который грезил стать вровень с В. И. Лениным как вождём революции и отцом-основателем советского государства и И. В. Сталиным, под руководством которого был построен социализм и одержана историческая победа в войне. Кстати, как ни странно, в своём докладе впервые за все эти годы Н. С. Хрущёв публично упомянул в положительном контексте усопшего вождя, заявив, что в период

индустриализации и коллективизации «наш народ совершил глубочайшие преобразования под руководством партии и её Центрального Комитета, во главе которого долгие годы стоял И. В. Сталин».

Как известно, вопреки партийному уставу традиционных выборов в состав нового ЦК по итогам этого съезда не проводилось, а посему не проводился и организационный Пленум ЦК. Однако это вовсе не означало, что в скором времени внутри высшего руководства не последуют новые перестановки. И действительно, уже в марте 1959 года А. Н. Косыгин сменил обанкротившегося И. И. Кузьмина на посту председателя Госплана СССР, а в ноябре Н. С. Хрущёв инициировал пересмотр функций и полномочий двух членов самого ближнего круга и очень влиятельных членов Президиума ЦК — А. И. Кириченко и А. И. Микояна. Как уверяет А. В. Сушков⁴²⁴, за время пребывания на посту второго секретаря ЦК Алексей Илларионович Кириченко приобрёл гораздо больше врагов, нежели сторонников, среди членов высшего руководства, в основном из-за грубого и высокомерного отношения к ним. Об этом писали и ряд его коллег, в том числе А. И. Микоян, П. Е. Шелест и В. Е. Семичастный⁴²⁵, которые считали его ветреным, вспыльчивым и грубоватым, но в целом всё же «добрым и неподлым человеком». Аналогичным образом оценивал характер А. И. Кириченко и его будущий сосед по даче Ф. М. Бурлацкий, а вот маршал Г. К. Жуков, напротив, крайне негативно отзывался о нём, недоумевая, как этот «примитивный» человек, «одессит в худшем смысле этого слова» сумел «заслужить у Хрущёва столь дружеское к себе отношение»⁴²⁶. Между тем профессор Г. И. Ханин, вероятно, был абсолютно прав, когда писал о том, что одни мемуаристы делают акцент на грубости А. И. Кириченко, а другие — на его требовательности, и, скорее всего, было и то, и другое, «вполне органически сосуществуя в одной личности». Однако именно «второе качество, всё более выходившее из моды, и привело к его падению»⁴²⁷.

Конечно, позиция многих влиятельных членов Президиума ЦК, в том числе Ф. Р. Козлова, А. Б. Аристова и Е. А. Фурцевой, в лишении А. И. Кириченко его прежних властных полномочий сыграла немалую роль, но решающее слово всё же было за самим Н. С. Хрущёвым, который стал всё больше и публично проявлять недовольство деловыми и личными качествами своего протеже и его претензиями на гораздо большую самостоятельность в решении ключевых вопросов. Все эти факторы, как считают целый ряд историков (Р. А. Медведев, А. В. Трофимов, А. В. Сушков⁴²⁸), и привели к тому, что уже 12 ноября 1959 года на заседании Президиума ЦК работа Секретариата, которую и возглавлял А. И. Кириченко, была подвергнута резкой критике, а сам он при сохранении должности секретаря ЦК был лишён положения второго человека в партии. Затем через пару недель, 26 ноября, на очередном заседании Президиума ЦК под председательством М. А. Суслова, заменявшего Н. С. Хрущёва на время его отпуска, была рассмотрена и принята записка Н. Г. Игнатова «Об организации работы Секретариата ЦК КПСС», в которой было признано целесообразным установить поочерёдное, помесечное председательствование всех секретарей ЦК на его заседаниях. А посему отныне все члены Секретариата должны были принимать активное участие в формировании повестки дня его заседаний, в результате чего пост второго секретаря ЦК был вновь де-факто ликвидирован. Все кадровые вопросы, входившие в номенклатуру Секретариата ЦК, в том числе все кандидатуры первых и вторых секретарей рескомов, крайкомов, обкомов, союзных министров, председателей совнархозов, командующих военными округами, армиями

и флотами, региональных руководителей КГБ и т. д., должны были теперь утверждаться всем составом Секретариата ЦК с их вызовом на его заседания. Более того, Первый секретарь ЦК распорядился не закреплять за кем-либо из членов Секретариата две важнейших структуры аппарата ЦК — Отдел партийных органов и Отдел административных органов⁴²⁹.

Конечно, всё это отразилось на отношениях Н. С. Хрущёва и А. И. Кириченко, которые буквально через месяц усугубились личной ссорой. Как утверждает тогдашний начальник 9-го Управления КГБ СССР генерал-майор Н. С. Захаров⁴³⁰, в декабре 1959 года во время традиционной охоты в Завидово между ними возник острый спор на предмет того, кто же из них завалил очередного кабана. Разгоревшись в зимнем лесу, он плавно перетёк в острую застольную перепалку, которая закончилась настоящим скандалом. После произошедшего А. И. Кириченко не смог продолжить работу в прежнем режиме, поэтому уже в начале января 1960 года он, по сути, сам подал в отставку с поста секретаря ЦК, попросив назначить его на нижестоящую должность. 7 января 1960 года на заседании Президиума ЦК Н. С. Хрущёв ознакомил его членов с заявлением А. И. Кириченко, которому предложили на выбор пост либо Первого секретаря Ростовского обкома, который освободился после перевода Н. В. Киселёва на должность министра хлебопродуктов РСФСР, либо посла в Праге на место И. Т. Гришина, возвращавшегося в Москву на пост заместителя Н. С. Патоличева в Министерстве внешней торговли СССР, где он проработал до самой своей смерти в 1985 году⁴³¹. Первоначально А. И. Кириченко выбрал посольскую синекуру, однако затем передумал и 12 января в компании с А. Б. Аристовым прибыл в Ростов, где был избран Первым секретарём обкома партии. Конечно, информация о том, что действующий член Президиума ЦК стал главой обкома повергла в шок буквально весь партийно-государственный аппарат страны и вызвала массу различных слухов и кривотолков.

Все хорошо знали, что ещё с лета 1938 года, после первого знакомства с А. И. Кириченко, именно Н. С. Хрущёв сыграл главную роль в его стремительной карьере. Начало войны тот встретил на постах заведующего Промышленным отделом и секретаря ЦК КП(б)У, а в годы войны, как и его патрон, стал членом Военного совета пяти фронтов, в том числе Юго-Западного, Донского, Сталинградского, Южного и 4-го Украинского. Затем в феврале 1944 года он возвращается в Киев и становится секретарём ЦК КП(б)У по кадрам. В таком качестве А. И. Кириченко проработал полтора года, а затем в конце июля 1945-го был избран Первым секретарём Одесского обкома, где судьба и свела его с маршалом Г. К. Жуковым. На этой должности он проработал вплоть до отъезда Н. С. Хрущёва в Москву, и уже в середине декабря 1949 года по его протекции он возвращается в Киев и становится вторым секретарём ЦК КП(б)У. Вскоре после смерти вождя, в июне 1953-го, он пересаживается в кресло Первого секретаря ЦК и становится кандидатом в члены, а затем и членом Президиума ЦК. И, наконец, в середине декабря 1957 года наступил его звёздный час: его переводят в Москву, где он становится правой рукой Н. С. Хрущёва по работе в Секретариате и Президиуме ЦК. И вот спустя всего два года такой неожиданный крах с политического Олимпа. В самом Ростове А. И. Кириченко проработал всего полгода, и уже в июне 1960-го, выведенный на майском Пленуме из состава Президиума и Секретариата ЦК, уехал в Пензу, где до июня 1962 года директорствовал на местном дизельном заводе, а затем во ВНИИ «Типприбор», после чего окончательно ушёл на «заслуженный» отдых в возрасте всего 54 лет.

Что касается одного из старейших членов высшего советского руководства Анастаса Ивановича Микояна, то, несмотря на свои очень давние и дружеские отношения с Н. С. Хрущёвым, тот был вынужден под давлением других членов Президиума ЦК дать добро на создание временной комиссии Президиума ЦК по проверке работы Министерства внешней торговли СССР и Госкомитета по внешним экономическим связям СССР. Оба эти ведомства, которые в 1958 году возглавили Н. С. Патоличев и С. А. Скачков, всегда считались «личной вотчиной» А. И. Микояна, поэтому их проверка уже вызвала массу вопросов. Однако Н. С. Хрущёв по каким-то личным соображениям (возможно, чтобы столкнуть А. И. Микояна с главой этой комиссии Н. Г. Игнатовым) решил устранить его традиционную монополию во внешнеэкономической сфере, и по итогам проверки этих ведомств «старый лис» был снят с должности главы Внешнеэкономической комиссии Президиума Совета Министров СССР и новым её руководителем был назначен первый зампредседателя Госплана СССР Михаил Авксентьевич Лесечко. А. И. Микоян настолько был возмущён подобным решением старого «друга», что даже серьёзно подумывал о своей отставке с поста члена Президиума ЦК. Однако затем передумал и как первый заместитель главы союзного правительства всё же сохранил «наблюдение за вопросами внешней торговли и экономических связей с иностранными государствами» и кураторство всех соответствующих ведомств.

Тем временем в декабре 1959 года на очередном Пленуме ЦК разгромной критике со стороны Н. С. Хрущёва подвергся член Президиума ЦК Первый секретарь ЦК Компартии Казахстана Николай Ильич Беляев, который был обвинён в «попытке уйти от личной ответственности за невыполнение плана хлебозаготовок». Правда, подвергнув резкой критике главу республиканской парторганизации и пригрозив ему оргвыводами, Н. С. Хрущёв пока не стал его снимать. Но уже в январе 1960 года Н. И. Беляев всё-таки попал в опалу, и не только за провал хлебозаготовок, но также за прошлогодние кровавые события в Темиртау на строительстве Карагандинского металлургического комбината и его неспособность наладить нормальные рабочие отношения с местной партийно-хозяйственной номенклатурой. Будучи вспыльчивым и грубоватым человеком, он частенько устраивал разносы своим подчинённым и иногда даже терял контроль над собой. Как установил тот же А. В. Сушков⁴³², судя по документам, организаторами смещения Н. И. Беляева стали два человека — Д. А. Кунаев и Л. И. Брежнев, — между которыми уже давно, ещё со времён их совместной работы в Казахстане, сложились дружеские отношения. Именно они инициировали все выступления членов Бюро ЦК КП Казахстана против Н. И. Беляева сначала на заседании Секретариата ЦК, на котором как раз председательствовал Л. И. Брежнев, а затем и на заседании Президиума ЦК. В результате Н. С. Хрущёв, у которого и так накопилось немало претензий к Н. И. Беляеву, поддержал решение о его отставке. Его отправили в «ссылку» на должность первого секретаря Ставропольского крайкома партии, на которой он пробыл всего лишь полгода, до конца июня 1960 года, а затем тихо ушёл на пенсию. Очередным Первым секретарём ЦК Компартии Казахстана стал глава республиканского правительства Динмухамед Ахмедович Кунаев, чью кандидатуру очень активно пробивал Л. И. Брежнев, а на пост второго секретаря был избран Первый секретарь Ленинградского горкома Николай Николаевич Родионов. Кстати, за последние шесть лет это была уже пятая смена власти в Казахстане, но далеко не последняя. Забегая вперёд, скажем, что уже в конце декабря 1962 года Н. С. Хрущёву вновь «попала вожжа под хвост» и он инициировал очередную рокировку в

высшем руководстве республики. Д. А. Кунаев вторично пересел в кресло главы Совета Министров Казахской ССР, а Первым секретарём ЦК КП Казахстана стал руководитель Южно-Казахстанского обкома Исмаил Юсупович Юсупов. Вторым секретарь ЦК Н. Н. Родионов тоже был снят с занимаемого поста и отправлен обратно в Ленинград зампредом укрупнённого Северо-Западного СНХ, а его место занял Первый секретарь Карагандинского обкома Михаил Сергеевич Соломенцев.

Между тем, эти примеры наглядно демонстрируют всю искусственность «научных» построений многих западных историков и советологов, например Н. Верта, которые рассматривали частые перестановки в высшем советском руководстве в 1958-1964 годах как результат некоего открытого, с переменным успехом противостояния Н. С. Хрущёва со своими влиятельными оппонентами в Президиуме ЦК, а все решения, принимаемые на его заседаниях, — «как итог сложной подковёрной борьбы, означавший либо победу, либо поражение главы государства»⁴³³. На самом деле такого рода борьба, причём вовсе не подковёрная, а вполне публичная, когда действительно решался ключевой вопрос о политико-экономическом курсе страны, была характерна только для времён В. И. Ленина и И. В. Сталина. Во времена же Н. С. Хрущёва, особенно после разгрома «антипартийной группы», напротив, вся эта борьба, причём, действительно, во многом подковёрная, свелась главным образом к выяснению личных отношений, непомерным амбициям ряда членов Президиума ЦК и откровенной вражде, например между Н. Г. Игнатовым и Ф. Р. Козловым. Эта вражда между двумя ближайшими хрущёвскими соратниками зародилась ещё в апреле 1953 года, когда бывший кандидат в члены Президиума и секретарь ЦК, ставший вскоре после смерти И. В. Сталина министром заготовок СССР, был отправлен в Ленинград «на укрепление кадров». Заняв в одночасье посты второго секретаря Ленинградского обкома и первого секретаря одноимённого горкома, он неизбежно вступил в острый конфликт с В. М. Андриановым и Ф. Р. Козловым. Поэтому уже в конце ноября 1953 года был отозван в Москву на работу инструктором ЦК, а оттуда в январе 1954-го вообще отъехал в Воронеж, где возглавил местный обком.

Одновременно аналогичный конфликт стал тлеть между А. И. Кириченко и Ф. Р. Козловым. Причём, как установил в своём специальном диссертационном исследовании А. В. Сушков, данный конфликт Н. С. Хрущёв не просто сознательно разжигал, но и «решительно пресекал попытки других членов Президиума ЦК сгладить его»⁴³⁴. При этом противостояние этих двух влиятельных членов партийного ареопага носило не только «ведомственный характер», но, прежде всего, характер борьбы за положение второго человека в высшем руководстве страны. Неслучайно тот же Н. А. Мухитдинов в своих подробнейших мемуарах писал, что Ф. Р. Козлов и А. И. Кириченко, став ближайшими соратниками Н. С. Хрущёва, «грызлись между собой за вторую роль в государстве, спорили по мелочам в грубой и бестактной форме»⁴³⁵. Он попытался примирить своих товарищей по Президиуму ЦК и с этой целью пригласил их для частного разговора на личную госдачу. Казалось, что миссия «миротворца» ему вполне удалась, однако, как только Н. С. Хрущёв от того же Ф. Р. Козлова прознал про эту встречу, он в назидательном тоне посоветовал «молодому» соратнику не «совать нос» не в свои дела и дал ясно понять, что «натянутые отношения» между этими членами высшего руководства «отвечают его интересам».

Вместе с тем тот же А. В. Сушков подчёркивал и то, что «выведение каждого руководителя из состава Президиума ЦК КПСС было обусловлено целым комплексом причин», среди которых не только откровенная «склонность к интриганству и интриги других членов руководства», но и стремление его соратников «к большей самостоятельности в работе». Однако всё же основной причиной многих кадровых решений на самом верху было «недовольство Н. С. Хрущёва деловыми качествами членов высшего руководства, а именно недостаточной компетентностью, несоответствием занимаемому положению, наличием крупных ошибок в руководстве порученным участком работы» и т. д. Учитывая то обстоятельство, что практически все члены Президиума ЦК так или иначе вызвали раздражение главы государства своими деловыми качествами, над ними всегда довлела угроза лишения занимаемых ими постов, что в своё время сыграло решающую роль в смещении самого Н. С. Хрущёва. Более того, «объяснение кадровых перестановок в Президиуме ЦК КПСС борьбой Н. С. Хрущёва с оппозиционно настроенными к его деятельности как отдельными членами руководства, так и различными группировками не находит документального подтверждения» в источниках. В Президиуме ЦК в этот период, после разгрома «антипартийной группы», «никаких группировок с чётко выраженными целями не существовало», поскольку сам Н. С. Хрущёв «культивировал соперничество внутри Президиума ЦК, сталкивал между собой его членов, и даже незначительное сближение позиций по решению рабочих вопросов или возникновение дружеских отношений решительно пресекал, в том числе при помощи организационно-кадровых перестановок».

Новая крупная рокировка в самых верхних эшелонах власти произошла уже 4 мая 1960 года на очередном Пленуме ЦК⁴³⁶. Правда, на сей раз её жертвами стали сразу несколько человек. Во-первых, по вполне понятным причинам из состава Президиума ЦК КПСС были выведены Н. И. Беляев и А. И. Кириченко и новыми полноправными членами высшего партийного ареопага стали сразу три кандидата в члены Президиума: первый заместитель председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, Первый секретарь ЦК Компартии Украины Н. В. Подгорный и председатель Совета Министров РСФСР Д. С. Полянский.

Во-вторых, в отставку с должностей секретарей ЦК были отправлены сразу пять человек: А. И. Кириченко, А. Б. Аристов, Н. Г. Игнатов, Н. П. Пospelов и Е. А. Фурцева. Конечно, отставка А. И. Кириченко была уже чистой техникой, а вот отставка других секретарей ЦК вызвала немало кривотолков. Как считает тот же А. В. Сушков, Н. С. Хрущёв был не только крайне недоволен работой всего Секретариата ЦК, обстановка в котором стала постепенно выходить из-под его контроля, но и тем, что внутри самого Секретариата возникла «группа Н. Г. Игнатова», в состав которой, помимо его самого, входили А. Б. Аристов и Е. А. Фурцева. Их кабинеты на Старой площади в здании ЦК находились на одном этаже, они довольно часто собирались вместе и за обедом, и в нерабочее время, обсуждая многие текущие вопросы и вырабатывая общее мнение по многим проблемам, которые затем обсуждались на Секретариате ЦК. Кроме того, Первого секретаря ЦК явно напугала позиция этой троицы на заседании Президиума ЦК 24 ноября 1959 года, когда они «единым фронтом» выступили в поддержку главы КГБ И. А. Серова⁴³⁷. Поэтому Н. С. Хрущёв, всегда очень настороженно относившийся к сближению членов высшего руководства, особенно после разгрома «антипартийной группы», решил освободить их от обязанностей секретарей ЦК и развести по разным ведомствам. В результате Николай

Григорьевич Игнатов, страдавший «наполеоновским комплексом» и мнивший себя новым лидером страны, был назначен одним из заместителей председателя Совета Министров СССР, Аверкий Борисович Аристов был временно оставлен в должности первого заместителя председателя Бюро ЦК КПСС по РСФСР, а Екатерина Алексеевна Фурцева вместо Н. А. Михайлова, который был отправлен послом в Индонезию, была назначена министром культуры СССР. При этом все трое пока что сохранили и своё полноправное членство в Президиуме ЦК. Помимо этой «грешной троицы», как бы в довесок, с поста секретаря ЦК был снят и Пётр Николаевич Поспелов, которого мягко переместили на должность директора Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Хотя обстоятельства его отставки до сих пор не совсем понятны, но, вероятнее всего, она была связана с кознями М. А. Суслова и его клевретов в идеологических структурах аппарата ЦК. При этом сам Н. С. Хрущёв, поясняя членам ЦК столь масштабное сокращение числа секретарей ЦК, дословно заявил: «Секретариат слишком объёмистый, удельный вес в Президиуме большой».

В-третьих, к удивлению многих, на место пяти отставников в Секретариат ЦК пришёл единственный секретарь ЦК Фрол Романович Козлов, занимавший пост первого заместителя председателя Совета Министров СССР. Его перевод в аппарат ЦК многие историки (А. В. Пыжиков, Р. Г. Пихоя, А. В. Сушков⁴³⁸) связывают с тем, что скороспелая ликвидация должности второго секретаря ЦК крайне негативно сказалась на работе всего аппарата ЦК, поскольку далеко не все секретари ЦК были способны в полной мере справиться с этой важной ролью, а коллективное курирование важнейших отделов ЦК, что ранее было исключительной прерогативой второго секретаря ЦК, грозило выходом этих отделов из-под их повседневного контроля. Поэтому Н. С. Хрущёв, идя вразрез с принятым всего полгода назад Постановлением Президиума ЦК, в июне 1960 года решил вновь официально утвердить пост второго секретаря ЦК, возложив эту роль именно на Ф. Р. Козлова. При этом его обязанности по правительству Н. С. Хрущёв передал А. Н. Косыгину, позиции которого в высшем руководстве страны тоже резко усилились. Одновременно новым председателем Госплана СССР и зампреда Совета Министров СССР был назначен Владимир Николаевич Новиков, а И. И. Кузьмин снят с поста главы Госнаучэкономсовета Совмина СССР и отправлен послом в Берн.

Судя по воспоминаниям ряда очевидцев, в частности того же В. Н. Новикова⁴³⁹, после смещения А. И. Кириченко именно Ф. Р. Козлов сразу сосредоточил «практически всю власть в своих руках». Правда, теперь он уже значительно меньше влезал в повседневную хозяйственную работу и брал на себя только крупные вопросы и жёсткий контроль за исполнением решений Президиума и Секретариата ЦК. Надо сказать, что фигура Ф. Р. Козлова до сих пор вызывает самые горячие споры. Сам В. Н. Новиков, больше двадцати лет проработавший заместителем председателя Совета Министров СССР, с глубоким уважением отзывался о его деловых качествах и решительности, умении найти подход к людям, но при этом отмечал его грубость и то, что «ради карьеры он мог пойти на многое». Аналогичную оценку Ф. Р. Козлову давал и сын лидера страны С. Н. Хрущёв, который, отмечая его немалый управленческий опыт и умение быстро «ухватить суть дела», писал, что «в тот момент он полностью, даже в мелочах, шаг за шагом, следовал линии отца»⁴⁴⁰. Однако очень многие его «соратники», в том числе А. Н. Шелепин, В. Е. Семичастный и А. И. Микоян⁴⁴¹, напротив, очень негативно оценивали интеллектуальные, деловые, личные и моральные качества Ф. Р. Козлова. И именно

эта негативная оценка затем стала превалировать буквально во всей исторической литературе⁴⁴², хотя изредка высказывались и иные, положительные, оценки его личности и деятельности, например в работах А. В. Сушкова и Г. И. Ханина, которые считали его крупным государственным деятелем и действительно способным управленцем⁴⁴³.

Как уже было сказано выше, после ухода Ф. Р. Козлова в ЦК новым первым замом главы Совета Министров СССР стал Алексей Николаевич Косыгин. Этой фигуре, в отличие от его предшественника, напротив, очень повезло. На протяжении нескольких десятков лет мемуаристы, публицисты и историки на все лады превозносили деловые и личные качества «самого лучшего за всю советскую эпоху премьер-министра страны»⁴⁴⁴. Однако в последние годы появились и куда более взвешенные и очень критические оценки этой фигуры. Например, тот же Г. И. Ханин весьма скептически высказывался о его деловых и политических качествах и утверждал, что на заседаниях Президиума ЦК при «обсуждении хозяйственных вопросов А. Н. Косыгин вёл себя весьма пассивно, и в его выступлениях было трудно найти интересные мысли». Н. С. Хрущёв был явно недоволен его работой как своего первого зама по правительству и несколько раз прямо говорил ему об этом на заседаниях Президиума ЦК⁴⁴⁵. Именно поэтому, как уверяют В. Н. Новиков и Г. И. Ханин, в марте 1963 года с образованием ВСНХ СССР его глава Дмитрий Фёдорович Устинов, который очень импонировал Н. С. Хрущёву и своим стилем работы, и достижениями в развитии всего военно-промышленного комплекса, став ещё одним первым заместителем главы Совета Министров СССР, подвинул А. Н. Косыгина на третью позицию в союзном правительстве.

Тогда же, в мае 1960 года, Н. С. Хрущёв окончательно утвердился во мнении о необходимости освободить престарелого маршала К. Е. Ворошилова с поста председателя Президиума Верховного Совета СССР и вывести его из состава Президиума ЦК. Это решение, вопреки устоявшемуся мнению, было вызвано не столько тем, что седовласый маршал когда-то состоял в «антипартийной группе», сколько его преклонным возрастом и нараставшей неспособностью исполнять свои обязанности «президента» страны.

Как считают ряд историков, в частности А. В. Сушков, первоначально ему на смену стали готовить Н. Г. Игнатов, и с этой целью ещё в апреле 1959 года он был избран главой Президиума Верховного Совета РСФСР с сохранением в должности секретаря ЦК. Однако осуществлению этого плана помешал сам Н. Г. Игнатов, который в подвыпившем состоянии в кругу близких соратников по Президиуму ЦК, в том числе А. Б. Аристову и Е. А. Фурцевой, не раз костерил Н. С. Хрущёва самыми последними, в том числе матерными, словами. Поэтому уже в ноябре 1959 года он был снят с должности руководителя Верховного Совета РСФСР, который возглавил зампред республиканского правительства Н. Н. Органов. Однако уже в начале 1960 года Н. С. Хрущёв вновь обратился к этому вопросу, поводом чему послужило бесцеремонное поведение маршала К. Е. Ворошилова во время официального визита в Индию. Однако последней каплей стала публичная поддержка престарелым «президентом» страны сына усопшего вождя В. И. Сталина, с которым после его освобождения из тюрьмы в начале апреля он посетил китайское посольство. На сей раз выбор Первого секретаря пал на Леонида Ильича Брежнева, в личной преданности которого он тогда не сомневался. В итоге в начале мая 1960 года Л. И. Брежнев на сессии Верховного Совета СССР был утверждён новым председателем

Президиума, а уже в середине июля того же года на очередном Пленуме ЦК К. Е. Ворошилов был выведен из Президиума, а Л. И. Брежнев — из состава Секретариата ЦК. Кстати, последнее обстоятельство дало основание профессору А. В. Пыжикову⁴⁴⁶ заявить, что отныне Л. И. Брежнев «был уже отдалён от реальных рычагов власти», хотя эту оценку категорически оспорил А. В. Сушков⁴⁴⁷, который к тому же установил, что реальный вывод К. Е. Ворошилова из Президиума, а Л. И. Брежнева из Секретариата ЦК произошёл именно на майском Пленуме ЦК, но в печати эта информация намеренно по предложению Н. С. Хрущёва была подана как решение июльского Пленума ЦК.

Как считают ряд авторов, в результате произошедших перестановок внутри Президиума ЦК «установилось относительно равномерное соотношение сил» между «партийной и государственной ветвями власти». Более того, исходя из числа влиятельных членов Президиума ЦК, занимавших государственные посты, можно было даже говорить «о смещении политического веса в сторону правительственных структур», однако, как совершенно верно подчеркнул тот же А. В. Сушков, беспрецедентное сосредоточение властных полномочий в руках второго секретаря ЦК Ф. Р. Козлова не позволяет сделать подобный вывод. С осени 1960 года, помимо руководства Секретариатом ЦК, он же стал вести и заседания Президиума ЦК во время отсутствия Н. С. Хрущёва, который всё чаще и чаще стал выезжать с визитами за границу. При этом М. А. Суслов, ранее ведший такие заседания, постепенно стал утрачивать прежнее влияние в высшем руководстве, сохраняя, однако, положение «третьего» секретаря ЦК и одного из идеологов партии. Одновременно Н. С. Хрущёв стал приближать к себе и Л. И. Брежнева и, пользуясь давним проверенным принципом «разделяй и властвуй», начал противопоставлять его Ф. Р. Козлову. Тем более, будучи одним из влиятельнейших членов Президиума ЦК, Л. И. Брежнев сохранил за собой важный пост куратора всего военно-промышленного комплекса страны и продолжал возглавлять Военную комиссию ЦК КПСС.

Кстати, чуть раньше, в апреле 1960 года, произошли важные перемены и в руководстве Министерства обороны СССР. Предтечей этих событий стала записка Н. С. Хрущёва в Президиум ЦК, датированная 8 декабря 1959 года⁴⁴⁸, в которой он предложил в ближайшие два года почти на треть сократить весь личный состав Вооружённых Сил СССР. После рассмотрения этой записки на Президиуме ЦК, а затем и на декабрьском Пленуме ЦК, 15 января 1960 года Верховный Совет СССР принял Закон «О новом значительном сокращении Вооружённых Сил СССР», который предусматривал увольнение из советской армии и флота до конца 1963 года более 1 200 000 человек и доведения их численности до 3 300 000 военнослужащих. Против принятого решения резко выступили не только многие офицеры и генералы, доблестно прошедшие горнило Великой Отечественной войны, но и целый ряд самых выдающихся советских полководцев. Более того, в знак протеста против данного решения в отставку подали три маршала Советского Союза: два первых заместителя министра обороны — начальник Генштаба Василий Данилович Соколовский и главком ОВС ОВД Иван Степанович Конев — и командующий Белорусским военным округом Семён Константинович Тимошенко. В результате новым начальником Генштаба стал маршал Советского Союза Матвей Васильевич Захаров, Главкомат ОВС ОВД возглавил маршал Советского Союза Андрей Антонович Гречко, а его прежнюю должность Главкома Сухопутных войск занял бывший командующий Киевским военным округом маршал Советского Союза Василий Иванович Чуйков.

Последняя крупная и уже ожидаемая отставка перед очередным партийным съездом состоялась в январе 1961 года, когда на очередном Пленуме ЦК⁴⁴⁹ с поста заместителя председателя Бюро ЦК КПСС по РСФСР был освобождён и де-факто отстранён от участия в работе Президиума ЦК Аверкий Борисович Аристов. Поводом для этого решения послужила известная «рязанская афера», к которой он, в отличие от того же Н. Г. Игнатова, имел довольно отдалённое отношение. В частности, ему вменили в вину, что именно он, пытаясь помочь своему старому партийному товарищу Первому секретарю Рязанского обкома А. Н. Ларионову, пробил в конце августа 1960 года Постановление Бюро ЦК по РСФСР «О мерах помощи колхозам и совхозам Рязанской области», что вызвало неудовольствие Н. С. Хрущёва и было сразу отменено⁴⁵⁰. Однако Первый секретарь, наказывая А. Б. Аристову, которого он сам назвал «честным и хорошим человеком», но «очень слабым работником»⁴⁵¹, по сути, снимал ответственность с себя и переводил стрелки на своего зама. В результате, оставаясь уже формально в ранге члена Президиума ЦК, А. Б. Аристов по его же просьбе отбыл на пост нового посла в Варшаву, а его предшественник Пётр Андреевич Абрасимов отъехал в Смоленск, где сразу занял должность первого секретаря тамошнего обкома партии. Новым же заместителем Н. С. Хрущёва в Бюро ЦК КПСС по РСФСР был утверждён Первый секретарь Оренбургского обкома партии Геннадий Иванович Воронов, который «был взят на карандаш» Н. С. Хрущёвым ещё в 1950 году во время их первой встречи, когда тот был Первым секретарём Читинского обкома партии. На том же Пленуме он, как и председатель ВЦСПС Виктор Васильевич Гришин, был избран и кандидатом в члены Президиума ЦК, а ещё один заместитель Н. С. Хрущёва по российскому Бюро П. Н. Пospelов был также отставлен со своего поста и вернулся на научную работу в Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Надо сказать, что многие представители партийно-государственной элиты, которым довелось работать и общаться с А. Б. Аристовым, исключительно положительно отзываются о его деловых и личных качествах, в том числе В. Н. Новиков и Н. К. Байбаков, которые отмечали не только его деловитость, принципиальность, оперативность и богатый управленческий опыт, но особую «доброжелательную мягкость к людям», отсутствие высокомерия и такт, что в те времена было большой редкостью⁴⁵². Хотя тот же А. И. Микоян, напротив, считал его «неподходящим человеком» для высшего руководства страны, «с большими претензиями»⁴⁵³. Однако подобные нелестные оценки «старый лис» давал чуть ли не всем своим коллегам и «соратникам» по Президиуму ЦК.

Два очередных однодневных Пленума ЦК, прошедшие 19 июня и 14 октября 1961 года, уже не касались кадровых вопросов и целиком были посвящены предсъездовской подготовке, в том числе обсуждению докладов Н. С. Хрущёва и Ф. Р. Козлова о новых Программе и Уставе партии и принятии Постановлений ЦК «Об Отчёте ЦК КПСС XXII съезду КПСС», «Об итогах обсуждения проекта Программы КПСС» и «Об итогах обсуждения проекта Устава КПСС»⁴⁵⁴.

⁴²⁰ Шестаков В.А. Социально-экономическая политика советского государства в 50-е — середине 60-х годов. М., 2006; Вдовин А.И. СССР. История великой державы (1922-1991 гг.). М., 2018.

⁴²¹ Аксютин Ю.В. Хрущёвская «оттепель» и общественные настроения в СССР в

1953-1964 гг. М., 2010; Чураков Д.О. СССР при Брежнев: вся правда о великой эпохе. М., 2015; Верт Н. История Советского государства. 1900-1991. М., 1992.

⁴²² Ханин Г.И. Экономическая история России в новейшее время. Экономика СССР в конце 30-х годов — 1987 год. Т. 1. Новосибирск, 2008; Ханин Г.И. 50-е годы — десятилетие триумфа советской экономики // Свободная мысль — XXL 2002. № 5.

⁴²³ Лейбович О.Л. Реформа и модернизация в 1953-1964 гг. Пермь, 1993; Аксютин Ю.В. Хрущёвская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953-1964 гг. М., 2010.

⁴²⁴ Сушков А.В. Структура и персональный состав Президиума ЦК КПСС в 1957-1964 гг. Автореферат дисс. канд. ист. наук. Ек., 2003; Сушков А.В. Президиум ЦК КПСС в 1957-1964 гг.: личности и власть. Ек., 2009.

⁴²⁵ Микоян А.И. Так было. М., 1999; Шелест П.Е. ...Да не судимы будете: дневниковые записи, воспоминания члена Политбюро ЦК КПСС. М., 1994; Семичастный В.Е. Беспокойное сердце. М., 2002.

⁴²⁶ Бурлацкий Ф.М. Вожди и советники. О Хрущёве, Андропове и не только о них... М., 1990; Георгий Жуков. Стенограмма октябрьского (1957 г.) Пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 2001.

⁴²⁷ Ханин Г.И. Экономическая история России в новейшее время. Экономика СССР в конце 30-х годов — 1987 год. Т. 1. Н., 2008.

⁴²⁸ Медведев Р.А. Н. С. Хрущёв. Политическая биография. М., 1990; Трофимов А.В. Политическое развитие СССР в 1953-1964 гг. Ек., 1996; Сушков А.В. Структура и персональный состав Президиума ЦК КПСС в 1957-1964 гг. Автореферат дисс. канд. ист. наук. Ек., 2003; Сушков А.В. Президиум ЦК КПСС в 1957-1964 гг.: личности и власть. Ек., 2009.

⁴²⁹ Президиум ЦК КПСС. 1954-1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Т. 1. М., 2015.

⁴³⁰ Захаров Н.С. Сквозь годы. Воспоминания. Тула, 2003.

⁴³¹ Президиум ЦК КПСС. 1954-1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Т. 1. М., 2015.

⁴³² Сушков А.В. Структура и персональный состав Президиума ЦК КПСС в 1957-1964 гг. Автореферат дисс. канд. ист. наук. Ек., 2003; Сушков А.В. Президиум ЦК КПСС в 1957-1964 гг.: личности и власть. Ек., 2009; Кунаев Д.А. От Сталина до Горбачёва (В аспекте истории Казахстана). Алма-Ата, 1994.

⁴³³ Верт Н. История Советского государства. 1900-1991. М., 1992.

⁴³⁴ Сушков А.В. Структура и персональный состав Президиума ЦК КПСС в 1957-1964 гг. Автореферат дисс. канд. ист. наук. Ек., 2003.

⁴³⁵ Мухитдинов Н.А. Река времени. М., 1995.

⁴³⁶ РГАНИ, Ф. 2. Оп. 1. Д. 449-452; Президиум ЦК КПСС. 1954-1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Т. 1. М., 2015.

⁴³⁷ Президиум ЦК КПСС. 1954-1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Т. 1. М., 2015; Сушков А.В. Президиум ЦК КПСС в 1957-1964 гг.: личности и власть. Ек., 2009.

⁴³⁸ Пыжиков А.В. Политические преобразования в СССР (50-60-е годы). М., 1999; Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти, 1945-1991. М., 1998; Сушков А.В. Структура и персональный состав Президиума ЦК КПСС в 1957-1964 гг. Автореферат дисс. канд. ист. наук. Ек., 2003; Сушков А.В. Президиум ЦК КПСС в 1957-1964 гг.:

личности и власть. Ек., 2009.

Правда, профессор Р. Г. Пихоя в своей работе «Советский Союз: история власти, 1945-1991» (1998) утверждает, что согласно решению Президиума ЦК Ф. Р. Козлов получил право вести заседания Президиума ЦК в случае отсутствия Н. С. Хрущёва только 9 января 1963 года, что по факту делало его «вторым секретарём» ЦК. Но выполнял он эти обязанности недолго, поскольку уже в апреле 1963 года тяжело заболел. А в сентябре 1964 года ему перестали посылать и текущие материалы ЦК, что означало фактическое прекращение его деятельности в партийном руководстве. Правда, после участия в заседании Президиума ЦК 12-14 октября 1964 года и в октябрьском Пленуме ЦК он восстановил свой статус члена Политбюро (так у Р.Г. Пихои — Е. С.), и с 22 октября 1964 года ему вновь стали присылать все материалы ЦК. Однако уже 16 ноября он был освобождён по болезни от должности члена Президиума ЦК КПСС и в январе 1965 года скончался.

⁴³⁹ Новиков В.Н. В годы руководства Н.С. Хрущёва // Вопросы истории. 1989. № 1-2.

⁴⁴⁰ Хрущёв С.Н. Рождение сверхдержавы: Книга об отце. М., 2003.

⁴⁴¹ Микоян А.И. Так было. М., 1999; Хрущёвские времена. Непринуждённые беседы с политическими деятелями «великого десятилетия» (А.Н. Шелепин, В.Е. Семичастный, Н.Г. Егорычев) // Неизвестная Россия. XX век. М., 1992.

⁴⁴² Медведев Р.А. Н.С. Хрущёв. Политическая биография. М., 1989; Кутузов В.А. Несостоявшийся Генсек: Ф.Р. Козлов // Санкт-Петербургская панорама. 1993. № 7; Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти, 1945-1991. М., 1998.

Кстати сказать, в этих, да и в других работах, особенно фантаста Р.А. Медведева, содержится немало элементарных фактических ошибок, в том числе связанных с политическими биографиями Ф.Р. Козлова, А.И. Кириченко, О.В. Куусинена, Е.А. Фурцевой и других партийных вождей, на которые совершенно верно указал А.В. Сушков в своей кандидатской диссертации.

⁴⁴³ Ханин Г.И. Экономическая история России в новейшее время. Экономика СССР в конце 30-х годов — 1987 год. Т. 1. Н., 2008; Сушков А.В. Президиум ЦК КПСС в 1957-1964 гг.: личности и власть. Ек., 2009.

⁴⁴⁴ Байбаков Н.К. От Сталина до Ельцина. М., 1998; Андриянов В.И. Косыгин. М., 2003; Гвишиани А.Д. Феномен Косыгина. Записки внука. Мнения современников. М., 2004; Аксютин Ю.В. Восьмой советский премьер Косыгин // Россия XXI. 2000. № 4.

⁴⁴⁵ Ханин Г.И. Экономическая история России в новейшее время. Экономика СССР в конце 30-х годов — 1987 год. Т. 1. Н., 2008; Президиум ЦК КПСС. 1954-1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Т. 1. М., 2015.

⁴⁴⁶ Пыжиков А.В. Политические преобразования в СССР (50-60-е годы). М., 1999; Пыжиков А.В. Хрущёвская «оттепель», 1953-1964. М., 2002.

⁴⁴⁷ Сушков А.В. Структура и персональный состав Президиума ЦК КПСС в 1957-1964 гг. Автореферат дисс. канд. ист. наук. Ек., 2003; Сушков А.В. Президиум ЦК КПСС в 1957-1964 гг.: личности и власть. Ек., 2009.

⁴⁴⁸ «Армию надо сделать без излишеств...». Записка Н.С. Хрущёва о военной реформе 1959 г. // Исторический архив. 1998. № 3; Абрамова Ю.А. Взаимоотношения руководства КПСС и Советской Армии в период хрущёвской «оттепели», 1953-1964 гг. Автореферат дисс. канд. ист. наук. М., 2000; Абрамова Ю.А. Незавершённая реформа Н.С. Хрущёва: преобразования Вооружённых сил СССР в 1953-1964 гг. // Вестник МГОУ. 2001. № 4; Соловьёв Р.А. Реформа Вооружённых сил СССР в 1953-1964 гг. Проблемы социальной адаптации увольняемых военнослужащих // Вестник

Брянского ГУ. 2014. № 2.

⁴⁴⁹ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 535.

⁴⁵⁰ Сушков А.В. Высшее руководство СССР и «Рязанское дело» (1959-1961 годы) // Вестник Челябинского государственного университета. Выпуск 35. Челябинск, 2008; Спицын Е.Ю. Хрущёвская слякоть. М., 2019.

⁴⁵¹ Президиум ЦК КПСС. 1954-1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Т. 1. М., 2015.

⁴⁵² Новиков В.Н. В годы руководства Н.С. Хрущёва // Вопросы истории. 1989. № 2; Байбаков Н.К. От Сталина до Ельцина. М., 1998.

⁴⁵³ Микоян А.И. Так было. М., 1999.

⁴⁵⁴ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 537-543; Д. 544-548.

10. XXII съезд КПСС и новый расклад сил в руководстве страны

Как считают многие историки (Р. Г. Пихоя, А. В. Пыжиков, Ю. В. Емельянов, Ю. В. Аксютин⁴⁵⁵), XXII съезд КПСС, прошедший 17-31 октября 1961 года, стал своеобразным водоразделом в истории хрущёвской эпохи, поскольку именно на этом съезде были приняты решения, которые в конечном счёте поставили крест на партийно-государственной карьере самого Н. С. Хрущёва.

На сей раз в официальной повестке дня съезда значились всего три вопроса: Отчётный доклад ЦК, с которым выступил сам Н. С. Хрущёв, Отчётный доклад ЦРК, который делал её глава председатель Верховного Суда А. Ф. Горкин, и доклад «Об изменениях в Уставе КПСС», с которым выступил Ф. Р. Козлов.

Первоначально в центре внимания почти 4800 делегатов этого съезда были два основных вопроса: обсуждение и принятие новой Программы партии и очередной редакции её Устава⁴⁵⁶. Хотя, по мнению целого ряда историков, детально занимавшихся изучением этих документов, доктринально они мало отличались от аналогичных проектов, обсуждавшихся ещё при И. В. Сталине, который на XVIII и XIX партийных съездах определял эту цель как одну из главных задач партии на ближайшие полтора-два десятка лет⁴⁵⁷. Правда, теперь в основу всех расчётов была положена формальная экстраполяция достаточно высоких темпов развития советской экономики, помноженная на уверенность Н. С. Хрущёва и других членов Президиума ЦК, что эти темпы будут дальше только возрастать.

Ещё летом 1958 года во исполнение решений XX съезда для разработки проекта новой партийной Программы была создана рабочая группа, которую возглавил секретарь ЦК и заведующий Международным отделом ЦК Борис Николаевич Пономарёв⁴⁵⁸. В состав этой группы вошли около 100 крупнейших учёных и специалистов из различных научных институтов, а общее кураторство всей работой осуществлял член Президиума и секретарь ЦК Отто Вильгельмович Куусинен. Затем в конце июля 1959 года Президиум ЦК принял решение, что теоретическая часть Программы будет готовиться под руководством двух наиболее маститых академиков-марксистов Евгения Самуиловича Варги и Станислава Густавовича Струмилина, написавших к тому времени совместную записку «На путях построения коммунизма», а все практические расчёты по всем отраслям народного хозяйства будут делать сотрудники Госплана и Государственного научно-экономического совета при Совете Министров СССР, которые в то время уже возглавили А. Н. Косыгин и А. Ф. Засядько⁴⁵⁹.

К весне 1961 года работа над проектом новой Программы была завершена и её текст был направлен Н. С. Хрущёву, который в конце апреля, в три захода сформулировав все свои замечания, отправил их обратно О. В. Куусинену и Б. Н. Пономарёву. После соответствующей доработки проект Программы был рассмотрен сначала на Президиуме ЦК, а затем и на июньском Пленуме ЦК. И, наконец, 26 июля 1961 года Президиум ЦК окончательно одобрил новый вариант текста представленной Программы и принял решение вынести его на всенародное обсуждение. 30 июля он был опубликован в двух центральных газетах — «Правде» и «Известиях», а уже к середине сентября, по подсчётам А. В. Пыжикова и Н. А.

Барсукова⁴⁶⁰, на него откликнулось почти 171 000 активных корреспондентов со всех уголков страны.

Во многом именно поэтому на самом XXII съезде принятие новой партийной «Программы строительства коммунизма», которую сам Н. С. Хрущёв назвал «поэмой нашей партии»⁴⁶¹, практически не вызвало каких-либо серьёзных нареканий. Сам текст программы, состоящей из двух частей, носил вполне ортодоксальный характер и в целом излагал хорошо известные способы перехода к коммунистическому обществу, что вряд ли могло стать предметом каких-либо горячих и острых дискуссий на съезде. В соответствии с этой Программой для достижения поставленной всемирно-исторической задачи требовалось ровно двадцать лет напряжённого и целенаправленного труда, из которых первое десятилетие (1961-1970 годы) отводилось на «создание материально-технической базы коммунизма», а второе десятилетие (1971-1980 годы) объявлялось переходным периодом от развитого социализма к коммунизму. При этом в тексте Программы впервые документально был чётко зафиксирован особый акцент на ускоренное развитие производства средств потребления, т. е. отраслей группы «Б», по отношению к производству средств производства, т. е. отраслей группы «А», что, по замыслам авторов Программы, позволило бы к 1980 году увеличить общие объёмы производства базовых отраслей в 6 раз, а потребительских отраслей — аж в 13 раз. Вместе с тем в тексте Программы было вновь подчёркнуто, что только «дальнейшее развитие тяжёлой индустрии», на базе которой будет проведена масштабная техническая реконструкция всех остальных отраслей народного хозяйства страны, приведёт к реальному созданию бесклассового общества с единой формой собственности на средства производства, постепенному отмиранию социалистического государства и передаче всех его управленческих функций органам народного самоуправления.

Кстати, как установил профессор А. В. Пыжиков, ещё летом 1957 года вопрос о переходе классового государства диктатуры пролетариата к общенародному государству встал «в полный рост», получив свои конкретные очертания в записке О. В. Куусинена, которую он направил Н. С. Хрущёву вместе с проектом своего доклада на торжественном заседании в Кремле, посвящённом 40-летию юбилею Великой Октябрьской социалистической революции⁴⁶². Первая попытка публично обсудить этот вопрос была предпринята уже в декабре 1957 года на очередном Пленуме ЦК, когда Н. С. Хрущёв предложил передать ряд важных государственных функций, прежде всего социального обеспечения, в руки ВЦСПС. Однако тогда против этой инициативы выступили многие члены ЦК и ЦРК, в том числе член Президиума и Секретариата ЦК А. И. Кириченко, первый секретарь Ленинградского обкома И. В. Спиридонов, Первый секретарь ЦК ВЛКСМ А. Н. Шелепин, министр соцобеспечения РСФСР Н. А. Муравьёва и другие⁴⁶³.

Но их аргументация никак не вдохновляла Н. С. Хрущёва и не разделялась им, поскольку он связывал будущее государственного строительства в СССР с утверждением новой модели общенародного государства, в чём зримо видел «преодоление сталинского наследия и возвращение к ленинским истокам». Более того, эта задача не только стала важнейшей идеологической мантрой всей хрущёвской эпохи, но и по своей значимости ставилась им самим в один ряд с разоблачением «сталинского культа». Поэтому, обретя «плоть и кровь» в мыслях самого Н. С. Хрущёва, данная тема заняла одно из центральных мест во всей научной и партийно-идеологической литературе, в том числе в книгах и статьях Ф. М. Бурлацкого, А. П.

Бутенко, А. И. Денисова, М. И. Пискотина, А. И. Лепёшкина и других хрущёвских идеологов⁴⁶⁴, особенно в период подготовки и проведения XXII съезда КПСС.

Что касается нового партийного Устава, то, по мнению многих историков, его принятие имело куда более важные политические последствия, чем принятие новой Программы. Данный документ, формально вдохновляемый ленинскими принципами «революционной легальности», «внутрипартийной демократии», «коллективного руководства» и «народного контроля», особо подчёркивал необходимость периодической ротации партийных кадров и руководящих органов на всех уровнях партийного аппарата: от первичных парткомов до Президиума и Секретариата ЦК. На каждых отчётно-выборных собраниях, конференциях и съездах замене подлежала половина членов всех партийных органов до райкомов и горкомов партии включительно, треть состава этих органов — на областном (краевом) и республиканском уровнях и четверть состава — в самом Центральном Комитете партии и его руководящих органах, т. е. в Президиуме и Секретариате ЦК. При этом данное положение Устава было подкреплено дополнительным правилом, которое запрещало избираться в одни и те же партийные органы более определённого количества раз. Хотя, не допуская никаких исключений для первичных и региональных парторганизаций, эти правила предусматривали исключения для всех членов ЦК и Президиума ЦК. Согласно Уставу, члены высших партийных органов, «авторитет которых был единодушно признан всеми членами партии», могли оставаться на своём посту более долгий срок, если при тайном голосовании три четверти голосов подавались за их кандидатуры. Таким образом, новые нормы партийного Устава, призванные обеспечить обновление и омоложение партийных кадров, достигли лишь частичного успеха. На самом деле, быстрая ротация кадров на низших уровнях приводила к ослаблению их авторитета и ставила их в ещё большую зависимость от прочно сидящих на своих местах представителей вышестоящих партийных инстанций. Что же касается высших партийных иерархов, то реальная возможность оставаться в высших эшелонах власти де-факто на неограниченный срок только укрепляла их положение во всей номенклатурной обойме. С другой стороны, чтобы набрать большинство в три четверти голосов, позволяющее сохранить им свои посты в высшей властной вертикали, они, будучи заинтересованными в укреплении личной преданности нижестоящей номенклатуры, неизбежно шли навстречу их разным пожеланиям и требованиям. В итоге хрущёвская «кадровая реформа» укрепляла отношения личной преданности и фактический застой в верхах, одновременно ставя под угрозу карьеры молодых партийцев, поставленных в прямую зависимость от благорасположения всех вышестоящих партийных чиновников. Таким образом, эта уставная реформа оказалась неспособной ни покончить с консервативным сопротивлением в верхах, ни привлечь на сторону Н. С. Хрущёва, главного автора этой «реформы», симпатии огромной армии партийных аппаратчиков на местах. Это зримо проявилось ровно через месяц после окончания съезда, когда в конце ноября 1961 года слушатели Высшей партийной школы при ЦК КПСС с плохо скрываемым протестом отреагировали на выступление Ф. Р. Козлова, который в своём докладе вещал им об итогах прошедшего съезда, об «антипартийной группе» и новом Уставе КПСС⁴⁶⁵.

Между тем после нескольких дней дискуссии по двум ключевым партийным документам совершенно неожиданно для многих делегатов съезда хрущёвские клеветы А. Н. Шелепин, И. В. Спиридонов, П. Н. Демичев и Г. Д. Джавахишвили

перевели дискуссию на, казалось бы, давно и хорошо забытую тему — критику «сталинского культа» и разоблачение преступных деяний его «ближайших сообщников», в первых рядах которых вновь замаячили члены разгромленной «антипартийной группы» В. М. Молотов, Г. М. Маленков и Л. М. Каганович, а также неожиданно для многих маршал К. Е. Ворошилов. Причём престарелого, убелённого сединами первого маршала страны, единственного из ближайших сталинских соратников, присутствовавшего на этом помпезном партийном форуме, который уже не очень хорошо соображал и даже слышал, заставили прилюдно каяться и посыпать свою голову пеплом, что выглядело уж совсем омерзительно.

Кстати, вопреки уверениям профессора Р. Г. Пихой⁴⁶⁶ о «дозированности антисталинской части» второго хрущёвского доклада, с которым тот выступил 27 октября, и отсутствия в нём свойственного ему «потока сознания», вокруг имени И. В. Сталина вновь устроили разнузданный шабаш. Н. С. Хрущёв опять пустился во все тяжкие и стал прилюдно не только грубо оскорблять, но и просто клеветать на усопшего вождя и его ближайших соратников. Теперь с маниакальным злорадством один из самых кровавых творцов ежовских репрессий стал в деталях разоблачать «кровавые сталинские преступления» и недвусмысленно намекнул на то, что именно И. В. Сталин повинен в убийстве С. М. Кирова и причастен к гибели Г. К. Орджоникидзе, что было самой настоящей клеветой. Конечно, это выступление Н. С. Хрущёва, а также сновидения выжившей из ума старой большевички Д. А. Лазуркиной⁴⁶⁷ задали тон всей заключительной работе этого съезда, делегаты которого 30 октября 1961 года единогласно приняли Постановление съезда, зачитанное Н. В. Подгорным, о выносе тела И. В. Сталина из Мавзолея и захоронении его у Кремлёвской стены. Кстати, ещё накануне решением Президиума ЦК для перезахоронения тела И. В. Сталина была создана специальная Комиссия в составе председателя КПК при ЦК КПСС Н. М. Шверника, Первого секретаря ЦК Компартии Грузии В. П. Мжаванадзе, председателя Совета Министров Грузинской ССР Г. Д. Джавахишвили, председателя КГБ СССР А. Н. Шелепина, Первого секретаря МКГ КПСС П. Н. Демичева и председателя Исполкома Моссовета Н. А. Дыгая. Перезахоронение тела И. В. Сталина состоялось в ночь на 1 ноября 1961 года под руководством начальника 9-го Управления КГБ СССР генерал-майора Н. С. Захарова и коменданта Московского Кремля генерал-лейтенанта А. Я. Веденина.

Затем также единогласно делегаты съезда приняли ещё одно Постановление об исключении из партии трёх верных сталинских соратников: В. М. Молотова, Г. М. Маленкова и Л. М. Кагановича, — на которых теперь повесили всех собак и из которых сделали чуть ли не самых главных виновников «кровавых политических репрессий» в стране. Также на орехи досталось и «примкнувшему к ним» Д. Т. Шепилову, которого тоже исключили из партии, хотя, в отличие от самого Н. С. Хрущёва, он никакого участия в репрессиях вообще не принимал.

Между тем, несмотря на всю помпезность и видимое единодушие делегатов форума, по мнению многих современных авторов (Р. Г. Пихоя, А. В. Пыжиков, Ю. В. Аксютин⁴⁶⁸), сама атмосфера XXII съезда очень красноречиво говорила о довольно сложной политической ситуации в самой партии. Под видом кажущейся импровизации Н. С. Хрущёв и его немногочисленные сторонники предприняли тщательно спланированное наступление не столько на фигуру И. В. Сталина, сколько на своих политических оппонентов. Вновь используя тему разоблачения «сталинских сатрапов», Н. С. Хрущёв надеялся вызвать эмоциональный отклик у делегатов съезда

и повести за собой политически неопытное большинство, которое и должно было смести оппозицию Первому секретарю ЦК КПСС. В то же время избранная им тактика отражала известную слабость его позиций перед лицом новой оппозиции в высшем руководстве партии, против которой он так и не осмелился выступить с открытым забралом на самом съезде. Скрытое, но в целом очевидное сопротивление дальнейшей десталинизации продолжало оставаться довольно сильным до последних дней работы съезда, поскольку в самом его конце вокруг многих заключительных резолюций развернулась острая борьба. В частности, дальнейшая судьба всех членов «антипартийной группы» была вверена для «изучения» Комитету партийного контроля при ЦК КПСС, т. е. Н. М. Швернику, хотя большинство делегатов съезда требовало их немедленного исключения из партии. Была также сглажена и резолюция, посвящённая «сталинскому культу», из текста которой исчезли хрущёвское предложение о сооружении памятника жертвам политических репрессий, его же указание о дальнейшем расследовании всех преступных деяний сталинского режима, упоминания о масштабе репрессий и т. д. В сухом остатке, как считают те же авторы, XXII партсъезд стал зримым памятником бездумного хрущёвского прожектёрства и началом заката его политической карьеры, поскольку вся партийно-государственная элита категорически не приняла новый виток антисталинской истерии, его новаций об обязательной ротации кадров и лишь на время затаилась, ожидая своего звёздного часа.

Таким образом, незавершённость нового наступления Н. С. Хрущёва против наследия сталинизма помешала ему изменить весь баланс сил в руководящих партийных органах. Сугубо формально новый состав ЦК, куда были избраны 175 членов и 155 кандидатов в члены, был обновлён почти на 60%, однако его новые члены, даже если они во многом и были обязаны своим выдвижением лично Н. С. Хрущёву, конечно, не были безусловными приверженцами его ярко выраженного антисталинского курса. В день окончания работы съезда, 31 октября 1961 года, по традиции состоялся и организационный Пленум ЦК, на котором был сформирован персональный состав двух руководящих органов партии — Президиума и Секретариата ЦК⁴⁶⁹. Причём, как установил А. В. Сушков, вторая волна санации неугодных членов Президиума ЦК носила уже иной характер, чем в начале мая 1960 года. Если смещению Н. И. Беляева и А. И. Кириченко предшествовало обсуждение на заседаниях Президиума ЦК, а сам этот процесс был постепенным и довольно продолжительным, то теперь решения Н. С. Хрущёва по А. Б. Аристову, Н. Г. Игнатову, Н. А. Мухитдинову и Е. А. Фурцевой «были стремительными, внезапными и неожиданными» и их освобождению не предшествовали какие-либо внешние признаки ослабления позиций в высших эшелонах власти или попадания в опалу. Более того, трое последних выступали на самом съезде с длительными речами, в которых славословили Н. С. Хрущёва, особенно Н. Г. Игнатов. Причём, как утверждают ряд мемуаристов и историков (А. И. Микоян, Н. А. Корнеева, С. С. Войтиков⁴⁷⁰), за отставкой «группы Игнатова» стояли два человека — Ф. Р. Козлов и сам А. И. Микоян, — убедившие Н. С. Хрущёва избавиться от этой «опасной группы» внутри Президиума ЦК. И это при том, что сын Ф. Р. Козлова Олег был женат на дочери Е. А. Фурцевой Светлане, но это не спасло «Екатерину III» от политического нокаута, который завершился первой попыткой суицида, от последствий которого её еле-еле спасли кремлёвские эскулапы.

Что касается опалы Н. А. Мухитдинова, то, по его свидетельству, ещё во время работы съезда из-за разногласий с Ф. Р. Козловым, А. И. Микояном и М. А. Сусловым он лично попросился в отставку с должности секретаря ЦК⁴⁷¹. Н. С. Хрущёв первоначально с пониманием отнёсся к этой просьбе и дал команду сработать Указ ПВ СССР о его назначении на пост заместителя главы Совета Министров СССР. Однако после того, как Н. А. Мухитдинов отказался выступить от имени среднеазиатских республик в поддержку перезахоронения тела И. В. Сталина, взбесившийся Н. С. Хрущёв поставил крест на всей его политической карьере. Это решение Первого секретаря стало для него «раскатом грома среди ясного неба» и вызвало острый гипертонический криз.

Судя по всему, в формально обновлённом составе Президиума, куда были избраны 11 членов, безусловными союзниками Н. С. Хрущёва были только два старейших члена партии с дореволюционным стажем — Анастас Иванович Микоян и Отто Вильгельмович Куусинен, — а также, возможно, Фрол Романович Козлов. Первые двое были идейными противниками сталинизма, а третий рассматривался самим Н. С. Хрущёвым в качестве своего наиболее реального преемника, хотя, конечно, не принадлежал к его идейным сторонникам. Что касается остальных семи членов Президиума ЦК, т. е. Леонида Ильича Брежнева, Геннадия Ивановича Воронова, Алексея Николаевича Косыгина, Николая Викторовича Подгорного, Дмитрия Степановича Полянского, Михаила Андреевича Суслова и Николая Михайловича Шверника, то по разным причинам они, конечно, были скрытыми противниками хрущёвского курса.

Примерно такой же расклад сил был и в Секретариате ЦК, где только два его члена — Отто Вильгельмович Куусинен и Борис Николаевич Пономарёв — твёрдо и убеждённо стояли на антисталинских позициях. Все же остальные шесть секретарей ЦК — Фрол Романович Козлов, Михаил Андреевич Суслов, Александр Николаевич Шелепин, Леонид Фёдорович Ильичёв, Пётр Нилович Демичев и отчасти Иван Васильевич Спиридонов — олицетворяли собой консервативное крыло в высшем партийном руководстве. При этом нетрудно заметить, что теперь из всего состава Секретариата ЦК, вновь увеличенного в два раза, только четверо его членов — сам Н. С. Хрущёв, Ф. Р. Козлов, М. А. Суслов и О. В. Куусинен — остались полноправными членами Президиума ЦК, как и Н. М. Шверник, который после принятия нового устава стал главой уже не Комитета, а Комиссии партийного контроля при ЦК.

Что касается кандидатов в члены Президиума ЦК, то из его состава выбыли М. Г. Первухин, П. Н. Пospelов, Д. С. Коротченко и Я. Э. Калнберзин. Сохранили своё членство председатель ВЦСПС Виктор Васильевич Гришин, первые секретари ЦК Компартии Белоруссии и Грузии Кирилл Трофимович Мазуров и Василий Павлович Мжаванадзе, к которым добавились ещё два кандидата в члены: Первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана Шараф Рашидович Рашидов и глава Совета Министров Украинской ССР Владимир Васильевич Щербицкий. При этом Андрей Павлович Кириленко совершенно неожиданно оказался за бортом Президиума ЦК. Однако, как уверяют ряд осведомлённых мемуаристов и историков (А. И. Микоян, А. В. Сушков), ни о какой опале речи не шло. Н. С. Хрущёв просто-напросто «забыл» включить его в состав высшего партийного ареопага. Поэтому уже в конце апреля 1962 года он не только ввёл его в состав полноправных членов Президиума ЦК, но и назначил своим первым заместителем в Бюро ЦК КПСС по РСФСР. Более того, уже в декабре 1962 года А. П. Кириленко даже возглавил Бюро ЦК КПСС по руководству

промышленностью РСФСР. В итоге, по оценкам большинства специалистов, XXII съезд завершился фактическим провалом Н. С. Хрущёва, которому не удалось, несмотря на расширенный состав участников и серьёзное обновление всего состава ЦК, добиться усиления своих позиций и поддержки со стороны большинства внутри Президиума и Секретариата ЦК.

Наконец, на этом Пленуме был избран и новый персональный состав Бюро ЦК КПСС по РСФСР. Председателем этого Бюро остался Н. С. Хрущёв, но во многом он оставался номинальной фигурой, а его реальными руководителями стали первый заместитель главы Бюро Геннадий Иванович Воронов, второй заместитель Пётр Фадеевич Ломако и председатель Совета Министров РСФСР Дмитрий Степанович Полянский. Помимо этих персон, в состав Бюро вошли глава Президиума Верховного Совета РСФСР Николай Николаевич Органов, первый заместитель председателя Совета Министров РСФСР Михаил Алексеевич Яснов, заместитель заведующего Отделом пропаганды и агитации ЦК по союзным республикам Алексей Владимирович Романов, а также первые секретари Московского, Ленинградского, Горьковского и Свердловского обкомов Григорий Григорьевич Абрамов, Иван Васильевич Спиридонов, Леонид Николаевич Ефремов и Андрей Павлович Кириленко.

Между тем, как считает А. В. Пыжиков⁴⁷², куда важнее всех этих видимых перестановок был скрытый смысл хрущёвской «кадровой революции». Дело в том, что именно на этом съезде был нанесён очередной и сокрушительный удар по сталинской «староверческой группировке» внутри всех руководящих органов КПСС, начатый ещё летом 1957 года. Теперь на место В. М. Молотова, Г. М. Маленкова, Н. А. Булганина, К. Е. Ворошилова, М. З. Сабурова, А. Г. Зверева, М. Г. Первухина, В. А. Малышева, И. А. Бенедиктова, Н. С. Казакова и многих других природных «русаков», вынесших на своих могучих и бескорыстных плечах строительство всего советского проекта сталинского образца, пришли «щирые українці» в лице Л. И. Брежнева, Н. В. Подгорного, П. С. Полянского, А. П. Кириленко, В. В. Щербицкого, В. Е. Семичастного, Р. Я. Малиновского, П. Е. Шелеста, А. Ф. Засядько и других «малороссов», которые отныне стали составлять костяк всего Президиума ЦК и Совета Министров СССР вплоть до крушения советского проекта. Хотя ряд сталинских «староверов», в частности М. А. Суслов, Д. Ф. Устинов и А. А. Громыко (Бурматов), которые очень зримо отличались своим личным аскетизмом, огромной работоспособностью, а также абсолютным неприятием разгульной жизни «украинцев», не только сохранили свои высокие посты, но и заметно продвинулись в своей карьере, проявив чудеса выживаемости в ментально чуждой им «украинской среде». При этом справедливости ради надо сказать, что многие авторы, например Р. Г. Пихоя, Р. А. Медведев и А. В. Сушков, не склонны преувеличивать роль «украинской», «уральской» и какой-то иной земляческой группировки внутри высших руководящих партийных и государственных органов страны.

Между тем, как установили ряд авторов (А. А. Данилов, А. В. Пыжиков⁴⁷³), вскоре после окончания съезда, в январе 1962 года, опять-таки по инициативе Н. С. Хрущёва была создана рабочая группа из 22 ведущих учёных-юристов во главе с новым секретарём ЦК Леонидом Фёдоровичем Ильичёвым для подготовки проекта новой, уже третьей по счёту, Конституции СССР. Причём сама эта идея логически вытекала из всех тех материалов, которые готовились в рамках работы над третьей

Программой КПСС группой опытных юристов под руководством директора Института государства и права АН СССР профессора П. С. Ромашкина⁴⁷⁴.

Затем в конце апреля 1962 года Постановлением Президиума Верховного Совета СССР под председательством Н. С. Хрущёва была образована новая Конституционная комиссия в составе 97 человек, которая структурно была разделена на 9 рабочих подкомиссий: по общеполитическим и теоретическим вопросам (Н. С. Хрущёв); по вопросам общественного и государственного устройства (Н. В. Подгорный); по вопросам государственного управления, деятельности советов и общественных организаций (Л. И. Брежнев); по экономическим вопросам и управлению народным хозяйством страны (А. Н. Косыгин); по вопросам национальной политики и национального государственного строительства (А. И. Микоян); по вопросам науки, культуры, народного образования и здравоохранения (М. А. Сулов); по вопросам народного контроля и социалистического правопорядка (Н. М. Шверник); по вопросам внешней политики и международных отношений (Б. Н. Пономарёв) и редакционную (Л. Ф. Ильичёв).

Уже на первом общем заседании Конституционной комиссии, прошедшем 15 июня 1962 года, Н. С. Хрущёв определил пять приоритетных направлений, которые, по его убеждению, должны были показать новаторский характер этой Конституции СССР⁴⁷⁵. Речь, в частности, шла: а) о существенном повышении полномочий и прав органов советской власти всех уровней; б) об аналогичном повышении роли всех общественных организаций в управлении государством, и прежде всего КПСС, за которой предлагалось юридически закрепить особый статус как «ведущей и направляющей силы советского общества»⁴⁷⁶; в) о существенном расширении прав и полномочий союзных республик; г) о юридическом закреплении ряда не писанных ранее прав и свобод граждан страны, в том числе принципа всеобщности избирательного права и т. д. Однако среди всех этих новшеств хрущёвского Конституционного проекта особое внимание историков и юристов привлёк вопрос, который касался соотношения новых полномочий различных ветвей госвласти. Так, руководствуясь прямым и настоятельным требованием Н. С. Хрущёва «заметно усилить роль Верховного Совета СССР во всей структуре политической власти страны», сотрудники Всесоюзного НИИ советского законодательства под руководством бывшего Генпрокурора СССР К. П. Горшенина подготовили записку, где прямо указали, что в новой Конституции СССР целесообразно: а) «определить Верховный Совет СССР как орган, осуществляющий не только законодательные, но управленческие функции»; б) отказаться от определения Совета Министров СССР как «высшего органа государственного управления» и сохранить за ним лишь функции «исполнительного и распорядительного органа»; в) создать Постоянный Комитет Конституционного надзора СССР, избираемый Верховным Советом СССР; 4) увеличить количество Постоянных Комиссий Верховного Совета СССР с гораздо большим объёмом полномочий по контролю за реализацией принятых законов и работой исполнительных органов власти; 5) существенно расширить полномочия союзных депутатов, а также список государственных ведомств, которым они вправе направлять свои депутатские запросы, и т. д.⁴⁷⁷ При этом в процессе работы над проектом Конституции возникли и новые названия двух высших органов власти страны — Верховный Народный Совет СССР и Правительственный Совет СССР.

Таким образом, Н. С. Хрущёв задумал подвести под очередную партийную Программу, предполагавшую построение бесклассового коммунистического

общества и постепенное отмирание социалистического государства, довольно солидную юридическую базу в виде новой Конституции СССР. Однако, как известно, из-за отставки Н. С. Хрущёва этот Конституционный проект так и не был реализован, и к нему вернулись вновь только во второй половине 1970-х годов, уже во времена Л. И. Брежнев. Причём, как верно подметил профессор А. В. Пыжиков, брежневский проект союзной Конституции заметно отличался от хрущёвского и по своему объёму (172 статьи против 276 статей), и главное — по содержанию, поскольку в нём отсутствовали какие-либо упоминания об общенародном государстве, о коммунистическом самоуправлении и передаче функций государственного управления общественным организациям.

⁴⁵⁵ Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти, 1945-1991. М., 1998; Пыжиков А.В. Хрущёвская «оттепель», 1953-1964. М., 2002; Емельянов Ю.В. Хрущёв. Смутьян в Кремле. М., 2005; Аксютин Ю.В. Хрущёвская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953-1964 гг. М., 2010.

⁴⁵⁶ До XXII съезда существовали две партийные программы, принятые, соответственно, в 1903 и 1919 годах на II и VIII партийных съездах, и семь редакций партийного устава, принятые в 1903, 1906, 1917, 1922, 1925, 1934 и 1952 годах.

⁴⁵⁷ Барсуков Н. Коммунистические иллюзии Хрущёва // Диалог. 1991. № 5; Лейбович О.Л. Реформа и модернизация в 1953-1964 гг. Пермь. 1993; Пыжиков А.В. Оттепель: идеологические новации и проекты (1953-1964). М., 1998; Пыжиков А.В. Хрущёвская «оттепель», 1953-1964. М., 2002; Фокин А.А. Образы коммунистического будущего у власти и населения СССР на рубеже 1950-1960-х гг. Автореферат дисс. канд. ист. наук. Челябинск, 2007; Аксютин Ю.В. Хрущёвская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953-1964 гг. М., 2010.

⁴⁵⁸ РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 10. Л. 10.

⁴⁵⁹ РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 17. Л. 1.

Масштабы народно-хозяйственной модернизации, предусмотренные в новой партийной Программе, выглядели впечатляющими: в 1980 году в стране должно быть произведено 250 млн тонн стали, 690-710 млн тонн нефти, 1180-1200 млн тонн угля, 125-135 млн тонн минеральных удобрений, 233-235 млн тонн цемента, построено 180 ГЭС, около 200 ТЭЦ и 2800 новых машиностроительных и металлургических предприятий. А общий объём промышленной продукции будет в два раза больше, чем ныне производится во всём мире. Как позднее вспоминал Ф. М. Бурлацкий, многие члены рабочей группы возражали против включения в Программу конкретных «цифровых материалов», которые «были взяты с потолка» и «отражали желаемое, а не действительное». (Бурлацкий Ф.М. Глоток свободы. М., 1997. Т. 1.)

⁴⁶⁰ Пыжиков А.В. Оттепель: идеологические новации и проекты (1953-1964). М., 1998; Барсуков Н. Коммунистические иллюзии Хрущёва // Диалог. 1991. № 5.

⁴⁶¹ РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 66. Л. 12.

⁴⁶² Пыжиков А.В. Хрущёвская «оттепель», 1953-1964. М., 2002; АПРФ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 271. Л. 90.

⁴⁶³ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 276. Л. 15, 28, 93, 102.

⁴⁶⁴ Бурлацкий Ф.М. Вопросы государства в проекте Программы КПСС // Коммунист. 1961. № 13; Бутенко А. Историческая миссия диктатуры пролетариата // Коммунист. 1961. № 14; Денисов А.И. О состоянии государства и общества в переходный от

капитализма к коммунизму период // Советское государство и право. 1960. № 4; Пискотин М.И. О развитии Советского государства в период перехода от социализма к коммунизму // Советское государство и право. 1961. № 9; Лепёшкин А.И. Вопросы теории социалистического государства в свете Программы КПСС // Советское государство и право. 1961. № 12; Калинин Ф.И. Основные черты социалистического государства и общее определение его понятия // Советское государство и право. 1962. № 1.

⁴⁶⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 459. Л. 201-208.

⁴⁶⁶ Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти, 1945-1991. М., 1998.

⁴⁶⁷ В своём выступлении эта 80-летняя старушка, которою В. М. Молотов в одной из своих бесед с литератором Ф. И. Чуевым назвал «настоящей ведьмой», поведала делегатам съезда, что накануне ей приснился В. И. Ленин, заявивший, что ему «неприятно» лежать рядом с И. В. Сталиным.

⁴⁶⁸ Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти, 1945-1991. М., 1998; Пыжиков А.В. Хрущёвская «оттепель», 1953-1964. М., 2002; Аксютин Ю.В. Хрущёвская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953-1964 гг. М., 2010.

⁴⁶⁹ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 549-553.

⁴⁷⁰ Микоян А.И. Так было. М., 1999; Корнеева Н.А. Екатерина Фурцева. Политическая мелодрама, М., 2007; Войтиков С.С. Центральный Комитет... М., 2019.

⁴⁷¹ Мухитдинов Н.А. Река времени. М., 1995.

⁴⁷² Пыжиков А.В. Корни сталинского большевизма. М., 2016; Пыжиков А.В. Славянский разлом. Украинско-польское иго в России. М., 2017.

⁴⁷³ Данилов А.А. Утаённая конституция // Исторический архив. 1997. № 1; Данилов А.А. Конституционный проект 1962-1964 гг. // Проблемы политической и экономической истории России. М., 1998; Пыжиков А.В. Хрущёвская «оттепель», 1953-1964. М., 2002; Пыжиков А.В. Новое прочтение драматического эпизода отечественной политической истории // Вестник Российской академии наук. Т. 76. № 5. 2006.

⁴⁷⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 384. Л. 1-2.

⁴⁷⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 466. Л. 80-85.

⁴⁷⁶ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 466. Л. 102.

Кстати, предложение о закреплении особого статуса КПСС было внесено Л. И. Брежневым на заседании Конституционной комиссии 16 июля 1962 года.

⁴⁷⁷ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 444. Л. 43-45.

11. Управленческий волюнтаризм Н.С. Хрущёва в начале 1960-х годов

Параллельно с началом работы над Конституционным проектом Н. С. Хрущёв серьёзно озаботился реформой контрольного аппарата страны, и ещё 8 января 1962 года по его указанию Общий отдел ЦК подготовил проект Постановления Президиума ЦК «Вопросы госконтроля и партконтроля»⁴⁷⁸. Однако под давлением А. Н. Косыгина и А. И. Микояна этот проект был отвергнут⁴⁷⁹. В такой ситуации Н. С. Хрущёв был вынужден отозвать документ, но уже 19 февраля 1962 года направил в Президиум ЦК новую записку «Об улучшении контроля за выполнением директив партии и правительства»⁴⁸⁰, в которой более подробно, в том числе ссылаясь на многочисленные факты коррупции в госаппарате и силовых органах, обосновал необходимость создания «единого контрольного центра» — Комитета партийного контроля ЦК и его органов на местах «с обязанностью осуществлять контроль по всем линиям». По замыслу Н. С. Хрущёва, этот орган должен был «следить за строжайшим соблюдением партийной и государственной дисциплины», вести непримиримую борьбу «с любыми проявлениями ведомственных и местнических тенденций, с очковтирательством, приписками, бесхозяйственностью и расточительством, бюрократизмом и волокитой», а также строжайше следить за «правильным и наиболее целесообразным расходованием денежных средств и материальных ценностей». Предполагалось, что весь персональный состав этого Комитета в количестве 80-100 человек будет утверждаться Пленумом ЦК, а его Коллегия — Президиумом ЦК, перед которым она обязана «постоянно отчитываться о своей деятельности и представлять на рассмотрение ЦК планы своей работы». Обсудив данную записку, Президиум ЦК принял специальное Постановление, состоящее из двух пунктов: «1) Одобрить предложения тов. Хрущёва Н.С., изложенные им в записке..., и разослать её членам ЦК КПСС, кандидатам в члены ЦК КПСС и членам Центральной ревизионной комиссии; 2) Поручить секретарям ЦК КПСС подготовить проект Постановления ЦК КПСС "Об улучшении контроля за выполнением директив партии и правительства"»⁴⁸¹. Однако на протяжении девяти месяцев все проекты такого Постановления блокировались большинством членов Президиума ЦК, и прежде всего опять-таки А. Н. Косыгиным и А. И. Микояном. Ситуация круто изменилась лишь в ноябре 1962 года на очередном Пленуме ЦК, но об этом мы поговорим чуть позже.

Между тем в начале марта 1962 года состоялся очередной Пленум ЦК, посвящённый проблемам аграрного производства, где главной новацией стало очередное предложение Н. С. Хрущёва создать принципиально иную систему управления сельским хозяйством страны на местах. По итогам работы этого Пленума были приняты два новых документа: Обращение ЦК «Дело всей партии, всего народа — добиться мощного подъёма сельского хозяйства!» и Постановление ЦК «Современный этап коммунистического строительства и задачи партии по улучшению руководства сельским хозяйством»⁴⁸², которое тут же стало претворяться в жизнь.

Как известно, до сих пор главным звеном управления в сельской местности являлись райкомы и райисполкомы, которые занимались буквально всеми аспектами

хозяйственной и социальной жизни советского села, включая почти непосредственное руководство колхозами и совхозами, расположенными на их территориях, управление всеми системами здравоохранения, образования, культуры, строительства дорог и жилья, их содержанием и т. д. Теперь же Н. С. Хрущёв предложил создать над этими структурами специализированные колхозно-совхозные управления (КСУ), охватывающие территорию двух-трёх районов, со своим партторгом и центральным печатным органом. Аналогичные системы управления должны были быть созданы и в масштабах всех краёв, областей и автономных республик. При этом все первые секретари районных комитетов партии теперь автоматически теряли прежние «суверенные» права и становились замами этих партторгов. Параллельно с этим в масштабах всей страны был создан Союзный комитет по сельскому хозяйству, председателем которого был назначен Н. Г. Игнатов, менее двух лет назад оказавшийся в опале и буквально прозябавший в унынии на второстепенных постах председателя Госкомитета по заготовкам и заместителя председателя Совета Министров СССР.

Надо сказать, что, по мнению многих историков (Р. Г. Пихоя, А. В. Пыжиков, Ю. В. Емельянов, Ю. В. Аксютин⁴⁸³), эта реформа стала очередным шоком для всей партийной, особенно низовой номенклатуры. При этом наиболее резкий протест большинства партийных аппаратчиков вызвало очередное новшество Н. С. Хрущёва, связанное с изменением традиционного представления о работе партийных комитетов. Суть этого новшества сводилась к тому, что отныне они не должны были вмешиваться в вопросы хозяйственного строительства и им было «предложено» сосредоточить всё своё внимание исключительно на кадровой и политико-просветительской работе. По своему смыслу очередная реформа, преподносимая как чисто техническая реорганизация партийной структуры, была новой иллюзорной попыткой Н. С. Хрущёва перейти к более эффективному управлению советской экономикой. Но по сути она, конечно, отражала совершенно очевидный разрыв со многими ленинскими принципами организации партии, в частности её авангардной роли, которые буквально полгода назад были подтверждены в новой Программе КПСС, принятой на XXII съезде партии. Однако вскоре стало очевидно, что эти КСУ, как и все региональные совнархозы, так и не смогли переломить хребет всевластию партийной номенклатуры, поскольку в основе всей деятельности партии давно лежал известный ленинский принцип «демократического централизма», т. е. безусловного исполнения всеми членами партии, в том числе партторгами КСУ и председателями совнархозов, всех решений руководящих партийных органов.

Между тем уже в апреле 1962 года состоялся очередной Пленум ЦК для решения единственного, но довольно важного кадрового вопроса — перевода А. П. Кириленко в полноправные члены Президиума ЦК и назначения его ещё одним первым заместителем председателя Бюро ЦК КПСС по РСФСР. Таким образом, как считают целый ряд историков, и без того внушительная когорта «консерваторов» внутри Президиума ЦК пополнилась ещё одной знаковой персоной. Вместе с тем, по мнению А. В. Суш

кова⁴⁸⁴, смысл данного назначения для самого Н. С. Хрущёва состоял, конечно, в другом. По сути, ему впервые пришлось обкатать свою очередную идею, которую в масштабах всей страны он инициирует чуть позже, в ноябре 1962 года. Речь шла о том, что на примере РСФСР он попытался как-то разрешить давнюю проблему выбора между «аграрником» и «промышленником» на посту фактического главы

РСФСР. Отныне Г. И. Воронов как бывший глава «аграрной» Оренбургской области стал курировать сельское хозяйство республики, а А. П. Кириленко как бывший безраздельный хозяин «промышленной» Свердловской области — вопросы промышленного производства и городского хозяйства РСФСР. Между тем буквально через полгода на ноябрьском Пленуме ЦК Н. С. Хрущёв инициирует новые перестановки в высших эшелонах власти⁴⁸⁵. Г. И. Воронов будет перемещён на должность председателя Совета Министров РСФСР, его прежний глава Д. С. Полянский станет заместителем главы Совета Министров СССР, а новым первым («аграрным») заместителем председателя Бюро ЦК по РСФСР будет назначен Первый секретарь Горьковского обкома Леонид Николаевич Ефремов, который одновременно станет и кандидатом в члены Президиума ЦК, и председателем Бюро ЦК КПСС по руководству сельским хозяйством РСФСР.

Тем временем новый кризис в отношениях с Пекином и особенно Карибский кризис резко подорвали позиции Н. С. Хрущёва внутри Президиума ЦК. В этой ситуации он вновь попытался обыграть консерваторов с помощью творческой интеллигенции и, по свидетельству А. Т. Твардовского⁴⁸⁶, жёстким напором продавил в Президиуме ЦК решение о публикации двух литературных «новинок», внёсших настоящее смятение в консервативный лагерь. В конце октября 1962 года в центральном органе партии — газете «Правда» — была опубликована поэма Е. А. Евтушенко с откровенно вызывающим названием «Сталинские наследники», а в начале ноября в «Новом мире» была напечатана небольшая повесть «Один день Ивана Денисовича», принадлежавшая перу совершенно неизвестного прозаика и бывшего политзека А. И. Солженицына. Однако поддержка этих публикаций, проложивших широкую дорогу мутному потоку литературного хлама, который раньше никто бы не осмелился даже взять в руки, осталась единичным актом, поскольку сам Н. С. Хрущёв очень испугался начавшейся кампании новой десталинизации. И уже в декабре 1962 года главный редактор «Нового мира» Александр Трифонович Твардовский в беседе с хрущёвским помощником Владимиром Семёновичем Лебедевым был privately предупреждён, что «тема репрессий уже становится слишком навязчивой».

Не успела партийная номенклатура прийти в себя от «мартовского шока», как уже на очередном Пленуме ЦК, прошедшем в конце ноября 1962 года, Н. С. Хрущёв инициирует очередную, причём по-настоящему кардинальную, реформу всего партийно-государственного аппарата в стране. Её проведение, по мнению многих авторов, вообще не поддаётся объяснению с точки зрения здравого смысла и до сих пор вызывает массу вопросов и острых споров в литературе. Многие историки единодушно говорят об этой реформе как о самом наглядном примере «абсурдности и хрущёвского волюнтаризма». Однако существуют и другие точки зрения. Так, академик Н. П. Шмелёв⁴⁸⁷ пытался объяснить эти новации горячим желанием Н. С. Хрущёва «обуздать всевластие партийного аппарата» и создать в стране реальную многопартийность, где как минимум сосуществовали бы и конкурировали между собой две полноценные партии — «промышленная» и «аграрная». Профессор Р. Г. Пихоя⁴⁸⁸ полагал, что данная реформа, невзирая на её первоначальный замысел, ослабила весь партийный аппарат, что объективно отвечало интересам самого Н. С. Хрущёва. Наконец, их оппонент профессор Г. И. Ханин⁴⁸⁹, напротив, полагает, что данное решение стало результатом «осознания Н. С. Хрущёвым пагубности современной роли партии в экономике страны как важного, но безответственного

элемента», и поэтому своим решением «он попытался сделать партию и все её руководящие органы», начиная с райкомов и обкомов партии, «ответственным элементом советской экономической жизни». Более того, по его мнению, сама эта реформа находилась в русле децентрализации советской экономики, начатой Н. С. Хрущёвым ещё в феврале 1960 года с создания трёх республиканских СНХ в РСФСР, УССР и КазССР.

Между тем впервые идея этой реформы была предложена Н. С. Хрущёвым ещё в начале сентября 1962 года в его очередной записке, направленной своим коллегам по Президиуму ЦК. Суть новой хрущёвской инновации состояла в коренной перестройке всей прежней системы партийного руководства и в полном переходе с привычного территориально-производственного принципа построения многих управленческих партийных структур, а именно: райкомов, обкомов, крайкомов и рескомов — на сугубо производственный принцип. В соответствии с решением ноябрьского Пленума ЦК, единогласно принявшего Постановление «О развитии экономики СССР и перестройке партийного руководства народным хозяйством»⁴⁹⁰, на всей территории страны де-факто создавалась совершенно неуправляемая и во многом конфликтная система двоевластия, поскольку отныне все областные и краевые партийные комитеты разделялись на два обкома (крайкома) — по промышленности и по сельскому хозяйству. Но при этом все Бюро прежних (т. е. единых) обкомов и крайкомов партии оставались неделимыми, что только обострило ситуацию на местах. Кстати, классическим примером такого двоевластия и конфликтности двух первых секретарей стал Ростовский обком партии, где постоянно шли склоки между «промышленным секретарём» Георгием Дмитриевичем Нероновым и «аграрным секретарём» Владимиром Владимировичем Скрыбиным⁴⁹¹. Столь поспешная перестройка всей системы управления в стране сразу вызвала массу проблем, многие из которых носили не только управленческий характер, но и характер личного соперничества двух первых и отраслевых секретарей в областях, краях или автономных республиках. К тому же, кроме двух новых обкомов и крайкомов партии в каждой области (крае, республике), создавались и по два облисполкома, в результате чего во всех регионах страны появились два областных или краевых здравоотдела, два отдела народного образования, два управления милиции, два финансовых отдела, два отдела культуры и т. д.

Кроме того, сильно усложнилось управление на уровне союзных республик, где в республиканских ЦК создавались два Бюро ЦК — по промышленности и по сельскому хозяйству. И ещё более значительно запуталась вся система управления на районном уровне. В первоначальном замысле планировалось ликвидировать все городские и районные партийные комитеты и заменить их новыми парткомами колхозно-совхозных и промышленно-производственных управлений. Однако затем эту систему несколько «подновили», и на районном уровне, кроме райкомов партии по сельскому хозяйству, стали действовать новые «зональные» промышленные райкомы, расположенные чаще всего в ином населённом пункте, чем сельский райком партии.

Одновременно Пленум ЦК принял решение об изменении прежней системы партийного и государственного контроля и утвердил Постановление ЦК «Об образовании Комитета партийногосударственного контроля ЦК КПСС и Совета Министров СССР». Как уверяет профессор Р. Г. Пихоя, «не требуется особых доказательств для утверждения, что проект этого решения Президиума ЦК создавался

в окружении Шелепина, тогдашнего шефа КГБ, метившего и попавшего на пост руководителя этого контрольного органа»⁴⁹². Однако данный пассаж содержит в себе сразу два ложных утверждения. Во-первых, доказательства того, что этот документ разрабатывался именно в окружении А. Н. Шелепина, как раз необходимо представить, и желательно с поимённым составом лиц из этого «окружения». И, во-вторых, к моменту принятия этого документа сам А. Н. Шелепин уже более года пребывал в должности секретаря ЦК, а должность председателя КГБ СССР с 13 ноября 1961 года занимал его сменщик и близкий соратник Владимир Ефимович Семичастный, который, кстати, в отличие от своего старшего товарища, тут же «облампасился» и сразу получил звание генерал-полковника.

Как уже давно было заведено, в этом Постановлении ЦК лукаво говорилось о воссоздании ленинских принципов партийногосударственного контроля, которые якобы были упразднены во времена «тирана» И. В. Сталина. Однако, во-первых, именно Н. С. Хрущёв ещё в июле 1957 года, сразу после разгрома «антипартийной группы», ликвидировал Министерство госконтроля СССР, главой которого был В. М. Молотов, и только через полгода, в декабре 1957 года, создал жалкую пародию на упразднённый орган власти в виде Комиссии советского контроля Совета Министров СССР, которую возглавил бывший Первый секретарь упразднённого Каменского обкома Георгий Васильевич Енютин. А, во-вторых, в реальности новые органы объединённого партийно-государственного контроля ничего общего с ленинским подходом к решению данной проблемы не имели, поскольку в его последних работах, таких как «Лучше меньше, да лучше» и «Как нам реорганизовать Рабкрин», он прямо говорил о чётком разделении и параллельном сосуществовании ЦК и ЦКК, а новые органы партгосконтроля существовали как раз при самих партийных комитетах, а не параллельно с ними. Более того, все районные, областные и краевые комитеты партийно-государственного контроля возглавлялись по совместительству вторыми секретарями райкомов, обкомов и крайкомов партии. При этом центральный Комитет партийно-государственного контроля СССР возглавила новая восходящая политическая звезда всего хрущёвского десятилетия — секретарь ЦК Александр Николаевич Шелепин, который одновременно был назначен и заместителем председателя Совета Министров СССР, поскольку, как выразился сам Н. С. Хрущёв, «ему придётся иметь дело со многими министрами».

Кроме того, на этом Пленуме в рамках аппарата ЦК были созданы два Бюро — по промышленности и строительству и по сельскому хозяйству — и избраны четыре новых секретаря ЦК: Александр Петрович Рудаков, Василий Иванович Поляков, Виталий Николаевич Титов и Юрий Владимирович Андропов, — которые стали «последней надеждой» лидера партии на обновление верхних эшелонов власти в стране. При этом прежний заведующий Отделом тяжёлой промышленности ЦК А. П. Рудаков возглавил Бюро ЦК по промышленности и строительству, главный редактор центральной партийной газеты «Сельская жизнь» В. И. Поляков, ни дня не работавший даже в самом низовом партийном аппарате, стал руководителем Бюро ЦК по сельскому хозяйству, заведующий Отделом партийных органов ЦК по союзным республикам В. И. Титов как секретарь ЦК стал курировать организационно-партийные вопросы, а заведующий Отделом по связям с правящими партиями соцстран Ю. В. Андропов как секретарь ЦК сохранил прежний функционал, усилив аппаратный вес не только внутри ЦК КПСС, но и среди всех правящих компартий государств социалистического лагеря.

Наконец, по уверениям А. В. Сушкова⁴⁹³, на том же Пленуме Н. С. Хрущёв произвёл должностные перемещения среди членов Президиума ЦК, никак не связанные с решением двух главных проблем. В результате свои аппаратные позиции довольно серьёзно укрепили А. П. Кириленко и Д. С. Полянский, тогда как М. А. Суслов и Г. И. Воронов, напротив, утратили ряд своих полномочий. Более того, Н. С. Хрущёв ликвидировал многолетнее монопольное положение М. А. Суслова в вопросах партийной идеологии, отстранив его от руководства Идеологической комиссией ЦК, которую теперь возглавил Леонид Фёдорович Ильичёв. Кстати, именно Л. Ф. Ильичёв всего через семь месяцев, в июне 1963 года, «отблагодарит» Н. С. Хрущёва на очередном Пленуме ЦК, где выступит с основным докладом «Об очередных задачах идеологической работы партии»⁴⁹⁴, окончательно похоронившим в глазах либеральной интеллигенции все идейные основы его «оттепели», превратившейся в мутно-грязную жижу, именуемую в народе слякотью.

Между тем после окончания ноябрьского Пленума в Президиуме ЦК вопрос о полномочиях нового аппаратного органа продолжал оставаться в центре внимания. Так, 18 декабря 1962 года было принято решение Президиума ЦК, где было прямо указано: «Поручить комиссии в составе: тт. Козлова (созыв), Брежнева, Микояна, Косыгина, Воронова, Суслова, Шелепина рассмотреть в соответствии с состоявшимся обменом мнениями на заседании Президиума ЦК проекты представленных в ЦК документов о структуре и штатах Комитета партийно-государственного контроля ЦК КПСС и Совета Министров СССР, а также проект Положения о Комитете партийно-государственного контроля ЦК КПСС и Совмина СССР и соответствующих органах на местах и внести свои предложения в ЦК»⁴⁹⁵.

Такое внимание высшего партийного руководства к судьбе нового Комитета было вовсе не случайно. Как считают ряд авторов (Р. Г. Пихоя, Л. М. Млечин, Г. И. Ханин⁴⁹⁶), на глазах у членов Президиума ЦК реально возникал такой бюрократический монстр, который не только де-факто дублировал отраслевые отделы ЦК и весь аппарат Совета Министров СССР, но и обладал огромными контрольными полномочиями. Более того, «ответственные сотрудники» этого Комитета, штат которых в считанные дни вырос до 383 человек, получили право проводить специальные совместные расследования с сотрудниками всех силовых ведомств, включая республиканские МВД, КГБ СССР и Прокуратуру СССР. Причём по итогам расследований и проверок они могли своим решением либо сразу отстранить от должности любое ответственное лицо, либо внести такое предложение в ЦК, если речь шла о номенклатурном работнике высшего уровня. Но главное состояло в том, что все требования об исправлении выявленных недостатков руководители всех министерств и ведомств страны обязаны были исполнить немедленно.

Тогда же был сформирован и корпус замов А. Н. Шелепина по КПГК. Его первыми заместителями стали опытный армейский политработник и бывший посол в Тиране генерал-полковник Иосиф Васильевич Шикин и бывший заведующий Отделом партийных органов ЦК КПСС по союзным республикам Виктор Михайлович Чураев, а «рядовыми» замами были назначены второй секретарь ЦК Компартии Грузии Павел Васильевич Кованов, бывший председатель расформированной Комиссии советского контроля при СМ СССР Георгий Васильевич Енютин и давний шелепинский соратник по комсомолу второй секретарь Кемеровского обкома Владимир Иванович Залужный.

По мнению многих историков, создание КПК стало существенной частью всей реформы партийно-советского аппарата. Поэтому вовсе не случайно, что 20 декабря 1962 года на заседании Президиума ЦК был рассмотрен вопрос «О реорганизации руководящих партийных органов в областях, краях, автономных и союзных республиках»⁴⁹⁷. В решении, принятом по этому вопросу, было записано, что «в соответствии с Постановлением ноябрьского Пленума ЦК КПСС о построении партийных организаций снизу доверху по производственному принципу ЦК КПСС постановляет: ...во вновь образуемых промышленных и сельских крайкомах и обкомах партии должно быть, как правило, четыре секретаря крайкома (обкома), один из которых является заведующим идеологическим отделом, а другой — председателем комитета партийно-государственного контроля, а также соответствующего отдела...». Эта же система дублировалась и на уровне местных Советов, поскольку глава областного (краевого) Комитета партийно-государственного контроля являлся и одним из заместителей председателя обл(край)исполкома. В результате, как верно указал тот же Р. Г. Пихоя, сложилась «поистине уникальная ситуация», поскольку «Комитет партийно-государственного контроля на всех его уровнях — от центрального до районного — фактически дублировал и партийную, и советскую систему, располагая к тому же правом производить расследования, налагать на виновных взыскания и штрафы, передавать дела в прокуратуру и в суд» и т. д. Более того, в марте 1963 года Комитет партийно-государственного контроля СССР получил право контролировать Министерство обороны СССР, КГБ СССР и все республиканские МВД⁴⁹⁸. В результате уже к апрелю 1963 года по всей стране было образовано 3270 местных КПК, в том числе 15 республиканских, 216 краевых и областных и 1057 районных и городских.

По мнению самого Р. Г. Пихои, желая усилить контроль над всей партийно-советской бюрократией, Н. С. Хрущёв «оказался заблокированным той системой, которую сам же и предлагал». Более того, КПК «идеально соответствовал созданию предпосылок к организационному устранению Н. С. Хрущёва», так как власть А. Н. Шелепина «была реальнее, лучше организованной, а поэтому и более опасной для любого чиновника, чем власть самого Первого секретаря ЦК и председателя Совета Министров СССР». Однако вряд ли это мнение отражало реальное положение вещей. Во-первых, как верно указал Г. И. Ханин⁴⁹⁹, «перечень заместителей А. Н. Шелепина не впечатляет», поскольку среди этих персон «отсутствуют крупные фигуры, с явными заслугами и большим и успешным опытом работы», в том числе в сфере экономики. А во-вторых, А. Н. Шелепин тогда ещё даже не был в статусе кандидата в члены Президиума ЦК. Минувя этот «предбанник», он сразу станет полноправным членом этого высшего партийного ареопага только в середине ноября 1964 года, уже после отставки Н. С. Хрущёва, в организации которой он принимал самое активное участие.

Кстати, следует напомнить, что в том же ноябре 1962 года был продолжен курс рецентрализации всей советской экономики и создан Совет Народного Хозяйства СССР, который возглавил заместитель главы Совета Министров СССР Вениамин Эдуардович Дымшиц. А буквально через три месяца, в марте 1963 года, был создан и Высший Совет Народного Хозяйства (ВСНХ) СССР, главой которого стал первый заместитель председателя Совета Министров СССР Дмитрий Фёдорович Устинов, очень серьёзно потеснивший позиции А. Н. Косыгина в руководстве союзного правительства. Более того, по мнению Г. И. Ханина, создание этого органа, не

предусмотренного, кстати, решениями ноябрьского Пленума ЦК, венчало последние организационные мероприятия по рецентрализации советской экономики. Определённые в Постановлении ЦК⁵⁰⁰ функции этого властного органа в сфере экономики «были настолько велики, что непонятно было, чем должен заниматься сам Совет Министров СССР». Однако, несмотря на то что в самом Постановлении ЦК ВСНХ СССР определялся как высший госорган по руководству всей промышленностью и строительством, реально в его подчинение были переданы не только СНХ СССР и Государственные производственные комитеты, прямо руководившие всей атомной отраслью, электроэнергетикой и газовой промышленностью, и Госкомитеты по всем оборонным отраслям, государственным стандартам и по делам изобретений и открытий, но также ещё Госплан СССР, Госкомитет по координации научно-исследовательских работ, Государственная комиссия по запасам полезных ископаемых и Стройбанк СССР. А поскольку решение большинства внешнеполитических и оборонно-промышленных вопросов, а также руководство деятельностью всех силовых структур уже давно были выведены из-под влияния Совета Министров СССР, то, в сущности, сфера его деятельности отныне ограничилась только сельским хозяйством, розничной и внешней торговлей, образованием и здравоохранением, а также контролем над деятельностью Минфина СССР. Неслучайно в своих мемуарах бывший зампреда Совета Министров СССР и глава Госплана СССР В. Н. Новиков прямо говорил: «Высший совет народного хозяйства во главе с Д. Ф. Устиновым практически заменял или подменял Совмин. Все оперативные вопросы, большие и малые, решались именно в ВСНХ»⁵⁰¹.

Нет нужды доказывать, что принятые организационные решения привели к серьёзным кадровым передвижкам во всей номенклатурной обойме страны. По форме этот процесс напоминал известную «перетряску» кадров, которая весьма болезненно происходила в связи с созданием совнархозов весной 1957 года. Однако теперь она шла в противоположном направлении: не из Москвы, а, напротив, в Москву или в столицы союзных республик. Естественно, что многие «региональные бароны», поддерживавшие тогда Н. С. Хрущёва в немалой степени из-за его готовности передать им больше власти и полномочий, теперь же оказались недовольны принятыми решениями, повышавшими роль центра в управлении страной в ущерб регионам. Такое же недовольство, как считает Г. И. Ханин⁵⁰², вызвало и усиление борьбы с коррупцией во всей властной вертикали. Судя по той части доклада Н. С. Хрущёва на ноябрьском Пленуме ЦК, которая не вошла в официальную стенограмму, только за последние два года за экономические преступления было арестовано более 4000 партийных работников и вынесено более 150 расстрельных приговоров. Более того, в том же докладе Н. С. Хрущёв заявил об отмене довоенного Постановления ЦК, требующего решения партийных органов для привлечения членов партии к судебной ответственности, что, естественно, настроило против него немало нечистых на руку партработников. Причём впервые со сталинских времён с подачи Ф. Р. Козлова, бывшего сторонником крайне жёсткого наказания для всех коррумпированных чиновников, в апреле 1961 года под раздачу попали ряд членов ЦК и ЦРК, в том числе Первый и второй секретари ЦК Компартий Таджикистана Т. У. Ульджабаев и П. С. Обносов, глава Совмина Таджикской ССР Н. Д. Додхудоев, которых не только сняли с занимаемых постов, но даже исключили из партии⁵⁰³. В мае в отставку был отправлен и глава Компартии Киргизии И. Р. Раззаков, а на вакантные посты

руководителей республиканских ЦК во Фрунзе и Душанбе были назначены Т.У. Усубалиев и Д. Р. Расулов.

Кстати, ещё одной особенностью кадровой политики того периода стало выдвижение на первый план крупных руководителей с огромным опытом работы в военно-промышленном комплексе. Достаточно сказать, что, помимо Д. Ф. Устинова, заместителями председателя Совета Министров СССР были назначены новый глава Госплана СССР Пётр Фадеевич Ломако, председатель Комиссии Президиума Совета Министров СССР по военно-промышленным вопросам Леонид Васильевич Смирнов, глава Госкомитета по координации научно-исследовательских работ Константин Николаевич Руднев, а также постоянный представитель СССР в СЭВ Михаил Авксентьевич Лесечко. Кроме того, новым главой СНХ РСФСР был назначен Сергей Александрович Афанасьев. По мнению Г. И. Ханина⁵⁰⁴, такое «выдвижение на первый план в руководство экономикой страны видных представителей ВПК преследовало цель перенести в гражданские отрасли организационный и технологический опыт этого самого передового сектора всей советской экономики».

⁴⁷⁸ АП РФ. Ф. 3. Оп. 55. Д. 23. Л. 1.

⁴⁷⁹ Хрущёвские времена. Непринуждённые беседы с политическими деятелями «великого десятилетия»... // Неизвестная Россия. XX век. М., 1992.

⁴⁸⁰ АП РФ. Ф. 3. Оп. 55. Д. 23. Л. 3-17.

⁴⁸¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 55. Д. 23. Л. 2.

⁴⁸² Современный этап коммунистического строительства и задачи партии по улучшению руководства сельским хозяйством: Постановление Пленума ЦК КПСС по докладу т. Н. С. Хрущёва, принятое 9 марта 1962 г. М., 1962; РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 554-582.

⁴⁸³ Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти, 1945-1991. М., 1998; Пыжиков А.В. Хрущёвская «оттепель», 1953-1964. М., 2002; Емельянов Ю.В. Хрущёв. Смутьян в Кремле. М., 2005; Аксютин Ю.В. Хрущёвская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953-1964 гг. М., 2010.

⁴⁸⁴ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 583-587; Сушков А.В. Структура и персональный состав Президиума ЦК КПСС в 1957-1964 гг. Автореферат дисс. канд. ист. наук. Ек., 2003; Сушков А.В. Президиум ЦК КПСС в 1957-1964 гг.: личности и власть. Ек., 2009.

⁴⁸⁵ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 622-623.

⁴⁸⁶ Твардовский А.Т. Рабочие тетради 60-х годов // Знамя. 2000. № 7.

⁴⁸⁷ Шмелев Н.П. Авансы и долги. М., 1989.

⁴⁸⁸ Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти, 1945-1991. М., 1998.

⁴⁸⁹ Ханин Г.И. Экономическая история России в новейшее время. Экономика СССР в конце 30-х годов — 1987 год. Т. 1. Н., 2008.

⁴⁹⁰ О развитии экономики СССР и перестройке партийного руководства народным хозяйством. Постановление Пленума ЦК КПСС по докладу т. Н. С. Хрущёва, принятое 23 ноября 1962 г. М., 1962; РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 588-623.

⁴⁹¹ Соломенцев М.С. Верю в Россию. М., 2003.

⁴⁹² Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти, 1945-1991. М., 1998.

⁴⁹³ Сушков А.В. Структура и персональный состав Президиума ЦК КПСС в 1957-1964 гг. Автореферат дисс. канд. ист. наук. Ек., 2003; Сушков А.В. Президиум ЦК

КПСС в 1957-1964 гг.: личности и власть. Ек., 2009.

⁴⁹⁴ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 624-658.

⁴⁹⁵ АП РФ. Ф. 3. Оп. 55. Д. 24. Л. 47-50.

⁴⁹⁶ Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти, 1945-1991. М., 1998; Млечин Л.М. Железный Шурик. М., 2004; Ханин Г.И. Экономическая история России в новейшее время. Экономика СССР в конце 30-х годов — 1987 год. Т. 1. Н., 2008.

⁴⁹⁷ АП РФ. Ф. 3. Оп. 55. Д. 24. Л. 106.

⁴⁹⁸ АП РФ. Ф. 3. Оп. 55. Д. 24. Л. 151-160, 191-192; Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти, 1945-1991. М., 1998.

13 января 1960 года Н. С. Хрущёв подписал Постановление Совета Министров СССР № 48 об упразднении Министерства внутренних дел СССР и передаче всех его функций Министерством внутренних дел союзных республик. И в тот же день глава Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилов подписал два Указа: «Об упразднении МВД СССР» и «О преобразовании Главного архивного управления МВД СССР в Главное архивное управление при Совете Министров СССР».

⁴⁹⁹ Ханин Г.И. Экономическая история России в новейшее время. Экономика СССР в конце 30-х годов — 1987 год. Т. 1. Н., 2008.

⁵⁰⁰ Об образовании Высшего совета народного хозяйства СССР Совета Министров СССР (ВСНХ СССР) // Собрание Постановлений правительства СССР. М., 1963.

⁵⁰¹ Новиков В.Н. В годы руководства Н.С. Хрущёва // Вопросы истории. 1989. № 1-2.

⁵⁰² Ханин Г.И. Экономическая история России в новейшее время. Экономика СССР в конце 30-х годов — 1987 год. Т. 1. Н., 2008.

⁵⁰³ Мухитдинов Н.А. Река времени. М., 1995.

⁵⁰⁴ Ханин Г.И. Экономическая история России в новейшее время. Экономика СССР в конце 30-х годов — 1987 год. Т. 1. Н., 2008.

12. Как снимали Н.С. Хрущёва

Надо сказать, что при изучении вопроса об отставке Н. С. Хрущёва со всех его партийно-государственных постов, произошедшей в октябре 1964 года на Пленуме ЦК, историки до сих пор спорят по целому комплексу различных проблем, в том числе: а) кто был главным инициатором подготовки этого «дворцового переворота», б) когда в верхних эшелонах власти созрел сам план этого «переворота», и в) каковы были главные причины отставки Н. С. Хрущёва, и как оценивать эту отставку. При этом, как скептически заметили ряд авторов (Р. Г. Пихоя, Ю. В. Аксютин⁵⁰⁵), «обстоятельства и технические подробности непосредственной подготовки "заговора" против Н. С. Хрущёва» никогда не будут выяснены до конца.

По первой проблеме в современной литературе существуют ряд основных точек зрения. Одни авторы (Р. А. Медведев, Д. Боффа⁵⁰⁶), утверждают, что главным вдохновителем этого переворота стал очень влиятельный во всём партийном аппарате многолетний секретарь ЦК М. А. Суслов. Другие авторы (Ф. М. Бурлацкий, С. С. Войтиков⁵⁰⁷), уверяют, что ведущая роль в нём принадлежала другому секретарю ЦК — А. Н. Шелепину — и его группировке «комсомольцев», в том числе председателю КГБ СССР В. Е. Семичастному. Третьи авторы (Р. Г. Пихоя⁵⁰⁸) говорят, что главными «заговорщиками» стали два самых молодых и очень амбициозных члена высшего партийного руководства — А. Н. Шелепин и Д. С. Полянский — при безусловной и самой активной поддержке ещё двух персон — В. Е. Семичастного и Н. Р. Миронова (о фигуре которого мы поговорим чуть ниже). При этом главным организатором и мотором всего «заговора» тот же Р. Г. Пихоя считает именно А. Н. Шелепина. Наконец, ещё одна группа авторов (Ю. В. Аксютин, А. В. Пыжиков, А. В. Сушков⁵⁰⁹) выдвигает версию, что основную роль в октябрьских событиях сыграли два наиболее влиятельных секретаря ЦК — Л. И. Брежнев и Н. В. Подгорный, — которые затем посвятили в свой «заговор» и ряд других доверенных лиц, в частности нового Первого секретаря ЦК КП Украины П. Е. Шелеста, главу КППК А. Н. Шелепина, председателя КГБ СССР генерала В. Е. Семичастного и заведующего Отделом административных органов ЦК Н. Р. Миронова.

По второй проблеме также существует довольно большая разногласия мнений. В частности, одни авторы (Ю. В. Аксютин) утверждают, что первые ощутимые признаки подготовки «дворцового переворота» обозначились уже в июне 1963 года, когда на Пленуме ЦК состоялось избрание Л.И. Брежнева и Н. В. Подгорного секретарями ЦК. Другие авторы (Ф. М. Бурлацкий) считают, что такая подготовка началась значительно раньше, примерно в ноябре 1962 года, т. е. сразу после завершения Кубинского ракетного кризиса, который серьёзно пошатнул позиции Н. С. Хрущёва в Президиуме ЦК. Третья группа авторов (Р. А. Медведев) утверждает, что заговор против Н. С. Хрущёва созрел в январе — феврале 1964 года, когда на одном из заседаний Президиума ЦК он прямо пригрозил отставкой целому ряду его членов, в том числе М. А. Суслову. Наконец, ещё одна группа авторов (Р. Г. Пихоя), ссылаясь на воспоминания А. Н. Шепилова, В. Е. Семичастного, Н. Г. Егорычева и других участников тех событий, говорят о том, что заговор созрел накануне хрущёвского юбилея, т. е. в первой половине апреля 1964 года.

По третьей проблеме существуют две основные точки зрения. До сих пор значительная часть историков, в основном либерального толка (Р. А. Медведев, Н. А.

Барсуков, Р. Г. Пихоя, Ю. В. Аксютин⁵¹⁰), традиционно и предельно навязчиво трактуют отставку Н. С. Хрущёва как результат «номенклатурного переворота» и «заговора верхов», изначально вкладывая в такую трактовку тех событий крайне негативный смысл. Их же оппоненты, стоящие на иных идейных и методологических позициях (С. Г. Кара-Мурза, Ю. В. Емельянов, А. В. Сушков⁵¹¹), совершенно справедливо утверждают, что отставка Н. С. Хрущёва прошла на вполне законных основаниях, в рамках тогдашних конституционных норм, партийной легальности и в строгом соответствии с уставными партийными нормами, поэтому все иные трактовки этого события носят не исторический, а сугубо эмоциональный и политический подтекст.

Что касается причин отставки Н. С. Хрущёва, то почти все авторы солидарны в том, что последние два-три года пребывания его на вершине власти, которые ознаменовались крупными провалами и во внешней, и во внутренней политике, и особенно реформаторский зуд в административно-управленческой сфере, приведший его к непримиримому конфликту со всей партийно-хозяйственной номенклатурой страны, поставили окончательную точку в его многолетней партийно-государственной карьере.

Анализ документов и исторических исследований позволяет нам сделать ряд собственных выводов об обстоятельствах и реальных мотивах смещения Н. С. Хрущёва с занимаемых им постов и ухода его в политическое небытие. Итак, хорошо известно, что с начала мая 1960 года самой влиятельной фигурой в высшем советском руководстве был второй секретарь ЦК Фрол Романович Козлов, который, по мнению А. В. Сушкова, «оставил далеко позади не только всех рядовых членов Президиума ЦК, но и самых влиятельных, составлявших ближайшее окружение главы государства». Сам Н. С. Хрущёв совершенно не скрывал, что именно в Ф. Р. Козлове он видел своего преемника на посту руководителя партии и государства. Да и в западных политических кругах и тамошней прессе его уже давно именовали «кронпринцем», т. е. реальным наследником хрущёвской власти. Тем более что в апреле 1962 года на сессии Верховного Совета СССР он стал членом его Президиума, что придало ему дополнительный властный статус как члену высшего органа государственной власти страны.

По мнению многих известных мемуаристов (Н. В. Новиков, Ф. М. Бурлацкий, С. Н. Хрущёв⁵¹²), неплохо знавших Ф. Р. Козлова, которое разделяют и ряд историков, в том числе А. Ф. Агарев и А. В. Сушков⁵¹³, он в лучшую сторону отличался от многих своих коллег по Президиуму и Секретариату ЦК своими деловыми качествами, рабочей хваткой, общегосударственным мышлением, умением быстро отделять зёрна от плевел и дальновидностью. При этом, в отличие от ряда мемуаристов, утверждавших, что Ф. Р. Козлов везде и всегда шёл в хрущёвском фарватере, тот же А. В. Сушков утверждает, что это было далеко не так. Во-первых, он не разделял хрущёвских игр в «демократию», а во-вторых, «видя негативные последствия скороспелых, непродуманных и часто наносивших вред» решений как в сфере экономики, так и в области внешней политики, он по возможности стал «блокировать некоторые из них, а также более активно проводить собственную политику».

Но, увы, вечером 11 апреля 1963 года, после напряжённого рабочего дня, когда во время отпуска Н. С. Хрущёва ему пришлось в очередной раз вести заседание Президиума ЦК, у Ф. Р. Козлова случился тяжёлый геморрагический инсульт правого полушария головного мозга с левосторонним параличом⁵¹⁴. Тяжёлая болезнь не

только поставила крест на политической карьере столь незаурядного человека и руководителя, но и вызвала крутые перестановки в самом Президиуме ЦК, что в конечном счёте отразилось на всей дальнейшей политической истории страны. Поначалу сам Н. С. Хрущёв, все ещё надеясь на быстрое выздоровление Ф. Р. Козлова, лишь временно передал обязанности второго секретаря ЦК М. А. Суслову. Однако возвращать ему старые полномочия он явно не захотел. И поэтому уже в июне 1963 года на Пленуме ЦК в состав Секретариата был возвращён Л. И. Брежнев. Причём, как полагает А. В. Сушков⁵¹⁵, «временность» такого положения Л. И. Брежнева подчёркивалась тем, что он был оставлен на посту председателя Президиума Верховного Совета СССР, который очень импонировал его бурной артистической натуре своим пышным церемониалом. На том же Пленуме на третью позицию в Секретариате ЦК был переведён Н. В. Подгорный, который уступил прежний пост Первого секретаря ЦК Компартии Украины новой хрущёвской креатуре — Петру Ефимовичу Шелесту, бывшему до этого «рядовым» секретарём ЦК КПУ по промышленности и строительству. При этом по личной просьбе П. Е. Шелеста с поста главы Совета Министров УССР был снят В. В. Щербицкий, которого отправили на прежний пост Первого секретаря Днепропетровского обкома, а новым председателем республиканского правительства был назначен второй секретарь ЦК КПУ Иван Павлович Казанец. В результате этих перестановок М. А. Суслов лишился полномочий «третьего» секретаря ЦК, в связи с чем его влияние в высшем руководстве страны ещё более ослабло. Более того, на том же Пленуме Н. С. Хрущёв намеревался решить вопрос и о переводе в Москву Первого секретаря ЦК Компартии Грузии В. П. Мжаванадзе и назначении его на должность секретаря ЦК, поручив ему «вопросы по армии», однако затем по непонятным причинам отказался от этой затеи⁵¹⁶.

Надо сказать, что в исторической литературе существуют и иные трактовки этих событий. Например, Р. А. Медведев, Н. Верт и отчасти Ю. В. Емельянов⁵¹⁷ уверяли, что болезнь Ф. Р. Козлова носила чисто «дипломатический характер» и он был устранён от власти самим Н. С. Хрущёвым за то, что то ли в феврале, то ли в марте 1963 года возглавил какую-то внутрипартийную фронду его политическому курсу. Однако о какой фронде идёт речь и в чём, собственно, состояло её противостояние с Н. С. Хрущёвым, они так и не пояснили. Другой известный «спец» по хрущёвской эпохе, профессор Ю. В. Аксютин⁵¹⁸, не ссылаясь на конкретные источники, уверяет, что Л. И. Брежнев якобы отнёсся к своему очередному назначению «очень болезненно», как и Н. В. Подгорный, который «был недоволен своим перемещением в Москву», поскольку «на Старой площади он оказался на положении... помощника и слуги». Сам же Н. С. Хрущёв якобы вполне сознательно пошёл на этот шаг, рассчитывая «на известное соперничество между ними». Однако «вышло всё иначе: оба они сразу же сблизились и, прекрасно поняв друг друга, приступили к подготовке смещения Хрущёва».

Между тем неутешительное заключение лечащих врачей Ф. Р. Козлова, в частности известных кремлёвских эскулапов академиков П. Е. Лукомского, В. Х. Василенко и Е. В. Шмидта, о необратимости произошедших изменений в его организме и стойкой утрате трудоспособности, не оставило ему никаких шансов на выздоровление. В декабре 1963 года, выступая на Пленуме ЦК, Н. С. Хрущёв проинформировал членов ЦК о состоянии его здоровья и заявил, что он больше не сможет вернуться к исполнению своих обязанностей. При этом «по гуманным

соображениям» вопрос о его отставке не был поставлен в повестку дня и чисто формально Ф. Р. Козлов остался членом Президиума и Секретариата ЦК. В январе 1964 года ко всему прочему Ф. Р. Козлов перенёс обширный инфаркт миокарда, что вынудило Н. С. Хрущёва вплотную заняться поиском постоянной кандидатуры на пост второго секретаря ЦК. Однако, так и не найдя равноценной замены, весной 1964 года он принял решение оставить должность второго секретаря ЦК за Л. И. Брежневым, чьи деловые качества он сам же оценивал не слишком высоко. В связи с этим обстоятельством в июле 1964 года тот окончательно сконцентрировался на партийной работе, а на освободившийся пост председателя Президиума Верховного Совета СССР Н. С. Хрущёв переместил А. И. Микояна, по уверению которого, лидер страны уговорил его перейти на этот пост с тем, чтобы превратить Верховный Совет в реальный парламент. Естественно, А. И. Микоян вынужден был уйти с поста первого заместителя председателя Совета Министров СССР, что, по мнению А. В. Сушкова⁵¹⁹, привело к резкому укреплению позиций Д. С. Полянского в союзном правительстве.

Кстати, существует версия, высказанная хрущёвским зятем А. И. Аджубеем⁵²⁰, что личные отношения Л. И. Брежнева и Ф. Р. Козлова, особенно после того как последний стал курировать весь ВПК и тяжёлую промышленность, были напряжёнными, и они, «мягко говоря..., не любили друг друга». Однако дочь Ф. Р. Козлова, напротив, утверждала, что отношения между ними были товарищескими и приятельскими⁵²¹. Более того, по её же свидетельству, первую «самую критическую неделю» болезни отца Л. И. Брежнев переехал на госдачу Ф. Р. Козлова и неотлучно находился с ним. И потом не надо забывать, что после смерти Ф. Р. Козлова 30 января 1965 года, когда он находился уже в статусе персонального пенсионера, не по протоколу его прах был упокоен в Кремлёвской стене, а не на Новодевичьем кладбище. А подобное решение без одобрения Л. И. Брежнева, который уже стал Первым секретарём ЦК, не могло быть принято в принципе.

Тем временем 17 мая 1964 года ушёл из жизни старейший член высшего руководства Отто Вильгельмович Куусинен, давно страдавший раком печени. За всё время правления Н. С. Хрущёва это была единственная смерть члена Президиума ЦК, находившегося при должности. Однако глава государства не прервал свой визит в Каир, ограничившись телеграммой соболезнования и указанием создать правительственную комиссию по организации похорон во главе с Н. В. Подгорным.

Между тем где-то на рубеже 1963-1964 годов в узком руководстве уже созрела сама идея смещения Н. С. Хрущёва, в которую, вероятнее всего, пока были посвящены всего несколько самых влиятельных членов руководства: Л. И. Брежнев, Н. В. Подгорный, Д. С. Полянский, А. Н. Шелепин, Н. Р. Миронов и В. Е. Семичастный. При этом, как представляется ряду мемуаристов и многим историкам⁵²², вхождение двух последних персонажей в число участников «заговора» имело определяющее значение для его успеха. То, что Владимир Ефимович Семичастный сыграл важнейшую роль во всех этих событиях, ни у кого не вызывает вопросов. Он был ближайшим соратником и личным другом А. Н. Шелепина, унаследовал от него должность председателя КГБ СССР, а значит, и контроль за 9-м Управлением КГБ, которое осуществляло охрану всех членов Президиума и Секретариата ЦК.

А вот относительно фигуры Николая Романовича Миронова у многих могут возникнуть законные вопросы. Посему чуть подробнее поведем о нём. Во-первых,

он был уроженцем того самого села Каменское Екатеринославской губернии, в котором ровно за семь лет до его появления на свет родился Л. И. Брежнев. Во-вторых, именно он, будучи начальником Ленинградского УКГБ, «слил» своему земляку компромат на И. А. Серова, который стоил тому должности председателя КГБ. И, наконец, в-третьих, оставаясь действующим генерал-майором госбезопасности, с июня 1959 года он возглавил ключевой Отдел административных органов ЦК КПСС и по должности не только стал курировать все силовые структуры страны, но и мог давать их руководителям, в том числе председателю КГБ генерал-полковнику В. Е. Семичастному, любые указания и распоряжения⁵²³. Наконец, чуть позже согласие на устранение Н. С. Хрущёва дал и министр обороны СССР маршал Р. Я. Малиновский, что тоже стало одной из причин успешной реализации всего замысла «дворцового переворота».

В первой половине июля 1964 года, накануне открытия очередной сессии Верховного Совета СССР, где А. И. Микоян должен был официально сменить Л. И. Брежнева на посту главы советского государства, состоялся очередной Пленум ЦК, который по давно заведённой традиции должен был утвердить данное решение. Однако, по информации Р. Г. Пихои и Ю. В. Аксютин⁵²⁴, вопреки повестке дня Н. С. Хрущёв выступил на этом Пленуме ЦК с большим докладом, в котором попытался обосновать необходимость создания на селе специализированных производственных управлений, призванных полностью вытеснить партийные комитеты из управления всем аграрным производством. А сразу после завершения сессии Верховного Совета СССР, 18 июля 1964 года, он направил в Президиум ЦК свою очередную записку «О руководстве сельским хозяйством в связи с переходом на путь интенсификации»⁵²⁵ с предложением упразднить созданные всего полтора года назад парткомы колхозно-совхозных управлений и заменить их политотделами. Несмотря на то что эта записка имела две редакции — более и менее

радикальную, — они обе вызвали полное неприятие со стороны большей части членов Президиума ЦК. Их негодованию по поводу предложенной военизации местных партийных комитетов не было предела, и их напор оказался настолько мощным, что Н. С. Хрущёву пришлось, несмотря на всё своё неудовольствие, отозвать это предложение с рассмотрения высшего партийного ареопага. Было принято решение перенести рассмотрение данного вопроса на ноябрьский Пленум ЦК, а Д. С. Полянскому и В. И. Полякову поручено подготовить к августу 1964 года проект совместного Постановления ЦК и Совмина СССР по этому вопросу, который к моменту своего появления был озаглавлен так: «О руководстве сельским хозяйством в связи с интенсификацией и специализацией производства»⁵²⁶.

Тем временем круг лиц, посвящённых в планы смещения Н. С. Хрущёва, стал расти буквально на дрожжах: в него уже были посвящены и отчасти вовлечены П. Е. Шелест, Н. Г. Егорычев, Ю. В. Андропов, Д. Ф. Устинов, П. Н. Демичев, Г. И. Воронов, В. Н. Новиков, Н. Г. Игнатов и ряд других важных персон. Более того, целый ряд влиятельных членов ЦК, в частности Первый секретарь МКК КПСС Н. Г. Егорычев, Первый секретарь ЦК КПУ П. Е. Шелест и председатель Президиума Верховного Совета РСФСР Н. Г. Игнатов, стали выступать в роли своеобразных курьеров, которые, без усталости объезжая города и веси страны, зондировали умонастроения местной партийной номенклатуры относительно возможного смещения Н. С. Хрущёва со всех его постов. В этом отношении особенно усердствовал Н. Г. Игнатов, давно возненавидевший Н. С. Хрущёва за крах своей

блестящей политической карьеры в 1960-1961 годах. Кстати, по информации ряда мемуаристов и историков (С. Н. Хрущёв, Р. А. Медведев, Ю. В. Аксютин, А. В. Пыжиков⁵²⁷), которая ещё нуждается в дальнейшей проверке, именно от бывшего начальника охраны Н. Г. Игнатова полковника В. И. Галюкова сыну Н. С. Хрущёва стало известно о заговоре против его отца, которому он сообщил об этом в сентябре

1964 года. Сам Н. С. Хрущёв не очень поверил этой информации, но на всякий случай попросил своего сына свести В. И. Галюкова с А. И. Микояном и запротоколировать их беседу. Эта беседа состоялась в самом начале октября 1964 года, и стенограмма записи данной беседы до сих пор хранится в так называемой «Секретной папке Политбюро»⁵²⁸. Однако из текста стенограммы не вполне ясно, какую роль во всех этих событиях играли ключевые фигуры «заговора» и насколько сам В. И. Галюков верно интерпретировал свои беседы с Н. Г. Игнатовым.

Между тем 26 сентября 1964 года, накануне отъезда Н. С. Хрущёва на отдых в свою крымскую резиденцию, в Кремле состоялось расширенное заседание Президиума ЦК КПСС и Совета Министров СССР с участием всех первых секретарей республиканских, краевых и областных партийных комитетов, руководителей региональных исполкомов и совнархозов, а также руководства Академии наук СССР. В центре внимания участников заседания был доклад первого заместителя председателя Госплана СССР Алексея Адамовича Горегляда «О перспективном плане развития народного хозяйства СССР на 1966-1970 гг.». Н. С. Хрущёв, выступавший в прениях по данному докладу, впервые за все эти годы чуть ли не дословно повторил основные положения знаменитого доклада Г. М. Маленкова о необходимости ускоренного развития производства средств потребления и скорейшего, а главное — существенного повышения уровня жизни и благосостояния советских граждан. Однако это хрущёвское «прозрение» уже не спасло его от отставки. 27 октября он имел упомянутый выше разговор с сыном. А буквально за день до своего отъезда из Москвы Н. С. Хрущёв провёл переговоры с президентом Индонезии Сукарно. По итогам этих переговоров на торжественном приёме в Грановитой палате Кремля, где присутствовали ряд членов и кандидатов в члены Президиума ЦК: А. И. Микоян, Н. В. Подгорный, М. А. Суслов, А. Н. Косыгин, Г. И. Воронов, Д. С. Полянский, Л. Н. Ефремов и В. П. Мжаванадзе, секретари ЦК В. И. Поляков, Б. Н. Пономарёв, А. П. Рудаков и В. Н. Титов, заместители председателя Совета Министров СССР Д. Ф. Устинов, В. Э. Дымшиц, М. А. Лесечко, К. Н. Руднев и Л. В. Смирнов, глава Президиума Верховного Совета РСФСР Н. Г. Игнатов, а также заместители министра иностранных дел В. В. Кузнецов и С. Г. Лапин, первый заместитель министра обороны маршал А. А. Гречко и заместитель председателя КГБ генерал-майор Н. С. Захаров, Н. С. Хрущёв публично заявил, что после возвращения из отпуска он наконец-то «разобьёт "центропробку", которая закупоривает нас и мешает двигаться вперёд»⁵²⁹.

Наконец 30 сентября 1964 года, оставив «на хозяйстве» в правительстве Д. С. Полянского, а в партии — Н. В. Подгорного и Л. И. Брежнева, которым он поручил ведение Президиума ЦК, Н. С. Хрущёв отбыл в очередной отпуск на Чёрное море, и «заговор» против него вступил в завершающую фазу.

11 октября 1964 года в кремлёвском кабинете Д. С. Полянского после его разговора с Н. С. Хрущёвым, в котором он уже по привычке ругался и грозил всякими карами, собрались все члены Президиума ЦК. Отсутствовали только трое: Л. И. Брежнев, Н. В. Подгорный и А. П. Кириленко. Первый был с рабочим визитом в

Берлине, второй — с рабочей поездкой в Кишинёве, а третий отдыхал в Минводах. Узнав, что двое последних уже вылетели в Москву, все присутствующие попросили хозяина кабинета срочно звонить Л. И. Брежневу, который не выходил на связь. Наконец поздним вечером до него дозвонились, Д. С. Полянский произнёс всего одну фразу, ставшую паролем заговорщиков: «В Москве хорошая погода», — и тот срочно вылетел в столицу⁵³⁰. 12 октября под председательством Л. И. Брежнева, который накануне вернулся из Берлина, собрался Президиум ЦК, на котором, судя по записям заведующего Общим отделом В. Н. Малина, присутствовали члены Президиума ЦК Г. И. Воронов, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, Н. В. Подгорный, Д. С. Полянский, М. А. Суслов и Н. М. Шверник, кандидаты в члены Президиума В. В. Гришин и Л. Н. Ефремов и секретари ЦК Ю. В. Андропов, П. Н. Демичев, Л. Ф. Ильичёв, В. И. Поляков, Б. Н. Пономарёв, А. П. Рудаков, В. Н. Титов и А. Н. Шелепин. Чисто формальным поводом для данного заседания стало обсуждение ряда вопросов, связанных с новым пятилетним планом, но, безусловно, главным вопросом неформальной повестки было обсуждение отставки Н. С. Хрущёва со всех занимаемых им постов.

По итогам этого заседания было принято Постановление Президиума ЦК «О возникших вопросах по поводу предстоящего Пленума ЦК КПСС и разработок перспективного народнохозяйственного плана на новый период», состоящее из трёх пунктов:

«1. В связи с поступающими в ЦК КПСС запросами о возникших неясностях принципиального характера по вопросам, намеченным к обсуждению на Пленуме ЦК КПСС в ноябре с.г., и в разработках нового пятилетнего плана признать неотложным и необходимым обсудить их на ближайшем заседании Президиума ЦК КПСС с участием т. Хрущёва.

Поручить тт. Брежневу, Косыгину, Суслову и Подгорному связаться с т. Хрущёвым по телефону и передать ему настоящее решение с тем, чтобы заседание Президиума ЦК провести 13 октября 1964 г.

2. Ввиду многих неясностей, возникающих на местах, по записке т. Хрущёва от 18 июля 1964 г. (№ П1130) «О руководстве сельским хозяйством в связи с переходом на путь интенсификации», разосланной в партийные организации, и содержащихся в ней путаных установок отозвать указанную записку из парторганизаций.

3. Учитывая важное значение характера возникших вопросов и предстоящего их обсуждения, считать целесообразным вызвать в Москву членов ЦК КПСС, кандидатов в члены ЦК КПСС и членов Центральной Ревизионной Комиссии КПСС для доклада пленуму итогов обсуждения вопросов на Президиуме ЦК КПСС.

Вопрос о времени проведения Пленума ЦК КПСС решить в присутствии т. Хрущёва»⁵³¹.

После окончания этого заседания узкий круг членов Президиума ЦК стал обсуждать, кто должен звонить Н. С. Хрущёву в Пицунду, куда тот перебрался на отдых из-за плохой погоды в Крыму. После некоторого препирательства между Н. В. Подгорным,

Л. И. Брежневым, М. А. Сусловым, Д. С. Полянским и А. Н. Шелепиным было решено, что звонить всё же будет второй секретарь ЦК, поскольку у него имелся повод доложить Н. С. Хрущёву о своей поездке в ГДР и передать ему привет от товарищей В. Ульбрихта и В. Штофа, который только три недели назад сменил скончавшегося О. Гротевоя на посту председателя Совета Министров ГДР. В

результате Л. И. Брежнев позвонил Н. С. Хрущёву в Пицунду и настойчиво попросил его прервать свой отпуск и срочно вернуться в Москву «для обсуждения неотложных вопросов по сельскому хозяйству». Первоначально он отказался прерывать свой отпуск, но затем, посоветовавшись с отдыхавшим вместе с ним А. И. Микояном, заказал свой правительственный самолёт и утром вылетел в Москву.

Надо сказать, что в работах ряда авторов (С. Н. Хрущёв, Р. А. Медведев⁵³²) ещё в период пресловутой горбачёвской перестройки была растиражирована версия, нашедшая своё отражение даже в фильме кинорежиссёра И. А. Гостева «Серые волки», что якобы первоначально Н. С. Хрущёв собирался вылететь из Пицунды в Киев, где, опираясь на поддержку преданного ему командующего Киевским военным округом генерала армии П. К. Кошевого, должен был возглавить борьбу против «заговорщиков» внутри ЦК. Но затем под влиянием А. И. Микояна он отказался от этой затеи и сразу вылетел в Москву. Однако эта ходячая байка легко опровергается тем обстоятельством, что вскоре после опалы Н. С. Хрущёва, в январе 1965 года, Пётр Кириллович Кошевой пошёл на повышение и был назначен главкомом самой престижной в Вооружённых Силах СССР Группы советских войск в Германии (ГСВГ), а в апреле 1968 года был удостоен высшего воинского звания — маршала Советского Союза.

Когда днём 13 октября 1964 года самолёт с премьером на борту приземлился в правительственном аэропорту Внуково, то вопреки давно установленному протоколу у трапа самолёта Н. С. Хрущёва и А. И. Микояна встречали не все члены высшего руководства, а только председатель КГБ В. Е. Семичастный, секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. П. Георгадзе и начальник 9-го Управления КГБ полковник В. Я. Чекалов. С аэродрома все проследовали в Кремль, где уже началось заседание Президиума ЦК, которое продолжалось до вечера 14 октября, т. е. до момента созыва Пленума ЦК, члены которого накануне прибыли в Москву.

Протокол этого заседания не вёлся, и о содержании состоявшегося разговора можно судить лишь по отрывочным конспективным записям заведующего Общим отделом ЦК В. Н. Малина⁵³³ и мемуарам ряда его участников, в том числе П. Е. Шелеста, В. В. Гришина, А. Н. Шелепина⁵³⁴. Судя по документам, на заседании присутствовали все члены Президиума и Секретариата ЦК, за исключением болевшего Ф. Р. Козлова⁵³⁵. Однако слово для выступлений в заранее оговорённом порядке получили только Л. И. Брежнев, открывавший и закрывавший это заседание, а затем поочерёдно П. Е. Шелест, А. Н. Шелепин, А. П. Кириленко, К. Т. Мазуров, Л. Н. Ефремов, В. П. Мжаванадзе, М. А. Суслов, В. В. Гришин, Ш. Р. Рашидов, Д. С. Полянский, А. И. Микоян, А. Н. Косыгин и Н. В. Подгорный. Все они с разной степенью эмоций, выражений, примеров и аргументов стали хором обвинять Н. С. Хрущёва в попрании всех ленинских норм и принципов коллективного руководства, абсолютно хамском поведении по отношению к своим коллегам по руководящим органам партии, в крупных провалах во внешней и внутренней политике, создании собственного культа личности, в бездумных и бесконечных реорганизациях государственного и партийного аппаратов власти, приведших к настоящему управленческому хаосу, и других тяжких грехах.

Для самого Н. С. Хрущёва всё это оказалось настолько неожиданным, что поначалу он повёл себя в привычной манере — достаточно самоуверенно и нагло — и, постоянно перебивая выступающих, бросал язвительные реплики в их адрес. Однако вскоре ему стало ясно, что всё заранее предрешено, что все члены высшего

руководства выступают единым фронтом против него, и он сразу сник. Ситуацию не помогло сгладить даже примиренческое выступление «старого лиса» А. И. Микояна, который предложил оставить за Н. С. Хрущёвым хотя бы один из занимаемых им постов. Но все были решительно настроены на полную отставку Н. С. Хрущёва со всех его постов, поэтому Н. В. Подгорный и А. Н. Шелепин даже оговорили «президента» страны за такое предложение. Когда же самому Н. С. Хрущёву стало окончательно ясно, что он проиграл, после завершения дискуссии, уже за пределами самого заседания, театрально прослезившись, заявил своим коллегам по Президиуму ЦК, что бороться с ними не будет, выступать на Пленуме ЦК тоже не будет, извинился за «свои грубости по отношению к товарищам» Д. С. Полянскому и Г. И. Воронову и попросил написать за него заявление о отставке с любой подходящей формулировкой, которое он подпишет. Как уверяет С. С. Войтиков⁵³⁶, по поручению Президиума ЦК такое заявление, «не отходя от кассы», написал секретарь ЦК Л. Ф. Ильичёв, Н. С. Хрущёв его сразу подписал и покинул заседание высшего партийного ареопага. Вместе с тем в Российском госархиве новейшей истории (РГАНИ) хранится подлинный автограф заявления Н. С. Хрущёва⁵³⁷, поэтому в данном случае С. С. Войтиков не прав. Вероятнее всего, Л. Ф. Ильичёв действительно написал такое заявление, но Н. С. Хрущёв его переписал своим размашистым и явно нервным почерком и подписал. Более того, тогдашний кандидат в члены Президиума ЦК Виктор Васильевич Гришин в своих мемуарах уверяет, что поручение написать текст заявления об отставке Н. С. Хрущёва было дано не только Л. Ф. Ильичёву, но и ему, что они вдвоём и сделали⁵³⁸.

14 октября 1964 года, всего за два часа до начала работы организационного Пленума ЦК, назначенного на 18 часов вечера, было принято Постановление Президиума ЦК, в котором прямо говорилось о том, «что в результате ошибок и неправильных действий тов. Хрущёва Н. С.», грубо нарушающих ленинские принципы коллективного руководства, «в Президиуме ЦК за последнее время создалась совершенно ненормальная обстановка, затрудняющая выполнение членами Президиума ЦК своих ответственных обязанностей по руководству партией и страной»; что тов. Н. С. Хрущёв «проявляет нетерпимость и грубость к товарищам по Президиуму ЦК, пренебрежительно относится к их мнению» и допустил ряд крупных политических ошибок в практической реализации линии, «намеченной решениями XX, XXI и XXII съездов партии». Атак как «при сложившихся отрицательных личных качествах..., преклонном возрасте и ухудшении состояния здоровья» тов. Н. С. Хрущёв «не способен исправить допущенные ошибки и непартийные методы в работе», то следует принять его заявление об освобождении со всех партийных и государственных постов «в связи с преклонным возрастом и ухудшением состояния здоровья»⁵³⁹.

В этом же Постановлении были указаны и конкретные решения, выносимые на Пленум ЦК: «1) посты Первого секретаря ЦК КПСС и председателя Совета Министров СССР впредь не совмещать; 2) рекомендовать Пленуму ЦК избрать Первым секретарём ЦК КПСС тов. Брежнева Л. И.; 3) учредить пост второго секретаря ЦК и назначить на этот пост тов. Подгорного Н. В.; 4) рекомендовать Верховному Совету СССР назначить на пост председателя Совета Министров СССР тов. Косыгина А. Н.; 5) поручить тов. Суслову М. А. от имени Президиума ЦК сделать доклад на Пленуме ЦК и прений по этому докладу не открывать».

В связи с последним обстоятельством необходимо обратить внимание на тот примечательный факт, что, по информации ряда мемуаристов и историков (П. Е. Шелест, Р. Г. Пихоя, Л. М. Млечин⁵⁴⁰), в реальности были подготовлены два доклада Президиума ЦК, тексты которых хранятся в Архиве Президента РФ (так называемая «Секретная папка Политбюро ЦК КПСС»). Один доклад, который готовился в аппаратах А. Н. Шелепина и Д. С. Полянского при участии Ю.В. Андропова и П. Н. Демичева, а также сотрудников КГБ, содержал в себе очень подробный и вполне аргументированный перечень всех основных провалов хрущёвского экономического курса и волюнтаристской внешней политики, поставившей, по мнению авторов этого доклада, всю планету на грань ядерной катастрофы. Здесь приводились конкретные примеры и цифры, которые во всей своей красе рисовали «достижения» хрущёвского правления, например, то, что за «великое десятилетие» среднегодовые темпы роста национального дохода упали с 12 до 4%, а прирост общественного продукта соответственно упал с 11,1 до 5 %. Второй же доклад, который с большой долей вероятности готовился в личных аппаратах Л. И. Брежнева и М. А. Суслова⁵⁴¹, носил не столько политический и конкретно-фактологический, сколько эмоционально-психологический характер, поскольку здесь упор делался на негативные личные качества Н. С. Хрущёва. Именно этот доклад и был зачитан на Пленуме ЦК, что, по мнению того же Р. Г. Пихои, более чем красноречиво говорило о том, что в закулисной борьбе за власть победу одержала куда менее радикальная и более опытная группировка Л. И. Брежнева — М. А. Суслова, которая вскоре обретёт всю полноту власти в стране.

Затем в узком кругу определились и с кандидатурами на первые роли. После небольшого «спора» и взаимных реверансов договорились, что в правящую «тройку» войдут Л. И. Брежнев, Н. В. Подгорный и А. Н. Косыгин. Двое первых сконцентрируют внимание на партийной работе в качестве Первого и второго секретарей ЦК, а третий возглавит Совет Министров СССР.

Вечером 14 октября 1964 года начал свою работу организационный Пленум ЦК, который по поручению Президиума открыл Н. В. Подгорный, объявивший всем членам ЦК, что на повестку дня поставлен только один-единственный вопрос — «О ненормальном положении, сложившемся в Президиуме ЦК в связи с неправильными действиями Первого секретаря ЦК КПСС Н. Хрущёва»⁵⁴². Затем с большим докладом по этому вопросу выступил М. А. Суслов, который повторил, но в более развёрнутом и аргументированном виде, весь тот набор обвинений, который прозвучал в адрес Н. С. Хрущёва на последнем заседании Президиума ЦК. Как и договорились, никаких прений по данному докладу не открывали и единогласно приняли Постановление Пленума ЦК, в котором содержались всего три пункта: 1) «удовлетворить просьбу т. Хрущёва Н. С. об освобождении его от обязанностей Первого секретаря ЦК КПСС, члена Президиума ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР в связи с преклонным возрастом и ухудшением состояния здоровья»; 2) «избрать Первым секретарём ЦК КПСС т. Брежнева Л. И.»; 3) «рекомендовать на пост председателя Совета Министров СССР т. Косыгина А. Н.». Причём, как видно из этого перечня, пункта об учреждении поста второго секретаря ЦК нет, как нет и пункта о назначении на этот пост тов. Н. В. Подгорного. Почему данная договорённость в последний момент была отвергнута, не вполне ясно, а посему все рассуждения на этот счёт до сих пор остаются лишь на уровне различных предположений. Причём, что любопытно, Н. С. Хрущёв был оставлен членом ЦК, поскольку, как утверждает П. Е.

Шелест⁵⁴³, по данному вопросу надо было проводить тайное голосование, что не гарантировало нужный результат. Как явствует из «Рабочих и дневниковых записей» Л. И. Брежнева⁵⁴⁴, уже на следующий день, 15 октября 1964 года, по его инициативе в здании ЦК на Старой площади состоялось совещание секретарей республиканских, краевых и областных партийных комитетов, на котором он не только поставил задачу в нужном русле «довести решения Пленума ЦК до партийно-хозяйственного актива», но и особо указал на два принципиальных момента: во-первых, «не сводить дело узко — только к культу» Н. С. Хрущёва и, во-вторых, иметь в виду, что «правильность и верность линии нашей партии», выработанной на XX-XXII съездах, не подлежит никакому сомнению и ревизии.

Таким образом, октябрьский Пленум ЦК наконец-то поставил «жирную точку» в политической карьере Н. С. Хрущёва и положил конец хрущёвской «слякоти», эпоха которой до сих пор вызывает самые противоположные оценки и в исторической науке, и в мемуаристике, и в публицистике. Эти оценки, как смогли убедиться читатели данной книги, носят диаметральный характер: от восторженных оценок до проклятий в адрес автора «великого десятилетия». На наш же взгляд, который теперь, к счастью, разделяют многие мои коллеги, именно хрущёвская «слякоть» и её вдохновитель заложили все базовые основы разрушения и гибели нашей великой державы и советского общественного строя в эпоху преступной горбачёвской перестройки, где главной ударной, в том числе идеологической, силой стали все недобитые «шестидесятники» во главе с двумя архитекторами этой перестройки — иудами М. С. Горбачёвым и А. Н. Яковлевым.

⁵⁰⁵ Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти, 1945-1991. М., 1998; Аксютин Ю.В. Хрущёвская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953-1964 гг. М., 2010.

⁵⁰⁶ Медведев Р.А. Н.С. Хрущёв. Политическая биография. М., 1989; Боффа Д. История Советского Союза: от Отечественной войны до положения второй мировой державы. Сталин и Хрущёв, 1941-1964. Т. 2, М., 1994.

⁵⁰⁷ Бурлацкий Ф.М. Вожди и советники: о Хрущёве, Андропове и не только о них. М., 1990; Войтиков С.С. Центральный Комитет. М., 2019.

⁵⁰⁸ Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти, 1945-1991. М., 1998.

⁵⁰⁹ Аксютин Ю.В., Пыжиков А.В. Постсталинское общество: проблема лидерства и трансформация власти. М., 1999; Аксютин Ю.В. «В Москве хорошая погода», или Почему Хрущёва отправили в отставку // Исторический архив. 2008. № 5; Аксютин Ю.В. Хрущёвская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953-1964 гг. М., 2010; Сушков А.В. Президиум ЦК КПСС в 1957-1964 гг.: личности и власть. Ек., 2009.

⁵¹⁰ Медведев Р.А. Н.С. Хрущёв. Политическая биография. М., 1989; Барсуков Н.А. Как был «низложен» Н. Хрущёв // Общественные науки. 1989. № 6; Барсуков Н.А. Как был смещён Н.С. Хрущёв // Трудные вопросы истории. М., 1991; Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти, 1945-1991. М., 1998; Аксютин Ю.В. Хрущёвская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953-1964 гг. М., 2010.

⁵¹¹ Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация: от Великой Победы до наших дней. М., 2002; Емельянов Ю.В. Хрущёв. Смутьян в Кремле. М., 2005; Сушков А.В. Структура и персональный состав Президиума ЦК КПСС в 1957-1964 гг. Автореферат дисс. канд. ист. наук. Ек., 2003; Сушков А.В. Президиум ЦК КПСС в 1957-1964 гг.:

личности и власть. Ек., 2009.

⁵¹² Новиков В.Н. В годы руководства Н.С. Хрущёва // Вопросы истории. 1989. № 1-2; Бурлацкий Ф.М. Вожди и советники. М., 1990; Хрущёв С.Н. Рождение сверхдержавы: книга об отце. М., 2000.

⁵¹³ Агарев А.Ф. Преемник Хрущёва: малоизвестные страницы биографии государственного и политического деятеля Ф.Р. Козлова. Рязань, 2011; Сушков А.В. Структура и персональный состав Президиума ЦК КПСС в 1957-1964 гг. Автореферат дисс. канд. ист. наук. Ек., 2003; Сушков А.В. Президиум ЦК КПСС в 1957-1964 гг.: личности и власть. Ек., 2009.

⁵¹⁴ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 759. Л. 2. Всякого рода фолк-историки утверждают, что причиной болезни и скорой смерти Ф.Р. Козлова стал необузданный характер Н.С. Хрущёва, который в гневе на одном из заседаний Президиума ЦК якобы запустил в него мраморный пресс-папье, который то ли разбил ему голову, то ли вызвал обширный инфаркт. (Соловьёв В.И., Клёпикова Е.К. Заговорщики в Кремле. М., 1991; Красиков С.П. Возле вождей. М., 1997.)

⁵¹⁵ Сушков А.В. Структура и персональный состав Президиума ЦК КПСС в 1957-1964 гг. Автореферат дисс. канд. ист. наук. Ек., 2003; Сушков А.В. Президиум ЦК КПСС в 1957-1964 гг.: личности и власть. Ек., 2009.

Профессор Р.Г. Пихоя ошибочно утверждает, что Л.И. Брежнев, занимавший в то время чисто декоративный пост «президента страны», был маловлиятельной фигурой и до лета 1964 года «не был вторым секретарём ЦК».

⁵¹⁶ Президиум ЦК КПСС. 1954-1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Т. 1. М., 2015.

⁵¹⁷ Медведев Р.А. Н.С. Хрущёв. Политическая биография. М., 1990; Верт Н. История Советского государства. 1900-1991. М., 1992; Емельянов Ю.В. Хрущёв. Смутьян в Кремле. М., 2005.

⁵¹⁸ Аксютин Ю.В. Хрущёвская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953-1964 гг. М., 2010.

⁵¹⁹ Сушков А.В. Структура и персональный состав Президиума ЦК КПСС в 1957-1964 гг. Автореферат дисс. канд. ист. наук. Ек., 2003; Сушков А.В. Президиум ЦК КПСС в 1957-1964 гг.: личности и власть. Ек., 2009.

⁵²⁰ Аджубей А.И. Те десять лет. М., 1989.

⁵²¹ Сушков А.В. Президиум ЦК КПСС в 1957-1964 гг.: личности и власть. Ек., 2009.

⁵²² Серов И.А. Записки из чемодана. М., 2016; Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти, 1945-1991. М., 1998; Аксютин Ю.В. Хрущёвская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953-1964 гг. М., 2010.

⁵²³ Есть все основания полагать, что при Л. И. Брежневе Н. Р. Миронов вполне мог войти в число высших руководителей страны, однако менее чем через неделю после отставки Н. С. Хрущёва, 20 октября 1964 года, вместе с начальником Генерального штаба маршалом С. С. Бирюзовым он погиб в печально знаменитой авиакатастрофе под Белградом.

⁵²⁴ Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти, 1945-1991. М., 1998; Аксютин Ю.В. Хрущёвская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953-1964 гг. М., 2010.

⁵²⁵ АП РФ. Ф. 3. Оп. 30. Д. 260. Л. 22-51.

⁵²⁶ АП РФ. Ф. 3. Оп. 30. Д. 260. Л. 159-170.

⁵²⁷ Хрущёв Н.С. Время. Люди. Власть. Кн. 3. М., 1999; Медведев Р.А. Н.С. Хрущёв.

Политическая биография. М., 1989; Аксютин Ю.В., Пыжиков А.В. Постсталинское общество: проблема лидерства и трансформация власти. М., 1999.

⁵²⁸ РГАСПИ. Ф. 397. Оп. 1. Д. 93. Л. 1-11об.

⁵²⁹ Аксютин Ю.В. Хрущёвская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953-1964 гг. М., 2010.

⁵³⁰ Аксютин Ю.В. «В Москве хорошая погода», или Почему Хрущёва отправили в отставку // Исторический архив. 2008. № 5; Аксютин Ю.В. Хрущёвская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953-1964 гг. М., 2010.

⁵³¹ Как снимали Н.С. Хрущёва: Материалы Пленума ЦК КПСС (октябрь 1964 г.) // Исторический архив. 1993. № 1; Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти, 1945-1991. М., 1998; Аксютин Ю.В. «В Москве хорошая погода», или Почему Хрущёва отправили в отставку // Исторический архив. 2008. № 5.

⁵³² Хрущёв С.Н. Пенсионер союзного значения. М., 1991; Медведев Р.А. Н.С. Хрущёв. Политическая биография. М., 1989.

⁵³³ АП РФ. Ф. 3. Оп. 67. Д. 223. Л. 1-12. Никита Хрущёв. 1964: Стенограммы Пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 2007.

⁵³⁴ Шелест П.Е. ...Да не судимы будете. М., 1994; Гришин В.В. От Хрущёва до Горбачёва. Политические портреты пяти генсеков и А.Н. Косыгина. М., 1996; Хрущёвские времена. Непринуждённые беседы с политическими деятелями «великого десятилетия» // Известная Россия. XX век. М., 1992.

⁵³⁵ Профессор Р.Г. Пихоя в своей работе «Советский Союз: история власти, 1945-1991» (1998) ошибочно утверждает, что если «в сентябре 1964 года ему (Ф.Р. Козлову — Е. С.) перестали посылать и текущие материалы ЦК, что означало фактическое прекращение его деятельности в партийном руководстве», то «после участия в заседании Президиума ЦК 12-14 октября 1964 года и в октябрьском Пленуме ЦК он восстановил свой статус члена Политбюро (так у Р.Г. Пихои — Е. С.), и с 22 октября 1964 года ему вновь стали присылать все материалы ЦК. Однако уже 16 ноября он был освобождён по болезни от должности члена Президиума ЦК КПСС и в январе 1965 года скончался». На самом деле, Ф.Р. Козлов к тому времени был полностью парализован, участия во всех этих заседаниях не принимал, а уж тем более не выступал на них.

⁵³⁶ Войтиков С.С. Центральный Комитет. М., 2019.

⁵³⁷ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 749. Л. 103-104.

⁵³⁸ Гришин В.В. От Хрущёва до Горбачёва. М., 1996.

⁵³⁹ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 749. Л. 3-4; Как снимали Н.С. Хрущёва: Материалы Пленума ЦК КПСС (октябрь 1964 г.) // Исторический архив. 1993. № 1; Никита Хрущёв. 1964: Стенограммы Пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 2007; Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти, 1945-1991. М., 1998; Млечин Л.М. Как Брежнев сменил Хрущёва. Тайная история дворцового переворота. М., 2015.

⁵⁴⁰ Шелест П.Е. ...Да не судимы будете. М., 1994; Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти, 1945-1991. М., 1998; Млечин Л. М. Как Брежнев сменил Хрущёва. М., 2015.

⁵⁴¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 67. П. 223; Вестник Архива Президента Российской Федерации. 1998. № 2; Как снимали Н.С. Хрущёва: Материалы Пленума ЦК КПСС (октябрь 1964 г.) // Исторический архив. 1993. № 1.

⁵⁴² Кстати, в беседе с профессором Ю.В. Аксютиним Д.С. Полянский якобы утверждал, что М.А. Суслову поручили огласить доклад на Пленуме ЦК «в качестве

некоего покаяния за то, что он до самого последнего момента и слушать не хотел ни о каких переменах в руководстве партии и правительства». Аксютин Ю.В. «В Москве хорошая погода», или Почему Хрущёва отправили в отставку // Исторический архив. 2008. № 5.

⁵⁴³ Шелест П.Е. ...Да не судимы будете. М., 1994.

⁵⁴⁴ Брежнев Л.И. Рабочие и дневниковые записи 1964-1982 гг. Т. 1. М., 2016.

Брежневское Политбюро ЦК в 1964-1985 годах: люди и власть

1. «Малая Октябрьская революция» и новая расстановка сил в верхних эшелонах власти в 1964-1965 годах

Как известно, отсчёт брежневской эпохи традиционно принято вести с вечера 14 октября 1964 года, когда начал свою работу организационный Пленум ЦК КПСС, который по поручению Президиума ЦК открыл Н. В. Подгорный, объявивший его членам, что на обсуждение выносится один единственный вопрос — «О ненормальном положении, сложившемся в Президиуме ЦК в связи с неправильными действиями Первого секретаря ЦК КПСС Н. Хрущёва»¹. Затем с большим докладом по данному вопросу выступил М. А. Суслов, который повторил, но в более развёрнутом и аргументированном виде, весь тот набор обвинений, который прозвучал в адрес Н. С. Хрущёва на последнем заседании Президиума ЦК². Как и договорились, никаких прений по этому докладу не открывали и единогласно приняли Постановление Пленума ЦК, в котором содержались всего три пункта: 1) «удовлетворить просьбу т. Хрущёва Н. С. об освобождении его от обязанностей Первого секретаря ЦК КПСС, члена Президиума ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР в связи с преклонным возрастом и ухудшением состояния здоровья»; 2) «избрать Первым секретарём ЦК КПСС т. Брежнева Л. И.» и 3) «рекомендовать на пост председателя Совета Министров СССР т. Косыгина А. Н.». Причём, как явствует из «Рабочих и дневниковых записей» Л. И. Брежнева³, уже на следующий день по его инициативе в здании ЦК на Старой площади состоялось совещание секретарей республиканских, краевых и областных партийных комитетов, на котором он не только поставил задачу в нужном русле «довести решения Пленума ЦК до партийно-хозяйственного актива», но и особо указал на два принципиальных момента: во-первых, «не сводить дело узко — только к культу» Н. С. Хрущёва и, во-вторых, иметь в виду, что «правильность и верность линии нашей партии», выработанной на XX-XXII съездах, не подлежит никакому сомнению и ревизии.

По мнению многих современных авторов, изучавших брежневскую эпоху уже в постсоветский период (Р.А. Медведев, Р. Г. Пихоя, С. Н. Семанов, Л. М. Млечин, Б. В. Соколов, А. И. Вдовин, Д. О. Чураков⁴), после отставки Н. С. Хрущёва в высших эшелонах власти, как и после смерти И. В. Сталина в марте 1953 года, сложился аналогичный режим «коллективного руководства», поскольку реальные рычаги государственной и партийной власти были сосредоточены в руках нескольких конкурирующих групп.

При этом, как вполне справедливо подметили профессора А. И. Вдовин и Д. О. Чураков⁵, следует отметить одно важное обстоятельство, на которое раньше почему-то не обращали особого внимания: в результате отстранения Н. С. Хрущёва от власти на высшие посты в партии и государстве пришли политики, многие из которых сформировались в предвоенный период и в годы войны и которых И. В. Сталин стал активно продвигать во власть на место «старой большевистской гвардии» еще во

второй половине 1940-х — начале 1950-х годов. Однако ещё до фактической смерти вождя, в самом начале марта 1953 года, члены тогдашней правящей «четвёрки», т. е. Л. П. Берия, Г. М. Маленков, В. М. Молотов и Н. С. Хрущёв сразу «оттёрли» многих молодых выдвиженцев, заморозив по сути естественный процесс омоложения высших руководящих кадров. В результате так называемое «брежневское поколение» руководителей страны пришло во власть на целое десятилетие позже, чем это должно было произойти, когда его деловая хватка и жажда активной созидательной работы уже ощутимо ослабли. Многие представители этого «военного поколения» руководителей, прежде твёрдо стоявшие на партийных и патриотических позициях, вскоре заразились гнилым космополитическим душком «эпохи шестидесятников» и довольно быстро, а главное, безропотно привыкли к омерзительной атмосфере постоянных придворных интриг и закулисной борьбы, характерных для всего хрущёвского правления. По мнению А. И. Вдовина и Д. О. Чуракова, именно эта «разбалансировка прежней сталинской системы отбора и пестования кадров и стала самым тяжёлым наследием хрущёвской оттепели».

Между тем надо сказать, что столь стремительно произошедшие перемены в высшем руководстве партии и государства не вызвали каких-либо, даже самых минимальных общественных протестов и потрясений. Напротив, многие связывали с отставкой Н. С. Хрущёва и приходом к власти новых, относительно молодых и вполне энергичных лидеров надежды на перемены к лучшему. Вместе с тем само по себе устранение от высшей власти крайне непопулярного лидера страны автоматически ещё не вело к стабилизации в верхах. Прежде чем вся советская верхушка вновь сможет консолидироваться вокруг нового руководителя, которым в скором времени станет Леонид Ильич Брежнев, ей вновь придётся пережить несколько важных и продолжительных этапов острой борьбы за власть.

Хорошо известно, что среди главных участников «заговора» по смещению Н. С. Хрущёва не было единства по многим ключевым вопросам внутренней и внешней политики страны. И хотя сразу после его отставки был провозглашён принцип «стабильности» в кадровой политике, существовавшие противоречия обусловили возникновение в высших эшелонах власти довольно острого соперничества, которое вспыхнуло практически сразу после того, как их общий враг был повержен. Уже в середине ноября 1964 года на очередном Пленуме ЦК, который был запланирован Н. С. Хрущёвым для обсуждения его новых инициатив по сельскому хозяйству, помимо докладов Л. И. Брежнева («Об итогах переговоров и консультаций с некоторыми братскими партиями в октябре — ноябре с.г.») и Н. В. Подгорного («Об объединении промышленных и сельских областных, краевых партийных организаций»), о которых будет сказано чуть ниже, был принят и ряд важных кадровых решений⁶:

— Во-первых, из состава Президиума и Секретариата ЦК был выведен давний хрущёвский фаворит и его потенциальный преемник Фрол Романович Козлов, который ещё с апреля 1963 года был неизлечимо болен и буквально через два месяца после окончания этого Пленума ЦК, 30 января 1965 года, в результате очередного инсульта скоропостижно скончался. Причём, что любопытно, уйдя из жизни всего лишь персональным пенсионером союзного значения, он был упокоен не на правительственном Новодевичьем кладбище, а в самой престижной усыпальнице — Кремлёвской стене за Мавзолеем В. И. Ленина, где по традиции хоронили самых видных членов руководства Коммунистической партии и Советского государства.

— Во-вторых, постов секретаря ЦК, председателя Бюро ЦК КПСС по сельскому хозяйству и заведующего Сельхозотделом ЦК лишился другой хрущёвский ставленник и его откровенный холуй Василий Иванович Поляков, который, будучи банальным болтуном и абсолютно инородным телом в партийном аппарате, был вновь задвинут на журналистскую работу и последние 20 лет доживал «свой газетный век» в должности заместителя главного редактора не самой престижной «Экономической газеты». Новым главой Сельхозотдела ЦК был назначен первый секретарь Ставропольского сельского крайкома Фёдор Давыдович Кулаков, который ещё в июне 1960 года попал в хрущёвскую опалу и был изгнан из Москвы в «казачью глубинку». Многие историки связывают это назначение не только с тем, что Ф. Д. Кулаков считался неплохим спецом по сельскому хозяйству, но и с тем, что он всегда был лоялен Л. И. Брежневу и М. А. Суслову, которые частенько отдыхали в его «вотчине» на Кавказских Минеральных Водах.

— В-третьих, в опалу угодил и первый заместитель председателя Бюро ЦК КПСС по РСФСР и глава Бюро ЦК по руководству сельским хозяйством РСФСР Леонид Николаевич Ефремов, которого «сослали» на пост Первого секретаря объединённого Ставропольского крайкома партии, в которой он пробыл до апреля 1970 года⁷. Вместе с тем своё формальное членство в кандидатском статусе в составе Президиума ЦК он всё же сохранил, правда только до начала работы XXIII съезда КПСС, т. е. до конца марта 1966 года.

— В-четвёртых, в обновлённый состав Президиума ЦК были введены сразу три персоны. Одним полноправным членом этого высшего партийного органа стал всесильный глава Комитета партийно-государственного контроля ЦК КПСС и Совета Министров СССР, заместитель председателя Совета Министров СССР и секретарь ЦК Александр Николаевич Шелепин. Как ни странно, но до сего дня он даже не был кандидатом в члены Президиума ЦК, хотя, как уверяют ряд мемуаристов и историков, в том числе С. Н. Хрущёв и А. В. Сушков, ещё осенью 1963 года Н. С. Хрущёв высказал мысль о возможном назначении А. Н. Шелепина вторым секретарём ЦК и введением его в состав членов Президиума ЦК⁸. Правда, это решение так и не состоялось, так как тогдашнего лидера страны очень «смущало отсутствие у предполагаемой кандидатуры опыта руководящей партийно-государственной работы на региональном уровне, а также недостаточная компетентность в хозяйственных вопросах». Теперь же А. Н. Шелепин как один из самых активных участников антихрущёвского «заговора» получил вождённый «приз» и стал одной из влиятельных фигур в высшем руководстве страны. Другим полноправным членом высшего партийного ареопага стал Первый секретарь ЦК КПУ Пётр Ефимович Шелест, который ещё в декабре 1963 года сменил опального В. В. Щербицкого в статусе кандидата в члены Президиума ЦК, вновь став единственным представителем украинской парторганизации во всём высшем советском руководстве. Наконец, кандидатом в члены Президиума ЦК стал ещё один секретарь ЦК — Пётр Нилович Демичев, занимавший с конца ноября 1962 года и должность главы Бюро ЦК КПСС по химической и лёгкой промышленности. Правда, именно на этом Пленуме ЦК это Бюро, как и два других — по промышленности и строительству и по сельскому хозяйству, — будут упразднены, а сам П. Н. Демичев вскоре перемещён на идеологическую работу, где ещё с ноября 1962 года возникла негласная конкуренция между М. А. Сусловым и Л. Ф. Ильичёвым.

— Наконец, в-пятых, из состава ЦК вполне ожидаемо был выведен хрущёвский зять Алексей Иванович Аджубей, который ещё месяц назад был снят с поста главного редактора «Известий», имевшей статус второй по своей значимости газеты страны, и сослан заведующим отделом публицистики в журнал «Советский Союз». Новым главным редактором «Известий» был назначен Лев Николаевич Толкунов, который с 1960 года был заместителем, а затем и первым заместителем в том Международном отделе ЦК, которым командовал Ю. В. Андропов.

Кстати, за пару недель до созыва этого Пленума со своих постов были также сняты председатель Гостелерадио СССР Михаил Аверкиевич Харламов и главный редактор газеты «Правда» Павел Алексеевич Сатюков, которых сменили соответственно Николай Николаевич Месяцев и Алексей Матвеевич Румянцев. Правда, академик А. М. Румянцев, который до этого назначения был главным редактором журналов «Коммунист» (1955—1958) и «Проблемы мира и социализма» (1958-1964), «пришёлся не ко двору» М. А. Суслову и уже в начале сентября 1965 года был заменён Михаилом Васильевичем Зимяниным, который вновь перейдёт на партийную работу с должности заместителя министра иностранных дел СССР.

С большой долей уверенности можно предположить, что на данном Пленуме ЦК могло состояться и ещё одно, крайне важное для Л. И. Брежнева, кадровое решение — избрание главы Отдела административных органов ЦК Николая Романовича Миронова новым секретарём ЦК, а возможно даже и кандидатом в члены Президиума ЦК⁹. Дело в том, что этот человек, во-первых, был настоящим брежневским земляком, т. е. уроженцем того же села Каменское Екатеринославской губернии; во-вторых, в 1947-1949 годах он рука об руку работал с Л. И. Брежневым, будучи первым секретарём одного из райкомов Днепропетровской области, которую он тогда возглавлял в качестве первого секретаря обкома; в-третьих, они совместно провернули «операцию» по дискредитации и снятию И. А. Серова с должности главы КГБ в декабре 1958 года, и, наконец, Н. Р. Миронов, реально курируя работу всего КГБ как глава упомянутого Отдела ЦК, сыграл важную роль в свержении Н. С. Хрущёва¹⁰. Однако «злодейка судьба» распорядилась иначе: 19 октября 1964 года при заходе на посадку в аэропорту Белграда самолёт Ил-18, на котором находилась советская военная делегация во главе с начальником Генштаба маршалом С. С. Бирюзовым и генерал-майором Н. Р. Мироновым, летевшая на празднование 20-летия освобождения югославской столицы, разбился при ударе о гору Авала.

Как позже вспоминал один из его близких сослуживцев, генерал-майор Л. Г. Иванов, Н. Р. Миронов был «человек исключительно одарённый, тонкий, внимательный и в то же время мужественный и решительный». Он «был прирождённым политиком», и, «уверен, не будь той трагедии под Белградом, судьба всей советской страны сложилась бы по-другому... Н. Р. Миронов с юных лет был близко дружен с Л. И. Брежневым. Говорили, что Л. И. Брежнев признавал его интеллектуальное превосходство и внимательно прислушивался к его рекомендациям. Нельзя не заметить, что в стране Н. Р. Миронова знали мало, широким массам его имя ничего не говорило. Но в руководстве партии, в силовых структурах его хорошо знали: это была сильная и авторитетная фигура. Он обладал колоссальной политической волей и умением достигать поставленных целей. О степени его влияния на высшее руководство страны, включая Л. И. Брежнева, ходили легенды»¹¹.

О том, что трагический уход Н. Р. Миронова стал крайне болезненным ударом по всей брежневской команде, говорит примечательный факт: его первый заместитель

Николай Иванович Савинкин, занимавший эту должность с августа 1960 года, более трёх лет будет находиться в статусе исполняющего обязанности. И только в феврале 1968 года его утвердят полноправным главой этого Отдела, который непосредственно курировал весь силовой блок страны, включая КГБ, Минобороны, Генпрокуратуру и Верховный Суд СССР. В этой должности генерал-полковник Н. И. Савинкин проработает без малого 20 лет и уйдёт на пенсию только в январе 1987 года.

Что касается основного вопроса, вынесенного на ноябрьский Пленум ЦК, то, как уже было сказано, с докладом «Об объединении промышленных и сельских областных, краевых партийных организаций» выступил секретарь ЦК Н. В. Подгорный. По итогам обсуждения этого доклада единогласно было принято одноимённое Постановление Пленума ЦК¹², состоящее из трёх пунктов:

«1) В целях усиления руководящей роли партии и её местных органов..., более успешного решения задач хозяйственного и культурного развития каждой области, края и республики, считать необходимым вернуться к принципу построения партийных организаций и их руководящих органов по территориально-производственному признаку.

2) Восстановить в областях и краях, где парторганизации были разделены на промышленные и сельские, единые областные, краевые парторганизации, объединяющие всех коммунистов области, края, работающих как в промышленности, так и в сельскохозяйственном производстве.

3) Признать необходимым реорганизовать партийные комитеты производственных колхозно-совхозных управлений в районные комитеты партии, сосредоточив в них руководство всеми парторганизациями, в том числе промышленных предприятий истроек, находящихся на территории данного района».

Таким образом, новое руководство страны первым делом поставило жирный крест на самой абсурдной и ненавистой всему партийному аппарату хрущёвской реформе, которая была проведена им в два захода — сначала в марте, а затем и в ноябре 1962 года¹³. Неслучайно тот же О. В. Хлевнюк в одной из своих статей назвал её «роковой реформой Н. С. Хрущёва», после которой вопрос о его отставке стал лишь вопросом времени¹⁴.

В результате была восстановлена прежняя вертикаль всей партийной власти, которая чуть позже была распространена и на все органы советской власти на местах, т. е. исполкомы областных (краевых), городских и районных Советов народных депутатов. Надо сказать, что в современной либеральной историографии (Н. П. Шмелёв, Р. А. Медведев, Р. Г. Пихоя¹⁵) все принятые этим Пленумом ЦК решения традиционно трактуют как некую «консервативную контрреформу», которая вновь привела к непомерному усилению власти партийного аппарата на всех уровнях. Однако их оппоненты (С. Н. Семанов, С. Г. Кара-Мурза, Д. О. Чураков¹⁶) более убедительно говорят о том, что данные решения были продиктованы сугубо здравым смыслом и были призваны восстановить элементарную управляемость на местах, которая в ходе постоянных хрущёвских экспериментов не только пришла в плачевное состояние, но и породила бесконечные конфликты между «промышленными» и «аграрными» секретарями на областном (краевом) и районных уровнях.

Что касается брежневского доклада «Об итогах переговоров и консультаций с некоторыми братскими партиями в октябре — ноябре с.г.», то в центре его внимания была информация о встрече советской партийно-правительственной делегации с аналогичной китайской делегацией, которую возглавлял премьер Госсовета Чжоу

Энлай. Хотя за рамками оглашённой членам ЦК информации остались «реплики А. И. Микояна и провокационный инцидент», связанный с тем, что министр обороны маршал Р. Я. Малиновский, находясь «подшофе», предложил главе китайского правительства последовать примеру Москвы и «скинуть» Мао Цзэдуна точно так же, как был скинут Н. С. Хрущёв¹⁷.

В декабре 1964 года состоялось ещё одно важное назначение в аппарате ЦК. По инициативе Л. И. Брежнева после пятилетней «ссылки» в Ивановский обком в Москву была возвращена ещё одна жертва хрущёвского произвола — бывший Первый секретарь Московского обкома Иван Васильевич Капитонов, которого назначили на ключевой пост заведующего Отделом партийных органов ЦК КПСС по РСФСР. Причём, судя по рабочим записям самого Л. И. Брежнева¹⁸, он какое-то время колебался относительно дальнейшей судьбы И. В. Капитонова, рассматривая и другой вариант его возвращения в Москву, в том числе и на должность главы Исполкома Моссовета вместо Владимира Фёдоровича Промыслова.

Таким образом, накануне 1965 года состав высших партийных органов выглядел следующим образом: 1) в состав Президиума ЦК КПСС входили 11 человек — Л. И. Брежнев, Г. И. Воронов, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, А. И. Микоян, Н. В. Подгорный, Д. С. Полянский, М. А. Суслов, Н. М. Шверник, А. Н. Шелепин и П. Е. Шелест; 2) кандидатами в члены Президиума ЦК были 6 человек — П. Н. Демичев, Л. Н. Ефремов, В. В. Гришин, К. Т. Мазуров, Ш. Р. Рашидов и В. П. Мжаванадзе; 5) в Секретариат ЦК входили 9 человек — Л. И. Брежнев, Н. В. Подгорный, М. А. Суслов, А. Н. Шелепин, Ю. В. Андропов, Л. Ф. Ильичёв, Б. Н. Пономарёв, П. Н. Демичев, А. П. Рудаков и В. Н. Титов.

Конечно, разобраться во всех хитросплетениях взаимоотношений этого очень узкого круга лиц в высшем руководстве страны довольно сложно до сих пор, поэтому в современной науке и публицистике (Р. А. Медведев, Р. Г. Пихоя, С. Н. Семанов, А. И. Вдовин, Д. О. Чураков¹⁹) нет единства взглядов на тот расклад сил, который сложился в новом «коллективном руководстве» страны в этот период. По нашему сугубо предварительному мнению, таких групп внутри Президиума и Секретариата ЦК было четыре.

1) Первый центр власти был представлен «группировкой Брежнева», в которую входили сам Первый секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев, первый заместитель председателя Бюро ЦК по РСФСР Андрей Павлович Кириленко, большинство секретарей ЦК, в частности Михаил Андреевич Суслов, Юрий Владимирович Андропов, Александр Петрович Рудаков, Борис Николаевич Пономарёв и Пётр Нилович Демичев, а также Первые секретари ЦК Компартий Узбекистана и Грузии Шараф Рашидович Рашидов и Василий Павлович Мжаванадзе.

Что касается Андрея Павловича Кириленко, то его близкое знакомство и сотрудничество с Л. И. Брежневым началось ещё в сентябре 1946 года, когда они, будучи первым и вторым секретарями Запорожского обкома КП(б)У, рука об руку восстанавливали весь разрушенный промышленный потенциал своей области, в частности знаменитые Днепрогэс и Запорожсталь²⁰. Затем в ноябре 1947 года они пошли на повышение: Л. И. Брежнев стал Первым секретарём Днепропетровского обкома КП(б)У, а А. П. Кириленко возглавил соседний Николаевский обком. Именно на этой должности в июне 1950 года он и сменил Л. И. Брежнева в Днепропетровске, когда тот по решению ЦК уехал в Молдавию, где возглавил республиканскую парторганизацию. Новый же этап их близкого сотрудничества начался в конце июня

1957 года, когда после разгрома «антипартийной группы» А. П. Кириленко вошёл в состав кандидатов в члены Президиума ЦК. Правда, после окончания работы XXII съезда КПСС на организационном Пленуме, состоявшемся в середине октября 1961 года, Андрей Павлович совершенно неожиданно оказался «за бортом» Президиума ЦК. Однако, как уверяют ряд мемуаристов и историков (А. И. Микоян, А. В. Сушков²¹), ни о какой опале речи не шло. Н. С. Хрущёв просто-напросто «забыл» включить его в состав высшего партийного органа. Поэтому уже в конце апреля 1962 года он не только ввёл его в состав полноправных членов Президиума ЦК, но и назначил своим первым заместителем в Бюро ЦК КПСС по РСФСР. Более того, в декабре 1962 года А. П. Кириленко возглавил Бюро ЦК КПСС по руководству промышленностью РСФСР.

Ещё одной знаковой фигурой ближнего брежневского круга стал Михаил Андреевич Суслов, который познакомился с Л. И. Брежневым ещё во время войны, когда он был членом Военного совета Северной группы войск Закавказского фронта²². Следует сказать, что в исторической литературе и публицистике (Р. А. Медведев, Д. А. Ермаков, Ю. В. Аксютин, Л. М. Млечин²³) довольно давно существует расхожий штамп, что, дескать, М. А. Суслов чуть ли не 30 лет, с момента смерти И. В. Сталина и до своего ухода из жизни, был не только главным партийным идеологом, но и вторым секретарём ЦК. Однако это не так. Как верно подметил А. В. Сушков, в последний период хрущёвского правления позиции М. А. Суслова в высшем эшелоне власти стали неуклонно ослабевать²⁴. Во-первых, ещё в конце ноября 1962 года новым главой Идеологической комиссии ЦК был назначен давний хрущёвский выдвиженец Л. Ф. Ильичёв, который с 1958 года возглавлял Агитпроп ЦК. Во-вторых, с того же времени три «молодых» секретаря ЦК — Л. Ф. Ильичёв, Б. Н. Пономарёв и Ю. В. Андропов, — отделы которых пока продолжал курировать М. А. Суслов, «теперь могли напрямую выходить с теми или иными вопросами на Первого секретаря ЦК», минуя своего куратора. Более того, как полагает А. В. Сушков, именно эта троица «в конечном счёте и должна была заменить» его в обозримом будущем в Секретариате ЦК. Наконец, в-третьих, в июне 1963 года на очередном Пленуме ЦК он «спустился» со второй на четвёртую позицию в Секретариате ЦК, сразу пропустив вперёд Л. И. Брежнева и Н. В. Подгорного, который только-только перебрался из Киева в Москву. Ослаблению его позиций способствовало и то, что вскоре после Пленума ЦК М. А. Суслов тяжело заболел, перенёс хирургическую операцию и вернулся к активной работе только в начале 1964 года²⁵. Теперь же ситуация резко изменилась, Михаил Андреевич вновь «оказался на коне», поскольку не только принял самое активное участие в подготовке октябрьского Пленума ЦК, но и выступил от имени Президиума ЦК с известным антихрущёвским докладом.

Что касается самых молодых секретарей ЦК — Александра Петровича Рудакова, Юрия Владимировича Андропова, Бориса Николаевича Пономарёва и Петра Ниловича Демичева, — то их нахождение в составе «брежневской группировки» было обусловлено разными причинами. Так, А. П. Рудаков тесно работал с Л. И. Брежневым ещё со второй половины 1940-х годов, когда без малого десять лет поочерёдно возглавлял Отделы угольной и тяжёлой промышленности ЦК КП(б)У, затем с 1954 года был заведующим Отделом тяжёлой промышленности ЦК КПСС, а позже, в ноябре 1962 года, возглавил и Бюро ЦК КПСС по промышленности и строительству. В этом качестве он упрочил свои рабочие контакты с Л. И.

Брежневым, который с февраля 1956 по июль 1960 года был секретарём ЦК по оборонным вопросам и тяжёлой промышленности²⁶. Более того, даже после того как Л. И. Брежнев был избран главой Президиума Верховного Совета СССР и общее руководство отраслями оборонной и тяжёлой промышленности отошло к Ф. Р. Козлову, по личному решению Н. С. Хрущёва за «президентом» страны как членом Президиума ЦК и председателем Военной комиссии ЦК были сохранены и «ряд полномочий по кураторству этого направления»²⁷.

Нахождение Ю. В. Андропова и Б. Н. Пономарёва в составе этой команды, по всей вероятности, было связано с целым рядом причин. Во-первых, с тем, что в мае 1964 года от первичного рака печени скончался их «духовный отец» и негласный куратор, старейший член Президиума и Секретариата ЦК Отто Вильгельмович Куусинен, с которым они долгие годы работали в «одной упряжке» ещё с довоенных времён: первый — в Карельской ССР, а второй — в Исполкоме Коминтерна. Во-вторых, с тем, что после хрущёвской отставки М. А. Суслов вернул себе реальное кураторство за работой их Отделов — по связям с коммунистическими и рабочими партиями соцстран и по связям с компартиями капстран (Международным отделом ЦК). Наконец, в-третьих, немаловажным фактом было и то, что Ю. В. Андропов и Б. Н. Пономарёв не входили в состав Президиума и, являясь лишь «рядовыми» секретарями ЦК, конечно же, очень зависели от личного благорасположения Л. И. Брежнева и М. А. Суслова.

Между тем именно в данных Отделах ЦК ещё во времена Н. С. Хрущёва будет постепенно сколачиваться группа так называемых «внутрипартийных диссидентов», которых сам Л. И. Брежнев, обладавший немалым руководящим опытом и житейской мудростью, интуитивно чувствуя их «небольшевизм», позднее не раз называл «мои социал-демократы». В андроповском Отделе эту группу консультантов формально опекали его первый заместитель Лев Николаевич Толкунов и руководитель этой группы Фёдор Михайлович Бурлацкий. Хотя, как уверяют ряд осведомлённых авторов²⁸, сам Ю. В. Андропов установил очень жёсткое правило, что «консультантская группа находится в прямом его подчинении и без его указаний никто из "замов" не должен давать ей каких-либо поручений». Наиболее видными членами этой группы, которые сыграют заметную роль в эпоху горбачёвской перестройки, были Георгий Аркадьевич Арбатов, Александр Евгеньевич Бовин, Георгий Хосроевич Шахназаров, Олег Тимофеевич Богомолов, Николай Владимирович Шишлин и ряд других персон. А в пономарёвском Отделе аналогичный «меньшевистский подлесок» был представлен такими персонажами, как Анатолий Сергеевич Черняев, Вадим Валентинович Загладин, Карен Нерсесович Брутенц и другие члены «аналитической группы». Однако обо всех этих «консультантах», многие из которых оставили довольно любопытные мемуары²⁹, мы поговорим чуть позже.

Что же касается П. Н. Демичева, то после ликвидации Бюро ЦК КПСС по химической и лёгкой промышленности, которое он возглавлял с конца ноября 1962 года, его перекинули на иной участок работы. На ноябрьском Пленуме ЦК 1964 года его ввели в состав кандидатов в члены Президиума ЦК, а уже в конце марта 1965 года он сменил Леонида Фёдоровича Ильичёва на посту председателя Идеологической комиссии ЦК КПСС. Самого же Л. Ф. Ильичёва переведут на пост заместителя министра иностранных дел СССР, в котором он пробудет аж до 1989 года, т. е. до времён горбачёвской перестройки³⁰. Как позднее писал известный советский историк

С. Н. Семанов, лично знавший Л. Ф. Ильичёва, он был «способным и образованным человеком, но совершенно беспринципным карьеристом», беспрестанно занимавшимся «непомерным восхвалением Н. С. Хрущёва», поэтому «его уход был закономерен и политически правилен»³¹.

При этом относительно самой фигуры П. Н. Демичева в исторической литературе сложились очень разные мнения. Ряд авторов (Н. А. Митрохин, И. Т. Фролов³²) уверяют, что в новой должности он «поставил своей целью "борьбу со скрытыми сталинистами"». А их оппоненты (А. С. Черняев³³) утверждают, что сам Н.П. Демичев был «латентным сталинистом» и совсем недавно состоял в рядах «шелепинцев», однако вовремя «переобулся» и быстро перешёл в лагерь победившей стороны.

Что касается Василия Павловича Мжаванадзе, то он был знаком с Л. И. Брежневым ещё с военной поры. Они вместе встретили победу в красавице Праге — первый в звании генерал-лейтенанта и члена Военного совета 21-й общевойсковой армии, а второй в звании генерал-майора и заместителя начальника Политуправления 4-го Украинского фронта. Затем их пути-дорожки надолго разошлись, и вновь они встретились по работе только в мае 1953 года, когда Л. И. Брежнев был возвращён на военную службу и в качестве заместителя начальника Политуправления СА и ВМФ первый раз стал «старшим начальником» В. П. Мжаванадзе, который тогда возглавлял Политуправление Прикарпатского Военного округа. Хотя как члены ЦК Компартии Украины они, безусловно, периодически встречались на Пленумах ЦК КП(б)У.

Новый этап их совместной работы наступил после разгрома знаменитой «антипартийной группы», когда Л. И. Брежнев уже в статусе секретаря ЦК был переведён в состав полноправных членов Президиума ЦК, а В. П. Мжаванадзе, будучи уже почти четыре года Первым секретарём ЦК Компартии Грузии, стал кандидатом в члены этого высшего партийного органа.

Кстати, мало кто знает, даже среди профессиональных историков, что после тяжёлого заболевания Ф. Р. Козлова, когда Н. С. Хрущёв вынужденно пополнил Секретариат ЦК Л. И. Брежневым и Н. В. Подгорным, он намеревался перевести в Москву и В. П. Мжаванадзе. Об этом он уведомил своих коллег на заседании Президиума ЦК 7 июня 1963 года, заявив, что он станет ещё одним секретарём ЦК и будет заниматься «вопросами по армии»³⁴. Однако спустя две недели Н. С. Хрущёв отказался от этой идеи и уже на Пленуме ЦК даже не упомянул о данном предложении, тем более что сам Василий Павлович вовсе не горел желанием перебираться из Тбилиси в Москву.

Не менее интересной фигурой в составе «брежневской группы» был Шараф Рашидович Рашидов, который ещё при И. В. Сталине в конце августа 1950 года возглавил Президиум Верховного Совета Узбекской ССР. На этом посту он «пережил» трёх руководителей Компартии Узбекистана, в том числе С. К. Камалова, которого и сменил на посту Первого секретаря ЦК в середине марта 1959 года. Как уверяют ряд осведомлённых авторов (А. И. Вдовин³⁵), причиной такого стремительного взлёта по партийной линии стало то, что Ш. Р. Рашидов не поддерживал так называемую «вторую коренизацию кадров», принявшую особо масштабный, а местами даже извращённый характер при его предшественнике, базой которой стала открытая исламизация не только повседневной жизни узбеков, но большей части партийно-государственного аппарата республики. Совершенно очевидно, что такого рода «коренизация» не имела поддержки в Москве, особенно со

стороны главного партийного идеолога М. А. Суслова. Поэтому было принято решение сменить руководство республики. Как утверждают С. Р. Ризаев и Ф. И. Раззаков³⁶, основными претендентами на пост Первого секретаря ЦК Компартии Узбекистана были Ш. Р. Рашидов и А. А. Алимов, который тогда занимал пост Первого секретаря Самаркандского обкома партии. За эту кандидатуру очень активно ратовал бывший глава Узбекистана Нуритдин Акрамович Мухитдинов, ставший к тому времени авторитетным членом Президиума и Секретариата ЦК. Однако сам Н. С. Хрущёв и его коллеги по Президиуму ЦК, в том числе Л. И. Брежнев, прислушавшись к мнению «узбекских товарищей», остановили свой выбор на фигуре Ш. Р. Рашидова³⁷.

В результате 14 марта 1959 года на Пленуме ЦК Компартии Узбекистана «за допущенное засорение кадров политически неблагополучными элементами» и «примиренчески-покровительственное отношение к националистическим проявлениям» С. К. Камалов, а также секретарь ЦК по идеологии Х. Т. Турсунов и глава республиканского правительства М. З. Мирза-Ахмедов были сняты со своих постов. Первым секретарём ЦК КП Узбекистана стал «самаркандец» Шараф Рашидович Рашидов, а главой Совета Министров УзССР был назначен «ташкентец» Ариф Алимович Алимов. Это был своеобразный компромисс между двумя конкурирующими кланами, однако он продержался недолго. Как только Н. А. Мухитдинов попал в хрущёвскую опалу, в конце сентября 1961 года А. А. Алимов был тут же снят со своего поста и переведён в Москву на скромную должность в ЦСУ СССР.

Вскоре после отставки Н. С. Хрущёва, в ноябре 1964 года, в Ташкенте прошли торжества в честь 40-летия образования Узбекской ССР, на которые прибыл сам новоиспечённый Первый секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев. Он довольно благожелательно относился к руководителю республики, первое знакомство с которым состоялось ещё в 1954 году, когда он прибыл в Алма-Ату на пост второго секретаря ЦК Компартии Казахстана. Со временем рабочие контакты между ними стали только возрастать, особенно когда в октябре 1961 года Ш. Р. Рашидов вошёл в состав кандидатов в члены Президиума ЦК.

Тем не менее, судя по архивным документам и свидетельствам целого ряда историков (С. Р. Ризаев, Ф. И. Раззаков, А. И. Вдовин³⁸), вскоре после окончания торжеств, уже в начале декабря 1964 года, недруги Ш. Р. Рашидова из «ташкентского» клана предприняли попытку отрешить его от власти. Основной удар по нему был нанесён на Ташкентской объединённой областной партконференции, где заместитель главы Оргпартотдела Ташкентского обкома партии В. У. Усманов обвинил Ш. Р. Рашидова во всех смертных грехах, в том числе в «лизоблюдстве перед Н. С. Хрущёвым» и протаскивании на ключевые позиции в органах власти своих «многочисленных родственников и лично преданных людей». Однако эта атака на Ш. Р. Рашидова была умело отбита, прежде всего в выступлениях первых секретарей Ташкентского горкома и обкома партии К. М. Муртазаева и М. А. Абдуразакова.

Немаловажную роль сыграла и твёрдая позиция Москвы. Л. И. Брежнев, М. А. Суслова и других вполне устраивала фигура Ш. Р. Рашидова по многим причинам и не в последнюю очередь потому, что у него сложились хорошие рабочие отношения с бывшим главой Среднеазиатского бюро ЦК КПСС Владимиром Григорьевичем Ломоносовым, который уже в марте 1965 года вернётся в Ташкент на должность второго секретаря ЦК КПУз и проработает в этой должности более 11 лет.

Между тем в соседнем Казахстане ожидаемая смена власти произошла. 7 декабря 1964 года по личному настоянию Л. И. Брежнева в отставку был отправлен Исмаил Абдурасулович Юсупов, который не смог сработаться с другими руководителями республики, в том числе вторым секретарём ЦК М. С. Соломенцевым, и новым-старым Первым секретарём ЦК Компартии Казахстана опять стал Динмухамед Ахмедович Кунаев. Напомню, что ровно два года назад из-за конфликта с Н. С. Хрущёвым он был вынужден оставить этот пост и вторично пересест в кресло председателя Совета Министров Казахской ССР. Теперь же он опять встал во главе республики, поскольку пользовался безоговорочной поддержкой Л. И. Брежнева, с которым крепко подружились ещё в самом начале «целинной эпопеи» в его бытность вторым, а затем и Первым секретарём республиканского ЦК в 1954-1956 годах³⁹.

2) Второй центр власти, который условно можно назвать «украинской группой», был представлен Николаем Викторовичем Подгорным, пока де-факто считавшимся вторым секретарём ЦК, Первым секретарём ЦК КПУ Петром Ефимовичем Шелестом и секретарём ЦК Виталием Николаевичем Титовым. Несмотря на довольно узкий состав данной «группировки», за этими фигурами стояла мощная и вполне сплочённая как внутри республиканского, так и внутри союзного ЦК группа первых секретарей украинских обкомов, которые сыграли немаловажную роль в подготовке устранения Н. С. Хрущёва от власти.

Что касается Н. В. Подгорного, то он познакомился с Л. И. Брежневым ещё в конце войны, когда был назначен главным уполномоченным СНК УССР по эвакуации украинцев из соседней Польши. Затем в мае 1950 года он возглавил Харьковский обком КП(б)У, а в августе 1953 года по инициативе Н. С. Хрущёва перебрался в Киев на должность второго секретаря ЦК КПУ. В декабре 1957 года, после переезда в Москву его непосредственного «начальника» Алексея Илларионовича Кириченко, Н. В. Подгорный занял его кресло и вплоть до июля 1963 года возглавлял украинскую парторганизацию. Сам Н. С. Хрущёв явно симпатизировал новому выдвиженцу и уже на июньском Пленуме ЦК 1958 года ввёл его в состав кандидатов в члены Президиума ЦК, а затем в начале мая 1960 года перевёл в состав полноправных членов высшего партийного органа. Наконец в июне 1963 года, после того как Ф. Р. Козлов тяжело заболел, Первый секретарь принял решение перевести Н. В. Подгорного в Москву и назначить секретарём ЦК с довольно широкими полномочиями, вплоть до права вести в его отсутствие поочерёдно с Л. И. Брежневым заседания Президиума и Секретариата ЦК.

Причём тогда же, в июне 1963 года, совершенно неожиданно в опалу попал и председатель Совета Министров УССР Владимир Васильевич Щербицкий, который с конца октября 1961 года являлся и кандидатом в члены Президиума ЦК. Это был второй случай за всю историю партии, когда в составе Политбюро-Президиума ЦК Украинскую ССР представляли два её руководителя⁴⁰. Ряд историков (Ф. И. Раззаков⁴¹) высказали мнение, что довольно быстрый рост В. В. Щербицкого по партийно-государственной линии был связан с тем, что его активно поддерживал сам Н. В. Подгорный, который видел в нём преемника на посту руководителя Украинской ССР. Однако вряд ли эта точка зрения имеет серьёзную основу, поскольку Н. В. Подгорный вовсе не собирался уходить в отставку и прочно сидел в кресле Первого секретаря ЦК КПУ, пользуясь безоговорочной поддержкой Н. С. Хрущёва.

Более логично предположить, что эта странная опала, в результате которой В. В. Щербицкий вновь вернулся в Днепропетровск на пост первого секретаря

промышленного обкома, стала серьёзным ударом не только по его позициям, но и по престижу его негласного куратора Л. И. Брежнева, под началом которого он работал ещё в сталинские времена. В центральном партаппарате ходили упорные слухи, что причиной столь неожиданной расправы стало недовольство Н. С. Хрущёва докладом В. В. Щербицкого о состоянии дел в республиканской экономике⁴². Однако дело было не только в этом. На наш взгляд, не последнюю роль в принятом решении сыграл неожиданный переезд Н. В. Подгорного в Москву и назначение П. Е. Шелеста Первым секретарём ЦК КПУ. Как уверяет сам П. Е. Шелест, который на протяжении многих лет вёл личный блокнотный дневник⁴³, в конце июня 1963 года на Президиуме ЦК рассматривались три кандидатуры на пост Первого секретаря: он сам, который тогда занимал пост секретаря ЦК КПУ по промышленности, второй секретарь ЦК КПУ Иван Павлович Казанец, а также Первый секретарь Харьковского промышленного обкома Николай Александрович Соболев. Кандидатура И. П. Казанца была сразу отклонена самим Н. С. Хрущёвым, который «по какой-то причине его недолюбливал» и называл «увальнем», а кандидатуру Н. А. Соболева, к которому Н. С. Хрущёв, напротив, «относился не плохо» и даже «восторгался его характером и импульсивностью», отклонили другие члены Президиума ЦК, посчитавшие его «недостаточно опытным» для крупной партийной работы ввиду его известного «косноязычия» и «некоторой ограниченности в общем кругозоре». В результате «жребий пал» на П. Е. Шелеста, у которого, как он сам не раз писал, были самые отвратные отношения с В. В. Щербицким. С большой долей вероятности именно поэтому Н. С. Хрущёв, вняв личной просьбе П. Е. Шелеста, и убрал того из Киева, с глаз долой нового «хозяина» Украины. При этом П. И. Казанец из кресла второго секретаря ЦК КПУ сразу пересел в кресло председателя Совета Министров УССР, а Н. А. Соболев, соответственно, сменил его в этой должности в аппарате ЦК КПУ. Кроме того, на пост секретаря ЦК по промышленности был назначен Первый секретарь Донецкого промышленного обкома партии Александр Павлович Ляшко. Наконец, в декабре 1963 года на очередном Пленуме ЦК В. В. Щербицкий был выведен из состава кандидатов в члены Президиума ЦК, а П. Е. Шелест, напротив, введён в том же качестве в этот высший партийный орган. Причём, по свидетельству самого П. Е. Шелеста, у него были очень тёплые личные и рабочие отношения с Н. В. Подгорным, которого он высоко ценил за его человеческие и деловые качества.

Между тем надо подчеркнуть, что ни на октябрьском, ни на ноябрьском Пленумах ЦК так и не был реализован пункт № 3 Постановления Президиума ЦК от 14 октября 1964 года, который чётко зафиксировал договорённость всех членов этого высшего партийного органа: «учредить пост второго секретаря ЦК и назначить на этот пост тов. Подгорного Н. В.». Почему сами члены Президиума ЦК отказались от реализации данного решения, а Н. В. Подгорный не настоял на его реализации, установить пока не удалось. Можно лишь предположить, что Л. И. Брежнев предложил Н. В. Подгорному лучший вариант его дальнейшей карьеры⁴⁴.

Что касается Виталия Николаевича Титова, то в бытность Н. В. Подгорного первым секретарём Харьковского обкома КП(б)У в 1950-1953 годах он был его правой рукой, сиречь вторым секретарём. А уже в августе 1953 года он сменил бывшего начальника на этом посту и руководил Харьковским обкомом вплоть до марта 1961 года. Затем Н. С. Хрущёв перевёл его в Москву и назначил заведующим Отделом партийных органов ЦК КПСС по союзным республикам. А уже в конце ноября 1962 года, оставаясь в прежней должности, он был также избран секретарём

ЦК и назначен главой Комиссии ЦК КПСС по организационным и партийным вопросам, т. е. стал главным партийным кадровиком.

3) Третий центр власти стал быстро формироваться вокруг так называемых «технократов», или «группировки Косыгина», которые, будучи изощёнными политиками, пока что не особо раскрывали своих истинных устремлений. В состав этой группировки на тот момент входили сам председатель Совета Министров СССР Алексей Николаевич Косыгин, его заместитель Дмитрий Степанович Полянский, председатель Совета Министров РСФСР Геннадий Иванович Воронов, а также Первый секретарь ЦК КП Белоруссии Кирилл Трофимович Мазуров, который уже в конце марта 1965 года переедет из Минска в Москву и наряду с Д. Ф. Устиновым займёт пост ещё одного первого заместителя председателя Совета Министров СССР. Вероятно, эту группировку, судя по его же мемуарам, негласно поддерживал и тогдашний председатель ВЦСПС Виктор Васильевич Гришин, который ещё в середине марта 1956 года сменил Н. М. Шверника по посту главы советских профсоюзов⁴⁵.

Назначение А. Н. Косыгина на пост главы советского правительства было вполне ожидаемо, так как после ухода Ф. Р. Козлова на работу в Секретариат ЦК именно он был повышен в должности до первого заместителя главы Совета Министров СССР. Это решение было вызвано тем, что Н. С. Хрущёв именно в А. Н. Косыгине увидел очередную «рабочую лошадку», которая де-факто должна была тянуть всю работу союзного правительства. Однако вскоре он стал разочаровываться в новом первом заме, поскольку, как утверждает Г. И. Ханин, на заседаниях Президиума ЦК при «обсуждении хозяйственных вопросов А. Н. Косыгин вёл себя весьма пассивно», а все его выступления и реплики «не отличались свежестью мысли»⁴⁶. Во многом именно поэтому в марте 1963 года с образованием ВСНХ СССР его глава Дмитрий Фёдорович Устинов, который очень импонировал Н. С. Хрущёву своим жёстким стилем работы и видимыми достижениями в развитии ВПК, был назначен ещё одним первым заместителем председателя Совета Министров СССР и реально подвинул А. Н. Косыгина на третью позицию в союзном правительстве. Неслучайно в своих мемуарах такой же заместитель председателя Совета Министров СССР и глава Госплана СССР В. Н. Новиков писал, что «Высший совет народного хозяйства во главе с Д. Ф. Устиновым практически заменял или подменял Совмин. Все оперативные вопросы, большие и малые, решались именно в ВСНХ»⁴⁷.

Тем не менее после отставки Н. С. Хрущёва новым главой союзного правительства мог стать только А. Н. Косыгин и более никто, поскольку на тот момент из девяти других заместителей председателя Совета Министров — Д. Ф. Устинова, В. Э. Дымшица, М. А. Лесечко, П. Ф. Ломако, И. Т. Новикова, Д. С. Полянского, К. Н. Руднева, Л. В. Смирнова и А. Н. Шелепина — только Дмитрий Степанович Полянский был членом Президиума ЦК. Как считает А. В. Сушков, его позиции в правительстве заметно окрепли после того, как в июле 1964 года А. И. Микоян с поста первого заместителя главы союзного правительства переместился на пост главы государства⁴⁸. Однако данное обстоятельство всё же не позволило именно ему стать реальным конкурентом А. Н. Косыгина, поскольку, во-первых, на октябрьском Пленуме верх одержала партия «Брежнев — Суслова» и, во-вторых, судя по Постановлению Совета Министров СССР от 3 апреля 1963 года за № 393 «О распределении обязанностей между заместителями председателя Совета Министров СССР», Д. С. Полянский отвечал только «за вопросы сельского хозяйства, заготовок

сельскохозяйственных продуктов и торговли», в то время как А. Н. Косыгин отвечал за подготовку вопросов к Президиуму СМ СССР, за рассмотрение готовых проектов решений СМ СССР, а также за «вопросы финансирования и кредитования народного хозяйства»⁴⁹.

Надо сказать, что многие авторы до сих пор причисляют Д. С. Полянского к команде А. Н. Шелепина. Однако, на наш взгляд, это ошибочное представление, поскольку их союз накануне свержения Н. С. Хрущёва носил временный, чисто тактический характер. Это со всей очевидностью подтвердилось чуть позже, когда «брежневская группировка» стала громить «шелепинцев» в 1967-1970 годах. Д. С. Полянский же, напротив, только укрепил свои властные позиции и уже в самом начале октября 1965 года стал первым заместителем А. Н. Косыгина по союзному правительству. О своей «несовместимости» с Д. С. Полянским позже говорил и сам А. Н. Шелепин, поведавший о том, что в их кругу ему дали кличку «Остап Бендер»⁵⁰.

Что касается Геннадия Ивановича Воронова, то, по утверждению многих авторов (С. Н. Хрущёв, Р. А. Медведев, А. В. Сушков⁵¹), он не только слыл, но и реально был довольно жёстким руководителем, что сильно напрягало его подчинённых, но очень импонировало самому Н. С. Хрущёву. Однако это вовсе не мешало ему самочинно переставлять Г. И. Воронова на «шахматной доске», что неизбежно вызывало у последнего приступы особой нелюбви к «патрону». Последний раз он «подвинул» Г. И. Воронова в конце ноября 1962 года, сняв его с двух ключевых должностей: первого заместителя председателя Бюро ЦК КПСС по РСФСР и главы Бюро ЦК по руководству сельским хозяйством. Понятно, что, уйдя из центрального аппарата на работу в российское правительство, Геннадий Иванович стал куда более активно контактировать с А. Н. Косыгиным и особенно с Д. С. Полянским, который отвечал за сельское хозяйство страны. Кроме того, у Г. И. Воронова явно не сложились отношения с М. А. Суловым, А. П. Кириленко и другими секретарями ЦК, что также толкало его в объятия «косыгинской команды». Но самое главное состояло в том, что, как уверяет тот же А. И. Микоян, Г. И. Воронов буквально ненавидел Л. И. Брежнева, и тот платил ему той же монетой⁵².

Что касается Кирилла Трофимовича Мазурова, то сама жизнь заставила его делать ставку на А. Н. Косыгина. Дело в том, что его переезд в Москву был по сути предрешён ещё самим Н. С. Хрущёвым. По его воспоминаниям, в ноябре 1962 года, когда Первый секретарь накануне Пленума ЦК приехал поохотиться в Беловежскую Пущу, между ними возник принципиальный спор по поводу раздела партийных комитетов на промышленные и аграрные. Этот разговор принял столь острый характер, что Н. С. Хрущёв даже психанул и тут же уехал в Москву, где сразу дал задание Ф. Р. Козлову подыскать другую кандидатуру на пост Первого секретаря ЦК Компартии Белоруссии⁵³. Но по каким-то причинам, возможно из-за болезни Ф. Р. Козлова и неизбежных перестановок в высшем руководстве страны, этот вопрос «повис в воздухе». К нему вновь вернулись уже после отставки Н. С. Хрущёва, в самом конце марта 1965 года, когда К. Т. Мазуров после почти девятилетнего руководства Белорусской ССР переехал из Минска в Москву на пост первого заместителя председателя Совета Министров СССР. В самом же Минске по «подсказке» К. Т. Мазурова на должность Первого секретаря ЦК Компартии Белоруссии пришёл Пётр Миронович Машеров, занимавший ещё с декабря 1962 года пост второго секретаря ЦК. Причём, по уверениям секретаря ЦК М. В. Зимянина, на которого ссылаются целый ряд авторов (И. И. Антонович, В. П. Величко⁵⁴),

изначально на этот пост рассматривали кандидатуру председателя Совета Министров БССР Тихона Яковлевича Киселёва. Однако в конечном счёте остановились на фигуре П. М. Машерова, который был куда как популярнее в республике и заслуженно пользовался уважением всего партийного актива, костяк которого составляли фронтовики и участники партизанского движения, в частности почти все первые секретари белорусских обкомов: Минского — И. Е. Поляков, Могилёвского — Г. А. Криулин, Витебского — С. А. Пилотович, Гродненского — В. Ф. Мицкевич и Брестского — В. А. Микулич.

Наконец, четвёртый центр власти был представлен «группой Шелепина», которую в историографии часто именуют также «группировкой Железного Шурика», «шелепинцами» или «комсомольцами», поскольку ряд её членов, в частности сам А. Н. Шелепин, В. Е. Семичастный, Н. Н. Месяцев и Д. П. Горюнов, начинали свою блестящую партийно-государственную карьеру в Секретариате и Бюро ЦК ВЛКСМ в 1950-х годах⁵⁵.

По мнению буквально всех историков и мемуаристов, общепризнанным лидером этой группировки был Александр Николаевич Шелепин, который на тот момент являлся единственным членом высшего руководства страны, одновременно занимавшим три поста: председателя Комитета партийно-государственного контроля ЦК КПСС и СМ СССР, заместителя председателя Совета Министров СССР и секретаря ЦК. Мы уже писали о том, что осенью 1963 года, когда Н. С. Хрущёв лихорадочно искал замену тяжело болевшему Ф. Р. Козлову, он высказал идею о перемещении А. Н. Шелепина на пост второго секретаря ЦК с одновременным введением его в состав Президиума ЦК⁵⁶. Однако Н. С. Хрущёв быстро отказался от этой затеи, поскольку тогдашнего лидера страны очень «смущало отсутствие у предполагаемой кандидатуры опыта руководящей партийно-государственной работы на региональном уровне, а также недостаточная компетентность в хозяйственных вопросах». И действительно, послужной список нового хрущёвского фаворита выглядел довольно скромно: Первый секретарь ЦК ВЛКСМ в 1952-1958 годах, затем непродолжительное время работа заведующим Отделом партийных органов ЦК КПСС по союзным республикам в апреле — декабре 1958 года, потом руководство КГБ СССР в 1958-1961 годах и, наконец, вхождение на высший властный Олимп в самом конце октября 1961 года, после окончания работы XXII съезда КПСС. Сначала он становится «рядовым» секретарём ЦК и только через год, в самом конце ноября 1962 года, назначается председателем всемогущего Комитета партийно-государственного контроля и зампредом Совета Министров СССР. При этом, как заметил А. В. Сушков, Н. С. Хрущёв, несмотря на столь широкий круг полномочий своего «любимца», так и «не предпринял никаких действий по введению его в состав Президиума ЦК КПСС»⁵⁷. Только в середине ноября 1964 года как один из самых активных участников антихрущёвского «заговора» А. Н. Шелепин наконец-то получил вождьеленный «приз» и, минуя кандидатский предбанник, сразу стал членом Президиума ЦК, превратившись на очень короткий срок в одну из самых влиятельных фигур в высшем руководстве страны.

Между тем внутри самого Президиума ЦК, как и в недрах Секретариата ЦК, сторонников у А. Н. Шелепина по сути не было. Возможно, ситуативными союзниками могли стать два секретаря ЦК — Леонид Фёдорович Ильичёв и Пётр Нилович Демичев. Но уже в конце 1964 года первый был нейтрализован М. А. Сусловым, а затем в конце марта 1965 года выведен из Секретариата ЦК и «задвинут»

на дипломатическую работу заместителя министра иностранных дел СССР. А второй, вовремя «переобувшись», сам успел переметнуться в лагерь победившей стороны.

При этом за рамками Президиума и Секретариата ЦК у А. Н. Шелепина была довольно внушительная группа соратников. Первую скрипку в этой группе, безусловно, играл тогдашний глава КГБ СССР генерал-полковник Владимир Ефимович Семичастный. Его личное знакомство с А. Н. Шелепиным пришлось на осень 1947 года, когда он как новый Первый секретарь ЦК ЛКСМ Украины вошёл в состав Бюро ЦК ВЛКСМ. Затем в январе 1950 года, став одним из секретарей ЦК ВЛКСМ, он более восьми лет проработал рука об руку со своим старшим товарищем и наставником, к которому до последних дней своей жизни сохранил привязанность и искреннее уважение⁵⁸. В свою очередь А. Н. Шелепин также привязался к новому соратнику, а затем и личному другу, и поспособствовал тому, что при переходе на работу в ЦК КПСС именно он стал его сменщиком на посту Первого секретаря ЦК ВЛКСМ. Правда, В. Е. Семичастный проработал на этом посту менее года и уже в середине марта 1959 года вновь сменил А. Н. Шелепина, опять же по его рекомендации, уже на посту заведующего Отделом партийных органов ЦК по союзным республикам⁵⁹. Это назначение, поддержанное Н. С. Хрущёвым, вызвало недовольство ряда членов Президиума ЦК, в частности Н. Г. Игнатова, А. И. Кириченко и Е. А. Фурцевой. Однако в этой должности он пробыл и того меньше и уже в августе того же года уехал в Баку на пост второго секретаря ЦК Компартии Азербайджана. Дело в том, что за месяц до этого назначения, в июле 1959 года, новым Первым секретарём ЦК Компартии республики стал председатель правительства Вели Юсупович Ахундов, и в «большом» ЦК было принято решение сменить и второго секретаря Д. Н. Яковлева. Именно на эту должность и решили перевести В. Е. Семичастного, чтобы он поднабрался реальной практической работы «на земле». Причём, как явствует из мемуаров самого В. Е. Семичастного, поводом для такой ротации стала «Записка» его же Отдела о неблагоприятном положении дел в Азербайджане, а инициативу в данном вопросе вновь проявили ряд секретарей ЦК, в том числе Е. А. Фурцева и П. Н. Поспелов⁶⁰. Наконец в середине ноября 1961 года В. Е. Семичастный вернулся в Москву и уже в третий раз сменил А. Н. Шелепина на его посту, на сей раз председателя КГБ СССР. Об этом назначении он узнал от Ф. Р. Козлова, который проинформировал его, что вопрос решён окончательно и поддержан всеми членами Президиума ЦК. Именно в этой должности генерал-полковник В. Е. Семичастный и принял самое активное участие в смещении Н. С. Хрущёва в октябре 1964 года.

Ещё одной знаковой фигурой шелепинской команды «младотурок» был Первый секретарь МГК КПСС Николай Григорьевич Егорычев, который пришёл на работу в Московский горком партии в самом конце февраля 1961 года после нескольких месяцев работы инспектором Отдела партийных органов ЦК КПСС по союзным республикам, главой которого тогда же стал Виталий Николаевич Титов. Как утверждает сам Н. Г. Егорычев, эту работу в должности второго секретаря МГК ему неожиданно предложил Пётр Нилович Демичев, ставший в июле 1960 года Первым секретарём МГК КПСС⁶¹. Хотя совершенно очевидно, что этот переход из ЦК в Московский горком был предварительно согласован с Ф. Р. Козловым и Н. С. Хрущёвым. Он был рад такому повороту в своей партийной карьере и позднее писал, что отношения между ним и П. Н. Демичевым «сложились деловые, товарищеские и даже доверительные», работать с ним было «интересно и легко». Однако буквально

через год П. Н. Демичев перешёл на работу в Секретариат ЦК КПСС, и в конце ноября 1962 года Н. Г. Егорычев был избран Первым секретарём МК КПСС.

К числу активных «комсомольцев» причисляют и ещё целый ряд персон. Во-первых, Владимира Ильича Степакова, которого Н. Г. Егорычев как раз и сменил на посту второго секретаря Московского горкома в феврале 1961 года. Правда, в отличие от сменщика, он, напротив, перешёл на работу в аппарат ЦК, где возглавил Отдел пропаганды и агитации ЦК КПСС по РСФСР, а затем Идеологический отдел ЦК по сельскому хозяйству РСФСР. Во-вторых, Вадима Степановича Тикунова, который с июля 1961 года занимал ключевой пост министра МВД — МООП РСФСР. В-третьих, Николая Николаевича Месяцева, который в самом конце октября 1964 года перешёл с должности заместителя заведующего Отделом ЦК по связям с коммунистическими и рабочими партиями соцстран на пост председателя Гостелерадио СССР. В-четвёртых, Дмитрия Петровича Горюнова, занимавшего с августа 1960 года пост генерального директора ТАСС. В-пятых, Бориса Сергеевича Буркова, бывшего с самого момента его основания председателем правления АПН — Агентства печати «Новости». В-шестых, Сергея Павловича Павлова, который после В. Е. Семичастного в конце марта 1959 года стал Первым секретарём ЦК ВЛКСМ, и ряд других персон. Наконец, целый ряд мемуаристов, историков и публицистов (А. С. Черняев, А. Е. Бовин, Б. В. Межуев, С. Ф. Черняховский⁶²) утверждают, что очень активным членом «шелепинской группировки» был Александр Николаевич Яковлев — будущий «архитектор» горбачёвской перестройки, который на тот момент занимал пост заместителя заведующего Идеологическим отделом ЦК, т. е. В. И. Степакова. Более того, как уверяют А. Е. Бовин и Б. В. Межуев, именно А. Н. Яковлев был не просто видным членом этой команды, но в определённой мере её главным идеологом, который создавал идеологическую программу этой группы. Хотя сам А. Н. Яковлев этот факт всячески отрицал⁶³.

Что касается двух старейших членов высшего руководства страны, имевших дореволюционный партстаж — А. И. Микояна и Н. М. Шверника, — то они сами прекрасно сознавали, что уже давно «едут с ярмарки», и поэтому взирали на происходящую «схватку под ковром» несколько свысока. Анастас Иванович Микоян, который входил в состав Политбюро-Президиума ЦК аж с июля 1926 года, на тот момент занимал должность председателя Президиума Верховного Совета СССР, т. е. пусть во многом формально, но всё же был главой советского государства. А Николай Михайлович Шверник, входивший в состав Политбюро-Президиума ЦК с конца марта 1939 года, был председателем Партийной комиссии при ЦК КПСС. Довольно часто даже профессиональные историки ошибочно пишут, что с февраля 1956 года он был председателем Комитета партийного контроля. Однако это не так. Дело в том, что при создании Комитета партийно-государственного контроля ЦК КПСС и ЦМ СССР, который возглавил А. Н. Шелепин в ноябре 1962 года, прежний КПК был преобразован в маловлиятельную Партийную комиссию при ЦК КПСС с неопределённым кругом полномочий⁶⁴. Однако это уже мало волновало самого Н. М. Шверника, поскольку он довольно тяжело болел и практически выпал из активной партийно-политической работы.

Не только формально, но и реально на октябрьском Пленуме ЦК власть в стране была передана «дуумвирату» в лице Л. И. Брежнева и А. Н. Косыгина, однако, как считают большинство историков и мемуаристов (Ф. М. Бурлацкий, Г. А. Арбатов, Р. А. Медведев, С. Н. Семанов, П. А. Родионов, М. С. Восленский, Л. М. Млечин⁶⁵),

целый ряд членов Президиума и Секретариата ЦК, прежде всего Н. В. Подгорный и А. Н. Шелепин, рассматривали Л. И. Брежнева как временную и компромиссную фигуру, возглавившую партию до проведения очередного партийного съезда, который был намечен на март 1966 года. Кроме того, А. Н. Косыгин, который пользовался немалым авторитетом в партии и правительстве, собирался перетянуть на себя значительную часть властных полномочий и восстановить тот статус председателя Совета Министров СССР, который был во времена В. И. Ленина, позднего И. В. Сталина и Г. М. Маленкова.

Но все они явно просчитались в своих прогнозах и «наполеоновских» планах, поскольку Л. И. Брежнев, обладая настоящим бойцовским характером и являясь непревзойдённым мастером закулисных интриг, вовсе не собирался уходить с поста Первого секретаря. Кроме того, прекрасно сознавая место и роль центрального партийного аппарата во всей властной пирамиде, он уже в марте 1965 года осторожно, но решительно переходит в наступление.

24-26 марта 1965 года состоялся очередной Пленум ЦК⁶⁶, на котором Л. И. Брежнев выступил с докладом «О неотложных мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства СССР». О содержании данного доклада, его обсуждении и принятых решениях мы поговорим несколько позже, поскольку в данном случае нас будут интересовать новые кадровые решения, принятые по итогам работы этого Пленума ЦК.

Во-первых, как уже было сказано, с поста секретаря ЦК и руководителя Идеологической комиссии ЦК был отставлен Леонид Фёдорович Ильичёв, которого «сослали» на должность заместителя министра иностранных дел СССР, ответственного за «китайское направление», главным образом ведение переговоров с Пекином по госгранице. Считается, что этот шаг был явным реверансом в адрес М. А. Суслова, который теперь получил полный контроль над всем идеологическим аппаратом ЦК⁶⁷. Однако это не совсем так. До статуса «серого кардинала» было ещё далеко, поскольку новым председателем Идеологической комиссии, вплоть до её упразднения в марте 1966 года, был назначен секретарь ЦК П. Н. Демичев. Кроме того, в мае 1965 года главой Идеологического отдела, переименованного в Отдел пропаганды и агитации ЦК, вместо Л. Ф. Ильичёва будет назначен видный «шелепинец» В. И. Степаков, который просидит в этом кресле до конца 1970 года.

Во-вторых, из кандидатов в полноправные члены Президиума ЦК был переведён Кирилл Трофимович Мазуров, которого Пленум ЦК одновременно рекомендовал назначить на пост первого заместителя председателя Совета Министров СССР. В результате в Минске произошла смена власти, и новым Первым секретарём ЦК Компартии Белоруссии был избран Пётр Миронович Машеров, а на его место — второго секретаря ЦК КПБ — вновь пришёл Фёдор Анисимович Сурганов, занимавший эту должность в 1959-1962 годах.

В-третьих, явно с подачи самого Л. И. Брежнева кандидатом в члены Президиума ЦК и секретарём ЦК, курирующим весь военно-промышленный комплекс страны, был избран Дмитрий Фёдорович Устинов. Формально это назначение было связано с тем, что при ликвидации совнархозов, о чём более подробно речь пойдёт ниже, отпала необходимость функционирования самого ВСНХ СССР, главой которого с марта 1963 года и был Д. Ф. Устинов. Однако в реальности его переход на партийную работу диктовался не только этой причиной. Л. И. Брежнев крайне нуждался в поддержке именно этого человека, поскольку он пользовался огромным авторитетом

во многих отраслях ВПК и среди большинства руководителей оборонных КБ и НИИ ещё со времён войны. Немаловажным обстоятельством было и то, что с февраля 1956 года, когда Л. И. Брежнев стал секретарём ЦК по оборонке, а затем и председателем Военной комиссии ЦК, именно Д. Ф. Устинов стал его главной опорой во всём союзном правительстве, где последовательно занимал посты министра оборонной промышленности (1953-1957), заместителя председателя Совета Министров СССР и председателя Военно-промышленной комиссии при СМ СССР (1957-1963). Новым же главой ВСНХ СССР был назначен председатель Комиссии Президиума Совета Министров СССР по вопросам СЭВ Владимир Николаевич Новиков, который, правда, пробудет в этой должности всего шесть месяцев, до ликвидации данного органа в октябре 1965 года.

Затем, буквально через неделю после Пленума ЦК, состоялась ещё очень важная для Л. И. Брежнева рокировка внутри аппарата ЦК. В начале апреля 1965 года, оставаясь ещё в статусе секретаря ЦК, в Алма-Ату на пост второго секретаря республиканского ЦК отбыл В. Н. Титов. Дело в том, что уже в начале декабря 1964 года по личной просьбе Д. А. Кунаева с этого поста был снят Михаил Сергеевич Соломенцев, который вляпался в адюльтер с одной из сотрудниц своего аппарата⁶⁸. Л. И. Брежнев пошёл навстречу своему другу и дал согласие на его перевод Первым секретарём объединённого Ростовского обкома, однако вопрос с его преемником в Алма-Ате так и «повис в воздухе». И только через полгода эта вакансия была занята. Насколько можно судить по мемуарам Д. А. Кунаева, именно он попросил Москву прислать в Алма-Ату В. Н. Титова, для которого это назначение стало явным понижением. При этом, как свидетельствует тот же Д. А. Кунаев, ему было очень комфортно работать с новым вторым секретарём, которого он высоко ценил до последних дней его жизни, уже когда он вернулся в Москву и с декабря 1970 по сентябрь 1980 года, до своей кончины, работал первым заместителем постоянного представителя СССР в СЭВ.

Конечно, отъезд В. Н. Титова из Москвы был явно на руку Л. И. Брежневу, поскольку освободилась ключевая должность в аппарате ЦК — заведующий Отделом партийных органов ЦК КПСС по союзным республикам. Это обстоятельство позволило Первому секретарю объединить его с аналогичным Отделом парторганов по РСФСР и назначить руководителем нового Отдела организационно-партийной работы Ивана Васильевича Капитонова, который просидит в кресле главного партийного кадровика вплоть до мая 1985 года, т. е. дольше всех своих предшественников и преемников.

Между тем, как утверждают целый ряд историков (С. Н. Семанов, Д. О. Чураков⁶⁹), которые ссылаются на мемуары Ф. М. Бурлацкого, тогда же произошла первая крупная ошибка основных участников «малой октябрьской революции» 1964 года. Поводом для этой ошибки послужила подготовка брежневского доклада на предстоящих торжествах, посвящённых 20-летию юбилею победы в Великой Отечественной войне. Как уверял Ф. М. Бурлацкий, именно ему было поручено не только подготовить этот доклад генсека, но и разослать его всем остальным членам высшего руководства страны, получить их замечания и по возможности учесть их в окончательной редакции. Такие замечания прислали почти все члены Президиума ЦК, в том числе и А. Н. Шелепин, который, по сути, представил альтернативный доклад, презрительно названный Л. И. Брежневым «диссертацией». Естественно, она была отвергнута, но уже в ходе обсуждения окончательного варианта брежневского

доклада выяснилось, что многие члены Президиума и Секретариата ЦК, в том числе А. Н. Шелепин, М. А. Суслов и В. П. Мжаванадзе, высказались за то, чтобы в этом докладе не упоминался сам термин «культ личности», а уж тем более «период культа личности», была дана взвешенная и положительная оценка И. В. Сталину за разгром троцкистско-зиновьевской и бухаринской оппозиции, за руководство созданием индустриальной мощи страны и колхозного строя и тем более за его работу на посту Верховного главнокомандующего в годы войны. Однако в пику этой вполне здоровой позиции выступили А. И. Микоян и Б. Н. Пономарёв, которые, напротив, предложили включить в текст доклада критические оценки в адрес И. В. Сталина, прямо позаимствованные из известного Постановления ЦК «О преодолении культа личности и его последствий» от 30 июня 1956 года. Вместе с тем, как предположил профессор Д. О. Чураков, вряд ли позицию сталинистов реально поддерживали большинство членов высшего руководства страны, поскольку в противном случае Л. И. Брежнев вряд ли поддержал бы позицию Ю. В. Андропова, предложившего просто-напросто обойти в докладе вопрос о И. В. Сталине. В результате в качестве определённого компромисса Л. И. Брежнев, зачитывая свой доклад, всего единожды упомянул И. В. Сталина как председателя Государственного комитета обороны в годы войны. Но даже этого было достаточно, чтобы весь зал огромного Дворца съездов разразился единодушной и бурной овацией. Тем не менее тот же Д. О. Чураков расценил всю эту «дискуссию» следующим образом: «это, безусловно, не было победой антисталинистов, но это было безусловным поражением сталинистов», ибо «позиция партии в отношении И. В. Сталина, отражённая в её официальных документах, принятых ещё при Н. С. Хрущёве, осталась неизменной».

Кстати, тогда же, в начале мая 1965 года, после долгого перерыва в аппарате ЦК был воссоздан Отдел науки и учебных заведений, главой которого был назначен давний брежневский соратник, проректор Высшей партшколы при ЦК Сергей Павлович Трапезников. Он был знаком с генсеком ещё со времён их совместной работы в Молдавской ССР, откуда в марте 1956 года перебрался в Москву и вплоть до начала июля 1960 года работал помощником Л. И. Брежнева в бытность того секретарём ЦК по оборонке. Теперь же он стал курировать всю систему образования и Академию Наук СССР, в руководстве которой было немало его открытых и очень активных противников, считавших нового «начальника» закоренелым сталинистом. Кстати, такую оценку разделяли и многие историки и мемуаристы, например всё тот же С. Н. Семанов, который уверяет, что в окружении Л. И. Брежнева существовала целая «пятая колонна сталинистов», куда, помимо самого С. П. Трапезникова, входили брежневский помощник В. А. Голиков, его правая рука в партийном аппарате К. У. Черненко, зампред Совета Министров СССР Н. А. Тихонов и другие⁷⁰.

Наконец в начале июля 1965 года Л. И. Брежнев производит одно из самых важных назначений в центральном партийном аппарате. На пост заведующего Общим отделом ЦК вместо Владимира Никифоровича Малина, который им руководил почти все годы хрущёвского правления, приходит Константин

Устинович Черненко⁷¹. С ним Л. И. Брежнев познакомился ещё в далёком 1950 году, когда его назначили Первым секретарём ЦК Компартии Молдавии, где сам К. У. Черненко без малого два года возглавлял Отдел пропаганды и агитации ЦК. Затем в октябре 1952 года их пути-дороги надолго разошлись, и только в мае 1960 года, когда Л. И. Брежнев стал председателем Президиума Верховного Совета СССР, он пригласил К. У. Черненко перейти из аппарата ЦК, где тот работал с 1956 года, в

высший государственный орган страны и возглавить Секретариат его Президиума, т. е. стать его правой рукой в должности «президента» страны⁷². На этом посту он показал себя с самой лучшей стороны — как надёжный сотрудник, крепкий профессионал и неистовый трудоголик. А посему совершенно не случайно, что Л. И. Брежнев именно ему и предложил возглавить этот Отдел ЦК, который в системе всей высшей власти играл просто колоссальную роль. Именно Общий отдел ЦК традиционно готовил и протоколировал все заседания Президиума, а затем Политбюро ЦК, определял их повестку, характер и порядок рассмотрения вопросов, формировал список приглашённых лиц, документально оформлял все постановления и решения Президиума (Политбюро) и Секретариата ЦК, что, безусловно, имело принципиальное значение для Л. И. Брежнева и всей его команды. На этом посту Константин Устинович пробудет вплоть до смерти своего патрона в ноябре 1982 года и все эти годы верой и правдой будет ему служить «не токмо за страх, но и за совесть». В исторической и мемуарной литературе можно встретить полярные оценки личности К. У. Черненко и его места в партийном аппарате и в истории нашей страны. Например, известный андроповский апологет Г. А. Арбатов писал, что он был «среднего пошиба бюрократ», «настоящим потолком которого» была должность «заместителя заведующего Общим отделом ЦК или канцелярией Верховного Совета СССР»⁷³. Однако большинство авторов были иного и куда более высокого мнения и об этом человеке, и о его реальном месте во всей партийно-государственной иерархии⁷⁴. Так, лигачёвский помощник В. М. Легостаев писал, что «до прихода Черненко отдел представлял собой по сути обычную канцелярию. При нём же он постепенно занял господствующее положение в структуре аппарата ЦК, а затем, опираясь на аналогичные отделы местных партийных комитетов, и в структуре аппарата КПСС в целом». Так же оценивал роль К. У. Черненко в управлении страной и андроповский референт И. Е. Синицин, утверждавший следующее: «Общий отдел стал самым многочисленным из всех отделов ЦК. Под его полным контролем оказалась вся документация ЦК. Специальные секторы отдела оформляли, контролировали, распределяли информацию, предназначенную для высших руководителей и в первую очередь для Генерального секретаря». Более того, «поскольку в Общий отдел стекалась вся информация, поступающая в ЦК КПСС», при Л. И. Брежневе «он стал играть роль своеобразной партийной разведки и контрразведки». Кстати, это было немудрено, поскольку его предшественником был Секретный отдел ЦК, который при И. В. Сталине возглавлял А. Н. Поскрёбышев. Ну, и наконец, характеризуя работу К. У. Черненко на столь ответственном посту, один из брежневских секретарей — О. А. Захаров — уверял: «В отличие от других партийных деятелей, Черненко был доступен для сотрудников Отдела и руководителей с мест любого ранга. К нему обращались по разным житейским вопросам, и он многим оказывал конкретную помощь, редко кому отказывал. За это его ценили и благодарили за чуткость и бескорыстие».

Между тем, как уверяет Р. А. Медведев⁷⁵, тогда же «в кругах, близких к ЦК, стали ходить упорные слухи о скорых переменах в руководстве страны». Ожидалось, что Л. И. Брежнев вернётся на свой недавний пост председателя Президиума Верховного Совета СССР, а Первым секретарём ЦК КПСС станет А. Н. Шелепин. Говорили также и о возможной отставке А. Н. Косыгина и назначении на пост главы союзного правительства Д. Ф. Устинова. «Но уже к концу года стало очевидно, что эти перемены по крайней мере в ближайшее время не состоятся». Однако, к

сожалению, он не даёт никаких ссылок на источники, прежде всего мемуарного характера, поскольку именно они могли содержать подобного рода слухи.

Тогда же во второй половине 1965 года были сделаны ещё ряд кадровых назначений, имевших важное значение для брежневской команды. Так, на сентябрьском Пленуме ЦК из состава Секретариата ЦК уже чисто формально был выведен В. Н. Титов, и новым секретарём ЦК стал Фёдор Давыдович Кулаков, ставший в этой должности главным куратором сельского хозяйства страны. А на декабрьском Пленуме ЦК ещё одним секретарём ЦК, но уже по кадровой работе, стал Иван Васильевич Капитонов. На этом же Пленуме ЦК вторично «в одну и ту же воду» вошёл Владимир Васильевич Щербицкий, вновь ставший кандидатом в члены Президиума ЦК, поскольку менее двух месяцев назад, в середине октября, он опять вернулся в кресло председателя Совета Министров СССР.

Об этом назначении надо сказать отдельно. Как известно, во исполнение решений сентябрьского Пленума ЦК о ликвидации совнархозов и воссоздании прежней системы союзных и союзно-республиканских министерств во всех союзных республиках, в том числе на Украине, закипела бурная работа в этом направлении. И уже в начале октября 1965 года П. Е. Шелест прибыл в Москву для окончательного согласования всех кадровых вопросов с руководством страны. Судя по его рабочим записям⁷⁶, «вопрос по министрам», который обсуждался в Совмине СССР, а также с Н. В. Подгорным, А. Н. Шелепиным, Д. Ф. Устиновым и А. П. Рудаковым, особых проблем не вызвал. Однако вокруг новой кандидатуры главы Совета Министров СССР разгорелись нешуточные страсти. На Президиуме ЦК КПУ было принято решение рекомендовать на место И. П. Казанца, которого против его воли всего неделю назад назначили министром чёрной металлургии СССР, «промышленного» секретаря ЦК КПУ Александра Павловича Ляшко. Однако против этой кандидатуры выступил Л. И. Брежнев, которого активно поддержали А. Н. Шелепин и Д. Ф. Устинов. Они жёстко настаивали на том, чтобы главой украинского Совмина вновь стал В. В. Щербицкий, которого сам П. Е. Шелест считал «малокультурным, грубым, и дерзким» работником и «большим нытиком». По этому поводу состоялась и новая крупная перебранка между Н. В. Подгорным и Л. И. Брежневым, который поддержал своих прежних товарищей по Президиуму ЦК КПУ. Но решение было принято — и «украинская группировка» в Президиуме ЦК опять оказалась в проигрыше.

Между тем это была уже не первая стычка Л. И. Брежнева с «украинской группировкой» за последний год, которую умело направляли ряд членов Президиума ЦК, вероятнее всего А. Н. Шелепин и Ко. Ещё 2 сентября 1965 года в самом конце заседания Президиума ЦК Л. И. Брежнев предложил обсудить записку П. Е. Шелеста о работе Минвнешторга СССР и наделении Украинской ССР рядом прав самостоятельной внешнеэкономической деятельности⁷⁷. Изначально данная записка была направлена Н. В. Подгорному, который, в свою очередь, отослал её для рассмотрения и подготовки предложений трём адресатам: председателю Госплана СССР П. Ф. Ломако, курирующему заму председателя Совета Министров СССР В. Н. Новикову и главе Минвнешторга Н. С. Патоличеву. Однако, не дождавшись заключений, Л. И. Брежнев, особо подчеркнув, что не знал об этом письме, поскольку был на отдыхе в Крыму, поставил данный вопрос на обсуждение Президиума ЦК. Как считают ряд авторов (Ф. И. Раззаков, Л. М. Млечин), это был явный сигнал о том, что он не поддержит «украинцев», а сам П. Е. Шелест расценил данное заявление как команду «фас». В результате на Первого секретаря ЦК КПУ, а косвенно и на Н. В.

Подгорного буквально набросились ряд членов высшего руководства страны, в частности А. И. Микоян, М. А. Суслов, А. Н. Косыгин, А. Н. Шелепин, П. Н. Демичев и А. П. Рудаков. Причём, если А. И. Микоян, чьё выступление оказалось самым «спокойным», напирал на то, что «вопрос о монополии внешней торговли был окончательно решён ещё при В. И. Ленине и пересмотру не подлежит», то остальные члены Президиума ЦК выдвинули целый ряд чисто политических обвинений. Они упрекали руководство республики в искажении ленинской внешней политики, в слабой борьбе с проявлениями украинского буржуазного национализма, в третировании «русских кадров», в местничестве, нарушении государственной и плановой дисциплины и т. д. Причём А. Н. Шелепин, чьё выступление носило наиболее жёсткий характер, заявил, что «за политическую ошибку Шелеста» прямую ответственность несёт не только он, но и Н. В. Подгорный, который, пользуясь положением второго секретаря ЦК, «никому не позволяет вмешиваться в дела Украины». Он даже потребовал провести Пленум ЦК КПУ и «по-настоящему разобраться с тем, что происходит в республике». В ответ на это П. Е. Шелест и особенно Н. В. Подгорный перешли в атаку на «оппонентов» и дали ответную отповедь А. Н. Шелепину и П. Н. Демичеву, который обвинил «украинцев» во «втором издании скрыпниковщины»⁷⁸. Причём эта перепалка приняла столь острый характер, что «старый лис» А. И. Микоян усмотрел в ней проявление не менее опасного «великодержавного шовинизма», а Л. И. Брежнев узрел попытку со стороны «русских державников» подорвать позиции влиятельной украинской группы, на которую он тогда вынужден был опираться. Поэтому он «спустил дело на тормозах», хотя внутренне, видимо, остался доволен ослаблением политических позиций Н. В. Подгорного, реально претендовавшего тогда на равную власть с Первым секретарём.

В конце сентября 1965 года был созван очередной Пленум ЦК, с которым в отечественной историографии традиционно связывают начало косыгинской экономической реформы, о которой подробно мы писали в своей последней работе «Брежневская партия». Здесь же упомянем только то, что в центре внимания участников данного Пленума был доклад главы советского правительства А. Н. Косыгина «Об улучшении управления промышленностью, совершенствовании планирования и улучшении экономического стимулирования промышленного производства»⁷⁹, после обсуждения которого единогласно было принято известное одноимённое Постановление ЦК. На основании этого Постановления уже 2 октября 1965 года Верховный Совет СССР принял Закон за № 4041-VI «Об изменении системы органов управления промышленностью и преобразовании некоторых других органов государственного управления»⁸⁰, во исполнение которого были упразднены все региональные совнархозы, а также СНХ и ВСНХ СССР, и полностью восстановлена прежняя промышленно-отраслевая система управления всем народным хозяйством страны.

Отныне в рамках Совета Министров СССР воссоздавались полноценные Госплан, Госснаб и Госстрой СССР, которые соответственно возглавили заместители председателя Совета Министров СССР Николай Константинович Байбаков, Вениамин Эммануилович Дымшиц и Игнатий Трофимович Новиков и 35 промышленных и отраслевых союзных и союзно-республиканских министерств: чёрной металлургии (И. П. Казанец), цветной металлургии (П. Ф. Ломако), угольной промышленности (Б. Ф. Братченко), газовой промышленности (А. К. Картунов), нефтедобывающей промышленности (В. Д. Шашин), оборонной промышленности (С.

А. Зверев), среднего машиностроения (Е. П. Славский), общего машиностроения (С. А. Афанасьев), авиационной промышленности (П. В. Дементьев), судостроительной промышленности (Б. Е. Бутома), радиопромышленности (В. Д. Калмыков), электронной промышленности (А. И. Шокин), энергетики и электрификации (П. С. Непорожний), электротехнической промышленности (А. К. Антонов), приборостроения средств автоматизации и систем управления (К. Н. Руднев), автомобильной промышленности (А. М. Тарасов), станкостроительной и инструментальной промышленности (А. И. Костоусов), транспортного строительства (Е. Ф. Кожевников), промышленности строительных материалов (И. А. Гришманов), монтажных и специальных строительных работ (Ф. Б. Якубовский), тракторного и сельскохозяйственного машиностроения (И. Ф. Сеницын), строительного, дорожного и коммунального машиностроения (Е. С. Новосёлов), химического и нефтяного машиностроения (К. И. Брехов), тяжёлого, энергетического и транспортного машиностроения (В. Ф. Жигалин), машиностроения для лёгкой и пищевой промышленности и бытовых приборов (В. Н. Доенин), нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности (В. С. Фёдоров), химической промышленности (Л. А. Костандов), геологии (А. В. Сидоренко), лесной, целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности (Н. В. Тимофеев), мясной и молочной промышленности (С. Ф. Антонов), пищевой промышленности (В. П. Зотов), мелиорации и водного хозяйства (Е. Е. Алексеевский), рыбного хозяйства (А. А. Ишков), лёгкой промышленности (Н. Н. Тарасов) и торговли (А. И. Струев)⁸¹. Одновременно во всех союзных республиках была восстановлена и система республиканских министерств и ведомств.

Надо сказать, что, по мнению целого ряда историков (Р. А. Медведев, Р. Г. Пихоя⁸²), эта очередная контрреформа «коллективного руководства» привела к восстановлению и даже усилению роли столичной бюрократии в системе государственного управления страны. Однако многие их оппоненты (В. И. Андриянов, Ю. В. Фирсов, С. Г. Кара-Мурза, Д. О. Чураков⁸³) более обоснованно говорят о том, что именно эта реформа наконец-то покончила с региональным хозяйственным сепаратизмом, положила начало процессу восстановления оправдавшей себя системы вертикальных и горизонтальных экономических и производственных связей на всей территории страны, восстановила более управляемую отраслевую систему руководства огромным промышленным и строительным комплексом страны, восстановила прежнюю координирующую роль Госплана СССР как главного экономического штаба страны и т. д.

Между тем вряд ли можно согласиться с мнением тех современных авторов (Ю. А. Давыдова, В. В. Громенко, Э. Ф. Гизатуллина⁸⁴), которые даже утверждают, что «промышленная реформа 1965 года стала одной из самых радикальных реформ за все годы советской власти» и «поворотным пунктом в методах реализации государством функции управления экономикой». Как справедливо указал профессор Г. И. Ханин⁸⁵, «ползучая» рецентрализация советской экономики началась ещё при Н. С. Хрущёве в ноябре 1962 года с момента создания трёх республиканских СНХ в РСФСР, на Украине и в Казахстане, а затем была продолжена в 1963 году, когда были созданы ВСНХ СССР и Государственные (в том числе производственные) комитеты, на базе которых и воссоздавались целый ряд союзных министерств, в частности среднего машиностроения и оборонной, авиационной и судостроительной промышленности.

Тем временем в самом начале ноября 1965 года неожиданно скончался многолетний заведующий Отделом культуры ЦК и заместитель председателя Идеологической комиссии ЦК Дмитрий Алексеевич Поликарпов, который пришёл на работу на Старую площадь ещё до войны, при Г. М. Маленкове и А. А. Жданове. Шелепинская группа очень рассчитывала, что этот пост займёт её выдвиженец — бывший заведующий сектором печати ЦК ВЛКСМ Юрий Серафимович Мелентьев, который полгода назад стал заместителем Д. А. Поликарпова. Однако Л. И. Брежнев и М. А. Суслов «сделали ход конём» и совершенно неожиданно выдвинули на эту должность пришлого «варяга» — председателя Президиума Верховного Совета Белорусской ССР, секретаря ЦК Компартии Белоруссии Василия Филимоновича Шауро, который проработает на этом посту больше 20 лет, до марта 1986 года.

Ещё одной «контрреформой» нового «коллективного руководства» страны стала ликвидация единой системы органов объединённого партийно-государственного контроля, созданная Н. С. Хрущёвым в ноябре 1962 года. Однако, в отличие от двух предыдущих «контрреформ», имевших в большей степени чисто экономический и управленческий характер, она во многом диктовалась борьбой элитных группировок внутри Президиума ЦК.

В начале декабря 1965 года состоялся очередной Пленум ЦК, созванный для рассмотрения докладов председателя Госплана СССР Н. К. Байбакова и министра финансов СССР В. Ф. Гарбузова. После их обсуждения и принятия соответствующего Постановления ЦК «О плане развития народного хозяйства СССР и Государственном бюджете СССР на 1966 год»⁸⁶ и исчерпания официальной повестки дня Л. И. Брежнев совершенно неожиданно, даже для многих членов высшего руководства, проинформировал участников Пленума, что по решению Президиума ЦК в согласованную повестку дополнительно вносятся ещё два важных вопроса — о преобразовании органов партийно-государственного контроля и ряд оргвопросов. Под чисто демагогическим предлогом, что старое название этого органа якобы не вполне отражает всей сути выполняемых им функций, Комитет партийногосударственного контроля СССР был преобразован в Комитет народного контроля СССР, что было тут же оформлено в виде нового Постановления ЦК «О преобразовании органов Государственного контроля». При этом тут же по предложению самого Л. И. Брежнева были приняты ряд принципиальных решений: 1) отменить совмещение должности председателя нового Комитета народного контроля СССР с любыми другими постами в партийном и государственном аппаратах власти; 2) освободить А. Н. Шелепина от должности заместителя председателя Совета Министров СССР ввиду необходимости сосредоточиться на работе в должности секретаря ЦК и 3) вопрос о назначении нового руководителя КНК СССР отложить на неопределённый срок, что лишний раз говорило о чисто политической подоплёке этого вопроса⁸⁷. Таким образом, был нанесён первый, но очень ощутимый и коварный удар по «комсомольской группировке», члены которой, считая Л. И. Брежнева недостойной фигурой для управления страной, неужённо рвались к высшей власти. Между тем уже через три дня, 9 декабря 1965 года, на сессии Верховного Совета СССР, который принял закон об упразднении КППГК и образовании КНК СССР, его первым председателем был назначен профессиональный партаппаратчик Павел Васильевич Кованов, работавший до этого заместителем А. Н. Шелепина в том самом КППГК СССР.

В результате этих перестановок М. А. Суслов окончательно закрепился в неофициальном статусе второго секретаря ЦК, который по традиции вёл все заседания центрального партийного Секретариата. А А. Н. Шелепин, жёстко отодвинутый в секретарской иерархии на «почётное» третье место, стал курировать финансы, лёгкую и пищевую промышленность.

На этом же Пленуме ЦК были приняты и ряд важных кадровых решений. Во-первых, кандидатом в члены Президиума ЦК вновь стал глава украинского правительства Владимир Васильевич Щербицкий. Во-вторых, ещё одним секретарём ЦК был избран главный партийный орговик Иван Васильевич Капитонов. И, наконец, в-третьих, была принята отставка Анастаса Ивановича Микояна, который, исполнив новую норму партийного устава, достигнув 70-летнего возраста, самолично⁸⁸ подал прошение об уходе на пенсию с поста «президента» страны. Вместо него Пленум ЦК рекомендовал избрать новым председателем Президиума Верховного Совета СССР Николая Викторовича Подгорного, которого одновременно освободили от должности секретаря ЦК.

Что касается А. И. Микояна, который был старейшим членом высшего партийного руководства, став кандидатом в члены Политбюро ЦК ещё в июле 1926 года, то его уход из «большой политики» был в принципе давно ожидаем. Однако он был обставлен весьма корректно, поскольку, во-первых, вплоть до конца марта 1966 года, т. е. до формирования новых руководящих органов партии по итогам XXIII съезда КПСС, он оставался членом Президиума ЦК; во-вторых, вплоть до конца февраля 1976 года он также оставался членом ЦК, в состав которого впервые вошёл ещё при В. И. Ленине в апреле 1922 года; и, наконец, в-третьих, вплоть до июня 1976 года он остался и членом Президиума Верховного Совета СССР. Поэтому совершенно не случайно ещё при жизни А. И. Микояна родилась знаменитая и едкая поговорка «от Ильича до Ильича без инфаркта и паралича».

Что касается Н. В. Подгорного, то здесь мнения мемуаристов и историков резко разошлись. Одни из них, в частности Р. А. Медведев и И. Г. Земцов⁸⁹, уверяют, что новый пост позволил ему существенно укрепить свои позиции в высшем руководстве страны и получить пусть во многом формальный, но всё же контроль за работой Совета Министров СССР, с главой которого «он имел частые разногласия ввиду разных взглядов на экономическую политику». Однако большинство авторов более обоснованно говорят о том, что, получив чисто церемониальный пост главы советского государства, Н. В. Подгорный окончательно потерял все остатки своего бывшего влияния в центральном партийном аппарате, где роль второго секретаря ЦК де-факто вновь перешла к М. А. Суслову, который по традиции вёл все заседания Секретариата ЦК. Тем не менее сам Н. В. Подгорный продолжал необоснованно претендовать на равную власть в правящем «триумvirате», который пришёл к власти в октябре 1964 года.

Кстати, в том же декабре 1965 года состоялось ещё одно крайне важное кадровое назначение на пост начальника Управления делами ЦК КПСС, в ведении которого находилось всё имущество и все денежные средства партии. Как уверяет Л. М. Млечин, А. Н. Шелепин настаивал, чтобы этот пост занял заместитель главы Управделами Грант Тигранович Григорян⁹⁰. Однако по настоянию Л. И. Брежнева, поддержанного членами Президиума ЦК, на этот пост был назначен его однокашник по Каменскому (Днепродзержинскому) металлургическому институту Сергей Георгиевич Павлов, который просидит в этом кресле вплоть до сентября 1983 года.

Забегая вперёд, скажем, что много позже, в октябре 1991 года, после запрета КПСС, он так же, как его преемник на этом посту, Николай Ефимович Кручина, уйдёт из жизни таинственным образом, «случайно» выпав из окна своей цековской квартиры.

¹ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 749. Л. 3-4; Как снимали Н.С. Хрущёва: Материалы Пленума ЦК КПСС (октябрь 1964 г.) // Исторический архив. 1993. № 1; Никита Хрущёв. 1964: Стенограммы Пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 2007; РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 749. Л. 103-104.

² Кстати, в беседе с историком Ю. В. Аксютиним Д. С. Полянский якобы утверждал, что М. А. Суслову поручили огласить доклад на Пленуме ЦК «в качестве некоего покаяния за то, что он до самого последнего момента и слушать не хотел ни о каких переменах в руководстве партии и правительства». Аксютин Ю.В. «В Москве хорошая погода», или Почему Хрущёва отправили в отставку // Исторический архив. 2008. № 5.

³ Брежнев Л.И. Рабочие и дневниковые записи 1964-1982 гг. Т. 1. М., 2016.

⁴ Медведев Р.А. Личность и эпоха. Политический портрет Л.И. Брежнева. М., 1991; Пихоя Р.Г. Москва. Кремль. Власть. 1945-2005. Т. 2. 1964-1985. М., 2009; Семанов С.Н. Брежнев. Правитель «золотого века». М., 2002; Млечин Л.М. Брежнев. М., 2011; Соколов Б.В. Леонид Брежнев. Золотая эпоха. М., 2004; Вдовин А.И. СССР. История великой державы (1922—1991 гг.). М., 2018; Чураков Д.О. СССР при Брежневе: Вся правда о великой эпохе. М., 2015.

⁵ Вдовин А.И. СССР. История великой державы (1922-1991 гг.). М., 2018; Чураков Д.О. СССР при Брежневе: Вся правда о великой эпохе. М., 2015.

⁶ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 754-764.

⁷ Кстати, именно при Л. Н. Ефреме, который очень скептически относился к М. С. Горбачёву, начнётся его стремительный рост по карьерной лестнице: в 1966 году он становится первым секретарём Ставропольского горкома, в 1968 году — вторым секретарём крайкома, а в 1970 году сменяет своего предшественника на посту Первого секретаря Ставропольского крайкома партии.

⁸ Хрущёв С.Н. Хрущёв. М., 2001; Сушков А.В. Президиум ЦК КПСС в 1957-1964 гг. Ек., 2009.

⁹ Тогдашний председатель КГБ СССР генерал-полковник В. Е. Семичастный позднее в своих мемуарах, а затем и в одном из интервью говорил, что его должность «после прихода к власти Брежнева «готовилась для Николая Романовича Миронова, который потом погиб... Я это чувствовал».

¹⁰ Спицын Е.Ю. Хрущёвская слякоть. Советская держава в 1953-1964 годах. М., 2019.

¹¹ Иванов Л.Г. Правда о «Смерш». М., 2009.

¹² РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 754-764.

¹³ Современный этап коммунистического строительства и задачи партии по улучшению руководства сельским хозяйством: Постановление Пленума ЦК КПСС по докладу т. Н.С. Хрущёва, принятое 9 марта 1962 г. М., 1962; О развитии экономики СССР и перестройке партийного руководства народным хозяйством. Постановление Пленума ЦК КПСС по докладу т. Н.С. Хрущёва, принятое 23 ноября 1962 г. М., 1962; Спицын Е.Ю. Хрущёвская слякоть. М., 2019.

¹⁴ Хлевнюк О.В. Роковая реформа Н.С. Хрущёва: разделение партийного аппарата и его последствия. 1962-1964 годы // Российская история. № 4. 2012.

- ¹⁵ Шмелёв Н.П. Авансы и долги. М., 1989; Медведев Р.А. Личность и эпоха. Политический портрет Л.И. Брежнева. М., 1991; Пихоя Р.Г. Москва. Кремль. Власть. 1945-2005. Т. 2. 1964-1985. М., 2009.
- ¹⁶ Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация от Великой Победы до наших дней. М., 2001; Семанов С.Н. Брежнев. Правитель «золотого века». М., 2002; Чураков Д.О. СССР при Брежневе. М., 2015.
- ¹⁷ Брежнев Л.И. Рабочие и дневниковые записи 1964-1982 гг. Т. 1. М., 2016.
- ¹⁸ Брежнев Л.И. Рабочие и дневниковые записи 1964-1982 гг. Т. 1. М., 2016.
- ¹⁹ Медведев Р.А. Личность и эпоха. Политический портрет Л.И. Брежнева. М., 1991; Пихоя Р.Г. Москва. Кремль. Власть. 1945-2005. Т. 2. 1964-1985. М., 2009; Семанов С.Н. Брежнев. Правитель «золотого века». М., 2002; Вдовин А.И. СССР. История великой державы (1922-1991 гг.). М., 2018; Чураков Д.О. СССР при Брежневе. М., 2015.
- ²⁰ Р. А. Медведев в своей книге «Личность и эпоха. Политический портрет Л. И. Брежнева» (1991) пишет, что, вероятно, Л. И. Брежнев познакомился с А. П. Кириленко ещё до войны на Украине, где тот «в 1939-1941 годах был вторым секретарём Запорожского обкома партии, а в 1941 — 1942 годах — членом Военного совета 18-й армии».
- ²¹ Микоян А.И. Так было. М., 1999; Сушков А.В. Президиум ЦК КПСС в 1957-1964 гг. Ек., 2009.
- ²² Медведев Р.А. Личность и эпоха. Политический портрет Л.И. Брежнева. М., 1991.
- ²³ Медведев Р.А., Ермаков Д.А. «Серый кардинал». М.А. Суслов: политический портрет. М., 1992; Аксютин Ю.В. Л.И. Брежнев. Материалы к биографии. М., 1991; Млечин Л.М. Брежнев. М., 2011.
- ²⁴ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 613. Л. 1; Сушков А.В. Президиум ЦК КПСС в 1957-1964 гг.: личности и власть. Ек., 2009.
- ²⁵ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 688. Л. 46.
- ²⁶ РГАНИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 1200. Л. 39-40; Сушков А.В. Президиум ЦК КПСС в 1957-1964 гг. Ек., 2009.
- ²⁷ Александров-Агентов А.М. От Коллонтай до Горбачёва. М., 1994; Королёв Ю.А. Кремлёвский советник. М., 1995; Сушков А.В. Президиум ЦК КПСС в 1957-1964 гг. Ек., 2009; Хрущёв С.Н. Никита Хрущёв. Рождение сверхдержавы. М., 2010.
- ²⁸ Шахназаров Г.Х. С вождями и без них. М., 2001.
- ²⁹ Бурлацкий Ф.М. Вожди и советники. О Хрущёве, Андропове и не только о них. М., 1990; Арбатов Г.А. Затянувшееся выздоровление (1953-1985 гг.). Свидетельство современника. М., 1991; Брутенц К.Н. Тридцать лет на Старой площади. М., 1998; Шахназаров Г.Х. С вождями и без них. М., 2001; Бовин А.Е. XX век как жизнь. М., 2003; Черняев А.С. Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972-1991 годы. М., 2010.
- ³⁰ Предшественника Л.Ф. Ильичёва Сергея Георгиевича Лапина (1912-1990) тогда же отправили советским послом в Пекин, где он пробудет ровно два года, до его назначения генеральным директором ТАСС.
- ³¹ Семанов С.Н. Брежнев. Правитель «золотого века». М., 2002.
- ³² Митрохин Н.А. Back-Office Михаила Суслова или кем и как производилась идеология брежневского времени // Тетради русского мира. 54/3-4. 2013. Академик Иван Тимофеевич Фролов: Очерки. Воспоминания. Избранные статьи. М.: Наука, 2001.

- ³³ Черняев А.С. Совместный исход. М., 2010.
- ³⁴ Президиум ЦК КПСС. 1954-1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. Т. 1. М., 2015.
- ³⁵ Вдовин А.И. СССР. История великой державы (1922-1991 гг.). М., 2018.
- ³⁶ Ризаев С.Р. Шараф Рашидов. Штрихи к портрету. Ташкент, 1998; Раззаков Ф.И. Коррупция в Политбюро: Дело «красного узбека». М., 2009.
- ³⁷ Ф. И. Раззаков утверждает, что до избрания Ш. Р. Рашидова на властном Олимпе Узбекистана конкурировали две группировки — «ферганцы» и «ташкентцы». Члены первого клана У. Ю. Юсупов и А. И. Ниязов возглавляли ЦК КПУз в 1937-1955 годах, а члены второй группировки Н. А. Мухитдинов и С. К. Камалов стояли во главе ЦК КПУз в 1955-1959 годах. Однако Ш. Р. Рашидов был представителем третьего клана — «самаркандцев», — который почти на четверть века перехватил власть у конкурентов. При этом Москва вполне сознательно сделала ставку на новый клан, поскольку в её представлении «ферганцы» и «ташкентцы» грешили «узбекским национализмом» и латентным исламизмом.
- ³⁸ Рузаев С.Р. Шараф Рашидов. Штрихи к портрету. Ташкент, 1998; Раззаков Ф.И. Коррупция в Политбюро: Дело «красного узбека». М., 2009; Вдовин А.И. СССР. История великой державы (1922-1991 гг.). М., 2018.
- ³⁹ Кунаев Д.А. О моём времени. Алма-Ата, 1992.
- ⁴⁰ В марте — декабре 1947 года Украинскую ССР в составе Политбюро ЦК ВКП(б) представляли Первый секретарь ЦК КП(б)У Л. М. Каганович и председатель Совета Министров УССР Н. С. Хрущёв.
- ⁴¹ Раззаков Ф.И. Коррупция в Политбюро: Дело «красного узбека». М., 2009.
- ⁴² РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 688. Л. 44-45; Хрущёв С.Н. Хрущёв. М., 2001; Сушков А.В. Президиум ЦК КПСС в 1957-1964 гг. Ек., 2009.
- ⁴³ Шелест П.Е. ...Да не судимы будете... М., 1994. Мне довелось быть знакомым с П. Е. Шелестом, не раз бывать в его московской квартире на Большой Бронной, д. 19, листать его блокнотные дневниковые записи, написанные карандашом, из которых и была составлена эта книга, подаренная мне с автографом автора в марте 1995 года.
- ⁴⁴ Вероятнее всего, это был черновой вариант Постановления Президиума ЦК, поскольку в окончательном варианте этот пункт отсутствовал. РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 688. Л. 44-45.
- ⁴⁵ Гришин В.В. От Хрущёва до Горбачёва. М., 1996.
- ⁴⁶ Ханин Г.И. Экономическая история России в новейшее время. Экономика СССР в конце 30-х годов — 1987 год. Т. 1. Новосибирск, 2008.
- ⁴⁷ Новиков В.Н. В годы руководства Н.С. Хрущёва // Вопросы истории. 1989. № 1-2.
- ⁴⁸ Сушков А.В. Президиум ЦК КПСС в 1957-1964 гг. Ек., 2009.
- ⁴⁹ Управление делопроизводства и архива Аппарата Правительства РФ. Ф. 5446. Оп. 1. Д. 751.
- ⁵⁰ Млечин Л.М. Шелепин. М., 2009.
- ⁵¹ Хрущёв С.Н. Хрущёв. М., 2001; Медведев Р.А. Личность и эпоха. Политический портрет Л.И. Брежнева. М., 1991; Сушков А.В. Президиум ЦК КПСС в 1957-1964 гг. Ек., 2009.
- ⁵² Микоян А.И. Так было. М., 1999.
- ⁵³ Мазуров К.Т. Я говорю не только о себе // От оттепели до застоя. М., 1991.
- Надо сказать, что существуют и другие версии этой размолвки. Так, С. Н. Хрущёв в

своей книге об отце (Хрущёв С.Н. Хрущёв. М., 2001) утверждает, что эта размолвка действительно произошла в Беловежской Пуще, но значительно позже, в январе 1964 года. А бывший зампред Совета Министров СССР и глава Госплана СССР В. Н. Новиков говорит о том, что причиной конфликта стал отказ К. Т. Мазурова выполнять хрущёвское указание о ликвидации личного скота в приусадебных хозяйствах колхозников (Новиков В.Н. В годы руководства Н.С. Хрущёва // Вопросы истории. 1989. № 2).

⁵⁴ Антонович И.И. «Да святится имя твое...» // Пётр Машеров. Эпоха и судьба. М., 2017; Величко В.П. Его сердце билось для людей // Пётр Машеров. Эпоха и судьба. М., 2017.

⁵⁵ В своих мемуарах «Беспокойное сердце» В.Е. Семичастный отрицает существование какой-либо «шелепинской группировки» и говорит о том, что этот «историографический штамп» был рождён западными спецслужбами для разжигания страстей внутри советского руководства. Он докладывал об этом Л.И. Брежневу, но тот поддался западной пропаганде и сам уверовал в существование такой группы.

⁵⁶ Хрущёв С.Н. Хрущёв. М., 2001; Сушков А.В. Президиум ЦК КПСС в 1957-1964 гг. Ек., 2009.

⁵⁷ Сушков А.В. Президиум ЦК КПСС в 1957-1964 гг. Ек., 2009.

⁵⁸ Семичастный В.Е. Беспокойное сердце. М., 2002.

⁵⁹ Семичастный В.Е. Беспокойное сердце. М., 2002; Млечин Л.М. Шелепин. М., 2009.

⁶⁰ Семичастный В.Е. Беспокойное сердце. М., 2002.

⁶¹ Егорычев Н.Г. Солдат. Политик. Дипломат. Воспоминания об очень разном. М., 2017.

⁶² Черняев А.С. Совместный исход. М., 2010; Бовин А.Е. XX век как жизнь. М., 2003; Межуев Б.В. Смерть Архитектора // Агентство политических новостей. 19.10.2005; Черняховский С. Политики, предатели, пророки. Новейшая история России в портретах (1985-2012). М., 2016.

⁶³ Яковлев А.Н. Омут памяти. М., 2001; Млечин Л.М. Шелепин. М., 2009; Млечин Л.М. Брежнев. М., 2011.

⁶⁴ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 613. Л. 2-3.

⁶⁵ Бурлацкий Ф.М. Вожди и советники. М., 1990; Арбатов Г. А. Затянувшееся выздоровление. М., 1991; Медведев Р.А. Личность и эпоха. Политический портрет Л.И. Брежнева. М., 1991; Семанов С.Н. Брежнев. Правитель «золотого века». М., 2002; Родионов П. А. Как начинался застой? М. , 1989; Восленский М.С. Номенклатура. М., 1991; Млечин Л.М. Шелепин. М., 2009; Млечин Л.М. Брежнев. М., 2011.

⁶⁶ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 765-786.

⁶⁷ Медведев Р.А., Ермаков Д.А. «Серый кардинал». М.А. Суслов: политический портрет. М., 1992.

⁶⁸ Кунаев Д.А. О моём времени. Алма-Ата, 1992.

⁶⁹ Семанов С.Н. Брежнев. Правитель «золотого века». М., 2002; Чураков Д.О. СССР при Брежневе. М., 2015.

⁷⁰ Семанов С.Н. Брежнев. Правитель «золотого века». М., 2002.

⁷¹ После ухода из аппарата ЦК Владимир Никифорович Малин (1906-1982) был назначен ректором Академии общественных наук при ЦК КПСС и проработал в этой должности пять лет, вплоть до лета 1970 года, а затем ушёл на персональную пенсию.

⁷² Королёв Ю.А. Кремлёвский советник. М., 1995; Прибытков В. В. Аппарат. 390 дней и вся жизнь Генсека Черненко. М., 2002; Прибытков В. В. Черненко. М., 2009.

⁷³ Арбатов Г.А. Человек системы. М., 2002.

⁷⁴ Легостаев В.М. Как Горбачёв «прорвался» во власть. М., 2011; Захаров О.А. Записки секретаря трёх генсеков // Гласность. 1992. № 18; Сеницын И.Е. Андропов вблизи. Воспоминания о временах оттепели и застоя. М., 2015.

⁷⁵ Медведев Р.А. Личность и эпоха. Политический портрет Л.И. Брежнева. М., 1991.

⁷⁶ Шелест П.Е. ...Да не судимы будете... М., 1994.

⁷⁷ Шелест П.Е. ...Да не судимы будете... М., 1994; Микоян А.И. Так было. М., 1999; Раззаков Ф.И. Коррупция в Политбюро: Дело «красного узбека». М., 2009; Млечин Л.М. Шелепин. М., 2009; Млечин Л.М. Брежнев. М., 2011.

⁷⁸ Николай Алексеевич Скрыпник (1872-1933) в свою бытность наркомом юстиции, а затем и наркомом просвещения УССР в 1922-1933 годах был одним из главных идеологов «украинизации» республики, которая затем была осуждена руководством ЦК ВКП(б) как крайне вредное и опасное проявление «мелкобуржуазного украинского национализма».

⁷⁹ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 787-805.

⁸⁰ Ведомости Верховного Совета СССР 1965 г. № 39.

⁸¹ Судя по дневниковым записям Л. И. Брежнева (Брежнев Л. И. Рабочие и дневниковые записи. 1964-1982 гг. Т. 1. М., 2016. С. 92-99), он лично занимался подбором кандидатур на посты союзных министров и с некоторыми из них, в частности И. П. Казанцом, П. Ф. Ломако, Л. А. Костандовым, Н. Н. Тарасовым, В. П. Зотовым, И. А. Гришмановым и В. Ф. Жигалиным, беседовал лично.

⁸² Медведев Р.А. Личность и эпоха. Политический портрет Л. И. Брежнева. М., 1991; Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти, 1945-1991. М., 1998; Пихоя Р.Г. Москва. Кремль. Власть. 1945-2005. Т. 2. 1964-1985. М., 2009.

⁸³ Андриянов В.И. Косыгин. М., 2003; Фирсов Ю.В. Косыгин и его время // Российский экономический журнал. 2004. № 5-6; Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация от Великой Победы до наших дней. М., 2001; Чураков Д.О. СССР при Брежневе. М., 2015.

⁸⁴ Давыдова Ю.А., Громенко В.В. Экономические реформы в период «застоя» // Теория и практика общественного развития. 2014. № 7; Гизатуллина Э.Ф. Сентябрьский (1965 год) Пленум ЦК КПСС как поворотный пункт в методах реализации государством функции управления советской экономикой // Общество и право. 2017. № 2.

⁸⁵ Ханин Г.И. Экономическая история России в новейшее время. Экономика СССР в конце 30-х годов — 1987 год. Т. 1. Н., 2008.

⁸⁶ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 806-812.

⁸⁷ Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти, 1945-1991. М., 1998; Млечин Л.М. Шелепин. М., 2009.

⁸⁸ В своих дневниковых записях П. Е. Шелест утверждает, что ещё 12 ноября 1965 года во время встречи с Л. И. Брежневым тот, «пренебрежительно» отозвавшись о А. А. Микояне и пожурив его за «увлечение мемуарами», сам поднял вопрос о его отставке, чтобы «оживить работу Верховного Совета».

⁸⁹ Медведев Р.А. Личность и эпоха. Политический портрет Л. И. Брежнева. М., 1991; Земцов И.Г. Черненко: Советский Союз в канун перестройки. Лондон, 1989; Zemtsov

I. Chernenko: The Last Bolshevik: The Soviet Union on the Eve of Perestroika. London, 1989.

⁹⁰ Млечин Л.М. Шелепин. М., 2009.

2. Обострение борьбы в верхних эшелонах власти в 1966-1970 годах

Январь 1966 года ознаменовался визитами двух партийногосударственных делегаций за рубеж. Первая в составе Л. И. Брежнева, министра иностранных дел А. А. Громыко, министра обороны Р. Я. Малиновского и Первого секретаря ЦК Компартии Казахстана Д. А. Кунаева, носившая официальный характер, направилась в Улан-Батор на XV съезд Монгольской народно-революционной партии по личному приглашению её вождя Юмжагийн Цэдэнбала. А вторая в составе А. Н. Шелепина, Д. Ф. Устинова и первого заместителя главкома РВСН генерал-полковника В. Ф. Толубко отправилась с секретной миссией в Ханой для переговоров с Хо Ши Мином по вопросам военного сотрудничества и военных поставок.

Как позднее вспоминал видный советский дипломат, который тогда был заведующим Отделом Юго-Восточной Азии МИД СССР, Михаил Степанович Капица⁹¹, оба визита проходили на фоне оголтелой кампании в западных СМИ, которые чуть ли ни в ежедневном режиме «подбрасывали вымыслы о том, что А. Н. Шелепин намеревается отстранить Л. И. Брежнева от власти и стать во главе партии и государства». Вспоминая о тех событиях, он писал, что теперь ему «в голову приходит мысль, что эти одновременные поездки не были случайными», поскольку «Л. И. Брежнев, который побаивался А. Н. Шелепина, не хотел оставлять его в Москве в период своего отсутствия», хорошо помня о том, как они вместе устранили Н. С. Хрущёва во время его отсутствия в Москве в злосчастном октябре 1964 года.

Между тем по пути из Ханоя в Москву шелепинская делегация сделала промежуточную остановку в Иркутске, чтобы подождать прилёта из Улан-Батора брежневской делегации. Тогда-то состоялась знаменитая «вечеря», во время которой А. Н. Шелепин жаловался Л. И. Брежневу на то, «что на него, дескать, возводят напраслину, что он вовсе не стремится узурпировать власть и стать руководителем партии и государства, что он искренне поддерживал и поддерживает Леонида Ильича...».

На таком вполне благоприятном фоне как для самого Л. И. Брежнева, так и для всей его команды, началась непосредственная подготовка к XXIII съезду КПСС, решение о созыве которого было принято на сентябрьском Пленуме ЦК 1965 года. Однако совершенно неожиданно эта «идиллическая картина» была изрядно подпорчена двумя письмами на имя Первого секретаря, которые в историографии принято называть «Письмо 25-ти» и «Письмо 13-ти».

Первое «Письмо», датированное 14 февраля 1966 года и адресованное лично Л. И. Брежневу⁹², было подписано семью действительными членами Академии Наук СССР, в частности пятью физиками — П. Л. Капицей, Л. А. Арцимовичем, М. А. Леонтовичем, А. Д. Сахаровым, И. Е. Таммом и двумя историками — С. Д. Сказкиным и И. М. Майским, семью членами Союза писателей СССР — К. Г. Паустовским, К. И. Чуковским, В. П. Некрасовым, В. Ф. Тендряковым, В. П. Катаевым, С. Н. Ростовским и Б. А. Слуцким, семью членами Союза театральных деятелей и Союза кинематографистов СССР — О. Н. Ефремовым, Г. А. Товстоноговым, И. М. Смоктуновским, М. М. Плисецкой, А. А. Поповым, М. И. Роммом и М. М. Хуциевым и четырьмя членами Союза художников СССР — П. Д.

Кориным, Ю. И. Пименовым, С. А. Чуйковым и Б. М. Неменским. Второе же «Письмо», датированное 25 марта 1966 года и адресованное Президиуму ЦК⁹³, было подписано двумя действительными членами АМН СССР — П. Ф. Здравовским и В. М. Ждановым, четырьмя членами Академии Наук СССР — А. Н. Колмогоровым, Б. Л. Астауровым, А. И. Алихановым и И. Л. Кнунянцем, тремя членами Союза писателей СССР — С. С. Смирновым, И. Г. Эренбургом и В. Д. Дудинцевым, легендарным актёром народным артистом СССР И. В. Ильинским, кинорежиссёром Г. Н. Чухраем, композитором В. И. Мурадели и историком-большевиком И. М. Никифоровым.

Основной смысл этих откровенно провокационных и по своей сути истерических посланий, в которых содержался весь традиционный набор самых лживых и кондовых антисталинских хрущёвских постулатов, состоял в том, что якобы в «последнее время в некоторых выступлениях и в статьях⁹⁴ (каких именно — совершенно не понятно — Е. С.) наметились тенденции, направленные на частичную или полную реабилитацию Сталина, на пересмотр решений XX и XXII съездов партии» и т. д. В связи с этим авторы посланий заявили о том, что любая реабилитация И. В. Сталина «приведёт к двум расколам» — как «между КПСС и компартиями Запада», которые расценят это «как нашу капитуляцию перед китайцами», так и «к серьёзным расхождениям внутри советского общества», что вызовет «большое волнение среди интеллигенции», «серьёзно осложнит обстановку среди молодёжи» и «поставит под удар все достижения в области международного сотрудничества».

Позднее из «Записки» генерала В. Е. Семичастного, направленной в ЦК КПСС⁹⁵, и мемуаров А. Д. Сахарова⁹⁶ стали известны ряд пикантных подробностей появления двух этих писем. Во-первых, инициатором и автором первого «Письма» стал известный публицист, член Союза писателей СССР Семён Николаевич Ростовский (он же Лейба Абрамович Хентов, он же Эрнст Генри⁹⁷) — сотрудник Иностранного отдела ОГПУ-НКВД и Отдела международных связей (разведотдела) Исполкома Коминтерна, который с 1956 года, т. е. с момента его основания, числился сотрудником Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) — тогда ещё главного мозгового центра Международного отдела ЦК, первым директором которого стал микояновский свояк Анушаван Агафонович Арзуманян. Во-вторых, судя по всему, именно С. Н. Ростовский объезжал не только всех подписантов первого «Письма», но и ряд других персон, которые либо отказались его подписать (С. Т. Коненков, С. В. Образцов, Е. А. Евтушенко), либо дали согласие, но так и не подписали его (С. С. Шостакович), либо позднее всё же подписали, но уже второе «Письмо» (А. Н. Колмогоров). В-третьих, автором второго «Письма», вероятнее всего, был тоже С. Н. Ростовский, и его появление на свет было напрямую связано с тем, что «Письмо 25-ти» к тому времени уже было растиражировано за рубежом через корреспондентов ряда западных изданий. В-четвёртых, как совершенно справедливо предположил академик А. Д. Сахаров, «инициатива нашего письма принадлежала не только Э. Генри, но и его влиятельным друзьям (где — в партийном аппарате, или в КГБ, или ещё где-то)». По всей видимости, «влиятельные друзья» Э. Генри были и в КГБ СССР, и в ИМЭМО, и в обоих Международных отделах ЦК, которые тогда возглавляли Ю. В. Андропов и Б. Н. Пономарёв, где уже в те времена стала концентрироваться целая когорта «внутрипартийных диссидентов».

Подобную версию высказал и такой проницательный исследователь, как профессор Д. О. Чураков, который, вполне резонно поставив ряд вопросов, в частности о «корявой» стилистике первого «Письма», якобы вышедшего из-под пера маститых литераторов, и о довольно странном составе подписантов, которые стояли на принципиально разных творческих, идеологических и даже нравственных позициях, в качестве гипотезы предположил, что некоторые рьяные «борцы с тоталитаризмом» согласились поставить свои автографы под этим «Письмом» только «на условиях прочных гарантий своей безопасности, полученных на самом верху»⁹⁸.

С большой долей вероятности можно предположить, что эти два послания буквально накануне февральского и мартовского Пленумов ЦК и партийного съезда появились вовсе не случайно. Брежневской команде важно было нанести мощный превентивный удар по шелепинской группе, члены которой во всей интеллигентской среде уже давно и прочно ассоциировались с именем И. В. Сталина и возвращением к жёстким «сталинским порядкам». Косвенным, но очень веским доказательством нашего предположения является тот факт, что уже на самом партийном съезде один из видных членов шелепинской группировки, Первый секретарь МГК КПСС Н. Г. Егорычев, который своим выступлением открывал всю съездовскую «дискуссию» по брежневскому докладу, крайне резко отреагировал на эти «Письма», прямо заявив о том, что «в последнее время стало модным, например, выискивать в политической жизни страны какие-то элементы так называемого "сталинизма", как жупелом пугать им общественность, особенно интеллигенцию. Мы говорим им: не выйдет, господа!»⁹⁹ Хотя надо признать, что целый ряд историков совершенно иначе охарактеризовали этот пассаж из речи лидера московских коммунистов. Так, профессор Р. Г. Пихоя почему-то оценил это заявление как «продолжение критики» И. В. Сталина, а профессор А. И. Вдовин, напротив, посчитал, что это выступление наиболее выпукло и ярко продемонстрировало «линию на отказ от дальнейших разоблачений ужасов сталинизма»¹⁰⁰.

Между тем накануне открытия XXIII партсъезда прошло заседание Президиума ЦК в расширенном составе¹⁰¹, на котором разгорелись споры по многим принципиальным вопросам. Наибольшую активность в этом споре проявили А. Н. Шелепин, его главный оппонент М. А. Сулов, отвечавший за подготовку съезда, и отчасти А. Н. Косыгин. Как утверждают ряд авторов (Р. А. Медведев¹⁰²), программа изменений, предложенная А. Н. Шелепиным, была во многом «противоречивой и демагогической», поскольку он призывал к борьбе против бюрократизма в партийном аппарате и ликвидации всех остатков пресловутой системы «пакетов», которая была восстановлена ещё Н. С. Хрущёвым в августе 1953 года; при этом отчитал А. Н. Косыгина за его предложение ликвидировать целый ряд отраслевых отделов ЦК, которое он оценил как «технократический уклон»; раскритиковал работу аппарата ЦК с творческой интеллигенцией, ряд видных представителей которой пошли по «неправильному пути» и т. д.

Президиум ЦК не поддержал позицию А. Н. Шелепина, но при этом так и не пришёл к единодушному мнению по обсуждаемым вопросам. Поэтому было принято решение не выносить возникшие разногласия не только на съезд, но даже на Пленум ЦК, который состоялся за три дня до открытия съезда. Об этих разногласиях на самом Пленуме было сообщено лишь в самой общей форме. Л. И. Брежнев, выступивший с проектом доклада «Об отчёте ЦК КПСС XXIII съезду КПСС»¹⁰³, отметил только тот факт, что для более подробного обсуждения возникших разногласий уже нет времени,

и поэтому на самом съезде члены и кандидаты в члены Президиума ЦК (кроме самих «триумвираторов» — Л. И. Брежнева, А. Н. Косыгина и Н. В. Подгорного, а также руководителей союзных республик — П. Е. Шелеста, В. В. Щербицкого, Ш. Р. Рашидова и В. П. Мжаванадзе) выступать не будут вообще¹⁰⁴.

Как бы то ни было, но совершенно правы все те авторы, которые утверждают, что новый этап укрепления позиций как самого Л. И. Брежнева, так и всей его команды пришёлся именно на XXIII съезд КПСС, который состоялся 29 марта — 8 апреля 1966 года. Он проходил по традиционному сценарию: в самом начале работы съезда с «Отчётным докладом ЦК» выступил Л. И. Брежнев, который в ритуальном ключе подтвердил верность прежнему партийному курсу, закреплённому на XX-XXII съездах КПСС, в Третьей партийной программе, нацеленной на дальнейшее строительство коммунистического общества, а также в решениях всех последних Пленумов ЦК, направленных на полное исправление «неоправданной перестройки партийного, советского и хозяйственного аппарата», «строгое соблюдение ленинских норм партийной жизни и принципов коллективности руководства». Затем с большим докладом о «Директивах XXIII съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1966-1970 годы» выступил А. Н. Косыгин, который особо подчеркнул, что все партийные, советские и хозяйственные органы «должны твёрдо и последовательно проводить новые принципы экономической политики, предусматривающие сочетание централизованного отраслевого управления с расширением прав союзных республик, усиление роли экономических методов в руководстве народным хозяйством, коренное улучшение планирования, расширение хозяйственной самостоятельности и инициативы предприятий, повышение их материальной заинтересованности в результатах своей деятельности».

В целом же, как считают многие историки и мемуаристы (Г. А. Арбатов, С. Н. Семанов, Ю. В. Емельянов, Д. О. Чураков¹⁰⁵), «бесцветный» XXIII съезд знаменовал собой победу «духа консервативного реформаторства», так как, с одной стороны, «вопреки требованиям сталинистов решения предыдущих съездов не были отменены», но, с другой стороны, «не было сделано ни одного шага вперёд», хотя «само упоминание в официальных документах и речах XX и XXII съездов партии уже воспринималось как свидетельство того», что «антисталинская крепость» всё ещё не сдалась, что в то время «обрело важное символическое значение».

Принципиальным же новшеством стало «Постановление XXIII съезда КПСС о частичных изменениях в уставе КПСС», который был принят менее пяти лет назад. В частности, в новой редакции этого устава: 1) был исключён § 25 об обязательной ротации партийных кадров на всех уровнях, который с самого начала был встречен в штыки всей партийной номенклатурой; 2) изменена та часть § 39, где речь шла о создании отдельного Бюро ЦК КПСС по РСФСР; 3) принято решение, что всю текущую работу партии между Пленумами ЦК теперь будет осуществлять не Президиум, а, как и прежде, Политбюро ЦК; 4) вместо должности Первого секретаря ЦК КПСС вновь учреждается должность Генерального секретаря, который опять же, как в «старые добрые времена», будет избираться Пленумом ЦК.

Кстати, первым с предложением о восстановлении поста Генерального секретаря ЦК выступил не кто иной, как тот же, по выражению Л. И. Брежнева, «съездовский забойщик» Н. Г. Егорычев, который позднее в своих мемуарах объяснил своё тогдашнее предложение усилением «нажима на него», в том числе со стороны

«близких к Брежневу людей» — сначала «секретаря ЦК КПУ В. Г. Комяхова, а затем и первого секретаря Алтайского крайкома партии А. В. Георгиева»¹⁰⁶.

В современной историографии (Р. А. Медведев, Р. Г. Пихоя, Л. М. Млечин, А. И. Вдовин¹⁰⁷) уже давно бытует мнение, что восстановление должности Генерального секретаря и Политбюро ЦК КПСС стало неким доказательством победы просталинских настроений в новом руководстве страны. Однако думается, что этот расхожий штамп мало соответствует реальному положению вещей. Вероятнее всего, возвращение этих более привычных названий было вызвано двумя вполне житейскими обстоятельствами: во-первых, обычным человеческим тщеславием и горячим желанием брежневской группировки поднять авторитет нового «вождя» и, во-вторых, не менее горячим желанием нового руководства страны даже на уровне символических названий высшей партийной должности и высшего партийного органа покончить с проклятым наследием Н. С. Хрущёва.

После выборов нового состава ЦК и завершения работы партийного съезда прошёл организационный Пленум ЦК¹⁰⁸, на котором был узаконен новый персональный состав высших руководящих органов партии. Как и ожидалось, Генеральным секретарём ЦК был избран Л. И. Брежнев, а в состав Политбюро ЦК вновь, как и накануне съезда, вошли 11 членов: Л. И. Брежнев, Г. И. Воронов, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, К. Т. Мазуров, А. Я. Пельше, Н. В. Подгорный, Д. С. Полянский, М. А. Суслов, А. Н. Шелепин и П. Е. Шелест.

Т. е. расклад сил в Политбюро ЦК практически не изменился, поскольку брежневская команда пополнилась только за счёт нового председателя только что восстановленного в своих правах Комитета партийного контроля при ЦК КПСС Арвида Яновича Пельше. Для Л. И. Брежнева было немаловажно, что именно этот человек, бывший до этого назначения Первым секретарём ЦК Компартии Латвии, стал новым олицетворением «совести партии». Дело в том, что он так же, как его предшественник Николай Михайлович Шверник, имел дореволюционный партийный стаж и принимал самое активное участие в событиях 1917 года, являясь членом Петроградского совета и делегатом VI съезда РСДРП(б).

Кандидатами в члены Политбюро ЦК были избраны восемь человек: В. В. Гришин, П. Н. Демичев, Д. А. Кунаев, П. М. Машеров, В. П. Мжаванадзе, Ш. Р. Рашидов, Д. Ф. Устинов и В. В. Щербицкий. Большинство из них были в этом статусе ещё до проведения съезда, и только первые секретари ЦК Компартий Казахстана и Белоруссии стали новичками в высшем партийном органе.

Надо сказать, что ряд историков, в частности профессор Д. О. Чураков, говорят о том, что из 11 членов Политбюро ЦК «генсек мог рассчитывать на безусловную поддержку только троих: А. П. Кириленко, А. Я. Пельше и Д. С. Полянского», а в некоторых вопросах с генсеком «могли блокироваться М. А. Суслов, Ю. В. Андропов, а также потерявший прежнее влияние и поэтому нуждающийся в союзниках А. Н. Шелепин»¹⁰⁹. Однако данная оценка, на наш взгляд, совершенно ошибочна.

Что касается Секретариата, то здесь никаких изменений не произошло и в его состав опять вошли те же 11 человек, включая Л. И. Брежнева. Почти все они, т. е. Ю. В. Андропов, П. Н. Демичев, И. В. Капитонов, А. П. Кириленко, Ф. Д. Кулаков, Б. Н. Пономарёв, А. П. Рудаков, М. А. Суслов и Д. Ф. Устинов, были «людьми» генсека. И только А. Н. Шелепин оказался в роли «белой вороны», потеряв всякую надежду сесть в кресло генсека. Кроме того, важным было и то обстоятельство, что после ухода Н. В. Подгорного на пост главы советского государства де-факто вторым

секретарём ЦК вновь стал М. А. Суслов, который занимал эту должность в аппарате ЦК весь период брежневского правления, до самой своей смерти в конце января 1982 года.

Важным было и то, что в начале мая 1966 года решением Политбюро ЦК была ликвидирована Идеологическая комиссия ЦК, которая с начала 1965 года де-факто не работала. По крайней мере в РГАНИ, где хранится фонд этой комиссии, никаких протокольных документов о её работе за этот период не сохранилось¹¹⁰. Между тем было очевидно, что это решение стало явным «реверансом» в сторону М. А. Суслова. Хотя, вопреки расхожей точке зрения, он пока что не вернул себе полный контроль за этой важной сферой в аппарате ЦК, поскольку во главе Отдела пропаганды и агитации ЦК находились два «шелепинца» — В. И. Степаков и А. Н. Яковлев.

Таким образом, XXIII съезд серьёзно укрепил позиции Л. И. Брежнева и нанёс мощный удар по позициям Н. В. Подгорного и А. Н. Шелепина, которые возлагали большие надежды на него. Теперь о временном характере власти генсека уже никто не помышлял, поскольку он блестяще обыграл своих ближайших конкурентов в борьбе за власть. Кстати, это отчётливо видно из анализа рабочей записи заседания Политбюро, которое состоялось 16 мая 1966 года, где были чётко распределены обязанности между всеми секретарями ЦК¹¹¹. Согласно принятому решению, на самого Л. И. Брежнева возлагалось руководство работой Политбюро и «в целом» Секретариатом ЦК, на М. А. Суслова — внешнеполитические вопросы и работа с загранкадрами, на А. Н. Шелепина — вопросы плановых и финансовых органов, лёгкой и пищевой промышленности, торговли и бытового обслуживания, на А. П. Кириленко — вопросы машиностроения, капитального строительства, транспорта и связи, на Ф. Д. Кулакова — вопросы сельского хозяйства, на Д. Ф. Устинова — вопросы оборонной и химической промышленности, на А. П. Рудакова — вопросы тяжёлой промышленности, на И. В. Капитонова — вопросы организационно-партийной работы, на П. Н. Демичева — вопросы пропаганды, культуры, науки и учебных заведений, на Б. Н. Пономарёва — вопросы связей с компартиями буржуазных стран и на Ю. В. Андропова — вопросы связей с компартиями социалистических стран. Причём в дальнейшем отдельных решений о таком распределении обязанностей между секретарями ЦК приниматься больше не будет. Только в конце апреля 1976 года Л. И. Брежнев внесёт на Политбюро ЦК предложение о «некоторых организационных вопросах работы Политбюро и Секретариата ЦК», где были зафиксированы те «служебные обязанности», которые уже де-факто выполняли все секретари ЦК.

Ещё одной важной аппаратной победой новоиспечённого генсека стало воссоздание союзного Министерства охраны общественного порядка СССР, на которое были возложены функции бывшего МВД СССР, упразднённого ещё в мае 1960 года. Тогда по инициативе Н. С. Хрущёва все его функции, в том числе борьба с преступностью, были переданы всем республиканским министерствам, включая МВД РСФСР, главой которого был тогда назначен заместитель председателя КГБ СССР генерал В. С. Тикунов. Как уверяют ряд авторов (Л. М. Млечин¹¹²), он очень не хотел идти на работу в систему МВД, но на этом переходе жёстко настоял А. И. Шелепин, который опасался, что «главным милиционером» страны может стать его предшественник на посту председателя КГБ СССР генерал армии И. А. Серов, которого Н. С. Хрущёв помирует и вернёт из опалы.

Спустя шесть лет решение о ликвидации общесоюзного министерства было отменено и 26 июля 1966 года Н. В. Подгорный и М. П. Георгадзе подписали Указ Президиума Верховного Совета СССР «О создании союзно-республиканского Министерства охраны общественного порядка СССР». Главой возрождённого ведомства был вновь назначен В. С. Тикунов, однако через пару месяцев его задвинули на незначительный пост в аппарате ЦК и министром МООП СССР стал генерал-лейтенант Николай Анисимович Щёлоков, который в то время занимал пост второго секретаря ЦК Компартии Молдавии.

Кстати, судя по мемуарам В. Е. Семичастного¹¹³, он и А. Н. Шелепин активно выступили против этого назначения, и первоначально Л. И. Брежнев «дал задний ход». Однако затем при активной поддержке Н. В. Подгорного всё же продавил своего очередного земляка и давнего сослуживца на этот пост. С новым министром он подружился ещё в довоенный период, когда тот в 1938-1941 годах сначала возглавлял один из районов Днепропетровска, а затем и его горисполком. Позднее они не раз пересекались по службе и в Киеве, и в Кишинёве, где Н. А. Щёлоков работал в аппарате ЦК КП(б)У, а затем и в Совете Министров Молдавской ССР. И потому его перевод в Москву стал вполне закономерным шагом, предпринятым Л. И. Брежневым для укрепления своих позиций в высшем руководстве страны. Это прекрасно сознавали и все его «оппоненты», поэтому В. Е. Семичастный уже в начале 1967 года вторично попытался убедить генсека отменить данное решение. Однако Л. И. Брежнев, заручившись поддержкой большинства членов Политбюро, в том числе и Г. И. Воронова, который первоначально ратовал за кандидатуру В. С. Тикунова, был непреклонен, и в результате Н. А. Щёлоков проработает на посту главы МООП-МВД СССР¹¹⁴ до конца жизни своего «патрона» и будет снят со своей должности только в конце ноября 1982 года, когда к высшей власти прорвётся Ю. В. Андропов и Ко.

В. С. Тикунов же, которому Л. И. Брежнев клятвенно обещал пост первого заместителя министра, «остался с носом», ибо он никак не мог доверить такую важную должность откровенному «шелепинцу». В результате, отказавшись от поста заместителя председателя Комитета народного контроля СССР, предложенного ему бывшим сослуживцем по Отделу административных органов ЦК генералом Н. И. Савинкиным, он более полугода просидел без работы и только в марте 1967 года был назначен на смехотворный пост заместителя председателя Комиссии по выездам за границу при ЦК КПСС, а спустя два года и вовсе «задвинут» советником-посланником в Румынию.

Между тем ещё в начале июня 1966 года от острого сердечного приступа скончался секретарь ЦК по тяжёлой промышленности Александр Петрович Рудаков, который одновременно с лета 1954 года возглавлял Отдел тяжёлой промышленности ЦК. Эта потеря стала столь неожиданной для всех членов высшего руководства страны, что ему не сразу нашли замену. Только в ноябре 1966 года этот ключевой пост занял Михаил Сергеевич Соломенцев, который всего два года назад был избран на пост первого секретаря Ростовского обкома партии. Судя по воспоминаниям М. С. Соломенцева¹¹⁵, первый разговор о его переезде в Москву состоялся с Л. И. Брежневым ещё в конце сентября, когда генсек по дороге на отдых в Сочи заехал в Ростов и на перроне местного вокзала сообщил ему, что «на Политбюро рассматривается его кандидатура» на место А. П. Рудакова. М. С. Соломенцев с очень большой неохотой встретил эту новость и попросил не отзывать его на работу в

Москву, поскольку он втянулся в новую работу и уже «прикипел душой» к ростовской земле.

Напомню, что на работу в Ростов его перевели из Алма-Аты по просьбе Д. А. Кунаева ещё в конце ноября 1964 года, поскольку в тамошней партийной организации возник непримиримый конфликт между первыми секретарями городского и сельского обкомов Г. Д. Нероновым и В. В. Скрыбиным, который не смогли «потушить» даже П. Н. Демичев и М. А. Суслов. Теперь же, после воссоздания единого обкома, ситуация там поправилась, и Л. И. Брежнев решил перевести М. С. Соломенцева на работу в Москву. Они познакомились ещё в середине 1950-х годов, когда первый занял пост секретаря ЦК по оборонке, а второй возглавил Челябинский совнархоз, а затем Карагандинский обком, где как раз завершалось возведение одного из крупнейших гигантов советской индустрии — Карагандинского металлургического комбината. Именно этот опыт руководства двумя ключевыми промышленными регионами страны, возможно, и дал основание Л. И. Брежневу поставить вопрос о его переводе в Москву для работы в ЦК.

Сразу после ноябрьских праздников М. С. Соломенцев был вызван на Старую площадь, где генсек лично вручил решение Политбюро о назначении его заведующим Отделом тяжёлой промышленности ЦК. А буквально через месяц, в середине декабря 1966 года, на очередном Пленуме ЦК он уже был избран и секретарём ЦК по тяжёлой промышленности. Тогда же по его рекомендации первым секретарём Ростовского обкома партии был назначен председатель облисполкома Иван Афанасьевич Бондаренко, которому всего полгода назад стукнуло 40 лет.

Тогда же, в начале ноября 1966 года, состоялась поездка Л. И. Брежнева в Грузинскую ССР, в ходе которой он должен был произнести торжественную речь в связи с вручением республике ордена Ленина. Как уверяет академик Г. А. Арбатов¹¹⁶, именно вокруг этой речи и развернулась «одна из самых острых схваток», в которых ему лично довелось участвовать. По его словам, «первоначальный вариант этой речи» был подготовлен помощником генсека В. А. Голиковым, заведующим Отделом науки и учебных заведений С. П. Трапезниковым и их грузинскими друзьями. Он «представлял собой совершенно бессовестную попытку возвеличить Сталина и снова провозгласить его великим вождём». Получив этот текст, Л. И. Брежнев передал его «на экспертизу» другому своему помощнику — Г. Э. Цуканову, который, сразу оценив, какой якобы скандал может вызвать эта речь, лично попросил Г. А. Арбатова «дать развёрнутые замечания», что он и сделал вечером того же дня. А утром следующего дня его пригласили к Л. И. Брежневу, где он тут же нарисовал генсеку и «случайно» приглашённому в его кабинет Ю. В. Андропову самую безрадостную картину вселенского скандала, способного вызвать чуть ли не кризис во всём мировом коммунистическом движении. Он стал нажимать на то, что, дескать, в таком случае, во-первых, придётся менять лидеров ПОРП и ВСРП В. Гомулку и Я. Кадара, которые сами стали жертвами «сталинской тирании», во-вторых, объясняться с рядом европейских компартий, прежде всего французской и итальянской, давно вставшими на рельсы «еврокоммунизма», и, в-третьих, объяснять всей партии и обществу, почему всего несколько лет назад многие нынешние вожди, в том числе М. А. Суслов, Н. В. Подгорный, А. Н. Шелепин и В. П. Мжаванадзе, поносили И. В. Сталина «на чём свет стоит». В результате Л. И. Брежнев якобы испугался, дал задний ход и поручил Ю. В. Андропову, Г. Э. Цуканову и Г. А. Арбатову подготовить новый

вариант его речи, в котором имя И. В. Сталина было упомянуто всего один раз, и то в той только части, где говорилось об истории революционного движения в Закавказье.

Между тем в середине ноября 1966 года неожиданно скончался один из наиболее активных участников антихрущёвского «заговора» — председатель Президиума Верховного Совета РСФСР Николай Григорьевич Игнатов, очень рассчитывавший вернуться на вершины власти, откуда он был низвергнут Н. С. Хрущёвым ещё в 1961 году. Однако члены «коллективного руководства», прекрасно знавшие непомерные амбиции Н. Г. Игнатова и его крутой нрав, и не думали этого делать. Поэтому последние два года Николай Григорьевич очень сильно сдал и практически не работал. Тем не менее «товарищи по партии» приняли решение достойно проводить его в последний путь, и урна с его прахом была захоронена в Кремлёвской стене за Мавзолеем В. И. Ленина.

19 декабря 1966 года Л. И. Брежневу исполнилось 60 лет. Как утверждает П. Е. Шелест, накануне юбилея его коллеги по Политбюро и Секретариату ЦК скинулись на подарок «от товарищей по работе» и приняли решение наградить его второй Звездой Героя Социалистического труда, поскольку такое правило для кремлёвских юбиляров было установлено ещё Н. С. Хрущёвым в конце 1950-х годов. Однако Л. И. Брежнев подобная оценка его «скромного труда» явно не устроила, и он буквально «уломал» Н. В. Подгорного и других членов высшего руководства удостоить его Звезды Героя Советского Союза¹¹⁷, которая в брежневской наградной копилке станет первой. . .

Кстати, как свидетельствует тот же П. Е. Шелест, всего через неделю после брежневского юбилея в Киев на пару дней приехал Н. В. Подгорный, который, в одной из личных бесед высказав «возмущение по поводу поведения Брежнева», как-то «мимоходом сказал, что больше надо ориентироваться на А. Шелепина и Д. Полянского, возможно, и на А. Кириленко, но последний неустойчивый человек, очень мнительный, далеко не лишён подхалимства», но в целом «вести себя во всех отношениях надо очень осмотрительно и осторожно». Сам же Л. И. Брежнев довольно ревностно отнёсся к этому визиту «президента» страны и по несколько раз на дню названивал в Киев, детально расспрашивая все подробности его пребывания на Украине.

Между тем уже в начале следующего года начался очередной виток борьбы между «брежневцами» и «шелепинцами». Как свидетельствует тот же А. И. Микоян¹¹⁸, в начале 1967 года «совершенно неожиданно» для него «группировка Шелепина» обратилась с предложением «принять участие в их борьбе против группировки Брежнева». Эту весточку «старому лису», который сохранил своё членство в ЦК и в Президиуме Верховного Совета СССР, принёс его младший сын, кандидат исторических наук Серго Микоян, который тогда был научным сотрудником ИМЭМО, где новым директором уже стал Николай Николаевич Иноземцев¹¹⁹. Однако он отказался от этого предложения, сославшись на то, что «это вопрос политический», поэтому «шелепинская группа» должна поставить его на Пленуме ЦК, сформулировать свои «претензии» к генсеку и представить «свою программу действий».

Возможно, именно это предложение, о котором Л. И. Брежнев узнал по своим каналам (мы поговорим о них чуть позже), стало той самой «последней каплей», которая заставила его начать расправу с «комсомольцами». Первой жертвой этой расправы стал генеральный директор ТАСС Дмитрий Петрович Горюнов, который

очень крепко подружился с А. Н. Шелепиным ещё в свою бытность главным редактором «Комсомольской правды» в 1950-1957 годах. Однако поводом для его отставки стала всё-таки не эта дружба, а продолжение прежних контактов с опальным хрущёвским зятем Алексеем Ивановичем Аджубеем. В результате Д. П. Горюнов поехал советским послом в Кению, где её первый президент Джомо Кениата «прочно» встал на путь строительства «африканского социализма». А новым генеральным директором ТАСС был назначен бывший заместитель главы союзного МИДа, советский посол в Пекине Сергей Георгиевич Лапин, который уже давно числился в команде нового генсека.

Второй жертвой брежневской расправы стал председатель КГБ, который не первый год конфликтовал с самим генсеком. Как уверяют многие авторы, видимым предлогом для его отставки стало бегство за рубеж дочери усопшего вождя Светланы Аллилуевой, которая в конце декабря 1966 года, выехав в Индию на погребение праха своего гражданского супруга Баджеша Сингха, отказалась вернуться домой. В начале марта 1967 года, лично получив из рук советского посла И. А. Бенедиктова свой загранпаспорт, она сразу заявила в американское посольство в Дели и попросила у посла Ч. Боулса предоставить ей политическое убежище в США. Как уверяет В. Е. Семичастный¹²⁰, её отъезд в Индию с ним никогда не обсуждался, на эту тему с ней беседовал только А. Н. Косыгин, после чего он получил выписку из решения Политбюро ЦК от 4 ноября 1966 года, где было сказано: «Поручить тов. Семичастному выделить двух работников для поездки с ней (С. И. Аллилуевой — Е. С.) в Индию».

Однако непосредственным поводом для отставки В. Е. Семичастного стало не само бегство С. И. Аллилуевой за рубеж, а публикация её книги «Двадцать писем к другу» в США, которая в отредактированном варианте вышла в мае 1967 года. Как пишет В. Е. Семичастный, в недрах КГБ тогда был разработан контрплан публикации подлинной рукописи С. И. Аллилуевой, которая якобы хранилась в сейфе одного из швейцарских банков. Этот план он докладывал на заседании Политбюро ЦК 18 мая 1967 года. Однако это предложение вызвало резкое неудовольствие у целого ряда членов высшего руководства, особенно у Н. В. Подгорного. Когда этот вопрос был исчерпан и по нему приняли решение «изучить это дело дополнительно», Л. И. Брежнев совершенно неожиданно для В. Е. Семичастного попросил его задержаться и заявил, что он, Н. В. Подгорный, А. Н. Косыгин и М. А. Суслов вносят общее предложение «освободить товарища Семичастного от занимаемой должности председателя КГБ». Сказав о том, что руководство страны не имеет к нему никаких претензий, он тут же заявил о необходимости «приблизить Комитет госбезопасности к ЦК» и в связи с этим обстоятельством «рекомендовать на эту должность тов. Андропова». Этот брежневский пассаж буквально вызвал взрыв эмоций у В. Е. Семичастного, на который так же резко, а в ряде случаев даже грубо отреагировали П. Е. Шелест, П. М. Машеров, Н. В. Подгорный и В. П. Мжаванадзе. Столь неловкую ситуацию попытался как-то сгладить А. Н. Косыгин, который довольно правдиво изложил саму историю с бегством С. И. Аллилуевой за рубеж. Однако вопрос уже был предreshён, Л. И. Брежнев тут же свернул «дискуссию» и Политбюро ЦК приняло решение о назначении Ю. В. Андропова новым председателем КГБ СССР. Причём, что любопытно, через несколько дней Политбюро приняло специальное решение «сохранить за тов. Андроповым Ю. В. материально-бытовое обеспечение и медицинское обслуживание, которым он пользовался как секретарь ЦК КПСС»¹²¹.

Кстати, Л. И. Брежнев совершенно не случайно столь стремительно провёл это решение в жизнь. Дело в том, что после возвращения в Москву из рабочих поездок в Берлин, затем в Карловы Вары, где он провёл срочные консультации с В. Ульбрихтом и А. Новотным, А. Н. Шелепин, вошедший в состав брежневской делегации вместо М. А. Суслова, сразу слёг в больницу для операции острого аппендицита, а посему не смог присутствовать на этом заседании Политбюро и выступить в защиту близкого соратника и друга.

Вечером того же дня, не дожидаясь даже публикации Указа Президиума Верховного Совета СССР о новом главе КГБ, на Лубянку прибыла Комиссия Политбюро ЦК в составе А. П. Кириленко, А. Я. Пельше, К. Т. Мазурова и Ю. В. Андропова, которая в спешном порядке приняла дела у прежнего главы ведомства. Что касается В. Е. Семичастного, то его дальнейшая судьба была решена ещё до заседания Политбюро ЦК. По итогам частного разговора Л. И. Брежнева с П. Е. Шелестом под него специально учредили пост ещё одного, третьего, первого заместителя председателя Совета Министров Украинской ССР. Хотя первоначально сам П. Е. Шелест предлагал сделать его Первым секретарём Кировоградского обкома КПУ вместо Н. К. Кириченко, который ещё в апреле отбыл на аналогичный пост в Крымский обком. Однако Л. И. Брежнев крайне нервозно отклонил это предложение¹²².

Напомню, что Л. И. Брежнев давно подбирался к должности председателя КГБ. Первоначально он намеревался назначить главой этого ведомства своего земляка Николая Романовича Миронова, но его гибель в октябре 1964 года спутала ему все карты. Начался долгий поиск новой кандидатуры, и в конце концов он остановил свой выбор на фигуре Ю. В. Андропова. Почему именно на нём — не вполне ясно до сих пор, хотя можно предположить, что в течение многих лет именно он через генерала Е. П. Питовранова, который возглавлял 4-е (секретно-политическое) Управление, а затем и Высшую школу КГБ СССР, информировал Л. И. Брежнева о ситуации в своём ведомстве. Хотя совсем недавно известный историк Ф. И. Раззаков любезно предоставил автору этих строк рукопись своей новой книги «Глубинный КГБ: тайны развала СССР», где высказал предположение, что за назначением Ю. В. Андропова стояли так называемые «глубинники» из КГБ СССР, костяк которых тогда составляли кадровые чекисты, работавшие в этом ведомстве ещё с довоенных, военных и послевоенных времён. Речь, в частности, идёт о самом Е. П. Питовранове, о начальнике ПГУ КГБ генерал-лейтенанте А. М. Сахаровском, его заместителе генерал-майоре Б. С. Иванове, главе Отдела заграничных кадров ЦК генерал-майоре А. С. Панюшкине, полковниках В. Р. Ситникове и В. А. Дождальёве и ряде других влиятельных сотрудников ПГУ. Существует также версия, давно высказанная Р. А. Медведевым, что инициатива с назначением Ю. В. Андропова на этот пост принадлежала М. А. Суслову, который именно таким образом хотел убрать из Секретариата ЦК наиболее сильную фигуру, которая со временем якобы могла составить ему реальную конкуренцию в центральном партийном аппарате¹²³. Косвенно эту точку зрения отчасти поддержал и другой известный историк — профессор Д. О. Чураков¹²⁴, — обративший внимание на то, что в тот период из-под пера Ю. В. Андропова вышло несколько документов и публикаций, в том числе редакционная статья в газете «Правда» от 6 декабря 1964 года, которые уже здорово пахивали надоевшим реформаторством и воспринимались значительной частью руководства страны, прежде всего М. А. Сусловым, «исключительно в качестве ереси

и крамолы». И действительно, целый ряд андроповских идей, в том числе о необходимости смелее внедрять современные методы руководства экономикой, поощрения идей самоуправления общественных организаций, ограничения властных полномочий партийных комитетов, которые должны заниматься общим политическим руководством, а не вмешиваться в принятие текущих управленческих решений, и прекращения крайне обременительной для советской экономики гонки вооружений, вынудили его «конкурентов» убрать Ю. В. Андропова из Секретариата ЦК.

Что касается реальных причин отставки В. Е. Семичастного, то, помимо его известных конфликтов с генсеком, в том числе относительно поведения его дочери Галины Леонидовны Брежневой, о чём он писал в своих мемуарах, была ещё одна чрезвычайная причина, на которую особо обратили внимание тот же Д. О. Чураков, оценивший её как «важнейшее политическое событие, переполошившее "днепропетровцев", особенно самого Л. И. Брежнева»¹²⁵. Дело в том, что ещё в середине сентября 1965 года чекисты арестовали двух ранее никому не известных заурядных «бумагомарак» — А. Д. Синявского и Ю. М. Даниэля, которые, будучи перепуганными насмерть, проснувшись утром в своей камере, вряд ли ещё понимали, что стали мировыми знаменитостями. По нынешним временам предъявленные им обвинения были смехотворны. Но тогда они такими не казались не только им самим, но и Л. И. Брежневу. По сути, арест А. Д. Синявского и Ю. М. Даниэля стал беспрецедентным во всей советской истории, поскольку он не был согласован с высшим партийным руководством и генсек был поставлен перед свершившемся фактом. Однако существовавшая со времён В. И. Ленина и И. В. Сталина практика подобных арестов предусматривала обязательную санкцию высших партийных органов, хотя бы даже формальную. Поэтому такой «подарок» накануне XXIII съезда, на котором Л. И. Брежнев планировал ощутимо укрепить свою власть, явно не вписывался в сценарий предстоящего брежневского бенефиса. Генсек сразу уразумел, что сталинцы создали крайне опасный прецедент, и теперь у любого мог возникнуть соблазн действовать в обход первого лица в партии. Поэтому, воспользовавшись первым же удобным случаем, Л. И. Брежнев и убрал крайне опасного шефа КГБ, поставив на этот пост предсказуемого и подконтрольного Ю. В. Андропова.

Между тем, как пишет В. М. Легостаев, работавший 7 лет помощником секретаря ЦК, а затем и члена Политбюро Е. К. Лигачёва¹²⁶, решение о выдвижении Ю. В. Андропова на работу в КГБ «было изначально политически порочным, поскольку не было продиктовано реальными нуждами обеспечения государственной безопасности», а «явилось результатом политического торга участников триумвирата друг с другом». По его мнению, вероятные причины этого назначения состояли в том, что:

— во-первых, у Ю. В. Андропова сразу не сложились отношения с А. Н. Косыгиным, который относился к нему с «явным предубеждением», о чём открыто писал и один из ближайших андроповских соратников — генерал армии В. А. Крючков, особо подчеркнувший в своих мемуарах, что «не следует думать, что в основе их конфликта лежали лишь политические разногласия», поскольку, «по наблюдениям многих товарищей, для их отношений была характерна и какая-то личная несовместимость»¹²⁷. Подобным же образом складывались отношения Ю. В. Андропова с «нахрапистым» Н. В. Подгорным, которому явно претила показная «интеллигентность» нового главы КГБ. Кроме того, с явным подозрением к Ю. В.

Андропову относились и другие члены Политбюро ЦК, в частности М. А. Суслов и А. П. Кириленко;

— во-вторых, ещё в конце 1966 года Ю. В. Андропов, давно страдавший почечной недостаточностью, тяжело заболел, и состояние его здоровья стало таковым, что ряд кремлёвских эскулапов поставили вопрос о его досрочном уходе на пенсию по инвалидности. Однако академик Е. М. Тареев и профессор Е. И. Чазов убедили руководство страны, что эта мера будет преждевременной и Ю. В. Андропов в состоянии полноценно работать, невзирая на свою тяжёлую болезнь почек. Это заключение врачей было крайне важно для Л. И. Брежнева, который, с одной стороны, подсадил своего выдвиженца на крючок угрозы «инвалидной пенсии», а с другой стороны, решил ещё один крайне важный кадровый вопрос. В январе 1967 года он настоял¹²⁸ на том, чтобы во главе всей кремлёвской медицины, т. е. IV Главного Управления при Минздраве СССР, встал не близкий к А. Н. Шелепину профессор Ю. Г. Антонов, а молодой директор Института клинической кардиологии профессор Е. И. Чазов, ставший вскоре доверенным агентом шефа КГБ, который был в курсе многих самых сокровенных тайн всех членов высшего руководства страны и их ближайшего семейного круга, что в умелых руках могло стать «смертельным оружием» в борьбе за власть;

— в-третьих, определённые пропагандистские выгоды сулило и «еврейство» Ю. В. Андропова, что «страховало» шефа КГБ от слишком лютых нападков со стороны западных СМИ, поскольку, как справедливо подметил в своих мемуарах М. С. Горбачёв, «они своих в обиду не дают».

При этом следует отметить и тот хорошо известный факт, что, памятуя о роли, которую сыграл КГБ в свержении Н. С. Хрущёва, Л. И. Брежнев окружил Ю. В. Андропова «верными друзьями». Практически все авторы (Р. Г. Пихоя, Р. А. Медведев, Б. В. Соколов, С. Н. Семанов, М. С. Восленский¹²⁹) называют двух персонажей из знаменитого «молдавско-днепропетровского клана» — Семёна Кузьмича Цвигуна и Георгия Карповича Цинёва. Первый был знаком с Л. И. Брежневым ещё со времён его работы в Кишинёве, где в бытность того Первым секретарём ЦК КП(б) Молдавии он был начальником 2-го отдела, а чуть позже и заместителем председателя республиканского МГБ. А второй познакомился и подружился с Л. И. Брежневым и того раньше — ещё в довоенные годы, когда он в 1939-1941 годах работал заведующим отделом Днепропетровского обкома, а затем и вторым секретарём Днепропетровского горкома партии. При этом заметим, что вопреки ходячей байке, запущенной фантазёром Р. А. Медведевым¹³⁰, генерал армии С. К. Цвигун не был свояком генсека, так как супругу Леонида Ильича звали Виктория Петровна Брежнева (в девичестве Денисова), а супругу Семёна Кузьмича — Роза Михайловна Цвигун (в девичестве Ермольева). Хотя, по свидетельству дочери одного из брежневских помощников, а затем и секретаря ЦК К. В. Русакова¹³¹, которая поделилась данной информацией с автором этой книги, жёны С. К. Цвигуна и Г. К. Цинёва были ближайшими подругами супруги Генерального секретаря. При этом академик Е. И. Чазов писал о том, что сами генералы не очень ладили между собой, а «Андропов, понимая всю ситуацию, уважал и ценил Цинёва» и был «весьма равнодушным и снисходительным к Цвигуну»¹³².

Уже 23 мая 1967 года генерал-майор С. К. Цвигун, занимавший тогда пост председателя КГБ Азербайджанской ССР, был переведён в Москву и назначен заместителем главы общесоюзного КГБ. А месяцем позже, 24 июня, генерал-

лейтенант Г. К. Цинёв пересел из кресла начальника 3-го Управления (военная контрразведка) в кресло главы более престижного 2-го Главного управления (контрразведка) КГБ СССР. Причём должность начальника 3-го Управления сразу занял цинёвский выдвиженец (или «погон») ¹³³ генерал-майор Виталий Васильевич Федорчук, который стал третьим брежневским соглядатаем в окружении нового главы КГБ СССР. Наконец, как считает тот же Л. М. Млечин, четвёртым человеком генсека в окружении Ю. В. Андропова стал начальник 7-го Управления (наружное наблюдение) генерал-майор Виктор Иванович Алидин, который познакомился с будущим генсеком ещё в 1947 году, когда работал в Киеве инспектором ЦК КП(б)У.

Можно также предположить, что ещё одной креатурой Л. И. Брежнева должен был стать Виктор Михайлович Чебриков, который в конце июля 1967 года с должности второго секретаря Днепропетровского обкома партии был переведён в Москву и назначен на должность начальника Управления кадров КГБ СССР. Однако в реальности этого не случилось, поскольку он, формально будучи членом «днепропетровского клана», довольно быстро стал доверенным лицом Ю. В. Андропова и в 1968 году был назначен заместителем главы КГБ СССР. При этом надо подчеркнуть, что все пятеро назначенцев практически сразу вошли в состав Коллегии КГБ, а в конце ноября 1967 года С. К. Цвигун, повышенный в звании до генерал-лейтенанта, стал уже первым председателем КГБ СССР.

Как ни странно, но из аппарата ЦК на работу в КГБ Ю. В. Андропов пригласил всего лишь двух человек: своего многолетнего помощника Владимира Александровича Крючкова, который в июле 1967 года возглавил Секретариат главы КГБ и вскоре получил генеральские погоны, а также Георгия Хосроевича Шахназарова, который, напротив, наотрез отказался от генеральских погон и остался работать в ЦК, где со временем стал рядовым, а затем и первым заместителем заведующего тем же «андроповским» Отделом ЦК, проработав там уже под руководством К. В. Русакова, К. Ф. Катушева и В. А. Медведева более 20 лет, вплоть до конца февраля 1988 года, когда он перешёл на пост помощника Генерального секретаря, т. е. М. С. Горбачёва. При этом, как уверяет Ф. И. Раззаков, по подсказке «глубинников» новый шеф КГБ сразу создал при себе Группу консультантов в составе 10 человек, куда вошли такие «питоврановские птенцы», как В. Р. Ситников, А. М. Горбатенко, И. С. Розанов, И. П. Дедюля и другие. Позднее, уже в 1970-х годах, состав этой Группы пополнится новыми «глубинниками» — генералами А. М. Сахаровским, Ф. К. Мортиным, Б. С. Ивановым, С. А. Кондрашёвым и другими, работавшими в ПГУ КГБ СССР.

Что касается самого этого Отдела, то новым его главой по рекомендации самого Ю. В. Андропова стал его первый заместитель Константин Викторович Русаков, которого ещё в конце 1963 года он «вытащил» с посольской работы в Улан-Баторе и назначил своим заместителем. Правда, до марта 1968 года он числился только в статусе врио, поскольку Л. И. Брежнев предполагал сделать К. В. Русакова своим помощником. Однако уже в марте 1968 года генсек всё же решил утвердить его полноправным заведующим этим Отделом, поскольку К. В. Русаков свободно владел польским и немецким языками.

Здесь не лишним будет заметить, что месяцем раньше аналогичная смена власти произошла и в Министерстве обороны СССР. Дело в том, что в самом конце марта 1967 года от рака поджелудочной железы скончался один из самых выдающихся советских полководцев маршал Советского Союза Родион Яковлевич Малиновский,

который с октября 1957 года занимал пост министра обороны СССР. Как уверяет Р. А. Медведев, Л. И. Брежнев, который в ноябре 1964 года возглавил Совет обороны СССР, желал посадить в кресло министра обороны своего давнего соратника Дмитрия Фёдоровича Устинова, носившего погоны генерал-полковника ещё с ноября 1944 года. Однако ряд членов Политбюро ЦК и особенно военная верхушка воспротивились этому желанию генсека¹³⁴. В результате новым главой военного ведомства страны был назначен ещё один выдающийся полководец маршал Советского Союза Андрей Антонович Гречко, который с июля 1960 года занимал пост первого заместителя министра обороны и Главкома ОВС стран ОВД. Ряд современных авторов (В. М. Легостаев¹³⁵) связали данное назначение, как и назначение Ю. В. Андропова, с неким «усилением восточноевропейского направления советской внешней политики». Однако думается, что этот вывод во многом притянут за уши. Назначение А. А. Гречко состоялось прежде всего потому, что он в прямом смысле бок о бок с Л. И. Брежневым прошёл почти всю войну, от тяжелейших оборонительных сражений и боёв на Украине и Кавказе до освобождения Чехословакии, и они хорошо знали друг друга целую четверть века.

Понятно, что назначение нового министра обороны неизбежно повлекло ряд крупных перестановок в самом военном ведомстве. В том же апреле 1967 года первыми заместителями министра были назначены командующий войсками Киевского военного округа маршал Советского Союза Иван Игнатьевич Якубовский, который в начале июля возглавил и Главкомат ОВС ОВД, и генерал армии Сергей Леонидович Соколов, который пересел в новое кресло с должности командующего войсками Ленинградского военного округа. Тогда же «простым» заместителем министра был назначен ещё один командующий округом, на сей раз Дальневосточным, генерал армии Иван Григорьевич Павловский, который уже в начале ноября 1967 года возглавил и воссозданный Главкомат Сухопутных войск, по глупости ликвидированный Н. С. Хрущёвым во время проведения очередной армейской «реформы» в июле 1964 года. Кстати, генерал И. Г. Павловский, как и маршал А. А. Гречко, был знаком с Л. И. Брежневым ещё с военной поры, когда он, будучи командиром 328-й стрелковой дивизии, вместе с ним принимал участие в Новороссийско-Таманской и Житомирско-Бердичевской наступательных операциях.

Между тем уже в конце июня 1967 года на очередном Пленуме ЦК Ю. В. Андропов был избран кандидатом в члены Политбюро. Данное решение серьёзно повысило статус нового главы КГБ, поскольку впервые со времён Л. П. Берии он вновь стал политической фигурой. Все его предшественники на этом посту — генерал армии И. А. Серов, А. Н. Шелепин и генерал-полковник В. С. Семичастный — при всей их «близости» к Н. С. Хрущёву не удостоивались такой чести, поскольку Первый секретарь ЦК панически боялся превращения хозяина Лубянки в значимую политическую фигуру. Однако Л. И. Брежнев по каким-то сугубо личным соображениям пресёк эту хрущёвскую традицию, вероятно надеясь на то, что Ю. В. Андропов правильно оценит данное решение и будет с ещё большим рвением «верой и правдой» служить лично ему. Вполне возможно, как предположил В. М. Легостаев, это было связано и с тем, чтобы вывести Ю. В. Андропова из прямого подчинения А. Н. Косыгина, который в то время набрал значительный политический вес и мог реально контролировать главу КГБ, поскольку вплоть до июля 1978 года этот властный орган имел приставку «при Совете Министров СССР». Хотя Ф. И. Раззаков

связывал этот шаг с интригами «глубинников», уже тогда начавших «спецоперацию» по приведению Ю. В. Андропова на пост генсека.

При этом маршал А. А. Гречко в состав Политбюро ЦК так и не вошёл. Почему Л. И. Брежнев не рискнул ввести главу военного ведомства в состав высшего партийного ареопага — не вполне ясно до сих пор. Например, тот же В. М. Легостаев высказал предположение, что таким своеобразным шагом он хотел «унизить» военных и сделать опорой своей власти тайную полицию, а не военное ведомство. Однако, на наш взгляд, всё обстояло куда как проще. Во-первых, памятуя печальный опыт с Г. К. Жуковым, он не хотел наступать на одни и те же грабли. А, во-вторых, конечно, маршал А. А. Гречко, в отличие от того же Ю. В. Андропова, не обладал даже малейшим опытом партийно-политической работы, а посему его присутствие в Политбюро ЦК в то время представлялось многим его членам, в том числе и Л. И. Брежневу, излишним.

Кстати, на том же Пленуме закатилась блестящая политическая карьера ещё одного видного члена «шелепинской группы» — Первого секретаря МГК КПСС Николая Григорьевича Егорычева. Обстоятельства его неожиданной отставки, которые выглядят как настоящий детектив, в постперестроечное время стали достоянием широкой общественности, в том числе благодаря его мемуарам¹³⁶.

Кстати, как уверяет сам Н. Г. Егорычев, первая попытка сместить его с поста Первого секретаря МГК КПСС была предпринята Л. И. Брежневым вскоре после окончания XXIII съезда, когда он предложил ему перейти на работу в МИД СССР — на должность первого заместителя министра. Однако он отказался от этого довольно странного предложения, а Л. И. Брежнев не стал настаивать на своём предложении. Но уже в следующем году ситуация резко изменилась. Предыстория его падения с политического Олимпа была такова. В начале апреля 1967 года секретарь ЦК и заведующий Международным отделом Борис Николаевич Пономарёв неожиданно вызвал к себе на Старую площадь Н. Г. Егорычева и предложил ему возглавить партийную делегацию в Египет. Состоявшийся визит оставил тревожное впечатление у Н. Г. Егорычева, и не только потому что из-за болезни президента Г. А. Насера запланированные переговоры пришлось вести с вице-президентом Али Сабри. Главная тревога состояла в том, что, во-первых, по его мнению, там до сих не был решён вопрос «кто — кого», а во-вторых, явно присутствовал скрытый конфликт между элитным офицерским корпусом, костяк которого составляла «феодалная верхушка», и основной армейской массой, плохо обученной и довольно озлобленной по отношению к своим командирам. Вернувшись в Москву, Н. Г. Егорычев сразу отправил в ЦК обстоятельную «Записку» и просился на приём к Л. И. Брежневу. Однако ни сам генсек, ни другие члены Политбюро и Секретариата ЦК не пожелали его выслушать.

Между тем буквально через месяц на Ближнем Востоке вспыхнула так называемая «Шестидневная война» между Израилем и коалицией арабских государств, где первую скрипку играли Египет, Сирия и Иордания, которая продолжалась с 5 по 10 июня 1967 года. Во время этой скоротечной войны израильская армия нанесла сокрушительный удар по противной стороне и оккупировала Синайский полуостров и сектор Газа, принадлежавшие Египту, Голанские высоты, которые принадлежали Сирии, и Западный берег реки Иордан, входивший в состав Королевства Иордания. Кроме того, в руки израильской стороны

попало немало трофейной военной техники советского производства, которую Москва активно поставляла Каиру, Дамаску и Амману.

В этой ситуации Москва, де-факто отвечавшая за обороноспособность своих арабских союзников, сразу разорвала дипотношения с Израилем, а Политбюро ЦК впервые вынесло на Пленум ЦК обсуждение международной обстановки. Этот Пленум состоялся 20-21 июня 1967 года и в его повестке дня значились два вопроса, в том числе «О политике Советского Союза в связи с агрессией Израиля на Ближнем Востоке»¹³⁷. Как уверяет Н. Г. Егорычев, ему никто не предлагал выступать на этом Пленуме, но, учитывая сложившуюся обстановку, он решил подготовиться и сам попросить слова. Текст своего выступления он показал очень ограниченному кругу лиц, в том числе своей супруге Софии Ефимовне Егорычевой, которая активно отговаривала мужа от этого выступления, но он её не послушал.

Как и предполагалось, работа Пленума началась с доклада Л. И. Брежнева «О политике Советского Союза в связи с агрессией Израиля на Ближнем Востоке». Прения по докладу открыл Первый секретарь ЦК КПУ П. Е. Шелест, вслед за которым выступили Первый секретарь ЦК КПКаз Д. А. Кунаев и глава ВЦСПС В. В. Гришин, которые, как и генсек, одобрили действия высшего руководства страны по обузданию израильской агрессии, затронули вопросы всплеска сионизма среди отдельных советских граждан, необходимость «ещё большего повышения бдительности, обороноспособности и боеготовности советских Вооружённых сил» и т. д. В этом же русле собирался выступить и Н. Г. Егорычев. Однако в своём выступлении, помимо аналогичных дежурных фраз и положений, он неожиданно для всех заявил о том, что его как члена Военного совета Московского округа ПВО весьма беспокоит «недостаточная надёжность противовоздушной обороны столицы», «её моральное старение» и «затягивание с созданием новой системы ПВО Москвы». Кроме того, он прямо заявил о том, что «волевые решения, принимавшиеся в области обороны до октябрьского Пленума ЦК, нанесли известный урон Вооружённым силам СССР, особенно авиации, флоту и в какой-то мере мотомеханизированным частям». Как утверждает сам Н. Г. Егорычев, при подготовке выступления он включил в свой текст имена руководителей ВПК, генеральных конструкторов и высокопоставленных военных, ответственных за такое положение вещей. Но накануне выступления он вычеркнул все эти фамилии, включая Л. И. Брежнева и Д. Ф. Устинова. Однако все сразу поняли, о ком идёт речь, поскольку первый долгие годы возглавлял Военную комиссию ЦК, а второй курировал весь оборонный комплекс в Совете Министров СССР.

Первоначально никто из членов ЦК так и не понял, выступал ли глава московских коммунистов по собственной инициативе, или же его речь была согласована с самим генсеком. Поэтому многие участники Пленума, в том числе московские «цекисты» В. Я. Павлов, В. Ф. Промыслов, П. А. Воронина и Р. Ф. Дементьева, а также «хитрейшая лиса» А. И. Микоян с восторгом говорили о его замечательном, «по-настоящему ленинском» выступлении. Однако уже на следующий день, когда Н. Г. Егорычев пришёл на третье утреннее заседание Пленума, он «почувствовал, что отношение ко мне со стороны вчерашних слушателей переменялось». Их обрабатывали всю ночь, в том числе секретарь ЦК по оборонке генерал-полковник Д. Ф. Устинов, принявший упоминание о «не в меру ретивых исполнителях хрущёвской воли» на свой счёт.

Сначала с критикой в адрес Н. Г. Егорычева выступил Первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана Ш. Р. Рашидов, за которым «гурьбой пошли» все остальные первые секретари, в том числе ЦК КП Азербайджана В. Ю. Ахундов, ЦК КП Грузии В. П. Мжаванадзе, ЦК КП Латвии А. Э. Восс, Краснодарского крайкома Г. С. Золотухин, Горьковского обкома К. Ф. Катушев и другие. А довершил эту экзекуцию сам Л. И. Брежнев, который обвинил главу столичных коммунистов в некомпетентности и в отсутствии самокритики.

Как позднее признавался А. Н. Яковлев¹³⁸, который занимал тогда пост первого заместителя главы Отдела пропаганды и агитации ЦК, «он сидел и переживал за Егорычева и ждал речей в его поддержку, но их не последовало», поскольку «его предали». Правда, этот упрёк г-н А. Н. Яковлев должен был адресовать прежде всего «себе любимому», поскольку он сам же признался в том, что «в кулуарах, ещё до начала Пленума», к нему подошёл Н. Г. Егорычев и сказал: «Сегодня буду резко говорить о военных, которых опекает Брежнев». Однако А. Н. Яковлев «не советовал выступать на эту тему, сказав ему, что аудитория ещё не готова к такому повороту событий»... Что же касается имён других «предателей», о которых пишет автор очередных «неполживых» мемуаров, то их таинственные имяреки по сию пору остались тайной за семью печатями. Хотя ещё один современник тех давних событий, историк С. Н. Семанов, в своей книге «Брежнев. Правитель "золотого века"», ссылаясь на «отдалённых свидетелей», утверждает, что за выступлением Н. Г. Егорычева стояли именно «шелепинцы», которые, задумав нанести «удар по Брежневу», обещали его поддержать, но «струсили или не сумели»¹³⁹.

Сразу после окончания Пленума у Н. Г. Егорычева состоялся неприятный разговор с Л. И. Брежневым, по итогам которого он написал ему следующее заявление: «Генеральному секретарю ЦК КПСС тов. Брежневу Л. И. В связи с тем, что на июньском Пленуме Центрального Комитета партии моя позиция получила осуждение двух членов Политбюро и двух кандидатов в члены Политбюро, я не считаю себя вправе оставаться в должности Первого секретаря Московского городского комитета партии. Согласен на любую работу». Л. И. Брежнев был готов к подобному развитию событий, о чём предельно ясно свидетельствуют как дневниковые записки П. Е. Шелеста¹⁴⁰, с которым он обсуждал эту отставку, так и брежневская реплика в разговоре с самим Н. Г. Егорычевым, когда он заявил ему, что «Капитонов уже занимается поиском подходящей работы для него»¹⁴¹.

Утром 27 июня 1967 года состоялось закрытое заседание Бюро МГК КПСС, на котором все выступавшие, в том числе второй секретарь МГК В. Я. Павлов, секретарь МГК Р. Ф. Дементьева, первый секретарь Бауманского райкома П. А. Воронина и председатель Московского совета профсоюзов В. И. Крестьянинов, раскритиковали своего уже бывшего начальника, обвинив его в «самоуправстве» и «политической незрелости». А днём того же дня состоялся организационный Пленум МГК КПСС, на котором присутствовали М. А. Сулов, И. В. Капитонов и В. В. Гришин. Именно они проинформировали собравшихся о добровольной отставке Н. Г. Егорычева и о том, что ЦК КПСС «рекомендует» избрать Первым секретарём Московской парторганизации Виктора Васильевича Гришина. Никаких прений по данному вопросу уже не проводили, хотя у Н. Г. Егорычева была заготовлена речь, в которой он хотел поведать о том, «почему в сложившихся условиях он не может оставаться Первым секретарём МГК».

Как вспоминал сам В. В. Гришин, предложение перейти из ВЦСПС, которым он руководил 11 лет, на работу в МГК сделал ему сам Л. И. Брежнев в своём рабочем кабинете на Старой площади. В ходе состоявшегося разговора В. В. Гришин не стал, как это было принято, «просить оставить» его на прежней работе и тут же «дал своё согласие на переход в МГК КПСС»¹⁴², где он проработает более 18 лет, вплоть до конца 1985 года. Почему Л. И. Брежнев остановил свой выбор на В. В. Гришине — не вполне ясно. Но, вероятно, это было связано с целым рядом обстоятельств. Во-первых, он немало лет проработал в Московском регионе на партийном поприще, в том числе четыре года в качестве второго секретаря Московского обкома партии. Во-вторых, более шести лет он являлся кандидатом в члены Президиума-Политбюро ЦК, что де-факто превращало лидера московских коммунистов в значимую политическую фигуру. В-третьих, при всей своей жёсткости к подчинённым он был всегда предельно лоялен к своему начальству и вежлив в отношениях со всеми своими коллегами по высшим коридорам власти. В-четвёртых, среди секретарского корпуса МГК не нашлось подходящей кандидатуры, тем более что второй секретарь Московского горкома Василий Яковлевич Павлов, легко предавший своего патрона, начинал свою карьеру под началом А. Н. Шелепина как секретарь, а затем и второй секретарь МГК ВЛКСМ в 1952-1956 годах. Наконец, в-пятых, Л. И. Брежневу надо было освободить пост председателя ВЦСПС с тем, чтобы переместить на эту должность самого А. Н. Шелепина и при любом удобном случае убрать его из аппарата ЦК. Дело в том, что именно тогда их отношения резко обострились, особенно когда на одном из заседаний Политбюро А. Н. Шелепин резко раскритиковал работу министра сельского хозяйства СССР В. В. Мацкевича и потребовал снять его с этой должности. Л. И. Брежнев, который лично курировал «борьбу за хлеб», воспринял это крайне болезненно и прямо заявил «Железному Шурику», что расценил его предложение как «личный выпад» против него¹⁴³.

Что касается Н. Г. Егорычева, то сразу после своей отставки он был назначен заместителем Ивана Флегонтовича Сеницына, бывшего главой Министерства тракторного и сельскохозяйственного машиностроения СССР. На этом посту он проработает до начала апреля 1970 года, а затем перейдёт на дипломатическую работу и на долгие 14 лет уедет советским послом в Данию.

Тем временем в начале июля 1967 года, когда А. Н. Шелепин приехал на очередное заседание Политбюро, помощник генсека неожиданно попросил его зайти в рабочий кабинет своего шефа, где, помимо самого Л. И. Брежнева, находился М. А. Суслов. В самом начале беседы генсек заявил, что существует острая потребность «укрепить профсоюзы» и в связи с этим обстоятельством «есть предложение освободить» А. Н. Шелепина от обязанностей секретаря ЦК и «направить на работу в ВЦСПС»¹⁴⁴. Он не стал вступать в полемику и выяснять причину такого решения, ответив на это предложение, что «никогда себе работы не выбирал», но и «ни от какой работы не отказывался», чем, по сути, подписал себе приговор. После окончания беседы Л. И. Брежнев и М. А. Суслов, который за всю беседу ни проронил ни слова, поднялись и вместе с А. Н. Шелепиным перешли в соседнюю комнату, где уже собрались все остальные члены Политбюро и Секретариата ЦК. Не откладывая «дело в долгий ящик», генсек тут же сообщил собравшимся, что они с М. А. Сусловым вносят предложение рекомендовать А. Н. Шелепина на пост председателя ВЦСПС, а вопрос о его членстве в Секретариате ЦК отложить до ближайшего Пленума ЦК. Понятно, что данное предложение было принято единогласно, и уже 11 июля 1967

года состоялся XIII Пленум Всесоюзного Центрального Совета профессиональных союзов, на котором по предложению М. А. Суслова А. Н. Шелепин единогласно был избран новым председателем ВЦСПС.

Надо сказать, что ряд осведомлённых мемуаристов (Н. Н. Месяцев¹⁴⁵) не без резона полагают, что М. А. Суслов вовсе не случайно принимал активное участие во всех этих «кадровых» событиях. Именно он, а также «будь здоров какой костолом» А. П. Кириленко по поручению Л. И. Брежнева «постепенно и вытащили из-под Шелепина все властные структуры».

Очередной, на сей раз самый ощутимый и болезненный «удар колокола» по всей «комсомольской группировке» прозвучал 26 сентября 1967 года, когда на очередном Пленуме ЦК, где обсуждались три доклада — Л. И. Брежнева, главы Госплана Н. К. Байбакова и министра финансов В. Ф. Гарбузова («О мерах по дальнейшему повышению благосостояния советского народа», «О проектах Государственного плана развития народного хозяйства СССР на 1968 г. и планов развития народного хозяйства СССР на 1969-1970 гг.» и «О проекте Государственного бюджета СССР на 1968 год»), — А. Н. Шелепин был тихо выведен из состава Секретариата ЦК¹⁴⁶. Между тем, как свидетельствует П. Е. Шелест¹⁴⁷, даже после этого Л. И. Брежнев продолжал с очень большим опасением относиться к А. Н. Шелепину и ко всем его контактам, особенно с В. Е. Семичастным, у которого при упоминании имени генсека «по всему его телу проходил ток высокого напряжения». Гораздо позднее о том же говорил и Л. М. Замятин, который вспоминал, что вскоре после своего назначения Гендиректором ТАСС у него состоялся приватный разговор с Л. И. Брежневым, в ходе которого тот «объяснил ему», что «всех идеологов, которые окружали Шелепина, мы отослали за рубеж или в другие места, но сейчас он ищет новых людей на идеологическом фронте, формирует новую команду. Он не бросил своих идей, мне это не нравится, и мы с этим покончим»¹⁴⁸.

Кстати, по иронии судьбы буквально за два дня до самого Пленума ЦК, решившего судьбу «сталиниста» А. Н. Шелепина, в интеллигентской тусовке получил довольно широкое хождение очередной антисталинский фолиант «От оставшихся в живых детей коммунистов, необоснованно репрессированных Сталиным», под которым стояли подписи 40 чад «жертв политических репрессий», в том числе П. И. Якира, А. В. Антонова-Овсеенко, Ю. Н. Ларина-Бухарина, З. Л. Серебряковой, А. Г. Бокия и С. К. Радека. Помимо традиционной псевдоисторической лабуды, в сём послании абсолютно лживо утверждалось, что якобы «в настоящее время с трибун, в печати, по радио и телевидению всячески пропагандируются "заслуги" И. В. Сталина», что де-факто «является политическим пересмотром решений XX и XXII съездов КПСС», и именно это обстоятельство «мешает нашему движению вперёд, ослабляет наши ряды, подрывает наши силы, делает невозможным достижение коммунизма»¹⁴⁹. Но, как верно подметил профессор Д. О. Чураков¹⁵⁰, то, насколько эти чада бывших большевистских вождей были реально озабочены «нашим движением вперёд», более чем наглядно показали годы горбачёвской перестройки, где эти персонажи в качестве яковлевских церберов на все лады поливали и саму советскую историю, и всё наследие классиков марксизма-ленинизма.

Конечно, решение сентябрьского Пленума ЦК по факту знаменовало собой окончательное поражение А. Н. Шелепина и его «птенцов», или, по образному выражению С. Н. Семанова, «комсомольских младотурок», в борьбе за власть, что до сей поры крайне неоднозначно трактуется в исторической и мемуарной литературе, а

также в публицистике. Известные представители либерального лагеря (Г. А. Арбатов, Р. А. Медведев, Ф. М. Бурлацкий, Р. Г. Пихоя, А. Н. Яковлев, А. С. Черняев¹⁵¹) традиционно твердят о том, что поражение «комсомольцев» в борьбе за власть стало настоящим благом для страны, поскольку они были откровенными сталинистами, приверженцами ещё более консервативного и контрреформаторского курса, чем брежневская команда, и что в случае их прихода к власти страну неизбежно ждали новые репрессии и такой же ужас сталинских концлагерей. Однако эта сугубо доктринёрская и откровенно политизированная оценка вполне справедливо критикуется даже рядом членов того же политического лагеря, в частности Л. М. Млечиным и К. Н. Брутенцом¹⁵². Они полагают, что «была группа влиятельных людей, которая хотела поставить во главе страны Алексея Николаевича Косыгина», с которым связывали прогрессивные экономические реформы и возможность проведения более здоровой линии». По их мнению, к этой группе относились сам А. Н. Шелепин, В. С. Тикун, Н. Г. Егорычев, Н. Н. Месяцев и иные фигуры их круга, «которые, в отличие от Л. И. Брежнева, с интересом и сочувствием относились к реформаторским идеям А. Н. Косыгина». Кроме того, в личном плане А. Н. Шелепин, не в пример другим членам Политбюро, был довольно щепетильным человеком, отличался особым аскетизмом и не страдал столь ненавистным ему комчванством. Причём все эти личные качества «Железного Шурика» отмечали не только его соратники и сослуживцы, но даже многие недоброжелатели.

Что касается историков патриотического лагеря, то здесь существуют целый ряд полярных мнений. Так, ряд авторов (С. Г. Кара-Мурза, Д. О. Чураков, А. И. Вдовин¹⁵³) считают, что поражение А. Н. Шелепина и его команды — так называемой «русской партии внутри КПСС» — имело как минимум два серьёзных последствия для всего будущего страны: во-первых, оно означало фактический отказ брежневского руководства от продолжения «национально-большевистской политики первых послевоенных лет» и переход на невнятные позиции «центризма», абсолютно не готового к откровенному формированию собственного политического курса; и, во-вторых, разгром «комсомольцев» означал политическое истребление относительно молодых, но уже довольно опытных руководителей, готовых эффективно «подменить» у руля высшей власти «старших товарищей», в результате чего в политическое небытие ушло целое поколение крупных и очень перспективных государственных деятелей страны. Хотя следует признать, что далеко не все историки патриотического лагеря склонны рассматривать команду «шелепинцев» в таком традиционном ракурсе. Например, С. Н. Семанов считает, что А. Н. Шелепин, будучи чистым аппаратчиком, а не политиком, не только не создал «своей политической или даже идейной линии», но «даже и мысли не допускал опереться» на партию «русистов», которая сформировалась вокруг Первого секретаря ЦК ВЛКСМ С. П. Павлова¹⁵⁴. А профессор А. В. Пыжиков в своей на шумевшей работе «Славянский разлом»¹⁵⁵ совершенно неожиданно назвал А. Н. Шелепина и его «птенцов» «полуукраинцами», открыто намекая на то, что они мало чем отличались от представителей «днепропетровско-молдавского» брежневского клана и по своим «барским» замашкам, и по своему отношению к работе.

Более того, как очень метко подметили ряд авторитетных авторов (Ю. В. Емельянов, Д. О. Чураков¹⁵⁶) руководителям, пришедшим к власти в результате «Малой октябрьской революции», «сподручней и привычней было жить без глубокого теоретического осмысления» собственного политического курса. «Научный анализ

они подменяли пустой пропагандистской трескотнёй, продолжая движение по инерции и твердя дежурные фразы о верности идеям марксизма-ленинизма. Переполненные спесивой самоуспокоенностью, они даже не задумывались над тем, как сильно в годы правления Н. С. Хрущёва оказались дискредитированы все основные лозунги и программные установки партии. К числу принципиальнейших ошибок, порождённых самим стилем «"консервативного реформирования" в области идеологии», прежде всего относятся невнятные попытки новых руководителей страны «выкрутиться из того нелепого положения, в которое загнал всю партию Н. С. Хрущёв своими обещаниями скорого построения... коммунизма».

Вся вторая половина 1967 года целиком прошла под знаком подготовки к торжествам, посвящённым 50-летию Великого Октября, венцом которых стало совместное заседание в Кремлёвском Дворце съездов членов ЦК КПСС и депутатов Верховных Советов СССР и РСФСР, прошедшее 3 ноября 1967 года, на котором Л. И. Брежнев выступил с большим докладом «Пятьдесят лет великих побед социализма». Причём, что любопытно, буквально за неделю до этого события прошло заседание Политбюро ЦК, на котором обсуждался вопрос о целесообразности упоминания имени И. В. Сталина в этом докладе, и по итогам состоявшегося обмена мнениями было принято решение этого не делать¹⁵⁷.

Следующий 1968 год в верхних эшелонах власти стал годом временного «политического затишья» и перегруппировки сил, поскольку руководство партии практически полностью было поглощено событиями в Чехословакии, о которых мы подробно расскажем в отдельной главе, посвящённой основным событиям внешней политики этого периода. Здесь же только упомянем, что ещё 4 января 1968 года по итогам продолжительной и жаркой дискуссии на Пленуме ЦК КПЧ с поста Первого секретаря ЦК был снят многолетний вождь чехословацких коммунистов Антонин Новотный и новым руководителем КПЧ был избран Первый секретарь ЦК Компартии Словакии Александр Дубчек, которого, как утверждает П. Е. Шелест, «никто из руководства ЦК КПСС толком не знает», что естественно породило у него чувство «озабоченности и даже тревоги»¹⁵⁸.

Единственным кадровым решением, принятым на апрельском Пленуме ЦК, в центре обсуждения которого был брежневский доклад «Об актуальных проблемах международного положения и о борьбе КПСС за сплочённость мирового коммунистического движения»¹⁵⁹, стало избрание его сменщика в Секретариате ЦК, который отныне вместо Ю. В. Андропова стал курировать непростые отношения с правящими компартиями стран социалистического лагеря. Им стал Константин Фёдорович Катушев, которого опытный генсек заприметил ещё пару лет назад во время своей рабочей поездки в Горьковскую область, когда его только-только перевели на должность Первого секретаря Горьковского обкома с аналогичной должности в горкоме партии.

Новый 1969 год вообще обошёлся без каких-либо кадровых перестановок в высших эшелонах власти. Однако в двух союзных республиках такая смена всё же произошла. Сначала в середине июля 1969 года от власти был отстранён Вели Юсуфович Ахундов, который просидел в кресле Первого секретаря ЦК Компартии Азербайджана ровно 10 лет. Как утверждают ряд осведомлённых авторов (Ф. И. Раззаков¹⁶⁰), он принадлежал к одному из самых влиятельных азербайджанских кланов — тушинскому, который был вторым по степени влияния после гянджинского. Хотя политику в Азербайджане, помимо этих кланов, определяли и ряд других

группировок, в том числе нахичеванская, текинская, агдамская, апшеронская, ленкоранская, агдашская, шемахинская и т. д. Причём у каждого из этих кланов была своя сфера влияния: гянджинский клан «опекал» всю правоохранительную систему; нахичеванский «сидел» на торговле цветами; агдамский подмял под себя виноградарство и виноделие, общепит и торговлю; ленкоранский специализировался на рыбном промысле и овощеводстве; шекинский — на искусстве, образовании и науке; апшеронский контролировал городское хозяйство Баку и т. д.

Вместе с тем шушинский клан, в отличие от прочих, претендовал на власть во всём Азербайджане, и именно его представители на протяжении многих лет были партийными руководителями республики. В Москве прекрасно знали, что этот клан был одним из самых националистических и протурецких, однако до поры до времени доверяли ему власть в республике, контролируя его не только из центра, но и при помощи остальных местных группировок. Однако уже во второй половине 1960-х годов, когда союзное руководство приняло решение сделать из Азербайджана не только нефтяную, но и «хлопковую» республику, ряд её руководителей, прежде всего сам В. Ю. Ахундов, стали очень активно противиться этому, опасаясь разрушения привычного уклада жизни и возникновения других коррупционных схем, уже неподвластных их контролю и влиянию. Между тем коррупция во всей республике достигла тогда огромных размеров, и дело дошло даже до того, что буквально на все хлебные места был установлен отдельный преysкурant.

Поэтому в Москве было принято решение заменить В. Ю. Ахундова, причём не кем-нибудь, а именно силовиком — главой республиканского КГБ Гейдаром Алиевичем Алиевым, который был представителем нахичеванского клана, никогда ещё не достигавшего такого уровня в высшем руководстве республики. Понимая это обстоятельство, сам Г. А. Алиев в личном разговоре с Л. И. Брежневым попытался отказаться от столь высокой чести, однако генсек сходу отнёс все его возражения, заявив, что «Политбюро пришло к единому мнению, что в нынешнем положении республику может возглавить только Алиев»¹⁶¹. Причём заметим, что во многом это «единое мнение» пришло к членам Политбюро ЦК через генерала армии С. К. Цвигуна, у которого генерал-майор Г. А. Алиев с мая 1964 года был заместителем в республиканском КГБ, а затем в конце июня 1967 года сменил его на этом посту¹⁶².

При этом надо подчеркнуть, что, помимо традиционной точки зрения о причинах восхождения Г. А. Алиева на республиканский властный Олимп, существует и другой взгляд на все эти события. Впервые он был высказан в известном фолианте В. И. Соловьёва и Е. К. Клёпиковой «Заговорщики в Кремле», который опубликован в нашей стране в 1991 году, а затем и повторён ими в их новой книге «Юрий Андропов: тайный ход в Кремль», которая вышла спустя 4 года¹⁶³. Суть их концепции состоит в том, что приход Г. А. Алиева к руководству Азербайджаном был первым и важным актом давно и хорошо спланированной спецоперации, у истоков которой стоял сам Ю. В. Андропов, который загодя стал готовить почву и кадры для захвата высшей власти в СССР.

А в конце декабря 1969 года произошла ожидаемая смена руководства в Туркменской ССР, где Москва использовала мягкий вариант отставки Первого секретаря республиканского ЦК. Никаких громких коррупционных скандалов в среде местной элиты не случилось, и Балыш Овезович Овезов, занимавший свой пост с июня 1960 года, без каких-либо претензий уступил своё кресло Мухамедназару

Гапуровичу Гапурову, который до того более 6 лет занимал должности председателя Совета Министров и министра иностранных дел Туркменской ССР.

Одновременно, под самый занавес 1969 года, как очень метко выразился Д. О. Чураков, начались «арьергардные бои за правду о нашем прошлом», т. е. вновь возникла старая дискуссия вокруг фигуры И. В. Сталина, которую не обошли своим вниманием почти все авторы, когда-либо писавшие либо о самом Л. И. Брежневе, либо о его эпохе¹⁶⁴. 17 декабря 1969 года, в перерыве сессии Верховного Совета СССР в комнате отдыха среди членов Политбюро ЦК неожиданно возник разговор о предстоящем 90-летию со дня рождения И. В. Сталина. Поводом для разговора стал вопрос: публиковать ли в «Правде» статью об усопшем вожде или обойти этот юбилей молчанием. В результате спонтанно возникший «трёп» довольно быстро перерос в дискуссию, причём принципиального характера, поэтому он сразу был записан, а затем оформлен в виде «рабочей записи» Политбюро ЦК¹⁶⁵.

Судя по этой «записи», дискуссию о статье, предварительный вариант которой был уже разослан всем членам высшего руководства страны, начал Л. И. Брежнев, который предложил коллегам высказаться относительно того, публиковать её или нет. Первым слово взял М. А. Суслов, который однозначно высказался за её публикацию, заявив, что «молчать сейчас совершенно нельзя, этот будет расценено неправильно», поскольку «такую статью ждут в стране», и тот её вариант, который был разослан, «в целом подходящий». «Я думаю, что нас правильно поймут все», в том числе «здоровая часть интеллигенции», которой большинство, а «неправильно» её поймут только «Солженицын и ему подобные».

Затем слово взял Н. В. Подгорный, который совершенно неожиданно выступил против этой статьи, напомнив, что многие присутствующие, в том числе сам М. А. Суслов, на XX и XXII съездах партии выступали с критикой «ошибок Сталина». По мнению Н. В. Подгорного, нас «никто не тянет, чтобы мы выступали» с этой статьёй, и «значительная часть интеллигенции» нас не поймёт. Следующим по очередности выступил П. Е. Шелест, который также неожиданно вступил в полемику со своим товарищем, заявив, что небольшую, но «правильную статью» всё же «нужно дать», тем более что «большинство наших людей, в том числе и интеллигенция, поймут нас правильно». Затем слово взял К. Т. Мазуров, который не только твёрдо поддержал публикацию «правильной статьи», что принесёт «больше пользы, чем умалчивание этого факта», но и, ссылаясь на мнение Первого секретаря ЦК КПЧ Густава Гусака, предложил подумать об установке бюста на могиле И. В. Сталина.

Следующими своё мнение по известному принципу «и нашим, и вашим» высказали А. П. Кириленко и А. Я. Пельше, заявившие о том, что сейчас вроде бы не время «подправлять решения XX съезда» и надо хорошенько подумать. Однако если всё же есть реальная потребность в публикации такой статьи, то следует ограничиться «какой-то заметкой». Куда как более определённо сразу друг за другом выступили В. В. Гришин, А. Н. Шелепин, А. Н. Косыгин и Д. Ф. Устинов, поддержавшие публикацию «правильной статьи». Правда, глава союзного правительства предложил доработать представленный вариант в «духе решений ЦК», а секретарь по оборонке, напротив, заявил, что и данный «проект статьи очень хороший». Затем выступил Б. Н. Пономарёв, которого его многолетний заместитель по Международному отделу ЦК А. С. Черняев считал «идейным антисталинистом». Заявив, что «любое выступление о Сталине надо рассматривать с точки зрения интересов партии и коммунистического и рабочего движения», он сказал, что

публикация статьи может вызвать разного рода вопросы, например у Я. Кадара и В. Гомулки, поскольку «Сталин — очень сложная фигура и с ним нужно быть осторожным». Наконец, все остальные выступающие, «гуськом» следовавшие друг за другом, т. е. Ю. В. Андропов, Г. И. Воронов, М. С. Соломенцев, И. В. Капитонов, П. М. Машеров, Д. А. Кунаев, В. В. Щербицкий, Ш. Р. Рашидов и Ф. Д. Кулаков, однозначно высказались за публикацию «хорошей, объективной и правильной статьи», которая будет с пониманием встречена в народе. Своё мнение об этой статье не высказали только два участника заседания — К. Ф. Катушев и Д. С. Полянский, — однако, почему так произошло, сказать трудно¹⁶⁶.

Подводя итог этому обмену мнениями, Л. И. Брежнев откровенно заявил, что он «вначале занимал отрицательную позицию..., считал, что нам не следует публиковать статью..., но, побеседовав со многими секретарями обкомов партии, продумав дополнительно и послушав ваши выступления», всё-таки решил, что от публикации статьи «в спокойном тоне», «на уровне понимания этого вопроса ЦК КПСС и в духе принятых решений» будет больше пользы. «Если мы дадим статью, то будет каждому ясно, что мы не боимся прямо и ясно сказать правду о Сталине, указать то место, какое он занимал в истории». В конце своего выступления Л. И. Брежнев предложил «поручить тт. Суслову, Андропову, Демичеву, Катушеву и Пономарёву с учётом обмена мнениями сегодня, а также с учётом разосланного текста внести в него соответствующие поправки, доработать текст статьи и разослать его для голосования».

В результате 21 декабря 1969 года в газете «Правда» была опубликована редакционная статья «К 90-летию со дня рождения И. В. Сталина», правда в сильно урезанном (с 12 до 5 страниц) виде. А через год на могиле И. В. Сталина за Мавзолеем В. И. Ленина у Кремлёвской стены был установлен бюст вождя работы именитого советского скульптора, президента Академии художеств СССР Н. В. Томского. В связи с этим обстоятельством думается, что разделение буквально всех членов высшего советского руководства на сталинистов и антисталинистов, которое является общим местом современной исторической литературы, носит сугубо доктринёрский и искусственный характер. Борьба в Политбюро ЦК в годы брежневского правления всё же не столько шла на идейной почве, как это было, например, в довоенный период, сколько носила в основном личностный и клановый характер.

Ряд авторов (А. И. Байгушев, Н. А. Митрохин¹⁶⁷) всё же считают, что в руководстве страны существовали как минимум три идейных группировки, которых тот же Н. А. Митрохин именует «либералами», «днепропетровцами» и «шелепинцами». Он уверяет, что все «либералы», прежде всего выходцы из журнала «Проблемы мира и социализма», исповедовавшие идеи европейской социал-демократии, окопались в двух Международных отделах ЦК, которых негласно прикрывали Ю. В. Андропов, К. Ф. Катушев и Б. Н. Пономарёв. Члены «днепропетровского клана», составлявшие костяк брежневской группировки, с самого начала исповедовали «концепцию стабильности», ставшую антитезой бесконечных хрущёвских экспериментов и реформ. Наконец, «шелепинцы», напротив, выступали за продолжение реформ, однако «более консервативных в политике, но более радикальных в экономике», и в этом смысле они, по сути, смыкались с А. Н. Косыгиным и его командой в союзном правительстве. Кроме того, они «желали очищения, большей твёрдости и жёсткости во внутренней политике». При этом сам

Н. А. Митрохин выделял и ещё один «некий идейный вектор, который не имел оформленной политической группировки». В его представлении это были некие «державники», осевшие в КГБ, МИДе и других «закрытых структурах», которые на уровне «державной, некоммунистической риторики» стали идейными продолжателями Л. П. Берии и его реформ весны 1953 года.

Между тем после серии столь ощутимых ударов по ключевым фигурам «комсомольской группировки», уже возмнившим себя новыми вождями партии и государства, в 1968-1970 годах под негласным руководством М. А. Суслова прошла тотальная зачистка всех руководящих органов от рудиментов этой группировки. Так, уже в январе 1968 года с поста председателя Комитета по культурным связям с зарубежными странами при Совмине СССР был снят Сергей Калистратович Романовский, которого отправили советским послом в Осло. Затем, в июне 1968 года, был ликвидирован Отдел информации ЦК, созданный всего 3 года назад, руководители которого — заведующий Отделом Дмитрий Петрович Шевлягин и его первый заместитель Пётр Николаевич Решетов — были навсегда удалены из аппарата ЦК. Первый также уехал советским послом, но уже в южный Алжир, а второй был перемещён на затрапезный пост главного редактора журнала «Век XX и мир». В том же июне 1968 года с политического поста Первого секретаря ЦК ВЛКСМ был снят один из самых боевитых и опасных «шелепинцев» — Сергей Павлович Павлов, которого переместили на высокий, но уже сугубо административный пост председателя Комитета по физической культуре и спорту при Совмине СССР.

Наконец, через год своих постов лишились сразу три ключевые фигуры всей «шелепинской команды». Сначала, в середине апреля 1970 года, с поста председателя Гостелерадио СССР слетел Николай Николаевич Месяцев, который также был отправлен на посольскую работу в далёкую Австралию. В результате новым главным телена начальником стал брежневский «любимец» Сергей Георгиевич Лапин, а его место генерального директора ТАСС занял Леонид Митрофанович Замятин. Затем, в конце сентября 1970 года, на пенсию был отправлен первый председатель АПН Борис Сергеевич Бурков, которого сменил крупный историк-славист и бывший заместитель заведующего Идеологическим отделом ЦК Иван Иванович Удальцов. И, наконец, в начале октября 1970 года с поста заведующего Отделом пропаганды и агитации ЦК был снят Владимир Ильич Степаков, который в начале следующего года тоже уехал работать послом в дружественную Югославию. Причём нового руководителя Отдела не могли подобрать целых три года, и всё это время и. о. заведующего Отделом был первый заместитель Александр Николаевич Яковлев. Гораздо позднее в своих мемуарах он всячески уверял, что пострадал за свои прогрессивные взгляды и категорический отказ лепить очередной «культ личности» нового генсека¹⁶⁸. Однако целый ряд мемуаристов и историков утверждают, что будущий главный идеолог горбачёвской перестройки как минимум лукавит. Например, тот же Н. А. Митрохин прямо говорит, что, судя по архивным документам, А. Н. Яковлев «принимал активное участие в написании всяких антисемитских документов во второй половине 1960-х годов», поскольку весь его Отдел в те времена «однозначно был жёстко антисемитским»¹⁶⁹. Его позиция резко поменяется только после неожиданной отставки В. И. Степакова, означавшей «полный разгром шелепинской группировки», и только с «этого момента он начинает принимать активное участие в борьбе с русским шовинизмом» и вновь «пишет всякие записки», правда уже против русских националистов, например того же генерал-майора Василия Петровича Московского,

который в марте 1971 года слетел сразу с двух своих постов — главного редактора «Советской России» и заместителя председателя Центральной Ревизионной Комиссии КПСС.

По мнению ряда авторов, в частности профессора Д. О. Чуракова¹⁷⁰, поражение «группы Шелепина» имело два очень серьёзных последствия для политического развития страны. Во-первых, оно означало фактический отказ руководства страны от продолжения «национал-большевистской политики первых послевоенных лет». Власть отныне полностью сосредотачивалась в руках «центристов», уже не готовых на откровенное формирование своего политического курса. Во-вторых, и это было куда опаснее, полный разгром «шелепинцев» и близких к ним молодёжных лидеров означал отстранение от выработки политических решений молодых, опытных руководителей. В итоге в политическое небытие ушло целое поколение перспективных лидеров страны, а разрыв между «старой гвардией» и «новой порослью», возникший после победы триумвирата Берии — Маленкова — Хрущёва, стал ещё глубже, чем прежде. Стабильность в настоящем покупалась за счёт возможности динамично развиваться в будущем.

Вместе с тем поражение «комсомольцев» всё же не позволило брежневской команде полностью «оккупировать» власть. В условиях, как тогда казалось, очень успешной экономической реформы, начатой в марте 1965 года, прочные позиции в верхних эшелонах власти продолжала занимать команда премьер-министра А. Н. Косыгина, который не только очень жёстко контролировал весь правительственный аппарат, но и стал играть необычайно активную роль во внешней политике страны. Тогда костяк премьерской группировки в Совете Министров СССР состоял всего из пяти человек: его первого заместителя Кирилла Трофимовича Мазурова, трёх рядовых замов — председателя Госплана СССР Николая Константиновича Байбакова, главы Госкомитета по науке и технике Владимира Алексеевича Кириллина и Владимира Николаевича Новикова, а также главы Совета Министров РСФСР Геннадия Ивановича Воронова. Кроме того, по целому ряду вопросов к этой группе примыкал и второй первый заместитель главы союзного правительства Дмитрий Степанович Полянский, у которого отношения с Л. И. Брежневым всегда были «не комильфо».

Вместе с тем Л. И. Брежнев также смог создать в союзном правительстве свой личный круг, костяк которого составили три заместителя председателя Совета Министров СССР: глава Госснаба СССР Вениамин Эммануилович Дымшиц, руководитель Госстроя СССР Игнатий Трофимович Новиков и Николай Александрович Тихонов, — с которыми генсек крепко подружился во время совместной работы в свою бытность руководителем Запорожского, а затем Днепропетровского обкомов партии в 1946-1950 годах.

В результате к началу 1970 года вокруг Л. И. Брежнева окончательно оформился знаменитый «молдавско-днепропетровский клан», который занял прочные позиции и в партии (А. П. Кириленко, В. В. Щербицкий, К. У. Черненко, С. П. Трапезников), и в во всём союзном правительстве (В. Э. Дымшиц, И. Т. Новиков, Н. А. Тихонов, Н. А. Щёлоков), и в КГБ (С. К. Цвигун, Г. К. Цинёв, В. В. Федорчук, А. Я. Рябенко) и в личном аппарате, где первую скрипку стали играть Георгий Эммануилович Цуканов и Виктор Андреевич Голиков, о которых более подробно мы поговорим в одной из следующих глав.

- ⁹¹ Капица М.С. На разных параллелях. Записки дипломата. М., 1996; Млечин Л.М. Шелепин. М., 2009.
- ⁹² АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 495. Л. 74-76.
- ⁹³ АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 495. Л. 86-88.
- ⁹⁴ Р. Г. Пихоя наивно утверждает, что эти «Письма» стали «реакцией» научно-творческой интеллигенции на выступление Л. И. Брежнева на торжественном заседании, посвящённом 20-летию юбилею Победы, в котором впервые после XX съезда было сказано о заслугах И. В. Сталина как Верховного Главнокомандующего в годы войны.
- ⁹⁵ АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 495. Л. 72-73.
- ⁹⁶ Сахаров А.Д. Воспоминания. Т. 2. М., 1996.
- ⁹⁷ Драбкин Я.С. Эрнст Генри — «наш человек в XX веке» // Новая и новейшая история. 2004. № 4.
- ⁹⁸ Чураков Д.О. СССР при Брежневе. М., 2015.
- ⁹⁹ Речь Н. Г. Егорычева // XXIII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчёт. Т. 1. М., 1966.
- ¹⁰⁰ Пихоя Р. Г. Советский Союз: история власти, 1945-1991. М., 1998; Вдовин А. И. СССР. История великой державы (1922-1991 гг.). М., 2018.
- ¹⁰¹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 18. Д. 401-403.
- ¹⁰² Медведев Р. А. Личность и эпоха. Политический портрет Л. И. Брежнева. М., 1991.
- ¹⁰³ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 818-822.
- ¹⁰⁴ Медведев Р.А. Личность и эпоха. Политический портрет Л. И. Брежнева. М., 1991; Семанов С.Н. Брежнев. Правитель «золотого века». М., 2002; Млечин Л.М. Брежнев. М., 2011.
- ¹⁰⁵ Арбатов Г.А. Затянувшееся выздоровление. М., 1991; Семанов С.Н. Брежнев. Правитель «золотого века». М., 2002; Емельянов Ю.В. Сталин перед судом пигмеев. М., 2008; Чураков Д.О. СССР при Брежневе. М., 2015.
- ¹⁰⁶ Егорычев Н.Г. Солдат. Политик. Дипломат. М., 2017.
- ¹⁰⁷ Медведев Р. А. Личность и эпоха. Политический портрет Л. И. Брежнева. М., 1991; Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти, 1945-1991. М., 1998; Пихоя Р.Г. Москва. Кремль. Власть. 1945-2005. Т. 2. 1964-1985. М., 2009; Млечин Л.М. Шелепин. М., 2009; Млечин Л.М. Брежнев. М., 2011; Вдовин А. И. СССР. История великой державы (1922-1991 гг.). М., 2018.
- ¹⁰⁸ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 1-7.
- ¹⁰⁹ Чураков Д.О. СССР при Брежневе. М., 2015.
- ¹¹⁰ РГАНИ Ф. 72, Оп. 1. Д. 1-31.
- ¹¹¹ АПРФ. Рабочая запись Политбюро ЦК КПСС 16 мая 1966 года; Брежнев Л.И. Рабочие и дневниковые записи. 1964-1982 гг. Т. 1. М., 2016.
- ¹¹² Млечин Л. М. Шелепин. М., 2009.
- ¹¹³ Семичастный В. Е. Беспокойное сердце. М., 2002.
- ¹¹⁴ 25 ноября 1968 года был подписан Указ Президиума Верховного Совета СССР «О переименовании Министерства охраны общественного порядка СССР в Министерство внутренних дел СССР».
- ¹¹⁵ Соломенцев М.С. Зачистка в Политбюро. М., 2011.

- ¹¹⁶ Арбатов Г.А. Затянувшееся выздоровление М., 1991; Семанов С.Н. Брежнев. Правитель «золотого века». М., 2002; Чураков Д.О. СССР при Брежневе. М., 2015.
- ¹¹⁷ Шелест П.Е. ...Да не судимы будете. М., 1994.
- ¹¹⁸ Микоян А.И. Так было. М., 1999.
- ¹¹⁹ Как уверяет профессор П. П. Черкасов, против назначения Н. Н. Иноземцева директором ИМЭМО активно выступал заведующий Отделом науки ЦК С. П. Трапезников, но его противодействие было сломлено благодаря вмешательству в этот вопрос помощника Л. И. Брежнева А. М. Александрова-Агентова, поддержанного Президиумом АН СССР и лично академиком М. В. Келдышем (Черкасов П. П. ИМЭМО. Портрет на фоне эпохи. М., 2004).
- ¹²⁰ Семичастный В. Е. Беспокойное сердце. М., 2002.
- ¹²¹ Брежнев Л.И. Рабочие и дневниковые записи. 1964-1982 гг. Т. 1. М., 2016.
- ¹²² Шелест П.Е. ...Да не судимы будете... М., 1994; Семичастный В.Е. Беспокойное сердце. М., 2002. П. Е. Шелест ошибочно утверждает, что в состав Комиссии, приехавшей принимать дела у В. Е. Семичастного, помимо А. П. Кириленко, входили М. А. Суслов и И. В. Капитонов.
- ¹²³ Медведев Р.А. Личность и эпоха. Политический портрет Л. И. Брежнева. М., 1991.
- ¹²⁴ Чураков Д.О. СССР при Брежневе. М., 2015.
- ¹²⁵ Чураков Д.О. СССР при Брежневе. М., 2015. Примерно в таком же ключе оценивал эти события и С. Н. Семанов, который, правда, не придавал им эпохального политического значения в рамках борьбы за власть, а значит, и за политический курс между «шелепинцами» и «брежневцами».
- ¹²⁶ Легостаев В. Гебист магнетический // Завтра, 4-18. 02. 2004; Легостаев В.М. Как Горбачёв «прорвался» во власть. М., 2011.
- ¹²⁷ Крючков В.А. Личность и власть. М., 2004.
- ¹²⁸ Брежнев Л.И. Рабочие и дневниковые записи. 1964-1982 гг. Т. 1. М., 2016; Чазов Е.И. Здоровье и власть. Воспоминания «кремлёвского врача». М., 1992. Ф. И. Раззаков утверждает, что за отставкой прежнего главы 4-го Главного Управления профессора А. М. Маркова, занимавшего свой пост с 1951 года, стояли те же «глубинники» из КГБ.
- ¹²⁹ Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти, 1945-1991. М., 1998; Медведев Р.А. Личность и эпоха. Политический портрет Л. И. Брежнева. М., 1991; Соколов Б.В. Леонид Брежнев. Золотая эпоха. М., 2004; Семанов С.Н. Брежнев. Правитель «золотого века». М., 2002; Восленский М.С. Номенклатура. М., 1991.
- ¹³⁰ Медведев Р.А. Личность и эпоха. Политический портрет Л. И. Брежнева. М., 1991. Аналогичную байку, но уже в отношении генерала Г. К. Цинёва, чуть позже запустили ещё ряд авторов, в частности С. Н. Семанов («Брежнев — правитель «золотого века». М., 2002) и И. Е. Сеницин («Андропов вблизи. Воспоминания о временах оттепели и застоя». М., 2015).
- ¹³¹ Речь идёт об Ольге Константиновне Подберёзкиной (Русаковой).
- ¹³² Чазов Е.И. Здоровье и власть. М., 1992.
- ¹³³ Млечин Л.М. Председатели КГБ. Рассекреченные судьбы. М., 1999.
- ¹³⁴ Медведев Р.А. Личность и эпоха. Политический портрет Л. И. Брежнева. М., 1991.
- ¹³⁵ Легостаев В. Гебист магнетический // Завтра, 4-18. 02. 2004; Легостаев В.М. Как Горбачёв «прорвался» во власть. М., 2011.
- ¹³⁶ Егорычев Н.Г. Солдат. Политик. Дипломат. М., 2017.

- ¹³⁷ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 69. Л. 16-34.
- ¹³⁸ Яковлев А.Н. Омут памяти. М., 2001. И. И. Смирнов в своей книге «Тропы истории. КRYPTOаналитика глубинной власти» (М., 2020) утверждает, что чуть ли не главным «предателем», «кинувшим» Н. Г. Егорычева, оказался сам глава правительства А. Н. Косыгин, на которого очень рассчитывал глава московских коммунистов.
- ¹³⁹ Семанов С.Н. Брежнев. Правитель «золотого века». М., 2002.
- ¹⁴⁰ Шелест П. Е. ...Да не судимы будете. М., 1994.
- ¹⁴¹ Егорычев Н. Г. Солдат. Политик. Дипломат. М., 2017.
- ¹⁴² Гришин В. В. От Хрущёва до Горбачёва. М., 1996; Гришин В. В. Катастрофа. От Хрущёва до Горбачёва. М., 2010. В. В. Гришин ошибочно датирует состоявшийся разговор с Л. И. Брежневым концом мая 1967 года, а своё избрание Первым секретарём МГК КПСС началом июня того же года.
- ¹⁴³ Семанов С.Н. Брежнев. Правитель «золотого века». М., 2002; Млечин Л.М. Шелепин. М., 2009; Млечин Л.М. Брежнев. М., 2011.
- ¹⁴⁴ Семанов С.Н. Брежнев. Правитель «золотого века». М., 2002; Млечин Л.М. Шелепин. М., 2009.
- ¹⁴⁵ Месяцев Н.Н. Горизонты и лабиринты моей жизни. М., 2005.
- ¹⁴⁶ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 78-88.
- ¹⁴⁷ Шелест П.Е. ...Да не судимы будете. М., 1994.
- ¹⁴⁸ Млечин Л.М. Шелепин. М., 2009.
- ¹⁴⁹ Миф о застое: социально-экономическая жизнь СССР до перестройки. Л., 1991.
- ¹⁵⁰ Чураков Д.О. СССР при Брежневе. М., 2015.
- ¹⁵¹ Арбатов Г. А. Затянувшееся выздоровление. М., 1991; Медведев Р. А. Личность и эпоха. Политический портрет Л. И. Брежнева. М., 1991; Бурлацкий Ф. М. Вожди и советники. М., 1990; Пихоя Р. Г. Советский Союз: история власти, 1945-1991. М., 1998; Яковлев А. Н. Омут памяти. М., 2001; Черняев А. С. Совместный исход. М., 2010.
- ¹⁵² Млечин Л. М. Шелепин. М., 2009; Брутенц К. Н. Тридцать лет на Старой площади. М., 1998.
- ¹⁵³ Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация от Великой Победы до наших дней. М., 2001; Семанов С.Н. Брежнев. Правитель «золотого века». М., 2002; Чураков Д.О. СССР при Брежневе. М., 2015; Вдовин А.И. СССР. История великой державы (1922-1991 гг.). М., 2018.
- ¹⁵⁴ Семанов С.Н. Брежнев. Правитель «золотого века». М., 2002.
- ¹⁵⁵ Пыжиков А.В. Славянский разлом. Украинско-польское иго в России. М., 2018.
- ¹⁵⁶ Емельянов Ю.В. Сталин перед судом пигмеев. М., 2008; Чураков Д.О. СССР при Брежневе. М., 2015.
- ¹⁵⁷ Брежнев Л.И. Рабочие и дневниковые записи. 1964-1982 гг. Т. 1. М., 2016.
- ¹⁵⁸ Шелест П.Е. ...Да не судимы будете. М., 1994.
- ¹⁵⁹ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 3, Д. 89-108.
- ¹⁶⁰ Раззаков Ф.И. Коррупция в Политбюро: Дело «красного узбека». М., 2009.
- ¹⁶¹ Андриянов В.И., Мираламов Г.А. Гейдар Алиев. М., 2003; Раззаков Ф.И. Коррупция в Политбюро: Дело «красного узбека». М., 2009.
- ¹⁶² Бобков Ф.Д. КГБ и власть. М., 2003.
- ¹⁶³ Соловьёв В.И., Клёпикова Е.К. Заговорщики в Кремле. М., 1991; Соловьёв В.И.,

Клёпикова Е.К. Юрий Андропов: тайный ход в Кремль. СПб., 1995.

¹⁶⁴ Медведев Р.А. Личность и эпоха. Политический портрет Л. И. Брежнева. М., 1991; Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти, 1945-1991. М., 1998; Семанов С.Н. Брежнев. Правитель «золотого века». М., 2002; Млечин Л.М. Брежнев. М., 2011; Чураков Д.О. СССР при Брежнев. М., 2015.

¹⁶⁵ АПРФ. Ф. 3. Оп. 120. Д. 7. Л. 601-610.

¹⁶⁶ Профессор А. И. Вдовин в своей фундаментальной работе «СССР. История великой державы (1922-1991 гг.)» ошибочно утверждает, что Д. С. Полянский был среди тех членов Политбюро, которые активно поддерживали публикацию этой статьи.

¹⁶⁷ Митрохин Н.А. Русская партия. Движение русских националистов в СССР 1953-1985. М., 2003; Митрохин Н.А. Идейные группировки в аппарате ЦК КПСС в предперестроечный период // Круглый стол в «Горбачёв-фонде» 08.06.2004; Байгушев А.И. Русская партия внутри КПСС. М., 2005.

¹⁶⁸ Яковлев А. Н. Омут памяти. М., 2001.

¹⁶⁹ Митрохин Н.А. Русская партия. Движение русских националистов в СССР 1953-1985. М., 2003; Митрохин Н. А. Идейные группировки в аппарате ЦК КПСС в предперестроечный период // Круглый стол в «Горбачёв-фонде» 08.06.2004.

¹⁷⁰ Чураков Д.О. СССР при Брежнев. М., 2015.

3. От «триумvirата» к новому «культу»

Надо сказать, что в современной литературе сочинено немало различных баек про брежневскую эпоху, которые, увы, уже давно и прочно вошли не только в общественный обиход, но и в историографию. Одна из таких баек, которую сочинил известный фантазёр Р. А. Медведев, а затем, к большому сожалению, подхватили и целый ряд авторитетных авторов, в частности Н. Н. Ефимов, Ф. И. Раззаков и Д. О. Чураков¹⁷¹, состоит в том, что вскоре после окончания декабрьского 1969 года Пленума ЦК, на котором Л. И. Брежнев выступал с докладом «О практической деятельности Политбюро ЦК КПСС в области внешней и внутренней политики»¹⁷², внутри Политбюро возникла некая «антибрежневская группировка» в составе М. А. Суслова, А. Н. Шелепина и К. Т. Мазурова, которые якобы, озаботившись тем, что генсек в некоторых положениях своего доклада допустил ряд «отхождений от теории марксизма-ленинизма», стал проявлять «излишнюю самостоятельность» и игнорировать мнение других членов высшего руководства, написали в Политбюро записку, где осудили поведение Л. И. Брежнева и предложили обсудить данный вопрос на ближайшем, мартовском, Пленуме ЦК. Узнав об этом, Л. И. Брежнев понял, что дело может принять очень нежелательный для него оборот и стоит ему поста генсека, отложил проведение очередного Пленума ЦК и срочно выехал в Белоруссию, где под началом министра обороны СССР маршала А. А. Гречко шли военные учения под кодовым названием «Двина». Прибыв в Минск в середине марта 1970 года, он сразу встретился на одном из секретных объектов Министерства обороны с высшим генералитетом и получил от него полную поддержку, поскольку всё руководство Вооружённых сил СССР терпеть не могло «серого кардинала». Окрылённый такой поддержкой, генсек вернулся в Москву и на ближайшем заседании Политбюро ЦК проинформировал своих соратников об итогах этой поездки. В результате М. А. Суслов и Ко отозвали свою записку и больше к этому вопросу никогда не возвращались.

Однако дело в том, что подобной записки, как, впрочем, и подобной группировки, в природе никогда не существовало, да и не могло существовать в принципе. Во-первых, как ни старались целый ряд историков, её, даже в черновом варианте, не удалось обнаружить ни в одном из партийных архивов. А во-вторых (и это самое главное), наличие такой записки в категорической форме опроверг сам А. Н. Шелепин, который в одном из своих последних телеинтервью в 1993 году, отвечая на конкретный вопрос об этой записке, дословно заявил следующее: «Чтоб я с Сусловым подписывал записку, упаси бог, я с ним за руку не видался»¹⁷³. Отрицал наличие такой записки и Г. И. Воронов, который в одном из своих интервью заявил, что «Суслов не мог стать в таком деле инициатором», да и «Мазуров навряд ли способен был на такую активность»¹⁷⁴.

Между тем фактический разгром шелепинской группировки в верхних эшелонах власти хронологически совпал по времени с подготовкой к новому партийному съезду, которому сам генсек придавал особое значение. Уже в середине июля 1970 года по сообщению Л. И. Брежнева Пленум ЦК принял Постановление «О созыве очередного XXIV съезда КПСС»¹⁷⁵, а затем уже в начале декабря того же года ещё один Пленум ЦК по предложению того же Л. И. Брежнева принял новое

Постановление «О дате созыва XXIV съезда КПСС»¹⁷⁶, которая была назначена на 30 марта 1971 года. Наконец за неделю до созыва съезда прошёл ещё один Пленум ЦК, члены которого по докладам Л. И. Брежнева и А. Н. Косыгина приняли два Постановления — «Об отчёте ЦК КПСС XXIV съезду» и «О докладе XXIV съезду КПСС "О директивах XXIV съезда КПСС по девятому пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1971-1975 гг."»¹⁷⁷. Причём, по уверениям В. Е. Семичастного¹⁷⁸, оба документа впервые были приняты без каких-либо прений, в результате чего Пленум, на который «забыли» пригласить более 50 членов ЦК, продлился всего 40 минут и вылился «в чистой воды комедию». Более того, его созыву предшествовали сразу две детективные истории. Первая из них была связана с фигурой самого В. Е. Семичастного, который, будучи членом ЦК, должен был ехать в Москву для участия в работе этого партийного форума. Однако высшее руководство Украинской ССР в лице Первого секретаря ЦК КПУ П. Е. Шелеста и председателя республиканского правительства В. В. Щербицкого всячески (сначала по-хорошему, а затем и по-плохому) уговаривало его этого не делать, но он их не послушался и всё же приехал на Пленум ЦК. А вторая история была связана с фигурой Первого секретаря Мордовского обкома партии Петра Матвеевича Елистратова. Он, будучи кандидатом в члены ЦК, тоже приехал в Москву, где буквально за день до проведения Пленума встретился сначала с А. Н. Шелепиным, а затем и с В. Е. Семичастным. Сам П. М. Елистратов, которому на тот момент стукнуло всего 53 года, слыл довольно опытным партработником, который до Саранска успел поработать и первым секретарём Херсонского обкома КПУ (1956-1962), и вторым секретарём ЦК Компартии Азербайджана (1962-1968), сменив на этом посту как раз самого В. Е. Семичастного. По его воспоминаниям, во время их уличной беседы, продолжавшейся два часа в сопровождении сотрудников «наружки», П. М. Елистратов поведал о том, что во время прений по докладу Л. И. Брежнева на Пленуме ЦК он намерен взять слово и выступить с «критикой генсека». Однако той же ночью в его гостиничный номер «спустились его друзья по работе в Азербайджане» Г. А. Алиев и С. К. Цвигун, которые заказали дружеский ужин, закончившийся для П. М. Елистратова не только больничной койкой в ЦКБ, но и отставкой с поста первого секретаря и избранием в новый состав ЦК. Кстати, ровно о том же в своих воспоминаниях писал и А. Н. Шелепин, который, как он уверяет, во время личной встречи «уклонился от обсуждения» тезисов его выступления на Пленуме ЦК¹⁷⁹.

XXIV съезд, состоявшийся в Москве в помпезном Кремлёвском дворце 30 марта — 9 апреля 1971 года, прошёл по традиционному сценарию. На съезде прозвучали всего три доклада — Л. И. Брежнева, А. Н. Косыгина и главы ЦРК Г. Ф. Сизова, — в обсуждении которых приняли участие без малого 60 делегатов съезда, не считая внушительного числа именитых зарубежных гостей, в основном лидеров «братских» компартий. Единственной изюминкой этого съезда стало принятие так называемой «Программы мира», о которой мы подробно писали в своей предыдущей книге «Брежневская партия», в главе, посвящённой важнейшим этапам и ключевым событиям внешней политики брежневской эпохи.

Как всегда, в последний день работы съезда прошли выборы в новый состав Центрального комитета и Центральной ревизионной комиссии (ЦРК) КПСС, по итогам которых членами ЦК стали 241 человек, кандидатами в члены ЦК 155 человек, а членами ЦРК 81 человек¹⁸⁰. А во второй половине дня, также по устоявшейся традиции, прошёл и организационный Пленум обновлённого состава

ЦК, на котором были избраны два его руководящих органа — Политбюро и Секретариат ЦК. Теперь число полноправных членов Политбюро увеличилось с 11 до 15, т. е. к членам прежнего Политбюро, избранного ещё в 1966 году — Л. И. Брежневу, Г. И. Воронову, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгину, Ф. Д. Кулакову, К. Т. Мазурову, А. Я. Пельше, Н. В. Подгорному, Д. С. Полянскому, М. А. Суслову, П. Е. Шелесту и А. Н. Шелепину, — добавились четыре новых члена. Причём трое из них — В. В. Гришин, В. В. Щербицкий и Д. А. Кунаев — были просто повышены в своём статусе и переведены из кандидатов в полноправные члены, а Ф. Д. Кулаков, минуя «кандидатский предбанник», сразу стал членом высшего партийного ареопага. Что касается кандидатов в члены Политбюро, то, с одной стороны, их число естественно сократилось, а с другой стороны, осталось неизменным в персональном плане, поскольку Ю. В. Андропов, П. Н. Демичев, П. М. Машеров, В. П. Мжаванадзе, Ш. Р. Рашидов и Д. Ф. Устинов были утверждены Пленумом в своём прежнем статусе. Что касается Секретариата ЦК, то его состав остался неизменным со времён последнего обновления, которое состоялось ещё в начале апреля 1968 года: Генеральный секретарь Л. И. Брежнев и рядовые секретари П. Н. Демичев, И. В. Капитонов, К. Ф. Катушев, А. П. Кириленко, Ф. Д. Кулаков, Б. Н. Пономарёв, М. С. Соломенцев, М. А. Суслов и Д. Ф. Устинов. Таким же неизменным осталось и распределение обязанностей между секретарями ЦК: М. А. Суслов, будучи по факту вторым секретарём ЦК, и П. Н. Демичев курировали всю идеологию, А. П. Кириленко и М. С. Соломенцев отвечали за всю тяжёлую промышленность и транспорт, Д. Ф. Устинов по-прежнему курировал весь ВПК, Ф. Д. Кулаков руководил аграрным комплексом, И. В. Капитонов отвечал за кадровую работу, а Б. Н. Пономарёв и К. Ф. Катушев, возглавляя два Международных отдела ЦК, курировали отношения со всем рабочим и коммунистическим движением, в том числе с правящими коммунистическими партиями соцстран.

Анализ персонального состава этих ключевых органов власти позволяет сделать как минимум три вывода. Во-первых, внутри Политбюро ЦК пока ещё сохранялись «конкурирующие» группировки — Л. И. Брежнева, А. Н. Косыгина и Н. В. Подгорного — и до нового «культа» очередного генсека было ещё далеко. Вместе с тем вхождение в состав Политбюро ЦК новых полноправных членов серьёзно укрепило позиции самого генсека, ослабив позиции всех его конкурентов. Во-вторых, реальную опору его власти составлял Секретариат ЦК, где, по авторитетному свидетельству К. Т. Мазурова, он в предварительном порядке согласовывал с М. А. Сусловым, А. П. Кириленко, Ф. Д. Кулаковым, Д. Ф. Устиновым и другими секретарями ЦК все вопросы, выносившиеся на заседания Политбюро ЦК¹⁸¹. В-третьих, всем было очевидно, что избрание В. В. Щербицкого полноправным членом Политбюро рано или поздно поставит жирный крест на политической карьере П. Е. Шелеста, который в своих дневниковых записках не раз именовал своего визави «сухарём», «чурбаном» и «иезуитом»¹⁸².

Серьёзно укрепив свои позиции в Политбюро, Л. И. Брежнев практически сразу начал атаку на самых непримиримых оппонентов, давно вызывавших у него жгучую изжогу. Первой жертвой этой атаки стал не в меру строптивый глава российского правительства Геннадий Иванович Воронов, который, по воспоминаниям многих современников и коллег, отличался довольно крутым нравом и задиристым характером¹⁸³. Судя по всему, отношения между ним и генсеком не заладились с самого начала, поскольку Г. И. Воронов не считал Л. И. Брежнева достойным лидером

страны и часто конфликтовал с ним, даже по всяким пустякам. В частности, он открыто выступал против ликвидации МООП РСФСР и назначения Н. А. Щёлокова на пост главы МООП СССР, жёстко спорил по вопросам строительства Камского автозавода в Набережных Челнах, возведения Чебоксарской ГЭС на Средней Волге и другим крупным и принципиальным вопросам¹⁸⁴. Сам генсек, а особенно его ближайший круг, в частности А. М. Александров-Агентов и Г. Э. Цуканов, платили российскому премьеру той же монетой и почти всегда, получая от него пространные замечания ко всем документам, исходящим из аппарата генсека, презрительно называли его «писатель». Немаловажным было и то, что к тому времени Г. И. Воронов успел испортить отношения и с целым рядом руководителей союзного правительства, в частности с Д. С. Полянским, который вслед за Л. И. Брежневым в крайне резкой форме высказался против его предложений об организации «коллективного подряда» и «безнарядных звеньев» на селе. Наконец, у Г. И. Воронова так и не сложились отношения со многими первыми секретарями областных и краевых партийных комитетов РСФСР, которым, с одной стороны, претили его «учённость» и «занудство», а с другой стороны, его жёсткий, а порою крайне резкий стиль руководства и постоянные окрики на подчинённых¹⁸⁵. Вместе с тем до поры до времени Л. И. Брежнев всё же нуждался в поддержке Г. И. Воронова, который, в отличие от Н. В. Подгорного и П. Е. Шелеста, разделял его позицию по проблемам «разрядки» в отношениях с США¹⁸⁶.

Первым, но вполне зримым «звонком» для Г. И. Воронова стало то, что в день своего 60-летия, 31 августа 1970 года, он, в отличие от всех своих коллег по Политбюро, так и не был удостоен звания Героя Социалистического Труда. Хотя по специальному положению, принятому ещё при Н. С. Хрущёве, все члены высшего партийно-государственного руководства по достижении указанного возраста автоматически получали именно эту высокую награду. Однако Г. И. Воронов, проглотив эту довольно обидную оплеуху, продолжал открыто фрондерствовать и в середине июня 1971 года на одном из заседаний Политбюро поставил вопрос о том, чтобы кандидатуры первых секретарей российских обкомов и крайкомов партии, а также глав исполкомов областных и краевых советов должны проходить согласование в Совете Министров РСФСР, но не был поддержан большинством своих коллег. Вероятно, этот демарш российского премьера стал последней каплей, переполнивший чашу терпения генсека, и вскоре было принято «нужное» решение по Г. И. Воронову, которое, судя по рабочим записям самого Л. И. Брежнева, он заранее согласовал с рядом влиятельных членов Политбюро ЦК, в частности с М. А. Сусловым, А. Н. Косыгиным, Н. В. Подгорным, А. П. Кириленко, В. В. Щербицким, К. Т. Мазуровым, А. Я. Пельше и Д. А. Кунаевым¹⁸⁷.

В конце июля 1971 года на заседании Политбюро ЦК по предложению Л. И. Брежнева был рассмотрен вопрос о работе Комитета народного контроля СССР, и по итогам обсуждения этого вопроса было признано целесообразным сменить его руководителя. Прежний глава КНК Павел Васильевич Кованов, которого по-прежнему считали скрытым «шелепинцем», был отправлен на пенсию, а его кресло занял Г. И. Воронов. При этом новым главой российского правительства был назначен очередной брежневский фаворит — секретарь ЦК Михаил Сергеевич Соломенцев, который уже в ноябре того же 1971 года на очередном Пленуме ЦК был утверждён кандидатом в члены Политбюро ЦК. Как вспоминал М. С. Соломенцев, о своём новом назначении он узнал, будучи на больничной койке, из телефонного звонка генсека,

сообщившего ему о том, что при обсуждении разных кандидатур на пост российского премьера все коллеги по Политбюро «единогласно поддержали его кандидатуру»¹⁸⁸. Сам М. С. Соломенцев предпринял робкую попытку отказаться от столь лестного предложения, заявив генсеку, что он «промышленник», а во главе российского правительства сейчас нужен «аграрник», поскольку ахиллесовой пятой всей российской экономики является сельское хозяйство. Однако Л. И. Брежнев сразу отклонил этот довод своего собеседника, и уже в начале августа 1971 года на сессии Верховного Совета РСФСР по предложению М. А. Суслова М. С. Соломенцев был утверждён в должности председателя Совета Министров РСФСР, в которой он проработает до конца июня 1983 года.

Надо сказать, что сначала Г. И. Воронов, сохранивший своё членство в Политбюро, довольно спокойно принял это назначение и, «вооружившись» знаменитыми ленинскими статьями «Лучше меньше, да лучше» и «Как нам реорганизовать Рабкрин», задумал реформировать этот орган и придать ему реальный аппаратный вес. По просьбе Л. И. Брежнева он даже подготовил целую записку по данному вопросу для обсуждения на Политбюро и полетел с ней в Пицунду на одну из госдач к генсеку. Однако вместо содержательного разговора весь вечер был «потрачен» на морские ванны, обильный ужин с выпивкой и любимого доминошного «козла». При этом, как бы между делом, Л. И. Брежнев дал понять своему гостю, что он «не видит никакой пользы от народного контроля», поскольку сейчас нет нового Л. З. Мехлиса, «которого все боялись»¹⁸⁹. Вернувшись в Москву, Г. И. Воронов написал заявление с просьбой о переводе на пенсию, однако она была отклонена.

Следующей жертвой генсека стал не менее строптивый Первый секретарь ЦК Компартии Украины Пётр Ефимович Шелест, отставка которого стала результатом хорошо спланированной закулисной интриги и готовилась лично генсеком довольно давно, как минимум с лета 1970 года. Судя по дневнику самого П. Е. Шелеста, операция по его устранению была начата в середине июля 1970 года, когда многолетний глава республиканского КГБ генерал-полковник Виталий Федотович Никитченко, занимавший этот пост аж с начала апреля 1954 года, под благовидным предлогом был переведён в Москву начальником Высшей школы КГБ СССР, а в его кресло сел давний брежневский приятель Виталий Васильевич Федорчук, который приехал в Киев в сопровождении генерала армии С. К. Цвигуна¹⁹⁰. Это назначение осложнило положение, да и работу не только самого П. Е. Шелеста, но и многих первых секретарей украинских обкомов, горкомов и райкомов партии. Начались масштабные перестановки во многих областных УКГБ и создание десятков новых районных и городских отделов КГБ, что неизбежно вызвало недовольство многих партийных работников. Хотя, как справедливо заметил В. Е. Семичастный, бывший в ту пору первым заместителем председателя Совета Министров УССР, В. В. Федорчука «отправили в Киев, чтобы он выжил Шелеста, это была главная задача, чтобы освободить место для Щербицкого». А чтобы эта смена в КГБ прошла без сучка и без задоринки, Л. И. Брежнев на пути в одну из европейских столиц специально остановился в Киеве и на вокзальном перроне в течение 20 минут лично уговаривал В. Ф. Никитченко перебраться в Москву¹⁹¹.

Затем в конце февраля 1971 года по личному поручению Л. И. Брежнева в Киев приезжал Ю. В. Андропов, с которым, как утверждает сам П. Е. Шелест, состоялась очень откровенная беседа по многим ключевым вопросам, в том числе о ситуации в Политбюро. Причём, фиксируя в своих дневниках сам факт состоявшегося разговора,

П. Е. Шелест подметил три характерных детали: во-первых, что ему «было хорошо известно, что ещё тогда Брежнев замышлял переместить меня на другую работу», так как «на Украине я ему очень сильно мозолил глаза»; во-вторых, что он вполне осознанно говорил со своим визави довольно откровенно, а порой и резко, зная о том, что «содержание и даже подробности нашего разговора Андропов передаст Брежневу»; и, в-третьих, что эта беседа для него «даром не пройдёт»¹⁹².

Через две недели П. Е. Шелест получил ещё один сигнал о шаткости своего положения. На сей раз недобрую «весть» принёс ему Н. В. Подгорный, который в телефонном разговоре не только пожурил его за выход на шумевшей книги «Україно наша Радянська», но и поведал ему, что в Москве «некоторые деятели» на этом «сознательно подыгрывают», возбуждая антиукраинскую тему. Наконец, третий сигнал последовал уже на самом партийном съезде, в кулуарах которого, по уверениям П. Е. Шелеста, «было много разговоров» о его переезде в Москву на новую работу. Зримо чувствуя, что вокруг его персоны «происходит какая-то возня», он заявил, что «на эту тему никто разговоров с ним не вёл», но «избрание Щербицкого в состав Политбюро — это сигнал не в мою пользу»¹⁹³. А чуть позже, в январе 1972 года, через близкого к себе секретаря ЦК КПУ по идеологии Фёдора Даниловича Овчаренко П. Е. Шелест получил информацию, что против него «сговариваются» второй секретарь ЦК КПУ Иван Кондратьевич Лутак и глава Президиума Верховного Совета СССР Александр Павлович Ляшко, хотя «всё это идёт из Москвы, от руководства — через КГБ». Наконец, в конце того же месяца состоялся «крупный разговор» П. Е. Шелеста с И. К. Лутаком, по итогам которого Первый секретарь ЦК КПУ записал в своём дневнике, что его собеседник — обычная марионетка, которая лишь исполняет указания Москвы, идущие «со стороны Брежнева и Суслова», и что над ним «сгущаются тучи», ибо им «не нравятся мои откровенность и прямота постановки многих вопросов». Одновременно П. Е. Шелест фиксирует в своём дневнике и тот показательный факт, что с приходом В. В. Федорчука к руководству республиканским КГБ резко активизируется работа по самым крикливым диссидентам и видным представителям свидомой интеллигенции, в частности В. П. Некрасову, И. М. Дзюбе и И. М. Гончару.

Между тем 30 марта 1972 года состоялось очень знаковое заседание Политбюро ЦК, где среди прочих вопросов (за пределами повестки дня) обсуждалась и записка Ю. В. Андропова «О вражеской пропаганде и задачах идеологической борьбы», где он, в частности, потребовал предоставить КГБ более широкие права в борьбе с националистами и диссидентским движением. П. Е. Шелест довольно остро выступил по данному вопросу, а Л. И. Брежнев во время этого выступления «подал несколько реплик». Одна из этих «реплик» была связана с книгой самого П. Е. Шелеста «Україно наша Радянська», в которой якобы «воспевается казачество» и «пропагандируется анархизм», что, кстати, было не так далеко от истины. Вторая «реплика» касалась того, что в ЦК КПУ «так и не приняли решительных мер» по опасному «трактату» И. М. Дзюбы «Интернационализм или русификация?», опубликованному ещё в 1965 году¹⁹⁴. И, наконец, третья «реплика» генсека касалась того, что «на западе Украины кое-где поднимают голову бандеровцы и оуновцы». Во время дискуссии по этому вопросу целый ряд выступающих, в частности М. А. Суслов, А. Н. Косыгин, М. С. Соломенцев, П. Н. Демичев и В. В. Щербицкий, отличились «антиукраинскими пассажами», что вызвало бурную реакцию не только П. Е. Шелеста, но и самого Н. В. Подгорного. Поэтому Л. И. Брежнев не раз вставал

из председательского кресла и, подходя к Первому секретарю ЦК КПУ, «дружески» клал ему руку на плечо, пытаясь якобы поддержать его. Хотя, конечно, сам П. Е. Шелест прекрасно понимал, кто был реальным «заказчиком» всех этих речей, в том числе «предательского выступления В. В. Щербицкого», который «совсем себя раскрыл как подхалим, карьерист и беспринципный человек». Именно после этого заседания, которое оставило «очень тяжёлый осадок», П. Е. Шелест сделал в своём дневнике такую запись: «Я впервые задумался, как быть дальше, и пришёл к выводу, что надо уходить, ибо в таком ералаше дальше работать было невозможно»¹⁹⁵.

Развязка всей этой истории наступила 19 мая 1972 года, когда во время очередного Пленума ЦК Л. И. Брежнев пригласил П. Е. Шелеста на приватный разговор в комнату Президиума, в ходе которого под предлогом «омоложения кадров» предложил ему переехать на другую работу в Москву, где у него «будет всё», в том числе «личная дружба» и совместные «поездки на охоту». Однако П. Е. Шелест с ходу заявил, что готов уйти на пенсию и не создавать проблем генсеку. В ответ на эту реплику Л. И. Брежнев пожурил своего визави, напомнив ему аналогичную «выходку» Г. И. Воронова, и заявил, что он предлагает ему пост «зам. главы союзного правительства», который будет реально «заниматься промышленностью, в том числе военной». После этого «с большой болью в сердце» П. Е. Шелест дал добро на свой переезд в Москву, чем вызвал неописуемый восторг генсека.

Вечером того же дня состоялось заседание Политбюро, где Л. И. Брежнев сообщил о состоявшемся разговоре, итоги которого, как считает П. Е. Шелест, заранее были известны только пяти членам высшего ареопага, а именно А. Н. Косыгину, М. А. Суслову, Н. В. Подгорному, В. В. Щербицкому и Д. А. Кунаеву. Однако всё «было разыграно как по нотам» и вскоре в Протоколе решения Политбюро ЦК появился ещё один пункт за № 47 «Об утверждении тов. Шелеста П. Е. заместителем председателя Совета Министров СССР и об освобождении его от обязанностей Первого секретаря ЦК Компартии Украины»¹⁹⁶.

Кстати, на том же майском Пленуме ЦК, где по докладам Л. И. Брежнева и И. В. Капитанова были приняты два Постановления — «О международном положении» и «Об обмене партийных билетов», — состав кандидатов в члены Политбюро был пополнен секретарём ЦК Б. Н. Пономарёвым, который уже давным-давно курировал международное рабочее движение и связи со всеми компартиями буржуазных держав¹⁹⁷.

Что касается его сменщика в Киеве, то, как вспоминал сам П. Е. Шелест, во время его разговора с Л. И. Брежневым он посоветовал ему «на пост первого секретаря брать Ляшко», «на второго — Иващенко из Харькова (правильно Ващенко — Е. С.) или Дегтярёва из Донецка», а на пост председателя Президиума Верховного Совета УССР «Лутака или Кальченко»¹⁹⁸. По всем этим рекомендациям Л. И. Брежнев промолчал, однако «по первому секретарю не выдержал» и заявил: «у нас там есть член Политбюро». Этим членом, как известно, был давний брежневский товарищ, глава украинского правительства В. В. Щербицкий.

25 мая 1972 года, как только П. Е. Шелест «силком» покинул Киев и уехал на новое место службы в Москву, то по указанию М. А. Суслова был срочно созван организационный Пленум ЦК КПУ, на котором были решены все важнейшие кадровые вопросы. Итак, новым Первым секретарём ЦК КПУ был избран Владимир Васильевич Щербицкий, который, по мнению Москвы, «твёрдо стоял на позициях Богдана Хмельницкого», главой Совета Министров УССР стал Александр Павлович

Ляшко, а в кресло председателя Президиума Верховного Совета СССР была «усажена» компромиссная фигура Ивана Самойловича Грушецкого, занимавшего до того пост председателя Партийной комиссии при ЦК КПУ.

В середине июля 1972 года, как явствует из рабочих и дневниковых записей Л. И. Брежнева¹⁹⁹, находясь на отдыхе в Нижней Ореанде, он провёл встречу с В. В. Щербицким и А. П. Ляшко, которая была посвящена вопросам сельского хозяйства, в частности хлебозаготовкам и животноводству, и продолжалась более 5 часов. Этим же острым проблемам были посвящены и его длительные телефонные разговоры с Д. А. Кунаевым, Д. С. Полянским и Ф. Д. Кулаковым, поскольку во время аномальной летней жары во многих регионах страны установилась жуткая засуха, а в ряде регионов, например в Тюмени, напротив, всё лето шли проливные дожди. После проведённых консультаций Л. И. Брежнев тут же сел писать записку в Политбюро с перечнем конкретным мер по спасению урожая, которая в тот же день, 20 июля 1972 года, была одобрена на заседании высшего ареопага под председательством А. П. Кириленко, оставшегося «на хозяйстве» в Москве, и сразу разослана во все рескомы, крайкомы и обкомы партии для принятия срочных и конкретных мер.

Судя по тому же брежневскому дневнику, весь август 1972 года, помимо встреч в Г. Гусаком, Э. Хонеккером и Н. Чаушеску, которые тоже отдыхали в Крыму, генсек постоянно контролировал уборку урожая и заготовку кормов и периодически созванивался по всем этим вопросам с секретарями крайкомов и обкомов партии, а также рядом членов высшего руководства, в том числе с А. П. Кириленко, Д. А. Кунаевым, Ф. Д. Кулаковым и М. С. Соломенцевым. А 25 августа он отправился в 10-дневную рабочую поездку по стране, в ходе которой посетил Барнаул, Красноярск, Новосибирск, Омск, Кокчетав, Алма-Ату и Ташкент²⁰⁰.

Между тем уже 10 октября 1972 года с поста секретаря ЦК КПУ по идеологии был снят Фёдор Данилович Овчаренко, которого в Москве считали главным «украинствующим», так как именно с его подачи были напечатаны роман Олеся Гончара «Собор» (1968) и две научные монографии: Елены Апанович «Вооружённые силы Украины первой половины XVIII века» (1970) и Раисы Иванченко «Михаил Драгоманов в общественно-политическом движении России и Украины» (1971), — которые были крайне негативно оценены в Москве как ярчайшие образчики свидомого национализма. Тогда же на место главного идеолога украинской Компартии пришёл заместитель министра высшего образования СССР, доктор исторических наук профессор Валентин Ефимович Маланчук²⁰¹, который стал вести непримиримую борьбу против любых проявлений украинского национализма, поскольку его отец, будучи первым секретарём Лопатинского райкома КПУ во Львовской области, ещё в феврале 1945 года был убит бандеровцами.

Кстати, в это же время Л. И. Брежневу пришлось лечь на операцию в ЦКБ, которую, как он сам написал в своём дневнике, «откладывали три месяца из-за внутренних дел — главным образом сельско/хоз-х»²⁰². А после самой операции последовали «10 мучительных дней без живой связи с товарищами», хотя через «прикреплённых» они передавали ему «приветы и пожелания».

Что касается самого П. Е. Шелеста, то первоначально в личном разговоре с А. Н. Косыгиным он предложил ему взять на себя «самое тяжёлое в народном хозяйстве — топливо и энергетику». Однако новый «вице-премьер» отказался от данного предложения, мотивируя тем, что «плохо знает эти отрасли». И вечером того же дня, 26 мая, находясь в подавленном состоянии, П. Е. Шелест написал в Политбюро ЦК

заявление о своей отставке со всех постов²⁰³. Однако ряд членов Политбюро, которым он поведал о заявлении, в частности Н. В. Подгорный, Д. С. Полянский и А. Н. Шелепин, отговорили его от столь скороспелого шага. А буквально через день А. Н. Косыгин сообщил ему, что он как заместитель главы правительства будет курировать два министерства: общего машиностроения (С. А. Афанасьев) и тяжёлого, энергетического и транспортного машиностроения (В. Ф. Жигалин). Однако буквально через день Л. И. Брежнев сам позвонил П. Е. Шелесту и сообщил ему, что «всё решено так, как хотел он», и теперь ему предстоит координировать работу аж целых девяти общесоюзных министерств: путей сообщения (Б. П. Бещев), морского флота (Т. Б. Гуженко), речного флота (С. А. Кучкин), транспортного строительства (Е. Ф. Кожевников), автомобильной промышленности (А. М. Тарасов), связи (Н. Д. Псурцев), лесной, целлюлозной и деревообрабатывающей промышленности (Н. В. Тимофеев), здравоохранения (Б. В. Петровский) и медицинской промышленности (П. В. Гусенков).

Следующей «жертвой» брежневских чисток в Политбюро стал Первый секретарь ЦК Компартии Грузии Василий Павлович Мжаванадзе, занимавший свой пост с конца сентября 1953 года. Его отношения с Л. И. Брежневым носили вполне дружелюбный и ровный характер, и на протяжении всех 15 лет их совместной работы в Президиуме, а затем и в Политбюро ЦК каких-либо серьёзных стычек между ними не случалось. Вместе с тем в последние годы престарелый В. П. Мжаванадзе уже утратил прежнюю хватку и всё больше и чаще передоверял решение крупных вопросов либо своей супруге Виктории Фёдоровне Терешкевич, которую за глаза все называли «царицей Викторией»²⁰⁴, либо самому ближайшему кругу, прежде всего секретарю ЦК Шоте Илларионовичу Чануквадзе. Именно это обстоятельство затем и сыграло злую шутку в судьбе самого В. П. Мжаванадзе.

С одной стороны, всей Грузии уже порядком надоели алчность и всевластие «царицы Виктории», которая в последние годы, по сути дела, вершила всю кадровую политику во властных кабинетах республики. А с другой стороны, против В. П. Мжаванадзе стали плести «заговор», во главе которого стояли многолетний глава грузинского КГБ генерал-полковник Алексей Николаевич Инаури, секретарь ЦК Шота Илларионович Чануквадзе и министр внутренних дел Эдуард Амвросиевич Шеварднадзе. Причём, как уверяет Ф. И. Раззаков, сам этот «заговор» был инспирирован в Москве главами давно конкурирующих ведомств — Ю. В. Андроповым и Н. А. Щёлоковым, — каждый из которых преследовал свои личные цели²⁰⁵.

Судя по всему, в Москве уже давно приглядывались к Э. А. Шеварднадзе, который в мае 1965 года сменил своего шефа генерал-майора О. А. Кавтарадзе на посту министра охраны общественного порядка Грузинской ССР. Именно тогда в Тбилиси и в Москве многие отметили не только его амбициозность и особое служебное рвение, но и полную решимость начать реальную борьбу с коррупцией, давно поразившей многие эшелоны грузинской власти. Именно это обстоятельство подвигло Ш. И. Чануквадзе, который был по сути вторым человеком в грузинском ЦК, сделать ставку на молодого и перспективного министра. Именно его руками он и собрался убрать В. П. Мжаванадзе даже несмотря на то, что его старший брат, Гипократ Амвросиевич Шеварднадзе, бывший в то время секретарём Тбилисского горкома партии, давно дружил с главой республики семьями.

Операция по устранению В. П. Мжаванадзе вступила в решающую стадию, когда в конце января 1972 года от обширного инфаркта скончался старший брат Э. А. Шеварднадзе. А буквально через месяц, 22 февраля 1972 года, было принято Постановление ЦК «Об организаторской и политической работе Тбилисского горкома партии», которое тогдашний заместитель заведующего Международным отделом ЦК Анатолий Сергеевич Черняев в своём дневнике назвал «жутким», поскольку в его закрытой части речь шла о «взяточничестве, семейственности, грабежах и распаде всякой законности»²⁰⁶. Естественно, после выхода такого «жуткого» Постановления прежнее руководство столичного горкома было сразу отправлено в отставку и первым секретарём Тбилисского горкома партии был назначен Э. А. Шеварднадзе с сохранением за ним поста министра внутренних дел Грузинской ССР.

Как это ни странно, но этот документ стал полной неожиданностью для Первого секретаря грузинского ЦК, однако предлогом для его отстранения от власти стал всё же не он, а роковая связь его супруги с главой грузинских «цеховиков», подпольным миллионером Отари Лазишвили, который за пару месяцев до этого одарил «царицу Викторию» дорогим антикварным перстнем с большим бриллиантом, находившимся в розыске Интерпола²⁰⁷. Уже через месяц после выхода этого Постановления по отмашке Москвы в Грузии была проведена масштабная милицейско-чекистская операция по разгрому обувных и швейных фабрик всех «цеховиков», аресту О. М. Лазишвили и ряда его поделельников и изъятию у «царицы Виктории» того самого антикварного перстня.

А завершающая стадия смены власти в Грузии произошла уже в начале августа, когда, во-первых, новым главой грузинского МВД был назначен Константин Еремеевич Кетиладзе; во-вторых, на партийную работу в Тбилиси был переведён глава абхазского правительства Павел Георгиевич Гиладшвили, который должен был сменить Э. А. Шеварднадзе на посту Первого секретаря столичного горкома; а в-третьих, сам В. П. Мжаванадзе был срочно вызван в Москву для частного разговора с Л. И. Брежневым. В ходе состоявшейся беседы генсек, выложив все карты на стол, посоветовал ему добровольно подать в отставку и уйти на покой. Понятно, что в этой ситуации Василий Павлович покорился судьбе и заверил его, что исполнит пожелание «боевого соратника и друга».

29 сентября 1972 года в Тбилиси состоялся организационный Пленум ЦК Компартии Грузии, на котором Э. А. Шеварднадзе был избран Первым секретарём ЦК, а его предшественник, чисто формально пока сохранивший своё членство в Политбюро ЦК, ушёл на покой и вскоре переехал на новое местожительство в Москву. Сразу после его отъезда «белый лис» начнёт масштабную чистку всего партийного и государственного аппарата на всех уровнях и всего за один год снимет с насиженных постов 20 республиканских министров, более 100 секретарей районных комитетов партии и ряд высших должностных лиц, в том числе и своего «крёстного отца» Ш. И. Чануквадзе, который в конце февраля 1973 года на IX Пленуме ЦК Компартии Грузии будет отправлен в отставку с поста секретаря республиканского ЦК. Причём вся его дальнейшая судьба, в том числе место и дата смерти, так и остались неизвестны до сих пор.

Под занавес уходящего 1972 года прошёл декабрьский Пленум ЦК, где по традиции были обсуждены доклады председателя Госплана Н. К. Байбакова и министра финансов В. Ф. Гарбузова и принято привычное Постановление ЦК «О проектах Государственного плана развития народного хозяйства СССР и

Государственного бюджета СССР на 1973 г.»²⁰⁸ А в конце работы Пленума был решён и кадровый вопрос. Во-первых, как и ожидалось, В. П. Мжаванадзе был выведен из состава Политбюро, однако Э. А. Шеварднадзе не сменил его на этом посту, поскольку в тот момент он даже не был кандидатом в члены ЦК, а принцип кооптации, существовавший в довоенный период, уже давно не практиковался. Во-вторых, новым секретарём ЦК, которому теперь надлежало отвечать за тяжёлую промышленность, энергетику и нефтегазовый комплекс, был избран первый секретарь Красноярского крайкома Владимир Иванович Долгих, пробывший в этой должности всего три с половиной года. Существует представление, что столь стремительный карьерный рост В. И. Долгих был напрямую связан с личностью А. Н. Косыгина, который ещё в январе 1968 года, посещая с рабочим визитом Норильский горно-металлургический комбинат, сразу проникся особым уважением к его директору. Однако сам В. И. Долгих отрицает этот факт и уверяет, что вопрос о его переезде в Москву решался в аппарате И. В. Капитонова, а затем и в личном разговоре с Л. И. Брежневым²⁰⁹. Хотя, конечно, вопрос о работе В. И. Долгих в Секретариате ЦК не мог не обсуждаться с главой советского правительства, поскольку ему предстояло курировать важнейшие отрасли народного хозяйства страны.

Не успел наступить новый 1973 год, как в верхних эшелонах власти начались очередные «потрясения». В начале февраля на заседании Политбюро Л. И. Брежнев совершенно неожиданно для многих его членов поставил вопрос об отставке министра сельского хозяйства СССР В. В. Мацкевича, который якобы сам напросился направить его на дипломатическую работу. Когда этот вопрос в присутствии В. В. Мацкевича был тут же решён, Л. И. Брежнев вдруг заявил, что «Кулакову и Полянскому давно было дано задание подобрать кандидатуру на министра сельского хозяйства, но такой кандидатуры до сих пор так и нет. А она должна быть известной, авторитетной в партийных и советских органах и вхожей в эти органы. Поэтому я долго думал над этой кандидатурой и вношу предложение министром сельского хозяйства назначить тов. Полянского»²¹⁰. Прослушав этот пассаж генсека, никто из членов Политбюро не поддержал его, хотя было очевидно, что этот вопрос он наверняка предварительно проговаривал с рядом своих коллег, прежде всего А. Н. Косыгиным, Н. В. Подгорным и Ф. Д. Кулаковым. Понятно, что для самого Д. С. Полянского данное предложение стало громом среди ясного неба, и он в полной растерянности от такого поворота событий попросил генсека не принимать этого решения. Но неожиданно в поддержку Л. И. Брежнева подали реплики А. Н. Косыгин и Ф. Д. Кулаков, у которого с Д. С. Полянским давно были трения по работе. В результате вопрос был решён, и уже на следующий день, 3 февраля 1973 года, вышли Указы Президиума Верховного Совета СССР об освобождении Д. С. Полянского с поста первого заместителя председателя Совета Министров СССР и о назначении его министром сельского хозяйства СССР. Причём на его прежнюю должность никто не был назначен, и в составе Совмина СССР теперь остался единственный первый заместитель — Кирилл Трофимович Мазуров. При этом вечером того же дня Л. И. Брежнев принял Д. С. Полянского в своём цеховском кабинете и, дабы «подсластить пилюлю», сообщил ему, что он лично прибудет в Минсельхоз, чтобы представить членам коллегии нового главу ведомства. Что касается В. В. Мацкевича, то через пару месяцев, в конце апреля того же года, он был назначен советским послом в

Чехословакию, где проработает до начала февраля 1980 года, а затем уйдёт на заслуженный отдых.

Совершенно очевидно, что столь стремительное и даже откровенно унижительное перемещение Д. С. Полянского на пост министра с поста первого заместителя главы союзного правительства стало «чёрной меткой» бывшему хрущёвскому фавориту. Она прилетела ему не столько за его леность в работе, которую стали отмечать многие коллеги, сколько за «ненужные» разговоры с рядом членов Политбюро, прежде всего с П. Е. Шелестом, о чём Л. И. Брежнев всегда информировали органы. Тогда же, по сути, была окончательно решена и судьба двух уже опальных членов Политбюро ЦК — самого П. Е. Шелеста и Г. И. Воронова.

Как явствует из дневника П. Е. Шелеста, по его просьбе в конце марта 1973 года у него «состоялись встреча и разговор» с Л. И. Брежневым, который почти целиком был посвящён «организованной травле» и «третированию» бывшего Первого секретаря ЦК КПУ на Украине, прежде всего за потакание местным националистам, политику «украинизации» партийных и советских кадров и прочие грехи²¹¹. Л. И. Брежнев попытался свести весь разговор к «шутке», однако П. Е. Шелест не принял подобного тона и «прямо и открыто» заявил генсеку, что «когда он возвращался из Праги и остановился в Киеве, тогда он и дал "санкцию" на все эти безобразия». На следующий день у П. Е. Шелеста состоялся «длительный, сложный и тяжёлый разговор» с Н. В. Подгорным, который заявил ему, что «всё так далеко зашло, что он уже ничем помочь ему не может», и что против него «действовала "днепропетровская группа"». Глава Верховного Совета СССР посоветовал давнему товарищу «не горячиться» и не делать необдуманных шагов. Однако вечером того же дня, находясь в сильно подавленном состоянии, П. Е. Шелест, переговорив с женой и сыновьями, написал в Политбюро ЦК заявление с просьбой об отставке по состоянию здоровья. Но утром наступившего дня он передумал направлять его по адресу.

Тем временем в начале апреля 1973 года М. А. Суслов пригласил к себе в цеховский кабинет Г. И. Воронова и заявил ему, что предстоит Пленум ЦК и надо решить вопрос о его членстве в Политбюро, поскольку Л. И. Брежнев не считает нужным вхождение председателя Комитета народного контроля в этот высший партийный ареопаг. Г. И. Воронов прекрасно знал о подобной позиции генсека из его уст и считал её ущемлённой, поскольку был категорически против «принижения роли народного контроля как такового»²¹². Поэтому он не стал препираться с М. А. Сусловым и сразу написал заявление о сложении с себя полномочий не только члена Политбюро, но и председателя КНК СССР.

Между тем грозные тучи над П. Е. Шелестом продолжали сгущаться. Тогда же, в начале апреля 1973 года, в главном партийном органе ЦК КПУ — журнале «Коммунист» — была напечатана разгромная статья на его книгу «Україно наша Радянська», а её тираж изъят из продажи на всей территории УССР. Чуть позже, в середине апреля, состоялся Пленум ЦУ КПУ, на котором В. В. Щербицкий, И. К. Лутак и три первых секретаря — Днепропетровского, Винницкого и Черкасского обкомов партии А. Ф. Ватченко, П. П. Козырь и А. Н. Андреев — разразились в адрес бывшего «начальника» самой непотребной бранью и навешиванием грязных ярлыков. Сам П. Е. Шелест расценил этот очередной виток его травли как прямую отмашку Москвы, где всем процессом дирижировали Л. И. Брежнев и М. А. Сулов.

21-22 апреля 1973 года у П. Е. Шелеста состоялись приватные разговоры с А. Н. Шелепиным и Д. С. Полянским, поддержавшими его в столь трудный час, а затем и с

Н. В. Подгорным, который заявил ему, что «если будет стоять вопрос об освобождении от членства в Политбюро, то лучший способ — уйти на отдых»²¹³. На следующий день Л. И. Брежнев сам позвонил П. Е. Шелесту и пригласил его на беседу, которая состоялась вечером того же дня в его рабочем кабинете в ЦК. В ходе этого, как написал сам П. Е. Шелест, «длительного, изнурительного, но относительно спокойного» разговора он, в очередной раз излив душу генсеку, передал ему заявление о своей отставке со всех занимаемых постов. А уже утром следующего дня у него случился острый сердечный приступ, который не позволил ему принять участие в работе Пленума ЦК, впрочем, он и сам не собирался приходить на этот форум и попросил «решить его вопрос» без его участия. Не явился на Пленум ЦК и его «товарищ по несчастью» Г. И. Воронов, также не пожелавший принимать участие в своей «политической казни».

26-27 апреля 1973 года состоялся давно запланированный Пленум ЦК²¹⁴, в центре внимания которого был очередной брежневский доклад «О международной деятельности ЦК КПСС по осуществлению решений XXIV съезда партии». Судя по рабочим записям Л. И. Брежнева, работу над этим докладом он начал ещё 8 апреля, а затем дважды — 17 и 18 числа — обсуждал его с коллегами по Политбюро²¹⁵. Но не менее, а, возможно, более важным стал кадровый вопрос, решённый в конце работы Пленума ЦК. Во-первых, из состава Политбюро были выведены два давних брежневских оппонента — П. Е. Шелест и Г. И. Воронов, — которых чуть позже, 5 мая 1973 года, на сессии Верховного Совета СССР чисто формально сняли с высоких государственных постов. При этом обширный круг вопросов, которые курировал П. Е. Шелест, «разбросали» по другим зампредам Совета Министров СССР и не стали назначать нового заместителя А. Н. Косыгину. Что касается нового главы КНК СССР, то более года это кресло пустовало, и только в самом конце июля 1974 года в него сел первый заместитель председателя Совета Министров РСФСР Алексей Михайлович Школьников, который, кстати, приходился сватом секретарю ЦК по идеологии П. Н. Демичеву. После отставки Г. И. Воронов ушёл на заслуженную пенсию, а П. Е. Шелест, который был старше его на два года, всё же добился назначения на должность директора Долгопрудненского ОКБ Министерства авиационной промышленности СССР, где он проработал вплоть до января 1985 года.

Во-вторых, на этом же Пленуме произошло беспрецедентное событие — впервые за многие годы в состав Политбюро ЦК вошли сразу три влиятельных «силовика»: министр обороны СССР маршал Советского Союза Андрей Антонович Гречко, занимавший свой пост с апреля 1967 года, министр иностранных дел СССР Андрей Андреевич Громыко, который был назначен на эту должность ещё в середине февраля 1957 года, и председатель КГБ СССР Юрий Владимирович Андропов, севший в своё кресло в мае 1967 года. При этом А. А. Гречко и А. А. Громыко, минуя «кандидатский предбанник», сразу стали полноправными членами Политбюро, а Ю. В. Андропов был переведён из кандидатов в полноправные члены, что, по мнению многих историков (Р. Г. Пихоя, С. Н. Семанов, Л. М. Млечин, Д. О. Чураков²¹⁶), зримо говорило о серьёзном усилении позиций генсека во всей властной вертикали. Неслучайно тот же П. Е. Шелест в своём дневнике записал: в «партийном активе» много разговоров о том, что «Брежнев через армию и КГБ укрепляет свои политические позиции в партии» и «после такой акции его "культ" уже будет укрепляться»²¹⁷. Причём заметим, что до этого момента последними полноправными членами Политбюро (Президиума) ЦК, занимавшими посты глав МВД (КГБ), МИД и

МО СССР, были Л. П. Берия, В. М. Молотов и Г. К. Жуков. Первый, как известно, был выведен из состава Президиума ЦК в самом конце июня 1953 года, и все его сменщики на посту главы КГБ — И. А. Серов, А. Н. Шелепин и В. Е. Семичастный — в состав высшего партийного ареопага уже не входили. А двое других, как тоже хорошо известно, покинули Президиум ЦК в июле и в октябре 1957 года, и их сменщики — А. А. Громыко и Р. Я. Малиновский — в состав этого органа также не вошли. Как утверждают многие историки, Н. С. Хрущёв вполне сознательно не вводил всех этих персон в состав Президиума ЦК с тем, чтобы не делать глав ключевых силовых ведомств политическими фигурами, способными создать ему очередные проблемы на властном Олимпе. Кроме того, не будет лишним напомнить, что руководители этих силовых ведомств входили в состав Совета Министров СССР и формально числились за премьер-министром страны, но по факту все эти фигуры были исключительно «епархией» генсека. Теперь же их авторитет неизмеримо возрос, поскольку наряду с самим А. Н. Косыгиным сразу три «его министра» — А. А. Гречко, А. А. Громыко и Ю. В. Андропов — стали полноправными членами Политбюро ЦК.

На том же Пленуме ряды кандидатов в члены Политбюро ЦК пополнила новая восходящая звезда советской политической элиты — Первый секретарь Ленинградского обкома Григорий Васильевич Романов, что тоже стало определённой политической сенсацией, поскольку почти 30 лет, ещё со времён А. А. Жданова, руководитель северной столицы никогда больше не входил в высший партийный ареопаг. Теперь же эта давняя традиция была нарушена, и на то были свои резоны. Дело в том, что Г. В. Романов, всегда отличавшийся отменной работоспособностью и недюжинным организаторским талантом, в январе 1963 года по протекции Ф. Р. Козлова, под началом которого он начинал свою партийную карьеру, был назначен вторым секретарём Ленинградского обкома партии. На этом посту он зарекомендовал себя как очень толковый, волевой и требовательный руководитель, который реально руководил всем огромным промышленным (в том числе оборонным) и аграрным комплексом северной столицы и области. Положил на него глаз и сам Л. И. Брежнев, неоднократно приезжавший в Ленинград с рабочими визитами. Поэтому, когда на повестку дня был поставлен вопрос о снятии В. С. Толстикова, которого в аппарате ЦК считали скрытым «шелепинцем», то вопрос о его сменщике на посту главы Ленинградской парторганизации, по сути, не стоял. Поговаривали, что формальным поводом для снятия В. С. Толстикова стала его совместная «пьянка» в июле 1970 года с начальником Ленинградской военно-морской базы адмиралом И. И. Баковым, во время которой они прибыли на советский крейсер и, угрожая команде расправой, «угнали» его для прогулки к берегам Финляндии. Но, как бы то ни было, в середине сентября 1970 года в северной столице прошёл объединённый Пленум Ленинградского горкома и обкома партии, на котором Г. В. Романов единогласно был избран первым секретарём, а его предшественник по заведённой традиции перешёл на дипломатическую работу и ровно через месяц якобы по просьбе самой китайской стороны уехал советским послом в Пекин, где проработал до конца июля 1978 года, оставаясь всё это время членом ЦК, вплоть до конца февраля 1981 года.

На взгляд целого ряда авторов (Р. А. Медведев, Р. Г. Пихоя, Л. М. Млечин²¹⁸), именно этот Пленум знаменовал собой окончательный крах системы «коллективного руководства», сложившейся после октябрьского Пленума ЦК, и утверждение единоличного лидерства генсека. Однако Л. И. Брежневу так и не удалось в полной

мере насладиться результатами одержанной победы, так как уже летом 1973 года у него начались большие проблемы со здоровьем. Как утверждает главный кремлёвский эскулап, академик Е. И. Чазов, который ещё в 1992 году выпустил свою нашумевшую книгу «Здоровье и власть»²¹⁹, первый «тревожный звонок» прозвучал в августе 1968 года, когда в Кремле шли жаркие дискуссии с чехословацким руководством. Во время очередного раунда этих переговоров Л. И. Брежнев совершенно неожиданно для всех присутствующих «потерял нить разговора», у него стал заплетаться язык, а затем и вовсе он потерял сознание и завалился головой на стол. Генсека срочно перенесли в комнату отдыха, и его лечащий врач Н. Г. Родионов вызвал в Кремль академиков-кардиологов П. Е. Лукомского и Е. И. Чазова и профессора-невропатолога Р. А. Ткачёва, который диагностировал у него «извращённую реакцию усталого человека со слабой нервной системой на приём снотворных средств». На сей раз всё обошлось, Л. И. Брежнев поспал три часа и как ни в чём не бывало вернулся за переговорный стол.

Надо сказать, что в исторической и мемуарной литературе давно гуляют байки о том, что именно тогда у Л. И. Брежнева случился то ли первый инфаркт, то ли первый инсульт. Однако академик Е. И. Чазов, который почти все годы брежневского правления был главой IV Главного Управления Минздрава СССР, имевший самую достоверную и «секретную» информацию о состоянии здоровья буквально всех членов высшего руководства, всячески уверяет, что генсек «один лишь раз, будучи Первым секретарём ПК Компартии Молдавии, перенёс инфаркт миокарда», и только «в 1957 году были небольшие изменения в сердце, но они носили лишь очаговый характер». И с тех самых пор «у него не было ни инфарктов, ни инсультов»²²⁰. Хотя, как утверждает тот же Е. И. Чазов, «начиная с весны 1973 года у Брежнева изредка, видимо, в связи с переутомлением, начали появляться периоды слабости функции центральной нервной системы, сопровождающиеся бессонницей». Он пытался избавиться от этой напасти приёмом ряда седативных и снотворных средств, и, пока он принимал их под контролем врачей, ему удавалось быстро восстанавливать свою активность и работоспособность. Однако, как только в ближнем круге генсека появилась очередная «кремлёвская» медсестра Нина Александровна Коровякова, к которой он сразу стал питать особую мужскую симпатию, быстро переросшую в привязанность, ситуация резко изменилась.

Как уверяют заместитель начальника личной охраны генсека Владимир Тимофеевич Медведев и личный брежневский врач Михаил Титыч Косарев, «распустил эту медсестру» прежний эскулап генсека Николай Георгиевич Родионов, который сам был уже в возрасте, часто болел и вскоре умер от рака лёгких²²¹. Именно она, а также ряд членов высшего руководства, в том числе А. А. Громыко и К. У. Черненко, по просьбе самого Л. И. Брежнева стали пичкать его разными таблетками (ноксироном, ативаном, спеданом), которые только усугубляли его состояние. Правда, надо сказать, что брежневский внук Андрей Юрьевич Брежнев, напротив, утверждал, что сама Н. А. Коровякова, которую он лично знал, не пристращала «деда к наркотикам», а лишь чётко выполняла прямые указания личного врача и академика Е. И. Чазова. Более того, он предположил, что на неё сознательно «свалили вину за ошибки или за тайный умысел высокопоставленных кремлёвских медиков»²²². Об этом же в своей книге написал и В. Т. Медведев, заявивший, что обвинять во всём медсестру «не по-мужски» и «непрофессионально».

Между тем, как повествует сам Е. И. Чазов, тогда же, в августе 1973 года, в рабочем кабинете Ю. В. Андропова на Лубянке состоялась их традиционная встреча, во время которой глава КГБ убедил главного кремлёвского эскулапа «поговорить с Леонидом Ильичом» и поставить под более жёсткий контроль приём всех лекарственных препаратов, чтобы его болезнь не стала достоянием всех остальных членов Политбюро ЦК. А далее он поведал и главный мотив подобной «заботы» о здоровье генсека. Суть его умозаключений состояла в том, что любая информация о состоянии здоровья генсека «может вновь активизировать борьбу за власть в Политбюро»²²³. Как предположил сам Ю. В. Андропов, «Суслов вряд ли будет ввязываться в эту борьбу за власть», поскольку «он уже стар и его устраивает Брежнев», который почитает его за «непререкаемый авторитет» в области идеологии. Что касается А. Н. Косыгина, то генсек «его очень боится», но «он не борец за власть». А вот «президент» Н. В. Подгорный — «ограниченная личность с большими политическими амбициями» — как раз является основной фигурой, способной начать борьбу за власть, тем более что он «пользуется поддержкой определённой части партийных руководителей, таких же по характеру и стилю, как он сам». Кроме того, Ю. В. Андропов не исключил, что в эту борьбу может «включиться» и А. П. Кириленко. Поэтому «нам надо активизировать борьбу за Брежнева», чтобы не впасть в анархию, которая якобы «приведёт к развалу и хозяйства, и системы».

Если такой разговор действительно имел место, то совершенно очевидно, что, во-первых, Ю. В. Андропов явно лукавил, поскольку «переводил стрелки» на Н. В. Подгорного, который был всего на три месяца моложе М. А. Суслова и почти восемь лет не работал в центральном партаппарате; а, во-вторых, став наконец-то полноправным членом Политбюро, он убедился, что именно теперь у него появился реальный шанс побороться за высшую власть, но не сейчас, а чуть позже, когда он уберёт со своего пути всех реальных конкурентов. Кстати, именно об этом раньше всех написали небезызвестные беглые советологи Е. К. Клёпикова и В. И. Соловьёв, чей фолиант «Заговорщики в Кремле» был опубликован в нашей стране ещё в период горбачёвской перестройки²²⁴. Но об этом речь пойдёт дальше.

Вскоре после этого разговора Е. И. Чазов по рекомендации председателя КГБ договорился с руководителем личной охраны генсека генерал-майором Александром Яковлевичем Рябенко о приватной встрече с Л. И. Брежневым, в ходе которой они оговорили режим его работы и лечения под контролем личного врача. При этом генсек категорически отверг все подозрения по поводу Н. В. Подгорного и А. Н. Косыгина, заявив, что он уверен «в добром отношении» к нему главы советского государства, поскольку он «мой друг» и «мы с ним откровенны», а что касается главы советского правительства, то «хотя он себе и на уме, но поддержкой в Политбюро не пользуется»²²⁵.

По уверению самого Е. И. Чазова, это была их «последняя обстоятельная и разумная беседа, в которой Брежнев мог критически оценивать и своё состояние, и ситуацию», и почти целый год после этого разговора «он старался держаться и чувствовал себя удовлетворительно». Судя по брежневскому дневнику, всю осень и зиму 1973 года он активно работал, принимал не только членов Политбюро и Секретариата ЦК, но также контактировал с первыми секретарями обкомов и крайкомов партии, в частности М. С. Горбачёвым, И. А. Бондаренко, С. Ф. Медуновым, А. В. Георгиевым и А. И. Шibaевым, решал международные дела с А. А. Громыко и Н. С. Патоличевым, обсуждал вместе с начальником Генштаба В. Г.

Куликовым вопросы военных поставок в Индию и Афганистан, наконец, принимал лидера Венгрии Яноша Кадара, министра финансов США Джорджа Шульца и госсекретаря США Генри Киссинджера и вёл с ними переговоры²²⁶.

В первой половине 1974 года он сумел достойно провести заседание Политического консультативного совета стран — участниц ОВД, избирательную кампанию в Верховный Совет СССР и встречу с президентом США Ричардом Никсоном во время его визита в Москву. Но уже в середине июля 1974 года, буквально накануне его визита в Польшу, у генсека произошёл очередной «срыв», который привёл его в «астеническое состояние». В таком состоянии он пребывал и в самой Польше, о чём позднее в своих мемуарах поведал тогдашний Первый секретарь ЦК ПОРП Эдвард Терек²²⁷. Правда, после возвращения из Польши, в самом конце июля 1974 года, Л. И. Брежнев всё же смог прийти в себя и даже провести очередной Пленум ЦК, который был целиком посвящён вопросам проведения первой сессии Верховного Совета СССР IX созыва и формирования новых составов Президиума Верховного Совета СССР, его постоянных комиссий и Совета Министров СССР²²⁸. Однако уже в августе 1974 года происходит резкий спад активности генсека, о чём не менее зримо говорят его личные дневниковые записи, которые почему-то обрываются серединой октября этого года и возобновляются только в июне 1975 года, и при этом носят совершенно отрывочный и куцый характер²²⁹.

Очередной и самый сильный «срыв» произошёл у Л. И. Брежнева сразу же после окончания знаменитой Владивостокской встречи с новым лидером США Джеральдом Фордом, которая состоялась в конце ноября 1974 года. Во время следования правительственного поезда из Владивостока в Улан-Батор, куда генсек направился с официальным визитом в гости к лидеру Монголии Юмжагйину Цэдэнбалу, он вновь впал в «астеническое состояние». Целый ряд мемуаристов и историков, в частности Г. А. Арбатов²³⁰, утверждают, что это был первый инсульт, который положил конец его активной политической работе, но это совершенно не так. Это был очередной «срыв», связанный как с бесконтрольным приёмом седативных и снотворных препаратов, так и с прогрессирующим атеросклерозом сосудов головного мозга. Однако самое печальное состояло в том, что в таком «пикантном» состоянии Л. И. Брежнева лицезрели ряд членов правительственной делегации, в том числе и два члена Политбюро — А. А. Гречко и А. А. Громыко. Медики довольно быстро привели генсека в форму, и его визит в Монголию прошёл на должном уровне. Также без каких-либо происшествий прошёл и его официальный визит во Францию, где в замке Рамбуйе у Л. И. Брежнева прошли очень продуктивные переговоры с новым президентом Франции Валери Жискар д'Эстеном, в том числе по торгово-экономическим вопросам²³¹.

По возвращении в Москву в середине декабря 1974 года состоялся новый Пленум ЦК, где, как всегда, были обсуждены доклады В. Ф. Гарбузова и Н. К. Байбакова и принято Постановление ЦК «О проектах Государственного плана развития народного хозяйства СССР и Государственного бюджета СССР на 1975 г.»²³² Но в отличие от прежних «предновогодних» Пленумов ЦК Л. И. Брежнев на этом форуме не выступал. Кроме того, на этом Пленуме был решён важный кадровый вопрос: из состава Секретариата ЦК был выведен Пётр Нилович Демичев, который ещё в середине ноября был назначен министром культуры СССР. Дело в том, что в конце октября 1974 года совершенно неожиданно для всех ушла из жизни легендарная Екатерина Алексеевна Фурцева, занимавшая этот пост более 14 лет. По

медицинскому заключению, которое подписал тот же академик Е. И. Чазов, причиной её смерти была названа острая сердечная недостаточность. Хотя уже тогда по Москве поползли упорные слухи, что причиной её смерти стало самоубийство, что позднее подтвердили многие её коллеги и подруги, а также последний председатель КГБ СССР В. А. Крючков.

Надо сказать, что столь стремительное передвижение П. Н. Демичева из состава Секретариата ЦК в союзное правительство, где ещё с хрущёвских времён он был одним из кураторов идеологического фронта, по сути развязало руки М. А. Суслову, который отныне стал не просто главным, а единственным партийным идеологом, подмявшим под себя всю эту сферу, в том числе Отдел пропаганды и агитации ЦК. Причём, что любопытно, тогда же заведующим этим отделом (опять-таки в статусе и. о.) был назначен известный партийный философ Георгий Лукич Смирнов. При этом, по свидетельству заместителя начальника личной охраны генсека генерал-майора В. Т. Медведева, накануне Пленума перед заседанием Политбюро ЦК П. Н. Демичев был на аудиенции у Л. И. Брежнева, где попытался отказаться от поста министра культуры. Однако тот, довольно сухо выслушав визитёра, жёстко отвёл все его доводы и заявил, что этот вопрос уже значится в повестке дня Политбюро²³³.

Между тем, как утверждает бывший председатель КГБ В. А. Крючков²³⁴, 30 декабря 1974 года в связи с его назначением на пост начальника Первого главного управления КГБ СССР он был представлен Л. И. Брежневу, который «с большим трудом поднялся, чтобы поздороваться» с ним. А уже вечером того же дня в кабинете Ю. В. Андропова он якобы стал свидетелем приватного разговора своего шефа с секретарём ЦК Д. Ф. Устиновым, которые говорили о том, что «пора найти какой-то мягкий и безболезненный вариант постепенного отхода Брежнева от дел», поскольку «продолжать и дальше управлять страной в таком состоянии он уже не может физически».

Понятно, что брежневская болезнь, о которой уже прознали многие члены высшего руководства страны, неизбежно обострила ситуацию внутри Политбюро. Как считают многие историки, именно с этим обстоятельством было принято важное решение окончательно «закрыть вопрос» с «Железным Шуриком», который уже давно стал «бельмом на глазу» у всей брежневской группировки. Надо было лишь найти подходящий повод — и вскоре он был найден. Причём, судя по всему, этот «повод» тщательно готовился в аппарате самого Л. И. Брежнева.

Как вспоминал Борис Иосифович Поклад, работавший тогда личным помощником первого заместителя министра иностранных дел СССР Василия Васильевича Кузнецова, весенним утром 1975 года ему позвонил брежневский помощник по международным делам Александр Михайлович Александров-Агентов и попросил срочно отправить в ЦК записку относительно зарубежной поездки А. Н. Шелепина. Причём эта «просьба» была столь неоднократной и настойчивой, что Б. И. Поклад, несмотря на то что данная записка ещё не была подписана В. В. Кузнецовым, исполнявшим в то время обязанности министра, вынужден был отправить её в аппарат Л. И. Брежнева²³⁵. Оттуда она сразу перекочевала к К. У. Черненко, который как заведующий Общим отделом ЦК определял всю повестку работы Политбюро, на заседании которого и было принято решение направить главу ВЦСПС А. Н. Шелепина в Великобританию во главе советской профсоюзной делегации с ответным визитом.

Надо сказать, что относительно этой поездки до сих пор ходят разные слухи. В частности, есть версия, что руководство британских профсоюзов, зная о предстоящей поездке А. Н. Шелепина, посоветовало советскому послу Н. М. Лунькову проинформировать Москву о нежелательности его пребывания в Лондоне. Однако в Москве этот сигнал проигнорировали и приняли «нужное решение». По другой же версии, которую озвучила тогдашний секретарь ВЦСПС Александра Павловна Бирюкова, в ЦК как раз прислушались к этой информации и не рекомендовали А. Н. Шелепину лететь в Лондон. Однако он настоял на своей поездке, поскольку «серьёзно относился к международному профсоюзному движению и очень хотел наладить отношения с руководством британских тред-юнионов»²³⁶.

Когда А. Н. Шелепин во главе профсоюзной делегации оказался уже в Лондоне, то практически сразу его встретили организованные акции протеста. По сути, ему устроили настоящую обструкцию, поскольку для английской публики он был не столько главой советских профсоюзов, сколько пусть и бывшим, но всё же шефом «советской тайной полиции» и «кровавым сталинистом», который самолично отдавал приказы об убийстве знаковых противников советской власти, давно проживающих за рубежом, в том числе С. А. Бандеры, что было установлено боннским уголовным судом. Особенно мощная обструкция, или, как выразился тогдашний заместитель заведующего Международным отделом ЦК А. С. Черняев²³⁷, «кошачий концерт», была организована возле штаб-квартиры британских профсоюзов, откуда товарища А. Н. Шелепина даже пришлось эвакуировать через чёрный ход, а посольского водителя, который вышел к правительственному лимузину через парадную, лондонцы, приняв за главу советской делегации, закидали тухлыми яйцами, гнилыми помидорами и пакетами с прокисшим молоком. В итоге визит члена Политбюро ЦК и председателя ВЦСПС, по сути, не только провалился, но и закончился громким международным скандалом, который бурно освещался всей мировой прессой.

Между тем надо сказать, что немаловажную роль в провале этого визита сыграла статья небезызвестного советско-британского журналиста Виктора (Виталия Евгеньевича) Луи, опубликованная в одной из ведущих британских газет Evening News, которая щедро спонсировалась Москвой, накануне шелепинского визита. Именно из этой статьи британский читатель и узнал о том, что глава советских профсоюзов — ярый сталинист и бывший глава советской тайной полиции. А поскольку В. Е. Луи был не просто журналистом, а являлся давним агентом советских спецслужб²³⁸, то вполне возможно предположить, что его публикация была санкционирована не просто Москвой, а самим шефом КГБ Ю. В. Андроповым, по заданию которого он довольно часто выполнял самые деликатные поручения и играл роль надёжного связного с целым рядом влиятельных, в том числе разведывательных, западных структур²³⁹.

В Москву А. Н. Шелепин вернулся незадолго до очередного Пленума ЦК. Как свидетельствует В. Е. Семичастный, 16 апреля 1975 года буквально за час до начала работы в кабинете Л. И. Брежнева по его просьбе состоялся личный разговор с А. Н. Шелепиным, в ходе которого генсек попросил своего визави написать заявление о его выводе из состава Политбюро. Тот якобы не стал сопротивляться и тут же написал такое заявление²⁴⁰. На самом же Пленуме, в центре внимания которого был доклад министра иностранных дел СССР А. А. Громыко «О международном положении и внешней политике Советского Союза»²⁴¹, А. Н. Шелепин не присутствовал, и вопрос о его «добровольной» отставке с поста члена Политбюро был решён без каких-либо

вопросов со стороны членов ЦК, хотя для многих из них, в том числе членов Политбюро и Секретариата ЦК, это стало полной неожиданностью. Причём, как уверяет тот же А. С. Черняев, решение по А. Н. Шелепину было принято даже несмотря на то, что чопорные англичане, устроившие ему «кошачий концерт» в Лондоне, восприняли эту отставку как свою неоспоримую победу.

Через день А. Н. Шелепин написал на имя Л. И. Брежнева личное письмо, в котором попросил отправить его на заслуженный отдых. Однако и сам генсек, и особенно М. А. Суслов восприняли данную «просьбу» 56-летнего отставника, не достигшего пенсионного возраста, как издёвку и «несогласие с политическим курсом руководства страны». В результате главный идеолог партии отчитал А. Н. Шелепина, как мальчишку, и заставил переписать своё послание, в котором теперь была озвучена просьба «предоставить мне любую работу, без чего я не мыслю свою жизнь»²⁴². И такая работа, подобранная К. У. Черненко, была вскоре предоставлена. В самом конце мая 1975 года на VIII Пленуме ВЦСПС А. Н. Шелепин был отправлен в отставку и назначен на нарочито унижительную должность заместителя председателя Госкомитета по профтехобразованию. При этом М. А. Суслов, лично инструктируя его нового начальника А. А. Булгакова, дал ему прямое указание создать вокруг его нового зама «полнейший вакуум».

Кстати, о том, что отставка А. Н. Шелепина готовилась второпях, красноречиво говорит такой любопытный факт: целых полтора года пост председателя ВЦСПС оставался вакантным, и только в самом конце ноября 1976 года в это кресло сел первый секретарь Саратовского обкома Алексей Иванович Шibaев. Причём, судя по брежневским записям, эту кандидатуру генсеку предложил М. А. Суслов²⁴³.

Как известно, в самом конце июля 1975 года Л. И. Брежнев во главе советской делегации прибыл в Хельсинки для подписания Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. К этому времени кремлёвским эскулапам удалось вывести его «из состояния мышечной астении и депрессии». Однако они очень боялись, что он вновь может «сорваться», и поэтому настояли на том, чтобы состав сопровождающих лиц был сведён до минимума, а круг личного общения ограничился всего двумя персонами — А. А. Громыко и стремительно набирающим политический вес К. У. Черненко²⁴⁴. В результате визит в Хельсинки прошёл без особых проблем, но сразу после возвращения, когда Л. И. Брежнев уехал на отдых в любимую Нижнюю Ореанду, всё вернулось на круги своя. Как уверяет Е. И. Чазов, узнав об этом, во время очередной встречи с Ю. В. Андроповым он заявил ему, «что больше мы не имеем права скрывать от Политбюро ситуацию, связанную со здоровьем Брежнева и его возможностью работать»²⁴⁵. В этой ситуации руководитель КГБ решил лично встретиться с Л. И. Брежневым и, вернувшись из Крыма в «удручённом состоянии», согласился с Е. И. Чазовым, что необходимо «более широко информировать Политбюро о состоянии здоровья генсека».

Перебрав все возможные варианты, они решили сперва информировать о ситуации М. А. Суслова, который, также переговорив с генсеком, посоветовал «пока не расширять круг лиц, знакомых с истинным положением дела», ибо это может спровоцировать политическую борьбу и «нарушить сложившийся статус-кво в руководстве и спокойствие в стране». Однако вскоре о болезни генсека прознали и другие члены Политбюро, в частности Н. В. Подгорный, который даже заявился проведать старого товарища и друга в Кремлёвскую больницу на улице Грановского, куда Л. И. Брежнев слёг сразу после окончания отпуска. Как позднее уверял Г. И.

Воронов, сам Н. В. Подгорный признался ему, что они «пытались убрать Брежнева» и «поставить официально вопрос» о его отставке на Пленуме ЦК²⁴⁶. Причём в этот «заговор» были вовлечены и ряд других членов Политбюро, в частности Ю. В. Андропов и В. В. Гришин, но они не стали информировать генсека об активности Н. В. Подгорного. Более того, как считает А. В. Островский, через Е. И. Чазова глава КГБ пытался привлечь к этому «заговору» и В. В. Щербицкого с предложением переехать на работу в Москву. Однако в личном разговоре с главным кремлёвским эскулапом лидер украинского ЦК заявил ему, что «Брежнев — сильный человек и выйдет из этого состояния» и «в этой политической игре я участвовать не хочу».

Между тем ряд авторов (В. В. Прибытков, Н. С. Леонов, Н. А. Коровякова) уверяют, что именно тогда у Л. И. Брежнева произошёл то ли новый инфаркт, то ли первый инсульт, который надолго вывел его из рабочего состояния²⁴⁷. Однако Е. И. Чазов отрицает все эти утверждения и говорит о том, что это был очередной «срыв». Именно тогда события, связанные с болезнью генсека, как выразился сам Е. И. Чазов, «начали приобретать политический характер». Слухи о тяжёлом состоянии Л. И. Брежнева стали широко обсуждаться «не только среди членов Политбюро, но и среди членов ЦК». Эта ситуация вызвала беспокойство не только Ю. В. Андропова и Е. И. Чазова, но и других близких к Л. И. Брежневу людей. В частности, тогдашний секретарь ЦК по оборонке генерал-полковник Д. Ф. Устинов в частном разговоре с главой кремлёвской медицины сказал, что «обстановка становится сложной» и поэтому необходимо «использовать всё, что есть в медицине, чтобы поставить Леонида Ильича на ноги», а также «продумать всю тактику подготовки его к съезду партии», решение о созыве которого было принято на апрельском Пленуме ЦК²⁴⁸.

По версии Е. И. Чазова, первым шагом в реализации этого «плана» стало удаление из ближнего круга генсека той самой медсестры Н. А. Коровяковой, которая уже приобрела такой вес, что даже смогла рассорить Л. И. Брежнева с его первым и давним помощником Георгием Эммануиловичем Цукановым. Реализация данной задачи потребовала проведения целой «спецоперации», которая была возложена на начальника личной охраны генсека генерал-майора А. Я. Рябенко²⁴⁹. Вторым шагом стало желание самого Л. И. Брежнева «прекратить бездельничать» и «садиться за подготовку к съезду». Такой перелом в его настроении произошёл в ноябре 1975 года, и с этого момента генсек «стал встречаться с товарищами» и плотно работать над Отчётным докладом ЦК.

А уже в начале декабря 1975 года состоялся предновогодний Пленум ЦК, на котором, помимо привычных докладов председателя Госплана СССР Н. К. Байбакова и министра финансов СССР В. Ф. Гарбузова, выступили сам Л. И. Брежнев и М. А. Суслов²⁵⁰. Причём сообщение главного партийного идеолога, посвящённое организационному вопросу, было беспрецедентным по содержанию. Членам Пленума ЦК, вопреки традиции и партийному уставу, предложили проголосовать за досрочный вывод из состава ЦК трёх отставных членов Политбюро — П. Е. Шелеста, Г. И. Воронова и А. Н. Шелепина, — а также бывших лидеров ЦК Компартии Грузии и Армении В. П. Мжаванадзе и А. Е. Кочиняна, бывшего главы Совета Национальностей Верховного Совета СССР Я. С. Насриддиновой и бывшего второго секретаря ЦК Компартии Грузии А. Н. Чуркина. Как много позже предположили ряд этих отставников, это было сделано специально для того, чтобы они (как члены «старого» ЦК) не смогли принять участие в предстоящем съезде и, не дай Бог, выступить там с критикой брежневского курса²⁵¹. Хотя ряд авторов (А. В.

Островский²⁵²) высказали мнение, что эта отставка, организованная Ю. В. Андроповым, стала, с одной стороны, превентивным ударом по «команде» Н. В. Подгорного, который мог на этом Пленуме поднять антибрежневскую бучу и опереться на указанных отставников, а с другой стороны, была призвана создать «дымовую завесу» над самим главой КГБ, который «замазался» в опасных контактах с главой советского государства.

Наконец 20 февраля 1976 года состоялся предсъездовский Пленум ЦК, на котором были заслушаны доклады Л. И. Брежнева и А. Н. Косыгина и приняты соответствующие Постановления «Об отчёте ЦК КПСС XXV съезду КПСС» и «О докладе XXV съезду КПСС "Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976-1980 гг."». Кроме того, на этом Пленуме ЦК были решены и чисто рабочие вопросы, связанные с организацией работы съезда и принятием необходимых документов²⁵³.

Сам же XXV съезд КПСС, как и было запланировано, прошёл в Москве в Кремлёвском дворце 24 февраля — 5 марта 1976 года. Его делегатами стали почти 5000 членов партии со всех уголков необъятной страны. Никаких сенсаций на этом съезде, названном «важной вехой на пути к коммунизму», не прозвучало, если не считать того, что впервые с хрущёвских времён каждый выступающий считал своим неременным долгом высказать приветствие и здравницу в адрес «дорогого Леонида Ильича», чуть ли не соревнуясь между собой в пустопорожном словоблудии и подхалимстве. Но, безусловно, всех ораторов и краснобаев переплюнул Первый секретарь ЦК Компартии Грузии Эдуард Амвросиевич Шеварднадзе, заявивший, что на «примере лидера нашей партии мы должны воспитывать себя и других... трудиться по-ленински, мыслить по-ленински, жить по-ленински».

По традиции в последний день работы съезда состоялись выборы в ЦК и ЦРК. В состав ЦК вошли 287 членов и 139 кандидатов в члены, а в состав ЦРК были избраны 85 членов. Вечером того же дня прошёл организационный Пленум ЦК²⁵⁴, на котором был утверждён и весь персональный состав двух руководящих органов — Политбюро и Секретариата ЦК. Полноправными членами Политбюро стали 16 человек, из которых 14 являлись таковыми ещё до проведения съезда: Л. И. Брежнев, Ю. В. Андропов, А. А. Гречко, В. В. Гришин, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, Ф. Д. Кулаков, Д. А. Кунаев, К. Т. Мазуров, А. Я. Пельше, Н. В. Подгорный, М. А. Суслов и В. В. Щербицкий. Этот состав кремлёвских небожителей дополнили два видных представителя военно-промышленного комплекса страны — многолетний секретарь ЦК по оборонке Д. Ф. Устинов и Первый секретарь Ленинградского обкома партии Г. В. Романов, чья вотчина традиционно была одним из главных и крупнейших центров всего советского ВПК. При этом Д. С. Полянский — один из давних членов Политбюро (Президиума) ЦК, вошедший в его состав ещё в июне 1958 года, — был не только отставлен с этого поста, но и лишился своей должности министра сельского хозяйства СССР, а уже в апреле 1976 года отбыл в Токио на должность полномочного и чрезвычайного посла. Формальной причиной этой опалы стало то, что при голосовании нового состава ЦК Д. С. Полянский, наряду с Н. В. Подгорным, получил наибольшее число «чёрных шаров». Но реальной причиной опалы стал его конфликт с Л. И. Брежневым во время традиционной зазидовской охоты, когда Д. С. Полянский возмутился тем, что за обеденным столом рядом с генсеком уселась «какая-то девица», т. е. та самая медицинская сестра Н. А. Коровякова²⁵⁵. Кроме того, Л. И. Брежнев был прекрасно осведомлён о том, что после своей отставки с поста первого

заместителя главы союзного правительства обиженный Д. С. Полянский начал очень активно контактировать с рядом таких же «обиженных» бывших коллег по Политбюро, в частности П. Е. Шелестом и Г. И. Вороновым²⁵⁶. Тогда же новым министром сельского хозяйства СССР был назначен второй секретарь ЦК Компартии Казахстана Валентин Карпович Месяц, который числился в рядах настоящих знатоков аграрного производства.

В состав кандидатов в члены Политбюро были избраны шесть человек, пятеро из которых, а именно П. Н. Демичев, П. М. Машеров, Б. Н. Пономарёв, Ш. Р. Рашидов и М. С. Соломенцев, являлись таковыми ещё до данного съезда. Единственным новичком в этой когорте стал Первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана Г. А. Алиев. Что касается Секретариата ЦК, то его состав был увеличен до 11 членов, из которых Л. И. Брежнев, В. И. Долгих, И. В. Капитонов, К. Ф. Катушев, А. П. Кириленко, Ф. Д. Кулаков, Б. Н. Пономарёв, М. А. Суслов и Д. Ф. Устинов уже входили в состав этого органа. Теперь же их ряды пополнили кадровый партийный работник и дипломат, многолетний главный редактор «Правды» Михаил Васильевич Зимянин и руководитель Общего отдела ЦК Константин Устинович Черненко, который сохранил за собой этот ключевой пост во всём аппарате ЦК. При этом, как свидетельствует Р. И. Косолапов, по инициативе М. А. Суслова была проведена рокировка в главных партийных изданиях: сам он пересел из кресла заместителя главного редактора «Правды» в кресло главного редактора журнала «Коммунист», а его предшественник на этом посту — профессор В. Г. Афанасьев, — напротив, вернулся в «Правду» и стал её главным редактором, просидев в этом кресле более всех редакторов — до конца октября 1989 года²⁵⁷. Причём на самом съезде их впервые избрали в состав ЦК: первого — в качестве кандидата, а второго — полноправного члена.

Чуть позже, в конце апреля 1976 года, на заседании Политбюро между всеми секретарями ЦК будут расписаны их прямые обязанности: Генеральный секретарь ЦК Л. И. Брежнев, как и прежде, был председательствующим на заседаниях Политбюро, М. А. Суслов, который по факту был уже не первый год вторым секретарём ЦК и главным идеологом партии, вёл все заседания Секретариата ЦК и в случае отсутствия генсека и заседания Политбюро, А. П. Кириленко, который в негласной табели о рангах значился «третьим» секретарём, стал отвечать за работу отделов машиностроения, строительства, транспорта и связи, плановых и финансовых органов, а также торговли и бытового обслуживания, Ф. Д. Кулаков, продолжая шефствовать над аграрным комплексом страны, стал непосредственно курировать лёгкую и пищевую промышленность, Д. Ф. Устинов, как и прежде, был главным куратором всего военно-промышленного комплекса, а также трёх отделов ЦК (оборонного, химической промышленности и административных органов), В. И. Долгих стал вести вопросы тяжёлой промышленности, Б. Н. Пономарёв и К. Ф. Катушев как руководители двух Международных отделов ЦК отвечали за всё рабочее и коммунистическое движение, И. В. Капитонов по-прежнему вёл все кадровые вопросы, М. В. Зимянин вместо П. Н. Демичева был теперь переброшен на идеологический фронт, где стал отвечать за работу Агитпропа и Отделов культуры, науки и учебных заведений, а К. У. Черненко, сохранив за собой пост заведующего Общим отделом ЦК, стал ответственным за работу со всей документацией, а также за вопросы организационно-технической подготовки заседаний Политбюро и Секретариата ЦК.

Как считают многие историки и советологи, анализ обновлённого состава высшего советского руководства даёт все основания утверждать, что генсеку наконец-то удалось создать в главных партийных органах очевидный перевес своих сторонников и в составе Политбюро ЦК фактически остались только три персоны, которые могли представлять для генсека какую-либо угрозу: председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный, глава Совета Министров СССР А. Н. Косыгин и его первый заместитель К. Т. Мазуров. Но с этими коллегами Л. И. Брежнев и Ко разберутся значительно проще, чем с их предшественниками.

Между тем утром 26 апреля 1976 года в результате острого сердечного приступа совершенно неожиданно для всех скончался министр обороны СССР маршал Советского Союза Андрей Антонович Гречко. Столь неожиданная смерть главы военного ведомства, который, как уверяют ряд мемуаристов²⁵⁸, в последнее время часто конфликтовал с Л. И. Брежневым и особенно с Д. Ф. Устиновым, конечно, вызвала ряд законных вопросов. Так, генерал армии В. И. Варенников утверждает, что маршал А. А. Гречко был, по сути, затравлен Д. Ф. Устиновым, который давно мечтал сесть в его кресло. Их постоянные и крайне острые конфликты, в том числе на заседании Политбюро, подточили здоровье министра обороны и привели к столь печальному концу.

Практически весь командный состав Вооружённых сил предполагал, что новым главой военного ведомства станет один из трёх первых заместителей министра обороны СССР: либо главком ОВС ОВД маршал Советского Союза Иван Игнатьевич Якубовский, либо начальник Генерального штаба генерал армии Виктор Георгиевич Куликов, либо, на худой конец, генерал армии Сергей Леонидович Соколов. Однако совершенно неожиданно для всех новым министром обороны стал многолетний друг генсека, фактический глава всего военно-промышленного комплекса страны Дмитрий Фёдорович Устинов, который уже 27 апреля 1976 года на заседании Политбюро ЦК был утверждён в новой должности и произведён в генералы армии, а в июле того же года и в маршалы Советского Союза. Причём на том же заседании Политбюро ЦК по предложению Д. Ф. Устинова было принято решение присвоить звание маршала Советского Союза самому Л. И. Брежневу, который уже стал терять чувство реальности и временами впадать в старческий маразм. Хотя, как уверяют В. И. Варенников и В. Г. Куликов, сам Л. И. Брежнев до последнего колебался в своём выборе, но всё же принял это решение и лично представил нового главу военного ведомства страны на заседании коллегии Министерства обороны СССР²⁵⁹. Отныне маршал Д. Ф. Устинов стал, пожалуй, самым влиятельным членом высшего советского руководства, подотчётным только генсеку.

Как уверяет тот же В. И. Варенников, «поначалу всё шло по инерции», новый министр «был полностью поглощён кадровыми вопросами», и в первую очередь тем, кого «поставить на Генштаб». В тот период новым начальником «мозга армии» мог быть только заместитель министра обороны, председатель Гостехкомиссии генерал армии Николай Васильевич Огарков, с которым «он сблизился по делам службы», поскольку отвечал за защиту от зарубежной разведки всей военно-технической информации. Однако во главе Генштаба тогда находился генерал армии В. Г. Куликов, который не только был моложе Н. В. Огаркова, но и являлся личной креатурой Л. И. Брежнева. В этой ситуации Д. Ф. Устинов и два его давних и верных помощника, пришедших из аппарата ЦК, контр-адмирал С. С. Турунов и генерал-майор И. В. Илларионов, стали «копать» под маршала И. И. Якубовского, чтобы убрать его с

поста главкома ОВД и освободить место для В. Г. Куликова. В результате всей этой закулисной возни прославленный военный танкист слёг на госпитальную койку и в самом конце ноября 1976 года из-за обострившихся болезней ушёл из жизни. А уже в январе 1977 года была проведена ранее задуманная рокировка: Н. В. Огарков был назначен начальником Генерального штаба, а В. Г. Куликов перемещён на должность главкома ОВС ОВД. При этом обоим генералам армии, с которыми Л. И. Брежнев встретился лично, было присвоено очередное воинское звание — маршал Советского Союза. При этом генерал армии В. И. Варенников, неплохо знавший И. В. Илларионова и С. С. Турунова, в своих подробнейших мемуарах написал, что, работая с Д. Ф. Устиновым «многие десятки лет», они «были ему преданы до мозга костей и отлично разбирались в технических вопросах, т. е. в том, что являлось для самого Устинова главной специальностью». Что же касается военного дела, то «со временем, будучи опытными и развитыми людьми», они серьёзно «повысили свои познания в военной области», которые у них «были значительно выше, чем у их шефа»²⁶⁰.

Тем временем в самом начале августа 1976 года произошёл несчастный случай с главой советского правительства А. Н. Косыгиным, который едва не стоил ему жизни. Катаясь по Москве-реке на байдарке-одиночке, он внезапно потерял равновесие и перевернулся вместе с лодкой, здорово нахлебавшись воды. Охрана еле-еле успела вытащить его из реки и препроводить в военный госпиталь в Архангельском, где находилась его загородная дача. Как позднее установили медицинские светила академики Е. В. Шмидт и А. Н. Коновалов, во время гребли у него произошло резкое нарушение мозгового кровообращения, в результате чего глава правительства потерял сознание и перевернулся в воду²⁶¹. К счастью для него, кровеносный сосуд разорвался не в самой мозговой ткани, а в оболочке мозга, что позволило через пару месяцев поставить его на ноги. Хотя, как уверяет академик Е. И. Чазов, это был «уже не тот Косыгин», от его прежней хватки и смелости в принятии решений не осталось и следа, да и заседания правительства уже стали проходить куда как менее оперативно и результативно.

А тем временем в начале сентября 1976 года у А. Н. Косыгина появился ещё один первый заместитель, которым стал давний брежневский приятель и член «днепропетровского клана» Николай Александрович Тихонов, который уже с начала октября 1965 года занимал пост «рядового» заместителя председателя Совета Министров СССР и курировал металлургическую промышленность. Понятно, что это назначение имело далеко идущие планы. С одной стороны, оно стало явной «шпилькой» в адрес К. Т. Мазурова, который более трёх лет после отставки Д. С. Полянского оставался единственным первым заместителем А. Н. Косыгина. А с другой стороны, это назначение стало явным «звонком» самому главе советского правительства, поскольку именно Н. А. Тихонов, не будучи ещё даже кандидатом в члены Политбюро, стал вести заседания Совета Министров СССР во время болезни своего шефа. Хотя надо сказать, что многолетний Управделами Совмина СССР М. С. Смиртюков, проработавший в этой должности ровно четверть века, уверял, что Н. А. Тихонов «был, наверное, единственным зампредом Совмина, который одинаково хорошо ладил и с Брежневым, и с Косыгиным». Причём «генсек ценил Тихонова прежде всего за прямоту и честность», сам же называл его «мой критик» и «внимательно выслушивал его замечания по всем крупным вопросам, которые готовилось рассматривать Политбюро». Но точно так же Н. А. Тихонов «относился и

к Косыгину», и если он в чём-то был не согласен с ним, то «говорил ему об этом прямо в лицо, никогда не говоря за глаза ничего плохого. Поэтому, когда в 1976 году с Косыгиным случилось несчастье, едва придя в себя, он позвонил мне» и дал поручение подготовить «записку для Политбюро, что исполнять мои обязанности на время болезни будет Тихонов»²⁶².

Тогда же, в сентябре 1976 года, резко укрепились позиции К. У. Черненко, который в условиях нарастающей немощи Л. И. Брежнева стал его alter ego. В исторической и мемуарной литературе (Р. А. Медведев, И. Г. Земцов²⁶³), да и в широком общественном сознании, сложился довольно искажённый образ этого человека как серого и безликого канцеляриста, всегда бывшего в тени генсека. Однако, как свидетельствуют ряд авторов (Е. И. Чазов, В. А. Печенев, В. В. Прибытков²⁶⁴), хорошо знавших К. У. Черненко, это совершенно не так. В свои лучшие годы это был блестящий управленец и настоящий трудоголик, никогда не бросал слов на ветер и всегда чётко, аккуратно и вовремя исполнял все поручения и взятые на себя обязательства. Неслучайно во всём аппарате ЦК в те времена в чести была такая формула: «хочешь быстро и чётко решить любой вопрос, ступай к Черненко».

Между тем, вопреки устоявшейся традиции, уже 25-26 октября 1976 года состоялся «предновогодний» Пленум ЦК²⁶⁵, на котором, как всегда, были заслушаны доклады председателя Госплана Н. К. Байбакова и министра финансов СССР В. Ф. Гарбузова и единогласно принято Постановление ЦК «О проектах Государственного пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР на 1976-1980 гг., Государственного плана развития народного хозяйства СССР на 1977 г. и Государственного бюджета СССР на 1977 г.». Но самыми «интригующими» стали сообщение Л. И. Брежнева и рассмотрение «вопроса о деятельности министра обороны СССР Д. Ф. Устинова», во время которых всем членам и кандидатам в члены ЦК и ЦРК были даны пояснения о причинах и обстоятельствах принятых решений по Министерству обороны СССР. А под конец работы Пленума были решены и два важных кадровых вопроса. Во-первых, впервые за многие годы из состава кандидатов в члены ЦК были переведены новый заведующий Сельскохозяйственным отделом ЦК Владимир Алексеевич Карлов, сменивший в этой должности заболевшего Ф. Д. Кулакова ещё в мае 1976 года, первый секретарь Полтавского обкома КПУ Фёдор Трофимович Моргун и глава Министерства машиностроения для животноводства и кормопроизводства СССР Константин Никитович Беляк. Во-вторых, новым секретарём ЦК, которому вместо маршала Д. Ф. Устинова предстояло курировать весь военно-промышленный комплекс страны, был избран первый секретарь Свердловского обкома партии Яков Петрович Рябов. Сам Д. Ф. Устинов рассчитывал посадить на своё место Леонида Васильевича Смирнова, который в ранге заместителя председателя Совета Министров СССР курировал все оборонные отрасли и возглавлял Комиссию Президиума Совмина СССР по военно-промышленным вопросам. Однако против этой кандидатуры выступил М. А. Суслов, тогда как Я. П. Рябова он, напротив, очень активно поддержал, как и три других секретаря ЦК — его давний куратор и негласный патрон А. П. Кириленко, Ф. Д. Кулаков и И. В. Капитонов²⁶⁶.

При этом в самом Свердловске вопреки обычаю очередным первым секретарём стал не второй секретарь обкома Евгений Александрович Коровин, а секретарь обкома по строительству Борис Николаевич Ельцин. Как позднее вспоминал сам Б. Н.

Ельцин, этот вопрос был решён уже на следующий день. В то время он был в Москве на месячных курсах в Академии общественных наук при ЦК КПСС. Утром 27 октября его срочно вызвали в ЦК, где он сразу «пошёл по рукам» трёх секретарей ЦК — И. В. Капитонова, А. П. Кириленко и М. А. Суслова. А затем, успешно пройдя все «смотрины», в сопровождении И. В. Капитонова и Я. П. Рябова он предстал «пред светлые очи» самого генсека, с которым и был окончательно решён вопрос о его посаждении в кресло первого секретаря Свердловского обкома партии²⁶⁷.

По всей вероятности, как считают ряд авторов, столь раннее проведение этого Пленума ЦК было напрямую связано с серьёзным ухудшением здоровья генсека, у которого всё чаще и чаще стали случаться срывы из-за непомерного и бесконтрольного приёма седативных и снотворных средств. Неслучайно целый ряд мемуаристов, в том числе из близкого круга генсека (В. Т. Медведев, А. М. Александров-Агентов²⁶⁸), уверяют, что в конце 1976 года Л. И. Брежнев направил в Политбюро своё первое заявление об уходе в отставку. Однако, как полагают ряд его биографов, это не вполне соответствует действительности. Так, профессор Бременского университета С. Шаттенберг, автор новейшей монографии «Леонид Брежнев. Величие и трагедия человека и страны»²⁶⁹, говорит о том, что действительно есть свидетельства того, что во время празднования своего 70-летия, в декабре 1976 года, Л. И. Брежнев предложил членам Политбюро отправить его на пенсию. Однако не совсем понятно, насколько данная просьба была высказана всерьёз, или всё-таки она была обычной застольной шуткой. Сама С. Шаттенберг расценила эту просьбу как шутку, по крайней мере все её попытки, как и попытки других её коллег, отыскать какое-либо заявление Л. И. Брежнева о его отставке именно в этот год в бывших партийных архивах не увенчались успехом. Кроме того, как считают многие историки и мемуаристы, в том числе сама С. Шаттенберг, такое заявление в то время не могло появиться в принципе, поскольку ещё не был решён вопрос с Н. В. Подгорным, которому Л. И. Брежнев «вряд ли отдал бы власть».

Вместе с тем стоит отметить, что, судя по брежневскому дневнику, 1976 год был чуть ли не самым насыщенным периодом его работы. Достаточно сказать, что если брежневские записи за предыдущий год занимают всего 4 странички, то за указанный год — 106 страниц²⁷⁰. Причём, судя по этим записям, он лично занимался буквально всем: неоднократно принимал всех членов Политбюро и секретарей ЦК по разным вопросам, лично говорил с первыми секретарями республиканских компартий и многих крайкомов и обкомов партии, в том числе В. В. Щербицким (ЦК КПУ), И. И. Бодюлом (ЦК КП Молдавии), Д. А. Кунаевым (ЦК КПКаз), Г. А. Алиевым (ЦК КПАз), Э. А. Шеварднадзе (ЦК КПГ), Ш. Р. Рашидовым (ЦК КПУз), Т. У. Усубалиевым (ЦК КП Киргизии), М. Г. Гапуровым (ЦК КП Туркмении), В. К. Месяцем (Московский обком), А. В. Коваленко (Оренбургский обком), Н. С. Приезжевым (Рязанский обком), Л. С. Куличенко (Волгоградский обком), Ф. К. Князевым (Курганский обком), А. И. Шибаевым (Саратовский обком), И. А. Бондаренко (Ростовский обком), С. Ф. Манякиным (Омский обком), Н. Ф. Аксёновым (Алтайский крайком), А. Ф. Гудковым (Курский обком), М. С. Горбачёвым (Ставропольский крайком), С. Ф. Медуновым (Краснодарский крайком), А. С. Дрыгиным (Вологодский обком), А. М. Бородиным (Кустанайский обком), Ф. Т. Моргуном (Полтавский обком) и А. Ф. Ватченко (Днепропетровский обком), лично принимал ряд ключевых членов союзного правительства (Н. К. Байбакова, И. Т. Новикова, Л. В. Смирнова, Н. С. Патоличева, В. Ф. Гарбузова, Г. С. Золотухина, К. Н.

Руднева и З. Н. Нуриева) и решал с ними конкретные вопросы, не раз беседовал с главами крупнейших оборонных КБ — академиками В. Н. Челомеем и А. И. Уткиным, говорил по телефону с лидерами ряда зарубежных стран, в том числе Э. Терekom (ПНР), Н. Чаушеску (СРР) и Ф. Маркосом (Филиппины), активно проводил рабочие и официальные встречи с Э. Хонеккером (ГДР), Г. Гусаком (ЧССР), Я. Кадаром (ВНР), Т. Живковым (БНР), У. К. Кекконеном (Финляндия), И. Ганди (Индия), Ю. Цэдэнбалом (МНР), А. Нето (Ангола), Р. Кастро (Куба), А. Гарриманом (США), Э. ди Мелу Антунишем (Португалия) и другими.

¹⁷¹ Медведев Р.А. Личность и эпоха. Политический портрет Л. И. Брежнева. М., 1991; Медведев Р. А. Фарс с примесью трагедии // Л.И. Брежнев. Материалы к биографии. М., 1991; Ефимов Н.Н. Красная империя. Взлёт и падение. М., 2006; Раззаков Ф.И. Коррупция в Политбюро: Дело "красного узбека". М., 2009; Чураков Д.О. СССР при Брежневе. М., 2015.

¹⁷² РГАНИ Ф. 2. Оп. 3. Д. 168-180.

¹⁷³ Youtube-канал "Docuskino". [Александр Шелепин \(1918-1994\). Интервью 1993 года](#)

¹⁷⁴ Воронов Г. И. Ошибки с Брежневым мы себе не прощаем // Л. И. Брежнев. Материалы к биографии. М., 1991.

¹⁷⁵ РГАНИ Ф. 2. Оп. 3. Д. 204-214. Оп. 3, 265-279 ед. хр., 1972 г.

¹⁷⁶ РГАНИ Ф. 2. Оп. 3. Д. 215-226. Оп. 3, 168-180.

¹⁷⁷ РГАНИ Ф. 2. Оп. 3. Д. 227-237.

¹⁷⁸ Семичастный В.Е. Беспокойное сердце. М., 2002.

¹⁷⁹ Шелепин А. Н. История — учитель суровый // Л. И. Брежнев. Материалы к биографии. М., 1991.

¹⁸⁰ По утверждению П. Е. Шелеста, при выборах членов ЦК наибольшее количество "чёрных шаров" (по 36 каждый) получили два члена Политбюро — Г. И. Воронов и А. Н. Шелепин.

¹⁸¹ Мазуров К.Т. Главной заботой Брежнева был личный авторитет // Л. И. Брежнев. Материалы к биографии. М., 1991.

¹⁸² Шелест П.Е. ...Да не судимы будете. М., 1994.

¹⁸³ Зенькович Н.А. Самые закрытые люди. Энциклопедия биографий. М., 2004; Млечин Л.М. Брежнев. М., 2011.

¹⁸⁴ Воронов Г.И. Ошибки с Брежневым мы себе не прощаем // Л.И. Брежнев. Материалы к биографии. М., 1991.

¹⁸⁵ Ненашев М.Ф. Заложник времени. Заметки. Размышления. Свидетельства. М., 2019.

¹⁸⁶ Шелест П.Е. ...Да не судимы будете. М., 1994.

¹⁸⁷ Брежнев Л.И. Рабочие и дневниковые записи. 1964-1982 гг. Т. 1. М., 2016.

¹⁸⁸ Соломенцев М.С. Зачистка в Политбюро. М., 2011.

¹⁸⁹ Лев Захарович Мехлис (1889-1953) был главой Министерства госконтроля СССР в 1946-1950 годах.

Воронов Г.И. Ошибки с Брежневым мы себе не прощаем // Л. И. Брежнев. Материалы к биографии. М., 1991; Млечин Л. М. Брежнев. М., 2011.

¹⁹⁰ Шелест П.Е. ...Да не судимы будете. М., 1994.

¹⁹¹ Семичастный В.Е. Беспокойное сердце. М., 2002; Млечин Л.М. Брежнев. М., 2011.

- ¹⁹² Шелест П.Е. ...Да не судимы будете. М., 1994.
- ¹⁹³ Шелест П.Е. ...Да не судимы будете. М., 1994.
- ¹⁹⁴ Судя по дневнику П. Е. Шелеста, ещё в конце января 1972 года "на закрытой части Политбюро ЦК КПУ" обсуждалась записка Комиссии ЦК КПУ по фолианту И. М. Дзюбы, носившая однозначно критический характер. В ходе этого обсуждения, особенно после информации В. В. Федорчука, участники заседания раскололись на два лагеря. Одни (В. В. Щербицкий, И. К. Лутак, А. П. Ляшко и А. А. Титаренко) стали признавать прежние "ошибки" в отношении И. М. Дзюбы и "требовать его немедленного ареста", а другие (Ф. Д. Овчаренко, А. Д. Скаба) заявили, что Политбюро и Комиссия ЦК КПУ не могут "выносить решения об арестах". В итоге П. Е. Шелест, "кое-кого подправив", спустил этот вопрос на тормозах.
- ¹⁹⁵ Шелест П.Е. ...Да не судимы будете. М., 1994.
- ¹⁹⁶ Шелест П.Е. ...Да не судимы будете. М., 1994.
- ¹⁹⁷ РГАНИ Ф. 2. Оп. 3. Д. 265-279.
- ¹⁹⁸ На тот момент Александр Павлович Ляшко занимал пост председателя Президиума Верховного Совета УССР, Григорий Иванович Ващенко — первого секретаря Харьковского обкома, Владимир Иванович Дегтярёв — первого секретаря Донецкого обкома, Иван Кондратьевич Лутак — второго секретаря ЦК КПУ и Никифор Тимофеевич Кальченко — первого заместителя председателя Совета Министров УССР.
- ¹⁹⁹ Брежнев Л.И. Рабочие и дневниковые записи. 1964-1982 гг. Т. 1. М., 2016.
- ²⁰⁰ Брежнев Л.И. Рабочие и дневниковые записи. 1964-1982 гг. Т. 1. М., 2016.
- ²⁰¹ Врублевский В.К. Владимир Щербицкий: правда и вымыслы. К., 1993.
- ²⁰² Брежнев Л.И. Рабочие и дневниковые записи. 1964-1982 гг. Т. 1. М., 2016.
- ²⁰³ Шелест П.Е. ...Да не судимы будете. М., 1994.
- ²⁰⁴ Ряд современных авторов, в частности Н. А. Зенькович ("Самые закрытые люди". М., 2004) и Е. Ю. Додолев ("Дело Галины Брежневой. Бриллианты для принцессы". М., 2013), утверждают, что Виктория Фёдоровна Терешкевич-Мжаванадзе была родной сестрой Первого секретаря ЦК КПУ П. Е. Шелеста Ираиды Павловны Поповой-Шелест (в девичестве Мозговой). Однако, как могут убедиться уважаемые читатели, эта информация носит недостоверный характер.
- ²⁰⁵ Раззаков Ф. И. Коррупция в Политбюро: Дело "красного узбека". М., 2009.
- ²⁰⁶ Перелом. К 10-летию постановления ЦК КПСС по Тбилисскому горкому партии. Тбилиси, 1982; Черняев А. С. Совместный исход. М., 2008.
- ²⁰⁷ Раззаков Ф.И. Бандиты эпохи социализма. 1917-1991. М., 1997; Папиашвили Я.М. После Мжаванадзе // Время НН. 15 апреля. 2010.
- ²⁰⁸ РГАНИ Ф. 2. Оп. 3. Д. 280-291.
- ²⁰⁹ Нуждин Л.Г. Долгих Владимир Иванович. Человек-легенда. М., 2011.
- ²¹⁰ Шелест П.Е. ...Да не судимы будете. М., 1994.
- ²¹¹ Шелест П.Е. ...Да не судимы будете. М., 1994.
- ²¹² Воронов Г.И. Ошибки с Брежневым мы себе не прощаем // Л.И. Брежнев. Материалы к биографии. М., 1991; Млечин Л.М. Брежнев. М., 2011.
- ²¹³ Шелест П.Е. ...Да не судимы будете. М., 1994.
- ²¹⁴ РГАНИ Ф. 2. Оп. 3. Д. 292-311.
- ²¹⁵ Брежнев Л.И. Рабочие и дневниковые записи. 1964-1982 гг. Т. 1. М., 2016.
- ²¹⁶ Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти, 1945-1991. М., 1998; Семанов С.Н.

Брежнев — правитель Золотого века. М., 2002; Млечин Л.М. Брежнев. М., 2011; Чураков Д.О. СССР при Брежневе. М., 2015.

²¹⁷ Шелест П.Е. ...Да не судимы будете. М., 1994.

²¹⁸ Медведев Р.А. Личность и эпоха. Политический портрет Л. И. Брежнева. М., 1991; Пихоя Р. Г. Советский Союз: история власти, 1945-1991. М., 1998; Млечин Л. М. Брежнев. М., 2011.

²¹⁹ Чазов Е.И. Здоровье и власть. М., 1992.

²²⁰ Чазов Е.И. Здоровье и власть. М., 1992.

²²¹ Медведев В. Т. Человек за спиной. М., 1994; Косарев М.Т. К 75 годам Леонид Ильич совсем расслабился // Коммерсантъ Власть. 2002. № 44.

²²² Велигжанина А. Последней любовнице Брежнева поставят памятник // Комсомольская правда. 21.08.2014.

²²³ Чазов Е. И. Здоровье и власть. М., 1992.

²²⁴ Соловьёв В.И., Клёпикова Е.К. Заговорщики в Кремле. М., 1991; Соловьёв В.И., Клёпикова Е.К. Юрий Андропов: тайный ход в Кремль. СПб. , 1995.

²²⁵ Чазов Е.И. Здоровье и власть. М., 1992.

²²⁶ Брежнев Л. И. Рабочие и дневниковые записи. 1964-1982 гг. Т. 1. М., 2016.

²²⁷ Edward G. Memories. Warsaw, 1993.

²²⁸ РГАНИ Ф. 2. Оп. 3. Д. 328-338.

²²⁹ Брежнев Л. И. Рабочие и дневниковые записи. 1964-1982 гг. Т. 1. М., 2016.

Тогдашний член Политбюро ЦК и Первый секретарь МГК КПСС В. В. Гришин в своих мемуарах "От Хрущёва до Горбачёва" написал, что "в 1974 или в 1975 году он (Л. И. Брежнев — Е. С.) месяца три не работал, находясь в загородной больнице, перенёс какое-то заболевание. Официально об этом ничего не говорилось. Даже большинство членов Политбюро ЦК не были поставлены в известность, что же с ним было". Примерно в том же духе факт болезни генсека зафиксировал в своём дневнике "Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972-1991 годы" и заместитель главы Международного отдела ЦК А. С. Черняев, который 9 февраля 1975 года сделал такую запись: "Болезнь Брежнева. Слухи о необратимости, о преемниках, по "голосам и в народе"".

²³⁰ Арбатов Г.А. Затянувшееся выздоровление. М., 1991.

²³¹ Черкасов П.П. Валери Жискар д'Эстен // Новая и новейшая история. 2019. №5.

²³² РГАНИ Ф. 2. Оп. 3. Д. 339-350.

²³³ Медведев В.Т. Человек за спиной. М., 1994.

²³⁴ Крючков В.А. Личное дело. М., 1997; Островский А. В. Кто поставил Горбачёва? М., 2010.

²³⁵ Поклад Б.И. Во власти дипломатии. М., 2008; Млечин Л.М. Шелепин. М., 2009; Млечин Л.М. Брежнев. М., 2011.

²³⁶ Млечин Л.М. Шелепин. М., 2009; Млечин Л.М. Брежнев. М., 2011.

²³⁷ Черняев А.С. Совместный исход. М., 2010.

²³⁸ Сахаров А.Д. Воспоминания. М., 1996; Брутенц К.Н. Тридцать лет на Старой площади. М., 1998; Медведев Р.А. Неизвестный Андропов. М., 2006; Млечин Л.М. Юрий Андропов. Последняя надежда режима. М., 2008.

²³⁹ Кеворков В.Е. Виктор Луи. Человек с легендой. М., 2010.

²⁴⁰ Семичастный В.Е. Беспокойное сердце. М., 2002.

²⁴¹ РГАНИ Ф. 2. Оп. 3. Д. 351-362.

- ²⁴² Млечин Л.М. Шелепин. М., 2009.
- ²⁴³ Брежнев Л.И. Рабочие и дневниковые записи. 1964-1982 гг. Т. 1. М., 2016.
- ²⁴⁴ Чазов Е.И. Здоровье и власть. М., 1992.
- ²⁴⁵ Чазов Е.И. Здоровье и власть. М., 1992.
- ²⁴⁶ Воронов Г.И. Страной порулить, что "козла" забить // Совершенно секретно, 2002. № 8; Островский А.В. Кто поставил Горбачёва? М., 2010.
- ²⁴⁷ Прибытков В.В. Аппарат. 390 дней и вся жизнь Генсека Черненко. М., 2002; Леонов Н.С. Лихолетье. Записки главного аналитика Лубянки. М., 2005; Коровякова Н.А. Я не была любовницей Леонида Ильича! // Комсомольская правда. 16.01.2003.
- ²⁴⁸ Чазов Е. И. Здоровье и власть. М., 1992; РГАНИ Ф. 2. Оп. 3. Д. 351-362.
- ²⁴⁹ Чазов Е. И. Здоровье и власть. М., 1992; Косарев М.Т. К 75 годам Леонид Ильич совсем расслабился // Коммерсантъ Власть. 2002. № 44. Многие мемуаристы, в том числе Е. И. Чазов, М. Т. Косарев и В. Т. Медведев, уверяют, что операция по успешному "устранению" Н. А. Коровяковой от генсека была проведена весной 1976 года. Однако, судя по "Рабочим и дневниковым записям" Л. И. Брежнева, она, как и М. Т. Косарев, сопровождала генсека в Тулу, куда тот отправился в середине января 1977 года по приглашению первого секретаря обкома Ивана Харитоновича Юнака.
- ²⁵⁰ РГАНИ Ф. 2. Оп. 3. Д. 363-376.
- ²⁵¹ Шелест П.Е. ...Да не судимы будете. М., 1994; Воронов Г.И. Ошибки с Брежневым мы себе не прощаем // Л.И. Брежнев. Материалы к биографии. М., 1991; Шелепин А.Н. История — учитель суровый // Л.И. Брежнев. Материалы к биографии. М., 1991.
- ²⁵² Островский А.В. Кто поставил Горбачёва? М., 2010.
- ²⁵³ РГАНИ Ф. 2. Оп. 3. Д. 377-388.
- ²⁵⁴ РГАНИ Ф. 2. Оп. 3. Д. 389-396. Профессор А. В. Островский в своей монографии "Кто поставил Горбачёва?", ссылаясь на ошибочные данные Н. А. Зеньковича о составах ЦК 1971 и 1976 годов, приведённых в его книге "Самые закрытые люди", делает ошибочный вывод о том, что жертвами чистки ЦК стали "сторонники" Н. В. Подгорного и Д. С. Полянского и что сама эта чистка, затронувшая 35 % членов старого ЦК, зримо говорила об "обострении внутрипартийной борьбы" накануне партийного съезда.
- ²⁵⁵ Чазов Е.И. Здоровье и власть. М., 1992; Медведев В.Т. Человек за спиной. М., 1994.
- ²⁵⁶ Шелест П.Е. ...Да не судимы будете. М., 1994.
- ²⁵⁷ Трушков В.В. Ричард Косолапов — и этим всё сказано // Правда. № 31. 26.03.2020.
- ²⁵⁸ Александров-Агентов А.М. От Коллонтай до Горбачёва. М., 1994; Варенников В.И. Неповторимое. Кн. 3. М., 2001.
- ²⁵⁹ Варенников В.И. Неповторимое. Кн. 3. М., 2001; Куликов В.Г. Война: размышления Маршала Советского Союза. М., 2008.
- ²⁶⁰ Варенников В.И. Неповторимое. Книга 3. М., 2001.
- ²⁶¹ Чазов Е.И. Здоровье и власть. М., 1992.
- ²⁶² Смиртюков М.С. Охранники скидывались на фрукты бывшему премьеру // Коммерсантъ Власть. 2000. № 35.
- ²⁶³ Медведев Р.А. Личность и эпоха. Политический портрет Л. И. Брежнева. М., 1991; Земцов И.Г. Черненко: Советский Союз в канун перестройки. Лондон, 1989; Zemtsov I. Chernenko: The Last Bolshevik: The Soviet Union on the Eve of Perestroika. London, 1989.

²⁶⁴ Чазов Е.И. Здоровье и власть. М., 1992; Печенев В.А. Взлёт и падение Горбачёва: глазами очевидца. М., 1996; Прибытков В.В. Аппарат. 390 дней и вся жизнь Генсека Черненко. М., 2002; Прибытков В.В. Черненко. М., 2009.

²⁶⁵ РГАНИ Ф. 2. Оп. 3. Д. 397-414.

²⁶⁶ Рябов Я.П. Мой XX век. Записки бывшего секретаря ЦК КПСС. М., 2000; Рябов Я.П. Именно такой человек, как Ельцин, мне и нужен // Власть № 11 (514). 24.03.2003.

²⁶⁷ Ельцин Б. Н. Исповедь на заданную тему. М., 1990.

²⁶⁸ Медведев В. Т. Человек за спиной. М., 1994; Александров-Агентов А. М. От Коллонтай до Горбачёва. М., 1994. Между тем профессор А. В. Островский в своей книге "Кто поставил Горбачёва?" указал, что существует и другая версия этих событий. Так, личный фотограф генсека В. Г. Мусаэльянц в своём интервью "Снимать вождей — тяжёлый крест", которое он дал 17 декабря 2002 года газете "Московский комсомолец", заявил, что впервые вопрос о своей отставке в шуточной форме генсек действительно произнёс на свой день рождения 19 декабря, но не в 1976, а в 1975 году.

²⁶⁹ Шаттенберг С. Леонид Брежнев. Величие и трагедия человека и страны. М., 2018.

²⁷⁰ Брежнев Л.И. Рабочие и дневниковые записи. 1964-1982 гг. Т. 1. М., 2016.

4. Метаморфозы «брежневского культа» и «брежневская» Конституция

Наступивший 1977 год вошёл в историю страны как год принятия новой, уже третьей по счёту, Конституции СССР, получившей хорошо известное название «брежневская». Хотя, как мы уже писали в предыдущей главе, работа над проектом новой Конституции началась гораздо раньше. Ещё в январе 1962 года по инициативе Н. С. Хрущёва была создана рабочая группа из 22 ведущих учёных-юристов во главе с секретарём ЦК Л. Ф. Ильичёвым для подготовки данного проекта, который логически вытекал из всех тех материалов, что готовились в рамках работы над Третьей программой партии группой видных юристов под руководством директора Института государства и права АН СССР профессора П. С. Ромашкина²⁷¹.

Уже в конце апреля 1962 года Постановлением Президиума Верховного Совета СССР под председательством Н. С. Хрущёва была образована новая Конституционная комиссия в составе 97 человек, которая структурно была разделена на 9 рабочих подкомиссий. На первом общем заседании комиссии, прошедшем 15 июня, Н. С. Хрущёв выделил 5 приоритетных направлений, которые, по его мнению, должны были определить новаторский характер всей новой Конституции²⁷². По сути, он задумал подвести под новую партийную Программу, нацеленную на строительство бесклассового коммунистического общества и постепенное отмирание социалистического государства, довольно солидную юридическую базу в виде этой Конституции. Однако, как известно, из-за отставки Н. С. Хрущёва данный Конституционный проект так и не был реализован, и к нему вернулись вновь только в конце 1960-х годов уже при Л. И. Брежневе, когда важнейшей составляющей нового политического курса, ставшего визитной карточкой всего брежневского правления, стала концепция «развитого социализма», заменившая собой старую хрущёвскую концепцию «развёрнутого строительства коммунизма».

Начало теоретическому обоснованию данной концепции, названной по обычаю «творческим развитием идей марксизма-ленинизма», которым она противоречила по самой своей сути, положил известный горбачёвский клевет и перевёртыш, а в то время заурядный партийный аппаратчик Ф. М. Бурлацкий, который позднее с присущей ему «скромностью» причислил себя любимого к интеллектуальной элите страны. Ещё в 1964 году, будучи тогда хрущёвским клеветом, он защитил в АОН при ЦК КПСС свою докторскую диссертацию «Общественное государство». А затем, в декабре 1966 года, в газете «Правда» была опубликована его статья «О строительстве развитого социалистического общества», что чуть позже, уже в ноябре 1967 года, и дало «теоретическое» основание самому Л. И. Брежневу впервые публично заявить в своём докладе, посвящённом 50-летию Великой Октябрьской революции, о реальном построении в СССР развитого социалистического общества²⁷³.

Официально этот вывод был позднее закреплён в решениях XXIV съезда КПСС, на котором был провозглашён хорошо известный курс на повышение эффективности общественного производства, соединение всех достижений научно-технической революции с явными преимуществами социалистической системы хозяйства и достижение ещё большей «социальной однородности советского общества» уже в условиях «развитого социализма». Конечно, как считают многие историки (Р. Г.

Пихоя, Д. О. Чураков, А. В. Шубин, А. И. Вдовин²⁷⁴), действенных механизмов для реализации этих целей создано так и не было, однако расхождение данной теории с реальными социальными процессами в стране и падением эффективности общественного производства становилось менее заметным, чем в хрущёвские времена. Хотя сама концепция «развитого социализма» стала, по сути, крупнейшей ревизией прежних представлений о возможности в исторически обозримой перспективе построить коммунизм в отдельно взятой стране. Но она оказалась весьма удобной в том отношении, что не разрушала саму веру в коммунизм, а переводила его строительство из конкретно-исторической задачи в чисто теоретическую плоскость. Согласно этой концепции, путь к коммунизму предполагал неопределённо длительный этап развития, во время которого развитой социализм обретал окончательную целостность и гармоничное сочетание всех производственных, социально-политических, нравственно-правовых, идеологических и других отношений в советском обществе.

Как удалось установить, после отставки Н. С. Хрущёва вопрос о работе над новым проектом Конституции впервые обсуждался на одном из заседаний Политбюро ещё 20 июня 1968 года, когда была рассмотрена соответствующая записка за подписью Н. В. Подгорного и И. В. Капитонова²⁷⁵. Именно тогда были созданы новые 9 подкомиссий, две из которых — по политическим и теоретическим вопросам и редакционную — возглавил лично Л. И. Брежнев, который ещё в начале декабря 1964 года был назначен новым председателем Конституционной комиссии. В сентябре 1968 года рабочая группа во главе с А. Н. Яковлевым подготовила новый вариант проекта Конституции и записку на имя Л. И. Брежнева «Некоторые вопросы, связанные с подготовкой проекта новой Конституции СССР»²⁷⁶. Однако уже в июне 1969 года за подписью того же А. Н. Яковлева генсеку был направлен очередной проект, но уже не новой, а частично изменённой сталинской Конституции СССР 1936 года и сопроводительная записка к нему «О некоторых конституционных вопросах». Рассмотрев эти бумаги, Политбюро ЦК пришло к выводу о целесообразности «воздержаться от внесения вопроса об изменении Конституции СССР 1936 г.», и на два с лишним года вопрос о принятии новой Конституции «повис в воздухе». И лишь в марте 1972 года рабочая группа А. Н. Яковлева представила генсеку последний вариант нового проекта Конституции, который направили на доработку в четыре подкомиссии Конституционной комиссии Верховного Совета СССР²⁷⁷.

Работа этих подкомиссий шла ни шатко ни валко, пока в самом начале февраля 1973 года Политбюро не поручило Секретариату ЦК создать рабочую группу по подготовке нового проекта союзной Конституции. И в самом конце марта 1973 года своим Постановлением Секретариат ЦК под руководством М. А. Суслова сформировал такую рабочую группу, которую уже возглавил секретарь ЦК Б. Н. Пономарёв. Ровно через год эта группа представила свой проект новой Конституции, но по каким-то причинам он не совсем устроил Л. И. Брежнева, в связи с чем к этой работе по его же просьбе подключился уже К. У. Черненко. И именно с ним, как явствует из дневника генсека, в конце мая 1976 года он и обсуждал один из последних проектов основного закона страны²⁷⁸.

Судя по личным брежневским записям, наступивший 1977 год с первого же месяца был буквально насыщен рабочими контактами генсека, которому пришлось решать огромный круг различных вопросов и проблем. Например, с А. Н. Косыгиным он решал важные кадровые вопросы, в том числе отставку многолетнего министра

путей сообщения Бориса Павловича Бещева и главы Оргкомитета Олимпиады-80 Игнатия Трофимовича Новикова; с К. У. Черненко и К. М. Боголюбовым генсек обсуждал вопросы работы Политбюро и ряда ключевых Отделов ЦК; с секретарями ЦК Я. П. Рябовым и А. П. Кириленко — вопросы развития тяжёлой промышленности и оборонного комплекса; с новоиспечёнными маршалами В. Г. Куликовым и Н. В. Огарковым говорил о новых задачах в работе Главкомата ОВС ОВД и Генштаба Вооружённых сил; с послами С. В. Червоненко и В. М. Виноградовым генсек обсуждал проблемы советско-французских и советско-иранских отношений; принимал министра иностранных дел Италии А. Форлани, с которым говорил о выделении 700-миллионного льготного кредита советской стороне; наконец, лично посещал в больнице захворавших А. А. Громыко и К. В. Русакова²⁷⁹.

В том же дневнике было зафиксировано и то, что накануне очередного заседания Политбюро ЦК 14 марта 1977 года Л. И. Брежнев лично принимал К. У. Черненко и Б. Н. Пономарёва «по вопросу Конституции» и обсуждал с А. Н. Косыгиным и Н. В. Подгорным «перемещение Лесечко и Катушева». А на следующий день Политбюро приняло решение о порядке и сроках подготовки проекта новой Конституции СССР и утвердило новый состав редакционной подкомиссии Конституционной комиссии Верховного Совета СССР. Через 10 дней рабочая группа разослала всем членам и кандидатам в члены Политбюро и секретарям ЦК обновлённый проект новой Конституции, а Секретариат ЦК дал поручение И. В. Капитонову, М. В. Зимянину и К. У. Черненко «разработать и представить конкретные предложения по организационным мероприятиям», связанным с принятием новой Конституции. А ровно через месяц, 26 апреля 1977 года, все члены высшего руководства, за исключением А. П. Кириленко, на очередном заседании Политбюро в целом одобрили представленный проект и приняли решение созвать Пленум ЦК по данному вопросу. При этом рабочей группе Б. Н. Пономарёва в течение целой недели пришлось обобщать все замечания, поступившие от членов Политбюро и секретарей ЦК общим объёмом в 160 страниц²⁸⁰. А 19 мая Политбюро ЦК вновь рассмотрело обновлённый проект, представленный рабочей группой Б. Н. Пономарёва, и постановило внести его на обсуждение Конституционной комиссии и Пленума ЦК.

23 мая 1977 года под председательством генсека состоялось заседание Конституционной комиссии Верховного Совета СССР, а уже утром 24 мая прошёл запланированный Пленум ЦК, на котором по докладам Л. И. Брежнева и М. А. Суслова были приняты два Постановления ЦК «О проекте Конституции СССР» и «О Государственном гимне Советского Союза», а также решены ряд важных кадровых вопросов²⁸¹. Во-первых, в отставку со всех занимаемых постов совершенно неожиданно был отправлен многолетний глава Советского государства Николай Викторович Подгорный. То, что данное решение стало «громом среди ясного неба» даже для многих членов Политбюро, явствует из того же дневника генсека, который буквально за месяц до этого дня записал следующее: «говорил с Подгорным — о футболе и хокее (так в документе — Е. С.) — немного о конституции». Когда и кем было принято решение убрать Н. В. Подгорного — сейчас установить довольно сложно, хотя на основе того же дневника Л. И. Брежнева можно предположить, что он обсуждал этот вопрос в частном порядке в воскресенье 22 мая с М. А. Сусловым, А. П. Кириленко, Ф. Д. Кулаковым, К. У. Черненко и А. А. Громыко²⁸². Как бы то ни было, но данное решение было принято единогласно, и Пленум рекомендовал избрать новым председателем Президиума Верховного Совета СССР т. Л. И. Брежнева²⁸³,

порушив при этом своё же прежнее решение о запрете на совмещение высших партийногосударственных постов, принятое в октябре 1964 года сразу после отставки Н. С. Хрущёва. Во-вторых, во исполнение мартовского решения Политбюро, в соответствии с которым секретарь ЦК Константин Фёдорович Катушев сменил заместителя председателя Совета Министров СССР Михаила Авксентьевича Лесечко на посту постоянного представителя СССР в СЭВ, а также стал одним из заместителей А. Н. Косыгина в союзном правительстве, он был выведен из состава Секретариата ЦК. Наконец, в-третьих, ещё одним секретарём ЦК был избран давний помощник генсека Константин Викторович Русаков, который, вопреки известной поговорке, дважды вошёл в одну и ту же воду и вновь возглавил Отдел ЦК по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран, которым он руководил в 1968-1972 годах.

В современной исторической и мемуарной литературе и публицистике либерального толка (Ф. М. Бурлацкий, Г. А. Арбатов, Р. Г. Пихоя, Л. М. Млечин²⁸⁴) уже как непрменная мантра из книги в книгу кочует тезис о том, что после отставки Н. С. Хрущёва и полной ревизии его утопического курса на строительство коммунизма всё направление дальнейшей работы над проектом новой Конституции СССР сразу изменилось. Что, дескать, в соответствии с решениями XXV партийного съезда, когда «либеральные и технократические тенденции в руководстве страны были прерваны и окончательно возобладала доктрина партийности», стал формироваться жёсткий внешнеполитический курс, опиравшийся на развитие военно-промышленного комплекса, ярко выраженную линию на создание нового культа личности очередного генсека и укрепление позиций партийно-государственной бюрократии на всех уровнях власти. Однако, конечно, это не так. Все эти тенденции были сформированы именно в хрущёвскую эпоху и лишь прикрыты демагогической риторикой его идеологов и клевретов. Другое дело, что во второй половине 1970-х годов, когда здоровье генсека было безнадежно подорвано, консервативный курс советского партийно-государственного руководства уже сложился в полной мере, и его логическим следствием стал так называемый «застой» в развитии советского общества, характерный для всей эпохи поздней стадии «развитого социализма». Этот «застой» проявлялся на разных уровнях и в разной степени, но наибольший эффект он оказал на брежневскую партийно-государственную номенклатуру, где стабильность и несменяемость кадров стали своеобразным фетишем всей этой эпохи. По иронии судьбы именно в этот период, когда «развитой социализм» в «брежневско-сусловской упаковке» уже фактически утратил какую-либо способность к дальнейшему поступательному развитию, завершилась работа над проектом новой Конституции.

После того как этот проект был рассмотрен на Пленуме ЦК, в течение целой недели Секретариат Конституционной комиссии дорабатывал и уточнял его текст с учётом более 600 поправок и замечаний, поступивших от многих членов ЦК. И только затем вышли два итоговых документа: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 29. 05. 1977 о публикации текста Конституции в центральной партийной печати и вынесении его на всенародное обсуждение и Постановление Секретариата ЦК «О мероприятиях в связи с всенародным обсуждением проекта Конституции СССР»²⁸⁵.

Между тем надо отметить, что целый ряд авторов, подробно изучавших историю послевоенных конституционных проектов, например А. В. Пыжиков, С. С.

Згоржельская и А. Л. Земцов²⁸⁶, утверждают, что брежневский проект, окончательный вариант которого готовился Секретариатом Конституционной комиссии в составе четырёх секретарей ЦК Б. Н. Пономарёва, И. В. Капитонова, М. В. Зимянина и К. У. Черненко, заметно отличался от хрущёвского и по своему объёму (174 статьи против 276 статей), и — главное — по своему содержанию, так как в данном проекте отсутствовали упоминания о «коммунистическом самоуправлении», «народных собраниях», передаче функций госуправления различным общественным организациям и т. д.

Как напомнили ряд историков и юристов (А. И. Лукьянов, В. В. Мамонов, И. Н. Стрекалов, В. А. Бычков²⁸⁷), по официальным данным в обсуждении проекта Конституции приняло участие свыше 140 млн. советских граждан, а в саму Конституционную комиссию поступило около 400 тыс. предложений о поправках, из которых 323 поправки были приняты, и на их основе исправлены 110 статей и принята ещё одна новая статья «О наказах избирателей». Само же всенародное обсуждение проекта новой Конституции прошло на 1,497 тыс. собраний партийных, комсомольских и профсоюзных комитетов, трудовых коллективов и различных общественных организаций, в которых приняли участие 129,4 млн. человек, из которых более 6,375 тыс. выступили. Конечно, наивно полагать, что на всех этих собраниях была свободная дискуссия и бурный обмен мнениями, но тем не менее «власти предрешающие», которые были их организаторами, услышали немало очень дельных и критических выступлений и предложений.

20 сентября 1977 года Секретариат ЦК, обсудив с учётом поступивших предложений уточнённый проект Конституции, представил его в Политбюро, которое через день одобрило окончательный текст проекта основного закона и вынесло его на рассмотрение Пленума ЦК, который прошёл 3 октября 1977 года²⁸⁸. В ходе работы самого Пленума по докладу Л. И. Брежнева было обсуждено и принято Постановление ЦК «О проекте Конституции (Основного Закона) СССР и итогах его всенародного обсуждения» и решены ряд важных кадровых вопросов. Во-первых, из кандидатов в члены ЦК были переведены ряд персон: первые секретари Крымского и Северо-Казахстанского обкомов партии Н. К. Кириченко и В. П. Демиденко и министр радиопромышленности СССР П. С. Плешаков. Во-вторых, в состав кандидатов в члены Политбюро ЦК были избраны секретарь ЦК К. У. Черненко и первый заместитель председателя Президиума Верхов

ного Совета СССР В. В. Кузнецов. То, что К. У. Черненко (как ближайший и незаменимый брежневский соратник) вошёл в состав этого высшего партийного ареопага, ни для кого не стало большим секретом, так как последние 3 года он де-факто стал тенью генсека не только на работе, но и во время отдыха. А вот вхождение Василия Васильевича Кузнецова в число высших руководителей страны для многих, даже для ряда членов Политбюро, оказалось настоящим сюрпризом. Между тем именно этот человек, без всякого преувеличения, был выдающимся государственным деятелем. Ещё до войны, в конце июня 1940 года, он стал одним из заместителей председателя Госплана СССР, где курировал всю металлургическую промышленность, в период войны он отвечал за ту же сферу и как заместитель Г. М. Маленкова по ГКО, затем в 1944-1953 годах работал председателем ВЦСПС и в таком качестве в октябре 1952 года вошёл в состав Президиума ЦК. Однако сразу после смерти И. В. Сталина его карьера резко изменилась: в марте 1953 года он был назначен советским послом в Пекин, а буквально через месяц ещё и заместителем

министра иностранных дел СССР. Но уже в декабре 1953 года он вернулся в Москву, где более 23 лет проработал сначала заместителем, а затем, с марта 1955 года, и первым заместителем министра иностранных дел СССР. На этом посту он сыграл исключительно важную роль в разрешении многих острых международных проблем, в том числе Карибского кризиса, урегулирования советско-китайских отношений после военного конфликта на Даманском, разрешения индо-пакистанского кризиса и других. Кроме того, не надо забывать, что при И. В. Сталине в 1946-1950 годах В. В. Кузнецов, впервые став депутатом высшего государственного органа страны, возглавлял Совет Национальностей Верховного Совета СССР. С учётом всех этих обстоятельств было очевидно, что лучшую кандидатуру на должность первого заместителя Л. И. Брежнева на посту главы государства было трудно найти. Поэтому он и был рекомендован на этот специально учреждённый под него пост²⁸⁹.

7 октября 1977 года состоялась внеочередная VII сессия Верховного Совета СССР, на которой была принята последняя брежневская Конституция СССР, заменившая собой прежнюю сталинскую Конституцию СССР 1936 года. Она голосовалась отдельно каждой палатой Верховного Совета СССР — Советом Союза и Советом Национальностей — и была принята единогласно. Новый Основной закон страны содержал немало новаций и был уникален как по форме, так и по самой сути. Он имел преамбулу, которая в предыдущей Конституции отсутствовала, и состоял из 174 статей (ранее их было 146), объединённых в 21 главу (ранее их было 13) и 9 разделов (которых в старой Конституции не было). Указанные разделы были озаглавлены следующим образом: 1) «Основы общественного строя и политики СССР» (главы 1-5); 2) «Государство и личность» (главы 6-7); 3) «Национально-государственное устройство СССР» (главы 8-11); 4) «Советы народных депутатов и порядок их избрания» (главы 12-14); 5) «Высшие органы власти и управления СССР» (главы 15-16); 6) «Основы построения органов государственной власти и управления союзных республик» (главы 17-19); 7) «Правосудие, арбитраж и прокурорский надзор» (главы 20-21); 8) «Герб, флаг, гимн и столица СССР» и 9) «Действие Конституции и порядок её применения».

Главной новацией стала преамбула новой Конституции СССР, в которой в общем виде был оценён исторический путь, пройденный советским народом за последние 60 лет, дана характеристика советскому общественному строю как «обществу развитого социализма», ставшему закономерным этапом «на пути строительства коммунизма», указано, что советская власть осуществила глубочайшие социально-экономические преобразования, которые навсегда покончили с эксплуатацией человека человеком, с классовыми антагонизмами и национальной враждой, и что в Советском Союзе впервые в мире создано бесклассовое «общенародное социалистическое государство», пришедшее на смену государству «диктатуры пролетариата», выполнившее возложенную на него историческую миссию. Таким образом, как считают целый ряд исследователей (А. В. Пыжиков, С. С. Згоржельская, И. Н. Стрекалов²⁹⁰), один из основных марксистских постулатов об «отмирании социалистического государства» и постепенной передаче властных полномочий общественным организациям был отодвинут на отдалённый срок, и приоритетной задачей теперь объявлялось «всестороннее укрепление социалистической законности и правопорядка».

Основой всей экономической системы Союза СССР провозглашалась социалистическая собственность на средства производства, представленная

государственной (общенародной) и колхозно-кооперативной собственностью, а также собственностью профсоюзных и иных общественных организаций. По Конституции в исключительной государственной собственности находились земля, недра, воды, леса, основные средства производства в промышленности, строительстве и сельском хозяйстве, все банки, средства транспорта и связи, основной городской жилищный фонд и другие объекты недвижимости. А к кооперативноколхозной собственности относились средства производства и иное имущество, принадлежавшее колхозам, кроме земли, занимаемой ими. Она оставалась государственной собственностью, но закреплялась за ними в бесплатное и бессрочное пользование.

Основой политической системы страны теперь становились не Советы трудящихся, а Советы народных депутатов всех уровней, которые избирались на принципах всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании. При этом был снижен возраст пассивного избирательного права: для поселковых, районных, городских, областных, краевых, республиканских Советов — до 18 лет, а для Верховного Совета СССР — до 21 года.

Как известно, в новой Конституции появилась и пресловутая 6-я статья, авторство которой приписывают либо К. У. Черненко²⁹¹, либо А. Е. Бовину²⁹². Существует расхожее мнение, что именно в этой статье КПСС впервые была названа «руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, всех государственных и общественных организаций». Однако это не совсем так, поскольку в сталинской Конституции 1936 года, в 126-й статье, уже говорилось о том, что именно ВКП(б) является «руководящим ядром всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных». Поэтому абсолютно правы те учёные (А. Л. Земцов²⁹³), которые пишут о том, что брежневская Конституция лишь «в более чёткой и однозначной форме, чем Конституция 1936 года закрепила дуалистическую структуру власти, существовавшую в стране». Вместе с тем, как справедливо пишут многие авторы, данное узаконение реальной роли партии привело к ещё большему «монопольному контролю партийных комитетов за работой всех государственных учреждений и предприятий и резко повысило значение всего партийного аппарата во всей властной вертикали, превратив членство в партии в обязательное условие для любой служебной карьеры».

Социальной основой советского общества провозглашался «нерушимый союз рабочего класса, колхозного крестьянства и советской интеллигенции», в основе которого лежали новые формы «непосредственной демократии» — всенародное обсуждение и референдум, а также новые гражданские права, в частности на обжалование действий должностных лиц, судебную защиту от посягательства на честь и достоинство и критику действий государственных и общественных организаций.

Новая глава, не имевшая аналогов в двух предыдущих общесоюзных Конституциях — 1924 и 1936 годов, — впервые трактовала основные вопросы внешней политики и утверждала о том, что она направлена на обеспечение благоприятных международных условий «для построения коммунизма в СССР» и всемерное «укрепление позиций мирового социализма, поддержку борьбы народов мира за национальное освобождение и социальный прогресс». Кроме того, в новом Основном законе страны закреплялся старый принцип «социалистического интернационализма» в отношениях Советского Союза со всеми государствами

социалистического лагеря и молодыми государствами, освободившимися от колониальной зависимости.

Согласно брежневской Конституции, все Советы народных депутатов (т. е. Верховный Совет СССР, Верховные Советы союзных и автономных республик, краевые, областные, городские, районные и поселковые Советы) составляли единую систему органов государственной власти страны, в основе которой, как и прежде, лежал универсальный принцип «демократического централизма», в соответствии с которым все решения любых вышестоящих органов были обязательны для исполнения всеми нижестоящими органами. Высшим органом власти страны являлся двухпалатный Верховный Совет СССР, состоявший из Совета Союза и Совета Национальностей, который был правомочен решать все важнейшие государственные вопросы, в том числе принятие и изменение союзной Конституции, включение в состав СССР новых союзных республик, утверждение государственного бюджета и всех планов социально-экономического и иного развития страны. В перерывах между сессиями Верховного Совета СССР его функции передавались Президиуму Верховного Совета, председатель которого де-юре являлся главой советского государства. Вся же повседневная управленческая работа осуществлялась через стройную систему органов госуправления, которую возглавлял Совет Министров СССР, состав и председатель которого утверждались на сессии Верховного Совета СССР.

В новой Конституции отдельный III раздел был посвящён национально-государственному устройству СССР, однако он не содержал принципиально новых положений по сравнению со сталинской Конституцией. Хотя, впрочем, структура федеративного и национально-административного деления здесь была рассмотрена значительно полнее, чем прежде. Советский Союз как единое союзное многонациональное государство, образованное на принципах социалистического федерализма, состоял из 15 союзных республик, которые теперь получали право участвовать в решении разных вопросов, отнесённых к ведению Союза ССР, координировать и контролировать работу и деятельность предприятий, организаций и учреждений союзного подчинения в рамках тех вопросов, которые относились к их компетенции, вступать в отношения с иностранными державами, обмениваться диппредставителями, заключать с ними договоры и участвовать в деятельности международных организаций.

Между тем надо подчеркнуть, что многочисленные и во многом вполне разумные и обоснованные предложения, направленные на устранение уже существовавшей иерархии национальной государственности и народов внутри страны путём возвращения к прежнему административно-территориальному делению, в расчёт так и не были приняты. В то же время само определение Советского Союза как «единого союзного многонационального государства» отчасти говорило о горячем стремлении высшего руководства страны усилить «унитарный федерализм» в отношениях с союзными республиками. Правда, в явном противоречии с этим «унитаризмом» находилось вновь закреплённое «право свободного выхода союзных республик из состава СССР», что в конечном итоге, при полном разрушении всей вертикали партийной власти, и погубило нашу страну в годы горбачёвской перестройки.

Несмотря на то что ещё 16 июня 1977 года Л. И. Брежнев был избран официальным главой советского государства, безусловной опорой его личной власти,

как и прежде, оставался аппарат ЦК. Если во второй половине 1960-х годов любые решения по всем ключевым вопросам принимались на Пленумах ЦК, то в последующее десятилетие реальный центр властных полномочий всё больше стал смещаться во все отраслевые и функциональные отделы ЦК, где особое место занимали Общий отдел и Отдел организационно-партийной работы, который все годы брежневского правления возглавляли одни из самых преданных членов его ближайшего круга — К. У. Черненко и И. В. Капитонов. Традиционные Пленумы ЦК, хотя и собирались регулярно, стали всё больше походить на редкие встречи «старых и добрых партийных приятелей» и зачастую носить чисто формальный характер, лишь единогласно одобряя уже подготовленные центральным партаппаратом решения. Сам же механизм пополнения аппарата, как и самого состава ЦК, к концу 1970-х годов был уже отлажен почти до мнимого совершенства. В строго определённых пропорциях соблюдалось представительство всех крупнейших республиканских, краевых и областных партийных организаций, военно-промышленного комплекса, правоохранительных органов, деятелей науки и искусства и передовиков производства из числа рабочих и крестьян. Таким образом, и в самом ЦК, и в его аппарате отражались интересы всех властных и социальных структур советского общества. Понятно, что такая ситуация стала очень благоприятной средой для лоббирования различных интересов разных регионов и отраслей, где особой пробивной силой отличались лоббисты военно-промышленного и аграрного комплексов страны, которые сам Л. И. Брежнев традиционно считал своей исключительной «вотчиной».

По подсчётам ряда авторов (М. С. Восленский, Р. Г. Пихоя²⁹⁴), уже к середине — второй половине 1970-х годов высший уровень власти в стране представляли около 1000 «ответственных работников» в Москве и около 3000 по всему СССР. В это число, помимо членов высшего руководства страны, входили руководители аппаратов ЦК (от заведующего сектором до заведующего отделом), Совета Министров СССР (от зампредов и управделами до руководителей департаментов), всех «силовых» министерств (обороны, госбезопасности, иностранных и внутренних дел), а также первые секретари обкомов, крайкомов и ЦК компартий союзных республик. К этому же слою относились все остальные министры, заместители министров, члены коллегии всех союзных министерств и ведомств, высшие представители советского госаппарата, армии, госбезопасности, милиции, юстиции, промышленности, науки, пропаганды и культуры, которые были членами и кандидатами в члены ЦК и ЦРК КПСС. На местах к этому перечню прибавлялись все секретари и заведующие отделами обкомов и крайкомов партии и ЦК компартий всех союзных республик, директора крупнейших промышленных предприятий, командующие всеми военными, пограничными и «эмвэдэшными» округами, крупными воинскими частями и соединениями, флотами, а также начальники региональных управлений КГБ СССР.

При этом надо заметить, что в брежневский период продвижение вверх и развитие успешной партийной карьеры уже не было, как раньше, связано с обязательным восхождением по самой партийной лестнице. Высшая элита страны в 1970-х годах начинает всё больше воспроизводить себя не за счёт выдвиженцев снизу, а путём отбора и селекции партийных, профсоюзных и комсомольских кадров, а также дипломатических работников в элитных учебных заведениях, таких как Академия общественных наук при ЦК КПСС, Высшая партийная школа, Высшая школа профсоюзного движения, Высшая комсомольская школа, Институт

международных отношений МИД СССР, Дипломатическая академия и ряд других. Причём вся эта селекция высшей номенклатуры стала теперь проводиться под лозунгом «стабильности кадров», что неизбежно вело к целому ряду очень негативных процессов, в том числе выдвижению на руководящие посты откровенных сервилистов и карьеристов, живших «на три ума и державших три парадные физиономии» на все случаи жизни.

Причём общим местом многих публикаций, посвящённых брежневской эпохе (Р. А. Медведев, Ф. М. Бурлацкий, Г. А. Арбатов, Р. Г. Пихоя, А. В. Шубин²⁹⁵), стало утверждение, что в результате всех этих негативных процессов к концу 1970-х годов высшее руководство страны практически выродилось в самую настоящую геронтократию — власть стариков. Средний возраст членов Политбюро и Секретариата ЦК за прошедшее десятилетие возрос с 60 до 68 лет. Понятно, что в подобных условиях «коллективное руководство» стало проявлять исключительное внимание к здоровью своих старших товарищей и в 1978 году, якобы сразу после повторного прошения Л. И. Брежнева о своей отставке, приняло специальное решение об ограничении времени работы для всех членов Политбюро старше 65 лет. Кроме того, для них увеличивалась продолжительность ежегодного отпуска, один день в неделю они могли работать в домашних условиях, а по другим дням они должны были работать укороченный день с 10 до 17 часов с обязательным перерывом на обед. При этом сам Л. И. Брежнев по медицинскому заключению имел три выходных дня, но даже при таком щадящем режиме работы врачи требовали для него ещё один выходной день. Именно по этим причинам все заседания Политбюро ЦК, принимавшего важнейшие политические решения, зачастую длились не более 15-20 минут²⁹⁶. Кроме того, по мнению того же круга авторов, болезнь и постепенный отход Л. И. Брежнева от реальных дел дали старт «формированию в кругах высшего руководства СССР новой конфигурации сил и началу нового витка борьбы за лидерство в партии». При этом само увядание советской политической верхушки не делало борьбу за лидерство в партии значительно более мягкой — напротив, это придавало ей дополнительную остроту, поскольку друг другу противостояли пожилые люди с огромным жизненным и управленческим опытом, обладавшие мощным политическим ресурсом.

Между тем, судя по брежневскому дневнику, в последний квартал 1977 года генсек продолжал продуктивно работать, как и прежде. Достаточно сказать, что в октябре — декабре этого года он лично принимал лидеров ЧССР и ГДР Г. Гусака и Э. Хонеккера, премьер-министра Индии М. Десаи, президента Эфиопии Х. М. Менгисту, министра обороны Франции И. Буржа и вёл с ними переговоры, проводил заседания Политбюро и не раз встречался для решения разных вопросов с А. Н. Косыгиным, М. А. Сусловым, А. А. Громыко, К. У. Черненко, А. П. Кириленко, Ю. В. Андроповым, И. В. Капитоновым, В. И. Долгих, Б. Н. Пономарёвым и В. В. Кузнецовым, лично решал кадровые вопросы, в том числе о назначении С. В. Попова первым секретарём Брянского обкома, А. И. Лукьянова — новым руководителем Секретариата Президиума Верховного Совета СССР и генералов П. Г. Лушева и В. Н. Кончица — командующими Среднеазиатским и Приволжским военными округами, вместе со своим помощником А. М. Александровым-Агентовым работал над своей статьёй «Исторический рубеж на пути к коммунизму» для журнала «Проблемы мира и социализма», лично решал важные оборонные вопросы с В. Н. Челомеем, Ю. Б. Харитоновым и В. П. Глушко, лично посетил Колонный зал и принял участие в

прощании с усопшим маршалом Советского Союза А. М. Василевским, работал над своим докладом на декабрьском Пленуме ЦК с Г. Э. Цукановым, Г. А. Арбатовым, Н. Н. Иноземцевым и А. Е. Бовиным и т. д. ²⁹⁷ Наконец, 13 декабря 1977 года на предновогоднем Пленуме ЦК, где обсуждались традиционные доклады председателя Госплана Н. К. Байбакова и министра финансов В. Ф. Гарбузова о проектах Государственного плана и Государственного бюджета на 1978 год, Л. И. Брежнев также выступил по этим вопросам²⁹⁸. Хотя целый ряд авторов, в частности А. И. Бовин, А. С. Черняев и А. В. Островский, не знакомые с брежневскими дневниками, уверяли, что «к концу года состояние» генсека якобы оказалось таким плачевным, что «он не смог не только выступить, но даже присутствовать на Пленуме ЦК, который состоялся 13 декабря» уходящего года²⁹⁹.

Таким образом, несмотря на нарастающую дряхлость, генсек ещё довольно прочно держал в своих руках вожжи управления страной и высшим эшелоном власти, где чётко обозначились три возрастные группировки и их лидеры.

Старший слой высших руководителей страны, родившихся в 1899-1911 годах, составляли Л. И. Брежнев, М. А. Суслов, А. Н. Косыгин, А. П. Кириленко, Д. Ф. Устинов, А. А. Громыко, А. Я. Пельше, К. У. Черненко, Б. Н. Пономарёв, В. В. Кузнецов и К. В. Русаков. Среди этой когорты «стариков» совершенно точно отсутствовали политические амбиции только у четырёх: во-первых, у самых старших по возрасту А. Я. Пельше и В. В. Кузнецова, занимавших посты председателя Комитета партийного контроля при ЦК и первого заместителя председателя Президиума Верховного Совета СССР; во-вторых, у академика Б. Н. Пономарёва, который как один из старейших секретарей ЦК продолжал курировать всё мировое коммунистическое и рабочее движение; и, в-третьих, у К. В. Русакова — нового секретаря ЦК по связям с правящими компартиями зарубежных соцстран, который только-только перешёл на эту должность с поста личного помощника генсека.

Все остальные старики, несмотря на целый букет хронических болезней, оставались политиками до мозга костей и при любой возможности могли ринуться в борьбу за власть. Однако при этом надо иметь в виду, что глава Совета Министров СССР А. Н. Косыгин после перенесённого инсульта так и не смог до конца восстановить своё здоровье и утратил былую колоссальную работоспособность и хватку. Но, несмотря на это обстоятельство, ближайшее окружение генсека по-прежнему считало премьер-министра потенциальным претендентом на высшую власть и делало всё возможное, чтобы избавиться от него. М. А. Суслов, которого за глаза называли «серым кардиналом» партии, несмотря на свой очень преклонный возраст, продолжал исправно исполнять обязанности второго секретаря ЦК и вести все заседания Секретариата ЦК, жёстко контролировал весь партийный аппарат и пользовался безграничной поддержкой значительной части этого аппарата. Однако его слабым местом было отсутствие собственной «группы поддержки» в Политбюро и неприятие этой фигуры многими членами «днепропетровского клана». А. П. Кириленко, который де-факто являлся третьим секретарём ЦК и в этом качестве курировал тяжёлую промышленность и космос, был ужасно амбициозен и считал себя способным возглавить партию и страну. Однако реально он опирался только на поддержку Л. И. Брежнева и особым авторитетом и влиянием в партийном аппарате не пользовался. Кроме того, вскоре у него начался необратимый процесс атрофии головного мозга, и он стал стремительно терять память, а затем и рассудок. Безусловно, очень сильные позиции в узком руководстве страны были у министра

обороны СССР маршала Д. Ф. Устинова и министра иностранных дел СССР А. А. Громыко, которые до сих пор обладали огромной работоспособностью и пользовались безграничной поддержкой генсека и его личной дружбой. Однако открытых претензий на высшую власть ни тот, ни другой пока не предъявляли, прекрасно понимая, что в кресло генсека можно пересесть только с партийной, а не с государственной должности, которую они занимали. Но поддержка ими любого другого преемника имела, безусловно, решающее значение в возможной борьбе за власть после ухода Л. И. Брежнева либо на пенсию, либо из жизни. Что касается фигуры К. У. Черненко, который тоже обладал колоссальной работоспособностью и был очень авторитетной фигурой во всём аппарате ЦК, то именно в последний период правления Л. И. Брежнева началось его стремительное восхождение на политический Олимп. Напомним, что уже в марте 1976 года, сохранив за собой ключевую должность главы Общего отдела ЦК, он избирается секретарём ЦК, а в октябре 1977 года становится и кандидатом в члены Политбюро ЦК. Более того, анализ рабочих и дневниковых записей Л. И. Брежнева явно говорит о том, что с 1976 года он чаще всех остальных членов высшего руководства контактирует с генсеком не только на работе, но и во время отдыха в Крыму и в Завидово³⁰⁰.

Средний слой высших советских руководителей, родившихся в 1912-1920 годах, был представлен такими видными фигурами, как Ю. В. Андропов, В. В. Гришин, Ф. Д. Кулаков, К. Т. Мазуров, Д. А. Кунаев, В. В. Щербицкий, М. С. Соломенцев, П. М. Машеров, Ш. Р. Рашидов, П. Н. Демичев, И. В. Капитонов и М. В. Зимянин. Из реальных претендентов на роль преемника Л. И. Брежнева точно выпадали первый заместитель председателя Совета Министров СССР К. Т. Мазуров, скорая отставка которого уже стала лишь вопросом времени; председатель Совета Министров РСФСР М. С. Соломенцев, министр культуры СССР П. Н. Демичев и рядовые секретари ЦК И. В. Капитонов и М. В. Зимянин, чей аппаратный вес и отсутствие личных амбиций не позволяли им даже помышлять об избрании на пост генсека; руководители ЦК Компартий Казахстана и Узбекистана Д. А. Кунаев и Ш. Р. Рашидов, которые, несмотря на давние и особо доверительные отношения с Л. И. Брежневым, не могли стать его преемниками ввиду своей этнической принадлежности. Все же остальные вожди в той или иной степени видели себя в роли возможного лидера страны и по своему влиянию и аппаратному весу могли реально претендовать на эту роль. Так, Ю. В. Андропов, будучи главой КГБ, был самым информированным членом высшего партийного руководства и входил в узкий круг ближайших соратников генсека. Однако серьёзным препятствием для его восхождения к высшей власти было его «чекистское» настоящее и недостаточный вес в центральном партаппарате. Зато такой аппаратный вес был у Ф. Д. Кулакова, который на тот момент из всех секретарей ЦК был самым молодым членом Политбюро и являлся относительно здоровым человеком, даже несмотря на то, что был успешно оперирован по поводу рака желудка. В. В. Гришин, являясь Первым секретарём МКК КПСС, тоже имел непререкаемый авторитет в самой крупной и влиятельной партийной организации страны. Такое же влияние на всю огромную украинскую партийную организацию имел и Первый секретарь ЦК КПУ В. В. Щербицкий, который к тому же был личным другом генсека. Авторитетной фигурой во всей стране был и Первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии П. М. Машеров, правда, из этой «великолепной» пятёрки он был единственным кандидатом, а не полноправным членом Политбюро ЦК.

Самый молодой слой высших руководителей страны, родившихся в 1921-1930 годах, был самым узким, поскольку его представлял единственный член Политбюро, Первый секретарь Ленинградского обкома Г. В. Романов — очень сильный и волевой руководитель, который пользовался заслуженным авторитетом в ленинградской парторганизации и у самих ленинградцев. Такой же авторитет был и у кандидата в члены Политбюро, Первого секретаря ЦК Компартии Азербайджана Г. А. Алиева, но его единственным минусом опять же была его этническая принадлежность. Наконец, самыми молодыми по возрасту секретарями ЦК были В. И. Долгих и Я. П. Рябов, которые курировали тяжёлую и оборонную промышленность и обладали немалыми амбициями, особенно второй.

По мнению многих авторов (М. С. Восленский, Р. Г. Пихоя, Л. М. Млечин, С. Н. Семанов, Д. О. Чураков³⁰¹), уже к началу 1978 года внутри высшего руководства вполне отчётливо сформировались два основных центра силы: 1) так называемый «днепропетровско-молдавский клан», куда входили многие влиятельные персоны, в том числе три члена Политбюро — А. П. Кириленко, В. В. Щербицкий и К. У. Черненко, два давних и близких помощника генсека — Г. Э. Цуканов и А. И. Блатов, первый заместитель главы Совета Министров СССР Н. А. Тихонов, министр внутренних дел Н. А. Щёлоков, два заместителя главы КГБ — С. К. Цвигун и Г. К. Цинёв и ряд других важных персон; 2) так называемый «триумвират силовиков» в лице трёх полноправных членов Политбюро — Д. Ф. Устинова, Ю. В. Андропова и А. А. Громыко.

Между тем, как считают ряд авторов (И. Я. Фроянов, Н. А. Зенькович, Л. М. Млечин³⁰²), где-то к лету 1978 года обозначились явные признаки обострения борьбы за власть, поскольку стали сгущаться тучи над головой одного из самых влиятельных членов Политбюро и Секретариата ЦК Фёдора Давыдовича Кулакова, который все годы брежневского правления являлся главным куратором сельского хозяйства страны и которому западная пресса уже давно приклеила ярлык «кронпринца», т. е. наследника брежневской власти на посту генсека. Неслучайно в мае 1978 года ведущая югославская газета «Борьба» опубликовала очередную статью о Ф. Д. Кулакове под явно провокационным названием «Будущий Генеральный секретарь ЦК КПСС»³⁰³.

Зримым показателем этой «опалы», как считают те же Л. М. Млечин и И. Я. Фроянов, стало то, что в период подготовки июльского Пленума ЦК, посвящённого проблемам сельского хозяйства, главой рабочей комиссии, готовившей все материалы для этого партийного форума, был назначен не Ф. Д. Кулаков, а глава правительства А. Н. Косыгин, который в этих вопросах откровенно «плавал». Более того, «аграрного» секретаря даже не включили в состав этой комиссии. Однако, судя по брежневскому дневнику, холодок в отношениях генсека и Ф. Д. Кулакова, который был вхож в его дом, возник ещё зимой 1978 года. Именно тогда, накануне 60-летия «аграрного» секретаря, Л. И. Брежнев написал такую довольно странную фразу: «Звонил Кулакову — он прицепился с 4 февраля (день рождения)»³⁰⁴. Хотя, как и положено, накануне юбилея своего соратника все члены Политбюро одобрили решение о присвоении ему звания Героя Социалистического труда, и 3 февраля 1978 года вышел соответствующий Указ Президиума Верховного Совета СССР, подписанный Л. И. Брежневым и М. П. Георгадзе. Более того, генсек лично «переговорил» с Управделами ЦК КПСС Г. С. Павловым о «сувенире» для Ф. Д. Кулакова.

Между тем, как явствует из тех же рабочих записей Л. И. Брежнева, 15 марта 1978 года через своего секретаря Л. А. Дорошину, с которой он всегда плотно работал с документами, за своей подписью он направил «материалы к Пленуму», в том числе и черновой вариант своего доклада, всего 5 членам Политбюро: М. А. Суслову, А. Н. Косыгину, Д. Ф. Устинову, В. В. Щербицкому и Д. А. Кунаеву. Т. е. первоначально среди адресатов генсека Ф. Д. Кулакова не оказалось, хотя уже на следующий день он «хорошо» поговорил с ним по вопросу проведения Пленума³⁰⁵. И лишь в самом начале июня Л. И. Брежнев принял Ф. Д. Кулакова вместе с главой Сельхозотдела ЦК В. А. Карловым и своим помощником В. А. Голиковым, с которыми также обсуждал свой доклад и другие материалы к Пленуму ЦК.

3-4 июля 1978 года состоялся долгожданный Пленум ЦК, где основной доклад «О дальнейшем развитии сельского хозяйства» делал сам генсек³⁰⁶. Никаких особых новаций в этом докладе не прозвучало, но тем не менее он обсуждался членами ЦК в течение двух дней. При этом главный «аграрник страны» Ф. Д. Кулаков в прениях по этому докладу не выступал, что было довольно странно. А на следующий день, 5 июля, Фёдор Давыдович и Евдокия Фёдоровна Кулаковы на загородной даче отмечали 40-летие своей свадьбы, где присутствовала и чета Горбачёвых³⁰⁷.

В исторической литературе уже давно бытует мнение, что, дескать, Ф. Д. Кулаков не обладал особым влиянием и числился «в середнячках» внутри Политбюро. Однако свидетельства очевидцев, в частности М. С. Горбачёва и Е. И. Чазова, говорят о другом³⁰⁸. Во-первых, он один из немногих членов высшего ареопага, который был вхож в семью генсека. И, во-вторых, он был «тесно связан с "группой быстрого реагирования", которая пользовалась особым доверием генсека». В эту группу входили ряд первых секретарей, в частности волгоградский — Леонид Сергеевич Куличенко, краснодарский — Сергей Фёдорович Медунов, кустанайский — Андрей Михайлович Бородин, алтайский — Александр Васильевич Георгиев, оренбургский — Александр Власович Коваленко, саратовский — Алексей Иванович Шibaев, тульский — Иван Харитонович Юнак и сахалинский — Павел Артемьевич Леонов. Как утверждает тот же М. С. Горбачёв, «всякий раз, когда Л. И. Брежнев нуждался в поддержке или затевалась какая-то интрига, "группа быстрого реагирования" немедленно включалась в дело. Ей отдавалось явное преимущество в прениях на пленумах и съездах партии», и, если из уст именно этих персонажей «раздавалась критика правительства или вносилось какое-либо предложение, все понимали, откуда они исходят и в чьих интересах это делается». Поэтому совершенно очевидно, что видимая «опала» Ф. Д. Кулакова стала для многих неожиданной.

Сейчас довольно трудно предположить, как бы в дальнейшем сложилась его политическая судьба, поскольку буквально через две недели после Пленума ЦК, 17 июля 1978 года, Ф. Д. Кулаков неожиданно скончался. Надо сказать, что в мемуарной и исторической литературе существует немало разных версий, связанных с этой кончиной. Официальная версия кремлёвских эскулапов, которая была опубликована во всех центральных газетах и озвучена по телевизору, состояла в том, что Ф. Д. Кулаков скончался от острой сердечной недостаточности и внезапной остановки сердца. Однако многие современники тех событий ставят эту версию под большое сомнение. Так, тогдашний второй секретарь Пензенского обкома Г. В. Мясников в своём знаменитом дневнике записал, что он «умер от тромба». Причём, ссылаясь на слова его жены, он указал на то, что весь день он чувствовал себя нормально, однако вечером возник озноб и повысилась температура. Он попросил чай и бутерброды,

поел, лёг спать и скончался во сне под утро³⁰⁹. М. С. Горбачёв, который своей карьерой был во многом обязан именно Ф. Д. Кулакову, говорит о том, что его «здоровье уже не выдерживало его образа жизни и связанных с ним нагрузок», т. е. постоянных застолий с обильной выпивкой. Накануне он, вероятно, вновь выпил и «в семье произошёл крупный скандал», а утром его нашли мёртвым³¹⁰. Последние две версии с некоторыми подробностями разделяют и многие другие авторы, в частности В. И. Болдин, И. Я. Фроянов, В. И. Мироненко и Л. М. Млечин³¹¹. Хотя в их информации есть откровенные ляпы и нестыковки, например рассказ В. И. Болдина о том, что незадолго до своей кончины Ф. Д. Кулаков перенёс операцию по удалению рака желудка, хотя на самом деле эта операция была проведена ему в 1968 году. Однако в последнее время самой популярной стала версия его насильственного ухода из жизни. При этом одни авторы уверяют, что, крайне тяжело переживая разнос, учинённый ему на последнем Пленуме ЦК, он сам ушёл из жизни, либо застрелившись, либо вскрыв себе вены медицинским скальпелем в ванной комнате³¹². А их «оппоненты», в частности В. И. Соловьёв, Е. К. Клёпикова и Ф. Т. Моргун, утверждают, что он стал жертвой давно готовившегося убийства, организованного чекистами по личному указанию Ю. В. Андропова, который уже тогда стал расчищать себе дорогу к высшей власти в стране³¹³. Однако эта версия, конечно же, нуждается в серьёзной аргументации, а не в зыбких конспирологических теориях, базирующихся на одних предположениях. Хотя, как заявляет тот же В. Н. Швед, последний председатель Верховного Совета СССР А. И. Лукьянов якобы утверждал, что в первоначальном медицинском заключении причиной смерти Ф. Д. Кулакова было указано огнестрельное ранение в голову³¹⁴. Причём А. И. Лукьянов связал его гибель с тем, что, находясь на отдыхе в гостях у Э. А. Шеварднадзе, он и П. М. Машеров негативно выражались по поводу брежневского здоровья и его способности руководить страной, о чём генсек якобы узнал от самого Первого секретаря грузинского ЦК. Наконец, о том, что «Кулаков был найден на даче мёртвым с пулей в голове», свидетельствует и один из бывших андроповских помощников — И. Е. Синицин — в своей известной книге «Андропов вблизи»³¹⁵.

Как бы то ни было, но странностей с уходом из жизни Ф. Д. Кулакова и процедурой его похорон было действительно немало. Как известно, главой похоронной комиссии был назначен А. П. Кириленко, что отвечало статусу усопшего. Но всё остальное выглядело странно. Во-первых, гроб с телом одного из высших руководителей партии и государства был установлен для прощания не в Колонном зале, а в Центральном Доме советской армии. Во-вторых, в стране не был объявлен траур и для прощания с покойным был выделен только один день. И, наконец, в-третьих, на самих похоронах, которые прошли на Красной площади столицы, отсутствовали многие высшие руководители страны, в частности Л. И. Брежнев, М. А. Суслов, А. Н. Косыгин и В. В. Гришин, которые не стали прерывать свой летний отдых и возвращаться в Москву.

Понятно, что кончина Ф. Д. Кулакова поставила на повестку дня вопрос о его преемнике в Секретариате ЦК. Однако вопрос о том, кто мог бы стать новым куратором всего аграрного комплекса страны, также до конца так и не прояснён. Например, В. И. Болдин и Р. Г. Пихоя утверждают, что основными претендентами на этот пост были только два человека — первые секретари Полтавского обкома Фёдор Трофимович Моргун и Ставропольского крайкома Михаил Сергеевич Горбачёв. Первый руководитель был хорошо известен как крупный организатор и знаток

сельского хозяйства страны и один из авторов знаменитой концепции безплужной обработки почвы. Второй же, напротив, был знаменит только тем, что, будучи так называемым «курортным секретарём овечьей республики», к которому на знаменитые минеральные воды приезжали подлечиться практически все престарелые члены Политбюро, пользовался личной поддержкой двух самых влиятельных членов узкого руководства — М. А. Суслова и Ю. В. Андропова³¹⁶. Другие авторы говорят о том, что число претендентов на кулаковское кресло было значительно большим. Например, сам Ф. Т. Моргун уверяет, что помимо него «на эту должность котировались» ещё три персоны — министр сельского хозяйства В. К. Месяц, заведующий Сельскохозяйственным отделом ЦК В. А. Карлов и первый секретарь Омского обкома С. И. Манякин³¹⁷. И. И. Смирнов и Ф. И. Раззаков говорят о том, что среди самых реальных конкурентов М. С. Горбачёва как ставленника «клана зерновиков» был первый секретарь Краснодарского крайкома С. Ф. Медунов, который представлял интересы «нефтяного клана»³¹⁸. А бывший член Политбюро В. И. Воротников в своём дневнике указал, что среди претендентов на пост «аграрного секретаря» были не только М. С. Горбачёв, Ф. Т. Моргун, В. К. Месяц и В. А. Карлов, но и министр заготовок СССР Г. С. Золотухин и первый секретарь Ростовского обкома И. А. Бондаренко³¹⁹. В конце концов из всех указанных персон на финиш вышли только двое — Ф. Т. Моргун и М. С. Горбачёв. Однако, как уверяет сам Ф. Т. Моргун, ещё летом 1978 года он отказался от столь лестного предложения, и единственным претендентом на высокий пост «аграрного секретаря» остался М. С. Горбачёв.

Почему именно он оказался в фаворе у высшего руководства страны — до сих пор не вполне ясно. Также не совсем ясно и то, почему это предложение было сделано ему буквально накануне Пленума ЦК, 25 ноября 1978 года. Как уверяют сам М. С. Горбачёв и черненковский помощник В. В. Прибытков, в этот воскресный день К. У. Черненко дал команду срочно отыскать ставропольского секретаря и доставить его на Старую площадь³²⁰. Только к вечеру этого дня его еле отыскивали на юбилее у давнишнего приятеля, заместителя заведующего Отделом пропаганды и агитации ЦК М. В. Грамова и в хмельном подпитии доставили пред светлы очи К. У. Черненко, который заявил ему, что «завтра на Пленуме Леонид Ильич собирается внести предложение об избрании тебя секретарём ЦК партии. Поэтому он и хотел встретиться с тобой». После этих слов он лично сопровождал М. С. Горбачёва в рабочий кабинет генсека, где и решилась его судьба.

Вопрос о том, кто же стоял за этим назначением, уже давно будоражит умы многих мемуаристов и историков, но большинство из них склоняются к тому, что подлесок М. С. Горбачёв взошёл на политический Олимп стараниями двух политических мастодонтов — М. А. Суслова и Ю. В. Андропова, — которые частенько гостили у него на Кавказских минеральных водах. Причём надо заметить, что, вопреки уверениям самого М. С. Горбачёва о его якобы особых отношениях с Ю. В. Андроповым, ряд осведомлённых авторов, в том числе андроповский помощник генерал-майор В. В. Шарапов и брежневский зять Ю. М. Чурбанов, утверждают, что М. С. Горбачёву «покровительствовал только Суслов». Да и сам будущий генсек признавался: «Михаила Андреевича я знал давно, со Ставрополем у него были крепкие связи»³²¹. Кроме того, есть информация, что важную роль в карьере М. С. Горбачёва сыграл главный партийный кадровик И. В. Капитонов, который ещё «в

1968 году настоял на его избрании вторым секретарём Ставропольского крайкома КПСС»³²².

27 ноября 1978 года состоялся традиционный предновогодний Пленум ЦК, участники которого, заслушав доклады Л. И. Брежнева, Н. К. Байбакова и В. Ф. Гарбузова, как всегда единогласно приняли Постановление «О проектах Государственного плана экономического и социального развития СССР и Государственного бюджета СССР на 1979 г.» и перешли ко второму, более важному, вопросу³²³. Он касался ряда кадровых перестановок в верхнем эшелоне власти. Во-первых, со своих постов члена Политбюро и первого заместителя председателя Совета Министров СССР был отставлен Кирилл Трофимович Мазуров. Как много позднее вспоминал заместитель начальника личной охраны генсека генерал-майор В. Т. Медведев, он сильно беспокоился по поводу своего неизбежного разговора с К. Т. Мазуровым и даже советовался с К. У. Черненко о том, где и как его провести. В итоге такой разговор состоялся в самом Свердловском зале Большого Кремлёвского дворца буквально за полчаса до начала Пленума ЦК³²⁴. Несмотря на то что К. Т. Мазуров был значительно моложе и здоровее генсека, он всё же подал заявление об отставке «по состоянию здоровья» и ушёл на покой. Хотя в одном из своих последних интервью сам К. Т. Мазуров прямо заявил, что вопрос о его отставке стал давно вопросом времени, так как его отношения с генсеком безнадёжно испортились после целого ряда острых конфликтов, в том числе по поводу недостойного поведения его дочери Галины Брежневой во Франции³²⁵. Во-вторых, что было вполне ожидаемо, кандидатом в члены Политбюро ЦК был избран первый заместитель председателя Совета Министров СССР и давний член «днепропетровского клана» Николай Александрович Тихонов, которого в открытую готовили на роль нового главы союзного правительства. В-третьих, что было ещё более ожидаемо, секретарь ЦК и глава Общего отдела ЦК Константин Устинович Черненко был переведён из кандидатов в члены Политбюро ЦК. В-четвёртых, его место в «кандидатском предбаннике» занял Первый секретарь ЦК компартии Грузии Эдуард Амвросиевич Шеварднадзе. И, наконец, в-пятых, новым «аграрным» секретарём ЦК был избран Михаил Сергеевич Горбачёв.

Существует версия, что в 1978 году Л. И. Брежнев вновь просился на покой. По крайней мере, об этом пишут ряд известных мемуаристов и историков, в частности М. С. Горбачёв, В. К. Врублевский и А. В. Островский³²⁶. Причём на сей раз он не просто попросился на покой, но даже обозначил имя своего преемника на посту генсека — Первого секретаря ЦК Компартии Украины Владимира Васильевича Щербицкого, с которым его связывали не только чисто рабочие, но и давние дружеские узы. В. В. Щербицкий якобы отказался, и вопрос об уходе Л. И. Брежнева на пенсию отпал сам собой. Сейчас достаточно трудно сказать, насколько эта информация соответствует действительности, так как в архивах нет даже отдалённых намёков на сей счёт, и вполне возможно, что в памяти мемуаристов события более позднего времени «наложились» на более ранние. Тем более, если судить по тому же брежневскому дневнику, генсек был вполне работоспособен, и только в одном декабре 1978 года принял представительную американскую делегацию в составе А. Гарримана и министров финансов и торговли М. Блюментала и Х. Крепса, президента Афганистана Н. М. Тараки и провёл с ними переговоры, лично обсуждал с А. Н. Косыгиным и Н. К. Байбаковым вопрос о новом первом заместителе главы Госплана СССР вместо скончавшегося В. Д. Лебедева, принял участие в церемонии прощания с

усопшим министром оборонной промышленности С. А. Зверевым, в своём рабочем кабинете в ЦК трижды обсуждал различные кадровые вопросы с А. П. Кириленко, К. У. Черненко и И. В. Капитоновым, там же принимал главу Отдела административных органов ЦК генерал-полковника Н. И. Савинкина и трёх военачальников — генерала армии В. И. Петрова, генерал-полковников В. Ф. Шестопалова и Г. И. Салманова, — которые решением Политбюро ЦК были соответственно назначены главкомом войск Дальнего Востока, заместителем министра обороны по строительству и расквартированию войск и командующим Забайкальским военным округом, и, наконец, лично вручал в Кремле государственные награды Э. А. Шеварднадзе, М. С. Горбачёву, В. А. Матросову, С. К. Цвигуну, А. Е. Карпову и другим важным персонам³²⁷.

Кроме того, не надо забывать и тот хорошо известный факт, что именно в 1978 году на страницах ведущего литературного журнала «Новый мир» в три захода была опубликована знаменитая брежневская трилогия «Малая земля», «Возрождение» и «Целина». Публикация этих мемуаров, над которыми более года работала целая группа известных публицистов и журналистов в составе А. А. Аграновского, А. Я. Сахнина, А. П. Мурзина, В. Н. Игнатенко и ряда других, стала важным элементом многоплановой работы по созданию брежневского культа, которую возглавляли два влиятельных секретаря ЦК — М. А. Суслов и К. У. Черненко — и заведующий Отделом международной информации ЦК Л. М. Замятин³²⁸. Поэтому вряд ли в этот год Л. И. Брежнев стал бы даже думать о своей отставке, а тем паче обсуждать её с рядом членов Политбюро. В противном случае вся многолетняя работа по созданию его культа, пик которой пришёлся как раз на этот год, летела бы в тартарары.

В первой половине января 1979 года Л. И. Брежнев совместно с Л. М. Замятиным принял делегацию американских издателей и редакторов корпорации «Тайм» в составе Г. Грюнвальда, Р. Кейва и Р. Данкина, а затем уже в присутствии А. А. Громыко и А. М. Александрова-Агентова провёл встречу с американскими сенаторами во главе с Г. Бейкером. В конце этого же месяца он переговорил с рядом членов Политбюро, а также решил ряд новых кадровых вопросов, в том числе о назначении генерал-полковника С. Ф. Ахромеева первым заместителем начальника Генерального штаба ВС СССР³²⁹. А уже в начале февраля он отправился в очередной отпуск в Сочи, где пробыл почти целый месяц.

Вернувшись в Москву, в марте 1979 года Л. И. Брежнев провёл заседание Политбюро, лично принимал Д. Ф. Устинова, К. У. Черненко, Н. И. Савинкина и Л. В. Смирнова, с которыми обсуждал ряд военно-оборонных вопросов, а также провёл международные встречи с главами Польши и Афганистана Э. Тереком и Н. М. Тараки, премьер-министром Королевства Таиланд К. Чамананом и министром Революционных вооружённых сил Кубы Р. Кастро. Однако уже в самом конце марта все записи в его рабочем дневнике прерываются и вплоть до 3 мая 1979 года не возобновляются.

Почему это случилось — непонятно до сих пор. Никто из его ближнего круга, в том числе Е. И. Чазов и В. Т. Медведев, ничего не пишут на сей счёт. Хотя А. С. Черняев утверждает, что он болел, однако непонятно — чем³³⁰. А между тем известно, что 17 апреля 1979 года состоялся очередной Пленум ЦК, на котором, по официальной версии, Л. И. Брежнев и М. А. Суслов выступали с сообщениями по организационным вопросам I сессии Верховного Совета СССР X созыва³³¹. Кроме того, на этом Пленуме совершенно неожиданно для большинства присутствующих с

поста секретаря ЦК слетел один из самых молодых членов высшего руководства Яков Петрович Рябов, просидевший в этом кресле всего два с половиной года. Формальным поводом для принятия данного решения стала острая необходимость передвинуть Я. П. Рябова на освободившийся пост первого заместителем председателя Госплана СССР, о чём ему лично ещё до Пленума ЦК поведали Л. И. Брежнев и М. А. Сулов³³². Однако среди реальных причин его отставки называли непомерные амбиции самого Я. П. Рябова и ряда его холуёв из аппарата ЦК, которые в подпитом состоянии, не особо стесняясь, по всякому поводу поднимали тосты «за нового Генерального секретаря», его «длинный язык» в общении с руководством Нижнетагильского горкома, с которым он разоткровенничался по поводу болезни Л. И. Брежнева, а также обострение давнего конфликта с министром обороны СССР маршалом Д. Ф. Устиновым, который до сих пор считал себя единственным куратором всего ВПК и не терпел конкуренции со стороны других лиц, претендующих на эту важную роль. Непосредственным поводом к этой отставке, как гласила цековская молва, послужила его пьяная драка с командующим Уральским округом генерал-полковником Н. К. Сильченко во время одной из последних его командировок в Свердловск.

Между тем, как уверяют ряд мемуаристов и биографов Л. И. Брежнева, в том числе М. С. Докучаев, А. В. Островский и С. Шаттенберг, в том же апреле 1979 года генсек вторично, причём уже не в шутку, а всерьёз, заговорил о своей реальной отставке³³³. Так, генерал-майор М. С. Докучаев, занимавший в то время пост заместителя начальника 9-го Управления КГБ СССР, в своих мемуарах поведал следующую быль. В апреле 1979 года Л. И. Брежнев вдруг пригласил к себе начальника личной охраны генерал-майора А. Я. Рябенко и сказал ему, что чувствует себя плохо и пора уходить на отдых. А. Я. Рябенко посчитал, что речь идёт об очередном незапланированном отпуске и что надо готовить новую поездку на юг. Однако Л. И. Брежнев уточнил, что речь идёт о его уходе в отставку и что надо позвонить К. У. Черненко, чтобы он собрал всех членов Политбюро. На заседании Политбюро генсек сделал заявление о своём уходе на пенсию, однако все его члены «в один голос возразили ему», заявив, что «создадут ему необходимые условия для нормальной работы и отдыха», и тут же приняли Постановление об установлении дополнительного пятничного выходного дня для генсека. А немецкая исследовательница С. Шаттенберг, комментируя данный эпизод, заявила о том, что в этот раз Л. И. Брежнев, который «уже очень сильно болел и зависел от таблеток», был как никогда «серьёзен». Тем более к этому моменту Н. В. Подгорный был уже давно в отставке, а «все люди в Политбюро являлись ставленниками генсека». По её заверениям, сам Л. И. Брежнев «очень хотел уйти», однако из-за того, что в стране до сих пор «отсутствовал сценарий передачи власти» от одного вождя к другому, эта отставка и не состоялась.

Между тем уже в мае 1979 года всё вернулось на круги своя. Помимо обычных и постоянных контактов с членами Политбюро, Секретариата и аппарата ЦК, в ходе которых обсуждались домашние вопросы, генсек активно занимался и внешней повесткой дня. Так, 17 мая он вёл переговоры в Москве с югославским лидером Йосипом Броз Тито, 30 мая — 1 июня посетил с официальным визитом Венгрию, где провёл аналогичные встречи и переговоры с Яношем Кадаром, 5-6 июня провёл два совещания по подготовке Венской встречи с американцами, в которых приняли участие А. А. Громыко, К. У. Черненко, Д. Ф. Устинов, Н. В. Огарков, Г. М.

Корниенко, А. М. Александров-Агентов, 12 июня принимал премьер-министра Индии Морарджи Десаи и вёл с ним переговоры, 15-18 июня находился в Вене, где встречался с канцлером Австрии Бруно Крайским, а затем в течение двух дней вёл переговоры с президентом США Джимми Картером, по итогам которых был подписан договор ОСВ-2, и т. д.³³⁴ Понятно, что столь насыщенная работа в течение всего одного месяца зримо говорит о том, что Л. И. Брежнев, которому шёл уже 73-й год, был вполне работоспособен и все байки о его неадекватности не стоят и ломаного гроша. Более того, судя по тем же брежневским рабочим записям, он в течение всего июля, как и в прошлые годы, держал руку на пульсе традиционной «битвы за урожай» и лично говорил по всем вопросам с лидерами Азербайджана (Г. А. Алиевым) и Узбекистана (Ш. Р. Рашидовым), а также руководителями ряда крайкомов и обкомов, в том числе Алтайского (Н. Ф. Аксёновым), Омского (С. И. Манякиным), Крымского (В. С. Макаренко), Харьковского (И. И. Сахнюком), Орловского (Ф. С. Мешковым) и Курского (А. Ф. Гудковым). Затем он уехал на отдых в Крым, где встречался с Николаем Чаушеску, а по возвращении в Москву всю вторую половину августа довольно интенсивно работал: обсуждал с А. Н. Косыгиным и Г. В. Романовым вопросы работы промышленности и намётки плана на 1980 год, с М. С. Горбачёвым говорил о положении дел в сельском хозяйстве страны, принимал первых секретарей Брянского обкома и Краснодарского крайкома Е. И. Сизенко и С. Ф. Медунова и т. д. Причём, что любопытно, в самом конце августа он почему-то с Н. А. Тихоновым «долго говорил о секретариате», в том числе о том, чтобы его заседания «на первых порах хотя бы по очереди» вели М. А. Сулов, К. У. Черненко и А. П. Кириленко, чтобы Г. А. Алиева «взять» в Политбюро, а М. С. Горбачёва «сделать кандидатом»³³⁵.

Правда, уже в сентябре — декабре 1979 года количество личных контактов Л. И. Брежнева несколько снизилось, но это вовсе не означало, что он пребывал в каком-то нерабочем состоянии. Например, именно в это время он встречался с лидером итальянских коммунистов Энрико Берлингуэром, работал (как и раньше) над своим докладом к Пленуму с Г. Э. Цукановым, А. Е. Бовиным, Г. А. Арбатовым и Н. Н. Иноземцевым, принимал академика В. Н. Челомея «с его изделиями», а затем беседовал на ту же тему с главой Комиссии Президиума СМ СССР по военно-промышленным вопросам Л. В. Смирновым, несколько раз беседовал с Ю. В. Андроповым, А. А. Громыко и Д. Ф. Устиновым о ситуации в Афганистане, и, наконец, ситуацию в «Афиностане» в начале декабря он обсуждал в своём рабочем кабинете не только с теми же Ю. В. Андроповым, А. А. Громыко и Д. Ф. Устиновым, но и с другими членами высшего руководства: М. А. Суловым, А. П. Кириленко, К. У. Черненко, А. Я. Пельше, В. В. Гришиным, Б. Н. Пономарёвым, М. С. Соломенцевым и В. В. Кузнецовым³³⁶.

27 ноября состоялся очередной Пленум ЦК, который по заведённой традиции, заслушав доклады Л. И. Брежнева, Н. К. Байбакова и В. Ф. Гарбузова, единогласно принял Постановление ЦК «О проектах Государственного плана экономического и социального развития СССР и Государственного бюджета СССР на 1980 г.», а также решил ряд кадровых вопросов. В частности, по докладу того же генсека первый заместитель председателя Совета Министров СССР Н. А. Тихонов был переведён в полноправные члены Политбюро, а секретарь ЦК по сельскому хозяйству М. С. Горбачёв сменил его в качестве кандидата в члены Политбюро³³⁷.

Наступивший 1980 год не был отмечен особой активностью генсека, хотя именно в январе он принимал двух знаковых французских визитёров — лидера ФКП Жоржа Марше и главу Национального собрания Жака Шабан-Дельмаса, который, кстати, после встречи с генсеком устроил публичный демарш с досрочным отъездом из Москвы в связи с решениями Политбюро по поводу А. Д. Сахарова; провёл три заседания Политбюро; отдельно встречался с Д. Ф. Устиновым и Ю. В. Андроповым после возвращения главы КГБ из поездки в Афганистан; и, наконец, во время личной встречи с Н. А. Щёлоковым решал вопрос о назначении своего зятя генерал-лейтенанта Ю. М. Чурбанова первым заместителем главы МВД СССР в связи с самоубийством генерал-лейтенанта В. С. Папутина³³⁸. Такой же режим работы, судя по его рабочим записям, сохранился и в марте — феврале 1980 года, а затем, как и год назад, Л. И. Брежнев улетел на отдых в Сочи.

Вернувшись из отпуска, во второй половине мая генсек, как всегда, лично включился в «битву за урожай» и не раз говорил о его видах с первыми секретарями Карельского, Вологодского, Кировского, Горьковского, Ярославского, Рязанского, Тульского, Тамбовского, Брянского, Липецкого, Волгоградского, Татарского, Башкирского, Кемеровского и Челябинского обкомов партии, а также принял президента Южного Йемена Али Насера Мухаммеда. Затем весь июнь вместе с Г. Э. Цукановым, А. М. Александровым-Агентовым, Г. А. Арбатовым и другими Л. И. Брежнев готовил свой очередной доклад для Пленума ЦК, который состоялся 23 июня 1980 года³³⁹. На самом Пленуме помимо него с отдельным докладом «О международном положении и внешней политике Советского Союза» выступал и министр иностранных дел А. А. Громыко, который значительную часть своего выступления посвятил ситуации в самом Афганистане и вокруг него. По итогам работы Пленума были приняты два Постановления — по докладу А. А. Громыко и «О созыве очередного XXVI съезда КПСС». А вечером того же дня генсек начал целую серию личных встреч с руководителями республиканских компартий и первыми секретарями крайкомов и обкомов партии, которые продолжались до 26 июня включительно. За это время он принял более 40 участников Пленума ЦК, в том числе Г. А. Алиева, К. С. Демирчана, И. И. Бодюла, П. П. Гришкявичуса, Г. К. Вайно, Т. У. Усубалиева, Д. Р. Расулова и М. Г. Гапурова. Кроме того, в конце июня он встречался с секретарём ЦК В. И. Долгих, а также с заместителями председателя Совета Министров СССР Н. К. Байбаковым, Л. В. Смирновым и И. Т. Новиковым. Затем 30 июня — 1 июля 1980 года генсек дважды (сначала в составе делегации, а затем один на один) встречался с канцлером и вице-канцлером и министром иностранных дел ФРГ Гельмутом Шмидтом и Гансом Дитрихом Геншером. А уже 3 июля принимал руководителя Вьетнама Лу Зуана, который по приглашению советской стороны прибыл на отдых в СССР³⁴⁰.

4 июля 1980 года Л. И. Брежнев улетел на отдых в Нижнюю Ореанду, откуда вернулся в столицу 18 июля для торжественного открытия XXII Московских олимпийских игр, а спустя два дня вновь возвратился в Крым. Здесь он провёл более месяца и, помимо каждодневных контактов почти со всеми членами Политбюро и Секретариата ЦК, а также с многими первыми секретарями рескомов, крайкомов и обкомов партии, в самом конце июля — середине августа он лично встречался с целым рядом руководителей соцстран и европейских компартий, прибывших на отдых в Крым, в том числе Яношем Кадаром (ВНР, 24.07), Густавом Гусаком (ЧССР, 28.07), Эдвардом Гереком (ПНР, 31.07), Алваром Куньялом (Португалия, 02.08),

Николаем Чаушеску (СРР, 04.08), Тодором Живковым (БНР, 07.08), Эрихом Хонеккером (ГДР, 11.08), Кейсоном Фомвиханом (Лаос, 14.08) и Юмжагийном Цэдэнбалом (Монголия, 18.08).

В конце августа 1980 года генсек уже окончательно вернулся в Москву и практически сразу по приглашению Д. А. Кунаева отбыл с четырёхдневным визитом в Алма-Ату, где принял участие в торжествах по случаю 60-летия образования Казахской ССР и Компартии Казахстана. А уже в первых числах сентября ему пришлось самым тесным образом заняться «польским вопросом» и проводить ряд совещаний специальной Комиссии в составе М. А. Суслова, А. А. Громыко, Ю. В. Андропова, Д. Ф. Устинова, К. У. Черненко, М. В. Зимянина, И. В. Архипова, Л. М. Замятина и О. Б. Рахманина, вести телефонные переговоры с Г. Гусаком, Я. Кадаром, Т. Живковым, Э. Хонеккером и новым лидером ПОРП С. Каней, а также лично принимать польскую правительственную делегацию во главе с вице-премьером польского правительства М. Ягельским.

Затем в середине сентября Л. И. Брежнев провёл заседание Политбюро, на котором подробно обсуждались проекты государственного плана и бюджета на новый хозяйственный год. Причём, что любопытно, с первым докладом выступал не Н. К. Байбаков, а Н. А. Тихонов, а со вторым докладом, как всегда, В. Ф. Гарбузов. Всего же по этому вопросу выступили 12 человек, в том числе сам Л. И. Брежнев, М. А. Суслов, В. В. Щербицкий, М. С. Горбачёв, М. С. Соломенцев и В. И. Долгих, а также ряд членов союзного правительства: Н. К. Байбаков, Л. А. Костандов, П. Ф. Ломако, Б. Ф. Братченко, К. И. Брехов, В. К. Месяц. Глава правительства А. Н. Косыгин на этом заседании отсутствовал из-за только что перенесённого инфаркта. Наконец, судя по тем же рабочим записям генсека, в конце сентября 1980 года он провёл заседание Комиссии, созданной для рассмотрения заявки академика В. Н. Челомея по разработке лёгкого космического самолёта, которая была отвергнута Военно-промышленной комиссией СМ СССР под руководством Л. В. Смирнова. На сей раз авторитетная комиссия в составе её главы заместителя министра обороны генерала В. М. Шабанова, первого замминистра общего машиностроения Б. В. Бальмонта, заместителя министра радиопромышленности В. И. Маркова, заведующего Отделом оборонной промышленности ЦК И. Д. Сербина и 9 академиков и профессоров — А. П. Александрова, Е. П. Велихова, Г. П. Свищева, Р. А. Белякова, Н. С. Строева, Е. А. Федосова, А. Г. Басистова, В. С. Авдеевского и В. Н. Челомея — в течение двух месяцев рассматривала этот вопрос и также зарубила его из-за непомерной дороговизны³⁴¹.

А уже в начале октября 1980 года последовали два трагических события: 2 октября ушла из жизни жена его старого друга Прасковья Дмитриевна Тихонова, которую он на домашний манер называл Шетой, а 4 октября в автомобильной катастрофе в возрасте 62 лет трагически погиб один из самых популярных советских вождей, кандидат в члены Политбюро ЦК и Первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии Пётр Миронович Машеров, занимавший свой пост более 15 лет.

Ещё в период горбачёвской перестройки в советской историографии впервые возникла ныне довольно известная и популярная версия о том, что гибель П. М. Машерова была вовсе не случайна. Сначала её публично озвучили Е. К. Клёпикова и В. И. Соловьёв³⁴², а затем подхватили и ряд других авторов, в частности Н. П. Машерова, Н. А. Зенькович, А. В. Русецкий и В. Ф. Кебич³⁴³. При этом одни авторы утверждали, что П. М. Машеров стал очередной жертвой кровавых внутрипартийных

«разборок», за которыми стоял не кто иной, как шеф тайной полиции Ю. В. Андропов, упорно и методично расчищавший себе путь к высшей власти. А другие уверяли, что П. М. Машеров попал в жернова соперничества двух влиятельных группировок, каждая из которых ни при каких условиях не желала видеть его на посту нового председателя Совета Министров СССР вместо заболевшего А. Н. Косыгина. Причём Ф. И. Раззаков в своей новой книге «Глубинный КГБ», о которой мы писали ранее, утверждает, что именно А. Н. Косыгин согласовал с самим Л. И. Брежневым кандидатуру П. М. Машерова в качестве своего преемника и тот якобы согласился с ним. Правда, в том же абзаце своей книги он пишет о том, что выбор П. М. Машерова был во многом связан с тем, что премьер-министр страны через своего первого зама К. Т. Мазурова и заместителя главы Госплана СССР Н. Н. Слюнькова давно был тесно связан с «белорусами», которые всегда оппонировали «украинцам» в лице самого Л. И. Брежнева, Н. А. Тихонова, А. П. Кириленко, В. В. Щербицкого и К. У. Черненко...

На сегодняшний день наиболее подробный разбор всех возможных версий гибели П. М. Машерова содержится в известной работе Н. А. Зеньковича «Покушения и инсценировки. От Ленина до Ельцина». Формально автор этой книги как бы пытается быть объективным, однако де-факто, как и многие другие авторы, он находится в плену собственных конспирологических построений, которые с первых же строк не вызывают доверия. В частности, он утверждает, что буквально за две недели до этой автокатастрофы произошла совершенно необъяснимая смена в руководстве белорусского КГБ и на место генерал-лейтенанта Я. П. Никулина, занимавшего свой пост ровно 10 лет, в Минск прибыл генерал-майор В. Г. Балувев, бывший до того начальником Новосибирского УКГБ, а затем и заместителем начальника Инспекторского управления КГБ СССР. Однако на самом деле эта смена власти в белорусском КГБ произошла ровно за два месяца до гибели П. М. Машерова — 4 августа 1980 года. А, как известно, маленькая ложь рождает большое недоверие...

На взгляд многих адекватных авторов (В. С. Шевелуха, А. А. Музафаров³⁴⁴), гибель П. М. Машерова была трагической случайностью, одновременно ставшей закономерностью, вызванной «двоевластием» на всех автотрассах, по которым передвигались правительственные кортежи, а также неисполнением сотрудниками личной охраны своих должностных инструкций. При этом надо учесть и тот факт, что П. М. Машеров был далеко не первым и не последним в череде трагических смертей в VIP-кортежах. Достаточно сказать, что в той же Белоруссии 10 апреля 1970 года в самом центре Минска в автоаварии в своей служебной «Чайке» погиб заместитель председателя Совета Министров БССР Григорий Яковлевич Киселёв. А 26 декабря 1976 года в такой же «Чайке» в автоаварии в Беловежской пуще погиб председатель Президиума Верховного Совета Белорусской ССР Фёдор Анисимович Сурганов.

Между тем уже 9 октября 1980 года, на следующий день после похорон П. М. Машерова, состоялось заседание Политбюро ЦК, на котором был решён вопрос с его преемником. Судя по брежневскому дневнику, на пост Первого секретаря ЦК Компартии Белоруссии рассматривались две кандидатуры — второй секретарь ЦК КПБ Владимир Игнатьевич Бровиков и заместитель председателя Совета Министров СССР Тихон Яковлевич Киселёв, который в 1959-1978 годах был председателем Совета Министров Белорусской ССР³⁴⁵. Однако в личном разговоре с Л. И. Брежневым В. И. Бровиков взял самоотвод, и вопрос решился сам собой. Поэтому

уже 16 октября на XXIV Пленуме ЦК Компартии Белоруссии Первым секретарём ЦК единогласно был избран Т. Я. Киселёв.

Через пять дней, 21 октября 1980 года, состоялся и очередной Пленум ЦК, на котором, помимо традиционного обсуждения докладов Л. И. Брежнева, Н. К. Байбакова и В. Ф. Гарбузова и принятия привычного Постановления ЦК «О проектах Государственного плана экономического и социального развития СССР и Государственного бюджета СССР на 1981 г.», были приняты важные кадровые решения³⁴⁶. Во-первых, в отставку с постов члена Политбюро ЦК и председателя Совета Министров СССР был отправлен один из старейших и авторитетных членов высшего советского руководства Алексей Николаевич Косыгин, который ещё в конце июля перенёс обширный инфаркт. Конечно, он усугубил и без того не богатырское здоровье премьера, который за последние два года (после известного «утопления» на Москва-реке) окончательно потерял былую сноровку и колоссальную работоспособность. Поэтому вопрос о его отставке был, по сути, предрешён. Как свидетельствуют ряд очевидцев, по просьбе Л. И. Брежнева приватный разговор на столь деликатную тему с тяжело болевшим премьером провёл К. У. Черненко, который смог заполучить от него собственноручное заявление в Политбюро о своей отставке³⁴⁷. Тогда же Пленум ЦК принял решение рекомендовать на пост нового главы советского правительства Николая Александровича Тихонова, который уже два года де-факто время от времени замещал А. Н. Косыгина во время его болезни. А 23 октября 1980 года очередная сессия Верховного Совета СССР узаконила все решения Пленума ЦК по данному вопросу.

Между тем есть косвенное свидетельство того, что первоначально Л. И. Брежнев рассматривал на пост союзного премьера другую, значительно более молодую, а значит и куда более перспективную, кандидатуру. Ссылаясь на приватную беседу с самим В. В. Щербицким, его многолетний помощник В. К. Врублевский в своей книге воспоминаний приводит такой разговор со своим патроном: «В начале августа, во время празднования юбилея в Молдавии, настроение у Леонида Ильича, несмотря на праздник, было угнетённым. Ему не давала покоя мысль, кто же будет преемником Косыгина. Около полуночи в резиденции, где мы остановились, ко мне в комнату пришёл Леонид Ильич, запросто, в пижаме. "Володя, ты должен заменить Косыгина, больше никому", — сказал он. И долго убеждал, что иного выхода нет как для него, так и для меня. Поскольку к такому разговору я морально и внутренне был готов и всё заранее продумал, в тактичной форме, но однозначно отказался. После этого ещё полночи проговорили обо всём, что нас волновало»³⁴⁸. Существует также версия, поведанная давним и самым близким суловским помощником Степаном Петровичем Гавриловым, что его шеф предлагал назначить на пост премьер-министра академика В. А. Кириллина, с которым М. А. Сулов давно дружил и который без малого полтора десятка лет возглавлял ГКНТ СССР и был заместителем А. Н. Косыгина по союзному правительству³⁴⁹. Хотя вряд ли эта версия носит правдоподобный характер, поскольку ещё в январе 1980 года В. А. Кириллин ушёл в отставку с поста заместителя главы Совета Министров СССР и вернулся на работу в Академию Наук СССР.

На том же Пленуме полноправным членом Политбюро был избран Михаил Сергеевич Горбачёв, а кандидатом в члены стал Тихон Яковлевич Киселёв, что стало небольшой, но зримой победой так называемой «русской партии» в Политбюро ЦК, с

которой тогда ассоциировали В. В. Гришина, Г. В. Романова, П. Н. Демичева и ряд других членов высшего руководства страны.

Во второй половине октября — первой половине ноября 1980-го, помимо решения различных внутренних вопросов, генсек провёл ряд международных встреч, в том числе с главами Афганистана и Эфиопии Бабраком Кармалем, Менгисту Хайле Мариамом, министром иностранных дел Италии Эмилио Коломбо, президентами Финляндии и Мозамбика Урхо Калева Кекконеном и Саморой Машелом. Кроме того, особое внимание генсек уделил польскому вопросу, сначала детально изучив шифровки, полученные от советского посла в Варшаве Б. И. Аристова, а затем и проведя важные переговоры с польской делегацией во главе с Первым секретарём ЦК ПОРП Станиславом Каней и главой Совета Министров ПНР Юзефом Пиньковским³⁵⁰. Тогда же, в начале ноября 1980 года, с группой своих постоянных «соавторов» Г. Э. Цукановым, Г. А. Арбатовым и Н. Н. Иноземцевым генсек приступил к написанию своего «Отчётного доклада ЦК» к предстоящему XXVI съезду КПСС.

Судя по тому же брежневскому дневнику, во второй половине ноября — середине декабря 1980 года чуть ли не каждый день он обсуждал различные вопросы со многими корреспондентами, включая всех членов Политбюро (М. А. Суслова, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, Н. А. Тихонова, Ю. В. Андропова, К. У. Черненко, Д. Ф. Устинова, Г. В. Романова, В. В. Щербицкого, Д. А. Кунаева и других), своих помощников и ряда сотрудников аппарата ЦК (А. И. Блатова, А. М. Александрова-Агентова, Г. Э. Цуканова, Г. А. Дорошину, М. Е. Могилевца, Г. С. Павлова, К. М. Боголюбова, Н. И. Савинкина) и членов Совмина СССР (Н. А. Щёлокова, Н. С. Патоличева, И. С. Силаева, Л. В. Смирнова, Н. И. Рыжкова, С. Ф. Афанасьева), провёл несколько заседаний Политбюро и двух комиссий — по афганскому и польскому вопросам и т. д.³⁵¹

Наконец, под занавес уходящего года, вечером 18 декабря, после второго инфаркта ушёл из жизни Алексей Николаевич Косыгин. Вся страна узнала о смерти отставного премьера только через два дня, поскольку она произошла накануне брежневского дня рождения и в кремлёвских кабинетах разумно посчитали неуместным портить такой скорбной информацией столь знаменательный день в жизни генсека. Церемония прощания с усопшим А. Н. Косыгиным, в которой приняли участие все члены высшего руководства во главе с Л. И. Брежневым, прошла в Колонном зале 22-23 декабря 1980 года, а на следующий день на Красной площади состоялся траурный митинг и захоронение урны с прахом бывшего премьера в Кремлёвской стене за Мавзолеем В. И. Ленина.

В широком народном сознании, а затем и в исторической литературе давно укоренился тезис, что именно уход А. Н. Косыгина открыл «пятилетку пышных похорон», которая стала предтечей всех дальнейших трагических событий, закончившихся крахом великого Советского Союза и советского общественного строя. Но об этом более подробно мы поговорим в последней главе.

²⁷¹ Данилов А.А. Утаённая конституция // Исторический архив. 1997. № 1; Данилов А.А. Конституционный проект 1962-1964 гг. // Проблемы политической и экономической истории России. М., 1998; Пыжиков А.В. Хрущёвская "оттепель" 1953-1964. М., 2002; Пыжиков А.В. Новое прочтение драматического эпизода

отечественной политической истории // Вестник Российской академии наук. Т. 76. № 5. 2006.

²⁷² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 384. Л. 1-2.

²⁷³ Впервые сам термин "развитой социализм" появился в постановлении ЦК КПСС "О подготовке к 50-летию Октябрьской революции" от 4 января 1967 года.

²⁷⁴ Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти, 1945-1991. М., 1998; Шубин А.В. От "застоя" к реформам. СССР в 1977-1985 гг. М., 2001; Чураков Д.О. СССР при Брежневе. М., 2015; Вдовин А.И. СССР. История великой державы (1922-1991 гг.). М., 2018.

²⁷⁵ Брежнев Л.И. Рабочие и дневниковые записи. 1964-1982 гг. Т. 1. М., 2016; Лукьянов А.И. Разработка и принятие Конституции СССР 1977 года (1962-1977 гг.) // Сайт Конституции РФ.

²⁷⁶ Лукьянов А. И. Разработка и принятие Конституции СССР 1977 года (1962-1977 гг.) // Сайт Конституции РФ. Стрекалов И.Н. Последняя Конституция Советского Союза. К вопросу о создании. М., 2017.

²⁷⁷ Лукьянов А. И. Разработка и принятие Конституции СССР 1977 года (1962-1977 гг.) // Сайт Конституции РФ; Байбаков С. А. Современные представления о разработке проекта третьей Конституции СССР (1977 г.): по новым архивным материалам // Вестник МГУ. Серия 8: История, 2012. № 5; Стрекалов И. Н. Последняя Конституция Советского Союза. К вопросу о создании. М., 2017; Земцов А.Л. Конституция СССР 1977 г. // Проблемы современной науки и образования. № 22 (104). 2017.

²⁷⁸ Брежнев Л.И. Рабочие и дневниковые записи. 1964-1982 гг. Т. 1. М., 2016.

²⁷⁹ Брежнев Л.И. Рабочие и дневниковые записи. 1964-1982 гг. Т. 1. М., 2016. Личные записи Л. И. Брежнева красноречиво свидетельствуют о том, что целый ряд авторов, в частности андроповский помощник И. Е. Синицин, безбожно лгут, когда бездоказательно пишут о том, что "в начале 1977 г." Л. И. Брежнев снова "серьёзно и надолго заболел".

²⁸⁰ Брежнев Л. И. Рабочие и дневниковые записи. 1964-1982 гг. Т. 1. М., 2016; Лукьянов А. И. Разработка и принятие Конституции СССР 1977 года (1962-1977 гг.) // Сайт Конституции РФ.

²⁸¹ РГАНИ Ф. 2. Оп. 3. Д. 415-437.

²⁸² Брежнев Л.И. Рабочие и дневниковые записи. 1964-1982 гг. Т. 1. М., 2016.

²⁸³ Л. И. Брежнев будет избран председателем Президиума Верховного Совета СССР на VI сессии Верховного Совета IX созыва 16 июня 1977 года.

²⁸⁴ Бурлацкий Ф.М. Вожди и советники. М., 1990. Арбатов Г.А. Затянувшееся выздоровление. М., 1991; Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти, 1945-1991. М., 1998; Млечин Л.М. Брежнев. М., 2011.

²⁸⁵ Лукьянов А.И. Разработка и принятие Конституции СССР 1977 года (1962-1977 гг.) // Сайт Конституции РФ; Байбаков С.А. Современные представления о разработке проекта третьей Конституции СССР (1977 г.): по новым архивным материалам // Вестник МГУ. Серия 8: История, 2012. № 5; Стрекалов И.Н. Последняя Конституция Советского Союза. К вопросу о создании. М., 2017.

²⁸⁶ Пыжиков А.В. Хрущёвская "оттепель" 1953-1964. М., 2002; Згоржельская С.С. Концепция общенародного государства в проекте конституции СССР 1964 г. Автореферат дисс. канд. юрид. наук. М., 2007; Земцов А.Л. Конституция СССР 1977 г. // Проблемы современной науки и образования. №22 (104). 2017.

- ²⁸⁷ Лукьянов А.И. Разработка и принятие Конституции СССР 1977 года (1962-1977 гг.) // Сайт Конституции РФ; Мамонов В.В. Конституция СССР 1977 года: этап развития или основа "застоя"? // Ленинградский юридический журнал. № 4 (38). 2014; Стрекалов И.Н. Последняя Конституция Советского Союза. К вопросу о создании. М., 2017. Бычков В.А. Обсуждение проекта Конституции СССР 1977 г. на страницах периодической печати // 150 лет периодической печати в Сибири. Томск, 2007.
- ²⁸⁸ РГАНИ Ф. 2. Оп. 3. Д. 438-448.
- ²⁸⁹ Зверев Э.Н. В. В. Кузнецов (к 100-летию со дня рождения) // Дипломатический вестник. 02.2001.
- ²⁹⁰ Пыжиков А. В. Хрущёвская "оттепель" 1953-1964. М., 2002; Згоржельская С. С. Концепция общенародного государства в проекте конституции СССР 1964 г. Автореферат дисс. канд. юридич. наук. М., 2007; Стрекалов И. Н. Последняя Конституция Советского Союза. К вопросу о создании. М., 2017.
- ²⁹¹ Байбаков С.А. Современные представления о разработке проекта третьей Конституции СССР (1977 г.): по новым архивным материалам // Вестник МГУ. Серия 8: История, 2012. № 5.
- ²⁹² Бурлацкий Ф.М. Вожди и советники. М., 1990.
- ²⁹³ Земцов А.Л. Конституция СССР 1977 г. // Проблемы современной науки и образования. № 22 (104). 2017.
- ²⁹⁴ Восленский М.С. Номенклатура. М., 1991; Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти, 1945-1991. М., 1998.
- ²⁹⁵ Медведев Р.А. Личность и эпоха. Политический портрет Л. И. Брежнева. М., 1991. Бурлацкий Ф.М. Вожди и советники. М., 1990; Арбатов Г.А. Затянувшееся выздоровление. М., 1991; Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти, 1945-1991. М., 1998; Шубин А.В. От "застоя" к реформам. СССР в 1977-1985 гг. М., 2001.
- ²⁹⁶ Чазов Е.И. Здоровье и власть. М., 1992; Вдовин А.И. СССР. История великой державы (1922-1991 гг.). М., 2018.
- ²⁹⁷ Брежнев Л.И. Рабочие и дневниковые записи. 1964-1982 гг. Т. 1. М., 2016.
- ²⁹⁸ РГАНИ Ф. 2. Оп. 3. Д. 449-461.
- ²⁹⁹ Бовин А.Е. XX век как жизнь. М., 2003; Черняев А.С. Совместный исход. М., 2010; Островский А.В. Кто поставил Горбачёва? М., 2010.
- ³⁰⁰ Брежнев Л.И. Рабочие и дневниковые записи. 1964-1982 гг. Т. 1. М., 2016.
- ³⁰¹ Восленский М.С. Номенклатура. М., 1991; Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти, 1945-1991. М., 1998; Млечин Л.М. Брежнев. М., 2011; Семанов С.Н. Брежнев — правитель Золотого века. М., 2002; Чураков Д. О. СССР при Брежневе. М., 2015.
- ³⁰² Фроянов И. Я. Погружение в бездну. М., 1999; Зенькович Н. А. Михаил Горбачёв: жизнь до Кремля. М., 2001.
- ³⁰³ Казначеев В.А. Люди и время. Юность. Становление. Кодекс власти. Кн. 2. Пятигорск, 2008; Островский А. В. Кто поставил Горбачёва? М., 2010.
- ³⁰⁴ Брежнев Л.И. Рабочие и дневниковые записи. 1964-1982 гг. Т. 1. М., 2016.
- ³⁰⁵ Брежнев Л.И. Рабочие и дневниковые записи. 1964-1982 гг. Т. 1. М., 2016.
- ³⁰⁶ РГАНИ Ф. 2. Оп. 3. Д. 462-484.
- ³⁰⁷ Горбачёв М.С. Жизнь и реформы. М., 1995; Фроянов И.Я. Погружение в бездну. М., 1999.
- ³⁰⁸ Горбачёв М.С. Жизнь и реформы. М., 1995; Чазов Е.И. Здоровье и власть. М., 1992.

- ³⁰⁹ Мясников Г.В. Страницы из дневника. М., 2008.
- ³¹⁰ Горбачёв М.С. Жизнь и реформы. Кн. 1. М., 1995.
- ³¹¹ Болдин В.И. Крушение пьедестала. М., 1995; Фроянов И.Я. Погружение в бездну. М., 1999; Зенькович Н.А. Михаил Горбачёв: жизнь до Кремля. М., 2001; Млечин Л.М. Брежнев. М., 2011.
- ³¹² Бунич И.Л. Золото партии: историческая хроника. М., 1994.
- ³¹³ Соловьёв В.И., Клёпикова Е.К. Заговорщики в Кремле. М., 1991; Моргун Ф.Т. Перепаханные поколения. Белгород, 1998.
- ³¹⁴ Швед В.Н. Кто вы, mr. Gorbachev? История ошибок и предательств. М., 2016.
- ³¹⁵ Островский А.В. Кто поставил Горбачёва? М., 2010; Сеницин И.Е. Андропов вблизи. Воспоминания о временах оттепели и застоя. М., 2015.
- ³¹⁶ Болдин В.И. Крушение пьедестала. М., 1995; Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти, 1945-1991. М., 1998.
- ³¹⁷ Моргун Ф. Т. Перепаханные поколения. Белгород, 1998.
- ³¹⁸ Смирнов И.И. Тропы истории. Криптоаналитика глубинной власти. М., 2020. Аналогичную точку зрения в своей новой книге "Глубинный КГБ: тайные причины развала СССР" предложил и Ф. И. Раззаков, который поделился с автором этих строк её рукописью.
- ³¹⁹ Воротников В.И. А было это так...: Из дневника члена Политбюро ЦК КПСС. М., 1995.
- ³²⁰ Горбачёв М.С. Жизнь и реформы. Кн. 1. М., 1995; Прибытков В.В. Аппарат. 390 дней и вся жизнь Генсека Черненко. М., 2002; Прибытков В.В. Черненко. М., 2009.
- ³²¹ В.В. Шарапов. Интервью. Генсек из КГБ // Красная звезда. 12. 11. 2002; Чурбанов Ю.М. Интервью. Тюбетейка для генерала // Россия. 2004. № 39; Стукалин Б.И. Годы, дороги, лица... М., 2002; Горбачёв М.С. Жизнь и реформы. Кн. 1. М., 1995.
- ³²² Зенькович Н.А. Самые закрытые люди. М., 2004.
- ³²³ РГАНИ Ф. 2. Оп. 3. Д. 485-498.
- ³²⁴ Медведев В.Т. Человек за спиной. М., 1994.
- ³²⁵ Мазуров К.Т. Главной заботой Брежнева был личный авторитет // Л.И. Брежнев. Материалы к биографии. М., 1991.
- ³²⁶ Горбачёв М.С. Жизнь и реформы. Кн. 1. М., 1995; Врублевский В.К. Владимир Щербицкий: правда и вымыслы. Киев, 1993; Островский А.В. Кто поставил Горбачёва? М., 2010.
- ³²⁷ Брежнев Л.И. Рабочие и дневниковые записи. 1964-1982 гг. Т. 1. М., 2016.
- ³²⁸ Замятин Л.М. Земля была малая, но гонорары очень большие // Коммерсантъ Власть. 2000. № 12.
- ³²⁹ Брежнев Л.И. Рабочие и дневниковые записи. 1964-1982 гг. Т. 1. М., 2016.
- ³³⁰ Черняев А. С. Совместный исход. М., 2010.
- ³³¹ РГАНИ Ф. 2. Оп. 3. Д. 499-509.
- ³³² Рябов Я.П. Мой XX век. Записки бывшего секретаря ЦК КПСС. М., 2000; Рябов Я.П. Я открыл Ельцина и жалею об этом // Свободная пресса. 06.03.2011.
- ³³³ Докучаев М.С. Москва. Кремль. Охрана. М., 1995; Островский А.В. Кто поставил Горбачёва? М., 2010; Шаттенберг С. Леонид Брежнев. Величие и трагедия человека и страны. М., 2018.
- ³³⁴ Брежнев Л.И. Рабочие и дневниковые записи. 1964-1982 гг. Т. 1. М., 2016.
- ³³⁵ Брежнев Л.И. Рабочие и дневниковые записи. 1964-1982 гг. Т. 1. М., 2016.

- ³³⁶ Брежнев Л.И. Рабочие и дневниковые записи. 1964-1982 гг. Т. 1. М., 2016.
- ³³⁷ РГАНИ Ф. 2. Оп. 3. Д. 510-520.
- ³³⁸ Брежнев Л.И. Рабочие и дневниковые записи. 1964-1982 гг. Т. 1. М., 2016. Млечин Л.М. Брежнев. М., 2011.
- Юрий Михайлович Чурбанов стал зятем генсека в 1971 году, женившись на его дочери Галине Леонидовне Брежневой-Милаевой. После этой женитьбы его карьера резко пошла в рост: в 1971-1977 годах он был заместителем начальника, а затем и начальником Политуправления внутренних войск МВД СССР, а в марте 1977 года был назначен заместителем министра внутренних дел СССР.
- ³³⁹ РГАНИ Ф. 2. Оп. 3. Д. 521-533.
- ³⁴⁰ Брежнев Л.И. Рабочие и дневниковые записи. 1964-1982 гг. Т. 1. М., 2016.
- ³⁴¹ Брежнев Л.И. Рабочие и дневниковые записи. 1964-1982 гг. Т. 1. М., 2016.
- ³⁴² Соловьёв В.И., Клёпикова Е.К. Заговорщики в Кремле. М., 1991; Соловьёв В. И., Клёпикова Е.К. Юрий Андропов: тайный ход в Кремль. СПб., 1995.
- ³⁴³ Зенькович Н.А. Покушения и инсценировки. От Ленина до Ельцина. М., 2004; Кебич В. Ф. Испытание властью: из жизни премьер-министра. Минск, 2008.
- ³⁴⁴ Шевелуха В.С. На новом витке истории. М., 1996; Музафаров А.А. Что погубило Машерова // Столетие. 11.10.2010.
- ³⁴⁵ Брежнев Л.И. Рабочие и дневниковые записи. 1964-1982 гг. Т. 1. М., 2016.
- ³⁴⁶ РГАНИ Ф. 2. Оп. 3. Д. 534-547.
- ³⁴⁷ Воротников В.И. А было это так... М., 1995; Прибытков В.В. Черненко. М., 2009.
- ³⁴⁸ Врублевский В. К. Владимир Щербицкий: правда и вымыслы. Киев, 1993.
- ³⁴⁹ Сумароков Л.Н. Феномен М. А. Суслова (личность, идеология, власть). Наследие и некоторые уроки ушедшей эпохи. М., 2008.
- ³⁵⁰ Брежнев Л.И. Рабочие и дневниковые записи. 1964-1982 гг. Т. 1. М., 2016.
- ³⁵¹ Брежнев Л.И. Рабочие и дневниковые записи. 1964-1982 гг. Т. 1. М., 2016.

5. Уход Л.И. Брежнева и передел власти в 1982 году.

Судя по брежневскому дневнику и записям секретарей приёмной его рабочего кабинета, новогодние каникулы генсека были прерваны 4 января 1981 года, когда со своей дачи в Заречье он прибыл в кремлёвский кабинет, откуда не только переговорил по телефону с Н. А. Тихоновым, М. А. Сусловым, К. У. Черненко, Д. Ф. Устиновым, А. П. Кириленко, В. И. Долгих, Г. С. Павловым, Б. Н. Пономарёвым, М. Е. Могилевцем, И. И. Бодюлом и Е. И. Чазовым, но и «принял группу к съезду» — А. М. Александрова, Г. Э. Цуканова, А. И. Блатова, Н. Н. Иноземцева, Г. А. Арбатова и А. Е. Бовина, — с которыми он всегда готовил все свои выступления на различных съездах, конференциях и форумах³⁵². На сей раз речь шла уже о подготовке Отчётного доклада ЦК, с которым ему предстояло выступить на XXVI съезде КПСС, открытие которого было назначено на 23 февраля 1981 года. Через день он уехал в любимое им «Завидово», откуда 12 января переговорил по телефону с Первым секретарём ЦК ПОРП Станиславом Каней и обсудил с ним ситуацию в Польше и приезд в Варшаву советской делегации во главе с Л. М. Замятиным. А уже 20-21 января по приглашению Первого секретаря МГК В. В. Гришина генсек принял участие в работе XXIV конференции Московского горкома, где выступил с приветственной речью.

Затем 27-29 января Л. И. Брежнев вместе со своим бессменным референтом Галиной Александровной Дорошиной вновь работал в Кремле над докладом к предстоящему съезду, разговаривал с рядом членов Политбюро, в том числе с М. А. Сусловым, с которым обсудил распорядок его работы, в частности вопрос о том, что никто из членов Политбюро, кроме В. В. Гришина и Г. В. Романова, на нём выступать не будет, а также вновь беседовал по телефону с С. Каней о ситуации в Польше. А уже 2 февраля по решению Политбюро ЦК Л. И. Брежнев уехал для лечения и отдыха в Кисловодск, где пробыл до 13 февраля³⁵³.

Опять-таки судя по записям секретарей из брежневской приёмной, начиная с 14 февраля 1981 года и вплоть до начала партийного съезда Л. И. Брежнев каждый день, в том числе в субботу и воскресенье, приезжал утром на работу в Кремль и до вечера работал с помощниками над своим докладом, говорил по телефону с целым рядом членов Политбюро, а накануне съезда в два захода принял целую группу первых секретарей рескомов и обкомов партии, в том числе Г. А. Алиева, М. З. Шакирова, Л. А. Бородина, А. С. Дрыгина, В. С. Макаренко, Ю. Н. Баландина, В. Г. Ключева и В. К. Гусева.

23 февраля — 3 марта 1981 года в Кремлёвском дворце съездов состоялся последний при жизни генсека XXVI съезд КПСС, прошедший в традиционной манере. Сначала с Отчётным докладом ЦК выступил сам Л. И. Брежнев, после его «обсуждения» с уже привычными славословиями в адрес генсека выступил глава советского правительства Н. А. Тихонов, который произнёс аналогичный доклад об «Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1981-1985 годы и на период до 1990 года», и, наконец, после его обсуждения с Отчётным докладом Центральной ревизионной комиссии КПСС выступил её председатель Г. Ф. Сизов. В последний день работы съезда, опять же по традиции, прошли выборы в новые составы ЦК и ЦКК, списки которых было поручено зачитать А. П. Кириленко. Причём, как уверяют целый ряд делегатов и гостей этого съезда, в частности М. С. Горбачёв, В. В. Бакатин и А. С. Черняев, выступление Андрея Павловича вызвало

сначала недоумение, а затем и хохот всего зала, в том числе Л. И. Брежнева, поскольку «он перевирал почти каждую фамилию, ставил совершенно немыслимые ударения даже в самых простых русских фамилиях», а «некоторые читал по слогам»³⁵⁴. Конечно, тогда всё это привычно списали «на старческий маразм» А. П. Кириленко. Однако в данном случае эта «шутка» была, что называется, в точку, поскольку, по свидетельству академика Е. И. Чазова и генерал-майора В. Т. Медведева, у А. П. Кириленко стала прогрессировать атрофия головного мозга, приведшая в конечном счёте к потере памяти и способности к рациональному мышлению³⁵⁵.

Сразу после окончания работы съезда состоялся организационный Пленум ЦК, в состав которого было избрано беспрецедентное количество человек: 319 членов и 151 кандидат в члены. На самом Пленуме, как всегда, были избраны Генеральный секретарь ЦК, которым уже в четвёртый раз стал Л. И. Брежнев, и персональный состав руководящих органов — Политбюро и Секретариата ЦК³⁵⁶. Состав членов Политбюро ни на йоту не изменился, и его членами вновь стали 14 человек: Л. И. Брежнев, Ю. В. Андропов, М. С. Горбачёв, В. В. Гришин, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, Д. А. Кунаев, А. Я. Пельше, Г. В. Романов, М. А. Суслов, Н. А. Тихонов, Д. Ф. Устинов, К. У. Черненко и В. В. Щербицкий. Аналогичная картина была и с кандидатами в члены Политбюро, которыми остались те же 8 человек: Г. А. Алиев, П. Н. Демичев, Т. Я. Киселёв, В. В. Кузнецов, Б. Н. Пономарёв, Ш. Р. Рашидов, М. С. Соломенцев и Э. А. Шеварднадзе. Также не произошло никаких изменений и в составе Секретариата ЦК. Помимо генсека, секретарями ЦК остались 9 человек: М. С. Горбачёв, А. П. Кириленко, М. А. Суслов, К. У. Черненко, В. И. Долгих, М. В. Зимянин, И. В. Капитонов, Б. Н. Пономарёв и К. В. Русаков.

Такой расклад сил в верхнем эшелоне власти существовал почти целый год, пока совершенно неожиданно для многих поздним вечером 25 января 1982 года во время плановой госпитализации в Центральной клинической больнице не скончался Михаил Андреевич Суслов, который в негласной табели о рангах уже давным-давно числился вторым секретарём ЦК.

Почти все годы брежневского правления именно М. А. Суслов бессленно вёл все заседания Секретариата, а в отсутствие генсека — и Политбюро ЦК, являясь непререкаемым авторитетом не только для многих аппаратчиков ЦК, но и для самого Л. И. Брежнева. Как свидетельствуют целый ряд очевидцев, процедура проведения всех этих заседаний «была организована чётко, собранно и обычно длилась не более полутора часов», поскольку М. А. Суслов к проведению всех этих «заседаний» готовился чрезвычайно тщательно и контролировал их ход»³⁵⁷. Конечно, М. А. Суслов был уже немолод, и в конце ноября ему должно было стукнуть 80 лет. Но, даже несмотря на столь почтенный возраст, «никто не мог упрекнуть его за какие-то промахи или потерю работоспособности», так как в одно и то же время он продолжал регулярно ездить на работу в ЦК и частенько работал даже по субботам. Хотя, как гораздо позднее уверял его зять Леонид Николаевич Сумароков, он уже «твёрдо решил» по достижении 80-летнего возраста выйти на заслуженный отдых, подав тем самым пример всем другим престарелым «товарищам по Политбюро» и инициировав «реформу власти» в стране³⁵⁸.

Суть этой реформы, по утверждению того же Л. Н. Сумарокова, состояла в том, что накануне сусловского юбилея, где-то в середине ноября 1982 года, будет созван запланированный Пленум ЦК, посвящённый реформированию высшей власти в

самой партии. В частности, предполагалось, что в партийный устав будет введён пост Председателя партии, который займёт Л. И. Брежнев, а на должность Генерального секретаря будет избран другой — более молодой — член высшего руководства, хотя пока не было до конца определено, кто именно. Тем самым, по замыслу М. А. Суслова, с одной стороны, была бы сохранена преемственность власти, исключавшая неизбежную внутрипартийную борьбу за эту власть, а с другой стороны, произошла бы столь необходимая смена поколений в высшем руководящем звене, которая позволила бы «преодолеть или существенно смягчить всё более зреющий кризис власти»³⁵⁹.

Вероятно, как уверял давний и самый близкий сусловский помощник Степан Петрович Гаврилов, именно об этом М. А. Суслов и планировал говорить с Л. И. Брежневым во время их встречи, запланированной на 22 января 1982 года. Однако, как известно, встреча так и не состоялась по причине смерти М. А. Суслова. Хотя другие авторы утверждают, что предметом несостоявшейся беседы должна была стать «проблема» дочери генсека, о чём мы расскажем чуть ниже. При этом довольно странные обстоятельства ухода М. А. Суслова из жизни уже давным-давно стали предметом различных пересудов. И даже А. Н. Яковлев писал, что «исключать того, что ему помогли умереть, нельзя»³⁶⁰. Подобного рода пересуды родились из-за убеждённости многих мемуаристов и историков в том, что для Ю. В. Андропова, который «уже давно и неудержимо рвался к высшей власти», М. А. Суслов был самым «непреодолимым препятствием на этом пути» и его надо было обязательно и как можно скорее убрать³⁶¹.

Предыстория ухода М. А. Суслова из жизни была такова. 8 января 1982 года он вернулся из поездки в Варшаву и, как уверял его давний коллега и соратник В. Н. Пономарёв, перед запланированным отпуском лёг в Кунцевскую ЦКБ для традиционного обследования, хотя чувствовал себя вполне сносно для своих лет³⁶². Другие авторы утверждают, что М. А. Суслов, напротив, либо был срочно госпитализирован в ЦКБ из-за острого инсульта³⁶³, либо сам лёг на плановое обследование в ЦКБ по настоянию академика Е. И. Чазова, который и сам не отрицал данного факта, уверяя, что у второго секретаря ЦК была тяжёлая форма стенокардии³⁶⁴.

Утром 22 января М. А. Суслов должен был покинуть больницу и в тот же день вместе с первым заместителем председателя КГБ СССР генералом армии С. К. Цвигуном встретиться с Л. И. Брежневым для очень деликатного разговора по поводу поведения его дочери Галины Леонидовны Брежневой. Дело в том, что ещё с осени 1981 года по Москве стали ходить всякого рода слухи о том, что непутёвая дочь генсека повязала в сомнительных криминальных связях, в том числе с «бриллиантовой мафией», давно ведёт разгульный образ жизни и тем самым сильно дискредитирует своего престарелого отца. Особенно усиленно эти слухи стали циркулировать в декабре 1981 года после гибели известной советской актрисы З. А. Фёдоровой и ограбления знаменитой цирковой дрессировщицы народной артистки СССР И. Н. Бугримовой, слывших в богеме обладателями очень ценных бриллиантовых коллекций³⁶⁵. А в начале января 1982 года по факту ограбления И. Н. Бугримовой было возбуждено уголовное дело и арестован актёр театра «Ромэн» Б. И. Буряца, в квартире которого и нашли её бриллианты. И хотя это дело имело уголовный характер, оно сразу было взято под контроль Отделом административных органов ЦК во главе с генералом Н. И. Савинкиным, и, если верить Э. А. Хруцкому и Р. А.

Медведеву, следствие по нему было сразу изъято из ведения МУРа и передано КГБ, где его куратором почему-то стал именно генерал армии С. К. Цвигун³⁶⁶. Между тем, как уже было сказано выше, такой гипотетической встрече не суждено было состояться. И не только потому, что ушёл из жизни М. А. Суслов, но и потому, что неделей раньше скончался сам генерал армии С. К. Цвигун.

Как утверждает его внучка Виолетта Владиславовна Ничкова, осенью 1981 года её дед лёг на плановую диспансеризацию в ЦКБ, во время которой его дочь (кстати, кандидат медицинских наук) и сын, приехавшие навестить отца, сразу отметили его «угнетённое психологическое состояние» и «шляющую вегетатику». А затем он подхватил ещё и острое респираторное заболевание, в результате чего стал терять голос и с ноября уже не появлялся на работе. Причём, по замечанию той же В. В. Ничковой, её деда лечили не только от простуды, но и «большим количеством нейролептиков, антидепрессантов и снотворных», ещё больше подавлявших вегетативную нервную систему³⁶⁷. Хотя при этом, если судить по «Записям секретарей приёмной Л. И. Брежнева», сам С. К. Цвигун, находясь на больничном, не менее 10 раз говорил с генсеком по его рабочему кремлёвскому телефону, в частности 5, 12, 20 и 22 октября, 18 ноября и 6, 10, 14, 17 и 19 декабря 1981 года³⁶⁸. Причём, что любопытно, в дневнике Л. И. Брежнева буквально за день до гибели его давнего товарища, 18 января 1982 года, появилась такая запись «Цвигун С. К. — через 7 дней»³⁶⁹. О чём говорила данная запись — трудно установить. Возможно, речь шла об их предстоящей встрече, но уже не 22, а 25 января: вероятно, в этот день С. К. Цвигун после продолжительной болезни должен был наконец выйти на работу, а может быть, речь шла вообще о чём-то другом.

Как бы то ни было, но днём 19 января 1981 года С. К. Цвигун совершенно неожиданно уехал из «Барвихи», где проходил реабилитацию, на свою дачу в правительственном посёлке Усово, и примерно в 16 часов 15 минут там его и нашли с простреленной головой на садовой дорожке. Что же произошло в этот роковой день — не ясно до сих пор. Кто-то, например его близкие коллеги по КГБ генералы армии Ф. Д. Бобков и В. А. Крючков, уверяет, что С. К. Цвигун якобы сам застрелился из своего табельного пистолета, поскольку уже не мог терпеть жуткие боли, связанные с рецидивом онкологического заболевания³⁷⁰. О том, что проблемы с онкологией стали причиной самоубийства С. К. Цвигуна, писал и академик Е. И. Чазов³⁷¹. Хотя эту версию категорически опроверг его лечащий врач, знаменитый специалист по торакальной хирургии академик М. И. Перельман, который ещё в 1971 году успешно прооперировал С. К. Цвигуна по поводу рака лёгкого и буквально за три недели до его гибели принимал участие в консилиуме врачей, установивших отсутствие рецидива рака лёгких и каких-либо метастаз в мозг у их пациента³⁷². Другие авторы, в частности А. М. Буровский, ссылаясь на мемуары генерала КГБ В. Е. Кеворкова, утверждают, что С. К. Цвигун покончил жизнь самоубийством на следующий день после того, как его вызвали в ЦК и представили неопровержимые доказательства его причастности к коррупции, в том числе получению крупных взяток³⁷³. Третья группа авторов, в частности небезызвестный сказочник Р. А. Медведев, говорит о том, что С. К. Цвигун пустил себе пулю в лоб после крайне эмоционального разговора с самим М. А. Сусловым, который якобы потребовал от него прекратить расследование «бриллиантового дела», в котором замаячило имя дочери генсека Г. Л. Брежневой³⁷⁴. И, наконец, четвёртая группа авторов, склонных к созданию различных конспирологических версий, в частности В. М. Легостаев и Л. Н. Сумароков,

утверждает, что генерал С. К. Цвигун был тихо застрелен чуть ли не по личному указанию Ю. В. Андропова каким-то наёмным убийцей — то ли агентом, то ли штатным сотрудником КГБ³⁷⁵. Более того, Л. Н. Сумароков уверяет, что накануне гибели С. К. Цвигуна у него состоялся личный разговор с Ю. В. Андроповым, но «мы едва ли узнаем», о чём был этот разговор.

В связи с этим обстоятельством обычно вспоминают имена двух человек, последними видевших ещё живого генерала С. К. Цвигуна: его личного помощника А. А. Волкова, приехавшего тем же днём в «Барвиху», и водителя спецгаража П. А. Чернова, который то ли лично застрелил своего «клиента», то ли дал ему свой табельный пистолет, из которого тот застрелился сам. Однако эту версию напрочь отвергает внучка С. К. Цвигуна В. В. Ничкова, которая, ссылаясь на свидетельство своего родного дяди Михаила Семёновича Цвигуна, говорит о том, что в его присутствии сам Ю. В. Андропов, приехавший на место гибели своего первого заместителя, тихо, но вполне отчётливо сказал ему: «Я им Цвигуна не прощу». Как бы то ни было, но никакого реального расследования по факту гибели С. К. Цвигуна проведено так и не было, а его семья получила на руки свидетельство о смерти, где в графе «причина» значилось: «острая сердечная недостаточность»³⁷⁶. Причём уже в наше время все попытки В. В. Ничковой получить какие-либо документы, связанные с болезнью её деда и реальными обстоятельствами его ухода из жизни, до сих пор не увенчались успехом.

21 января 1982 года в «Правде» и ряде других центральных газет появился некролог С. К. Цвигуну, подписанный только четырьмя членами Политбюро ЦК: Ю. В. Андроповым, К. У. Черненко, Д. Ф. Устиновым и М. С. Горбачёвым, — а также одним кандидатом в члены Политбюро — Г. А. Алиевым. Далее по списку шли подписи Управделами и заведующего Отделом административных органов ЦК Г. С. Павлова и Н. И. Савинкина, министров внутренних дел и гражданской авиации Н. А. Щёлокова и Б. П. Бугаева, а затем — всех заместителей председателя и других членов Коллегии КГБ. При этом многие «эксперты»³⁷⁷ отметили, что в этом некрологе «не хватало нескольких высоких подписей», в том числе «самого Л. И. Брежнева и М. А. Суслова, что... вызвало много недоуменных суждений и спекуляций». Например, генерал армии Ф. Д. Бобков утверждал, что Л. И. Брежнев, потрясённый этой трагедией, так и «не решился подписать некролог самоубийце». А сусловский зять Л. Н. Сумароков высказал довольно сомнительную догадку, что это было дело рук Ю. В. Андропова, который якобы убедил генсека не ставить свою подпись под этим некрологом. Что же касается подписи М. А. Суслова, то она, по утверждению того же Л. Н. Сумарокова, «и не могла появиться», поскольку в тот момент М. А. Суслов «уже сам находился в состоянии клинической смерти».

Однако в данном случае Л. Н. Сумароков явно «заговорился». Во-первых, по его же словам, его тесть впал в состояние клинической смерти только вечером 21 января, а этот некролог был опубликован в утренних газетах. И, во-вторых, подписи под этим некрологом, конечно, «собирали» заранее, т. е. не позднее 20 января, когда М. А. Суслов был ещё жив и здоров. А это значит, что либо он не стал ставить свою подпись по какой-то другой причине, либо его просто не просили об этом. И данное обстоятельство ставит под сомнение всю дальнейшую версию событий, связанных со смертью М. А. Суслова, которую излагают сам Л. Н. Сумароков, Р. М. Суслов, В. М. Легостаев и другие авторы³⁷⁸.

По их версии, вечером 21 января 1982 года, накануне выписки М. А. Суслова из ЦКБ, его новый лечащий врач Лев Александрович Кумачёв принёс своему пациенту какое-то новое лекарство, и через час после его приёма в присутствии Майи Михайловны Сусловой, пришедшей собрать отца перед выпиской, у него произошёл обширный инсульт мозга, сразу приведший к клинической смерти. Формально ещё три дня, до 25 января 1982 года, т. е. до официальной даты кончины М. А. Суслова, его держали в реанимации на аппарате искусственного дыхания, однако реально он перестал жить практически сразу после «приёма роковой таблетки». При этом данные авторы акцентируют внимание на двух, как им кажется, очень подозрительных фактах. Во-первых, сразу после смерти М. А. Суслова, нахватавшись выхлопных газов в своём гараже, ушёл из жизни его врач Л. А. Кумачёв, а во-вторых, буквально накануне сусловского инсульта от дежурства был отстранён его старый порученец подполковник М. Я. Чеченкин, который работал с ним со времён самого И. В. Сталина.

На первый взгляд, такая версия событий выглядит вполне логично, однако на самом деле она противоречит их же построениям. Если предположить, что М. А. Суслов и генерал С. К. Цвигун действительно должны были встретиться с Л. И. Брежневым 22 января, то их неожиданный и почти одновременный уход из жизни должен был сразу насторожить генсека, поскольку по логике вещей третьей жертвой андроповского заговора должен был стать именно он. Однако Л. И. Брежнев за эту неделю не только несколько раз говорил с главой КГБ по телефону и дважды принимал его в своём рабочем кабинете в Кремле, но даже 25 января «получил от Ю. В. — жёлтенькие»³⁷⁹, т. е., возможно, какие-то снотворные или седативные таблетки.

25 января М. А. Суслов скончался, а утром следующего дня прошло короткое заседание Политбюро «по вопросам его похорон», где по предложению самого генсека было принято решение упокоить усопшего соратника по наивысшему разряду — не в самой Кремлёвской стене, а у её подножия, сразу за Мавзолеем В. И. Ленина, где были погребения легендарных советских вождей и видных большевиков: И. В. Сталина, Я. М. Свердлова, М. В. Фрунзе, Ф. Э. Дзержинского, М. И. Калинина, А. А. Жданова, К. Е. Ворошилова и С. М. Будённого. Кстати, в тот же день два «рядовых» заместителя Ю. В. Андропова — генерал армии Георгий Карпович Цинёв и генерал-полковник Виктор Михайлович Чебриков — стали уже первыми заместителями главы КГБ СССР.

По мнению многих историков и мемуаристов, уход М. А. Суслова, бывшего образцом коммуниста-аскета и хранителя лучших традиций партии, которого за глаза обычно называли «серым кардиналом», вызвал обострение борьбы в самом Политбюро ЦК. Например, тот же Е. И. Чазов прямо пишет, что именно тогда «впервые обозначилось противостояние групп Андропова и Черненко» и «начался новый, не заметный для большинства раунд борьбы за власть», к которому «Андропов заранее готовился»³⁸⁰. Хотя другой, не менее осведомлённый мемуарист — А. М. Александров-Агентов — поведал о том, что уже «через день-два после внезапного заболевания Суслова в начале 1982 года Леонид Ильич отвёл меня в дальний угол своей приёмной в ЦК и, понизив голос, дословно сказал: "Мне звонил Чазов. Суслов скоро умрёт. Я думаю на его место перевести в ЦК Андропова. Ведь, правда же, Юрка сильнее Черненко — эрудированный, творчески мыслящий человек"»³⁸¹. Наконец, Л. Н. Сумароков, которого позже поддержал и профессор А. В. Островский, уверяет, что решение о возвращении Ю. В. Андропова в ЦК было

вызвано тем, что к тому времени сам Л. И. Брежнев «наконец-то осознал всю опасность дальнейшего пребывания Андропова на посту председателя КГБ и стремился так или иначе убрать его с этой позиции», тем более что «своего человека — С. К. Цвигуна — уже более нет»³⁸². Более того, ссылаясь на академика Г. А. Арбатова, давно входившего в близкий круг главы КГБ, профессор А. В. Островский пишет, что буквально «через несколько дней после смерти Суслова» Л. И. Брежнев предложил Ю. В. Андропову занять его кресло в ЦК, заявив, что этот вопрос мы «решим на следующем Политбюро». Однако Ю. В. Андропов, поблагодарив генсека, напомнил, что все секретари ЦК избираются исключительно на Пленуме ЦК. Тогда Л. И. Брежнев высказал идею провести такой Пленум уже «на следующей неделе», однако и этот вариант был отвергнут главой КГБ, который заявил, что не надо форсировать события и «целесообразно подождать до мая, на который уже был намечен очередной Пленум ЦК»³⁸³. Между тем, как свидетельствует М. С. Горбачёв, в те же дни самому Ю. В. Андропову позвонил А. А. Громыко и «довольно откровенно стал зондировать почву для своего перемещения на место второго секретаря», на что Ю. В. Андропов сухо заявил, что «это дело генсека»³⁸⁴.

Весь февраль и большую часть марта 1982 года Л. И. Брежнев регулярно ездил на работу, проводил заседания Политбюро ЦК, постоянно общался как вживую, так и по телефону со многими коллегами по высшему руководству и рядом сотрудников аппарата ЦК, особенно часто с К. У. Черненко, А. А. Громыко, Д. Ф. Устиновым, Ю. В. Андроповым, Н. А. Тихоновым и М. Е. Могилевцем, три раза принимал иностранные делегации и лично провёл переговоры с руководством Финляндии — президентом Мауно Койвисто и премьер-министром Калеви Сорса, польским лидером Войцехом Ярузельским, по вечерам несколько раз ездил на хоккейные матчи в спортивный комплекс «Лужники», присутствовал в ГАБТе на праздновании Международного женского дня и даже сходил во МХАТ на знаменитый спектакль «Так победим!»³⁸⁵.

А 22 марта Л. И. Брежнев вылетел с визитом в Ташкент, где во время его визита на Ташкентский авиазавод имени В. П. Чкалова произошло обрушение стропил одного из строящихся самолётов, в результате чего генсек получил перелом ключицы³⁸⁶. Однако несмотря на это обстоятельство, он не улетел в Москву и стойко отработал всю программу своего визита, в том числе и выступление на республиканском партактиве, где вручил очередной орден Первому секретарю ЦК Компартии Узбекистана Ш. Р. Рашидову. Более того, как считает Ф. И. Раззаков, Л. И. Брежнев не покинул Ташкент, поскольку у него был запланирован очень важный разговор с самим Ш. Р. Рашидовым относительно его перевода в полноправные члены Политбюро и передачи под его кураторство индийско-китайско-афганского направления внешней политики, где «тройка» в составе Ю. В. Андропова, Д. Ф. Устинова и А. А. Громыко уже наломала немало дров³⁸⁷. И только 25 марта, вернувшись в Москву, он наконец-то лёг в Кремлёвскую больницу на улице Грановского, где пробыл ровно месяц, до 26 апреля 1982 года³⁸⁸. Хотя и там он изредка работал с документами, которые ему привозила личный референт Г. А. Дорошина.

На «хозяйстве» в это время находился К. У. Черненко, который де-факто стал вторым секретарём ЦК. Надо сказать, что для многих авторов своеобразным фетишем стало представление о том, что реальным наследником дряхлеющего генсека станет именно тот, кто займёт сусловский пост в партийном аппарате. Но дело в том, что К.

У. Черненко, бывший опытейшим партаппаратчиком, сразу после смерти М. А. Суслова стал вести все заседания Секретариата ЦК, так как на тот момент никто другой из членов Политбюро, бывших одновременно и членами Секретариата ЦК, не мог взвалить на себя эту ношу. М. С. Горбачёв по тогдашним аппаратным меркам был ещё слишком молод и неопытен, а А. П. Кириленко уже реально впал в старческий маразм и, приезжая на работу в ЦК, сидел за пустым рабочим столом. Более того, как утверждает один из брежневских секретарей О. А. Захаров, уже в апреле 1982 года был поднят вопрос о его отставке, но затем решили отложить решение до осени, до «возвращения из отпусков»³⁸⁹. В связи с этим возникает законный вопрос: а зачем его опять избрали в руководящие органы ЦК? Но ответа на него как не было, так и нет.

И такая ситуация в Секретариате ЦК сохранялась почти три месяца, т. е. до конца мая 1982 года, когда был созван запланированный Пленум ЦК, в центре внимания которого был большой доклад Л. И. Брежнева и принятие известного Постановления «О Продовольственной программе СССР на период до 1990 г. и мерах по её реализации»³⁹⁰. На этом же Пленуме был решён и ряд важных организационных вопросов. Во-первых, в состав Секретариата ЦК был вновь возвращён Ю. В. Андропов, а на пост председателя КГБ СССР утверждён генерал В. В. Федорчук, во-вторых, кандидатом в члены Политбюро ЦК был избран секретарь ЦК В. И. Долгих, и, в-третьих, из состава кандидатов в члены ЦК были переведены три человека, в том числе академик Е. И. Чазов.

Уже утром следующего дня Ю. В. Андропов переехал с Лубянки на Старую площадь, где не только занял сусловский кабинет, расположенный поблизости от рабочего кабинета самого генсека, но и оставил при себе двух сотрудников из ближайшего сусловского окружения — Б. Г. Владимирова и Б. В. Извозчикова. А через день в андроповский кабинет на Лубянке въехал новый глава КГБ СССР генерал-полковник Виталий Васильевич Федорчук, который был переведён в Москву с должности председателя КГБ УССР. Безусловно, столь неожиданное назначение носило знаковый и совершенно беспрецедентный характер. Дело в том, что последние 12 лет нахождения Ю. В. Андропова у руля союзного КГБ его единственным первым заместителем был генерал армии С. К. Цвигун. Однако уже через неделю после его гибели, в день смерти М. А. Суслова, двумя первыми заместителями Ю. В. Андропова стали выходцы из «днепропетровского клана» — генерал армии Г. К. Цинёв и генерал-полковник В. М. Чебриков.

Надо сказать, что вопрос о назначении В. В. Федорчука до сих пор до конца не прояснён. Сам Ю. В. Андропов, как утверждают Е. И. Чазов и Л. М. Млечин, желал, чтобы его преемником стал В. М. Чебриков, однако Л. И. Брежнев и его ближний круг, прежде всего генерал Г. К. Цинёв, решили иначе и перевели из Киева именно В. В. Федорчука³⁹¹. Но осторожный Ю. В. Андропов, который, по заверениям М. С. Горбачёва, «относился к нему отрицательно», не стал возражать генсеку и на его вопрос о том, «кого бы он хотел видеть в кресле своего сменщика», уклончиво ответил, что «это дело генсека»³⁹². Сам В. В. Федорчук в одном из своих интервью, по сути, подтвердил горбачёвскую оценку, дословно заявив: «Он меня ненавидел так же, как и я его»³⁹³. Возможно, что подобная «осторожность» Ю. В. Андропова была вовсе не случайна, поскольку от главы Московского УКГВ генерал-полковника В. И. Алидина его шеф узнал о том, что накануне Л. И. Брежнев тайно летал в Киев для встречи с В. В. Щербицким, где, вероятно, и был решён вопрос о переезде В. В. Федорчука в Москву³⁹⁴.

Надо сказать, что многие мемуаристы и историки, в том числе ряд бывших членов высшего руководства, в частности член Политбюро ЦК, Первый секретарь МГК В. В. Гришин и главный партийный кадровик секретарь ЦК И. В. Капитонов, расценили назначение В. В. Федорчука как факт того, что сам Л. И. Брежнев уже окончательно решил передать всю высшую власть Первому секретарю ЦК Компартии Украины Владимиру Васильевичу Щербицкому, который давно и вполне заслуженно пользовался особым расположением генсека³⁹⁵. Более того, бывший сусловский помощник А. И. Байгушев прямо пишет о том, что генерал В. В. Федорчук появился в Москве «как авангардный полк» В. В. Щербицкого, «который должен был занять плацдарм и обеспечить его переход в генсеки»³⁹⁶. Хотя тот же многолетний помощник В. В. Щербицкого В. К. Врублевский отрицает подобную связь и убеждён, что «перевод В. В. Федорчука в Москву с облегчением восприняли на Украине не только творческая интеллигенция, но и лично В. В. Щербицкий», который никак «не мог забыть того, что к снятию его предшественника с должности Федорчук тоже приложил руку»³⁹⁷. Однако последний довод В. К. Врублевского выглядит очень неубедительно с учётом того факта, что В. В. Щербицкий прекрасно знал, кто и зачем перевёл В. В. Федорчука в Киев ещё в 1970 году. Как бы то ни было, многим стало очевидно, что в мае 1982 года Ю. В. Андропов, уже имевший недруга в лице министра внутренних дел СССР Н. А. Щёлокова, приобрёл нового недруга теперь уже в лице В. В. Федорчука. А вскоре в Киеве появился и новый глава украинского КГБ — генерал-лейтенант Степан Несторович Муха, который последние семь с половиной лет был первым заместителем у В. В. Федорчука и также числился в рядах «днепропетровского клана». Одновременно С. Н. Муха был введён и в состав Коллегии КГБ СССР.

Между тем, как верно заметили ряд авторов (А. В. Островский, Л. М. Млечин, И. Е. Сеницин³⁹⁸), несмотря на то что Ю. В. Андропов въехал в сусловский кабинет, никакого решения о том, что в отсутствие генсека он ведёт заседания Секретариата и Политбюро ЦК, а значит, в случае чего стал бы его реальным преемником, принято не было. Не было ему передано и кураторство над теми вопросами, которыми занимался М. А. Суслов. И именно это обстоятельство, по мнению того же А. В. Островского, даёт все основания подозревать, что кадровая рокировка по переводу Ю. В. Андропова из КГБ в ЦК означала «не повышение в его карьере, а почётную опалу». Хотя не надо сбрасывать со счетов и тот очевидный факт, что пересесть из кресла секретаря ЦК в кресло генсека было куда проще, чем из кресла главы КГБ СССР.

По окончании майского Пленума, как уверяют В. Т. Медведев, Г. А. Арбатов и другие авторы, Л. И. Брежнев вновь лёг в больницу, где провёл целый месяц, т. е. до конца июня 1982 года, а затем практически сразу «ушёл в отпуск и уехал в Крым, где пробыл до начала сентября»³⁹⁹. Однако это совершенно не так. Достаточно посмотреть «Записи секретарей приёмной Л. И. Брежнева»⁴⁰⁰, чтобы убедиться в том, что уже 25 мая он был на работе и по кремлёвскому телефону переговорил с Ю. В. Андроповым и В. В. Федорчуком, затем встретил во Внуковском аэропорту президента Австрии Рудольфа Кирхшлегера и на следующий день вместе с Н. А. Тихоновым, А. А. Громыко и А. И. Блатовым вёл с ним переговоры. Затем вместе с Л. А. Дорошиной он работал над документами к заседанию Политбюро и говорил по телефону с Яношем Кадаром, а вечером того же дня в Грановитой палате на торжественном обеде в честь австрийского президента выступил с приветственной речью. 27 мая он был снова на работе в Кремле, провёл заседание Политбюро ЦК,

отдельно переговорил с Е. И. Чазовым, К. У. Черненко, А. А. Громыко и вновь с В. В. Федорчуком, а вечером уже вместе с Н. А. Тихоновым принял члена Ревсовета Ливийской Арабской Джамахирии Абдель Салама Джеллуда. 31 мая Л. И. Брежнев провёл заседание Президиума Верховного Совета СССР, принял Первого секретаря Ленинградского обкома члена Политбюро ЦК Г. В. Романова, а затем и генсека Компартии Вьетнама Ле Зуана, который вручил ему Звезду Героя СВР и орден Хо Ши Мина. Наконец, 1-3 июня он провёл переговоры с чехословацким лидером Густавом Гусаком, а затем очередное заседание Политбюро. И в таком очень плотном графике Л. И. Брежнев проработал весь июнь. 1 июля он вновь провёл Политбюро, принял А. А. Громыко и А. М. Александрова, а 2 июля — опять В. В. Федорчука и 3 июля отбыл из Москвы на отдых в Крым, откуда вернулся только 31 августа 1982 года.

Сначала после отъезда генсека на «хозяйстве» в Москве, вероятно, остался К. У. Черненко, поскольку именно он продолжал вести заседания Секретариата, а заодно и Политбюро ЦК. Однако, как уверяет М. С. Горбачёв, уже 8 июля под давлением Д. Ф. Устинова генсек произвёл «внутренний переворот» и поручил ведение Секретариата и Политбюро ЦК Ю. В. Андропову, который сразу начал действовать⁴⁰¹. Уже 20 июля на заседании Секретариата ЦК Ю. В. Андропов пустил в ход мартовскую записку КПК при ЦК КПСС «О многочисленных фактах взяточничества среди руководящих работников Краснодарского края» и, сообщив о том, что по обвинению в коррупции в крае уже арестовано более 150 человек, провёл важное решение о снятии С. Ф. Медунова с поста первого секретаря Краснодарского крайкома партии и его отзыве в Москву, где он был временно назначен заместителем министра плодоовощного хозяйства СССР. Тогда же было принято решение «рекомендовать» на пост первого секретаря Краснодарского крайкома Виталия Ивановича Воротникова, который спешно был отозван в Москву с поста советского посла в Гаване⁴⁰². Кроме того, судя по мемуарам ряда авторов, в эти же два летних месяца Ю. В. Андропов развил очень кипучую деятельность на экономическом фронте и дал прямую команду ряду придворных академиков и членкоров, в частности Г. А. Арбатову, О. К. Богомолу и С. С. Шаталину, накатать ему записки «о состоянии советской экономики», причём «без всякой цензуры и откровенно»⁴⁰³. Одновременно, как уверяет тот же Л. М. Млечин, активизировались и андроповские враги, которые якобы тогда же подготовили проекты решений ЦК о назначениях брежневского зятя генерал-полковника Ю. В. Чурбанова новым министром внутренних дел, а генерала армии Н. А. Щёлокова то ли заместителем председателя Совета Министров СССР, то ли секретарём ЦК⁴⁰⁴. Однако никаких реальных документов на сей счёт г-н Л. М. Млечин так и не привёл.

Между тем 31 августа Л. И. Брежнев вернулся из отпуска в Москву и уже на следующий день был в своём кремлёвском кабинете, где принял Н. А. Тихонова и Г. А. Дорошину, а также говорил по телефону с А. А. Громыко, Ю. В. Андроповым, М. С. Горбачёвым и первым секретарём Астраханского обкома Л. А. Бородиным⁴⁰⁵. Затем 2 сентября он улетел в Киев, где в компании В. В. Щербицкого на его госдаче в Межигорье пробыл целых три дня, и вернулся в столицу только 5 сентября. Затем через день или два, как утверждают Н. А. Зенькович, А. С. Черняев и А. В. Островский, генсек в компании с Ю. В. Андроповым уже повстречался с А. П. Кириленко и якобы вынудил его подать заявление о своей отставке, которая была утверждена на заседании Политбюро 9 сентября⁴⁰⁶. Однако дело в том, что 7-9 сентября Л. И. Брежнев действительно дважды принимал Ю. В. Андропова, А. А.

Громыко и К. У. Черненко, а также по одному разу Е. И. Чазова, Н. А. Тихонова, А. М. Александрова и Г. А. Дорошину, однако среди всех брежневских визитёров А. П. Кириленко вообще не значился. И этот факт был чётко зафиксирован в «Записях секретарей приёмной Л. И. Брежнева»⁴⁰⁷. При этом М. С. Горбачёв, ссылаясь на его разговор с Ю. В. Андроповым, уверяет, что именно он, посетив по просьбе генсека А. П. Кириленко в цэковском кабинете, уговорил того подать в отставку и сам «набросал короткое заявление», которое «Андрей Павлович с большим трудом переписал своей рукой»⁴⁰⁸.

Между тем в те же дни по Москве стали распространяться слухи, что якобы В. В. Федорчук вызвал на допрос по делу о «бриллиантовой мафии» сына и дочь Л. И. Брежнева, министр внутренних дел Н. А. Щёлоков получил от него добро на арест Ю. В. Андропова, который, спасаясь от ареста, «дёрнул» то ли в ВНР, то ли в ГДР, то ли в ЧССР⁴⁰⁹. Хотя на самом деле на следующий день после заседания Политбюро Ю. В. Андропов ушёл в отпуск и сразу же улетел в Кисловодск, откуда вернулся только 18 октября. Кстати, этот факт зримо подтверждается «Записями секретарей приёмной Л. И. Брежнева», из которых явствует, что за весь этот период генсек лишь раз — 12 октября — говорил с ним по телефону⁴¹⁰.

Как явствует из тех же «Записей», по возвращении из отпуска 18 октября Ю. В. Андропов переговорил по телефону с генсеком, и только 21 октября они лично встретились на заседании Политбюро, которое продолжалось всего около полчаса. В этот же день Л. И. Брежнев принял в своём кабинете К. У. Черненко и А. А. Громыко, но с Ю. В. Андроповым опять же говорил только по телефону, так как вечером принимал всех министров иностранных дел стран — участниц Варшавского договора. Между тем ряд мемуаристов (Г. А. Арбатов, А. С. Черняев) утверждают, что где-то «20 октября 1982 года, дня через два после возвращения Ю. В. Андропова из отпуска он поставил перед Брежневым вопрос о своём статусе ребром», после чего тот сказал ему, что «ты — второй человек в партии и в стране, поэтому исходи из этого»⁴¹¹. Однако, как совершенно верно подметил профессор А. В. Островский, «никаких сведений о том, что статус Ю. В. Андропова как второго человека в руководстве партии был документально оформлен, до сих пор не обнаружено»⁴¹². Но андроповские клеветы, в частности А. Е. Бовин, упорно продолжают гнуть свою линию, убеждая читателей в том, что 3 ноября Л. И. Брежнев повторно позвонил Ю. В. Андропову и дал прямое «указание, во-первых, заниматься кадрами и, во-вторых, вести (в отсутствие генсека — Е. С.) заседания Политбюро и Секретариата»⁴¹³. Между тем, как уверяет академик Е. И. Чазов, 4 ноября сразу после заседания Политбюро ЦК ему позвонил сам Ю. В. Андропов и, заявив о том, что, «видимо, кто-то играет на моей болезни», попросил его лично «успокоить генсека» на сей счёт, хотя об андроповской болезни, как признаётся сам Е. И. Чазов, Л. И. Брежнев узнал именно от него ещё в конце октября того же года⁴¹⁴.

Между тем, как утверждают многие мемуаристы и историки, в том числе В. В. Гришин, В. В. Федорчук, А. Г. Щербицкая, А. И. Лукьянов, В. М. Легостаев, Ю. П. Изюмов, Л. Н. Сумароков и А. В. Островский, у Ю. В. Андропова были все основания серьёзно опасаться за свою «политическую судьбу»⁴¹⁵. Дело в том, что, по их информации, на 15 или 22 ноября 1982 года был запланирован Пленум ЦК, где предполагалось провести судьбоносную рокировку во власти: Первого секретаря ЦК КП Украины Владимира Васильевича Щербицкого избрать новым Генеральным секретарём ЦК, а Л. И. Брежнева переместить на почётный пост «председателя ЦК»

или всей «партии». Авторами всей этой «интриги» разные мемуаристы называли либо М. А. Суслова, который к тому времени уже почил в бозе, либо двух брежневских помощников — А. И. Блатова и Г. Э. Цуканова. Более того, как уверял бывший лигачёвский помощник В. М. Легостаев, к предстоявшему Пленуму ЦК «в Орготделе узкая группа занялась подготовкой положения "О председателе партии"». Атакой же многолетний гришинский помощник и известный советский журналист Ю. П. Изюмов писал о том, что в конце октября Л. И. Брежнев пригласил в свой кабинет секретаря ЦК по кадрам И. В. Капитонова и заявил ему, что «через месяц» в его кресле «будет сидеть Щербицкий», и посему «все кадровые вопросы теперь решай с учётом этого».

Тем временем весь сентябрь и октябрь Л. И. Брежнев продолжал работать в довольно плотном графике: регулярно проводил заседания Политбюро, хотя и не столь продолжительные, как раньше, постоянно контактировал с многими членами высшего руководства и своими помощниками, провёл ряд важных международных встреч, в том числе с Генсеком ООН Хавьером Пересом де Куэльяром, премьер-министрами Индии и Лаоса Индирой Ганди и Кейсоном Фомвиханом, председателем Госсовета Вьетнама Чыонг Тинем, президентами Сирии и Кипра Хафезом Асадом и Спиром Киприану и лидером Эфиопии Менгисту Хайле Мариамом⁴¹⁶. Кроме того, 24-27 сентября Л. И. Брежнев был с визитом в Баку, где в течение трёх дней находился под неусыпной опекой самого Г. А. Алиева. Как считает Ф. И. Раззаков, помимо традиционных «житейских» проблем, Л. И. Брежнев обсуждал с Г. А. Алиевым вопрос о таком же повышении его статуса до полноправного члена Политбюро и передаче под его кураторство всего ирано-турецкого направления во внешней политике с учётом того факта, что он давно и хорошо знал этот регион, где в дни своей чекистской молодости работал в советской резидентуре⁴¹⁷.

Кроме того, в октябре 1982 года в планы Л. И. Брежнева и В. В. Щербицкого по мягкому «транзиту власти» вмешался непредвиденный случай: 1 октября в Кисловодске на 55-м году жизни в расцвете сил неожиданно скончался второй секретарь ЦК КПУ Иван Захарович Соколов, который с февраля 1976 года был правой рукой В. В. Щербицкого в республиканской парторганизации. Нужно было срочно искать достойную кандидатуру на этот пост, которая смогла бы в случае чего сменить и самого В. В. Щербицкого. И вскоре такой человек был найден. Им стал очень опытный инженер-металлург Алексей Антонович Титаренко, который последние 16 лет в качестве секретаря ЦК КПУ курировал огромную украинскую промышленность.

Последний месяц жизни Л. И. Брежнева начался с привычных забот. 1-3 ноября он работал в своём кремлёвском кабинете, откуда говорил по вертушке с целым рядом абонентов, в том числе с Ю. В. Андроповым (трижды), А. А. Громыко (дважды), М. С. Горбачёвым, В. В. Федорчуком, М. Е. Могилевцем, Е. И. Чазовым и первыми секретарями Краснодарского и Ставропольского крайкомов партии В. И. Воротниковым и В. С. Мураховским, а также с руководителем Болгарии Т. Живковым, проходившим курс лечения в ЦКБ на Мичуринском проспекте. Кроме того, вместе с помощниками — Г. Э. Цукановым и Г. А. Дорошиной — он работал с документами, а затем в два захода в Екатерининском зале БКД вручил высокие государственные награды ряду товарищей, в том числе вторую Звезду Героя Социалистического труда и орден Ленина главе правительства Николаю Александровичу Тихонову⁴¹⁸.

4 ноября Л. И. Брежнев провёл заседание Политбюро, а также поочерёдно принял К. У. Черненко, А. А. Громыко, В. В. Щербицкого и Г. А. Алиева и говорил по телефону с рядом республиканских, краевых и областных секретарей, в том числе с Ш. Р. Рашидовым. Вполне возможно, как полагает тот же Ф. И. Раззаков, генсек обсуждал с ними созыв уже назначенного Пленума ЦК и предстоящую на нём «политическую реформу», о которой речь шла выше. В пятницу и субботу 5-6 ноября генсек был в Кремле, работал с документами и вновь разговаривал по телефону с рядом абонентов, в том числе со всеми лидерами союзных республик (кроме А. Э. Восса), с К. У. Черненко (дважды), Ю. В. Андроповым и А. А. Громыко. 7 ноября Л. И. Брежнев, как обычно, был на Красной площади, где прошли парад и демонстрация трудящихся столицы, а около 13 часов он отбыл на свою дачу в Заречье. Затем 8 ноября генсек уехал в любимое Завидово, откуда вернулся в Москву 9 ноября и сразу поехал на работу, куда прибыл в 12 часов. В Кремле он принял только двух человек: Г. А. Дорошину для работы с документами и Ю. В. Андропова, — а после переговорил по телефону всего с одним абонентом — Н. А. Щёлоковым — и в 19 часов 30 минут уехал на свою дачу в Заречье⁴¹⁹.

Именно эта последняя встреча генсека с Ю. В. Андроповым и вызывает очень много вопросов у всех, кто соприкасался с событиями тех в прямом смысле судьбоносных дней. Например, В. М. Легостаев, А. В. Островский и Ф. И. Раззаков уверяют, что именно на этой встрече Л. И. Брежнев ознакомил Ю. В. Андропова со своим планом «транзита власти» в пользу В. В. Щербицкого, который через день станет известен всем остальным членам Политбюро, а затем будет узаконен на ближайшем Пленуме ЦК⁴²⁰. Более того, Ф. И. Раззаков утверждает, что сразу после этого довольно продолжительного и явно непростого разговора генсек позвонил министру внутренних дел и передал ему вкратце содержание беседы, в том числе о том, что сам генерал армии Н. А. Щёлоков перейдёт на должность заместителя председателя Совета Министров СССР по силовым структурам, а новым главой МВД станет его первый заместитель, брежневский зять генерал-полковник Ю. М. Чурбанов.

По свидетельству заместителя начальника личной охраны генерал-майора В. Т. Медведева, вернувшись на дачу, около 20 часов вечера Л. И. Брежнев легко поужинал вместе с супругой, пожаловавшись только на то, что ему «тяжело глотать». А затем, не оставшись на традиционный просмотр главной новостной программы «Время», он поднялся на второй этаж и ушёл в свою спальню. Туда же через пару часов поднялась и его супруга Виктория Петровна Брежнева. А утром следующего дня, около 9 часов, сам В. Т. Медведев и прибывший ему на смену В. А. Собаченков пошли будить генсека и обнаружили в спальне его бездыханное тело⁴²¹. Как уверяют В. Т. Медведев и Е. И. Чазов, все попытки реанимации генсека, предпринятые сначала его охраной, а затем и медиками, прибывшими из Кремлёвской больницы, не увенчались успехом, и около 10 часов утра врачи констатировали смерть Л. И. Брежнева.

Однако в данном случае крайне любопытна не сама кончина Л. И. Брежнева, а то, кто первым узнал о ней и первым прибыл на его дачу. Например, Е. И. Чазов утверждает, что именно он, оповещённый «прикреплённым» В. А. Собаченковым, ещё до Ю. В. Андропова прибыл туда и сразу понял, что Л. И. Брежнев «скончался уже несколько часов назад»⁴²². Лишь затем он позвонил Ю. В. Андропову и попросил его срочно приехать на госдачу генсека. Лечащий врач Л. И. Брежнева М. Т. Косарев говорит о том, что он раньше Е. И. Чазова оказался на его госдаче и присутствовал

при реанимации генсека, которую уже проводили В. Т. Медведев, В. А. Собаченков и О. А. Сторонов⁴²³. Однако целый ряд авторов, в том числе В. Т. Медведев, Ю. М. Чурбанов, Ю. П. Изюмов, В. М. Легостаев, Л. Н. Сумароков и Ф. И. Раззаков, уверяют, что первым на дачу умирающего Л. И. Брежнева прибыл именно Ю. В. Андропов⁴²⁴. При этом все они, кроме В. Т. Медведева, а также комендант брежневской госдачи О. А. Стронов говорят о том, что тот сразу забрал из брежневской спальни какой-то чемоданчик то ли с какими-то «шифрами», то ли с «компроматом» и быстро уехал обратно. Вторично он приехал на дачу уже вместе с Д. Ф. Устиновым и А. А. Громыко, где присутствовал начальник личной охраны генсека генерал-майор А. Я. Рябенко. С учётом всех этих «странностей» у В. М. Легостаева, И. А. Минутко, Е. П. Жирнова и А. В. Островского возникли все основания выдвинуть версию о сознательном убийстве Л. И. Брежнева, к которому, по их мнению, были причастны Ю. В. Андропов и Е. И. Чазов⁴²⁵.

Кстати сказать, очень странным выглядело и то, что охрана генсека ничего не сообщила о случившемся своему «шефу» — начальнику 9-го Управления КГБ генерал-лейтенанту Ю. В. Сторожеву, который в свою очередь был просто обязан оповестить о произошедшем главу КГБ генерал-полковника В. В. Федорчука. Но они, как и все остальные члены руководства страны, были извещены о смерти Л. И. Брежнева только около 11 часов утра. И только после этого секретарь ЦК по идеологии М. В. Зимянин собрал у себя группу в составе ряда аппаратчиков ЦК и главных редакторов журнала «Коммунист» и газеты «Правда» Е. М. Тяжельникова, А. С. Черняева, Л. М. Замятина, Б. И. Стукалина, Р. И. Косолапова и В. Г. Афанасьева и «поставил перед ними задачу подготовить тексты двух документов — некролога и обращения к партии и народу»⁴²⁶. Утром того же дня, 10 ноября, был отменён традиционный концерт, посвящённый Дню советской милиции, и буквально по всем каналам центрального телевидения и радио стали сразу «крутить» концерты классической музыки и балеты. Для многих граждан страны стало очевидным, что «умер кто-то из большого начальства». В народе выдвигались разные версии, однако многие склонялись к тому, что на сей раз, в отличие от «майских слухов», действительно скончался Л. И. Брежнев.

Между тем 11 ноября 1982 года на заседании Политбюро ЦК была создана правительственная комиссия по организации похорон Л. И. Брежнева, которую возглавил Ю. В. Андропов. Этому решению, как уверяют ряд мемуаристов⁴²⁷, предшествовала борьба двух группировок в самом Политбюро. Наиболее близкие к Л. И. Брежневу люди «хотели сколотить большинство для поддержки в качестве преемника К. У. Черненко». А противная им сторона сразу сделала ставку на Ю. В. Андропова. Так, один из брежневских секретарей Н. А. Дебилов поведал, что накануне данного решения на Старой площади поползли упорные «слухи, что Андропов будет Генеральным секретарём, Устинов — председателем Совета Министров, а Громыко возглавит Президиум Верховного Совета СССР». О наличии такого плана писали также А. А. Громыко и Г. М. Корниенко, правда, первый утверждал, что его отец сам отказался от столь высокого поста главы советского государства, а второй уверял, что такому сценарию «воспротивились некоторые члены Политбюро, прежде всего Д. Ф. Устинов».

На том же заседании Политбюро постановили срочно созвать внеочередной Пленум ЦК для утверждения нового Генерального секретаря, которым теперь должен был стать Ю. В. Андропов. Как вспоминал член Политбюро ЦК и Первый секретарь

ЦК Компартии Казахстана Д. А. Кунаев, его кандидатуру предложил К. У. Черненко, после которого «никто не выступил, и все молча согласились с этим предложением»⁴²⁸. 12 ноября состоялся внеочередной Пленум ЦК⁴²⁹, в Президиум которого вышли все члены Политбюро в такой последовательности: Ю. В. Андропов, Н. А. Тихонов, К. У. Черненко, В. В. Щербицкий, А. А. Громыко, Д. Ф. Устинов, Г. В. Романов, Д. А. Кунаев, В. В. Гришин и М. С. Горбачёв, — и все участники Пленума сразу поняли, кто станет новым Генеральным секретарём⁴³⁰. По уважительной причине, ввиду их болезни, отсутствовали два члена Политбюро — А. Я. Пельше и А. П. Кириленко. На самом же Пленуме выступили только К. У. Черненко и Ю. В. Андропов. Первый от имени Политбюро предложил избрать Ю. В. Андропова новым лидером партии, после чего, как вспоминал А. С. Черняев, «разразилась долгая овация, которая шла волнами, то утихая, то разгораясь»⁴³¹. А второй в ответ выступил с вполне «ритуальной» речью, в которой «поблагодарил товарищей по партии за оказанное высокое доверие». По итогам Пленума было принято Постановление «О Генеральном секретаре ЦК КПСС», поставившее точку в брежневском правлении, которое длилось более 18 лет.

В тот же день в Колонном зале Дома Союзов для всенародного прощания был установлен гроб с телом Л. И. Брежнева и в стране объявлен четырёхдневный траур. А в полдень 15 ноября на Красной площади состоялась торжественная церемония похорон Л. И. Брежнева, который, как и М. А. Суслов, упокоился в отдельной могиле у Кремлёвской стены за Мавзолеем В. И. Ленина.

³⁵² Брежнев Л.И. Рабочие и дневниковые записи. 1964-1982 гг. Т. 1. М., 2016; Брежнев Л.И. Записи секретарей приёмной Л. И. Брежнева. 1965-1982 гг. Т. 2. М., 2016.

³⁵³ Брежнев Л.И. Рабочие и дневниковые записи. 1964-1982 гг. Т. 1. М., 2016; Брежнев Л.И. Записи секретарей приёмной Л. И. Брежнева. 1965-1982 гг. Т. 2. М., 2016.

³⁵⁴ Горбачёв М.С. Жизнь и реформы. Кн. 1. М., 1995; Бакатин В.В. Дорога в прошедшем времени. М., 1999; Черняев А. С. Совместный исход. М., 2010.

³⁵⁵ Чазов Е.И. Здоровье и власть. М., 1992; Медведев В.Т. Человек за спиной. М., 1994.

³⁵⁶ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 560-567.

³⁵⁷ Сумароков Л.Н. Феномен М. А. Суслова (личность, идеология, власть). Наследие и некоторые уроки ушедшей эпохи. М., 2008.

³⁵⁸ Сумароков Л.Н. Феномен М. А. Суслова (личность, идеология, власть). М., 2008.

³⁵⁹ Сумароков Л.Н. Феномен М. А. Суслова (личность, идеология, власть). М., 2008.

³⁶⁰ Яковлев А.Н. Омут памяти. М., 2001.

³⁶¹ Легостаев В.М. Гебист магнетический. Заметки о Ю. В. Андропове // Завтра. 2004. № 5-8; Легостаев В.М. Как Горбачёв "прорвался" во власть. М., 2011.

³⁶² Черняев А.С. Совместный исход. М., 2010.

³⁶³ Медведев Р.А. Неизвестный Андропов. М., 1999; Минутко И.А. Юрий Андропов. Реальность и миф. М., 2004.

³⁶⁴ Чазов Е.И. Здоровье и власть. М., 1992; Сумароков Л.Н. Феномен М. А. Суслова (личность, идеология, власть). М., 2008; Синицин И.Е. Андропов вблизи. М., 2015.

³⁶⁵ Черняев А.С. Совместный исход. М., 2010; Островский А.В. Кто поставил Горбачёва? М., 2010.

- ³⁶⁶ Хруцкий Э.А. Криминальная Москва. М., 2000; Медведев Р.А. Неизвестный Андропов. М., 1999; Островский А.В. Кто поставил Горбачёва? М., 2010.
- ³⁶⁷ Ничкова В.В. "Часы остановились в 16:15" // Генерал Цвигун. Частные хроники. 19.01.2017; Ничкова В.В. Дополнительные обстоятельства // Генерал Цвигун. Частные хроники. 20. 01. 2018.
- ³⁶⁸ Брежнев Л.И. Записи секретарей приёмной Л. И. Брежнева. 1965-1982 гг. Т. 2. М., 2016.
- ³⁶⁹ Брежнев Л.И. Рабочие и дневниковые записи. 1964-1982 гг. Т. 1. М., 2016.
- ³⁷⁰ Бобков Ф.Д. КГБ и власть. М., 1995; Крючков В.А. Личное дело. Три дня и вся жизнь. М., 2019.
- ³⁷¹ Чазов Е.И. Здоровье и власть. М., 1992.
- ³⁷² Перельман М.И. Гражданин доктор. М., 2009.
- ³⁷³ Кеворков В.Е. Тайный канал. М., 1997; Буровский А.М. Брежнев без лжи. Да здравствует "Застой"! М., 2013.
- ³⁷⁴ Медведев Р.А. Неизвестный Андропов. М., 1999; Млечин Л.М. Председатели КГБ. Рассекреченные судьбы. М., 1999.
- ³⁷⁵ Легостаев В.М. Гебист магнетический. Заметки о Ю. В. Андропове // Завтра. 2004. № 5-8; Легостаев В.М. Как Горбачёв "прорвался" во власть. М., 2011; Сумароков Л.Н. Феномен М. А. Суслова (личность, идеология, власть). М., 2008.
- ³⁷⁶ Ничкова В. В. "Часы остановились в 16:15" // Генерал Цвигун. Частные хроники. 19.01.2017; Ничкова В. В. Дополнительные обстоятельства// Генерал Цвигун. Частные хроники. 20. 01. 2018.
- ³⁷⁷ Бобков Ф.Д. КГБ и власть. М., 1995; Медведев Р.А. Неизвестный Андропов. М., 1999; Млечин Л.М. Председатели КГБ. Рассекреченные судьбы. М., 1999; Антонов М.Ф. Капитализму в России не бывать! М., 2007; Сумароков Л. Н. Феномен М. А. Суслова (личность, идеология, власть). М., 2008.
- ³⁷⁸ Сумароков Л.Н. Феномен М. А. Суслова (личность, идеология, власть). М., 2008; Легостаев В.М. Гебист магнетический. Заметки о Ю. В. Андропове // Завтра. 2004. № 5-8; Легостаев В.М. Как Горбачёв "прорвался" во власть. М., 2011.
- ³⁷⁹ Брежнев Л.И. Рабочие и дневниковые записи. 1964-1982 гг. Т. 1. М., 2016; Брежнев Л.И. Записи секретарей приёмной Л. И. Брежнева. 1965-1982 гг. Т. 2. М., 2016.
- ³⁸⁰ Чазов Е.И. Здоровье и власть. М., 1992.
- ³⁸¹ Александров-Агентов А.М. От Коллонтай до Горбачёва. М., 1994.
- ³⁸² Сумароков Л.Н. Феномен М. А. Суслова (личность, идеология, власть). М., 2008; Сумароков Л.Н. Андропов. Дальше, дальше, дальше... // Виперсон. 30.11.2005; Островский А. В. Кто поставил Горбачёва? М., 2010.
- ³⁸³ Арбатов Г.А. Затянувшееся выздоровление. М., 1991; Островский А.В. Кто поставил Горбачёва? М., 2010.
- ³⁸⁴ Горбачёв М.С. Жизнь и реформы. Кн. 1. М., 1995.
- ³⁸⁵ Брежнев Л.И. Записи секретарей приёмной Л. И. Брежнева. 1965-1982 гг. Т. 2. М., 2016.
- ³⁸⁶ Чазов Е.И. Здоровье и власть. М., 1992; Медведев В.Т. Человек за спиной. М., 1994.
- ³⁸⁷ Раззаков Ф.И. Интервью А. И. Фурсову. Брежневский дневник // Завтра. 2020. № 32.
- ³⁸⁸ Брежнев Л.И. Записи секретарей приёмной Л. И. Брежнева. 1965-1982 гг. Т. 2. М.,

2016; Медведев В.Т. Человек за спиной. М., 1994. А. М. Александров-Агентов ошибочно утверждал, что Л. И. Брежнев провёл в больнице две недели (Александров-Агентов А.М. Осень патриарха // Совершенно секретно. 1993. № 6), а сказочник Р. А. Медведев вообще писал, что "Брежнев находился в больнице до начала лета" и именно там отмечал даже "майские праздники" (Медведев Р.А. Неизвестный Андропов. М., 1999).

³⁸⁹ Захаров О.А. Записки секретаря трёх генсеков // Гласность. 1992. № 18; Смиртюков М.С. Охранники скидывались на фрукты бывшему премьеру // Коммерсантъ Власть. 2000. № 35.

³⁹⁰ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 583-598.

³⁹¹ Чазов Е.И. Здоровье и власть. М., 1992; Млечин Л.М. Председатели КГБ. Рассекреченные судьбы. М., 1999.

³⁹² Горбачёв М.С. Жизнь и реформы. Кн. 1. М., 1995.

³⁹³ Федорчук В.В. Интервью. О чём молчит генерал Федорчук // Еженедельник "2000". Киев. 12.01.2007.

³⁹⁴ Алидин В.И. Государственная безопасность и время. М., 2001; Островский А. В. Кто поставил Горбачёва? М., 2010.

³⁹⁵ Гришин В.В. От Хрущёва до Горбачёва. М., 1996; Изюмов Ю.П. Тайна последней ночи Брежнева. Он умер, как только назначил преемника. Не Андропова // Досье гласности. 2000. № 4; Зенькович Н.А. Самые закрытые люди. М., 2004.

³⁹⁶ Байгушев А.И. Русский орден внутри КПСС. Помощник М. А. Суслова вспоминает. М., 2006.

³⁹⁷ Врублевский В.К. Владимир Щербицкий: правда и вымыслы. Киев, 1993.

³⁹⁸ Островский А.В. Кто поставил Горбачёва? М., 2010; Млечин Л.М. Юрий Андропов. Последняя надежда режима. М., 2008; Синицин И.Е. Андропов вблизи. М., 2015.

³⁹⁹ Медведев В.Т. Человек за спиной. М., 1994; Арбатов Г.А. Человек системы: наблюдения и размышления очевидца её распада. М., 2002; Медведев Р.А. Неизвестный Андропов. М., 1999.

⁴⁰⁰ Брежнев Л. И. Записи секретарей приёмной Л. И. Брежнева. 1965-1982 гг. Т. 2. М., 2016.

⁴⁰¹ Горбачёв М.С. Жизнь и реформы. Кн. 1. М., 1995.

⁴⁰² Воротников В.И. А было это так... М., 1995; Воротников В.И. Гавана — Москва: памятные годы. М., 2001; Пихоя Р.Г. Москва. Кремль. Власть. Т. 2. 1964-1985. М., 2009; Островский А.В. Кто поставил Горбачёва? М., 2010.

⁴⁰³ Шаталин С.С. Прерванный диалог. Тверь, 1998; Черняев А.С. Совместный исход. М., 2010.

⁴⁰⁴ Млечин Л.М. Юрий Андропов. Последняя надежда режима. М., 2008; Млечин Л.М. Брежнев. М., 2011.

⁴⁰⁵ Брежнев Л.И. Записи секретарей приёмной Л. И. Брежнева. 1965-1982 гг. Т. 2. М., 2016.

⁴⁰⁶ Зенькович Н.А. Самые закрытые люди. М., 2004; Черняев А.С. Совместный исход. М., 2010; Островский А.В. Кто поставил Горбачёва? М., 2010.

⁴⁰⁷ Брежнев Л.И. Записи секретарей приёмной Л. И. Брежнева. 1965-1982 гг. Т. 2. М., 2016.

⁴⁰⁸ Горбачёв М.С. Жизнь и реформы. Кн. 1. М., 1995.

- ⁴⁰⁹ Соловьёв В.И., Клёпикова Е.К. Заговорщики в Кремле. М., 1991. Минут-ко И.А. Юрий Андропов. Реальность и миф. М., 2004.
- ⁴¹⁰ Брежнев Л.И. Записи секретарей приёмной Л. И. Брежнева. 1965-1982 гг. Т. 2. М., 2016.
- ⁴¹¹ Арбатов Г.А. Затянувшееся выздоровление. М., 1991; Арбатов Г.А. Человек системы: наблюдения и размышления очевидца её распада. М., 2002; Черняев А.С. Совместный исход. М., 2010.
- ⁴¹² Островский А.В. Кто поставил Горбачёва? М., 2010.
- ⁴¹³ Бовин А.Е. XX век как жизнь. М., 2003.
- ⁴¹⁴ Чазов Е.И. Здоровье и власть. М., 1992.
- ⁴¹⁵ Гришин В.В. От Хрущёва до Горбачёва. М., 1996; Изюмов Ю.П. Тайна последней ночи Брежнева. Он умер, как только назначил преемника. Не Андропова // Досье гласности. 2000. № 4; Федорчук В.В. О чём молчит генерал Федорчук // Еженедельник "2000". Киев. 12.01.2007; Щербицкая А.Г. Интервью. Володе я верила безоговорочно // Бульвар Гордона. 2008. № 6; А.И. Лукьянов. Запись беседы. 20.10.2009. // Архив А.В. Островского; Легостаев В.М. Как Горбачёв "прорвался" во власть. М., 2011; Сумароков Л.Н. Феномен М. А. Суслова (личность, идеология, власть). М., 2008; Островский А.В. Кто поставил Горбачёва? М., 2010.
- ⁴¹⁶ Брежнев Л.И. Записи секретарей приёмной Л. И. Брежнева. 1965-1982 гг. Т. 2. М., 2016.
- ⁴¹⁷ Раззаков Ф.И. Интервью А. И. Фурсову. Дневник Брежнева // Завтра. 2020. № 32; Андриянов В. И., Мираламов Г.Ф. Гейдар Алиев. М., 2005.
- ⁴¹⁸ Брежнев Л.И. Записи секретарей приёмной Л. И. Брежнева. 1965-1982 гг. Т. 2. М., 2016.
- ⁴¹⁹ Брежнев Л.И. Записи секретарей приёмной Л. И. Брежнева. 1965-1982 гг. Т. 2. М., 2016.
- ⁴²⁰ Легостаев В.М. Как Горбачёв "прорвался" во власть. М., 2011; Островский А.В. Кто поставил Горбачёва? М., 2010; Раззаков Ф.И. Интервью А. И. Фурсову. Дневник Брежнева // Завтра. 2020. № 32.
- ⁴²¹ Медведев В.Т. Человек за спиной. М., 1994; Островский А.В. Кто поставил Горбачёва? М., 2010. Профессор А. В. Островский в своей фундаментальной работе даёт довольно подробный анализ событий утра 10 ноября 1982 года, отражённых в различных публикациях, в частности в интервью В. П. Брежневой и сотрудников брежневской охраны О. Сторонова, В. Богомолова и В. Немушкова, и зримо показывает всю лживость построений, которые содержатся в книгах Р. А. Медведева "Личность и эпоха. Политический портрет Л. И. Брежнева" (М., 1991) и Н. С. Леонова "Лихолетье" (М., 2003).
- ⁴²² Чазов Е.И. Здоровье и власть. Воспоминания "кремлёвского врача". М., 1992.
- ⁴²³ Косарев М.Т. К 75 годам Леонид Ильич совсем расслабился // Коммерсантъ Власть. № 44. 11.11.2002.
- ⁴²⁴ Медведев В.Т. Человек за спиной. М., 1994; Чурбанов Ю.М. Мой тесть Леонид Брежнев. М., 2007; Изюмов Ю.П. Тайна последней ночи Брежнева. Он умер, как только назначил преемника. Не Андропова // Досье гласности. 2000. № 4; Легостаев В.М. Как Горбачёв "прорвался" во власть. М., 2011; Сумароков Л.Н. Феномен М. А. Суслова (личность, идеология, власть). М., 2008; Раззаков Ф.И. Интервью А. И. Фурсову. Дневник Брежнева // Завтра. 2020. № 32.

⁴²⁵ Легостаев В.М. Как умер Брежнев // Завтра. 1997. № 44; Минутко И.А. Юрий Андропов. Реальность и миф. М., 2004; Жирнов Е.П. Штрихи к портрету Юрия Андропова. Человек с душком // Коммерсантъ Власть. 2001. № 5; Островский А.В. Кто поставил Горбачёва? М., 2010.

⁴²⁶ Стукалин Б.И. Годы, дороги, лица... М., 2002; Островский А.В. Кто поставил Горбачёва? М., 2010.

⁴²⁷ Болдин В.И. Крушение пьедестала. М., 1995; Корниенко Г.М. Холодная война. Свидетельство её участника. М., 2001; Жирнов Е.П. Леонид Ильич приезжал в ЦК раньше всех. Вспоминает секретарь Брежнева Николай Дебилов // Коммерсантъ Власть. 2006. № 50.

⁴²⁸ Кунаев Д.А. От Сталина до Горбачёва. Алма-Ата, 1994.

⁴²⁹ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 599-608.

⁴³⁰ Воротников В.. А было это так... М., 1995.

⁴³¹ Черняев А.С. Совместный исход. М., 2010.

6. Калиф на час № 1: Ю.В. Андропов у власти в 1982-1984 годах.

В своё время два беглых антисоветчика Е. К. Клёпикова и В. И. Соловьёв в своих известных фолиантах «Заговорщики в Кремле» и «Юрий Андропов: тайный ход в Кремль» писали, что «первоначально трудно было предположить, что в лице Ю. В. Андропова советские органы госбезопасности способны были взять реванш в борьбе за власть», которую они утратили после краха Л. П. Берии⁴³². Однако весь фокус состоял как раз в том, что, вопреки распространённой точке зрения, Ю. В. Андропов не был профессиональным чекистом и с молодых ногтей сразу связал свою карьеру исключительно с комсомольско-партийной карьерой.

Вершиной этой карьеры до его прихода в КГБ стала должность секретаря ЦК, отвечающего за связи с правящими компартиями социалистических стран, которую он занял ещё при Н. С. Хрущёве в конце ноября 1962 года. Именно с этой должности он и пересел в кресло шефа «тайной полиции» в мае 1967 года.

Хотя этого могло и не случиться, так как ещё в 1965 году у Ю. В. Андропова на фоне стрессов возникли серьёзные проблемы со здоровьем, приведшие к двум микроинфарктам⁴³³. Тогдашние кремлёвские эскулапы, не разобравшись в причинах болезни, поставили вопрос о переводе его на инвалидность. Но, как уверяет Е. И. Чазов, ему и академику Е. В. Тарееву удалось установить реальную причину болезни, поменять весь курс лечения и «полностью снять вопрос об инвалидности». Это позволило ему активно работать, набирать авторитет и уже с середины 1970-х годов стать одним из самых влиятельных членов высшего советского руководства. Как свидетельствуют многие мемуаристы⁴³⁴, к тому времени Ю. В. Андропов уже имел «своих людей» во всех властных структурах: в центральном чекистском аппарате, идеологических структурах партии, академических институтах и даже в диссидентском движении. Именно им, ещё в бытность секретарём ЦК по работе с соцстранами, была выпестована целая когорта будущих «прорабов» перестройки, коих сам Л. И. Брежнев иронично называл «мои социал-демократы», видимо подчёркивая этим их фактический «небольшевизм» в ключевых вопросах идеологии и политики. Как утверждает Ф. М. Бурлацкий, именно ему Ю. В. Андропов и «поручил создать и возглавить группу консультантов-советников», которые занялись бы вопросами реформ «в странах социализма, прежде всего внутри СССР». По его же заверениям, в эту узкую группу тогда «вошли известные ныне учёные и публицисты», в частности Г. Х. Шахназаров, А. Е. Бовин, Г. А. Арбатов, О. Т. Богомолов, Л. П. Делюсин, В. С. Петренко и М. Л. Титаренко, которых Ю. В. Андропов называл «аристократами духа»⁴³⁵. Хотя ряд членов данной группы больше предпочитали величать себя «внутрипартийными диссидентами» и даже признавались в том, что идеями реформизма в духе еврокоммунизма они «заразились» ещё в хрущёвские времена, находясь на стажировке в редакции журнала «Проблемы мира и социализма», окопавшейся в Праге. Неслучайно многие историки и мемуаристы говорят о том, что сам Ю. В. Андропов «придумал диссидентское движение, раскрутил его, а потом сам же его давил и душил», чтобы доказать своим «коллегам», что он «настоящий коммунист»⁴³⁶. Более того, один из наиболее проницательных исследователей той эпохи профессор А. В. Островский высказал гипотезу, что

«диссиденты нужны были Ю. В. Андропову не только для того, чтобы можно было продемонстрировать Западу существование инакомыслия в СССР..., но и для давления на консервативную часть партийного руководства, а также для подготовки кадров будущих либеральных реформ»⁴³⁷.

Надо сказать, что, по мнению ряда мемуаристов, работавших под началом Ю. В. Андропова, уже тогда у него «возникла мечта стать новым Генеральным секретарём»⁴³⁸. Более того, Н. А. Зенькович утверждал, правда без указания на какие-либо источники, что якобы в конце 1976 года существовал даже план, который предполагал уход Л. И. Брежнева на пост председателя Президиума Верховного Совета СССР, который он уже занимал во времена Н. С. Хрущёва, Ф. Д. Кулакова — на пост главы Совета Министров СССР, а Ю. В. Андропова — на пост генсека⁴³⁹. Вероятно, именно с этим, как предполагал андроповский референт И. Е. Синицин, и была связана первая атака «днепропетровского клана» на его шефа, которая привела к очередному приступу болезни и угрозе удаления Ю. В. Андропова из Политбюро и КГБ. Однако эта угроза прошла стороной, и вместо Ю. В. Андропова в отставку был отправлен Н. В. Подгорный. Более того, по свидетельству И. Е. Синицина, примерно в конце 1977 года возник известный «триумвират» в лице Ю. В. Андропова, А. А. Громыко и Д. Ф. Устинова, и в итоге положение его шефа серьёзно укрепилось⁴⁴⁰. Именно с этого момента он якобы всерьёз задумался о решительной борьбе за власть и, по свидетельству С. В. Кугушева, который был одним из кураторов семинара «Змеиная горка», «из особо приближённых лиц создал замкнутую», строго иерархическую структуру, разбитую на пятёрки «то ли на манер народовольческого подполья, то ли в духе масонской ложи»⁴⁴¹. Хотя, конечно, эту информацию надо очень вдумчиво и подробно перепроверять.

Как и следовало ожидать, работу на посту генсека Ю. В. Андропов начал с кадровых перестановок и распределения обязанностей среди членов высшего руководства. Уже 18 ноября на заседании Политбюро за проявленную «мудрость» К. У. Черненко был сполна вознаграждён серьёзным увеличением объёма своих полномочий. Именно ему Ю. В. Андропов поручил курировать работу ряда самых ключевых отделов ЦК: Общего отдела, Отдела парторганов, Административного отдела, Агитпропа и Отдела культуры, а также «вопросы Секретариата ЦК»⁴⁴². Таким образом, К. У. Черненко стал уже де-юре вторым секретарём ЦК. При этом он передал по наследству свою должность заведующего Общим отделом Клавдию Михайловичу Боголюбову, который был его первым замом по этому отделу ещё с 1968 года. Все те, кто так или иначе соприкасался по работе с этим человеком, оставили о нём не очень лестные воспоминания. Например, А. С. Черняев прямо называл его «сволочью, которую давно надо было убрать», Е. К. Лигачёв и Л. М. Замятин, считавшие его «старым, могущественным аппаратным столпом», утверждали, что он активно использовал своё служебное положение в корыстных личных целях, а В. А. Медведев утверждал, что К. М. Боголюбов входил в узкую рабочую группу заведующих и заместителей заведующих отделами ЦК, которая на рубеже 1970-1980-х годов «фактически организовала в аппарате ЦК особый центр власти, определявший всю повестку дня Секретариата ЦК»⁴⁴³. Но, как бы то ни было, профессор А. В. Островский прав, когда говорит о том, что этим решением, по существу, был «заключён компромисс между внутрипартийными группировками», которые возглавляли Ю. В. Андропов и К. У. Черненко. Впрочем, вскоре этот «компромисс» был несколько смещён в пользу М. С. Горбачёва, так как первым заместителем К. М.

Боголюбова стал его студенческий приятель Анатолий Иванович Лукьянов, пересевший в новое, уже партийное кресло с поста главы Секретариата Президиума Верховного Совета СССР.

Между тем уже через четыре дня, 22 ноября 1982 года, состоялся очередной Пленум ЦК, где, помимо двух Постановлений — «О проектах Государственного плана экономического и социального развития СССР и Государственного бюджета СССР на 1983 г.» и «Об увековечении памяти Л. И. Брежнева», — были приняты ряд важных кадровых решений: 1) во-первых, из состава Политбюро и Секретариата ЦК был выведен один из старейших членов высшего советского руководства А. П. Кириленко, прогрессирующий малярия которого уже ни для кого не был секретом; 2) во-вторых, новым членом Политбюро был избран Г. А. Алиев, которого одновременно перевели в Москву на должность первого заместителя председателя Совета Министров СССР с возможным прицелом его восхождения на пост главы советского правительства, которую тогда занимал престарелый Н. А. Тихонов, так как на тот момент никто из членов Политбюро не имел статус даже «рядового» заместителя главы союзного правительства. В Баку же на пост Первого секретаря ЦК КПАз был избран его ставленник Кямран Мамедович Багиров; 3) в-третьих, в аппарате ЦК был учреждён новый пост секретаря ЦК по экономике, на который был избран Николай Иванович Рыжков, занимавший до этого должность первого заместителя председателя Госплана СССР и никогда не работавший в партийном аппарате. Он же возглавил и новый Экономический отдел ЦК, впервые созданный в недрах партаппарата на базе Отдела плановых и финансовых органов, который, по задумке Ю. В. Андропова, должен был стать «мозговым штабом» по подготовке очередной экономической реформы⁴⁴⁴. При этом сам Н. И. Рыжков и в своих мемуарах, и в разговорах с автором этой книги не раз подчёркивал, что во время личной встречи с Ю. В. Андроповым накануне этого Пленума он специально обратил внимание генсека на то обстоятельство, что ни часа не работал в партийных структурах. Однако Ю. В. Андропов откровенно заявил ему, что «нам как раз и нужен именно такой человек», не отягощённый «идеологическими шорами», у которого был бы «свежий взгляд» на проблемы советской экономики.

Между тем на следующий день, 23 ноября, в результате острого сердечного приступа на своей госдаче скончался многолетний секретарь Президиума Верховного Совета СССР Михаил Порфирьевич Георгадзе, занимавший этот пост с февраля 1957 года. Злые языки, а позднее и разного рода фантазёры типа полоумного И. Л. Бунича, тут же связали эту смерть с самоубийством «главного кремлёвского мафиози». Но никаких реальных доказательств его причастности к коррупции ни тогда, ни сейчас не было представлено, как и не были представлены на обозрение его «золотые унитазы», ставшие в годы горбачёвской перестройки даже неким символом «брежневской коррупции». А всего через пару дней его кресло занял новый выходец из Грузии, первый секретарь Тбилисского горкома Тенгиз Николаевич Ментешашвили.

Однако все эти перемены во власти стали лишь началом той «кадровой революции», которую задумал новый генсек. Уже 16 декабря 1982 года с поста министра внутренних дел СССР был снят его давнишний недруг и антагонист генерал армии Н. А. Щёлоков, занимавший эту должность с сентября 1966 года. Этим «выстрелом», как метко подметил профессор А. В. Островский, новый генсек сразу убивал двух зайцев. С одной стороны, он освобождал новое место работы для главы КГБ генерал-полковника В. В. Федорчука, которому теперь предстояло чистить

авгиевы конюшни в МВД. А с другой — он освобождал столь важное кресло главы КГБ для своего давнего и верного соратника генерал-полковника В. М. Чебрикова, с которым рука об руку работал ещё с середины сентября 1968 года, когда тот стал одним из его заместителей в этом грозном ведомстве. При этом В. В. Федорчуку, которого Ю. В. Андропов не любил, но всё же поставил во главе МВД СССР, дабы, по свидетельству М. С. Горбачёва, «не конфликтовать с В. В. Щербицким», решили «подсластить пилюлю» и 17 декабря выпустили два Указа Президиума Верховного Совета СССР за подписью В. В. Кузнецова: о его назначении министром внутренних дел и о присвоении ему нового воинского звания «генерал армии». Вместе с тем в «подпорку» В. В. Федорчуку в статусе замминистра по кадрам был посажен генерал-лейтенант Василий Яковлевич Лежепёков, который уже не один год был начальником Управления кадров и заместителем председателя КГБ СССР. При этом, что особо показательно, всё время нахождения Ю. В. Андропова у власти глава Украинской ССР — второй по статусу союзной республики — В. В. Щербицкий ни разу не переступил порог его кабинета, тогда как руководители РСФСР — сначала М. С. Соломенцев, а затем и В. И. Воротников — постоянно встречались с генсеком *tête à tête*.

В том же декабре 1982 года генсек провёл и первую крупную рокировку в центральном партаппарате. С должности главы ключевого Отдела пропаганды и агитации ЦК был снят известный сусловский выдвиженец Е. М. Тяжельников, которого отправили послом в Румынию, и его место занял глава Госкомитета по делам издательств, полиграфии и книжной торговли Б. И. Стукалин, не игравший, однако, как уверяет тот же М. С. Горбачёв, какой-либо «самостоятельной роли»⁴⁴⁵. Кстати, все эти решения, по заверениям В. В. Прибыткова, работавшего в то время помощником К. У. Черненко, вызвали «глухой ропот» не только у его шефа, но и у других членов Политбюро ЦК, в том числе у Н. А. Тихонова, В. В. Гришина, В. В. Щербицкого и Д. А. Кунаева, которые всегда числились в когорте близких брежневских соратников⁴⁴⁶.

Между тем, как метко заметил тот же профессор А. В. Островский, «в оценке того, с какими намерениями Ю. В. Андропов пришёл к власти, можно встретить диаметрально противоположные мнения». Так, небезызвестный «отец русской демократии» и «архитектор перестройки» г-н А. Н. Яковлев уверяет, что «план Андропова по спасению социализма состоял в следующем: в стране вводится железная дисциплина. . . , координированно идёт разгром всего инакомыслия, ужесточается борьба с коррупцией и заевшейся номенклатурой и проводится партийная чистка» с заранее подготовленным списком лиц «для арестов и лагерей»⁴⁴⁷. Аналогичный взгляд на андроповские реформы демонстрировал и А. С. Черняев, который явно недолюбливал Ю. В. Андропова и вовсе не считал его предтечей М. С. Горбачёва⁴⁴⁸. Хотя многие другие «прорабы» перестройки, прежде всего Г. А. Арбатов, были убеждены, что их патрон был настоящим реформатором и интеллектуалом, не чуждым западных ценностей⁴⁴⁹. Более того, как установил А. В. Островский, именно академик Г. А. Арбатов, которого ещё в конце 1950-х годов заметил сам О. В. Куусинен, через своих «старых друзей», прежде всего американских (Г. Киссинджера, А. Гарримана, Д. Рокфеллера и Дж. Буша), стал активно культивировать в западной прессе образ «Андропова-либерала», способного найти общий язык с Западом⁴⁵⁰.

Тем временем где-то в середине декабря 1982 года по прямому указанию Ю. В. Андропова три секретаря ЦК — М. С. Горбачёв, В. И. Долгих и Н. И. Рыжков, —

которые, соответственно, курировали сельское хозяйство, промышленность и общие вопросы экономики, приступили к совместной работе над проектом новой экономической реформы. Эта группа, где главную роль играл М. С. Горбачёв, имела неофициальный характер, поэтому их встречи никак не протоколировались, а принимаемые решения не оформлялись в письменной форме⁴⁵¹. К подготовке этого проекта были привлечены несколько десятков самых разных организаций и коллективов, в том числе Институт экономики АН СССР, Институт экономики мировой системы социализма, Научно-исследовательский институт финансов, Научно-исследовательский институт экономики при Госплане СССР, а также ряд закрытых структур, где работали чекисты, в частности отдельный сектор в Институте социологии АН СССР⁴⁵². Причём, по свидетельству М. С. Горбачёва, на сей раз не гнушались идей и наработок «диссидентов» от экономической науки, таких как В. А. Тихонов, А. И. Анчишкин, А. Г. Аганбегян, О. Т. Богомолов, Т. И. Заславская, С. А. Ситарян, Л. И. Абалкин, Н. Я. Петраков, Р. А. Белоусов и другие, которые считали, что главная причина кризисных явлений в советской экономике связана с тем, что мы, по существу, «проглядели» новый этап научно-технической революции.

При этом надо признать, что разные мемуаристы по-разному трактуют весь замысел очередной экономической реформы. Так, Н. И. Рыжков считает, что речь сначала шла о подготовке проекта «долгосрочной программы кардинальной перестройки управления народным хозяйством», подразумевавшей решение ряда ключевых проблем: децентрализации управления, существенного укрепления всей исполнительной дисциплины и повышения роли экономических стимулов в развитии народного хозяйства страны⁴⁵³. Хотя позднее в беседе с профессором А. В. Островским он указал на то, что «нам было предложено подготовить проект перехода к многоукладной рыночной экономике», предполагавшей «создание рядом с государственным и частного сектора»⁴⁵⁴. Правда, Николай Иванович тогда, увы, не уточнил, когда такая задача была поставлена генсеком — то ли сразу в декабре 1982 года, то ли позже — только весной 1983 года. Хотя в своих мемуарах он писал, что уже «в начале 1983 года эти крамольные мысли стали обретать плоть, оказавшись в основе долгосрочной программы кардинальной перестройки управления народным хозяйством»⁴⁵⁵. При этом многие другие мемуаристы — Л. И. Абалкин, Т. И. Корягина, А. И. Вольский и М. Л. Бронштейн — уверяют, что изначально речь шла именно об идеях конвергенции, возрождения нэповской многоукладной экономики, концессий и кооперативов⁴⁵⁶. Кстати, как утверждал бывший американский посол в Москве Джек Мэтлок, к моменту смерти Ю. В. Андропова под его патронажем было подготовлено «около 120 исследований», которые «и составили основу программы ограниченных реформ, явленную миру на апрельском Пленуме в 1985 году»⁴⁵⁷.

Между тем в начале января 1983 года высшее руководство страны понесло ещё одну утрату — ушёл из жизни кандидат в члены Политбюро ЦК Первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии Тихон Яковлевич Киселёв, который уже не один год боролся с онкологией. После его похорон Москва стала подбирать подходящую кандидатуру на вакантный пост. В самом Политбюро ЦК не было единства на сей счёт. Кто-то ратовал за председателя Совета Министров БССР Александра Никифоровича Аксёнова, в послужном списке которого значились и работа министром внутренних дел БССР, и почти восьмилетняя работа в роли второго секретаря белорусского ЦК в одной упряжке с П. М. Машеровым. Но кто-то активно выступал за кандидатуру заместителя председателя Госплана СССР Николая

Никитовича Слюнькова, который уже девятый год работал в этой должности после своего переезда из Минска и ухода с поста первого секретаря столичного горкома. В конечном счёте все сошлись на последней кандидатуре, и 16 января Н. Н. Слюньков был избран Первым секретарём республиканского ЦК, правда в состав Политбюро, в отличие от двух своих предшественников, он пока не был введён. При этом с А. Н. Аксёновым он явно не сработался, и уже в июле 1983 года его отправили послом в Варшаву, а новым главой Совета Министров БССР стал второй секретарь белорусского ЦК Владимир Игнатьевич Бровиков.

В том же январе 1983 года состоялось и расширенное совещание в ЦК, где впервые довольно подробно и очень жёстко обсуждались вопросы укрепления трудовой и производственной дисциплины, ставшие вскоре одним из главных лейтмотивов всего правления нового генсека. То, что этот курс практически сразу вылился в чисто полицейские мероприятия и демонстрацию силы, мало кого смущало, напротив, он получил всемерную поддержку многих советских граждан, которые истосковались по твёрдой руке и элементарному порядку в стране. Одновременно Ю. В. Андропов даёт команду, в том числе и новому руководителю Агитпропа ЦК Б. И. Стукалину, «сделать более открытой работу всех руководящих органов», и в результате в центральной партийной печати начинают еженедельно публиковать отчёты о вопросах, обсуждаемых в том числе на заседаниях Политбюро ЦК⁴⁵⁸. Тогда же в центральную и региональную печать начинает проникать ранее закрытая информация о фактах разложения власти и коррупции в партийном и советском аппаратах, которую по прямому указанию генсека «сливали» в прессу Генеральная прокуратура и Комитет госбезопасности СССР. При этом по его же указанию руководители данных силовых структур, т. е. А. М. Рекунов и В. М. Чебриков дали жёсткую команду своим самым доверенным подопечным из центральных аппаратов быстро и с особым рвением раскручивать «милиейское», «московское», «узбекское» и «краснодарское» коррупционные дела, в которых были якобы замешаны ряд крупных партийно-государственных деятелей, в том числе член Политбюро ЦК, первый секретарь МГК В. В. Гришин, кандидат в члены Политбюро ЦК, Первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана Р. Ш. Рашидов и бывший министр внутренних дел генерал армии Н. А. Щёлоков и первый секретарь Краснодарского крайкома С. Ф. Медунов⁴⁵⁹.

Тем временем в конце марта 1983 года в главном партийно-теоретическом журнале «Коммунист» была опубликована статья Ю. В. Андропова «Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР», в которой генсек, преломляя современные проблемы строительства социализма через марксистское учение, вполне откровенно заявил, что объективный характер экономических законов «требуется избавиться от всякого рода попыток управлять экономикой чуждыми её природе методами», о чём предостерегал сам В. И. Ленин, говоривший «об опасности, которая кроется в наивной вере иных работников, будто все задачи» социалистического строительства можно решить только «коммунистическим декретированием». Более того, он, по сути, дезавуировал прежнюю идею непосредственного перехода к коммунизму, заменив её идеей «совершенствования развитого социализма», подчеркнув при этом, что «наша страна находится в начале этого длительного исторического этапа, который, естественно, будет знать свои периоды и свои ступени роста». А чуть позже, уже на июньском Пленуме ЦК, ряд положений этой статьи найдут своё развитие в выступлении Ю. В.

Андропова, где он буквально заявил о том, что, «если говорить откровенно, мы ещё до сих пор не изучили в должной мере общество, в котором живём и трудимся, не полностью раскрыли его закономерности, особенно экономические. Поэтому порой мы вынуждены действовать, так сказать, эмпирически, весьма нерациональным способом проб и ошибок». Для многих эти слова генсека стали настоящим откровением, но «посвящённые» люди ничуть не удивились этому пассажи, поскольку знали, что новый генсек не считал советское общество социалистическим. Так, тот же Г. М. Корниенко, уже давно работавший с Ю. В. Андроповым по «разоруженческой тематике», в своих мемуарах привёл одно из его высказываний, которое зримо показало реальное отношение генсека к советскому общественному строю: «Какой там, к чёрту, "развитой социализм", нам до простого социализма ещё пахать и пахать»⁴⁶⁰.

Надо сказать, что вопрос об авторстве данной статьи, с которой, по словам Г. А. Арбатова, «идейно и началась перестройка»⁴⁶¹, до сих пор не прояснён. Так, по заверению В. А. Печенева, бывшего в то время помощником К. У. Черненко, первоначально эта статья готовилась для Л. И. Брежнева. Однако другие авторы отрицают этот факт. Например, академик Л. И. Абалкин говорит о том, что ещё до смерти Л. И. Брежнева он был включён в состав рабочей группы, которая писала эту статью именно для Ю. В. Андропова. А тогдашний главный редактор журнала «Коммунист» Р. И. Косолапов уверяет, что такая рабочая группа была создана уже самим Ю. В. Андроповым, занявшим к тому времени пост генсека⁴⁶².

Надо сказать, что в современной историографии существуют разные оценки и данной статьи, и андроповского выступления на Пленуме ЦК. Так, известные либерал-историки (А. С. Черняев, Р. Г. Пихоя, А. В. Шубин⁴⁶³) полагают, что они носили чисто ритуальный характер и не имели программного характера. Но их оппоненты (И. Я. Фроянов, А. И. Вдовин, А. С. Барсенков, А. В. Островский⁴⁶⁴) утверждают, что и статья, и само выступление Ю. В. Андропова, напротив, носили программный характер и де-факто означали победу «западнического крыла» в партийно-государственной иерархии страны.

Мы уже писали выше, что об андроповском проекте радикальной реформы всей советской системы довольно давно сложены целые легенды, поскольку многие свидетели его истинных замыслов либо уже умерли, либо до сих пор молчат, либо говорят полунамеками. И лишь некоторые из них немного поведали о каких-то отдельных частях его грандиозного плана. В частности, Аркадий Иванович Вольский, который в начале 1983 года стал личным помощником Ю. В. Андропова по экономическим вопросам, утверждает, что новоиспечённый генсек собирался кардинальным образом перестроить всё административно-территориальное устройство Союза ССР, уйти от «национальной федерации» и на месте союзных республик создать иную федерацию по типу американских штатов или западногерманских земель, построенную на базе «численности населения и производственной целесообразности». По заверению самого А. И. Вольского, сначала он пытался решить эту задачу лично, однако затем привлёк на помощь академика Е. П. Велихова, с которым они «сидели почти месяц». В результате этого «сидения» на свет появились «15 вариантов» нового административного деления страны. Правда, в одном случае А. И. Вольский утверждал, что они с Е. П. Велиховым «нарисовали... 29 округов»⁴⁶⁵, в другом случае говорил о том, что их «последний вариант предполагал разделение СССР на 41 штат»⁴⁶⁶. Но ни один из этих вариантов якобы не был одобрен

Ю. В. Андроповым. Вместе с тем надо заметить, что пока нет никакой достоверной информации по всем этим планам. Хотя в случае их реального наличия в архивах они были бы давным-давно запущены в научный оборот или хотя бы преданы гласности.

Ряд ближайших соратников Ю. В. Андропова по КГБ, как то: В. М. Чебриков, В. В. Шарапов, Е. И. Сеницин и А. Г. Сидоренко, — говорят, что у их шефа имелся и проект политической реформы, который предусматривал реальный «переток» властных полномочий, особенно в хозяйственно-производственной сфере, от партийных структур к Совету Министров СССР и органам советской власти всех уровней. В связи с этим он обдумывал вопрос не только о возможной ликвидации отраслевых отделов ЦК, как это сделал И. В. Сталин ещё в 1946 году, но и о возвращении старой сталинской задумки о проведении альтернативных выборов в Верховный Совет СССР⁴⁶⁷. И всё же, как считают большинство авторов, на первом месте у их шефа была, безусловно, экономика. Неслучайно тот же Г. Х. Шахназаров вспоминал, что в одном из разговоров с ним Ю. В. Андропов откровенно заявил: «Я абсолютно убеждён, что трогать государство можно только после того, как мы по-настоящему двинем вперёд экономику... Сначала надо накормить людей»⁴⁶⁸.

Мы уже писали выше о разных планах и оценках экономических замыслов Ю. В. Андропова, но на сей раз чуть подробнее остановимся на них. Генерал Ф. Д. Бобков, который в январе 1983 года был назначен заместителем главы КГБ СССР, прямо пишет о том, что у его бывшего шефа существовал реальный план экономических реформ на началах «конвергенции» и «интеграции» советской экономики в буржуазную западную систему на «выгодных для нас условиях». Общая идея всего этого плана заключалась в следующем: 1) реформы должны были начаться поэтапно и пока не распространяться сразу на всю страну; 2) предполагалось создать порядка 10 экспериментальных зон, в которых шли бы преобразования, причём не факт, что по единому сценарию, а по типу «одна страна — десяток систем и подсистем»; 3) таким образом, как бы «убивались два зайца»: с одной стороны, по итогам «межрегионального соцсоревнования» выявлялся лучший реформаторский проект, а с другой — ликвидировался давний бич советской экономики — гигантские региональные диспропорции, серьёзно тормозившие развитие всей экономики и перманентно создававшие ненужную социальную и межнациональную напряжённость в различных регионах страны⁴⁶⁹.

Но для подобных экспериментов нужны были кадры, воспитанные с иными ценностными установками, поэтому, как уверяет С. В. Кугушев, которого позднее поддержали А. В. Островский, Ф. И. Раззаков и И. И. Смирнов, лично Ю. В. Андропов «решил пойти по пути Ленина, который в 1910-х годах создал во французском городке Лонжюмо партийную школу для подготовки» будущей партэлиты. А так как внутри самой страны никто не мог готовить таких специалистов для «новой экономики», было решено готовить их за её пределами, «на базе иностранного опыта». С этой целью, по утверждению С. В. Кугушева, под его руководством и была создана первая группа «стажёров», в которую вошло около 20 человек. В роли такого «Лонжюмо» было решено «использовать Международный институт прикладного системного анализа», а «идеологический контроль» за стажёрами возложить на чекистов, которые в связи с этим были направлены «под крышу» Госстроя СССР и уже оттуда командированы за границу⁴⁷⁰.

Сам этот МИПСА был создан в октябре 1972 года по инициативе Римского клуба на базе договорённостей, достигнутых Л. И. Брежневым и Р. Никсоном во время

первого визита американского лидера в Москву. Штаб-квартирой этого института стал небольшой городок Лаксенбург под Веной, а его создателями — три персоны: член Палаты лордов Соломон Цукерман, главный разработчик стратегии ковровых бомбардировок немецких городов, бывший помощник по нацбезопасности президентов Дж. Кеннеди и Л. Джонсона Макджордж Банди и заместитель председателя ГКНТ СССР Джермен Михайлович Гвишиани, который стал первым главой Совета МИПСА⁴⁷¹. Кстати, в начале 1976 года именно Д. М. Гвишиани инициировал создание в Москве филиала МИПСА, известного под названием Всесоюзного научно-исследовательского института системного анализа ГКНТ и АН СССР (ВНИИСИ), который он и возглавлял до самой своей смерти в 2004 году. Между тем мало кто знает, что академик Д. М. Гвишиани был не просто учёным и членом советского правительства, который ещё в 1969 году защитил докторскую диссертацию «Американская теория организационного управления», но и очень влиятельной фигурой в советской номенклатуре. Он родился в семье Михаила Максимовича Гвишиани, который в системе НКВД — МГБ дослужился до звания генерал-лейтенанта и работал под началом самого Л. П. Берии, В. Н. Меркулова и В. С. Абакумова. Но, в отличие от них, отделался лёгким испугом и умер в своей постели в 1966 году. Затем в самом начале 1948 года Д. М. Гвишиани удачно женился на дочери кандидата в члены Политбюро и министра финансов СССР Людмиле Алексеевне Косыгиной, с которой прожил до конца её дней. Понятно, что такое родство сыграло не последнюю роль в его блестящей карьере, особенно тогда, когда его тесть, уже будучи полноправным членом Президиума ЦК, занял ключевой пост председателя Совета Министров СССР. Кроме того, есть ещё два крайне любопытных факта в его биографии. Во-первых, свояком Д. М. Гвишиани, т. е. мужем его младшей сводной сестры Лауры Васильевны Харадзе, был тогдашний заместитель главы ИМЭМО Евгений Максимович Примаков, который ещё с начала 1970-х годов активно сотрудничал с самим Ю. В. Андроповым по линии тайных арабо-израильских контактов⁴⁷². А во-вторых, по старой памяти Д. М. Гвишиани поддерживал связи с целым рядом бывших сослуживцев своего отца, в том числе с генерал-лейтенантом КГБ Евгением Петровичем Питоврановым.

Между тем генерал Е. П. Питовранов, который до сих пор не очень известен даже в среде профессиональных историков, был знаковой фигурой той эпохи. Чудом избежав печальной участи своих расстрелянных начальников, в частности Л. П. Берии и В. С. Абакумова, а также многих сослуживцев, тех же М. М. Гвишиани и П. А. Судоплатова, он остался на работе в органах КГБ, где занимал разные посты, в том числе Уполномоченного КГБ СССР в ГДР (1953-1957), начальника 4-го (секретно-политического) Управления КГБ (1957-1960) и руководителя Высшей школы КГБ СССР (1962-1965). Затем он вынужденно (по сокращению штатов) вышел в отставку, но уже в начале февраля 1966 года по личному приглашению министра внешней торговли СССР Н. С. Патоличева перешёл на работу заместителем главы Президиума Торгово-промышленной палаты СССР, которая летом 1969 года была превращена в отдельную службу финансовой разведки. И в том же году, как уверяют Е. П. Жирнов, Я. А. Бутаков, И. И. Смирнов и Ф. И. Раззаков, Ю. В. Андропов лично предложил опытному разведчику возглавить секретный отдел «П» или «Ф», более известный под названием «Фирма», который занимался бы вербовкой крупных западных бизнесменов, близких к правящим и политическим кругам своих государств, сбором

секретной научно-технической и финансовой информации, минуя все резидентуры ПГУ КГБ и т. д. ⁴⁷³

Между тем в самом ВНИИСИ под пристальным присмотром андроповских чекистов Д. М. Гвишиани стал собирать команду «юных птенцов» с прицелом на их дальнейшую стажировку в андроповском «Лонжюмо». Именно тогда на работу во ВНИИСИ пришли Е. Т. Гайдар, П. О. Авен, О. Н. Ананьич, А. Д. Жуков, М. Ю. Зурабов, В. И. Данилов-Данильян и ряд других «мальчишей-плохишей», из числа которых Б. Н. Ельцин спустя годы и сформирует первый состав своего преступного правительства разрушителей страны. А пока что эти «птенчики» корпели «над сравнительным анализом экономических реформ в различных соцстранах» и якобы изучением «закономерностей развития социалистического хозяйственного механизма»⁴⁷⁴. Существует версия, что уже летом 1983 года Е. Т. Гайдар, А. Б. Чубайс, П. О. Авен, В. А. Мау, К. Г. Кагаловский, Б. Г. Фёдоров и другие были отправлены на стажировку в Швейцарию в Институт экономических отношений «Общества Монт Пелерин», созданного ещё в 1947 году идеологами свободного рынка Фридрихом Хайеком и Милтоном Фридманом. Однако, как писал профессор А. В. Островский, найти подтверждение этой информации пока так и не удалось⁴⁷⁵. Зато хорошо известно, что чуть позже именно эти ребята составят костяк небезызвестных закрытых семинаров на турбазе «Змеиная Горка» под Ленинградом, главным «смотрящим» за которыми был тогдашний первый заместитель главы Ленинградского УКГБ генерал-майор О. Д. Калугин, которому патронировал сам Ю. В. Андропов. И об этом семинаре писал не кто иной, как сам Е. Т. Гайдар⁴⁷⁶.

Тем временем в марте 1983 года произошло серьёзное укрепление позиций А. А. Громыко, который впервые со времён В. М. Молотова, оставаясь на посту министра иностранных дел СССР, был назначен первым заместителем главы Совета Министров СССР. С чем было связано столь неожиданное и высокое назначение, которое, конечно, серьёзно повысило аппаратный вес многолетнего главы внешнеполитического ведомства страны, до сих пор остаётся загадкой для многих историков. Хотя есть веское предположение, что подобным способом Ю. В. Андропов пытался нейтрализовать всех своих противников в Политбюро и перетянуть А. А. Громыко на сторону своей команды «младореформаторов». Тогда же, в конце марта, Ю. В. Андропов заменил генерала Ю. С. Сторожева на посту начальника 9-го Управления КГБ СССР, доверив свою личную охрану генерал-майору Ю. С. Плеханову, который ещё в 1965 году стал работать помощником Ю. В. Андропова в качестве секретаря ЦК⁴⁷⁷.

А уже в апреле 1983 года при самой активной поддержке М. С. Горбачёва, А. А. Громыко и Д. Ф. Устинова генсек провёл новое и очень важное назначение в центральном партаппарате. На ключевой пост главы Организационно-партийного отдела ЦК КПСС, который занимался подбором и расстановкой всех значимых партийно-государственных кадров, был назначен первый секретарь Томского обкома партии Егор Кузьмич Лигачёв, работавший в этом отделе ещё во времена Н. С. Хрущёва в 1962-1964 годах. А прежний глава этого отдела секретарь ЦК Иван Васильевич Капитонов, занимавший этот пост весь период брежневского правления, оставшись пока в составе Секретариата ЦК, стал теперь курировать «расстрельный» ширпотреб. Причём надо особо подчеркнуть, что во время личного разговора перед назначением на пост главного партийного «кадровика» Ю. В. Андропов дал установку Е. К. Лигачёву «сотворить кадровую революцию» и, невзирая на лица и все

их прежние заслуги, очистить партийный аппарат от зарвавшихся и неспособных к «активной созидательной работе товарищей»⁴⁷⁸. И надо сказать, что Е. К. Лигачёв, которого активно поддерживал М. С. Горбачёв, с присущей ему бешеной энергией и рвением принялся исполнять это поручение генсека. В результате уже к концу 1983 года партийный аппарат в стране был обновлён ровно на одну треть. Тот же М. С. Горбачёв, вернувшийся в середине мая 1983 года из поездки в Канаду, способствовал ещё одному роковому кадровому решению. Именно тогда с его подачи из десятилетней «ссылки» в Оттаву вернулся советский посол Александр Николаевич Яковлев, который тут же был назначен на должность директора ИМЭМО, по сути пустовавшую ещё с августа 1982 года, когда умер академик Н. Н. Иноземцев⁴⁷⁹. Сам А. Н. Яковлев желал опять вернуться в ЦК на более значимый пост. Однако, как поведал автору этих строк Н. И. Рыжков, когда М. С. Горбачёв в его присутствии поставил вопрос о А. Н. Яковлеве перед генсеком, тот жёстко сказал: «Пусть возвращается, но имей в виду, в политику я его не пушу».

Тем временем в самом конце мая 1983 года ушёл из жизни старейший член Политбюро, глава Комитета партийного контроля при ЦК Арвид Янович Пельше, занимавший этот пост с апреля 1966 года. Сразу после его похорон состоялось внеочередное заседание Политбюро, на котором Ю. В. Андропов, заявив о том, что КПК в последнее время из-за болезни А. Я. Пельше «работал без председателя», предложил избрать на эту должность руководителя российского правительства М. С. Соломенцева. Все члены Политбюро тут же поддержали генсека, однако сам М. С. Соломенцев, сославшись на свой возраст и «две сложные операции», не только отказался от этого поста, но даже высказал своё желание вообще уйти на пенсию. Однако Ю. В. Андропов отнёс все эти доводы, и члены Политбюро ЦК приняли нужное решение⁴⁸⁰. Как пишет сам М. С. Соломенцев, удручённый этим решением, вечером того же дня он лично позвонил Ю. В. Андропову, «но он был неумолим». Аргументируя принятое решение, он дословно заявил: «Пойми и ты меня. Здоровье тоже не блещет, возраст почти такой же. На мои плечи взвалили ещё большую ношу. Один я не справлюсь, нужны надёжные соратники. На пост председателя КПК рвутся три человека, но к ним полного доверия нет. Ты мне нужен в составе Политбюро и во главе КПК... Прошу понять это и поработать со мной». После таких слов М. С. Соломенцев сдался и дал согласие возглавить КПК.

15 июня 1983 года состоялся очередной Пленум ЦК, где были приняты ряд важных кадровых решений⁴⁸¹. Во-первых, новым председателем КПК был утверждён М. С. Соломенцев; во-вторых, новым секретарём ЦК по оборонным вопросам с подачи самого Ю. В. Андропова и при согласии Д. Ф. Устинова был утверждён член Политбюро ЦК Г. В. Романов; в-третьих, кандидатом в члены Политбюро ЦК избрали В. И. Воротникова, который сменил М. С. Соломенцева на посту председателя Совета Министров РСФСР; в-четвёртых, из состава ЦК «за допущенные ошибки» были выведены Н. А. Щёлоков и С. Ф. Медунов; и, наконец, в-пятых, в состав полноправных членов ЦК были переведены ряд кандидатов, в том числе министр станкостроительной и инструментальной промышленности СССР Б. В. Бальмонт, первый заместитель главы Генштаба маршал С. Ф. Ахромеев и советский посол в ГДР В. И. Кочемасов. Кроме того, Пленум ЦК принял решение рекомендовать Ю. В. Андропова на пост председателя Президиума Верховного Совета СССР, что и было сделано буквально через день на ближайшей сессии Верховного Совета. В связи с этим часто возникал вопрос, почему же это решение не было принято сразу после

ухода из жизни Л. И. Брежнева и на протяжении целых восьми месяцев обязанности главы советского государства в статусе и. о. председателя ПВС СССР исполнял В. В. Кузнецов. Но дело в том, что главой ПВС СССР мог быть избран только тот, кто не менее шести месяцев был членом Президиума Верховного Совета, а Ю. В. Андропов получил такой статус только в декабре 1982 года.

Как утверждают ряд мемуаристов и историков, в частности М. С. Горбачёв и Р. Г. Пихоя, на этом же Пленуме ЦК «старая гвардия» во главе с К. У. Черненко попыталась взять реванш. По их мнению, таким реваншем якобы стал доклад К. У. Черненко «Актуальные вопросы идеологической и массово-политической работы партии», который был выдержан «в последовательном брежневском духе», поскольку готовился в аппарате «верного сусловца» М. В. Зимянина. Этот доклад настолько не понравился Ю. В. Андропову, что, вопреки давно заведённому порядку, вечернее заседание Пленума вёл уже не К. У. Черненко, а М. С. Горбачёв, который де-факто якобы стал правой рукой генсека⁴⁸². Эту версию отчасти поддержал и черненкоковский помощник В. В. Прибытков, который утверждал, что именно тогда «по степени доверия» генсека вторым человеком в партии стал М. С. Горбачёв, а К. У. Черненко незаметно оказался в «ссылке без ареста»⁴⁸³. Между тем уже 21 июня 1983 года был утверждён новый первый секретарь Ленинградского обкома партии Лев Николаевич Зайков (в прошлом директор крупного оборонного предприятия), который с июня 1976 года работал главой Ленинградского горисполкома и числился на «хорошем счету» в аппарате ЦК. Правда, в отличие от его предшественника, в состав Политбюро его пока так и не ввели.

Тем же летом 1983 года по инициативе Ю. В. Андропова выходит несколько документов, связанных с первыми шагами в реализации его новой экономической программы, в том числе Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 659 от 14 июля 1983 года «О проведении экономического эксперимента в ряде министерств по расширению хозяйственной самостоятельности в планировании и хозяйственной деятельности и по усилению ответственности за результаты своей работы» и № 814 от 18 августа 1983 года «О мерах по ускорению научно-технического прогресса в народном хозяйстве»⁴⁸⁴, Постановления ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС № 744 и 745 от 28 июля 1983 года «Об усилении работы по укреплению социалистической дисциплины труда» и «О дополнительных мерах по укреплению трудовой дисциплины»⁴⁸⁵, а также Постановление Совета Министров СССР № 1479 от 1 августа 1983 года «О создании Комиссии по руководству экономическим экспериментом»⁴⁸⁶, на основании которого на ограниченный хозрасчёт с полным правом директоров всех предприятий по договорам брать заказы «со стороны» были переведены 1850 предприятий Украины, Белоруссии и Литвы⁴⁸⁷.

Тем временем в августе 1983 года во время планового отпуска в Крыму у К. У. Черненко, вкусившего за ужином копчёную ставриду, присланную в дар от В. В. Федорчука, случилось острое пищевое отравление, которое сразу привело к тяжелейшей интоксикации всего организма⁴⁸⁸. При тотальном контроле всех продуктов в Спецлаборатории 9-го Управления КГБ, которое отвечало за охрану всех высших должностных лиц, это выглядело более чем странно, тем более что никто из членов семьи, в том числе супруга и сын Анна Дмитриевна и Владимир Константинович не «отравились» этой рыбкой. По свидетельству Е. И. Чазова, К. У. Черненко поразила тяжёлая вирусная инфекция, которая на фоне сердечной и лёгочной недостаточности привела к тому, что «положение было настолько

угрожающим, что речь шла о возможной гибели второго человека в руководстве страны». И хотя К. У. Черненко сумел побороть этот недуг, после перенесённой болезни его здоровье настолько пошатнулось, что сам Е. И. Чазов поставил вопрос о его переводе на инвалидность и отставке с постов члена Политбюро и секретаря ЦК⁴⁸⁹. Этот вопрос предполагалось решить уже на ближайшем Пленуме ЦК, однако последующие события так и не позволили реализовать «коварный» план главного кремлёвского эскулапа.

А между тем летом 1983 года Ю. В. Андропов продолжил разгром «узкого рабочего кабинета» в ЦК, в состав которого, по утверждению В. А. Медведева, в брежневские времена входили Управделами ЦК Г. С. Павлов, заведующие тремя отделами — общим, пропаганды и науки и учебных заведений — К. М. Боголюбов, Е. М. Тяжельников и С. П. Трапезников и первый заместитель заведующего Отделом оргпартрabоты Н. А. Петровичев⁴⁹⁰. Е. М. Тяжельникова ещё в конце 1982 года сослали послом в Бухарест, К. М. Боголюбова пока не тронули из-за близости к К. У. Черненко, а трёх других ждала совсем иная участь. Н. А. Петровичева перевели на пост главы Госкомитета по профтехобразованию, а Г. С. Павлова и С. П. Трапезникова вообще спровадили на пенсию. Теперь Управление делами ЦК возглавил горбачёвский выдвиженец — первый заместитель заведующего Сельхозотделом ЦК Николай Ефимович Кручина, должность заведующего Отделом науки и учебных заведений занял ректор Академии общественных наук при ЦК Вадим Андреевич Медведев, ставший затем одним из «прорабов» и идеологов горбачёвской перестройки, а первым заместителем Е. К. Лигачёва в Отделе оргпартрabоты ЦК стал Евгений Зотович Разумов, работавший там на посту заместителя И. В. Капитанова аж с 1967 года⁴⁹¹.

Тогда же серьёзной чистке были подвергнуты всё союзное правительство и региональные партийные структуры. Всего за год с небольшим в отставку и на пенсию были отправлены два заместителя главы правительства В. Н. Макеев и И. Т. Новиков, 18 руководителей союзных министерств, в том числе министры тяжёлого и транспортного машиностроения В. Ф. Жигалин, энергетического машиностроения В. В. Кротов, путей сообщения И. Г. Павловский, сельского строительства С. Д. Хитров, судостроительной промышленности М. В. Егоров, мясомолочной промышленности С. Ф. Антонов и внутренней торговли А. И. Струев, а также 37 первых секретарей обкомов и крайкомов партии, в частности Архангельского — Б. В. Попов, Волгоградского — Л. С. Куличенко, Липецкого — Г. П. Павлов, Калининского — Н. С. Коновалов, Ивано-Франковского — И. И. Скиба, Витебского — С. М. Шабашов и Бухарского — А. К. Каримов.

Одновременно по указанию Ю. В. Андропова органы Генпрокуратуры, КГБ и КПК при ЦК начали оголтелую борьбу с номенклатурной коррупцией. Удар сразу наносился по ряду ключевых структур, где, по мнению Ю. В. Андропова, не только процветало взяточничество, но и прочно окопались самые опасные враги: по бывшему руководству МВД СССР во главе с Н. А. Щёлоковым, по руководству Краснодарского края, где продолжали править бал выдвиженцы С. Ф. Медунова, по Московского горкому партии, где всецело властвовал член Политбюро ЦК В. В. Гришин, и, наконец, по руководству Узбекистана, где без малого четверть века безраздельно правил Ш. Р. Рашидов. Из всех этих громких уголовных дел особую известность приобрело «узбекское дело», которому посвящено немало различных работ, в том числе и откровенно лживых и заказных⁴⁹². Хотя в последнее время

вышли и некоторые довольно объективные труды, в частности книги известного историка и публициста Ф. И. Раззакова⁴⁹³.

Как утверждает Е. К. Лигачёв, который имел прямое отношение к раскрутке «узбекского дела», инициатором его возбуждения стал руководитель Сектора среднеазиатских республик Отдела оргпартрabоты ЦК Виктор Ильич Смирнов, который быстро представил своему шефу специальную записку на сей счёт⁴⁹⁴. Ознакомившись с данной запиской, Е. К. Лигачёв довёл её содержание до самого Ю. В. Андропова, который дал ему прямое указание встретиться с Ш. Р. Рашидовым и строго поговорить с ним по существу поднятых в записке вопросов. Во время этой встречи, которая состоялась в конце августа 1983 года, Е. К. Лигачёв в грубой форме выполнил поручение генсека и сообщил главе Узбекистана о намерении создать Комиссию ЦК для проверки состояния дел в республике. Вскоре такая Комиссия, которую возглавил заместитель заведующего Общим отделом ЦК К. Н. Могильниченко, приступила к работе и, по выражению Е. К. Лигачёва, «вскрыла в Узбекистане поистине вопиющие нарушения». Однако эта лигачёвская версия не подтверждается В. И. Смирновым, а также отвергается рядом других авторов, в частности генерал-лейтенантом КГБ Н. С. Леоновым⁴⁹⁵.

По информации Н. С. Леонова, инициатива возбуждения этого дела исходила не от ЦК, а от КГБ, и возникло оно ещё в 1970-х годах, когда «руководитель КГБ Узбекистана» направил на имя самого Ю. В. Андропова «обширную докладную о невероятных безобразиях и правонарушениях, творившихся в республике с ведома и под прикрытием авторитета Рашидова». Однако тогда Ш. Р. Рашидову удалось отбить этот удар⁴⁹⁶. Есть мнение, что этим самым «руководителем» был генерал-майор Э. Б. Нордман, возглавлявший КГБ Узбекской ССР в 1974-1978 годах, у которого якобы не сложились отношения с Ш. Р. Рашидовым. Однако это не совсем так. Дело в том, что в конце службы у него действительно возник конфликт с Ш. Р. Рашидовым, изъявившим желание иметь на посту главы КГБ «местного чекиста». Однако в своих мемуарах сам генерал Э. Б. Нордман, не тая обиды, откровенно написал: «Шараф Рашидов был человеком высокой культуры. Непьющий. Много ездил по областям... Излишеств не допускал. Меня часто спрашивают, возглавлял ли Рашидов мафию, был ли взяточником? Я убеждён, что нет. Он был весьма обеспеченным человеком за счёт гонораров. Верил и верю в его чистоплотность»⁴⁹⁷. На самом деле этим «руководителем» КГБ УзССР был генерал-лейтенант Л. Н. Мелкумов, сменивший Э. Б. Нордмана на данном посту в начале марта 1978 года, что позднее сам Ш. Р. Рашидов признает своей грубейшей ошибкой. Именно этот человек после смерти Л. И. Брежнева по указанию Москвы и стал готовить новую атаку на Ш. Р. Рашидова, дав без санкции республиканского начальства отмашку приступить к оперативной разработке руководителя ОБХСС УВД Бухарского облисполкома полковника милиции А. М. Музафарова. И как только Ш. Р. Рашидов улетел в Кабул на празднование 5-летнего юбилея Саурской революции, 25 апреля 1983 года в Бухару из Ташкента была сразу направлена группа столичных чекистов, которая через пару дней взяла А. М. Музафарова с поличным при получении крупной взятки⁴⁹⁸. А уже в июне с поста министра внутренних дел УзССР был снят генерал-лейтенант К. Э. Эргашев, и новым главой республиканского МВД стал генерал-майор Н. И. Ибрагимов.

С этого момента противники Ш. Р. Рашидова в Москве и Узбекистане стали раскручивать «бухарское дело», где главной фигурой стал Первый секретарь республиканского ЦК. Как установил Ф. И. Раззаков, который является одним из

признанных знатоков данной темы, на фигуре Ш. Р. Рашидова тогда сошлись интересы двух очень мощных команд. С одной стороны, «ферганцев» в самом Узбекистане, давно лелеявших мечту вернуться во власть, утерянную ими ещё в середине 1950-х годов. А с другой стороны, московских чекистов из самых высоких кабинетов, включая главу КГБ генерал-полковника В. М. Чебрикова и двух его заместителей — Г. Ф. Григоренко и Ф. Д. Бобкова, — которые возглавляли 2-е Главное Управление и 5-е Управление КГБ СССР. Сам же Ю. В. Андропов, дав прямую команду начать уже «узбекское дело», рассчитывал покончить с самим Ш. Р. Рашидовым за его отличную от «тройки» позицию по Афганистану, которую он никогда и не скрывал, и за членство в «команде» К. У. Черненко, продолжавшей вставлять ему палки в колёса.

При этом, затеяв «узбекское дело», сам генсек вынужден был опираться в борьбе с Ш. Р. Рашидовым именно на «ферганскую» группировку, поскольку она всегда соперничала с «самаркандцами». И в этом деле ему очень пригодились именно «птенцы» из гнезда генерал-лейтенанта Е. П. Питовранова, начинавшие с ним работать после войны либо в Узбекистане, либо в ГДР. Речь прежде всего идёт о генерал-лейтенантах Ф. Д. Бобкове и Л. Н. Мелкумове, о генерал-майоре В. А. Головине, который в конце августа 1983 года сменил последнего на посту председателя Узбекского КГБ, и генерал-лейтенанте И. А. Маркелове, который в начале августа того же года сменил генерал-полковника Г. Ф. Григоренко на обоих его постах. При этом последнего, не проявившего «особого рвения по службе», вообще спровадили из КГБ на пост замминистра общего машиностроения СССР, которым тогда был назначен О. Д. Бакланов⁴⁹⁹.

После того как за «бухарское дело» крепко взялись ушлые «питоврановские птенцы», оно быстро переросло в «узбекское», и вскоре Ю. В. Андропов вызвал к себе Ш. Р. Рашидова и ознакомил его с этим делом. После разговора с генсеком, который состоялся в конце августа 1983 года, по свидетельству его помощника А. М. Александрова-Агентова, «Рашидов вышел из его кабинета бледный, как бумага»⁵⁰⁰. А уже в начале сентября «узбекское дело» из республиканского КГБ было передано в Прокуратуру СССР, где им занялся небезызвестный «армянский клан» в составе начальника Управления по надзору за следствием и дознанием в органах внутренних дел Прокуратуры СССР генерал-лейтенанта юстиции Г. П. Каракозова и двух старших следователей по особо важным делам Т. Х. Гдляна и А. И. Карташяна. Именно эти отпетые головорезы в прокурорских мундирах уже после смерти Ш. Р. Рашидова раздуют из «узбекского» «хлопковое дело», которое станет одним из важных инструментов очернения партии и развала всего Советского Союза.

1 сентября 1983 года Ю. В. Андропов провёл заседание Политбюро и уже на следующий день улетел на отдых в Крым, на госдачу в Нижнюю Ореанду⁵⁰¹. Весь сентябрь он отдыхал на море, а затем, по свидетельству М. С. Горбачёва⁵⁰², перебрался на дачу «Дубрава-1», расположенную в горах, которые он любил больше, чем море. Здесь, как пишет тот же М. С. Горбачёв, «настроение у него было прекрасное», но буквально «через два-три дня» пришло известие, что «со здоровьем Юрия Владимировича стало совсем плохо», но «что там произошло и как он простудился — все эти медицинские детали описаны у Чазова». Но дело в том, что у самого Е. И. Чазова «все эти медицинские детали» описаны крайне туманно. По его версии, которую позднее поддержал и генерал-полковник КГБ В. Ф. Грушко⁵⁰³, во время прогулки в лесу «уставший Ю. В. Андропов решил посидеть на гранитной

скамейке в тени деревьев. Как он сам нам сказал позднее, он почувствовал озноб, почувствовал, как промёрз, и попросил, чтобы ему дали тёплую верхнюю одежду. А на второй день у него развилась флегмона». Однако, как верно заметил профессор А. В. Островский, эта ходячая версия не выдерживает никакой критики, поскольку «флегмона — это не следствие простуды, а результат заражения», а значит, она понадобилась Е. И. Чазову «не для объяснения причины ухудшения состояния здоровья Ю. В. Андропова, а для сокрытия причины его заражения»⁵⁰⁴.

Как уверяет Е. И. Чазов, 1 октября вместе с профессором В. Д. Фёдоровым, который был главным хирургом 4-го Главного управления Минздрава СССР, они осмотрели Ю. В. Андропова и приняли решение о его отправке в Москву для «срочного оперативного вмешательства». Здесь в ЦКБ ему была сразу проведена операция «по иссечению гангренозных участков поражённых мышц», которая якобы «прошла успешно». Однако, как пишет сам Е. И. Чазов, силы организма их пациента «были настолько подорваны, что послеоперационная рана не заживала». Таким образом, главный кремлёвский эскулап сам признался, что операция была неудачной, поскольку она не привела к ликвидации источника загноения. В связи с этим заслуживает внимания ещё одно признание Е. И. Чазова о причинах смерти Ю. В. Андропова, прозвучавшее в интервью журналисту «Коммерсантъ Власть» Е. П. Жирнову: «Погиб он нелепо. Я себя ругаю, что не уследил. У него на спине образовался гнойник. И он не заживал. И начался сепсис, заражение крови, от которого он в конце концов и погиб»⁵⁰⁵. Таким образом, Ю. В. Андропов умер не от почечной недостаточности, а от заражения крови. А ведь в своей самой первой книге «Здоровье и власть» академик Е. И. Чазов, отвечая на тот же вопрос, уверял, что причиной его смерти стало именно «прогрессирующее заболевание почек, которое нам удавалось компенсировать более 16 лет». Однако ещё в феврале 1983 года «произошло то, чего мы давно боялись»: в его организме «катастрофически стало нарастать содержание токсичных веществ», и в итоге «ведущие наши специалисты — академик медицины Н. А. Лопаткин, профессор Г. П. Кулаков и другие — вместе с нами приняли решение начать использование искусственной почки». С этой целью в Кунцевской ЦКБ срочно оборудовали «специальную палату и операционную» для проведения гемодиализа, куда «Ю. В. Андропов приезжал дважды в неделю»⁵⁰⁶. Всю эту ситуацию мог бы как-то прояснить лечащий врач генсека Валентин Ефимович Архипов, однако он так и не проронил ни одного слова о причинах гибели Ю. В. Андропова вплоть до своей смерти.

Тем временем 31 октября 1983 года неожиданно ушёл из жизни кандидат в члены Политбюро, Первый секретарь ЦК КП Узбекистана Ш. Р. Рашидов, который четверть века был не только главой ключевой во всём Среднеазиатском регионе союзной республики, но и, бесспорно, фигурой общесоюзного масштаба. Конечно, его внезапная смерть вызвала немало кривотолков. Кто-то говорил, что он покончил жизнь самоубийством, боясь разоблачения своих грязных делишек, кто-то утверждал, что он был застрелен самими чекистами⁵⁰⁷. Но правда была куда прозаичней. Как свидетельствует один из его охранников С. М. Мухаммадкулов, во время традиционной поездки по республике, где завершалась хлопковая страда, вечером 30 октября, около 19.20, после небольшого застолья у родственников в Каракалпакии ему стало плохо. Его тут же отвезли в правительственный вагон и вызвали из Ташкента группу лучших кардиологов республики. Прибыв на место, они сразу диагностировали у него обширный инфаркт и стали тут же проводить все

необходимые процедуры и мероприятия, которые продолжались вплоть до 5 часов утра, когда он и умер, находясь до последнего вздоха в полном сознании⁵⁰⁸.

После пышных похорон Ш. Р. Рашидова сразу встал вопрос о новом лидере республики. Его соратники хотели, чтобы в кресло Первого секретаря вновь сели «самаркандцы» — председатель Совета Министров УзССР Н. Д. Худайбердыев или секретарь ЦК по идеологии А. У. Салимов. Но из Москвы последовал звонок, и новым Первым секретарём ЦК КПУз стал «ферганец» Инамжон Бузрукович Усманходжаев. При этом оставленный им пост главы Президиума Верховного Совета УзССР занял Акил Умурзакович Салимов, а Нармахонмади Джураевич Худайбердыев остался на посту главы республиканского правительства. Кроме того, должность второго секретаря ЦК КПУз сохранил за собой и выдвиженец К. У. Черненко Тимофей Николаевич Осётров, работавший в республике ещё с начала 1970-х годов.

Между тем в середине ноября 1983 года должен был состояться уже давно запланированный Пленум ЦК, посвящённый проблемам научно-технической революции. Выступать на нём должен был сам Ю. В. Андропов, но в начале ноября стало очевидным, что Пленум придётся переносить, ибо из-за прогрессирующей болезни генсек не смог участвовать в торжественном заседании, посвящённом 66-й годовщине Октябрьской революции, а затем и в праздничной демонстрации 7 ноября. Все понимали, что дело очень плохо, но только 17 ноября К. У. Черненко, который стал теперь вести не только Секретариат, но также и Политбюро ЦК, проинформировал своих коллег о состоянии здоровья генсека и о том, что он находится в ЦКБ, куда перенесён его рабочий кабинет⁵⁰⁹. При этом, как пишет М. С. Горбачёв, изредка по поручению К. У. Черненко заседания Секретариата стал проводить и он сам, тогда как Н. А. Тихонов «предпринял попытку взять на себя председательствование на Политбюро, но это не прошло, прежде всего из-за позиции Ю. В. Андропова, который, хотя и находился в тяжёлом состоянии, ясности ума не терял».

Вскоре после этого Е. И. Чазов встретился с К. У. Черненко, Д. Ф. Устиновым и В. М. Чебриковым, которых проинформировал о том, что Ю. В. Андропов обречён и его смерть может произойти «в ближайшее время». Получив эту информацию, К. У. Черненко навестил Ю. В. Андропова в ЦКБ, а академик Е. И. Чазов подготовил специальную записку о состоянии здоровья генсека для заседания Политбюро, которое состоялось 24 ноября 1983 года⁵¹⁰. А уже через неделю на новом заседании Политбюро было принято решение «больше не тянуть с Пленумом» и назначить его на 26 декабря⁵¹¹. Между тем тогда же, в самом начале декабря, М. С. Горбачёв лёг на плановое обследование в ту же Кунцевскую ЦКБ, где, по информации Е. И. Чазова, согласовал с Ю. В. Андроповым ряд важных кадровых решений на предстоящем Пленуме ЦК⁵¹². В частности, речь шла о переводе М. С. Соломенцева и В. И. Воротникова в состав полноправных членов Политбюро, избрании В. М. Чебрикова кандидатом в члены Политбюро, а Е. К. Лигачёва — секретарём ЦК. Окончательно эти кадровые вопросы, как и текст выступления Ю. В. Андропова, были согласованы на Политбюро, которое прошло 22 декабря 1983 года⁵¹³.

Между тем, как уверяет А. И. Вольский, 24 декабря он посетил своего шефа в больнице и согласовал с ним последний вариант текста его выступления для Пленума ЦК. По его словам, сам Ю. В. Андропов внёс в него два дополнения, одно из которых имело принципиальное значение. Звучало оно якобы таким образом: «Товарищи члены ЦК КПСС, по известным вам причинам я не могу принимать в данный период

активное участие в руководстве Политбюро и Секретариатом ЦК КПСС. Считал бы необходимым быть перед вами честным: этот период может затянуться. В связи с этим просил бы Пленум рассмотреть вопрос и поручить ведение Политбюро и Секретариата ЦК товарищу Горбачёву Михаилу Сергеевичу»⁵¹⁴. По окончании этой встречи А. И. Вольский уехал на Старую площадь и передал отредактированный текст заведующему Общим отделом ЦК К. М. Боголюбову для его распечатки и размножения для всех членов и кандидатов в члены ЦК, прибывающих в Москву на Пленум ЦК.

Утром 26 декабря 1983 года Пленум ЦК начал свою работу с традиционных докладов председателя Госплана СССР Н. К. Байбакова и министра финансов СССР В. Ф. Гарбузова, по итогам обсуждения которых приняли Постановление «О проектах Государственного плана экономического и социального развития СССР и Государственного бюджета СССР на 1984 г.»⁵¹⁵ Затем на трибуну Пленума поднялся К. У. Черненко, который зачитал доклад Ю. В. Андропова, где последнего абзаца, о котором постоянно и везде твердил А. И. Вольский, не было. С его же слов, Ю. В. Андропов, узнав об этом, устроил ему страшный нагоняй, а затем

почему-то позвонил Н. И. Рыжкову и спросил его, не приняло ли Политбюро «решение о замене Генерального секретаря». Однако достоверность всей этой информации, исходящей от А. И. Вольского и отчасти от Е. И. Чазова, до сих пор не подтверждена другими участниками тех событий, хотя и не опровергнута ими. И последнее. На этом Пленуме ЦК были приняты кадровые решения, о которых Ю. В. Андропов говорил в начале месяца с самим М. С. Горбачёвым. Новыми полноправными членами Политбюро стали М. С. Соломенцев и В. И. Воротников, кандидатом в члены — В. М. Чебриков, а секретарём ЦК — Е. К. Лигачёв.

Несмотря на резкое ухудшение здоровья, последние полтора месяца своей жизни Ю. В. Андропов продолжал работать в больнице и встречался с рядом членов высшего руководства, сотрудниками аппарата ЦК и близкими к нему людьми. Судя по ряду мемуаров, в январе 1984 года он принимал в больнице К. У. Черненко, Д. Ф. Устинова, Н. И. Рыжкова, А. И. Лукьянова и Г. А. Арбатова, а также говорил по телефону с В. И. Воротниковым⁵¹⁶. Однако уже за неделю до смерти Ю. В. Андропов впал в забытье⁵¹⁷, и в этих условиях вопрос о том, кто сменит его на посту лидера страны, стал приобретать практическое значение. Сам М. С. Горбачёв и Е. И. Чазов, а также многие сотрудники аппарата ЦК утверждают, что Ю. В. Андропов хотел видеть на этом посту М. С. Горбачёва⁵¹⁸. Однако он тогда понимал, что это совершенно нереально, и поэтому, по его же словам, пытался подвигнуть на участие в борьбе за «престол» маршала Д. Ф. Устинова, но тот отклонил столь «лестное» предложение. Есть также информация, что на роль преемника умиравшего генсека претендовал и А. А. Громыко, который, по словам В. М. Фалина, «в ожидании кончины Андропова... нацелился на пост Генерального секретаря»⁵¹⁹. О том же, ссылаясь на разговор с маршалом Д. Ф. Устиновым, писал и сам Е. И. Чазов, который якобы сказал: «Знаешь, Евгений, Генеральным секретарём будет Черненко. Мы встретились вчетвером — я, Тихонов, Громыко и Черненко. Когда началось обсуждение сложившегося положения, я почувствовал, что на это место претендует Громыко, которого мог поддержать Тихонов... Видя такую ситуацию, я предложил кандидатуру Черненко, и все со мной согласились»⁵²⁰. О том, что этот вопрос был решён этой «четвёркой» «в кабинете одного из заместителей заведующего Общим отделом ЦК» и что самолично Д. Ф. Устинов действительно предложил избрать генсеком К. У. Черненко, а Н. А. Тихонов

его поддержал, пишут и другие мемуаристы, в частности М. С. Горбачёв и один из брежневских секретарей О. А. Захаров⁵²¹. При этом М. С. Горбачёв и Е. И. Чазов утверждают, что такая встреча состоялась «сразу же после смерти Андропова», а И. Г. Земцов и А. В. Островский говорят, что всеильная «четвёрка» «распорядилась наследством ещё живого Ю. В. Андропова не позднее 6-го числа»⁵²². Более того, тот же И. Г. Земцов утверждает, что по решению этой группы Ю. В. Андропов был отключён от системы поддержания жизнеобеспечения ещё 7 февраля. Хотя большинство авторов, в том числе сотрудники личной андроповской охраны Б. В. Ключиков и А. В. Коржаков, утверждают, что это произошло только 9 февраля, когда в Кунцевскую ЦКБ «приехали К. У. Черненко, начальник 9-го Управления генерал-лейтенант Ю. С. Плеханов и другие лица»⁵²³. При этом ряд авторов, в частности А. И. Байгушев и Г. Х. Попов, говорят о том, что «Андропова отравили», причём, «возможно, кто-то из врачей», так как «он кому-то сильно мешал и уж слишком вовремя умер»⁵²⁴. Но эта версия сильно пахнет откровенным бредом, ибо не было нужды травить генсека, который уже давно был обречён.

Согласно медицинскому заключению о смерти Ю. В. Андропова, он ушёл из жизни 9 февраля 1984 года в 16 часов 50 минут. А уже в 18 часов было созвано заседание Политбюро ЦК, на котором К. У. Черненко сообщил о его смерти. Сразу после этой информации был решён вопрос о создании Комиссии по организации его похорон, председателем которой стал К. У. Черненко. По свидетельству Д. А. Кунаева, на том же заседании «Тихонов внёс предложение рекомендовать Пленуму ЦК кандидатуру К. У. Черненко на пост генсека», но тогда этот вопрос был отложен до следующего заседания Политбюро⁵²⁵. На 11-14 февраля в стране был объявлен общенациональный траур, а в полдень 14 февраля на Красной площади Москвы прошла траурная церемония похорон, после которой Ю. В. Андропов точно так же, как Л. И. Брежнев и М. А. Суслов, был упокоен у Кремлёвской стены за Мавзолеем В. И. Ленина. А после похорон в Ново-Огарёво состоялись поминки, на которых, как вспоминал А. Е. Бовин, помимо всей семьи, были «Крючков и кто-то из замов», помощники генсека «Лаптев, Шарапов и Вольский», ряд сотрудников цеховского аппарата, а именно «Рахманин, Лигачёв, Кручина, Владимиров и мы с Арбатовым», а также «Чебриков — за тамаду»⁵²⁶. Т. е. ни одного члена Политбюро, в том числе «подлеска» М. С. Горбачёва.

Надо сказать, что в историографии существуют противоположные оценки деяний Ю. В. Андропова на посту лидера страны. Часть либералов, например тот же А. С. Черняев, именуют его твердолобым партийным консерватором и фундаменталистом, который, искусно прикрываясь «либеральной фразой», по своей внутренней сути был ортодоксальным марксистом и собирался провести лишь «косметический ремонт одряхлевшей советской системы», совершенно не затрагивая её социалистического базиса и коммунистической тоталитарной надстройки⁵²⁷. Другие либералы, многие из которых входили в ближний круг генсека, например те же Г. А. Арбатов и Ф. М. Бурлацкий, всячески уверяют, что Ю. В. Андропов был настоящим «либерал-реформатором», который, опираясь на китайский опыт реформ Дэн Сяопина, собирался сначала провести рыночные экономические реформы, а затем с тех же либеральных позиций преобразовать однопартийный политический режим в стране⁵²⁸. Аналогичных оценок, но, конечно же, с остро критических позиций придерживаются их многие идейные оппоненты, например И. Я. Фроянов и С. Г. Кара-Мурза, которые прямо говорят о том, что именно Ю. В. Андропов стал

крёстным отцом горбачёвской перестройки, которая привела к гибели и советский общественный строй, и сам Советский Союз⁵²⁹.

⁴³² Соловьёв В.И., Клёпикова Е.К. Заговорщики в Кремле. М., 1991; Соловьёв В.И., Клёпикова Е.К. Юрий Андропов: тайный ход в Кремль. СПб., 1995.

⁴³³ Чазов Е.И. Здоровье и власть. М., 1992; Арбатов Г.А. Затянувшееся выздоровление. М., 1991; Волкогонов Д.А. Семь вождей. Кн. II. М., 1998.

⁴³⁴ Бурлацкий Ф.М. Вожди и советники. М., 1990; Арбатов Г.А. Затянувшееся выздоровление. М., 1991; Арбатов Г.А. Человек системы. М., 2000; Богомолов О.Т. Моя летопись переходного времени. М., 2000; Шахназаров Г.Х. С вождями и без них. М., 2001.

⁴³⁵ Бурлацкий Ф.М. Вожди и советники. М., 1990. Бурлацкий Ф. М. Потаённый Андропов // Известия. 15.06.2004.

⁴³⁶ Островский А.В. Солженицын: прощание с мифом. М., 2004; Черняев А.С. Хочу сказать правду // Еврейское слово. 2005. № 18 (241); Млечин Л.М. Юрий Андропов. Последняя надежда режима. М., 2008.

⁴³⁷ Островский А.В. Кто поставил Горбачёва? М., 2010.

⁴³⁸ Бурлацкий Ф.М. Потаённый Андропов // Известия. 15.06.2004; Черняев А.С. Хочу сказать правду // Еврейское слово. 2005. № 18 (241).

⁴³⁹ Зенькович Н.А. Самые закрытые люди. М., 2004.

⁴⁴⁰ Синицин И.Е. Андропов вблизи. М., 2015.

⁴⁴¹ Калашников М.А., Кугушев С.В. Третий проект. Погружение. М., 2005.

⁴⁴² Черняев А.С. Совместный исход. М., 2010; Островский А.В. Кто поставил Горбачёва? М., 2010.

⁴⁴³ Черняев А.С. Совместный исход. М., 2010; Лигачёв Е.К. Предостережение. М., 1999; Замятин Л. М. Земля была малая, но гонорары очень большие // Коммерсантъ Власть. 2000. № 12; Медведев В.А. В команде Горбачёва. Взгляд изнутри. М., 1994.

⁴⁴⁴ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 609-623; Рыжков Н.И. Перестройка: история предательств. М., 1992.

⁴⁴⁵ Горбачёв М.С. Жизнь и реформы. Кн. 1. М., 1995; Стукалин Б.И. Годы, дороги, лица... М., 2002; Млечин Л.М. Юрий Андропов. Последняя надежда режима. М., 2008.

⁴⁴⁶ Прибытков В.В. Аппарат. 390 дней и вся жизнь Генсека Черненко. М., 2002.

⁴⁴⁷ Яковлев А. Н. Омут памяти. М., 2001.

⁴⁴⁸ Арбатов Г.А. Затянувшееся выздоровление. М., 1991; Арбатов Г.А. Моя эпоха в лицах и событиях. М., 2008.

⁴⁴⁹ Черняев А.С. Совместный исход. М., 2010.

⁴⁵⁰ Островский А.В. Кто поставил Горбачёва? М., 2010.

⁴⁵¹ Рыжков Н. И. Перестройка: история предательств. М., 1992; Горбачёв М.С. Жизнь и реформы. Кн. 1. М., 1995; Лукьянов А.И. В водовороте российской смуты. М., 1999; Островский А.В. Кто поставил Горбачёва? М., 2010.

⁴⁵² Корягина Т. И. Мы стали свидетелями антиперестройки // Литературная Россия. 10.01.1992; Бобков Ф.Д. Интервью И.М. Ильинскому // Мир — это война. М., 2007.

⁴⁵³ Рыжков Н.И. Перестройка: история предательств. М., 1992.

⁴⁵⁴ Островский А.В. Кто поставил Горбачёва? М., 2010.

- ⁴⁵⁵ Рыжков Н.И. Перестройка: история предательств. М., 1992.
- ⁴⁵⁶ Абалкин Л.И. На перепутье. Размышления о судьбах России. М., 1993; Корягина Т.И. Политику они превратили в фарс // Политика. 1991. № 8; Вольский А.И. Человек со знаком качества // Спецназ России. 2006. № 9; Бронштейн М.Л. На рубеже эпох. Таллин, 2002.
- ⁴⁵⁷ Мэтлок Д. Смерть империи. М., 2003.
- ⁴⁵⁸ Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти, 1945-1991. М., 1998.
- ⁴⁵⁹ Гдлян Т.Х., Додолев Е.Ю. Мафия времён беззакония. М., 1991.
- ⁴⁶⁰ Корниенко Г.М. Холодная война: свидетельство её участника. М., 1995.
- ⁴⁶¹ Арбатов Г.А. Человек системы: наблюдения и размышления очевидца её распада. М., 2002.
- ⁴⁶² Печенев В.А. Горбачёв. К вершинам власти. М., 1991; Абалкин Л.И. На перепутье. Размышления о судьбах России. М., 1993; Трушков В.В. Ричард Косолапов — и этим всё сказано // Правда. № 31 (30963). 26.03.2020.
- ⁴⁶³ Черняев А.С. Совместный исход. М., 2010; Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти, 1945-1991. М., 1998; Шубин А.В. Золотая осень, или Период застоя. СССР в 1975-1985 гг. М., 2008.
- ⁴⁶⁴ Фроянов И. Я. Погружение в бездну. М., 1999. Вдовин А.И., Барсенков А.С. История России. 1917-2004. М., 2005; Островский А.В. Кто поставил Горбачёва? М., 2010.
- ⁴⁶⁵ Вольский А.И. Человек со знаком качества // Спецназ России. 2006. № 9.
- ⁴⁶⁶ Воспоминания А. Вольского "Четыре генсека" // Коммерсантъ. 2006. № 169.
- ⁴⁶⁷ Цурканов Г.А. Последние откровения бывшего главы КГБ В. М. Чебрикова // Courier.RU. 06.01.2001; Бондаренко А.В. Генсек из КГБ. Интервью с Ф.Д. Бобковым и В.В. Шараповым // Красная звезда. 12.11.2002. Синицин И.Е. Андропов вблизи. М., 2015; Сидоренко А.Г. Таким мы знаем Ю. В. Андропова // Команда Андропова. М., 2005.
- ⁴⁶⁸ Шахназаров Г. Х. С вождями и без них. М., 2001.
- ⁴⁶⁹ Бобков Ф.Д. КГБ и власть. М., 1995.
- ⁴⁷⁰ Кугушев В.С. Лонжюмо имени Андропова // Стрингер. 12.02.2002; Островский А.В. Кто поставил Горбачёва? М., 2010. Смирнов И.И. Тропы истории. Криптоаналитика глубинной власти. М., 2020.
- ⁴⁷¹ Гвишиани Д.М. Мосты в будущее. М., 2004; Смирнов И.И. Тропы истории. Криптоаналитика глубинной власти. М., 2020.
- ⁴⁷² Млечин Л.М. Примаков. М., 2015; Смирнов И.И. Тропы истории. Криптоаналитика глубинной власти. М., 2020.
- ⁴⁷³ Жирнов Е. П. Чекист из Фирмы // Коммерсантъ Власть. 2004. № 14; Жирнов Е.П. Бывших офицеров СС вербовали и до меня // Коммерсантъ Власть. 2004. № 15; Жирнов Е.П. Смерть отдела "П" // Коммерсантъ Власть. 2004. № 16; Бутаков Я. А. Евгений Питовранов: самый таинственный босс советской разведки // Русская семёрка. 12.08.2018; Смирнов И. И. Тропы истории. Криптоаналитика глубинной власти. М., 2020.
- ⁴⁷⁴ Гайдар Е.Т. Дни поражений и побед. М., 1996.
- ⁴⁷⁵ Островский А.В. Кто поставил Горбачёва? М., 2010.
- ⁴⁷⁶ Гайдар Е.Т. Дни поражений и побед. М., 1996.
- ⁴⁷⁷ Плеханов Ю.С. Что же будет дальше? М., 2006.

- ⁴⁷⁸ Лигачёв Е.К. Предостережение. М., 1999.
- ⁴⁷⁹ Горбачёв М.С. Жизнь и реформы. Кн. 1. М., 1995; Яковлев А.Н. Омут памяти. М., 2001.
- ⁴⁸⁰ Соломенцев М.С. Зачистка в Политбюро. М., 2011.
- ⁴⁸¹ РГАНИ Ф. 2. Оп. 3. Д. 624-644.
- ⁴⁸² Горбачёв М.С. Жизнь и реформы. Кн. 1. М., 1995; Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти, 1945-1991. М., 1998.
- ⁴⁸³ Прибытков В.В. Аппарат. 390 дней и вся жизнь Генсека Черненко. М., 2002; Прибытков В.В. Черненко. М., 2009.
- ⁴⁸⁴ ГАРФ. Ф. 1546. Оп. 142. 1983 г. Д. 6.
- ⁴⁸⁵ Собрание постановлений Правительства СССР № 21, 1983 год. М., 1983.
- ⁴⁸⁶ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 145. Д. 1.
- ⁴⁸⁷ Сироткин В.Г. Кто разворовал Россию? М., 2003; Валовой Д.В. Экономика абсурдов и парадоксов. Очерки-размышления. М., 1991.
- ⁴⁸⁸ Чазов Е.И. Здоровье и власть. М., 1992; Прибытков В.В. Черненко. М., 2009. Между тем в одном из своих интервью В. В. Федорчук заявил, летом 1983 года он находился в Москве, и рыбу семье Черненко принёс не он, а его зять, причём не в копчёном, а в натуральном, сыром виде (Федорчук В.В. Я никогда не стыдился своей службы в КГБ // Зеркало недели. Киев, 2001. № 36).
- ⁴⁸⁹ Чазов Е.И. Здоровье и власть. М., 1992.
- ⁴⁹⁰ Медведев В.А. В команде Горбачёва. Взгляд изнутри. М., 1994.
- ⁴⁹¹ Медведев В.А. В команде Горбачёва. Взгляд изнутри. М., 1994; Горбачёв М. С. Жизнь и реформы. Кн. 1. М., 1995.
- ⁴⁹² Гдлян Т.Х., Додолев Е. Ю. Мафия времён беззакония. М., 1991; Гдлян Т.Х., Иванов Н. В. Кремлёвское дело. Ростов н/Д., 1994.
- ⁴⁹³ Раззаков Ф.И. Коррупция в Политбюро: Дело "красного узбека". М., 2009; Раззаков Ф.И. Спасти Рашидова! Андропов против СССР. КГБ играет в футбол. М., 2019.
- ⁴⁹⁴ Лигачёв Е.К. Предостережение. М., 1999.
- ⁴⁹⁵ Смирнов В.И. У каждого своя особая дорога. Тверь, 2007; Леонов Н.С. Лихолетье. М., 1994.
- ⁴⁹⁶ Леонов Н.С. Лихолетье. М., 1994.
- ⁴⁹⁷ Нордман Э.Б. Штрихи к портретам: генерал КГБ рассказывает. М., 2004.
- ⁴⁹⁸ Раззаков Ф.И. Коррупция в Политбюро: Дело "красного узбека". М., 2009; Раззаков Ф.И. Спасти Рашидова! Андропов против СССР. КГБ играет в футбол. М., 2019.
- ⁴⁹⁹ Раззаков Ф.И. Коррупция в Политбюро: Дело "красного узбека". М., 2009.
- ⁵⁰⁰ Александров-Агентов А.М. От Коллонтай до Горбачёва. М., 1994.
- ⁵⁰¹ Чазов Е.И. Здоровье и власть. М., 1992; Воротников В.И. А было это так... М., 1995; Бовин А.Е. XX век как жизнь. М., 2003.
- ⁵⁰² Горбачёв М.С. Жизнь и реформы. Кн. 1. М., 1995.
- ⁵⁰³ Чазов Е.И. Здоровье и власть. М., 1992; Грушко В. Ф. Судьба разведчика. М., 1997.
- ⁵⁰⁴ Островский А.В. Кто поставил Горбачёва? М., 2010.
- ⁵⁰⁵ Жирнов Е.П. "Человек с душком". Штрихи к портрету Юрия Андропова // Коммерсантъ Власть. 2001. № 15.
- ⁵⁰⁶ Чазов Е.И. Здоровье и власть. М., 1992.

- ⁵⁰⁷ Зенькович Н.А. Самые закрытые люди. М., 2004.
- ⁵⁰⁸ Раззаков Ф.И. Коррупция в Политбюро: Дело "красного узбека". М., 2009.
- ⁵⁰⁹ Горбачёв М.С. Жизнь и реформы. Кн. 1. М., 1995; Воротников В.И. А было это так... М., 1995.
- ⁵¹⁰ РГАНИ. Ф. 89. Оп. 42. Д. 55. Л. 1-2.
- ⁵¹¹ Черняев А.С. Совместный исход. М., 2010.
- ⁵¹² Чазов Е.И. Рок. М., 2001.
- ⁵¹³ Семанов С.Н. Андропов. 7 тайн генсека с Лубянки. М., 2001; Островский А.В. Кто поставил Горбачёва? М., 2010.
- ⁵¹⁴ Вольский А.И. Смотреть открытыми глазами // Неделя. 1990. №. 36. Вольский А.И. Интервью. Человек со знаком качества // Спецназ России. 2006. № 9. Воспоминания А. И. Вольского "Четыре генсека" // Коммерсантъ. 2006. № 169.
- ⁵¹⁵ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 645-661.
- ⁵¹⁶ Арбатов Г.А. Затянувшееся выздоровление. М., 1991; Рыжков Н.И. Перестройка: история предательств. М., 1992; Воротников В.И. А было это так... М., 1995; Волкогонов Д.А. Семь вождей. Кн. II. М., 1998; Островский А.В. Кто поставил Горбачёва? М., 2010.
- ⁵¹⁷ Чазов Е.И. Здоровье и власть. М., 1992; Андропов И. Ю. Отец не собирался так рано уходить // Комсомольская правда. 17-20.06.1994.
- ⁵¹⁸ Горбачёв М.С. Жизнь и реформы. Кн. 1. М., 1995; Чазов Е.И. Здоровье и власть. М., 1992; Меньшиков С.М. О времени и о себе. М., 2007; Черняев А.С. Совместный исход. М., 2010.
- ⁵¹⁹ Фалин В.М. Без скидок на обстоятельства. М., 1999.
- ⁵²⁰ Чазов Е.И. Здоровье и власть. М., 1992.
- ⁵²¹ Горбачёв М.С. Жизнь и реформы. Кн. 1. М., 1995; Захаров О.А. Записки секретаря трёх генсеков // Гласность. 1993. № 2. С большой долей вероятности можно предположить, что эта встреча проходила в кабинете первого заместителя заведующего Общим отделом ЦК А. И. Лукьянова.
- ⁵²² Земцов И.Г. Черненко: Советский Союз в канун перестройки. Лондон, 1989; Земцов И.Г. Крах эпохи. Кн. 1. М., 1999; Островский А.В. Кто поставил Горбачёва? М., 2010.
- ⁵²³ Островский А.В. Кто поставил Горбачёва? М., 2010.
- ⁵²⁴ Макаров Д.А. Кто отравил Юрия Андропова? // Аргументы и факты. 1999. № 25; Байгушев А.И. Русский орден внутри КПСС. М., 2006.
- ⁵²⁵ Кунаев Д.А. От Сталина до Горбачёва. Алма-Ата, 1994.
- ⁵²⁶ Бовин А.Е. XX век как жизнь. М., 2003.
- ⁵²⁷ Черняев А.С. Совместный исход. М., 2010.
- ⁵²⁸ Арбатов Г.А. Затянувшееся выздоровление. М., 1991; Бурлацкий Ф. М. Реформы и реформаторы. М., 2008.
- ⁵²⁹ Фроянов И.Я. Погружение в бездну. М., 1999; Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация: от Великой Победы до наших дней. М., 2002.

7. Калиф на час № 2: К.У. Черненко у власти в 1984-1985 годах.

Эпоха Ю. В. Андропова закончилась так же внезапно, как, собственно, и началась. Его величество случай, неподвластный придворному интриганству — здоровье престарелого лидера, — опять вмешался в историю. Ю. В. Андропову так и не удалось довести до логического конца все свои кадровые начинания, что делало шансы его команды «младореформаторов» в борьбе за власть мизерными по сравнению с позициями «старой гвардии».

Как известно, за день до похорон Ю. В. Андропова, 13 февраля 1984 года, состоялся внеочередной Пленум ЦК, где официально был решён вопрос о его преемнике. Передавая настроения, царившие на этом Пленуме, А. С. Черняев написал, что все с нетерпением ждали появления членов Политбюро и «ровно в 11 в проёме двери показалась голова Черненко. За ним — Тихонов, Громыко, Устинов, Горбачёв и другие», и «зал отреагировал молчанием», поскольку всем стало ясно, кто станет новым Генеральным секретарём⁵³⁰. И действительно, «чуда не произошло», и новым генсеком, как подтверждает Д. А. Кунаев, «при всеобщем гробовом молчании» был избран К. У. Черненко⁵³¹. Предложение по его кандидатуре внёс председатель Совета Министров СССР Н. А. Тихонов, и все члены ЦК единогласно поддержали Постановление Пленума «О Генеральном секретаре ЦК КПСС»⁵³². Но при этом пост главы Президиума Верховного Совета СССР, как и в прошлый раз, пока остался вакантным, и в очередной раз главой советского государства на переходный период оказался В. В. Кузнецов, так как на тот момент К. У. Черненко не хватило всего пару месяцев до полугодового пребывания в составе Президиума ВС СССР.

Для многих было очевидно, что сам К. У. Черненко, который вовсе не рвался на этот пост, стал компромиссной фигурой на переходный период, но именно это обстоятельство резко подстегнуло очередной виток борьбы за власть внутри Политбюро. Особенно с учётом того обстоятельства, что очередной генсек, давно страдавший астмой и эмфиземой лёгких, был действительно серьёзно болен и уже с трудом исполнял свои новые, значительно возросшие обязанности. Неспроста супруга нового генсека Анна Дмитриевна Черненко, узнав об избрании мужа генсеком, расплакалась и в сердцах сказала ему: «Костя, что же ты наделал, как ты мог согласиться на это?»⁵³³. Однако «Костя», движимый партийным долгом и дисциплиной, иначе поступить не мог, поскольку к высшей власти рвался М. С. Горбачёв.

По оценкам многих историков и мемуаристов, на тот момент в Политбюро возникли три группировки. Костяк одной из них состоял из представителей так называемого «брежневского клана», куда входили 6 старейших членов высшего руководства страны: К. У. Черненко, Н. А. Тихонов, Д. Ф. Устинов, А. А. Громыко, В. В. Щербицкий и Д. А. Кунаев, — которые имели прочные позиции в партийном аппарате, во многих госструктурах и военно-промышленном комплексе страны. Второй — «андроповский клан» — состоял из «младореформаторов», где первую скрипку играли сам М. С. Горбачёв и его команда в составе В. И. Воротникова, В. М. Чебрикова, Н. И. Рыжкова, Е. К. Лигачёва и Э. А. Шеварднадзе. Наконец, третий «клан», ставший своеобразным буфером, был представлен фигурами Г. А. Алиева, Г.

В. Романова, М. С. Соломенцева, В. В. Гришина, В. И. Долгих, П. Н. Демичева, Б. Н. Пономарёва, И. В. Капитонова, М. В. Зимянина и К. В. Русакова. При этом внутри этого «клана» существовало две группировки: большинство составляли так называемое «болото», готовое поддержать любую победившую группировку, а ряд крупных партийных и государственных деятелей, в частности Г. А. Алиев, Г. В. Романов, В. В. Гришин и В. И. Долгих, при определённом раскладе сил были готовы сами побороться за высшую власть в стране.

Между тем 23 февраля состоялось очередное заседание Политбюро ЦК, на котором был рассмотрен вопрос о новом распределении обязанностей между его членами. Как утверждают многие мемуаристы, в самом начале его заседания К. У. Черненко предложил поручить ведение Секретариата ЦК М. С. Горбачёву. Однако против этого сразу и крайне резко выступил Н. А. Тихонов, заявивший, что тот превратит заседания Секретариата «в коллегию Минсельхоза и будет вытаскивать лишь аграрные вопросы». На сторону генсека тут же и довольно твёрдо встал маршал Д. Ф. Устинов, но позицию главы правительства сразу же поддержал Г. В. Романов и, по заверению М. С. Горбачёва и В. А. Печенева, глава Московского горкома В. В. Гришин⁵³⁴. В итоге возникла патовая ситуация, которую «дипломатично» разрулил А. А. Громыко, предложивший «временно поручить» М. С. Горбачёву ведение Секретариата ЦК, но без фиксации данного решения в официальных документах, «а там посмотрим». На том и порешили, однако «больше к этому вопросу не возвращались». Хотя де-факто весь период правления К. У. Черненко именно М. С. Горбачёв вёл заседания Секретариата, а в последнее время — и Политбюро ЦК. Но официальное решение о наделении его функциями второго секретаря ЦК так никогда и не было принято.

11 апреля 1984 года состоялась сессия Верховного Совета СССР, на которой К. У. Черненко был избран председателем Президиума Верховного Совета СССР, т. е. юридическим главой советского государства, а М. С. Горбачёв стал главой Комиссии Верховного Совета по иностранным делам. А спустя всего пару недель в аппарате ЦК прошло совещание Программной комиссии ЦК, где было решено продолжить работу по пересмотру Третьей программы партии. В связи с этим обстоятельством Б. Н. Пономарёв был отставлен от обязанностей главы этой комиссии, и руководство ею было возложено на Секретариат ЦК, а фактически на М. С. Горбачёва. Это обстоятельство не только усилило его аппаратный вес, так как отныне он стал курировать идеологию, но и создало новые проблемы. Как утверждает А. С. Грачёв, недруги М. С. Горбачёва вскоре перешли в атаку, которую «при явном поощрении генсека» возглавил глава правительства Н. А. Тихонов, «в кильватере которого тогда следовали В. В. Гришин, Г. В. Романов, В. И. Долгих и М. В. Зимянин». Однако этот «первый антигорбачёвский "мини-путч" подавил своим авторитетом Д. Ф. Устинов», который убедил генсека не выносить данный вопрос на заседание Политбюро ЦК⁵³⁵.

Надо сказать, что целый ряд авторов (И. Г. Земцов, Р. Г. Пихоя, Л. М. Млечин⁵³⁶) привычно утверждают, что приход К. У. Черненко к власти чуть ли не сразу обернулся отказом от всех новаций умершего генсека и возвращением к худшим брежневским традициям. Начатая им борьба за укрепление государственной и производственной дисциплины была фактически свёрнута, а нити множества коррупционных дел оборваны на уровне среднего управленческого звена. Зато в это время в центре внимания оказалась дискуссия о новой редакции Третьей программы и стадии развития советского общества, которую отныне было решено именовать не

«развитым», а «развивающимся» социализмом. Однако нам представляется, что эта оценка не вполне корректна, поскольку, например, сам К. У. Черненко даже после личного послания генерала Н. А. Щёлокова так и не отдал отмашку на прекращение «милицейского дела» и санкционировал арест его старого товарища, который не состоялся только из-за самоубийства бывшего министра внутренних дел, случившегося 13 декабря 1984 года в его московской квартире на Кутузовском проспекте, о чём более подробно можно прочесть в работах С. А. Кредова, М. А. Брежнева, И. Н. Щёлокова и других авторов⁵³⁷. Более того, по мнению А. В. Шубина, при К. У. Черненко политика, начатая во времена его предшественника, не была прекращена, а по мнению В. А. Медведева, она и вовсе стала «эмбриональным периодом» самой перестройки⁵³⁸.

И действительно, ещё в феврале — апреле на постоянной основе шли рабочие заседания временной Комиссии Политбюро в составе Н. А. Тихонова, Г. А. Алиева, М. С. Горбачёва, Г. В. Романова и Н. И. Рыжкова, которой было дано поручение рассмотреть до ноября «все предложения по совершенствованию управления народным хозяйством страны»⁵³⁹. А уже 26 апреля 1984 года на Политбюро были одобрены «Основные направления совершенствования управления народным хозяйством» и образована уже постоянно действующая «Комиссия Политбюро ЦК по совершенствованию управления в составе: тт. Тихонова — председатель, Горбачёва, Алиева, Романова, Долгих, Капитонова и Рыжкова». По свидетельству Е. Т. Гайдара, «её формальным руководителем был ветхий председатель Совета Министров Тихонов, но реальным мотором — динамичный, имевший в то время репутацию одного из наиболее энергичных лидеров хозяйственной номенклатуры Николай Рыжков»⁵⁴⁰. На первом же заседании этой Комиссии, состоявшемся уже 15 мая, было принято решение о создании двух органов: Рабочей группы и Научной секции, которую возглавил академик Д. М. Гвишиани, где конкретную работу уже вели ряд сотрудников его ВНИИСИ — Б. З. Мильнер, С. С. Шаталин и Е. Т. Гайдар.

Между тем, по свидетельству ряда мемуаристов, после майских праздников К. У. Черненко слёг на больничную койку из-за обострившейся астмы, однако на «хозяйстве» он никого не оставил, не желая конфликтовать с Н. А. Тихоновым. Правда, вскоре он вышел на работу и уже 20 и 22 мая дважды встретился с вице-канцлером и министром иностранных дел ФРГ Г.-Д. Геншером, а 21 мая принимал В. И. Воротникова. Затем 7 июня, после заседания Политбюро, в своём рабочем кабинете он принял 94-летнего Вячеслава Михайловича Молотова, который ещё 14 мая направил на имя генсека очередное заявление о своём восстановлении в партии. В самом начале этой встречи К. У. Черненко сообщил ближайшему сталинскому соратнику о том, что его просьба о восстановлении в рядах партии, членом которой он был с лета 1906 года, удовлетворена, и сразу после разговора с генсеком В. М. Молотов поехал в МГК, где сам В. В. Гришин вручил ему новенький партийный билет. А 12 июля, перед своим отпуском, на заседании Политбюро К. У. Черненко сообщил коллегам о прошедшей встрече и заявил, что аналогичные заявления на его имя прислали Л. М. Каганович и Г. М. Маленков, которые, как и В. М. Молотов, были исключены из партии по решению XXII съезда в октябре 1961 года. На этом заседании целый ряд его участников — сам К. У. Черненко, Д. Ф. Устинов, Н. А. Тихонов, А. А. Громыко, Г. В. Романов и М. С. Горбачёв — высказались за восстановление их в партии. При этом маршал Д. Ф. Устинов, мотивируя это предложение, справедливо заявил, что «если бы не Хрущёв, то решение об

исключении этих людей из партии принято не было бы. Вообще не было бы тех вопиющих безобразий, которые допустил Хрущёв по отношению к Сталину... ни один враг не принёс столько бед нашей стране, сколько принёс нам Хрущёв своей политикой в отношении прошлого нашей партии и государства, а также в отношении Сталина»⁵⁴¹. Однако, несмотря на столь единодушную поддержку генсека, принятие решения по двум другим сталинским соратникам было отложено, поскольку председатель КГБ В. М. Чебриков «попросил дать нам некоторое время, чтобы подготовить справку о резолюциях», которые они писали на «списках репрессированных». При этом пятеро других участников заседания, в частности В. И. Воротников, Г. А. Алиев, В. В. Кузнецов, Н. И. Рыжков и Е. К. Лигачёв, отмолчались и не стали принимать участия в этой дискуссии.

15 июля К. У. Черненко улетел в отпуск, а через четыре дня, как явствует из дневника В. И. Воротникова, М. С. Горбачёв, который уже остался на «хозяйстве», «впервые вёл заседание Политбюро»⁵⁴². При этом, как свидетельствуют А. Д. Черненко и В. А. Печенев, по совету М. С. Горбачёва и Е. И. Чазова генсек, который всегда проводил отпуск в Крыму, на сей раз отправился отдыхать на Ставрополье, на высокогорную госдачу «Сосновый бор», что самым пагубным образом отразилось на его здоровье, поскольку он давно страдал эмфиземой лёгких и испытывал нехватку кислорода даже в привычном ему климате⁵⁴³.

Ситуация обострилась настолько, что К. У. Черненко вскоре потерял всякую способность передвигаться даже по самой даче и ему понадобилась «каталка». И только после этого, как уверяет В. В. Прибытков, из Москвы срочно прибыли Е. И. Чазов и А. Г. Чучалин, которые, осмотрев больного, приняли решение везти его в Москву. Разные авторы называют разные даты его возвращения, но в любом случае это была первая декада августа 1984 года. Уже в Москве кремлёвские эскулапы диагностировали у него запущенную двустороннюю пневмонию, от которой генсек лечился до начала сентября, когда всё же вышел на работу в приличном состоянии.

Между тем в том же сентябре, как считают ряд мемуаристов и историков, серьёзно пошатнулись позиции Г. В. Романова, который как новый секретарь ЦК курировал не только Оборонный отдел, но и Отделы административных органов и машиностроения⁵⁴⁴. Сам Г. В. Романов в одном из своих немногочисленных интервью рассказал: «Когда Андропов пришёл, он мне прямо сказал: "Ты мне нужен в Москве. Устинов дрова ломает, много денег тратит на оборонку, нам уже не хватает"»⁵⁴⁵. Вероятнее всего, именно в этом признании и кроется причина конфликта маршала Д. Ф. Устинова не только с самим Г. В. Романовым, но и с маршалом Н. В. Огарковым, который уже давно и очень настойчиво ратовал «за разумные военные расходы»⁵⁴⁶. По мере того как всё больше разрастался конфликт двух маршалов, отношения Г. В. Романова с Н. В. Огарковым, напротив, только укреплялись. Однако 5 сентября 1984 года, когда «оборонный секретарь» во главе советской делегации отправился на Учредительный съезд Эфиопской рабочей партии, начальник Генерального штаба был снят со своей должности и назначен главкомом войск Западного направления, штаб которых находился в польской Легнице. Его сменщиком на посту начальника Генерального штаба стал его первый заместитель маршал С. Ф. Ахромеев, который уже не имел «дурной привычки» перечить всесильному министру обороны и, по словам его давнего помощника генерал-полковника И. В. Илларионова, был «одним из тайных советников Устинова»⁵⁴⁷.

Тем временем в конце октября состоялся очередной Пленум ЦК, в центре внимания которого оказался доклад председателя правительства Н. А. Тихонова «О долговременной программе мелиорации»⁵⁴⁸. Но главное состояло в другом: на Пленуме с довольно большой речью выступил сам К. У. Черненко, который, по словам его помощника В. В. Прибыткова, «заметно посвежел и окреп» и был «охвачен иллюзией выздоровления»⁵⁴⁹. А сразу после окончания Пленума генсек направил в Политбюро записку, посвящённую вопросам подготовки XXVII съезда партии, которая получила «единодушное одобрение». Смысл этой записки состоял в том, что новый партийный съезд надо провести на полгода раньше — не в феврале — марте 1986 года, а в октябре — ноябре 1985 года с тем, чтобы уже с 1 января начать реализацию плана XII-й пятилетки. Но это была лишь видимая часть данной записки. А скрытый её смысл, а вернее смысл всей этой интриги, рождённой в головах помощников генсека В. А. Печенева и В. В. Прибыткова и главного редактора журнала «Коммунист» Р. И. Косолапова, ставшего главным идеологом нового «царствования», состоял в следующем: поскольку их патрон был неизлечимо болен и его уход из жизни не сулил им дальнейшего карьерного роста и был чреват приходом к власти «прозападного крыла» в руководстве страны, они решили приблизить на год раньше созыв партийного съезда, чтобы успеть «перетряхнуть» ЦК, заполучить посты в Секретариате и Политбюро и убрать из власти всю «команду младореформаторов» во главе с М. С. Горбачёвым⁵⁵⁰.

Существование такого плана подтверждал и сам М. С. Горбачёв, который зримо это почувствовал в том же октябре, когда была предпринята попытка срыва Всесоюзной научно-практической конференции «Совершенствование развитого социализма и идеологическая работа партии в свете решений Июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС», которая готовилась его командой в составе А. Н. Яковлева, В. А. Медведева, Н. Б. Биккенина и В. И. Болдина⁵⁵¹. Особенно, как явствует из мемуаров самого М. С. Горбачёва, был «недоволен и капризничал» М. В. Зимянин, который после смерти М. А. Суслова продолжал ещё числиться главным идеологом партии. Однако тогда М. С. Горбачёв решил не идти на обострение и 29 октября улетел в отпуск в Пицунду. А 15 ноября состоялось расширенное с приглашением всех первых секретарей ЦК Компартий союзных республик заседание Политбюро, на котором был утверждён план развития народного хозяйства на 1985 год. По сложившейся традиции затем его должен был рассмотреть Пленум ЦК, а потом утвердить Верховный Совет. Во вторник 26 ноября сессия Верховного Совета действительно открылась, но традиционный предновогодний Пленум ЦК так и не был созван.

В конце ноября М. С. Горбачёв вернулся из отпуска и вновь погрузился в подготовку конференции, которой он сам придавал огромное значение, ибо она должна была утвердить его в статусе главного партийного идеолога. Однако буквально за день до её начала она оказалась на грани срыва. И в этой ситуации возмущённый М. С. Горбачёв лично позвонил К. У. Черненко и в «резкой форме выразил протест» генсеку, что вынудило того дать согласие на её проведение, «не делая из конференции большого шума»⁵⁵². Одновременно, по свидетельству Е. К. Лигачёва и А. С. Грачёва, К. У. Черненко сам «предложил Михаилу Сергеевичу пост секретаря по идеологии» и «дал наконец добро на переезд Горбачёва в кабинет бывшего главного идеолога партии» М. А. Суслова на 5 этаж, где был кабинет самого генсека⁵⁵³.

А сразу после конференции, 15 декабря 1984 года, М. С. Горбачёв во главе парламентской делегации, в состав которой вошли А. Н. Яковлев, Е. П. Велихов и Л. М. Замятин, прибыл с официальным визитом в Лондон. На страницах этой книги мы, увы, не можем подробно остановиться на подготовке и ходе данного визита, поэтому всех желающих погрузиться в его тайны отсылаем к блестящей работе профессора А. В. Островского «Кто поставил Горбачёва?». Здесь же мы только упомянем то, что в подготовке этого визита и установлении неформальных контактов с ближайшим окружением М. Тэтчер, в том числе В. Ротшильдом и Дж. Брауном, а через них и с крупнейшими банками «Морган Стенли и К⁰», «Ситикорп» и «Барклейс ПЛК», большую роль сыграло руководство ПГУ КГБ СССР в лице генерал-полковника В. А. Крюкова и генерал-майоров В. Ф. Грушко и Н. П. Грибина⁵⁵⁴. Более того, в последнее время в развитие ряда сенсационных открытий А. В. Островского вложили свою лепту и другие авторы, в частности Ф. И. Раззаков и И. И. Смирнов. В своих книгах «Глубинный КГБ: тайные пружины развала СССР» и «Тропы истории. Криптоаналитика глубинной власти»⁵⁵⁵ они установили, что ещё в начале 1970-х годов на идею «конвергенции» двух систем, у истоков которой стояли такие основатели Римского клуба и Трёхсторонней комиссии, как Дэвид Рокфеллер и Аурелио Печчеи, купились ряд «глубинников» из КГБ, прежде всего генерал Е. П. Питовранов. Они и «заразили» этой идеей ряд лидеров страны: сперва Ю. В. Андропова и М. А. Суслова, а затем и М. С. Горбачёва, составивших костяк ставропольского «зернового» клана, что противостоял «нефтяному» клану «украинцев», которых патронировали генсек и премьер. Но после ухода из жизни большинства из упомянутых персон лидером «зерновиков» оказался М. С. Горбачёв, через которого «глубинники» из ПГУ КГБ и начали реализацию своего плана.

В советской печати этот визит преподносили как заурядное событие, однако многие западные советологи, а также современные историки и мемуаристы расценили данную поездку как своеобразные «смотрины» М. С. Горбачёва, после которых премьер-министр М. Тэтчер в личном разговоре с Р. Рейганом прямо заявила ему, «что с ним можно иметь дело»⁵⁵⁶. Это заявление британского премьер-министра, конечно, было неслучайным, так как, по признанию самого М. С. Горбачёва, во время их разговора по разоружению он «разложил перед» М. Тэтчер «большую карту, на которую в тысячных долях были нанесены все запасы ядерного оружия», которых было «достаточно, чтобы уничтожить всю жизнь на Земле».

Здесь же, в Лондоне, как вспоминал М. С. Горбачёв, его «застала печальная весть» о кончине маршала Д. Ф. Устинова, которая вынудила его прервать свой визит и вернуться в Москву. Для него самого кончина министра обороны стала «тяжёлой утратой, особенно чувствительной в то смутное время, каким был конец 1984 года»⁵⁵⁷. Надо сказать, что столь быстрый и неожиданный уход маршала Д. Ф. Устинова, который всегда отличался крепким здоровьем и потрясающей работоспособностью, породил немало слухов и домыслов. Целый ряд авторов (А. Н. Яковлев, Н. А. Зенькович, В. М. Легостаев⁵⁵⁸) даже выдвинули версию, что Д. Ф. Устинов, находившийся 10-14 сентября 1984 года на военных учениях стран — участниц ОВД «Щит-84», проходивших на территории Чехословакии, вместе с главами военных ведомств ГДР, ЧССР и ВНР, генералами армии Хайнцем Гофманом, Мартином Дзуром и Иштваном Олахом был отравлен каким-то ядом. В итоге, как пишет В. М. Легостаев, «в считанные дни между 2 и 20 декабря» все четыре министра обороны скорпостижно скончались, и за всеми этими смертями, возможно,

стояло ЦРУ. А академик А. Н. Яковлев вообще договорился до того, что якобы «существует много свидетельств» того, что высший армейский генералитет «подумывал о военном перевороте в социалистическом лагере», но этот «заговор тогда не удался», поскольку «2 декабря 1984 года в результате "острой сердечной недостаточности" скончался член Политбюро ЦК СЕПГ, министр национальной обороны ГДР генерал армии Гофман»; «15 декабря — скоропостижно скончался член ЦК ВСРП, министр обороны ВНР генерал армии Олах»; «16 декабря в результате "сердечной недостаточности" скоропостижно скончался министр национальной обороны ЧССР, член ЦК КПЧ генерал армии Дзур»; а «20 декабря скончался член Политбюро ЦК КПСС, министр обороны СССР маршал Советского Союза Устинов». Однако эта криптоверсия не выдерживает никакой критики, поскольку Д. Ф. Устинов действительно скончался 20 декабря 1984 года, но все другие министры, т. е. М. Дзур, Х. Гофман и И. Олах, ушли из жизни не до советского министра, а после: соответственно 15 января, 2 и 15 декабря 1985 года.

Между тем эта версия смерти Д. Ф. Устинова родилась не на пустом месте. Дело в том, что его помощник генерал И. В. Илларионов и академик Е. И. Чазов говорят, что на учениях его реально «заразили гриппом», и «после возвращения с манёвров Устинов почувствовал общее недомогание», а затем «появилась небольшая лихорадка и изменения в лёгких»⁵⁵⁹. Впрочем, тот же Е. И. Чазов пишет, что «смерть Устинова была в определённой степени нелепой» и вызвала «много вопросов в отношении причин и характера его заболевания». Однако генерал-полковник Л. Г. Ивашов, возглавлявший в тот период личный секретариат министра обороны СССР, утверждает, что Д. Ф. Устинов заболел во время отпуска на госдаче в Бочаровой ручье⁵⁶⁰. По его свидетельству, «обычно Дмитрий Фёдорович уходил в отпуск в июле — августе», но в этот раз он ушёл «в конце сентября». Погода была уже прохладная, но «он ни в чём свой обычный режим не изменил — также купался и гулял», и «в итоге простудился». Кремлёвская бригада врачей во главе с самим Е. И. Чазовым приехала в Сочи и, диагностировав у него воспаление лёгких, сначала стала «лечить на месте, а потом в Москве, в ЦКБ».

Пролежав в Кунцевской больнице не очень продолжительное время и «не долечившись», он вышел на службу, так как «надо было проводить большое совещание руководящего состава Вооружённых сил, на котором шла речь о серьёзном повороте в их стратегическом развитии». Но, как вспоминали ряд участников этого совещания, в частности генерал армии В. И. Варенников, сначала «всё шло нормально», но уже «минут через тридцать мы заметили, что с Дмитрием Фёдоровичем творится что-то неладное: его лицо побледнело, речь стала прерывистой», а буквально «через три-четыре минуты он вообще умолк и закачался»⁵⁶¹. К министру тут же подошли два его помощника — генерал-полковник И. В. Илларионов и адмирал С. С. Турунов, — которые сначала помогли ему «сесть в кресло, а затем вывели в комнату отдыха». После этого была срочно вызвана дочь маршала Вера Дмитриевна Устинова, которая смогла уговорить отца «поехать в ЦКБ». Первые дни, проведённые в больнице, дали небольшое улучшение, но затем выяснилось, что на фоне «недолеченной пневмонии» у Д. Ф. Устинова стала то ли «развиваться трещина на сердечной аорте», то ли «прогрессивно расти аневризма брюшной аорты», и в результате было принято решение делать операцию. Как утверждает Е. И. Чазов, операция происходила «в экстремальных условиях» и «протекала тяжело», так как «в ходе её началось массивное кровотечение в связи с так

называемым состоянием фибринолиза», т. е. несвёртываемости крови, что, в свою очередь, привело к нарушению функций печени и почек⁵⁶². Понимая, что он умирает, Д. Ф. Устинов решил до конца исполнить свой долг солдата, гражданина и патриота: он принял в больнице К. У. Черненко, Г. В. Романова и маршала С. Л. Соколова и по отдельности переговорил с ними, договорившись, что именно последний, т. е. его первый заместитель, займёт пост министра обороны СССР.

24 декабря К. У. Черненко побывал на прощании с министром обороны, но на Красную площадь уже не поехал из-за сильного мороза. А уже в новом году вновь лёг в больницу и на публике больше не появлялся. Между тем уход из жизни маршала Д. Ф. Устинова произвёл немалое смятение в высшем руководстве страны. Так, черненкоковский помощник В. В. Прибытков был уверен в том, что именно он, «вне всякого сомнения, твёрдо и прочно стал бы новым генсеком», если бы пережил его шефа. А раз так, то он, безусловно, выступил бы против М. С. Горбачёва⁵⁶³. Однако сам М. С. Горбачёв, напротив, был уверен в том, что покойный маршал был его стратегическим союзником и его уход выбил почву из-под ног, которую надо было срочно нащупывать в лице такой же авторитетной фигуры в Политбюро ЦК⁵⁶⁴. Кстати, то, что Д. Ф. Устинов был сторонником избрания М. С. Горбачёва генсеком, позднее подтвердил и бывший председатель КГБ генерал армии В. М. Чебриков, поведавший о том, что они втроём не раз встречались и беседовали на эту тему⁵⁶⁵.

Новый 1985 год ознаменовался очередной схваткой за власть, в которой чётко обозначились два основных конкурента — В. В. Гришин и М. С. Горбачёв. Многолетний вождь московских коммунистов, который считался олицетворением самых лучших традиций «партийного аскетизма» и «сталинского стиля» работы, вероятнее всего, мог рассчитывать на поддержку наиболее влиятельных членов консервативного крыла высшего партийного руководства, т. е. Н. А. Тихонова, Г. В. Романова, В. В. Щербицкого, Д. А. Кунаева, В. И. Долгих, М. В. Зимянина и ряда других. А вот М. С. Горбачёв, потерявший с уходом Д. Ф. Устинова значительный властный ресурс, стал искать поддержки у другого «аксакала» в Политбюро — министра иностранных дел А. А. Громыко. В связи с этим обстоятельством нельзя не упомянуть один любопытный, но малоизвестный факт, о котором в своих мемуарах поведал тогдашний советский посол, официальный представитель СССР на Женевской конференции по разоружению В. Л. Исраэлян⁵⁶⁶. 17 апреля 1984 года в Женеве состоялась его приватная встреча с бывшим директором ЦРУ вице-президентом США Дж. Бушем, который, заговорив с ним «о возможности проведения неофициальной советско-американской встречи», в качестве своего собеседника как будущего советского лидера «назвал только одну фамилию — Горбачёв». Пообещав своему визави «доложить в Москву о его предложении», В. Л. Исраэлян не решился доверить столь важную информацию бумаге и лично отправился в Москву, но не на Старую площадь к самому М. С. Горбачёву, а на Смоленскую площадь к А. А. Громыко, при встрече с которым сразу доложил ему о своём разговоре с Дж. Бушем. Как уверяет В. Л. Исраэлян, «шеф» «внимательно выслушал его, не прервал и не задал ни одного вопроса». Но после окончания доклада «наступило тягостное молчание», во время которого «министр смотрел куда-то в сторону от меня и о чём-то напряжённо думал».

А. А. Громыко, конечно, понимал, что К. У. Черненко долго не протянет и что он стал генсеком лишь на переходный период для перегруппировки сил. Он также понимал, что в силу возраста он уже не сможет стать генсеком, поэтому на вопрос Э.

Хонеккера, приехавшего через несколько месяцев на прощание с К. У. Черненко, почему «генсеком стал не он», ответил: «Чтобы вам не пришлось через год по такому же поводу вновь приезжать в Москву». Однако и уходить из большой политики, в которой он пребывал уже 40 лет, тоже не очень хотелось. И здесь надо было не прогадать и сделать ставку на нужную «лошадку». При этом бытующее представление о том, что А. А. Громыко якобы сразу сделал ставку на М. С. Горбачёва, не соответствует действительности. Достаточно сказать, что, по свидетельству Л. М. Замятина, возглавлявшего тогда Отдел международной информации ЦК, в начале декабря 1984 года ему позвонил М. С. Горбачёв и сообщил о том, что у него «был неприятный разговор с Громыко, он никого готовить визит не даёт и в поездку со мной направлять не собирается, считает, что МИДу это не надо». И в результате организацией этой поездки занялся сам Л. М. Замятин и аппарат ЦК⁵⁶⁷. Однако после смерти маршала Д. Ф. Устинова ситуация резко поменялась.

Между тем в среду 9 января 1985 года состоялось внеплановое заседание Политбюро ЦК, которое проходило не в знаменитой Ореховой комнате, а прямо в кабинете К. У. Черненко, и то не в «полном составе». Как утверждает А. В. Шубин, на этом заседании, «ссылаясь на плохое состояние здоровья», генсек «предложил обдумать вопрос о его отставке»⁵⁶⁸. Однако это не так. Как свидетельствует В. И. Воротников, в кабинете генсека обсуждалась записка Е. И. Чазова о состоянии здоровья генсека и решался вопрос о его предстоящей поездке на заседание ПКС стран — участниц Варшавского договора. Сам генсек «рвался в бой», однако члены Политбюро ЦК, ссылаясь на записку Е. И. Чазова и его выступление на Политбюро, порекомендовали «своему товарищу» так не рисковать и поберечь себя⁵⁶⁹. После этого заседания К. У. Черненко вновь лёг в ЦКБ, а в конце января вернулся на свою госдачу.

В начале февраля К. У. Черненко несколько раз появился на работе, а 7 февраля даже провёл заседание Политбюро, но уже через день снова оказался в больнице, откуда больше не вышел из-за резкого ухудшения своего здоровья. Эта ситуация вновь обострила борьбу за власть. В кабинетах ЦК и Совмина стали ходить всевозможные слухи о том, кто же станет новым Генеральным секретарём. Как вспоминал сам М. С. Горбачёв, среди возможных претендентов называли его имя, а также А. А. Громыко, В. В. Гришина, Г. В. Романова, В. В. Щербицкого и даже Н. А. Тихонова⁵⁷⁰. По версии А. С. Черняева, существовал чуть ли не целый план, согласно которому Н. А. Тихонов пересаживался в кресло генсека, а на пост главы советского правительства из Киева перебирался В. В. Щербицкий, и этот план готовы были поддержать Д. А. Кунаев и В. В. Гришин⁵⁷¹. При этом целый ряд авторов отметили, что в эти дни особую активность начал проявлять В. В. Гришин, «ставший открыто претендовать на ведущую роль в Политбюро»⁵⁷². Сам же В. В. Гришин в своих мемуарах и не скрывал того факта, что ещё за три месяца до смерти Ю. В. Андропова он был включён им в состав «узкой группы» Политбюро, где фигура М. С. Горбачёва не значилась вовсе⁵⁷³. Однако в своём интервью журналисту А. В. Караулову, допуская возможность, что «кто-то действительно видел в нём возможного кандидата на пост вождя партии», категорически отверг своё участие в обсуждении данного вопроса и наличие какого-то списка «его Политбюро», о котором писал Б. Н. Ельцин⁵⁷⁴.

Между тем, как явствует из целого ряда мемуаров и исторических работ, где-то в начале января 1985 года, когда близкий уход К. У. Черненко стал очевиден всем,

начался первый раунд «закулисных игр» А. А. Громыко и М. С. Горбачёва⁵⁷⁵. Тогда их главными участниками стали четыре персоны: директора трёх институтов Академии наук — ИМЭМО А. Н. Яковлев, Института востоковедения Е. М. Примаков и Института Африки Ан. А. Громыко, — а также заместитель главы КГБ, начальник ПГУ генерал-полковник В. А. Крючков. Причём, вероятнее всего, чтобы сам А. А. Громыко, относившийся к М. С. Горбачёву с недоверием⁵⁷⁶, был поговорчивее, в начале февраля 1985 года в журнале Time начали публиковать ряд фрагментов из мемуаров беглого советского дипломата А. Н. Шевченко «Разрыв с Москвой», который был известен своей особой близостью к министру иностранных дел и даже был вхож в его дом. Как позднее писал А. В. Островский, у нас нет пока железобетонных оснований утверждать, что за этой публикацией стоял КГБ, но в тех условиях публикация воспоминаний А. Н. Шевченко «была как нельзя кстати»⁵⁷⁷. В результате во время этих переговоров был достигнут «исторический компромисс», закреплённый в ходе личной встречи А. А. Громыко и М. С. Горбачёва, которая прошла на рубеже февраля — марта 1985 года. Суть достигнутого компромисса состояла в следующем: после скорого и неизбежного ухода К. У. Черненко А. А. Громыко готов был «сыграть инициативную роль на предстоящем заседании Политбюро ЦК» по избранию М. С. Горбачёва новым Генеральным секретарём, а А. А. Громыко, которому «надоело работать в МИДе» и который «хотел бы изменить обстановку», занимает должность председателя Президиума Верховного Совета СССР.

Между тем, как вспоминали сам М. С. Горбачёв, Е. К. Лигачёв, А. Н. Яковлев и другие, «переговоры с Громыко были не единственным каналом подготовки к избранию Горбачёва», поскольку тот же Е. К. Лигачёв «встречался в эти дни с ведущими периферийными членами ЦК, убеждая их поддержать Горбачёва». При этом, помимо «незаменимой роли» Е. К. Лигачёва, в его назначении свою роль сыграли также «Соломенцев, Чебриков и Долгих»⁵⁷⁸. Более того, сам же М. С. Горбачёв писал: «Несколько групп первых секретарей обкомов посетили меня, призывали занять твёрдую позицию и взять на себя обязанности генсека. Одна из таких групп заявила, что у них сложилось организационное ядро, и они не намерены больше позволять Политбюро решать подобные вопросы без учёта их мнения».

Тем временем К. У. Черненко, который, по воспоминаниям его супруги, в начале марта стал чувствовать себя «заметно лучше», позвонил А. А. Громыко и спросил его совета: «Не следует ли мне самому подать в отставку?» Однако тот дипломатично парировал ему, «не будет ли это форсированием событий», так как «врачи не настроены так пессимистично», и посему «спешить не надо, это было бы неоправданно»⁵⁷⁹. А всего через пару дней в больнице генсека навестили М. С. Горбачёв, Е. К. Лигачёв и В. В. Гришин. Причём, если первые двое приезжали без камер для решения ряда сугубо рабочих вопросов, то глава московских коммунистов под камеры вручил К. У. Черненко корочку депутата Верховного Совета РСФСР, видимо давая всем понять свою особую близость к генсеку. Но эффект от этой съёмки оказался противоположным тому, на что рассчитывал сам В. В. Гришин, так как вся страна воочию увидела смертельно больного человека, которому осталось жить буквально считанные дни, если не часы. Так оно и случилось, ибо 10 марта 1985 года К. У. Черненко скончался, однако до сих пор все обстоятельства этой смерти вызывают немало вопросов, о чём детально поведал профессор А. В. Островский в своей известной работе «Кто поставил Горбачёва?»⁵⁸⁰.

Но ещё больше вопросов вызывают обстоятельства прихода М. С. Горбачёва к высшей власти. Как установил тот же профессор В. А. Островский, «между смертью К. У. Черненко и открытием внеочередного Пленума ЦК Политбюро собиралось дважды, чего не было ни после смерти И. В. Сталина, ни после смерти Л. И. Брежнева, ни после смерти Ю. В. Андропова. Однако зачем же нужно было созывать Политбюро дважды, если среди всех его членов было якобы полное единодушие и альтернативы М. С. Горбачёву не было?

Как утверждает Е. И. Чазов, сразу после смерти К. У. Черненко, которая, по официальной версии, произошла в 19 часов 20 минут, он сразу позвонил М. С. Горбачёву «на дачу» и «по разговору понял, что у него уже продуман весь план прихода к власти»⁵⁸¹. В ответ тот заявил, что «сейчас будет собирать Политбюро и Секретариат», и попросил самого Е. И. Чазова прибыть в Кремль к 22 часам. Затем М. С. Горбачёв связался с А. А. Громыко, Н. А. Тихоновым и К. М. Боголюбовым и дал последнему команду собрать всех членов высшего руководства в Кремле тоже к 22 часам. Между тем на тот момент из 11 членов Политбюро в столице были только 7: Г. А. Алиев, М. С. Горбачёв, В. В. Гришин, А. А. Громыко, Г. В. Романов, М. С. Соломенцев и Н. А. Тихонов. Остальные 4 члена отсутствовали в Москве: В. И. Воротников был с визитом в Югославии, Д. А. Кунаев находился у себя в Алма-Ате, Г. В. Романов отдыхал в Паланге, а В. В. Щербицкий во главе советской парламентской делегации был с визитом в США. Помимо членов Политбюро, в Москве находились все кандидаты в члены Политбюро (П. Н. Демичев, В. И. Долгих, В. В. Кузнецов, Б. Н. Пономарёв, В. М. Чебриков и Э. А. Шеварднадзе), а также все «рядовые» секретари ЦК (И. В. Капитонов, М. В. Зимянин, К. В. Русаков, Е. К. Лигачёв и Н. И. Рыжков).

Как уверяет М. С. Горбачёв, когда он приехал в Кремль, там уже находился А. А. Громыко, с которым «за полчаса до начала заседания» состоялась «наша короткая, но очень важная беседа». Во время данного разговора он «пригласил Громыко к соединению усилий в этот ответственный момент», и тот ответил, что «полностью разделяет мои оценки и согласен действовать вместе»⁵⁸². Однако, когда в 22 часа началось заседание Политбюро, против того, чтобы его вёл именно М. С. Горбачёв, сразу выступили В. В. Гришин и Н. А. Тихонов, а значит, в руководстве партии по вопросу о новом генсеке не было того монолитного единства, о котором постоянно твердили горбачёвские клевреты⁵⁸³. Более того, это означало, что даже переход А. А. Громыко в «окоп» М. С. Горбачёва не давал ему нужного большинства в Политбюро, так как В. В. Щербицкий, Д. А. Кунаев и Г. В. Романов точно бы не поддержали его кандидатуру.

Казалось бы, в таких условиях заседание Политбюро следовало назначить на следующий день. Но М. С. Горбачёв и В. М. Чебриков, вероятно, с одобрения А. А. Громыко решили форсировать события и на вечернем заседании сделали попытку протащить М. С. Горбачёва в генсеки. Однако она не удалась, и было принято решение только о том, чтобы назначить его председателем Комиссии по похоронам К. У. Черненко. Причём его кандидатуру именно в таком качестве предложил не кто иной, как В. В. Гришин, которому до заседания Политбюро сам же М. С. Горбачёв предлагал её возглавить. О том, что данный вопрос был решён именно тогда, говорят многие мемуаристы, в том числе В. В. Гришин, Н. И. Рыжков, В. И. Воротников, В. И. Долгих, А. И. Лукьянов, А. С. Черняев и ряд других персон⁵⁸⁴. В итоге М. С. Горбачёв «предложил не торопиться, назначить Пленум на 17 часов следующего дня, а

Политбюро — на 14», и, таким образом, «у всех будет время — ночь и полдня — всё обдумать и взвесить», а затем «определимся на Политбюро и пойдём с этим на Пленум ЦК»⁵⁸⁵.

Как вспоминают М. С. Горбачёв и Е. К. Лигачёв, после заседания Политбюро, которое закончилось примерно в 23 часа, «из высшего эшелона руководства» на работе остались сами М. С. Горбачёв и Е. К. Лигачёв и глава КГБ В. М. Чебриков. Тогда же на работу «стали съезжаться вызванные работники аппарата ЦК», из которых сразу создали две «группы для подготовки документов». Костяк первой, готовившей «траурные материалы по Черненко», составили его помощники В. А. Печенев, В. В. Прибытков и А. И. Вольский, а также заместитель главы Отдела оргпартрabоты Е. З. Разумов. Костяк же второй группы, сочинявшей на скорую руку «доклад нового генсека на Пленуме ЦК», составили четыре человека: А. И. Лукьянов, В. А. Медведев, В. В. Загладин и А. М. Александров-Агентов⁵⁸⁶.

Теперь многое зависело от того, успеют ли прибыть на очередное заседание Политбюро В. И. Воротников, Г. В. Романов, В. В. Щербицкий и Д. А. Кунаев, от позиции которых зависело многое, если не всё. И здесь выясняется, что против трёх последних была проведена целая «спецоперация» по их дезинформации и недопущению прилёта в нужное время в Москву, в которой участвовали целый ряд персон, в том числе В. М. Чебриков и Г. А. Арбатов. При этом, как пишет В. А. Крючков, незадолго до кончины А. А. Громыко признался: «После смерти Черненко товарищи предлагали мне сосредоточиться на работе в партии и дать согласие занять пост Генерального секретаря ЦК..., я отказался, полагая, что чисто партийная должность не для меня»⁵⁸⁷.

Если протокол заседания Политбюро 10 марта 1985 года нам не известен, то протокол от 11 марта не только сохранился, но и опубликован⁵⁸⁸. Из него следует, что на заседании Политбюро ЦК под председательством М. С. Горбачёва «присутствовали тт. Алиев Г. А., Воротников В. И., Гришин В. В., Громыко А. А., Кунаев Д. А., Романов Г. В., Соломенцев М. С., Тихонов Н. А., Демичев П. Н., Долгих В. И., Кузнецов В. В., Пономарёв Б. Н., Чебриков В. М., Шеварднадзе Э. А., Зимянин М. В., Капитонов И. В., Лигачёв Е. К., Русаков К. В., Рыжков Н. И.». Т. е. глава советской Украины В. В. Щербицкий, присутствия которого так сильно опасался М. С. Горбачёв и Ко, так и не успел вовремя прилететь в Москву. Гораздо позднее горбачёвский помощник В. И. Болдин признался, что «эту задержку» организовали «ребята Чебрикова из КГБ», а А. В. Островский установил, что им в этом здорово помогли и «ребята» из Госдепа и СНБ США, в том числе Д. Мэтлок, работавший тогда помощником президента Р. Рейгана и главой Департамента СНБ по делам Европы и СССР⁵⁸⁹. Более того, есть информация, что В. М. Чебриков связался с начальником личной охраны В. В. Щербицкого В. Ф. Вакуленко и дал ему команду до особого распоряжения не информировать его подопечного о смерти К. У. Черненко.

В 15 часов, открыв заседание Политбюро ЦК, М. С. Горбачёв почему-то вновь дал слово Е. И. Чазову, после выступления которого «поставил вопрос о необходимости избрания генсека». После этого сразу поднялся А. А. Громыко, который предложил кандидатуру М. С. Горбачёва на этот пост. Причём, как вспоминал Е. К. Лигачёв, «всё произошло мгновенно, неожиданно, я даже не помню, просил ли он слова или не просил»⁵⁹⁰. Затем слово для выступления взял Н. А. Тихонов, а за ним и все остальные, из уст которых «зазвучали гимны и оды новому генсеку». Причём опять же Е. К. Лигачёв, сравнивая вчерашнее заседание Политбюро

с этим, по сути, подтвердил, что накануне вопрос об избрании генсека не был предрешён: «Как всё это не походило на предыдущее заседание, происходившее всего лишь накануне вечером». А в 17 часов открылся внеочередной Пленум ЦК, на котором М. С. Горбачёв, сразу огласив повестку дня, предоставил слово «товарищу Громыко». По свидетельству А. С. Черняева, тот «вышел на трибуну и без бумажки стал говорить в вольном стиле», и, когда назвал имя М. С. Горбачёва, «зал взорвался овацией, сравнимой с той, которая была при избрании Андропова»⁵⁹¹. Затем Г. В. Романов, руководивший этим заседанием, предоставил слово М. С. Горбачёву, и после принятия Постановления «О Генеральном секретаре ЦК КПСС»⁵⁹² сам М. С. Горбачёв уже в качестве генсека закрыл Пленум и предложил присутствующим пройти в Колонный зал для прощания с К. У. Черненко.

Наконец 13 марта 1985 года в 13 часов на Красной площади состоялась торжественная церемония похорон К. У. Черненко, которого, как и двух его предшественников, упокоили за Мавзолеем В. И. Ленина у Кремлёвской стены. С его уходом не просто кончилась самая короткая «эпоха» К. У. Черненко. Его уход поставил точку в 20-летней брежневской эпохе, которую до сих пор многие советские люди почитают как «Золотую эпоху Страны Советов».

⁵³⁰ Черняев А.С. Совместный исход. М., 2010.

⁵³¹ Кунаев Д.А. От Сталина до Горбачёва. Алма-Ата, 1994.

⁵³² РГАНИ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 663-670, 672-673.

⁵³³ Прибытков В.В. Аппарат. 390 дней и вся жизнь Генсека Черненко. М., 2002; Прибытков В.В. Черненко. М., 2009.

⁵³⁴ Горбачёв М.С. Жизнь и реформы. Кн. 1. М., 1995; Воротников В.И. А было это так... М., 1995; Лигачёв Е.К. Предостережение. М., 1999; Медведев В.А. В команде Горбачёва. Взгляд изнутри. М., 1994; Печенев В.А. Взлёт и падение Горбачёва: глазами очевидца. М., 1996; Прибытков В.В. Черненко. М., 2009.

⁵³⁵ Грачёв А. С. Горбачёв. М., 2001.

⁵³⁶ Земцов И.Г. Черненко: СССР в канун перестройки. Лондон, 1989; Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти, 1945-1991. М., 1998; Млечин Л.М. Юрий Андропов. Последняя надежда режима. М., 2008.

⁵³⁷ Кредов С.А. Щёлоков. М., 2011; Брежнев М.А. Министр Щёлоков. М., 2008; Щёлоков И.Н. Николай Щёлоков. Герой своего времени и его жертва. М., 2008; Додолев Е.Ю. Дело Галины Брежневой. Бриллианты для принцессы. М., 2013.

⁵³⁸ Шубин А.В. Золотая осень, или Период застоя. СССР в 1975-1985 гг. М., 2008; Медведев В.А. В команде Горбачёва. Взгляд изнутри. М., 1994.

⁵³⁹ Протоколы совещания у Председателя СМ СССР товарища Тихонова Н. А. 27 февраля, 3 марта, 16 апреля 1984 года // ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 144. Д. 1493. Л. 1-20.

⁵⁴⁰ Гайдар Е.Т. Дни поражений и побед. М., 1996.

⁵⁴¹ АПРФ. Ф. 3. Рабочая запись заседания Политбюро ЦК КПСС 12 июля 1984 года. Л. 22-25; Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти, 1945-1991. М., 1998.

⁵⁴² Воротников В.И. А было это так... М., 1995.

⁵⁴³ Легостаев В.М. Генсек кровавый // Завтра. 2001. № 9-10; Легостаев В.М. Как Горбачёв "прорвался" во власть. М., 2011; Печенев В.А. Голова у Черненко оставалась светлой // Коммерсантъ Власть. 2001. № 38.

- ⁵⁴⁴ Печенев В.А. Голова у Черненко оставалась светлой // Коммерсантъ Власть. 2001. № 38; Островский А.В. Кто поставил Горбачёва? М., 2010.
- ⁵⁴⁵ Кашин О.В. Хозяин Ленинграда: У Григория Романова в Романовом переулке // Русская жизнь. 2007.
- ⁵⁴⁶ Ахромеев С.Ф., Корниенко Г.М. Глазами маршала и дипломата. М., 1991; Варенников В.И. Неповторимое. Кн. 4. М., 2001; Уткин Б.П. Маршал Советского Союза Н. В. Огарков. М., 2003; Кокошин А.А. "Асимметричный ответ" vs "Стратегической оборонной инициативы" // Международная жизнь. 2007. № 7-8.
- ⁵⁴⁷ Илларионов И.В. Самый сталинский министр // Коммерсантъ Власть. 2001. №46.
- ⁵⁴⁸ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 685-696.
- ⁵⁴⁹ Прибытков В.В. Черненко. М., 2009.
- ⁵⁵⁰ Арбатов Г.А. Человек системы. М., 2002.
- ⁵⁵¹ Горбачёв М.С. Жизнь и реформы. Кн. 1. М., 1995.
- ⁵⁵² Горбачёв М.С. Жизнь и реформы. Кн. 1. М., 1995.
- ⁵⁵³ Лигачёв Е.К. Предостережение. М., 1999; Грачёв А.С. Горбачёв. М., 2001.
- ⁵⁵⁴ Островский А.В. Кто поставил Горбачёва? М., 2010.
- ⁵⁵⁵ Смирнов И.И. Тропы истории. Кriptoаналитика глубинной власти. М., 2020; Раззаков Ф.И. Глубинный КГБ: тайные пружины развала СССР (Рукопись этой книги, издание которой запланировано на текущий год, автор любезно предоставил автору этих строк).
- ⁵⁵⁶ Рейган Р. Жизнь по-американски. М., 1992.
- ⁵⁵⁷ Горбачёв М.С. Жизнь и реформы. Кн. 1. М., 1995.
- ⁵⁵⁸ Яковлев А.Н. Омут памяти. М., 2001; Зенькович Н.А. Михаил Горбачёв. Жизнь до Кремля. М., 2001; Легостаев В.М. Как Горбачёв "прорвался" во власть. М., 2011.
- ⁵⁵⁹ Чазов Е.И. Здоровье и власть. М., 1992; Илларионов И.В. Самый сталинский министр // Коммерсантъ Власть. 2001. № 46.
- ⁵⁶⁰ Ивашов Л.Г. Размышления русского генерала. М., 2018.
- ⁵⁶¹ Варенников В.И. Неповторимое. Кн. 4. М., 2001; Ивашов Л.Г. Размышления русского генерала. М., 2018.
- ⁵⁶² Чазов Е.И. Здоровье и власть. М., 1992; Ивашов Л.Г. Размышления русского генерала. М., 2018.
- ⁵⁶³ Прибытков В.В. Черненко. М., 2009.
- ⁵⁶⁴ Горбачёв М.С. Жизнь и реформы. Кн. 1. М., 1995.
- ⁵⁶⁵ Чебриков В.М. Страну проиграл Горбачёв // Трибуна. 27.07.2001.
- ⁵⁶⁶ Израэлян В.Л. На фронтах холодной войны: записки советского посла. М., 2003.
- ⁵⁶⁷ Замятин Л.М. Горби и Мэгги. М., 1995; Замятин Л.М. У Тэтчер было определённое женское чувство к Горбачёву // Коммерсантъ Власть. 2005. № 16.
- ⁵⁶⁸ Шубин А.В. Золотая осень, или Период застоя. СССР в 1975-1985 гг. М., 2008.
- ⁵⁶⁹ Воротников В.И. А было это так... М., 1995; Островский А.В. Кто поставил Горбачёва? М., 2010.
- ⁵⁷⁰ Горбачёв М.С. Жизнь и реформы. Кн. 1. М., 1995.
- ⁵⁷¹ Черняев А.С. Совместный исход. М., 2010.
- ⁵⁷² Ельцин Б.Н. Исповедь на заданную тему. М., 1990; Печенев В.А. "Завещание" Андропова: миф или история? По поводу одной сенсации // Диалог. 1990. № 17; Горбачёв М.С. Жизнь и реформы. Кн. 1. М., 1995; Лигачёв Е.К. Предостережение. М., 1999.

- ⁵⁷³ Гришин В.В. От Хрущёва до Горбачёва. М., 1996.
- ⁵⁷⁴ Караулов А.В. Вокруг Кремля. Т. 2. М., 1993.
- ⁵⁷⁵ Горбачёв М.С. Жизнь и реформы. Кн. 1. М., 1995; Громыко А.А. Андрей Громыко. В лабиринтах Кремля. М., 1997; Яковлев А.Н. Омут памяти. М., 2001; Примаков Е.М. Годы в большой политике. М., 1999; Примаков Е. М. Минное поле политики. М., 2007; Грачёв А.С. Горбачёв. М., 2001; Гриневский О.А. Перелом. От Брежнева к Горбачёву. М., 2004; Островский А.В. Кто поставил Горбачёва? М., 2010.
- ⁵⁷⁶ Чазов Е.И. Рок. М., 2001.
- ⁵⁷⁷ Островский А.В. Кто поставил Горбачёва? М., 2010.
- ⁵⁷⁸ Горбачёв М.С. Жизнь и реформы. Кн. 1. М., 1995; Лигачёв Е.К. Предостережение. М., 1999; Яковлев А.Н. Омут памяти. М., 2001; Гришин В.В. От Хрущёва до Горбачёва. М., 1996.
- ⁵⁷⁹ Громыко А.А. Памятное. Кн. 2. М., 1988.
- ⁵⁸⁰ Островский А.В. Кто поставил Горбачёва? М., 2010.
- ⁵⁸¹ Чазов Е.И. Здоровье и власть. М., 1992.
- ⁵⁸² Горбачёв М.С. Жизнь и реформы. Кн. 1. М., 1995.
- ⁵⁸³ Романов Г.В. Я свято верю в эти идеалы // Невское время. 30.09.1992.
- ⁵⁸⁴ Гришин В.В. От Хрущёва до Горбачёва. М., 1996; Рыжков Н.И. Перестройка: история предательств. М., 1992; Воротников В.И. А было это так... М., 1995; Черняев А.С. Шесть лет с Горбачёвым: по дневниковым записям. М., 1993; Островский А.В. Кто поставил Горбачёва? М., 2010.
- ⁵⁸⁵ Горбачёв М.С. Жизнь и реформы. Кн. 1. М., 1995.
- ⁵⁸⁶ Черняев А.С. Шесть лет с Горбачёвым: по дневниковым записям. М., 1993; Печенев В.А. Взлёт и падение Горбачёва: глазами очевидца. М., 1996.
- ⁵⁸⁷ Крючков В.А. Личное дело. Три дня и вся жизнь. М., 2019.
- ⁵⁸⁸ РГАНИ. Ф. 89. Оп. 36. Д. 16. Л. 1-16; Кузьмичёва Т.А. Другой кандидатуры у нас просто нет // Источник. 2003. № 3.
- ⁵⁸⁹ Болдин В.И. Горбачёв сорвался с резьбы и вертелся сам по себе // Коммерсантъ Власть. 2001. № 19; Островский А.В. Кто поставил Горбачёва? М., 2010.
- ⁵⁹⁰ Лигачёв Е.К. Предостережение. М., 1999.
- ⁵⁹¹ Черняев А.С. Совместный исход. М., 2010.
- ⁵⁹² РГАНИ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 697-707.

Литература

Архивы и опубликованные источники

1. АВП РФ — Архив внешней политики Российской Федерации
2. АП РФ — Архив Президента Российской Федерации
3. ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации
4. РГАНИ — Российский Государственный архив новейшей истории
5. РГАСПИ — Российский Государственный архив социально-политической истории
6. УДА АП РФ — Управление делопроизводства и архива Аппарата Правительства РФ
7. ЦГАИПД СПб — Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга
8. Брежнев Л.И. Записи секретарей приёмной Л.И.Брежнева. 1965-1982 гг. Т. 2. М., 2016.
9. Георгий Жуков. Стенограмма октябрьского (1957 г.) Пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 2001.
10. Как снимали Н.С.Хрущёва: Материалы Пленума ЦК КПСС (октябрь 1964 г.) // Исторический архив. 1993. № 1.
11. Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1999.
12. Молотов, Маленков, Каганович. 1957. Стенограмма июньского Пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1998.
13. Никита Хрущёв. 1964: Стенограммы Пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 2007.
14. Политбюро и дело Берия. Сборник документов. М., 2012.
15. Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет министров СССР 1945-1953. М., 2002.
16. Президиум ЦК КПСС. 1954-1964. Черновые протокольные записи заседаний, стенограммы, постановления. Т. 1-2. М., 2006-2015.

Мемуары, дневники, интервью

1. Абалкин Л.И. На перепутье. Размышление о судьбах России. М., 1993.
2. Аджубей А.И. Те десять лет. М., 1989.
3. Александров-Агентов А.М. Осень патриарха // Совершенно секретно. 1993. №6.
4. Александров-Агентов А.М. От Коллонтай до Горбачёва. М., 1994.
5. Алидин В.И. Государственная безопасность и время. М., 2001.
6. Андропов И.Ю. Отец не собирался так рано уходить // Комсомольская правда. 17-20.06.1994.
7. Антонович И.И. «Да святится имя твое...» // Пётр Машеров. Эпоха и судьба. М., 2017.
8. Арбатов Г.А. Затянувшееся выздоровление (1953-1985). Свидетельство современника. М., 1991.
9. Арбатов Г.А. Человек системы. М., 2002.

10. Арбатов Г.А. Моя эпоха в лицах и событиях. М., 2008.
11. Афанасьев В.Г. Четвёртая власть и четыре генсека. М., 1994.
12. Ахромеев С.Ф., Корниенко Г.М. Глазами маршала и дипломата. М., 1991.
13. Байбаков Н.К. Сорок лет в правительстве. М., 1993.
14. Байбаков Н.К. От Сталина до Ельцина. М., 1998.
15. Бенедиктов И.А. О Сталине и Хрущёве // Молодая гвардия. 1989. № 4.
16. Берия С.Л. Мой отец — Лаврентия Берия. М., 1994.
17. Бобков Ф.Д. КГБ и власть. М., 1995.
18. Бобков Ф.Д. Интервью И.М.Ильинскому // Мир — это война. М., 2007.
19. Бовин А.Е. XX век как жизнь. М., 2003.
20. Богомоллов О.Т. Моя летопись переходного времени. М., 2000.
21. Болдин В.И. Крушение пьедестала. М., 1995.
22. Болдин В.И. Горбачёв сорвался с резьбы и вертелся сам по себе // Коммерсантъ Власть. 2001. № 19.
23. Бондаренко А.В. Генсек из КГБ. Интервью с Ф.Д.Бобковым и В.В.Шараповым // Красная звезда. 12.11.2002.
24. Брежнев Л.И. Рабочие и дневниковые записи 1964-1982 гг. Т. 1. М., 2016.
25. Брежнев Л.И. Рабочие и дневниковые записи 1944-1964 гг. Т. 3. М., 2016.
26. Брутенц К.Н. Тридцать лет на Старой площади. М., 1998.
27. Бурлацкий Ф.М. Вожди и советники. О Хрущёве, Андропове и не только о них. М., 1990.
28. Бурлацкий Ф.М. Никита Хрущёв и его советники. М., 2002.
29. Бурлацкий Ф.М. Потаённый Андропов // Известия. 15.06.2004.
30. Варенников В.И. Неповторимое. Кн. 2-5. М., 2001.
31. Величко В.П. Его сердце билось для людей // Пётр Машеров. Эпоха и судьба. М., 2017.
32. Вольский А.И. Смотреть открытыми глазами // Неделя. 1990. № 36.
33. Вольский А.И. Интервью. Человек со знаком качества // Спецназ России. 2006. № 9.
34. Вольский А.И. «Четыре генсека» // Коммерсантъ. 2006. № 169.
35. Воронов Г.И. Немного воспоминаний // От оттепели до застоя. М., 1990.
36. Воронов Г.И. Ошибки с Брежневым мы себе не прощаем // Л.И.Брежнев. Материалы к биографии. М., 1991.
37. Воронов Г.И. Страной порулить, что «козла» забить // Совершенно секретно. 2002. № 8.
38. Воротников В.И. А было это так...: Из дневника члена Политбюро ЦК КПСС. М., 1995.
39. Воротников В.И. Гавана — Москва: памятные годы. М., 2001.
40. Ворошилов К.Е. Рассказы о жизни. Книга 1. М., 1968.
41. Врублевский В.К. Владимир Щербицкий: правда и вымыслы. Киев, 1993.
42. Гвишиани А.Д. Феномен Косыгина. Записки внука. Мнения современников. М., 2004.
43. Гвишиани Д.М. Мосты в будущее. М., 2004.
44. Горбачёв М.С. Жизнь и реформы. Кн. 1. М., 1995.
45. Грачёв А.С. Горбачёв. М., 2001.
46. Гриневский О.А. Перелом. От Брежнева к Горбачёву. М., 2004.

47. Гришин В.В. От Хрущёва до Горбачёва. Политические портреты пяти генсеков и А.Н. Косыгина. М., 1996.
48. Гришин В.В. Катастрофа. От Хрущёва до Горбачёва. М., 2010.
49. Громыко А.А. Пережитое. Кн. 1-2. М., 1990.
50. Громыко А.А. Андрей Громыко. В лабиринтах Кремля. М., 1997.
51. Грушко В.Ф. Судьба разведчика. М., 1997.
52. Гусев В.К. Эпоха реформ. М., 2001.
53. Дебилов Н.А. Интервью. Леонид Ильич приезжал в ЦК раньше всех // Коммерсантъ Власть. 2006. № 50.
54. Добрынин А.Ф. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962-1986 гг.). М., 1996.
55. Докучаев М.С. Москва. Кремль. Охрана. М., 1995.
56. Долгих В.И. Откровение // Нуждин Л.Г. Долгих Владимир Иванович. Человек-легенда. М., 2012.
57. Егорычев Н.Г. Солдат. Политик. Дипломат. Воспоминания об очень разном. М., 2017.
58. Ельцин Б.Н. Исповедь на заданную тему. М., 1990.
59. Ефремов Л.Н. Дорогами борьбы и труда. Ставрополь, 1998.
60. Жданов А.А. Записные книжки. РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 3. Д. 179.
61. Жданов Ю.А. Взгляд в прошлое. Воспоминания очевидца. Ростов н/Д., 2004.
62. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 2. М., 2015.
63. Замятин Л.М. Горби и Мэгги: записки посла о двух известных политиках. М., 1995.
64. Замятин Л.М. У Тэтчер было определённое женское чувство к Горбачёву // Коммерсантъ Власть. 2005. № 16.
65. Замятин Л.М. Земля была малая, но гонорары очень большие // Коммерсантъ Власть. 2000. № 12.
66. Захаров Н.С. Сквозь годы. Воспоминания. Тула, 2003.
67. Захаров О.А. Записки секретаря трёх генсеков // Гласность. 1992. № 18.
68. Зверев А.Г. Сталин и деньги. М., 2012.
69. Зимянин В.М. Из поколения победителей // Аргументы недели. 2014. № 44 (436).
70. Иванов Л.Г. Правда о «Смерш». М., 2009.
71. Ивашов Л.Г. Размышления русского генерала. М., 2018.
72. Изюмов Ю.П. Тайна последней ночи Брежнева. Он умер, как только назначил преемника. Не Андропова // Досье гласности. 2000. № 4.
73. Илларионов И.В. Самый сталинский министр // Коммерсантъ Власть. 2001. № 46.
74. Израэлян В.Л. На фронтах холодной войны: записки советского посла. М., 2003.
75. Каганович Л.М. Памятные записки. М., 2003.
76. Казначеев В.А. Люди и время. Юность. Становление. Кодекс власти. Кн. 2. Пятигорск, 2008.
77. Капица М.С. На разных параллелях. Записки дипломата. М., 1996.
78. Кашин О.В. Хозяин Ленинграда: У Григория Романова в Романовом переулке // Русская жизнь. 2007.
79. Квицинский Ю.А. Время и случай. Заметки профессионала. М., 1999.
80. Квицинский Ю.А. Политик из великой истории. К 100-летию А.А. Громыко // Советская Россия. 21.07.2009.
81. Кебич В.Ф. Искушение властью: из жизни премьер-министра. Минск, 2008.

82. Кеворков В.Е. Тайный канал. М., 1997.
83. Кеворков В.Е. Виктор Луи. Человек с легендой. М., 2010.
84. Кеворков В.Е. О чём говорят президенты? Секреты первых лиц. М., 2011.
85. Кирпиченко В.А. Разведка: лица и личности. М., 1998.
86. Конотоп В.И. Внукам. Воспоминания. Дневники. Слово публициста. Подольск, 1998.
87. Коровякова Н.А. Я не была любовницей Леонида Ильича! // Комсомольская правда. 16.01.2003.
88. Королёв Ю.А. Кремлёвский советник. М., 1995.
89. Корниенко Г.М. Холодная война. Свидетельство её участника. М., 2001.
90. Косарев М.Т. К 75 годам Леонид Ильич совсем расслабился // Коммерсантъ Власть. 11.11.2002. №44.
91. Красиков С.П. Среди вождей. М., 1997.
92. Крючков В.А. Личное дело. Три дня и вся жизнь. М., 2019.
93. Кузнецов В.А. Сталин назвал моего отца своим преемником, и это был смертный приговор // Комсомольская правда, 01.10.2016.
94. Куликов В.Г. Война: размышления Маршала Советского Союза. М., 2008.
95. Кунаев Д.А. О моём времени. Алма-Ата, 1992.
96. Кунаев Д.А. От Сталина до Горбачёва. Алма-Ата, 1994.
97. Леонов Н.С. Лихолетье. Записки главного аналитика Лубянки. М., 2005.
98. Лигачёв Е.К. Загадка Горбачёва. М., 1992.
99. Лигачёв Е.К. Предостережение. М., 1999.
100. Лукьянов А.И. В водовороте российской смуты. Размышления, диалоги, документы. М., 1999.
101. Лукьянов А.И. Возвращение Сталина // Промышленные ведомости. 2004. № 9-10(86-87).
102. Мазуров К.Т. Я говорю не только о себе // От оттепели до застоя. М., 1991.
103. Мазуров К.Т. Главной заботой Брежнева был личный авторитет // Л.И.Брежнев. Материалы к биографии. М., 1991.
104. Маленков А.Г. О моём отце Георгии Маленкове. М., 2007.
105. Меньшиков С.М. О времени и о себе. М., 2007.
106. Месяцев Н.Н. Горизонты и лабиринты моей жизни. М., 2005.
107. Микоян А.И. Так было. Размышления о минувшем. М., 1999.
108. Млынарж З. Мороз ударил из Кремля. М., 1992.
109. Моргун Ф.Т. Перепаханные поколения. Белгород, 1998.
110. Мухитдинов Н.А. Годы, проведённые в Кремле. Ташкент, 1994.
111. Мухитдинов Н.А. Река времени: от Сталина до Горбачёва. М., 1995.
112. Мэтлок Д. Смерть империи. М., 2003.
113. Мясников Г.В. Страницы из дневника. М., 2008.
114. Новиков В.Н. В годы руководства Н.С.Хрущёва // Вопросы истории. 1989. № 1-2.
115. Новиков В.Н. Как товарищи, единомышленники // Премьер известный и неизвестный: воспоминания о А.Н.Косыгине. М., 1997.
116. Нордман Э.Б. Штрихи к портретам: генерал КГБ рассказывает. М., 2004.
117. Павлёнок Б.В. Кино: легенды и быль. Воспоминания. Размышления. М., 2004.
118. Патоличев Н.С. Испытание на зрелость. М., 1977.
119. Перельман М.И. Гражданин доктор. М., 2009.

120. Печенев В.А. «Завещание» Андропова: миф или история? По поводу одной сенсации // Диалог. 1990. № 17.
121. Печенев В.А. Взлёт и падение Горбачёва: глазами очевидца. М., 1996.
122. Печенев В.А. Голова у Черненко оставалась светлой // Коммерсантъ Власть. 2001. №38.
123. Плеханов Ю.С. Что же будет дальше? М., 2006.
124. Поклад Б.И. Во власти дипломатии. М., 2008.
125. Полторанин М.Н. Власть в тротиловом эквиваленте. М., 2010.
126. Прибытков В.В. Аппарат. 390 дней и вся жизнь Генсека Черненко. М., 2002.
127. Прибытков В.В. Черненко. М., 2009.
128. Примаков Е.М. Годы в большой политике. М., 1999.
129. Примаков Е.М. Минное поле политики. М., 2007.
130. Рейган Р. Жизнь по-американски. М., 1992.
131. Родионов И.Н. Звёзды, пронесённые сквозь ад... // Завтра. 2010. № 4-9.
132. Родионов П.А. Как начинался застой? М., 1989.
133. Романов Г.В. Я свято верю в эти идеалы // Невское время. 30.09.1992.
134. Рыжков Н.И. Перестройка: история предательств. М., 1992.
135. Рябов Я.П. Мой XX век. Записки бывшего секретаря ЦК КПСС. М., 2000.
136. Рябов Я.П. Именно такой человек, как Ельцин, мне и нужен // Власть. 24.03.2003. № 11 (514).
137. Рябов Я.П. Я открыл Ельцина и жалею об этом // Свободная пресса. 06.03.2011.
138. Сахаров А.Д. Воспоминания. М., 1996.
139. Семичастный В.Е. Беспокойное сердце. М., 2002.
140. Серов И.А. Записки из чемодана. М., 2016.
141. Симонов К.М. Глазами человека моего поколения: размышления о И.В.Сталине. М., 1989.
142. Смиртюков М.С. Охранники скидывались на фрукты бывшему премьеру // Коммерсантъ Власть. 2000. № 35.
143. Смиртюков М.С. Булганин не смог больше переносить постоянных злобных выпадов Никиты // Коммерсантъ Власть. 2011. № 33.
144. Соломенцев М.С. Верю в Россию. М., 2003.
145. Соломенцев М.С. Зачистка в Политбюро. Как Горбачёв убирал «врагов перестройки». М., 2011.
146. Судоплатов П.А. Разведка и Кремль: Записки нежелательного свидетеля. М., 1996.
147. Судоплатов П.А. Спецоперации Лубянка и Кремль: 1930-1950 годы. М., 1997.
148. Стукалин Б.И. Годы, дороги, лица... М., 2002.
149. Сумароков Л.Н. Феномен М.А.Суслова (личность, идеология, власть). Наследие и некоторые уроки ушедшей эпохи. М., 2008.
150. Суходрев В.М. Язык мой — друг мой. М., 2008.
151. Твардовский А.Т. Рабочие тетради 60-х годов // Знамя. 2000. № 7.
152. Трояновский О.А. Через годы и расстояния. М., 1997.
153. Уткин Б.П. Маршал Советского Союза Н.В.Огарков. М., 2003.
154. Фалин В.М. Без скидок на обстоятельства. Политические воспоминания. М., 1999.
155. Фалин В.М. Конфликты в Кремле. М., 2017.

156. Федорчук В.В. Интервью. О чём молчит генерал Федорчук // Еженедельник «2000». Киев. 12.01.2007.
157. Фирсов Ю.В. Косыгин и его время // Российский экономический журнал. 2004. № 5-6.
158. Фирсов Ю.В. Косыгин и его время // Гвишиани А.Д. Феномен Косыгина: записки внука. М., 2004.
159. Хрущёв Н.С. Время. Люди. Власть. Кн. 1-4. М., 1999.
160. Хрущёв С.Н. Рождение сверхдержавы: Книга об отце. М., 2003.
161. Хрущёв С.Н. Никита Хрущёв. Реформатор. Трилогия об отце. М., 2010.
162. Хрущёвские времена. Непринуждённые беседы с политическими деятелями «великого десятилетия» (А.Н. Шелепин, В.Е. Семичастный, Н.Г. Егорычев) // Неизвестная Россия. XX век. М., 1992.
163. Цурканов Г.А. Последние откровения бывшего главы КГБ В.М. Чебрикова // Courier.RU. 06.01.2001.
164. Чазов Е.И. Здоровье и власть. Воспоминания «кремлёвского врача». М., 1992.
165. Чазов Е.И. Рок. М., 2001.
166. Черняев А.С. Шесть лет с Горбачёвым: по дневниковым записям. М., 1993.
167. Черняев А.С. Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972-1991 годы. М., 2010.
168. Черток Б.Е. Ракеты и люди. Горячие дни холодной войны. М., 1999.
169. Чуев Ф.И. Сто сорок бесед с Молотовым. М., 1991.
170. Чурбанов Ю.М. Я расскажу всё как было. М., 1993.
171. Чурбанов Ю.М. Интервью. Тюбетейка для генерала // Россия. 2004. № 39.
172. Чурбанов Ю.М. Мой тесть Леонид Брежнев. М., 2007.
173. Шарапов В.В. Интервью. Генсек из КГБ // Красная звезда. 12.11.2002.
174. Шаталин С.С. Прерванный диалог. Тверь, 1998.
175. Шахназаров Г.Х. С вождями и без них. М., 2001.
176. Шебаршин Л.В. Рука Москвы. Записки начальника советской разведки. М., 2002.
177. Шелепин А.Н. История — учитель суровый // Л.И.Брежнев. Материалы к биографии. М., 1991.
178. Шелест П.Е. Да не судимы будете: дневниковые записи, воспоминания члена Политбюро ЦК КПСС. М., 1994.
179. Шепилов Д.Т. Непримкнувший. М., 2001.
180. Щербицкая А.Г. Интервью. Володе я верила безоговорочно // Бульвар Гордона. 2008. № 6.
181. Щёлоков И.Н. Николай Щёлоков. Герой своего времени и его жертва. М., 2008.
182. Яковлев А.Н. Омут памяти. М., 2001.
183. Яковлев А.Н. Сумерки. М., 2005.

Монографии, диссертации, книги, статьи

1. Абрамова Ю.А. Взаимоотношения руководства КПСС и Советской Армии в период хрущёвской «оттепели», 1953-1964 гг. Автореферат дисс. канд. ист. наук. М., 2000.
2. Абрамова Ю.А. Внутриполитическая борьба в высшем партийном руководстве СССР летом 1953 года // Вестник МГИУ. Серия «Гуманитарные науки». № 2. М., 2002.
3. Абрамова Ю.А. Незавершённая реформа Н.С.Хрущёва: преобразования Вооружённых сил СССР в 1953-1964 гг. // Вестник МГОУ. 2011. № 4.
4. Авторханов А.Г. Загадка смерти Сталина: заговор Берия. М., 1995.
5. Агапов М.Г. А.Г.Брагин и проекты еврейского национального строительства в СССР // Вопросы истории. 2013. № 2.
6. Агарёв А.Ф. Преемник Хрущёва: малоизвестные страницы биографии государственного и политического деятеля Ф.Р.Козлова. Рязань, 2011.
7. Агарёв А.Ф. Фрол Козлов. На взлёте: неизвестные страницы биографии государственного и политического деятеля Ф.Р.Козлова. Рязань, 2013.
8. Айзенштан Я. Маленков и другие // Континент. 1991. № 61.
9. Аксёнов Ю.С. Апогей сталинизма: послевоенная пирамида власти // Вопросы истории КПСС. 1990. № 11.
10. Аксютин Ю.В., Волобуев О.В. XX съезд КПСС: новации и догмы. М., 1991.
11. Аксютин Ю.В. (ред.) Л.И.Брежнев. Материалы к биографии. М., 1991.
12. Аксютин Ю.В. Пятый премьер, или почему Маленков не удержал бремя власти // Родина. 1994. № 5.
13. Аксютин Ю.В. Лечение после смерти // Родина. 1995. № 8.
14. Аксютин Ю.В. Новое о XX съезде КПСС // Отечественная история. 1998. № 2.
15. Аксютин Ю.В. Пятый советский премьер // Россия XXI. М., 1999.
16. Аксютин Ю.В. Восьмой советский премьер Косыгин // Россия XXI. 2000. № 4.
17. Аксютин Ю.В. «В Москве хорошая погода» или почему Хрущёва отправили в отставку // Исторический архив. 2008. № 5.
18. Аксютин Ю.В. Хрущёвская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953-1964 гг. М., 2010.
19. Аксютин Ю.В., Пыжиков А.В. Постсталинское общество: проблема лидерства и трансформация власти. М., 1999.
20. Аксютин Ю.В. Пыжиков А.В. О подготовке закрытого доклада Н.С.Хрущёва XX съезду КПСС в свете новых документов // Новая и новейшая история. 2002. № 2.
21. Аксютин Ю.В., Волобуев О.В., Журавлёв В.В. Леонид Ильич Брежнев: человек в политике и политика в человеке. М., 2013.
22. Ваксер А.З. «Ленинградское дело». Итоги изучения и новые аспекты. СПб., 2012; Акшинский В.С. Климент Ефремович Ворошилов. Биографический очерк. М., 1974.
23. Амосова А.А. Преданный забвению: политическая биография Петра Попкова. 1937-1950. СПб., 2014.
24. Андреенков С.Н. «Целинный проект» 1954 года: предпосылки, разработка и реализация в Сибири // Исторический ежегодник. Новосибирск, 2007.
25. Андриянов В.И. Косыгин. М., 2003.

26. Андриянов В.И., Мираламов Г.Ф. Гейдар Алиев. М., 2005.
27. Андриянов В.И., Чирсков В.Г. Борис Щербина. М., 2009.
28. Антонов-Овсеенко А.В. Берия. М., 1999.
29. Антонович С.В. Пётр Машеров. Минск, 2018.
30. Артизов А.Н. Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. М., 2000.
31. Артюков А.П. Процесс «мягкой» десталинизации в СССР в 1953-1956 гг. // Известия СНЦ РАН. Т. 17. 2015. № 3.
32. Аронсон Г. Еврейский вопрос в эпоху Сталина. Книга о русском еврействе: 1917-1967. Иерусалим, 2002.
33. Бабиченко Д.Л. Жданов, Маленков и дело ленинградских журналов // Вопросы литературы. 1993. № 3.
34. Бабиченко Д.Л. Писатели и цензоры. Советская литература 1940-х годов под политическим контролем ЦК. М., 1994.
35. Байбаков С.А. Общественно-политическая жизнь СССР (середина 60-х — начало 80-х гг.). М., 2007.
36. Байбаков С.А. Современные представления о разработке проекта третьей Конституции СССР (1977 г.): по новым архивным материалам // Вестник МГУ. Серия 8 «История». 2012. № 5.
37. Байгушев А.И. Русский орден внутри КПСС. Помощник М.А.Суслова вспоминает. М., 2006.
38. Байрау Д. Интеллигенция и власть: советский опыт // Отечественная история. 1994. №2.
39. Баландин Р.К. Маленков. Третий вождь Страны Советов. М., 2007.
40. Барсуков Н.А. Как был «низложен» Н. Хрущёв // Общественные науки. 1989. №6.
41. Барсуков Н.А. Провал антипартийной группы // Коммунист. 1990. № 6.
42. Барсуков Н.А. На пути к XX съезду КПСС. Трудная правда о культе личности // XX съезд КПСС и его исторические реалии. М., 1991.
43. Барсуков Н.А. Как был смещён Н.С.Хрущёв // Трудные вопросы истории. М., 1991.
44. Барсуков Н. Коммунистические иллюзии Хрущёва // Диалог. 1991. №. 5.
45. Барсуков Н.А. Беседа с А.Н.Шелепиным и В.Е.Семичастным // Неизвестная Россия. XX век. М., 1992.
46. Барсуков Н.А. Обратная сторона «оттепели» // Кентавр. 1993. № 4.
47. Барсуков Н.А. На переломе // Свободная мысль. 1994. № 6.
48. Барсуков Н.А. Как создавался «закрытый доклад» Хрущёва // Литературная газета. 1996. 21 февраля.
49. Барсуков Н.А. XX съезд в ретроспективе Хрущёва // Отечественная история. 1996. № 6.
50. Барсуков Н.А. Записка Пospelова и доклад Хрущёва // XX съезд. Материалы конференции к 40-летию XX съезда КПСС. М., 1996.
51. Батыгин Г.С., Девятко И.Ф. Дело академика Г.Ф.Александрова. Эпизоды 40-х годов // Человек. 1993. № 1.
52. Батыгин Г.С. Манёвры на философском фронте: эпизоды 40-х годов // Человек. 1993. № 2.
53. Безбородов А.Б. Власть и ВПК в СССР середины 40-х — середины 70-х годов // Советское общество: будни холодной войны. М., 2000.

54. Бейли Дж., Кондрашёв С., Мерфи Д. Поле битвы — Берлин. М., 2002.
55. Бенедиктов И.А. О Сталине и Хрущёве // Молодая гвардия. 1989. № 4.
56. Близниченко С.С., Лазарев С.Е. Борьба с «космополитами» в военно-морских академиях (1947-1953 гг.) // Известия Тульского ГУ. 2012. № 3.
57. Богомолов А.А. Кто на самом деле отдавал Крым Украине? // Совершенно секретно. 25.04.2014.
58. Болдовский К.А. К вопросу об экспансии ленинградских кадров в 1946-1948 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2010. Сер. 2. Вып. 3. Боффа Д. История Советского Союза: от Отечественной войны до положения второй мировой державы. Сталин и Хрущёв, 1941-1964. Т. 2, М., 1994. Бранденбергер Д. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931-1956 гг.). СПб., 2009.
59. Брежнев М.А. Министр Щёлоков. М., 2010.
60. Брент Д., Наумов В.П. Последнее дело Сталина. Заговор против еврейских врачей, 1948-1953. М., 2004.
61. Будкевич Г.В. Роль А.Н.Косыгина в развитии советского общества // Алексей Косыгин - политик-реформатор // Упущенный шанс или последний клапан? М., 2017.
62. Бурлацкий Ф.М. После Сталина. Заметки о политической оттепели // Новый мир. 1988. № 10.
63. Бурлацкий Ф.М. Никита Хрущёв. М., 2003.
64. Бурлацкий Ф.М. Реформы и реформаторы. М., 2008.
65. Буровский А.М. Брежнев без лжи. Да здравствует «Застой»! М., 2013.
66. Бутаков Я.А. Евгений Питовранов: самый таинственный босс советской разведки // Русская семёрка. 12.08.2018.
67. Быстрова И.В. Военная политика сталинского руководства: основные направления и механизмы // Сталин и холодная война. М., 1998.
68. Быстрова И.В. Военно-промышленный комплекс СССР в годы холодной войны (вторая половина 1940-х — начало 1960-х годов). М., 2000.
69. Ваксер А.З. «Ленинградское дело». Итоги изучения и новые аспекты. СПб., 2012.
70. Валовой Д.В. Экономика абсурдов и парадоксов. Очерки-размышления. М., 1991.
71. Ванюков Д.А. Хрущёвская оттепель. М., 2007.
72. Вдовин А.И. История СССР от Ленина до Горбачёва. М., 2014.
73. Вдовин А.И. СССР. История великой державы (1922-1991 гг.). М., 2018.
74. Вдовин А.И. Борьба за власть перед смертью Сталина // Свободная мысль. 2018. №2.
75. Верт Н. История советского государства. 1900-1991. М., 1992.
76. Войтиков С.С. Центральный Комитет. Высшее партийное руководство от Ленина и Плеханова до Хрущёва 1890-1964 гг. М., 2019.
77. Войтиков С.С. Троцкий, Фрунзе, Жуков: из истории красного бонапартизма. М., 2019.
78. Волкогонов Д.А. Триумф и трагедия. Политический портрет И.В.Сталина. Кн. 2. М., 1989.
79. Волкогонов Д.А. Семь вождей: галерея лидеров СССР. Кн. 2. М., 1995.
80. Волобуев О.В. У истоков XX съезда КПСС // Социально-политические науки. 1990. № 6.
81. Волынец А.Н. Жданов. М., 2013.

82. Вольвач П.В. Крым: путь в Украину. Симферополь, 2006.
83. Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991.
84. Гайдар Е.Т. Дни поражений и побед. М., 1996.
85. Гарнюк С.Д. Совет Народных Комиссаров СССР. Совет Министров СССР. Кабинет Министров СССР, 1923-1991. М., 1999.
86. Гдлян Т.Х., Додолев Е.Ю. Мафия времён беззакония. М., 1991.
87. Геллер М.Я., Некрич А.М. История России 1917-1995. Т. 2. Утопия у власти 1945-1985. М., 1996.
88. Гизатуллина Э.Ф. Сентябрьский (1965 год) Пленум ЦК КПСС как поворотный пункт в методах реализации государством функции управления советской экономикой // Общество и право. 2017. № 2.
89. Глотова О.А. Андрей Александрович Жданов: Идеологическая деятельность в 1920-1940-е годы. Автореферат дисс. канд. ист. наук. М., 2005.
90. Горлов В.Н. Н.С. Хрущёв и принятие решения о создании совнархозов // Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки». 2012. № 2.
91. Горобец Б.С. Ядерный реванш Советского Союза. Об истории атомного проекта СССР. М., 2014.
92. Губарев В.С. Белый архипелаг Сталина: документальное повествование о создании ядерной бомбы, основанной на рассекреченных материалах «Атомного проекта СССР». М., 2004.
93. Губарев В.С. Ракетный щит империи. М., 2006.
94. Губарев В.С. Русский космос: секретные технологии империи. М., 2006.
95. Губарев В.С. Секретные академики. М., 2008.
96. Губарев В.С. Атомная бомба. М., 2009.
97. Давыдова Ю.А., Громенко В.В. Экономические реформы в период «застоя» // Теория и практика общественного развития. 2014. № 7.
98. Дайнес В.О. Жуков: биография отдельного лица. М., 2010.
99. Даниленко М.А. Партийная и государственная деятельность Г.М.Маленкова (1939-1957 гг.). М., 2005.
100. Данилов А.А. О границах «оттепели» и «преждевременности» реформ // XX съезд. Материалы конференции к 40-летию XX съезда КПСС. М., 1996.
101. Данилов А.А. Утаённая конституция // Исторический архив. 1997. № 1.
102. Данилов А.А. Конституционный проект 1962-1964 гг. // Проблемы политической и экономической истории России. М., 1998.
103. Данилов А.А. Сталинское Политбюро в послевоенные годы. // Политические партии: страницы истории. М., 2000.
104. Данилов А.А. Высшие органы власти СССР в первые послевоенные годы // Историческая наука на рубеже веков. М., 2001.
105. Данилов А.А., Пыжиков А.В. Рождение сверхдержавы: 1945-1953 годы. М., 2002.
106. Данилов А.А. И.В. Сталин в 1945-1953 гг.: новые источники и попытки осмысления // Историография сталинизма. М., 2007.
107. Даниленко М.А. Г.М.Маленков в борьбе за власть в 1953-1957 гг. // Эволюция российской государственности: прошлое и современность. Ставрополь: СИПП, 2004.
108. Даниленко М.А. Экономическая программа Г.М.Маленкова и политическая борьба вокруг её реализации // Научные труды МПГУ. Серия «Социально-

исторические науки». М., 2004.

109. Даниленко М.А. Партийная и государственная деятельность Г.М. Маленкова (1939-1957 гг.). Автореферат дисс. канд. ист. наук. М., 2005.
110. Демидов В.И., Кутузов В.А. Последний удар. «Ленинградское дело». Л., 1990.
Демидов В.И., Кутузов В.А. Андрей Александрович Жданов в Нижнем Новгороде // Век XX: историография, источниковедение, региональная история России. Н. Новгород, 2004.
111. Денисов Ю.П. Аграрная политика Н.Хрущёва: итоги и уроки // Общественные уроки и современность. 1996. № 1.
112. Драбкин Я.С. Эрнст Генри — «наш человек в XX веке» // Новая и новейшая история. 2004. № 4.
113. Дымарский В.Н. Времена Хрущёва. В людях, фактах и мифах. М., 2011.
114. Евзеров Р.Я. Год 1953. Руководство СССР после смерти И.В.Сталина // Преподавание истории в школе. 2002. № 9.
115. Емельянов Ю.В. Хрущёв. Смутьян в Кремле. М., 2005.
116. Емельянов Ю.В. Сталин на вершине власти. М., 2007.
117. Емельянов Ю.В. Сталин перед судом пигмеев. М., 2008.
118. Емельянов Ю.В. Хрущёв. От пастуха до секретаря ЦК. М., 2012.
119. Емельянов Ю.В. Он мог стать преемником Сталина // Столетие. Март 2013.
120. Есаков В.Д. К истории философской дискуссии 1947 года // Вопросы философии. 1993. № 3.
121. Ефимов Н.Н. Красная империя. Взлёт и падение. М., 2006.
122. Жиленков М. Политическая борьба после смерти Сталина. Свержение Берии // Суть времени. 2015. № 143-144.
123. Жилияев В.И., Кайкова О.К. Биографические сведения некоторых сотрудников подразделения охраны и обслуживающего персонала И.В.Сталина // Жизнь в тени вождей. Исторический вестник. Т. 5 (152).
124. Жирнов Е.П. «Человек с душком». Штрихи к портрету Юрия Андропова // Коммерсантъ Власть. 2001. № 15.
125. Жирнов Е.П. Чекист из Фирмы // Коммерсантъ Власть. 2004. № 14.
126. Жирнов Е.П. Бывших офицеров СС вербовали и до меня // Коммерсантъ Власть. 2004. № 15.
127. Жирнов Е.П. Смерть отдела «П» // Коммерсантъ Власть. 2004. № 16.
128. Жуков Ю.Н. Борьба за власть в руководстве СССР в 1945-1952 годах // Вопросы истории. 1995. № 1.
129. Жуков Ю.Н. Крутой поворот... назад // XX съезд. Материалы конференции к 40-летию XX съезда КПСС. М., 1996.
130. Жуков Ю.Н. XX Съезд КПСС: расставание с мифом // Крайности истории и крайности историков. М., 1997.
131. Жуков Ю.Н. Тайны Кремля: Сталин, Молотов, Берия, Маленков. М., 2000.
132. Жуков Ю.Н. Сталин: тайны власти. М., 2005.
133. Жуков Ю.Н. Политическое наследие Сталина и его преодоление // 50 лет без Сталина: наследие сталинизма и его влияние на историю второй половины XX века. М., 2005.
134. Згоржельская С.С. Концепция общенародного государства в проекте конституции СССР 1964 г. Автореферат дисс. канд. юрид. наук. М., 2007.
135. Замостьянов А.А. А.Н.Косыгин. Биографический очерк. М., 2002.

136. Зверев Э.Н. В.В.Кузнецов (к 100-летию со дня рождения) // Дипломатический вестник. 02.2001.
137. Звягинцев В.Е. Трибунал для героев. М., 2005.
138. Зезина М.Р. Шоковая терапия: от 1953-го к 1956 году // Отечественная история. 1995. №2.
139. Зезина М.Р., Сивохина Т.А. Апогей режима личной власти. «Оттепель». Поворот к неосталинизму. М., 1993.
140. Зеленин И.Е. Целинная эпопея: разработка, принятие и осуществление первой хрущёвской сверхпрограммы (сентябрь 1953 — начало 1960-х гг.) // Отечественная история. 1998. № 4.
141. Зеленин И.Е. Характерная страница аграрной истории России (Как решалась зерновая проблема при Н.С.Хрущёве) // Куда идёт Россия? М., 1999.
142. Зеленин И.Е. Аграрная политика Н.С.Хрущёва и сельское хозяйство. М., 2001.
143. Зеленов М.В. Аппарат ЦК ВКП(б) — КПСС в 1939-1948 гг.: общая характеристика // Актуальные проблемы отечественной истории и современной модернизации России. Н. Новгород, 2010.
144. Зеленов М.В. Перестройка аппарата ЦК ВКП(б) в 1946 г., июле 1948 и октябре 1952 г.: структура, кадры и функции (источники для изучения) // Новейшая история России. 2011, № 1.
145. Земцов А.Л. Конституция СССР 1977 г. // Проблемы современной науки и образования. 2017. № 22 (104).
146. Земцов И.Г. Черненко: СССР в канун перестройки. Лондон, 1989.
147. Земцов И.Г. Крах эпохи. Кн. 1. М., 1999.
148. Зенькович Н.А. Вожди и сподвижники. М., 1997.
149. Зенькович Н.А. Михаил Горбачёв: жизнь до Кремля. М., 2001.
150. Зенькович Н.А. СССР. Самые знаменитые побеги. М., 2002.
151. Зенькович Н.А. Покушения и инсценировки. От Ленина до Ельцина. М., 2004.
152. Зенькович Н.А. Самые закрытые люди. Энциклопедия биографий. М., 2004.
Зенькович Н.А. Тайны ушедшего века: Лжесвидетельства. Фальсификации. Компромат. М., 2004.
153. Зубкова Е.Ю. Опыт и уроки незавершённых поворотов 1956 и 1960 годов // Страницы истории советского общества. М., 1989.
154. Зубкова Е.Ю. Маленков, Хрущёв и «оттепель» // Коммунист. 1990. № 13.
155. Зубкова Е.Ю. Лидеры и судьбы: «посадник» Георгия Маленкова // Полис. 1991. №5.
156. Зубкова Е.Ю. Общество и реформы 1945-1964 М., 1993.
157. Зубкова Е.Ю. Маленков и Хрущёв: личный фактор в политике послесталинского руководства // Отечественная история. 1995. № 4.
158. Зубкова Е.Ю. Кадровая политика и чистки в КПСС. 1945-1953 // Свободная мысль. 1999. № 3, 4, 6.
159. Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность, 1945-1953. М., 2000.
160. Иванов В.А. «Скорпионы»: коррупция в послевоенном Ленинграде (операция органов госбезопасности по ликвидации организованной группы преступников в январе 1946 года) // Политический сыск в России: история и современность. СПб., 1997.

161. Ивкин В.И. Государственная власть СССР. Высшие органы власти и управления и их руководители, 1923-1991. М., 1999.
162. Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. От Великой Победы до наших дней. М., 2002.
163. Кимерлинг А.С. Выполнять и лукавить: политические кампании поздней сталинской эпохи. М., 2017.
164. Киран Р. Хрущёв лгал, но где же истина? // Прорыв. 11.2011.
165. Клейн Б.С. Политика США и «дело врачей» // Вопросы истории. 2006. № 6.
166. Кобба Д.В. Государственная деятельность Л.П.Берия, 1939-1953 гг. Автореферат дисс. канд. ист. наук. М., 2002.
167. Кобба Д.В. Берия: за что его не любят... М., 2013.
168. Коваленко С.Г. Реформы управления народным хозяйством СССР середины 1950-х — 1970-х годов // Вопросы истории. 2008. № 6.
169. Кожин В.В. Россия. Век XX. (1939-1964). Опыт беспристрастного исследования. М., 1999.
170. Козлов В.А. Социум в неволе: конфликтная самоорганизация лагерного сообщества и кризис управления ГУЛАГом (конец 1920-х — начало 1950-х гг.) // Общественные науки и современность. 2004. № 5-6.
171. Козлов В.А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущёве и Брежневе. М., 2009. Кокурин А.И., Пожаров А.И. «Новый курс» Л.П. Берии. 1953 г. // Исторический архив. 1996. № 4.
172. Кокурин А.И., Петров Н.В. Лубянка: Органы ВЧК - ОГПУ - НКВД - НКГБ -МГБ - МВД - КГБ. 1917-1991. Справочник. М., 2003.
173. Колпакиди А.И. Энциклопедия секретных служб России. М., 2003. Косолапов Р.И. Слово товарищу Сталину. М., 2002.
174. Коновалов А.Б. Модернизация системы номенклатурных льгот и привилегий: опыт хрущёвских реформ (1953-1964 годы) // Исторический ежегодник СО РАН. Новосибирск, 2007.
175. Корнеева Н.А. Екатерина Фурцева. Политическая мелодрама. М., 2007.
176. Костин А.Л. Убийство Сталина. Все версии и ещё одна. М., 2012.
177. Костырченко Г.В. В плену у красного фараона. Политические преследования евреев в последнее сталинское десятилетие. М., 1994.
178. Костырченко Г.В. Кампания по борьбе с космополитизмом в СССР // Вопросы истории. 1994. № 8.
179. Костырченко Г.В. Решение январского (1955 г.) пленума ЦК КПСС о Г.М.Маленкове // Вопросы истории. 1999. № 1.
180. Костырченко Г.В. Маленков против Жданова (Игры сталинских фаворитов) // Родина. 2000. № 9.
181. Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. М., 2001.
182. Костырченко Г.В. Параистория. Заметки по поводу новой книги Дж.Брента и В.Наумова «Последнее преступление Сталина. Заговор против еврейских врачей, 1948-1953» // The Soviet and Post-Soviet Review (Idyllwild, California, USA). 2006.
183. Костырченко Г.В. Сталин против «космополитов». Власть и еврейская интеллигенция в СССР. М., 2009.
184. Костырченко Г.В. История авиационного дела 1946 года // Страницы истории Минавиапрома СССР. М., 2011.

185. Костырченко Г.В. Тайная политика Хрущёва: власть, интеллигенция, еврейский вопрос. М., 2012.
186. Красиков С.П. Возле вождей. М., 1997.
187. Краснов В.Г. Жуков. Маршал великой империи. Лавры и тернии полководца. М., 2005.
188. Кредов С.А. Щёлоков. М., 2011.
189. Кремлёв С. Берия. Лучший менеджер XX века. М., 2008.
190. Кремлёв С. Зачем убили Сталина? Преступление века. М., 2010.
191. Кугушев В.С. Лонжюмо имени Андропова // Стрингер. 12.02.2002.
192. Кудашин А.С. Партийная и государственная деятельность А.Н.Косыгина: 1939-1980 гг. Автореферат дисс. канд. ист. наук. М., 2005.
193. Кудий Г.Н. Хрущёв на царстве. М., 2016.
194. Кузнечевский В.Д. Ленинградское дело: наивная попытка создать этнически чистое русское правительство была утоплена в крови. М., 2013.
195. Кузнечевский В.Д. «Ленинградское дело». М., 2016.
196. Кузнечевский В.Д. Сталин и «русский вопрос» в политической истории Советского Союза. 1931-1953 гг. М., 2016.
197. Куропаткин А.П. Новые направления в идеологической пропаганде СССР после смерти И.В.Сталина // Известия СНИЦ РАН. Т. 13.2011. № 3.
198. Кутузов В.А. Так называемое «Ленинградское дело» // Вопросы истории КПСС. 1989. № 3.
199. Кутузов В.А. Несостоявшийся Генсек: Ф.Р.Козлов // Санкт-Петербургская панорама. 1993. № 7.
200. Кутузов В.А. А.А.Жданов и постановление ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград» // Новая и новейшая история. 2001. № 1.
201. Кутузов В.А. Дискуссионные и малоизученные вопросы «Ленинградского дела» // Актуальные проблемы историографии и исторической науки. СПб., 2004.
202. Кутузов В.А. «Ленинградское дело»: мифы и реалии // Судьбы людей. «Ленинградское дело». СПб., 2009.
203. Кутузов В.А. А.А.Жданов и постановление ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград» // Новейшая история России. 2011. № 1.
204. Кутузов В.А. А.А.Жданов или А.А.Кузнецов? К вопросу о лидерстве в блокированном Ленинграде // Новейшая история России. 2012. № 1.
205. Кутузов В.А. Загадочная смерть А.А.Жданова // Новейшая история России. 2013. № 1.
206. Лавринов С.Я., Попов И.М. Советский Союз в локальных войнах и конфликтах. М., 2003.
207. Легостаев В.М. Как умер Брежнев // Завтра. 1997. № 44.
208. Легостаев В.М. Генсек кровавый // Завтра. 2001. № 9-10.
209. Легостаев В.М. Гебист магнетический. Заметки о Ю.В.Андропове // Завтра. 2004. № 5-8.
210. Легостаев В.М. Как Горбачёв «прорвался» во власть. М., 2011.
211. Лейбович О.Л. Реформа и модернизация в 1953-1964 гг. Пермь, 1993.
212. Лельчук В.С. Научно-техническая революция и промышленное развитие СССР. М., 1987.
213. Лешукова Т.В. Историография «Ленинградского дела» // Исторический опыт русского народа и современность. СПб., 1994.

214. Липкин М.А. Московское экономическое совещание 1952 г.: тактический манёвр или новая стратегическая линия СССР? // Вестник РУДН. Серия «История России». 2010. № 2.
215. Липкин М.А. СССР и проблема формирования многосторонних экономических организаций в 1940-х гг. // Многосторонняя дипломатия в биполярной системе международных отношений. М., 2012.
216. Лукьянов А.И. Разработка и принятие Конституции СССР 1977 года (1962—1977 гг.) // Сайт Конституции РФ.
217. Лурье Л., Малярова И. 1956 год. Середина века. СПб., 2007.
218. Лысков Д.Ю. «Сталинские репрессии». Великая ложь XX века. М., 2009.
219. Лясс Ф. Последний политический процесс Сталина, или несостоявшийся юдоцид. М. — Иерусалим, 2007.
220. Майсурян А.А. Другой Брежнев. М., 2004.
221. Максименков Л.В. Документов о последних двух неделях Сталина просто нет... // Огонёк. Март 2016.
222. Малкин В., Лыкова Л. «Цель была спасти жизнь больного» // Источник. 1997. № 1.
223. Мальков В.Л. «Манхэттэнский» проект. Разведка и дипломатия. М., 1995.
224. Мальков В.Л. Термоядерная бомба и меняющийся баланс сил в советско-американских отношениях. «Супер» против «Слойки» // Новая и новейшая история. 2015. № 6.
225. Мальков В.Л. Ни мира, ни войны. Джордж Фрост Кеннан о России и русских без «дури» и предубеждений // Ars Historica. М. — СПб., 2015.
226. Мартиросян А.Б. Сталин после войны. 1945-1953 годы. М., 2007.
227. Медведев В.А. В команде Горбачёва. Взгляд изнутри. М., 1994.
228. Медведев В.Т. Человек за спиной. М., 1994.
229. Медведев Ж.А. Сталин и еврейская проблема. Новый анализ. М., 2003.
230. Медведев Ж.А., Медведев Р.А. Неизвестный Сталин. М., 2010.
231. Медведев Р.А. Н.С.Хрущёв. Политическая биография. М., 1989.
232. Медведев Р.А. О Сталине и сталинизме. М., 1990.
233. Медведев Р.А. Личность и эпоха. Политический портрет Л.И.Брежнева. М., 1991.
234. Медведев Р.А. Фарс с примесью трагедии // Л.И.Брежнев. Материалы к биографии. М., 1991.
235. Медведев Р.А. Неизвестный Андропов. М., 1999.
236. Медведев Р.А. Юрий Андропов: Неизвестное об известном. М., 2004.
237. Медведев Р.А. Ближний круг Сталина: соратники вождя. М., 2005.
238. Медведев Р.А. Они окружали Сталина. М., 2006.
239. Медведев Р.А. Никита Хрущёв: отец или отчим советской «оттепели»? М., 2006.
240. Медведев Р.А., Ермаков Д.А. Серый кардинал. М.А.Суслов: политический портрет. М., 1992.
241. Медведев Р.А. Наумов В.П. XX съезд: тайна закрытого заседания // Вечерний клуб. 26.02.1996.
242. Межуев Б.В. Смерть Архитектора // Агентство политических новостей. 19.10.2005.
243. Микоян С.А. Алексей Снегов в борьбе за «десталинизацию» // Вопросы истории. 2006. № 4.
244. Минутко И.А. Юрий Андропов. Реальность и миф. М., 2004.

245. Миронин С.С. Как отравили Сталина. Судебно-медицинская экспертиза. М., 2010.
246. Митрохин Н.А. Русская партия. Движение русских националистов в СССР. 1953-1985 годы. М., 2003.
247. Митрохин Н.А. Идеиные группировки в аппарате ЦК КПСС в предперестроечный период // Круглый стол в «Горбачёв-фонде». 08.06.2004.
248. Митрохин Н.А. Back-Office Михаила Суслова или кем и как производилась идеология брежневского времени // Тетради русского мира. 54/3-4.2013.
249. Млечин Л.М. Смерть Сталина: вождь и его соратники. М., 2003.
250. Млечин Л.М. Железный Шурик. М., 2004.
251. Млечин Л.М. КГБ. Председатели органов безопасности. М., 2008.
252. Млечин Л.М. Юрий Андропов. Последняя надежда режима. М., 2008.
253. Млечин Л.М. Шелепин. М., 2009.
254. Млечин Л.М. Брежнев. М., 2011.
255. Млечин Л.М. Как Брежнев сменил Хрущёва. Тайная история дворцового переворота. М., 2015.
256. Млечин Л.М. Примаков. М., 2015.
257. Млечин Л.М. Кремль-1953. Борьба за власть со смертельным исходом. М., 2016.
258. Монтефиоре С. Сталин: Двор Красного монарха. М., 2005.
259. Москаленко С.Г. Эволюция аграрной концепции Н.С.Хрущёва (1953-1964). Автореферат дисс. канд. ист. наук. Ростов н/Д, 1992.
260. Мухин Ю.И. Убийство Сталина и Берия. М., 2002.
261. Мухин Ю.И. Убийцы Сталина. Главная тайна XX века. М., 2009.
262. Наумов В.П. Реформатор из «сталинской шинели» // Свободная мысль. 1994. № 10.
263. Наумов В.П. Борьба Н.С.Хрущёва за единоличную власть // Новая и новейшая история. 1996. № 2.
264. Наумов В.П. К истории секретного доклада Н.С.Хрущёва на XX съезде КПСС // Новая и новейшая история. 1996. № 4.
265. Наумов В.П. Н.С.Хрущёв и реабилитация жертв массовых политических репрессии // Вопросы истории. 1997. № 4.
266. Наумов В.П. Был ли заговор Берии? Новые документы о событиях 1953 г. // Новая и новейшая история. 1998. № 5.
267. Некрасов В.Л. Реформа Госплана СССР 1955 г.: разработка новой модели планирования экономики // Вестник ТомГУ. 2012. № 368.
268. Некрасов В.Ф (отв. ред.) Берия: конец карьеры. М., 1991.
269. Николаевский Б.И. К биографии Маленкова и истории компартии СССР // Тайные страницы истории. М., 1995.
270. Никифоров Ю.А. Кузнецов Николай Герасимович // Сто великих полководцев. М., 2015.
271. Никонов В.А. Молотов: молодость. М., 2005.
272. Ничкова В.В. «Часы остановились в 16:15» // Генерал Цвигун. Частные хроники. 19.01.2017.
273. Ничкова В.В. Дополнительные обстоятельства // Генерал Цвигун. Частные хроники. 20.01.2018.
274. Новик Ф.И. Советская политика в отношении ГДР до и после 17 июня 1953 года (по документам Архива внешней политики Российской Федерации) // Россия и Германия. Вып. 2. М., 2001.

275. Новик Ф.И. «Оттепель» и инерция холодной войны (Германская политика СССР в 1953-1955 гг.). М., 2001.
276. Нуждин Л.Г. Долгих Владимир Иванович. Человек-легенда. М., 2011.
277. Олейников Д. Дворянин, секретарь ЦК КПСС // Родина. 1994. № 1.
278. Опенкин Л.А. На историческом перепутье [штрихи к портрету Г.М.Маленкова] // Вопросы истории КПСС. 1990. № 1.
279. Остерман К. США и события 17 июня 1953 года в ГДР // Вопросы истории. 1999. № 11-12.
280. Островский А.В. Кто стоял за спиной Сталина? М. — СПб., 2004.
281. Островский А.В. Кто поставил Горбачёва. М., 2010.
282. Панов В., Чичкин А. Как Крым Украине отдали // Столетие. 24.01.2014.
283. Папиашвили Я.М. После Мжаванадзе // Время НН. 15 апреля. 2010.
284. Паповян Е., Паповян А. Участие Верховного Суда СССР в выработке репрессивной политики. 1957-1958 гг. // Корни травы. Сб. статей молодых историков. М., 1996.
285. Петров Н.В. Палачи. Они выполняли заказы Сталина. М., 2011.
286. Петров Н.В. По сценарию Сталина. Роль органов НКВД — МГБ СССР в советизации стран Центральной и Восточной Европы. 1945-1953 гг. М., 2011.
287. Петров Н.В. Иван Серов -- председатель КГБ. М., 2021.
288. Пихоя Р.Г. О внутривластной борьбе в советском руководстве, 1945-1958 гг. // Новая и новейшая история. 1995. № 6.
289. Пихоя Р.Г. СССР: история власти, 1945-1991. М., 1998.
290. Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти, 1945-1991. Новосибирск, 2000.
291. Пихоя Р.Г. Москва. Кремль. Власть. 1945-1964. М., 2009.
292. Пихоя Р.Г. СССР. История Великой Империи: под знаком Сталина. М., 2009.
293. Платошкин Н.Н. Жаркое лето 1953 г. в Германии. М., 2004.
294. Плимак Е.Г. «Надо основательно прочистить мозги»: (К 50-летию философской дискуссии 1947 г.) // Вопросы философии. 1997. № 7.
295. Пожаров А.И. КГБ и партия (1954-1964 гг.) // Отечественная история. 1999. №4.
296. Пономарёв П.Н. Н.С.Хрущёв: путь к лидерству. М., 1990.
297. Попов В.П. Неизвестная инициатива Хрущёва // Отечественные архивы. 1993. № 2.
298. Попов В.П. Экономическая политика советского государства. 1946-1953 гг. Тамбов, 2000.
299. Попов В.П. Большая ничья. СССР от Победы до распада. М., 2005.
300. Попов В.П. Сталинизм в человеческом измерении: работы разных лет. М., 2016.
301. Попов Г.Х. Теория и практика социализма в XX веке. М., 2006.
302. Попов Г.Х. Реформирование неререформируемого. Попытка Алексея Косыгина. М., 2009.
303. Прозоров Б.Л. Рассекреченный Андропов: взгляд извне и изнутри. М., 2004.
304. Прудникова Е.А. Сталин. Второе убийство. М., 2003.
305. Прудникова Е.А. 1953. Роковой год советской истории. М., 2008.
306. Прудникова Е.А. 1953 год. Смертельные игры. М., 2011.
307. Прудникова Е.А. Берия. Последний рыцарь Сталина. М., 2014.
308. Пыжиков А.В. Коллизии «хрущёвской оттепели». М., 1997.
309. Пыжиков А.В. Оттепель: идеологические новации и проекты (1953-1964 гг.). М., 1998.

310. Пыжиков А.В. Опыт модернизации советского общества в 1953-1964 годах: общественно-политический аспект. М., 1998.
311. Пыжиков А.В. Политические преобразования в СССР (50-60-е годы). М., 1999.
312. Пыжиков А.В. Конфигурация и функционирование власти в СССР. 1945-1953 гг. М., 1999.
313. Пыжиков А.В. Ленинградская группа: путь к власти (1946-1949) // Свободная мысль. 2001. № 3.
314. Пыжиков А.В. Военный приоритет мирного времени — экономическое развитие СССР // Вопросы экономики. 2001. № 5.
315. Пыжиков А.В. Советское послевоенное общество и предпосылки хрущёвских реформ // Вопросы истории. 2002. № 2.
316. Пыжиков А.В. «Основные задачи ВКП(б) по строительству коммунистического общества»: Из проекта программы партии 1947 г. // Исторический архив. 2002. № 6.
317. Пыжиков А.В. Хрущёвская «оттепель» 1953-1964. М., 2002.
318. Пыжиков А.В. Проблемы культа личности в годы хрущёвской оттепели // Вопросы истории. 2003. № 4.
319. Пыжиков А.В. Новое прочтение драматического эпизода отечественной политической истории // Вестник Российской академии наук. Т. 76. 2006. № 5.
- Пыжиков А.В. Холодная война. 1945-1963 гг. Историческая ретроспектива // Отечественная история. 2006. № 4.
320. Пыжиков А.В. Корни сталинского большевизма. М., 2016.
321. Пыжиков А.В. Славянский разлом. Украинско-польское иго в России. М., 2017.
322. Пыхалов И.В., Денисов И.А. СССР без Сталина: Путь к катастрофе. М., 2009.
323. Радзинский Э.С. Сталин. М., 1997.
324. Раззаков Ф.И. Коррупция в Политбюро: Дело «красного узбека». М., 2009.
325. Раззаков Ф.И. Спасти Рашидова! Андропов против СССР. КГБ играет в футбол. М., 2019.
326. Раззаков Ф.И. Интервью А.И.Фурсову. Брежневский дневник // Завтра. 2020. № 32.
327. Раппопорт Я.Л. На рубеже двух эпох. Дело врачей 1953 года. М., 2003.
328. Рейман М. Послевоенное соперничество и конфликты в советском политическом руководстве // Вопросы истории. 2003. № 3.
329. Ризаев С.Р. Шараф Рашидов. Штрихи к портрету. Ташкент, 1998.
330. Родович Ю.В. О «ноте Сталина» от 10 марта 1952 г. по германскому вопросу // Новая и новейшая история. 2002. № 5.
331. Рубинин П.Е. Капица, Берия и бомба // Наука и общество: История советского атомного проекта (40-50-е годы). М., 1999.
332. Рубинштейн Д. Разгром Еврейского антифашистского комитета. СПб., 2002.
333. Русинов И.В. Аграрная политика КПСС в 50-е — первой половине 60-х гг.: опыт и уроки // Вопросы истории КПСС. 1988. № 9.
334. Рухадзе А.А. События и люди (1948-1991 годы). Продолжение: 12 лет спустя. М., 2005.
335. Рыбас С.Ю. Московские против питерских: «Ленинградское дело» Сталина». М., 2013.
336. Рыбас С.Ю. Сталин. М., 2015.
337. Самсонов А.А. Генеральское дело // Военное обозрение. Июнь 2016.

338. Семанов С.Н. Андропов. 7 тайн генсека с Лубянки. М., 2001.
339. Семанов С.Н. Брежнев — правитель Золотого века. М., 2002.
340. Семанов С.Н. Председатель КГБ Юрий Андропов. М., 2008.
341. Семанов С.Н. Юрий Андропов. Генсек из КГБ. М., 2011.
342. Семанов С.Н., Кардашов В.И. Иосиф Сталин, жизнь и наследие. М., 1997.
343. Серебрякова З.Л. Оттепель, заморозки, оттепель... // XX съезд. Материалы конференции к 40-летию XX съезда КПСС. М., 1996.
344. Сивохина Т.А., Зезина М.Р. Апогей режима личной власти. «Оттепель». Поворот к неосталинизму: общественно-политическая жизнь в СССР в середине 1940-1960-х гг. М., 1993.
345. Сивохина Т.А., Зезина М.Р. От сталинской диктатуры к «коллективному руководству». М., 1993.
346. Сидоренко А.Г. Таким мы знаем Ю.В.Андропова // Команда Андропова. М., 2005.
347. Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920-1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М., 1996.
348. Синицин И.Е. Андропов вблизи. Воспоминания о временах оттепели и застоя. М., 2015.
349. Славкина М.В. Байбаков. М., 2010.
350. Смирнов И.И. Тропы истории. Криптоаналитика глубинной власти. М., 2020.
351. Смирнов М.Б. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР 1923-1960.
352. Справочник. М., 1998.
353. Смыслов О.В. Генерал Абакумов. Палач или жертва? М., 2012.
354. Соловейчик В.М. «Мегрельское дело» — последний бой товарища Сталина // Sensus novus. 12.03.2013.
355. Соловьёв В.И., Клёпикова Е.К. Заговорщики в Кремле. М., 1991.
356. Соловьёв В.И., Клёпикова Е.К. Юрий Андропов: тайный ход в Кремль. СПб., 1995.
357. Соколов Б.В. Неизвестный Жуков: портрет без ретуши в зеркале эпохи. М., 2000.
358. Соколов Б.В. Иосиф Сталин: Власть и кровь. М., 2004.
359. Соколов Б.В. Леонид Брежнев. Золотая эпоха. М., 2004.
360. Соколов Б.В. Берия: Судьба всесильного наркома. М., 2008.
361. Соловьёв Р.А. Реформа Вооружённых сил СССР в 1953-1964 гг. Проблемы социальной адаптации увольняемых военнослужащих // Вестник Брянского ГУ. 2014. № 2.
362. Спицын Е.Ю. Осень патриарха. М., 2018.
363. Спицын Е.Ю. Хрущёвская слякоть. М., 2019.
364. Спицын Е.Ю. Брежневская партия. М., 2021.
365. Старков Б.А. Сто дней «лубянского маршала» // Источник. 1993. № 4.
366. Старков Б.А. Борьба с коррупцией и политические процессы в Ленинграде во второй половине 40-х гг. // Политика, общество, человек. СПб., 2008.
367. Старилов Н.В. Сталин. После войны. Книга 1. 1945-1948. М., 2019.
368. Старилов Н.В. Сталин. После войны. Книга 2. 1948-1953. М., 2020.
369. Столяров К.А. Палачи и жертвы. М., 1998.
370. Стрекалов И.Н. Последняя Конституция Советского Союза. К вопросу о создании. М., 2017.

371. Султанбеков Б.Ф. Семён Игнатьев: Свет и тени биографии сталинского министра. Казань, 2012.
372. Суханов Д.Н., Безыменский Л. Сталин пошевелил пальцами... // Новое время. 1991. №48.
373. Сухомлинов А.В. Кто вы, Лаврентий Берия? Неизвестные страницы уголовного дела. М., 2004.
374. Сушков А.В. Структура и персональный состав Президиума ЦК КПСС в 1957-1964 гг. Автореферат дисс. канд. ист. наук. Екатеринбург, 2003.
375. Сушков А.В. Руководители города Свердловска. Екатеринбург, 2007.
376. Сушков А.В. Высшее руководство СССР и «Рязанское дело» (1959-1961 годы) // Вестник ЧГУ. Выпуск 35. Челябинск, 2008.
377. Сушков А.В. Президиум ЦК КПСС в 1957-1964 гг.: личности и власть. Екатеринбург, 2009.
378. Сушков А.В. Ф.Р.Козлов: от чернорабочего до инспектора ЦК ВКП(б) // Веси. 2015. №9.
379. Сушков А.В. «Ленинградское дело». Привилегированная жизнь «ленинградских вождей» в первые послевоенные годы // Свободная мысль. 2018. № 4. Сушков А.В. «Ленинградское дело»: генеральная чистка «колыбели революции». Екатеринбург, 2018.
380. Таубмэн У. Хрущёв. М., 2008.
381. Томилин В.Н. Кампания по освоению целинных и залежных земель в 1954-1959 гг. // Вопросы истории. 2009. № 9.
382. Трофимов А.В. Политическое развитие СССР в 1953-1964 гг.: историографический обзор. Екатеринбург, 1996.
383. Ферр Г. Антисталинская подлость. М., 2007.
384. Ферр Г. Тени XX съезда, или Антисталинская подлость. М., 2010.
385. Филитов А.М. СССР и ГДР: год 1953-й // Вопросы истории. 2000. № 7.
386. Филитов А.М. «Новый курс». Германский вопрос в советской политике, 1953 год // Россия и Германия. Вып. 2. М., 2001
387. Фокин А.А. Образы коммунистического будущего у власти и населения СССР на рубеже 1950-1960-х гг. Автореферат дисс. канд. ист. наук. Челябинск, 2007.
388. Фроянов И.Я. Погружение в бездну. М., 1999.
389. Фурсенко А.А. Конец эры Сталина // Звезда. 1999. № 12.
390. Фурсенко А.А. Россия и международные кризисы. Середина XX века. М., 2006.
391. Хавкин Б.Л. Берлинское жаркое лето 1953 года // Новая и новейшая история. 2004. № 2.
392. Ханин Г.И. 50-е годы — десятилетие триумфа советской экономики // Свободная мысль — XXI. 2002. № 5.
393. Ханин Г.И. Экономическая история России в новейшее время. Экономика СССР в конце 30-х годов — 1987 год. Т. 1. Новосибирск, 2008.
394. Хлевнюк О.В. Берия: пределы исторической реабилитации // Свободная мысль. 1995. № 2.
395. Хлевнюк О.В. Советская экономическая политика на рубеже 1940-1950-х годов и «дело Госплана» // Отечественная история. 2001. № 3.
396. Хлевнюк О.В. Сталин и органы государственной безопасности в послевоенный период // Cahiers du Monde russe. 2001. № 42/2-3-4.

397. Хлевнюк О.В., Горлицкий Й. Холодный мир. Сталин и завершение сталинской диктатуры. М., 2011.
398. Хлевнюк О.В. Роковая реформа Н.С.Хрущёва: разделение партийного аппарата и его последствия. 1962-1964 годы. // Российская история. 2012. № 4.
399. Хлевнюк О.В. Сталин: жизнь одного вождя. М., 2015.
400. Холловой Д. Атомоход Лаврентий Берия. М., 2011.
401. Черкасов П.П. ИМЭМО. Портрет на фоне эпохи. М., 2004.
402. Черкасов П.П. Валери Жискар д'Эстен // Новая и новейшая история. 2019. №5.
403. Чернобаев А.А. На приёме у Сталина: тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В.Сталиным (1924-1953 гг.). М., 2008.
404. Черняховский С.Ф. Политики, предатели, пророки. Новейшая история России в портретах (1985-2012). М., 2016.
405. Чигирин И.И. Сталин. Болезни и смерть. Документы. М., 2016.
406. Чураков Д.О. СССР при Брежневе: вся правда о великой эпохе. М., 2015.
407. Шаповал Ю.І. Україна 20-50-х років: сторінки ненаписаної історії. Київ, 1993.
408. Шаповал Ю.І. Україна ХХ століття: Особи та події в контексті важкої історії. Київ, 2001.
409. Шаттенберг С. Леонид Брежнев. Величие и трагедия человека и страны. М., 2018.
410. Шевелев В.Н. Н.С.Хрущёв. Ростов н/Д., 1999.
411. Шестаков В.А. Социально-экономическая политика Советского государства в 50-е — середине 60-х годов. М., 2006.
412. Шестаков В.А. Аграрная политика Н.С.Хрущёва: преемственность и новации // Отечественная история. 2006. № 6.
413. Шмелёв Н.П. Авансы и долги. М., 1989.
414. Шубин А.В. От «застоя» к реформам. СССР в 1917-1985 гг. М., 2001.
415. Шубин А.В. Золотая осень, или Период застоя. СССР в 1975-1985 гг. М., 2008.
416. Яковлев Н.Н. ЦРУ против СССР. М., 1979.
417. Bailey G., Kondraschow S.A., Murphy D. Die unsichtbare Front. Der Krieg der Geheimdienste im geteilten Berlin. Berlin, 1997.
418. Beichman A., Bernstam M. Andropov. New Challenge to the West. N. Y., 1983.
419. Blauvelt T. Abkhazia: Patronage and Power in the Stalin Era // Nationalities Papers. 2007. № 35 (2).
420. Conquest R. Power and Policy in the USSR: The Study of Soviet Dynasties. London, 1961.
421. Conquest R. Power and Policy in the USSR: the struggle for Stalin's succession, 1945-1960. N.Y., 1967.
422. Edward G. Memories. Warsaw, 1993.
423. Gaddis J.L. We Now Know: Rethinking the Cold War. Oxford, 1997.
424. Kramer M. The Early Post-Stalin Succession Struggle and Upheavals in East-Central Europe // Journal of Cold War Studies. 1999. Vol. 1.
425. Kramer M. The Transfer of Crimea from Soviet Russia to Soviet Ukraine, 1954 // Wilson Center, Cold War History International Project. 19.03.2014.
426. Mitter A., Wollé S. Untergang auf Raten. Unbekannte Kapitel der DDR Geschichte. München, 1993.
427. Nove A. An Economic History of the USSR (1917-1991). N. Y, 1992.
428. Osterman C. The United States, The East German Uprising of 1953, and the Limits of Rollback. Washington, 1994.

429. Parrish M. The Lesser Terror: Soviet State Security, 1939-1953. London, 1996.
430. Reiman M. Beria, Malenkov und die deutsche Einheit. Deutschland-Archiv. 1999.
431. Semjonow W. Von Stalin bis Gorbatschow. Bin halbes Jahrhundert in diplomatischer Mission 1939-1991. Bri., 1995.
432. Tucker R. The Soviet Political Mind. London, 1972.
433. Weber H. Geschichte der DDR. München, 1985.
434. Zemtsov I. Chernenko: The Last Bolshevik: The Soviet Union on the Eve of Perestroika. London, 1989.
435. Zubkova E. The Rivalry with Malenkov // Nikita Khrushchev. New Haven, 2000.